

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

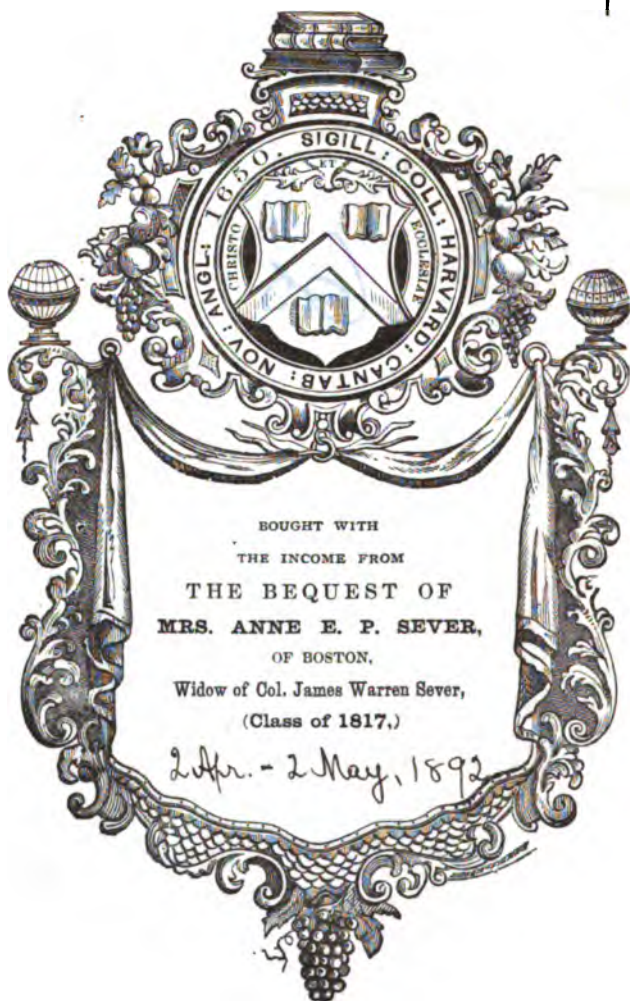
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Stan 176. 25

Bd. Oct. 1892.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИЖА 3-я. — МАРТЪ, 1892.

Стр.

I.—ВАСИЛИЙ ТЕРМИНЪ.—Романъ.—Часть вторая: I-XX. — П. Д. Боборыкина . . .	5
II.—ПИСЬМА С. П. ВОТКИНА ИЗЪ ВОЛГАРИИ.—1877-й годъ.—1-16.	92
III.—ПРОТИВЪ УБѢЖДЕНИИ.—Рассказъ.—А. В. Жиркевича	130
IV.—МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.—II-IV.—Окончаніе.—Ф. П. Булгаева	160
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Лѣтняя ночь.—II. Только тамъ, гдѣ море мелко.—III. Изъ восточныхъ притч.—IV. Вѣнокъ изъ лилій.—V. Жизнь.—VI. Зарница. —Н. М. Гессена	192
VI.—НА АФОНѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—V-VIII.—А. Ф. Брандта	195
VII.—ВЮЛЕТТА МЕРІАНЪ.—Романъ, соч. Ог. Филопа.—IX-XIV.—Окончаніе.—А. Э.	236
VIII.—ИЗЪ ЗИМНИХЪ ПЬЕСЕНЪ.—Стих. В. Булгакова	290
IX.—П. В. АННЕНКОВЪ.—"П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспо- минанія и переписка 1835—1865 гг." Сб. 1892 г.—А. П. Пыпина	301
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Памяти ребенка.—II. Я помню дни.—В. Ладыжен- скаго	344
XI.—ЛЖЕ-ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ и его результаты.—I.—Л. З. Слонимскаго	346
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Новая вариация на старую тему.—II. Погода.—А. М. Жемчужникова	365
XIII.—ХРОНИКА.—По вопросу о призрачнѣ явленіяхъ въ С.-Петербургѣ.—О. Полежаева	370
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ январѣ 1892 г.—Вопросъ объ обязательныхъ общественныхъ заплатахъ и вообще объ обязательномъ крестьянскомъ трудѣ.—Послѣдняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Экономическія нужды петербургской гу- берніи.—Организація земскаго экономическаго дѣла въ московской губерніи. —Отчеты "Новостямъ".—Переѣзды въ лѣтнюю составъ высшего управленія мил. путей сообщенія	380
XV.—ЗАМѢТКА.—"Возвратные" переводы на русскій языкъ въ "Москов- скихъ Вѣдомостяхъ".—Р.	402
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Переѣзды министерства во Францію.—Вопросы внѣшней политики и внутренняго французскаго дѣла.—Политическія партіи и религіозный вопросъ.—Возможныя послѣдствія кризиса.—Препія въ гер- манскомъ имперскомъ сеймѣ, по поводу военныхъ злоупотребленій.—За- стольная рѣчь имп. Вильгельма II.	405
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памятники хрестіанской русской письменности смутнаго времени, т. XIII.—"Историческое Обзоріе", т. III.—Черная яблѣ, Д. Вавларова, и. р. Г. Н. Потанина.—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Н. Шенрока, т. I.—Историческія чтенія М. Масперо.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 5.—А. В.—Толковій тарифъ, Д. Мен- делѣева, вып. 2 и 3.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	416
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Le pessimisme, par L. Jouvin. —II. L'avenir de l'Europe, par C. E. Vigoureux.—Л. С.	435
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Минувала ли крайняя нужда въ павро- лаивыхъ мѣстностяхъ?—Организація помощи въ одной изъ волостей нико- лаевского уѣзда.—Различныя виды помощи и ихъ сравнительное значеніе. —"Гражданинъ" въ попой для него роли.—Земскіе выборы по новому за- кону.—Тридцать-первая годовщина 19-го февраля.—Ф. Л. Барниковъ †.— Окончаніе дѣла по хлѣбной операціи въ городской Душѣ	440
XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—II. Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества	455
XXI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—По Египту и Палестинѣ, Е. Э. Карпа- цова.—Педагогическія сочиненія В. Я. Стожанина.—Изъ эпохи великаго реформъ, Гр. Джалилова.—Въ Сербіи, Г. Н. Бобринкова.—Адресная Книга г. С.-Петербурга на 1892 годъ	

Подписки на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

№ 171. — ТОМЪ СССХХVIII. — 2/3 МАРТА, 1892.

596 - 60
- 2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,	на Вас. Остр., Академич. переулокъ
№ 28.	№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

1892, Apr. 2 - May 2.

S. M. Lunde.

P Slav 176.25

~~Slav 30.2~~

(1902)

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Электрическій свѣтъ красной точкой замигалъ въ матовомъ шарѣ надъ деревянной галереей противъ театра нижегородской ярмарки.

Сумерки еще не пали.

Влѣво полоса зари хоронила свой крайній конецъ за старымъ соборомъ, а правѣе — ее заслоняла мечеть, посылающая къверху свой удлиненный минаретъ.

Съ цѣлой партіей подгулявшихъ подгородныхъ мужиковъ и бабъ Теркинъ поднимался по ступенькамъ и жмурилъ глаза, внезапно облитый мигающимъ сизо-бѣлымъ свѣтомъ.

Онъ вспомнилъ, что Серафима просила его привезти ей два-три оренбургскихъ платка: одинъ большой рублей на десять, да два поменьше рубля по четыре, по пяти. Сейчасъ былъ онъ въ пассажѣ „Главнаго дома“. Тамъ тоже должны торговать мѣщанки изъ Оренбурга, — „тетеньки“, какъ онъ привыкъ ихъ звать, наѣзжая къ Макарію; но у него совсѣмъ изъ головы вылетѣла просьба Серафимы. Тамъ онъ ватерялся въ сплошной толпѣ, двигавшейся взадъ и впередъ по обѣимъ половинамъ монументальной галереи. Главный домъ былъ только-что отстроенъ и открытъ. Теркинъ, пріѣхавшій наканунѣ въ Нижній, попалъ на ярмарку къ вечеру,

*) См. выше: февр. 494 стр.

часу въ шестомъ. Онъ долго любовался зданіемъ со стороны фасада.

Ему полюбилась сразу эта „махииница“—онъ такъ мысленно выразился—съ ея павильонами, золоченой рѣшеткой крыши, облицовкой и окраской. Что-то показалось ему въ ней „индѣйско-венеціанское“, богатое и массивное, отвѣчающее идеѣ восточно-европейскаго торговаго.

Но въ галереѣ ему пришлось жутко отъ празднично-пріодѣтаго „мужичья“. Онъ за этотъ годъ—прошло ровно столько со спуска парохода „Батракъ“—сталъ еще брезгливѣе по части простаго люда, находилъ, что „чумазаго“ слишкомъ распустили, что онъ всюду „претъ“ съ своимъ „неумытымъ рыломъ“. Эти выраженія высказывали у него и въ разговорахъ.

Такъ онъ и не докончилъ обзора галереи Главнаго дома, со всѣхъ сторонъ стѣсненный густой волной народа, глазѣющаго на своды, крышу, верхніе проходы—на одномъ изъ нихъ игралъ хоръ музыки,—на криливо выставленный товаръ, на все, что ему казалось диковинкой. Нѣкоторые мужики и бабы шли съ разинутыми ртами.

Теркинъ даже выбранился, когда вышелъ на площадку передъ бульваромъ, гдѣ стоялъ кружкомъ военный оркестръ. Въ пассажѣ Главнаго дома его давила и нестерпимая жара, несмотря на ея размѣры, отъ дыханія толпы не въ одну тысячу, и отъ лампочекъ, хотя и электрическихъ, уже зажженныхъ въ началѣ восьмого.

Съ бульвара повернулъ онъ вправо, прошелъ по мосту черезъ канаву и направился къ театру. Только тогда вспомнилъ онъ про порученіе Серафимы и сообразилъ, что въ деревянной галереѣ, на той же канавѣ, онъ навѣрно найдетъ „тѣтенекъ“, купить у нихъ платки, потомъ зайдетъ въ одну изъ цирюленъ, съ поклономъ вѣка ютящихся на канавѣ, около театра, гдѣ-нибудь перекусить—онъ очень рано обѣдалъ—и пойдетъ въ театръ смотрѣть Ермолову въ „Маріи Стюартъ“.

Тѣ, кто его встрѣчали года два, даже съ годъ назадъ, нашли бы перемѣны, не рѣзкія, но характерныя на болѣе пристальный взглядъ.

Кромѣ общей полноты, и лицо раздалось, вѣки стали краснѣе, въ глазахъ сложился родъ усмѣшки, то ласковой, то плутоватой, полной сознанія своей силы и удачи; та же усмѣшка сообщалась и рту. Прическу онъ носить ту же; но одѣвался еще франтоватѣе. На немъ поверхъ лѣтней свѣтлой пары накинута было свѣтлое же пальто на полосатой шолковой подкладкѣ.

Не даромъ глаза и ротъ его самодовольно усмѣхались. Въ одинъ годъ онъ уже такъ расширилъ кругъ своихъ оборотовъ, что „Батракъ“, вполнѣ оплаченный, былъ теперь только подспорьемъ. На низовьяхъ Волги удалось ему войти въ сношенія съ владѣльцемъ рыбныхъ ловель и заарендовать, съ начала навигаціи, цѣлыхъ два парохода на Каспійскомъ морѣ и начать свой собственный торгъ съ Персіей. Дѣло пошло чрезвычайно бойко, благодаря его связямъ съ Москвой, съ хозяевами „амбаровъ“ города, изрядному кредиту, а главное—смѣтѣ. Онъ самъ не зналъ прежде, что въ немъ сидѣла такая чисто „купецкая“ способность по части сбыта товаровъ и создаванія новыхъ рынковъ. Объ немъ уже заговорили и въ самыхъ важныхъ амбарахъ стараго Гостиного Двора.

Въ деревянной галереѣ Теркинъ нашелъ почти такую же толкотню, какъ и въ пассажѣ Главнаго дома. Тамъ стояла еще сильнѣйшая духота. И такая же сплошная мужицко-мѣщанская публика толкалась около лавокъ и шкафчиковъ и туго двигалась по среднему руслу отъ входа до выхода.

Издали, слѣва, надъ третьей или четвертой лавкой, замѣтилъ онъ вязанные цвѣтные платки, висѣвшіе у самаго прилавка, вмѣстѣ съ дѣтскими мантильями и капорами изъ бѣлаго и сѣраго пуха—кустарный промыселъ города Нижняго.

Тутъ долженъ быть водъ и оренбургскимъ „тѣтенкамъ“, торгующимъ часто вмѣстѣ съ нижегородскими вязальщицами вещей изъ пуха.

Протискавшись къ прилавку, Теркинъ нашелъ цѣлыхъ двухъ тѣенокъ съ оренбургскими платками. Одна была еще молодая, картавая, худая и съ визгливымъ голосомъ.

Онъ рѣдко торговался, съ тѣхъ поръ, какъ у него стали водиться деньги, но съ послѣдней зимы, когда дѣла его такъ расширились, онъ дѣлался незамѣтно прижимистѣе, даже въ мелочахъ.

— Платочекъ вамъ?—завизжала тѣенка и поспѣшно отерла влажный и морщинистый лобъ.

Она запросила шестнадцать рублей за большой платокъ, съ цѣлую шаль. Теркинъ нашелъ эту цѣну непомерной и упорно началъ торговаться, хотя ему захотѣлось вонъ изъ душной галереи, гдѣ температура поднялась навѣрно до тридцати градусовъ.

Они поладили на двадцати-двухъ рубляхъ съ полтиной за всѣ три платка. Но пакетъ вышелъ довольно объемистый, и Теркинъ сообразилъ, что лучше будетъ его оставить въ трактирѣ,

куда онъ зайдетъ закусить изъ цирюльни, а послѣ театра поужинать и взять пакетъ у буфетчика.

Въ цирюльнѣ ему пришлось немного пождать. Одного гостя брили, другого завивали; хозяинъ, сухощавый, пожилой блондинъ, и его молодецъ, съ наружностью истаго московскаго парикмахера, откуда-нибудь со Вшивой-Горки, въ лимонно-желтомъ галстухѣ и съ чолкой, примазанной фиксауаромъ къ низкому лбу.

Теркинъ присѣлъ на пыльный диванъ, держа въ рукахъ пучокъ разноцвѣтныхъ афишъ. Онъ уже зналъ, что въ театрѣ идетъ „Марія Стюартъ“ съ Ермоловой въ главной роли; но захотѣлъ просмотрѣть имена другихъ актеровъ и актрисъ.

Театральная афиша была не цвѣтная, а бѣлая, огромная, напечатанная по провинціальному—съ разными типографскими украшениями.

Послѣ „Маріи Стюартъ“ шло „Ночное“.

Онъ взглянулъ на фамиліи игравшихъ въ этой пьесѣ. Ихъ было всего трое: два актера и одна актриса.

„Большева!“ выговорилъ про себя Теркинъ.

И тотчасъ же, отложивъ афишу, онъ провелъ ладонью по волосамъ и задумчиво поглядѣлъ въ полуоткрытую дверь на кирпично-красное, тяжелое зданіе театра.

„Большева!“—повторилъ онъ и прибавилъ: „А вѣдь это она? Разумѣется“.

И что-то заставило его встать и пройти по цирюльнѣ.

— Долго еще ждать? — громко спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Сію минуту! — откликнулся хозяинъ. — Только пудры немножко.

Имя „Большева“ запрыгало у него въ головѣ.

Давно ли это было? Лѣтъ пять назадъ. Пріѣхалъ онъ въ Саратовъ. Тогда онъ увлекался театромъ: куда бы ни попадалъ, не пропускалъ ни одного спектакля, ни драмы, ни оперетки. До того времени у него не бывало любовныхъ исторій въ театральномъ мірѣ. Въ труппѣ нашелъ онъ водевильную актрису съ голоскомъ, съ „ангельскимъ“ лицомъ мальчика. Про нее рассказывали, что она барышня хорошей фамиліи, чуть не княжна какая-то: ушла на сцену противъ воли родителей; пока ведетъ себя строго, совсѣмъ еще молоденькая, не больше какъ лѣтъ семнадцать. Ужасно она ему понравилась. Ночей не спалъ; сколько прогулывалъ актеровъ, чтобы только съ ней познакомиться. И знакомство это вышло такое милое, душевное. Еще одна, много дѣтъ недѣли, и навѣрно они бы объяснились. Но его удерживало то,

что она несомнѣнно дѣвушка совсѣмъ порядочная: такъ заѣхали его и пріатели-актеры.

Вдругъ она заболѣваетъ корью. А его патронъ, желѣзнодорожный подрядчикъ, услалъ въ Екатеринбургъ депешей.

— Любезнѣйшій,—спросилъ онъ хозяина цирюльни, садясь въ кресло передъ зеркаломъ.—Вы знаете, гдѣ тутъ актрисы живутъ?.. Навѣрно, въ номерахъ по близости?

— А вамъ кого, господинъ?—солидно осведомился парикмахеръ.

— Госпожу Большеву.

— Надо спросить вонъ въ той гостинницѣ... наискосокъ, вправо отъ театра.

II.

У подѣзда номеровъ, обитаго тикомъ, въ домѣ, полномъ лавокъ, стоялъ швейцаръ въ сѣрой поддевеѣ и картузѣ, довольно грязный, съ маслянымъ, нахальнымъ лицомъ.

— Артистка Большева?—спросилъ его Теркинъ, протягивая руку къ двери, забранной мѣдными прутьями.

— Здѣсь, пожалуйста.

Швейцаръ ухмыльнулся.

— Въ которомъ номерѣ?

— Я васъ провожу. Во второмъ этажѣ.

Они поднялись по чугунной лѣстницѣ.

— Сюда, въ уголъ пожалуйста, — пригласилъ швейцаръ.— Вотъ въ этомъ самомъ, двадцать-восьмомъ номерѣ. Ключъ тутъ. Да я и не видалъ еще ихъ. Въ театрѣ имъ рано...

Уходя, швейцаръ остановился и прибавилъ:

— За безпокойство, ваше сіятельство!

Теркинъ далъ ему на водку, но повторилъ, покачавъ головой:

— За безпокойство! Теплый вы здѣсь народъ!

Онъ постучалъ въ дверь и только-что взялся за ручку, его остановилъ вопросъ:

„А Серафимъ ты скажешь про этотъ визитъ?“

„Отчего же не сказать?“ отвѣтилъ онъ весело и смѣло отворилъ дверь.

Изнутри его никто не окликнулъ.

„Какъ бишь ее зовутъ?“ подумалъ онъ и сразу вспомнилъ: Надежда Федоровна.

Въ темной передней висѣло подъ простыней много всякаго платья.

— Кто тамъ?—спросилъ женскій голосъ, точно спросонокъ. Голоса Теркинъ не узналъ; онъ былъ контральтовый и немного хрипватый.

— Надежда Ѳедоровна у себя?—громко выговорилъ Теркинъ и остановился передъ занавѣской, висѣвшей въ отверстіи перегородки.

— У себя, у себя!.. Кто это?.. Подождите минуточку!..

Послышался скрипъ мебели и стукъ туфель-шлёпальцевъ. Вѣроятно, она лежала и теперь оправляется передъ зеркаломъ.

— Можно?—спросилъ онъ также весело, проникая въ первую половину номера, отдѣленную отъ спальни перегородкой.

— Можно, можно!.. Ахъ, Боже мой! Да кто это?

Актриса выставила сперва одну голову въ скважину портьера, спущенныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Курчавая голова, полная щеки, большіе сѣрые глаза, ласковые и удивленные, и ротъ съ крупными и совсѣмъ бѣлыми зубами—все всплыло передъ Теркинымъ точно въ рамкѣ портрета.

— Надежда Ѳедоровна! Неужто не узнали?

— Ахъ, Боже мой!.. Вася Теркинъ!.. Да?..

Половина портьера распахнулась, и она выскочила въ батистовомъ пеньюарѣ, съ поматою прической. Она показала ему выше ростомъ и втрое выше. Бѣлая шея и пухлыя руки промелькнули передъ нимъ, и онъ еще не взвѣдѣлся, какъ эти пухлыя руки очутились на его плечахъ.

— Голубчикъ! Какъ я рада! Похорошѣлъ ужасно!

Руки спустились и взяли его за локти. И свое полное возбужденное лицо, все еще съ „ангельскимъ“ оттѣнкомъ, она близко-близко подставила къ нему, поднявшись на цыпочки.

— Поцѣлуемся на радостяхъ! Мы вѣдь старые-старые друзья!..

Легкая хрипота въ ея голосѣ не пропадала, но тонъ былъ милый, душевный и простой, слишкомъ даже простой, на оцѣнку Теркина.

Они поцѣловались три раза, по-крестьянски.

И вдругъ она, высвободивъ одну руку, провела ею по своимъ губамъ, какъ дѣлаютъ бабы и деревенскія дѣвки, когда напьются квасу или проглотятъ стаканчикъ водки.

— Скусно!—выговорила она по-волжски и дурачливо покривила носомъ.—Господи! Онъ сконфузился... Чтѣ, молъ, изъ Большой стало. Была великосвѣтская ингенер... а тутъ вдругъ мужикъ-мужиномъ. Эхъ, голубчикъ! Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Моя специальность—бабы да дѣвки. Вотъ сегодня въ „Ночномъ“ увидите меня, такъ ахнете. Это я у васъ на Волгѣ

навострилась, отъ Астрахани до Рыбинска включительно. Ну, садитесь, гость будете!..

Она усадила его рядомъ съ собою на диванъ, держала руку въ его рукѣ, оглядывала его съ гримасами и смѣшливо поводила носомъ.

— Красавецъ-мужчина!.. Нечего и говорить! Не устояшь... Никакъ не устояшь!

Ея курчавая голова, короткій носикъ, ласковые глаза мелькали передъ нимъ и настраивали на игривый тонъ; только онъ все еще спрашивалъ себя: „Неужели это та самая барышня хорошей фамиліи?“

— Да,—выговорилъ онъ, наклоняясь къ ней: — не мало воды утекло. Вонъ вы какая гладкая стали!

— Расплылась? — быстро спросила она серьезнѣе. — Подурнѣла?

— Ужъ сейчасъ и подурнѣла!

— А вѣдь вы, милый человѣкъ, по мнѣ страдали... ась? Помните? У насъ тогда совсѣмъ было дѣло на мази. И почему оборвали вдругъ?

— Забыли?

— Ей Богу! Точно отрѣзало!

Онъ напомнилъ ей, какъ она заболѣла, а его, по дѣламъ, услали въ Екатеринбургъ.

— Вѣрно, вѣрно. Потомъ я объ васъ часто вспоминала... честной человѣкъ! Видите, сейчасъ васъ узнала, вспомнила и фамилію,—а память у меня прескверная становится. Какъ же вы ко мнѣ-то попали? Это очень, очень мило! Пай-мальчикъ! За это можно васъ поцѣловать.

Ея сочныя губы чмокнули его въ щеку и правая рука легла на его плечо.

„Актерка—какъ есть актерка!“—подумалъ Теркинъ.

Онъ видѣлъ, что прежняя Большева умерла. Это уже гулящая бабенка. Скитанье по провинціальнымъ театрамъ вышло въ ней все, съ чѣмъ она пошла на сцену. Но его подмывала въ ней смѣсь распушенности съ добродушнымъ юморомъ. И наружность ея нравилась, но не такъ, какъ пять лѣтъ назадъ,—по другому,—на обыкновенный, чувственный ладъ.

Черезъ пять минутъ они сидѣли еще ближе другъ къ другу. Ея рука продолжала лежать на его плечѣ. Она ему рассказывала про свое житіе. Ангажементы у нея всегда есть. Послѣдніе два сезона она „служила“ въ Ростовѣ, гдѣ нашла хлѣбнаго торговца, глупаго и „во хмелю благообразнаго“. Онъ ее отпу-

стиль на ярмарку и самъ прїѣдетъ къ концу, денегъ даетъ достаточно и даже поговариваетъ о „законѣ“, но она сама не желаетъ.

— Да что это мы все въ сухомытку?—вскричала Большева.— У меня и горло пересохло. Позвоните-ка, голубчикъ.

Пришедшему корридорному она приказала подать сельтерской воды и коньяку.

— Старого! Слышите? Брандахлыста мы пить не будемъ. Въ номерѣ было душно и Теркину хотѣлось пить.

Но когда принесли все, Большева налила себѣ коньяку въ стаканъ больше чѣмъ на треть и выпила духомъ.

Теркинъ поглядѣлъ на нее.

— Вы вотъ какъ?—спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ; съ волками жить—по волчьи вить... Вы плохой питухъ?

— Плохой.

— А я...

Она запнулась и налила себѣ еще коньяку и немножко воды.

— Употребляете?—спросилъ Теркинъ.

Струйка жалости къ бывшему предмету его увлеченія проползла, но тотчасъ же перешла въ нездоровое любопытство: ему хотѣлось знать, насколько она пала.

Глаза ея начали на особый манеръ соловѣть и очень быстро. Онъ догадался, что она выпила на „старыхъ дрожжахъ“, и онъ понялъ ея странную возбужденность съ первой минуты ихъ свиданія.

— Вы что на меня смотрите такъ?—говорила она, наливая себѣ опять коньяку.—Рисоваться передъ вами не хочу: вы паймальчикъ... вспомнили обо мнѣ. Вы видите... я вѣдь пьяница.

Она выговорила это медленно, точно смакуя слова, съ масляными глазами, но спокойно, почти весело.

— Ну, ужъ и пьяница!

— Кабы ты,—она незамѣтно перешла на ты:—кабы ты былъ человѣкъ сурьезный по этой части, ты бы увидалъ, черезъ какую я школу прошла, тамъ, въ Ростозѣ.

— Что вы, что вы!.. Милая, вы это такъ... дурачитесь...

— Нѣтъ, голубчикъ, не дурачусь. Должно быть это... какъ нынче въ умныхъ книжкахъ пишутъ... атавизмъ... паленька держался горечи, даромъ что былъ тонкій баринъ и въ Парижѣ умеръ. Выпьемъ... а?.. Это даже нехорошо. Смотрѣть, какъ я осушаю бутылку, а самому только констатировать фактъ.

Она налила ему и заставила выпить безъ сельтерской воды.

На спиртное онъ былъ довольно крѣпокъ; но коньякъ все-таки дѣлалъ свое... Онъ самъ удивлялся тому, что его не коробить. Большева выпила уже съ добрый стаканъ. Ея порокъ точно туманилъ ему голову...

III.

„Марію Стюартъ“ уже играли, когда Теркинъ предъявлялъ свой билетъ вапелъдинеру, одѣтому въ красную ливрею, спустился въ оркестру и сѣлъ въ одно изъ креселъ перваго ряда.

Зала—глубокая и въ нѣсколько ярусовъ—стояла полуосвѣщенной. Мужскія темныя фигуры преобладали. Голоса актеровъ отдавались глухо.

До появленія героини Теркинъ озирался и невнимательно слушалъ то, что говорилось на сценѣ. Его тотчасъ же начало раздражать нетвердое, плохое чтеніе тяжелыхъ бѣлыхъ стиховъ актрисы, игравшей няньку королевы, напыщенно-деревянныя манеры актера, по провинціальному одѣтаго англійскимъ сановникомъ.

Но когда раздались низкіе, грудные звуки Маріи Стюартъ, онъ встрепенулся и до конца акта просидѣлъ не мѣняя позы, не отрывая отъ глазъ бинокля. Тонъ артистки, лирическая горечь женщины, живущей больше памятью о томъ, кто она была, чѣмъ надеждами, захватывалъ его и вливалъ ему въ душу что-то такое, въ чемъ онъ нуждался, какъ въ какомъ-то горькомъ, но освѣжающемъ лекарствѣ.

Женщина и ея трагическіе акценты вызвали образъ той, кого судьба послала ему въ подруги.

А развѣ въ немъ такая же страсть, какъ въ ней?.. Не больше получаса назадъ онъ цѣловался съ хмельющей бабенкой, которая сама призналась, что она „пьяница“. И если у нихъ не дошло дѣло до конца, то не потому, чтобы ему стало вдругъ противно, тошно...

Она сама потрепала его по щекѣ и сказала:

— Красавецъ-мужчина!.. Знаю, что слѣдовало бы намъ закончить это рандеву честь честью, да стоитъ ли, голубчикъ? Право, лучше будетъ такъ, въ сухую, въ память объ ingénue саратовской труппы, о чистенькой барышнѣ, жертвѣ увлеченія театральнымъ искусствомъ.

Стало быть, у нея зазрѣніе-то явилось, а не у него,—даромъ что она была уже въ винныхъ парахъ и про своего ростовскаго

купца говорила прямо какъ про безобразника, съ котораго брала деньги.

Она же ему сказала:

— Тебѣ пора, поди ужъ играютъ первый актъ. А я немножко всхрапну и къ одиннадцати буду свѣжа какъ роза.

И ему это не очень-то понравилось... Звѣрь-то въ немъ проснулся несомнѣнно и подѣ уволонъ какихъ впечатлѣній? Память о влюбленности въ милую дѣвушку должна бы сдѣлать ему отвратительнымъ всякое сближеніе съ пьющей и павшей бабенкой. А выходило, видно, наоборотъ.

Онъ ни разу не вспомнилъ о Серафимѣ, вплоть до ухода, когда Большева, провожая его въ переднюю, спросила:

— А что это у тебя за пакетъ? Подарочекъ везешь? Кому?.. Про любовныя дѣла вашего степенства я и не разспросила. А надо бы. Покажи, покажи.

Она развернула и увидала оренбургскіе платки.

— Цѣлыхъ три!.. Вотъ у тебя сколько предметовъ!.. Или все одной султаншѣ?

Онъ отшутился въ томъ же вкусѣ, и ему захотѣлось подарить ей одинъ изъ платковъ.

— Который по вкусу придется? Не угодно ли вотъ этотъ, самый крупный?

Въ желаніи сдѣлать ей подарокъ сказалось что-то купецкое: посидѣла, молъ, со мной, поамурилась, угостила—на вотъ тебѣ гостинцу.

— Вотъ эту косыноцеу, коли милость ваша будетъ,—попросила она бабьимъ „цокающимъ“ говоромъ, выбрала одинъ изъ платковъ поменьше и потянулася благодарить его поцѣлуемъ.

— Можетъ, послѣ спектакля встрѣтимся? — спросилъ онъ опять тоже не безъ умысла.

— Приходи... въ заведеніе... противъ театра, гдѣ Илька Огай поетъ... Тамъ есть и кабинетъ-партикуляръ. Поужинаемъ... А коли поздно тебѣ покажется, и не надо.

Весь этотъ разговоръ душилъ его теперь. Онъ думалъ объ ужинѣ съ нею, не боялся того, что она совсѣмъ будетъ „готовая“ даже и послѣ того, какъ платки напомнили ему, для кого онъ ихъ покупалъ и какая красавица ждетъ его дома, шлетъ ему чуть ли не каждый день депеши, тоскуетъ по немъ.

Весь антрактъ просидѣлъ Теркинъ въ креслѣ, перебирая свое поведеніе.

На душѣ стало такъ скверно, что онъ жаждалъ видѣть и слышать Марію Стюартъ—только бы уйти отъ цѣлой вереницы

вопросовъ о своемъ чувствѣ къ Серафимѣ. Вѣдь всего годъ прошелъ, какъ они живутъ вмѣстѣ, всего одинъ годъ!

Игра артистки трогала и волновала его и въ слѣдующихъ актахъ. Онъ даже прослезился въ одной сценѣ. Но въ антрактѣ между четвертымъ и пятымъ дѣйствіями, въ сѣняхъ, гдѣ онъ прохаживался, глядя черезъ двери подъѣзда въ теплую августовскую ночь, чувство его обратилось отъ себя и своего поведенія — къ женщинѣ, къ героинѣ трагедіи и ея соперницѣ, вообще къ суги женскаго „естества“.

Ну, да, онъ самъ недалеко ушелъ отъ перваго гулящаго купчика; да, въ немъ та же закваска, и Серафима, еслибы все видѣла и слышала, имѣла бы право бросить его. Но въ этомъ ли все дѣло? Развѣ женщина — въ какомъ угодно положеніи — не раба своего влеченія къ мужчинѣ? Вотъ вамъ королева, узница, въ двухъ шагахъ отъ смерти, а что въ ней яростно заклокотало, когда она стала бить въ лицо Елизаветѣ — а отъ той зависѣло помиловать или казнить ее — ядовитыя обвиненія?.. Что? Да все то же! Женское естество. Присутствіе любимаго человѣка вызвало нестерпимую обиду, уязвившую не королеву, а мужелюбивую, старѣющую бабенку... Вѣдь ей тогда было сильно за сорокъ, если не всѣ пятьдесятъ.

Въ его ухахъ еще звучали полныя силы и гнѣвнаго трепета акценты артистки. Онъ схватилъ вотъ эти слова своей цѣпкой памятью, за которую въ гимназіи получалъ столько пятерокъ:

„Прикосновеніе незаконной дщери
Тронъ Англіи поворить и мрачить,
И весь народъ британскій благородный
Фигляркою лукавою обмануть!“

Не могутъ онѣ подняться ни до чего выше своей слабости къ мужчинѣ — все равно, какой онъ — герой или пошлякъ, праведникъ или бѣглый каторжный.

И ему стало ясно, чего не хватаетъ въ его связи съ Серафимой. Убѣжденія, что она отдалась ему не какъ красавцу-мужчинѣ, — онъ вспомнилъ прибаутки Большевой, — а „человѣку“. Не онъ, такъ другой занялъ бы его мѣсто, немножко раньше, немножко позднѣе, если взять въ расчетъ, что мужъ ей набилъ оскомину и ограбилъ ее.

Въ ней онъ еще не почуялъ ничего такого, что согрѣвало бы его, влекло къ себѣ душевной красотой. Его она любитъ. Но помимо его — кого и что еще?..

Впервые эти вопросы встали передъ нимъ такъ отчетливо.

Онъ не хотѣлъ оправдывать себя ни въ томъ, что вышло и могло еще выйти у Большевой, ни въ томъ, что успѣхъ дѣльца и любостяжателя выѣдаетъ изъ него всѣ другія, менѣе хищныя побужденія. Но еслибъ онъ самъ вдругъ перемѣнился, сталъ бы жить и поступать только „по-божески“ — развѣ Серафима поддержала бы его? Въ ней-то самой нашелъ ли бы онъ откликъ такому перелому? Она не мѣшала бы ему — и только... чтобы не потерять его, свою „пацу“, своего Васю, какъ пьянчужка-актерка все отдастъ; только бы ее не лишали рюмки коньяку...

Въ пятomъ актѣ Теркинъ уже не могъ отдаться судьбѣ Марин Стюартъ. Ему хотѣлось уйти тотчасъ послѣ большой пьесы, чтобы не смотрѣть на „Ночное“ и не имѣть предлога ужинать съ Большевой.

Искренно выбрали онъ себя и за „свинство“, и за глупую склонность къ душевному „ковырянью“. Лучше бы было наслаждаться до конца игрой артистки.

Въ залѣ еще гулко разносились вызовы; но онъ уже спѣшилъ къ вѣшалкѣ, гдѣ оставилъ вѣстѣ съ пальто и пакетъ съ двумя платками.

— Теркинъ! Здравствуйте!

Его окликнули сзади. Онъ обернулся и увидалъ Усатина, которому капельдинеръ тоже подавалъ пальто.

— Мое почтеніе! Весьма радъ! — выговорилъ онъ не сухо и не особенно радушно.

— Вы куда отсюда? Ужинать?

— Не прочь.

— И прекрасно!.. Поѣдемте въ заведеніе Наумова. Потолкуемъ... Давненько не видались!

— Потолкуемъ, — повторилъ Теркинъ и почувствовалъ, что ему не совсѣмъ ловко съ Усатинымъ.

IV.

— Все Москва! Куда ни взглянешь!

И Усатинъ повелъ жестомъ правой руки, указывая на бѣлую залу, въ два свѣта, довольно пустую, несмотря на часъ ужина.

— Да, скопировано съ Гурьянскаго заведенія, — подтвердилъ Теркинъ.

Они закусывали за однимъ изъ столиковъ у окна.

Низковатая, большая эстрада стояла съ инструментами къ лѣвому углу. Пѣвицы разбрелись по сосѣднимъ комнатамъ. Дѣ-

три сидѣли за столомъ и пили чай. Мужчины хора еще не показывались.

— Москва все себѣ заграбастала,—продолжалъ возбужденнѣе Усатинъ, отправляя въ ротъ ложку свѣжей икры:—и ярмарка вовсе не всемірный, а чисто-московскій торгъ, отдѣленіе Никольской съ ея переулками. И въ чему такіе трактирища съ глупой обстановкой? Хоръ изъ Яра, говорили мнѣ, за семь тысячъ ангажированъ. На чемъ они выручаютъ? Видите—народу нѣтъ, а ужъ первый часъ ночи. Дерутъ анаемски.

Онъ взялъ карту винъ.

— Не угодно ли полюбоваться?.. Губонинское бѣлое вино—три съ полтиной бутылка: Это поощреніе отечественныхъ промысловъ и охранительная торговая политика!

Теркинъ слушалъ его, опустивъ немного голову. Ему было не совсѣмъ ловко. Дорогой, на извозчикѣ, онъ разспрашивалъ про дѣла, поздравилъ Теркина съ успѣхомъ, но про себя ничего еще не говорилъ. „Исторія“ по акціонерному обществу до уголовного разбирательства не дошла; но кредитъ его сильно пошатнулся. Съ прошлаго года они нигдѣ не сталивались, ни въ Москвѣ, ни на Волгѣ. Слышалъ Теркинъ отъ кого-то, что Усатинъ опять выплылъ и чуть ли не мастерить новое акціонерное общество.

Но не хотѣлось имѣть передъ Усатинымъ видъ человѣка, который точно передъ нимъ провинился. Правда, онъ уѣхалъ изъ его усадьбы въ родѣ какъ тайкомъ; но мотивъ такого отъѣзда не трудно было понять: не желалъ пачкаться.

— Такъ вы теперь въ большихъ дѣлахъ?—началъ Усатинъ, какъ бы перебивая самого себя.—И въ одинъ годъ. У кого же вы тогда раздобылись деньжатами,—помните, ко мнѣ въ усадьбу заѣзжали?

Глаза Усатина заискрились. Онъ отправилъ въ ротъ еще ложку икры.

— Раздобылся — отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшкой и тутъ только разсердился на Усатина за такой простой вопросъ.

— Деньги не больно большія были,—добавилъ онъ небрежнымъ тономъ.—И вы, Арсеній Кирилъчъ,—теперь дѣло прошлое—совѣсть мою тогда пытали. Должно быть, хотѣли поглядѣть—поддамся я или пѣтъ?

Такой оборотъ разговора Теркинъ нашелъ очень ловкимъ и внутренне похвалилъ себя.

— Пыталъ?.. Ха, ха!.. Я вамъ, Теркинъ, предлагалъ самую простую вещь. Это дѣлается во всѣхъ „обществахъ“. Но такой ригоризмъ въ васъ мнѣ понравился. Не знаю, долго ли вы съ

нимъ продержитесь. Если да, и богатымъ человѣкомъ будете — исполать вамъ. Только наврядъ, коли въ васъ сидитъ человѣкъ съ дѣловымъ воображеніемъ, способный увлекаться идеями.

— Какъ вы, Арсеній Кирилычъ,—подсказалъ Теркинъ и поглядѣлъ на него исподлобья.

— Да, какъ я! Вы тогда, я думаю, сѣли на пароходъ да дорогой меня честили: „хотѣлъ, молъ, подъ уголовщину подвести, жуликъ, волею въ овечьей шкурѣ“... Что-жъ!.. Оно на то смакивало. Человѣку вы уже не вѣрили, тому прежнему Усатину, которому все Поволжье вѣрило. И вотъ видите, я на скамью подсудимыхъ не попалъ. Если кто и поплатился, то я-же.

— И значительно?

— Ужъ, конечно, половина моихъ личныхъ средствъ ушла на то, чтобы ликвидировать съ честью.

— Нѣшто вы привончили „общество“?

— Нѣтъ, я его преобразовалъ, связалъ его съ эксплуатаціей моего завода и открылъ другіе источники.

— И Дубенскій у васъ находится по прежнему?

Усатинъ слегка поморщился.

— Этотъ ригористъ... почище васъ. Мы съ нимъ разстались. Я на него не въ претензіи за то, что онъ слишкомъ неумѣренно испугался уголовщины.

„Аферистъ ты! Игрокъ! Весь прогорѣшь и проворуешься окончательно. Отъ прежняго Усатина мокренъко не останется!“ — говорилъ про себя Теркинъ, слушая своего собесѣдника.

— Вотъ не угодно ли обследовать этотъ невзрачный кусочекъ?

Усатинъ вынулъ изъ кармана что-то завернутое въ бумагу.

— Что такое?—спросилъ Теркинъ.

— Разверните.

Въ бумагѣ оказался кусочекъ какого-то темноватаго вещества.

— Это мыло! Но изъ чего оно добывается? Вотъ въ этомъ-то вся и штука. Одинъ бельгіецъ-техникъ предложилъ мнѣ свой секретъ. Нигдѣ, кромѣ Америки да нашихъ нефтяныхъ мѣстъ, нельзя съ этимъ кусочкомъ мыла такихъ дѣлъ подѣлать!..

— Ой ли, Арсеній Кирилычъ?

— Я вамъ это говорю!

Усатинъ откинулъ голову; жирное его тѣло заколыхалось, лицо все пошло бликами, глаза заискрились.

„Попалъ на зарубку!“ — подумалъ Теркинъ.

Половой подаль заказанное ими блюдо — стерлядку по-американски. Хоръ запѣлъ какой-то вальсъ. Подъ пѣніе Усатинъ заговорилъ еще оживленнѣе.

— Привилегія уже взята на Францію и Бельгію.

— Вотъ на этотъ самый комочекъ?

— Да, да, Теркинъ! На этотъ самый комочекъ. Послѣ ярмарки ѣду въ Питеръ—тамъ надо похлопотать—и за границу, за капиталами. Идея сразу оцѣнена. Въ Парижѣ денегъ не намъ чета, хоть долгу у нихъ и десятки милліардовъ!

— И въ податяхъ недохватки. И виноградники филоксера выдрала во сколькихъ департаментахъ!

— Никакая филоксера ихъ не подведетъ! Деньжищъ, сбережений—все-таки больше, чѣмъ во всей остальной Европѣ, за исключеніемъ Англіи.

— По теперешнимъ чувствамъ господъ французовъ къ намъ, русскимъ, не мудрено заставить ихъ тряхнуть мощной. Только, скается мнѣ, Арсеній Кирилычъ, вся ихъ дружба и сладость по нашему адресу значитъ одно: „отшлѣпай ты вмѣстѣ съ нами нѣмца“. А когда мы у него Эльзасъ и Лотарингію обратно отберемъ, тогда и дружбу по шапкѣ!

— Очень можетъ быть; но не въ этомъ дѣло. Доходъ съ ренты у нихъ падаетъ; правительство не желаетъ больше трехъ процентовъ платить. А мы имъ восемь-десять гарантируемъ.

— Или, по меньшей мѣрѣ, посулимъ.

Смѣхъ Теркина вырвался у него невольно. Онъ не хотѣлъ подзадоривать Усатина или безцеремонно съ нимъ обходиться.

— Вѣрите мнѣ,—говорилъ ему Усатинъ, передъ ихъ уходомъ изъ трактира, положи локти на столъ, весь распаленный своими новыми планами:—вѣрите мнѣ. Ежели у человѣка, пустившагося въ дѣла, не разовьется личной страсти къ созданію новыхъ и новыхъ рынковъ, новыхъ источниковъ богатства,—словомъ, если онъ не артистъ въ душѣ, онъ фатально кончитъ или совсѣмъ пошлымъ хищничествомъ, или забастуетъ—также пошло—и будетъ себѣ купончики обрѣзывать.

— Позвольте, Арсеній Кирилычъ,—возразилъ Теркинъ:—будто нельзя посмотрѣть на свою дѣлецкую карьеру какъ на средство послужить родинѣ?

Онъ поднялъ голову и пристально поглядѣлъ на Усатина. Собственные слова не показались ему рисовкой. Вѣдь онъ душу свою одному дѣлечеству не продавалъ. Еще у него много жизни впереди. Когда будетъ ворочать милліонами, онъ покажетъ, что не для одного себя набивалъ онъ мощну.

— Родинѣ!

Усатинъ пренебрежительно тряхнулъ своей лысой головой.

— Однако, позвольте,—Теркинъ понизилъ голосъ, но про-

должалъ съ легкимъ вздрагиваніемъ голоса:—вы изволили же въ былые годы служить нѣкоторымъ идеямъ. И я первый обязанъ вамъ тѣмъ, что вы меня поддержали... не какъ любостыжательный хозяинъ, а какъ человѣкъ съ извѣстнымъ направлениемъ.

— Направленіе!—остановилъ его Усатинъ.—Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ,—онъ рѣзнулъ себя по затылку:—и когда эту самую родину изучишь хорошенько, придешь къ тому выводу, что только забывая про всякія цивическія затѣи и можно двигать ею. И вамъ, Теркинъ, тотъ же совѣтъ даю. Не садитесь между двухъ стульевъ, не обманывайте самого себя, не мечтайте о томъ, чтобы подражать дѣльцамъ, какъ во Франціи было изъ школы сенсимонистовъ. Они мнили, что перестроить все общество, во имя гуманности и братства, а кончили тѣмъ, что стали банковскими воротилами. Все это—или пустая блажь, или бессознательная, а то такъ и умышенная фальшь!..

Онъ опять вынулъ изъ кармана бумажку съ кусочкомъ мыла.

— Вотъ я распалился этимъ комочкомъ безъ всякой филантропіи и высшихъ соціальныхъ идей, а цѣлый край будетъ кормиться около этого комочка. Такъ то-съ, батюшка! А за симъ прощайте! Желаю добраго успѣха!.. И знайте, что безъ игрецкаго задора—все окажется мертвечиной!

— Загадывать не стоитъ!—сказалъ, подымаясь отъ стола, Теркинъ.

— Будетъ у васъ идея... настоящая, на которую капиталисты сейчасъ пойдутъ, какъ на удочку—валяйте!.. А понадобится вамъ смѣлка Усатина—идите къ нему... Онъ васъ направитъ, даромъ что вы его подъ сумнѣніемъ держали.

Внизу, на крыльцѣ, они простились пріятельски. Теркинъ пошелъ пѣшкомъ къ станціи желѣзной дороги, гдѣ стоялъ въ нумерахъ.

V.

На площадкѣ передъ рестораномъ „Откоса“ за столиками сидѣла вечерняя публика, наѣхавшая снизу, съ ярмарки,—почти все купцы. Виднѣлось и нѣсколько шляпокъ. Изъ ресторана слышно было пѣніе женскаго хора. По верхней дорожкѣ, надъ крутымъ обрывомъ, двигались въ густыхъ уже сумеркахъ темныя фигуры гуляющихъ,—больше мужскія.

Внизу Волга лежала плоскимъ темноватымъ пластомъ, сдавленная песчаными перекатами. „Телячій Бродъ“, ползущій вдаль,

до Печерскаго монастыря, сѣуживалъ русло неправильной линіей. Луговой берегъ рѣки уходилъ на десятки верстъ, отъ села Боръ, гдѣ бѣлиа церкви еще довольно ярко выплывали на буромъ фонѣ. Кое-гдѣ тусклою отливало въ родѣ небольшихъ лужицъ выемки, не высохшія съ половодья. Подъ самымъ „Откосомъ“ слышалось унылое гудѣніе пара, сигнальныхъ свистовъ. По водѣ, вверхъ и внизъ, разбрелись баржи и расшивы, а пароходы съ цвѣтными фонарями стояли въ нѣсколько рядовъ, бѣлиа своими трубами и длинными рубками на американскій манеръ.

Ночь собиралась звѣздная и безлунная, очень тихая, съ послѣднимъ отблескомъ зари. Въ сторону моста сгустились матчи и трубы и дымка ходила надъ ярмарочнымъ урочищемъ. Влѣво взглядъ забиралъ только кругозоръ до Егорьевской башни Кремля, замыкавшей наверху всю панораму.

На самой вышкѣ, у обрыва за кустами, стоялъ Теркинъ.

Онъ только-что пріѣхалъ съ ярмарки нарочно на прощанье съ Нижнимъ посидѣть на „Откосѣ“. Видъ оттуда рѣки былъ ему неизмѣнно дорогъ, а на этотъ разъ его влекло и довольно жуткое душевное настроеніе, съ какимъ онъ возвращался домой, туда, въ посадъ „Чернуха“, на низовьяхъ, гдѣ они съ Серафимой провели зиму.

Въ немъ, съ того ярмарочнаго вечера, когда онъ побывалъ на „Марин Стюартъ“ и поужиналъ съ Усатинымъ, закопошилось что-то новое и вмѣстѣ очень старое. Сквозь довольство своими дѣлами и въѣдавшіеся въ него порывы самолюбія, любованія своей удачей и смѣткой, повадокъ пріобрѣтателя и хозяина, онъ распознавалъ смутное недовольство многимъ, такъ что въ него забралось тревожное желаніе разобраться и въ чувствахъ къ Серафимѣ, въ ея натурѣ и убѣжденіяхъ.

Ночь и рѣчная даль навѣвали на него пріятную унылость. Не было уже охоты „ковырять“ въ душѣ и разстроивать свой созерцательный „стихъ“.

Вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, у самаго обрыва на скамейкѣ сидѣлъ кто-то.

Теркинъ поглядѣлъ туда, и взглядъ его остановился на спинѣ плотнаго мужчины, сидѣшаго къ нему въ полъ-профиля. Эта спина, и волосы, и фуражка показались ему знакомыми.

„Кузьмичевъ?“ — умственно спросилъ онъ, но не тотчасъ обликнулъ его.

„Онъ и есть!“ — утвердительно отвѣтилъ себѣ Теркинъ.

Капитана „Бирюча“ онъ не видалъ въ этотъ пріѣздъ и какъ

будто избѣгалъ этой встрѣчи. Ему еще съ конца прошлой навигации было извѣстно, что Кузьмичеву грозило дѣло по жалобѣ Перновскаго за самовольную высадку съ парохода. Дошло до него и письмо Кузьмичева великимъ постомъ, гдѣ тотъ обращался къ нему, какъ къ вліятельному пайщику ихъ товарищества, рассказывалъ про измѣнившееся къ нему отношеніе хозяина парохода, просилъ замолвить за него словечко, жаловался на необходимость являться къ судебному слѣдователю, намекалъ на то, — но очень сдержанно, — что Теркинъ, быть можетъ, захочетъ дать свое свидѣтельское показаніе, — а оно было бы ему „очень на руку“.

Это письмо Теркинъ оставилъ безъ отвѣта. Сначала хотѣлъ отвѣтить, черезъ два дня уѣхалъ надолго въ Астрахань и совсѣмъ забылъ про него.

„А вѣдь я свински поступилъ!“ — пронизала его мысль, когда онъ снова оглядѣлъ фигуру Кузьмичева.

— Андрей Ѳомичъ! — негромкимъ, но звучнымъ голосомъ назвалъ онъ капитана, подошелъ къ нему сбоку и прикоснулся рукой къ его плечу. — Вы это?

— А-а, Василій Ивановичъ!

Кузьмичевъ быстро поднялся съ мѣста, снялъ картузь и не сразу пожалъ протянутую ему руку, охваченный неожиданностью появленія Теркина.

— Созерцаете? — спросилъ тотъ, не выпуская его руки. — И я тоже... Вы никакъ пришли сверху?

— Точно такъ... Сегодня утромъ.

— Пустите-ка меня на скамеечку! — сказалъ Теркинъ.

Они оба присѣли.

— Надолго ли къ намъ? — спросилъ Кузьмичевъ.

Глаза онъ отвелъ въ сторону. Въ его тонѣ Теркинъ слышалъ съѣзженность, какой прежде никогда не бывало.

„Считаетъ меня пошлякомъ“, — подумалъ онъ: — „и, по своему, правъ“.

— Я завтра въ обратный путь. И весьма радъ нашей встрѣчѣ, Кузьмичевъ. Какъ это хорошо, что меня надоумило поѣхать на „Откосъ“!

Кузьмичевъ все еще не глядѣлъ на него.

— Съ „Батракомъ“ мы, Василій Ивановичъ, разминулись выше Юрьевца... Ходокъ отличный, даже завидки берутъ, когда на такой скверной посудинѣ, какъ „Бирючь“, валандаешься.

Про себя онъ, видимо, не хотѣлъ заводить рѣчь сразу.

— Кузьмичевъ!—окликнулъ Теркинъ на другой ладъ.—Вы гдѣ на меня въ сердцахъ?

— Я, Василій Ивановичъ?

— А то нѣтъ?

— Въ сердцахъ... Это невѣрно сказано, а только...

— Стойте—я за васъ доскажу... Въ прошломъ году, помните, когда вы меня провожали при спускѣ „Батрака“... въ ваше положеніе я недостаточно вошелъ... Знаете, въ чадѣ хозяйскаго торжества... И на письмо ваше не отвѣтилъ. Въ этомъ чисто-сердечно каюсь. Не то чтобы я струсилъ... а зарылся. Вотъ настоящее слово. И вы въ правѣ считать меня... ну, да слово сами приберите.

— Вы ужъ слишкомъ, Василій Ивановичъ!—заговорилъ Кузьмичевъ, и тутъ только его обыкновенно смѣшливые глаза обратились къ Теркину съ болѣе искреннимъ привѣтомъ.—Канючить я не люблю, а положеніе мое—изъ-за той глупой исторіи съ Перновскимъ такъ покачнулось, что просто и не знаю, какъ быть.

— Чтѣ вы!

— Вашихъ компаньоновъ вы рѣдко видите. Мой патронъ труса празднуетъ—и меня, можно сказать, ни чуточки не поддерживалъ... И ежели бы у меня съ нимъ не контрактъ—онъ бы меня, еще прошлой осенью, расцѣлъ и оставилъ бы на зиму безъ всякаго продовольствія. Наше дѣло—сами знаете, какое. Конечно, другіе лѣтомъ копятъ на зиму, а я не умѣю, да къ тому же у меня семья... Цѣлыхъ четыре души. Какъ-то совѣстно такіа нищенскія фразы употреблять; но это фактъ... Въ ноябрѣ контрактъ срокъ, и принципалъ меня удерживать не станетъ. Да это еще бы съ полагорья... А вотъ гадость... Подсудность эта гнусная. Положимъ, слѣдователь парень хорошій, онъ такъ ведетъ слѣдствіе, чтобы все на нѣтъ свести... Но тотъ Іуда-Искаріотъ... уже успѣлъ свою ябеду распустить... Изъ Питера сюда—запросъ, насчетъ моего недавняго прошлаго. Меня уже два раза „ко Іисусу“ таскали—къ генералу: здѣсь архаровцами-то генералъ, а не полковникъ завѣдуетъ. Того гляди, угодишь въ отъѣздъ по казенной надобности. И мой принципалъ ужъ, конечно, меня выдастъ головой, да и остальные не поддержать... Я былъ той вѣры, Василій Ивановичъ, что только вы—человѣкъ другого покроя. Тѣмъ болѣе, что ваше, напримѣръ, показаніе дало бы окраску всему происшествію. А матросы—мои подчиненные. Прокурорскій надзоръ ихъ заподозрить.

Рѣчь его прервалъ короткій смѣшокъ—точно онъ хотѣлъ сдержать волненіе; стыдно стало своего малодушія.

Но Теркинъ, слушая его, все время повторялъ себѣ: „Да вѣдь кто же Перновскаго-то разъярилъ, кто былъ зачинщикомъ всей исторіи? Ты—и больше никто! Развѣ Кузьмичевъ одинъ впутался бы? Тебѣ и надо поддерживать его“.

— Вотъ чтò я вамъ скажу, Кузьмичевъ,—искренней нотой началъ онъ, кладя ему руку на колѣно:—Спасибо за то, что вы меня человѣкомъ другого покроя считаете... И я передъ вами кругомъ виноватъ. Зарылся... Одно слово!.. Хорошо еще, что можно наладить дѣло. Угодно, чтобы я отъявился къ слѣдователю? Для этого охотно останусь на сутки.

— Вотъ бы чудесно!

Кузьмичевъ круто повернулся къ Теркину и взялъ его руку своими обѣими.

— Это давно была моя обязанность. А насчетъ мѣста вамъ нечего смущаться. Только бы вамъ здѣсь пакости какой не смастерили административнымъ путемъ... Дотянете до ноября—милости просимъ ко мнѣ.

Наплывъ хорошихъ, смѣлыхъ чувствъ всколыхнулъ широкую грудь Теркина. Онъ подумалъ сейчасъ же о Серафимѣ. Какъ бы она одобрила его поведеніе? И не могъ отвѣтить за нее... Кто ее знаетъ? Быть можетъ, съ тѣхъ поръ онъ и „зарылся“, какъ сталъ жить съ нею...

Но ему отраднѣе было въ ту минуту уважать себя, сознавать способность на хорошій поступокъ, чѣмъ выгораживать передъ собственной совѣстью трусливое „себѣ на умѣ“.

— Не знаю, право, Василий Ивановичъ, какъ и...

— Ничего!..—прервалъ онъ Кузьмичева.—Знайте, Андрей Ѳомичъ, что Василий Теркинъ—сдается мнѣ—никогда не промѣняетъ вотъ этого мѣста—и онъ приложился пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди—на мѣдный пятакъ. Да и добро надо помнить! Вы меня ласкали и тогда, когда я еще только выслуживался, не смѣшивали меня съ дѣлческимъ людомъ... Андрей Ѳомичъ! Вѣдь въ жизни есть не то что фатумъ, а совпаденіе случайностей... Вотъ встрѣча съ вами здѣсь, на обрывѣ „Откоса“... А хотите знать: она-то мнѣ и нужна была!

Порывисто вскопчилъ Теркинъ.

— Спустимся внизъ, въ ресторанъ. Надо намъ бутылочку распить...

Кузьмичевъ, отъ волненія, только крикнулъ по-волжски:

— Айда!

VI.

— Милый, милый!

Серафима цѣловала его порывисто, глядѣла ему въ глаза, откидывала голову назадъ и опять принималась цѣловать.

Они сидѣли позднимъ утромъ на террасѣ, окруженной съ двухъ сторонъ лѣсомъ... На столѣ кипѣлъ самоваръ. Теркинъ только-что пріѣхалъ съ пристани. Серафима не ждала его въ этотъ день. Неожиданность радости такъ ее всколыхнула, что у нея совсѣмъ подвосились ноги, когда она выбѣжала на крыльцо, за-видѣвъ экипажъ.

— Сама-то давно ли вернулась?—спросилъ онъ послѣ новыхъ, болѣе тихихъ ласкъ.

— Я ужъ три дня здѣсь, Вася! Такъ стосковалась, хотѣла въ Нижній ѣхать, депешу тебѣ слать... радость моя!

Опять она стала душить его поцѣлуями, но спохватилась и поднялась съ соломеннаго диванчика, гдѣ они сидѣли.

— Вѣдь ты голоденъ! Тебѣ къ чаю надо еще чего-нибудь! Степанида!

Она заходила по террасѣ около стола. Теплый свѣтъ, сквозъ наружныя маркизы, ласкалъ ея гибкій станъ, въ полосатомъ, батистовомъ пеньюарѣ, съ открытыми рукавами. Волосы, завитые крупной золотой булавкой на маковкѣ, падали на спину волнистой густой прядью.

Теркинъ любовался ею.

Но мысль его перескочила быстро къ армареѣ, къ номеру актрисы Большевой, гдѣ они, какихъ-нибудь пять дней назадъ, тоже цѣловались... Онъ вспомнилъ все это и огорчился тѣмъ, что уколъ-то совѣсти былъ не очень сильный. Его не бросило въ жаръ, не явилось неудержимаго порыва признаться въ своемъ рыхломъ, нечистоплотномъ поведеніи.

И на эту женщину, отдавшуюся ему такъ беззавѣтно, онъ глядѣлъ глазами чувственника. Вся она вызывала въ немъ не глубокую сердечную радость, а мужское хищное влеченіе.

Онъ тотчасъ же сталъ внутренно придирается къ ней. Ея красота не смиряла его, а начала раздражать. Лицо загорѣлое, съ янтарнымъ румянцемъ, онъ вдругъ нашелъ цыганскимъ. Ея пеньюаръ, голыя руки, раскинутые по спинѣ волосы—дѣлали ее слишкомъ похожей на женщину, созданную только для любовныхъ утѣхъ.

Горничной Степанидѣ—тихой, немолодой дѣвушкѣ—Сера-

фима отдала приказаніе насчетъ закуски и сейчасъ же вернулась къ нему и начала его тормошить.

— Васюньчикъ мой!.. Пойдемъ туда, подъ сосны... Пока тебѣ подадутъ поѣсть... Возьми съ собой стаканъ чаю... Тамъ вонъ, сейчасъ за калиткой... На хвоѣ какъ хорошо!..

Онъ принялъ ея слова за приглашеніе отдаться новымъ ласкамъ, и не обрадовался этому, а съѣжился.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ неискренней усмѣшкой: — побудемъ здѣсь... Экъ тебѣ не сидится!

На террасѣ было очень хорошо. Ее отдѣлялъ отъ опушки узкій цвѣтничокъ. Нѣсколько другихъ дачъ, по одной сторонѣ перелѣска, въ полумерстѣ дальше, прислонились въ лощинѣ къ опушкѣ этого лѣса, шедшаго на сотни десятинъ. Онъ принадлежалъ казнѣ; а дачи были выстроены на свой счетъ двумя инженерами, докторомъ да адвокатомъ. Одного изъ инженеровъ перевели, — онъ уступилъ свою Теркину еще ранней весной. Съ тѣхъ поръ Серафима жила здѣсь почти безвыѣздно, часто одна, когда онъ отлучался недѣлями. Зимой они проводили то здѣсь, то тамъ; жили въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Астрахани. Скитанье по гостиницамъ и меблированнымъ комнатамъ менѣе ее тяготило, тѣмъ одинокое житье на этой дачѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ богатаго приволжскаго посада, гдѣ у нея не было никого знакомыхъ. Ей сдавалось, что Теркинъ продолжаетъ ѣжитья отъ ихъ нелегальнаго положенія. Правда, онъ долженъ былъ разѣзжаться по своимъ дѣламъ; но ему, видимо, не хотѣлось устроиться домомъ ни въ Москвѣ, ни въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ. Онъ, конечно, боялся за нее, а не за себя. Но эта деликатность стѣсняла ее. Мужъ ее не преслѣдовалъ, — кажется, забылъ и думать о ея существованіи. Его перевели куда-то за Москву. Ихъ никто не беспокоилъ. Она жила по своему гимназическому диплому. Но нигдѣ, ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ, онъ не выдавалъ ее за жену, и это его стѣсняло.

Серафима недавно, передъ тѣмъ, какъ онъ собрался въ Нижний, а она къ своей матери, сказала ему въ шутиливомъ тонѣ:

— Вася! Ты все еще за меня смущаешься?.. Чтѣ я Анна Каренина, что-ли? Супруга сановника? Какое кому дѣло, вѣнчаны мы или нѣтъ, и что господинъ Рудичъ — мой мужъ?.. Коли ты въ законъ вступить пожелаешь, — когда разбогатѣемъ, предложимъ ему отступного, вотъ и все!

Онъ тогда ничего ей не отвѣтилъ, ни въ шутку, ни серьезно; но теперь она ему какъ-то особенно рѣзко казалась ничуть непохожей на жену всѣмъ своимъ видомъ и тономъ. И онъ не

могъ освободиться отъ этихъ ненужныхъ и расхолаживающихъ мыслей.

Вмѣстѣ съ Степанидой что-то принесъ для стола варликъ, въ сѣрой парѣ изъ бумажной матеріи, очень маленькій, съ бѣлокурой большою дѣтскою головою, безбородый, румяный, на короткихъ ножкахъ, такъ что онъ переваливался съ боку на бокъ.

Ему было уже подъ-тридцать. Звали его Парфенъ Чурилинъ. Теркину онъ понравился въ Казани, въ парикмахерской, и онъ его взялъ себѣ въ услуженіе. Серафима его не любила и скрывала это. Она дожидалась только случая, чтобы спустить „варлу“. Бухарка уже донесла ей, что онъ, тайно, „заливаетъ за галстухъ“, только изловить его было трудно.

— Чурилинъ! Какъ изволите поживать?—обратился къ нему Теркинъ, державшійся съ нимъ всегда шуточнаго тона.

— Слава Богу, Василій Ивановичъ. Благодарю покорно.

Голосъ у варлика былъ не пискливый, а низковатый и тусклый, точно онъ выходилъ изъ большого тѣла.

Чурилинъ поставилъ на столъ приборъ, причемъ его маковка пришлась въ уровень съ бортомъ, приковылялъ къ Теркину, еще разъ поклонился ему, по-крестьянски, мотнувъ низко своей огромной головою, и хотѣлъ приложиться къ рукѣ.

— Не надо!—выговорилъ Теркинъ и отдернулъ руку.

Но въ преданность варлика онъ вѣрилъ и чувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ ласковой заботы о собачкѣ, которая съ каждымъ днемъ все больше привязывается къ хозяину.

— Ступай, неси судокъ, да не растеряй пробки!

Серафима намекала на то, что накануне у него выпала пробка изъ бутылочки съ уксусомъ. Чурилинъ, и безъ того красный, еще гуще покраснѣлъ. Онъ былъ обидчивъ и помнилъ всякое замѣчаніе, а еще сильнѣе насмѣшеу надъ его ростомъ. Въ работѣ хотѣлъ онъ всегда отличиться дѣльностью и все исполнялъ серьезно, всякую малость. И это Теркину въ немъ очень нравилось.

— Такой варпышъ! — говаривалъ онъ:—а сколько серъезу! Для него все важно!

Степанида и Чурилинъ еще разъ пришли и ушли. Теркинъ крикнулъ даже:

— Довольно! Нечего больше таскать!

Но когда они остались вдвоемъ съ Серафимой и она стала заливать ему чай и угощать разной домашней снѣдью, онъ ощутилъ опять неловкость послѣ ея вопроса: „какъ веселился онъ у Макарія“.

Онъ сталъ рассказывать довольно живо про театръ, про

„Марію Стюартъ“, про встрѣчу съ Усатинымъ и Кузьмичевымъ, но про встрѣчу съ Большевой умалчалъ и сдѣлалъ это уже безъ всякаго колебанія.

„Стоитъ въ этомъ каяться!“ — окончательно успокоилъ онъ себя.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ онъ передалъ подробно; не скрылъ и того, что былъ у судебного слѣдователя, по дѣлу о Перновскомъ.

Всю эту исторію Серафима слышала въ первый разъ.

— Ты почему же мнѣ никогда не говорилъ про это, Вася?.. — спросила она его спокойно, совсѣмъ не тономъ упрека.

— Почему?.. Да не пришлось какъ-то!.. Право слово, Сима!.. Все это вышло какъ разъ передъ нашей встрѣчей. До того ли мнѣ было!

— Развѣ мало мы провели времени на „Сильвестрѣ“, передъ тѣмъ какъ тонуть?..

Этотъ вопросъ вышелъ у нея уже тревожаще.

— Или, быть можетъ, не хотѣлъ тебя смущать, портить первыхъ дней нашего тогдашняго житія... И то, пожалуй, что я не люблю вспоминать про исторію моего исключенія изъ гимназіи...

Изъ этой исторіи Серафима знала далеко не все: ни его притворнаго сумасшествія, ни наказанія розгами въ селѣ Кладенцѣ.

— Конечно, конечно!

Глаза ея потускнѣли. Она потянулась къ нему лицомъ и поцѣловала въ лобъ.

— Только вотъ что, Вася, — продолжала она потише и вдумчивѣе: — какъ бы тебѣ не впутаться въ лишнюю неприятность... Кузьмичевъ одинъ въ отвѣтъ.

— Да вѣдь онъ и не выгораживаетъ себя.

— Ну, такъ что-жъ?..

— Какъ же ты не хочешь понять, Сима! — Теркинъ началъ краснѣть: — я довелъ Перновскаго до зеленого змѣя — это первымъ дѣломъ; а вторымъ — я видѣлъ, какъ онъ полѣзъ на капитана съ кулаками, и мое показаніе было очень важно... Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что теперь дѣло кончится пустяками.

— И ты Кузьмичеву пообѣщалъ мѣсто?

— Счелъ это порядочнымъ поступкомъ.

— Да не ты ли говорилъ какъ-то, что онъ хорошій малый, но съ лѣнцой!

— У меня будетъ исправенъ!

Она замолчала, но онъ видѣлъ, что въ ней женская „без-

принципность" брала верхъ, и уже не впервые. Въ его дѣла она не вмѣшивалась, но каждый разъ, какъ онъ вслухъ при ней обсуждалъ свои дѣловые поступки, она становилась на сторону „купецкаго разсчета“ и не поддерживала въ немъ *того* Теркина, который не позволялъ ему сдѣлаться бездушнымъ „ждомъ“.

— Эхъ, Сима!—вырвалось у него.—Растяжимая совѣсть у вашей сестры!.. Не хочешь понять меня!

— Понимаю!—порывисто кривнула она.—Вася!.. Ты всегда и во всемъ благороденъ! Прости!.. Мы—женщины—трусихи!.. За тебя же боюсь...

И она бросилась его цѣловать, не дала ему доѣсть куска. Онъ долженъ былъ отвести ее рукой и чуть не подавился.

VII.

— Закормила ты меня, Сима! Кажется, я злоупотребилъ этимъ варенцомъ...

Теркинъ бросилъ на столъ салфетку и весь потянулся.

— Курить хочешь? Спички есть? Я сейчасъ принесу...

— Есть, есть!..

Откинувшись на спинку соломеннаго кресла, онъ прищурилъ глаза и ушелъ взглядомъ въ чашу лѣса за частиковъ цвѣтника.

— Экая здѣсь у насъ благодать!—выговорилъ онъ тронутымъ звукомъ.—А! Сима!..

— Да, милый.

— Ты поддакиваешь, а, сдается мнѣ, безъ убѣжденія.

— Почему же?

— Не больно ты, Сима, охотница до мѣстныхъ-то дебрей. Да и насидѣлась, бѣдная, въ этомъ захолустѣ. А меня хлѣбомъ не корми, только пусти въ лѣсъ. Не знаю самъ, право, что ближе моей душѣ: Волга или лѣсъ.

Онъ раскрылъ глаза—они глядѣли своими большими темными зрачками—и ласкали ими стройные, крупные стволы сосенъ, выходявшихъ изъ поросли чернолѣсна-орѣшника и кустовъ лѣсныхъ мелкихъ породъ.

— Для этого надо родиться,—тихо отвѣтила Серафима, но не начала жаловаться на скуку, хотя частенько скучала тутъ, на этой опушкѣ, въ его отсутствіе.

Ему бы хотѣлось поговорить на свою любимую тему, но онъ воздержался, зная, что Серафима не можетъ войти въ его душу

по этой части, что она чужда его безкорыстной любви къ родной рѣкѣ и къ лѣсному приволью, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣчалъ.

— Что же ты про матушку-то свою не скажешь мнѣ ничего? Какъ живетъ-поживаетъ? Чѣмъ занята? Она вѣдь—сколько я ее по твоимъ словамъ разумѣю—натура цѣльная и дѣятельная.

— Да чтѣ, Вася,—Серафима точно прервала себя и присѣла къ нему поближе:—мамаша вѣдь опять къ старой вѣрѣ повернула.

— Чего повертывать? Она и всегда была въ ней.

— Они съ отцомъ и со мною,—прибавила она, улыбнувшись:—въ единовѣріи состояли. Ты знаешь?

— А теперь?

— Прежде они вѣдь безпоповской вѣры были... Вотъ старая-то закваска и сказала. Отъ одиночества что-ли или другое чтѣ... только она теперь съ сухарниками держится.

— Съ кѣмъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Съ сухарниками... Потѣха! Это, видишь, такіе же безпоповцы... Только у нихъ бѣглыхъ поповъ нѣтъ... Надоѣла возня съ ними... Дорого стоютъ, полиція травитъ и безобразіе отъ нихъ идетъ большое.

Теркинъ слушалъ съ интересомъ и то-и-дѣло взглядывалъ на Серафиму. Она говорила съ веселымъ выраженіемъ въ глазахъ и ея алый ротъ складывался въ смѣшливую мину.

— Что же это значить сухарники?.. Я въ толкъ не возьму...

— погоди, Вася! Я тебѣ объясню... только все это со стороны—просто потѣха!..

— Почему же потѣха?—строже спросилъ онъ.—Каждый по своему вѣритъ. Лучше это, чѣмъ никакого закону не знать и никакого предѣла для того звѣря, который въ насъ сидитъ.

— Милый! Да ты послушай и говори потомъ... Развѣ это не жалко: мать—умная женщина, всегда была съ царемъ въ головѣ—и вдругъ въ такое изувѣрство удариться!

И не давая ему возразить, она, опять съ насмѣшливой миной, заговорила быстро:

— Сухарники они—вотъ почему. Отъ какого-то старца—тамъ гдѣ-то на Иргизѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, ужъ не знаю—ихъ начетчикъ получилъ мѣшочекъ съ сухарями. Ими онъ причащалъ. Поповъ, молъ, бѣглыхъ, не наберешься, и повѣрье, молъ, такое—и сіе во спасеніе...

— Чтѣ жъ эти сухари-то обозначаютъ?

— Запасные, видишь, дары.. Какъ это называется—агнецъ что-ли?

— А-а! И потомъ что?

— Вася! Ты точно сказку слушаешь... Ха, ха!

— Вовсе нѣтъ, Сима... Это очень занятно. Я всегда про расколъ любилъ узнавать.

— Охота!.. Такъ вотъ, видишь, старецъ-то, какъ помирать сталъ, и оставилъ мѣшочекъ начетчику, — разумѣется, мужику... фамилію я забыла... И началъ этотъ мѣшокъ съ сухариками переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного начетчика въ другому, по завѣщанію. Разумѣется, прежніе-то кусочки, отъ агнца-то, давно перевелись, а только крошки запекали въ просвиры и рѣзали потомъ на новые кусочки и сушили.

— Вотъ оно что!

— И кому удавалось захватить этотъ самый мѣшочекъ, тотъ и дѣлался столбомъ благочестія и выше всякаго наставника... Вотъ теперь тамъ, у насъ, мѣшочекъ хранится у одной старой хрычовки...

— Серафима! Почему же хрычовки?

— Да потому, что я ее знаю. Еще дѣвочкой ее видала... Старушенція-то въ дѣвахъ пребываетъ... Зовутъ ее Глафира Власьевна. Простая мѣщанка; торговлишка была плохенькая, а теперь разжилась. И какъ бы ты думалъ... Все ихъ согласіе передъ ней, какъ передъ идоломъ, преклоняется... Въ молебнѣ земные поклоны ей...

— И мать твоя также?

— И она!.. Ну какъ-же не жалко и не обидно за нее?.. Я было-пробовала стыдить ее, такъ она, кажется, въ первый разъ въ жизни такъ разсердилась... Просто вся затряслась... А ты послушай дальше, какія штуки эта баба-яга выдѣлываетъ...

Серафима встала и начала ходить по террасѣ, заложивъ руки за спину. Теркинъ слѣдилъ за ней глазами и оставался у стола.

— Что-жъ дѣлать!.. — выговорилъ онъ съ жестомъ головы. — Какъ ты сказала, Сима: старая дрожжи всплыли... Вѣроятно, и то, что она тайно считала переходъ въ единовѣріе измѣной, и захотѣла загладить вину и за себя, и за мужа.

— Ужъ не знаю, Вася, но вотъ ты сейчасъ увидишь, до какого безобразія и шутовства это доходить... Какъ подойдетъ великій постъ и начнется говѣнье, у нихъ на каждый день полагается тысячу поклоновъ...

— Тысячу! — вскричалъ Теркинъ.

— А ты какъ бы думалъ? И какихъ! Не такъ, какъ у никоніанцевъ, — она произнесла это слово, нахмуривъ нарочно брови:

— а какъ слѣдуетъ. Маменька называетъ: „съ растаженіемъ суставовъ“. Понимаешь? ха, ха!..

— Понимаю. Для нихъ это не смѣшно.

— Вѣдь она не молоденькая... Ты вотъ какой у меня богатырь... А положи-ка ты въ день тысячу земныхъ поклоновъ, перебери на лѣстовкахъ-то, сколько полагается, бубенчиковъ...

— Какихъ такихъ?

— Зарубочекъ... Ты видалъ раскольниковъ лѣстовки?

— Какъ же... У насъ въ Кладенцѣ—тоже вѣдь безпоповцы... Чуть ли не по бѣглому священству.

— Кладутъ они поклоны... Совсѣмъ разомлѣютъ, спину отобьютъ... Соберутся къ исповѣди... и причастія ждуть... Наставникъ выйдетъ и говоритъ: „Глафира, молю, Власьевна, которымъ соизволила выдать кусочки, а которымъ и не прогнѣвайтесь“... И пойдутъ у нихъ вопли и крики... А взбунтоваться-то не смѣютъ противъ Глафиры Власьевны. Одно средство—ублажить ее, вымолить на колѣняхъ, черезъ всякія униженія пройти, только бы она смиловалась...

— Неужели и мать твоя такимъ же манеромъ?

— Она у ней и днюетъ, и ночуетъ. И меня хотѣла вести туда, да я прямо отрѣзала ей: „ужъ вы меня, маменька, отъ этихъ благоглупостей освободите“.

— Неужели такъ и сказала: „благоглупостей“?

— Такъ и сказала.

— Напрасно.

— Чтò это, Вася! Ты сегодня точно нарочно меня дразнишь! Съ какой стати!.. Ты, сколько я тебя понимаю, такъ далеко отъ подобнаго дремучаго изувѣрства...

— Это дѣло ея совѣсти.

Теркинъ тоже всталъ, отошелъ къ периламъ и сѣлъ на нихъ.

— Да вѣдь досадно и больно за мать!.. Помилуй, она теперь только и спитъ, и видитъ, какъ бы ей отъ Глафиры мѣшочекъ достался, когда та умирать станетъ. Она ужъ начала ей подарки дѣлать, начетчиковъ и уставщиковъ угощаетъ, навѣрно и денегъ даетъ... Я побаиваюсь, чтобы они и совсѣмъ ее не обработали... На мельницѣ арендаторъ—тоже безпоповецъ и въ моленной у нихъ одинъ изъ заправилъ... Хоть ты бы когда заѣхалъ, вразумилъ ее!..

— Нѣтъ, Сима,—серьезно и вѣско сказалъ Теркинъ:—я въ эти дѣла вмѣшиваться не буду. Мать твоя вольна дѣйствовать, какъ ей совѣсть указываетъ. По міру она не пойдетъ... У насъ есть чѣмъ обезпечить ее на старости.

— И опять же, Вася, она и меня, безъ всякой надобности смущаетъ.

— Чѣмъ же? Вѣдь ты въ ихъ согласіе не поступишь!

— Не этимъ, конечно... А на счетъ все той...

Она загнулась.

— Кого?—недоумѣвалъ Теркинъ.

— Да Калерьевной доли!..

Теркинъ поморщился.

— Зачѣмъ ты, Сима, такъ называешь Калерію Порфирьевну? Это для тебя слишкомъ... какъ бы помягче выразиться... некрасиво.

— Ну, хорошо, хорошо! Ты вѣдь знаешь, что мать была на моей сторонѣ и не допускала, чтобы то, что отецъ оставилъ, пошло только ей.

— А теперь, выходитъ, стала по другому думать?

— Все изъ-за святости! Хочетъ въ наслѣдницы къ Глафирѣ попасть! Удостоиться быть хранительницей мѣшочка съ сухарями!

— Сима! Такъ неладно... говорить о матери, которая въ тебѣ души не чаяла. Я ее весьма и весьма понимаю. Она ушла теперь въ себя, хочетъ очиститься отъ всякой грѣховной нечистоты, отъ всякаго суетнаго стяжанія. Сухарики или другое что, но это протестъ совѣсти, и мы должны отнестись къ нему съ почтеніемъ. Тутъ не одно суевѣріе...

Глаза Серафимы сверкнули. Она остановилась, прямо къ нему лицомъ, и вскинула по воздуху правой рукой.

— И все это не то! Она и на Калерію-то виды имѣетъ. Надо, молъ, ее ублажить, подѣлиться съ ней по-божески, тронуть ее христіанской добродѣтелью и привлечь къ своей вѣрѣ.

— Что-жъ, каждый фанатикъ такъ поступаетъ и чувствуетъ.

— Ты самъ говоришь: фанатикъ!

— Фанатизмъ-то—умные люди писали—верхъ убѣжденности, Сима!

— Ахъ, полно!

Она подошла къ нему, опустила на его плечо обѣ руки, поцѣловала его въ лобъ и затуманилась.

— Да что-жъ ты такъ волнуешься?—спросилъ онъ довольно ласково.

— А то, Вася, что я не хотѣла нашу встрѣчу разстраивать... и думала отложить непріятный разговоръ до завтра. А къ этому подошло...

— Какой еще разговоръ?

— Я здѣсь письмо нашла, когда вернулась. Отъ нея.

— Отъ кого?

— Да отъ Калеріи же. Изволить извѣщать о своемъ пріѣздѣ.

— Вотъ какъ!

Теркинъ поднялся и отошелъ въ ступенькамъ террасы.

— Сима!—окликнулъ онъ.—Покажи мнѣ это письмо, если тамъ особыхъ тайнъ нѣтъ.

— Изволь! Хоть сейчасъ! Лучше ужъ это поскорѣе съ плечъ спустить!

Она побѣжала въ комнаты.

VIII.

Между краснѣющими стволами двухъ сосенъ, у самой калитки, вѣлана была доска для сидѣнья. Теркина потянуло туда, въ тѣнь и благоуханіе.

Онъ быстро спустился съ террасы, пересѣкъ цвѣтникъ, вошелъ въ лѣсъ и присѣлъ на доску. Серафима его увидитъ и прибѣжитъ сюда. Да тутъ и лучше будетъ говорить о дѣлахъ—люди не услышатъ.

Это была его первая мысль, и она его ударила въ краску.

Сейчасъ же недовольство, похожее на нытье зубовъ, поднялось у него на сердцѣ. То, чтó и какъ ему говорила Серафима, по поводу этого письма Калеріи, ея тонъ, выраженія насчетъ матери оставили въ немъ тошнотный осадокъ и напомнили—уже не въ первый разъ—тайное участіе въ ея поступкѣ съ двоюродной сестрой.

Чего же выгораживать себя? Онъ—ея сообщникъ. Она ему отдала двѣ трети суммы, завѣщанной старикомъ Безпаловымъ своей племянницѣ. Положимъ, онъ выдалъ ей вексель, даже настоялъ на томъ, зимой; но онъ зналъ прекрасно, откуда эти деньги. Имѣлъ ли онъ право распорядиться ими? Вѣдь она ничего не писала Калеріи. Цѣлый почти годъ прошелъ съ того времени, и онъ не спросилъ Серафиму, знаетъ ли Калерія про смерть дяди, писала ли ей она или мать ея?

Какого же еще сообщничества?

Его глаза затуманеннымъ взглядомъ остановились на фасадѣ дачи, построенной въ видѣ терема, съ пѣтушками на острыхъ крышахъ и башенкой, гдѣ онъ устроилъ себѣ кабинетъ. Вѣдь здѣсь они не живутъ, а скрываются. И дѣла его пошли бойко на утаенныя деньги, и та, кого считаютъ его женой, украдена имъ у законнаго мужа.

„Воровская жизнь!“

Эти два слова выскочили въ его головѣ сами собой, какъ ясный откликъ на тревогу совѣсти.

„Да, воровская!“ — повторилъ онъ уже отъ себя, и не сталъ больше прибѣгать ни къ какимъ „смазываньямъ“ — такъ онъ называлъ всякіе неискренніе доводы въ свое оправданіе.

„Надо очиститься — и сразу!“ — рѣшилъ онъ, безъколебаній, и такое быстрое рѣшеніе облегчило его, высвободило сразу изъ-подъ несносной тяжести.

Въ дверяхъ террасы показалась Серафима. Она торопливо оглянулась вправо и лѣво, не нашла его и прищурилась, ища его глазами въ цвѣтникахъ.

Ея гибкій станъ сталъ пышнѣе, волосы, закинутые на спину, давали ея красотѣ что-то и вызывающее, и чрезвычайно живописное. Въ другое время онъ самъ бы бросился къ ней цѣловать ее въ искристые, чудные глаза.

Въ ту минуту онъ нисколько не любовался ею. Эта женщина несла съ собою новую позорящую тревогу, неизбежность объясненія, гдѣ онъ долженъ будетъ говорить съ нею, какъ съ своей сообщницей, и навѣрно выслушаетъ отъ нея много ненужного, рѣзкаго, увидитъ опять, въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, растяжимую совѣсть женщины.

И едва-ли не впервые созналъ онъ, что красота еще не все, что чувственное влеченіе не владѣетъ имъ всецѣло.

— Гдѣ ты? — окликнула Серафима со ступенекъ террасы.

— Здѣсь, на заваленкѣ! Въ лѣсу!

— Отличное мѣсто!

Она скоро подошла, легко скользя подъемистыми ногами, въ атласныхъ туфляхъ, по мягкой хвоѣ, и поцѣловала его въ волосы.

— Подвинься! Будетъ мѣста и на двоихъ.

Двоимъ было такъ тѣсно, что ея плечо плотно уперлось въ его грудь.

Онъ опустилъ глаза и проговорилъ очень тихо:

— Нашла письмо?

— Вотъ оно.

Она держала письмо въ лѣвой рукѣ, высвободила правую и развернула листокъ, въ осмужку, исписанный крупнымъ, разгонистымъ, скорѣе мужскимъ почеркомъ.

— Хочешь прочту? — спросила она.

— Затѣмъ! я самъ.

Руки Калеріи онъ до тѣхъ поръ не видалъ. Разбиралъ онъ ее свободно. Серафима положила голову на его лѣвое плечо и

слѣдила глазами вдоль строкъ, перечитывая письмо уже въ четвертый разъ.

— Видишь, Вася, отъ великихъ-то идей сестрица грамотности все-таки не добыла. Пишетъ „пуститься въ путь“ безъ мягкаго знака въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Ахъ, Сима!

Теркинъ мотнулъ головой.

„Этакая у женщины злоба!“ подумалъ онъ. Замѣчаніе Серафимы было слишкомъ ужъ невеликодушно. Придираться къ ошибкамъ, да еще къ такой мелкой—и въ письмѣ, гдѣ онъ, съ первыхъ же строкъ, распознавалъ отличнаго „человѣка“! Калерія писала просто, безъ всякихъ подходовъ и намековъ, извѣщала о своей поѣздкѣ на Волгу. Оказывалось изъ этого письма, что тетка написала ей о смерти старика Безпалова, но нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе. Она, должно быть, со стороны слышала, что ей достались какія-то деньги, бывшія въ дѣлахъ у дяди послѣ отца; но она на этомъ не останавливалась, какъ на главномъ содержаніи своего письма. Скорѣе, она мечтала о чемъ-то, завести что-то такое на родинѣ, для чего надо бы раздобыться небольшимъ капиталомъ. Ей очень хотѣлось навѣстить и тетку,—той она писала въ одинъ день съ Серафимой. Видно было, что ей извѣстна исторія двоюродной сестры; но опять-таки никакихъ нескромностей не было въ письмѣ, ни фразъ дешеваго либеральничанья.

Теркинъ ожидалъ чего-нибудь слащаваго, поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ на евангельскій манеръ, но и этого не оказалось. Такъ могла писать только искренняя, добродушная женщина, далеко не безграмотная, хотя и не твердая въ мягкихъ знакахъ.

Онъ довольно долго читалъ всѣ четыре страницы и на нѣкоторыхъ строкахъ останавливался. За нимъ нетерпѣливо слѣдила Серафима.

— Значить,—выговорила она, поднимая голову съ его плеча: —Калерія Порфирьевна пожалуйтъ сначала сюда, а потомъ прослѣдуетъ къ мамашѣ.

— Можетъ, завтра будетъ въ Посадѣ, коли выѣхала въ тотъ самый день, какъ назначила себѣ.

— И вдругъ здѣсь плюхнется гостить!—вырвалось у Серафимы.

Слово „плюхнется“ заставило его поморщиться.

— Какъ же намъ ее не принять?—спросилъ онъ серьезно, и по его глазамъ Серафима увидала, что онъ совсѣмъ не въ такихъ чувствахъ, какъ она.

— Мнѣ пускай,—только гдѣ же мы ее помѣстимъ?

— А наверху? Тамъ вѣдь есть цѣлая комната.

— Наверху—ты...

— Что-жъ изъ этого?

Взглядъ его договорилъ: „неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ не нравится твое поведеніе?“

Теркинъ всталъ, отстранилъ ее слегка плечомъ и отошелъ къ слѣдующему стволу.

— Нѣшто это ударъ грома, что-ли, пріѣздъ Калеріи Порфирьевны?.. Къ нему надо было готовиться. Да, судя по ея письму, она совсѣмъ не такая особа, чтобы бояться отъ нея какихъ-нибудь каверзъ.

— Въ тихомъ омутѣ...

— Полно, Серафима! Эго наконецъ некрасиво! На что ты злишься! Дѣвушка васъ любитъ, ничего не требуетъ, хочетъ, видимо, все уладить мирно и благородно... А мы—я говорю: мы, такъ какъ и я тутъ замѣшанъ—мы скрыли отъ нея законнѣйшее достоинство и ни строчки ей не написали до сегодня. Надо и честь знать!

Пальцы правой руки его нервно начали отковыривать кору сосны.

Серафима тоже поднялась. Ея глаза заблестѣли. На щекахъ явилось по красноватому пятну около ушей.

— Такъ по твоему выходить,—начала она глухо, какъ будто у нея перехватывало въ горлѣ:—мы обязаны ей въ ножки хлопнуться, какъ только она вотъ на эту террасу войдетъ, и молить о помилованіи?

— Повиниться надо, первымъ дѣломъ!

— Глупости какія!

— Не глупости, Серафима, не глупости!—голосъ его звучалъ строже.—Это дѣло вашей совѣсти попросить у нея прощенія; мать твоя, навѣрно, такъ и поступила; но тутъ я замѣшанъ. Я сознательно воспользовался деньгами, взялъ ихъ у тебя, выдалъ документъ не ей, не Калеріи Порфирьевнѣ, а тебѣ, точно ты ихъ собственница по праву. Беру всю вину на себя... Но деньги эти отдамъ ей, а не тебѣ,—не прогнѣвайся!

— А гдѣ ты ихъ возьмешь? Есть ли онѣ у тебя вотъ въ настоящую минуту?.. Изъ десяти слишкомъ тысячъ, что у меня на рукахъ остались, одной трети также нѣтъ.

— Додадимъ!

— Додашь три-четыре тысячи, а не двадцать!.. Что ты хорохоришься, Вася,—у тебя капитала нѣтъ, и всѣ твои новыя дѣла держатся пока однимъ кредитомъ!

— Мало ли что! Заложу „Батрака“. Онъ у меня чистый... Предложу пока документъ. Не бойся, тебя не выдамъ; прямо скажу ей, что ты, по добротѣ ко мнѣ, ссудила меня.

— Чужими деньгами!.. Не хочу я этого! Ни за что! Чтобы Калерія сочла тебя за какого-то темнаго афериста и меня же стала жалѣть да на благочестивую жизнь сбивать?.. Ты не имѣешь права такъ грязнить себя передъ ней... И все изъ-за чего? Изъ какой-то нелѣпой гордости! Это фордыбаченье называется, а не честность! Мамаша тоже отъ себя подбавить. Разрѣшится надъ Калеріей, повинится ей, чтобы ей самой легче было свое скитское поканіе приносить... А потомъ у Калеріи выманить тысячу-другую на какую-нибудь богадельню для безпоповскихъ старухъ, выжившихъ изъ ума!.. Въ васъ изувѣрство, а не любовь. Не умѣете вы любить! Вотъ что!

Грудь ея пошла волнами, руки выдѣлывали круги въ воздухѣ, волосы совсѣмъ распустились по плечамъ.

— Сима!—сказалъ Теркинъ строго, стоя все еще у дерева:—совѣсти своей я тебѣ не продавалъ... Мой долгъ—не только самому очиститься отъ всякаго облыжнаго поступка, но и тебя довести до сознанія, что такъ не гѣже, какъ покойный батюшка Иванъ Прокофѣичъ говорилъ въ такихъ дѣлахъ.

— Не бывать этому! Не бывать! Я не позволю тебѣ сражаться передъ Калерѣйкой!

Не желая разрыдаться передъ нимъ, Серафима побѣжала къ террасѣ и не замѣтила, какъ выронила изъ рукъ письмо Калеріи.

Теркинъ увидалъ это, тихо подошелъ, поднялъ, сѣлъ опять на доску и сталъ вчитываться въ письмо—и ни разу не взглянулъ вслѣдъ своей подругѣ.

IX.

На полъ-пути лѣсомъ расплылась глинистая, развѣзженная дорога. Глубокія колѣи шли по нѣскольку въ рядъ. Справа и слѣва вились тропки между порослями рабины и орѣшника.

По одной изъ тропокъ Теркинъ шелъ часу въ шестомъ вечера. Жаръ еще не спадалъ. День, хоть и въ августѣ, задался знойный.

За раннимъ обѣдомъ они опять крупно поговорили съ Серафимой. Она не сдавалась. Ея злобу къ Калеріи нашелъ онъ еще нелѣпѣе, замолчалъ къ концу обѣда, поднялся къ себѣ наверхъ, гдѣ не могъ заснуть, и ушелъ въ лѣсъ по дорогѣ въ деревню

Миронову, куда онъ давно собирался. Узнать онъ въ Нижнемъ, что тамъ въ усадьбѣ проводить лѣто жена одного изъ пайщиковъ его пароходнаго товарищества.

Онъ очень бы радъ просидѣть тамъ весь вечеръ, если заста-
нетъ то семейство, и вернуться попозднѣе.

Стычка съ Серафимой—по счету первая за весь годъ. Это даже удивило его. Значить, онъ самъ сильно опомѣлъ, и ей не въ чемъ было уступать ему или противорѣчить. Не раздраженіе запало въ немъ, а тяжесть отъ раздумья. Онъ поступить такъ, какъ сказалъ еще утромъ. Никакой стачки, никакого „воровского“ поступка онъ не допустить. Но въ этомъ ли одномъ дѣло?

Сегодня онъ зачуялъ ясно свое душевное одиночество. Сера-
фима—его любовница, но не подруга. Изъ двоихъ Теркиныхъ, что борются въ немъ безпрестанно, она не поддержитъ того, ко-
торый еще блюдетъ свою совѣсть.

Въ Серафимѣ начиналъ онъ распознавать яркій образецъ
теперешней „распуты“ (это слово онъ употребляетъ не въ пер-
вый разъ сегодня, а выучился ему у одного инженера, когда ходилъ
въ нарядчикахъ). Онъ—крестьянскій приемышъ. Она—дочь такихъ
же мужиковъ, пробравшихся въ купечество, да еще раскольниковъ.
А что они изъ себя представляютъ? Ихъ обоихъ кинула нынѣш-
няя жизнь въ свалку и можетъ закрутить такъ, что и на каторгѣ
очутись.

Не уголовщины онъ боится. Онъ себя самого ищетъ; не хо-
четъ онъ измѣнять тому, что въ него своимъ житіемъ вложилъ
отецъ его по духу Иванъ Прокофьевъ Теркинъ. Голосъ правды
всегда поднимается въ немъ вмѣстѣ съ образомъ покойнаго. Его
рослая и своеобразная фигура всплываетъ передъ нимъ, и онъ
точно слышитъ его рѣчь съ волжскимъ оканьемъ, съ раскатами
его горячихъ обличеній и сѣтованій на мірскую неправду, на
хищную „мразь“, овладѣвающую всѣмъ. Но себя самого разгля-
дывать трудно. На живомъ существѣ, съ которымъ связалъ себя,
выходить яснѣе. Года достаточно было, чтобы распознать въ Се-
рафимѣ кровное дитя всеобщей русской „распуты“. Она его
страстно любить—и только. Эта любовь едва-ли пересоздастъ ее.
Ни разу не начала она съ нимъ говорить о своей душѣ, на чемъ
держится ея жизнь, есть ли у нея какой-нибудь „законъ“—глу-
пый или умный, къ какому исходу вести житейскую ладью, во
что выработать себя—въ женщину ли съ правилами и упованіями,
или просто въ бабенку, не знающую ничего, кромѣ своей утѣхи:
будь то связь, кутежъ, франтовство или другая какая блажь.

Да, она—кровное дитя распуты, разлившейся по нашимъ

городамъ. Ее такою сдѣлалъ теперешній губернский городъ, его кутежи, оперетка, клубы, чтеніе всякаго грязнаго вздора, насмѣшки надъ честностью, строгими нравами, родительской властью, надъ всѣмъ, что нынче каждый карапузикъ-гимназистъ называетъ „глупымъ идеализмомъ“. Студенты—такого же сорта. Отъ мужчинъ—офицеровъ, адвокатовъ, чиновниковъ, помѣщиковъ—дѣвочка-подростокъ научается всякимъ гадостямъ, привыкаетъ безстыдно обращаться съ ними, окружена безпрестанными скандалами, видитъ продажность замужнихъ женъ, слушаетъ про то, какъ нынче сходятся и расходятся мужья и жены, выплачиваютъ другъ другу „отступное“, выходятъ снова замужъ, а то такъ и послѣ развода возвращаются къ прежней женѣ или мужу.

Разводъ! Серафима за цѣлый годъ ни разу серьезно не разобладала съ нимъ своего положенія. Каковъ бы ни былъ ея муженецъ, но вѣдь она убѣждала отъ него; нельзя же имъ безъ срока состоять въ такой „воровской жизни“, какъ онъ сегодня про себя выразился тамъ, въ лѣсу, передъ калиткой палисадника? Она не хочетъ приставать къ нему, впутывать его въ счеты съ мужемъ, показывать безкорыстіе своей страсти. Но вѣдь положеніе-то отъ этого не мѣняется. Надо же его выяснить, и ему первому не слѣдъ играть роль безнаказаннаго похитителя чужихъ женъ.

Значитъ, надо прикрыть все бракомъ?

Этого вопроса онъ не испугался. Онъ пошелъ бы на женитьбу, еслибъ такъ слѣдовало поступить. Но зачѣмъ обманывать самого себя?.. И въ брачной жизни Серафима останется такою же. Пока страсть владѣетъ ею—она не уйдетъ отъ него; потомъ—онъ не поручится. Даже теперь, въ разгарѣ влеченія къ нему, она не постыдилась высказать свое злобное себлюбіе. Предайся онъ ей душой и тѣломъ—у него въ два-три года вмѣсто сердца будетъ мѣдный пятакъ—и тогда они превратятся въ закоренѣлыхъ сообщниковъ по всякой житейской пошлости и грязи.

Отъ раздумья лицо Теркина блѣднѣло. Онъ шелъ по лѣсной дорожкѣ замедленнымъ шагомъ. Не могъ онъ отрѣшиться отъ надвигавшихся на него грозныхъ итоговъ и не рѣшался еще ни на какой безповоротный приговоръ.

Къ красивой и пылкой женщинѣ онъ еще не охладѣлъ, какъ мужчина. Да и человѣку въ этой женщинѣ онъ хотѣлъ бы сочувствовать всѣмъ сердцемъ. И не могъ. Она его не согрѣвала своей страстью. Точно онъ уперся сегодня объ стѣну.

Часамъ къ шести Теркинъ вышелъ на опушку. Передъ нимъ на много десятинъ легла порубка и обнимала горизонтъ. За

мелкими кустами и рядомъ срубленныхъ пней желтѣло жнивье, поднимавшееся немного на пригорокъ.

Эта порубка вывела его сразу изъ раздумья. Ему стало жалко лѣса, какъ всегда и вездѣ. Но онъ, минутою спустя, сообразилъ, что, вѣроятно, эта порубка сдѣлана правильно. Онъ даже слышалъ про это отъ своего кучера. Лѣсъ былъ казенный и шелъ на десятки верстъ—наполовину хвойный, наполовину чернолѣсъе—къ тому краю, гдѣ онъ теперь шелъ.

Его отклонило въ сторону завѣтной мечты: наложить руку на лѣсные угоды, тамъ, въ костромскихъ краяхъ. Ему вспомнилась тотчасъ же усадьба съ паркомъ, сходящимъ къ Волгѣ, на которую онъ глядѣлъ нѣсколько часовъ жадными глазами съ колокольни села, куда отецъ возилъ его.

Все это еще не ушло отъ него. Устья и верховья Волги будутъ служить его неизмѣнной идеѣ—бороться съ гибелью великой русской рѣки.

И эти же бодрящія мысли вернули его опять къ своей связи съ Серафимой. Начиналъ онъ при ней мечтать вслухъ о томъ же—она слушала равнодушно или видѣла въ этомъ только хищническій барышъ, алчное купецкое чувство наживы или тщеславіе.

Онъ миновалъ порубку и вошелъ на старую опушку лѣса. Тутъ проселокъ вѣзался между двумя жнивьями. Слѣва давно уже сжали рожь; направо, нѣсколько подалѣе, сизыми волнами протянулось нѣсколько загонновъ ярового.

На одной полосѣ уже началось жнитво. Двѣ бабы, въ рубахахъ и повойникахъ, ныряли въ овесъ, круто нагиная спины и взмахивали въ воздухѣ серпами.

Такъ онѣ работали навѣрно съ пятого часа утра. Одна изъ нихъ связала снопъ, положила его къ остальной копнѣ, выпрямила спину и напилась чего-то изъ горшка.

Солнце жаркаго заката было ей прямо въ лицо—потное и бурое отъ загара.

Опять жнитво съ бабами отнесло его къ дѣтству, въ томъ селѣ Кладенцѣ, которое ему давно опостылѣло.

„Вотъ она, страда!“—подумалъ онъ и остановился на перекресткѣ, откуда жницы видѣлись только своими согнутыми спинами.

Жалость, давно заснувшая въ немъ, закралась въ сердце,—жалость все къ той же мужицкой долѣ, къ непосильной работѣ, къ нищенскому заработку. Земля тощая, урожай плохой; сжатая десятины ржи кажутъ рѣдкую солому; овесъ, что бабы ставятъ въ копны—низкій и не матерый.

Все та же тягота!

Его потянуло въ деревню. Дороги онъ не зналъ какъ слѣдуетъ. Она должна лежать на берегу рѣчки, лѣвѣе, а внизу, по ту сторону моста—село и церковь. Такъ рассказывалъ ему вучерь.

Съ перекрестка Теркинъ взялъ вправо, прошелъ съ полъ-версты, сталъ оглядываться, не видать ли гдѣ гуменъ, или сада, или крыши помѣщичьяго дома. Говорили ему, что передъ деревней идетъ глубокой оврагъ съ дубовымъ лѣскомъ.

Ничего не было видно. Теркинъ прошелъ еще сажень со сто. На озимой пашнѣ работали мужикъ. Стояла телѣга. Должно быть, онъ сѣялъ и собирался уже шабашить.

Онъ началъ его звать. Мужикъ, молодой парень, въ розовой рубахѣ и сапогахъ, не сразу услышалъ его, а скорѣе замѣтилъ, какъ онъ манить его рукой.

Мужикъ подбѣжалъ безъ шапки.

— Какъ пройти въ Мироновку?—спросилъ Теркинъ.

Тотъ началъ сильно вертѣть ладонью правой руки, весь встряхивался и мычалъ.

Онъ набрелъ на глухонѣмого.

— Ну, ладно! Не надо! Извини!—выговорилъ Теркинъ, и ему стало какъ бы совѣстно за то, что онъ подзывалъ этого бѣднягу.

„А вѣдь она мучится!“—подумалъ онъ тотчасъ послѣ того. „И то сказать,—мнѣ не пристало нервничать какъ барышнѣ. Я долженъ быть выше этого!“

Въ Мироновку онъ такъ и не попалъ, а пошелъ назадъ, къ порубкѣ. Ходьбы было не больше часа. Въ восьмомъ часу, къ чаю, онъ будетъ на дачѣ.

Глухонѣмой поглядѣлъ на него удивленными и добрыми глазами и вернулся къ телѣгѣ.

Х.

— Куда Василій Ивановичъ пошелъ, въ какую сторону?

Серафима спрашивала карлика Чурилина на крыльцѣ, со стороны воротъ.

Тотъ шелъ изъ кухни, помѣщавшейся отдѣльно, во флигелькѣ.

— Не могу знать, Серафима Ефимовна.

Чурилинъ заслонилъ себѣ глаза дѣтской своей ручкой и тотчасъ же началъ краснѣть. Онъ боялся барыни и ждалъ, что она вотъ-вотъ „забарнится“.

— Какъ же ты не знаешь? Кто-нибудь да видѣлъ.

— Степанида Матвѣвна, можетъ, видѣли?

— Нѣтъ, не видала... Кучеръ гдѣ?

— Кучера нѣтъ... Повелъ лошадей на хуторъ, подековать никакъ.

— Ахъ ты, Господи!

Черезъ переднюю и гостиную Серафима выбѣжала на террасу, гдѣ они утромъ такъ цѣловались съ Васей.

Онъ скрылся. Никто не видалъ, куда онъ пошелъ по дорогѣ, къ посадѣ или лѣсомъ.

Внутри у ней все то кипѣло, то замирало... Она въ первый разъ рыдала въ спальнѣ, уткнувъ голову въ подушку, чтобы заглушить рыданія.

За обѣдомъ Вася не сказалъ ей ни одного ласковаго слова. Протяни онъ ей руку, взгляни на нее помягче—и она, конечно, бы „растаяла“.

Потомъ, когда она выплакалась, то подумала: „оно, пожалуй, и лучше, что за столомъ не вышло примиренія“. Она не можетъ уступить ему, не хочетъ, чтобы онъ выказалъ себя передъ той „хлыстовской богородицей“—она давно такъ зоветъ Калерію—жуликомъ, воромъ, приносить ей такое же „скитское покаяніе“, о какомъ теперь сокрушается ея мать, Матрена Ниловна.

Но вотъ уже больше получаса, какъ она затосковала по Васѣ, поднималась къ нему навверхъ, сбѣжала внизъ и начала метаться по комнатамъ... Страхъ на нее напалъ... Мелькнула мысль, что онъ совсѣмъ уйдетъ, не вернется или что-нибудь надъ собою „создворить“.

На террасѣ она ходила отъ однихъ перилъ къ другимъ, глядѣла подолгу въ затемнѣвшую чашу, не вытерпѣла и пошла черезъ калитку въ лѣсъ и сейчасъ же опустилась на доску, между двумя соснами, гдѣ они утромъ жались другъ къ другу, гдѣ она положила свою голову на его плечо, когда онъ читалъ это „поганое“ письмо отъ Калеріи.

Опять начало сжимать ей горло. Сейчасъ заплачетъ.

„Нѣтъ, не надо! Не стоитъ онъ!“

Она сдержала себя, встала и тихими шагами пошла бродить по лѣсу, вскидывая глаза то вправо, то влѣво, не мелькнетъ ли гдѣ свѣтлый костюмъ Василя Ивановича.

Страхъ за него, какъ бы онъ не сгинулъ, смѣнили обида и обвиненіе въ чемъ-то въ родѣ измѣны.

„Ну, положимъ,—говорила она мысленно,—мы съ матерью удержали Калерьевны деньги; но почему? Потому что мы считали это обиднымъ для насъ. Опять же я никогда не говорила ему,

что Калерія изъ этого капитала не получитъ ни копѣйки!.. Подѣлись! Вотъ что!“

На такой защитѣ своего поведенія Серафима запнулась.

„Я ее не извѣстила о наслѣдствѣ,—продолжала она перебирать:—да, не извѣстила. Но дѣло тутъ не въ этомъ. Вѣдь онъ-то, небось, самъ зналъ все отлично; онъ, небось, принялъ отъ меня—положимъ, займы—двадцать тысячъ, пароходъ на это пустилъ въ ходъ и въ одинъ годъ разжился?.. А теперь—нате-подите—изъ себя праведника представляетъ, хочеть подавить меня своей чистотой!.. Надо было о праведномъ житѣ раньше думать, все равно, что маменькѣ моей. Заднимъ-то числомъ легко каяться!“

Эти доводы казались ей неотразимыми.

Какъ же не обидно послѣ того, что онъ разомъ и называетъ себя ея „сообщникомъ“, и хочеть выдать ее Калерію, а себя выгородить, чтобы она же передъ нимъ умилилась, какой онъ божественный человекъ!

Изъ этого круга выводовъ Серафима не могла выйти. Она его любить, душу свою готова положить за него, но и онъ долженъ поддерживать ее, а не предавать... И кому? Калерьѣ!

„Мужъ да жена—одна сатана“,—вспомнила Серафима свою поговорку и весь разговоръ на дачѣ подъ Москвой, когда она разсѣяла всѣ его тогдашнія шепетильности и убѣдила взять у нея двадцать тысячъ и ѣхать въ Сормово—спускать пароходъ „Батракъ“.

Кажется, благороднѣе было бы упереться тогда, оставить пароходъ зазимовать въ Сормовѣ и раздобыться деньгами на сторонѣ.

Начало свѣжѣть, пошли длинныя тѣни... Она все еще бродила между соснами. Опять тоска стала проползать ей въ грудь. Куда идти ему на встрѣчу?.. Къ Мироновѣ? Онъ, кажется, говорилъ что-то про владѣльцевъ усадьбы.

Невыносимо ей дѣлалось такъ томиться. Она вошла въ комнаты. Гостиная, какъ и остальные комнаты, осталась въ деревѣ, съ драпировками изъ бухарскихъ бумажныхъ одѣялъ, просторная, съ вѣнской мебелью. Пянино было поставлено въ углу между двумя жардиньерками.

Запахъ сосновыхъ бревенъ освѣжалъ воздухъ. Серафима любила эту комнату рано утромъ и къ вечеру.

Нервно открыла она крышку инструмента, опустила на табуретъ и начала тихую, до нельзя грустную фразу.

Это было начало *тринадцатаго ноктюрна* Фильда. Она знала его наизусть и очень давно, еще гимназисткой, когда ей давалъ

уроки старичовъ-пьянисть, считавшійся однимъ изъ послѣднихъ учениковъ самого Фильда и застрявшій въ провинціи. Тринадцатый ноктюрнъ сдѣлался для нея чѣмъ-то символическимъ. Бывало, когда мужъ разобидитъ ее своимъ барствомъ и бездушіемъ и уѣдетъ въ клубъ спускать ее приданные деньги, она садеть къ роялю и, часто противъ воли, заиграетъ этотъ ноктюрнъ.

Звуки плакали подъ вздрагивающими пальцами Серафимы... Какъ будто они ей самой пророчили черную бѣду, — разрывъ съ Васей, — другую, болѣе тяжелую измѣну...

Она рада бы была прервать надрывающую мелодію, такую простую, доступную всякой начинающей дѣвочкѣ — и не могла. Звуки заплетались сами собою, заставляли ее плавать внутренно, но глаза были сухи. Въ груди ныло все сильнѣе.

— Барыня! — окликнула ее сзади изъ двери Степанида.

— Что тебѣ?

— Гдѣ накрывать прикажете къ чаю? Тутъ или на балконѣ?

— На балконѣ!.. Только сдѣлай это одна... безъ карлы.

И она осталась за пьянино, дошла до конца ноктюрна и снова начала нестерпимо горькую фразу.

Въ дверяхъ террасы вдругъ встала мужская крупная фигура.

Первое ея движеніе было броситься къ нему на шею. Но что-то приковало ее къ табуреткѣ. Теркинъ подошелъ тихо и положилъ руку на верхъ пьянино.

— Что это тебѣ вздумалось... такую заунывную вещь?

При немъ она никогда этого ноктюрна не играла.

— Такъ, — отвѣтила она чуть слышно, встала и закрыла тетрадь нотъ. — Ты въ лѣсу гулялъ, Вася?

— Хотѣлъ въ Мироновку, да заплутался.

Онъ разсказалъ ей случай съ глухонѣмымъ мужикомъ.

— Хочешь чаю?

— Хочу.

За чаемъ они сидѣли довольно долго. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ. Онъ много курилъ, чтѣ съ нимъ случилось очень рѣдко; она тоже выкурила двѣ папиросы.

Нѣсколько разъ у нея въ груди точно что загоралось, въ родѣ искры, и она готова была припасть къ нему на плечо, но ждала хоть одного взгляда. Онъ на нее ни разу не поглядѣлъ.

— Ты, я думаю, усталъ съ дороги... да еще сдѣлалъ верстъ двѣнадцать пѣшкомъ.

— Да... я скоро на боковую!

— Наверху тебѣ все приготовлено, — выговорила она безстрастно и встала.

Въ башенѣ онъ спалъ въ очень теплыя ночи, но постель стояла тамъ всегда и онъ тамъ же раздѣвался. Онъ дѣлалъ это „для людей“, хотя прислуга считала ихъ мужемъ и женой.

— Хорошо. Спасибо!.. И тебѣ, я думаю, пора бай-бай!..

Никогда онъ не прощался съ ней простымъ пожатіемъ руки.

Наверху, въ башнѣ, Теркинъ началъ медленно раздѣваться и свѣчи сразу не зажегъ. Въ два большихъ окна входило еще довольно свѣту. Было въ исходѣ десятого часа.

Въ жилетѣ прилегъ онъ на маленькую кушетку у окна, около шкафа съ платьемъ, и глядѣлъ на черно-синюю стѣну опушки вдоль четырехъ дачъ, вытянувшихся въ линію.

Ко сну не клонило. Его натура жаждала выхода. Онъ выбранилъ себя за малодушіе. Надо было тамъ внизу, за чаемъ, сказать вѣско и задушевно свое послѣднее слово и привести ее къ сознательному желанію загладить ихъ общую вину.

По лѣсенкѣ проскрипѣли легкіе и быстрые шаги.

— Вася!..

Она уже обвилась вокругъ него и цѣловала ему глаза, плечи, шею, руки.

— Какъ ты велишь, такъ и сдѣлаю!.. Господи!.. Только не срами себя... Не начинай первый! Дай мнѣ поговорить съ ней!.. Радость моя!.. Не могу я такъ... Убей, но не мучь меня!

Онъ поцѣловалъ ее въ губы. Серафима почти лишилась чувствъ отъ безумной радости.

XI.

Изъ-подъ опущенныхъ занавѣсокъ утро проникло въ башенку и лучъ солнца заигралъ на стѣнѣ.

Теркинъ проснулся и сталъ глядѣть на зайчики свѣта, бѣгавшіе передъ нимъ. Онъ взглянулъ и на часы, стоявшіе на ночномъ столикѣ. Часы показывали половину седьмого.

Первая его мысль, когда сонъ совсѣмъ слетѣлъ съ него, была Калерія.

Третій день живетъ она у нихъ, тамъ, внизу, въ угловой комнатѣ. Приѣхала она подъ вечеръ, на другой день постѣ ихъ размолвки съ Серафимой и примиренія здѣсь, на томъ диванчикѣ. Серафима умоляла его не „виниться первому“; онъ ее успокоивалъ, предоставилъ ей „уладить все“.

Послѣ обѣда явилась Калерія неожиданно, въ телѣжкѣ, прямо съ пристани, съ небольшимъ чемоданчикомъ, въ бѣлой коленко-

ровой шляпѣ и форменномъ платьѣ „сестры“, въ пелеринкѣ, даже безъ зонтика въ рукахъ, хотя солнце еще припекало.

Онъ не видалъ раньше ея фотографіи; представлялъ себѣ не то „растрепанную дѣвулю“, не то „черничку“. Чтеніе ея письма дало ему почувать что-то иное. И когда она точно выплыла передъ нимъ—они сидѣли на террасѣ—и высокимъ, вздрагивающимъ голосомъ поздоровалась съ ними, онъ ее всю сразу оцѣнилъ. Ея наружность, костюмъ, тонъ, манеры дышали тѣмъ, что онъ уже вычиталъ въ ея письмѣ къ Серафимѣ.

Та немного опѣшила, но тотчасъ же бойко и шумно заговорила, поцѣловалась съ нею, начала спрашивать и угощать. Родственныхъ нотъ онъ не слыхалъ подъ всѣмъ этимъ.

Его Серафима назвала Калерію просто „Вася“; ничего къ этому не прибавила. Калерія поглядѣла на него своими ясными большими глазами и пожала руку.

Вечеръ прошелъ въ отрывочномъ разговорѣ. Калерія спрашивала о покойномъ дядѣ, о теткѣ; о мужѣ Серафимы не спросила—она его не знала. Серафима вышла замужъ по ея отъѣздѣ въ Петербургъ.

И вчера онъ только присутствовалъ при ихъ разговорахъ, а самъ молчалъ. Калерія много рассказывала про Петербургъ, свою школу, про общину, уходъ за больными, про разныхъ профессоровъ-медиковъ, подругъ, начальниковъ и начальницъ, и только за обѣдомъ вырвалось у нея восклищаніе:

— Хочется мнѣ у насъ на Волгѣ хоть что-нибудь завести... въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ!

На денежные дѣла—ни малѣйшаго намека.

Послѣ обѣда онъ нарочно поѣхалъ на пристань, чтобы дать имъ возможность остаться наединѣ и перетолковать о наслѣдствѣ.

Вернулся онъ къ вечернему чаю, засталъ ихъ въ цвѣтніѣхъ и не могъ догадаться, было ли между ними объясненіе, или нѣтъ.

Когда онъ уходилъ къ себѣ наверхъ, Серафима шепнула ему:

— Не волнуйся ты, Бога ради, все наладится!

Но она не прибавила, что Калерія уже знаетъ „про все“.

И у себя наверху онъ не могъ заснуть до второго часа ночи, ходилъ долго взадъ и впередъ по своей свѣтелкѣ, курилъ, медленно раздѣвался и въ постели не смыкалъ глазъ больше двухъ часовъ; они пошли спать около одиннадцати.

Серафима никогда ни однимъ словомъ не обмолвилась ему, съ самаго ихъ разговора на свиданіи у памятника, годъ тому назадъ, какой наружности Калерія.

Называла ее— „хлыстовская богородица“, но въ какомъ смыслѣ, онъ не зналъ.

И весь обликъ Калеріи, съ первой минуты ея появленія, за- дѣлъ его, повѣялъ чѣмъ-то и новымъ для него, и жуткимъ. Хан- жества или сухой божественности онъ не распознавалъ. Лицо, пожалуй, иконописное, не деревянно-истовое, а все какое-то про- зрачное, съ удивительно чистыми линіями. Глаза ясные-ясные, свѣтло-сѣрые, чисто русскіе, тихо всматриваются и ласкаютъ: дѣвичьи глаза, хоть и не такіе роскошные, брилліантовые, какъ у Серафимы.

И станъ прекрасный, гибкій. Худощавость и высокій ростъ придають ей что-то воздушное.

Но это все—наружность. Ея разговоръ совсѣмъ особенный. Видно, что никакихъ у нея суетныхъ помысловъ; вся она—въ тихомъ, прочномъ стремленіи къ добру, къ служенію немощамъ человѣка. Это не рисовка.

Не будь тутъ Серафимы—онъ не выдержалъ бы, взялъ бы ее за руку, привлекъ бы къ себѣ, какъ сестру, и залилъ бы ей всю душу сразу, безъ всякихъ подходовъ и оговорокъ.

Конечно, Серафима если въ чемъ и призналась ей, то облыжно, съ выгораживаніемъ и его, и себя, такъ, чтобы все было „шито- крыто“ и кончилось, до поры до времени, платежемъ процен- товъ съ двадцати тысячъ и возвращеніемъ Калеріи тѣхъ денегъ, которыя она не истратила.

И во снѣ-то онъ видѣлъ ее—Калерію— въ длинномъ бѣломъ хитонѣ, со свѣчей въ рукахъ.

Лицо у нея точно озарено изнутри розоватымъ свѣтомъ, и волосы каштановые, съ золотистымъ отливомъ—такіе, какіе у нея въ самомъ дѣлѣ—распущены по плечамъ.

Онъ вскочилъ съ постели и началъ торопливо умываться и одѣваться. Вчерашняя ночная тревога не проходила.

Не хочетъ и не можетъ онъ провести еще день безъ того, чтобы не поговорить съ Калеріей на чистоту отъ всего сердца. Не долженъ онъ позволять Серафимѣ маклачить, улаживать дѣло, лгать и проводить эту чудесную дѣвушку.

Къ чему это? Онъ все возьметъ на себя. Да онъ и долженъ это сдѣлать. Положимъ, ему извѣстно было и раньше, до того дня, когда сталъ колебаться: брать ему или нѣтъ отъ Серафимы эти двадцать тысячъ; ему извѣстно было, что онъ съ матерью покривили душой, не отослали сейчасъ же Калеріи оставленный ей старикомъ капиталъ, не вызвали ее, не написали обо всемъ. Но вѣдь любовь къ нему Серафимы подѣлала остальное. Ему

она предложила деньги. Онѣ могли и пропасть, пароходъ могъ сгорѣть или затонуть. Онъ былъ бы банкротъ. Ужъ, конечно, она не стала бы взыскивать съ него, да и документъ-то онъ ей выдалъ только зимой, пять мѣсяцевъ позднѣе спуска въ воду „Батрака“.

Серафима умоляла его „не виниться передъ Калеріей“...

Мало ли что!.. Это—жалкая злоба, дьявольское самолюбіе, бессмысленное высокомеріе, щекотливость женщины, смертельно не желающей, чтобы ея Вася поступилъ какъ честный человѣкъ, потому только, что онъ ея возлюбленный и не смѣетъ „унизить“ себя передъ ненавистной ей дѣвушкой.

Ненавистной! Почему? Это просто закоренѣлость. Чѣмъ же она выше постѣ того самой порочной женщины?.. Вчера онъ наблюдать ее. Ни одного искренняго звука не проронила она, ни въ чемъ не выдала внутренняго, хорошаго волненія, сознанія своей вины передъ Калеріей.

Онъ раздвинулъ занавѣски и отворилъ окно.

Садикъ и лѣсъ пахнули на него запахомъ цвѣтовъ и хвои. Утро стояло чудное, теплое, со свѣжестью лѣсныхъ тѣней.

Внизу въ залѣ часики пробили семь. Серафима, конечно, спитъ. Онъ могъ бы тихонько спуститься и пройти къ ней заднимъ крыльцомъ.

Зачѣмъ пойдетъ онъ къ ней?.. Цѣловаться? Не желаетъ онъ, ни капельки не желаетъ. Ему и вчера сдѣлалось почти стыдно, когда Серафима, при Калеріи, чмокнула его въ губы. Чуть-чуть не покраснѣлъ.

Переговорить съ Серафимой о Калеріи? Допросить ее: было ли у нихъ вчера безъ него объясненіе? Знать это ему страстно хотѣлось.

Серафима способна солгать, увѣрить его, что все обдѣлано. Онъ не поручится за нее. Въ ней нѣтъ честности, вотъ такой, какую дышетъ та—„хлыстовская богородица“.

Это пошлое прозвище—пошлое и нелѣпное—пришло ему на память такъ, какъ его произносила Серафима, съ звукомъ ея голоса. Ему стало стыдно за нее и обидно за Калерію.

Изъ-за чего будетъ онъ подчиняться? Молчать? Когда вся душа—вотъ уже второй день—трепещетъ... Никто не можетъ запретить ему во всемъ обвинить себя самого. Но допустить ли его Серафима до разговора съ глазу на глазъ съ Калеріей?

Вотъ еще вздоръ какой! Развѣ онъ такъ гнусно обабился?

Теркинъ выглянулъ въ окно. Показалось ему, что между деревьями мелькнуло что-то бѣлое.

„Серафима?“ — подумалъ онъ тотчасъ же и даже подался головой назадъ.

„Не спится ей... Все та же злобная тревога и чувственная неугомонность“.

Обыкновенно она вставала поздно, любила валяться въ постели... А тутъ ее могла поднять боязнь, какъ бы Калерія не вышла раньше ея и не встрѣтилась съ нимъ.

Все-таки семь часовъ для нея слишкомъ рано.

Опять между розовато-бурыми стволами сосенъ что-то пробѣгло.

— Да это она! — вслухъ выговорилъ онъ и весь захолодѣлъ.

Она, Калерія, въ кофтѣ, безъ платка на головѣ, съ распущенными волосами, такъ, какъ онъ видѣлъ ее во снѣ. Это даже суевѣрно поразило его.

Ходить съ опущенной головой, чего-то ищеть въ травѣ. Неужели грибовъ? Не похоже на нее.

Это она, она! Лучше минуты не найдешь. Но она въ кофтѣ и юбкѣ! Хорошо ли захватить ее въ такомъ видѣ? Дѣвушку, какъ она?

Ничего!.. Она должна быть выше всего этого. Сколько она видѣла уже всякихъ больныхъ, мужчинъ, обнаженныхъ... Къ ней ничего не пристанетъ.

„Окликну ее!“ — стремительно подумалъ онъ — „и погляжу, какъ она: стѣсняется или нѣтъ?“

— Калерія Порфирьевна! — пустилъ онъ, высунувшись изъ окна, громкимъ шопотомъ.

Серафима не могла услышать. Спальня выходила на другой фасадъ дома.

Звукъ дошелъ до Калеріи. Она выпрямилась, подняла голову, увидала его, немножко, кажется, встрепенулась, но потомъ ласково поклонилась и никакого смущенія не выказала.

— Съ добрымъ утромъ! — выговорила она, или по крайней мѣрѣ ему послышались эти слова.

Стремительно сбѣжалъ онъ въ цвѣтникъ.

ХП.

Онъ стоялъ передъ ней, у тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ была вѣлана доска, и жалъ ея руку.

Въ другой она держала пучокъ травъ и корешковъ.

— Простите, Бога ради, Калерія Порфирьевна,—захотѣлось пожелать вамъ добраго утра.

Ея свѣтлые глаза говорили: „что-жъ, я ничего, рада васъ видѣть“.

— И вы меня извините, Василій Ивановичъ. Мы здѣсь по-деревенски. Я и волосы не успѣла уладить—такъ меня потянуло въ лѣсъ.

— Вы что-жъ это собирали?.. Я сначала подумалъ—грибы?

— Нѣтъ, такъ, травки разныя, лекарственныя... Тамъ, по лѣтамъ, около Питера, приучилась.

Ея худощавый станъ стройно колыбался въ широкой кофтѣ, съ прошивками и дешевыми кружевцами на рукавахъ и вокругъ бѣлой, тонкой шеи съ синими жилками. Такія же жилки сквозили на блѣдно-розовыхъ, прозрачныхъ щекахъ безъ всякаго загара. Чуть примѣтныя точки веснушекъ залегли около переносицы. Носъ немного изгибался въ кончику, отнимая у лица строгость. Ротъ довольно большой, съ блѣдноватыми губами. Зубы мелькали не очень бѣлые, дѣтскіе. Золотистые волосы заходили на щеки и дѣлали выраженіе всей головы особенно плѣнительнымъ.

Все ея цѣломудренное существо привлекало его еще сильнѣе, чѣмъ это было и вчера, и третьяго дня, въ тѣни и прохладѣ лѣса, на фонѣ зелени и зарумяненныхъ солнцемъ могучихъ сосновыхъ стволовъ.

— Рано встаете?—спросилъ онъ.

— И зимой, и лѣтомъ—въ шестомъ часу... А здѣсь какъ хорошо!

— Угодно туда... подальше, еще правѣе?.. Я вамъ тропку укажу.

— Пойдемте, пойдемте... Тамъ и травъ должно быть больше.

Онъ не посмѣлъ предложить ей руку. Его волненіе росло. И страстно хотѣлось открыться ей, и жутко дѣлалось отъ приближенія минуты, когда она услышитъ отъ него, что онъ—вотъ какой, не лучше тѣхъ жуликовъ, которые выхватили у него бу-мажникъ у Воскресенскихъ воротъ въ Москвѣ.

Шли они медленно. Калерія, нѣтъ-нѣтъ, да и нагнется, сорветъ травку. Говоритъ она слабымъ, высокимъ голосомъ, похожимъ на голосъ монашекъ. Разспрашивать зря она не любитъ, не считаетъ умѣстнымъ. Ей, дѣвушкѣ, неловко, должно быть, касаться ихъ связи съ Серафимой... И никакой горечи въ ней нѣтъ насчетъ прежней ея жизни у родныхъ... Не могла она не чувствовать, что ни тетка, ни двоюродная сестра не терпѣли ее никогда.

— Какъ Симочка похорошѣла!—промолвила она, точно про себя.—Вы пара, Василий Ивановичъ. Совѣтъ да любовь!

Онъ началъ слегка краснѣть.

— Вы насъ осуждаете?—спросилъ онъ, прислонившись къ дереву.

— За что, про что?

— Да вотъ за нашу жизнь.

— Въ какомъ смыслѣ? Что вы, кажется, не вѣнчаны? Значить, нельзя вамъ было. Господь не за одинъ обрядъ милуетъ... и то сказать! Знаете что, Василий Ивановичъ,—она перевела духъ и подняла голову, глядя на круглую шапку высокой молодой сосны:—меня, быть можетъ, ханжей считаютъ, святошей, а иные и до сихъ поръ—стриженой, ни во что не вѣрующей... Вѣра у меня есть и самая простая. Всѣ виноваты и никто не виноватъ, вотъ какъ я скажу. Для однихъ одно, для другихъ другое—любовь тамъ что-ли... такая, пылкая, земная... А ежели они не загубили своей совѣсти—все къ одному и тому же придуть, рано или поздно. Жалость надо имѣть ко всему живому... Кто и воображаетъ, что онъ не живетъ, а пиршествуетъ, и тотъ человѣкъ мучится. Развѣ не такъ, Василий Ивановичъ?

— Такъ, такъ!

Онъ глядѣлъ на нее, бѣлую и стройную, въ падающихъ золотистыхъ волосахъ—и слезы подступали къ глазамъ. Въ словахъ ея было прозрѣвіе въ его душу,—какъ будто она читала въ ней.

— Калерія Порфирьевна! Матушка!..

Слезы душили его. Она взглянула на него немного испуганно.

Теркинъ—какъ стоялъ—такъ и рухнулся передъ ней на колѣни и зарыдалъ.

Она не растерялась, только пучокъ травъ выпалъ у нея изъ лѣвой руки.

— Что вы, голубчикъ, Василий Ивановичъ?

Руки ея, съ тонкими пальцами, красивыя и гибкія, коснулись его плечъ.

— Встаньте! Такъ нехорошо!.. Такъ только Богу кланяются.

Но въ словахъ ея не слышалось никакого смущенія женщины. Она не приняла этого, ни на одну секунду, за внезапный взрывъ мужской страсти.

„Значить, онъ страдаетъ,—сейчасъ же подумала она,—душа у него болитъ!“

Теркинъ сдержалъ рыданія, схватилъ ея руку и поцѣловалъ такъ порывисто, что она не успѣла отдернуть.

— Чтѣ вы! Господи! Развѣ я святая? Василій Ивановичъ...

— Вы не знаете,—съ трудомъ сталъ онъ говорить,—не знаете, чтѣ меня душитъ.

— Встаньте, пожалуйста!

Онъ всталъ и отеръ лицо платкомъ. Рѣсницы были опущены. Ему сдѣлалось такъ стыдно, какъ онъ и не ожидалъ.

— Ну чтѣ такое, голубчикъ? Вотъ присядемъ туда, вонъ видите два пня, нарочно для насъ припасли.

Она говорила весело и мягко, сама взяла его подъ руку и повела.

Въ груди у него трепетали „бабочки“—такъ онъ называлъ знакомое ему съ дѣтства ощущеніе, когда что-нибудь нравственно потрясло его.

— Успокоились?—все такъ же кротко спросила Калерія.— Эго ничего, что заплакали... Мужчины стыдятся слезъ... И напрасно. Да и передо мной?.. Я вѣдь уже Христова неvěста.

Она чуть слышно разсмѣялась.

— Калерія Порфирьевна, снимите съ души моей камень!

Признаніе застряло у него въ груди, но онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять сѣлъ рядомъ съ ней на широкій, полусгнившій пенъ.

И довольно спокойно повинился ей, представилъ дѣло такъ, какъ рѣшилъ, выгородилъ Серафиму, выставилъ себя какъ главнаго виновника того, что ея двоюродная сестра задерживала до сихъ поръ ея деньги.

— И только-то?—спросила Калерія.

— Мало этого? Вѣдь это какъ честные люди называютъ... а?.. На ваши деньги я теперь разжился, въ одинъ какой-нибудь годъ—и до сегодня ни гу-гу? Ни самъ вамъ не писалъ, ни на томъ не настоялъ, чтобъ она васъ извѣстила, хоть заднимъ числомъ, ни денегъ обратно не внесъ! Простите меня, Христа-ради! Возьмите у меня эти деньги... Я могу ихъ теперь добыть, даже безъ всякаго разстройства въ оборотахъ...

— Василій Ивановичъ,—остановила его Калерія.—Вы открылись мнѣ... такъ сердечно!.. Прекрасное у васъ сердце—вотъ что, но въ такую вашу вину я не очень-то вѣрю!

— Не вѣрите?

— Видимое дѣло, вы ее, Серафиму, хотите выгородить. Мнѣ всегда было тяжело, что тетенька и Сима не жаловали меня... И я отъ васъ не скрою... Добрые люди давно обо всемъ мнѣ написали... И про капиталъ, оставленный дяденькой, и про все остальное. Я подождала. Думала—поѣду лѣтомъ, какъ-нибудь по-

ладимъ. Вотъ такъ и вышло. И я вижу, какъ вы-то сдѣлались къ этому причастны. Сима вамъ навязала эти деньги... Вѣрно тогда нужны были до зарѣзу?

— Дѣйствительно!

— И она, и вы—изъ любви такъ поступили... И что же потеряно? Ровно ничего. Ежели эти двадцать тысячъ у васъ въ дѣлѣ—я вамъ вѣрю. Вы и документъ выдали Симѣ, а она мнѣ навѣрно предложить... Какія еще деньги остались—подѣлитесь... Мнѣ не нужно такихъ капиталовъ сейчасъ. Это еще успѣется.

— Значить, Серафима еще ничего не говорила съ вами?

Онъ спросилъ это съ сдвинутыми бровями и горечью въ глазахъ. Ему гадко стало за Серафиму передъ этой безсребренницей.

— Успѣется, Василій Ивановичъ... Вѣдь я еще поживу у васъ, если не станете гнать.

— Вы ей ничего не скажете про то, что сейчасъ было говорено... Калерія Порфирьевна, умоляю васъ!

Стремительно схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ.

— Что вы!.. У меня рукъ не цѣлуютъ.

Щеки ея заалѣлись и вся она трепетно подалась назадъ.

— Голубушка! Не говорите ей!

— Вотъ вы какъ ее любите!.. Любите!.. Доведите ее до другой правды... А для этого, Василій Ивановичъ, не надо очень-то преклоняться передъ нашей сестрой.

„Вотъ вы какъ ее любите!“—умственно повторилъ Теркинъ слова Калеріи. А онъ совсѣмъ, въ ту минуту, не любилъ Серафиму, былъ далекъ отъ нея сердцемъ, въ немъ говорила только боязнь новыхъ тяжелыхъ объясненій, нежеланіе грязнить свою исповѣдь тѣмъ, чего онъ могъ наслушаться отъ Серафимы о Калеріи и какъ самъ долженъ будетъ выгораживать себя.

— Дайте мнѣ честное слово.

— Общаюсь. Довольно и этого.

Калерія встала. Поднялся и онъ.

— Голубчикъ, Василій Ивановичъ, спасибо вамъ большое. Мнѣ васъ Господь посылаетъ—это вѣрно. Вы меня поддержите въ моихъ мечтаніяхъ. Знаете, на тѣ деньги, какія свободны—всѣхъ мнѣ пока не надо—ежели я кое-что затѣю, вы не откажетесь добрый совѣтъ дать?.. Такъ вѣдь? Вы—человѣкъ бывалый. Только, пожалуйста, чтобы промежду насъ какъ будто ничего и не было. Серафима когда заговорить со мною о деньгахъ, мнѣ съ какой же стати васъ выдавать? Это дѣло вашей совѣсти... И ее я понимаю—ей обидно было бы, что вы передо мной открылись. Вѣдь такъ?

— Такъ, такъ!

— Дайте срокъ! Придетъ время—и она пойметъ, сколь это въ васъ было выше всякаго другого поведенія. Съ вами она должна дойти до того, что и у нея Богъ будетъ!..

— Простите! Отнялъ у васъ утро! И травки ваши растеряли изъ-за меня... Погуляйте!..

Полный радостнаго волненія, Теркинъ еще разъ пожалъ руку Калеріи и быстро-быстро пошелъ въ чашу лѣса.

Онъ не хотѣлъ, чтобъ ее видѣли съ нимъ, еслибъ они вернулись вмѣстѣ въ террасъ.

XIII.

Степанида, въ праздничномъ ситцевомъ платьѣ — въ домѣ жила гостя — и въ полковомъ платьѣ, приотворила дверь темной спальни.

— Изволили кликать? — спросила она отъ двери.

— Боторый часть?

Серафима чувствовала, что давно пора вставать.

— Девять пробило, барыня.

Разговоръ ихъ шелъ вполголоса.

— А Калерія Порфирьевна?

— Э! Онѣ чуть не съ пѣтухами встаютъ. Никакъ ходили гулять въ лѣсъ. Теперь ужъ одѣлись и книжку читаютъ на балконѣ.

— Въ лѣсъ уходила? Одна?

Вопросъ заставилъ Серафиму подняться въ постели.

— Не видала, барыня.

— Василій Иванычъ дома?

— Нѣтъ, ихъ что-то не видать. Только они никуда не уѣзжали. Онисимъ дома.

Степанида догадывалась, что барыня, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала „ихъ сестрица“, что-то неспокойна, и готова была всячески услужить ей, но нашептывать зря не хотѣла.

— Поскорѣ раскрой ставни и дай мнѣ умыться.

Одна Серафима не привыкла ни умываться, ни одѣваться. Она торопила горничную, нашла, что утренній пеньюаръ нехорошо выглаженъ; волосы она наскоро заправила подъ яркую фуляровую наолку, которая къ ней очень шла, но все-таки туалетъ взялъ больше получаса.

— Барышня пила чай? — спросила она, когда была уже со всѣмъ готова.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вы не предлагали?

— Онѣ попросили молока и кусочекъ чернаго хлѣба... Самоваръ готовъ... Прикажете подавать?

— Подавайте... да надо же подождать немножко Василя Иваныча, если онъ не вернулся.

Проходя корридорчикомъ мимо комнаты, гдѣ стоялъ буфетный шкафъ, Серафима увидала Чурилина. Карликъ чистилъ ножи, поплеывая на нихъ.

Это ее остановило.

— Чурилинъ!—сердито окликнула она его.

Онъ поклонился ей низкимъ поклономъ своей огромной головы.

— Что это за гадость! Какъ ты чистишь ножи?.. Плюешь на нихъ!

Она говорила ему „ты“ нарочно, хотя и знала, что онъ взрослый.

Чурилинъ зардѣлся и сталъ учащенно мигать желтыми рѣсницами.

— Я, Серафима Ефимовна, завсегда...

— Чтобы этого не было!

Въ дверяхъ она обернулась.

— Василий Иванычъ у себя?

— Они еще не приходили.

— Въ лѣсу гуляютъ?

— Не могу знать.

Карликъ сжалъ губы и забѣгалъ глазами. Онъ зачуялъ, что барыня выпрашиваетъ у него про барина—стало быть, насчетъ чего-нибудь безпокоится. Еслибы онъ и зналъ, то не сказалъ бы, когда и съ кѣмъ Василий Иванычъ ходилъ въ лѣсъ. Между нимъ и обѣими женщинами—Степанидой и барыней—шла тайная борьба. Къ Теркину его привязанность росла съ каждымъ днемъ.

— Не могу знать!—не воздержалась Серафима и передразнила его.

Карликъ, съ пылающими щеками, началъ тереть сушонкой ножики, и только-что Серафима скрылась—плюнулъ опять на лезвее.

Въ окно гостиной Серафима увидала бѣлый чепецъ и пелеринку Калеріи. Та сидѣла бокомъ, у перилъ, и читала, низко нагнувъ голову.

Не могла она не остановиться и не оглядѣть Калеріи. Ничего не было ни въ ея „мундирѣ“, ни въ ея позѣ раздражаю-

щаго, но всю ее поводило отъ этой „хлыстовской богородицы“. Не вѣрила она ни въ ея святость, ни въ ея знанія, ни во что! Эта „черничка“ торчитъ тебѣ, какъ живой укоръ. Съ ней надо объясняться, выставлать себя чуть не мошенницей, просить отсрочить возвратъ денегъ или клянчить: не подѣлится ли та съ нею послѣ того, какъ онѣ съ матерью уже похозяйничали на ея счетъ.

Вчера, нѣсколько разъ, на губахъ ея застывало начало разговора о деньгахъ и такъ ничего и не вышло до возвращенія Теркина изъ посада. Самая лучшая минута—теперь, но Василій Ивановичъ можетъ придти съ прогулки... А при немъ она ни подъ какимъ видомъ не станетъ продолжать такой разговоръ.

И гдѣ онъ застрялъ? Пожалуй, ходили вмѣстѣ, утромъ рано, пока она, „какъ простофиля“, спала у себя.

Бровь заиграла на загорѣлыхъ щекахъ Серафимы.

„Неужели онъ обманулъ ее и уже винился передъ этой фальшивой дѣвулей?“

— Давайте самоваръ! — крикнула она такъ, что Степанида услышала, и пошла прямо на террасу.

— А! Сима! Съ добрымъ утромъ!

Калерія встала и подошла поцѣловать ее.

Привѣтъ „съ добрымъ утромъ“ она тоже не любила, находила его книжнымъ, приторнымъ.

— Спасибо! Извини. Я заспалась. Чай сейчасъ будемъ пить... Васи ждать не станемъ. Гдѣ-то онъ запропастился.

Калерія взглянула изъ-подъ тугого навѣса своего бѣлаго чепца и спросила:

— Еще не вернулся Василій Ивановичъ изъ лѣсу?

— А ты его не видала?

Вопросъ свой Серафима выговорила со страхомъ, какъ бы голосъ ее не выдалъ.

— Да мы утромъ походили вотъ тутъ. Я травокъ пособи-рала. Василій Ивановичъ въ ту сторону пошелъ... Такъ это давно было... въ началѣ восьмого...

Глаза Калеріи спокойно глядѣли на нее своими свѣтлыми зрачками и ротъ тихо улыбался.

Она не сочла нужнымъ скрыть, что они видѣлись. Можно его только запутать, если онъ самъ на это намекаетъ при Серафимѣ. О томъ, какъ онъ передъ ней повинился, она не скажетъ, разъ она дала ему слово, да и безъ всякаго обѣщанія не сдѣлала бы этого. У него душа отличная, только соблазновъ въ его жизни много. Будетъ Серафима первая допрашивать ее объ

этомъ — она съумѣетъ отклонить необходимость выдавать Василя Иваныча.

— А, вотъ что!

Горло у Серафимы сейчасъ же сдавило.

Подали самоваръ. Она заварила чай и нервно переставляла чашки.

— Какую это ты книжку читаешь, Калерія?

— Для тебя мало занятную. По медицинской части.

— Отчего же для меня незанятную? Ты меня такой дурой считаешь?

— Господь съ тобой! А книжка-то специальная... по аптекарской части.

— Ну, ладно...

Голова Серафимы уже горѣла. Стало быть, они гуляли въ лѣсу. Навѣрно, Вася не выдержалъ, размякъ передъ нею, бухнулъ ей про все, а послѣ началъ упрасивать, чтобы она все скрыла, не выдавала его.

Если такъ было, она не будетъ унижаться, допрашивать ни Калерію, ни его. Не хотѣлъ соблюсти свое достоинство, распустилъ нюни передъ этой святошей — тѣмъ хуже для него. Но ее они не проведутъ. Она — по глазамъ его, по тону — сейчасъ расчуетъ, вышелъ ли между ними разговоръ о деньгахъ, или нѣтъ.

— А! вы здѣсь! — раздался голосъ Теркина сзади изъ гостиной.

„Не вернулся балкономъ, а дорогой, чтобы шито-крыто было“, — быстро сообразила Серафима, неторопливо приподнялась и встрѣтила его у дверей.

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ.

„Покаялся!“ — точно молоткомъ ударило ее въ темя.

— Вы съ Калеріей уже гуляли? — спросила она вслухъ, возвращаясь къ столу. Лица ея онъ не могъ видѣть. Голосъ не измѣнилъ ей.

Теркинъ поглядѣлъ на Калерію и въ мигъ сообразилъ, что такъ лучше: значить, та на вопросъ Серафимы отвѣтила просто, что гуляла съ нимъ по саду. Она ему дала честное слово не говорить о его признаніи. Онъ ей вѣрилъ.

— Да, мы съ Калеріей Порфирьевной уже видѣлись.

Свободно протянулъ онъ ей руку, пожалъ и привелъ къ столу.

Онъ это сказалъ также просто. Да и почему же ему бѣгать отъ Калеріи? Серафима въ собственномъ интересѣ должна воздержаться отъ всякихъ новыхъ допытываній.

— Налей мнѣ покрѣпче, Сима! — прибавилъ онъ другимъ тономъ и снялъ съ головы шляпу.

„Каялся, каялся!“ — увѣренно повторяла про себя Серафима, и ея руки вздрагивали, когда она наливала ему чай. Внутри у нея клокотало. Такъ бы она и разорвала на клочки эту Калерію!

Скажи та что-нибудь слащавое и ханжеское — она не выдержитъ, разразится.

Ноздри вздрагивали и въ глазахъ заискрились огоньки.

Теркинъ косвенно взглянулъ на нее и зачуялъ возможность взрыва.

— Дивное какое утро!.. И въ лѣсу благодать какая! Духъ отъ сосенъ! Я въ ту сторону, въ крайній уголъ лѣса прошелъ. Въ много травъ понабрали, Калерія Порфирьевна?

— Нѣтъ, лѣнь разобрала... Такъ захотѣлось побродить.

„Ну да, ну да, замазываютъ, заматаютъ слѣды!“ — думала Серафима, продолжая разливать чай. — „Стакнулись проводить меня, какъ полудурью. Не понимаю я!..“

Рука съ чайникомъ дрогнула у нея и она пролила на поднось.

— Ахъ ты, Господи! — вырвалось у нея.

— Торопись очень! — выговорилъ Теркинъ и усмѣхнулся.

— Хорошо, хорошо!

Серафима еле сдерживалась. Она была близка къ истерическому припадку и закусывала себѣ губы, чтобы изъ ея горла не вылетѣлъ хохотъ или крикъ.

— А я долженъ въ посадъ, на цѣлый день, — продолжалъ Теркинъ, прихлебывая чай.

— Дѣло? — спросила Калерія.

Она какъ будто не замѣчала нервности Серафимы.

— Да... Оно и кстати, Калерія Порфирьевна, вы съ Симой побудете... Вамъ вѣдь обо многомъ есть перетолковать... Мнѣ что же тутъ между вами торчать?

Можно бы этого и не говорить, но такъ вышло.

— Какіе же у насъ секреты? — возразила Серафима и поставила чайникъ на канфорку.

— Все, чай, есть!

Калерія обернула голову въ сторону Теркина и тихо улыбнулась ему.

Этой улыбкой она какъ бы хотѣла сказать:

„Ужъ вы не смущайтесь, я васъ не выдамъ“.

Онъ допилъ свой стаканъ и началъ прощаться съ ними.

XIV.

На дачу Теркинъ нарочно вернулся позднѣе.

Внизу ужъ не было свѣта. На крыльцо выскочилъ Чурилинъ и въ темнотѣ подхватилъ, какъ кубарь, къ крылу двухмѣстнаго тюльбери, на которомъ Теркинъ ѣздилъ или одинъ, или съ кучеромъ.

Онъ передалъ карлику разные пакеты и самъ вскочилъ прямо на первую ступеньку подъѣзда.

— Калерія Порфирьевна почиваютъ? — спросилъ онъ Чурина.

— Такъ точно.

— И барыня также?

— И опѣ у себя въ спальнѣ. Свѣту не видѣлъ сквозь ставни.

„Ну, и прекрасно“, — подумалъ Теркинъ и приказалъ вучеру, вышедшему изъ воротъ:

— Онисимъ! подольше надо проваживать Зайчика. Онъ сильно упрямъ...

Къ себѣ онъ прошелъ заднимъ крыльцомъ и отпустилъ Чурина спать.

„Конечно“, — думалъ онъ и дорогой, и наверху, собираясь раздѣваться, — „онѣ перетолковали — и Калерія не выдала меня“.

Это его всего больше беспокоило. Неужели изъ трусости передъ Серафимой? Развѣ онъ не господинъ своихъ поступковъ? Онъ не ее выдавалъ, а себя самого... Не можетъ онъ умиляться тѣмъ, что она умоляла его не „срамить себя“ передъ Калеріей... Это — женская, высшая суетность... Онъ — ея возлюбленный — и будетъ каяться дѣвушкѣ, которую она такъ ненавидитъ за то, что она выше ея.

„Да, выше“, — подумалъ онъ совершенно отчетливо и не смутился такимъ приговоромъ.

Передъ нимъ всталъ обликъ Калеріи въ лѣсу, въ бѣломъ — съ рассыпавшимися по плечамъ золотистыми волосами. Глаза ея, ясные и кроткіе, проникаютъ въ душу. Въ ней особенная красота, не „плотская“, не та, что мечется и туманитъ, какъ дурманъ, въ Серафимѣ.

„Дурманить?“ — И этого онъ не скажетъ теперь, по прошествіи года?

Вдругъ ему послышались шаги на нижней площадкѣ, подъ лѣстницей.

„Такъ и есть! Она!“

Теркинъ сталъ все сбрасывать съ себя поспѣшно и тотчасъ же легъ въ постель.

Только-что онъ прикрылся одѣяломъ, дверь пріотворили.

— Это ты?—выговорилъ онъ какъ можно тише.

— Я!..—откликнулась Серафима и вошла въ комнату твердой поступью, шурша пеньюаромъ.

— Ты еще не ложишься?—спросилъ онъ и повернулъ голову въ ея сторону.

— Ко мнѣ не разсудилъ вернуться, — начала она возбужденно и такъ строго, какъ никогда еще не говорила съ нимъ:— боишься Калеріи Порфирьевны? Не хочешь ея дѣвичьей скромности смущать... Не нынче-завтра пойдешь и въ этомъ исповѣдоваться!..

— Сима!

Онъ больше ничего не прибавилъ къ этому возгласу.

— Что-жъ!—Серафима сразу сѣла на край постели въ ногахъ. — Что-жъ, ты, небось, станешь запираяться, скажешь, что между вами сегодня утромъ никакого разговора не вышло, что ты не покался ей?.. Я, ты знаешь, ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ помышленіи передъ тобой неповинна. Не скрыла вотъ съ этакимъ! — и она показала на палецъ. — А тебѣ лгать пристало? Кому? Мнѣ!.. Господи! Я на него молюсь, изъ глубѣйшей любви, чтобы не терпѣть за него, а не за себя, униженія, чуть не въ ногахъ валялась передъ нимъ, а онъ—изволите видѣть—не могъ устоять передъ той Христовой невѣстой, распустилъ юни, все ей на ладонѣхъ выложилъ, поди на колѣняхъ валялся: простите, молъ, меня, окаяннаго, я—соучастникъ въ преступленіи Серафимы, я—воръ, я—такой-сякой!.. Идіотство какое и подлость...

— Подлость! — повторилъ Теркинъ, и хотѣлъ крикнуть: „молчи“, но удержался.

— А то скажешь—вѣтъ? Ты мнѣ, вотъ здѣсь, слово далъ не соваться самому, предоставить мнѣ все уладить.

— Я тебѣ слова не давалъ!

— Ха, ха!.. Теперь ты и запираяться началъ... Отлично! Превосходно! Ты этимъ самымъ себя выдалъ окончательно! Мнѣ и сознанія твоего не надо больше! Все мнѣ ясно. Съ первыхъ ея словъ я увидала, что вы уже стаянулись. Она, точно медоточивая струя, зажурчала: „Что намъ, сестрица, считаться, — Серафима передразнивала голосъ Калеріи:—ежели вы сами признаете, что дяденька оставилъ вамъ капиталъ для передачи мнѣ, это

ужь дѣло вашей совѣсти съ тетенькой; я ни судиться, ни требовать не буду. Вотъ я къ тетенькѣ съѣзжу, и ей то же самое скажу... Сама я въ деньгахъ большихъ не нуждаюсь... А въ томъ, что я желала бы положить на одно дѣло, въ этомъ вамъ грѣшно будетъ меня обидѣть". Небось, скажешь, ты не повинилъ ей? А она, шельма, раскусила, что ей тягаться съ нами — ничего, пожалуй, и не получишь. Ты ей, разумѣется, документъ предложилъ, а то такъ и пароходъ заложишь и отдашь ей двадцать тысячъ. Меня она ничѣмъ не уличить. Завѣщанія нѣтъ; нието не видалъ, какъ папенька распорядился тѣмъ, что у него въ шкатулкѣ лежало.

— Серафима! — остановилъ ее Теркинъ и приподнялся въ кровати: — не говори такихъ вещей... Прошу тебя честию!.. Это недостойно тебя!.. И не пытай меня! Нечего мнѣ скрываться отъ тебя... Если я и просилъ Калерію Порфирьевну оставить нашъ разговоръ между нами, то щадя тебя, твою женскую тревожность. Пора это понять... Какія во мнѣ побужденія заговорили, въ этомъ я не буду казаться передъ тобой. Меня тяготило... Я не вытерпѣлъ!.. Вотъ и весь сказъ!

— Да на тебя точно туманъ какой напелъ... Изъ-за чего ты это дѣлалъ? Ну, хотѣлъ ты непременно возвратить ей эти деньги — ты могъ потребовать отъ меня, чтобы я выдала ей сейчасъ же вексель, пока ты не добудешь ихъ. Вѣдь на то же и теперь сойдется... Что она потеряетъ?.. Деньги были въ вѣрныхъ рукахъ, проценты мы ей заплатимъ. Еще она спасибо намъ должна сказать, что мы въ какой-нибудь банкъ не положили, а онъ лопнулъ бы... Нынче, что ни день, то крахъ!.. Такъ нѣтъ! — почти крикнула Серафима и всплеснула руками: — Скитское покаяніе онъ приносилъ хлыстовской богородицѣ!

— Не смѣй ее такъ называть!

— А-а!.. Вотъ оно что! Какъ только увидалъ эту кривляку, такъ и преисполнился къ ней благоговѣнія!.. Скажите, пожалуйста!

Серафима рѣзко поднялась, отошла къ окну и раскрыла его. Ее душило.

— Ты не понимаешь! Душа моя — для тебя потемки! Обидно за тебя, Серафима!

— А за тебя нѣтъ? — она опять подошла къ кровати и стала у ногъ. — Помни, Вася, — заговорила она съ дрожью нахлынувшихъ сдержанныхъ рыданій: — помни... Ты ужь предалъ меня... Богъ тебя знаетъ, измѣнялъ ты мнѣ или нѣтъ; но душа твоя, вотъ эта самая душа, про которую жалуешься, что я не могу ее понять... Помни и то, что я тебѣ сказала въ про-

шломъ году, тамъ, у насъ, у памятникъ, на обрывѣ, когда рѣшилась пойти съ тобой... Забылъ, небось?.. Всегда такъ, всегда такъ бываетъ! Мужчина развѣ можетъ любить, какъ мы любимъ?!

Ему стояло протянуть ей руку и сказать ласково: „Сима, перестань!“... Но онъ молчалъ и головой обернулся къ стѣнѣ.

— Но только знай,—вдругъ громкимъ и порывистымъ шопотомъ заговорила Серафима:—что я не намѣрена терпѣть у насъ въ домѣ такого царства Калеріи Порфирьевны. Пускай ее на Волгу ѣдетъ—и лучше бы сюда не возвращалась; а пріѣдетъ да начнетъ опять свои лукавые фасыны—я ей покажу, кто здѣсь хозяйка!

Дверь хлопнула за Серафимой, ступеньки лѣстницы быстро и дробно проскрипѣли—и все замерло въ домѣ.

Теркинъ лежалъ въ той же позѣ, лицомъ къ стѣнѣ, но съ открытыми глазами. Мириться онъ къ ней не пойдетъ. Ея необузданность, злобная хищность давили его и возмущали. Ни одного звука у нея не вылетѣло, гдѣ бы сказались пониманіе, мягкая терпимость, желаніе слиться съ любимымъ человѣкомъ въ одномъ великодушномъ порывѣ.

„Распуста“,—повторилъ онъ про себя то самое слово, какое пришло ему недавно, въ лѣсу, постѣ первой ихъ размолвки. Онъ не станетъ прыгать передъ ней... Изъ-за чего? Изъ-за ея ласкъ, ея молодости, изъ-за ея брилліантовыхъ глазъ?..

Кто же мѣшалъ ей поддаться его добрымъ словамъ? Онъ того только и добивался, чтобы вызвать въ ея душѣ такой же поворотъ, какъ и въ себѣ самомъ!.. Но у нея и раньше была женская „растяжимая совѣсть“, а отъ пріѣзда Калеріи она точно „бѣсноватая“ стала.

Сонъ не шелъ. Теркинъ проворочался больше получаса, потомъ вытянулъ ноги, уперся ими въ нижнюю стѣнку кровати и заложилъ руки за голову.

Кровь отливала отъ разгорѣвшагося мозга. Въ комнату, въ открытое окно, входила свѣжесть. Онъ подумалъ—было затворить, но оставилъ открытымъ.

Мысли заплетались въ другую сторону. Дѣловой человѣкъ, привычный къ постоянному обдумыванію практическихъ дѣйствій и сложныхъ расчетовъ, помаленьку началъ пробуждаться въ немъ...

А вѣдь Серафима-то, пожалуй, и не по-бабы права. Къ чему было „срамиться“ передъ Калеріей, бухаться въ лѣсу на колѣни, когда можно было снять съ души своей неблагоприятный проступокъ безъ всякаго срама? Именно слѣдовало сдѣлать такъ, какъ она сейчасъ, хоть и распаленная гнѣвомъ, говорила: она съумѣла бы

перетолковать съ Калеріей, и деньги та получила бы въ два раза. Можно добыть сумму къ осени и выдать ей документъ.

И то сказать, женщина все отдала ему: честь свою, положеніе, деньги, хоть и утаенныя, умоляла его не выдавать себя Калеріи, не срамиться — и онъ не исполнилъ, не устоялъ передъ какой-то нервической блажью...

„Блажь!“ — повторилъ онъ мысленно нѣсколько разъ, готовый идти дальше въ своихъ холодающихъ выводахъ, и рѣзко прервалъ ихъ.

Сцена въ лѣсу прошла передъ нимъ вся, съ перваго его ощущенія до послѣдняго. Лучше минутъ онъ еще не переживалъ — чище, отважнѣе по душевному порыву. Отчего же ему и теперь такъ легко? И размолвка съ Серафимой не грызетъ его... Правда на его сторонѣ. Не мѣтитъ онъ въ герои... Никогда не будетъ такимъ, какъ Калерія; но безъ ея появленія зубцы хищническаго колеса стали бы забирать его и втягивать въ тину. Серафима своей страстью не напомнила бы ему про уколы совѣсти...

Съ этимъ онъ заснулъ.

XV.

— Калерія Порфирьевна пріѣхали, — доложилъ Чурилинъ, запыхавшись. Онъ поднялся стремительно по крутой лѣсенкѣ въ башню, гдѣ Теркинъ у стола просматривалъ какіе-то счета.

— На извозчикѣ?

— Такъ точно.

— Барыня внизу?

— Внизу-съ.

— Хорошо. Ступай!

Карликъ исчезъ. Теркинъ сейчасъ же всталъ, поправилъ бантъ легкаго шолковаго галстука, подошелъ къ зеркалу, причесалъ немного сбившіеся волосы и встряхнулъ только сегодня надѣтый парусинный костюмъ.

Прошло всего пять дней съ отъѣзда Калеріи, и они ему казались невыносимо длинными... Изъ нихъ онъ двое сутокъ былъ въ отсутствіи. Не спѣшныя дѣла выгнали его изъ дому, а тяжесть жизни съ глазу на глазъ съ Серафимой.

Они избѣгали объясненій; но ни тотъ, ни другая не поддавались. Не требовалъ онъ того, чтобы она просила прощенія, не желалъ ни рыданій, ни истерическихъ ласкъ и чувственныхъ примиреній. Пониманія ждалъ онъ — и только. Но Серафима, въ первый разъ, ушла въ себя, говорила съ нимъ кротко, не позволяла

себѣ никакой злобой выходки противъ Калеріи и даже сама первая предложила ему обезпечить ее, до выдачи ей обратно двадцати тысячъ, какъ онъ разсудить.

Она принесла ему вексель, выданный ей, и настояла на томъ, чтобъ онъ его взялъ обратно.

— Если ты не согласишься взять его, Вася,—сказала она съ удареніемъ, но безъ рѣзкости:—я все равно его разорву. Мы ей должны выдать документъ.

— Не мы, а я, — поправилъ онъ.

— Какъ ты найдешь умѣстнѣе.

Вчера вернулся онъ къ обѣду и конецъ дня прошелъ чрезвычайно прѣсно. Нить искреннихъ разговоровъ оборвалась. Ему стало особенно ясно, что если съ Серафимой не нѣжиться, не скользить по всему, что навернется на языкъ въ ихъ бесѣдахъ, то содержанія въ ихъ сожительствѣ нѣтъ. Подъ видимымъ спокойствіемъ Серафимы онъ чужалъ бурю. Въ груди ея назрѣла еще большая злоба къ двоюродной сестрѣ. Если та у нихъ заживется, произойдетъ что-нибудь безобразное.

А ему такъ захотѣлось, поджидая Калерію назадъ, отвести съ ней душу, принять участіе въ ея планахъ, всячески поддерживать ее. Этого слишкомъ мало, что онъ повинился передъ нею. Надо было заслужить ея дружбу.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Теркинъ у карлика, проходя мимо буфетной.

— На балконѣ-съ.

Калерія, еще въ дорожномъ платьѣ, стояла спиной къ двери. Серафима—въ красномъ фулярѣ на головѣ и капотѣ—лицомъ. Лицо блѣдное, глаза опущены.

„Не умерла ли мать?“ — подумалъ онъ; ему не стало жаль ея; ея дочернее чувство онъ находилъ суховатымъ, совсѣмъ не похожимъ на то, какъ онъ былъ близокъ сердцемъ къ своимъ покойникамъ, а они ему приводились не родные отецъ съ матерью.

— Калерія Порфирьевна! Съ возвращеніемъ!—ласково окликнулъ онъ.

Она быстро обернулась, еще болѣе загорѣлая, лицо въ пыли, но все такая же милая, со складкой на лбу—отъ чего-то печальнаго, что она, навѣрно, сообщила сейчасъ Серафимѣ.

— Ну, что, все благополучно тамъ?.. Матрена Ниловна здравствуетъ?

Тутъ только онъ вспомнилъ, что съ утра не видалъ Серафимы, пилъ чай одинъ, пока она спала, и сидѣлъ у себя наверху до сихъ поръ.

— Здравствуй, Сима!

Она взглянула на него затуманенными глазами и пожала ему руку.

— Здравствуй, Вася!

— Что это?.. Какъ будто вы чѣмъ-то обѣ смущены? — весело спросилъ онъ и всталъ между ними, ближе къ периламъ балкона.

— Да вотъ, извѣстіе такое я привезла. Что-жъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ...

— Умеръ что-ли кто?.. Матушка ея, небось, въ добромъ здоровьи...

— Тетенька... слава Богу.

Калерія не договорила.

— Рудичъ застрѣлился.

Глухо промолвила это Серафима. Лицо было жестко, рѣсницы опущены.

„Заплачетъ?“ — спросилъ про себя Теркинъ и прибавилъ: — „должно быть, мужъ—все мужъ!“

Будь это годъ назадъ, его бы пронизало ревнивое чувство, а тутъ ничего, ровно ничего такого не переживалъ онъ, глядя на нее.

— Застрѣлился? — повторилъ онъ и обернулся съ вопросомъ въ сторону Калеріи.

— Тамъ гдѣ-то... гдѣ его служба была... въ западномъ краѣ, кажется. Тетенька не сѣмѣла мнѣ хорошенько рассказать. Господинъ Рудичъ былъ тамъ предсѣдателемъ мирового съѣзда.

— А не прокуроромъ?

— Видно, нѣтъ, — отвѣтила Серафима и медленно поглядѣла на Теркина.

Глаза потухли. Въ нихъ онъ ничего не распозналъ, кромѣ какого-то вопроса... Какого?.. Не ждала ли она, чтобы у него вырвался возгласъ: „Вотъ ты свободна, Сима!“

Онъ подумалъ объ этомъ совсѣмъ не радостно... Больше изъ смутнаго чувства внѣшняго приличія, онъ пододвинулся къ Серафимѣ и тихо взялъ ее за руку около локтя. Рука ея не дрогнула.

— Казенныя деньги растратилъ, — выговорила она и повела плечами. — Такъ и надо было ожидать.

Серафима сказала это скорѣе грустно, чѣмъ жестко; но онъ напелъ, что ей не слѣдовало и этого говорить. Какъ ни какъ, а она его бросила предательски, и Рудичъ, еслибы хотѣлъ, могъ надѣлать ей кучу неприятностей, преслѣдовать по закону, да и ему нагадить доносомъ.

— Царствіе небесное! — тихо и протяжно произнесла Калерія. — Срама не хотѣлъ перенести...

— Игрока одна только могилка исправить, — точно про себя обронила Серафима.

И это замѣчаніе показалось ему не деликатнымъ.

— Деньги... Карги... — Калерія вздохнула и придвинулась къ нимъ обоимъ... — Души своей не жаль... Господи! — Глаза ея стали влажны. — Ты, Симочка, не виновата въ томъ, что стало съ твоимъ мужемъ.

„Она же ее утѣшаетъ!“ — подумалъ Теркинъ.

— Вы съ дороги-то присѣли бы, — обратился онъ къ ней. Сима, что же ты, чайку бы предложила Калерія Порфирьевнѣ. Здѣсь жарко... Перейдемте въ гостиную.

— Закусить не хочешь ли? — лѣнливо спросила Серафима.

— Право, я не голодна; утромъ еще на пароходѣ пила чай и закусила. Тетенька мнѣ всякой всячины надавала.

Они перешли въ гостиную. Но разговоръ не оживился. Теркина сдерживалъ какой-то стыдъ взять Серафиму, привлечь ее къ себѣ, воспользоваться вѣстью о смерти Рудича, чтобы хорошенько помириться съ нею, сбросить съ себя всякую горечь. Не одно присутствіе Калеріи сбѣсняло его... Что-то еще болѣе застенчивое не позволяло ему ни одного искренняго движенія.

Не боялся ли онъ чего? Теперь ему ясно, что радости въ немъ нѣтъ — стало быть, нѣтъ и желанія оживить Серафиму хоть однимъ звукомъ, гдѣ она распознала бы эту радость.

— Сядьте вотъ рядкомъ, потолкуйте ладкомъ.

Калерія усадила ихъ на диванъ.

— Схожу умоюсь и платье другое надѣну. Вся въ пыли! Даже въ горлѣ стрекочетъ. А угощать меня не трудись, Сима. Право, сыта... Совѣтъ да любви!

Любимое пожеланіе Калеріи осталось еще въ воздухѣ просторной и свѣжей комнаты, стоявшей въ полутемнотѣ отъ спущенныхъ сторъ.

— Сима!

Теркинъ взялъ ея руку.

— Знаю, что ты скажешь! — вдругъ порывисто заговорила она шопотомъ и обернула къ нему лицо уже менѣе жесткое, порозовѣлое и съ возбужденными глазами. — Ты скажешь: „Сима, будь моей женой“... Мнѣ этого не нужно... Никакой подачки я не желаю получать.

— Успокойся! зачѣмъ все это?

— Дай мнѣ докончить. Ты всегда подавляешь меня высотой

твоихъ чувствъ. Ты и она,—Серафима показала головой на дверь:—вы оба точно спѣлись. Она уже успѣла тамъ, на балконѣ, начать проповѣдь: „Вотъ, Симочка, самъ Господь вразумляетъ тебя... Любовь свою ты можешь очистить. Въ благородныя правила Василія Ивановича я вѣрю—онъ не захочетъ продолжать жить съ тобою... такъ“. И какое ей дѣло!.. Съ какого права?..

Въ глазахъ заискрилось. Она начала опять блѣднѣть.

— Успокойся!—повторилъ все тѣмъ же кроткимъ тономъ Теркинъ.

Но онъ не обнялъ ее, не привлекъ, не покрылъ этихъ глазъ, еще недавно прельщавшихъ его, пылкими поцѣлуями.

Ея словамъ онъ не вѣрилъ. Все это она говорила изъ одной своей гордости и ненавистнаго чувства къ двоюродной сестрѣ, ни въ чемъ неповинной, искренно жалѣвшей ее; она ждала, чтобы онъ упалъ на колѣни и радостно воскликнулъ:

— Теперь насъ никто не разлучить! Ты не можешь отказать мнѣ!

Въ груди у него не было порыва—одного, прямого и радостнаго. И она это тутъ только почувала.

— Ты знаешь, какъ я съ тобой прожила годъ! Добивалась я твоей женой быть? Мечтала объ этомъ? Намекала хоть разъ во весь годъ?

— Развѣ я говорю?

— И теперь мнѣ не нужно... Я—вольная птица. Кого хочу, того и люблю. Не забывай этого! Жизни не пожалѣю за любимаго человѣка, но цѣпей мнѣ не надо, ни подавнїя, ни исполненїя долга съ твоей стороны. Долгъ-то ты исполнишь! Больше вѣдь ничего въ такомъ бракѣ и не будетъ... Я все уразумѣла, Вася: ты меня не любишь, какъ любилъ годъ назадъ... Не лги... ни себѣ, ни мнѣ... Но будь же ты настолькоъ честенъ, чтобы не притворяться... Обидѣ я не прощаю... Вотъ что...

Теркинъ хотѣлъ-было удержать ее, но Серафима рванулась и выбѣжала изъ гостиной.

За ней онъ не бросился, а сидѣлъ на диванѣ разстроенный, но не охваченный пыломъ вновь вспыхнувшей страсти.

XVI.

Лѣсная тропка съезилась и пошла выбоинами. Приходилось перескакивать съ одной колдобины на другую.

— Дайте мнѣ руку, Калерїя Порфирьевна. Такъ вамъ удобнѣе будетъ перейти.

Она—розовая отъ ходьбы и жаркаго ранняго послѣ-обѣда—протянула Теркину свободную руку... На другой—она несла ящичекъ на ремешкѣ.

Собрались они тотчасъ послѣ обѣда. Серафимы не было дома—она съ утра уѣхала въ посадъ за какими-то покупками.

На дачѣ, черезъ кухарку, стало извѣстно, что въ Мионовѣ появилась болѣзнь на дѣтей. Калерію потянуло туда, и она захватила свой ящичекъ съ лекарствами. Теркинъ вызвался проводить ее, предлагалъ добыть экипажъ у сосѣдей, но ей захотѣлось идти пѣшкомъ. Они рѣшили это за обѣдомъ.

Своимъ отсутствіемъ Серафима какъ бы показывала ему, что ей „все равно“, что она не боится ихъ новыхъ откровенностей. Онъ можетъ хоть обниматься съ Калеріей... Такъ онъ это и по-нялъ.

До обѣда онъ разспрашивалъ Калерію о ея завѣтныхъ мечтахъ и планахъ, но передъ тѣмъ настаивалъ на томъ, чтобы она, не откладывая этого дѣла, приняла отъ него дѣловой документъ.

— Сими тутъ нечего замѣшивать,—убѣждалъ онъ ее:—я бралъ, я и израсходовалъ—я и долженъ это оформить.

Къ ноябрю онъ расплатится съ нею; можетъ, и раньше. Изъ остальныхъ денегъ она сама не желала брать себѣ всего. Пускай Серафима удержитъ—сколько ей съ матерью нужно. На первыхъ порахъ какихъ-нибудь три-четыре тысячи—больше и не надо, чтобы купить землю и начать стройку деревяннаго дома.

Она мечтала о небольшой приходящей лечебницѣ для дѣтей, на окраинахъ своего роднаго города, такъ чтобы и подгороднымъ крестьянамъ сподручно было носить туда больныхъ, и городскимъ жителямъ. Если управа и не поддержитъ ее ежегоднымъ пособіемъ, то хоть врача добудетъ она дарового, а сама станетъ тамъ жить и всѣмъ завѣдывать. Найдутся, Богъ дастъ, и частные жертвователи изъ купечества. Можно будетъ завести нѣсколько кроватокъ или нѣчто въ родѣ ясель для дѣтей рабочаго городского люда.

Теркинъ слушалъ ее сосредоточенно, не перебивалъ, нашелъ все это очень удачнымъ и выполнимымъ и подъ конецъ разговора, держа ее за обѣ руки, выговорилъ:

— Голубушка вы моя! Не откажите и меня принять въ участники! Хочу, чтобы наша сердечная связь окрѣпла. Я по Волгѣ безпрестанно спую и буду то-и-дѣло навѣдываться. И въ земствѣ, и въ городскомъ представительствѣ отыщу людей, которые навѣрно поддержать вашу благую мысль.

Тонъ его словъ показался бы ему—говори ихъ другой—слащавымъ, „казеннымъ“, какъ нынче выражаются въ этихъ случаяхъ. Но у него это вышло противъ воли. Она приводила его въ умиленное настроеніе, глубоко трогала его. Ничего не было „особеннаго“ въ ея планѣ. Дѣтская амбулаторія!.. Мало ли сколько ихъ заводится. Одной больше, одной меньше. Не самое дѣло, а то, что она своей душой будетъ освѣщать и согрѣвать его... Онъ видѣлъ ее воображеніемъ въ дѣтской лечебницѣ, съ ранняго утра, тихую, неутомимую, точно окруженную сіяніемъ...

Теперь онъ знаетъ о ней все, о чемъ допытывалось сердце. Больше не нужно. Еслибъ они ближе стояли другъ къ другу, онъ не разспрашивалъ бы ее о прожитой жизни, не велъ бы съ ней „умныхъ“ разговоровъ, не старался бы узнать о ней всю подноготную.

Ничего этого ему не надо! Только бы ему удержать въ себѣ настроеніе, навѣянное на него. Кто знаетъ? Начнешь развѣдывать да разсуждать—и разлетится оно. Ему отрадно было держать ее на этой высотѣ, смотрѣть на нее снизу вверхъ.

Они вышли на красивую, круглую лужайку.

— Не отдохнуть ли, Калерія Порфирьевна?—спросилъ Тербинъ.

— Хорошо! Здѣсь чудесно!.. Вонъ тамъ дубокъ какой кудравый... Можно и на травѣ.

— Жаль, что я не захватилъ плѣда.

— Ничего! Сколько времени жары стоятъ—земля высохла. Да я и не боюсь за себя.

Подъ дубкомъ они расположились на травѣ, не выѣденной солнцемъ отъ густой тѣни. Дышать было привольнѣе. Отъ опушки шла свѣжесть.

— Василій Ивановичъ!

По звуку ея оклика онъ почувалъ, что она хочетъ поговорить о чемъ-нибудь „душевною“.

— Что, Калерія Порфирьевна?

Она сидѣла, облокотившись о стволъ дерева; онъ лежалъ на правомъ боку и опирался головой о ладонь руки.

— Не будете на меня сѣтовать... Скажете, пожалуй,—не въ свое дѣло вмѣшиваюсь.

— Я-то? Богъ съ вами!

— Такъ и я васъ понимаю; потому буду говорить все, на чистоту... Вѣдь Серафима-то у насъ мучится сильно.

— Серафима?

— А то нѣшто нѣтъ?.. Вы не хуже меня это видите.

Видѣлъ онъ достаточно, какъ злобствуетъ Серафима, и, зная почему, могъ бы сейчасъ же выдать ее съ головой, излить свое недовольство.

Но надо было говорить всю правду, а этой правды онъ и самъ еще себѣ не могъ или не хотѣлъ выяснить.

— Вижу,—выговорилъ онъ, сейчасъ же перемѣнилъ положеніе, сѣлъ и повернулся бокомъ.

— Смерть мужа—Калерія замедлила свою рѣчь—подняла съ души ея все, чтѣ тамъ таилось.

„Ничего не подняла добраго и великодушнаго!“—хотѣлъ онъ крикнуть и опустилъ голову.

— Поймите, голубчикъ, ей передъ вами по другому стало стыдно... за прошедшее. Повѣрьте мнѣ. А она вѣдь вся ушла въ любовь къ вамъ. И боится, какъ бы ваше сожителство не убавило въ васъ желанія—освятить все это бракомъ. Вы скажете мнѣ—эта боязнь пустая!.. Вѣрно, Василій Ивановичъ, да люди въ своихъ сердечныхъ тревогахъ не вольны, особливо наша сестра. Она мнѣ ничего сама не говорила. Ей, кажется, непріятны были и мои слова, по пріѣздѣ, тамъ на балконѣ, помните, какъ вы вошли... Что-жъ! Насильно милъ не будешь! Сима мнѣ не довѣряетъ и къ себѣ не желаетъ приблизить. Подожду! Когда придетъ часъ—она сама подойдетъ.

— И развѣ это не возмутительно?—вдругъ вылетѣлъ вопросъ у Теркина, и онъ повернулся къ Калеріи всѣмъ лицомъ и присѣлъ ближе.

— Что такое?

— А вотъ эта злоба къ вамъ? Безсмысленная и гадкая!.. Кругомъ передъ вами виновата и такъ ехидствуетъ!

— Василій Ивановичъ! Родной! — остановила Калерія. — Не будемъ осуждать ее... Это дѣло ея совѣсти... Познаетъ Бога—и все ей откроется... А теперь надъ ней плоть царить. Но я къ вамъ обращаюсь, къ вашей душѣ... Простите, Христа ради! Не проповѣдовать я собираюсь, не изъ святошества. А вы для меня стали въ нѣсколько дней все равно что братъ. И мнѣ тяжело было бы таить отъ васъ то, чтѣ я за васъ чувствую и о чемъ недоумѣваю... Неспособны вы оставить Серафиму въ теперешнемъ положеніи... Неспособны! Вы сами ее слишкомъ любите, а главное—человѣкъ вы не такой. Вѣдь она на цѣлый день уѣхала не спроста: гложетъ ее тоска и боязнь. Вернется она—вы одни можете сдѣлать такъ, чтобы у нея на душѣ ангелы зашѣли. Я только тѣ теперь вамъ говорю, чтѣ въ васъ самихъ сидитъ.

Ни одной секунды не заподозрилъ онъ ея искренности. Голосъ ея звучалъ чисто и высоко, и въ немъ ея сердечность севозила слишкомъ открыто. Будь это не она—онъ нашелъ бы такое поведеніе ханжествомъ или смѣшной простоватостью. Но тутъ слезы наворачивались на его глазахъ. Его восхищала хрустальность этого существа. Изъ глубины его собственной души поднимался новый, острый позывъ къ полному разоблаченію того, въ чемъ онъ еще не смѣлъ сознаться самому себѣ.

— Калерія Порфирьевна,—выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—Вчера Серафима, по уходѣ вашемъ, начала кидать мнѣ въ лицо ни съ чѣмъ несообразныя вещи, поторопилась заявить, что она въ бракѣ со мной не нуждается... Гордость въ ней только и кипитъ, да задоръ какой-то... Я даже и не спохватился...

— Все это оттого, что она страдаетъ. Не можетъ быть, чтобы вы этого не понимали! Она ждетъ! И если между вами теперь нѣтъ ладу—я въ этомъ повинна.

— Вы!..

— Не въ время явилась. Но я не хотѣла, повидавшись съ тетенькой, не забѣхать опять къ вамъ и не успокоить Серафиму. Богъ съ ней, коли она меня считаетъ лицемеркой! Но я изъ-за денегъ ссориться неспособна. Теперь я у васъ заживаться не стану. Только бы вы-то съ Симой начали другую жизнь...

Голосъ ея дрогнулъ.

— Ахъ, Калерія Порфирьевна! Всего хуже, когда стоишь передъ рѣшеніемъ судьбы своей и не знаешь: нѣтъ ли въ тебѣ самомъ фальши?.. Не лжешь ли?.. Боишься правды-то.

Теркинъ закрылъ лицо ладонями и упалъ головой на траву.

— Нѣшто вы—Калерія запнулась—... охладѣли къ ней?

— Не знаю, не знаю!

— Старики наши сказали бы: „это васъ лукавый испытываетъ“. А я скажу: доброе дѣло выше всякихъ страстей и оболещеній. Въ Симѣ больше влеченія къ вамъ... какого? Плотского или душевнаго? Что-жъ за бѣда! Сдѣлайте изъ нея другого человека... Вы это можете.

— Нѣтъ, не могу, Калерія Порфирьевна. Съ ней я погрязну.

— Таково ваше убѣжденіе?.. Лучше, Василій Ивановичъ, пострадать, да не отворачиваться отъ честнаго поступка. Ежели вы и боитесь за свою душу, и не чувствуете къ Симѣ настоящей любви—все-таки вы ее такъ не бросите!

„Брошу, брошу!“—чуть не слетѣло съ его губъ признаніе.

Но онъ молчалъ, отнявъ руки отъ лица и глядѣлъ въ землю, низко нагнувъ голову, чтобы она не могла видѣть его лица.

— Простите меня за то, что разбередила васъ! — сказала тихо Калерія и приподнялась. — Пора и въ Мироновку. Тамъ дѣтки больныя ждутъ.

До выхода изъ лѣса они молчали.

XVII.

Съ того перекрестка, гдѣ всего недѣлю назадъ Теркинъ обликнулъ глухонѣмого мужика, они повернули налѣво.

— Этотъ проселокъ, — сказалъ онъ Калеріи, — навѣрно доведетъ насъ до Мироновки.

Не больше двухсотъ сажень сдѣлали они между двумя полосами сжатой ржи, какъ, выйдя на изволокъ, увидали деревню.

У въѣзда сохранились два почернѣлыхъ столба воротъ, еще изъ тѣхъ годовъ, когда Мироновкой владѣлъ одинъ генералъ изъ „гатищцевъ“. На одномъ столбѣ держался и шаръ, когда-то окрашенный въ бѣлую краску. Ворота давно растаскали на топку.

— Вы здѣсь еще не бывали, Василій Ивановичъ? — спросила Калерія, ускоряя шагъ. Ей хотѣлось поскорѣе дойти.

— Нѣтъ; на той недѣлѣ собрался и не дошелъ.

— Есть усадьба? Кто-нибудь живетъ... помѣщики или управляющій?

— Знаю, что въ домѣ живетъ, по лѣтамъ, семейство одно. Пайщикъ нашего общества — вѣето Пастуховъ. Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Я самъ не знакомъ съ семействомъ. Да это ничего. Пойдете въ домъ. Я отрекомендуюсь и васъ представлю. Они, конечно, будутъ рады и дадутъ свѣденія, куда идти, въ какія избы.

— Это не важно! Я и сама найду, только бы туда попасть, въ эту самую Мироновку.

Имъ обоимъ легче стало оттого, что разговоръ пошелъ въ другую сторону.

„Будь что будетъ!“ — повторялъ онъ про себя, когда они молча шли изъ лѣсу. — „Жизнь покажетъ, какъ намъ быть съ Се-рафимой“.

Тотчасъ за столбами слѣва начинался деревенскій порядокъ: сначала двѣ-три плохенькихъ избенки, дальше избы изъ сосноваго лѣса, съ полотенцами по краямъ крышъ, нѣкоторые — пятистѣнные. По правую руку отъ проѣзда, спускающагося немного къ усадьбѣ, распознались амбары и мшеники. Деревня смотрѣла не особенно

бѣдной; по количеству дворовъ—душъ на семьдесятъ, на восемьдесятъ.

На улицѣ издали никого не было видно; даже на ребятишекъ они не натоленулись.

— Такъ въ усадьбу идемъ?—спросилъ Теркинъ.

— Спросить бы надо.

— Да вамъ что-жъ стѣсняться, Калерія Порфирьевна?

Она какъ будто конфузилась.

— Я не трусиха, Василій Ивановичъ, а только иной разъ не впопадъ. Можетъ, они тамъ отдыхаютъ. А то такъ Богъ знаетъ еще что подумаютъ. Впрочемъ... какъ знаете...

Просторную луговину—гдѣ шли когда-то слѣва вглубь барскіе огороды, а справа стоялъ особый дворикъ для борзыхъ и гончихъ щенковъ—замыкалъ частоконь, отдѣляющій усадьбу отъ деревенской земли, съ уцѣлѣвшими пролетными воротами. И службы сохранились: бревенчатый, темный домикъ—бывшая людская, два сарая и конюшня; за ними выступали липы и березы сада; прямо, все подъ гору, стоялъ двухъ-этажный домъ, свѣтлосѣрый, съ двумя крыльцами и двумя балконами. Одно крыльцо было фальшивое, по старинному, для симметріи.

Все это смотрѣло какъ будто нежилымъ. Ни на дворъ, ни у сарая, ни у воротъ—ни души.

— Мертвое царство!—вымолвилъ Теркинъ.

Они вошли въ ворота. И собакъ не было.

На крыльцѣ бывшей людской показалась женщина, въ родѣ кухарки, одѣтая не по-крестьянски.

— Матушка!—крикнулъ ей Теркинъ:—подъ-ка сюда!

Съ народомъ онъ говорилъ всегда на „ты“.

Женщина, простоволосая, защищаясь ладонью отъ солнца, неторопливо подошла.

— Господа Пастуховы тутъ живутъ?

— Тутъ, только ихъ нѣтъ.

— Уѣхали въ посадъ?

— Совсѣмъ уѣхали... раньше какъ недѣли черезъ двѣ не вернутся.

— Куда? на ярмарку, въ Нижній?

— Нѣтъ, лечиться... на воды что-ли какія. Сергіевскія никакъ.

Теркинъ и Калерія переглянулись.

— И никого въ домѣ нѣтъ?

— Никого. Вотъ я оставлена, да кухольный мужикъ... работникъ опять...

Идти въ домъ было незачѣмъ.

— А скажите мнѣ, милая, — заговорила Калерія: — у васъ на деревнѣ дѣти, слышно, заболѣваютъ?

Женщина отняла ладонь отъ жирнаго и морщинистаго лба и брови ея поднялись.

— Какъ же, какъ же. Забираетъ порядкомъ.

— Докторъ прїѣзжалъ? Или фельдшеръ?

— Не слышать чтой-то. Да безъ барыни кому же доктора добыть?.. Староста у нихъ — мужиченко лядацій... опять же у него бахчи. Его и на деревнѣ-то нѣтъ объ эту пору.

— А въ какихъ избахъ больныя ребята? — тревожнѣе спросила Калерія.

Теркинъ смотрѣлъ на ея лицо: глаза у нея стали блестяще, а щеки поблѣднѣли.

— Да никакъ въ цѣлыхъ пяти дворахъ. Первымъ дѣломъ у Вонифатьева. Тамъ, поди, всѣ ребята лежатъ въ повалку.

— Что-жъ это такое?

— Жаба что-ли. Ужъ не знаю, сударыня. Намъ отлучиться не сподручно, да мы и деревенскихъ-то мало видимъ. Тоже... народъ лядацій!..

— Послушайте, — Калерія заговорила быстро и голосъ сразу сталъ выше: — покажите мнѣ, которая изба Вонифатьева.

— Вонъ самая угловая, коло колодца, супротивъ той бани... гдѣ тропка-то идетъ.

— Хорошо!.. Благодарю!.. Василій Ивановичъ, я пойду... Подождите меня.

— Почему же я не могу?

— Нѣтъ, это меня только свяжетъ. И, какъ знать, можетъ болѣзнь...

— Заразная?

Теркинъ усмѣхнулся.

— И очень.

— Такъ почему же мнѣ-то больше труса праздновать, чѣмъ вамъ?

— Это мое коренное дѣло, а вамъ изъ-за чего же рисковать?

— Нѣтъ, позвольте!..

Ему захотѣлось непременно проводить ее, помочь, быть на что-нибудь годнымъ.

— Прошу васъ, Василій Ивановичъ. Этимъ шутить нечего. Вы — не одинъ...

И ея глаза досказали: подумайте о той, кто вами только и дышетъ.

Онъ послушался.

— Милая,—обратилась Калерія къ женщинѣ:—пока я обойду больныхъ, могутъ вотъ они погулять у васъ въ саду?

— Что же, пускай!.. Это можно.

— Я васъ здѣсь и найду, въ саду. Родной! ужъ вы не сердитесь!..

И легкой поступью она удалилась, ускоряя шагъ. Изъ воротъ она взяла немного вправо и черезъ три минуты уже поднялась къ колодцу, гдѣ стоялъ дворъ Вонифатьевыхъ. Теркинъ не отрывалъ отъ нея глазъ.

„А вдругъ какъ это эпидемія?“—спросилъ онъ и почувствовалъ такое стѣсненіе въ груди, такой страхъ за нее, что хотъ бѣжать въ догонку.

— Проводить что-ли васъ, баринъ, въ садъ?—спросила женщина.

— Спасибо! Не надо!

Онъ далъ ей двугривенный и пошелъ, оглядываясь на порядокъ, къ воротцамъ стараго помѣщичьяго сада, по утоптанной дорожкѣ, пересѣкавшей луговину двора, вплоть до площадки передъ балконами.

Стѣсненіе въ груди не проходило. Стыдно ему стало и за себя—точно онъ баричъ какой, презрѣнный трусъ и нѣженка, неспособный войти ни въ какую крестьянскую бѣду. Неужели въ немъ не ослабло ненавистничество противъ мужиковъ, чувство мести за отца и за себя? Мри они или ихъ ребятишки—онъ пальцемъ не поведетъ.

Нѣтъ, онъ не такъ бездушенъ. Калерія не позволила ему пойти съ нею. Онъ сейчасъ же бы побѣжалъ туда, въ избу Вонифатьевыхъ, съ радостью сталъ бы все дѣлать, что нужно, даже обмывать грязныхъ дѣтей, прикладывать имъ припарки, давать лекарство. Не хотѣлъ онъ допытываться у себя самого, что его сильнѣе тянетъ туда: она, желаніе показать ей свое мужество, или жалость къ мужицкимъ ребятишкамъ.

Голова у него кружилась. Въ аллеѣ, запущенной и тѣнистой, изъ кленовъ пополамъ съ липами и березами, онъ присѣлъ на деревянную скамью, въ самомъ концѣ, снялъ шляпу и отеръ влажный лобъ.

Страхъ за Калерію немного стихъ. Вѣдь она привыкла ко всему этому. За сколькоими тяжелыми больными ходила тамъ, въ Петербургѣ. И тифъ, и зарзныя воспаленія... мало ли что!.. Да и знаетъ она, какія предосторожности принимать. Навѣрно, и въ ящикѣ у нея есть дезинфекція.

Онъ мысленно употребилъ это модное слово и значительно

успокоился. Подъ двумя липами, въ прохладной тѣни ему стало хорошо. Прямо передъ его глазами шла аллея, а налѣво за деревьями начинался фруктовый садъ, тоже запущенный, когда-то переполненный перекрестными дорожками вишень, яблонь и грушъ, а въ незанятыхъ площадкахъ—градами малины, крыжовника, смородины, клубники.

Его хозяйственное чувство проснулось. Всякія такія картины заброшенныхъ помѣстій приводили его въ особаго рода волненіе. Сейчасъ забирала его жалость. Къ помѣщикамъ-крѣпостникамъ онъ, изъ дѣтства, не вынесъ злобной памяти. Въ селѣ Кладенцѣ „господа“ не жили, народъ былъ оброчный; кромѣ рекрутчины, почти ни на чемъ и не сказывался произволъ вотчинной власти; всѣмъ орудовалъ міръ; да и родился онъ, когда все село перешло уже въ временно-обязанное состояніе. Не жалѣлъ онъ дворянъ за ихъ теперешнюю оскудѣлость, а жалѣлъ о прежнемъ привольѣ и порядкѣ заглохлыхъ барскихъ хозяйствъ. Къ „купчишкамъ“ хищникамъ, разоряющимъ всѣ эти старыя родовыя гнѣзда, онъ еще менѣе благоволилъ. Даже и тѣхъ, кто умно и честно обращался съ землей и лѣсомъ, онъ не считалъ законными обладателями большихъ угодій. Нужды нѣтъ, что онъ самъ значился долго купцомъ и теперь имѣетъ званіе личнаго почетнаго гражданина: „купчиной“ онъ себя не считалъ, а признавалъ себя практикомъ изъ крестьянъ, „съ идеями“.

Фруктовый садъ потянулъ его по боковой, совсѣмъ заросшей дорожкѣ внизъ, къ самому концу, къ покосившемуся плетню, на полъ-горѣ, круто спускавшейся къ рѣкѣ. Оттуда, черезъ калитку, онъ прошелъ въ цвѣтникъ, противъ террасы. И цвѣтника—въ его теперешнемъ видѣ—ему сдѣлалось жаль. Долгіе годы никто имъ не занимался. Кое-какіе загрубѣлые стволы георгинъ торчали на средней клумбѣ. Отъ качель удержались облупленные—когда-то розовые—столбы. На террасѣ одиноко стояли два-три соломенныхъ стула.

Дальше, когда-то, отгорожено было нѣсколько десятинъ подъ второй фруктовый садъ, съ теплицами, оранжереями, грунтовымъ сараемъ. Все это давно рухнуло и разнесено; только большія ямы и рвы показывали мѣста барскихъ заведеній.

Теркинъ долженъ былъ вскарабкаться на валъ, шедшій вдоль двора, чтобы попасть къ наружной террасѣ дома. Опять безпокойство за Калерію заползло въ него, и онъ, чтобы отогнать отъ себя тревогу, закурилъ, сѣлъ на одномъ изъ выступовъ фальшиваго крыльца, поглядывая въ сторону воротъ и темнѣющихъ вдали избъ деревенскаго порядка.

XVIII.

Бѣлый головной уборъ мелькнулъ на солнцѣ. Теркинъ поднялся и быстро пошелъ къ воротамъ. Онъ узналъ Калерію.

Она тоже спѣшила къ дому, но его еще не примѣтила изъ-за частогокола.

— Ну что? — запыхавшись, спросилъ онъ по ту сторону воротъ.

— Нехорошо, Василий Ивановичъ.

— Эпидемія?

Глаза ея тревожно мигали, дыханіе было отъ ходьбы прерывисто, щеки замѣтно поблѣднѣли.

— Жаба... и сильно забираетъ.

— Дифтеритъ?

Слово вылетѣло у него порывисто. Она еще усиленнѣе замигала. Видно было, что она не хочетъ ни лгать, ни смущать его.

— Одинъ мальчикъ до завтра не доживетъ, — выговорила она строго, и голосъ ея зазвучалъ низко, дѣтскія ноты исчезли. Блеснула слезинка.

— Значить, дифтеритъ?

— Я только у этихъ Вонифатьевыхъ побывала. Тамъ еще дѣвочка... вся въ жару. Горло захвачено, ноги разбиты. А мнѣ сказывали, что еще въ трехъ дворахъ...

— Но развѣ вы справитесь? Вѣдь надо же дать знать по начальству.

— Я и не ожидала такой неурядицы. Какъ заброшенъ у насъ народъ! Сотскаго нѣтъ — уѣхалъ далеко, на всю недѣлю; десятскаго — и того не добились. Одни говорятъ — пьянъ, другіе — поѣхалъ въ посадъ, сѣно повезъ на завтрашній базаръ. Урядникъ стоитъ за двадцать-три версты. Послать некого... да онъ и не пріѣдетъ: у нихъ теперь идетъ выколачиваніе недоимокъ.

— А земскій врачъ?

— Въ какомъ-то селѣ — я забыла, какъ называется — тысячи двѣ душъ тамъ, на самой Волгѣ — тоже открылось повѣтріе, — она не хотѣла сказать: „эпидемія“, — и еще сильнѣе забираетъ.

— Такое же?

— Сколько я поняла что говорили бабы — тоже на дѣтей.

— Какъ же быть? Да вы присядьте... Умаялись... Вотъ хоть на эти бревна.

Они оба присѣли. Она правой ладонью руки провела по своимъ волосамъ, выбившимся изъ-за бѣлаго ободка ея чепца.

— Знаете что, голубчикъ Василій Ивановичъ, бабы ничего не умѣютъ. Пойдемъ къ той женщинѣ... вонъ у людской, которая насъ встрѣтила. Она теперь свободна. Я ей заплачу.

— Заболится, не захочетъ.

— Попробуемъ.

— Хотите, я схожу?

— Нѣтъ, я сама!

Ей не сидѣлось. Они пошли къ домику. Теркинъ палкой постучалъ въ угловое окно и поднялся вмѣстѣ съ Калеріей на крылечко.

Вышла женщина. Калерія объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Хорошія деньги можешь заработать, — прибавилъ Теркинъ.

— Чего Боже сохрани—еще схватишь. Жаба, слышь. У Комаровыхъ мальчѣнку ужъ свезли на погостъ, третьегося.

— У тебя, матушка, дѣти что-ли есть?

— Какъ же, сударь, двое. Я и то ихъ на порядокъ-то не пушаю.

— Десять рублей получишь.

Женщина вскинула рѣсницами и поглядѣла вбокъ. Посулъ десяти рублей подѣйствовалъ.

— Вы послушайте, — начала Калерія: — васъ я не заставляю цѣлый день около больныхъ дѣтей быть. Лекарство снести, передать—кому что надо.

— Нѣтъ, сударыня, ослобоните. До грѣха не далеко. Мнѣ свои дѣти дороже.

Она рѣшительно отказалась.

— Ахъ, Боже мой!

Калерія громкимъ вздохомъ перевела дыханіе.

— Пойдемте, Василій Ивановичъ... надо же какъ-нибудь.

У воротъ она его остановила.

— Я здѣсь, во всякомъ случаѣ, останусь.

— Какъ, ночевать?

— Ежели не управлюсь... А вы, пожалуйста, меня не ждите.

Сима ужъ навѣрно пріѣхала—безпокоится. Пожалуйста!

— Оставить васъ здѣсь? Это невозможно!

— Полноте! Меня не съѣдятъ.

— По крайней мѣрѣ, мы за вами экипажъ пришлемъ.

— Не нужно!.. Меня кто-нибудь проводить. Да я и не запутаюсь.

— Это невозможно!—почти крикнулъ онъ и покраснѣлъ.— Лѣсомъ—чуть не три версты. Я сейчасъ же пришлю, лошадь другую запрягутъ.

— Не важно это, голубчикъ Василій Ивановичъ; главное дѣло— дать знать начальству или изъ посада добыть доктора.

— И это сдѣлаемъ!.. Самъ, завтра чѣмъ свѣтъ, поѣду. Сегодня... туда не угодишь. Теперь ужъ около семи.

— Да есть ли тамъ докторъ?

— Есть. Кажется, цѣлыхъ три; одинъ изъ нихъ и долженъ быть земскій.

— Онъ вѣдь въ томъ селѣ. Остальные не поѣдутъ, пожалуй.

— Настоимъ! Вы-то пожалуйте себя. Не вздумайте ночевать здѣсь!.. Общайтесь, что приѣдете сегодня—ну, хоть въ десяти часамъ.

Онъ держалъ ее за обѣ руки и чувствовалъ во всемъ ея тѣлѣ примѣтное трепетаніе. Съ этимъ трепетомъ и въ его душу проникла нѣжность и умиленное чувство преклоненія. Ничего такого ни одна женщина еще не вызывала въ немъ.

— Родная вы моя!—страстнымъ шопотомъ выговорилъ онъ и съ трудомъ выпустилъ ея руки изъ своихъ.

— Такъ я поѣду!.. Въ другіе дворы нужно... Идите, голубчикъ, и не беспокойтесь вы обо мнѣ... Симу тоже не напугайте.

Почти бѣгомъ пересѣкла она луговину по направленію къ колодцу и избѣ Вонифатьевыхъ.

Теркинымъ снова овладѣло возбужденіе, гдѣ тревога за Калерію покрывала всѣ другія чувства. Онъ пошелъ скорымъ шагомъ и въ какихъ-нибудь сорокъ минутъ былъ уже по ту сторону лѣса, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дачи.

Зрѣніе у него было чрезвычайно острое. Онъ искалъ глазами, нѣтъ ли Серафимы на террасѣ... Женской фигуры онъ не замѣчалъ. На дворѣ—никого. Сарай растворенъ. Значить, барыню привезли уже изъ посада и вучеръ проваживаетъ лошадей.

Онъ встрѣтилъ его. Тотъ ему пересѣкъ дорогу слѣва, велъ сѣраго подъ уздцы. Другую лошадь можно сейчасъ же заложить; она больше сутокъ отдыхала.

— Привезъ барыню?—крикнулъ ему Теркинъ.

Кучеръ остановилъ лошадь.

— Только-что угодили, Василій Ивановичъ. Дюже упарились. Сѣрый былъ весь въ мылѣ.

— Что-жъ ты такъ?

— Да Серафима Ефимовна все погоняли.

— Проваживать отдай Чурилину, онъ справится; а самъ заложитъ Мальчика и съѣздитъ сейчасъ же за Калеріей Порфирьевной въ Мироновку. Ты обѣдай въ посадѣ?

— Въ харчевушкѣ перекусилъ.

— Ну, поужинаешь позднѣе. Пожалуйста, другъ!

Теркинъ потрепалъ его по плечу. Кучеръ улыбнулся. Вся прислуга его любила.

— А въ Мироновѣхъ-то, Василій Ивановичъ, гдѣ барышню-то спросить?

— На порядкѣ тебѣ указать. Она по больнымъ ходитъ.

— Слушаю-съ.

Только сажень за пять у крыльца Теркинъ спросилъ себя: какъ онъ отвѣтитъ, если Серафима будетъ допытываться, что за болѣзнь въ Мироновѣхъ.

„Скажу просто—жаба“.

Но онъ чего-то еще боялся. Онъ предвидѣлъ, что Серафима не уймется и будетъ говорить о Калеріи въ невыносимо помпозный тонъ.

И опять произойдетъ вспышка.

— Гдѣ барыня? — спросилъ онъ у карлика, сидѣвшаго на крыльцѣ.

— Онѣ въ гостиной.

Оттуда доносились чуть слышно заглушенные pedalю звуки той же самой унылой мелодіи тринадцатаго ноктурна Фильда.

„Тоскуетъ и мается“, — подумалъ онъ безъ жалости къ ней, безъ позыва вбѣжать, взять ее за голову, расцѣловать. Ея страданія были вздорны и себялюбивы, вся ея внутренняя жизнь ничтожна и плоскородна—рядомъ съ тѣмъ, что владѣетъ душой дѣвушки, оставшейся тамъ, на порядкѣ деревни Мироновки, рискуя заразиться.

Дверь была затворена изъ передней. Онъ отворилъ ее тихо и вошелъ, осторожно ступая.

— Это ты?

Серафима продолжала играть, только оглянулась на него.

Онъ прошелъ къ двери на террасу. Тамъ приготовленъ былъ чай.

— Хочешь чаю?—спросила она его, не поворачивая головы.

— Выпью!..

На террасѣ онъ сейчасъ же сѣлъ. Утомленіе отъ быстрой ходьбы отягло половину безпокойства за то, какой разговоръ можетъ выйти между ними. Онъ не желалъ разспрашивать, гдѣ она побывала въ посадѣ, у кого обѣдала. Тамъ и трактира порядочнаго нѣтъ. Развѣ изъ пароходскихъ у кого-нибудь... Такъ она ни съ кѣмъ почти незнакома.

Звуки пьянино смолкли. Серафима показала на порогъ.

— Ходили въ Мироновку?—спросила она точно совсѣмъ не своимъ голосомъ, очень твердо и спокойно.

— Да... Калерія Порфирьевна тамъ осталась... Больныхъ дѣтей осмотрѣть.

— Что-жъ? Переночуетъ тамъ?

Этотъ вопросъ Серафима сдѣлала уже за самоваромъ.

— За ней надо лошадь послать, —вымолвилъ Теркинъ также умышленно-спокойно.

Изъ-за самовара ему виденъ былъ профиль Серафимы. Блескъ въ глазахъ потухъ, даже губы казались блѣднѣе. Но она разливала чай безъ выдающихъ ее вздрагиваній въ пальцахъ.

— Какая же это болѣзнь въ Мироновкѣ?

— Я самъ не входилъ. Жаба, кажется.

— Жаба, — повторила она и поглядѣла на него вбокъ. — Дифтеритъ, что ли?

— Почему же сейчасъ и дифтеритъ?—возразилъ онъ и сталъ краснѣть.

Краска выступила у него не потому, что ему непріятно было скрывать правду, но онъ опять сталъ бояться за Калерію.

Въ гостиной слышались шаги.

— Чурилинъ! Кто тамъ!—крикнулъ онъ.

Карликъ подбѣжалъ къ двери.

— Скажи, чтобы сейчасъ закладывали. Сію минуту!.. И вѣхали бы за барышней!

— Боишься,—начала Серафима, когда карликъ скрылся,— боишься за нее... Какъ бы она не заразилась?.. Ха, ха!

Хохотъ былъ странный. Она встала и вся какъ-то откинулась назадъ, потомъ стала щелкать пальцами.

„Истерика... Такъ и есть!“—подумалъ Теркинъ, и ему стало тошно, но не жаль ее.

Серафима пересилила себя. Истерику она презирала и смѣялась надъ нею.

Она прошлась по цвѣтнику нѣсколько разъ, опять вернулась къ столу и стала прихлебывать съ ложечки чай.

Молчаніе протянулось долгой-долгою паузой.

XIX.

— Послушай, Вася, — Серафима присѣла къ нему близко: —Ты меня почему же не спросишь: зачѣмъ я ѣздила въ посадъ и что тамъ дѣлала цѣлый день? А?

— Расскажешь сама.

— Тебѣ это безразлично?

Голосъ ея вздрагивалъ. Зрачки опять заискрылись. Губы по-аѣли и въ нихъ тоже чуялась дрожь; въ углахъ рта подергивало. И въ лицо ему вѣяло прерывистое дыханіе, какъ въ минуты самой возбужденной страстности.

— Не безразлично, а что-жъ я буду приставать къ тебѣ... Ты и безъ того сама не своя.

— Сама не своя!—повторила Серафима, и ладонь руки ея упала на его колѣни.—Такъ я тебѣ расскажу, зачѣмъ я ѣдила... За снадобьями.

— За какими снадобьями?

Онъ повелъ плечами. Ея тонъ казался ему совершенно неу-мѣстнымъ, даже дикимъ.

— За какими? Аптекаря соблазняла, не дастъ ли онъ мнѣ чего-нибудь менѣе сквернаго, чѣмъ мышьякъ.

— Сима! Чтѣ ты?! Шутки твои я нахожу...

— А ты выслушай. Репримандовъ я не желаю, голубчикъ. Мышьякъ—мерзость. Хорошъ только для крысъ. Также и головки отъ спичекъ. Да нынче такихъ и не дѣлаютъ почти. Все шведскія пошли. Ну, хоть опиуму побольше, или морфію, или хлоралу, если ціанъ-кали нельзя, или той... какъ бишь, синильной кислоты.

Ноздри ея начали замѣтно вздрагивать. Блескъ глазъ усиливался. Она показалась ему небывало хороша и страшна.

— Сима! Да перестань!..

Его физически рѣзало жуткое ощущеніе отъ ея голоса, словъ, лица.

— Не нравится тебѣ! Потерпи! Я долго томить не буду... Ну, ничего настоящаго я не добыла... Тебѣ, быть можетъ, это и на руку?.. Кидалась даже въ москательщикамъ... Одинъ меня на смѣхъ поднялъ. Вообразила, что найду другое чтѣ... Такое же дѣйствительное... У часовщика нашла... Самый дамскій инструментъ... Бульдогомъ прозывается.

— Револьверъ?

— А то какъ бы ты думалъ? Тридцать рублей предлагала. Онъ бы и отдалъ, да патроновъ у него нѣтъ. „И нигдѣ здѣсь не достанешь“, говоритъ. Если и найдутся пистолеты, такъ другого калибра. Не судьба! Ничего не подѣлаешь!.. Измаялась я: кучера отпустила въ харчевню, а сама съ утра—не пивши, не ѣвши. Забрела на набережную, сѣла на траву и гляжу на воду. Все она—Волга, твоя любимая рѣка. Чего же еще проще? Къ

чему тутъ отравѣ или револьверъ? Взяла лодку или по плотамъ подальше пробралась—бултыхъ!—и все кончено! Чего лучше, чего дешевле?..

Онъ не прерывалъ ее. Тонъ ея дѣлался проще. Было что-то въ ея разсказѣ и чуднѣе, и наводившее на него родъ нервнаго усыпленія, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда ему долго стригли волосы.

— А вышло по другому... Рѣка-то меня и повернула вспять. Отравляться? Топиться?.. Изъ-за чего? Изъ-за того, что мужчины, всѣ до одного, предатели и вмѣсто любви знаютъ только ягрю въ любовь, рисовку свою поганую, да чванство, да новизну: сегодня одна, завтра другая! Нѣтъ! Это мы великовосвѣтскимъ барынямъ да пальнымъ дѣвчонкамъ предоставимъ!

Серафима усиленно перевела дыханіе.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ, Вася!.. Вотъ черезъ чтò я перешла, пока вы съ Калеріей Порфирьевной, подт-ручку, по добрымъ дѣламъ отправлялись. Можеть, и миловались въ лѣсу: мнѣ все равно! Слышишь, все равно!

Она сидѣла противъ него, все такъ же близко. Теркинъ вышелъ изъ своего полузабытья.

— Если ты серьезно... не дурачишься, Сима...

— Ради Бога, безъ правоученій!.. Видишь, я, не желая того, ловушку тебѣ устроила!—углы ея рта стало опять подергивать:— Небось ты распозналъ съ первыхъ словъ, что я не побасенки рассказываю, а настоящее дѣло. И что же? Хоть бы слово одно у тебя вырвалось... Одно, единственное!.. Вася!.. Насъ теперь никто не видитъ и не слышитъ. Неужли нѣтъ въ тебѣ настолько совѣсти, чтобы сказать: „Серафима, я тебя бросить собираюсь?“..

— Кто тебѣ это сказалъ?—вскрикнулъ онъ и оттолкнулъ ее движеніемъ руки.

— Я тебѣ это говорю! Не то что ужъ любви въ тебѣ нѣтъ... Жалости простой! Да я и не хочу, чтобы меня жалѣли... И бояться нечего за меня: смерти больше искать не стану... Помраченье прошло!.. Всѣ, всѣ—предатели!

Хохотъ вырвался изъ горла, уже сдавленнаго новымъ приступомъ истерики.

Серафима вскочила и побѣжала черезъ цвѣтникъ въ лѣсъ. Теркинъ не бросился за ней, но махнулъ рукой и остался на террасѣ.

Онъ не захотѣлъ догнать ее, обнять или стать на колѣни, тронуть и разубѣдить. Какъ параличемъ поражена была его воля. Онъ не могъ и негодовать, накидываться на нее, осыпать ее

выговорами и окриками. За что? За ея безумную любовь? Но всякая любовь способна на безумство... Ему слѣдовало пойти за ней, остановиться и повиниться въ томъ, что онъ не любитъ ее такъ, какъ она его. Но развѣ она не увидала этого раньше, тѣмъ онъ самъ?

Въ лѣсу уже стемнѣло. Серафима сразу очутилась у двухъ сосенъ съ сидѣньемъ, но пошла дальше въ глубь. Она не ждала за собою погони. Ея „Васа“ погибъ для нея безповоротно. Не хотѣла она ставить ловушку, но такъ вышло. Онъ выдалъ себя. Та—святоша—владѣть имъ.

Разсказала она ему про свои поиски яда и пистолета, но про одно умолчала: у заѣзжаго армянина, торгующаго бирюзой, золотыми вещами и кавказскимъ серебромъ, она нашла кинжалъ, съ костяной рукояткой, въ родѣ охотничьяго ножа, даже спросила: отточенъ ли онъ. Онъ былъ отточенъ. О себѣ ли одной думала она, когда платила деньги за этотъ ножъ?..

Теперь, въ темнотѣ лѣса, куда она все уходила, уже задержанной, колеблющейся поступью, она не побоялась заглянуть себѣ въ душу...

Ее гложетъ ненависть къ Калеріи—такая, что какъ только она вспомнить ея лицо или бѣлый чепчикъ и пелеринку—дрожь пойдетъ у нея отъ груди къ ногамъ и къ рукамъ и булавки сжимаются сами собою. Нельзя имъ больше жить подъ одной крышей. А теперь Калерія—съ этимъ повѣтріемъ ребятъ въ Мирончикъ—когда еще уйдетъ? Да и дифтеритъ не приберетъ ее; сперва она ихъ обоихъ заразитъ, принесетъ съ собою въ юбкахъ. Уберется она, наконецъ,—все равно, его потянетъ за ней, онъ будетъ участвовать въ ея святошескихъ занятіяхъ. Она, все равно, унесетъ съ собою его сердце!

„Предатели, предатели!“—шептали запекшіяся отъ внутренняго жара губы Серафимы, и она все дальше уходила въ лѣсъ.

Совсѣмъ стало темно. Серафима натыкалась на пни; въ лицо ей хлестали сухія вѣтви высокихъ кустовъ, кололи ее иглы хвои—она даже не отмахивалась. Въ срединѣ груди ныло, въ сердцѣ востерпимо жгло, ноги стали подкашиваться. Гдѣ-то, на маленькой лужайкѣ, она упала какъ снакъ на толстый пластъ хвои, ничкомъ, схватила голову въ руки отчаяннымъ жестомъ—и зарыдала, почти завывала. Ее всю трясло въ конвульсіяхъ.

Ни просвѣта, ни опоры—ни въ себѣ, ни подъ собою: вотъ что заглодало ее, точно предсмертная агонія, когда она—послѣ припадка—лежала уже на боку, у той же сосны, и смотрѣла въ чащу лѣса, засинѣвшаго отъ густыхъ сумерекъ. Никакой опоры!

Отрывками, въ видѣ очень свѣжихъ воспоминаній годовъ ученья и дѣвчества, уходила она въ свое прошлое. Неужли въ немъ не было ничего завѣтнаго, никакой вѣры, ничего такого, что утѣшило бы эту бѣшеную злобу и обиду, близкую къ помраченію всего ея существа? Вѣдь ее воспитали и холили; мать души въ ней не чаяла; въ гимназiи всѣ баловали; училась она бойко, книжки читала, въ шестомъ классѣ даже къ ссыльнымъ ходила, таяло ее во что-нибудь, гдѣ можно голову свою сложить за идею. Но это промелькнуло... Пересилила суетность, купила себѣ мужа—и въ три года образовалась „пустушка“. Какъ мотылекъ на огонь, ринулась она на страсть. Все положила въ нее... Все! Да что же все-то? Весь пылъ, неутолимую жажду ласки и глупую, бабью вѣру въ вѣчность обожанія своего Васи, въ его преклоненіе передъ нею...

И черезъ годъ—вотъ она, какъ звѣрь, воетъ и бьется, готова кидаться какъ бѣсноватая и кусать всѣхъ, душисть, рѣзать, жечь.

— Царица Небесная! Смилуйся!—Она приподнялась и, все сидя на землѣ, опустила голову въ ладони.

Нѣтъ,—это обмолвка! Вѣры въ ней нѣтъ никакой: ни раскольничьей, ни православной, ни нѣмецкой, ни польской, ни другой какой—нынѣшней: толстовской или пашковской... Съ тѣхъ поръ какъ она замужемъ, и въ эти два послѣднихъ года, когда она только жила въ Васю—ни разу, даже у гроба отца своего, она не подумала о Богѣ, о томъ, кто насъ поставилъ на землю, и должны ли мы искать правды и сѣта. Никто вокругъ нея не жилъ въ душу, въ мысль, въ подвигъ, въ милосердіе. Только мать обратилась опять къ божественному; но для нея это—изувѣрство, и смѣшное изувѣрство. Мѣшочекъ съ сухарями, лѣстовки да поклоны съ буханьемъ головы по тысячу разъ на день, да угощеніе пьяныхъ поповъ-разстригъ. Дѣтей нѣтъ, дѣла никакого, народъ она не жалѣетъ, теперешнее общество ни въ грошъ не ставитъ, достаточно присмотрѣлась къ его безпутству и пустотѣ...

Что возвратитъ ей любовника? Какое приворотное зелье? Туманъ страсти ни на одинъ мигъ не прорвало сознание, что въ немъ, въ ея Васѣ, происходитъ броженіе души, и надо его привлекать не одними плотскими чарами.

Опять мелькнули въ ея мозгу прозрачное лицо Калеріи и взглядъ ея кроткихъ, улыбающихся глазъ. Злоба сдавила горло. Она начала метаться, упавъ навзничъ, и раскинула руки. Уничтожить разлучницу—вотъ что заколыхало Серафиму и забило ей въ виски молотками.

И когда яростное напряженіе души схватилось за этотъ исходъ, Серафима почувствовала, какъ вдругъ всю ее точно сжало въ комокъ, и она застыла въ сладострасть кровавой расплаты.

XX.

Стукъ въ дверь разбудилъ Теркина.

Онъ обернулся на окно, завѣшенное сторой. Ему было не сомнѣнь—сколько онъ спалъ; но врядъ ли больше двухъ-трехъ часовъ.

— Василій Ивановичъ! Батюшка!—послышался дѣтскій шопотъ за дверью.

Говорилъ Чурилинъ.

— Что тебѣ? Войди!

Карликъ въ темнотѣ вкатился и прямо къ постели.

— Батюшка! Пожалуйста поскорѣе! Страсти какія!

— Пожаръ?

— Барыня, Серафима Ефимовна... онѣ сторожатъ... притаились... что-то съ барышней хотятъ сдѣлать... Кинжалъ я у нихъ видѣлъ...

— Чтѣ ты городишь!

Но Теркинъ уже вскочилъ и сейчасъ все вспомнилъ: легъ онъ, дождавшись Калеріи, въ большомъ волненіи. Она его успокоила, сказала, что мальчикъ еще живъ, а остальные дѣти—съ слабыми формами повѣтрія. Серафима прошла прямо къ себѣ въ лѣсу. Онъ ее не сталъ ждать и ушелъ наверхъ, и какъ только раздѣлся, такъ и заснулъ крѣпко. Не хотѣлъ онъ новыхъ сценъ и рѣшилъ утромъ рано уѣхать въ посадъ, исвать доктора и побывать у мѣстныхъ властей.

— Пожалуйста, пожалуйста!—понукалъ его карликъ.

Теркинъ зажегъ свѣчу и надѣлъ халатъ прямо на ночное бѣлье.

— Говори толкомъ!—грозно крикнулъ онъ.

Чурилинъ, съ блѣднымъ лицомъ и влажнымъ лбомъ, заикаясь, заговорилъ опять шопотомъ:

— Прокрадутся къ барышнѣ—вѣрьте слову... Я васъ и барышню жалѣючи, Василій Ивановичъ. Тутъ душегубство будетъ... Пожалуйста, батюшка!

И онъ дергалъ своей ручкой за полы халата; но въ глазахъ его, кромѣ испуга, была твердость воли—захватить покушеніе и уличить Серафиму. Онъ ее не выносилъ и постоянно за ней подглядывалъ.

— Свѣти!—приказаль ему Теркинъ.

Карликъ покатылся впередъ, держа свѣчу. Онъ былъ босикомъ, въ ночныхъ панталонахъ и цвѣтной рубашкѣ съ косымъ воротомъ. И Теркинъ въ туфляхъ шагаль черезъ ступеньку.

— Потише, потише!—пустиль дѣтскимъ шопотомъ Чурилинъ.

Только-что они спустились на площадку, какъ изъ угловой комнатки, гдѣ спала Калерія, долетѣлъ испуганный возгласъ, а потомъ—сдавленный крикъ.

Теркинъ выхватилъ у карлика подсвѣчникъ и побѣжалъ туда. Чурилинъ—за нимъ.

У двери, оставшейся незапертой, Теркинъ быстро поставилъ подсвѣчникъ на комодъ и кинулся къ постели; захваченный чувствомъ большой безопасности, онъ сразу не могъ разглядѣть въ полутемнотѣ, что тутъ происходитъ.

Новый крикъ,—онъ узналъ голосъ Калеріи—заставилъ его наброситься на Серафиму, схватить ее сзади за плечи и стремительно отбросить назадъ.

— Такъ ты вотъ какъ!—глухо крикнулъ онъ.

На кровати Калерія, въ ночной кофтѣ, съ распущенными волосами, откинулася къ стѣнѣ, спустила ноги и схватила одной рукой за лѣвое плечо. На бѣлѣ выступила кровь. Она уже не стонала и только другой рукой силилась прикрыться одѣяломъ.

Серафима вырывалась отъ Теркина—на ней былъ пеньюаръ—и правой рукой какъ будто силилась нанести ударъ по направленію къ Калеріи. Вся она дрожала, изъ горла выходилъ хрипъ. Зрачками она тихо поводила, грудь колыхалась, спутанные волосы покрывали лобъ.

— Пусти! Пусти!..—крикнула она, яростно рванулась какъ разъ къ кровати и упала на одно колѣно.

Карликъ подбѣжалъ къ ней съ другой стороны, схватилъ за свободную руку и повисъ на ней. Теркинъ сталъ выхватывать у Серафимы кинжалъ, вырвалъ съ усиліемъ и поранилъ себя въ промежуткѣ между большимъ и указательнымъ пальцами,

— Василій Ивановичъ! Родной!.. За меня!.. Господи!

Калерія вскочила, забывъ про босыя ноги, и мимо Серафимы бросилась къ Теркину.

Онъ успѣлъ уже нагнуться къ Серафимѣ, схватилъ ее въ охапку, пронесъ къ ней въ спальню, куда уже прибѣжала сонная горничная, почти бросилъ на постель, крикнулъ Степанидѣ:— Ступай отсюда!—вытолкалъ ее и заперъ дверь на ключъ.

— Батюшка!.. Баринъ!.. Онѣ на себя руки наложатъ!—вся уже въ слезахъ взмолилась Степанида.

— Не наложить! Небось!—гнѣвно и жѣстко крикнулъ онъ.— Только слышишь—и онъ грозно поглядѣлъ на нее:—ни гугу! Боже тебя сохрани болтать!

Къ Калеріи онъ бросился назадъ, уже совсѣмъ овладѣвъ собою, какъ всегда, въ минуты настоящей опасности.

— Голубчикъ!—встрѣтила она его умоляющимъ тономъ:— ради Создателя, не бойтесь вы за меня и не гнѣвайтесь на нее. Ничего! Чистые пустяки! Видите, я сама могла перевязать.

Она уже сидѣла въ постели и Чурилинъ держалъ передъ ней ея ящичекъ, откуда она уже достала корпію и бинтъ и обматывала себѣ плечо, подмышку. Одинъ рукавъ кофты она спустила и въ первыя минуты присутствіе Теркина не стѣсняло ее; потомъ она взглянула на него съ краской на щекахъ и выговорила потише:

— На минуточку... пошлите мнѣ Степаниду... Или вѣтъ, я сама...

— А его вамъ оставить?—спросилъ Теркинъ, указавъ головой на карлика.—Я выйду.

— Онъ—ничего!..

Она даже усмѣхнулась, и въ глазахъ у нея не было уже ни страха, ни даже безпокойства.

Теркинъ вышелъ въ корридорчикъ.

— Бьются онѣ тамъ,—доложила ему шопотомъ Степанида, все еще въ слезахъ.—Позвольте, баринъ, хоть воды... спирту...

Изъ спальни раздавался истерическій хохотъ Серафимы.

— Ничего! Пройдетъ!—такъ же жѣстко выговорилъ онъ и тутъ только вспомнилъ, что надо припрятать кинжалъ, брошенный на полъ.

„Вещественное доказательство“,—подумалъ онъ, вышелъ на заднее крыльцо и присѣлъ на ступеньку. Ночь пахнула ему въ лицо свѣжестью.

Онъ уже не боялся больше за Калерію и ни чуточки не жалѣлъ Серафиму. Его нисколько не трогало то, что эта женщина пришла въ такое безумство, что покусилась на убійство изъ нестерпимой ревности, изъ обожанія къ нему.

„Распуста!“—выговорилъ онъ про себя то самое слово, которое выплыло у него въ лѣсу, когда онъ тамъ, дорогой въ Миرونку, впервые опредѣлялъ Серафиму.

„Злоба какая звѣрская!“—толпились въ немъ мысленно приговоры:—„хоть бы одна человѣческая черта... Никакой сдержки! Да и откуда? . Ни Бога, ни правды въ сердцѣ! Ничего, кромѣ своей воли да бабьей похоти!“

Ему какъ будто стало пріятно, что вотъ она теперь—въ его рукахъ. Хочетъ—выдать ее судебной власти... Бѣдшаго она не заслуживаетъ.

Но это проскользнуло только по дну души—тотчасъ взяло верхъ болѣе великодушное чувство.

„Выпущу завтра—и ступай на всѣ четыре стороны. Дня не останусь съ нею! Калерію Порфирьевну я долженъ оградить первымъ дѣломъ“.

И съ новой горечью и надеждой сталъ онъ думать о томъ, что безъ нея, безъ соблазна, пошедшаго отъ этой именно женщины, никогда бы онъ не замаралъ себя—въ собственныхъ глазахъ—участіемъ въ утайкѣ денегъ Калеріи и не пошелъ бы на такой неблаговидный заемъ.

„Подлость какая!“—чуть не вскричалъ онъ вслухъ.—„Ограбить дѣвушку, оскорблять ее заочно, ни за что, ни про что ее возненавидѣть, да еще полѣзть рѣзать ей горло ножомъ, сонной, у себя въ домѣ!..“

Тутъ только наплывъ нѣжной заботы къ Калеріи охватилъ его. Его умиленіе передъ этой дѣвушкой „не отъ міра сего“ вызвало тихія слезы,—и онъ ихъ не сдерживалъ.

— Баринъ! — раздался сзади возбужденный шопотъ Чурилина.—Барышня васъ просятъ къ себѣ.

— Легли опять въ постель?

— Да-съ. И сами себя перевязали. Я диву дался...

Карликъ считалъ себя немножко и фельдшеромъ. Ловкость Калеріи привела его въ изумленіе.

Теркинъ перебѣжалъ корридорчикъ.

— Бездѣнная вы моя!

Онъ опустился на колѣни подлѣ кровати и прильнулъ губами къ висти пораненной руки, лежавшей поверхъ одеяла.

Калерія прислонилась къ подушкѣ и заговорила тихо, сдерживая слезы:

— Ради Создателя, Василій Ивановичъ, простите вы ей! Это она въ безуміи. Истерика! Вы не знаете, вы—мужчина. Надо съ мое видѣть. Вѣдь она истеричка—это несомнѣнно... Прежде у нея этого не было. Нажила... Не оставляйте ее тамъ взаперти. Попшите Степаниду... Я и сама бы... да это еще больше ее разстроить. Навѣрно съ ней галлюцинаціи бываютъ въ такихъ припадкахъ.

— Никакой тутъ болѣзни нѣтъ,—прервалъ онъ.—Просто злоба да... звѣрство!

— Голубчикъ! Она васъ до сумасшествія любитъ. Что-жъ

это больше, скажите вы сами?.. Мнѣ такъ прискорбно... Внесла сюда раздоръ... Я рада-радѣхонька буду уѣхать хотъ завтра... да мнѣ васъ обоихъ до смерти жалко. Помирить васъ я должна... Непремѣнно!

— Пускай она своей дорогой идетъ!

— Не берите грѣха на душу! Она—ваша подруга. Бракъ— великая тайна, Василій Ивановичъ. Простите.

— И вы за кого просите! Не стѣдить она вашего мизинца!

— Подите къ ней, приласкайте... Вѣдь у меня — чистый пустякъ... Завтра и боль-то вся пройдетъ... Я въ Мироновку на весь день уйду.

— Воля ваша,—выговаривалъ онъ, все еще стоя у кровати,— не могу я къ ней идти... Горничную пушу. Больше не требуйте отъ меня... Ахъ вы!.. Вотъ передъ кѣмъ надо дни цѣлые на колѣняхъ стоять!

— Что вы, что вы!.. Голубчикъ!

Она махнула рукой и тотчасъ отъ боли чуть слышно заныла.

— Милая!.. Гоните меня!.. Почивайте!.. Вѣрьте—слезы не позволили ему сразу выговорить:—вѣрьте... Василій Теркинъ до послѣдняго издыханія—вашъ, вашъ... какъ вѣрный песъ!..

Онъ выбѣжалъ и кривнулъ въ корридоръ:

— Степанида! Можете идти къ барынѣ. Ключъ въ дверяхъ.

П. Боворыкинъ.

ПИСЬМА С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ *).

1877-й годъ.

1.

Плочицы, 31-го мая.—Сегодня добрался до нашей главной квартиры; еслибы сегодня не шелъ курьеръ въ Петербургъ, то, конечно, оставилъ бы письмо до завтра, ограничившись только телеграммой. Усталъ я порядкомъ, и настолько шумить и пусто въ головѣ отъ этой непрерывной траски, въ теченіе шести дней, что, право, трудно собирать мысли, чтобы писать. Тѣмъ не менѣе, моя дорогая, коротенько надо тебѣ описать мое путешествіе. Большую часть времени я сидѣлъ или стоялъ у своего окна и глядѣлъ вдаль, любуясь свѣжей зеленью и ароматомъ весны. Уставалъ я отъ путешествія немного и отъ жары совсѣмъ не страдалъ, несмотря на то, что путешествіе было далеко не такъ комфортабельно, какъ обѣщало быть. Въ Кіевѣ опоздали безъ всякой причины, чуть не на цѣлый часъ, и едва-едва попали на поѣздъ, въ другіе вагоны; багажъ не успѣли съ нами отправить, и потому я теперь еще безъ багажа и не знаю, когда онъ будетъ; впрочемъ, въ Кишиневѣ взялись благонадежные

*) Адресованы въ С.-Петербургъ къ Елизаветинѣ Алексѣевнѣ Боткиной.—Ред.

люди, чтобы мнѣ переправить, а то жутко придется жить безъ книгъ, безъ бѣлья, сахара и пр. Отъ Кіева до Кишинева компаніей моей были сестры Георгіевской Общины, или лучше К., который сопровождалъ этотъ отрядъ.

Въ Яссахъ я разстался съ этимъ отрядомъ сестеръ, которыя не могли успѣть перебраться изъ вагона въ вагонъ, и мнѣ пришлось по первой половинѣ Румыніи ѣхать одному, чему я отчасти и обрадовался. Вагонъ обѣщанъ былъ до Плоэшты, но, къ сожалѣнію, обѣщаніе это румыны не сдержали; въ Романо, какъ разъ, когда я располагалъ улечься на ночь со всѣми удобствами, мои вещи изъ вагона были взяты и вагонъ мой отцѣпленъ; это совершилось почти передъ самымъ отъѣздомъ, и я не успѣлъ даже протестовать. Пришлось сѣсть въ вагонъ, набитый биткомъ нашими офицерами, по преимуществу артиллеристами; они всѣ сочувственно ко мнѣ отнеслись, искренно желали устроить мнѣ всевозможныя удобства, и каждый изъ нихъ съуживался, уступалъ свое мѣсто такъ, чтобы дать мнѣ протянуть ноги. Видя такое милое отношеніе ко мнѣ, я забылъ свое горе; начали мы бесѣдовать, и я такъ нравственно отдохнулъ, что забылъ свою усталость; отъ нихъ повѣяло той свѣжестью, искренностью, которую въ Питерѣ не часто встрѣчаешь; настроеніе было прелестное. Тамъ было нѣсколько типовъ, о которыхъ я тебѣ какъ-нибудь напишу, какъ только отдохну.

2.

Плоэшты, 1-го іюня.—Вчера послалъ тебѣ письмо съ курьеромъ, при очень комической обстановкѣ; написавъ тебѣ свой сухой дневникъ, я пошелъ обѣдать и захватилъ письмо съ собой; дорогой встрѣчаюсь съ чиновникомъ третьяго отдѣленія, котораго принимаю за другого чиновника, завѣдующаго отправкой писемъ; съ этимъ я очень хорошъ, и потому, встрѣтившись съ тѣмъ чиновникомъ и сказавъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, передаю ему письмо для отправки и, смѣючись, спрашиваю, кто у нихъ тамъ будетъ читать это письмо и успѣетъ ли онъ разобрать мое писаніе; чиновникъ мой сконфузился и сталъ увѣрять, что они не читаютъ, а, кажется, онъ-то самъ, которому я далъ письмо, именно и читаетъ. Конечно, послѣ это послужило здѣсь забавнымъ анекдотомъ. Несмотря на то, что мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главныхъ событій, но ничего не знаемъ; газеты здѣсь получаются поздно и потому лишены интереса; конечно, здѣсь извѣстны только самыя крупныя событія. Плоэшты — довольно гнусный

городишко, котораго я еще почти совсѣмъ не знаю; пока еще не видалъ ни одной возвышенности, съ которой можно было бы оглядѣть этотъ городокъ, считающійся третьимъ въ этомъ гнусномъ румынскомъ княжествѣ, населеніе котораго для меня въ высшей степени несимпатично: оно напоминаетъ виѣшностью евреевъ, только не имѣетъ интеллигентности этого народа; такіе все дохлые, слабые, малые. Всѣ румыны поголовно считаютъ себя аристократическаго происхожденія, — почему лѣнливы; женщины, особенно высшего круга, имѣютъ самую нелестную репутацію. Здѣсь рассказываютъ, что Румынія была римской колоніей, куда высылали римляне за наказаніе публичныхъ женщинъ и различныхъ преступниковъ; этимъ и объясняютъ легкость здѣшнихъ нравовъ. Евреевъ въ Румыніи видимо-невидимо, и здѣсь они, кажется, совсѣмъ какъ въ Іерусалимѣ.

Помѣщенъ я здѣсь очень хорошо: у меня совершенно отдѣльный домикъ, состоящій изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ одна чистая; тутъ я и сплю, и ѣмъ; не жарко, солнце только до 12 часовъ, потому что она выходятъ на сѣверо-востокъ; маленькій дворикъ, на которомъ живетъ какая-то бѣдная еврейская семья, составъ и занятія которой мнѣ еще неизвѣстны. Домикъ чисто содержится и имѣетъ видъ нашихъ пригородныхъ дачъ, только каменный; при домѣ кухни нѣтъ, роль которой выполняетъ какой-то камелекъ виѣ зданія; сплю я не на постели, а на диванѣ, который хотя и узокъ, но мягокъ, не такъ, какъ въ Кишиневѣ.

Здѣсь, конечно все по секрету, поговариваютъ о скоромъ выступленіи главной квартиры, но куда — неизвѣстно; когда получишь письмо, ты будешь, вѣроятно, это знать изъ газетъ (кстати присылай мнѣ вырѣзки газетныя, что найдешь интереснымъ для меня). Не пугайся и не безпокойся, если не будешь иногда получать депешъ: ходятъ онѣ ужасно плохо. До сихъ поръ отъ тебя я еще здѣсь ничего не получалъ, а навѣрное ты уже послала.

Теперь здѣсь жарко, но, къ удивленію, я переносу этотъ жаръ очень хорошо; потѣю, но нисколько не страдаю. Въ настоящее время положеніе врача лейбъ-медика — тяжелая и тяжелая ноша.

Сейчасъ я былъ прерванъ появленіемъ предъ окномъ нищаго, старика лѣтъ 60-ти, въ оригинальномъ костюмѣ: на одномъ плечѣ у него висѣла въ родѣ плаща баранья шеура и прикрывала его наготу, недостаточно защищаемую какими-то лохмотьями въ родѣ рубахи; онъ все время, внушительно жестикулируя, говорилъ передъ моимъ окномъ на румынскомъ языкѣ и не уходилъ до тѣхъ поръ, пока ему не дали копѣйку; фizioномія очень красивая и,

должно быть, какого-нибудь славянского происхожденія, тѣмъ болѣе, что оказалось — онъ маракуетъ кое-что по-польски.

3.

Плоскиты, 2-го июня. — Вчера день прошелъ, что говорится, гадко: утромъ у Черкаскаго бесѣдовали о дѣлахъ Краснаго Креста; вернувшись около четырехъ часовъ домой, — конечно, мокрые, какъ будто вышли изъ воды, — засѣли за чай съ лимономъ, что составляетъ здѣсь одинъ изъ благороднѣйшихъ напитковъ, къ которому прибѣгаешь при всякой оказіи; впрочемъ больше трехъ разъ въ день пока не пьешь чая, который замѣняется тоже сифонами съ краснымъ виномъ. Эта форма питья здѣсь самая распространенная. Чтобы дать тебѣ понятіе о томъ, какъ здѣсь велика жажда, скажу тебѣ, что въ первую недѣлю пребыванія здѣсь главной квартиры выпито было двѣ тысячи сифоновъ. Это тебѣ дастъ понятіе о жарѣ; я отъ нея не страдаю, тѣмъ болѣе, что во время самой большой жары сижу дома; комната же моя очень сносная, въ тѣни; конечно, я обливаюсь потомъ, то выпью сиропа, то съѣмъ или, лучше, пососу апельсинъ, то попью чаю, — при этомъ жаръ не дѣйствуетъ на меня угнетающимъ образомъ. Я сегодня кромѣ службы никуда не выходилъ, читалъ съ большимъ удовольствіемъ, побесѣдовалъ кое съ кѣмъ и чувствую себя совершенно бодрымъ и способнымъ на всякую работу; завтракаю я обыкновенно возвращаясь съ своей службы, слѣдовательно довольно рано, и сегодня приступилъ къ моему незамѣнному ничѣмъ блюду — къ яичницѣ, затѣмъ три чашки чая съ отличнымъ молокомъ. Къ общему завтраку въ 12^{1/2} ч. я не хожу, потому что совершенно сытъ; иду къ общему обѣду въ 6 часовъ, когда жаръ начинаетъ спадать, и послѣ обѣда настолько дѣлается пріятно, что возможно ѣхать верхомъ безъ угнетающаго дѣйствія солнца; по вечерамъ сажусь пить чай на своемъ крыльцѣ, гдѣ было бы отлично, еслибы не одолѣвали бабочки, летящія на свѣчи и залетающія мимолетомъ и въ носъ, и въ ротъ, и въ чай. Мой домикъ имѣетъ большую прелесть особняка, съ маленькимъ дворикомъ, очень чистымъ и безъ малѣйшей вони; передъ окнами моей комнаты, во дворѣ, зелень изъ какихъ-то кустарниковъ и одного дерева; это придаетъ помѣщенію характеръ дачи. Вчера верхомъ мы сдѣлали очень красивую прогулку въ другую сторону, чѣмъ въ первый разъ. Выѣхали къ сторонѣ Карпатовъ, которые красовались передъ нами въ кокетливомъ освѣщеніи заходящаго

солнца; полемъ обогнули значительную часть города и въѣхали въ него почти съ противоположной стороны, и намъ пришлось проѣхать порядочное разстояніе города, который довольно широко растянута на очень ровной плоскости; у каждого дома есть дворикъ съ нѣсколькими деревьями, что могутъ назваться даже садиками; почти всѣ дома, съ небольшими исключеніями, одноэтажные и имѣютъ особенность, до сихъ поръ нигдѣ мною не видѣнную: быть покрытыми не желѣзомъ, а жестию, которая блеститъ на солнцѣ, какъ серебро; побѣднѣе дома покрыты тѣсомъ, улицы всѣ вымощены, и въ этомъ отношеніи Плошты гораздо лучше Кишинева, гдѣ пыль и грязь, и нечистота—мѣстами рѣшительно классическія. На улицахъ мало приходится встрѣчать здѣшнее богатое населеніе; повидимому, остались только тѣ, которые привязаны къ городу службой или кормомъ; весь городъ половъ, конечно, русскими военными, значительная часть домовъ занята нами; говорятъ, здѣсь есть какіе-то увеселительные сады, куда собирается по вечерамъ все здѣшнее постоянное и пришлое населеніе, но я тамъ еще не былъ.

До сихъ поръ вообще у меня не вырисовался еще типъ румынъ собственно—слишкомъ онъ задавленъ нашимъ собственнымъ элементомъ.

Наконецъ, сегодня я получилъ свой багажъ, и только съ нынѣшняго дня я устроенъ вполне; явилась моя постель.

Вещи мои мнѣ были доставлены очень милымъ, любезнымъ казацкимъ офицеромъ Верещагинымъ, братомъ художника, находящагося теперь гдѣ-то въ арміи на передовыхъ пунктахъ. Съ казакомъ этимъ я познакомился еще на курской дорогѣ; взявъ на себя въ Кишиневѣ доставку моихъ вещей, онъ мнѣ оказалъ громадную услугу, тѣмъ болѣе, что самъ изъ-за этого провелъ лишнія сутки въ дорогѣ; послать же вещи безъ пассажира было рискованно—я бы ихъ получилъ дней черезъ 10—15.

Сейчасъ духота нынѣшняго утра разразилась проливнымъ дождемъ, что, говорятъ, здѣсь бываетъ довольно часто, отчего и названіе города; впрочемъ, болотъ около города нѣтъ и мѣстность считается нелюбопытной.

4.

Плошты, 3-го іюня.—Теперь я ожилъ: погода свѣженькая, хотя сыро, но это не такъ тяжело, какъ первые дни африканскихъ жаровъ. Вчерашній день у меня весь разошелся такъ, что я его за хвостъ даже не успѣлъ схватить. Съ самого утра были

посѣтители, почти одинъ за другимъ, кто по дѣлу, кто отъ бездѣлья. Усталъ я порядкомъ послѣ этого пріема, но не безъ толку. Были врачи Краснаго Креста, пришлось распутать кое-какія недоразумѣнія, и пр.

Вчера походилъ, между прочимъ, и пѣшкомъ, а послѣ обѣда былъ на бивакѣ нашего конвоя. Все это чрезвычайно меня интересуетъ по своей оригинальности и, нужно прибавить, по своей живописности; бивакъ стоитъ въ маленькой рощицѣ, палатки разбросаны подъ деревьями въ живописномъ безпорядкѣ, между ними лошади и люди.

Пока я и не чувствую, что мы на войнѣ — какъ будто въ Красномъ Селѣ, только попроще обстановка, поблагодуще. Обѣдъ здѣсь очень хорошій; особенно вкусна баранина, которую я ѣмъ второй разъ въ моей жизни съ величайшимъ наслажденіемъ: ни малѣйшаго запаха нашихъ сѣверныхъ барановъ. Въ 9 ч. я былъ дома и у меня собрались гости: Добровольскій, Ковалевскій, Марконетъ и его другъ, Тучковъ; шла бесѣда довольно оживленная и не безъ интереса; вспоминали исторію прошлыхъ нашихъ турецкихъ войнъ, различные рассказы военной жизни, и пр. Сегодня отправляюсь осматривать здѣшніе госпитали, жду префекта, который будетъ моимъ чичероне. Незнаніе абсолютное языка ужасно тяжело.

5.

Плоэшта, 4-го іюня. — Сегодня былъ въ здѣшнемъ госпиталѣ, устроенномъ для города румынскимъ правительствомъ. Больница на 60 человекъ, довольно чистенькая; доктора французской школы, безъ большой учености и безъ всякихъ тонкостей, только съ *grand bon sens*. Временно помѣщены здѣсь и наши солдатики, которымъ теперь отведено помѣщеніе въ отдѣльномъ лазаретѣ; онъ только сегодня началъ свои дѣйствія; главный докторъ какой-то съ доброй фізіономіей и польской фамиліей, и дерптскаго университета докторъ, очень плохо говорящій по-русски (Келлеръ) и едва пишущій, — оба работаютъ усердно. Самое интересное, что я до сихъ поръ видѣлъ въ Плоэштахъ, это — двухъ разбойниковъ, при осмотрѣ здѣшней тюрьмы. Можешь себѣ вообразить — это два брата, юноши, одному 19 лѣтъ, другому 17; они успѣли совершить уже 14 убійствъ, шесть разъ убѣгали изъ тюрьмы, теперь приговорены на вѣчную каторгу. Это такіе два лица, на которыхъ можно смотрѣть не безъ внутреннего ощущенія. — Кто ихъ родители? — спросилъ я. Отецъ умеръ въ тюрьмѣ, куда попалъ тоже за убій-

ство и разбой. Два брата очень высокаго роста, худые, мускулистые, пригибаются отъ высоты роста, руки длинныя, лица съ тупымъ, холоднымъ и мрачнымъ выраженіемъ. Сидятъ они въ кандалахъ, и только благодаря этой мѣрѣ не страшно стоять возлѣ этихъ двухъ звѣрьковъ; содержатся вдвоемъ въ одной небольшой комнатѣ. Остальные обитатели этой душевной больницы — всѣ вмѣстѣ; лица эти, также какъ и въ Кишиневѣ, производятъ очень тяжелое впечатлѣніе. Эти темныя, южныя лица съ маленькими лбами, густыми черными бровями производятъ самое тяжелое впечатлѣніе...

...Здѣсь врядъ ли мы будемъ долго; половина главной квартиры куда-то уже вышла сегодня; завтра мы куда-то ѣдемъ налегѣхъ, потомъ вернемся и опять куда-то поѣдемъ; все—секретъ; не забудь мнѣ присылать вырѣзки изъ газетъ; изъ нихъ узнаю, чтѣ здѣсь у насъ дѣлается или дѣлалось.

5-го іюня.—Сейчасъ узнаю, что одинъ казацкій офицеръ-скакунъ ѣдетъ въ Питеръ, черезъ Москву; пользуюсь случаемъ, чтобы послать тебѣ эти строки; тутъ надо пользоваться каждой окказіей... Здѣсь мы живемъ, конечно, ничего не зная, но тѣмъ не менѣе жизнь здѣшняя представляетъ живой интересъ; чувствуется, что большія событія готовятся на-дняхъ. Погода стоитъ отличная; жаровъ нѣтъ, напротивъ, прохладно; нынче день весь простоялъ безъ дождя, хотя и сѣренькій...

Сегодня я бралъ ванну; мылъ меня румынскій жидъ и мылъ на турецкій ладъ, чтѣ, впрочемъ, было не совсѣмъ пріятно; впрочемъ, вымылъ чисто... Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что у меня казакъ, да, кромѣ того, на ночь у двери еще стоитъ казакъ; это совсѣмъ въ моихъ нравахъ—могу спать спокойно съ такой массой сторожей.

6.

Плозшты, 7-го іюня—Сегодня райская погода. Эти дни было свѣжо, не совсѣмъ пріятно; сегодня же воздухъ какъ бархатъ и нѣжить; конечно, на солнцѣ жарко, но въ моей комнатѣ, безъ солнца — прелесть; я сегодня все время, почти до 4-хъ часовъ, проработалъ и чувствую въ себѣ такую бодрость, какой давно уже не чувствовалъ. Теперь день мой пришелъ въ правильный порядокъ: я и читаю, и пишу, и болтаю, и гуляю; все это въ свое время и безъ скуки. Въ той одинокой жизни, которую приходится здѣсь вести, книга и работа есть величайшее благодѣяніе. Моя квартира особнякомъ, съ маленькимъ, но чистымъ дво-

рикомъ, на которомъ, въ хорошую погоду, я могу пить чай вечеромъ, много помогаетъ мнѣ жить здѣсь хорошо... У насъ здѣсь никакихъ новостей, всѣ здоровы и вообще санитарное состояніе въ Плоэштахъ до сихъ поръ отличное, — никакихъ эпидемическихъ болѣзней. Сегодня получилъ русскія газеты, послѣднія отъ 1-го іюня — какъ видишь, не очень свѣжія новости...

7.

Плоэшты, 9-го іюня. — Сейчасъ ѣдетъ курьеръ, для меня совершенно неожиданный; теперь Головинъ пріѣхалъ, и, вѣроятно, ознакомилъ тебя съ моею обстановкой, которая съ тѣхъ поръ существенно не измѣнилась. Мои дни идутъ за днями, проходятъ довольно быстро, но если я вспомню, когда я выѣхалъ изъ Гатчины, то, мнѣ кажется, прошла уже цѣлая вѣчность. Въ теченіе дня я положительно не скучаю, время мое не проходитъ даромъ; окончивъ къ 9 часамъ свои служебныя занятія, я сѣдаю свою яичницу и запиваю двумя чашками чая, затѣмъ сажусь за чтеніе или описаніе; интересная книга есть большой другъ; иногда си-дишь такимъ образомъ вплоть до самаго обѣда, т.-е. до 6-ти часовъ; за 10 минутъ ко мнѣ заходитъ Ковалевскій, и мы отправляемся въ префектуру, гдѣ собирается вся свита. Обѣдъ простой, безъ соусовъ, обыкновенно изъ двухъ блюдъ, мяса, супа и пирожного, продолжается меньше часа; послѣ обѣда покуришь, поболтаешь около той же префектуры, гдѣ-нибудь въ тѣни, и обыкновенно въ 7^{1/2} садишься верхомъ. Обѣдаю настолько умеренно, что послѣобѣденную ѣзду переносу совершенно хорошо; иногда кто-нибудь изъ свиты привяжется ѣхать со мною, чаще же ѣду съ берейторомъ, что мнѣ бываетъ особенно пріятно. На теперешнемъ иноходцѣ ѣзда такъ легка, что, вернувшись домой къ девяти часамъ, я почти не чувствую усталости; съ 7 часовъ жара здѣсь спадаетъ, и прогулки въ это время дѣйствительно такъ сладки, что о нихъ въ теченіе дня не разъ вспомнишь, какъ объ однѣхъ изъ самыхъ пріятныхъ минутъ дня. Иной разъ дѣло устроится иначе, какъ, наприм., вчера: часовъ до 12 я спокойно работалъ и затѣмъ пошелъ валить народъ — Чудновскій, Коломнинъ, уполномоченный Павловъ; только-что ихъ отпустилъ, явился за совѣтомъ переводчикъ при нашемъ константинопольскомъ посольствѣ — Онѹ, и засталъ у меня Суворова, пришедшаго съ благодарственнымъ визитомъ за консультацію. Самое интересное посѣщеніе было, конечно, драгомана, который 13 лѣтъ жилъ

въ Константинополѣ и, конечно, наизусть знаетъ всю Турцію. Отъ него я узналъ между прочимъ, что Абдуль-Кериму болѣе 85 лѣтъ, что онъ безотлучно въ полѣ и всегда съ своимъ докторомъ, который ему долженъ вставлять шесть разъ въ день катетеръ, что Абдуль пользуется громадной популярностью полководца. Очень интересенъ былъ разговоръ о томъ, какъ намъ теперь измѣнилъ сынъ Шамиля, отпущенный изъ Россіи въ Константинополь, гдѣ онъ пользовался русской пенсіей и откуда онъ не выѣхалъ по объявленіи войны; старые черкесы его не выпустили, вѣроятно, рассчитывая воспользоваться его именемъ при своихъ операціяхъ на Кавказѣ.

На дняхъ, вѣроятно, переправа, но гдѣ, какъ, — конечно, мы этого ничего не знаемъ. Вѣроятно, ты получишь это письмо, когда мы перемѣнимъ нашу стоянку, и мнѣ будетъ ее положительно жаль — квартирка у меня хорошая, не жарко, окрестность красива; въ здѣшнихъ кривыхъ улицахъ и переулкахъ я уже по привыкѣ и нахожу все, что мнѣ нужно; впрочемъ, нужно мнѣ бываетъ выѣхать изъ одной заставы города, а въѣхать въ другую. Нашелъ, наконецъ, сторону, съ которой можно видѣть порядочную часть города, очень красиваго издали; много зелени и выдающіяся блестящія жестяныя крыши церквей придаютъ виду много красоты и оригинальности. Я долго думалъ, что все богатое народонаселеніе города разѣхалось, но это оказалось несправедливо, — они всѣ тутъ; тутъ у нихъ всѣхъ видъ такой, что здѣшнихъ аристократовъ не отличишь отъ мастеровыхъ. До сихъ поръ не могу уловить чисто румынскаго типа; масса евреевъ, цыганъ, наконецъ помѣсь этихъ двухъ интеллигенцій совершенно вытѣсняють здѣшний типъ. Народонаселеніе здѣшнее поражаетъ своей мизерностью; встрѣчаются также фізіономіи чисто турецкія. Костюмъ простолюдина чрезвычайно похожъ на нашъ; за городомъ, встрѣчая поселянъ, забываешь, что ты не въ Россіи, — точно въ Малороссіи; тѣмъ болѣе, что въ окраинахъ города можно встрѣтить и наши малороссійскія мазанки. Изрѣдка здѣсь встрѣчаются скопцы, поражающіе своимъ жирнымъ тѣломъ, женскимъ складомъ и отличающіеся отъ здѣшнихъ большимъ ростомъ; ихъ особенно много въ Яссахъ, куда они перебрались изъ Россіи и занимаются почти исключительно извозничествомъ. По ночамъ здѣсь рѣшительно одолаваютъ собаки; днемъ онѣ куда-то исчезаютъ, ихъ не видно, не слышно, но какъ только стемнѣетъ, такъ начинается лай, который не умолкаетъ до разсвѣта; лай этотъ, повидимому, имѣетъ здѣсь другое значеніе, чѣмъ у насъ; они не лаютъ на людей и занимаются исключительно своими соб-

ственными дѣлами. У меня на дворѣ живетъ собачка; она держитъ себя чрезвычайно скромно цѣлый день, забившись куда-нибудь въ уголокъ, не ласкается, не лаетъ, не обращаетъ никакого вниманія на человѣка; но какъ стемнѣло, она какъ бы пробуждается и всю ночь громко бесѣдуетъ съ псами нашихъ сосѣдей, отличающимися густымъ басомъ. Первое время это мѣшало мнѣ засыпать, а теперь, кажется, — не будешь засыпать, если они перестанутъ вести свой оживленный разговоръ.

8.

Плосшты, 10-го іюня.—Вчера курьеръ не уѣхалъ, а потому я тебѣ могу прибавить еще нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что завтра врядъ ли мнѣ удастся тебѣ написать: мы будемъ въ дорогѣ, куда отправляемся сегодня вечеромъ; изъ газетъ ты, вѣроятно, узнаешь объ этомъ прежде, чѣмъ письмо это дойдетъ до тебя. Сегодня день жаркій; вернувшись утромъ домой, снялъ съ себя все сукно, сапоги — и такъ просидѣлъ до 5-ти часовъ; все время читалъ, прекративъ занятіе только тогда, когда ко мнѣ зашелъ Ковалевскій; онъ понемногу начинаетъ ко мнѣ привыкать и дичится все меньше и меньше. Я съ большимъ интересомъ изучаю эту личность, которая представляетъ чрезвычайно много интереснаго. Вчера вечеромъ онъ познакомилъ меня съ обстановкой своихъ первыхъ трехъ студенческихъ лѣтъ, когда ему приходилось существовать на 12 р. въ мѣсяцъ, получаемыхъ съ двухъ уроковъ, да и то иногда съ задержкой или вычетомъ. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, или, лучше, учебныхъ, онъ совсѣмъ не обѣдалъ, а только раза два въ недѣлю ходилъ въ дешевую столовую съѣдать одно блюдо мяса; другіе дни онъ питался булкой съ колбасой, фунтъ которой въ 10 к. сер. онъ ѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней; бывали дни, что онъ совсѣмъ ничего не ѣлъ. Спалъ онъ въ какомъ-то чуланѣ, гдѣ стоялъ узкій диванъ, обтянутый клеенкой безъ подстилокъ, и спалъ очень крѣпко, наработавшись цѣлый день въ академіи; каждый вечеръ хозяйка ему приносила самоваръ, но чаю рѣдко приходилось пить; отолѣть водицы, чтобы скрыть отъ хозяйки свое положеніе, и тѣмъ закончить свой вечеръ. Освѣщенія не было, — онъ пользовался казеннымъ свѣтомъ въ академіи. Ну, это нужда, и при этомъ какая страшная энергія должна была быть, чтобы работать, учиться и никогда не роптать; вотъ это сильный человѣкъ. — Вчера вечеромъ моя верховая поѣздка не состоялась, — лошадь, говорятъ, захромала, — но зато я отлично погулялъ пѣшкомъ...

9.

Плоэшты, 11-го іюня.— Вчера, въ 9 часовъ почти, выѣхали мы по направленію къ Браилову, куда пріѣхали въ 3 ч. утра; едва свѣтало; ночь была дивная: луна въ полномъ своемъ блескѣ на облачномъ небѣ, тепло, ароматно отъ скошеннаго сѣна. Поѣздка наша была очень секретна, хотя, конечно, всѣ о ней знали, но, повидимому, не знали, что мы встрѣтимъ въ Браиловѣ. Въ виду ранняго прихода, я не раздѣвался и, насладившись вдоволь этой роскошной ночью, думая то о томъ, то о другомъ, заснулъ и крѣпко спалъ. Проснулся я тогда, когда поѣздъ остановился; было три часа; пошелъ къ Государю... Ожидали извѣстій о состояніи военныхъ операцій, чтобы рѣшить, оставаться ли въ Браиловѣ, или ѣхать въ Галацъ. Тутъ мы узнали о совершившемся переходѣ, о занятіи Мачина и поѣхали въ Галацъ, прямо въ госпиталь, гдѣ были раненые. Отъ Браилова до Галаца—два часа ѣзды; пріѣхали почти въ 5 ч. и должны были пройти черезъ весь городъ, чтобы попасть въ госпиталь, который былъ уже порядкомъ набитъ больными и, главное, ранеными; ихъ было 20 человѣкъ. Врачъ К. цѣлую ночь работалъ и отлично показалъ всѣхъ больныхъ. Государь останавливался у каждаго больного и справлялся о каждомъ раненіи. Госпиталь стоитъ на горѣ, помѣщается въ бывшихъ румынскихъ казармахъ. Видъ съ поля, на которомъ стоитъ госпиталь, восхитительный: рисуется противоположный берегъ Дуная съ его красивыми горами. Изъ госпиталя— снова на желѣзную дорогу, черезъ весь городъ, но на этотъ разъ уже проснувшійся или, вѣрнѣе, просыпающійся. Городокъ очень милъ; онъ смотритъ болѣе европейскимъ городомъ, чѣмъ наши Плоэшты; хотя дома тоже почти все одноэтажные, но они богаче, лучше, улицы шире; зато меньше зелени. Въ 9 часовъ мы были уже верхомъ въ Браиловѣ на батареяхъ; солдаты въ высшей степени оживлены, бодры. Осмотрѣвъ нѣсколько батарей на одной сторонѣ, Государь поѣхалъ въ экипажѣ на другія батареи, а мы съ Ковалевскимъ свернули въ госпиталь, гдѣ раненыхъ не было, — только лихорадочные или тифозные; въ 11 ч. тронулся поѣздъ и къ 5 ч. мы были снова въ Плоэштахъ. Въ газетахъ ты, вѣроятно, прочла уже все остальное и знаешь все совершившееся въ болѣе обстоятельной формѣ, чѣмъ я, который слышалъ все это подъ различными редакціями...

10.

Плошты, 13-го июня.—Сегодня, кажется, мы выезжаем из Плошты — куда? никто не знает; знаем только, что отъезд назначенъ въ 4 часа, съ небольшимъ ручнымъ багажемъ. Тяжелый багажъ идетъ съ обозомъ. Вначалѣ такая безъизвѣстность, такая секретность, ужасно сердили и тревожили; все думалось: что взять, что оставить, что будетъ болѣе нужно, и пр. Теперь же я отношусь къ этому совершенно равнодушно; сдѣлавши поѣздки въ Галацъ, я убѣдился, что главное надо заботиться о бѣльѣ; лишній разъ пережѣнить бѣлье—это все равно, что лишній часъ выспаться. Все это время здѣсь стояла такая жара, что мы всѣ превратились въ губки, которыя постоянно сочились. Снять съ себя мокрое бѣлье, вытереться сухимъ полотенцемъ—это наслажденіе, съ которымъ я познакомился только теперь. Вчера я былъ въ Бухарестѣ, осматривалъ санитарные поѣзда изъ Берлина и Дрездена. Берлинскій отличался роскошью и удобствомъ. Оттуда я отправился въ румынскій госпиталь Бранковано, устроенный на громадные богатства когда-то жившаго господаря Бранковано. Ну, это не больница, а дворецъ; роскошь помѣщенія, устройство всего больничнаго скарба таково, что мнѣ никогда и нигдѣ ничего подобнаго не приходилось видѣть. Госпиталь пока почти пустъ, но можетъ помѣстить раненыхъ человѣкъ двѣсти. Тамъ видѣлъ двухъ нашихъ раненыхъ, Верещагина и Скрыдлова; подробности ихъ раненія ты, вѣроятно, прочла въ газетахъ. Мнѣ было жаль особенно Верещагина: за что человѣкъ лишилъ себя возможности работать и давать наслажденіе цѣлой массѣ теперешняго и будущаго поколѣнія? Впрочемъ, самъ онъ очень бодръ, не жалуется на страданія и переноситъ свое положеніе твердо. Осмотрѣвъ госпиталь, я вмѣстѣ съ первымъ секретаремъ нашего консульства, съ очень милымъ молодымъ человѣкомъ, отправился въ склады Краснаго Креста. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтился съ остаткомъ сестеръ Георгіевской общины, большая часть которой отправилась уже на перевязочные пункты, ободрилъ въ ихъ уныніи, что онѣ пока еще безъ дѣла, и отправился въ другой складъ, которымъ управляетъ Демидова; тутъ мы застали кипучую дѣятельность: принимали, отправляли, снаряжали все для санитарнаго поѣзда, который долженъ былъ выйти черезъ два часа времени. Демидова сдѣлала на меня самое отрадное впечатлѣніе: распорядительна, несуетлива, широко понимаетъ свою задачу и относится къ дѣлу въ высшей степени честно и разумно, безъ

всякихъ фразъ и драпировокъ; отъ нея я приобрѣлъ кое-какія небезынтересныя свѣденія и относительно Краснаго Креста. Изъ склада мы отправились обѣдать въ гостинницу, причемъ я съ величайшимъ удовольствіемъ поѣлъ другой кухни, не нашей гофмаршальской, которая обладаетъ свойствомъ жестоко надоѣдать. Пробовалъ мѣстное вино, не отличающееся, впрочемъ, хорошимъ вкусомъ, также какъ и мѣстный бараній сыръ; послѣ обѣда отправился на виллу здѣшняго князя; тамъ я погулялъ одинъ въ саду... Въ 9 часовъ я былъ уже на поѣздѣ, а въ двѣнадцатомъ часу—снова въ Плоэштахъ. Ночь была дивная, опять съ луной и запахомъ сѣна. Бухарестъ—премиленькій городокъ, съ широкими, прямыми улицами, конечно, порядочно вымощенными, съ массой магазиновъ, напоминающихъ Вѣну; кофейныя съ толпами здѣшнихъ и пришлыхъ на время войны обитателей. Румыны большого города имѣютъ видъ итальянцевъ, на тонкихъ ножкахъ, со впалыми животами, съ клочкомъ волосъ на подбородкѣ въ видѣ эспаньолокъ и маленькими бакенбардами, въ пиджачкахъ и узкихъ штанахъ; хорошая и вѣрная характеристика румынъ и всего ихъ окружающаго слѣдующая:

Fruits sans saveur,
Fleurs sans odeur,
Hommes sans honneur,
Femmes sans pudeur.

Вѣрнѣе я ничего не слыхалъ. Несмотря на это, я оставляю Плоэшту не безъ сожалѣнія. Тутъ у меня квартира не на солнцѣ, особнякомъ и съ однимъ деревомъ, съ нѣсколькими кустами, а тамъ, гдѣ-то, я не знаю, что получу... Здѣсь часто проходятъ войска, и я теперь сталъ ходить ихъ смотрѣть; я съ интересомъ разсматриваю ихъ лица, сильно измѣнившіяся послѣ Кишинева въ эти два мѣсяца. Грустно глядѣть на этихъ храбрыхъ людей: сколько-то изъ нихъ вернутся? сколько слезъ дадутъ невернувшіеся своимъ матерямъ, отцамъ, братьямъ!..

11.

Зимница, 17-го іюня.—Наконецъ-то сегодня, кажется, устанавливается сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Съ 13-го числа, по выѣздѣ изъ Плоэшты и до сихъ поръ, мы совершенно были лишены возможности посылать депеши или письма — ничто не шло. Какъ я тебѣ уже писалъ, назначено было выѣхать въ 9 ч. веч. изъ Плоэшты по желѣзной дорогѣ, но куда, въ какую сто-

рону—никто не зналъ; приходилось догадываться чуть ли не съ помощью компаса, что ѣдемъ на югъ, слѣдовательно, на Бухарестъ; не довѣжая его, мы измѣнили направленіе, пошли къ сѣверо-западу, слѣдовательно, на Слатину; тамъ мы остановились и пересѣли въ экипажи, въ 3^{1/2} утра, но все еще не знали, куда ѣдемъ,—знали, что черезъ пять перемѣнъ будемъ на мѣстѣ,—и такимъ образомъ, кажется, въ 11 часовъ, мы пріѣхали на курганъ, съ котораго видно было громадное пространство Дуная. Передъ нами былъ турецкій городъ Никополь; справа на нашемъ берегу былъ виденъ румынскій городъ Турнъ, слѣва—горы и кой-гдѣ мелькалъ Дунай. Курганъ, на которомъ мы встали—Mauga de la aggarava—былъ эффектно обставленъ; на немъ помѣщалась вся свита и часть конвоя. Передъ нашими глазами, въ разныхъ мѣстахъ показывался дымъ, а черезъ нѣкоторое время—пушечный выстрѣлъ; людей тамъ, вдали, никого не видно, не слышно, только выстрѣлы: у насъ тишина, всѣ говорятъ въ полголоса, какъ будто насъ турки услышать. Долго мы тутъ стояли, и все было то же; выстрѣлы были то чаще, то рѣже. Наконецъ, снова сѣли въ наши дорожные экипажи и отправились на стоянку въ Драгу, въ 15-ти верстахъ отъ кургана и верстахъ въ 90 отъ Слатины. Тутъ мы уже застали раскинутыя палатки,—конечно, не для всѣхъ; Государю было приготовлено помѣщеніе въ домѣ помѣщика, которому принадлежало все это мѣсто, состоявшее, въ сущности, изъ сада въ котловинѣ, довольно сырой, съ какой-то маленькой рѣчкой, и нѣчто въ родѣ пруда; лягушекъ масса; ночи были очень холодныя; къ счастью, намъ пришлось ночевать только двѣ ночи, и обѣ очень короткія, потому что приходилось вставать въ 4 часа утра. 15-го числа, въ 6 часовъ, мы уже выѣхали опять на курганъ; никто ничего не зналъ, кромѣ главныхъ дѣятелей, но всякій чувствовалъ, что роковая минута началась; мы снова пріѣхали на курганъ, и тамъ стало всѣмъ извѣстно, что ночью, противъ Сисова изъ Зимницы, совершенно неожиданно и для турокъ, и для русскихъ, началась переправа; съ кургана былъ виденъ только время отъ времени показывающійся дымокъ отъ выстрѣловъ—въ сторонѣ переправы; съ нашей же стороны отъ Турна продолжали стрѣлять и отвлекать вниманіе непріятеля, ожидавшаго насъ у Никополя. Этимъ маневромъ удалось спасти не одну тысячу людей; теперь раненыхъ по официальнымъ цифрамъ было вчера 430 человекъ, съ убитыми врядъ ли дойдетъ до 800 человекъ; это считается блестящимъ дѣломъ. На курганѣ былъ поставленъ электрическій аппаратъ, съ котораго Государь каждый часъ, а иногда и чаще, получалъ извѣстія съ переправы. Кажется,

часа въ два мы уѣхали, уже совершенно спокойные; на другомъ берегу къ вечеру было достаточное число войскъ, чтобы держаться. Вернувшись въ Драгу, начались оваціи по поводу перехода; извѣстія продолжали приходить и телеграммами, и офицерами, очевидцами всего дѣла. Весь нашъ лагерь былъ въ высшей степени оживленія. 15-го числа вечеромъ не было сомнѣнія въ счастливомъ окончаніи предпріятія. 16-го числа съ 4 часовъ я выѣхалъ въ Пятру — мѣстечко, куда былъ отправленъ первый транспортъ раненыхъ, наиболѣе мелкихъ, которыхъ можно было везти. Тутъ, между прочимъ, я видѣлъ полковника Озерова, рана котораго хотя и серьезна, но не опасна для жизни. Тамъ было 205 раненыхъ, которыхъ получили ночью и успѣли отлично размѣстить въ одномъ большомъ помѣщичьемъ домѣ и въ киргизскихъ кибиткахъ, которыя производятъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе: въ нихъ не душно, какъ въ нарусинной палаткѣ, отъ постоянной тяги снизу вверхъ, и поэтому воздухъ отличный. Изъ Пятры на той же четверкѣ мы добрались до Зимницы, гдѣ и остановились въ палаткахъ на неопредѣленное число дней; Государъ помѣщенъ тоже въ помѣщичьемъ домѣ, а мы всѣ въ палаткахъ, кругомъ между деревьями. Моя палатка стоитъ очень хорошо, на берегу Дуная, на горѣ; кругомъ деревья, подъ тѣнью которыхъ и проходитъ день. Солнце здѣсь порядкомъ припекаетъ; у нѣкоторыхъ кожа лица совершенно обожжена, съ пузырями. Къ удивленію, я переношу эту жару неожиданно хорошо и вообще чувствую себя отлично. Теперешняя стоянка особенно пріятна; жизнь въ палаткахъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ дурной квартирѣ, особенно въ здѣшнемъ климатѣ; вчера, напримѣръ, вечеромъ въ 11 часовъ было 17°, а теперь, когда пишу тебѣ это письмо, въ 5 1/2 ч., въ тѣни за своей палаткой и деревомъ, 22°; впрочемъ, находить тучка, — пожалуй, соберется дождь, котораго я, впрочемъ, не боюсь: въ палаткѣ стѣнки двойныя. Сегодня былъ въ полѣ — праздновали переходъ черезъ Дунай, собраны были войска, отслуженъ молебень, послѣ котораго раздавали награды; затѣмъ всѣ награжденные высшіе и нижніе чины были поставлены отдѣльно, и всѣ войска сдѣлали на-караулъ. Все это было чрезвычайно эффектно. Жизнь идетъ замѣчательно странно для меня съ тѣхъ поръ, какъ началась собственно лагерная жизнь. Нечего и говорить, что до сихъ поръ ни строчки не пришлось прочитать по простой причинѣ — негдѣ. Въ палаткѣ душно; внѣ ея — все равно, что гдѣ-нибудь въ публичномъ мѣстѣ; большая часть свободнаго времени проходитъ въ сидѣніи передъ рѣкой и въ бесѣдѣ съ прохожими или сосѣдями. Судьбѣ было угодно, чтобы моя палатка очу-

тилась между Вердеромъ, Витгенштейномъ, Баттенбергомъ; Шуваловъ пришелъ къ намъ нынче; я называю свой отдѣлъ нѣмецкой колоніей. Утромъ встанешь, идешь мыться около своей палатки и, конечно, уже не стѣсняешься проходящихъ и сосѣдей... Ты не можешь себѣ вообразить, что здѣсь за пыль. При переѣздѣ изъ Драги въ Пятру и, наконецъ, Зимницу, мы были въ такомъ ужасномъ видѣ, что узнавали другъ друга только развѣ по фигурѣ, а не по лицу. На перевязочномъ пунктѣ въ Зимницѣ ко мнѣ подошла одна сестра милосердія, лѣтъ подь сорокъ, и сконфуженная спрашиваетъ меня, какъ моя фамилія; когда я ей сказалъ, она очень сконфузилась и призналась, что рѣшилась ко мнѣ подойти потому, что поражена была сходствомъ съ ея отцомъ; хорошъ я былъ, если женщинѣ подь сорокъ лѣтъ могъ напомнить ея отца! Пыль такъ мелка, что пробивается во всѣ скважины; открывши чемоданъ, мы были озадачены, встрѣтивъ въ немъ цѣлый слой пыли. Теперь мы съ мелкимъ багажемъ; все наше имущество осталось въ обозѣ; стирать отдавать некому, а между тѣмъ при здѣшней потливости потребность мѣнять часто бѣлье увеличивается. По пріѣздѣ въ Зимницу, мы тотчасъ же отправились на перевязочные пункты, гдѣ во время переправы главнымъ образомъ пришлось дѣйствовать военнымъ врачамъ, фельдшерамъ, студентамъ и сестрамъ Крестововдвиженской общины; консультантами удалось быть Корженевскому и Бергману съ ихъ ассистентами. Красный Крестъ отдѣла Черкаскаго былъ извѣщенъ поздно и явился уже подь конецъ почти всего дѣла. Благодаря усиліямъ личнаго медицинскаго состава Краснаго Креста и особенно Чудновскаго и Пѣсецкаго, удалось захватить нѣсколько раненыхъ на перевязочный пунктъ Черкаскаго, но это было очень немного: кажется, не болѣе тридцати человекъ раненыхъ были помѣщены Краснымъ Крестомъ. Много жалобъ на Ч.: съ одной стороны, незнаніе дѣла, большое самолюбіе—съ другой стороны, сильно тормазать дѣло. На меня лично, при болѣе обстоятельномъ разборѣ его дѣятельности, онъ дѣлаетъ очень неутѣшительное впечатлѣніе, — по крайней мѣрѣ, это не дѣятель Краснаго Креста; посмотримъ, что будетъ онъ дѣлать въ Болгаріи, но Красный Крестъ ему врядъ ли скажетъ спасибо; впрочемъ, посмотримъ, можетъ быть, еще его пѣсня впереди... Раненые получили великолѣпный уходъ; рассчитывали на гораздо большее число, — было вдоволь и медиковъ, и средствъ. На другой день переправы утромъ все было въ отличномъ порядкѣ. 200 человекъ раненыхъ уже перевезены въ Пятру, оставшіеся отлично помѣщены въ палаткахъ. Теперь врядъ ли будетъ большая цифра

раненныхъ; разъ переправа кончилась — трудно ждать большихъ потерь...

12.

Зимница, 19-го іюня.—Четвертый день стоимъ мы въ палаткахъ и любуемся берегами Дуная; видъ дѣйствительно прелестный. Сястово какъ разъ противъ моей палатки;halb виденъ строящійся мостъ, островокъ, на которомъ всегда куча людей, обозы; по вечерамъ на противоположномъ берегу огни по всей линіи прибрежныхъ горъ; вчера тянулася линія фонарей черезъ весь мостъ. Луна теперь подымается только около одиннадцати часовъ, и по вечерамъ бываетъ очень темно; съ одиннадцати очень кокетливое освѣщеніе луной, вырѣзающейся изъ-за облаковъ, обыкновенно собирающихся на юго-востокъ. Вчера я выспался хорошо днемъ и долго не засыпалъ,—прислушивался къ различнымъ звукамъ, раздававшимся въ нашемъ лагерѣ: то лошадь заржетъ, то во снѣ кто-нибудь замычитъ, то собака вдали залаетъ, затѣмъ все стихнетъ, и слышно только, какъ лошадь жуетъ свой фуражъ, помахивая по временамъ хвостомъ, то кучеръ окликнетъ какого-нибудь жеребца, проявляющаго по временамъ свои чувства, и т. д. Вотъ что слышалось мнѣ вчера въ моей палаткѣ, которую пришлось изъ-за свѣжей ночи закрыть, и въ темнотѣ думать... невольно прислушиваясь къ окружающему міру. Отъ нечего дѣлать въ лагерѣ у насъ ложатся очень рано, я же обыкновенно около 12, послѣ своего визита у Государя; возвращаясь домой, я застаю всѣ палатки безъ огней и тишину, которая прерывается время отъ времени вышеописанными звуками... Лагерь просыпается довольно рано; когда я встаю, около восьми часовъ, большая часть нашей колоніи уже одѣлась; послѣ своего визита возвращаясь домой и сѣдаю свою личницу и запиваю чаемъ, какъ дома. Это мнѣ удалось здѣсь устроить, несмотря на то, что кухонное хозяйство въ главной квартирѣ далеко не блистательно; такъ какъ тяжелый обозъ не пришелъ, то кухонной посуды мало, и это приходится чувствовать въ нашемъ гофмаршальскомъ столѣ, который начинается очень поздно, около восьми часовъ, и идетъ очень медленно. Обѣдаемъ мы на открытомъ воздухѣ, за узенькимъ столомъ, покрытымъ чистой скатертью, но безъ салфетокъ, пьемъ изъ маленькихъ серебряныхъ стаканчиковъ, сидимъ на маленькихъ, складныхъ табуреткахъ; вслѣдствіе дурного сообщенія, вино плоховато, содержаніе обѣда далеко не роскошно; все это какъ нельзя лучше подходитъ къ моему желудку; я встаю изъ-за

стола—какъ будто не обѣдалъ, сътъ главнѣйшимъ образомъ своей утренней яинницей, и потому остаюсь довольно равнодушнѣ въ неудачнымъ обѣдамъ; закусокъ давно уже нѣтъ тоже и сифоновъ, а сельтерской воды уже давно нѣтъ; о фруктахъ и не думай—говорять, они на той сторонѣ хороши, а на этой ихъ не имѣется; мѣстное вино хорошо, да, вѣроятно, его мало на всю двигающуюся компанію; вода мутная, но чая не портить, и это составляетъ одинъ изъ моихъ любимыхъ напитковъ, къ которому раза три въ день непремѣнно прибѣгнешь...

20-го іюня.—Совершенно неожиданно сейчасъ, въ 10 ч. вечера, пришелъ курьеръ съ объявленіемъ, что онъ завтра въ 5 ч. ѣдетъ; къ счастью, письмо было вчера написано—теперь же я только-что сдѣлалъ 25 верстъ верхомъ, верстъ 5 пѣшкомъ, въ поту, въ пыли, былъ въ Систовѣ и писать рѣшительно не въ состояніи...

13.

Зимница, 21-го іюня.—Сегодня, несмотря на 28 градусовъ въ тѣни въ 3 часа дня, я сажусь побесѣдовать съ тобой... Вчера, наконецъ, отправился я въ Систово; это дѣло совсѣмъ не легкое, хотя городъ и торчитъ цѣлый день передъ глазами. Къ сожалѣнію, однакоже, поѣздку нельзя назвать удачной, по крайней мѣрѣ: Систова я не видалъ, а былъ только на томъ полѣ, гдѣ происходила кровавая битва при переправѣ; проѣзжая цѣлыя версты по пыльной дорогѣ, не видя подъ собой дороги, въ жарѣ, мы проскакали верстъ 13, доѣхали до турецкаго загороднаго домика, гдѣ помѣщается теперь начальникъ дивизіи Мирскій; кто напился отличной ключевой воды, кто успѣлъ схватить стаканчикъ чая (какъ я, грѣшный), и поскакали назадъ; но, зная дорогу, я позволилъ себѣ отстать и ѣхалъ одинъ. Тутъ только я могъ видѣть окрестность и мѣстность, по которой проѣзжалъ. Дорога шла все время по гористому берегу Дуная; рѣка почти все время была въ виду; приходилось проѣзжать то между фруктовыми деревьями, то между виноградникомъ, а то по кукурузному полю. Ёхалъ я съ большимъ удовольствіемъ; пыли не было, и воздухъ на той сторонѣ прекрасный; приходилось проѣзжать мѣстами, гдѣ былъ запахъ гніющихъ человѣческихъ труповъ, которыхъ не могли отыскать въ кустарникахъ; еще до послѣднихъ дней приходится находить въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ убитыхъ, и то по запаху—такъ они закрыты густымъ кустарникомъ; проѣзжалъ также мѣстами, усыпанными тряпками, обувью,

бумажками: тутъ или битва была, или бивуакъ. Странное впечатлѣніе производили на меня эти мѣста, въ которыхъ почти еще не успѣла остыть кровь цѣлыхъ сотенъ людей. Особенно тяжело было проѣзжать тѣми мѣстами, гдѣ пахло: невольно приходило въ голову, что, можетъ быть, тутъ гниѣтъ человѣкъ, который былъ легко раненъ, но не былъ въ силахъ заявить о своемъ существованіи, похворалъ, поборолся со смертью и скончался, а теперь, на шестой день послѣ битвы, только и проявляетъ о бывшемъ своемъ существованіи. Пока мы были у Мирскаго, прибѣжалъ матросикъ, въ высшей степени взволнованный, и заявилъ, что тамъ на берегу, въ камышахъ, они нашли товарища, раненаго въ обѣ руки, упавшаго въ воду и приставшаго къ камышамъ, гдѣ онъ шесть дней оставался незамѣченнымъ безъ ѣды и безъ помощи. Сегодня я видѣлъ этого матросика. Глядя на него, никто не повѣритъ, что онъ пережилъ такіе ужасные дни. Его ранили въ плечо, онъ свалился въ воду, поплылъ и, чтобы свободнѣе плавать, началъ снимать свою рубашку; только-что поднялъ для этого изъ воды руку, получилъ въ нее пулю насквозь, и вотъ въ такомъ-то видѣ добрался до камышей, гдѣ и скрывался частью отъ страха турокъ, частью же отъ безсилія и невозможности никому заявить о своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что его теченіемъ отнесло на нѣсколько верстъ отъ мѣста сраженія. Раны, впрочемъ, настолько тяжелы, что врядъ ли этотъ бѣдняга выкарабкается изъ своего положенія. Въ теченіе этихъ шести дней онъ почти не могъ спать — днемъ отъ жары, ночью отъ холода. Раза три въ день онъ лазилъ въ Дунай купаться, и этимъ отчасти помогалъ своимъ ранамъ, обмывая ихъ при купаньи.

Подобныхъ разсказовъ здѣсь не мало. Эти детали битвы составляютъ почти самый живой интересъ всего нашего общества, лишеннаго всякихъ ресурсовъ и не могущихъ удовлетворить свою жажду знать, что дѣлается теперь въ главныхъ военныхъ пунктахъ. Здѣсь вѣдь никакого военнаго листка не существуетъ; о немъ только говорили, пообщали—и тѣмъ кончилось. Вчера, наконецъ, пришелъ нашъ тяжелый обозъ, безъ котораго мы пробывали семь дней, съ 13-го до 20-го. Ты не повѣришь, какъ приходилось намъ невесело безъ обоза; садились мы обѣдать безъ салфетокъ. По неимѣнію въ достаточномъ количествѣ посуды, садились обѣдать, послѣ обѣда Государя, около 8 часовъ, не имѣли бѣлаго хлѣба, вина, сельтерской воды и обречены были пить дунайскую воду, которую добывали передъ нашими глазами, мутную съ пескомъ, изъ лужи, въ которой перекупалось нѣсколько тысячъ людей, лошадей. Съ пріѣздомъ тяжелаго обоза прибави-

лась цѣлая масса флигель-адъютантовъ, генераль-адъютантовъ и пр.; вслѣдствіе этого нашъ лагерь значительно сталъ тѣснѣе; поставили цѣлую кучу новыхъ палатокъ; начинаетъ пахнуть чело-вѣкомъ и его внутренними принадлежностями. Несмотря, однако же, на все это, общее состояніе здоровья отличное; больныхъ въ нашемъ лагерьѣ почти никого нѣтъ, также какъ и въ самой арміи; хвораютъ только тѣ, которые не хотятъ вести себя со-отвѣтственно климату, которые не въ мѣру пьютъ здѣшнюю воду, купаются и пр. Соблюдая мою маленькую гигиену, до сихъ поръ я себя чувствую отлично, и даже сталъ гораздо выносливѣе прежняго. Вчера послѣ поѣздки всѣ были измучены, а я какъ ни въ чемъ не бывало... несмотря на 25 верстъ. Переправа съ той стороны Дуная представляетъ большія затрудненія: мостъ узокъ и не допускаетъ возможности ѣхать въ обѣ стороны не только экипажамъ, но даже экипажу и верховой лошади; поэтому пришлось вчера спѣшиться и, оставивъ лошадей, отправиться пѣшкомъ, а это около 6 верстъ; надо пройти большой мостъ черезъ Дунай, затѣмъ пѣшкомъ по острову, затѣмъ опять мостъ, опять островъ, опять мостъ. Какъ попадешь на островокъ, то тащи и вытаскивай ноги изъ песку или изъ топкихъ мѣстъ; въ глаза жаритъ солнце съ его восточнымъ спокойствіемъ, сбоку пыль отъ проходящаго обоза, по мосту идешь—приходится лавировать между лошадьми и различными принадлежностями обоза; прогулка не легкая, усталъ я порядкомъ на этомъ переходѣ; замучился бы еще больше, еслибы гр. Шуваловъ не устроилъ мнѣ казачью лошадку, которую я заполучилъ, благодаря 4 франкамъ, отъ одного казачка, съ обѣщаніемъ, съ моей стороны, ѣхать шагомъ.

Приѣхалъ я домой весь въ пыли и, конечно, однимъ изъ самыхъ послѣднихъ,—всѣ уже пообѣдали. Подъѣзжая къ воротамъ дома, гдѣ стоитъ Государь и на дворѣ котораго обѣдаетъ свита, я не узналъ нашего ежедневнаго мѣста прокормленія: въ наше отсутствіе пришелъ обозъ, поставлены новыя палатки, накрытъ былъ въ три ряда столъ, за которымъ сидѣла свита, не въ грязныхъ, старыхъ кителяхъ, а въ чистенькихъ; всѣ получили свои вещи, вымылись и пріодѣлись. За обѣдомъ было хорошее вино и, наконецъ, сельтерская вода, сифоны; конечно, этому-то мы всего болѣе обрадовались... Пишу это письмо подъ деревомъ, по временамъ продуваетъ, и ртуть сошла до 26 гр. По временамъ гляжу на Дунай, а лучше на лужу, которая образовалась отъ его разлива. На этой сторонѣ—самая большая дѣятельность; по утрамъ приходитъ изъ Систова лодка съ рыбой, которую по-купаютъ.

Споры, ссоры, драки. На одномъ мѣстѣ этой лужи—яма, покрытая водой; это играетъ немаловажную роль въ теченіе всего дня: въ эту яму безпрестанно попадаетъ то купающаяся лошадь, то водовозъ съ своей бочкой; при этомъ лошадь обыкновенно начинаетъ тонуть, не будучи въ состояніи выбраться изъ этой ямы; собирается въ крайнемъ случаѣ народъ въ голомъ видѣ, выпрыгиваютъ лошадь и спасаютъ.

22-го іюня.—Сегодня ѣздили въ городъ (въ Систово), до Дуная въ коляскѣ, черезъ Дунай перебрались на лодкѣ. Переѣздъ черезъ рѣку продолжается цѣлый часъ, оттуда—только полчаса. Дунай очень быстръ. Систово лежитъ очень красиво, раскинуто на горѣ, куда мы поднялись верхомъ, тамъ были на турецкой батарее и любовались мѣтеостію нашихъ орудій; вся батарея испещрена нашими снарядами. Государь поѣхалъ къ начальнику дивизіи Драгомирову, а меня послалъ осмотрѣть нашъ дивизионный лазаретъ. Я его искалъ какъ иголку; никто не знаетъ; наконецъ, встрѣтилъ доктора, который и разрѣшилъ мою задачу. Лазаретъ помѣщенъ въ турецкомъ медресе: отличное зданіе, просторное, съ отличнымъ воздухомъ, но больныхъ только 12 человекъ, да и то почти исключительно лихорадочные. При мнѣ принесли одного раненаго болгарина; его подстрѣлили черкесы въ полѣ, гдѣ онъ занимался своими мирными работами—такъ пустили пулю, ни за что, ни про что, какъ въ галку. Зданіе госпиталя все съ выбитыми стеклами, какъ и всѣ турецкіе дома въ Систовѣ; на улицахъ лежатъ всюду разбросанные листки корана, что я тебѣ и присылаю на память моей поѣздки въ Турцію. Изъ госпиталя я отправился рысью къ мѣсту перевоза, не безъ страха остаться съ лошадью на той сторонѣ Дуная, съ которой переправляться не легко. Къ счастью, пріѣхалъ во-время: Государь только-что спѣшилъ; масса народа, женщины съ букетами стояли на берегу. Едва успѣлъ я сдѣть лошадь, какъ уже побѣжалъ садиться въ катеръ, и 8 лихихъ гребцовъ черезъ полчаса доставили насъ на тотъ берегъ, а тамъ опять коляски, пыль, два моста черезъ островки и наконецъ—снова въ нашемъ лагерѣ. Хотѣлъ-было тотчасъ же сѣсть за письмо къ тебѣ... рассказать, что видѣлъ, но въ палаткѣ отъ жары сидѣть невозможно, вышелъ на воздухъ и засѣлъ за свой столикъ, который нынче только-что пріобрѣлъ за 12 франковъ; но писать на открытомъ воздухѣ въ нашемъ лагерѣ—это все равно, что писать на тротуарѣ Невскаго проспекта; то тотъ, то другой подходитъ, заводитъ бесѣду, а тутъ чай начался; такъ время и прошло до обѣда. Теперь, въ 6¼, садимся за столъ, всѣ вмѣстѣ съ Государемъ (такъ какъ большой

обозъ здѣсь), обѣдаемъ въ большой палаткѣ, довольно душной; сельтерская вода уже почти вся выпита, красное вино исчезаетъ какъ въ песокъ: не успѣютъ подать бутылку, ея уже нѣтъ—такъ велика здѣсь жажда у всѣхъ. Едва успѣли мы съѣсть тарелку супа, какъ раздался благовѣстъ въ сосѣдней болгарской церкви—къ покойнику. Привезли тѣло погибшаго офицера, артиллериста Тюрберта; бомба при переправѣ упала на его понтонъ, который пошелъ ко дну, вмѣстѣ со всѣми людьми и съ Тюрбертомъ, двумя или тремя орудіями и лошадьми. Черезъ нѣсколько дней послѣ, тѣло бѣднаго офицера выкинуло на берегъ. Товарищи рѣшили его перевезти на эту сторону и похоронить въ Зимницѣ подлѣ самой церкви. Государь и, конечно, вся свита вышли иза-за стола и отправились въ церковь, гдѣ простояли всю церемонію отпѣванія и опустили въ землю молодого юношу, оставившаго въ Петербургѣ свою семью, отца и мать, которымъ долго придется оплакивать ихъ ребенка: время плохо залечиваетъ эти раны. Всегда вспоминаю при этомъ стихотвореніе Некрасова по поводу севастопольскихъ смертей! Похоронивши бѣднаго юношу, вернулись къ обѣду, къ концу котораго все разошлось и монтировалось больше прежняго. Большая часть присутствовавшихъ идетъ въ огонь и идетъ съ увлеченіемъ, чувствуя, что идетъ за дѣло. Послѣ обѣда подъ конвоемъ привели плѣнныхъ турокъ; я ихъ разсматривалъ съ величайшимъ интересомъ; тутъ были и низамы, и башибузуки, и даже кафетьеръ изъ Систова, не потерявшій характеристичной фізіономіи кафетьеровъ въ Европѣ. Самые интересные типы принадлежать, конечно, башибузукамъ: худые, мускулистые, съ звѣринными выраженіями фігуры, на которыхъ навѣшены лохмотья; на нѣкоторыхъ—какіе-то тюрбаны на головѣ; низамы въ большинствѣ случаевъ съ добродушными фізіономіями, не очень худые, нѣкоторые даже слегка жирные; были тутъ и крымскіе татары съ тупымъ выраженіемъ лицъ. Послѣ этого дивертиссемента, навѣстилъ больного и забѣжалъ въ Красный Крестъ посмотрѣть матросика, о которомъ я тебѣ писалъ; онъ очень серьезенъ, его сѣдаетъ гнойная лихорадка, и врадѣ ли онъ выкарабкается; теперь онъ возбуждаетъ къ себѣ самое живое участіе всего нашего лагеря и медицинскаго персонала. Вернувшись домой, засѣлъ за свой чай съ лимономъ и не могу насытиться этимъ райскимъ напиткомъ; прекратилъ пить потому только, что опорожнилъ оба чайника, одинъ съ водой, другой съ чаемъ. Потомъ это быстро исчезаетъ. Систово мало представляетъ мѣстнаго колорита: всѣ окна съ рѣшетками, высокіе заборы съ вну-

тренними двориками, улицы не людны, масса нашихъ солдатъ — вотъ и все.

23-го июня. — Вчера къ вечеру поднялся снова сильнѣйшій юго-западный вѣтеръ, съ пылью; вѣтеръ такъ и рвалъ въ палаткѣ и мѣшалъ спать. Все наше имущество насѣвозъ проникнуто этой мелкой пылью. Нужно только сознаться, что въ этой пыли нѣтъ сильно раздражающихъ элементовъ; до сихъ поръ ни у кого глаза не воспаляются. Почти нѣтъ возможности держать себя чисто: едва успѣешь переодѣться, вымыться — уже грязенъ. Благодаря вѣтру, нынче прохладнѣе, въ тѣни 21 гр., и подъ моимъ деревомъ сидѣть очень пріятно, только непріятно писать — безпрестанно завертывается бумага... Начинаютъ всѣ плавать: стоянка сильно начинаетъ намъ надоѣдать: жаръ, пыль, вонь, недостатокъ хорошей воды. Военные говорятъ, что скоро переменить мѣсто; будемъ ожидать съ поворотною, я же при этомъ себя чувствую отлично...

14.

Зимница, 24-го июня. — Наступаютъ самые тяжелые часы — около двухъ, мое дерево все меньше и меньше защищаетъ меня отъ солнца; съ утра пришлось переменить уже нѣсколько мѣстъ; послѣ двухъ приходится садиться на косогоръ, чтобы защищаться отъ нашего здѣшняго врага, а на косогорѣ не установишь табуретки — вотъ и страдаешь около часа; къ часамъ четверемъ устанавливается хорошая тѣнь около палатки — тутъ и проходитъ время до обѣда, сирѣчь до 6 часовъ. Въ палаткѣ сидѣть невыносимо отъ духоты, въ ней только спишь. Теперь нами выбранное мѣстечко подъ деревомъ, къ величайшему горю, оцѣнилось и другими членами лагеря, почему являются на посидѣлки подъ деревомъ; впрочемъ, я не стѣсняюсь, читаю, пишу и не обращаю вниманія. Сегодня день, впрочемъ, не такой тяжелый, какъ вчера и особенно третьяго дня; вѣтеръ переѣвился, сталъ дуть съ юго-востока, посвѣжѣе вчерашняго, 23 въ тѣни и главное безъ пыли, которая здѣсь особенно подымается при юго-западномъ вѣтрѣ; утромъ въ тѣни было даже свѣжо при 19 градусахъ; теперь, кажется, начинаетъ мѣняться вѣтеръ и какъ будто съ запада, во всякомъ случаѣ, сталъ слабѣе. Баром. 767, слегка поднялся. Компанія кончила свой завтракъ и начинаетъ расходиться по своимъ надобностямъ. Оффиціального ничего не предстоитъ, а потому большая часть отправилась черезъ Дунай на лодкахъ въ Систово; это мѣсто здѣшняго развлечения; тамъ есть

ресторанъ, гдѣ можно получить кусокъ мяса, хлѣба и мѣстнаго вина, довольно вкуснаго и дешеваго; наконецъ, тамъ можно купить табакъ. Здѣсь этого ничего нѣтъ; всѣ лавки заперты, а если какія и отперты, то въ нихъ ничего нѣтъ; хлѣба иногда ни за какія деньги не получишь, а иногда за полтора франка небольшую булку получишь. Конечно, все это тяжело для тѣхъ несчастныхъ гражданскихъ людей, не привязанныхъ ни къ какой военной части, потому что эти послѣдніе кормятся хозяйственнымъ образомъ и дѣлаютъ свою кухню. Главная квартира теперь съ приѣздомъ обоза кормится удовлетворительно; сложили печь, почему у насъ и хлѣбъ довольно вкусный. Завтра утромъ нашъ лагерь сильно опустѣетъ. Великій князь выѣзжаетъ на другую сторону; туда же отправляются Наслѣдникъ и Владиміръ Александровичъ; при каждомъ изъ нихъ адъютанты, обозы. Все это помѣщалось въ одномъ мѣстѣ съ нами, и потому съ завтрашняго дня у насъ тишина,—только врядъ ли мы ею будемъ долго пользоваться; говорятъ также и о нашемъ переѣздѣ прежде налегкѣ, а потомъ и съ обозомъ, но куда—опять секретъ, который врядъ ли кому навѣрное извѣстенъ. Пойдемъ ли на ту сторону, или передвинемся на этой сторонѣ, — неизвѣстно. Я отношусь довольно равнодушно къ этимъ перемѣщеніямъ—знаю только, что еще не домой... Въ теперешнее время жить въ семьѣ, пользоваться всѣми благами семейнаго счастья—было бы грѣшно...

Кажется, я тебѣ писалъ, что Красный Крестъ помѣстился теперь съ отрядомъ Рыжова почти напротивъ нашего лагеря, обитатели котораго ходятъ туда безпрестанно, очевидно съ цѣлью развлечения, отъ нечего-дѣлать, какъ будто идутъ навѣстить больныхъ, а въ сущности поглазѣть на сестеръ, представляющихъ особенный интересъ въ красивомъ личиѣ нѣкоей А. Впрочемъ, надо прибавить, что сестры держатъ себя безукоризненно и могутъ быть поставлены въ примѣръ прочимъ умѣньемъ жить безъ дѣла (такъ какъ больныхъ мало) и при этомъ сохранять свою порядочность. Истинно выдержанный и хорошій человѣкъ тотъ, который и въ бездѣлѣ умѣетъ оставаться порядочнымъ. Сегодня я тебѣ пошлю телеграмму съ просьбою прислать сигары; ты не дѣлай изъ этого никакихъ заключеній о времени нашего отъѣзда: у меня сигары подѣ исходъ, а лишиться этого товарища въ моемъ одиночествѣ было бы очень прискорбно.

25-го июня. — Сегодня такая жара, такое тепло стоитъ у насъ, что едва двигаешься, въ тѣни 27 гр., но при этомъ нѣтъ ни малѣйшаго движенія воздуха: походишь на солнцѣ и потомъ остановишься—дѣйствительно чувствуешь прохладу; но посидишь въ

этой тѣни—такъ и начинаетъ томить. Протянулъ до четырехъ часовъ, немного почиталъ, а больше всего глядѣлъ на лужу Дуная, которая теперь чуть не съ каждымъ часомъ становится все мельче и мельче; сходилъ къ завтраку не для ѣды, а для питья; потомъ протянулось время до двухъ, напился чаю, походилъ по нашему лагерю, осмотрѣлъ различной формы палатки, дорожные экипажи, зашелъ къ Игнатьеву да и засѣлъ за бумагу къ тебѣ... Жалею, что такъ мало интереснаго могу тебѣ сообщить изъ самаго интереснаго въ настоящее время мѣста въ Европѣ. Сегодня выѣхала отсюда главная квартира вел. кн. Николая Николаевича; также вышелъ Наслѣдникъ и вел. кн. Владиміръ Александровичъ. Съ уходомъ великихъ князей, ихъ адъютантовъ, нашъ лагерь значительно опорожнился, стало больше мѣста. Пыли сегодня мало, вѣтеръ легкій съ юго-востока. Подымается пыль столбомъ только отъ лошадей, и мы долго могли слѣдить съ нашего обсервационнаго пункта подъ деревомъ, какъ на той сторонѣ шелъ столбъ пыли по горѣ, по которой шла наша главная квартира. Оттуда до насъ пыль, конечно, не доходила, да и за нами все время тянушіяся войска не пылятъ уже болѣе такъ, какъ это было въ тѣ дни, когда дулъ юго-западный вѣтеръ. Теперь мы слышимъ днемъ и ночью постоянный шумъ колесъ обоза, переходящаго черезъ Дунай. Войска все идутъ и идутъ. Когда мы двинемся за ними и пойдѣмъ ли,—конечно, неизвѣстно; конечно, пойдѣмъ, но далеко ли—это никому неизвѣстно; лакейство начинаетъ поговаривать о скоромъ возвращеніи въ Питеръ, но пока очень глухо. Корпусъ Шаховского все еще у Журжева. Выѣздъ главной квартиры все-таки произвелъ нѣкоторое движеніе и въ нашемъ лагерѣ; всѣ ищутъ тѣни и думаютъ, что на той сторонѣ ея больше; кое-кто уже и переправился; я же, въ виду скорого отъѣзда, не рѣшаюсь перекочевывать.

15.

Зимница, 27-го июня.—Сегодня я всталъ утромъ въ началѣ пятаго часа; назначено было наканунѣ еще собраться у моста въ 6 часовъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Царевино или Царево, въ 8 верстахъ отъ Систова, гдѣ стоялъ штабъ главнокомандующаго. Только-что одѣлся и готовъ былъ отправиться, какъ объявили, что поѣздка отложена; я раздѣлся, уже легъ въ постель, какъ пришли сказать, что все-таки ѣдутъ. Ну, и отправились мы верхами; пыль, жара въ 30 гр. — превзошли всякое воображеніе.

28-ю іюня. — Вчера позвали обѣдать, и я не окончилъ своего описанія поѣздки въ Царево. Эта поѣздка была страдой: пыль на томъ берегу не такая мелкая, какъ въ Зимницѣ, — она рѣжетъ глаза, заставляетъ каплять. Вся свита, весь казацкій конвой — въ мѣстахъ, гдѣ дорога сѣуживалась, гдѣ нельзя было выѣхать въ сторону; отъ пыли становилось невыносимо: закроешь глаза и предоставляешь себя благоразумію лошади, которая, бѣдная, таща на себѣ шесть пудовъ вѣса, пыхтя отъ жары, высматриваетъ дорогу и вывозитъ самымъ искуснымъ образомъ, обходя ямки и неудобные спуски; вчера я былъ на иноходцѣ, и благодаря этому, вѣроятно, былъ все-таки въ состояніи сдѣлать это путешествіе, не развалившись на кусочки. Два часа шли мы до Царева; тамъ насъ уже ожидалъ вел. кн. Николай Николаевичъ со всѣмъ штабомъ; великіе міра сего взошли въ какую-то мазанку, мы же собрались подъ однимъ изъ немногихъ тамъ тѣнистыхъ деревьевъ; наконецъ, великій князь уѣхалъ дальше, а мы остались, немного перекусили холоднаго и снова отправились въ путь; къ 12 часамъ вернулись. Не могу тебѣ сказать, до какой степени я былъ измученъ: и жаръ, и пыль, и ходьба пѣшкомъ черезъ мосты и островочки — все это вмѣстѣ давило меня до того, что, придя къ себѣ подъ дерево, я не былъ въ состояніи сидѣть на табуретѣ, а просто легъ на землю и лежа началъ отпиваться чаемъ. Сколько же я его и выпилъ! одна чашка за другой входила въ меня, какъ въ губку. Что это за незамѣнимый напитокъ въ здѣшнемъ климатѣ — чай съ лимономъ! Еслибы я владѣлъ рюмкой, то какую бы элегію написалъ я этому другу человечества! Отпившись чаемъ, я былъ въ состояніи снять съ себя мокрое бѣлье и платье и, раздѣвшись какъ на ночь, завалился спать. Пока я спалъ или, вѣрнѣе, дремалъ, — слишкомъ усталъ, чтобы спать, — погода мало-по-малу стала мѣняться. Поднялся сильнѣйшій вѣтеръ съ юго-запада, понесъ намъ мелкую пудру, врывался въ палатки, сорвалъ всѣ наши веревки; къ обѣду такъ посвѣжѣло, что я уже надѣлъ сукно, и за обѣдомъ все это разразилось дождемъ съ вѣтромъ, постоянно нараставшимъ. Наши шатрики едва держались, конечно протекли, и промокло много нашего имущества; впрочемъ, причина этого лежала въ неопытности Антона къ лагерной жизни; онъ все могъ бы спасти, если бы онъ объ этомъ въ-время подумалъ: вѣдь около нашего шатра стоитъ наша громадная крытая коляска; наконецъ, самъ Антонъ помѣщается почти рядомъ въ строеніи въ мазанкѣ (нѣчто въ родѣ каменнаго домика), куда можно было бы спасти все платье. Вчера я одѣлся и пришелъ въ общую палатку, гдѣ и ждалъ своего часа для визита къ Государю. Возвратясь въ двѣнадцатомъ

часу домой, я нашелъ все въ отличномъ порядкѣ: дверки въ палаткѣ зашиты, смоченная подушка высушена, одѣяло, простыня — все въ порядкѣ. Въ палаткѣ было сыро, холодно, и пришлось лечь въ халатъ; заснулъ, впрочемъ, какъ убитый — я былъ слишкомъ утомленъ — и, несмотря на продолжающіеся раскаты грома, на порывы сильнѣйшаго вѣтра, обѣщавшаго сорвать палатку, я все-таки спалъ почти безъ пробуда; разъ или два проснулся — темно, вѣтеръ бьетъ какъ на пароходѣ, самому темно (?), и засыпалъ снова. Сегодня въ 8-мъ часу не было полныхъ 14 градусовъ, сыро, а теперь, въ 3-мъ часу, уже снова начинаетъ быть жарко въ палаткѣ. Съ нынѣшняго утра я предпринялъ свои мѣры относительно измѣненія помѣщенія. Осматривая прежде нашъ лагерь, различные дорожные экипажи и пр., я убѣдился, что наши придворные шатрики не выдерживаютъ ни малѣйшей критики; они не защищаютъ ни отъ солнца, ни отъ холода и вѣтра, ни отъ дождя; послѣ нынѣшней ночи у меня явилось естественное желаніе бросить шатрикъ и замѣнить его такъ-называемой офицерской палаткой, несравненно болѣе практичной и защищающей также и отъ жары, и отъ дождя. Теперь четыре сапера ставятъ мнѣ мое будущее помѣщеніе, которое въ одинъ часъ времени будетъ приведено въ наилучшій видъ. Здѣсь намъ придется стоять, вѣроятно, еще дня 3, 4, а дальше — на той сторонѣ Дуная до Тырнова, — кромѣ палатокъ, ничто немыслимо; слѣдовательно, пріобрѣтеніе своей палатки для меня чрезвычайно важно; впрочемъ, не думай, чтобы я ее купилъ, — я ее просто взялъ въ свое владѣніе изъ интендантскаго вѣдомства на всю кампанію; вѣдь и цѣна-то всей палатки 25 р. Еслибы знать да вѣдать, какъ бы удобно можно было устроиться, было бы и кресло покойное, и нѣчто въ родѣ самоварчика своего, и пр. Еслибы знать навѣрное, долго ли намъ мыкаться, то, конечно, и теперь можно было бы обзавестись многимъ, что я, впрочемъ, и сдѣлалъ: черезъ Бухарестъ сегодня съ окказіей поручилъ мнѣ выслать спиртовую канфору, кресло. Имѣть возможность получить во всякое время, независимо отъ общаго хозяйскаго хода, свою горячую воду, да чистую — это великое дѣло. Теперь, благодаря моимъ жалобамъ, стали доставать хорошую воду, а первое время нашего постоя въ Зимницѣ настой чая казался какъ будто со сливками — такъ была мутна вода, которую давали на чай. Теперь мы имѣемъ порядочную чистую воду, но снова второй день безъ сельтерской воды, безъ сифоновъ, остался только сладкій лимонадъ-газесъ, — изволь его пить за обѣдомъ, послѣ супа, напимѣръ. Со стиркою бѣлья здѣсь ужасная возня: дорого, скверно, долго и невѣрно;

отъ 2 до 4 франковъ стодить рубашка; сейчасъ принесли счетъ въ 50 франковъ за бѣлье, кажется, одной или полутора недѣль времени. Можешь себѣ вообразить, каково въ этомъ отношеніи простому офицеру; солдатъ вымоетъ себѣ самъ, а офицеръ, носашій китель, конечно, уже долженъ отказаться отъ излишней опрятности. Зато здѣсь ты никого не удивишь ни грязью бѣлья, ни разорванными и истертыми штанами и мундиромъ. Здѣсь свита имѣетъ видъ довольно грязный, но она имѣетъ еще бальный видъ сравнительно, напримѣръ, съ офицерами, стоящими на мосту и заведенными понтонами; тамъ я знаю одного подполковника Аккермана, и вчера утромъ остановился въ его достатой норкѣ, гдѣ онъ проводитъ 24 часа своего дня, слѣдя за состояніемъ моста. Это помѣщеніе нехитрое: поставлены доски другъ къ другу подъ угломъ въ томъ направленіи, въ которомъ можно наиболѣе долго защититься отъ солнца; въ достатомъ треугольнике стоятъ двѣ скамьи и столъ, отъ солнца защищенные; въ обѣ стороны проходитъ воздухъ и отлично продуваетъ; на столѣ у нихъ стоитъ складной самоваръ, лежитъ книга съ отмытками обо всемъ проходящемъ и происходящемъ на мосту. Вчера я тамъ былъ въ шестомъ часу утра и видѣлъ, какъ офицеры пьютъ чай; пришелъ я туда — чай имѣлъ свой настоящій видъ, а потомъ цвѣтъ чая постепенно исчезалъ и замѣнялся, наконецъ, цвѣтомъ Дуная, а офицеры все пили да похваливали; сами они грязненькіе, оборванные; у нѣкоторыхъ красные глаза (отъ пыли), лица загорѣлыя, красныя, темныя, обросшія бородой, голоса хриплые, но при этомъ отличнѣйшее настроеніе духа, бодрое, веселое, благодушное. Типъ армейскаго офицера для меня чрезвычайно симпатиченъ; все это труженики, бѣдняги, не балованные судьбой, вѣроятно, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, довольствующіеся малымъ, не мечтающіе о наградахъ, повышеніяхъ, ограничивающіеся въ своихъ мечтахъ только — *вернуться благополучно* назадъ, въ свою семью, выполнить честно свой долгъ. Про Аккермана я слышалъ совершенно случайно, съ какимъ героическимъ спокойствіемъ онъ везъ на понтонѣ довѣренную ему часть людей, какъ онъ спокойно убѣждалъ не бояться, держаться тихо, не двигаясь, въ случаѣ, если и бомба упадетъ на нихъ. При личной же со мною встрѣчѣ онъ даже не говорилъ о томъ, что онъ былъ на переправѣ, — жалѣлъ только о Кавказѣ, гдѣ онъ прослужилъ первую половину своей службы, и радовался тому, что сынъ его, 17-лѣтній мальчикъ, отлично учится и пристроенъ въ военной гимназіи въ Кіевѣ; дома осталась жена съ пятью цыплятами, питающимися на средства подполковника. Сидитъ

себѣ этотъ подполковникъ въ своемъ досчатомъ домикѣ, попиваетъ свой чайекъ съ цвѣтомъ Дуная, проводитъ свои понтоны подъ непріятельскими бомбами и дѣлаетъ все это съ такой простотой, съ такимъ отсутствіемъ всякой фразы, что невольно смотришь на него съ самымъ глубокимъ чувствомъ почтенія. Такихъ типовъ здѣсь не мало, повторяю, особенно въ арміи. Впрочемъ, надо признаться, что и гвардейцы здѣсь измѣнились,—фатовство ихъ незамѣтно; половина, которая была при переправѣ, особенно пострадала,—у нея много раненыхъ и убитыхъ. Теперь эта половина при насъ, другая же пошла впередъ, и часть ея имѣла большое дѣло вмѣстѣ съ другими при Тырновѣ, который, какъ вамъ тамъ, вѣроятно, извѣстно, третьяго дня взяли нашей кавалеріей. Люди, живущіе въ опасности, при нѣкоторыхъ лишеніяхъ положительно становятся лучше, нравственнѣе, добрѣе... Торжествуя: моя новая палатка разбита, и я уже сижу за столикомъ передъ моимъ входомъ. Напился чайку въ компаніи моего сожителя и теперь устроился писать на своемъ собственномъ столикѣ внутри палатки передъ дверью. Не могу тебѣ передать моего внутренняго удовольствія чувствовать себя наконецъ у себя, въ своей комнатѣ, безъ этого вѣчнаго, неразлучнаго сожителя. Кромѣ удовольствія имѣть гораздо болѣе удобное помѣщеніе, я наслаждаюсь теперь и тѣмъ, что я одинъ въ своей палаткѣ. Ковалевскій остался, по моему предложенію, въ моей другой. Какъ бы ни былъ хорошъ человѣкъ, но жить съ нимъ съ глазу на глазъ для меня невозможно... Сегодня денекъ очень пріятный, прохладный, вѣтеръ снова юго-восточный, барометръ снова поднялся до 768, термометръ же въ тѣни въ 2 ч. дня 17°, а въ старой палаткѣ дошло до 21°.

Дунай продолжаетъ мелѣть; въ лужѣ подъ нашей горой почти уже не купаютъ лошадей—переходятъ въ слѣдующую лужу, въ которой теченіе какъ въ рѣкѣ; есть даже и ямы такихъ размѣровъ, что русскіе люди ухитряются въ нихъ тонуть; въ теченіе нашего пребыванія уже трое совсѣмъ погибли, а двухъ спасли. По поводу этихъ утопленниковъ здѣсь ходитъ разсказъ, который прежде на меня производилъ впечатлѣніе фабулы, но говорятъ, что это не невозможно. Разсказываютъ, будто въ Дунай водятся очень большіе сомы (больше сажени), которые, попробовавъ въ ночь переправы человѣческаго мяса, разлакомились и теперь пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подхватить неосторожно купающагося. Насколько вѣрно, не знаю,—выдаю за то, за что самъ получилъ. Дѣло въ томъ, что, смотря на нашу купающуюся братію, можно допустить возможность утонуть и безъ

помощи сома; рѣдко кто изъ простыхъ нашихъ людей хорошо плаваетъ, а рискуетъ такъ, какъ ни одинъ пловецъ не осмѣлится; идутъ съ тройкой лошадей, зря, не обращая вниманія на то, что въ этомъ мѣстѣ въ день нѣсколько разъ кто-нибудь да застрянетъ; лошадь сплошь да рядомъ только на недоуздекѣ, безъ удечки, почему съ ней нельзя справиться; нерѣдко, вслѣдствіе этого, лошадь сбиваетъ всадника и выскакиваетъ изъ воды одна, а всадникъ справляется, какъ умѣетъ, съ водой. Вчера слышалъ разсказъ, какъ у одного казака сорвалась лошадь съ моста — прямо въ Дунай; казакъ думалъ, что лошадь пропала, рѣка быстра, широка, сорвалась же лошадка въ самомъ началѣ; переходить мостъ и смотреть, — а лошадка его поджидаетъ. Это, говорятъ, впрочемъ, рѣдкость; не всякая лошадь даже изъ казацкихъ сумѣетъ найтись въ такомъ положеніи.

Я тебѣ уже писалъ объ особенностяхъ румынскихъ собакъ — жить между людьми и оставаться къ нимъ вполнѣ равнодушными, вести свою собственную жизнь; можешь себѣ вообразить, что этотъ же характеръ проявляется здѣсь и на уткахъ, и на курахъ; садъ, въ которомъ стоятъ свитскія палатки и гдѣ помѣщается домъ Государя, напоминаетъ нѣсколько зоологическій садъ: тамъ цыцарки, утки, гуси, куры кипмя-кипать, и всѣ, конечно, съ своими незвучными пѣснями. Сегодня, смотрю послѣ дождя, цѣлое стадо утокъ выбралось на нашъ главный лугъ передъ дворцомъ, расположилось на самомъ проходномъ мѣстѣ и выдержало преспокойно свою позицію: ни одна не пошевелилась ни передъ однимъ прохожимъ, и всякій принужденъ былъ обходить эту компанію; точно также и здѣшнія собаки: большая часть изъ нихъ пришли съ нами изъ Плоешты съ большимъ обозомъ, состоя собственно при обозѣ, не обращая ни на кого вниманія и подбирая только остатки нашихъ объѣдковъ. Поѣхали вчера въ Царево; нѣкоторые собаки отправились вмѣстѣ съ нами и затѣмъ вернулись, — только, кажется, не всѣ возвратились: нѣкоторые, вѣроятно, соблазнились штабомъ великаго князя, который многочисленнѣе и потому представляетъ имъ больше надежды на будущее. При каждомъ полку держатся такія собаки, и проѣзжая, напримѣръ, строй солдатъ, вдругъ видишь и пса, стоящаго вмѣстѣ въ строю; при походной жизни люди ихъ не гонятъ; очевидно, эти псы даютъ нѣкоторое развлеченіе. Иногда при какомъ-нибудь обозѣ можно встрѣтить жеребенка, бѣгущаго за своею матерью — это составляетъ утѣшеніе солдатамъ въ ихъ тяжелой и походной жизни. Интересно также явленіе пристающихъ дѣтей, лѣтъ 12, 13, къ различнымъ частямъ войскъ; это обыкновенно умные парнишки, которые, въ-

роятно, занимались нищенствомъ и, ничего не находя отраднаго въ ихъ семьяхъ, ушли вмѣстѣ съ солдатами, которые ихъ кормятъ, одѣнуть въ полувоенную форму и забавляются этими ребятишками. Я уже трехъ такихъ видѣлъ, и всѣ они поражали умными и плутовскими глазами. Чтѣ выработается изъ этихъ дѣтей? Одинъ изъ такихъ пришелъ къ намъ въ лагерь просить худыхъ сапогъ, назвался черногорцемъ, но, вѣроятно, солгалъ; по-русски говорить съ нѣмецкимъ акцентомъ. Я съ нимъ хотѣлъ пошутить, позвалъ казака и велѣлъ отвести его въ караулъ, какъ подозрительное лицо, явившееся въ лагерь; плутишка нисколько не сконфузился, пошелъ за казакомъ, какъ будто это такъ и нужно, съ самымъ веселымъ лицомъ. Конечно, его отпустили, и когда я спросилъ казака:—Ну, чтѣ парнишка?—„Большой мошенникъ будетъ, ваше пр—ство!“—такова была діагностика будущности этого ребенка.

Вчера воспользовался первымъ вечеромъ безъ пыли, безъ страшнаго, томительнаго жара, и отправился въ первый разъ на прогулку съ моимъ бывшимъ сожителемъ. Солнце заходило чрезвычайно красиво; краски здѣсь очень яркія; очерки облаковъ на небѣ дѣлали картину очень живописной, особенно при взглядѣ на гористый берегъ Дуная. За нами, къ западу, разбитъ лагерь казацкаго конвоя; костюмы казаковъ, носящихъ въ лагерьъ свои красные кафтаны, ихъ *tente d'abrit*, лошади, возы съ сѣномъ—все это разбросано въ красивомъ безпорядкѣ по лугу; кой-гдѣ тѣнистыя деревья акацій—очень живописно. Дошли до какой-то старой, развалившейся румынской казармы, гдѣ теперь помѣщаются плѣнные турки, и повернули домой. Идя на прогулку, мы повстрѣчали странный отрядъ—самыхъ разнообразныхъ полковъ и орудій: пѣхотинцы съ гусарами, казаками, артиллеристами, рослые, маленькіе, шли въ безпорядкѣ, довольно лѣнливо, кой-кто прихрамывалъ; оказалось, что эта сборная братія шла изъ госпиталей по своимъ частямъ.

29-го июня.—Вернувшись домой, напились чаю уже у меня въ палаткѣ, и вечеръ протянулся, по обычаю, частью около палатки, частью въ большой общей палаткѣ передъ моимъ визитомъ къ Государю. Вечеръ былъ свѣжій, въ 11 часовъ не доходило до 14 градусовъ, по временамъ порывался вѣтеръ. Ложась спать въ своей новой палаткѣ, я надѣлъ турецкую феску и халатъ, закуталъ пологи палатки и загасилъ свѣчку. На новомъ мѣстѣ являются новые звуки; въ старой палаткѣ я уже совсѣмъ прислушался, узнавалъ цѣпь лошадей, ихъ отдаленное и близкое ржанье, привыкъ и къ шуму сосѣдей и, наконецъ, къ звукамъ полотна

моей палатки, въ щели которой пробивался вѣтеръ; наконецъ зналъ и скважины, въ которыя иногда заглядывали ко мнѣ звѣз-
дочки. Въ новой же палаткѣ, поставленной въ другомъ мѣстѣ,
ближе къ дереву, къ обрыву нашей горки — характеръ этихъ
звуковъ былъ уже иной, приходилось съ ними знакомиться, и это
долго мѣшало мнѣ заснуть; не разъ просыпался отъ какого-нибудь
незнакомаго мнѣ звука, и снова засыпалъ, убѣдившись, что это
шумъ листьевъ, и пр. Разъ уснувши, спалъ отлично; не было
холодно, несмотря на то, что подъ утро, вѣроятно, было не болѣе
10 градусовъ. Сегодня 29-ое, денекъ облачный, утромъ было 14,
а теперь, въ 3-мъ часу, въ тѣни уже 21°; послѣ прежней жары
кажется прохладно, и всѣ надѣли сукно. Послѣ своего утренняго
завтрака я отправился въ новоустроенный госпиталь на 500 чело-
вѣкъ; третьяго дня тамъ еще не было больныхъ, а сегодня уже
320 человѣкъ; госпиталь въ двухъ верстахъ отъ Зимницы по
дорогѣ къ Журжеву, разбитъ въ киргизскихъ палаткахъ очень
широко на большомъ лугу съ отличной водой; 12 врачей съ
старшимъ докторомъ Амницкимъ во главѣ. Сестеръ нѣтъ; уходъ
за больными далеко не такой, какой мы до сихъ поръ видѣли;
молодые врачи изъ кievскаго университета нынѣшняго года пло-
ховаты, — больныхъ своихъ не знаютъ, бродятъ, какъ въ лѣсу; мнѣ
пришлось тамъ поработать, чтобы утѣнать носомъ того, другого,
третьяго, и поговорить не безъ генеральскаго тона, что въ нѣ-
которыхъ случаяхъ необходимо. Въ госпиталѣ попотѣлъ поряд-
комъ: больные лежатъ на очень низкихъ кроватяхъ, а другіе —
просто на сѣнникахъ, лежащихъ прямо на землѣ; тутъ почти всѣ
нижніе чины; приходится для изслѣдованія больного становиться
на колѣни — ну, а у меня еще брюхо не настолько спало, чтобы
эти тѣлодвиженія были вполне свободны, — оттого и потѣнешь до
десятаго пота; есть тутъ и тяжелые тифозные, хотя преобладаю-
щими больными остаются все-таки лихорадочные. Подборъ врачей
почти исключительно польскій и нѣмецкій, и они сдѣлали на меня
не очень отрадное впечатлѣніе — какъ люди, и еще менѣе отрад-
ное впечатлѣніе — какъ врачи. Тѣ дни, что проживемъ здѣсь,
буду ихъ посѣщать почаще, и надѣюсь поэтому — и подъучу ихъ;
народъ все-таки молодой, не заскорузлый въ своемъ невѣжествѣ.
Изъ госпиталя поѣхалъ въ деревню Фонтанелли, гдѣ помѣстился
Новацкій (проф. изъ Москвы), который вздумалъ прихворнуть;
Новацкій назначенъ консультантомъ этого 63-го госпиталя, но
третьяго дня захотѣлъ отправиться въ Систово на лодкѣ, на воз-
вратномъ пути захватила его буря еще на томъ берегу, — при-
шлось возвратиться черезъ мостъ пѣшкомъ; вѣтромъ мостъ разо-

рвало, — пришлось отъ одного конца моста до другого перебираться на катерѣ, а тамъ снова пѣшкомъ; на островѣ бѣдняга остался одинъ съ своей слабостью, темнотой и незнаніемъ дороги; больше по инстинкту онъ кое-какъ, неоднократно ложась на землю, чтобы ощупать дорогу, неоднократно падая, добрался, наконецъ, на другую сторону и укрылся подъ какой-то крышей, откуда его и переправили, измученнаго, въ деревню, гдѣ онъ поселился и куда онъ стремился къ своему лакею, безъ котораго не хотѣлъ умирать. Еслибы не желаніе попасть къ Ивану и умереть на его рукахъ, то остался бы на островѣ — рассказывалъ мнѣ бѣдный старикъ-холостякъ, пріѣхавшій сюда съ самыми святыми чувствами потрудиться для хорошаго дѣла; при одномъ изъ паденій онъ вытянулъ большой палецъ на ногѣ и теперь въ постели, вѣроятно, дня на два. Онъ помѣщенъ недурно, — по крайней мѣрѣ онъ защищенъ отъ здѣшнихъ непогодъ; мазанка здѣсь устроивается изъ плетняка и затѣмъ снаружи и внутри сверху вымазывается глиной, что имѣетъ очень опрятный видъ; весь домъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ первой помѣщается семья хозяина, состоящая изъ трехъ бабъ, двухъ мужиковъ и одного грудного ребенка, а вторая комната идетъ подъ Новацкаго съ человѣкомъ. — Хорошо ли вамъ здѣсь? — На мой вопросъ Новацкій отвѣчалъ: — „Ничего, хорошо, только ребенокъ все кричитъ, да вотъ вчера, когда я больной въ лихорадкѣ лежалъ въ четвертомъ часу утра, вдругъ слышу крикъ, просыпаюсь, смотрю — хозяйка преспокойно въ моей комнатѣ моетъ ребенка“. — Ну, а что вы кушаете? — „Да хотимъ устроить общій столъ съ врачами, будетъ хорошо; вчера добрый товарищъ, не знаю его фамиліи, Николай Ивановичъ, прислалъ супу; супъ былъ ничего, не хуже, чѣмъ въ Зимницѣ“. — Когда Новацкій былъ молодъ, онъ мнѣ почему-то не нравился; но теперь, когда ему 50 лѣтъ, встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и, наконецъ, здѣсь, онъ возбудилъ во мнѣ самое нѣжное къ нему чувство. Онъ очень трудящійся человѣкъ; какъ холостякъ, выкроенъ по особому образцу и очень оригинальному, сохраняя въ себѣ довольно свѣжо типъ профессора не-столичнаго университета. Держится онъ особнякомъ, чрезвычайно мягко, вѣжливо относится къ каждому, самъ, повидимому, очень щепетилень и въ высшей степени совѣстливо относится къ своему дѣлу; вмѣстѣ съ этимъ проникнуть, очевидно, самыми святыми чувствами и невольно вызываетъ къ себѣ извѣстнаго рода почтеніе, особенно своимъ спокойствіемъ и добродушіемъ. Вернувшись на рыскахъ домой, я напился чаю и засѣлъ бесѣдовать съ тобою; теперь дождь и жаръ опять загнали меня

въ палатку. Я съ ужасомъ увидалъ, что пишу тебѣ уже девятый листъ такого мучительнаго, неразборчиваго писанія и рассказываю тебѣ всякую пустяковину; но, зная по себѣ, съ какимъ я наслажденіемъ читаю всѣ маленькія подробности твоей жизни, я увѣренъ, что тебѣ такъ же пріятно, какъ мнѣ, читать всякій вздоръ, который приходитъ мнѣ въ голову. О міровыхъ событіяхъ, которыя совершаются на нашихъ глазахъ — писать невозможно; мы здѣсь не въ состояніи слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ, мы узнаемъ только о крупныхъ фактахъ или же слышимъ маленькія детали военной жизни; мы теперь знаемъ, что главнокомандующій съ извѣстной частью войскъ идетъ къ югу, къ Балканамъ; что Тырново взято, Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ пошли на востокъ къ Руцуку, который, вѣроятно, нужно будетъ взять; что, наконецъ, 9-ый корпусъ Крюднера пошелъ къ западу на Ни-кополь; корпусъ Шаховского у Журжева и, вѣроятно, съ нимъ или съ частью его придется отправиться и намъ на ту сторону. Это особенно меня утѣшаетъ тѣмъ, что, можетъ быть, увижу твоего брата... Вопросъ о нашемъ возвращеніи все еще остается для насъ тайной; нѣкоторые не теряютъ надежды быть дома къ 22-му іюля, другіе — къ 28-му, а наконецъ есть и такіе, которые помирятся и съ августомъ. Я принадлежу къ тѣмъ, которые себя ничѣмъ не обманываютъ и говорятъ себѣ: Богъ знаетъ! или: кто знаетъ! Если кампанія пойдетъ быстро, какъ это и вѣроятно, то вѣдь черезъ нѣсколько недѣль и миръ не невозможенъ.

16.

Зимница, 30-го іюня. — Сегодня оканчивается іюнь — и больше мѣсяца нашей разлуки; конечно, объ отъѣздѣ пока ни слуха, ни духа, но надо себя наркотизовать и не думать о немъ. Наркотическихъ средствъ много; одно изъ первыхъ по дѣйствию — это писать тебѣ, болтать всякій вздоръ, затѣмъ читать интересную книгу и искать, гдѣ можно, работу. Этими средствами кое-какъ справляешься, и день за днемъ идуть съ своей правильной постепенностью: понедѣльникъ четверга не обгонитъ, надо обождать вторникъ и среду.

Съ тѣхъ поръ какъ спала жара, съ тѣхъ поръ какъ у насъ съ Ковалевскимъ отдѣльныя палатки, и моя жизнь пошла полнѣе, лучше; я не такъ кисну и не такъ часто смотрю на часы. Напримѣръ, въ сію минуту, еслибы ты, семья, были здѣсь, то я бы считалъ себя блаженнѣйшимъ и счастливѣйшимъ человекомъ.

Сижу я въ своей палатѣ и широко раскрылъ ея переднія полотно—воздуху входитъ масса; передо мною тѣнистое дерево акаціи, 18° съ маленькимъ вѣтромъ съ юго-запада безъ пыли (изъ-за бывшихъ дождей) ласкаютъ мое тѣло; вдали та же картина Дуная съ Систовымъ; зеленый островъ, на которомъ пасется стадо, почти высохшая лужа, отдѣлившаяся отъ рукава и Дуная маленькимъ перешейкомъ, дополняютъ планъ картины. Такъ какъ моя палатка очень близка къ горѣ, то я не имѣю передъ глазами другихъ палатокъ моихъ сосѣдей, и, сидя у себя, я совершенно разобщаюсь отъ остального народонаселенія нашего бивуака. Появившаяся у насъ вонь отъ нашихъ собственныхъ производствъ, теперь, послѣ сильнаго дождя и вѣтра, совершенно исчезла, воздухъ очистился, и стоянка снова сдѣлалась пріятной, и, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшемъ нашемъ пути долго еще не будетъ подобной. Теперь, хотя не аккуратно, но ходятъ телеграммы; а когда перейдемъ Дунай, то останемся исключительно съ одной военной телеграфной ниткой, которая вѣчно будетъ занята военнымъ вѣдомствомъ, и нашему брату только изрѣдка придется перекинуться вѣсточками. Впрочемъ, чтъ будетъ, тѣ будетъ; будемъ лучше заниматься настоящимъ. Послѣ взятія Тырнова, съ той стороны никакихъ извѣстій; вчера только привезли знамя, взятое въ Тырновѣ, и привезшій его офицеръ ничего не сообщилъ о подробностяхъ дѣла; сегодня утромъ узналъ, что вчера поздно, въ часъ ночи, когда я уже спалъ, пришло извѣстіе съ Кавказа о блистательномъ дѣлѣ подъ Баязетомъ, откуда наконецъ освобожденъ нашъ отрядъ, осаждаемый 23 дня турками.

Вотъ все, чтъ я знаю о военныхъ дѣйствіяхъ; какъ видишь, очень мало; но, поговоривъ вчера съ Сережей, я увидалъ, что они, бѣдняги, знаютъ еще меньше и живутъ, повидимому, изо дня въ день, зная только про нѣкоторыя части своего корпуса. Вчера познакомился съ его корпуснымъ начальникомъ, который произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе добраго, хорошаго человѣка...

Турки стрѣляютъ очень мѣтко съ своихъ позицій; Сережа рассказывалъ, что у Журжева нельзя было высунуться изъ-за прикрытія, чтобы не полетѣли съ того берега массами пули; впрочемъ, говорятъ, что въ полѣ при новыхъ позиціяхъ они не будутъ хорошо стрѣлять—дай Богъ.

Сейчасъ зашелъ ко мнѣ князь Меншиковъ и рассказалъ пріятельскій фактъ, подтверждающій мои первыя наблюденія относительно здѣшнихъ такъ-называемыхъ домашнихъ животныхъ. Вообрази себѣ, вчера онъ раскинулъ свою палатку на нашемъ би-

вукѣ, на-скоро, слѣдовательно не обрывъ ее кругомъ; легъ спать, и вдругъ ночью просыпается, чувствуя, что что-то или кто-то по немъ ходитъ; оказывается—кошка; Меньшиковъ схватываетъ нагайку и начинаетъ расправу; кошка издаетъ крикъ, на который являются три кота-ухаживателя; въ темнотѣ удары нагайки, понятно, были мало дѣйствительны, и незваные гости, забившись въ углы, не думали выходить вояъ; пришлось зажечь свѣчку, и только тогда удалось освободиться отъ посѣтителей съ помощью той же нагайки. Такая безцеремонность кошекъ относительно человѣка встрѣчается только здѣсь, въ странѣ съ нѣкоторымъ восточнымъ характеромъ, съ его неподвижностью. Вчера вечеромъ мы, наконецъ, сдѣлали прогулку по городу, который, въ сущности, имѣетъ только относительное право на названіе города. Весь городъ состоитъ изъ пустырей, между которыми изрѣдка стоятъ жалкіе, одноэтажные домики изъ двухъ, трехъ комнатъ; отъ мазанокъ эти домики отличаются только размѣромъ оконъ, дверей и крышами изъ черепицы; площади да заборы, большею частью изъ плетня, только и видны; изрѣдка попадаются и домики. Говорятъ, тутъ три тысячи жителей, по преимуществу бѣглецовъ изъ Болгаріи, но теперь ихъ почти не видно; всѣ они совершенно поглощены наплывнымъ военнымъ населеніемъ, постоянно проходящимъ сквозь городъ; изрѣдка встрѣчается горожанинъ, а то или казакъ, или пѣхотинецъ, или кавалеристъ.

1-ое іюля.—Вчера опять вечеромъ гулялъ съ Ковалевскимъ на западъ отъ Зимницы; дошли до другихъ румынскихъ казармъ, гдѣ теперь содержатся плѣнные турки, посмотрѣлъ въ ихъ комнату, гдѣ сидятъ превеселые люди; за это время они пооткормались, убѣдились, что съ ними ничего не будетъ дурного, и живутъ себѣ припѣваючи, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; многіе изъ нихъ проводятъ время въ томъ, что играютъ въ шашки, расчертивъ квадратики на своихъ штанахъ, курткахъ; просторная комната, гдѣ они содержатся, биткомъ набита народомъ; ихъ, кажется, тамъ отъ 60 до 80 человѣкъ. Изъ комнаты этой, какъ изъ печки, обдаетъ жаромъ; на дворъ ихъ водятъ по нѣсколькѣ человѣкъ всегда съ карауломъ; это, кажется, и вся ихъ прогулка. Я ихъ видѣлъ приблизительно недѣлю тому назадъ и нашелъ въ нихъ большую переимѣну,—они поотгѣлись и стали смотрѣть гораздо смѣлѣе. Около казармъ на лугу расположились лагерьмъ проходящія партіи солдатъ изъ различныхъ госпиталей, возвращающихся въ свои части; ихъ было человѣкъ шестьсотъ; до третьяго дня мы встрѣтили подобный же лагерь выздоровѣвшихъ и на томъ же мѣстѣ ночевки. Сейчасъ только-

что вернулся изъ госпиталя въ Фонтанелли, число больныхъ въ эти два дня перешло 400 человекъ; тутъ больные изъ-за Дуная, а тѣ части войскъ, которыя туда идутъ, тутъ тоже оставляютъ больныхъ, — поэтому госпиталь наполняется быстро. Сегодня я нашелъ все въ болѣе исправномъ видѣ; очевидно, моя распекація кое-что произвела; несмотря на то, что больныхъ было сегодня гораздо больше, врачи были менѣе чужды въ своихъ палаткахъ и, очевидно, обрабатывали съ болѣе тщаніемъ свои отдѣльные случаи; такихъ грубыхъ промаховъ, какъ въ первый разъ, я уже не видалъ. Госпиталь небогато обставленъ, многого нѣтъ, какъ напр. на 500 человекъ только 40 носилокъ, которыя служатъ кроватями, остальные же больные лежатъ на сѣнникахъ на землѣ. Кровати заказаны, но не готовы; съ хининой скучаются, стѣсняясь каталогомъ. Отсутствие ухода сестеръ очень чувствуется, а благодаря упорству вн. Черкаскаго, держащаго цѣлую массу сестеръ на этажахъ безъ больныхъ, община не имѣетъ возможности отдѣлить нѣсколько человекъ сестеръ на госпитали. Какое счастье для Краснаго Креста, что этотъ помѣщикъ оставляетъ, по крайней мѣрѣ, румынскій Красный Крестъ!

Личность Черкаскаго, въ высшей степени самолюбиваго, властолюбиваго, невозможна для такого учрежденія, какъ Красный Крестъ. Черкасскій хотя и умный человекъ, но крайне сухой, и въ силу главнѣйшихъ свойствъ своего характера всталъ почти со всѣми въ очень роковыя отношенія; повидимому, между Абазой и Черкасскимъ не существуетъ никакой солидарности; между отдѣльными лицами штаба Краснаго Креста положительные нелады или отношенія подчиненныхъ къ неприятному начальнику; отношенія Черкаскаго къ военному вѣдомству тоже не совсѣмъ благопріятны для дѣятельности Краснаго Креста. Надо надѣяться, что Рихтеръ поправитъ то, что испортилъ Черкасскій, и, вѣроятно, уменьшитъ то непомерное число уполномоченныхъ, которыми окружилъ себя Черкасскій. Теперь еще много всего, и если чего не хватаетъ больнымъ, то не отъ недостатка, а отъ несвоевременной доставки, что здѣсь при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ — обыкновенное дѣло. Пока запасы военнаго вѣдомства хватаютъ съ достаткомъ на представляющееся число больныхъ; вѣдь ожидали гораздо болѣе высокую цифру больныхъ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Правда, въ отдѣльных частяхъ жаловались, напр., на недостатокъ хинины, но причина этого лежала въ томъ, что посланная хинина не могла въ-время добраться до мѣста назначенія. Больныхъ, конечно, всего больше, по числу, болотной лихорадкой; есть, впрочемъ, и тифозные, болѣею частью брюшные

тифы, хотя сегодня видѣлъ человѣкъ трехъ сыпного тифа; много катарровъ кишекъ и есть небольшое число кровавыхъ поносовъ; раненыхъ здѣсь очень мало, большая часть вывезена, осталось только не больше десятка; матросикъ тотъ держится и, кажется, выкарабкается...

Нашъ отъѣздъ пока все еще не отминяется; идемъ 3-го на ту сторону, вѣроятно на Тырново, но, конечно, пойдемъ небольшими переходами съ войсками. Когда будемъ внутри, врядъ ли удастся аккуратно писать, а потому ты не безпокойся; сдѣлавъ верхомъ по жарѣ нѣсколько верстъ, бросаешься въ тѣнь и на чай, если только его добудешь, и долго ни на что другое не способенъ. Денекъ сегодня хорошій, только 21 гр. въ тѣни въ два часа дня, а выѣхали мы утромъ—было 18 гр., вѣтерокъ съ юго-запада безъ пыли...

„ПРОТИВЪ УБѢЖДЕНІЯ“...

РАЗСКАЗЪ.

I.

...Полковой адъютантъ, поручикъ Сомовъ, торопливыми шагами ходилъ по барачу...

Вечеръ постепенно гасъ, уступая мѣсто сумеркамъ. Поле ржи, тянувшееся къ лѣсу за крайними бараками полкового штаба, отливало теперь свинцомъ. Все носило на себѣ слѣды недавняго ливня: по дорожкамъ усыхали лужи и ручьи; пахло сыростью, сосновой смолою, освѣжонными листьями серебристаго тополя и резедой. На горизонтѣ улеглась туча, въ которой время отъ времени вспыхивали и потухали зарницы. Воробьи вздорили на черешняхъ, вокругъ офицерскаго клуба. Въ далекихъ лугахъ перекликались коростели. А надъ лагеремъ стоялъ тотъ особенный шумъ, которымъ сопровождается возвращеніе ротъ съ занятій: казалось, что въ воздухѣ гудѣли рои шмелей и ось, затронутые въ гнѣздахъ неосторожнымъ путникомъ.

Сомовъ видимо волновался. И было отъ чего! Ему первый разъ въ жизни приходилось наказывать нижняго чина и при томъ такъ, что наказаніе это всецѣло зависѣло отъ одного его, Сомова.

Это былъ худощавый блондинъ, лѣтъ 23-хъ, небольшого роста, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, при всей правильности ихъ, не обращаютъ на себя вниманія.

Сомовъ то подходилъ къ окну и стоялъ тамъ подолгу въ раздумьѣ, смотря, какъ надъ самой рожью беззвучно проноси-

лись ласточки, какъ суетились вороны, съ гамомъ усаживаясь на ночлегъ по березамъ, то опять принимался шагать по бараку...

Баракъ былъ невеликъ, но уютенъ, олеенъ обоями и не безъ претензій на изящество. Такъ, на письменномъ столѣ, кромѣ нѣсколькихъ фотографій въ разнокалиберныхъ рамкахъ, помѣщались гипсовые статуэтки Гёте и Шиллера, а между ними букетъ незабудокъ, наполнявшій теперь комнату слабымъ медвянымъ ароматомъ. Этажерка у стѣны пестрѣла книгами: здѣсь томы Пушкина разъединялись „Уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ“; изданіе „Дешевой Библіотеки“ было прижато „Наставленіемъ для обученія стрѣльбѣ“, и надъ этой смѣсю книгъ висѣла неудачная гравюра съ „Бурлаковъ“ Рѣпина.

Сомовъ походилъ еще немного и, наконецъ, на что-то рѣшился.

— Сергѣй! — крикнулъ онъ.

— Чаво? — не съ разу отозвался голосъ за перегородкою, и встѣдъ за тѣмъ въ баракѣ появился неуклюжій, бѣлобрысый парень, съ заспанной фізіономіей, и сталъ у порога.

Все въ его фигурѣ какъ-то безнадежно, некрасиво висѣло: пестрая, сомнительной чистоты, рубаха; прямые волосы, остриженные сзади подъ-скобку, а спереди спущенные на лобъ гривой; длинныя, узловатыя руки.

Это былъ деньщикъ Сомова, Сергѣй.

Войдя въ баракъ, онъ тоскливо повелъ глазами по комнатѣ и затѣмъ началъ слѣдить за своимъ бариномъ, слегка вытянувъ худую шею и пріоткрывъ ротъ.

А баринъ все ходилъ и ходилъ.

„Экъ, его носить! Экъ, его носить!“ читалось во взглядѣ деньщика: „И чего вдругъ загорѣлось? Дремалъ себѣ человекъ... Такъ нѣтъ же!.. Сергѣй да Сергѣй... Эхъ ты, жисть проклятая!“

Сергѣй былъ по натурѣ резонёръ и меланхоликъ, что не мѣшало ему въ то же время быть язвительнымъ и крайне подвижнымъ въ словесныхъ турнирахъ, которыми постоянно и пріятно осложнялось его существованіе. Передъ поступленіемъ на службу онъ жилъ у какого-то предводителя, или, какъ онъ выражался, „производителя“ дворянства, составилъ поэтому очень высокое мнѣніе о своихъ служебныхъ способностяхъ и умѣлъ, при случаѣ, этой жизнью у „производителя“ пустить пылъ въ глаза свѣжому человеку. Какъ деньщикъ полкового адъютанта — лица, въ свою очередь, близко стоящаго къ командиру полка — Сергѣй пользовался извѣстнаго рода авторитетомъ не только въ музыкантской командѣ, подчиненной поручику Сомову, гдѣ Сергѣю гово-

рили „вы“, величая его „Сергѣй Ильичемъ“, но и вообще въ полку. Вотъ почему унтеръ-офицеры подавали ему руку; это дѣлали и нѣкоторые ротные фельдфебеля изъ числа „политиковъ“; кашеваръ всегда подливалъ ему за обѣдомъ въ кашу масла болѣе, чѣмъ другимъ нижнимъ чинамъ, и Сергѣй не боялся показать свою власть и прикривнуть на пришедшаго, по его мнѣнію, не въ-время къ поручику Сомову съ рапортомъ дежурнаго по командѣ, заставивъ его подождать лишнихъ полчаса подъ вымышленнымъ предлогомъ, будто „ихъ благородіе почиваютъ“ или „заняты“.

Портретъ деньщика Сергѣя будетъ неполонъ, если не замѣтитъ, что Сергѣй слылъ въ полку за большого волокиту, и это свойство характера какъ-то странно связывалось у него съ упорными, но безуспѣшными попытками научиться грамотѣ. Едва удалось ему, напримѣръ, дойти до того, чтобы хоть каракулями списывать съ книги, какъ онъ сейчасъ же досталъ отъ штабныхъ писарей „Письмовникъ“, скопировалъ изъ него нѣсколько записокъ любовнаго содержанія и украдкой разбросалъ ихъ подъ дверьми знакомыхъ кухарокъ и горничныхъ; успѣхъ превзошелъ его ожиданія...

Итакъ, Сергѣй, войдя въ баракъ, слѣдилъ за своимъ бариномъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тотъ остановился у открытаго окна, повидимому забывъ и о деньщикѣ, и о томъ, для чего онъ его призвалъ. Наступила тишина. Слышно было, какъ по стеклу другого, запертаго окна, жалобно бьется муха, и какъ чей-то робкій теноръ, въ общемъ гулѣ лагерной жизни, выводить: „Не бѣлы снѣжки во полѣ, ахъ да во-полѣ забѣлылися!..“

Сергѣй первый нарушилъ молчаніе: — Будетъ какое приказаніе, аль нѣтъ?! — спросилъ онъ громко.

Сомовъ вздрогнулъ и съ неудовольствіемъ къ нему обернулся: онъ чувствовалъ, что въ словахъ деньщика его, повидимому самыхъ невинныхъ, была нѣкоторая доля ядовитости. Недаромъ же Сергѣй всегда старается показать ему, поручику Сомову, что онъ еще очень неопытенъ и молодъ, что приказанія его подчасъ и глупы, и неясны, и непрактичны. Выражаетъ это Сергѣй то грубыми, неумѣстными замѣчаніями и вопросами, которые бурчить себѣ подъ носъ, — настолько, впрочемъ, внятно, чтобы ихъ могъ слышать поручикъ Сомовъ, — то особеннымъ вздергиваніемъ плечъ и одновременнымъ съ нимъ поднятіемъ лѣвой брови, а еще чаще — едва замѣтнымъ, для непосвященнаго взора, жестомъ рукъ, выражающимъ и протестъ, и покорное отчаяніе.

Въ другое время Сомовъ навѣрно сдѣлалъ бы деньщику

своему хоть выговоръ за самый тонъ вопроса, но на этотъ разъ сдержался и только приказалъ:—Позови ко мнѣ фельдфебеля!

— Хельдхебеля?!—не торопясь, переспросилъ Сергѣй. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ, видимо желая еще что-то сказать; затѣмъ направился къ выходу, снова помялся уже на порогѣ, будто все-таки намѣреваясь что-то заявить, и только продѣлавъ все это и разведя съ недоумѣніемъ въ стороны кисти рукъ, скрылся за дверью.

Сомовъ остался одинъ.

Со вчерашняго дня онъ чувствуетъ, какъ нѣчто роковое вошло въ его жизнь и ведетъ его, ведетъ туда, куда лично ему идти не хочется. Вчера утромъ, въ присутствіи всей музыкантской команды, онъ пообщалъ музыканту Козловскому, состоящему въ разрядѣ штрафованныхъ, что накажетъ его, если тотъ еще хоть разъ самовольно отлучится изъ лагеря и напьется. Общаніе это сорвалось у Сомова неожиданно для него самого: онъ до сихъ поръ избѣгалъ подобной рѣзкой постановки вопроса, зная, что Козловскій никогда не выдержитъ характера. Такъ и случилось: въ тотъ же вечеръ нижній чинъ этотъ и отлучился безъ разрѣшенія, и напился. На докладъ дежурнаго о происшествіи, Сомовъ сгоряча объявилъ, что накажетъ Козловскаго... И вотъ онъ поставленъ теперь въ необходимость, для поддержанія своего авторитета передъ нижними чинами, исполнить общаніе!..

И Сомовъ грустно задумался.

II.

Черезъ нѣсколько минутъ его вниманіе было привлечено доносившимся изъ-за наружной стѣны барака разговоромъ.

Чей-то запыхавшійся голосъ, похожій на голосъ фельдфебеля его команды, Сидорова, спрашиваетъ скороговоркой: „Кто зоветъ, Сергѣй Ильичъ?!“ Голосъ Сергѣя полу-шопотомъ отвѣчаетъ: „Вѣстимо, нашь!“ — „Чего ему?!“ — „А спросите!.. Лѣшій его разберетъ! (Эти послѣднія слова произнесены съ явнымъ ожесточеніемъ.) Бѣгалъ, бѣгалъ по бараку. Дѣлать-то ему нечего!.. Позови, говоритъ, хельдхебеля!..“ — „Нашелъ тоже время: на повѣрку надо становиться!“ — „А вы думали—онъ соображаетъ?! Вчера, это, ущемилъ меня за ухо, да потомъ и говоритъ: „Прости меня, братецъ, прости!“ (Произнося собственныя слова поручика Сомова, Сергѣй довольно вѣрно поддѣлывается подъ его голосъ и при-

даетъ ему комически-плаксивый оттѣнокъ.) „Прости, говорить, Сергѣй! Я, братъ... того... значить... погорачился“. Туда-жь, начальство!.. Эхъ!!“

Тутъ Сомовъ слышитъ, какъ Сергѣй сплѣвываетъ, и ему даже кажется, что въ самомъ плевеѣ его деньщика звучать извѣстная доля презрѣнія.

„Опять же, ежели таперица взять въ расчетъ“...

Голосъ Сергѣя на этой фразѣ понижается, и Сомовъ не можетъ уже разобрать, что принимаетъ въ расчетъ его деньщикъ. Зато черезъ нѣсколько мгновений до него долетаетъ сдержанное фырканье и чье-то недовѣрчивое восклицаніе: „Ну!“

— Люди врутъ, и я вру!—уже громко отвѣчаетъ Сергѣй; затѣмъ слышно, какъ онъ входитъ въ прихожую барака, шумно срываетъ съ полки самоваръ и съ озлобленіемъ начинаетъ его чистить.

Пока происходилъ за стѣною только-что приведенный разговоръ, поручикъ Сомовъ дѣйствительно вспомнилъ, что вчера онъ взялъ за ухо Сергѣя, возмущенный его дерзкою выходкой по отношенію къ гостю-товарищу. Теперь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ происшествіи, живой румянецъ стыда заливаетъ не только щеки его, но лобъ и шею. Онъ хорошо помнитъ, что едва улегся первый приступъ гнѣва, ему стало до тоски совѣстно своего поступка, и по уходѣ товарища онъ очень недолго боролся съ самолюбіемъ, а рѣшилъ сейчасъ же позвать деньщика и попросить у него прощенія. Поручику Сомову казалось тогда, что самъ Сергѣй тронутъ этимъ благороднымъ порывомъ, что у него, Сергѣя, даже сверкнули на глазахъ слезы...

И вдругъ—тотъ же Сергѣй...

Тутъ размышленія поручика Сомова прерваны: въ баракъ, безъ предварительнаго доклада, появляется молодцоватая, крупная и сытая фигура фельдфебеля Сидорова.

Сидоровъ дѣлаетъ огромный шагъ отъ двери къ серединѣ комнаты, мгновенно вытягивается во весь ростъ и замираетъ въ строго-почтительной позѣ; причемъ грудь его, подъ волнистой, русой бородою, выпячивается, какъ диванная подушка.

Сидоровъ еще не старъ, но лысина на головѣ его, мѣшки подъ глазами и морщины вокругъ глазъ показываютъ, что онъ не прочь пропустить лишнюю рюмку въ хорошей компаніи, не прочь и пожуировать. Сѣрые, какъ бы усталые, хотя и умные глаза его выжидательно останавливаются на поручикѣ Сомовѣ.

— Здравствуй, Сидоровъ!

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

— Все у насъ благополучно?

— Все обстоитъ благополучно, ваше благородіе!

Необходимо замѣтить, что Сидоровъ говоритъ басомъ, глотая нѣкоторые слога, такъ что „ваше благородіе“ у него выходитъ „ваше бродѣ“, а во время рѣчи онъ только немного отерываетъ ротъ, отъ чего борода на груди его вздрагиваетъ при каждомъ словѣ.

— Командиръ полка, Сидоровъ, заходилъ сегодня безъ меня въ команду?

— Точно такъ, ваше благородіе!—командеръ полка изволили-съ приказать мнѣ доложить вашему благородію касательно Петьки...

Петька былъ мальчикъ-сирота, лѣтъ семи, найденный давно уже солдатами полузамерзшимъ въ корридорѣ казармъ и теперь призываемый музыкантской командою.

— А что?

— На сегодня ихъ высокоблагородіе, командеръ полка, идутъ это мимо канцеляріи съ супругой и дочерьми, а Петька нагишомъ, т.-е., съ позволенія сказать, въ чемъ мать родила, сидитъ въ лужѣ, насупротивъ полковой канцеляріи, и лучинки по водѣ пускаетъ...

— Почему же нагишомъ?!

— Да сталъ онъ сбѣгать въ сосѣдній полкъ и баловаться. Раза два отъ него и водкой пахивало; извѣстно, солдаты—всякій народъ... Я и снялъ съ него сапоги: ушелъ безъ сапогъ... Думаю себѣ: разнагишать если совсѣмъ, такъ хоть одинъ день просидитъ въ командѣ!.. Снялъ я и рубаху... А онъ безъ меня возьми да и убѣги изъ барака—и прямо въ лужу. Тутъ, какъ на грѣхъ, на всю эту комедь командеръ полка и набрели-съ. „Доложи, говорить, полковому адъютанту, чтобы у меня дикари по лагерю больше не бѣгали!“ Очень изволили осерчать...

На этомъ мѣстѣ Сидоровъ запинается, энергично и быстро откашливается, въ сторону и въ рукавъ шинели, а затѣмъ продолжаетъ, но уже менѣе рѣшительнымъ тономъ, какъ бы подбирая выраженія и стараясь не встрѣчаться глазами съ поручикомъ Сомовымъ.

— Вотъ тоже, ваше благородіе... Кабы чего не вышло... съ Живковымъ, съ музыкантомъ!.. Пробилъ вольному въ корчмѣ бутылкой голову... Его и забрали въ полицію!

— Значить, не все же у тебя благополучно, какъ ты мнѣ докладывалъ!—вспыхнулъ поручикъ Сомовъ: — Когда же, наконецъ,

я научу тебя и дежурныхъ, какъ надо докладывать и рапортовать мнѣ?!

— Такъ точно,—будто хорошенько не разслышавъ гнѣвнаго замѣчанія поручика Сомова, говоритъ Сидоровъ:—засыпалъ я уже нынче въ приставу, просилъ: отпустите, молю, только; ужъ мы сами раздѣляемся! (На словахъ „мы сами“ Сидоровъ дѣлаетъ внушительное удареніе и даже сурово сканиваетъ глаза.) Вы бы, ваше благородіе, написали приставу, аль съѣздили... Неровѣнъ часть—узнаютъ командеръ полка—бѣда будетъ!

— Хорошо, хорошо, братецъ, я съѣзжу...

— Опять же, ваше благородіе...

— Ну, что еще тамъ?!

— Да вотъ съ рядовымъ Тимопинымъ не знаю какъ ужъ и быть!..

— Ну?!

— Таскается все къ своей полюбовницѣ—изъ лагеря на предмѣстье!.. Мы въ командѣ порѣшили промежъ себя, поймать его ночью, да спустить крапивы за рубаху... Какъ ночь, такъ онъ и пропалъ!

При изложеніи довольно своеобразнаго способа, придуманнаго для обузданія страсти рядового Тимошина, въ голосѣ Сидорова какъ бы чувствуется нѣкоторая фамиліарность; Сидоровъ хотя и говоритъ „мы порѣшили“, но видимо проесть всецѣло принадлежить ему одному.

Наступаетъ молчаніе, такъ какъ поручикъ Сомовъ не высказываетъ своего мнѣнія относительно ночныхъ приключеній рядового Тимошина.

— Послушай, Сидоровъ,—наконецъ произноситъ онъ:—музыкантъ Козловскій опять отлучился изъ лагеря безъ спроса, напился пьянъ и произвелъ буйство?!

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Я обѣщаль, что накажу его, если онъ еще разъ позволить себѣ... Вѣдь онъ штрафованный?!.. Я могу... такъ сказать... и собственной властью... дать ему пятнадцать ударовъ розгами?!.. Я непремѣнно его накажу...

Въ словахъ поручика Сомова слышна неувѣренность; онъ нервно кусаетъ ноготь, весь уйдя въ это занятіе и стараясь не глядѣть на фельдфебеля.

— Такъ точно, ваше благородіе!—вдругъ просіявъ и оживляясь, отзывается Сидоровъ на этотъ полу-вопросъ:—Прикажете выпоротъ?! Подлый, совсѣмъ пропащій солдатъ, какъ есть безъ всякой деликатности... Ужъ я ему прошлый разъ, съ позволенія

сказать, наклепъ-таки въ загрівокъ... Да что ему! Безчувственный какой-то: одно слово—идолъ!!

— Козловскій—испорченный, нахальный человѣкъ!.. Я рѣшилъ доказать ему... и всѣмъ тамъ... что смѣяться надо мной опасно: я сдержу слово!.. И не далѣе, какъ завтра же... Я непременно его накажу!.. Распорядись тамъ, Сидоровъ!..

— Слушаю-съ, не впервые!

— Ступай!

Фельдфебель такъ же быстро исчезаетъ, какъ появился.

— Пстой, пстой, Сидоровъ!—окликаетъ его поручикъ Сомовъ.

Фигура Сидорова вновь вытягивается у дверей барака.

— Послушай, Сидоровъ,—начинаетъ робко, заикаясь и какъ бы заискивая, поручикъ Сомовъ:—ужъ не пьетъ ли Козловскій съ горя, отъ нужды... ну тамъ... съ тоски что-ли?! („Господи! что за чепуху говорю я, да еще нижнему чину!“—въ ту же минуту проносится въ его головѣ).

— Какая, ваше благородіе, у него тоска?! По кабаку развѣ у него тоска!—дѣловито возражаетъ Сидоровъ:—лѣнтяй онъ, гулящій: тутъ и вся-то цѣна ему! Кто на занятіе, а онъ—въ пріемный покой, въ лазаретъ... А вернулся въ команду—либо пьянъ, либо пакость какую ни на есть норовить состроить... Вся команда, ваше благородіе, будетъ рада-радешенька, когда его выдерутъ!

— Видишь ли, Сидоровъ... Я боюсь... Наказаніе розгами озлобитъ его на всѣхъ!..

— Какъ-съ?!—очевидно, не понявъ этой фразы, переспрашиваетъ Сидоровъ.

— Боюсь я, что послѣ розогъ Козловскій потеряетъ послѣдній стыдъ, еще дряннѣе станетъ, и пойдетъ на всѣхъ васъ вымещать свою злобу...

— Хорошему солдату, ваше благородіе, порка—въ стыдъ; собаку сколько ни бей—хуже не будетъ!

— Человѣкъ, Сидоровъ, не собака!—строго замѣчаетъ поручикъ Сомовъ.

— Какъ прикажете...

Наступаетъ минута неловкаго молчанія.

— Такъ ты, Сидоровъ, все-таки полагаешь, что Козловскаго непременно надо наказывать, и наказывать розгами?!

— Какъ прикажете, ваше благородіе!—не торопясь и обидчиво говоритъ Сидоровъ, смотря прищуренными глазами куда-то мимо поручика Сомова.

— И что ему, Козловскому пятнадцать розогъ! — помолчавъ немного, постепенно оживляясь и краснѣя отъ сдерживаемаго негодованія, начинаетъ Сидоровъ: — отецъ въ деревнѣ ужъ вѣрно дралъ больнѣ!.. Да и въ волости ему, извѣстно, не въ зубы же смотрѣли. На дняхъ говорю я Козловскому, что дожидаться ему порки, а онъ мнѣ: „Драли, говорить, г. фельдфебель, у насъ въ волости, на сходкахъ, страсть какъ: я малость и приобыкъ! Когда еще тамъ моя очередь подойдетъ, а я самъ раздѣнусь, лежу да носогрѣйку посасываю“... Вотъ онъ каковъ, ваше благородіе, Козловскій-то будетъ! Изволили бы доложить командеру полка: они приказжутъ всыпать командерскую плепорцію — пятьдесятъ! Ну, тогда пожалуй, что и восчувствуетъ...

— Хорошо, хорошо, братецъ! — перебиваетъ его поручикъ Сомовъ: — это ужъ мое дѣло!.. Ну, значить, завтра утромъ... Прикажи заготовить все тамъ... Я самъ буду!..

Послѣднія слова поручикъ Сомовъ выговариваетъ уже твердо и даже сурово сдвигаетъ къ переносицѣ брови.

— Ступай!

Сидоровъ исчезаетъ.

Сомовъ опять одинъ. Онъ безцѣльно смотритъ на открывающійся изъ окна и хорошо знакомый до мелочей пейзажъ; ему слышно, какъ гулъ лагерной жизни постепенно стихаетъ и принимаетъ минорный оттѣнокъ; барабаны начинаютъ бить „поѣстку къ здрѣ“.

III.

Лѣтній вечеръ, между тѣмъ, догорѣлъ. Влажные сумерки, сбѣжавшись, затанули кусты, рожи, березы съ суесящими на нихъ воронами, пролились черезъ окно въ баракъ и здѣсь густо осѣли на всѣ предметы. Зарница вспыхиваетъ все чаще и ярче: гдѣ-то, должно быть, сильная гроза!

Поручикъ Сомовъ знаетъ, что теперь у нижнихъ чиновъ производится такъ-называемая „вечерняя повѣрка“. Онъ слышитъ, какъ въ общей, сразу наступившей тишинѣ фельдфебель Сидоровъ дѣлаетъ перекичку музыкантской командѣ, построенной по обыкновенію у своихъ бараконъ, и какъ онъ громко и отрывисто выкликаетъ по списку: „Рыжиковъ! Блохъ! Ивановъ! Коврига! А въ отвѣтъ изъ фронта раздаются то тихіе и вялые, то звучные и бодрые отклики: „я!“ „ѣ!“ „я!“ Одинъ голосъ такъ задорно и очевидно не безъ умысла выкрикиваетъ свое „я“, что

между нижними чинами проносится одобрительный, насмѣшливый шопотъ, а Сидоровъ грозно объявляетъ: „Силинъ! Бѣлены ты что-ли наѣлся?! Попробуй-ка у меня въ другой разъ этакимъ манеромъ рывенуть, такъ я тебя, такой-сякой, живо сволочу къ адъютанту! На посидѣлахъ ты что-ли?! Ну деревня!..“

Но вотъ переключка окончилась. Барабаны отчеканиваютъ „здрю“. Послѣдняя дробь ея отдалась за лагернымъ лѣсомъ и тамъ изнемогла... Минуту молчанія—словно вокругъ все сразу вымерло—и звучитъ команда Сидорова: „На моли-тву! Шапки до-лой!“ Тѣ же слова, на разные тоны выкрикиваются по лагерю дивизіи. И вотъ у самаго барака поручика Сомова чей-то голосъ, нараспѣвъ и нѣсколько въ нось, затягиваетъ: „О-отче на-ашъ“... „Иже еси на небесѣ-ѣхъ“... сурово и дружно подхватываетъ невидимый хоръ, въ которомъ преобладаютъ тенора. По всему лагерю раздается та же молитва, начинаясь въ нѣкоторыхъ ротахъ ранѣе, въ другихъ—позднѣе. Медленно и мощно нарастаетъ сонмъ звуковъ, сливаясь въ одну своеобразную мелодію, которая поднимается къ небесамъ, гдѣ незамѣтно, одна за другой, уже за-теплились звѣзды.

Пока послѣдніе звуки молитвы еще толпятся на правомъ флангѣ лагеря—на лѣвомъ барабанъ уже бьетъ „отбой“ и слышны команды: „На-кройсь!“ „Разойтись!“ Затѣмъ, сперва неясный, но понемногу все усиливающийся шумъ, топотъ ногъ, отдѣльные восклицанія, смѣхъ и закипающія кой-гдѣ хоровыя пѣсни указываютъ на то, что повѣрка прошла и съ нею лагерь заканчиваетъ свой трудовой день.

Все это явственно долетаетъ до поручика Сомова, но по-прежнему нехорошо у него на душѣ...

Еще недавно, въ офицерскомъ собраніи, онъ такъ ясно и горячо доказывалъ товарищамъ по полку, что ударить солдата въ мирное время можно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда считаешь нужнымъ ударить и штатскаго,—напримѣръ, въ виду нападенія, личной обиды и т. п.; что только въ военное время, и то какъ печальное исключеніе, онъ допускаетъ необходимость нанесенія побоевъ въ строю... И что же? Вчера онъ взялъ за ухо денщика за грубую фразу; завтра накажетъ Козловскаго... А тамъ пошелъ, пошелъ бить направо и налево!!.. И кажется Сомову, что на совѣсть его легло нѣчто тяжелое, обидное, нехорошее... „Драть, пороть, всыпать“—какія ужасныя слова, если въ нихъ глубже вдуматься: человѣкъ превращается въ какую-то вещь, съ которой нечего церемониться!.. И фельдфебель Сидоровъ произноситъ эти слова такъ спокойно!.. Неужели же правъ

капитанъ Петровъ?!.. На дняхъ капитанъ этотъ сказалъ ему, поручику Сомову, приблизительно слѣдующее: „Все-то у васъ, батенька мой, разведено розовой водицей да теоріями... А солдаты — ухъ, какъ не терпятъ этихъ самыхъ теорій!!.. Вы вотъ воображаете, что солдаты розогъ, битья боятся, а не хотите сообразить, что у много солдата и мужика вся жизнь-то — сплошная нужда, горе, страданье... Что же ему значать ваши розги?.. Побили бы его только скоро, за дѣло, безъ излишней „волокиты“, да бьющій имѣлъ бы извѣстный авторитетъ въ его глазахъ... Вотъ онъ каковъ русскій солдатъ-мужикъ! Эхъ, батенька мой, бросьте вы къ лиху всѣ ваши проклятыя теоріи!.. Есть между солдатами славный народъ; но есть же и бестіи: дерешь одного, а десятокъ такихъ же бестій смотреть да мотаешь себѣ на усъ“...

И чудится поручику Сомову, что капитанъ Петровъ — этотъ маленький, точно наскоро сколоченный, лысый и подвижной чело-вѣчекъ, въ вѣчно засаленномъ скрутухѣ и скрученныхъ въ веревочки отъ старости погонахъ — тутъ, возлѣ, ехидно подсмѣивается надъ его труднымъ положеніемъ.

„— Что, батенька мой, — не унимается капитанъ Петровъ: — Гамлета изъ себя состроить желаете?.. Тотъ все носился съ вопросомъ „быть или не быть“, а вы пустую фразу эту передѣляли на „бить или не бить“, да съ фразой этой, какъ съ цапкою, и няньчитесь... Стыдно, сударь мой, вотъ что!..“

И поручику Сомову уже начинаетъ казаться, что онъ слышитъ тихій, какъ бы брюшной, голосъ капитана Петрова, и видѣть его насмѣшливые глазки, утонувшіе въ расплывающейся по всей фізіономіи улыбки.

Напрасно поручикъ Сомовъ старается не думать о капитанѣ Петровѣ: офицеръ этотъ, какъ тѣнь, преслѣдуетъ его теперь.

„— Вамъ, батенька мой, трудно ударить нижняго чина, — продолжаетъ свою настойчивую бесѣду капитанъ Петровъ. — А что же будетъ съ вами, если придется когда-нибудь изъ своихъ рухъ убить своего же солдата?.. А вѣдь на войнѣ и это случается... Я самъ видѣлъ... Рота залегла, не хочетъ встать и идти на укрѣпленіе, потому что одинъ какой-нибудь мерзавецъ труситъ и сбиваетъ съ толку остальныхъ нижнихъ чиновъ... А идти впередъ надо: вы видите, что это спасетъ роту отъ безполезнаго разстрѣла... И что же — вы, ради одного мерзавца, пожертвуете жизнью цѣлой сотни честныхъ, исполняющихъ свой долгъ, но зараженныхъ дурнымъ примѣромъ людей?!.. Не смѣете-съ! Убейте мерзавца, поднимите этимъ поступкомъ духъ роты и ведите ее за собой!..“

Поручика Сомова даже въ жаръ бросило отъ этихъ рѣчей. Онъ высунулся за окно, чтобы подышать вечернимъ воздухомъ и освѣжить хоть немного пылающее лицо.

IV.

Прошло сравнительно мало времени съ тѣхъ поръ, какъ пробили „здрю“, а лагерь уже почти совсѣмъ уснулъ. Пѣсни и оживленіе прекратились. Только кой-гдѣ въ сумракѣ мягко раздаются шаги и солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ, подобно привра-тамъ, скользятъ въ разныхъ направленіяхъ. Лѣнливо, точно для очистки совѣсти, вдоль всей окраины лагеря, тавкаютъ ротные псы. Въ сосѣднемъ болотѣ лягушки и жабы давно уже начали разыгрывать свой безконечный ноктюрнъ, сливая его съ ровнымъ стрекотомъ полевыхъ кузнечиковъ. Какая-то птица боязливо затрепетала у окна, и вслѣдъ за ея безшумнымъ исчезновеніемъ, будто только и поджидая его, сверчокъ подъ баракомъ затянулъ однотонную пѣсенку.

Поручику Сомову теперь слышно, какъ въ прихожей, во снѣ, его Сергѣй охаетъ, стонетъ и скрипитъ зубами. Скоро все это переходитъ у него въ храпѣнье: Сергѣй всхрапываетъ сперва спокойно, какъ бы дѣловито и разсудительно. Но понемногу въ это размѣрное похрапыванье начинаютъ врываться тоскливые вскрипы. Сергѣй на минуту замолкаетъ, а затѣмъ принимается за прежнее, съ тою однако разницей, что храпѣнье получаетъ у него уже оттѣнокъ явной легкомысленности и даже насмѣшки. Напрасно поручикъ Сомовъ пытается не обращать вниманія на этотъ своеобразный концертъ: храпъ побѣдоносно врывается въ баракъ, проникаетъ во всѣ уголки его, вылетаетъ въ открытое окно, снова черезъ окно возвращается и, наконецъ, переходитъ за стѣной въ неистовое хрипѣнье: кажется, что кто-то сѣлъ Сергѣю на горло и беспощадно душить, душить его... Поручикъ Сомовъ уже хочетъ окликнуть деньщика; но Сергѣй, словно угадавъ его тайные замыслы, громко и отрывисто всхлипываетъ, а наступившая затѣмъ тишина производитъ впечатлѣніе, что онъ, Сергѣй, злорадно прислушивается и къ этой тишинѣ, и къ тому, что дѣлаетъ тамъ, за стѣною, его баринъ, словно желая сказать: „Что взялъ?!.. Думалъ помѣшать... Анъ, нѣтъ! Я и самъ перестану... На-жъ тебѣ!!“

А безстрастная ночь, между тѣмъ, плыветъ въ небесахъ, за-жигая новые и новые міры созвѣздій, полная намековъ, загадокъ,

одухотворенная трепетаньемъ и игрою зарницъ въ далекой, незримой тучѣ...

Вотъ раздался шумъ экипажныхъ колесъ—все ближе, ближе... Отблески двухъ фонарей бѣгутъ по придорожнымъ кустамъ, всползаютъ на бараки, корчатся, умирая на травѣ, пытливо заглядываютъ въ канавы и дождевыя лужицы: это возвращается изъ города командиръ полка. Но коляска мягко простучала по пыльной дорогѣ, прогромыкала на мостикахъ и смолкла въ отдаленіи.

И вновь только тивкаютъ ротные псы, да отзываются съ луговъ коростели, да изрѣдка, почти безъ звука, двигаются сѣрыя фигуры солдатъ. Ото всего дышетъ миромъ, покоемъ... И нѣтъ покоя лишь одному ему, поручику Сомову!.. И за что, за что?!..

Онъ прилегъ на диванъ, насильно зажмурилъ глаза и самъ не замѣтилъ, какъ погрузился въ воспоминанія...

V.

Припомнилось ему...

Мрачное снаружи, внушительное зданіе кадетскаго корпуса. Безконечные корридоры и лѣстницы. Высокія окна. Пахнеть свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, кислою капустой и сырыми опилками: въ корпусѣ, наканунѣ праздниковъ, всегда мылись полы. Кадеты спуютъ всюду, какъ предприимчивые тараканы, потревоженные въ гнѣздахъ ядовитымъ порошкомъ. Шумъ, топотъ ногъ, суетня: если приложить ухо къ стѣнѣ, то чувствуешь, какъ стѣна эта вздрагиваетъ, гудитъ.

— Ахъ, одуванчикъ, здравствуй!

Поручика Сомова, тогда еще просто Петю, товарищи по корпусу прозвали „одуванчикомъ“ за его коротко-остриженные, торчавшіе ежомъ на головѣ, свѣтлые волосы.

— Это ты, Синицынъ?

Они бѣгутъ на сосѣдній плацъ смотрѣть, какъ солдаты мѣстнаго баталіона обучаются фехтовкѣ. Тамъ уже разставлены холщевыя, набитыя соломой, чучелы, которымъ придана форма челоуѣка, и солдаты съ разбѣга колютъ ихъ штыками, стараясь глубже и ловчѣе нанести удары.

Поручику Сомову въ тѣ дни казалось, что рваныя дыры на чучелахъ были настоящими, живыми ранами, что сами чучелы—живые люди,—и дѣтское сердце его такъ тоскливо сжималось!..

Саша Синицынъ былъ другомъ Пети Сомова по классу.

Однажды онъ отвѣтилъ грубо воспитателю, и его рѣшено

было, въ назиданіе прочимъ, наказать розгами... Скромный, приличный, хорошенькій и розовый мальчикъ, — Синицынъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣтскихъ, цѣломудренныхъ натуръ, которыя товарищи хотя и зовутъ въ насмѣшку „дѣвчонками“, но которыхъ тѣ же товарищи любятъ, безсознательно подчиняясь обаянію ихъ нравственной чистоты. Всѣ удивились, когда у Синицына, въ защиту ошибочно наказываемаго товарища, сорвалась съ языка грубая, неумѣстная фраза... Бѣдный Синицынъ! Онъ такъ горько плакалъ еще задолго до наказанія, впадалъ въ такое наивное отчаяніе! Поручикъ Сомовъ будто слышитъ его страстный, прерывающійся отъ рыданій шопотъ: „Я лучше руки на себя наложу!.. Что скажутъ мама, бабушка, сестры?!.. Господи, да хоть Ты спаси меня, защити!“

Передъ поручикомъ Сомовымъ выступаетъ теперь изъ вечерняго сумрака и личико этого Синицына — блѣдное, печальное, дѣтское личико, съ заплаканными, широко раскрытыми и потемнѣвшими отъ ужаса, голубыми глазами.

А вокругъ Синицына — товарищи съ совѣтами и утѣшеніями.

— Ты, братъ, закуси только руку и ничего не почувствуешь! Говорю тебѣ по опыту! — заявляетъ кадетъ съ пушкомъ на верхней губѣ, впихивая въ ротъ сразу чуть не полъ-булки отъ завтрака. — У меня, братъ, были-таки разные счета съ дядькой Ѳедосѣичемъ: хотѣлъ онъ меня пробрать — сѣкъ, сѣкъ, даже кровь пошла. А я — ни гу-гу! Старый хрычъ пытитъ, потѣетъ, старается... А я какъ ни въ чемъ не бывало!.. Думали: стану плакать, просить прощенія... Нѣтъ, шалишь! Не на такого наскочили!!

— Дай ты, Саша, Ѳедосѣичу двугривенный: онъ тебя только такъ, для виду погладитъ, — совѣтуетъ другой.

— Ну, полно же, Синицынъ, нюни-то до времени распускать! — авторитетно вмѣшивается въ разговоръ маленькій, толстый и краснощекий кадетъ, котораго, за ростъ и полноту, въ корпусѣ прозвали „Ванька-встанька“. — Эка невидаль, что высѣкутъ! Да и какой изъ тебя офицеръ-то выйдетъ, если не будешь знать, что такое кадетская розга!

А Синицынъ точно не слышитъ товарищей. У него, вѣроятно, сложился свой собственный взглядъ на предстоящую церемонію: онъ нервно вздрагиваетъ, смотря куда-то вдаль, какъ будто тамъ уже мелькаетъ передъ нимъ нѣчто страшное, неумолимое, неизбежное...

Петя сидитъ возлѣ друга, испуганный не менѣе его; ему невыразимо жаль бѣднаго Синицына, стыдно и больно за него, и нѣтъ въ запасѣ словъ утѣшенія...

„Гдѣ-то теперь Саша Синицынъ?“ думается поручику Сомову: „Сохранилъ ли онъ свою дѣтскую чистоту и съ нею отвращеніе и вражду ко всякому насилию надъ человѣкомъ, ко всякой неправдѣ?.. Какъ горячо разсуждали мы съ нимъ въ корпусѣ на эти темы!..“

Но вотъ случай съ кадетомъ Синицынымъ уже блѣднѣетъ, и по капризу воображенія передъ Сомовымъ воскресаетъ другая сцена, на время какъ бы ускользнувшая изъ памяти.

Онъ совсѣмъ еще ребенокъ и ѣдетъ съ семьей гдѣ-то за границей,—кажется, въ Пруссіи. Отецъ и мать дремлютъ въ экипажѣ. Росистое весеннее утро. Заря едва начинаетъ пробиваться сквозь неподвижныя облака. Онъ, Петя, проснулся ранѣе другихъ отъ утренняго холода и слѣдитъ за тѣмъ, какъ коляска ихъ проѣзжаетъ мимо полка, расположившагося бивуакомъ. Всюду слышна незнакомая ребенку рѣчь. Но чтѣ тамъ, въ сторонѣ, дѣлаютъ солдаты? Часть ихъ построена правильнымъ четырехугольникомъ, а въ серединѣ этого огромнаго четырехугольника раздаются какіе-то странные звуки... Неужели же такъ можетъ кричать человѣкъ?!.. Да! Ребенокъ видитъ, что кого-то держать на землѣ, кто-то борется, барахтается, вырывается, а въ воздухѣ взносятся и свистя опускаются розги...

Этотъ крикъ, то слабѣющій, то усиливающійся по временамъ; эти блѣдныя лица солдатъ, построенныхъ въ неподвижныя, стройныя ряды; это сонное утро, только-что рождающееся, съ сырмь, ароматнымъ воздухомъ и съ беззаботной трелью малиновки изъ ближайшей рощи... Какіе контрасты!!.. Ребенокъ въ ужасѣ хочетъ разбудить отца, бросается къ нему; но лошади уже пустились въ объѣздъ—все скрылось, и только замирающій крикъ еще живетъ въ ушахъ ребенка... А заря разгорается, охватывая холодное небо и гася поблѣднѣвшія, точно утомленные долгой ночью, звѣзды; весеннее утро смотритъ наивно на міръ увлажненными предразсвѣтнымъ сномъ очами...

Много различныхъ картинъ проносится теперь въ памяти поручика Сомова; но эта сцена, вставшая изъ тумана прошлаго, не меркнетъ, не теряетъ своей неумолимой правды. Отъ нея дышетъ укоромъ, стыдомъ, тоскою. Нѣтъ, никакъ не забыть ее!.. А завтра?! И холодный потъ выступилъ на лбу поручика Сомова. О, еслибы возможно было для него не думать объ этомъ „завтра“?!

И не странно ли, что вся жизнь Сомова, съ той минуты, какъ онъ поступилъ на дѣйствительную службу, складывается такъ, что надъ жизнью этой постоянно виситъ какое-нибудь ро-

ковое, неизбежное „завтра“, противъ котораго возстаетъ вся его натура?.. Развѣ, напримѣръ, война не есть то же „завтра“, грозное, нелогичное, непримиримое съ совѣстью „завтра“!.. И къ этому „завтра“ онъ, поручикъ Сомовъ, готовится со школьной скамьи!.. Вотъ капитанъ Петровъ: тотъ ясно и спокойно смотритъ въ глаза этому чудовищу; для поручика же Сомова оно—тяжелый юшмаръ, отъ котораго трудно избавиться!.. Правда, въ общемъ теченіи военной жизни, и поручику Сомову порой грезились въ войнѣ подвиги, награды, побѣды; но не разъ уже чувство миролюбія и справедливости поднимало завѣсу съ этого призрака, и поручикъ Сомовъ съ гадливымъ ужасомъ видѣлъ ослабленные челюсти и голыя ребра тамъ, гдѣ такъ недавно, въ пороховомъ диму, подъ ободряющіе звуки музыки, развѣвались побѣдоносныя знамена и мерцали граненыя жала штыковъ. Не даромъ же поручикъ Сомовъ часто слышалъ отъ товарищей обидное для военнаго замѣчаніе, что онъ—„штатскій“. А между тѣмъ какая-то сила притянула его къ этой возможной войнѣ, которая чуть не въ заслугу ставить убійство, разбой и всяческое насиліе надъ ближнимъ!..

Сомовъ вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ. Внесенная Сергѣемъ лампа подъ абажуромъ давно накинута на всѣ предметы ровный полусвѣтъ, привлекая изъ ночного мрака комаровъ и бабочекъ. Половицы скрипѣли подъ ногами Сомова, и каждый разъ, какъ онъ попадалъ на одну изъ нихъ,—статуетки Гёте и Шиллера кивали ему со стола своими хрупкими туловищами.

„Давно ли я поступилъ на военную службу,—думается Сомову. —А сколько уже испытано огорченій, обидъ!.. Были, правда, и свѣтлыя минуты, но... Взять хотя бы мою первую ротную школу!.. Я ли не работалъ надъ ней? Я обучалъ солдатъ, требуя отъ нихъ сознательнаго отношенія къ родинѣ, къ службѣ, къ грамотѣ. И что же? Школа моя на экзаменѣ провалилась, а у поручика Кривцова, у котораго всѣмъ орудовалъ самый заурядный унтеръ-офицеръ, такая же школа—я самъ могъ въ этомъ убѣдиться—оказалась неизмѣримо выше. Съ первыхъ же шаговъ на пути сближенія съ нижними чинами и до настоящаго случая съ музыкантомъ Козловскимъ я встрѣчалъ почему-то только трудности и разочарованья!..“

Дѣйствительно, чѣмъ ближе хотѣлъ поручикъ Сомовъ подойти къ солдатамъ, тѣмъ загадочнѣе они для него становились,—точно какой-то туманъ ихъ засасывалъ!..

Поручикъ Сомовъ явился въ полкъ совсѣмъ безусымъ юношей, тогда какъ между учениками первой его школы были бородачи

и семейные, такъ что въ первое время онъ невольно конфузился, попавъ въ положеніе воспитателя и начальника. Потомъ эта робость прошла, и онъ, при каждомъ подходящемъ случаѣ, говорилъ со своими подчиненными. Но ничего, кромѣ тупого, казеннаго вниманія, съ ихъ стороны не видѣлъ. Напротивъ, какой-нибудь простой рассказъ, да если еще въ немъ былъ забавный или циничный элементъ, сразу оживлялъ всѣ физиономіи. Нѣтъ! солдаты не понимаютъ его, поручика Сомова! Взять хотя бы его деньщика Сергѣя. Чего не дѣлалъ онъ, чтобы привязать къ себѣ этого человѣка, приручить его?! А Сергѣй съ каждой недѣлей становится грубѣе, безпорядочнѣе, неуживчивѣе. И въ то же время поручикъ Сомовъ не можетъ не сознавать, что, при всей рѣзкости, Сергѣй въ душѣ вовсе не золь, и если несносенъ и капризенъ, то только съ нимъ, поручикомъ Сомовымъ. А въ музыкантской командѣ?! Канцелярія зимою очень тонкой досчатой перегородкою отдѣлялась отъ помѣщенія нижнихъ чиновъ, и поручику Сомову приходилось случайно подслушивать разговоры своихъ подчиненныхъ, касавшіеся его самого.

— Извелъ, братцы мои, какъ есть словами извелъ, — услышалъ онъ однажды за стѣною. — И откуда что берется? Ровно изъ мѣшка. Дралъ я, дралъ новъче глаза: думалъ, засну!..

— Бранить начнетъ — такъ душу изъ тебя всю вымотаетъ, до поту проберетъ. Вотъ командеръ тринадцатой роты: тотъ на-клялъ, это, сичасъ разъ, другой, нашему брату куда слѣдуетъ, да на томъ и станетъ; подъ судъ не отдастъ — все самъ.

— Хороша, землячки, пословица у насъ на деревнѣ: „ѣшь меня пѣсъ — лишь бы овца не жевала“.

Даже сравнительно развитой фельдфебель Сидоровъ — и тотъ не хочетъ понять намѣреній и взглядовъ поручика Сомова на солдата и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ пытается доказать ему пользу битья... А музыкантская команда распускается, что замѣчено уже и начальствомъ.

„Какъ же постичь простой, сѣрый людъ, какъ подойти къ нему вплотную?!“

На этотъ прямо поставленный вопросъ что-то укоряющее сейчасъ же закопошилось въ душѣ поручика Сомова.

Для него, на примѣръ, настоящей пыткой былъ установившійся въ полку обычай — послѣ свѣтлой заутрени перехристосоваться со всѣми нижними чинами команды: среди чистенькихъ, опрятныхъ, попадаются солдаты грязные, слюнявые, въ прыщахъ, отъ которыхъ несетъ дегтемъ, сапожнымъ товаромъ, гвоздичной помадою; нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи запоздавшего визита его бла-

городя, уже тайкомъ разговѣлись и попахиваютъ водкою. И какія при этомъ христосованіи съ начальствомъ бываютъ глупыя, растерянные, перепуганные рожи!.. Все это каждый разъ вызываетъ въ поручикѣ Сомовѣ невольную брезгливость, граничащую съ чувствомъ какой-то враждебности... Онъ приходитъ, желая по-братски обнять солдатъ, а уходитъ довольный, что вся эта церемонія наконецъ-то прошла благополучно...

Да если взять того же Сергѣя... Вѣдь по временамъ поручикъ Сомовъ буквально не въ силахъ выносить ни его сонной физиономіи, ни его неопрятной гривки à la Caroull, ни вѣчнаго бубета махорки и портянокъ, составляющаго неотъемлемую принадлежность этого солдата. „Ты бы, братецъ... тамъ... хоть въ баню... сходилъ... что-ли!“ — рѣшается онъ, время отъ времени, посовѣтовать деньщику, самъ конфузясь подобнаго предложенія: „А то... пахнетъ отъ тебя чѣмъ-то!..“

— Пах-нетъ?!—недовѣрчиво протягиваетъ Сергѣй. Онъ нѣсколько секундъ презрительно вглядывается въ поручика Сомова, а затѣмъ, тономъ глубокаго убѣжденія, добавляетъ: „У всякаго человѣка свой запахъ имѣется!“ Вотъ и разсуждай съ нимъ послѣ этого! Но не одинъ запахъ, а походка, косые взгляды Сергѣя, его жестикація, самая привычка его объясняться и спорить уже раздражаютъ Сомова.

И какъ побороть въ себѣ подобное чувство?! А бороться съ нимъ надо: вѣдь оно похоже на презрѣніе, на ненависть къ простому народу!..

VI.

Но что это?!..

Мысли поручика Сомова неожиданно прерваны, такъ какъ за перегородкою раздался голосъ Сергѣя, громко, съ разстановкой и безъ всякаго выраженія произносившій: „Еще кланяемся мы тетущкѣ нашей Аринѣ Пахомовнѣ, Аринѣ Па-хо-мов-нѣ!“ — Не оставалось никакого сомнѣнія: Сергѣй успѣлъ проснуться и диктовалъ кому-то письмо на родину. Сквозь щель перегородки въ прихожей виденъ былъ свѣтъ, а въ комнатѣ у поручика Сомова ощущался непріятный ему запахъ махорки.

Поручику Сомову и ранѣе приходилось слышать подобныя же диктовки; онъ зналъ, что онѣ дѣйствовали несомнѣнно умягчающе на нравъ Сергѣя: въ тотъ день Сергѣй менѣе ворчалъ, сидѣлъ дома и въ голосъ его, при столкновеніяхъ съ бариномъ, звучали несвойственные ему смиренные ноты.

Но никогда еще диктовка такъ не раздражала поручика

Сомова, какъ теперь: голосъ Сергѣя врывался въ его размышленія, путалъ ихъ и придавалъ имъ какой-то неясный, странный оттѣнокъ. Только-что, напримѣръ, поручикъ Сомовъ, съ большими усиліями, наладить разрозненныя мысли и онѣ стануть у него выстраиваться въ извѣстномъ порядкѣ,—какъ за стѣною звучить диктующій голосъ Сергѣя: „И дядюшкѣ Павлу Ваньчу съ домочадцами!.. Съ до-мо-чад-ца-ми!“ Этотъ дядюшка „Павлъ Ваньчъ“ и его домочадцы, словно развязные, назойливые незнакомцы, входятъ преспокойно въ голову поручика Сомова и начинаютъ тамъ распоряжаться, какъ у себя въ хатѣ, пока ему не удастся выпроводить ихъ и поймать испуганную приходомъ непрошенныхъ гостей мысль. Но только-что онъ въ этомъ успѣваетъ, какъ „милый нашъ дѣдушка Панкратычъ“, или „любезнѣйшая крестница Пашуточка“—втираются незамѣтно въ голову—и все тамъ спутывается, все становится зауряднымъ, мелкимъ, даже ходульнымъ. Всѣ эти Павлы Ваньчи, Пашуточки, Панкратычи, которыхъ поручикъ Сомовъ и въ глаза-то никогда не видывалъ, теперь какъ бы воплощаются вокругъ него, бродятъ возлѣ и уставляются изъ сумрака вкрадчиво и насмѣшливо...

— Нѣтъ, это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое!—прошепталъ онъ, схватилъ фуражку и, накинувъ пальто, вышелъ изъ комнаты. Отъ миролюбиваго настроенія къ Сергѣю, царившаго въ душѣ поручика Сомова за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, не осталось и слѣда.

Ряды бараконъ музыкантской команды зачернѣли по сторонамъ его.

Проходя мимо, онъ могъ слышать, какъ въ одномъ изъ нихъ бредилъ во снѣ солдатикъ, часто и съ ужасомъ повторяя: „Господи, Господи, Господи!“ — Тутъ и тамъ проносились то тяжелый вздохъ, то безсвязное бормотанье, а лампа, подвѣшенная у входа, освѣщала два ряда неподвижныхъ фигуръ, лежавшихъ на нарахъ ногами внутрь помещенія, и эти фигуры дѣлали полу-темный баракъ похожимъ на покойницкую, въ которой живому существу какъ-то дико слышать звукъ человѣческой рѣчи.

Въ другомъ баракѣ, при слабомъ освѣщеніи огарка, поручику Сомову представилась слѣдующая картина: кучка солдатъ играла въ носки, и въ моментъ его появленія одинъ изъ игравшихъ, взявъ за края толстую пачку картъ, пресерьезно, размѣрнымъ движеніемъ, билъ ею по носу товарища, очевидно проигравшагося. Этотъ же послѣдній, съ покраснѣвшимъ носомъ, сидя на корточкахъ, спокойно переносилъ операцію. Съ счастливыми, сіяющими лицами слѣдили за игроками зрители.

Въ открывшейся передъ поручикомъ Сомовымъ бытовой сценѣ было много здороваго, свѣжаго юмора. Но въ данную минуту она только еще болѣе раздражила его: ему казалось неестественнымъ, обиднымъ веселье нижнихъ чиновъ музыкантской команды, знающихъ, какъ и онъ, о завтрашнемъ наказаніи Козловскаго...

Да и вообще спокойствіе, на него вѣявшее отовсюду, только усиливало его тоску и смятеніе: онъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ себя ничтожнымъ, какъ бы лишнимъ и празднымъ винтикомъ въ стройной машинѣ, называемой войскомъ.

Машина эта несомнѣнно живетъ, кромѣ служебной, еще и своей собственной жизнью: что-то неписанное, невыдуманное, внесенное съ улицы, съ полей, изъ лѣсовъ и деревень необъятной страны, чудится, угадывается здѣсь... И какъ много трезвой, нескрушимой силы даже въ мирномъ, богатырскомъ снѣ этого лагеря!!.. А вѣдь стоитъ раздаться только одному слову приказанія—и черезъ нѣсколько минутъ всѣ тысячи людей, уснувшихъ, повидимому, столь беззаботно, дружно поднимутся, разберутъ оружіе и двинутся, не разсуждая, чтобы совершать великія дѣла, и раздавать, какъ червя, его, поручика Сомова, еслибы въ общемъ стремленіи онъ хоть на мигъ поколебался идти туда, куда двинутся всѣ!..

Онъ брелъ все далѣе и далѣе по лагерю, пока не подошелъ къ помѣщенію полкового капельмейстера Панца.

Яркій снопъ свѣта выливался оттуда широкимъ потокомъ черезъ закрытое окно на цѣпникъ и дорогу. Самъ капельмейстеръ, старикъ изъ чеховъ, въ полосатомъ плафрокѣ и черномъ парикѣ, дурно выкрашенномъ, отъ чего на вискахъ парикъ этотъ имѣлъ лиловатый оттѣнокъ, сидѣлъ передъ нотной бумагою и съ увлеченіемъ въ нее что-то зачерчивалъ. Клубы дыма изъ фарфоровой трубы наводнили весь баракъ, и капельмейстеръ казался окруженнымъ облаками или сидящимъ на нихъ. Время отъ времени онъ выпускалъ изо рта и ноздрей новыя, то валыя и кудравыя, то быстрыя и прямыя струйки табачнаго дыма, направляя ихъ въ нотную бумагу, словно она являлась злѣйшимъ врагомъ его, котораго надо было уничтожить бомбардированіемъ...

„И *этотъ* счастливъ, и *этотъ* занятъ своимъ дѣломъ!..“ съ отчаяніемъ подумалъ поручикъ Сомовъ. Онъ не въ силахъ былъ гулять дольше, круто повернулъ назадъ и, побродивъ въ темнотѣ по пустынному лагерю, вернулся домой. Диктовка въ его баракѣ, между тѣмъ, успѣла кончиться: огня въ прихожей не было и леньщикъ уже видимо спалъ.

VII.

Часы полковой канцеляріи пробили гулко двѣнадцать, когда около барака слышались робкіе шаги, а затѣмъ Сергѣй, шумно поскребывая всей пятерней спину и натываясь на стулья съ просонокъ, вошелъ въ комнату и сердито объявилъ поручику Сомову:

— Изъ музыкантской команды унтеръ-офицеры пришли! Дѣло имѣють!

Такой поздній визитъ, да еще нѣсколькихъ человекъ, очень изумилъ поручика Сомова; однако онъ приказалъ ввести пришедшихъ.

И вотъ, осторожно, пролѣзая бокомъ въ дверь, одна за другой, появились въ баракъ три фигуры въ шинеляхъ и замерли у порога.

Поручикъ Сомовъ хорошо зналъ всѣхъ вошедшихъ: по его наблюденіямъ это была аристократія музыкантской команды.

Перваго изъ нихъ звали Коньковымъ.

Коренастый, плотно сбитый мужчина лѣтъ 30, съ темной щетиною волосъ на головѣ и съ такого же цвѣта усами, Коньковъ имѣлъ туловище, широкое въ плечахъ, узкое въ талии и очень длинное, а ноги—короткія и тонкія, отъ чего вся фигура его получила такой видъ, будто ее сильно перетянули казеннымъ реманнымъ поясомъ съ бляхою какъ разъ по срединѣ, или будто ноги выходили непосредственно изъ талии. При разговорѣ съ начальствомъ Коньковъ имѣлъ привычку смотрѣть не мигая, до тѣхъ поръ, пока начальникъ объяснялся обыкновеннымъ голосомъ. Но стоило только послѣднему возвысить тонъ рѣчи, какъ и безъ того большіе сѣрые глаза Конькова расширялись въ два оловянные кружка, до дерзости и безумія уставленныхъ на начальство, а брови поднимались надъ ними въ видѣ двухъ крышечекъ. Въ подобныя минуты взглядъ его принималъ тотъ видъ, который, какъ идеаль, стараются выработать опытные унтеръ-офицеры дядьки въ новобранцахъ, уча ихъ бодро и смѣло провожать проходящаго мимо начальника глазами: „Въ его (т.-е. начальника) глазами!“ говорятъ они. Но вотъ начальство понижаетъ голосъ, переходя на обычный, спокойный тонъ, и глаза Конькова все суживаются, крышечки надъ ними вытягиваются въ линіи, а на лицѣ остается только казенно-безстрастное выраженіе, которое, однако, при малѣйшемъ поводѣ, быстро готово смѣниться гримасой почтительно-сдерживаемаго смѣха.

Второй изъ посѣтителей—Ивановъ, человекъ большого роста

и неопредѣленныхъ лѣтъ, имѣлъ довольно странную внѣшность: уши его торчали слишкомъ назади, отъ чего все красное и жирное лицо какъ бы выдавалось впередъ, подбородокъ былъ малъ, волосы начинались чуть не надъ самыми бровями, а небольшіе глаза имѣли видъ двухъ щелочекъ. Особенность этого нижняго чина заключалась въ томъ, что всѣ движенія души сопровождались у него дѣятельностью носа или, лучше сказать, выражались въ движеніяхъ носа: чѣмъ болѣе волновался Ивановъ, тѣмъ болѣе носъ его втягивался между щеками, расплющивался и расширялъ ноздри, чтобы затѣмъ мгновенно вернуться къ первоначальному состоянію покоя. Капельмейстеръ Панцъ выбралъ Иванова въ число музыкантовъ, прельщенный его толстыми губами и увѣряя, что у него „отмѣнная амбушюръ“, и между лѣнливымъ, полуграмотнымъ Ивановымъ и упрямымъ капельмейстеромъ за изученіе нотъ шла безконечная, непримиримая борьба.

Третій изъ вошедшихъ — Пантелѣевъ — молодой, красивый блондинъ, съ щегольски закрученными усиками, въ франтовскихъ сапогахъ на высокихъ подборахъ и съ голенищами гармоникой, опрятный и приличный, всей внѣшностью невольно обращалъ на себя вниманіе.

— Мы, ваше благородіе, къ вашей милости съ просьбою отъ команды пришли, — началъ, нѣсколько помявшись на мѣстѣ, на вопросъ поручика Сомова, Пантелѣевъ.

При этихъ словахъ, фізіономія его и Конькова одновременно, словно по взаимному соглашенію, радостно ослабились, но сейчасъ же приняли то сосредоточенное выраженіе, съ которымъ появились въ баракъ, а носъ Иванова въ ту же минуту продолжалъ самымъ непостижимымъ способомъ трудную эволюцію, прежде чѣмъ успокоится на положенномъ ему мѣстѣ.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ поручикъ Сомовъ, оглядывая ихъ всѣхъ не безъ изумленія.

— Да вотъ, ваше благородіе, — нерѣшительно протянулъ Пантелѣевъ. — Сказывалъ фельдфебель... завтра изволите Козловскаго наказывать?..

— Ну такъ что-жь?!

— Вотъ команда и прислала, значить, просить, нельзя ли ужъ ослобонить...

Поручикъ Сомовъ даже замеръ отъ неожиданности: ему вдругъ показалось, что нижніе чины команды просятъ его совсѣмъ не наказывать Козловскаго...

„Онъ, конечно, простить“, проносилось въ головѣ поручика Сомова: „тѣмъ непріятная исторія и кончится! А главное—всѣ

будутъ довольны... Но какъ же?.. Фельдфебель Сидоровъ говорилъ совсѣмъ иное о настроеніи команды по отношенію къ Козловскому?!"

— Что же вамъ отъ меня нужно? — спросилъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы казаться спокойнымъ. — Вы, братцы, хотите, чтобы я простилъ Козловскаго? Вамъ жаль его?

— Какое жаль, ваше благородіе! — съ нѣкоторымъ, отчасти обидчивымъ, недоумѣніемъ и слегка покраснѣвъ, проговорилъ Пантелѣевъ, а носъ Иванова сердито втянулъ въ себя воздухъ, юркнулъ въ щеки, расплюснулся и сейчасъ же всталъ на прежнее мѣсто. — Въ командѣ у насъ, значить, никого еще не драли... Такъ чтобы ужъ сраму этого не было... Строевые въ ротахъ послѣ прохода не дадутъ... Ослобоните, ваше благородіе!

— Ничего не понимаю!

— Да ужъ нельзя ли, ваше благородіе, наказать Козловскаго гдѣ подальше и пораньше, пока, значить, въ лагерѣ всѣ спятъ!.. Явите начальническую милость! Команда просить!

— Команда просить! — какъ эхо, хрипло отозвался и Коньковъ.

Поручикъ Сомовъ только тутъ понялъ, чего отъ него желали: послѣднія надежды его мгновенно превратились въ миражъ! Онъ пообѣщалъ исполнить просьбу, велѣлъ передать соотвѣтствующія приказанія фельдфебелю Сидорову и отпустилъ нижнихъ чиновъ. Всѣ они, прежде чѣмъ выйти, повернулись кругомъ одновременно, и такъ усердно приставили правыя ноги къ лѣвымъ, что бараки поручика Сомова дрогнули, а статуэтки Гёте и Шиллера на столѣ затряслись какъ въ лихорадкѣ.

Вотъ поручикъ Сомовъ снова одинъ. Онъ вслушивается въ звуки ночи, стараясь не думать о завтрашнемъ днѣ. Незамѣтно мысль его переносится къ воспоминаніямъ дѣтства...

VIII.

Припоминается поручику Сомову, что, будучи еще ребенкомъ, онъ имѣлъ привычку, поймавъ бабочку или муху, оборвать имъ крылья и слѣдить за тѣмъ, какъ онѣ пытаются улетѣть, спастись — и не могутъ... Старая няня, Осиповна, изъ крѣпостныхъ, всегда, бывало, журила его, когда заставляла надъ подобной забавой.

— Иродомъ ты что-ли хочешь прославиться? — говорила она. — Ну что тебѣ козявка-то Божья мѣшала? И козявка вѣдь жить хочетъ, и ей отъ Создателя предѣлъ положенъ!.. А ты какъ думалъ, баловникъ?!.. Вотъ погоди, погоди, голубчикъ! Помрешь ужъ,

такъ на томъ свѣтѣ черти и стануть надъ тобой куражиться, оборвутъ у тебя ноги и руки, да и скажутъ: „Ползи-ка, молю, Петръ Ваньчъ, а мы посмотримъ да посмѣемся!..“ Какъ-то ты тогда, голубчикъ, запоешь?.. Охъ, Владычица, согрѣшила я съ этимъ озорникомъ: нечистыхъ помянула передъ самою обѣдней!..

Жутко дѣлается мальчику отъ вѣщихъ словъ старой няни, и задумывается, притихаетъ онъ невольно. А няня, между тѣмъ, осѣнивъ себя крестомъ, сурово смолкла. Сѣдые волосы выбиваются у нея изъ-подъ восныки; безкровныя губы строго сжаты, а на старческомъ, какъ печеное яблоко, сморщенномъ лицѣ ея, ребенокъ не видитъ того выраженія яснаго покоя и доброты, которое онъ привыкъ тамъ встрѣчать обыкновенно.

— Ну, прости, дорогая няничка, прости!.. Больше не буду! — ласкается онъ.

— То-то, не буду!.. Эхъ ты, голова съ затылкомъ!

Няня достаетъ изъ кармана твердый, точно окаменѣвшій пряникъ, даетъ его Петѣ и разглаживаетъ дрожащей рукой его кудря: миръ между ними заключенъ...

Поручикъ Сомовъ мучилъ въ дѣтствѣ козявокъ не по злобѣ. Нѣтъ! Просто потому, что все интересовало его, всякая былинка, въ которой билась жизнь, уже наполняла его голову неразрѣшными и горячими вопросами:

„Зачѣмъ? Почему?“

Да и вообще чувство состраданія до сихъ поръ какъ-то доступнѣе, ближе для него, поручика Сомова, чѣмъ другія чувства... Не отъ того ли онъ такъ любитъ чтеніе „Страстей Господнихъ“ въ послѣднюю недѣлю великаго поста?.. А въ дѣтскіе годы ничто не дѣйствовало на него умильнѣе этого чтенія...

Огромная церковь полна молящимся, просвѣтленнымъ отъ свѣчей, народомъ. Въ далекомъ куполѣ дрожитъ мракъ и изъ него мерцаетъ позолота карнизовъ, тѣпныя херувимы и вѣнчики иконы. Лики святыхъ, въ сіяніи лампадъ, загадочно-сурово смотрятъ съ иконостаса. Къ рѣшетчатымъ окнамъ прильнулъ весенній вечеръ, темный, какъ ненастная ночь. А надъ толпою проносятся голоса священника, да изрѣдка шорохъ крестящагося народа, да тяжелый вздохъ, точно съ усиліемъ оторванный отъ сердца... Самъ священникъ—сѣдой, лысый, въ темныхъ очкахъ и въ поношенной ризѣ; читаетъ онъ громко и прерывающимся, надтреснутымъ голосомъ, время отъ времени сморкаясь и откашливаясь. Но какой таинственный восторгъ вызываетъ въ ребенкѣ его простое, безыскусственное чтеніе! Петя замеръ возлѣ матери и няни, просвѣтленный, какъ и всѣ, зажженными свѣчами, за-

меръ, и въ душѣ его совершается нѣчто необъяснимое, великое... Какая-то особенная молитва безъ словъ просится на уста и не можетъ вылиться; слезы дрожать подъ рѣсницами; дѣтскія руки въ волненіи мнутъ восковую свѣчу, и съ трепетомъ слушаютъ онъ незамысловатый разсказъ о томъ, какъ страдалъ, какъ умиралъ Христосъ, пришедшій въ міръ спасти и прощать... Чувство жалости и любви растетъ въ ребенкѣ къ этому Христу; онъ невольно переноситъ это чувство на всѣхъ, на всѣхъ... А священникъ продолжаетъ читать прерывающимся голосомъ; народъ по временамъ крестится; кадильный дымъ окружаетъ лампы у иконъ туманными вѣнчиками, и мракъ съ улицы заглядываетъ черезъ окна въ церковь...

Была пора въ жизни поручика Сомова, когда ему казалось, что вѣра въ немъ навсегда разрушена, что храмъ не можетъ болѣе служить убѣжищемъ для страдающей, смущенной души... И все-таки каждый годъ, въ вечеръ чтенія „Страстей Господнихъ“, что-то необъяснимое тянуло его въ церковь, въ эту пеструю толпу, набожно молящуюся: онъ находилъ успокоеніе уже въ томъ, что стоялъ, какъ и въ дни дѣтства, среди вѣрующихъ и слушалъ повѣствованіе о мукахъ Христа...

Поручикъ Сомовъ, подъ вліяніемъ воспоминаній, все дальше уходитъ отъ настоящаго и понемногу успокаивается. Даже вновь поднявшійся въ сѣняхъ неистовый и до виртуозности разнообразный храпъ его денщика Сергѣя не кажется ему болѣе отвратительнымъ: храпъ этотъ уноситъ его еще глубже въ то же дѣтство, въ полу-темную прихожую барскаго дома, гдѣ на ларяхъ дремлютъ старые слуги. Въ домѣ все точно вымерло, обѣянное послѣ-обѣденнымъ сномъ... Только мухи звенятъ на окнахъ и жужжать подъ потолкомъ столовой, у люстры, да чикаютъ по разнымъ комнатамъ многочисленные маятники...

И чѣмъ болѣе поручикъ Сомовъ погружается въ воспоминанія, тѣмъ болѣе крѣпнеть въ немъ убѣжденіе, что онъ не можетъ, не долженъ наказывать Козловскаго...

Вѣдь все зависитъ только отъ него, поручика Сомова, а данное, по неосторожности, обѣщаніе можно взять и назадъ!.. Пусть товарищи смѣются надъ нимъ, пусть презираютъ... Надо остаться тѣмъ чистымъ, добрымъ и хорошимъ, какимъ помнить онъ себя въ дѣтствѣ!.. О, на этотъ разъ съ нимъ не будетъ того, что такъ часто случалось прежде, когда, сразу воспламенившись какимъ-либо рѣшеніемъ, онъ, въ критическій моментъ, поступалъ совсѣмъ наоборотъ...

— Нѣтъ, лучше быть непоследовательнымъ, чѣмъ идти про-

тивъ совѣсти!—произнесъ поручикъ Сомовъ почти вслухъ, точно желая этими словами побороть въ себѣ послѣднее сомнѣніе... И въ тотъ же мигъ передъ нимъ опять выросъ изъ сумрака капитанъ Петровъ и сталъ говорить, говорить ядовито, насмѣшливо... Напрасно поручикъ Сомовъ пытается спастись отъ этого призрака въ чистыя воспоминанія дѣтства: въ какомъ-то тайниѣ души его, какъ звѣрь въ тенетахъ, трепещетъ нѣчто, похожее на тяжелое, холодное предчувствіе...

Только подъ утро удалось ему забыться, и онъ уснулъ на мысли о томъ—что-то дѣлаетъ и думаетъ въ эту ночь музыкантъ Козловскій, а самъ твердо рѣшилъ не наказывать и простить его...

IX.

Сомовъ проснулся послѣ того, какъ Сергѣй, окликнувъ его три раза, началъ стаскивать съ него одѣяло (деньщику было отдано приказаніе прибѣгать въ крайности и къ такой мѣрѣ).

Было почти темно, сыро, холодно, и Сомова въ первую минуту взяла досада на то, что его будятъ.

— Чего тебѣ? —крикнулъ онъ на Сергѣя.

— Какъ чего! —точно выпалилъ тотъ. —Сами велѣли будить!.. Я почему знаю!.. Команда ждетъ!..

Команда!..

Поручику Сомову мгновенно вспомнилось все вчерашнее, какъ вспоминается утопающему пройденная жизнь въ послѣдній моментъ сознанія... Онъ вдругъ понялъ, что желаніе простить Козловскаго, еще наканунѣ являвшееся, то въ видѣ робкаго проекта, то въ видѣ твердаго рѣшенія, теперь невыполнимо!.. Вчерашнія грѣзы похолодѣли за ночь, разлетѣлись и оказались явно несбыточными при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ дѣйствительностью, и эта дѣйствительность стояла теперь тутъ же, за бараккомъ, въ лицѣ нижнихъ чиновъ музыкантской команды, ожидавшихъ отъ поручика Сомова, какъ отъ начальника и офицера, исполненія даннаго слова...

Дѣлать было нечего! Онъ торопливо одѣлся и вышелъ въ командѣ, послѣ чего вся процессія направилась къ далекому лѣсу, котораго за туманомъ совсѣмъ не было замѣтно.

Впереди, подъ конвоемъ двухъ солдатъ съ ружьями, шагаль осужденный Козловскій. Хотя еще не разсвѣло, но видѣть его можно было хорошо.

Небольшого роста, невзрачный солдатъ рыхлаго сложенія, въ старой, потертой на локтяхъ, шинели, воротникъ которой былъ поднятъ до ушей, съ руками, засунутыми въ рукава,—вѣроятно, отъ холода,—немного сгорбившись и не глядя по сторонамъ, Козловскій подвигался впередъ неторопливымъ шагомъ, словно направлялся куда-то по своему собственному, неспѣшному дѣлу.

За Козловскимъ и его конвойными тянулись уже остальные нижніе чины команды, а возлѣ нихъ, стараясь не отставать отъ взрослыхъ и попасть имъ въ ногу, маршировалъ воспитанникъ команды Петька.

Въ этотъ разъ на немъ красовалось все его обмундированіе, начиная съ шинели солдатскаго покроя, съ необыкновенно длинными рукавами „про запасъ“, и кончая круглой, безкозырной фуражкой, молодежато сдвинутой на затылокъ и открывавшей осповатое, блѣдное его личико. Одной рукою Петька держался за полу шинели лѣвофланговаго солдата, въ другой же у него былъ ломоть чернаго хлѣба, величиной чуть не въ его голову, густо обсыпанный солью, который онъ покусывалъ съ видимымъ наслажденіемъ.

Около Петьки бѣжалъ песъ музыкантской команды Шарикъ. Сначала онъ умильно заглядывалъ на кусокъ хлѣба; но, почувъ энергичный пинокъ, сейчасъ же сообразилъ, что всѣ надежды на угощеніе потеряны. Тогда онъ пустился впередъ, дѣловито обнюхивалъ кусты и бугорки, пропадалъ въ туманѣ и отставалъ съ озабоченнымъ видомъ, какъ бы только для того, чтобы потомъ имѣть случай обогнать лишній разъ команду; бодро тряся ушами и держа на отлетѣ хвостъ, пересыпанный репейниками.

Поручикъ Сомовъ и фельдфебель Сидоровъ замыкали шествіе.

Въ первую минуту по выходѣ изъ командѣ, поручику Сомову показалось, что на лицахъ нижнихъ чиновъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ сосредоточенности или неудовольствія... Впрочемъ, онъ и самъ не могъ бы дать себѣ теперь яснаго отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ: въ головѣ его преобладалъ безформенный хаосъ, а на душѣ—неестественное спокойствіе, доходившее до того, что одно время онъ сталъ даже, мысленно и противъ воли, подпѣвать какой-то опереточный мотивъ, назойливо лѣзшій ему въ голову, въ тактъ шедшей впереди командѣ... Ноги его двигались какъ бы сами собою. Челюсти—и отъ холода, и отъ нервного напряженія—постукивали одна объ другую...

По дорогѣ онъ успѣлъ узнать отъ Сидорова, что вчерашняя депутація была не отъ всей команды, а только отъ части ея (Сидоровъ просилъ наложить взысканіе на Конькова, Пантелѣева и

Иванова за ихъ явку къ начальству безъ его вѣдома); что Козловскій провелъ ночь спокойно, былъ веселъ наканунѣ и передъ самымъ выходомъ на экзекуцію плотно закусилъ въ карцерѣ...

Между тѣмъ, пока они подошли къ лѣсу, туманъ сталъ медленно расплзаться, какъ расплзается старая намокшая вата отъ неосторожнаго прикосновенія, и заря, сквозь эти разрывы, бросила пурпурно-золотистые, холодные блики на окрестность. Неожиданный вѣтеръ робко дохнулъ съ полей, и вдругъ всѣ молодня, еще влажныя отъ росы, осины дрогнули на опушкѣ, засеребрились перевернутыми вверхъ листочками и залепетали особеннымъ вкрадчивымъ шопотомъ. Въ гуломъ, едва просыпающемся бору прокуковала кукушка, словно испугавшись—начала сбиваться, всхлипывать и конфузливо умоляла. Гдѣ-то простучалъ дятель; ему откликнулся другой... А въ отдаленіи росъ своеобразный гудъ: это въ лиловой дымкѣ холоднаго еще утра просыпался лагерь...

Х.

Возвращаясь назадъ, поручикъ Сомовъ отпустилъ нижнихъ чиновъ, а самъ остался въ лѣсу... Все пережитое за послѣднюю ночь сразу нахлынуло на него: онъ присѣлъ на пенъ, схватилъ голову въ руки и тихо, судорожно заплакалъ. Такъ плачутъ дѣти, когда ихъ несправедливо обидятъ... Поручику Сомову казалось, что кто-то нарочно и зло оскорбилъ въ немъ заветное, дорогое чувство. Ему уже не было жаль Козловскаго... Нѣтъ, онъ плакалъ о себѣ, о своихъ разбитыхъ вѣрованіяхъ, о неумѣньѣ бороться съ обстоятельствами... И что дѣлать, что дѣлать?!.. Бросить службу?.. Но и въ службѣ этой бывали же для него, поручика Сомова, пріятныя, свѣтлыя минуты... Его тамъ любили, имъ даже какъ будто дорожили... „Вы молоды, а я васъ назначаю полковымъ адъютантомъ“, припомнились ему слова командира полка... „Музыкантская команда распущена... Держите ее въ ежовыхъ рукавицахъ!“—Послѣдняя фраза, пришедшая на умъ поручику Сомову, почему-то вдругъ подѣйствовала успокоительно на его нервы: въ немъ очевидно происходила реакція... Поднявшееся надъ окрестностью солнце, сквозь навѣсъ сосновыхъ вѣтвей, пригрѣвало его. По лѣсному мху струились то легкія и зыбкія тѣни, то свѣтотыя пятна, борясь между собою и весело мѣшались. Встревоженные приходомъ команды малиновки и дрозды

перекликались въ орѣшникѣ, а лѣсъ шумѣлъ въ вышинѣ, наставляя чувство умиротворенія и покоя. Подъ вліяніемъ этого шума, исторія съ Козловскимъ, даже ночь, проведенная въ борьбѣ между сердцемъ и разсудкомъ,—все казалось чѣмъ-то слишкомъ незначительнымъ и мелкимъ...

Когда поручикъ Сомовъ вернулся въ лагерь, нижніе чины, группами и въ одиночку, брели уже на обѣдъ съ ведерками и котелками. Около кухонь, гдѣ аппетитно пахло щами, поджареннымъ саломъ и чернымъ хлѣбомъ, съ оживленнымъ разговоромъ обѣдали нѣкоторые роты и бродили нищія, питающіеся въ лѣтніе мѣсяцы подаваніемъ съ солдатскаго стола.

Поручикъ Сомовъ засталъ часть музыкантовъ на занятіяхъ; ихъ пюльпиты, разставленные полукругомъ, весело сверкали изъ густой тѣни сосенъ. Оттуда неслись самые разнообразные звуки, среди которыхъ, какъ у себя дома, распоряжался капельмейстеръ Панцъ. Въ эту минуту онъ стоялъ около унтеръ-офицера Иванова, бросавшаго въ воздухъ изъ огромнаго мѣднаго инструмента басовые, отрывистые, точно негодующіе звуки. Панцъ, безъ фуражки, вытирая со лба потъ и постоянно поправляя свободной рукою слѣзавшій на затылокъ парикъ, яростно отбивалъ тактъ дирижерской палочкой по краю пюльпитра, съ видомъ неумолимой рѣшимости добиться-таки на этотъ разъ своего; а Ивановъ въ то же самое время невозмутимо извлекалъ изъ инструмента однообразное: „пру!.. пруж!.. пруж!..“ Звуки эти у него то повышались, то понижались, и когда онъ фальшивилъ, Панцъ произносилъ, стуча въ тактъ палочкой: „И-щю! И-щю!.. И-вренш! И-вренш!“ Какой-то кларнетъ, тутъ же возлѣ, выдѣлывалъ удивительныя трели. Турецкій барабанъ суровымъ тономъ отчеканивалъ свое „бумъ, бумъ“, словно желая высказать твердое, непоколебимое убѣжденіе. Мѣдныя тарелки звенѣли и дребезжали...

Вдругъ взрывъ сдержаннаго смѣха донесся къ поручику Сомову: у бараконъ другая половина музыкантовъ, очевидно уже окончившая свои занятія, окружала рогатнаго козла и Шарика, вступившихъ въ отчаянную, упорную борьбу... Какъ только козелъ намѣревался уйти, Шарикъ хваталъ его за хвостъ или заднія ноги, и мгновенно попадалъ на рога быстро оборачивавшагося противника; только-что этотъ послѣдній возобновлялъ попытки отступленія, какъ повторялась прежняя исторія... Петька, присаживаясь на корточки, взвизгивая отъ затаеннаго восторга, по-видимому принималъ самое живое участіе въ травлѣ...

Не успѣлъ поручикъ Сомовъ хорошенько всмотрѣться въ эту

сцену, какъ мимо него, изъ-за бараконъ, въ облакъ пыли показилась коляска съ тучнымъ командиромъ полка, привѣтливо кивнувшимъ ему головою. Солдаты, замѣтивъ начальство, вытягивались, оправлялись и отдавали честь; козелъ и Шарикъ куда-то безслѣдно исчезли, словно провалились; исчезъ и Петька... Къ поручику Сомову, застегиваясь на ходу, съ перомъ за ухомъ и бумагами подъ мышкой, бѣжалъ уже старшій писарь: обыденная лагерная жизнь начиналась для него, поручика Сомова... Онъ глубоко вздохнулъ и сталъ подниматься по ступенькамъ крыльца полковой канцеляріи...

А. Жиркевичъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящается моимъ ученикамъ и ученицамъ

Окончаніе.

II *).

Ни одно изъ моихъ изданій ни прежде, ни послѣ не имѣло такого успѣха въ періодической печати, какой выпалъ на долю моимъ „Историческимъ очеркамъ русской народной словесности и искусства“. И въ мелкихъ рецензіяхъ, и въ объемистыхъ статьяхъ одни смѣхотворно надо мною издѣвались и всячески порицали меня, другіе восхваляли и усердно защищали отъ злобныхъ нападокъ. Первые смотрѣли на русскую старину и народность, на вѣковѣчные, исконные преданія и обычаи, составлявшіе предметъ моихъ монографій, какъ на дрянной, никуда негодный хламъ, который надобно выкинуть за окно; ихъ противники утверждали, что вопросъ о народности съ ея старобытными устоями есть одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ въ виду совершающихся передъ нашими глазами эмансипаций. Такимъ образомъ между газетами и журналами разныхъ оттѣнковъ зачалась оживленная и задорная полемика. Я, разумѣется, торжествовалъ. Плохо, когда въ газетахъ о книгѣ молчатъ, какъ это не разъ бывало съ другими моими учеными и литературными работами. Пускай себѣ на здоровье бранятся: чѣмъ больше станутъ меня допекать и топтать въ грязь съ одной стороны, тѣмъ выше—съ

*) См. выше: февр., 569 стр.

другой—будутъ меня поднимать, хотя бы и не въ мѣру моихъ заслугъ. Впрочемъ, эти два увѣсистыхъ тома моихъ „Очерковъ“ принесли и существенную пользу. Во мнѣ признали дѣльнаго профессора и образованнаго человѣка. Академія наукъ именно за эти два тома почтила меня званіемъ ординарнаго академика, а совѣтъ московскаго университета возвелъ въ степень доктора русской литературы.

Не долго однако суждено было мнѣ чувствовать себя въ веселомъ и спокойномъ настроеніи духа. Въ лѣтописяхъ московскаго университета означилось въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ небывалое событіе. Въ незлобивой, миролюбивой и смиренной Москвѣ, на площади, противъ генераль-губернаторскаго дома, разразилось „дрезденское побоище“, отмѣченное такимъ эпитемомъ по гостинницѣ „Дрезденъ“, выходящей на ту же площадь.

Въ тотъ же день нашъ университетъ былъ закрытъ на неопредѣленное время. Ни объ этомъ плачевномъ событіи, которое тогда называли битвою при Дрезденѣ, или „избіеніемъ младенцевъ“, ни о послѣдовавшихъ затѣмъ неурядицахъ и смутахъ—рассказывать вамъ не буду. Можете сами обо всемъ этомъ читать въ газетахъ, и въ тогдашнихъ, и въ позднѣйшихъ, отъ разныхъ годовъ. Вспоминать о томъ, что такъ хотѣлось бы забыть навсегда, у меня недостаетъ ни духу, ни силъ.

На первый разъ охватило меня отчаяніе, а потомъ, мало-помалу, оно стало затихать въ тупомъ уныніи. Я потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать и какъ мнѣ быть. Ничего лучше не могъ я придумать, какъ бѣжать со своимъ семействомъ изъ Москвы. Мнѣ стыдно и боязно было показаться въ люди, и я спрятался въ монастырской гостинницѣ Троицкой Лавры, будто обличенный въ тяжкомъ преступленіи. Въ полнѣйшемъ уединеніи прожилъ я тамъ недѣли двѣ, упорно избѣгая встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ коротко знакомыхъ мнѣ профессоровъ духовной академіи. Наконецъ я успокоился и одержался въ безмятежномъ образіи монастырскаго обихода,—сталъ похожъ самъ на себя.

По возвращеніи въ Москву мнѣ вздумалось устроить у себя домашнія лекціи или *privatissima* германскихъ профессоровъ, только, разумѣется, бесплатныя. Я кликнулъ кличь, и студентовъ набралось на цѣлую аудиторію. Будто ни въ чемъ не бывало, я продолжалъ имъ читать лекціи, внезапно прерванныя „дрезденскимъ погромомъ“, и не переставалъ до тѣхъ поръ, пока не открылся, съ разрѣшенія правительства, нашъ университетъ. Но дѣла пошли уже на новый ладъ. Ровное и мирное теченіе университетской жизни взбаломутилось и теперь не скоро уляжется

въ тишь и гладь. Кромѣ идеальныхъ интересовъ науки, въ которыхъ дружно соединялись между собою профессора и студенты, возникли многіе другіе уже реальнаго свойства и выдвинулись на первый планъ въ силу новыхъ стремленій, которымъ открывала широкое поприще недавно обнародованная эмансипація. Въ университетѣ пошли совсѣмъ другіе порядки.

Еще чулось смутное броженіе молодыхъ умовъ, и чтобы не дать ему взволноваться, университетская администрація, потерявъ голову, стала прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ, или, точнѣе, къ полумѣрамъ, къ уступчивымъ сдѣлкамъ на требованія молодежи, къ робкому заискиванію и бессильной податливости, и чѣмъ больше обнаруживалась постыдная трусость однихъ, тѣмъ настойчивѣе выступала требовательность другихъ. Мнѣ было гадко и тошно смотреть на все это, и я рѣшился бросить и университетъ, и профессорство, и Москву, но, не посоветовавшись съ графомъ Строгановымъ, я не могъ и не зналъ, какъ бы мнѣ устроиться получше. На мое письмо вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ изъ Петербурга, 4-го января 1862 г.:

„Любезный Федоръ Ивановичъ! Письмо ваше произвело на меня самое грустное впечатлѣніе. Неужели мы дожили до того времени, когда истинные труженики науки готовы бѣжать отъ университетовъ, и когда мѣста образованія юношества должны опустѣть или обратиться въ политическія арены, въ вертепы разврата? Печально, очень печально! Но едва ли мы дѣйствительно находимся въ такомъ безвыходномъ положеніи. Я увѣренъ, что само общество вызоветъ спасительную реакцію; слѣдовательно, оставлять поле сраженія въ такое рѣшительное время значило бы не имѣть вѣры въ правоту своего дѣла—быть поборникомъ за просвѣщеніе. Когда дѣйствительно пойдетъ такъ дурно, что вамъ нельзя будетъ спокойно оставаться въ Москвѣ, я всегда къ вашимъ услугамъ. Не дожидаясь и этого крайняго случая, я постараюсь узнать, не найдется ли для васъ полезной дѣятельности при академіи наукъ, гдѣ, какъ я слышалъ, готовится преобразование русскаго отдѣленія, или при археографической комиссіи. Прошу только ни съ кѣмъ объ этомъ не говорить

„Увидимъ, какъ поведетъ дѣла свой новый министр ¹⁾. Откровенно сказать, я мало ожидаю отъ него прова. Онъ, сколько я могъ замѣтить, гонится за эффектами, выискиваетъ новыя блестящія учрежденія; думаетъ, что до него ничего не было, и что

¹⁾ Головинъ, давшій университетамъ новый уставъ, къ которому впоследствии графъ относился благосклонно.

духъ новаго поколѣнія лучше прежняго. Его здѣсь называютъ краснымъ, а я полагаю, что онъ честолюбивый эгоистъ. Представьте себѣ, что онъ вызвалъ редакторовъ извѣстныхъ журналовъ содѣйствовать ему къ устройству и водворенію мира между литературой и правительствомъ. Это опасная игра, какъ вы видите, Федоръ Ивановичъ. Все это не очень отрадно. Конечно, дай Богъ, чтобы мои опасенія не сбылись, но мнѣ кажется, что болѣзненное состояніе общества вызоветъ само общество на сильное противодѣйствіе, и тогда люди благонамѣренные и съ талантомъ найдутъ себѣ кругъ дѣйствій самый полезный.

„Что вы печатали въ концѣ прошлаго года и тѣмъ вы занимаетесь? Мнѣ казалось, что вы хотѣли взяться за ученый трудъ для докторской диссертациі¹⁾. Ради Бога, не пренебрегайте этимъ дѣломъ: ученый авторитетъ намъ такъ же нуженъ, какъ нуженъ авторитетъ верховной власти. Мы еще такъ необразованны, что Россіи угрожаетъ распаденіе отъ невѣжества.—Наслѣдникъ часто о васъ вспоминаетъ“.

И теперь, какъ всегда, я безпрекословно подчинился совѣтамъ и увѣщаніямъ графа и тѣмъ охотнѣе, что почувствовалъ въ себѣ самую наклонность къ примиренію. Бѣда стряслась надъ нами не въ первый разъ: такъ утѣшалъ я себя. Лѣтъ десять тому назадъ она нагрянула снаружи, извнѣ, такъ сказать, съ олимпійскихъ высотъ могучаго громовержца, а теперь хлынула изъ самой сердцевины нашего все же милаго университета. Не велика важность—болѣзнь къ росту: зубы рѣжутся у этого столѣтняго младенца, пробуетъ онъ впервые встать на дыбки; не мудрено, что на первомъ шагу спотыкнулся. Авось новый уставъ на своихъ помочахъ какъ-ни-на-есть выведетъ его на гладкій путь разумаго самоуправленія. А между тѣмъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, я чувствовалъ настоящую потребность поддержать свои силы, надломленные переполохомъ, освѣжить свою голову, забыть на долгій срокъ совсѣмъ въ другой обстановкѣ, однимъ словомъ—улизнуть на цѣлый годъ за границу. Отпускъ получилъ я безпрепятственно, но польскія смуты задержали меня до декабря 1864 г.

Чтобы совсѣмъ обновиться и спяхнуть съ себя налетный дымъ отечества, который, говорятъ, впрочемъ, такъ сладокъ и пріятенъ, я рѣшился тряхнуть стариною и, распростившись съ специальными работами для своихъ лекцій, воротиться къ интересамъ и

¹⁾ Графъ тогда еще не зналъ, что я получилъ степень доктора за свои „Историческіе очерки“.

любимымъ занятіямъ моею молодости. Я опять принялся за изученіе исторіи искусства, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ, а вмѣсто классическихъ древностей, которыми такъ ревностно предавался въ началѣ сороковыхъ годовъ, увлекся теперь изслѣдованіями по иконографіи и орнаменту византійскаго, романскаго и готическаго стилей. Для регулированья своихъ занятій и успѣховъ я положилъ себѣ время отъ времени давать отчеты въ видѣ корреспонденцій. Онѣ печатались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, равно какъ и многія другія изъ послѣдовавшихъ затѣмъ моихъ странствій въ чужихъ краяхъ. На мой взглядъ болѣе удачныя изъ этихъ корреспонденцій я перепечаталъ въ первомъ томѣ „Моихъ Досуговъ“.

Въ Берлинѣ я познакомился съ двумя специалистами по исторіи искусства, отъ которыхъ многому научился. То были Пиперъ, профессоръ монументальнаго богословія, и Ваагенъ, директоръ берлинскаго музея изящныхъ искусствъ. Первый въ теченіе многихъ лѣтъ издавалъ популярный „Евангелическій Календарь“, въ которомъ ежегодно помѣщалъ свои ученыя монографіи, а второй, авторъ извѣстнаго учебника исторіи нѣмецкой живописи, отличался замѣчательно тонкимъ эстетическимъ вкусомъ въ распознаваніи настоящихъ оригиналовъ отъ старинныхъ копій и позднѣйшихъ поддѣлокъ.

Монументальное богословіе имѣетъ своимъ предметомъ церковныя древности и иконографію въ связи съ ученіемъ отцовъ церкви и съ еретическими отъ него отклоненіями. Пиперъ читалъ лекціи будущимъ пасторамъ евангелическаго исповѣданія въ одной изъ залъ древне-христіанскаго музея, который онъ самъ основалъ и устроилъ въ стѣнахъ берлинскаго университета. Подробности объ этомъ оригинальномъ музеѣ я сообщалъ въ корреспонденціи, которая потомъ вошла въ первый томъ „Моихъ Досуговъ“. Въ ней же рассказываю я и о томъ, какъ Ваагенъ водилъ меня по картинной галерей берлинскаго музея и особенно заинтересовалъ объясненіемъ высокихъ достоинствъ старинной голландской живописи, которая до тѣхъ поръ была мнѣ мало извѣстна. По его совѣту, чтобы ознакомиться съ произведеніями Ванъ-Эйка, Мемлинга и другихъ мастеровъ голландской школы, я посѣтилъ Брюссель, Гентъ, Антверпенъ и Брюжъ или Брюгге.

Меня радовало и забавляло, что я такъ легко и скоро успѣлъ перестроить себя изъ учителя и профессора въ прилежнаго и внимательнаго ученика и студента. Еще у себя въ Москвѣ я читалъ съ особеннымъ увлеченіемъ археологическій журналъ Дидрона и его книгу объ иконографіи Господа Бога (*histoire de*

Dieu). Теперь мнѣ захотѣлось лично познакомиться съ самимъ авторомъ, поразспросить его о многомъ, поучиться у него, какъ вести дѣло, а также и сообщить ему кое-что изъ своей византійско-русской старины, которая была ему мало извѣстна. Значить, надобно было ѣхать въ Парижъ. Въ этомъ городѣ я еще не бывалъ. Благо, за одинъ разъ познакомлюсь съ знаменитымъ археологомъ и своими глазами увижу сокровища искусства, которыя я зналъ по-наслышкѣ и изъ книгъ или изъ копій: въ Луврѣ увижу Венеру милосскую, Діану версальскую, плѣнниковъ Микель-Анджело, фонтенблоскую Діану Бенвенуто-Челлини, а въ историческомъ музеѣ Клюньи—золотыя короны вестготскихъ царей, алтари и церковную утварь романскаго и готическаго стилей, средневѣковыя одежды, старинныя ковры съ затѣйливыми изображеніями, майолики съ изящными рисунками Рафаэля и его учениковъ и многихъ другихъ. Я забылъ вамъ сказать, что по принятому мною маршруту я попалъ въ Парижъ и въ Бельгію уже на возвратномъ пути изъ Италіи.

Особенно благотворно оказалось для меня пребываніе во Флоренціи. Въ то время въ ней сосредоточилось патріотическое движеніе всѣхъ областей Апеннинскаго полуострова. Весною 1835 г. въ ея монументальныхъ стѣнахъ будетъ праздноваться шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Аллигieri. Теперь всѣ готовились къ этому великому національному празднику, который долженъ ознаменовать ту идею, что непреложное завѣщаніе, данное гениальнымъ поэтомъ отдаленному потомству, наконецъ приводится въ исполненіе. Италія сбрасываетъ съ себя чужеземное иго и соединяетъ свои разрозненные члены въ одно нераздѣльное государство подъ свѣтскою властью итальянскаго короля. Повсемѣстному воодушевленію и восторгамъ, планамъ и проектамъ, глубокомысленнымъ замысламъ и остроумнымъ выдумкамъ не было конца: всякій хотѣлъ заявить свой патріотическій энтузіазмъ, вложить свою лепту въ общій итогъ. Дантъ и его произведенія были главнымъ предметомъ литературы и періодической печати; чтобы приготовить Италію къ предстоящему юбилею, издавались спеціальныя газеты двоякаго рода: болѣе серьезнаго содержанія—для образованной публики, и популярныя—для простонародья. Въ этой дантовской атмосферѣ я вновь переживалъ свои молодые годы, когда Божественная Комедія была для меня настольною книгою.

По возвращеніи въ Москву я сообщилъ подробности объ этомъ юбилеѣ въ журнальной статьѣ, которая потомъ вошла въ „Мои Досуги“. Но отдѣлаться отъ нахлынувшихъ на меня жи-

вительныхъ интересовъ такъ легко и мимоходомъ я не могъ и не хотѣлъ. Мнѣ жалко было разставаться съ ними и войти въ проторенную колею моихъ прежнихъ работъ и ученыхъ предприятий. Я долженъ былъ во что бы то ни стало уберечь въ себѣ и продлить спокойное и ясное настроеніе, которое вывезъ съ собою изъ Италіи. Съ этой цѣлью одновременно съ лекціями по исторіи русской литературы я вознамѣрился читать студентамъ филологическаго факультета специальный курсъ о Дантѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. Я началъ съ общаго обзорѣнія церковнаго, политическаго, общественнаго и семейнаго быта среднихъ вѣковъ въ связи съ литературой и наукою, а окончилъ подробнымъ изложеніемъ и разборомъ Божественной Комедіи, на которую употребилъ цѣлый годъ. Чтобы понять какъ слѣдуетъ это великое произведеніе, обнимающее въ себѣ всѣ существенные интересы средневѣковой жизни въ ихъ разнообразныхъ отбѣнкахъ, надобно предварительно многое знать, надобно свыкнуться съ чуждою нашему времени средою и перенестись въ дантовскій вѣкъ. Только тогда краткіе намеки на разныя мелочи въ Божественной Комедіи будутъ для моихъ слушателей не досадными камнями преткновенія, а энергическими и мѣткими указателями цѣлыхъ эпизодовъ изъ исторіи европейской цивилизаціи, каковы, напримѣръ: схоластическія тонкости въ богословіи Оомы Аквинскаго, Францискъ Ассизскій съ его монашескими обѣтами, съ импровизованными проповѣдями и восторженными гимнами, живописцы Чимабуэ и Джіотто, Бертрамъ Дель-Борніо, Сорделло и другіе провансальскіе и итальянскіе трубадуры съ Гвидо-Кавальканте, товарищемъ и другомъ самого Данта, вообще историческія подробности о лицахъ и фамиліяхъ, которыхъ касается поэтъ въ своей Божественной Комедіи, и географическое обзорѣніе многоразличныхъ мѣстностей по всей Италіи, на которыя онъ такъ часто намекаетъ, и которыя для неподготовленнаго читателя тормазятъ вниманіе и заслоняютъ смыслъ цѣлаго эпизода.

Чтобы быть въ Москвѣ до начала лекцій и хорошенько къ нимъ приготовиться, я долженъ былъ воротиться изъ чужихъ краевъ въ іюнь 1864 г., когда, какъ вы уже знаете, я въ послѣдній разъ видѣлъ покойнаго Наслѣдника Цесаревича.

Въ Москвѣ ожидала меня новая обязанность, которая давала широкій просторъ моимъ замысламъ, планамъ и симпатіямъ, а въ случаѣ бѣды и передраги въ университетской сутолокѣ могла отвлечь мое вниманіе въ другую сторону и по малой мѣрѣ хотя нѣсколько утолить мои печали. Когда я былъ за границею, извѣстный уже вамъ мой товарищъ въ работахъ и неизмѣнный другъ

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, хранитель рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея, и Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ, завѣдующій тамъ же иконографическимъ отдѣленіемъ, основали при этомъ музеѣ общество древне-русскаго искусства при дѣятельномъ участіи извѣстнаго писателя пушкинскихъ временъ и меломана, князя Одоевскаго, который былъ тогда сенаторомъ еще неупраздненнаго московскаго сената. Въ это-то общество заочно и безъ моего вѣдома я былъ избранъ въ секретари. На первыхъ порахъ дѣло пошло у насъ живо, складно и ладно. Въ одной изъ залъ музея еженедѣльно по воскресеньямъ устраивались наши засѣданія, открытыя и для публики, которая интересовалась разнообразіемъ предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій нашего общества, а именно: по иконографіи и орнаментикѣ, по византійскому и древне-русскому зодчеству, по исторіи церковной музыки и по народнымъ напѣвамъ. Изъ чтеній, которыя предлагались въ этихъ засѣданіяхъ, очень скоро составилъ объемистый сборникъ, который подъ редакцію Филимонова былъ напечатанъ въ большой in-quarto, въ 1866 г. Я служилъ свою секретарскую службу усердно, сносился съ разными специалистами, прося ихъ о вкладѣ статей въ нашъ сборникъ, какъ, напримѣръ, съ знаменитымъ ученымъ и профессоромъ московской духовной академіи, члѣномъ въ Троицкой лаврѣ, съ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ, дружбою котораго я всегда пользовался до самой его кончины. И самъ я для сборника работалъ прилежно и такъ много, что не могу понять, какъ на то у меня хватало времени при срочныхъ занятіяхъ по составленію лекцій. Кромѣ мелкихъ статей, числомъ около десятка, разнообразнаго содержанія, начиная отъ затѣливаго барельефа на наружной стѣнѣ парискаго баптистерія въ связи съ одною миниатюрою изъ русской рукописной псалтыри и до краткихъ выдержекъ иконописнаго содержанія изъ житій русскихъ святыхъ, я помѣстилъ въ сборникъ цѣлую монографію страницахъ на ста объ источникахъ и характерѣ русской иконописи въ ея отличіи отъ искусства западнаго.

Къ сожалѣнію, музейное общество процвѣтало недолго; оно заглохло и изсякло, потому что не могло соперничать въ энергіи и стойкости съ другимъ обществомъ той же спеціальности, которое одновременно съ нашимъ было основано графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ подъ названіемъ „Археологическаго“.

Когда я воротился въ Москву, новый университетскій уставъ былъ уже обнародованъ и приведенъ въ дѣйствіе. Онъ вполнѣ согласовался съ духомъ времени и общалъ въ будущемъ счаст-

ливые результаты. Впрочемъ, о немъ такъ много было говорено и печатано въ газетахъ, что я ничего новаго для васъ прибавить не умѣю. Скажу только, что лично для меня онъ былъ хорошъ. Онъ способствовалъ успѣхамъ въ наукахъ, раздѣливъ преподаваніе по нѣсколькимъ спеціальностямъ каждаго предмета, и такимъ образомъ умножилъ число преподавателей. Я читалъ свои лекціи спокойно и безпрепятственно, не стѣняясь придирчивыми формальностями, безъ всякаго опасенія соглядатайной опеки. Что же касается до университетской администраціи, которая по новому уставу была ввѣрена совѣту, состоящему изъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ подъ предсѣдательствомъ ректора, то она нисколько меня не интересовала. Всякіе протоколы, отношенія, резолюціи и другія канцелярскія бумаги были для меня тарабарскою грамотой, и я ни разу не соблазнился административною почестью декана или ректора, вполне довольствуясь званіемъ только профессора, который отвѣчаетъ самъ за себя и ничего другого не хочетъ знать. Признаваясь вамъ въ этихъ взглядахъ и поступкахъ, я вовсе не желаю ихъ оправдывать и хвалиться ими, будучи увѣренъ, что многіе изъ васъ меня не одобратъ. Но что же будешь дѣлать! У меня не хватало гражданской доблести. Вѣроятно, я смѣшивалъ ее съ чиновничествомъ, которое было мнѣ не по праву. Я могъ сколько умѣлъ служить университету только своею наукою; другихъ талантовъ за собою не зналъ. Первымъ дѣломъ въ организаціи университетскаго самоуправленія было рѣшить, кого избрать предсѣдателемъ въ засѣданіяхъ совѣта. Вопросъ этотъ на первыхъ же порахъ сдѣлался яблокомъ раздора въ профессорской корпораціи. Одни хотѣли имѣть ректоромъ Соловьева, а другіе—Баршева, и такимъ образомъ желанное единогласіе для общей пользы было нарушено и распалось на двѣ враждебныя партіи—на Соловьевскую и Баршевскую. Первая была гораздо малочисленнѣе послѣдней; потому ректоромъ былъ избранъ Баршевъ и оставался въ этой должности нѣсколько трехлѣтій сряду.

Принадлежать къ какой-либо партіи было противно моему праву и обычаю. Вы уже знаете, что я умѣлъ сохранить свою независимость въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками; точно также оставался и потомъ въ нейтральномъ положеніи между консерваторами и либералами. Я думалъ, что если какой-нибудь принципъ разлагается на двѣ противоположности, то каждая изъ нихъ легко можетъ дойти до безсмысленныхъ и вредныхъ крайностей. Потому я сочувствовалъ многому, что паходилъ существеннымъ и цѣннымъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ обѣихъ враждую-

щих партій, устраняя отъ себя безразсудныя и опрометчивыя увѣченія той и другой. А если дѣло касалось до избранія лица въ представители учрежденія, раздѣленнаго на партіи, то надобно было согласоваться съ пристрастіями и расчётами избирателей. Во всякомъ случаѣ пришлось бы записаться въ рядовые, стать подъ знамя ватаги и носить на себѣ ея ярлыкѣ. Впрочемъ, мои симпатіи клонились къ Соловьевской партіи, потому что въ ней принадлежали лучшіе изъ моихъ товарищей, хотя въ нимъ же относилъ я и своего пріятеля Леонтьева, который собственно и былъ коноводомъ партіи враждебной, а Баршевъ—только подставною фигурою.

Ожесточенная вражда, не умолкавшая въ стѣнахъ университета, наконецъ опротивѣла мнѣ до-нельзя. Она вредила и общему дѣлу, и была гибельна для отдѣльныхъ лицъ. Однажды въ засѣданіи совѣта Соловьевъ, въ качествѣ декана, горячо защищалъ какое-то предложеніе или заявленіе филологическаго факультета отъ злостныхъ и грубыхъ нападокъ со стороны враждебной партіи и до того былъ оскорбленъ и раздраженъ нахальствомъ и дерзостью своихъ противниковъ, что совсѣмъ изнемогъ, а воротившись домой, въ тотъ же день слегъ въ постель и цѣлыя шесть недѣль прохворалъ въ нервной горячкѣ. Другой случай совѣтской перепарки завершился еще горестнѣе. Между приверженцами Баршева самымъ ревностнымъ и преданнымъ былъ профессоръ юридическаго факультета Никольскій, молодой человекъ, пылкій и рылый; когда, бывало, онъ раззадорится—не говоритъ, а кричитъ благимъ матомъ, руками размахиваетъ. При Баршевѣ онъ состоялъ и пажомъ, и оруженосцемъ, и приспѣшникомъ; въ засѣданіяхъ совѣта всегда сидѣлъ около своего патрона и милостивца, всегда на-готовѣ храбро защитить его, огрызаясь направо и налево. Впрочемъ, былъ онъ человекъ добрый, даже милый, потому, можетъ быть, и любилъ Баршева такъ горячо. Разъ въ засѣданіи совѣта онъ черезъ-чуръ раскипятился, геройствовалъ и зычно-голосилъ напропалую, и представьте себѣ—какая жалость!—дня черезъ три скончался отъ нервнаго удара.

Не мнѣ одному претило такое тягостное положеніе въ средѣ профессорской корпораціи. Нѣсколько молодыхъ профессоровъ Соловьевской партіи изъ самыхъ даровитыхъ и любимыхъ студентами, утомившись въ напрасной борьбѣ, покинули московскій университетъ. То были Дмитріевъ, Капустинъ, братья Рачинскіе, Черинъ.

Не думайте, пожалуйста, что я рассказываю вамъ все это для того, чтобы бросить тѣнь на университетскій уставъ 1863 г.

Люди—всегда и вездѣ люди. Общительность есть главное отличительное ихъ качество, снабженное даромъ слова; потому не перестанутъ они никогда дружитья и ссориться, собираться въ толпу и дѣлиться на партіи. И до новаго устава бывали въ нашемъ университетѣ ссоры и раздоры, которые оканчивались бѣдами. Былъ у насъ профессоромъ всеобщей исторіи Ешевскій, очень дѣльный и даровитый преподаватель, но человѣкъ раздражительный и пылкій. Однажды въ совѣтѣ горячо повздорилъ онъ съ бывшимъ тогда ректоромъ Альфонскимъ, а когда оставилъ залу совѣта, сильно взволнованный, и только-что вышелъ за ворота университета,—повалился на мостовую, мгновенно пораженный параличемъ; прохворалъ около года и померъ.

Весною 1867 г. Москва торжественно праздновала славянский съѣздъ изъ представителей нашихъ одноплеменниковъ, населяющихъ австрійскія области. Это небывалое доселѣ событіе, которому газеты давали очень важное политическое значеніе для всей Европы, оставило въ моихъ воспоминаніяхъ смутную и непроглядную пустоту. Я былъ тогда въ самомъ тяжкомъ, горестномъ расположеніи духа. Моя жена страдала и томилась неизлечимою болѣзнью, а по осени скончалась.

III.

Въ 1868 году я женился на Людмилѣ Яковлевнѣ Троновой. Крупные перевороты въ жизни человѣка всегда оказываютъ на него свою рѣшающую силу. Принявшись за прерванные на нѣкоторое время мои ученныя занятія, я почувствовалъ потребность дать себѣ опредѣлительный и ясный отчетъ въ томъ, что и сколько я до сихъ поръ успѣлъ сдѣлать необходимаго и полезнаго, что дѣлаю теперь и на что рассчитываю въ будущемъ. Началъ я еще въ молодыхъ годахъ свою ученую карьеру педагогіею и дидактикою, потому что былъ учителемъ гимназій; а когда сталъ профессоромъ, читалъ лекціи по сравнительной грамматикѣ и исторіи русскаго языка въ связи съ прочими славянскими нарѣчіями. Но вскорѣ я замѣтилъ, что другіе ученые, настоящіе спеціалисты, и въ Москвѣ, и въ прочихъ университетскихъ городахъ, далеко опередили меня и въ санскритѣ съ зендомъ, и въ славянщинѣ; потому я сосредоточилъ свои силы на народной словесности и древне-русской литературѣ, проводя въ наукѣ приемы и результаты Гриммовской школы. А вотъ теперь бросаю и этотъ такъ давно и такъ глубоко проторенный мною путь. Въ университетѣ

дѣлше три года сразу читаю о Дантѣ, для музейнаго общества пишу изслѣдованія иконографическаго содержанія. И стало для меня ясно какъ день, что по разнообразію предметовъ, на которые расходуя свои силы, я принадлежу къ поколѣнію стародавнихъ профессоровъ, моихъ наставниковъ—Давыдова, Шевырева, Погодина. Объ энциклопедическомъ объемѣ занятій Давыдова я уже имѣлъ случай замѣтить, когда рассказывалъ вамъ о своихъ студенческихъ годахъ. Погодинъ читалъ лекціи сначала всеобщей исторіи, а потомъ русской, писалъ повѣсти и драмы, много тратилъ времени на политику и на разработку разныхъ вопросовъ изъ современныхъ интересовъ государственнаго и общественнаго строя. Шевыревъ одновременно читалъ лекціи по исторіи литературы и всеобщей, и русской, печаталъ въ Погодинскомъ „Москвитинѣ“ длинный рядъ критическихъ статей и обзорѣній текущей литературы и съ молодыхъ лѣтъ и до старости посвящалъ свои досуги стихотворству, слѣдуя знаменитому Мералякову, который былъ вмѣстѣ и профессоромъ русской словесности, и поэтомъ.

Впрочемъ, я уже не разбрасывался въ своихъ ученыхъ и литературныхъ замыслахъ такъ далеко и широко, какъ мои предшественники, и не вдавался въ публицистику; но все же до новаго устава 1863 г., по которому русская литература и иностранная раздѣлились на двѣ особыя кафедры, я обязанъ былъ читать лекціи обоихъ этихъ предметовъ. Чтобы сосредоточить свои силы и намѣренія въ опредѣленной группѣ занятій, я увлекся одною господствующею идеею, которую стремился отерывать и разрабатывать въ изслѣдованіяхъ русской старины и народности по сравнительному методу въ связи съ изученіемъ иностранныхъ литературъ, въ которыхъ ограничился только народностью же и средневѣковою стариною. Такъ напримѣръ, я читалъ цѣлый курсъ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ и потомъ также подробно знакомилъ своихъ слушателей съ испанскими романсами о Сидѣ и съ древне-французскою поэмою или пѣснью о Роландѣ (*Chanson de Roland*). Монографіи, извлеченныя изъ лекцій объ этихъ трехъ предметахъ, въ недавнее время были перепечатаны отдѣльнымъ сборникомъ въ изданіяхъ трудовъ императорской академіи наукъ.

Учрежденіе въ нашихъ университетахъ особой кафедры общей литературы давало специалистамъ широкій просторъ для изученія этого предмета и открывало новые пути для сравнительнаго метода въ изслѣдованіи раннихъ литературныхъ источниковъ, которые съ далекаго востока изъ Индіи, при посредствѣ персовъ и аравитянъ, вошли въ византійскую литературу и оттуда распространились по всей западной Европѣ, а также и особенно у насъ

на Руси, и у нашихъ соплеменниковъ славянъ. Византійщина, такъ долго остававшаяся въ загои, была наконецъ оцѣнена по достоинству и получила узаконенныя права гражданства въ изслѣдованіяхъ ранняго періода въ средневѣковой исторіи европейской цивилизаціи. Задаваться этимъ новымъ для меня дѣломъ не хватало уже моихъ силъ. Я предоставилъ его молодому поколѣнію ученыхъ, между которыми любовался на своихъ учениковъ. Мнѣ стало очевидно, что я начинаю старѣть, что пѣсенка моя спѣта. Однако, не воображайте себѣ, что я унывалъ духомъ; напротивъ того, я радовался, что мои ученики опережаютъ меня, со славою ведутъ дѣло, начатое мною; значить, не дурной былъ я учитель, когда умѣлъ взлелѣять такихъ учениковъ. Въ этомъ я находилъ себѣ оправданіе и награду своей университетской дѣятельности.

Отъ тяжелаго бремени многолѣтнихъ ученыхъ трудовъ я вынесъ съ собою не главную суть дѣла, а только ея прикладъ, который долго казался всѣмъ шелухою и только послѣднее время былъ оцѣненъ специалистами. Говорю о своихъ работахъ по археологіи и древне-русскому искусству. Впрочемъ, для очищенія своей ученой совѣсти я читалъ лекціи въ семидесятыхъ годахъ о новомъ направленіи сравнительнаго метода въ изученіи міеологіи, преданій, народнаго быта и литературы. Изъ этого курса я извлекъ нѣсколько монографій и въ популярномъ изложеніи напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а потомъ одну изъ нихъ внесъ во второй томъ „Моихъ Досуговъ“, именно о странствующихъ, или переходящихъ, повѣстьяхъ и разсказахъ...

Однако, я слишкомъ далеко завелъ васъ впередъ, покинувши послѣднюю нить своихъ воспоминаній. Усердное и энергическое участіе, принятое мною въ музейномъ сборникѣ 1866 г., дало окончательный переворотъ моимъ ученымъ занятіямъ и задушевнымъ интересамъ, которые я теперь, почти исключительно, навсегда сосредоточилъ на археологическихъ изслѣдованіяхъ по русской иконографіи и орнаментикѣ и преимущественно въ такъ-называемыхъ лицевыхъ рукописяхъ, то-есть на подробномъ изученіи миниатюръ въ связи съ текстомъ, который онѣ объясняютъ и дополняютъ и служатъ ему истолкованіемъ, составляя вмѣстѣ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Въ этомъ отношеніи наши лицевыя рукописи, согласуясь съ ранними образцами византійскими, имѣютъ неоспоримое превосходство передъ западными, въ которыхъ уже съ XIII-го вѣка миниатюра становится только украшеніемъ, а не толкованіемъ текста.

Правду сказать, къ окончательному результату этого утвер-

жденія я пришелъ уже потомъ, послѣ многихъ и долгихъ разысканій и кропотливыхъ изслѣдованій; но и въ концѣ шестидесятихъ годовъ идея о нормальномъ отношеніи миниатюры къ тексту меня сильно занимала и тянула меня впередъ по избранному мною пути. Я долженъ былъ удостовѣриться и достигнуть цѣли.

Въ Страсбургѣ, въ библіотекѣ при знаменитомъ готическомъ соборѣ была латинская рукопись XII-го столѣтія, громадный фоліантъ, подъ названіемъ *Hortus Deliciarum* (садъ или—по старинному—вертоградъ удовольствій). Это благочестивое произведеніе назидательнаго и повѣствовательнаго содержанія написала и украсила множествомъ замѣчательно изящныхъ миниатюръ аббатиса одного изъ прирейнскихъ монастырей. Я зналъ о прекрасной страсбургской рукописи изъ исторіи искусства Шназе и отъ берлинскаго профессора Пипера, и теперь мнѣ необходимо нужно было ее видѣть и основательно изучить, для того, чтобы дать себѣ наглядное понятіе объ отношеніи рукописной иллюстраціи западной къ византійской.

И стала эта рукопись моею любимой мечтой и мерещилась мнѣ радужными цвѣтами своихъ миниатюръ, какъ въ сказкахъ и романахъ знакомая незнакомка. Во что бы то ни стало, а надо слѣпить за границу и непременно въ Страсбургъ, и въ маѣ 1870 г. я отправился въ дальній путь съ женою и съ сыномъ Владиміромъ, который тогда только-что перешелъ съ третьяго курса на четвертый по филологическому факультету ¹⁾. Чтобы было для васъ понятно послѣдующее, я долженъ вамъ сказать, какъ я распорядился со своими деньгами, ассигнованными на дорогу. Я раздѣлилъ ихъ на двѣ половины: одну оставилъ при себѣ въ сторублевыхъ бумажкахъ, которыя вездѣ можно было размѣнять на иностранныя деньги, а другую черезъ московскій учетный банкъ перевелъ—не помню, къ какому банкиру—въ Парижъ, гдѣ намѣревался въ публичной библіотекѣ работать надъ византійскими лицевыми рукописями. Меня особенно интересовали двѣ: Григорій Назіанзинъ IX-го вѣка и Псалтырь X-го в. Миниатюры той и другой были мнѣ извѣстны только по немногимъ фотографіямъ.

Въ Берлинѣ я видѣлся не разъ съ профессоромъ Пиперомъ, мечталъ вмѣстѣ съ нимъ о страсбургской рукописи и привезъ ему московскій гостинецъ—пять маленькихъ иконъ на доскахъ съ изображеніями легендарнаго и отчасти апокрифическаго житія

¹⁾ Въ настоящее время директоръ серпуховской прогимназіи московскаго учебного округа.

Пресвятой Богородицы, для его древне-христіанскаго музея. Затѣмъ пробыли мы нѣсколько дней въ Дрезденѣ; утромъ посѣщали картинную галерею, а по вечерамъ слушали концерты на Брюлевой террасѣ. Оттуда черезъ Гёттингенъ направились къ Касселю, но по дорогѣ остановились дня на два въ Лейпцигѣ.

Въ этомъ торговомъ городѣ мнѣ вдумалось пополнить свой запасъ нѣмецкихъ денегъ размѣномъ сторублевой ассигнаціи. Прихожу въ банкирскую контору—не мѣняють; иду въ другую—опять тоже. Спрашиваю: почему? Отвѣчаютъ: на русскія деньги нѣтъ биржевого курса. Это меня озадачило, но не могло надолго, потому что газетъ я не читалъ и, стало быть, не думалъ, не гадалъ, какая у нѣмцевъ съ французами заваривается каша. Только по дорогѣ изъ Касселя во Франкфуртъ-на-Майнѣ узнали мы, и то невзначай, самую суть дѣла. Великая бѣда нахлынула какъ снѣгъ на голову. Въ одномъ купѣ съ нами, какъ сейчасъ вижу, направо отъ меня сидитъ у окна очень презентабельный нѣмецъ среднихъ лѣтъ и читаетъ газету; вдругъ встрепелся, будто его чтѣ ошеломило, вскочилъ на ноги и крикнулъ: „война, объявлена война!“ Къ вечеру еще за-свѣтло мы приѣхали во Франкфуртъ и узнали, что завтра начнется мобилизація германскихъ войскъ къ берегамъ Рейна. Итѣмъ, мы очутились на рубежѣ, куда стягиваются войска двухъ великихъ державъ, вступающихъ въ ожесточенную борьбу. Сообщение пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ будетъ прекращено, и на другой же день намъ слѣдовало бѣжать изъ Франкфурта. На дебаркадерѣ вокзала была страшная давка—все публика элегантная, расфранченные кавалеры и дамы торопятся съ минеральныхъ водъ въ Швейцарію. Громадный поѣздъ тащился нескончаемо долго. Изъ Франкфурта мы выѣхали часовъ въ шесть пополудни, а въ Базель прибыли на другой день къ позднему обѣду. По дорогѣ останавливались чуть не каждую четверть часа, чтобы не сталкиваться съ поѣздами, доставлявшими германскіе полки къ мѣстамъ ихъ назначенія. Можете себѣ представить, какъ было мнѣ грустно ѣхать мимо Кельскаго моста, перекинутаго черезъ Рейнъ на ту сторону у самаго Страсбурга, гдѣ ожидала меня драгоцѣнная рукопись, къ которой я такъ стремился.

И въ Базелѣ встрѣтила насъ тревожная суматоха. Черезъ этотъ городъ уже началось передвиженіе отрядовъ швейцарскаго войска къ границамъ обоихъ враждующихъ государствъ, чтобы охранять страну вооруженнымъ нейтралитетомъ. Два черезъ два въ Базель пришла вѣсть, что война вспыхнула именно у того самаго Кельскаго моста, который былъ взорванъ, и нѣмцы бом-

бардируютъ Страсбургъ, разрушаютъ зданія и предають пламени пожаровъ.

Послѣ я узналъ, что въ тотъ день сгорѣла и знаменитая рукопись. Профессоръ Пиперъ въ засѣданіи специалистовъ почтилъ ея память похвальнымъ словомъ, а лѣтъ черезъ пять потомъ страсбургскіе археологи предприняли изданіе снимковъ, которые въ разное время были дѣланы съ миниатюръ этой рукописи, но оно почему-то приостановилось. Первыми его выпусками я воспользовался въ своей монографіи о русскомъ лицевомъ апокалипсисѣ, напечатанной въ 1884 г., и въ приложенномъ къ ней альбомѣ рисунковъ помѣстилъ нѣсколько изображеній изъ той рукописи.

Биржевая паника, о которой дано было намъ знать въ Лейпцигѣ, напрасно насъ взбаломутила. Мы мѣняли свои ассигнаціи на золото и во Франкфуртѣ, и въ Базелѣ, и въ другихъ городахъ Швейцаріи, только съ громаднымъ убыткомъ, получая за рубль не больше полтины. Такъ перебивались мы день за день мѣсяца полтора до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, я могъ сноситься съ Москвою, чтобы въ надлежащемъ порядкѣ время отъ времени пополнять такъ быстро оскудѣвающій при мнѣ запасъ русскихъ стурублевокъ.

Въ Швейцаріи пережили мы и перечувствовали всѣ грозные моменты франко-германской войны, начиная отъ взрыва Кельскаго моста и до рокового Седана. Чтобы съ нами было, думалось мнѣ, еслибы Луи-Наполеонъ поколотилъ нѣмцевъ и съ своими войсками нахлынулъ бы на Германію? Вѣдь онъ непремѣнно, по слѣдамъ своего дяди, великаго забіяки, двинулся бы на Россію, побудоражилъ бы австрійскихъ славянъ противъ нѣмцевъ, а поляковъ противъ насъ. И запропастились бы мы гдѣ-нибудь въ Альпійскихъ горахъ безъ куска хлѣба, перебиваясь кое-какъ вспомоцествованіемъ отъ заѣзжихъ соотечественниковъ. Теперь вы поймете, какъ обрадовались мы, когда французскій императоръ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ замкѣ Wilhelmshöhe.

Еще такъ недавно, когда были въ Касселѣ, мы любовались на этотъ загородный дворецъ, который высоко поднялся на одной изъ горъ, замыкающихъ на далекомъ небосклонѣ широко раскинувшуюся равнину.

Впоследствии по одному случаю мнѣ привелось въ веселую минуту вспомнить объ этой „Вильгельмовой-Высотѣ“ и позабавить себя. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ мой добрый пріятель, милый человекъ и прелюбопытный чудакъ, профессоръ петербургскаго университета Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, издалъ

громадную книгу объ Ильѣ Муромцѣ. Она представлена была въ академію наукъ на премію. Отзывъ о ней поручили составить мнѣ. Въ своемъ разборѣ, между прочимъ, я обратилъ вниманіе на слишкомъ общій, пустопорожній принципъ, который Миллеръ постоянно проводитъ въ объясненіи мифологическихъ и баснословныхъ сказаній. Вездѣ онъ видитъ борьбу добра со зломъ, свѣта съ мракомъ, Ормузда съ Ариманомъ и затѣмъ примиреніе этого дуализма въ благополучномъ сочетаніи обихъ противоположностей; въ примѣръ приводитъ греческую Илиаду, финскую Калевалу, у нѣмцевъ Нибелунги, у насъ былины о Добрынь Никитичѣ, объ Ильѣ Муромцѣ. Въ своемъ разборѣ я замѣтилъ, что такимъ образомъ можно всякую войну въ исторіи народовъ возвести въ мифъ о борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ, а про себя тогда же подумалъ, какъ бы складно и ладно можно было возвести въ такой же мифъ франко-германскую войну. Ормуздъ-Вильгельмъ идетъ съ свѣтлаго востока на темный западъ, чтобы покорить Аримана-Наполеона, беретъ его въ плѣнъ и въ знакъ примиренія сливается съ нимъ воедино,—возводитъ его до своей „Вильгельмовой Высоты“.

Однако, я черезъ-чуръ заговорился. Пора мнѣ вернуться отъ милаго Ореста Федоровича и отъ его воздушныхъ замковъ въ Базель. Въ немъ пробыли мы дня три и постѣпили въ живописную глубь прекрасной Швейцаріи, чтобы въ ея раздольяхъ спрятаться подалеже отъ тревоженій, разгромовъ и бѣдствій опустошительной войны. Швейцарія не богата памятниками старины и произведеніями изящныхъ искусствъ. Было слишкомъ мало поживы для моихъ специальныхъ работъ. Оставалось пробавляться мелкими развлеченіями зауряднаго туриста. Отъ нечего-дѣлать я присматривался къ нравамъ и обычаямъ обывателей въ городахъ и мѣстечкахъ, входилъ въ подробности ихъ житья-бытья; за отсутствіемъ монументальныхъ зданій, которыя я такъ любилъ изучать въ Нюрнбергѣ или во Флоренціи, теперь я прилагалъ свой эстетическій масштабъ къ изученію крестьянскихъ хижинъ, этихъ деревянныхъ домиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ швейцарскихъ chalets. Меня особенно интересовала ихъ безпримѣрная угодность по отношенію плана всей постройки къ гористой мѣстности и во всевозможнымъ удобствамъ домашняго и сельскаго хозяйства. Этимъ нераздѣльнымъ согласованіемъ, такъ сказать, пріятнаго съ полезнымъ я объяснялъ себѣ художественный стиль швейцарской архитектуры. Разумѣется, мы побывали и въ Интерлакенѣ, на этомъ всесвѣтномъ гульбищѣ, куда каждое лѣто отовсюду съѣзжаются богачи и высокопоставленные особы сорить деньгами,

подышать живительною прохладою и любоваться на снѣжныя вершины Юнгфрау; дѣлали мы также и экскурсіи къ глетчерамъ и къ водопадамъ, къ Гиссбаху и къ Штауббаху, о которомъ я мечталъ еще въ Пензѣ, будучи гимназистомъ, когда читалъ „Письма русскаго путешественника“. Замѣчу встать, что въ эту же поѣздку я въ первый разъ видѣлъ Рейнскій водопадъ и слиталъ видѣнное съ описаніемъ Карамзина, которое, конечно, зналъ наизусть.

Говорятъ, что въ злосчастныя годы народныхъ бѣдствій и гибельныхъ переворотовъ мечтательные умы по врожденному инстинкту самосохраненія вдаются въ идиллическое настроеніе духа, чтобы хотя минутно забыться и уйти въ свѣтлый и безмятежный міръ фантазіи отъ горькой дѣйствительности. Когда въ XIV столѣтіи во Флоренціи свирѣпствовала чума, небольшое общество молодыхъ людей, три дамы и семеро кавалеровъ бѣжали изъ города и скрылись въ уютной виллѣ, чтобы спастись отъ заразы и позабыться въ самомъ веселомъ и беззаботномъ препровожденіи времени. Вы знаете изъ Боккачіева Декамерона, какъ они распѣвали любовныя пѣсенки, придумывали разныя игры, танцовали и ежедневно забавляли себя затѣйливыми и смѣхотворными разсказами. Такъ и я, пока разгоралась и бушевала франко-германская война, настроилъ свою идиллію подъ названіемъ „Бурдорфъ“, небольшой городокъ въ Эмменской долинѣ (Emmenthal), и эту корреспонденцію послалъ въ „Русскій Вѣстникъ“, а въ 1886 году перепечаталъ въ „Моихъ Досугахъ“.

Когда стали обнаруживаться результаты войны, мы направились къ Женевскому озеру въ Лозанну, а оттуда черезъ Симплонъ въ Италію. Но и тамъ былъ свой переполохъ, новая сумятица. Людовикъ-Наполеонъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ; теперь некому охранять Пія IX и его священную курію французскими солдатами. Долой свѣтскую власть папы! Викторъ-Эммануилъ долженъ идти съ войскомъ на Римъ, взять его съ бою и сдѣлать столицею объединенной Италіи, а въ противномъ случаѣ свергнуть его съ престола. Такова была программа митинговъ, которые собирались повсюду въ городахъ и малыхъ мѣстечкахъ, чтобы подвигнуть короля къ немедленному дѣйствію и принятію рѣшительныхъ мѣръ; одинъ изъ нихъ мы застали въ Миланѣ, устроенный въ театрѣ Радегонды городскими жителями средняго и высшаго общества, другой—въ Болоннѣ, простонародный, въ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, въ публичномъ саду, а недѣли черезъ двѣ на площади св. Марка уже торжественно праздновали мы вмѣстѣ съ венеціанцами побѣдоносное вступленіе короля Италіи въ стѣны Вѣчнаго Города.

Само собою разумѣется, въ такой коловратной сутолокѣ мнѣ было не до того, чтобы усидчиво заниматься своимъ дѣломъ. Я невольно увлекся потокомъ событій, мчавшихся съ неимоверною быстротою передъ нашими глазами, и сталъ мало-по-малу втягиваться въ современную политику. Внимательно прислушивался къ толкамъ и спорамъ въ кофейняхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ; гуляя по улицамъ, покупалъ у разносчиковъ летучіе листы съ карриатурами, иллюстрированныя газеты съ пасквилями и каламбурами въ стихахъ и въ прозѣ. Отъ нечего-дѣлать я составлялъ изъ этого смѣхотворнаго матеріала корреспонденціи для „Московскихъ Вѣдомостей“, а потомъ перепечаталъ ихъ въ „Моихъ Досугахъ“ подъ заглавіемъ: „Итальянскія каррикатуры во время франко-прусской войны“.

Иногда нельзя обойтись безъ общихъ мѣстъ, хотя и знаешь, что они всѣмъ надобны. Говорятъ, напримѣръ, что исторія чело-вѣчества есть не что иное, какъ забавная трагикомедія громадныхъ размѣровъ. Намъ привелось быть зрителями одного крошечнаго изъ нея отрывочка, всего изъ двухъ явленій. Теперь, когда я воспоминаю съ вами о великихъ переворотахъ въ судьбахъ Германіи, Франціи и Италіи, эти грозныя и торжественныя событія сокращаются для меня въ живописныя группы мелкихъ фигурокъ, игривыхъ и затѣйливыхъ, въ тѣхъ потѣшныхъ листахъ, по которымъ я составлялъ свои газетныя корреспонденціи, напримѣръ: вотъ сидятъ за столомъ германскій императоръ Вильгельмъ и Бисмаркъ. Они обѣдаютъ; оба, по филистерскому обычаю нѣмцевъ, завѣсили себя салфетками, какъ завѣшиваютъ за столомъ дѣтей. На столѣ стоятъ два пирога,—на одномъ подписано: Лотарингія, на другомъ: Эльзасъ—и двѣ бутылки съ виномъ, одна съ рейнвейномъ, другая съ *Lacrimae Christi*; подписано: на первой Рейнъ, на второй—*Lacrimae Napoleone* (то-есть, слезы Наполеона). Бисмаркъ налилъ въ бокалъ рейнвейна Вильгельму. Вильгельмъ поднялъ свой бокалъ и собирается его выпить. У стола, отворотившись отъ пирующихъ, стоитъ французская императрица Евгенія и вытираетъ полотенцемъ тарелку, между тѣмъ какъ горемычный Джиджи (т.-е. Луиджи Наполеонъ), трактирный половой, съ салфеткой на плечѣ, преусердно откупориваетъ еще бутылку, съ ярлыкомъ: Шампань. Около него на полу стоитъ цѣлая корзина съ пробками, которыя онъ успѣлъ уже откупорить отъ бутылокъ другихъ провинцій Франціи. Тутъ же всенижайше прислуживаетъ мальчикъ, судя по орлиному носу—дѣтище неутомимаго откупорщика, который свою неблагодарную работу сопровождаетъ горючими слезами.

Впрочемъ, я успѣлъ кое-чѣмъ дѣльнымъ заняться и въ эту злосчастную поѣздку. Въ Миланѣ разсматривалъ древнія лицевыя рукописи Амброзіанской библіотеки, латинскія и греческія. Въ Пармѣ нашелъ также много для себя интереснаго и полезнаго въ тамошней городской библіотекѣ, и между прочимъ славянскую рукопись на пергаментѣ, XIV-го вѣка, апокрипическаго содержания, нѣчто въ родѣ Громовника, составилъ подробное ея описаніе и отправилъ въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“; сверхъ того лично познакомился съ самимъ библіотекаремъ Одориджи, котораго до тѣхъ поръ зналъ и уважалъ по составленному имъ превосходному описанію христіанскихъ древностей Брешианскаго музея, въ которомъ онъ прежде занималъ мѣсто директора. Изъ Болоньи мы съѣздили дня на три въ Равенну. До тѣхъ поръ я не былъ въ ней ни разу. И съ какимъ же восторгомъ посѣщалъ я мавзолей Теодорика Великаго и его дворецъ, превращенный въ монастырь, усыпальницу Галлы Платидіи и эти неподобныя византійскія церкви временъ императора Юстиніана съ драгоценными мозаиками!

Въ концѣ сентабря мы воротились въ Москву. Поѣздка эта для задуманныхъ мною предпріятій во всѣхъ отношеніяхъ была неудачна. Страсбургская рукопись сгорѣла; если чтò и видѣлъ хорошаго, то просмотрѣлъ нѣскольکو, мимоходомъ; въ Парижѣ не попалъ. А тамъ мнѣ необходимо было нужно войти въ сношенія съ двумя археологами, которыхъ изданія по иконографіи имѣли для меня авторитетное значеніе, именно съ директоромъ іезуитскаго коллегіума, монсеньеромъ Шарлемъ Кайе, авторомъ монографій по древне-христіанскому и средневѣковому искусству, и съ Полемъ Дюраномъ, знаткомъ византійской архитектуры и иконописи. Итакъ, надежды мои не оправдались. Ничего не успѣлъ я собрать для своихъ специальныхъ работъ и воротился домой съ пустыми руками, попрежнему въ такомъ же шаткомъ раздумьѣ, чтò мнѣ дѣлать и на чемъ остановиться, съ тѣми же неразгаданными стремленіями, по какому пути и къ какимъ цѣлямъ мнѣ направить свои изслѣдованія по древне-русской иконографіи и орнаментикѣ. Покажи́сь мнѣ ничего больше не оставалось, какъ читать студентамъ исторію народной и древне-русской литературы и усиленно догонять опережавшую меня науку, какъ объ этомъ я уже говорилъ вамъ.

Не буду вспоминать о томъ, какъ тягостно и смутно жилось тогда въ нашемъ отечествѣ, — все это такъ подробно излагалось въ тогдашнихъ газетахъ, что отъ себя прибавить ничего не имѣю. Буду говорить только о самомъ себѣ. Странное дѣло: отъ той

поры, какъ воротились мы домой, цѣлые четыре года совсѣмъ изгладились въ моей памяти, — не то слились въ одну точку, не то протянулись узенькой полоской сѣрой бумаги, на которой не написано ни единого слова. Отъ этого непробуднаго забытья я очнулся лишь по веснѣ 1874 года, когда въ маѣ мѣсяцѣ выѣхалъ вмѣстѣ съ женою изъ Петербурга за границу на цѣлый годъ.

IV.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы были уже въ Римѣ. Чтобы дать вамъ понятіе о тогдѣшнемъ расположеніи моего духа, привожу слѣдующее письмо мое къ милому Виктору отъ 29-го октября ¹⁾.

„По приѣздѣ сюда на другой же день получили мы ваше любезное письмо, дорогой Алексѣй Егоровичъ, и только теперь, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія здѣсь, успокоившись отъ массы впечатлѣній и усѣвшись на осѣдломъ житѣй, собрался я съ духомъ писать къ вамъ.

„Легко сказать! Я опять въ Римѣ, черезъ безконечные 33 года, когда я, наконецъ, сдѣлался тѣмъ, о чемъ я въ молодости мечталъ, гуляя по этимъ холмамъ, по этимъ узенькимъ улицамъ и широкимъ, великолѣпнымъ площадямъ съ громадными фонтанами и бассейнами, сидючи на этомъ самомъ щебнѣ вѣковыхъ развалинъ Форума и Колизея, съ Винкельманномъ и Тацитомъ или Горациемъ въ руцѣ, откуда я жаждалъ набраться силъ и вдохновенія, чтобы со временемъ быть профессоромъ и литераторомъ. И вотъ я опять пришелъ въ Римъ; тѣми же молодыми мечтами пахнуло на меня съ его краснорѣчивыхъ твердынь, и въ отвѣтъ на нихъ принесть я зрѣлые результаты, дѣятельно проживъ эти 33 года, для которыхъ тѣ мечты были вдохновеніемъ и руководящею нитью. Видите, что Римъ мнѣ не чужой городъ; это часть моей жизни, это та моя молодость, свѣжая и бодрая, когда запасаешься силами на всю жизнь.

„Все это для меня стало во-очію ясно только теперь, когда мы попали сюда. Римъ меня не поразилъ новизною; я не прыгалъ съ радости и не волновался, что, наконецъ, сбылись мои планы, что вотъ опять передо мною все то, чтѣ такъ глубоко вошло во все мое нравственное бытіе. Напротивъ, точно будто мы воротились въ Москву, или еще лучше, будто я очутился на

¹⁾ Письмо это сообщилъ мнѣ хранитель рукописей Московскаго Публичнаго музея Дмитрій Петровичъ Лебедевъ, который по смерти Виктора приобрѣлъ разныя его бумаги, въ числѣ ихъ и нѣсколько моихъ писемъ.

своей родинѣ, въ пензенской губерніи, въ городѣ Керенскѣ. Потому что дѣйствительно Римъ та же родина для моего нравственнаго существованія, какъ Керенскъ—для физическаго.

„Итакъ, прїѣздъ въ Римъ—это не путешествіе, а возвращеніе въ родныя мѣста, гдѣ каждая мелочь запечатлѣна воспоминаніями, гдѣ на самыхъ камняхъ античной мостовой чувствуются слѣды тѣхъ животворныхъ прогулокъ, которыя вмѣстѣ съ лучшими радостями въ жизни никогда не забываются.

„И оказалось на повѣрку, какъ же славно знаю я Римъ и до сихъ поръ какъ хорошо его помню! Я узнавалъ мѣстности и зданія не только съ лицевой стороны, но и съ задней, такъ сказать—съизнанки. Идемъ по улицѣ, вдали выступаетъ зданіе, и по его характернымъ линіямъ я мгновенно догадываюсь, что по другую его сторону. Или ѣдемъ по узенькой улицѣ (я давно забылъ ея названіе); издали вижу: она упирается въ какую-то церковь, одну изъ сотенъ римскихъ церквей; но положеніе этой церкви мгновенно рисуетъ мнѣ цѣлую площадь, на которой она стоитъ и куда непременно приведетъ та узенькая улица, по которой мы ѣдемъ.

„Но чтобы такъ тряхнуть стариной, надобно было непременно водвориться въ Римѣ на осѣдлое житье, по малой мѣрѣ мѣсяцевъ на шесть. Такъ мы и сдѣлали, устроившись въ меблированной квартирѣ, въ лучшей части города, между Monte Pincio, piazza di Spagna и piazza Barberini, на Via Sistina, т.-е. на Сикстинской улицѣ. Такъ какъ мы знаемъ всѣ прелести Парижа, Версаля, Фонтенбло и другихъ увеселительныхъ знаменитостей, то вы можете повѣрить намъ съ женой, если Monte Pincio представляется намъ лучшимъ во всемъ мірѣ гуляньемъ. Это—гора, заросшая тѣнистыми аллеями изъ лавровъ, кипарисовъ, олеандровъ, съ цѣлыми полянами розановъ, которые теперь во всемъ цвѣту, и съ громадными кактусами, алоэ, юками, понтанусами и пальмами, которыя высоко надъ лаврами и другими деревьями поднимаютъ свои громадные листья и топорщатъ свои неуклюжіе поросты. Пальмы и кактусы такъ велики, что достигаютъ 2-го и 3-го этажа зданій и высоко тянутся надъ стѣнами. На эту гору (Monte Pincio) поднимаются съ двухъ площадей, на которыя выходятъ самыя бойкія и самыя великосвѣтскія улицы. Во-первыхъ, съ Piazza del Popolo откосными подъемами, зигзагомъ по склону горы, для экипажей. По сторонамъ подъемовъ—опять пальмы и кактусы съ алоями и цвѣтушіе олеандры; уступы же подъемовъ, какъ стѣны террасы, выложены мраморомъ, съ углубленіями въ родѣ гротовъ и съ выступающими павильонами, которые такимъ образомъ гро-

моздаются одинъ выше другого, увѣнчиваясь на горѣ красивымъ казино съ кофейнею, около которой на огромномъ кругу ежедневно играетъ музыка. И все это, и спуски, и аллеи, и зданія украшены мраморными рельефами, бюстами и статуями, которые живописно выступаютъ свѣтлыми пятнами на темной зелени южной растительности. Другой подъемъ на ту гору—только для пѣшиходовъ—съ Piazza di Spagna, по колоссальной мраморной лѣстницѣ, расходящейся на двое широкими разводами, которые сходятся на площадѣ и опять расходятся и вновь на другой площадѣ сходятся. Все это вы лучше поймете, когда, Богъ дастъ, воротившись въ Москву, мы будемъ вамъ объяснять и показывать по гравюрамъ. Что касается до насъ, то мы ходимъ на Monte Pincio (гдѣ обыкновенно гуляемъ), не поднимаясь наверхъ, потому что живемъ на самой этой горѣ и всего въ пяти минутахъ ходьбы отъ гулянья.

„Живя здѣсь по-московски, т.-е. какъ обыватели, а не путешественники, мы не торопимся осмотрѣть всѣ достопримѣчательности вдругъ, а наслаждаемся Римомъ и его живописными окрестностями исподволь, гуляючи.

„Если вамъ интересно знать, какъ мы попали сюда изъ Савойи, откуда я писалъ вамъ послѣднее письмо, то вотъ вамъ нашъ маршрутъ. Возьмите карту и читайте слѣд.: Mont-Cenis (съ громаднымъ туннелемъ), Туринъ (остановка 5 дней), Генуя (тоже пробыли 5 дней), берега Средиземнаго моря, Sestri Levante, на берегу моря (ночевали), Пиза (1 день), Флоренція (около мѣсяца), Сіена (4 дня), Орвіето (1 день) и наконецъ Римъ. Столько въ этомъ пути интереснаго, столько прекраснаго и въ природѣ, и въ искусствѣ, что перомъ не написать. Коль не на шутку собираетесь за границу, выѣзжайте-ка къ намъ на встрѣчу: тогда увидите сами.

„Берега Средиземнаго моря съ горами, поднимающимися за облака, и съ гранитными утесами, отвѣсно спускающимися въ море—вамъ напомнятъ нашъ Крымъ. Только прибавьте къ этому дороги по головокружительнымъ стремнинамъ, окаймленные кактусами и алоэ, да лимонные и апельсиновые сады. Генуя понравилась Людмилѣ больше Венеціи, а Флоренція—еще болѣе Генуи. Я во Флоренціи уже четвертый разъ; теперь она мнѣ еще милѣе и дороже. Весь городъ—музей, и все это великолѣпное художественное не занесено извнѣ, какъ въ петербургскомъ Эрмитажѣ или парижскомъ Луврѣ, а все оно доморощенное. Всѣ эти великіе художники, отъ XIV-го и до XVI-го в., тутъ родились, тутъ жили и исподволь украшали свой родной городъ. Чтобы вполне понять

исторію искусства, чтобы насладиться изящнымъ, какъ необходимымъ существеннымъ элементомъ жизни, надобно пожить во Флоренціи.

Изъ ученыхъ во Флоренціи я познакомился и сошелся только съ профессоромъ De Gubernatis, короткимъ знакомымъ Александра Николаевича Веселовскаго. Comparetti и другихъ профессоровъ во Флоренціи не было: всѣ въ разъѣздѣ на каникулы. Здѣсь же въ Римѣ успѣлъ познакомиться только, еще съ однимъ знаткомъ Данта, съ старымъ герцогомъ Сермонета, который извѣстенъ и въ Германіи своими сочиненіями о Дантѣ. Это одинъ изъ знаменитыхъ патриціевъ римскихъ княжескаго рода Каэтани, въ которому еще въ XIII вѣкѣ принадлежалъ папа Бонифацій VIII, помѣщенный Дантомъ въ Аду. Старинный palazzo герцога на площади Каэтани знаютъ всѣ извозчики въ Римѣ.

Вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ узнать, какъ привѣтствовала меня итальянская пресса. Въ ноябрьской книжкѣ „Rivista Eugorea“ найдете обо мнѣ нѣсколько симпатичныхъ строкъ. Журналъ этотъ выписывается въ московскомъ университетѣ.

„Сверхъ того, счастливая неожиданность встрѣтила меня въ Римѣ. Въ молодости я учился и читалъ въ Ватиканѣ итальянскія рукописи съ однимъ тамошнимъ библіотекаремъ, Francesco Masi. Я его давно уже потерялъ изъ виду и думалъ, что онъ давно умеръ. Представьте же мою радость: онъ не только живъ, но и благоденствуетъ, и много работаетъ по литературѣ. Въ настоящее время его въ Римѣ нѣтъ, но онъ скоро вернется. Все же я напелъ его квартиру и видѣлъ его жену-старушку, которая, какъ услышала мое имя, тотчасъ вспомнила меня и разныя подробности нашихъ дружескихъ отношеній съ ея мужемъ. Тогда она была еще молоденькая женщина, а теперь у ея старшей дочери до 10 человѣкъ дѣтей.

„По этимъ образчикамъ можете судить, что мнѣ въ Римѣ жилось какъ дома.

„Пишите къ намъ чаще, адресуя по прежнему *poste restante*“.

Охватившая меня въ Римѣ живительная обстановка такъ удачно сложилась изъ цѣлаго ряда благопріятныхъ случайностей, что, помимо моихъ мечтательныхъ воспоминаній, воплотившихся теперь въ дѣйствительность, мнѣ посчастливилось сызнова переживать многое изъ тѣхъ двухъ лѣтъ моей ранней молодости, которыя я провелъ въ Італіи.

Во-первыхъ, мы съ женою поселились на углу Сикстинской улицы и площади Саро-le-Case въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ жилъ въ 1840 и 1841 годахъ мой хорошій пріятель

художникъ Іорданъ, изготовлявшій тогда, какъ я уже вамъ говорилъ, свою знаменитую гравюру. Мы занимали въ третьемъ этажѣ квартиру какъ разъ надъ его тогдашней мастерской. Выходя отъ себя на улицу, я тотчасъ же шелъ мимо дома, въ которомъ нѣкогда жилъ при семействѣ графа Строганова, и очень часто останавливался, присматриваясь къ балкончикамъ у оконъ верхняго этажа, чтобы угадать тотъ изъ нихъ, на который я выходилъ изъ своей комнаты любоваться, какъ утреннее солнышко живописно озаряетъ куполь св. Петра.

Потомъ, по странному и вовсе непредвидѣнному столкновенію разновременныхъ обстоятельствъ, мнѣ привелось въ Римѣ и на этотъ разъ давать уроки въ фамиліи графовъ Строгановыхъ. Во время онѣ я училъ здѣсь графа Григорія Сергѣевича, которому было тогда двѣнадцать лѣтъ. Теперь онъ жилъ опять въ Римѣ съ своей женою, будучи сорока-пятилѣтнимъ отцомъ взрослой дочери и сына Сережи, лѣтъ двѣнадцати. Въ своей семьѣ мальчикъ слышалъ разговоръ только французскій, потому по-русски говорилъ плохо, дѣлалъ грубыя ошибки въ выборѣ словъ, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и почти-что не зналъ русской грамматики, которой его училъ гувернеръ, полунѣмецъ. Сережа очень мнѣ понравился. Онъ былъ уменъ, любознателенъ, энергиченъ и пылокъ характеромъ, страстно любилъ Россію и все русское, хотя жилъ и выросалъ при отцѣ и матери въ чужихъ краяхъ, и непрестанно стремился на родину. Мнѣ его было такъ жалко, я его такъ полюбилъ и сталъ давать ему уроки русскаго языка по одному часу въ недѣлю: больше не могъ я урѣзывать отъ моего драгоценнаго римскаго времени.

Къ Рождеству пріѣхалъ въ Римъ на цѣлые пять мѣсяцевъ самъ графъ Сергѣй Григорьевичъ, а вслѣдъ за нимъ и два его сына—Павелъ Сергѣевичъ съ своею женою и Николай Сергѣевичъ, уже вдовецъ. Когда въ 1841 г. мы жили на углу Грегорианской улицы и площадки Саро-le-Case, первому было шестнадцать лѣтъ, а второму всего три года; теперь оба они возмужали и постарѣли больше, чѣмъ на цѣлую четверть столѣтія.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ остановился въ гостинницѣ на Испанской площади, близѣхонько отъ насъ. Раза два въ недѣлю, послѣ завтрака, онъ заѣзжалъ за мною, чтобы вмѣстѣ посѣщать и осматривать, что его особенно интересовало, а по вечерамъ я часто бывалъ у него и мы вдвоемъ бесѣдовали о томъ, гдѣ были и что видѣли, а также и замыслили, куда еще слѣдуетъ намъ направить свои разслѣдованія и наблюденія. Онъ бралъ меня съ собою на публичныя лекціи въ германскомъ археологи-

ческомъ институтѣ, въ капитолійскомъ и ватиканскомъ музеяхъ, даже на самой вершинѣ крѣпости Святого Ангела, въ залахъ, расписанныхъ учениками Рафаэля. Въ ватиканскомъ Бельведерѣ Гельбигъ, секретарь германскаго археологическаго института, прочелъ намъ лекцію объ Аполлонѣ Бельведерскомъ и, между прочимъ, сравнивалъ его по фотографіи съ той бронзовой статуэткой, которую, какъ вы уже знаете, графъ приобрѣлъ отъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукова при моемъ дѣятельномъ участіи. Въ древне-христіанскомъ отдѣленіи того же музея знаменитый итальянскій археологъ Де-Росси показывалъ намъ и подробно объяснялъ самыя рѣдкіе и драгоцѣнные по глубокой старинѣ экземпляры крестовъ, потировъ и другой церковной утвари первыхъ вѣковъ христіанства. Такимъ образомъ, обозрѣвая римскія примѣчательности подъ руководствомъ графа Сергѣя Григорьевича и постоянно пользуясь его мѣткими указаніями, я вновь переживалъ свои молодые годы, когда въ Неаполѣ подъ его наблюденіемъ и по книгамъ, которыя онъ давалъ мнѣ, я изучалъ классическія древности Бурбонскаго музея. И теперь, какъ тридцать три года назадъ, онъ часто бывалъ такимъ же моимъ учителемъ и наставникомъ; такъ, напримѣръ, въ Кирхеріанскомъ музеѣ іезуитскаго коллегіума онъ объяснялъ мнѣ историческое значеніе и стиль бронзовыхъ издѣлій Этруріи и въ своей восьмидесятилѣтней старости еще настолько былъ дальнозорекъ, что посвящалъ меня въ мельчайшія подробности этрусскихъ орнаментовъ. Но и я въ своей спеціальности по византійско-русской иконографіи уже настолько опередилъ своего учителя, какъ и меня въ то время опережали во многомъ мои ученики, что могъ иной разъ сообщить графу кое-что новое и для него интересное. Такъ, напримѣръ, въ криптѣ, или подземной церкви собора св. Климента, папы римскаго, гдѣ похороненъ славянскій первоучитель Кириллъ, я объяснялъ графу очевидные слѣды византійскаго стиля въ римскихъ фрескахъ XI-го столѣтія, изображающихъ житіе Алексѣя Божьяго человѣка и перенесеніе мощей св. Климента.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, чтѣ я въ Римѣ видѣлъ и слышалъ и гдѣ бывалъ, говорить вамъ не буду, потому что ничего особеннаго, новаго или занимательнаго не могу прибавить къ тому, чтѣ подробно изложилъ я въ своихъ газетныхъ корреспонденціяхъ, которыя потомъ перепечатавъ въ первой части „Моихъ Досуговъ“, подъ заглавіемъ „Римскія Письма 1874—1875 гг.“.

Прежде чѣмъ водвориться въ Римѣ, я долженъ былъ непременно выполнить давно задуманный мною планъ—познакомиться

и войти въ сношенія съ тѣми двумя археологами, до которыхъ въ 1870 г. я не могъ проникнуть въ Парижъ, осажденный тогда германскими войсками. Зато теперь я былъ вполне вознагражденъ за тогдашнюю неудачу. Сначала я познакомился съ Полемъ Дюраномъ. Скромнѣе его, благодушнѣе, любезнѣе и угодливѣе я никого не знавалъ изъ иностранныхъ ученыхъ. Онъ самъ привелъ меня къ Шарлю Кайэ и отрекомендовалъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Монсеньеръ Кайэ жилъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, по ту сторону Сены, за Пантеономъ, и занималъ въ бель-этажѣ очень оригинальное помѣщеніе. Это была только одна громадная зала, какъ есть библіотечная. Ее раздѣляли на нѣсколько комнатъ съ переходами высокіе шкафы съ книгами; передняя комната назначалась для просителей и подчиненныхъ, являвшихся къ монсеньеру по дѣламъ службы; одна изъ заднихъ была его спальнею, съ кроватью и съ дверью для прислуги; середину этого лабиринта занималъ кабинетъ хозяина съ рабочимъ его столомъ, у камина съ широкимъ жерломъ, у котораго онъ всегда сидѣлъ и время отъ времени въ него поплевывалъ на кучу зола, которая замѣняла ему песокъ въ плевалницы. Тогда онъ насчитывалъ себѣ лѣтъ семьдесятъ, потому что въ 1815 г. былъ онъ мальчикомъ лѣтъ десяти, когда со страхомъ и трепетомъ глядѣлъ на русскихъ солдатъ, маршировавшихъ по улицамъ Парижа подъ музыку съ барабаннымъ боемъ. Несмотря на преклонныя лѣта, былъ онъ замѣчательно моложавъ: высокъ ростомъ и тонокъ, но не худощавъ; строенъ и гибокъ, быстръ въ движеніяхъ; держался прямо, будто испробовалъ на себѣ военную выправку. По уставу своего ордена—обрить; сѣдые густые волосы—гладко подстрижены; правильныя черты лица украшались широкимъ и высокимъ лбомъ, безъ единой морщинки, большими выразительными глазами и полными губами, по которымъ мелькаетъ легкая улыбка, то добродушная, то насмѣшливая. Дома онъ всегда былъ одѣтъ въ черномъ подрясникѣ и подпоясанъ широкимъ ремнемъ.

Общіе обоимъ намъ интересы по одной и той же специальности въ изученіи иконографіи и церковныхъ древностей очень скоро сблизили насъ другъ съ другомъ, и я въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ каждую недѣлю раза по два приходилъ къ нему, всегда послѣ его ранняго монастырскаго обѣда, и бесѣдовалъ съ нимъ часовъ до трехъ. Онъ былъ очень общителенъ и любилъ поговорить; видя во мнѣ внимательнаго и хорошо подготовленнаго слушателя, онъ охотно передавалъ мнѣ свои разнообразныя и обширныя свѣденія, свои взгляды и замыслы по изслѣдованіямъ

средневѣковой старины. Все это было для меня ново и поучительно, но и я съ своей стороны приносилъ ему пользу, дополняя и завершая его знанія любопытными фактами изъ русской иконописи. Наши ученые бесѣды велись вотъ въ какомъ порядкѣ. Предварительно онъ приготавлиалъ для меня нѣсколько отдѣльныхъ рисунковъ изъ своихъ монографій и подробно объяснялъ мнѣ каждый изъ нихъ, а на разставаніѣ отдавалъ ихъ мнѣ въ мою собственность, такъ что всякій разъ я возвращался домой съ порядочнымъ запасомъ рисунковъ, отъ десяти до двадцати. Изъ нихъ я составилъ потомъ для своей библіотеки цѣлый альбомъ точныхъ копій съ рѣдкихъ произведеній ранняго средневѣкового искусства.

О Полѣ Дюранѣ и моихъ сношеніяхъ съ нимъ говорить вамъ не буду, потому что подробно рассказалъ я все это въ своей корреспонденціи, которую потомъ перепечаталъ въ первой части „Моихъ Досуговъ“, подъ заглавіемъ: „Шартрскій соборъ“.

По осени 1875 г. мы съ женой воротились въ Москву. Я уже имѣлъ случай обстоятельно сообщить вамъ, что въ эти послѣдніе годы, отказавшись отъ самостоятельныхъ изслѣдованій по русской народности и по нашей старинной литературѣ, я сосредоточилъ свои силы на изученіи миниатюръ и орнаментовъ въ нашихъ рукописяхъ. Единственнымъ и ревностнымъ пособникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ для меня мой милый Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Никто лучше его не зналъ нашихъ рукописныхъ и старопечатныхъ сокровищъ, разбѣянныхъ по всѣмъ концамъ Россіи въ публичныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, частныхъ и во всякихъ другихъ библіотекахъ. Для основательнаго и подробнаго изученія этого предмета онъ предпринималъ нѣсколько разъ свои ученые объѣзды, и на югъ до Кіева, Почаева, Острога, и на дальній сѣверъ до Сійскаго монастыря, Архангельска и Соловоѣ. Онъ былъ великій библіоманъ, и по тщательно собраннымъ имъ свѣденіямъ, приведеннымъ въ систематическій порядокъ въ его записныхъ книжкахъ, онъ могъ легко наводить справки для всякаго желающаго, гдѣ и что именно слѣдуетъ ему искать. Что же касается до печатныхъ каталоговъ, рукописныхъ и старопечатныхъ коллекцій, то онъ зналъ ихъ какъ свои пять пальцевъ. Я постоянно обращался къ нему за указаніями, и онъ всегда не только находилъ, что мнѣ нужно, но и выпишетъ для моего пользованія ту рукопись въ Московскій Публичный и Румянцовскій музей, въ которомъ онъ завѣдывалъ рукописнымъ отдѣленіемъ.

Такъ и теперь онъ выписалъ для меня изъ библіотеки Троицкой лавры рукописную псалтырь съ возслѣдованіями XV столѣтія. Эта единственная въ своемъ родѣ рукопись, хотя и безъ

миниатюръ, отличается необычайнымъ изяществомъ безконечнаго числа орнаментовъ и разнообразіемъ въ почеркахъ письма, которые иногда нѣсколько разъ мѣняются на одной и той же страницѣ.

Свои изслѣдованія объ этой рукописи я изготовлялъ не спѣша, исподволь, одновременно съ разными другими работами.

Въ 1877 г. извѣстный ученый и архитекторъ Виоллѣ-ле-Дюкъ, по заказу Виктора Ивановича Бутовскаго, директора Строгановской школы технического рисованія, и на средства, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir“, надѣлавшее въ то время много шума и возбудившее противорѣчивые толки. Особенно оно понравилось нашимъ архитекторамъ, но нѣкоторые изъ ученыхъ специалистовъ смотрѣли на него другими глазами. Изъ нихъ первый поднялъ свой голосъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ въ своей монографіи съ рисунками, подъ заглавіемъ: „Русское искусство Виоллѣ-ле-Дюка и архитектура въ Россіи отъ X-го по XVIII вѣкъ, 1878 г.“. Газетная критика, заступаясь за французскаго архитектора, разнесла эту монографію напропалую, и тѣмъ язвительнѣе и безцеремоннѣе, что графъ не означилъ своего имени. Я не вытерпѣлъ и рѣшился доканать Виоллѣ-ле-Дюка, сколько хватитъ у меня знаній и силъ, и составилъ объемистую рецензію, которую напечаталъ подъ заглавіемъ: „Русское искусство въ оцѣнѣ французскаго ученаго“, въ „Критическомъ Обзорѣ“, издававшемся тогда профессорами московскаго университета. Главное, на что я напиралъ, были наши рукописные орнаменты и византійско-русская иконопись, то-есть такіе предметы, которые плохо знали Виоллѣ-ле-Дюкъ. И меня не пощадила газетная критика, издѣвалась надо мною, топтала меня въ грязь. Это очень забавляло меня: и теперь я раздѣлялъ съ графомъ ту же участь отъ газетныхъ нападокъ и порицаній, какъ во время дпо, когда въ 1844 г. оказали меня бранью въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за мою книгу „О преподаваніи отечественнаго языка“. Полемику, поднятую въ газетахъ сочиненіемъ французскаго архитектора, Бутовскій заключилъ цѣлою книгою, изданною въ 1879 г. подъ заглавіемъ: „Русское искусство и мнѣніе о немъ Виоллѣ-ле-Дюка, французскаго ученаго архитектора, и О. И. Буслаева, русскаго ученаго археолога“.

Пока въ Москвѣ шла эта ожесточенная война изъ-за русскаго національнаго искусства, въ Петербургѣ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій и графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ основали и устроили Общество любителей древней письменности. Тогда

же избрали и меня въ почетные члены этого Общества. Викторъ познакомилъ меня съ княземъ Вяземскимъ, и мы порѣшили, что я составлю для любителей древней письменности изслѣдованіе объ орнаментахъ и почеркахъ упомянутой выше троицкой псалтыри XV-го вѣка, которое будетъ издано отъ Общества со множествомъ снимковъ письма и орнаментовъ, воспроизведенныхъ красками и золотомъ.

Кромѣ того, тогда же, по настоятельнымъ увѣщаніямъ и со-вѣтамъ Викторова, я обѣщалъ князю изготovitъ для Общества подробное описаніе принадлежащихъ мнѣ двухъ лицевыхъ Апокалипсисовъ XVI-го столѣтія, особенно замѣчательныхъ по древнѣйшимъ редакціямъ рисунковъ и по изяществу ихъ исполненія. Когда я принялся за эту работу, оказалось, что для ясности въ опредѣленіи особенностей ранняго стиля мнѣ надлежало касаться и редакцій позднѣйшихъ, къ которымъ относятся еще четыре другихъ лицевыхъ Апокалипсиса моей библіотеки. Викторъ рѣшилъ, что для полноты обозрѣнія мнѣ необходимо имѣть подъ руками великолѣпный, такъ называемый подносный экземпляръ лицевого Апокалипсиса XVII-го вѣка въ библіотекѣ московской духовной академіи въ Троицкой лаврѣ, и выписалъ его оттуда для меня. Затѣмъ понадобился мнѣ Апокалипсисъ XVI-го столѣтія Соловецкаго монастыря, перенесенный оттуда вмѣстѣ съ другими рукописями въ библіотеку казанской духовной академіи. Потомъ понадобилось и то, и другое, и третье. Викторъ наводитъ справки въ своихъ записныхъ книжкахъ и отовсюду выписываетъ для меня рукописи. Такимъ образомъ накопилось къ моимъ услугамъ до шестидесяти лицевыхъ Апокалипсисовъ, и вмѣсто описанія только двухъ рукописей я предпринялъ многосложную работу обширныхъ размѣровъ.

По мѣрѣ того, какъ я приводилъ въ извѣстность свои домашніе, русскіе матеріалы, все живѣе чувствовалъ настоящую потребность въ ихъ сравнительномъ изученіи съ источниками иноземными. Особенно необходимо было мнѣ увидѣть и изучить знаменитый лицевой Апокалипсисъ X-го столѣтія, находящійся въ бамбергской библіотекѣ, не изслѣдованный еще специалистами. Лѣтомъ 1880 г. я отправился вмѣстѣ съ женою на четыре мѣсяца за границу и недѣли три провелъ въ Бамбергѣ, просиживая ежедневно по пяти часовъ въ тамошней библіотекѣ надъ знаменитою рукописью. Она превзошла мои ожиданія. Хотя текстъ Апокалипсиса латинскій, но миниатюры, великолѣпно исполненныя, отличаются очевидными признаками той далекой старины, когда западная иконографія пользовалась еще византійскими основами

и принципами. Такимъ образомъ бамбергскій Апокалипсисъ я положилъ краугольнымъ камнемъ въ сооруженіи громаднаго изслѣдованія о редакціяхъ апокалипсическихъ изображеній по русскимъ рукописамъ отъ XVI-го столѣтія по XVIII-ое. Кромѣ того, я работалъ у профессора Пипера въ его древне-христіанскомъ музеѣ при берлинскомъ университетѣ, а также въ публичныхъ библіотекахъ, мюнхенской и вѣнской. Двѣ журнальныя корреспонденціи того времени изъ-за границы я перепечаталъ въ первомъ томѣ „Моихъ Досуговъ“, подъ заглавіями: „Бамбергъ“ и „Регенсбургъ“. Эту заграничную поѣздку я величаю про себя „апокалипсическою“...

Немедленно послѣ 1-го марта 1881 г. я покинулъ университетъ и вышелъ въ отставку съ двумя не вполне оконченными работами, предназначенными для Общества любителей древней письменности, съ малою и большею. Первая, объ орнаментахъ и письмѣ троицкой псалтыри XV-го вѣка, была изготовлена въ литографіи Бегрова въ декабрѣ 1881 г., и по приглашенію князя Павла Петровича Вяземскаго и графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, чтобы поднести экземпляръ этого изданія Государю Императору ¹⁾.

Второй экземпляръ только-что отпечатанной моей монографіи объ орнаментахъ и почеркахъ троицкой Псалтыри XV-го вѣка я принесть графу Сергѣю Григорьевичу Строганову.

Въ это двухнедѣльное пребываніе мое въ Петербургѣ, въ концѣ 1881 г., я долженъ былъ по его желанію ежедневно обѣдать у него и всякій разъ оставался потомъ часовъ до девяти вечера.

Это были прощальные дни нашего послѣдняго на землѣ свиданія. Онъ скончался въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія 1882 года, неожиданно и незамѣтно для домашнихъ, одинъ-одинѣхонекъ въ своемъ безподобномъ кабинетѣ, вамъ уже хорошо знакомомъ изъ моихъ воспоминаній. Бережно и чинно прилежъ онъ у своего рабочаго стола и, скрестивъ руки на груди, заснулъ вѣчнымъ сномъ безболѣзненно и мирно.

Въ 1884 г., Общество любителей древней письменности издало въ свѣтъ на издивеніе графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева мое изслѣдованіе „О русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ“ съ альбомомъ рисунковъ. Этотъ многолѣтній трудъ посвятилъ я памяти

¹⁾ См. въ „Правит. Вѣстникѣ“, 15 декабря 1881 г., № 279, сообщеніе о засѣданіи Общества любителей древней письменности, 10-го декабря 1881 года.

графа Сергѣя Григорьевича съ слѣдующимъ объясненіемъ, помѣщеннымъ въ предисловіи:

„Посвящая это археологическое изслѣдованіе незабвенной для меня памяти графа Сергѣя Григорьевича Строганова, я желалъ выразить, сколько могъ, благоговѣйную признательность за все, тѣмъ я обязанъ руководствованію и совѣтамъ этого въ высокой степени просвѣщеннаго государственнаго человѣка, не только въ моей учебной, ученой и литературной дѣятельности, но и вообще въ воспитаніи и образованіи умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви къ искусствамъ и археологiи“.

Этимъ я закончу и мои воспоминанія...

Θ. БУСЛАЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Ночь безмолвна. Лѣтнюю опьяняя,
Знойный день природу истомилъ...
Какъ раба въ гаремѣ молодая,
Дремлетъ міръ безъ мысли и безъ силъ.
Неподвижно лоно океана, —
Лишь порой на крыльяхъ тишины
Долетитъ откуда-то неожиданно
Влажный плескъ проснувшейся волны...
Даже звѣздъ мерцающія очи,
Что такъ много сердцу говорятъ
Въ тишинѣ и нѣгѣ знойной ночи, —
Даже тѣ померкли и молчатъ...
Нѣтъ въ груди тревожныхъ упованій,
Ни любви, ни гнѣва, ни заботъ,
И, какъ въ штиль судно на океанѣ,
Спитъ мечта до новыхъ непогодъ.

II.

Только тамъ, гдѣ море мелко,
Льда покровы тяжелы
И окованы цѣпями
Покоренные валы...

Но зимы слѣпая ярость
Океану не страшна,
И ничѣй не знаетъ власти
Исполинская волна!..

III.

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ ПРИТЧЪ.

Мірами править воля Божья, —
Склонись предъ нею, человѣкъ:
Вверху горы и у подножья
Ты—червь, и будешь имъ во вѣкъ!..
Но, полонъ жажды непрестанной,
Ты въ ослѣпленьѣ не поймешь,
Что изъ ручья ль, изъ океана—
Лишь горсть ты горстью зачерпнешь!..

IV.

Вѣнокъ изъ лилій бѣлоснѣжныхъ
Такъ шелъ къ прекрасному лицу,
Когда, полна тревогъ мятежныхъ,
Ты шла счастливою къ вѣнцу...
Вѣнокъ изъ лилій бѣлоснѣжныхъ
Такъ шелъ къ холодному челу,
Когда, чужда земному злу,
Ты опочила безмятежно...
И тѣ же самыя цвѣты
Тебя, прекрасную, вѣнчали,
Когда цвѣли твои мечты,
Когда мечты твои увяли...

V.

ЖИЗНЬ.

Юноша, чолнъ снаряжая, пускался въ открытое море...
 Тщетно твердятъ старики, возвращаясь изъ странствій далекыхъ,
 Какъ беспощадно на морѣ свирѣпствуютъ злобныя бури,
 Какъ угрожаютъ пловцамъ и подводные камни, и мели, —
 Вѣрой, надеждой и силой блестятъ его смѣлыя очи.

Старцемъ къ желанному берегу онъ, наконецъ, подплываетъ;
 Видитъ — и здѣсь собираются юноши смѣлой толпою
 Вѣрить отважно могучему морю безсильныя чолны.
 Тщетно про тайныя мели, и скалы, и бури твердитъ онъ —
 Вѣрой, надеждой и силой восторженно блещутъ ихъ очи!..

VI.

ЗАРНИЦА.

Тамъ, гдѣ-то далеко, гроза теперь шумить...
 Прорѣзавъ бездну тучъ трепещущей стрѣлою,
 Сверкаетъ молнія, и облако горитъ,
 И грозный громъ грохочетъ надъ землею...
 Бушуетъ океанъ... Во тьмѣ бѣшетъ валъ,
 И мчится къ берегамъ, хребетъ свой изгибая,
 И прыгаетъ, какъ барсъ, на грудь холодныхъ скалъ,
 Серебрянымъ дождемъ уступы одѣвая...

.
 А здѣсь... здѣсь — тишина; лишь изрѣдка блеснетъ
 Въ глубокихъ небесахъ пугливая зарница,
 И вдумчивая тьма то вздрогнетъ, то замретъ, —
 То вздрогнетъ, то замретъ, какъ раненная птица!..
 И отблескомъ грозы любуясь въ тишинѣ,
 У моря мы сидимъ, задумчиво внимая,
 Какъ плещется волна, въ лѣнивомъ полуснѣ
 Гранитъ холодныхъ скалъ привѣтливо лобзая!..

В. Гессенъ.

НА АѦОНѢ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

V *).

Общее число аѦонскихъ иноковъ опредѣляется круглою цифрою 10.000 чел. Такимъ образомъ, на небольшомъ пространствѣ Святой Горы скучено приблизительно столько же монаховъ, сколько чернаго духовенства во всей Россіи. Дѣйствительно, судя по отчету оберъ-прокурора св. синода за 1886 г., изданному въ 1888 г., въ Россіи числится 6.890 собственно монаховъ и 3.466 послушниковъ; итого 10.356 чел. (Во избѣжаніе недоразумѣнія поясню, что цифры эти касаются лишь монашествующихъ *мужского* пола). Большинство аѦонцевъ живетъ въ монастыряхъ, которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, имѣется двадцать, да въ нѣкоторыхъ обширныхъ скитахъ, подобныхъ монастырямъ, гдѣ монашествующіе концентрируются въ немногочисленныхъ, зато многочисленныхъ центрахъ. У насъ же насчитывается (безъ лавръ и ставропигіальныхъ) 480 мужскихъ монастырей, — число значительное, указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ на малую среднюю населенность русскихъ монастырей. На АѦонѣ нѣтъ такихъ монастырей, въ которыхъ монахи насчитывались бы всего единицами, а въ Россіи такихъ очень много. По числу монашествующихъ у насъ на первомъ планѣ стоитъ, какъ извѣстно, московская епархія. Въ ней числится 645 монаховъ, распредѣляющихся по 28 монастырямъ, тогда какъ въ одномъ аѦонскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ — до 1.000 человекъ братіи.

*) См. январь, 745 стр.

Для того, чтобы попасть на дальній Аѳонъ, надо имѣть нѣкоторую долю предприимчивости; вообще же мотивы, по которымъ постригаются тамъ, надо полагать, тѣ же, какъ и въ монастыряхъ вообще. Иныхъ приводятъ въ монастыри искреннее и сознательное религиозное влеченіе,—но неизвѣстно, сколько именно такихъ. Другіе подготовлены къ тому воспитаніемъ или случайными сильными впечатлѣніями дѣтства. Крушенія въ жизни, глубокія разочарованія заставляютъ иныхъ искать мирное уединенное убѣжище. Многихъ загоняетъ въ монастыри матеріальная нужда,—особенно изъ малоземельныхъ и многолюдныхъ семей. Другіе уклоняются въ нихъ отъ воинской повинности или даже уголовныхъ каръ. Но—это общія мѣста. Бываютъ и особые случаи: такъ, среди тулупниковъ на палубѣ аѳонскаго парохода развязно вращался такой представитель особаго класса людей. По чернымъ курчавымъ волосамъ и по чертамъ лица его можно было принять за выкреста-еврея, а по полу-нѣмецкому костюму съ засунутыми въ голенища брюками—за лавочника. Этотъ „Николай Николаичъ“ являлся въ роли истаго узурпатора власти въ толпѣ тулупниковъ: то покровительственно, съ напускнымъ благодушіемъ ихъ наставлялъ, то прямо кричалъ, точно командовалъ. Онъ опекалъ ихъ какъ маленькихъ дѣтей, указывая нетерпачимъ возраженія тономъ, когда имъ поѣсть и чайку попить, а когда вздремнуть. Противная, грубая и самодовольная фізіономія! Впослѣдствіи обнаружилось, что нахальная эта личность—бывшій петербургскій околоточный надзиратель, обиженный неблагодарнымъ начальствомъ, а потому норовившій послѣ паломничества по святымъ мѣстамъ постричься на Аѳонѣ. Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ этому отставному блюстителю порядка пришлось сильно сбавить тонъ, ибо отецъ игуменъ, вопреки ожиданію, и не думалъ принимать его съ распростертыми объятіями. На покупку „по случаю“ билета для проѣзда съ Аѳона въ Палестину у Николая Николаича потомъ „не хватило нѣсколькихъ рублей“, по каковому поводу онъ стелъ полезнымъ со мною познакомиться. При этомъ онъ вынулъ какъ бы вмѣсто паспорта или удостовѣренія какой-то, не помню, орденовъ или медаль за усердную службу, и сообщилъ объ имѣющейся у него лампадѣ, подъ залогъ которой надѣялся получить изъ монастыря денегъ и тогда отдать мнѣ долгъ. Просимая имъ сумма была такъ невелика, всего нѣсколько рублей, что я, не задумываясь, удовлетворилъ его просьбу, ради опыта, почти въ полной увѣренности, что она пропадетъ. И дѣйствительно, моимъ рублямъ было суждено посѣтить святую землю: заручившись-таки благословеніемъ на

постриженіе, нашъ Николай Николанчъ, въ одну прекрасную пароходную ночь, исчезъ съ ними sans adieu. На выраженный мною недоумѣніа насчетъ принятія подобныхъ личностей въ число иноковъ послѣдовало поясненіе, что и разбойники обращались въ монастыряхъ къ благочестивой жизни, мало того—даже причислялись въ послѣдствіи къ лику святыхъ. Положимъ, монастырская жизнь можетъ втянуть человѣка; она имѣетъ нивелирующее вліяніе на отдѣльныхъ личностей, налагаетъ на нихъ свою особую печать, а потому неудивительно, что весьма ласковыми, привѣтливыми, безстрастными, спокойными и ясно улыбающимися представились Вогюэ аеонскіе калогеры. Такими же представляетъ ихъ и Н. Н. Страховъ ¹⁾. Я самъ готовъ допустить, что упомянутые авторы, пожалуй, вѣрно схватили идеальный типъ монаха—и притомъ не только аеонскаго,—и готовъ объяснять характерныя его черты, съ одной стороны, завершившимся угнетеніемъ плоти, съ проистекающимъ отсюда безстрастіемъ, а съ другой—нахожденіемъ въ сторонѣ отъ мірской борьбы за существованіе, которая держитъ человѣка въ постоянномъ напряженіи, готовымъ во всякій моментъ подвергнуться толчкамъ и нападеніямъ. Впрочемъ, борьба за существованіе не вполне исключается изъ жизни аеонскихъ иноковъ. Соперничество національностей и монастырей между собою, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, не могло не отразиться болѣе или менѣе и на отдѣльныхъ монахахъ. Къ тому же существованіе монастырской іерархіи, разныхъ должностей, сопряженныхъ съ почетомъ и привилегіями, представляетъ для весьма многихъ источникъ сореазнованія, угрожающій полному душевному равновѣсію.

Строй иноческой жизни зависитъ прежде всего отъ той категоріи, къ которой принадлежитъ данный монастырь. Надо замѣтить, что на Аеонѣ—какъ и въ Россіи—монастыри подраздѣляются на общежительные, или киновіи, и на штатные или идиоритмы; при чемъ и здѣсь численный перевѣсъ на сторонѣ штатныхъ съ ихъ болѣе вольнымъ уставомъ.

Извѣстно, что и у насъ монастырскія службы отличаются своею продолжительностью, но, надо полагать, имъ едва ли гдѣ-либо посвящается столько времени, какъ на Аеонѣ. Присовокупимъ къ этому еще „железное правило“, и мы увидимъ, какъ не легко молитвенныя обязанности въ аеонскихъ общежитіяхъ, образ-

¹⁾ Страховъ Н. Н. Воспоминанія о поѣздкѣ на Аеонъ. „Русскій Вѣстн.“, т. 204, окт. 1889 г., стр. 120—144.—Авторъ посѣтилъ Аеонъ въ августѣ 1881 г. и пробылъ тамъ двѣ недѣли.

цомъ которыхъ для меня, естественно, служить Пантелеймоновскій монастырь.

Послушаемъ сначала описаніе „келейнаго правила“, помѣщенное въ книгѣ „Монастырь“¹⁾. Нѣсколькими ударами въ колоколъ „въ глубокую полночь пантелеймоновская братія пробуждается на келейное правило, заключающееся въ поклонахъ земныхъ и поясныхъ, совершаемыхъ въ различномъ числѣ, смотря по днямъ, а также по степени иночества, при чемъ для состоящихъ въ схимѣ полагается до 1.200 поясныхъ и 100 земныхъ поклоновъ, къ коимъ слѣдуетъ присоединить еще обязательные для всѣхъ безъ изыятія 100 поясныхъ поклоновъ собственно за благодѣтелей обители“. Строгое и точное выполненіе 1.400 поклоновъ, рассматриваемое только съ чисто-физиологической стороны, представляетъ собою большой трудъ, въ особенности для престарѣлыхъ и хилыхъ, тѣмъ болѣе, что на него дается очень мало времени, ибо зимою уже въ часъ пополудни, а лѣтомъ за часъ до полуночи ударяють къ утрени (тамъ же, стр. 119). Послѣ утрени не дается отдыха, а тотчасъ начинается равная литургія; непосредственно же вслѣдъ за нею и повдняя. Вечерня начинается за два часа до захожденія солнца, а отдѣльное повечеріе — при самомъ закатѣ. Въ обыкновенные дни монахи проводятъ въ церкви часовъ по десяти, и именно: пятичасовую утреню, двухчасовую обѣдню, тоже двухчасовую вечерню и часовое повечеріе. Растягивается такъ служба потому, что псалмы и каноны поются безъ пропусковъ и въ службу вставляются поученія. Во время послѣднихъ братія и поклонники, впрочемъ, сидятъ либо въ формахъ, либо по-турецки на полу. На дни воскресные и праздничные (господскіе, богородичные и великихъ святыхъ), сообразно аеонскому уставу, совершается всенощное бдѣніе, начинающееся около заката солнца и продолжающееся безъ расхода минимумъ 9, чаще 10 и 12 часовъ. На особенно выдающіеся праздники оно длится до 14 часовъ; а если присоединить къ нему и непосредственно слѣдующую за бдѣніемъ процессію съ водосвятиемъ, то и цѣлыхъ 17 часовъ. При мнѣ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ служба на Свѣтлое Воскресенье продолжалась съ вечера сплошь до полудня, когда, наконецъ, братія успѣлась разговляться въ общей трапезѣ. И по окончаніи трапезы монахи не были отпущены съ миромъ по кельямъ, а сначала торжественной процессіей должны были отправиться обратно въ

¹⁾ Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона на Святой Горѣ Аѳонской (изд. 7-е). Москва. 1886-8 (авторъ неизвѣстенъ).

соборъ для новаго, правда, краткаго молебствія. Епископа Порфирія Успенскаго, какъ почетнаго гостя славяно-сербскаго монастыря Хиландаря, упросили отслужить всенощное бдѣніе и утромъ литургію, по случаю празднованія памяти перваго архіепископа сербскаго, и, по обычаю своему, признали его на это время своимъ игуменомъ. Не легко дался ему этотъ почетъ, ибо бдѣніе продолжалось съ шести часовъ вечера до разсвѣта. „Литургію, — пишетъ онъ въ дневникѣ, — я отслужилъ съ усиленіемъ и возвратился въ свой архондарикъ какъ деревянный. Нѣтъ! Человѣкъ — не ангелъ. Не въ мочь ему славословить Бога долго и неустанно! Да и у самихъ аеонцевъ, этихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, какъ ихъ называютъ въ книгахъ, всенощныя въ полномъ смыслѣ слова бдѣнія бываютъ рѣдко, лишь подъ большіе праздники. Передъ совершеніемъ ихъ они высыпятся въ своихъ бѣльяхъ, а потому выдерживаютъ всю службу съ грѣхомъ пополамъ. А намъ, не спящимъ и работающимъ во весь день, не по силамъ такіа бдѣнія“. Сами монахи мнѣ признавались въ томъ, что праздникъ имъ не въ праздникъ, что трудненько имъ приходится на страстной и святой, и какъ они рады, по минованіи этихъ двухъ недѣль экстраординарнаго труда, вновь войти въ обыкновенную колею. Нѣкоторая реакція, наступившая уже послѣ ряда дней, требовавшихъ наибольшаго напряженія, была замѣчена мною, какъ постороннимъ наблюдателемъ: во второй половинѣ святой, во время службы, монахи цѣлыми группами выходили изъ духоты собора на примыкающую къ нему террасу, созерцали безоблачную звѣздную высь, прислушивались къ плеску волнъ и шопотомъ обмѣнивались своими мыслями. Осуждать ли ихъ за эту передышку, во время которой безмолвіе и нерукотворенное величіе небосклона навѣвало на нихъ, быть можетъ, болѣе глубокое религиозное настроеніе, чѣмъ повторяющееся съ обычною стереотипною точностью изо дня въ день богослуженіе? Номо sum et nil humani a me alienum puto: слѣдуетъ ли осуждать изнеможеннаго, съ восковою, трупною блѣдностью лица, если столь привычныя для него звуки свинцомъ отягощаютъ его вѣки и малокровное его тѣло безсознательно повиснетъ въ формѣ? А чтó сказать о тѣхъ изъ иноковъ, которые, за недостаткомъ мѣста въ самой церкви, расположились вдоль стѣнъ и колоннъ притвора: они не видятъ богослуженія да и слышать его очень плохо, — каково имъ бороться съ дремотой? Однако, по уставу дремать въ церкви не только не полагается, но даже отъ времени до времени эклисиархи обходятъ братію и слегка распеваютъ дремлющихъ. Объ этомъ упоминается и въ книгѣ „Мо-

настырь“ (стр. 116), а потому никто не упрекнетъ меня въ нескромности за сообщеніе того, въ сущности, разумющагося само собою факта, что и на аеонцѣ-иноуѣ человѣческая натура старается взять свое. Никакое, даже самое пышное благолѣпіе службы отъ этого не спасетъ окончательно, тѣмъ болѣе, что благолѣпіе это для аеонца—дѣло привычное. Мірянинъ, особенно мало знакомый съ монастырскими службами, не долженъ прилагать къ монахамъ свою собственную мѣрку. На меня, человѣка посторонняго, свѣжаго, вся обстановка аеонской службы производила захватывающее, таинственное впечатлѣніе. Входя въ первую же ночь, въ ночь своего пріѣзда, въ главный монастырскій соборъ съ его полумракомъ, видя вокругъ себя вездѣ по стѣнамъ разставленные рядами въ „формахъ“ неподвижныя черныя фигуры съ опущенными наметками, я невольно вообразилъ себя въ тайномъ судилищѣ инквизиціи. Впечатлѣніе это исчезло лишь мало-по-малу, когда церковь освѣтилась и монахи стали воспѣвать наступающій праздникъ. Для религіозно-настроенныхъ вся эта обстановка съ ея контрастами легко можетъ вызывать предвѣщеніе страшнаго суда, смѣняющееся картинами райскаго блаженства. Насколько наши аеонцы умѣютъ обставлять службы, это они выказали въ Свѣтлую ночь. Главная часть заутрени съ провозглашеніемъ „Христосъ воскресъ“ происходила во дворѣ, передъ иллюминированнымъ и украшеннымъ большимъ транспарантомъ портикомъ собора. Особенно великолѣпна была также процессія съ горящими свѣчами по иллюминированному входу во второй этажъ корпуса, гдѣ помѣщается второй, новый монастырскій соборъ. Темнота ночи, гнѣіе, колокольный звонъ—все это составляло въ такой обстановкѣ нѣчто необычайно возвышающее душу.

Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ въ первое число каждаго мѣсяца совершается водосвятіе, послѣ котораго кельи, жилыя зданія вообще и подвалы окропляются святою водою, а еженедѣльно, по субботамъ или же въ случающійся на недѣлѣ праздникъ, вся братія приобщается св. таинъ; болѣе строгіе подвижники приобщаются и по два, и по три раза въ недѣлю.

Къ трудамъ духовнымъ присоединяются и труды ремесленные. Рѣдкій изъ монаховъ не пріуроченъ къ какому-либо изъ многочисленныхъ послушаній, о которыхъ я намѣренъ, впрочемъ, поговорить еще по поводу монастырскаго хозяйства. Службы, келейное правило и послушанія поглощаютъ столько времени, что на сонъ монаху остается какихъ-нибудь пять часовъ, не болѣе. Впрочемъ, исполненіе послушаній служитъ порою уважительною при-

чиною въ пропуску общественнаго богослуженія, которое въ самихъ мастерскихъ замѣняется тогда болѣе краткимъ молебствіемъ передъ аналоемъ.

Въ общемъ нельзя не признать, что образъ жизни аеонскаго монаха крайне трудный и изнурительный. Усугубляется его изнурительность — столь ясно отпечатлѣнная на истомленныхъ лицахъ большинства иноковъ — скудностію питанія. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а также въ теченіе всего великаго поста трапеза полагается только по одному разу въ день (а именно около двухъ или трехъ часовъ пополудни); остальные четыре дня въ недѣлю монахи трапезничаютъ по два раза (въ 10 ч. утра и передъ закатомъ солнца). Послѣ повечерія обязательно полное воздержаніе не только отъ ѣды, но и отъ питья, какъ бы ни была томительна жажда въ непомѣрные лѣтніе жары. Впрочемъ, инокъ, не устоявшій противъ соблазна напиться воды или чая, можетъ искупить свою слабость сравнительно легко — пятидесятью поклонами и молитвою. Рыба подается только по праздникамъ, и притомъ большею частью соленая, привозная изъ Россіи. Въ дни скоромныя дается еще сыръ; зато въ постныя допускаются лишь блюда растительнаго происхожденія: бобы, горохъ, тыква, огурцы, сырой салатъ и нѣкоторые неизвѣстные у насъ въ Россіи травы. Большимъ лакомствомъ считаются морскія головоногія животныя, осьминоги или скруты и каракатицы или сепіи, возбуждающія въ большинствѣ непривычныхъ одно лишь отвращеніе, а также морскіе ежи. Спасительнымъ для организма поддѣрпывающимъ средствомъ является красное вино, по кувшинчику котораго отпускается на каждый приборъ. Русскимъ поклонникамъ вино это кажется съ непривычки роскошью, но едва ли это правильно. Впрочемъ, вино за братской трапезой дается далеко не всегда, хотя въ общей сложности Аеонъ ежегодно потребляетъ его въ большомъ количествѣ. Во время трапезы обязательно полное безмолвіе и всѣ должны слушать мѣрное поученіе, читаемое съ возвышенной каеэдры, по большой книгѣ однимъ изъ монаховъ. Мнѣ самому пришлось участвовать въ братской трапезѣ всего только разъ, а именно въ Свѣтлое Воскресенье, при особенно торжественной обстановкѣ. Процессіей со свѣчами братія двинулась изъ собора въ трапезу; во главѣ шествовалъ архимандритъ въ богатой фіолетовой атласной мантии съ большими образами въ галунныхъ рамкахъ на плечахъ, съ игуменскимъ посохомъ въ рукѣ. Длинный шлейфъ его мантии несъ монахъ. Игуменъ расположился на предсѣдательскомъ мѣстѣ, во главѣ стола; по сосѣдству съ нимъ сѣли въ іерархическомъ порядкѣ іеромонахи и по-

четные гости, а затѣмъ уже остальная братія, насколько хватило для нея мѣста. Угощеніе въ этотъ наиболѣе чтимый изъ всѣхъ дней въ году состояло изъ заливной и жареной рыбы и ухи, приготовленной изъ свѣжей рыбы; далѣе, изъ яицъ, сыра, сладкой каши изъ пшеничныхъ зеренъ. Апельсины и кувшинчикъ вина дополняли угощеніе. Въ исходѣ трапезы прислуживающіе монахи, обходя всѣхъ обѣдающихъ, собирали остатки хлѣба, изъ которыхъ приготовляются сухари для раздачи отшельникамъ. Моему препаратору пришлось изучать братскую трапезу и въ непарадномъ видѣ, т.-е. съ ея горохомъ и травами. Насъ же съ сыномъ любезные хозяева угощали въ столовой избранныхъ, въ обществѣ, смотря по распоряженію игумена, иногда человѣкъ въ 15 или 20, а иногда и совершенно *en petit comité* или даже только вдвоемъ. Какъ дневная, такъ и вечерняя трапеза по составу кушаньевъ могла быть названа полнымъ обѣдомъ изъ четырехъ или пяти блюдъ, между которыми свѣжія рыбныя и молочныя отсутствовали лишь въ видѣ большого исключенія, а порою подавались такія лакомства, какъ омары. За трапезою избранныхъ бесѣды не только не запрещались, но имѣли вполнѣ непринужденный характеръ, далеко не ограничиваясь закованнымъ кругомъ узкихъ монастырскихъ или аеонскихъ интересовъ. Видно, съ временами измѣнились и нравы. Благовѣщенскій (стр. 91) все слышалъ на Аеонѣ одни разговоры объ искушеніяхъ и видѣніяхъ, и какъ большое исключеніе приводитъ застольные оживленные разговоры на хозяйственные темы, слышанные имъ въ штатномъ Иверскомъ монастырѣ. Наша трапеза нерѣдко приправлялась даже анекдотами, которые, впрочемъ, никогда не переходили границъ полнаго приличія. Аеонцы умѣли цѣнить ихъ не хуже нашего. Даже покойникъ о. архимандритъ смѣялся надъ ними своимъ мягкимъ, добродушнымъ смѣхомъ. Будучи самъ хорошимъ собесѣдникомъ и ласковымъ человѣкомъ, о. Макарій своимъ появленіемъ изрѣдка за нашей трапезой, тѣмъ не менѣе, въ силу одного своего высокаго сана, стѣснялъ остальныхъ.

Стѣсненіе такое вполнѣ объясняется господствующей на христіанскомъ Востокѣ вообще и на Аеонѣ въ частности монашеской субординаціей, которая сказывается уже во внѣшнихъ формахъ обращенія. При встрѣчѣ съ игуменомъ монахи—будь они и іеросхимонахи—совершаютъ передъ нимъ земное „метаніе“ для принятія благословенія: почеть, оказываемая, какъ извѣстно, католиками только верховному главѣ церкви. Лишь для лицъ приближенныхъ этотъ обрядъ замѣняется на практикѣ низкимъ поклономъ и соприкосновеніемъ концами пальцевъ до

земли. Даже на исполненіе иныхъ обиденныхъ обязанностей требуется благословеніе игумена. Такъ, очередные іеромонахи передъ началомъ литургіи отправляются за благословеніемъ къ игумену. На все хоть сколько-нибудь уклоняющееся отъ заведеннаго механизма жизни это благословеніе требуется тѣмъ паче,—напр., чтобы оставаться въ непоказанное время въ кельѣ или выходить за монастырскую ограду. Необходимость на все игуменскаго благословенія тяготеетъ постоянно не только надъ иноками, но и надъ гостями,—все равно, паломники ли они, туристы или ученые. Васъ встрѣчаютъ необыкновенно ласково, прямо распинаются за васъ; даже заказываютъ для васъ въ своей мастерской башмаки, если ваша обувь ободралась объ аеонскія скалы, и все дѣлаютъ для васъ безвозмездно; но безъ благословенія игумена не даютъ ни трапицы, ни кончика бичевки, какъ бы вы въ нихъ ни нуждались; у игумена же дѣлъ масса; совѣстно его и тревожить. Вотъ и ждите, и терзайте время, хотя бы цѣлыя сутки. Но что значать какія-нибудь сутки для общегитія, устремляющаго свои взоры въ вѣчность? „Тамъ ты и кувшиномъ не можешь распорядиться по своей волѣ“, предупреждалъ св. Пименъ Великій одного изъ пожелавшихъ поступить въ общежительный монастырь. Съ этимъ состоитъ въ связи и слѣдующій обычай. За утерянную или разбитую инокомъ вещь, хотя бы это была копѣчная деревянная ложка, на виновника налагается кара, которая въ мірскомъ быту находитъ себѣ аналогію развѣ въ выставленіи въ позорному столбу. Виновный становится на поклоны во время трапезы, а во время выхода братіи, лежа ницъ на полу, передъ дверью, проситъ прощенія у братіи, которая, согласно ритуалу произносить: „Богъ да проститъ“. Иногда разбитая вещь, какъ назидательное *corpus delicti*, лежитъ подлѣ провинившагося; иногда же вина его остается тайною для всѣхъ, кромѣ духовника и игумена.

Вступающій въ общежитіе обязывается передавать все свое имущество въ распоряженіе игумена. Само собою разумѣется, что большинство, покидая міръ, заранее распоряжаются своимъ состояніемъ, раздадутъ его родственникамъ и т. д., и лишь опредѣленный остатокъ вносятъ въ монастырскую кассу. Удерживать у себя что-либо изъ наличнаго имущества, въ особенности деньги, строго воспрещается. Монахъ, у котораго послѣ смерти окажутся деньги, можетъ быть лишенъ обычнаго погребенія и поминанія. Виновитамъ, само собою разумѣется, и принимать ихъ также возбраняется.

Старикъ-рыбакъ о. Хлоръ, Флоръ или Фроль,—какъ простолюдинъ изъ малороссовъ, онъ никакъ не могъ мнѣ повѣдать, какъ

его собственно звать, — старикъ весьма симпатичный, высокаго роста съ прекрасными, открытыми энергическими чертами лица и прекрасно могъ бы служить моделью для изображенія св. Петра, его собрата по ремеслу. О. Фролу было передано благословеніе игумена на оказаніе мнѣ всякой помощи въ добываніи рыбъ и другихъ морскихъ животныхъ; но я чувствовалъ потребность чѣмъ-нибудь заинтересовать его въ дѣлѣ, значеніе котораго ему не могло быть понятно; поэтому я охотно воспользовался его жалобой о недостаткѣ какихъ-то крючьевъ для болѣе успѣшной рыбной ловли и предложилъ ему, для ихъ приобрѣтенія, нѣсколько меджидовъ. Послѣ долгихъ отнѣживаній и ссылокъ на обѣтъ безсребрія, Фролъ, наконецъ, какъ будто и убѣдился, что принимаетъ деньги вовсе не для себя лично, а на общественную надобность; но не успѣлъ я отойти отъ рыбацкаго домика и десятка саженой, какъ Фролъ догоняетъ меня и возвращаетъ меджиды.

Еще двѣ мелкія особенности въ аеонскихъ обычаяхъ, впрочемъ неоднократно уже подмѣченныя въ печати. Во время службы монахи крестятся не когда вздумается, а лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т.-е. всѣ одновременно. Это, какъ вамъ поясняютъ, установлено въ видахъ смиренія, дабы не было грѣшнаго соревнованія въ внѣшнемъ проявленіи набожности. Другая, тоже мелкая особенность чисто-обряднаго значенія — это поверганіе ницъ передъ выходящей изъ трапезы братіей трапезаря, повара и чтеца.

Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ имѣется нѣсколько темныхъ келій, но въ данное время, кажется, претендентовъ на нихъ не было. Вышеизложенная характеристика иноческой жизни относится главнымъ образомъ къ этому Пантелеймоновскому монастырю, но цѣликомъ примѣняется и къ посѣщенному мною Андреевскому скиту, а болѣе или менѣе — и ко всѣмъ общежительнымъ монастырямъ другихъ націй. О строѣ жизни въ монастыряхъ штатныхъ мнѣ извѣстно лишь по наслышкѣ и по печатнымъ монашескимъ и мірскимъ источникамъ. Сводя всѣ соотвѣтствующія свѣденія къ одному выводу, мы видимъ, что въ нихъ господствуютъ вліяніе и деньги; богатые и сильные живутъ себѣ по собственному усмотрѣнію, не особенно стѣсняясь, въ то время какъ меньшее братство постоянно находится въ трудахъ и лишь во снѣ и на яву мечтаетъ о томъ, какъ бы счастливымъ случаемъ или угодливіестью привилегированнымъ собратамъ получить доступъ въ ихъ компанію.

Само собою разумѣется, что относительно устава монастыри не вполнѣ походятъ одинъ на другой; напротивъ того, наблюдается множество отгѣнковъ. Уже а ргіогі ясно, что то же

самое должно повторяться и въ аеонскихъ кельяхъ. Даже самые мотивы удаленія иноковъ въ кельи могутъ быть діаметрально противоположные: одни ищутъ въ нихъ бѣльшаго простора, болѣе свободы; другіе, напротивъ того, стремятся къ большому уничтоженію плоти, къ возможно полному аскетизму. Сообразно этому и самыя кельи распадаются на два главныхъ типа, на кельи со свободою и съ отшельническою жизнью. Монаху оказывается не по силамъ, не по наклонностямъ монастырскій режимъ, а у него имѣется въ резервѣ капиталъ. И вотъ онъ арендуетъ у одного изъ монастырей либо готовую келью, либо клочокъ земли для сооруженія новой, и приглашаетъ къ себѣ въ сожители бѣдныхъ собратьевъ, двоихъ, троихъ или болѣе. Онъ становится ихъ „старцемъ“, такъ сказать, игуменомъ въ миниатюрѣ ¹⁾. Титулъ старца, обусловленный однимъ лишь капиталомъ, конечно, ничего не имѣетъ общаго съ возрастомъ его обладателя. Такая келья, какъ показываетъ примѣръ посѣщенной мною на экскурсіи кельи св. Георгія, составляетъ цѣлый домикъ въ нѣсколько комнатъ. Готовыя кельи приобрѣтаются, смотря по своимъ размѣрамъ и прочимъ качествамъ, рублей за 500, за 1.000 и дороже. Далѣе извѣстно, что келіоты платятъ еще ежегодныя подати монастырю. Могутъ кельи переходить по завѣщанію отъ одного „старца“ къ другому; но, повидимому, только кельи, а не земля, на которой онѣ построены. Келіотамъ выгодно выставлать свои кельи учреждениями прочными, ибо только при этомъ условіи онѣ могутъ рассчитывать на пожертвованія благотворителей; монашествующимъ же въ свою очередь дробленіе лептъ представляется нежелательнымъ. Судя по увѣренію келіотовъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться на обратномъ пароходѣ, они являлись какъ бы наслѣдственными арендаторами въ родѣ тѣхъ, что въ Россіи извѣстны подъ названіемъ чиншевики. Тѣ же мои собесѣдники, люди начитанные, хорошо знакомые съ исторіей и не только одного Аеона, отзывались не безъ горечи о централизаціи средствъ, пропагандируемой монастырями въ ущербъ кельямъ.

Въ монастырѣ Каракалѣ Порфирій снялъ копію съ перечня всѣхъ 25 келій (1707 г.). Изъ него видно, что уже тогда каждой была присвоена извѣстная продажная цѣна, что сверхъ послѣдней полагалась ежегодная подать и извѣстное число дней (болѣею частью 9) ежегодной же барщины монастырю. „Вотъ

¹⁾ Имѣются, въ видѣ исключенія, впрочемъ, и кельи, основанныя на демократическихъ началахъ, т.-е., говоря проще, такія, въ которыхъ нѣтъ старца, а всѣ иноки между собою равноправны.

каково житье аеонскимъ келіотамъ! — восклицаетъ авторъ. — Купи у монастыря келью, вноси за нее ежегодную подать и девять разъ въ годъ отбывай ему барщину, какую онъ назначитъ. Даромъ, безъ денегъ, не спасешься на Аеонѣ! Дармоѣдовъ тамъ нѣтъ. Покупай тамъ келью, да и тверди себѣ урокъ: „въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“. Въ общемъ, порядки эти сохранили свою силу и понынѣ, — только о барщинѣ мнѣ слышать не приходилось.

Кельи, въ особенности кельи пустынниковъ, расположены иногда на головокружныхъ крутизнахъ, куда можно взобраться не иначе, какъ съ помощью веревочной лѣстницы. Есть одна и такая, которая построена на утесѣ высоко надъ моремъ. Съ утеса на веревкѣ спускается корзина, въ которую проѣзжія суда кладутъ сухари и другіе припасы. Классическое по неприступности, усыпанное кельями мѣсто носитъ названіе Крауля и составляетъ прибрежный утесъ на южной оконечности полуострова, возвышающійся всего, полагаютъ, сажень на 150 или 200. Чтобы попасть съ вершины утеса на уступъ съ кельями, приходится цѣпляться за камни руками и даже висѣть надъ бездной. Сажень на сорокъ спускъ совершается по веревкѣ, причѣмъ спускающійся упирается ногами въ отвѣсную стѣну; сажень двадцать приходится пролѣзть по трещинѣ, въ родѣ колодца, съ поперечными, вдолбленными въ стѣну жердями. Въ настоящее время на Краулѣ чело- вѣкъ 12 русскихъ отшельниковъ.

Изъ всѣхъ родовъ монашествующихъ полные аскеты, безмолвные пустынники, естественно, оказываютъ на насъ наибольшую притягательную силу. Они окружены нимбомъ, ибо олицетворяютъ собою идею мученическаго добровольнаго отреченія отъ всякаго общенія съ людьми, ради созерцанія одного Бога. Для своего жилища они довольствуются самой жалкой лачугой, пещерой, расщелиной въ скалѣ, даже дупломъ дерева. Повѣствуютъ объ одномъ изъ нихъ, соорудившемъ себѣ шалашъ изъ листового желѣза, своего рода венеціанскую свинцовую камеру, гдѣ лѣтомъ нестерпимо жарко, а зимою холодно. Одинъ изъ нынѣшнихъ краульскихъ анахоретовъ, бывший московскій монахъ, проживаетъ въ темной, глубокой, страшной пещерѣ, въ глубинѣ которой и самъ обитатель не бывалъ, потому что оттуда смирадъ исходить. За это обиталище его хозяинъ платитъ лаврѣ по три рубля въ годъ аренды. Бывали между отшельниками такіе, которые вырывали себѣ могилу и спали въ ней, и такіе, которые добровольно налагали на себя муки Сизифа, таская изъ пропасти камни до полнаго изнеможенія, исключительно ради самоистязанія,

ради угнетенія плоти и искупленія грѣховъ. Иныя прямо пытаются себя веригами. Въ усыпальницѣ Андреевскаго скита обращаетъ на себя вниманіе цѣлая коллекція веригъ, снятыхъ съ умершихъ схимниковъ. Это тяжеловѣсныя мѣдныя иконы въ нѣсколько квадратныхъ вершковъ, желѣзные кованые ошейники и пояса, соединенные между собою перекладинами. Удивляешься изобрѣтательности аскетовъ при сооруженіи этихъ иногда полупудовыхъ орудій пытки, въ которыхъ какъ ходьба, такъ и лежаніе одинаково неудобны. Какія намины, пораненія и изъязвленія они должны были причинять на голомъ тѣлѣ! Правда, на мой вопросъ пояснили, что и въ прежнія времена такія необыкновенныя вериги составляли большую рѣдкость, а въ настоящее время онѣ едва ли еще встрѣчаются.

Большинство отшельниковъ хоть по субботамъ и подъ великіе праздники изъ своихъ убѣжищъ спускаются въ монастыри, чтобы присутствовать на богослуженіи, запастись сухарями, насытиться за трапезой или запастись одеждой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сбыть въ монастырѣ или въ Карѣ свои рѣзныя издѣлія. Въ Свѣтлое Воскресеніе я видѣлъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ не мало такихъ монаховъ, которые по грязному, оборванному костюму могли быть отнесены въ этой категоріи посѣтителей. Истинные же аскеты никогда не покидаютъ своего убѣжища, и сами лишь изрѣдка посѣщаются своими духовниками. Они питаются дикими каштанами, желудями, кореньями и травами; сухари—и тѣ достаются имъ лишь случайно. Какъ я ни старался хоть разъ взглянуть на этого рода типъ аскета, составляющій, въ нашъ вѣкъ въ особенности, исключительное явленіе,—все мои просьбы оставались тщетными. Мнѣ отвѣчали: на посѣщеніе анахорета надо очень много времени; да и дороги къ нему не найдешь; да и смотрѣть тамъ нечего и т. д.; словомъ сказать, въ этихъ отговоркахъ какъ будто слышалось исконное нерасположеніе самихъ монашествующихъ къ аскетамъ.

Отшельники, какъ неприглядна ни была бы ихъ обстановка жизни, имѣютъ по крайней мѣрѣ постоянное обиталище. Есть на Аeonѣ еще цѣлый разрядъ инокъ, именуемыхъ *сиромонахами*, своего рода монашествующихъ странниковъ. Одни изъ нихъ—*каливиты*—обладаютъ шалашомъ (валивой), съ которымъ и перекочевываютъ съ мѣсто на мѣсто. Отчасти они питаются Христовымъ именемъ, отчасти занимаются у себя рукодѣльемъ, отчасти же нанимаются въ кельи для работъ; но, понятно, у людей, привычныхъ къ бродячей жизни, черная работа не клеится. Кромѣ ничтожныхъ черепковъ для питья, за-

пачканной посуды и кое-какихъ инструментовъ для рукодѣля, у каливита въ шалашѣ нѣтъ ничего. Отправляясь куда-либо, онъ оставляетъ свое жилище незапертымъ, потому что все имущество его помѣщается за его плечами. „Каливитами безъ каливы“ являются такъ-называемые *каіоты* (странники), которые по бѣдности не имѣютъ даже и собственнаго шалаша, и живутъ гдѣ и какъ случится. Кромѣ рукодѣлій и найма въ работники, они промышляютъ и собираніемъ на высотахъ цвѣтковъ Богородицы, либо питаются, какъ подвижники, дикими каштанами и желудями; но чаще они удовлетворяются милостыней отъ нѣкоторыхъ монастырей, куда приходятъ каждую недѣлю и получаютъ себѣ хлѣбъ, одежду и прочее необходимое. Иные монахи этого рода обычно ночуютъ просто подъ открытымъ небомъ благодатнаго юга, при чемъ лѣтомъ держатся на высотахъ, а къ зимѣ спускаются въ долины.

Прославленная неопрятность аеонцевъ подтверждается и авторомъ книги: „Монастырь“ (стр. 120), въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „О покоѣ тѣлесномъ въ русскомъ монастырѣ не имѣютъ много попеченія; о русскихъ баняхъ здѣсь и понятія нѣтъ; ванны и купанья вовсе не приняты въ быту монастырскомъ; болѣе строгіе подвижники, исключая священнодѣйствующихъ, даже не моютъ головы и лица; но если кто немощенъ и его болѣзненность требуетъ холодной или теплой ванны, то таковымъ дозволяется употреблять тѣ или другія. Многимъ, конечно, кажутся странными такія правила, но ихъ не долженъ чуждаться инокъ, какъ потому, что онъ, по самому своему имени, призванъ жить и чувствовать иначе, чѣмъ мірянинъ, и дѣйствовать всегда вопреки побужденіямъ страстной природы, такъ не менѣе и по уваженію къ св. отцамъ, законоположившимъ таковой путь совершеннаго иночества“. По поводу втораго аргумента извѣстно, что и нашъ лѣтописецъ Несторъ восхваляетъ препод. Θεодосія, игумена Печерскаго, за то, что „никоже видѣ воду възливающа на тѣло, развѣ токмо руцѣ умывающа“. Аеонцы считаютъ даже желательнымъ, чтобы монахъ вообще видѣлъ какъ можно рѣже свою наготу. По этой же причинѣ, а также „для всегдашней готовности къ молитвѣ, или трудамъ, или на страшный Божій судъ“, они и спятъ нераздѣтыми, въ подрясникѣ, даже въ поясѣ. Всякій, конечно, ужаснется — признаваемой даже официальнымъ аеонскимъ изданіемъ — нечистоплотности аеонцевъ. Но надо имѣть въ виду, что Востокъ вообще не отличается чистоплотностью, несмотря на знаменитость восточныхъ бань; а хваленые своею чистоплотностью поселяне Германіи и не знаютъ, что такое баня. Итакъ, беру

подъ свою защиту, по мѣрѣ возможности, аеонцевъ, несмотря на собственное ихъ признаніе. На дворѣ нашего монастыря я видѣлъ стараго монаха изъ грековъ, котораго я съ перваго взгляда принялъ-было за отца-трубочиста, такъ какъ по грязному его лицу шли черныя широкія полосы; на затылкѣ и въ бородѣ болтались колтуны. Это — фактъ; но на этого монаха другой монахъ указывалъ мнѣ чуть не пальцемъ, какъ на феноменъ своеобразнаго сподвижничества, присовокупляя: „какъ мы видѣли, вотъ два года уже не умывается и не чешется“.

Благовѣщенскій рассказываетъ о міріадахъ прыгающихъ и другихъ, болѣе флегматической породы насѣкомыхъ, а также о мышахъ, крысахъ. Во время всеобщаго бдѣнія, среди запаха ладана онъ явственно слышалъ, будто бы, запахъ клоповъ и съ ужасомъ увидѣлъ, какъ они — такіе жирные, отормленные, — прогуливались по его одеждѣ. На паразитовъ жалуется и епископъ Порфирій. Въ монашескихъ кельяхъ, — пишетъ онъ про Есфигмена, — такое множество блохъ и клоповъ, „что живыхъ васъ заѣдаютъ. Я на ночь спасался отъ нихъ тѣмъ, что, раздѣвшись до нага, влѣзалъ въ мѣшокъ, сшитый изъ двухъ простынь, и спалъ въ этомъ мѣшкѣ. Тогда оправдывалась на мнѣ латинская поговорка: *Necessitas gignit ingenium*, т.-е. нужда рождаетъ умъ-разумъ. Совѣтую всѣмъ будущимъ посѣтителемъ Аеона запастись пузыремъ великой рыбы кита, и въ этомъ кабинетѣ работать днемъ и спать ночью“. Не стану оспаривать авторовъ, изъ которыхъ одинъ прославился своими популярными очерками, а другой — учеными изысканіями объ Аеонѣ; но позволю себѣ замѣтить, что въ посѣщенныхъ мною русскихъ аеонскихъ монастыряхъ, и въ соборахъ, и въ гостинницахъ, клоповъ я никогда не видалъ, хотя и обращалъ на это вниманіе въ виду литературныхъ указаній. Быть можетъ, эти указанія въ печати надъ аеонскою нечистоплотностью не преминули оказать свое дѣйствіе на русскіе монастыри.

Изъ всѣхъ постановленій аеонскаго устава нашу публику несомнѣнно болѣе всего интересуеъ запретъ женщинамъ доступа не только въ обители, но и вообще на монастырскую территорію. За соблюденіемъ этого запрета каждымъ изъ монастырей ревностно слѣдятъ всѣ остальные и протатъ. Запретъ не допускаетъ никакихъ изъятій. Даже великая княгиня Александра Петровна, прибывъ къ берегамъ Аеона, на возвратномъ пути изъ Италіи, простояла цѣлую недѣлю у пристани Русика, посылая своихъ пѣвчихъ на литургію въ монастырь и могла только пригласить игумена служить на пароходѣ. Турецкимъ чиновникамъ предо-

ставляется содержать свои гаремы за монастырскою чертою, хотя бы въ ближайшемъ городкѣ Эриссѣ, отстоящемъ отъ Горы часа на два пути. Такой запретъ противъ женщинъ выражаетъ собою официальное и вмѣстѣ чистосердечное призваніе слабости человѣческой натуры, опасющейся искушеній и соблазна, и мотивируется слѣдующимъ образомъ. Въ греческой книжкѣ врача Іоанна Комнина есть цѣлое повѣствованіе, объясняющее такой запретъ, а оттуда оно дословно переведено нашимъ паломникомъ Барскимъ. Суть его заключается въ томъ, что дочь Θεодосія, Плакидія, отправилась въ 382 г. на поклоненіе къ святынямъ Аѳона; при входѣ въ церковь Ватопедскаго монастыря она услышала голосъ: „стой, не иди далѣе да не пострадеши злѣ“. Царица въ страхѣ пала ницъ и покинула гору. Съ тѣхъ поръ будто и было постановлено мѣстнымъ монашествомъ женщинъ вовсе не пускать на Аѳонъ. Порфирій подробно разобралъ это сказаніе о посѣщеніи Ватопедскаго монастыря благочестивою царицей. Оказывается, что она дѣйствительно совершила путешествіе моремъ изъ Рима въ Византію; при чемъ путь ея лежалъ мимо Аѳонскаго полуострова, въ виду Ватопедской пристани и храма, тутъ же недавно устроеннаго роднымъ ея дядей Гonorіемъ, по случаю спасенія его сына отъ потопленія въ Эгейскомъ морѣ. Помолиться въ этомъ родственномъ храмѣ было свойственно набожной Плакидіи, тѣмъ болѣе, что и сама она сверхъ чаянія спаслась отъ гибели въ Адриатикѣ. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что Плакидія была у Ватопедскаго храма. Событіе это исторически должно быть отнесено только не къ 382, а къ 423 году; но и отъ этой поправки дѣло не измѣняется въ пользу остальныхъ частей преданія, ибо и въ это время Аѳонъ еще не былъ владѣніемъ исключительно монаховъ; народонаселеніе его было мірское, смѣшанное, языческое и христіанское,—и монастырей тамъ еще вовсе не было.

Для характеристики того, до чего аѳонцы чуждаются всего женскаго, Благовѣщенскій (стр. 50) приводитъ, будто въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи, рѣшаясь молиться за церковными службами о здравіи царственныхъ домовъ, вычеркиваютъ при этомъ изъ списка всѣ женскія имена. Въ настоящее время, специально для русскихъ по крайней мѣрѣ обитателей, я этого показанія подтвердить не могу: здѣшніе русскіе монахи молятся за нашъ царствующій домъ совершенно такъ же, какъ это дѣлается въ Россіи.

При отрицательномъ отношеніи аѳонцевъ ко всему мірскому, удивительно только то, что въ Хиландарскомъ монастырѣ, населенномъ нынѣ по преимуществу болгарами, показываютъ вино-

градную лозу, плодамъ которой цѣломудренныя иноки приписываютъ цѣлебную силу, особенно для бездѣтныхъ супруговъ. Лоза находится съ наружной стороны храма и выросла изъ могилы, въ которой нѣкогда почивало нетлѣнное тѣло св. Симеона (Путевод., изд. Пантел. монастыря, стр. 67).

Извѣстный уже намъ запретъ держать самокъ домашнихъ животныхъ соблюдается, повидимому, и теперь въ большой строгости. Въ прежнія времена, еще при Благовѣщенскомъ (стр. 44), на Аеонъ не допускались и мальчики; лишь въ нѣкоторыхъ штатныхъ монастыряхъ опытнымъ старцамъ, въ видѣ исключенія, дозволялось брать мальчиковъ-сиротъ для воспитанія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи произошла значительная перемѣна: въ числѣ рабочихъ болгаръ Пантелеймоновскаго монастыря состоятъ нынѣ десятка два мальчиковъ.

Въ настоящее время, когда паломничество на Аеонъ потекло такимъ обильнымъ потокомъ, всѣмъ и каждому стало извѣстно, что туда женщины не пускаются. Не то было лѣтъ тридцать тому назадъ, при первомъ возникновеніи пароходнаго сообщенія. Благовѣщенскій, какъ очевидецъ, упоминаетъ о паломникахъ, пріѣхавшихъ съ цѣлью поклониться святынь. „Батюшки! голубчики!—кричатъ онѣ во всю мочь, столпившись на пароходной палубѣ:—дайте хоть землицы-то аеонской на память! Пришлите чѣточекъ, родные!“ и т. п.

Тотъ же писатель рассказываетъ (стр. 53) слѣдующій эпизодъ, бывшій при немъ же. Съ парохода вмѣстѣ съ поклонниками сошла на берегъ Русика и жена пароходнаго капитана, женщина молодая и красивая. Одѣтая очень изящно и окруженная толпою морскихъ офицеровъ, она весело подошла къ монастырскимъ воротамъ. Монахи въ ужасѣ и съ угрозами захлопнули ворота передъ самымъ носомъ красавицы. Произошелъ крупный разговоръ между монахами и капитаномъ. Капитанъ обѣщалъ-было жаловаться, но долженъ былъ умолкнуть передъ напоминовеніемъ объ извѣстномъ всему свѣту аеонскомъ уставѣ, которому подчиняются даже турки. Дама же, на зло монахамъ, подъ-руку съ какимъ-то франтомъ, обошла кругомъ всего монастыря, освѣжилась аеонскою водою, нарвала цвѣтовъ, а потомъ сѣла отдыхать противъ воротъ монастырскихъ, лорнируя встрѣчныхъ монаховъ. „Искушеніе! искушеніе!“ Отшельники взволновались; многіе взяли за камни, и начальству стоило не мало труда успокоить и разогнать братію. Дама, вѣроятно, слышала весь этотъ шумъ, но не сошла съ мѣста, и лишь дождавшись своей компаніи, также спокойно удалилась на пароходъ. Но Аеонъ считалъ себя оскорбленнымъ и принялъ

случившееся вскорѣ затѣмъ землетрясеніе за проявленіе Божьяго гнѣва, каравшаго вообще за пріютъ мірскихъ пароходовъ. Другой, подобнаго рода, случай былъ при томъ же Благовѣщенскомъ, у Діонисіатскаго монастыря. Недалеко отъ монастыря присталъ англійскій пароходъ, и какой-то лордъ со своей супругой вздумали прогуляться по берегу. Монахи, давно слѣдившіе за пароходомъ, встрѣтили непрощенныхъ гостей камнями и дубинами въ рукахъ и едва не поколотили ихъ. Лордъ и лэди поспѣшили убраться.

Впрочемъ, нерасположеніе аеонцевъ къ женщинамъ не такое уже безмѣрное и безгранично-фанатическое, какъ то можно было бы заключить изъ только-что сообщеннаго. Такъ, въ г. Эриссѣ молодая поселянка рассказывала тому же Благовѣщенскому (стр. 170), какъ она проживала на Святой Горѣ: во время крымской войны множество окрестныхъ поселянъ со своими женами и дѣтьми, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, бродили по Святой Горѣ, спасаясь отъ ярости турокъ. Монахи обошлись съ ними хорошо, и во все это время выдавали имъ пищу изъ своихъ запасовъ, обязавъ только клятвою всѣхъ женщинъ не подходить близко къ монашескому жилищу.

Большой контингентъ на Аеонѣ лицъ, преданныхъ болѣе или менѣе строгому исполненію суроваго устава съ его послушаніями, бдѣніями, постами, умѣряемыми въ своихъ послѣдствіяхъ только отчасти теплымъ климатомъ, съ его воздержаніемъ, уже а priori рисуютъ намъ неблестательное общее санитарное состояніе аеонскаго населенія. И дѣйствительно, между общежителниками, и подавно между пустыннониками, здоровые субъекты представляютъ собою большое исключеніе. Желтыя, изможденные, изборожденные морщинами лица и дряблые мускулы рѣшительно преобладаютъ. Аеонцы вообще представляются не по годамъ старыми. Процентъ пребывающихъ въ больницахъ немѣрно великъ. Болѣзни, находящіяся въ связи съ переутомленіемъ, съ упадкомъ питанія, съ продолжительнымъ стояніемъ (расширеніе венъ), естественно, преобладаютъ. Попадаются, какъ вообще на Востокѣ, проказенные, и для нихъ издавна существуетъ при Иверскомъ монастырѣ больница или пріютъ.

О постановкѣ на Аеонѣ лечебнаго дѣла весьма подробно повѣствуетъ Благовѣщенскій. Такъ, онъ упоминаетъ о дѣйствительно и нынѣ любимомъ аеонцами народномъ средствѣ — регальномъ маслѣ. „Регаль — трава, поясняетъ онъ, изъ которой добываютъ жгучее масло, въ родѣ *купороснаго*“. Простимъ беллетристу его слабыя представленія о химіи и ботаникѣ: благодаря имъ, онъ могъ не вспомнить сходства регальнаго масла съ мятнымъ, и хватилъ черезъ край; но послушаемъ его характеристику лечеб-

ницъ. Въ аптекахъ при лечебницахъ онъ не видалъ даже вѣсовъ и гирь; а тамъ, гдѣ нѣтъ врача или онъ находится въ отсутствіи, самому больному вручаютъ ключъ отъ аптеки, и онъ, помолившись, самъ себѣ выбираетъ лекарство. Принимая такое повѣствованіе просто за анекдотъ или, въ лучшемъ случаѣ, за единичное происшествіе, я тѣмъ не менѣе съ предубѣжденіемъ переступалъ пороги лечебницъ Пантелеймоновскаго монастыря, — единственныхъ, впрочемъ, которыя мною были осмотрѣны. Лечебницъ тутъ не менѣе четырехъ. Изъ нихъ двѣ спеціально предназначены для греческой братіи и завѣдуются лекарями-самоучками, изъ монаховъ, конечно. Не зная языка, я не могъ вступить съ ними въ бесѣду и разузнать что-нибудь о ихъ врачебномъ искусствѣ. Но я повторно заходилъ въ двѣ русскія лечебницы, куда меня какъ-то попросили однажды и для медицинскаго совѣта. Одна изъ нихъ предназначена для неизлечимо и хронически больныхъ иноковъ и для мірянъ — рабочихъ и поклонниковъ; другая — исключительно для монаховъ. При ней состоитъ и аптека, очень хорошо устроенная, съ обычной въ аптекахъ, хотя и нероскошной — въ родѣ сельской — обстановкой. Она снабжена всѣмъ необходимымъ; по срединѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, вѣсы, а при нихъ и разновѣски. Готовить лекарства и лечить больныхъ монаховъ среднихъ лѣтъ, бывшій нашъ военный фельдшеръ, и, надо отдать ему справедливость, лечитъ обычными у современныхъ врачей средствами. Но отчего бы такому богатому монастырю не пригласить свѣдущаго врача? Сами заправили монастыря, правда, имѣли это въ виду, но говорили, что рѣдкій врачъ согласится на аеонское заточеніе. Къ тому же съ его стороны потребовались бы нѣкоторыя уступки монастырскому режиму, несомнѣстными съ требованіями діететики, особенно по отношенію поддерживающей мясной пищи. Впрочемъ, возможна и другая точка зрѣнія, которой и для себя лично придерживался, до недавней серьезной болѣзни, какъ говорятъ, гр. Л. Н. Толстой, — точка зрѣнія фаталистическая — слѣпой вѣры въ непредотвратимость всего ниспосылаемаго Провидѣніемъ. Для инока, всѣ стремленія котораго должны быть направлены на уничтоженіе плоти, на покаянную смерть и жизнь загробную, всякія попеченія о жизни тѣлесной должны быть суетны, грѣшны, да и тщетны.

Такимъ образомъ, болѣе тысячелѣтія на небольшой территоріи живетъ „вѣчный народъ, въ которомъ никто не рождается“, живетъ — и умираетъ. Но гдѣ же ожидаемая вами обширная аеонскія кладбища? Кладбищъ какъ будто совсѣмъ нѣтъ. Вы наводите справку, и вамъ тогда показываютъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за оградой монастыря, мѣстечко, иногда совсѣмъ оголенное, иногда усаженное

кипарисами или другими деревьями. На едва замѣтныхъ могильныхъ насыпахъ однообразные тонкіе черные крестики обѣ одной перекладинѣ, вышиною всего въ какой-нибудь аршинъ. На крестахъ незатѣйливая надпись: „монахъ, іеромонахъ, схимонахъ такой-то“ (монашеское имя и мірская фамилія), а также день смерти; или же: „мірянинъ такой-то“, если это паломникъ или вольнонаемный работникъ. На монастырь, существующій многія столѣтія и населенный сотнями монаховъ, приходится всего нѣсколько десятковъ могилъ! даже при Пантелеймоновскомъ монастырѣ, гдѣ кладбище расположено на нѣсколькихъ террасахъ, я насчиталъ ихъ приблизительно всего только около сотни. Дѣло объясняется очень просто существованіемъ на Аѳонѣ стародавняго, практикуемаго также въ Италіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ католической средней Европы, обычая предавать покойниковъ землѣ лишь на нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ сохранять ихъ кости уже въѣ земли. Я видѣлъ свѣже выкопанную про запасъ могилу. Она имѣла въ глубину ровно аршинъ съ четвертью: на такой ничтожной, едва ли допускаемой санитарными правилами, глубинѣ здѣсь зарываются мертвые тѣла! Въ изголовьи могилы помѣщалось три плоскихъ камня: одинъ лежащій плашмя и два поставленныхъ на ребро по бокамъ перваго. Четвертый въ свое время накрывается сверху. Камни эти образуютъ небольшой какъ бы ящикъ для принятія и защиты только головы покойника, который предается землѣ безъ гроба, зашитый, вмѣстѣ съ головою и ногами, въ черный саванъ съ бѣлыми крестами въ головѣ и ногахъ. Черезъ три года кости покойника выкапываются, обмываются водою и переносятся въ усыпальницу. На одномъ изъ кладбищъ валялись человѣческія кости въ полномъ небреженіи. Впрочемъ, не особенный почетъ ожидаетъ бранные останки рабовъ божьихъ и въ усыпальницѣ. На Campo Santo въ Неаполѣ устраиваются красивыя мраморныя мавзолеи съ нишами, заставляемыми мраморными же плитами съ надписями, чьи тутъ покоятся кости. Но очень далеко отъ этого видѣнныя мною аѳонскія усыпальницы! Представимъ себѣ небольшое зданіе изъ дикаго камня длиною, примѣрно, въ 3—4 саж., а шириною въ 2—2½, со сводомъ. Въ одномъ изъ монастырей усыпальница даже не представляетъ особаго зданія, и надъ нею помѣщается какой-то амбаръ или чуланъ ¹⁾. Самое помѣщеніе усыпальницы — тѣсное, низкое, со штукатуркой, тре-

¹⁾ Лишь впоследствии я узналъ изъ путеводителя, что этотъ чуланъ съ его деревянной наружной куриной лѣстничкой, съ наружной же ветхой галерейкой, на перилахъ которой сушились тряпки, — часовня, въ которой ежедневно совершается литургія, а въ каждую пятницу панихида по всѣмъ усопшимъ.

бующей новой окраски. У задней стѣны — простыя досчатыя полки, какія устрояются въ книжныхъ складахъ и другихъ кладовыхъ, а спереди ихъ, по срединѣ укрѣплена икона съ неугасимой лампадой. На полкахъ въ нѣсколько рядовъ выставлены побурѣвшіе черепа съ надписями на лбу, кому они принадлежали, а иногда и безъ надписи. Нижнихъ челюстей при черепахъ не полагается. Онѣ, вмѣстѣ съ остальными костями остова, свалены въ хаотическомъ безпорядкѣ въ большой ларь сбоку около входныхъ дверей. Поверхъ этой груды костей въ одной изъ усыпальницъ валялась грязная тряпка, порванное рѣшето и конецъ какой-то доски. Еще въ одной изъ видѣнныхъ мною усыпальницъ ларь былъ предназначенъ только для болѣе мелкихъ костей; длинныя же кости конечностей были сложены какъ полѣнья дровъ. Бывшій со мною препараторъ, человѣкъ изъ простаго званія, но очистившій и связавшій на своемъ вѣку не мало скелетовъ, а потому не вполнѣ испытывающій суевѣрія темной массы, и тотъ съ негодованіемъ отвернулся отъ таковаго, можно сказать, жестокаго, лишеннаго всякой иллюзіи, обращенія съ бранными останками людей. У всякаго вѣрующаго въ воскресеніе плоти созерцаніе подобной безпорядочной груды костей легко можетъ вызвать соблазнительную картину... При усыпальницѣ числится монахъ; но чтобы онъ жилъ въ самой усыпальницѣ, среди затхлыхъ мертвыхъ головъ, какъ то сообщаетъ Благовѣщенскій, — этого я не видалъ и про это даже и не слыхалъ.

VI.

Аеонское иночество основалось и развилось попеченіями византійскихъ императоровъ. Благодаря имъ, монастыри приобрѣли крупную земельную собственность, солидные капиталы и вѣрныя оброчныя статьи. Бывали для нихъ, конечно, тяжелыя годы; но въ общемъ монастырямъ жило хорошо, и помѣстья, казалось, навсегда обезпечивали ихъ. Съ нашествіемъ турокъ дѣло измѣнилось; началась конфискація ихъ земельной собственности. Такъ, въ 1568 г. султанъ Селимъ отнялъ у всѣхъ аеонскихъ монастырей принадлежавшія имъ имѣнія въ его царствѣ. Съ той поры они начали посылать въ православный міръ такъ-называемыхъ *таксирiarховъ*, т.-е., сборщиковъ милостыни, а эти сборщики приводили съ собою на Аеонъ толпы поклонниковъ, какъ это дѣлается и въ наши дни ¹⁾. Каждый монастырь принималъ ихъ съ волоколь-

¹⁾ Въ связи съ развитіемъ клиторства еп. Порфирій ставитъ стремленіе монастырей издавать себя болѣе древними, нежели они были на самомъ дѣлѣ. „Знаменитая

нымъ звономъ, угощаль какъ можно лучше, показывалъ имъ свои святыни, прославлялъ своихъ древнихъ ктиторовъ и приглашалъ зажиточныхъ богомольцевъ быть новыми ктиторами въ тяжкіе годы Аѳона—говоритъ Порфирій. Въмѣстѣ съ тѣмъ аѳонцы умѣли себѣ находить и новыхъ вѣнценосныхъ и невѣнценосныхъ ктиторовъ, причемъ пріобрѣтались и новыя помѣстья, отчасти въ предѣлахъ той же турецкой имперіи, въ особенности въ окрестностяхъ Аѳона, отчасти въ другихъ государствахъ Балканскаго полуострова и въ Россіи (самыя значительныя имѣнія въ Россіи приходятся на долю Ивера—въ Москвѣ, и Зографа—въ Бессарабіи. Въ 1865 г. румынскій князь Куза представилъ спеціально для того собравшейся въ Константинополѣ конференціи свое предложеніе о конфискаціи аѳонскихъ монастырскихъ имѣній въ Румыніи. Предложеніе было принято и приведено въ исполненіе, а въ пользу монастырей выданъ выкупъ въ 7½ миллионъ рублей, далеко не соответствовавшій фактической стоимости имѣній. Всему этому дѣлу предшествовали слухи и переговоры, во время которыхъ аѳонцы обратились къ европейскимъ державамъ съ представленіями и ходатайствами, указывали на свои царственныя записи, въ коихъ всякій, дерзнувшій посягнуть на монастырскую собственность, предается страшнымъ проклятіямъ (см. Благовѣщенскій, стр. 175). Какъ слышно, удѣлѣвшія въ другихъ странахъ монастырскія помѣстья управляются большею частью безъ знанія дѣла и нерѣдко служатъ источникомъ личнаго обогащенія завѣдующихъ. Тѣмъ не менѣе помѣстья эти составляютъ въ настоящее время почти исключительный источникъ доходовъ монастырей не-русской національности. Другіе доходы оскудѣли и сами по себѣ невѣрны. Въ штатныхъ монастыряхъ съ каждаго вновь поступающаго берутъ вкладъ, сколько кто можетъ дать по состоянію; въ общежитіяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, не признаются правъ личной собственности,— все имущество общее.

лавра аѳонская, эта мать всѣхъ тамошнихъ обителей, — пишетъ онъ, — затѣвала остальныхъ своимъ первенствомъ. А затѣвнѣе никому не любо, да и не выгодно. И вотъ, Ксиропотамъ и Есфигменъ возобновили молву, что они построены еще царицею Пульхеріею († 452 г.), гораздо ранѣе этой лавры. Ватопедъ и Кастамонітъ выбрали себѣ въ ктитори Константина Великаго. Каракалъ зашелъ еще далѣе: онъ припомнилъ римскаго императора Антонія Каракалла и провозгласилъ его строителемъ своимъ, не справляясь, что онъ былъ идолопоклонникъ, нерасположенный къ христіанамъ. Сосѣдній съ Иверомъ монастырь Филофеевскій зашелъ еще далѣе: онъ объявилъ, что на мѣстѣ его стояла епископія, основанная еще Богоматерью. Другіе монастыри, которыхъ позднее появленіе было общезвѣстно, пріискали себѣ другихъ царственныхъ ктиторовъ... и сочинили грамоты и повѣсти, которыхъ поддѣльность облчается надписями и актами аѳонскими же“.

Но число вновь поступающихъ въ монастыри не-русскихъ въ общемъ уменьшается. Еще Благовѣщенскому (стр. 180) сами сборщики рассказывали, „что благочестіе народное на Востокѣ до того умалилось, что приходится собирать только подъ страхомъ проклятія небеснаго“. Съ той поры благочестіе на Востокѣ во всякомъ случаѣ не увеличилось, а еще, должно быть, пало, что происходитъ уже изъ крайне слабаго посѣщенія Аеона поклонниками съ Балканскаго полуострова. Численно сократившееся за послѣднія десятилѣтія не только греческое, но и вообще не-русское аеонское иночество находитъ главные и почти исключительные ресурсы въ стародавнемъ имуществѣ. Прямо противоположное усматривается на обителяхъ русскихъ. Онѣ отчасти недавняго происхожденія, отчасти недавно возродились изъ полного разоренія, а нынѣ усиленно стремятся къ неустанному расширенію и упроченію. Для такого прогресса онѣ еще не успѣли достаточно обезпечить себя поземельною собственностью, но тѣмъ успѣшнѣе идутъ денежные сборы въ ихъ пользу по Россіи. Разрѣшеніе на эти сборы дается нашимъ синодомъ; производятся же они либо черезъ прѣзжающихъ съ Аеона монаховъ, либо путемъ рассылаемыхъ повсемѣстно по почтѣ печатныхъ и литографированныхъ воззваній. Практикуются и другіе, принятые въ отечественныхъ монастыряхъ, способы къ привлеченію суммъ, какъ-то: добровольныя пожертвованія поклонниковъ, плата по особой печатной таксѣ за молебны и за поминовеніе вѣчное или временное благодѣтелей и постороннихъ. Сколько ушло русскихъ денегъ на Аеонъ и сколько ихъ уходитъ еще ежегодно—мы не знаемъ. Извѣстно ли это кому-либо и подлежитъ ли вообще контролю? Имѣетъ ли нашъ синодъ средства слѣдить за притокомъ суммъ на Аеонъ, гдѣ, повидимому, не ведется официальныхъ приходо-расходныхъ книгъ и контроль весьма труденъ? Мнѣ неловко было выпытывать у гостепріимныхъ хозяевъ цифровыя данныя; по всѣмъ признакамъ можно заключить, что ежегодные сборы выражаются весьма крупными суммами.

Конечно, происшедшее при мнѣ могло быть и дѣломъ чисто случайнымъ и исключительнымъ; такъ, я самъ засталъ на Аеонѣ саратовскаго купца, пожертвовавшаго Пантелеймоновскому собору богатый иконостасъ московской работы, взамѣнъ сгорѣвшаго во время недавняго пожара, и цѣлый комплектъ богатѣйшихъ ризъ, всего тысячъ на тридцать. Добродушный старичокъ въ поношенномъ, потертомъ сюртучикѣ—и такое пожертвованіе! Онъ, видно, изъ скромности и смиренія, довольствовался общей братской трапезой и всего только разъ обѣдалъ за трапезой привилегирован-

ныхъ. Зато съ какимъ почетомъ провожали его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу уѣзжавшую одновременно маленькую компанію! Въ видѣ исключенія, даже пароходъ остановился не у пристани Дафни, а противъ самаго монастыря: видно, распоряженіе объ этомъ по телеграфу было передано въ Солунь. Среди ночи насъ будятъ, ведутъ въ главный соборъ, а оттуда мы торжественно шествуемъ со свѣчами, иконами, хоругвями, при гѣніи и колокольномъ звонѣ. Передъ монастырскими воротами служитъ молебствіе; затѣмъ слѣдуютъ проводы со свѣчами на самый молъ къ лодкѣ. Старичокъ, сдѣлавшій тридцати-тысячное пожертвованіе, ѣхалъ скромно во второмъ классѣ, и даже въ этомъ видѣлъ роскошь, уступку годамъ, не позволяющимъ ѣхать на палубѣ. Было любопытно узнать его взглядъ на формы благотворительности. Оказалось, что вышею, единственно спасительною онъ признаетъ лишь избранную имъ. На Аеонѣ онъ былъ во второй разъ, и даже подумываетъ современемъ принять тамъ постриженіе. Впослѣдствіи я прочелъ въ газетахъ извѣстіе о завѣщаніи тифлисскимъ инженеромъ Пашкевичемъ болѣе 50.000 р. и каменнаго двухъ-этажнаго дома, цѣнностью въ нѣсколько десятковъ тысячъ, въ пользу кавказскаго выселка Пантелеймоновскаго монастыря.

Авторъ книги „Монастырь“ посвящаетъ отдѣльную главу средствамъ Пантелеймоновскаго монастыря. Онъ напоминаетъ, что нѣкогда эта обитель располагала богатою поземельною собственностью, указываетъ, что нынѣшніе три метоха, расположенные по одному на святогорскомъ ¹⁾ и кассандрійскомъ полуостровахъ и въ окрестностяхъ Солуны, при своемъ небольшомъ протяженіи и каменистой почвѣ, производятъ слишкомъ мало (маслины, винограда и хлѣба) для прокормленія многочисленной братіи. Немалое значеніе авторъ зато придаетъ доходамъ съ Пантелеймоновской часовни въ Москвѣ. Часовня эта, основанная въ 1873 году, „постоянно посѣщается усердными богомольцами, по желанію коихъ почти непрерывно служатся молебны находящимися при ней іеромонахами, присланными съ Аэона“. За всѣмъ тѣмъ монастырь поддерживается „собственно только присылаемыми изъ Россіи приношеніями добрыхъ людей“. Изъ этого одного легко убѣдиться, что и возвратомъ метоховъ, да и всѣмъ вообще, отъ первой до послѣдней копѣйки, онъ обязанъ русскимъ деньгамъ.

¹⁾ Земли монастыря на самомъ Аеонѣ простираются (по Красковскому) въ длину верстъ на пятнадцать и въ ширину верстъ на восемь, если не болѣе. Послѣдняя цифра, во вниманіе къ поперечнику полуострова, мнѣ кажется нѣсколько преувеличенною.

Изъ числа монастырскихъ метоховъ образцомъ благоустройства можетъ считаться такъ-называемая Кромница — участокъ въ десять верстъ окружности, расположенный на самой границѣ монашеской территоріи. Онъ тянется отъ берега залива по горной возвышенности и образуетъ зеленую поляну съ расположенными на ней обширными хозяйственными постройками и кельями на 100 чело-вѣкъ, составляющихъ собою какъ бы цѣлый скитъ. Видъ оттуда прекрасный на море, конечно, на Македонскія горы и на Олимпъ. Виноградные, масличные и фруктовые сады — главное богатство этого клочка земли, который всею своею культурою обязанъ порядительности и предприимчивости архимандрита Макарія: нельзя не отдать ему полной справедливости. По прекраснымъ дорогамъ метохъ сообщается съ берегомъ, гдѣ имѣются цѣлыхъ двѣ пристани, съ молами, сараями для судовъ и жилыми постройками. Кромница даетъ въ годъ около восемнадцати тысячъ ведеръ вина и едва ли не столько же оливковаго масла: это, если переложить на деньги, составитъ цѣлый капиталъ, даже считая ведро (20 бут.) вина и масла по несуществующей цѣнѣ 1 р. Въ Ейскѣ, на Азовскомъ морѣ, этотъ монастырь имѣетъ свой рыбный заводъ. Приготовляемая у насъ соленая и вяленая рыба и икра отчасти поступаютъ въ продажу, большею же частью доставляются на Аеонъ на собственномъ бригѣ. Съ этимъ бригомъ, впрочемъ, въ прошломъ году въ Босфорѣ приключилась аварія: на него нанесло теченіемъ англійскій пароходъ. Мнѣ показывали торчащія изъ воды корму съ мачтой; но монахи не теряютъ надежды получить вознагражденіе и предъявили искъ противъ англичанъ. Кромѣ этого брига, монастырь владѣетъ еще двумя парусными судами меньшихъ размѣровъ (магунами), на которыхъ поддерживается сообщеніе съ метохами, перевозятся жизненные припасы и всякаго рода товары, и однимъ пароходикомъ для каботажна парусныхъ судовъ въ затишье и для быстрыхъ сношеній съ окрестностями. Изъ числа другихъ аеонскихъ обителей еще только русскій Андреевскій скитъ обладаетъ магунами въ числѣ двухъ; греческіе же и иные монастыри собственныхъ судовъ въ настоящее время не имѣютъ. Самостоятельный аеонскій флотъ, упоминаемый нѣкоторыми авторами, уже отошелъ въ область исторіи.

Признакомъ благосостоянія русско-аеонскихъ обителей должны считаться ихъ развѣтвленія и за предѣлами полуострова. У нихъ свои подворья въ Константинополѣ, Солунѣ, Одессѣ и Петербургѣ; да и „Новый Аеонъ“ на западномъ берегу Кавказа, близъ Сухума, не что иное, какъ выселокъ аеонскаго Пантелеймоновскаго, и управляется оттуда.

Паптелеймоновцы—прекрасные хозяева. Все у нихъ благоустроено и на широкую ногу. Ихъ монастырь—цѣлое многолюдное селеніе, въ которомъ я насчиталъ болѣе двадцати построекъ; но имъ и этого мало: они сооружаютъ еще огромный трехъ-этажный корпусъ подъ страннопріимный домъ, къ двумъ уже существующимъ гостинницамъ. И какихъ тутъ нѣтъ хозяйственныхъ, ремесленныхъ и другихъ заведеній, помѣщающихся отчасти въ особнхъ зданіяхъ. Вотъ казарма для вольнонаемныхъ рабочихъ, конечно, изъ болгаръ, число которыхъ, смотря по обстоятельствамъ—наличнымъ работамъ—колеблется между одной и двумя, если не ошибаюсь, сотнями. Тутъ же, по сосѣдству, скотный дворъ съ конюшнями и хлѣвами для воловъ и муловъ. Въ неизбежной монастырской лавкѣ, кромѣ мѣра, четокъ, образовъ, продается множество книгъ, брошюръ и альбомовъ собственного изданія. Въ пекарнѣ съ просфорнымъ заведеніемъ тѣсто мѣсится машиной. Имѣется свой собственный кожевенный заводъ, снабжающій башмачную мастерскую. Въ послѣдней производится ежедневно, говорятъ, по 150 паръ башмаковъ. Въ башмачной этой, равно какъ и въ швальнѣ, работаетъ постоянно по 20 и 30 человѣкъ, большею частью монаховъ. Много народу занято и въ столярныхъ мастерскихъ съ рѣзнымъ отдѣленіемъ. Мастерскія эти помѣщаются въ *двухъ* флигелькахъ, въ два этажа каждый. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о кузницѣ, въ которой работаютъ, однако, только міряне-болгары,—о слесарнѣ, красильнѣ, свѣчномъ заводикѣ. Маслобойня для выжиманія оливковаго масла занимаетъ отдѣльный домикъ. Есть по близости и водяная мельница. Поотдалъ для безопасности выстроено отдѣльное зданіе для храненія исключительно керосина, что даетъ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ потребленія этого продукта. На самомъ берегу, около пристани, пакгаузы для привозимыхъ на судахъ товаровъ. Тамъ же на берегу и рабочій домикъ, обитаемый нѣсколькими монахами-рыболовами; но то, что ими ловится, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что при мнѣ, на святой, подвозилось ежедневно греческими рыбаками, заковтрафованными монастыремъ. Цѣлыми баркасами рыба поступала въ громадныя монастырскія котлы: надо же было чѣмъ накормить не только тысячу своихъ голодныхъ ртовъ, но и массу нахлынувшихъ паломниковъ и пустынниковъ: въ Свѣтлое Воскресенье трапеза была набираема нѣсколько разъ. Въ этотъ день роздано 10.000 пасхальныхъ яицъ; всего же на пасху такихъ яицъ было припасено 80.000 штукъ. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что монастырь позволяетъ себѣ даже такую

роскошь, какъ собственная фотографія, для которой выстроенъ отдѣльный двухъ-этажный флигелекъ.

Андреевцы по отношенію къ прочнымъ, постояннымъ ресурсамъ, далеко не могутъ сравниться съ пантелеймоновцами: метохъ (хуторовъ) у нихъ не имѣется. Въ виду этого—мнѣ говорили—они обходятся Россіи еще дороже пантелеймоновцевъ, тѣмъ болѣе, что въ предпріимчивости стараются подражать послѣднимъ. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣлствуетъ произведенная въ 1867 г., въ присутствіи великаго князя Алексѣя Александровича, закладка новаго монументальнаго храма. Правда, лишь тринадцать лѣтъ спустя имъ удалось фактически приступить къ постройкѣ, и постройка подвигалась такъ туго, что храмъ ко времени моего посѣщенія успѣлъ вырасти изъ земли всего на нѣсколько аршинъ. Къ тому же работы оказались приостановленными на неопредѣленное время. Зато андреевцы предприняли другія, болѣе производительныя сооруженія. Въ Константинополѣ, близъ галатской набережной, при мнѣ клали фундаментъ новому подворью, подъ которое земля покупалась по баснословной цѣнѣ, по нѣскольку сотъ, — если память мнѣ не измѣняетъ, — кажется, по 500 рублей за сажень. Нынѣ, какъ слышно, уже успѣлъ тутъ вырасти цѣлый палаццо. Далѣе, въ Петербургѣ андреевцы строятъ свой храмъ въ память 17-го октября.

VII.

Когда рѣчь заходитъ объ аеонскихъ монахахъ, обыкновенно изъ первыхъ предлагается вопросъ объ общемъ интеллектуальномъ ихъ уровнѣ и о контингентѣ лицъ съ образованіемъ. Приходится самому затронуть и здѣсь этотъ вопросъ, хотя я рѣшительно не въ состояніи дать на него опредѣлительный, основанный на цифровыхъ данныхъ отвѣтъ. О монашествующихъ не-русской національности не могу судить даже по общему впечатлѣнію, какъ за незнаніемъ ихъ языка, такъ и потому, что слишкомъ мало съ ними встрѣчался. Что же касается монаховъ русскихъ, то громадное большинство ихъ, несомнѣнно, изъ простого народа, и, можно догадываться, процентное число лицъ интеллигентныхъ, какъ и въ отечественныхъ монастыряхъ, выражается лишь единицами. Само собою разумѣется, что эти „интеллигенты“ выдвигаются на первый планъ, занимаютъ должности священнослужителей, духовниковъ и являются заправилами монастырей. Съ удовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ изъ монаховъ, людяхъ

не только культурныхъ, но и образованныхъ, съ которыми хотѣлось бы еще разъ въ жизни встрѣтиться. Вотъ, напр., бодрый, пожилой монахъ, бывшій итальянскій маркизъ, де-Грегорио. Онъ вѣкогда состоялъ преподавателемъ литературы при неаполитанскомъ университетѣ. Что привело его сюда на Аѳонъ? „*Этотъ у насъ не останется*“, — выразилъ свое личное мнѣніе одинъ изъ братіи; но почему онъ такъ думалъ? Далѣе, вотъ, хотя бы и тотъ бывшій полковникъ русской службы, участникъ турецкой кампаніи, о которомъ попутно была уже рѣчь; вотъ и о. библіотекаръ Пантелеймоновскаго монастыря; вотъ и о. архидіаконъ того же монастыря, большой умникъ и шутникъ, умбющій весьма ловко отдѣлаться отъ всякихъ намековъ на свое мірское прошлое; далѣе, даровитый духовникъ о. Рафаиль, дворянскаго рода; о. Наѳанаиль, членъ протата, дипломатъ съ ногъ до головы: совершенно вѣрно характеризуетъ его Красковскій (стр. 84), какъ человѣка весьма способнаго, быстро изучившаго „въ совершенствѣ не только греческій языкъ, но и всю греческую аѳонскую премудрость“; да еще и многіе другіе.

Что дѣлается на Аѳонѣ для просвѣщенія преобладающаго темнаго монашескаго люда? Кажется, безошибочно можно отвѣтить: почти-что ничего; да при современномъ строѣ монастырской жизни, изъ-за службъ и послушаній, и учиться некогда. Школъ при монастыряхъ не полагается. Единственное учебное заведеніе на весь Аѳонъ—это эллинское богословское училище, занимающее съ 1844 г. особый домъ въ Кареѣ. Въ него принимаются отъ каждаго изъ монастырей по два молодыхъ монаха, такъ что общее число учащихся не превышаетъ немногіе десятки. Въ прежнія времена дѣло богословскаго образованія на Святой-Горѣ было поставлено гораздо лучше, нежели въ нынѣшнемъ учебномъ заведеніи, не представляющемъ ничего выдающагося.

Жившій въ XI вѣкѣ игуменъ Георгій учредилъ близъ Иверскаго монастыря богословское училище; „но по причинѣ громаднхъ научныхъ познаній онъ въ 1059 г. отозванъ былъ въ Грузію“. Такъ говорится въ „Путеводителѣ“¹⁾. Сколько времени существовало училище—этого не сказано; однако, въ XII в. оно еще было, ибо тогда „грузинское правительство переселило 42 грузинскихъ семейства въ селеніе Эриссо (близъ Аѳона) для услуженія Иверскому монастырю и училищу“ (стр. 143).

¹⁾ Путеводитель по св. Аѳонской горѣ и указатель ея святынь и прочихъ достопримѣчательностей. (Изд. 5-е, аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря.) Москва 1888, 8°, съ 29 видами и картою.

Близъ Ватопеда стоитъ въ развалинахъ аеонская академія—многоэтажный каррэ, дворъ котораго заросъ колючими кустарниками. Она была основана въ 1753 г. иждивеніемъ богатыхъ грековъ, духовныхъ и мірскихъ, и находилась въ завѣдываніи выдающагося ученаго богослова Евг. Булгариса, основателя академіи. Собравшимся вскорѣ многочисленнымъ слушателямъ Булгарисъ, вмѣстѣ съ ученымъ сотрудникомъ, преподавалъ богословскія науки. Однако, нареканія и инсинуаціи въ недостаточно ортодоксальномъ духѣ преподаванія со стороны игуменовъ аеонскихъ монастырей не замедлили проявиться. Неудовольствіе отразилось и на настроеніи нѣкоторыхъ изъ учениковъ академіи. Почтенному учителю угрожали даже побоями. Глубоко оскорбленный всѣми интригами и гоненіями, Булгарисъ уже черезъ пять лѣтъ долженъ былъ бросить дѣло, въ осуществленіе котораго вложилъ всю свою душу. Ученый грекъ окончилъ дни свои въ глубокой старости въ Россіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что образованіе могло бы явиться сильнымъ орудіемъ въ рукахъ аеонскихъ монастырей, каковымъ являлось въ средневѣковыхъ монастыряхъ Запада. Своимъ вліяніемъ и почетомъ они несомнѣнно были обязаны тому, что служили хранителями, множителями и распространителями знаній. Присовокупимъ къ этому, что аеонскіе монастыри, въ силу обстановки, ихъ окружающей, и находящагося въ ихъ распоряженіи научнаго матеріала, могли бы считаться призванными къ ученымъ занятіямъ исторіей и археологіей. На дѣлѣ же у нихъ въ настоящее время нѣтъ Георгіевъ и Булгарисовъ, а разработка аеонскихъ памятниковъ древности производится наѣзжими учеными, которые не могутъ оставаться на мѣстѣ сколько потребуется времени. Ученыхъ, смотря по ихъ личности и національности и смотря по наклонностямъ начальства отдѣльныхъ монастырей, принимаютъ здѣсь съ распростертыми, какъ говорится, объятіями, но и „съ тою учтивостію, отъ которой не ожидаешь братской податливости“. Впрочемъ, для кого пріятно содѣйствовать вынесенію сора изъ собственной избы, хотя бы этотъ соръ и относился ко времени прошлому! Такой неодинаковый приѣмъ встрѣтилъ, напр., нашъ еп. Порфірій. Въ то время, какъ одни изъ монастырей уклонялись подъ разными предлогами и вручали ему для пересмотра лишь пергаменты маловажные, другіе предоставили ему неограниченный доступъ въ ихъ книгохранилища; мало того, когда распространилась молва о предстоящемъ его отъѣздѣ, монастыри, въ которыхъ онъ не успѣлъ побывать, стали приглашать его къ себѣ то письменно, то чрезъ нарочныхъ посланцевъ, а одинъ

изъ нихъ даже отправилъ свои древніе акты въ русскую виню, дабы Порфирій ихъ тамъ разсмотрѣлъ. Легко было замѣтить, что святогорцы дорожили его изслѣдованіемъ ихъ исторіи, невѣдомой имъ самимъ, по причинѣ неумѣнія читать полусгнившія хартіи, писанныя необычайно замысловато и сокращенно.

О богатствѣ историческаго матеріала въ монастырскихъ бібліотекахъ свидѣлствуютъ въ особенности труды епископа Порфирія, архимандрита Антонина, Дидрона и Лампроса. Проф. Н. В. Покровскій ¹⁾, недавно посѣтившій Аѳонъ, признаетъ его неисчерпаемой сокровищницей церковно-археологическаго матеріала. Масса еще неразобраннаго матеріала, особенно древнихъ рукописей, громадна. Къ сожалѣнію, пользованіе этимъ матеріаломъ представляетъ нѣкоторыя неудобства, при чемъ главное заключается въ отсутствіи полныхъ каталоговъ. Удовлетворительные каталоги имѣются лишь въ протатѣ, а изъ монастырей—въ русскомъ Пантелеймоновскомъ и въ греческомъ Ватопедѣ; остальные только помышляютъ о каталогизаціи рукописей, но не находятъ достаточно подготовленныхъ къ тому людей. Такимъ образомъ нельзя составить себѣ яснаго понятія о всемъ содержаніи бібліотеки. Начатый печатаніемъ общій каталогъ греческаго ученаго Лампроса, по замѣчанію проф. Покровскаго, судя по первому его выпуску, едва ли окажется удовлетворительнымъ. Въ настоящее время аѳонскими рукописями пользоваться уже несравненно легче, чѣмъ въ прежнее время, потому что онѣ, за немногими исключеніями, имѣютъ удовлетворительныя помѣщенія и поставлены на полкахъ. Небреженіе, въ которомъ дѣтъ тридцать тому назадъ содержались пергаменты, весьма ярко изображено Благовѣщенскимъ, и, надо полагать, не безъ нѣкоторыхъ преувеличеній. О болѣе еще давнемъ времени онъ передаетъ, что тогда рукописи изрѣзывались на кусочки и нацѣплялись на удочки, ибо пергаментъ оказался очень удобной наживой и такимъ-де образомъ монахи, хотя путемъ желудка и при посредствѣ рыбъ, усваивали всякую премудрость. У преосвященнаго Порфирія дѣйствительно упоминается объ одной рукописи съ краями, обрѣзанными для указанной цѣли; но можно надѣяться, что это фактъ единичный. Въ сырыхъ, пыльных помѣщеніяхъ рукописи изводились нерѣдко. Даже въ Карейскомъ соборѣ, такомъ видномъ и центральномъ мѣстѣ Горы, Порфирій засталъ 80 греческихъ и славянскихъ рукописей „за деревянной перегородкой въ по-

¹⁾ О нѣкоторыхъ памятникахъ древности въ Турціи и Греціи. „Христіанское Чтеніе“, 1899, сент. и окт., стр. 435—476.

тъмахъ, въ пыли, въ жилищѣ червей и моли“. Однако, большая часть ихъ все-таки хорошо сохранилась.

Большимъ перипетіямъ подвергались аеонскія библіотеки въ годы греческаго возстанія (1821—31 г.). Такъ, библіотека Пандократора, спрятанная отъ турокъ въ самой глубокой части монастырской башни, большею частью погнута отъ дождя, такъ какъ турки раскрыли башню. Осталось всего 200 рукописей; остальные, за полную негодностью, были сожжены отцами. Въ это же время есфигменскіе монахи, нуждаясь въ хлѣбѣ, за безцѣновъ продавали рукописи. Нужно все оправдывается. Но въ библіотекѣ того же монастыря Порфирій видѣлъ нѣсколько кожаныхъ переплетовъ безъ книгъ. На вопросъ, гдѣ же книги?—библіотекаръ отвѣтилъ: „мы ихъ сожгли, потому что не хотѣли хранить этого подарка американскихъ миссіонеровъ“; они, молъ, еретики, и все, что печатаютъ и раздаютъ, все то не православно и вредно. Тутъ невольно напрашивается сравненіе съ мусульманами, сожигающими самыя книги, а ихъ переплеты употребляющими на пошвы, ибо самъ пророкъ утверждаетъ, что всякая книга, кромѣ Корана, содержитъ въ себѣ ложь. Вотъ и другой фактъ не менѣе печально-занимательный. Въ 1846 г. духовникъ русскихъ святогорцевъ повѣдалъ Порфирію, что болгарскіе монахи Хиландарскаго монастыря закапываютъ въ землю ветхія славянскія рукописи, совѣстясь жечь ихъ или пускать по водѣ.

Но вотъ и отрадные факты. Въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, при теперешней постановкѣ дѣла, рѣчь идетъ уже не только о сохраненіи письменныхъ памятниковъ, но и объ увеличеніи ихъ числа путемъ купли. По свидѣтельству Барскаго, относящемуся ко второму его путешествію (1744 г.), нѣкогда богатая русиковская библіотека состояла лишь изъ малочисленныхъ книгъ и рукописей, да и тѣ тогдашніе владѣтели-греки готовы были продать. Изъ числа *этихъ* сокровищъ сохранились до нашего времени лишь нѣсколько славянскихъ рукописныхъ и печатныхъ богослужебныхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время библіотека увеличивалась настолько, что въ 1886 г. однѣхъ рукописей X и XI вѣковъ, греческихъ, славянскихъ и русскихъ, насчитывалось до 800, а печатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ—до 20.000 томовъ. Насколько пантелеимоновцы дорожатъ своимъ книгохранилищемъ—это видно между прочимъ изъ того, что ему отведено особое зданіе, расположенное среди двора, а потому болѣе безопасное въ пожарномъ отношеніи. Входъ въ него со свѣчами не допускается. Отцомъ-библіотекаремъ назначенъ монахъ свѣдущій, пользующійся льготами по посѣщенію церковныхъ службъ.

Мало того, отецъ-фотографъ Вассіанъ показывалъ мнѣ прекрасныя, собственной работы фотографическіе снимки съ греческихъ рукописей, предназначавшіеся для изданія въ свѣтъ. Итакъ, и здѣсь видно, что время беретъ свое.

Отъ памятниковъ письменности перехожу къ памятникамъ художественнымъ и охарактеризую ихъ въ связи съ современными художественными произведеніями Аэона. Читая Благовѣщенскаго, получаешь впечатлѣніе, будто монахами тщательно, чуть ли не систематически изводились всѣ вещественные слѣды языческой древности. Такъ, съ нѣкоторыми саркофагами монахи поступили по своему: запрятавъ ихъ въ глубь своихъ подваловъ, они старательно уничтожили изсѣченныя на нихъ фигуры и на мѣстѣ ихъ нацарапали кресты (стр. 117). Кто станетъ отрицать возможность такого фанатическаго отношенія къ древности и можетъ ли оно кого-нибудь поразить? Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія случаи обратные, приводимые патрономъ Благовѣщенскаго, еп. Порфіріемъ. Такъ, въ стѣны преддверья Ватопедскаго храма, на самомъ видномъ мѣстѣ, оказались вмазанными бѣлые мраморные барельефы титана Кріоса и божка Нирея, а въ наружную его стѣну вставленъ поясной образъ Венеры-эпитимвіи, т.-е. надгробной, въ капищѣ которой продавались всѣ похоронныя принадлежности; въ одномъ изъ придѣловъ одна изъ поддерживающихъ куполъ колоннъ уцѣлѣла отъ стоявшаго тутъ храма Димитры; а въ самомъ алтарѣ, подъ трапезою, скрывается прорицательный колодезь Димитры. Какъ Порфірій, такъ и другіе ученые изучали и развалины языческихъ городовъ, и монеты, и саркофаги, и барельефы, и мраморныя плиты съ надписями. Принимая во вниманіе, какимъ стихійнымъ и вражескимъ опустошеніямъ подвергалась Гора въ теченіе столь многихъ вѣковъ, мы пока не имѣемъ достаточно основанія къ обвиненію аэонскихъ монаховъ въ томъ, будто они обращались съ остатками языческой старины съ существенно большимъ вандализмомъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ у насъ по сію пору расхищаются курганы, таскаются изъ старинныхъ зданій строительные матеріалы и извлекаются туристами на память камешки изъ старинной мозаики хотя бы древняго Херсонеса. Поводомъ къ приведенному сужденію Благовѣщенскаго послужилъ, очевидно, саркофагъ, о которомъ ученый епископъ дѣлалъ слѣдующее назидательное сообщеніе. Въ келаріѣ Есфигменскаго монастыря съ незапамятнаго времени стоитъ мраморная гробница, служащая для держанія въ ней деревяннаго масла. На гробницѣ сохранились еще имена лицъ, прахъ которыхъ тутъ повоиhsа; видны еще и слѣды скульптуры, сбитой мо-

нахами молотками и замѣненной двумя крестами; ибо монахи приняли человѣческія лица за изображенія идоловъ. Съ этимъ саркофагомъ связано воспоминаніе о происшествіи, переданномъ Порфирію однимъ изъ очевидцевъ-монаховъ. Однажды масло само собою поднялось въ гробницѣ до краевъ и стало течь черезъ край. Столь очевидное чудо привело братію въ благоговѣйный восторгъ; всѣ стали муровать чудотворнымъ масломъ, пока не обнаружилось, что большой сосудъ съ уксусомъ, стоявшій на доскахъ, которыми была покрыта гробница, имѣлъ трещину, изъ которой уксусъ и просачивался въ саркофагъ, вытѣсняя оттуда масло.

Многіе изъ археологически-интересныхъ предметовъ, каковы: иконы, кресты, ковчеги и другая церковная утварь, частью и теперь находятся въ употребленіи, частью же, по мѣрѣ замѣны новыми, поступали на храненіе въ кладовыя, а отсюда, по свидѣтельству проф. Н. В. Покровскаго, нерѣдко переходили и въ европейскіе музеи, гдѣ и слились въ одно цѣлое съ другими памятниками византійской старины; не мало ихъ въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Склады съ предметами старины не имѣютъ ни надлежащихъ приспособленій, ни описей, но, къ счастью, снабжены уже крѣпкими запорами, которые дѣлаютъ если не невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ повтореніе ошибокъ предшественниковъ.

Аеонскія преданія — резюмируетъ почти дословно тотъ же ученый — относятъ нѣкоторые изъ тамошнихъ памятниковъ къ глубокой древности; но эти древнѣйшіе памятники, во-первыхъ, слишкомъ рѣдки, во-вторыхъ, нуждаются въ критико-археологической повѣркѣ. Напротивъ, число памятниковъ, начиная съ IX вѣка, довольно уже значительно; рядъ ихъ не прерывается до самаго позднѣйшаго времени. Еслибы оказалось когда-либо возможнымъ снести всѣ памятники аеонскихъ монастырей въ одно цѣлое, помѣстить ихъ, напр., въ одной изъ старинныхъ аеонскихъ церквей, сохранившихъ древнюю архитектуру и древнюю стѣнную роспись, то мы имѣли бы здѣсь такое обширное собраніе византійскихъ и поздне-греческихъ древностей, какого нѣтъ ни въ парижскихъ, ни въ римскихъ, ни въ другихъ музеяхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Передъ нашимъ взоромъ прошла бы цѣлая эпоха Византіи, въ представителяхъ памятниковъ почти всѣхъ категорій: архитектуры, мозаики, стѣнописи, эмали, рѣзбы, миниатюры и наконецъ письменности.

Соперничая между собою, монастыри, камъ мы уже знаемъ, наперерывъ пускали въ оборотъ преданія о необычайной своей

древности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о древности состоящихъ при нихъ храмовъ, причемъ, припоровливаясь къ преданію о посѣщеніи Горы Богоматери, относили построеніе своихъ храмовъ отчасти даже къ первому вѣку нашей эры. На повѣрку оказывается, что древнѣйшая изъ аеонскихъ церквей—Ватопедская, должна быть отнесена лишь къ концу IV-го вѣка. При этомъ она была построена не для монаховъ, а для мірянъ, населявшихъ тогда Аеонъ, что доказывается хорами для оглашенныхъ съ большимъ, неостекленнымъ окномъ, изъ котораго видна вся внутренность собора. Специалисты по исторіи искусствъ находятъ на Аеонѣ интересный матеріалъ, показывающій постепенную выработку общезвѣстнаго византійскаго церковнаго стиля изъ весьма невзрачныхъ началъ. Они оцѣняютъ со своей точки зрѣнія и Карейскій соборъ, во имя успенія Богородицы—удлиненный домъ безъ купола, крытый черепицей. Кто же надѣется увидѣть на Аеонѣ множество великолѣпныхъ монументальныхъ, выдержанныхъ въ стилѣ, церквей и другихъ зданій—будетъ крайне разочарованъ дѣйствительностью. Тамошнія церкви малы, приземисты, что, впрочемъ, цѣлесообразно и необходимо при вулканической почвѣ полуострова. Усмотритъ ли знатокъ искусства признаки особаго стиля въ остальныхъ монастырскихъ постройкахъ? Для меня, профана, въ этихъ массивныхъ квадратахъ съ бойницами, зубцами и грозными сторожевыми башнями сказывается лишь одна утилитарность, а именно цѣль создать нѣчто, способное противостоять морскимъ разбойникамъ и сухопутнымъ вражескимъ полчищамъ прежнихъ столѣтій¹⁾. Эти типичныя не для однихъ аеонскихъ монастырей крѣпостныя каррэ расположены нерѣдко на холмѣ, даже на вершинѣ утеса и образуютъ изъ себя одновременно ограду и корпусъ для келій, гостинницы, мастерскія, трапезы. Каррэ бываетъ въ нѣсколько—до пяти—этажей, причемъ число послѣднихъ иногда,—а именно, если монастырь построенъ на неровномъ утесѣ, въ разныхъ пунктахъ периферіи неодинаковое. Какъ со стороны двора, такъ нерѣдко и съ наружной, вдоль этажей, тянутся деревянные галереи, порою висящія надъ пропастью. Ветхимъ состояніемъ такихъ галерей умѣряется вашъ восторгъ, когда любуетесь открывающимися съ нихъ видами. Среди двора, обыкновенно очень тѣснаго, ютится главный храмъ, соборъ, часто настолько приземистый, что главы его не выступаютъ даже надъ

¹⁾ Сербскій лѣтописецъ повѣствуетъ объ осадѣ Хиляндаря въ началѣ XIV-го в. каталонцами и ихъ союзниками. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ монастырь мужественно отражалъ всѣ ихъ нападенія, пока осаждающіе сами не отступили, вслѣдствіе возникшихъ въ средѣ ихъ раздоровъ.

монастырскими стѣнами. Строительными матеріалами монастырей являются: дикій камень, лавы и мраморъ. Крыты они, какъ и большая часть церквей, неправильными плитками изъ дикаго же камня, составляющимися въ родѣ черепицы.

Старинныя иконы, которыхъ имѣются цѣлыя коллекціи во многихъ изъ монастырей, обращаютъ на себя вниманіе знатоковъ исторіи искусствъ. Не всѣ иконы, впрочемъ, специально аеонскаго или вообще византійскаго происхожденія. Между ними встрѣчаются и принадлежащія кисти лучшихъ русскихъ мастеровъ XVI-го и XVII-го в. „Отсутствіе на этихъ иконахъ массивныхъ металлическихъ ризъ составляетъ одно изъ ихъ преимуществъ. Металлическая рельефная риза на иконѣ—явленіе, несвойственное византійской древности, которая, выставляя достоинства художественной кисти, не только не имѣла побужденій прикрывать эти достоинства ремесленною металлическою скульптурою, а наоборотъ, должна была считать неестественнымъ такое сочетаніе скульптуры и живописи. Новыя греческія иконы, а равно и тѣ изъ древнихъ, которыя выставлены въ церквахъ на видныхъ мѣстахъ, украшаются уже новыми ризами, подобно иконамъ русскимъ. Разница между русскими и греческими состоитъ здѣсь въ томъ, что на русскихъ иконахъ риза никогда не закрываетъ рукъ, напр., Богоматери и Спасителя, а на греческихъ—закрываетъ; металлическіе наручники нерѣдко можно встрѣтить здѣсь даже и на тѣхъ иконахъ, которыя совсѣмъ не имѣютъ ризъ“ (Покровскій).

Нѣкоторые аеонскія стѣнописи относятся и мѣстнымъ преданіемъ, и заключеніями специалистовъ къ очень древнему времени; тѣмъ не менѣ Покровскій утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ вѣтъ ни одной, которая восходила бы дальше первой половины XVI-го в. Лучшая стѣнопись въ протатѣ—1512 г. Нѣкоторыя изъ мнимыхъ глубоко-древнихъ относятся къ XVII, многія къ XVIII и XIX в. На основаніи этихъ стѣнописей возможно опредѣлить основныя черты возрожденія греческаго искусства въ XVI в., связаннаго съ именемъ художника Панселина. Аеонъ, обладающій стѣнописями, исполненными, по преданію вполне вѣроятному, этимъ знаменитымъ художникомъ, по заявленію цитируемаго мною автора, даетъ ключъ къ уясненію реформъ, произведенныхъ школою Панселина. Въ эпоху ей предшествовавшую внутренняя жизнь и внѣшнія формы въ искусствѣ омертвѣли и уступили мѣсто дидактической тенденціи. Панселинъ и его школа старались ввести въ одряхлѣвшее искусство дыханіе жизни. Обычное на православномъ Востокѣ уваженіе къ древнимъ традиціямъ въ

области церковнаго искусства при этомъ, видимо, сдерживало новаторовъ въ извѣстныхъ границахъ. Искусство Панселина находилось подъ вліяніемъ вѣяній Запада; но вмѣстѣ съ тѣмъ не есть искусство и совершенно новое для Византіи; оно не смущаетъ простодушныхъ оригинальною новостью замысла: все въ немъ такъ же просто, ясно и опредѣленно, какъ было и прежде, но въ то же время красиво и величественно. Живописныя группы, разнообразныя положенія фигуръ и красота отдѣльных типовъ показываютъ разительный прогрессъ.

Сюжеты нѣкоторыхъ аеонскихъ стѣнописей привлекли вниманіе Благовѣщенскаго; какъ бы въ видѣ образчика, онъ упоминаетъ о лодкѣ съ православными, которою править самъ Спаситель; папа же и Лютеръ съ берега баграми слятся опрокинуть лодку. Еретики рисуются съ бѣсами на плечахъ, нашептывающими лживыя рѣчи. Въ которомъ изъ монастырей эта любопытная картина—не говорится. Изъ стѣнописныхъ сюжетовъ тенденціознаго содержанія я самъ видѣлъ только одну, о которой уже и говорилъ, и которая съ точки зрѣнія турецкой, т.-е. правительственной, показалась мнѣ нецензурной. Много ли наберется на всемъ Аеонѣ дидактическихъ тенденціозныхъ стѣнописей въ родѣ упомянутыхъ, въ монастыряхъ, въ которыхъ я не былъ,—не знаю; но едва ли онѣ могутъ считаться типичными и характерными именно для Аеона. Вотъ еще единичный курьезъ, освѣщающій не то непониманіе, не то художественную терпимость монаховъ греческаго Есфигменскаго монастыря. Въ монастырь этотъ волею судьбы попала часть палатки Наполеона I, гобеленъ. При еп. Порфиріѣ монахи завѣшивали ею входъ въ соборный этажъ въ свѣтлые дни пасхи, не смущаясь тѣмъ, что тутъ изображены не только Юпитеръ и Нептунъ, но и мифологическія дамы: Венера и Діана.

Но что сказать о *современномъ* состояніи живописи на Аеонѣ? Въ Кареѣ—мастерскія иконописцевъ, произведенія которыхъ придерживаются извѣстнаго узаконеннаго шаблона и въ сюжетахъ, и въ техникахъ. Попадаются, конечно, между монахами любители живописи. Вотъ, напр., о. Л., добрейшій о. Л., весельчакъ, прекрасный собесѣдникъ, всеобщій любимецъ и мастеръ на всѣ руки. Въ его распоряженіи—прекрасно обставленный художественный ателье. Полотна о. Л. извелъ многое множество аршинъ, краски—цѣлыми ведрами. Надо полагать, что и природа не вполне отказала ему въ талантѣ, но все же всѣ эти громадныя полотна смахиваютъ на увеличенныя копія съ лубочныхъ картинокъ. Среди такихъ произведеній кисти въ мастерской спрятался ландшафтный

этюды, сдѣланный весьма бойко. „Это тоже ваше произведение, о. Л.?“ — „Да, прїѣзжалъ къ намъ изъ Россіи художникъ В., гостилъ у меня, картины мои раскритиковалъ и захотѣлъ показать свои пріемы. Вотъ этотъ этюдъ съ натуры я и рисовалъ, сидя подлѣ него и подражая ему“. А жаль, что художникъ не прїѣхалъ десятью годами раньше, очень жаль! При своемъ рвеніи, о. Л. могъ бы увѣковѣчить себя на Аеонѣ не такими произведениями. Познакомился я еще съ другимъ монахомъ-живописцемъ. Полукаровский итальянецъ—я уже упоминалъ его мірскую фамилію: Де-Грегорио—учился живописи у одного изъ лучшихъ неаполитанскихъ художниковъ. При немъ ученикъ, изъ молодыхъ послушниковъ, настолько даровитый, что было бы крайне жаль, еслибъ онъ не получилъ доступа въ академію художествъ. Учитель и ученикъ нарисовали группу, вѣришь, толпу просіявшихъ на Аеонѣ. Они сумѣли придать жизненность каждой изъ этихъ фигуръ, выстроенныхъ полукружнымъ амфитеатромъ подъ витающей на воздухѣ Богоматерью.—Отчего вы не рѣшились отречься отъ лубочной казенщины въ группировкѣ, не избрали Богоматери центромъ, на который были бы обращены благоговѣнно-умилненные, восторженные взоры святыхъ, разбитыхъ на отдѣльныя, болѣе вольныя группы?—„Мы въ этомъ родѣ и задумали-было нашу картину,—получился отвѣтъ,—но должны были уступить традиціоннымъ требованіямъ“. Значить, на русскомъ Аеонѣ традиціонный пуризмъ, отъ котораго отечественныя иконы и церковныя картины въ послѣднее время стали нерѣдко отступать, остается въ прежней силѣ.

Для того, чтобы повончить съ художествами, еще нѣсколько словъ о церковномъ пѣніи. Въ нашей маленькой компаніи не было знатока музыки, а потому могу передать лишь общее впечатлѣніе, производимое на профана церковнымъ пѣніемъ въ монастыряхъ не-русскихъ, т.-е. въ греческихъ, а также въ Молдаванскомъ скитѣ и на греческой половинѣ „Пантелеймоновскаго монастыря“. Впечатлѣніе для уха, привыкшаго къ величественному гармоническому и звучному русскому пѣнію, крайне непріятное. Гнусливые, носовые распѣвы съ ихъ монотоннымъ ритмомъ—да простятъ мнѣ это сравненіе—сильно напоминали намъ причитанія мулл. Быть можетъ, такое сходство даже не совсѣмъ случайно, а сложилось путемъ подражанія,—со стороны, конечно, магометанъ,—если только распространенное нынѣ, какъ говорятъ, повсюду въ восточной церкви однообразное пѣніе въ насъ выработалось уже ко времени зарожденія магометанства. Для болѣе точной характеристики греческаго пѣнія предоставляю опять слово проф. Покровскому.

„Греческое пѣніе — унисонное. Зародышъ гармоніи обнаруживается иногда лишь въ томъ, когда одинъ изъ пѣвцовъ держитъ мелодію, а остальные тянутъ въ продолженіе всей пѣсмы одну и ту же доминанту, особенно въ концѣ пѣсмы, переходятъ на мелодію, начинаютъ шумѣть, кричать, что производитъ на непривычное ухо довольно странное впечатлѣніе. Въ большинствѣ случаевъ мелодія не сопровождается никакими побочными звуками, и если на клиросѣ стоятъ нѣсколько пѣвцовъ, то они предпочитаютъ чередоваться въ пѣніи: сперва поетъ одинъ, потомъ другой, и т. д. Антифонное пѣніе здѣсь весьма употребительно: иногда даже *Kyrie eleison* (Господи помилуй) въ одной и той же эктеніи поютъ непремѣнно на разныхъ клиросахъ. Въ общемъ движеніи мелодій встрѣчаются мѣста, заслуживающія вниманія съ точки зрѣнія церковности, и не непріятныя для слуха; но и они требуютъ исправленія въ смыслѣ техническомъ. Въ цѣломъ же греческое пѣніе весьма неудовлетворительно. Говорятъ, нужно родиться грекомъ, чтобы находить греческое пѣніе пріятнымъ и звучнымъ; дѣйствительно, привыкнуть къ такому пѣнію намъ, воспитавшимъ свой слухъ на русскомъ гармоничномъ пѣніи, не легко. Пѣніе гнусливое, даже въ большей степени, чѣмъ пѣніе нашихъ старообрядцевъ; голосъ пѣвца постоянно вибрируетъ въ полутонахъ, четвертяхъ и даже восьмушкахъ тоновъ, неестественно переходитъ изъ низкихъ тоновъ въ высшіе и наоборотъ. И такъ какъ мелодія остается неизмѣнною, — поетъ ли ее басъ, или теноръ, — то при пѣніи голоса низкаго (басъ) переходы эти и высокіе тоны являются вполнѣ неестественными. Очевидно, что нѣніе это сложилось еще въ ту отдаленную пору, когда ни гармонія, ни вокалізація не получили надлежащаго развитія. Пѣніе это вполнѣ удовлетворяетъ аѳонскихъ иноковъ, но многіе изъ мірянъ въ настоящее время склоняются на сторону новаго гармоническаго пѣнія“. Благовѣщенскій называетъ и пѣніе русскихъ на Аѳонѣ унылымъ. Охотно вѣрю, что оно могло быть таковымъ въ то время, т.-е. тридцать лѣтъ тому назадъ; нынѣ же оно такое же стройное, величественное, какъ и въ Россіи.

VIII.

Нѣкоторыми прежними писателями распространялось положеніе, будто Аѳонъ представляетъ собою какой-то *status in statu*, своего рода вассальную теократическую республику, если позволено употребить этотъ довольно замысловатый терминъ. Нижеслѣдующія

свѣденія доказуютъ, что положеніе это весьма мало примѣняется къ настоящему времени. Начну съ внутренней администраціи Горы.

Въ прежніе вѣка тутъ имѣлся самостоятельный, вѣдавшійся непосредственно съ государемъ духовный глава, носившій титулъ *прота*, т.-е. перваго или старшаго. При немъ состоялъ совѣтъ, или *протатъ*, изъ *антипросопъ*, или уполномоченныхъ, по одному отъ каждаго изъ монастырей. Резиденціей прота и протата съ самаго начала ихъ возникновенія служила Карея, которой первоначально были присвоены также названія *великой середины* и *каведры старцевъ*. Но должность прота давнымъ-давно упразднена, а вмѣстѣ съ тѣмъ протатъ сдѣлался органомъ самостоятельнымъ. Предсѣдательство въ немъ принадлежитъ „антипросопу“ отъ Лавры, какъ старѣйшей и нѣкогда могущественнѣйшей изъ обителей. Антипросопы остальныхъ 19 монастырей считаются между собою равноправными; но тѣмъ не менѣе и между ними признается извѣстный іерархическій порядокъ, по старшинству монастырей. Въ этомъ іерархическомъ ряду монастырь св. Пантелеймона занимаетъ предпоследнее мѣсто. Крайне любопытно было бы вникнуть глубже въ внутренній механизмъ протата съ его пружинами. Изъ среды членовъ протата избирается ежегодно четыре „эпистата“, составляющихъ болѣе специальный административный органъ, который вѣдаетъ общественными суммами и облеченъ властью распорядительною и исполнительною. Монастыри разъ навсегда раздѣлены на четыре равныя группы (по пяти, стало быть, въ каждой). Изъ каждой группы по одному представителю попадаетъ въ эпистаты. Полагается между эпистатами и предсѣдатель, именуемый *назиромъ*. Назиромъ можетъ быть только представитель одного изъ пяти монастырей, признаваемыхъ старѣйшими. Такимъ образомъ и тутъ равноправность становится кажущейся.

Протатъ—внутренній административный органъ Горы, вѣдающій имущественныя и другія отношенія монастырей; онъ же—верховное судилище, разбирающее дѣла о правахъ собственности, частныя жалобы насельниковъ Горы. Черезъ протатъ объявляются монастырямъ предписанія Блистательной Порты и константинопольскаго патріарха, который, очевидно, въ противоположность прежнимъ вѣкамъ пріобрѣлъ вліяніе на Святую Гору. Протатъ опредѣляетъ размѣръ повинностей на общественныя нужды Горы, какъ-то на содержаніе стражниковъ, эпитроповъ (повѣренныхъ), резидирующихъ въ Константинополѣ, Солунѣ и другихъ городахъ, раскладываетъ повинности по монастырямъ, раскладываетъ и собираетъ

также и данъ турецкому правительству и пересылаетъ ее по принадлежности съ надлежащими „приложеніями“.

Засѣданія протата происходятъ и по сію пору въ невзрачномъ зданіи при Карейскомъ соборѣ, въ небольшой комнатѣ, устланной цыновкой и съ трехъ сторонъ, по восточному обычаю, обнесеной низкими диванами. Здѣсь, по сообщенію Благовѣщенскаго, всѣ дѣла рѣшаются по Евангелію и по совѣсти, ибо писанныхъ законовъ нѣтъ. Послѣднее не совсѣмъ точно, такъ какъ еще Барскій упоминаетъ о хранящемся въ протатѣ „трагосѣ“ — козлиной кожѣ, на которой начертаны древнія узаконенія для аеонскихъ монаховъ. Несмотря на то, что содержаніе „трагоса“ — извѣстно, монахи подъ всякими предлогами уклонялись отъ того, чтобы показать его еп. Порфирію.

Судя по Благовѣщенскому, засѣданія протата облечены въ полную таинственность и самый протатъ превращается въ какое-то судилище инквизиціи, тогда какъ въ „Путеводителѣ“ говорится, что засѣданія его происходятъ публично. Послѣднее сообщеніе едва ли безусловно вѣрится съ несомнѣнною деликатностью многихъ вопросовъ, подлежащихъ вѣденію протата, и съ тою уклончивостью, съ которою отвѣчали на мои разспросы о дѣятельности этого аеонскаго правительствующаго синода; тѣмъ не менѣе и характеристика протата Благовѣщенскимъ едва ли можетъ быть буквально и во всемъ принята на вѣру. Такъ, этотъ авторъ говоритъ о карахъ, налагаемыхъ протатомъ на преступниковъ: ихъ, будто бы, сажаютъ въ мрачную и грязную тюремную башню, на хлѣбъ и на воду, а иногда опускаютъ на веревкѣ въ особое подземелье и оставляютъ безъ пищи до открытія правды (стр. 153). Не думаю, чтобы можно было меня подозревать въ стремленіи во что бы то ни стало обѣлить аеонское монашество, гостепріимствомъ котораго я пользовался. Во всякомъ случаѣ могу констатировать, что сообщаемые Благовѣщенскимъ страсти и ужасы карейской тюрьмы отошли въ исторію. Что они могли быть дѣйствительностью — объ этомъ свидѣлствуетъ существованіе самой тюремной башни, которую и мнѣ показывали; но что они перестали практиковаться — объ этомъ въ свою очередь свидѣлствуетъ то обстоятельство, что тюрьма въ настоящее время стоитъ въ развалинахъ, даже безъ кровли и рѣшительно необитаема. Еще за два года до моего пріѣзда она сдѣлалась жертвою пламени, и при мнѣ не было видно никакихъ мѣръ къ ея обновленію. Волею-неволею приходится вѣрить, что заключеніе преступниковъ въ темницу и пытки ихъ голодомъ уже давно не практикуются, какъ это говорили мнѣ и монахи. Протатъ, а съ

нимъ и весь Аеонъ, пользовались первоначально, въ теченіе столѣтій, духовной автономіей; послѣ иконоборства же поступили навсегда въ вѣденіе константинопольскаго патріарха.

При небольшомъ протяженіи и малочисленности народонаселенія полуострова, и правительственный, турецкій административный аппаратъ не можетъ не быть скромнымъ. Высшій представитель султана—каймакамъ по своимъ уполномочіямъ одаренъ по преимуществу полицейскою властью и скорѣе всего можетъ быть приравненъ нашему исправнику. Имѣется у него и помощникъ. Оба они резидируютъ въ Карѣѣ. Какое-нибудь безчинство, нарушеніе общественной тишины и спокойствія, болѣе серьезное уголовное дѣло, гибель странника въ зимнихъ снѣговыхъ сугробахъ горной вершины,—словомъ сказать, всѣ происшествія, требующія участія полицейской или уголовной власти, вызываютъ на сцену каймакама или его помощника и сулятъ имъ большую или меньшую наживу, хотя бы съ владѣтеля той земли, гдѣ произошло непріятное, требующее смягченія происшествіе. Присоединимъ къ названнымъ лицамъ еще нѣсколько таможенныхъ и почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, и мы будемъ имѣть полный перечень турецкихъ служащихъ на Аеонѣ. Почему таможенные чиновники на пристани Дафни не досматривали багажа поклонниковъ, ѣхавшихъ въ Пантелеймоновскій монастырь, а багажъ остальныхъ досмотру подвергали? Въ этомъ монастырѣ они имѣютъ свой номеръ; разъ ихъ даже угощали за нашей трапезой.

Внутреннюю автономію въ дѣлахъ монастырскихъ аеонцы сумѣли отстоять у турокъ-завоевателей Византіи, которымъ пришлось изъяснить покорность. Тогда же они должны были согласиться на уплату ежегодной дани. Сумма этой дани первоначально была очень ничтожна; въ послѣдствіи она увеличивалась. Въ настоящее время взимается турецкая поголовная дань (харачъ) въ размѣрѣ 30 піастровъ (около 1 р. 65 к.) съ ревизской иноческой души въ годъ. Кромѣ того монастырскія угодья, расположенныя внѣ монашеской территоріи, платятъ десятину, недавно переложенную на деньги; лежація же на Горѣ всегда были и по сію пору остаются свободными отъ налоговъ. Общая сумма харача, по устному сообщенію одного изъ членовъ протата, составляетъ всего 5.000 р. Но сколько къ этой суммѣ присоединяется негласныхъ, въ Турціи вполнѣ неизбежныхъ расходовъ? Судя по словамъ Благовѣщенскаго (стр. 154), въ его время весь сборъ съ монастырей доставлялъ протату 16.000 р. с., изъ коихъ половина шла на подати и подарки чиновникамъ. Оба указанія въ сущности не расходятся. Признавая ихъ вѣрными и для настоя-

шаго времени, мы получили бы слѣдующую примѣрную смѣту: 5.000 харача, 3.000 бакшиша и 8.000 на внутреннія нужды Горы.

Султанъ пишетъ свои фирманы протату не на турецкомъ, а на греческомъ языкѣ—льгота, съ формальной стороны, разумѣется, очень важная. Въ случаѣ надобности, турки оказываютъ монахамъ и вооруженное содѣйствіе. Такъ, весною 1888 г., во время разбоевъ Солоникоса, на Аеонѣ были посланы войска.

Поступающій въ число аеонскихъ иноковъ прежде всего обязательно принимаетъ турецкое подданство. Узаконенія этого до сихъ поръ не удалось отмѣнить. Существова дѣла оно, впрочемъ, нисколько не измѣняетъ: наши, напр., монахи остаются въ душѣ русскими и гласно исповѣдуютъ свою преданность Россіи. За весь царствующій домъ нашъ они молятся совершенно такъ же, какъ и въ Россіи; о собственномъ же государѣ, султанѣ, умалчиваютъ. Правда, тутъ имѣется хорошая отговорка, а именно та, что православная церковь вообще молится только за православныхъ; а греческіе монахи не упоминаютъ въ молитвахъ даже и о своемъ королѣ, какъ католикѣ, а лишь о его супругѣ и о наслѣдникѣ престола. Единственный почетъ, оказываемый на Аеонѣ законному монарху, заключается въ томъ, что его портретъ допускается въ монастырскія гостинныя, въ числѣ другихъ портретовъ Высочайшихъ особъ, ландшафтовъ и проч. Въ русскихъ монастыряхъ портретамъ особъ русскаго императорскаго дома отведено мѣсто наиболѣе почетное. Рожденіе султана, празднуемое съ торжественностью въ Константинополѣ иллюминаціей домовъ и мечетей, бенгальскими огнями и фейерверками, составляющее настоящій національный праздникъ, въ который возносится къ Аллаху и его пророку столько молитвъ,—какъ будто не касается аеонскихъ иноковъ. Они, каждый сообразно своей національности, въ соотвѣтственные высокаторжественные дни молятся за своихъ бывшихъ монарховъ и членовъ ихъ семьи. Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ имѣется особенный флигелекъ-чайная, въ которой, въ царскіе табельные дни, происходитъ угощеніе русскихъ монаховъ. Во время крымской войны, по приказанію турецкихъ властей, патріархъ предписалъ аеонскимъ монастырямъ молиться за успѣхъ турецкаго оружія. Протатъ созвалъ всѣхъ игуменовъ, и послѣ долгихъ споровъ постановилъ представить дѣло на волю каждаго изъ монастырей. Три изъ нихъ рѣшились исполнить предписаніе; остальные же отказались отпрѣзъ. Упомянутая картина страшнаго суда въ церкви Молда-

ванскаго скита тоже не свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ туркамъ. Русская—какъ размынная, такъ и бумажная—монета свободно обращается на Аеонѣ наравнѣ съ турецкими деньгами. Но какъ ко всему этому относится турецкое правительство? Съ самою полною терпимостью,—лишь бы протать вносили ежегодную дань. А потому между монахами и турками установился прекрасный *modus vivendi*. Съ турками монахи ладятъ чуть ли не лучше, нежели между собою...

А. Брандтъ.

ВІОЛЕТТА МЕРІАНЪ

Романъ, соч. Огюстена Фигона.

Съ французскаго.

Окончаніе.

IX *).

Восемь часовъ вечера; приказчики собираются заперать большой магазинъ *Coupe de Cristal*, на углу улицы Паради и фобурга Пуасоньеръ: специальность этого магазина — итальянское стекло и ментонскій фаянсъ; фирма старинная—Деруа, Огюсть Деруа-сынъ и преемникъ.

Въ стеклянной будкѣ, помѣщающейся въ глубинѣ галереи, около кассы, поднимается молодая женщина, отряхая пыль, представшую къ ея черному платью.

Она, снявъ нарукавники, погружаетъ пальцы въ тазъ, поставленный подъ рукомойникомъ изъ бѣлой жести, повѣшенный на стѣнѣ. Надѣвъ шляпу, приколовъ вуалетку, она натягиваетъ перчатки быстрыми, привычными и увѣренными жестами. Проходя по магазину, она отвѣчаетъ легкимъ, дружественнымъ кивкомъ головы на почтительныя пожеланія служащихъ: „*bonsoir, madame Noirmont*“.

Госпожа Нуармонъ выходитъ на улицу, направляется къ бульвару, садится въ омнибусъ и черезъ четверть часа выходитъ изъ него на углу улицы Тюреннъ.

*) См. выше: февр., 679 стр.

Пройдя немного по этой улицѣ, она останавливается передъ низкой дверью, на которой значится: „Mesdemoiselles Gailleton — пансіонъ для приходящихъ дѣвицъ“.

Не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ въ узкомъ и темномъ проходѣ, какъ въ ней бросилась дѣвочка лѣтъ пятнадцати, очевидно поджидавшая ее здѣсь.

— Это ты, Мадлена?

— Да, мамъ... Какъ ты сегодня запоздала!

— Ты знаешь, — это всегда такъ по субботамъ.

Мадлена беретъ подъ-руку Вюлетту. Уже съ мѣсяцъ, какъ она надѣла въ первый разъ длинное платье.

Теперь она одинаковаго роста со своей названной матерью, но ея походка показываетъ, что она еще не свыклась съ новою ролью „взрослой дѣвицы“.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ каждый вечеръ Вюлетта отправляется за своей воспитанницей, отводя ее послѣ классовъ домой. Когда Мадлена еще была маленькой дѣвочкой, она выбѣгала, торопясь сообщить ей тысячи новостей, подѣлиться своими чувствами и впечатлѣніями и рассказывала, перебивая сама себя, начиная другое, не кончивъ одного.

Одна изъ ученицъ ее оцарапала, а она ей отвѣчала двумя пощечинами; начальница сказала то-то; ученица то-то сдѣлала. На этотъ разъ не было ни рассказовъ, ни конфиденцій. Мадлена шла, погруженная въ свои мысли или съ любопытствомъ оглядывалась вокругъ себя, не думая дѣлиться съ Вюлеттой своими впечатлѣніями.

Миновавъ улицу Тюреннъ съ ея гвалтомъ и оглушающимъ грохотомъ колесъ, онѣ вступили въ лабиринтъ узкихъ переулковъ, ведущихъ къ улицѣ Тампля, въ которыхъ никогда никто не бываетъ въ большинствѣ парижанъ. Наконецъ они достигли дома въ улицѣ Сентонжъ, миновали дворъ, вымощенный зеленоватыми, разбитыми камнями, и подошли къ зданію, помѣщающемуся въ глубинѣ его.

— Смотри! м-ме Жаннисеръ бѣжитъ за нами. Она несетъ тебѣ письмо.

Это былъ довольно толстый, запечатанный пакетъ, адресованный на имя г-жи Нуармонъ.

Вюлетта взяла его изъ рукъ привратницы и поднялась по лѣстницѣ въ сопровожденіи Мадлены.

Когда они очутились въ гостиной небольшой квартиры, которую занимали во второмъ этажѣ, она разорвала конвертъ: въ

немъ находились два листа гербовой бумаги; она пробѣжала ихъ и сказала, улыбаясь:

— Знаешь ли ты, что это такое?

— Какъ же ты хочешь, чтобы я это знала!

— Въ этой бумагѣ, посмотри хорошенько, въ этой бумагѣ— наше состояніе.

Мадлена прежде стояла, повернувшись къ ней спиной. Однимъ прыжкомъ она очутилась около Віолетты.

— Состояніе?

— Именно.

Молодая женщина сѣла на диванъ, обитый краснымъ бархатомъ, лицомъ къ окошкамъ. Взглядъ ея по прежнему прекрасныхъ, но нѣсколько утомленныхъ глазъ медленно бродилъ по окружающимъ предметамъ. Это была скромная гостиная—гостиная маленькаго чиновника или провинціальнаго буржуа, уезжавшая на неблестящее существованіе, съ кое-какими удобствами, съ обстановкой, по которой опытный глазъ, присмотрѣвшійся къ парижской жизни, легко могъ бы опредѣлить, что обитающія здѣсь женщины имѣютъ отъ четырехъ до шести тысячъ франковъ годового дохода.

Обстановка эта приобрѣталась не вдругъ, постепенно, и все здѣсь напоминало Віолеттѣ о тѣхъ послѣдовательныхъ этапахъ, которые ей пришлось пройти за это время испытаній, когда дни казались столь долгими и годы короткими: первые—потому, что были наполнены тяжелымъ трудомъ; вторые—потому, что слѣдовали одинъ за другимъ, пустые, монотонные, безцвѣтные, не оставляя послѣ себя ни впечатлѣній, ни воспоминаній.

Она видѣла подъ брюссельскимъ ковромъ жалкій полъ изъ краснаго кирпича, который крошился подъ ногами; когда она смотрѣла на него, онъ ей казался гораздо холоднѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Подъ веселенькими обоями, по тридцати су кусокъ, подражавшими ситцу съ цвѣточками, она разглядывала прежнія голыя стѣны, засаленныя, мѣстами ободранныя и обшарпанныя; она видѣла маленькую печку, заржавленную и потрескавшуюся, забытую занимавшимъ передъ тѣмъ это помѣщеніе цвѣточникомъ, которому оно служило мастерской.

Ей вспомнился звучный резонансъ этой еще пустой комнаты, мертвящій холодъ, который пронизывалъ ее всю, когда она вошла въ нее въ первый разъ въ грустное ноябрьское послѣполудня, на закатѣ осенняго дня. Она подошла къ окну и вглядывалась въ хаосъ полуразрушенныхъ кровель, навѣсовъ, загроможденныхъ сараевъ, низкихъ стѣнъ, садиловъ съ анемичными

деревцами, и различной величины двориковъ, отсюда, съ высоты, похожихъ на днища ящиковъ съ сорванными крышками.

По другую сторону—высокіе, черные дома съ безчисленными окнами, которыя начинали освѣщаться и красноватыми пятнами проступали сквозь туманъ.

— Вѣдь мы не останемся здѣсь, не правда ли?—спросила Мадлена съ угрюмымъ видомъ.

— Увы, нужно остаться,—отвѣчала Віолетта.

Она поселилась въ этомъ домѣ подъ именемъ г-жи Нуармонъ. Всѣ считали Мадлену ея дочерью, и лучше было, чтобы прямо такъ и полагали, чѣмъ строили догадки.

Цѣлый годъ пробыла она сначала у Репараты, потомъ въ одномъ провинціальномъ англійскомъ городѣ, чтобы не навести на слѣдъ того, кто ее отыскивалъ.

Отыскивалъ ли онъ ее? Ищетъ ли и теперь? Не была ли она забыта скорѣе, чѣмъ ей хотѣлось? Во всякомъ случаѣ она чувствовала себя въ безопасности въ этомъ заброшенномъ кварталѣ, среди рабочихъ и мелкихъ собственниковъ. Одни изъ нихъ были поглощены борьбою за существованіе, другіе совершенно игнорировали то, что волновало остальной Парижъ.

Она нашла здѣсь покой, если не счастье,—покой камня, лежащаго на днѣ моря. Благодаря сестрамъ Горы-Сіона, которыя изъ своего уединенія имѣли возможность поддерживать связи съ живымъ міромъ, Віолетта наконецъ получила подходящее мѣсто. На другой день послѣ прибытія въ Парижъ она вступила въ *Coupe de Cristal* съ тѣмъ, чтобы вести англійскую переписку и кое-какую другую, за тысячу двѣсти франковъ жалованья въ годъ.

Г. Деруа, хозяинъ *Coupe de Cristal*, былъ мужчина лѣтъ такъ около тридцати-пяти. Онъ тщательно раздѣлялъ въ себѣ то, что относилось къ негоціанту, отъ того, что принадлежало свѣтскому человѣку. Какъ негоціантъ, онъ никогда не являлся въ магазинъ раньше десяти часовъ, былъ кратокъ, рѣзокъ, даже немного грубъ и, повидимому, совершенно не дѣлалъ различія между полами. Въ другое время онъ являлся свѣтскимъ человѣкомъ, въ высшей степени простымъ, веселымъ, добрымъ, милымъ, знатокомъ и любителемъ женщинъ, картинъ, музыки, политики и скачекъ; свѣтскій человѣкъ проживалъ на бульварѣ Малербъ съ женою и дѣтьми, но не былъ совершенно неизвѣстенъ въ веселомъ, каскадномъ мірѣ.

Несмотря на это разграниченіе, заведенное разъ навсегда, порою г. Деруа-негоціантъ смотрѣлъ на женщинъ глазами г. Деруа-свѣтскаго человѣка.

Въ теченіе первыхъ недѣль со времени поступленія въ магазинъ Віолетты, онъ проходилъ мимо стеклянной будки и бросалъ на нее быстрые взгляды, не переставая говорить съ своими комми приподнятымъ, насмѣшливымъ тономъ, общимъ въ Парижѣ всѣмъ, кто пользуется какимъ-либо значеніемъ.

Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не достигъ своей цѣли, онъ сталъ себя держать въ высшей степени почтительно и вѣжливо относительно своей новой служащей. Въ этомъ почтительномъ обхожденіи выражалось высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о ней. Нужно, думалось ему, быть чертовски честной женщиной, чтобы не обращать никакого вниманія на впечатлѣніе, производимое ею на такого человѣка, какъ г. Деруа.

Уваженіе, которое свидѣтельствовалъ хозяинъ, создало Віолеттѣ значеніе въ магазинѣ.

Въ одно прекрасное утро г. Деруа заявилъ ей, что повышаетъ ея жалованье съ тысячи двухсотъ франковъ на двѣ.

— Не благодарите, — прибавилъ онъ: — я этимъ выгадаю семьсотъ франковъ. Благодаря вамъ, я могъ уволить одного служащаго, которому плачу тысячу пятьсотъ и который ничего не дѣлаетъ.

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Вы знаете по-итальянски?

— Нѣтъ.

— Жалко. Вы могли бы исполнять также обязанность этого стараго пьяницы Мартонни, который является съ похмеля и плететъ всякій вздоръ. Вы могли бы соединить въ своихъ рукахъ всю иностранную корреспонденцію... Но разъ вы не знаете итальянскаго языка, то...

— Я буду его знать черезъ шесть мѣсяцевъ.

Въ тотъ же день Віолетта купила грамматику и словари.

Она погрузилась въ изученіе Біаджоли и Вергани. Ежедневно по вечерамъ она работала какъ ученица, въ великому удовольствію Мадлены.

Часто было полночь, когда она еще сидѣла за своими тетрадками и книгами. Темной стороною являлось то, что умъ ея мало почерпалъ удовольствія въ этихъ занятіяхъ, такъ какъ языкъ, изучаемый ею, не былъ божественнымъ языкомъ Данте. Ночь проходила. Догорающіе головни въ каминѣ не давали уже столько теплоты, чтобы отогрѣть ея застывшіе пальцы, отказывавшіеся держать перо.

Тогда она торопливо ложилась спать, мечтая о четырехъ тысячахъ франковъ, о томъ, какъ улучшится положеніе ихъ съ

Мадленой, тихое дыханіе которой слышалось въ сосѣдней комнатѣ.

Порою на нее находили сомнѣнія: что если Деруа позабылъ свои брошенныя на вѣтеръ слова,—какъ бы трудъ, понесенный ею, не оказался напраснымъ. Тѣмъ не менѣе, она продолжала работать съ прежнимъ усердіемъ и тѣмъ несокрушимымъ терпѣніемъ, которое отличало ея характеръ. Болѣе половины года протекло. Однажды Віолетта услышала сердитыя восклицанія. Это кричалъ, сопровождая свои крики гнѣвными жестами, Деруа.

— Просту извинить меня, г-жа Нуармонъ, — обратился онъ къ Віолеттѣ.—Все изъ-за этого бездѣльника Мартоини! Вотъ ужъ третій день какъ онъ въ магазинъ ни ногой, и писемъ накопилось цѣлая куча.

— Дайте мнѣ ихъ. Я знаю итальянскій языкъ.

— Вы его уже изучили?

— Безъ сомнѣнія. Я ошиблась только въ одномъ: я думала, что на это потребуется шесть мѣсяцевъ, а убила цѣлыхъ восемь.

— Это невѣроятно!

— Что же тутъ невѣроятнаго, — сказала Віолетта, смѣясь:— что я выучилась по-итальянски?

— Но откуда у васъ нашлось время на это?

— Можно работать вечеромъ, ночью, если нужно... Главное, захотѣть.

— Положимъ. Но часто не желаешь, чего желаешь... Слова мои нелѣпы, но мнѣ понятно, что я хочу сказать.

Съ этого-то времени печальное помѣщеніе въ улицѣ Сентонжъ начало мало-по-малу принимать болѣе приличный и уютный видъ. Въ гостиной на каминѣ появились часы, противъ фортепіано Мадлены, за которое надо было выплачивать въ теченіе трехъ лѣтъ мало-по-малу.

Съ этого же времени напряженность, которая доселѣ была во всемъ существѣ Віолетты, стала ослабѣвать. Строгое выраженіе лица, которое вызывала на немъ борьба за существованіе, смягчилось. Почти суровая энергія ея взгляда смѣнилась женственной теплой ласковостью. Холодъ непреступности, которою она охраняла себя какъ панцыремъ, уступилъ болѣе благосклонному виду, и теперь уже видѣли ее улыбающеюся. Смотри на нее, когда она проходила, привратница Жанисеръ обыкновенно восклицала:

— Ну, можно ли подумать, что г-жа Нуармонъ имѣетъ дочь, которая въ слѣдующемъ году будетъ у причастія! Она сама похожа на молодую дѣвушку.

— И къ тому же прехорошенькую!—замѣчалъ ея супругъ, прикованный параличомъ къ креслу.

— Молчите, старый грѣхпроводникъ! Не говорите о томъ, что до васъ не касается.

— Ахъ!—философично вздыхалъ тотъ:—есть много вещей, которыя до насъ не касаются, но которыхъ мы все-таки не можемъ позабыть.

Несмотря на сложившуюся давнюю репутацію, *Coupe de Cristal* — Виолетта замѣтила это весьма скоро — клонился къ упадку.

— Все идетъ подъ гору,—меланхолично ворчалъ Демарэ, старшій приказчикъ фирмы.—Какъ вы хотите, чтобы дѣла шли хорошо, когда хозяинъ только и думаетъ, что объ удовольствіяхъ, а хозяйка ничего не знаетъ, ни о чемъ не заботится, ничего какъ есть не видитъ? Нѣтъ, если бы вы видѣли покойныхъ родителей ихъ! Тѣ въ магазинѣ, бывало, сидятъ съ семи часовъ утра, а ложатся послѣдними, и не раньше, какъ собственноручно заперевъ контору и обойдя магазинъ. Супруга сама вела переписку, счета. Въ восемь часовъ ужъ она сидитъ въ кассѣ съ очками на носу и волосы приглажены гладко, гладко. Вся ихъ квартира состояла изъ одной комнаты, позади лавки. Тамъ и спали они ровнѣхонько пятьдесятъ-три года. Вотъ это коммерсанты! А теперь, я вамъ скажу, все пошло подъ гору, что дальше, то хуже, хуже...

Виолетта думала о причинахъ упадка магазина. Понять ихъ было не трудно—онѣ сами бросались въ глаза. Все шло по разъ заведенному порядку, по рутинѣ, по шаблону. Модели не возобновлялись и не привлекали значительныхъ заказчиковъ, которые требуютъ новаго, свѣжаго, еще нигдѣ не появлявшагося. Повѣренные въ провинціи и за границей, дѣйствуя безъ контроля, никѣмъ не направляемые, предоставляли все течъ по старому руслу, не заботясь о расширеніи сбыта. Количество времени, старанія и усердія, которое каждый вкладывалъ въ общее дѣло, свелось къ минимуму. Виолетта въ этихъ обстоятельствахъ подчинялась инстинкту, вложенному въ такія натуры и побуждающему ихъ стремиться поправлять ошибки другихъ и преобразовывать хаосъ въ томъ углу, куда завела ихъ судьба, внося въ него гармонію и порядокъ. Она подала мысль реформы, клонившейся къ повышенію производствъ и къ замѣтной экономіи въ обычныхъ расходахъ. Тамъ, гдѣ дѣло касалось искусства, она помогала, благодаря своему изысному вкусу. Она ограничивалась только совѣтами, но всѣ стали принимать ихъ какъ приказанія. „Спросите

г-жу Нуармонъ — эта фраза стала обычнымъ пригѣвомъ во всякомъ сомнѣніи, явившимся у служащихъ Coupe de Cristal. Балансы въ концѣ года поднялись, и старый пессимистъ Демарэ пересталъ жаловаться на то, что „все идетъ хуже и хуже“.

Деруа, имѣвшій самолюбіе купца, для котораго обидно паденіе фирмы, зная превратности настоящаго времени и страсть къ перемѣнамъ публики, воспользовался благосостояніемъ заведенія, чтобы продать Coupe de Cristal. Онъ предупредилъ Виолетту о вѣроятномъ исходѣ дѣла и сообщилъ ей, что она станетъ пайщицей въ дѣлѣ.

— Только благодаря вамъ дѣла наши поправились. Не качайте отрицательно головой. Неужели, вы думаете, я не видѣлъ, какое значеніе имѣло ваше присутствіе здѣсь, не понимаю, что вы сдѣлали за эти пять лѣтъ?

Отнынѣ Виолетта имѣла свою долю въ барышахъ, которая и присоединялась къ ея жалованью. Такимъ образомъ заработокъ ея утроивался, не считая капитала, который обезпечивался за нею и могъ съ развитіемъ дѣла возрастать. Но прошло нѣсколько недѣль и дѣло не подвигалось впередъ. Проекты, повидимому, оставались лишь въ мечтательной возможности. Но въ эту минуту бумага, лежавшія на колѣняхъ молодой женщины и представлявшія собою нотаріальные акты продажи и учрежденія компаніи на паяхъ, свидѣтельствовали объ ихъ осуществленіи. Она объяснила положеніе дѣлъ своей воспитанницѣ.

— Итакъ, мы, значить, богаты? — вскричала Мадлена.

— Во всякомъ случаѣ, мы ужъ больше не бѣдны.

Взрывъ восторга былъ отвѣтомъ на это; полились восторженные рѣчи; посыпались проекты и планы. Въ этотъ вечеръ Виолетта могла лишь съ величайшимъ трудомъ заставить Мадлену лечь въ постель.

Слѣдующій день былъ свободный. Виолетта рѣшила серьезно поговорить съ Мадленой.

— Со вчерашняго дня, — начала она, — я много думала о перемѣнѣ въ нашемъ положеніи.

— Я такъ же. Знаешь ли что? На углу улицы Тюреннъ у модистки я видѣла шляпу: — о, это такая очаровательная шляпа! Я не смѣла тебѣ сказать, потому что она была слишкомъ дорога для насъ, но теперь!..

— Ты получишь эту шляпу, но лишь въ томъ случаѣ, если она тебя не будетъ безобразить. У тебя вѣдь нѣтъ вкуса, моя бѣдная Мадлена. Но дѣло идетъ не о шляпѣ.

— Да, я желала бы еще одну вещь.

— Что же именно?

— Мнѣ хотѣлось бы пообѣдать въ ресторанѣ, поѣсть раковъ и трюфелей.

— Двумъ женщинамъ однѣмъ идти въ ресторанъ! Это непристойно. Но мы на мѣсто нашей служанки наймемъ кухарку и пригласимъ обѣдать твоихъ друзей. Обѣщаю тебѣ, что будутъ и раки, и даже трюфели, если тебѣ ихъ такъ хочется.

— Да, но все это не такъ вкусно, какъ когда ѣшь въ ресторанѣ!

Виолетта имѣла лишь смутное представленіе о маленькихъ, отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, объ этой банальной бархатной мебели, съ которой подымается облако пыли, когда на нее садишься, о тусклыхъ, исчерченныхъ вензелями зеркалахъ, о промозглой и затхлой атмосферѣ, смѣшеніи запаха газа съ испареніями парижскаго кабака. Но ей казалось, что въ такомъ мѣстѣ долженъ пропадать аппетитъ.

Откуда у Мадлены это пристрастіе къ отдѣльнымъ кабинетамъ, въ которыхъ никогда не была нога ея?

— Я имѣю въ виду другой планъ, немного посерьезнѣе твоего. Во-первыхъ, тебѣ уже болѣе нечему учиться у mademoiselle Геллетонъ.

— Какое счастье! Я уже больше не пойду въ пансіонъ!

— Подожди. Чтобы дополнить свое воспитаніе, ты будешь на курсахъ, посѣщаемыхъ молодыми дѣвушками самаго избраннаго круга, и общество ихъ, я надѣюсь, цивилизуетъ тебя. Но прежде всего надо будетъ поискать помѣщеніе въ кварталѣ менѣе грязномъ и печальномъ, чѣмъ этотъ.

Мадлена испустила крикъ.

— Оставить улицу Сентонжъ! бросить нашу квартиру! Покинуть нашихъ друзей!

— Но неужели же ты думала, что мы проживемъ всю жизнь въ этой жалкой норѣ?

— Жалкая нора!—жалостно сказала Мадлена:—вѣдь я была такъ счастлива здѣсь!—И закрывъ лицо руками, она расплакалась.

Виолетта наталкивалась на новыя и новыя неожиданности. Она помнила еще то пренебреженіе, которое выказала маленькая дѣвочка къ этому печальному убѣжищу шесть лѣтъ тому назадъ. Она ожидала взрыва радости, а вмѣсто того отвѣтомъ на ея слова были рыданія. Она поняла теперь свою ошибку. Вѣдь именно между двѣнадцатю и пятнадцатю годами происходитъ переломъ, когда пробуждается „я“ и намѣчаются существенныя черты характера. У самыхъ заурядныхъ личностей метаморфоза эта со-

провождается такимъ повышеніемъ чувствительности и отзывчивости на внѣшнія впечатлѣнія, что мѣсто, гдѣ происходитъ первый расцвѣтъ духовныхъ силъ, всегда остается въ воспоминаніи окруженнымъ ореоломъ поэтической прелести.

Невидимыя нити привязываютъ душу къ стѣнамъ того дома, гдѣ протекли годы этого расцвѣта, и до того переплетаются съ существомъ ея, что когда приходится оторваться отъ нихъ, душа чувствуетъ тайную боль, какъ будто что-то порывается въ ней самой.

То, что для Вюлетты являлось временнымъ этапомъ, убѣжищемъ, въ которомъ переживала она ненастье, было для Мадлены ея домомъ. Она пустила корни въ старые камни, сроднилась съ ними. Она не знала, красивъ или безобразенъ былъ этотъ домъ. Это былъ ея домъ, и теперь она не могла себя представить, чтобы когда-либо другое жилище могло замѣнить ей его. Здѣсь въ разныхъ уголкахъ она играла, укачивала свою куклу, а позднѣе читала романы. Всякое пятно на полу, царапина на обояхъ рассказывали ей цѣлую исторію.

Безчисленныя маленькія воспоминанія о неизслѣдимыхъ событіяхъ населяли атмосферу этихъ комнатъ и дружественно приѣбствовали ея.

Картина, на которой были изображены трое мужчинъ, сидящихъ и пьющихъ въ бесѣдѣ, въ глазахъ ея стояла выше всякихъ Мейсонъ и Доу. Она заставляла ея погружаться въ безконечныя мечтанія объ удовольствіяхъ, свободной жизни, далекихъ путешествіяхъ и тысячѣ другихъ вещей, овладѣвавшихъ ея воображеніемъ. Вюлетта поняла все это, несмотря на то, что Мадлена не могла ничего объяснить ей. Она старалась, тѣмъ не менѣе, прельстить ея картиной тѣхъ удобствъ и удовольствій, которыя ожидаютъ ихъ въ новомъ жилищѣ. Настроеніе Мадлены казалось Вюлеттѣ все же страннымъ, хотя она и приняла въ расчетъ дѣтство, проведенное ею въ этомъ сумрачномъ кварталѣ. Она рѣшила наблюдать за молодой дѣвушкой, а мысль о переездѣ въ другой кварталъ сейчасъ же оставила. Три раза въ недѣлю, въ сопровожденіи кухарки Викторіи, Мадлена отправлялась на курсы. Посѣщеніе ихъ отразилось на ней выгодно. Оно повліяло на ея манеры и привычки. Вюлетта радовалась ея устѣхамъ, но съ нѣкоторымъ страхомъ замѣчала интимность, установившуюся между Мадленой и Викторіей.

Съ нею молодая дѣвушка находила темы для неизсякаемыхъ словопреній, тогда какъ на всѣ вопросы своей названной матери отвѣчала односложно.

— Расскажи мнѣ,—говорила Віолетта:—что ты думаешь, что у тебя на умѣ и на сердцѣ, расскажи мнѣ все!

Мадлена опускала голову, слегка кривя губы. Эту манеру ея Віолетта хорошо знала.

— Право, можно подумать, что ты меня боишься.

— Да, я тебя боюсь... Ты такая строгая!

— Я? но я никогда даже не бранила тебя!

Наединѣ сама съ собою Віолетта спрашивала себя, стараясь найти объясненіе недовѣрію и страху, которые кляли неодолимую преграду между нею и Мадленой. Чему приписать это? Что вызвало въ сердцѣ дѣвочки такія чувства? На самомъ дѣлѣ Мадлена просто находила Віолетту слишкомъ разсудительной и немного скучной особой, которой ужъ отъ природы свойственно говорить и дѣлать однѣ лишь серьезныя вещи.

Она прятала нѣсколько книгъ, болѣе безразличныхъ, чѣмъ вредныхъ, которыя Віолетта запретила ей читать. Она тайкомъ видалась съ пансіонской подругой, гораздо старше ея годами и уже замужней, простымъ созданіемъ, распущеннымъ и плохо причесаннымъ, которая относилась съ пренебреженіемъ къ своему супругу и тайнственно распространялась о знакомомъ актерѣ. Она говорила Мадленѣ, вздыхая и потягиваясь:—Ахъ, мое дитя, ты еще узнаешь, что такое любовь!

Ея вздохи и недомолвки заставляли Мадлену мечтать потомъ невѣдомо о чемъ въ теченіе долгихъ часовъ.

Кромѣ этой близости съ старой подругой, молодая дѣвушка еще многое скрывала отъ Віолетты. Она таила разные пробуждающіеся аппетиты и склонности, которые Віолетта нашла бы вредными прихотями, различныя мечты, которыя она назвала бы безуміемъ, различныя сомнительныя мысли о жизни и мірѣ, которыя не могли бы зародиться такъ рано въ совершенно чистой и невинной душѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей касались ея происхожденія, являлись откликомъ отдаленныхъ воспоминаній о раннихъ дняхъ ея дѣтства, когда она была вмѣстѣ и счастлива, и несчастна, когда роскошь смѣнилась недостаткомъ.—Она все забыла,—говорила себѣ Віолетта. Она жестоко обманывалась.

Однажды вечеромъ—Мадленѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ—она вернулась изъ пансіона красная, разстроенная и сердитая.

— Что случилось?—спросила Віолетта.

— Ничего особеннаго. Только онѣ мнѣ надоѣдали сегодня... Одна особенно приставала. Дочь мелочного торговца желѣзомъ... Я ей сказала, что мой папѣ гораздо важнѣе ея, что онѣ былъ депутатомъ... Не правда ли, я хорошо ее срѣзала?

— Напротивъ, совершенно напрасно ты сказала это, — отвѣчала Віолетта, щеки которой покрылись румянцемъ.

Дѣвочка не почла нужнымъ, услышавъ такой отвѣтъ Віолетты, сообщать ей конецъ исторіи.

На другой день дочь торговца желѣзомъ явилась торжествующая. — Мама справлялась: депутата по имени Нуармонъ нѣтъ... Мадлена Нуармонъ — лгунья.

Мадлена подавила свой гнѣвъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя, когда она встрѣтила бывшую товарку, гулявшую со своимъ первымъ ребенкомъ, и та дружественно поздоровалась съ ней, Мадлена почувствовала злобное движеніе въ сердцѣ. Умъ ея работалъ, стараясь уяснить себѣ ея странное положеніе. Віолетта была ей матерью; почему она не живетъ вмѣстѣ съ ея отцомъ? Почему она не носятъ его имя, вмѣсто того, чтобы называться Нуармонъ или Меріанъ? Но чѣмъ болѣе занималъ ее этотъ предметъ, тѣмъ тщательнѣе избѣгала она разговаривать о немъ съ кѣмъ бы то ни было, а въ особенности съ Віолеттой.

Она становилась кокеткой, проводила большую часть того времени, которое Віолетта оставалась въ магазинѣ, придумывая, на какой бы ладъ устроить прическу. Однажды въ воскресенье, послѣ обѣдни, онѣ отправились гулять по бульварамъ и зашли въ область настоящаго Парижа. Мадлена, одѣтая изысканно, привлекала нѣкоторое вниманіе, пока онѣ шли по бульвару Кальверъ и Тамплъ; но какъ только онѣ приблизились къ театру Гуппаса, взоры прохожихъ останавливались исключительно на Віолеттѣ, несмотря на то, что она, какъ всегда, была одѣта въ темные цвѣта.

„Что такое они всѣ въ ней находятъ?“ спрашивала себя Мадлена, бросая исподтишка взгляды на свою названную мать, которая шла, не подозрѣвая о впечатлѣніи, производимомъ ею на всѣхъ, исполненная граціи и чувства собственнаго достоинства.

Дурное чувство заронилось съ этого дня въ душу Мадлены, и она еще холоднѣе стала обходиться съ Віолеттой, стала еще скрытнѣе.

Х.

Віолетта мало интересовалась сосѣдами и ничего не знала объ уличныхъ происшествіяхъ. Въ день революціи она спокойно шла по Парижу, не подозрѣвая о ней. Мадлена, еще совсѣмъ маленькая, обладала уже любопытствомъ, котораго не доставало молодой женщинѣ: она все знала, со всѣми была знакома. Въ вос-

кресенье, забравшись въ амбразуру окна и приплюснувъ носъ объ стекло, она говорила Виолеттѣ:

— Посмотри, вонъ вышелъ молодой человѣкъ!

— Какой молодой человѣкъ?

— Который живетъ въ первомъ этажѣ. Братъ докторши.

Въ первомъ этажѣhalb можно было прочесть на дверяхъ слѣдующую надпись: „M-me Октавія Ренуаръ, докторъ медицины“.

Мадлена продолжала:

— На немъ высокая шляпа, онъ совсѣмъ какъ большой. Не то что какъ обыкновенно на недѣлѣ, когда я его вижу у лица въ кепи и съ тетрадками подъ мышкой.

— Какимъ образомъ ты такъ хорошо знаешь этого гимназиста?

— Онъ каждый день проходитъ по улицѣ Тюреннъ, мимо оконъ той комнаты, въ которой мы играемъ. Одна изъ старшихъ давала мнѣ десять су, если я передамъ ему письмо.

— Какая безстыдница! Надѣюсь, что ты отказалась?

— Разумѣется!

— Мнѣ слѣдуетъ сообщить объ этомъ m-me Геллетонъ.

— Не дѣлай этого. Меня назовутъ ябедницей, а та меня поволотитъ.

Въ другой разъ Мадлена сказала:

— Я встрѣтила г. Мартена, и онъ мнѣ далъ орѣховъ.

— Кто такой этотъ Мартенъ?

— Какъ! развѣ ты его не знаешь? Онъ ворчунъ.

— Ворчунъ!—возразила Виолетта, смѣясь:—но, дурочка, это не значитъ еще объяснить положеніе человѣка и кто онъ такой, если назовешь его ворчуномъ.

Она, впрочемъ, видѣла это имя, написанное черными буквами на мѣдной дощечкѣ въ первомъ этажѣ на двери направо. Подъ нею былъ приколотъ ярлыкъ съ слѣдующими удивительными строками: „Жозефъ Мартенъ, кандидатъ правъ. Старшій постоянный секретарь Общества наслѣдниковъ Мартенъ, изобрѣтатель futur volitif, агентъ по благоустройству города Парижа и проч. и проч. Даетъ совѣты ежедневно съ десяти утра“.

— Итакъ,—сказала Виолетта,—ты знакома съ г. Мартеномъ?

— Это одинъ изъ моихъ друзей,—отвѣчалъ важно ребенокъ.—Я знаю также и его даму.

— Его жену, Мадлена, его жену,—возразила Виолетта.

— M-me Жанисеръ всегда говоритъ: *его дама*,—сухо произнесла Мадлена.

Виолеттѣ какъ-то понадобилось познакомиться болѣе обстоя-

тельно съ нѣкоторыми изъ параграфовъ свода законовъ, чтобы разъяснить одинъ дѣловой вопросъ. Она обратилась за совѣтомъ къ г. Мартену; пришлось нѣсколько разъ навѣстить этого страннаго челоѣка, котораго она въ шутку продолжала звать „ворчунъ“.

Мало-по-малу Вюлетта проникла въ тайну знаменитаго ярлыка на его двери, который представлялся ей столь же загадочнымъ и непонятнымъ, какъ анкирская надпись для индѣйца или эскимоса.

Г. Мартенъ, послѣдовательно бывшій адвокатомъ, профессоромъ каллиграфіи, содержалъ пансіонъ, издавалъ періодическій журналъ, составлялъ архитектурскіе планы и смѣты, занимался коммерціей, являлся повѣреннымъ и агентомъ по дѣламъ, но не обогатился ни одной изъ этихъ профессій.

— Конечно,—говорилъ онъ,—если смотрѣть съ матеріальной точки зрѣнія, я не имѣлъ успѣха, но тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь думать, что моя дѣятельность оставляла неизгладимый слѣдъ во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ я работалъ.

Мартенъ составилъ грамматику, которая продавалась „у автора“. Она пополняла пробѣлъ въ французскомъ языкѣ, замѣняя *futur potentiel*—помощью *futur volitif*. Въ „*Moniteur de la Corroirie*“ онъ первый посоветовалъ отдѣлать Лувръ и продолжить улицу Риволи. Замѣтка эта, случайно прочтенная и одобренная Наполеономъ III, имѣла результаты, извѣстные всѣмъ.

Когда Мартенъ, одѣтый въ скромное пальто, выдавшее лучшие дни, со шляпой въ рукѣ, слѣдуя своей неизмѣнной привычкѣ, шелъ по одной изъ артерій Парижа, вмѣстѣ съ равнодушной толпой, спѣшащей по своимъ дѣламъ, бѣгущей за развлеченіями, никто, за исключеніемъ нѣсколькихъ уличныхъ мальчишекъ, не оборачивался посмотрѣть на „агента по благоустройству города“. Но онъ зналъ, что сдѣлалъ для него, и этого было для него довольно. Онъ наслаждался своимъ инкогнито, какъ путешествующій король. Онъ любовался, улыбаясь съ снисходительнымъ удивленіемъ, великолѣпными перспективами современнаго Парижа и бормоталъ сквозь зубы съ наивною гордостью и вмѣстѣ философскою меланхоліей:—Гм! не будь меня, кто знаетъ, было ли бы все это?

Совершивъ перестройку Парижа—громадная задача, на которую онъ положилъ два года своей жизни!—онъ занялся состояніемъ какого-то другаго Мартена.

„Драма, истинная драма, полная неожиданныхъ паденій и

возвышеній, невѣроятныхъ перипетій. То касаешься вершины, то вновь летишь въ бездну!”

Говоря презрѣнной прозой, онъ задумалъ получить наслѣдство неизвѣстнаго ему Мартена, умершаго на о. Ямаикѣ.

Дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о тридцати-трехъ милліонахъ, четыреста двадцати-восьми тысячахъ, восьмистахъ-четырнадцати франкахъ, двадцати-семи сантиматахъ. Для полюбовнаго раздѣла этого чаемаго наслѣдства соединились всѣ представители фамиліи Мартенъ во Франціи: Мартенсы, Мартены, Марти, Марто и другія разновидности съ легкими измѣненіями ореографіи спѣшили предъявить свои права на долю сваливагося съ неба богатства. Изъ Италіи явились Мартини и Мартино, изъ Испаніи—Мартинецъ, изъ Россіи и Польши—Мартыновы и Мартыновскіе.

Громадная зала едва могла вмѣстить собраніе наслѣдниковъ Мартена; оно было столь шумно, сопровождалось такимъ же гвалтомъ и такими же горячими объясненіями, какъ засѣданіе настоящаго парламента.

Мартену—это былъ незабвенный мигъ въ его жизни—въ качествѣ главнаго секретаря было поручено хлопотать о восстановленіи правъ по наслѣдству. Шли долгіе переговоры, не приведшіе ни къ чему.

Въ этомъ случаѣ англійское правительство поступило относительно Мартена „со своимъ обычнымъ вѣроломствомъ“; но Мартенъ не выразилъ никакого неудовольствія, не входилъ ни въ какія подробности: въ концѣ концовъ „надлежало падить дружественную Франціи державу“.

Какъ бы въ непрестанномъ банкротствѣ, ежеминутно готовые потерять все рѣшительно и все-таки, противъ всѣхъ законовъ ариметики и вѣроятности существующіе, супруги Мартенъ обрѣли наконецъ пристань въ улицѣ Сентонжъ, гдѣ самъ Мартенъ открылъ „дѣловой кабинетъ“, и прожили здѣсь семь или восемь лѣтъ. Какъ всѣ непризнанные великіе люди, онъ имѣлъ трехъ, четырехъ вѣрныхъ поклонниковъ: это были сосѣднія привратницы, игравшія на биржѣ. Мартенъ завѣдывалъ ихъ капиталами. Когда онѣ проигрывали, то возмѣщали убытокъ на чемъ-либо другомъ; когда же приобрѣтали,—а случаи бываютъ всякіе,—то бѣжали сообщить всему околотку о необыкновенной мудрости его совѣтовъ. Онѣ славилъ его по кварталу, но, несмотря на ихъ усиленную пропаганду, дѣла „дѣлового кабинета“ шли не особенно важно. Было что-то трогательное и виѣстѣ комическое въ томъ, какъ этотъ бѣдный человѣкъ, локти котораго высывались изъ

протертыхъ и побѣлѣвшихъ рукавовъ, терпѣливо ждалъ въ обстановкѣ, вопіявшей о крайней нуждѣ, рѣдкихъ кліентовъ, являвшихся къ нему учиться искусству дѣлать фортуны. Всѣ надежды супруговъ лежали на ихъ „дѣвицѣ“, обучавшейся въ консерваторіи фортепіанной игрѣ. Но она умерла двадцати лѣтъ отъ роду отъ хроническаго воспаления горла. Г-жа Мартенъ не въ силахъ была перенести этого удара.

Убитая и скорбная, она жаловалась на все—на холодъ и на жаръ, на голову, на поясницу, на свои ноги, на жизнь и, главнымъ образомъ, на людей.

Постоянно она предавалась мрачнымъ размышленіямъ во вкусѣ Шопенгауера, сама, конечно, и не подозревая о его существованіи, тогда какъ ея мужъ казался послѣднимъ воплощеніемъ Панглосса.

Изъ этого не слѣдуетъ заключить, что потеря дочери не произвела на него впечатлѣнія,—горе его было глубоко, но ужъ онъ отъ природы былъ оптимистомъ и ничто не могло изгнать изъ его сердца надежду; онъ не могъ не повиноваться своему характеру, не могъ измѣнить ему.

И г. Мартенъ, двигаясь въ юдоли этой плачевной жизни, которая была такъ жестока къ нему, находилъ постоянно довольно подходящихъ случаевъ, чтобы прославлять прекрасное утро, какъ будто бы ему только и оставалось дѣлать, что наслаждаться жизнью да благодарить Создателя,—благодѣтельнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ величественнаго,—потягивая классическую понюшку табаку, если только средства позволяли ему такую роскошь, и поправляя машинальнымъ жестомъ очки въ золотой оправѣ—единственная золотая вещь, съ которой онъ никогда не разставался—и подставляя вѣтру, равно зимою и лѣтомъ, свой голый черепъ, полный проектовъ. Онъ былъ геніаленъ, человѣченъ, симпатиченъ, относился ко всѣмъ съ безконечной снисходительностью, жаждалъ всякаго поддержать, всякому оказать поддержку, утѣшить,—онъ, который самъ такъ нуждался въ утѣшеніи, покровительствѣ и поддержкѣ.

Какъ разъ къ тому времени, какъ Віолетта познакомилась съ супругами Мартенъ, аналогичный случай побудилъ ее обратиться къ докторшѣ Октавіи Ренуаръ.

Мадлена заболѣла скарлатиной. Надо было позвать доктора. Почему не позвать m-lle Ренуаръ? Публика квартала, всегда знающая всю подноготную, называла ее „повивальной бабкой“. Известно было такъ же, что она имѣетъ дипломъ цюрихскаго университета. Она осмотрѣла Мадлену, стала ее лечить и вылечила.

Въ этомъ выздоровленіи не было ничего чудеснаго, но тѣмъ не менѣе оно свидѣтельствовало объ интеллигентности и практическихъ знаніяхъ m-lle Ренуаръ. Когда болѣзнь прошла, Октавія все-таки продолжала навѣщать ихъ, какъ сосѣдка и другъ. Необыкновенно дурная собой, неуклюжая и добрая въ высшей степени, она не была непріятна Віолеттѣ, и та относилась къ ней съ симпатіей по причинѣ нѣкотораго сходства ихъ положенія. Безсемейная, не имѣя состоянія, m-lle Ренуаръ поглощена была воспитаніемъ своего брата Франсуа, также какъ Віолетта—воспитаніемъ Мадлены. Насчетъ будущаго Франсуа она строила самыя головокружительныя предположенія. Она была убѣждена, что изъ него выйдетъ по меньшей мѣрѣ Ренанъ, Шамполліонъ, Максъ Мюллеръ, великій ученый, новаторъ науки.

Что касается себя самой, то она ничѣмъ не была и не желала быть чѣмъ-либо: она существовала на свѣтѣ лишь для того, чтобы воспитать и помочь первымъ шагамъ на славномъ поприщѣ великому Франсуа Ренуару, имя котораго она уже видѣла въ спискѣ профессоровъ Collège de France и въ числѣ членовъ двухъ или трехъ академій.

Она принадлежала къ тому незначительному числу самоотверженныхъ и любящихъ сестеръ, которыя высиживаютъ братьевъ-геніевъ.

— Жена всякаго человѣка,—говорила она,—думаетъ о своихъ дѣтяхъ и о самой себѣ столько же, какъ и о своемъ мужѣ. Она носитъ славное имя, на ея долю падаетъ часть тѣхъ овацій и восторговъ, которыми переполнена его жизнь, и проблескъ его славы падаетъ и на нее. Въ концѣ концовъ это не болѣе какъ эгоистея!.. Но сестра, о которой никто не говоритъ и которую всѣ игнорируютъ, которая смѣло жертвуетъ своею частью жизненныхъ благъ и единственно заботится о счастьѣ другого,—про нее всякій скажетъ, что она лично при этомъ ничѣмъ не пользуется! Быть такою сестрою не есть ли высшее самоотверженіе?

Она говорила все это смѣясь, въ шутку, но видно было, что она построила всю жизнь на этихъ соображеніяхъ.

Присмотрѣвшись ближе, глубже изучивъ ея побужденія, быть можетъ, философъ школы Гоббеса свелъ бы самоотверженіе m-lle Ренуаръ на себялюбіе, общій корень всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Привязанность, которую она питала къ брату, не походила ли на пристрастіе собственника къ его дому, скупого къ своему золоту, автора къ своей книгѣ, и вообще всѣхъ людей ко всему, что они дѣлаютъ и что имъ принадлежитъ? Но Гоббесъ былъ не слишкомъ-то извѣстенъ въ улицѣ Сентонжъ.

Франсуа былъ во всемъ—физически и нравственно—прямая противоположность своей сестрѣ. Довольно пріятной наружности, онъ начиналъ заботиться о своихъ волосахъ и ногтяхъ. Онъ надѣвалъ перчатки, отправляясь въ лицей, но снималъ ихъ на углу улицы Сентъ-Антуанъ, чтобы не быть поднятымъ на смѣхъ товарищами. Былъ ли онъ дѣйствительно необыкновеннымъ юношей, какъ это видѣла его сестра? Тѣ немногія слова, которыя онъ ронялъ, не проливали свѣта на этотъ вопросъ.

Октавія чувствовала необходимость подыскать извиненіе банальности и бѣдности діалоговъ геніальнаго брата.

— Онъ такъ скромнень! — говорила она. Странная скромность, которая, казалось, гнушалась человѣческимъ родомъ! На самомъ дѣлѣ стремленіе сдѣлать что-либо необыкновенное парализовало всякое его движеніе, всякое слово; онъ не могъ ничего дѣлать, такъ какъ постоянно виталъ въ сферахъ выспихъ—его настоящей дѣйствительности.

Онъ не могъ разглядѣть собственной натуры, вѣчно занятый тысячами фантазій и задачъ, за которыя онъ попеременно хватался, оставляя сейчасъ же, постоянно воображая себя однимъ изъ героев своихъ любимыхъ романовъ. Онъ очень интересовался женщинами, но на свой ладъ, постоянно рисуясь передъ ними и не ища случая имъ понравиться.

Однажды утромъ, когда Віолетта пришла въ магазинъ, она замѣтила, между торговою корреспонденціею, письмо, адресованное ей лично. Бумага была блеклаго голубого цвѣта. Анютинныя глазки служили печатью, а гирлянда незабудокъ окаймляла листокъ. Письмо издавало удушливый запахъ духовъ. Она прочла: „О! ты, чей взглядъ“... и остановилась—пораженная. Господи! любовное письмо къ ней, да еще въ стихахъ!

Она была и удивлена, и разсержена, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было смѣшно. Письмо прислано по почтѣ. Кто бы могъ быть его авторомъ? Быть можетъ кто-либо изъ приказчиковъ ихъ магазина. Она окинула ихъ быстрымъ взглядомъ. Всѣ они были совершенно погружены въ упаковыванье и распаковыванье товара, перетирали фаянсъ или взглядомъ сосчитывали дюжины стекланной посуды, шевеля губами съ самымъ занятымъ видомъ. Никто изъ нихъ, очевидно, и не думалъ о г-жѣ Нуармонъ. Она прочла стихи до конца и была ужасно оскорблена. Сердечное „ты“, которое считаютъ себя въ правѣ, не стѣсняясь, употреблять стихотворцы, казалось ей нестерпимымъ.

Рѣчь шла о ея „мраморныхъ плечахъ“ и „снѣжной груди“. Поэтъ говорилъ о безсонныхъ ночахъ, которыя онъ проводилъ,

„проклиная день своего рожденія“. Онъ предлагалъ Виолеттѣ въ заключеніе бѣжать съ ней въ „дѣвственную, не оскверненную ногою человѣка“, пустыню, жить среди дикихъ звѣрей „менѣе свирѣпыхъ, чѣмъ человѣкъ“. Тамъ они умрутъ въ объятіяхъ другъ друга, „медленно пожираемые роковою любовью“.

Виолетта скомкала голубой листокъ и сунула его въ карманъ. Затѣмъ она принялась за свои обычныя обязанности, ставя точки надъ *i* и выписывая *t* съ большей энергіей, чѣмъ всегда. Не переставая строчить выговоръ неаккуратной конторѣ или приказъ агенту, она время отъ времени шептала: „Дуракъ!“

Возвращаясь домой вечеромъ, она позвонила у Октавіи. У Мадлены это былъ свободный день, и она должна была провести его у Ренуаровъ.

Дверь отворилъ Франсуа.

— Моя сестра,—сказалъ онъ,—вышла съ дѣвочкой. Она скоро придетъ.

— Я ее подожду,—отвѣчала Виолетта.—Продолжайте занятія, если у васъ еще не приготовлены уроки.

— Миѣ нечего дѣлать,—отвѣчалъ Франсуа, который терпѣть не могъ, когда ему напоминали о гимназіи.

Виолетта сѣла въ кресло, спиной къ окошку. Онъ стоялъ передъ ней, прислонившись къ стѣнѣ и потупивъ глаза въ коверъ. Наступило молчаніе. Виолетта сунула въ карманъ руку, ища платокъ, и смятое письмо зашуршало подъ ея пальцами, напоминая о себѣ. И дѣйствительно, она вспомнила о любовномъ посланіи, полученномъ ею утромъ, и о впечатлѣніи, которое оно произвело на нее. Она случайно взглянула на Франсуа, замѣтила его двусмысленныя ужимки и то волненіе, до извѣстной степени вызванное искусственно, которымъ онъ подчеркивалъ чувство, натакнутое имъ на себя.

Въ умѣ ея родилось мгновенное подозрѣніе: „Ужъ не онъ ли?“—немедленно подтвердившееся положительною увѣренностью. „Да, онъ!“ Она чувствовала, что за нею пылливо наблюдаютъ. Франсуа старался прочесть по выраженію ея лица, имѣло ли успѣхъ его посланіе, или нѣтъ. Виолетта съ досадою чувствовала, что краснѣть, и все болѣе и болѣе волновалась, такъ какъ понимала, что это смущеніе будетъ перетолковано совсѣмъ въ другую сторону наблюдавшимъ за нею восемнадцатилѣтнимъ фатомъ.

Она, однако, овладѣла собою и равнодушно сказала:

— У моихъ часовъ лопнула пружина. Ваша сестра миѣ обѣщала дать адресъ знакомаго ей часовщика. Вы знаете его?

— Разумѣется.

Онъ подошелъ къ столу и нацарапалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги. Віолетта взяла его, подошла къ окну, такъ какъ уже были сумерки, и внимательно прочитала. Хотя посланіе въ стихахъ было написано измѣненнымъ почеркомъ, но она его узнала безъ труда.

Юноша, очевидно, догадался, затѣмъ она попросила его написать адресъ, и тоскливо ждалъ.

Послѣдовала новая пауза.

— Франсуа, — сказала наконецъ Віолетта: — вы любите стихи?

— Да, разумѣется.

— А я такъ совсѣмъ не люблю.

— Конечно, смотря какіе стихи, — отвѣчалъ Франсуа, немного робѣя: — я люблю хорошіе стихи.

— Скажите, какого вы мнѣнія объ этихъ?

И она протянула ему голубой листокъ. Онъ взялъ и притворился, что читаетъ, но письмо дрожало въ его рукѣ.

— Ну такъ что же? — сказала она, подождавъ.

— Я не могу судить о достоинствѣ этихъ стиховъ, но мнѣ кажется, что тотъ, кто написалъ эти стихи... понимаетъ, что такое любовь.

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ. Я думаю, что авторъ — ребенокъ, не имѣющій никакого понятія, какая важная вещь любовь, и еще менѣе понимающій мой характеръ.

— Ребенокъ!

— Да, и только потому я и могу это ему простить... Будь онъ старше на нѣсколько лѣтъ, онъ понималъ бы, что это дерзость, и тогда поступокъ его былъ бы непростительнымъ. Теперь же это не можетъ меня разсердить. Листокъ испорченной бумаги — вотъ лишь что представляетъ для меня это письмо! Незабудки такъ милы, что, право, жаль...

Франсуа стоялъ убитый, съ письмомъ въ рукѣ.

— Хотите мнѣ сдѣлать удовольствіе? Сожгите это письмо.

Онъ зажегъ свѣчу и приблизилъ бумагу въ пламени. Онъ былъ блѣденъ и, казалось, жестоко страдалъ. Віолетта даже стала упрекать себя за то, что такъ сурово обошлась съ нимъ. Но глухимъ голосомъ, какъ будто давась словами, онъ произнесъ:

— Если вы отталкиваете того, кто васъ любитъ, значитъ вы любите другого?

Віолетта вздрогнула. Она вновь разсердилась и раздумала проливать бальзамъ на рану, которую нанесла негодному мальчишкѣ.

Письмо все сгорѣло и пепель осыпался на полъ. Какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошла Октавія съ Мадленой.

Воспоминаніе объ этомъ случаѣ мало-по-малу изглаживалось въ памяти Віолетты по мѣрѣ того, какъ годы проходили.

Франсуа, когда думалъ, что за нимъ никто не наблюдаетъ, бросалъ на нее мрачныя взгляды. Трудно сказать, что выражали они: возрождающееся желаніе или мелочную злобу. Быть можетъ, вмѣстѣ и то и другое. Выйдя изъ гимназіи, онъ выдержалъ экзамены на бакалавра и сталъ слушать—по крайней мѣрѣ считалось, что онъ слушаетъ—университетскій курсъ. Но не разъ въ часы, которые, какъ полагала его сестра, онъ проводилъ на скамьяхъ Сорбонны или въ залахъ библіотеки, Віолетта замѣчала его на террасѣ, въ кафѣ, на бульварѣ, съ локтями на столѣ, безцѣльно всматривающагося въ снующую мимо толпу, слѣдящаго за паромъ, поднимающимся надъ его чашкой, или разсѣяннаго провожающаго взглядомъ хорошенькую женщину.

Въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ Октавіи, что онъ „одурѣлъ отъ всего этого“, что онъ рожденъ поэтомъ и не намѣренъ болѣе искушать свой геній въ безплодныхъ грамматическихъ упражненіяхъ. Октавіи съ необычайной быстротой перебрѣнула одну фантазію на другую.

Что-жъ, и прекрасно! разъ онъ не желаетъ быть Ренаномъ или Шамполлиономъ, пусть сдѣлается Викторомъ Гюго.

Въ эту зиму практика ея была весьма значительна; она принимала у столькихъ лавочницъ, что это позволяло ей, по elegantному выраженію г. Мартена, принести священную жертву Аполлону. На современномъ прозаическомъ языкѣ это значило, что она на свой счетъ издала томъ стихотвореній Франсуа. Книга носила общее заглавіе: *Безнадежности*, во множественномъ числѣ, такъ какъ ихъ здѣсь было изрядное количество всякаго сорта. Авторъ проклиналъ жизнь, которая покамѣстъ обходилась съ нимъ не слишкомъ жестоко, проклиналъ женщинъ, о которыхъ не имѣлъ понятія, кромѣ развѣ своей сестры, посвящавшей ему всю себя и трудившейся безъ отдыха, лишь бы доставить ему благополучіе и успѣхи. То съ необыкновенной напыщенностью спускался онъ въ мрачныя бездны своего духовнаго существа, то въ духѣ древнихъ принимался воспѣвать прелести Хлои и Гликерій; сквозъ тунники и пеплумы которыхъ проглядывала современная бѣдность, пошлость и узоръ. Нѣкоторая доля богохульства дополняла поэтическій багажъ Франсуа Ренуара. Въ экземплярѣ, поднесенномъ ей, Віолетта нашла любовное письмо, адресованное

„à Madame***“, которое она уже имѣла удовольствіе прочесть на голубомъ листѣ съ ободкомъ изъ незабудокъ.

„Скажите!—подумала она:—онъ сохранилъ копию“.

И съ презрѣніемъ къ поэту, который подбиралъ всякую кроху своего творчества, она швырнула книгу на столъ и громко произнесла:

— Бѣдный мальчикъ!

Мадлена слышала слова, вырвавшіяся у нея, но не поняла ихъ смысла.

Какъ только Вюлетта ушла, она принялась пожирать страницу за страницей оставленной книги, хотя еще менѣе понимала ее.

Сборникъ поэтическихъ *Безнадежностей* канулъ, какъ камень, на самое дно той бездны забвенія, которая поглощаетъ ежегодно тысячи томовъ, никому ненужныхъ и потому осужденныхъ на ничтожество.

— Не будемъ терять мужества!—кричала Октавія, воспаленная неудачею.—Будемъ бороться! Терпѣніе! Все придетъ въ свое время!

Но Франсуа принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда по два раза не стучатся въ ту же дверь. Онъ сейчасъ же началъ поносить поэзію.—Стихи! Какой вздоръ! Это ребяческая и вмѣстѣ съ тѣмъ старая, изжившая свое время забава, годная только развѣ для мальчишекъ да для ословъ! Существуетъ на свѣтѣ лишь одна цѣнная вещь—деньги. Ради нихъ стоитъ дѣйствительно приносить жертвы, трудиться. Я хочу быть богатымъ!

— Вотъ и прекрасно! Ничего не можетъ быть лучше!—немедленно вскричала Октавія, обращаясь за поддержкой къ Вюлеттѣ, хранившей молчаніе.

Въ результатѣ этой перемѣны фронта Франсуа сдѣлался, въ ожиданіи лучшаго, комми у банковаго агента.

Онъ сталъ стричь волосы подъ гребенку и отпускалъ американскую бородку.

Онъ теперь ни о чемъ другомъ не говорилъ, кромѣ биржевыхъ операцій.

Онъ никогда не разговаривалъ съ Вюлеттой. Въ вознагражденіе онъ рисовался съ нѣкоторыхъ поръ передъ Мадленою, замѣтивъ, что дѣвочка ловить его слова, и съ своей стороны мучимый жаждой поклоненія себѣ. Онъ слегка толкалъ ее, дергалъ за уши, смѣялся надъ ней такъ, что она то-и-дѣло краснѣла, но тѣмъ не менѣе никогда не сердилась. Однажды,—ей было

уже четырнадцать лѣтъ,—онъ насильно посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

Она стала такъ дрожать и такъ неловко отбивалась, что онъ съ любопытствомъ сталъ наблюдать за нею.

Безжалостный, онъ положилъ руку на грудь ребенка.

— Какъ у тебя бьется сердце! Что такое съ тобой?

Застыдившись, она опустила голову съ рѣзкимъ жестомъ и закрыла лицо покраснѣвшими ручками.

На другой день онъ у нея спросилъ:

— Это что за шляпа на тебѣ? Знаешь ли, вѣдь ты въ ней не такъ ужъ дурна!

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричала дѣвочка въ восторгѣ.

И въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она казалась почти хо-рошенькой. Франсуа между тѣмъ продолжалъ ее разсматривать.

— Просто смѣшно,—сказалъ онъ,—какъ ты мало походишь на свою мамъ!

— Вы находите ее красивой, не правда ли?

— О, да, она необыкновенно хороша! — отвѣчалъ Франсуа съ горечью, придававшю его словамъ такое значеніе, которое видимо Мадлена была болѣзненно задѣта.

Попрежнему принимая видъ дяди или старшаго брата, Франсуа прежде чѣмъ кто-либо сталъ понимать, что происходило въ сердцѣ Мадлены. Это доставляло ему забавное зрѣлище, служило развлеченіемъ въ дождливые дни, когда идти изъ дому не хотѣлось или просто когда не было денегъ и нельзя было пойти въ кафѣ. Онъ начиналъ дразнить Мадлену и насмѣхаться надъ нею, и когда видѣлъ, что она готова разрыдаться, удостоивалъ ее лаской и заставлялъ дрожать отъ счастья. Онъ отлично зналъ всю гнусность этихъ продѣловъ, но разборчивость въ средствахъ, когда дѣло шло объ удовольствіяхъ, была не въ правилахъ Франсуа Ренуара. Да это и не шло къ человѣку, который рѣшилъ „сдѣлаться богачомъ“! За этимъ вѣкетничаньемъ слѣдовали долгіе періоды, во время которыхъ Франсуа казался холоднымъ, равнодушнымъ, относился къ ней почти съ отвращеніемъ, или потому, что ему доставляло наслажденіе помучить дѣвочку, или просто онъ былъ занятъ интригой, которую считалъ гораздо болѣе серьезною. Мадлена приходила въ отчаяніе.

Ее трясла лихорадка. По ночамъ, зарывшись въ подушки, она старалась подавить рыданія, разрывавшія ея грудь. Она начинала мечтать о томъ, чтобы покончить съ собою. Уморить себя голодомъ? Принять ядъ? Смерть таится повсюду; она скрыта подъ самыми простыми и обыденными формами, въ бутылкѣ чернилъ,

въ коробѣхъ со спичками; смерть всегда готова предстать передъ тѣмъ, кто ее зоветъ; нѣтъ ничего легче, какъ найти ее!.. Мадлена повѣряла свои страданія замужней подругѣ, и та хохотала вульгарнымъ, наглымъ смѣхомъ:

— Ты глупа! Стоять ли мужчины того, чтобы изъ-за нихъ убиваться?..

Вотъ въ это-то именно время положеніе ихъ измѣнилось.

— Теперь эта дѣвочка стала наслѣдницей значительной суммы! — вскричала Октавія. И прежде чѣмъ языкъ ея выговорилъ эту фразу, братъ ея уже постигъ все значеніе событія. Надо серьезно подумать объ этомъ. Будетъ ли за Мадленой приданое? И если будетъ, то какъ оно велико? Онъ рѣшилъ повременить сообщать свои планы Октавіи. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на круглую дуру, и доказательствомъ ея глупости въ его глазахъ являлась безграничная преданность, съ которой она къ нему относилась. Наружно онъ нисколько не измѣнился, держалъ себя такъ же, какъ и прежде, и ожидалъ отвѣта.

Віолетта ничего не знала. Случай открылъ ей все.

Однажды утромъ ей понадобилось пришить пуговицу къ перчаткѣ.

Она не могла найти своего наперстка и подумала, что можно взять его у Мадлены, которой не было дома.

Перебирая вещицы, лежавшія въ рабочемъ ящикѣ молодой дѣвушки, она открыла фотографію Франсуа, на оборотѣ которой были написаны нижеслѣдующія слова:

„Данъ имъ, 7-го іюня, въ восемь часовъ вечера“.

Мадлена влюблена! И повидимому уже давно! И избранникъ ея сердца былъ Франсуа Ренуаръ, который увлекался ея названной матерью! Эго въ пустой молодой человѣкъ, нравственныя тенденціи котораго внушали Віолеттѣ непреодолимое отвращеніе!

Ударъ былъ такъ же жестокъ, какъ неожиданъ. Она долго размышляла и рѣшила бороться.

Затѣмъ, пришивъ къ перчаткѣ пуговицу, она убрала все въ ящикъ и ушла въ свою комнату.

XI.

— Я сдала нашу квартиру, — сказала Віолетта Мадленѣ недѣлю спустя послѣ сдѣланнаго ею открытія: — и наняла другую въ улицѣ Паради, въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщается *Coupe de Cristal*; такъ будетъ гораздо удобнѣе, легче наблюдать за дѣломъ.

Тонъ, которымъ произнесла Віолетта эти слова, былъ такъ твердъ и рѣшительнъ, что Мадлена сейчасъ же поняла, что спорить тутъ нечего.

— А!.. Когда же мы переѣдемъ?

— Квартира свободна, такъ что можно было бы переѣхать хоть сейчасъ, но необходимо сдѣлать кое-какія передѣлки. Все будетъ готово черезъ недѣлю, не болѣе, и тогда мы переѣдемъ.

Ни возраженій, ни слезъ!

Віолеттѣ предстояло вести борьбу съ натурой, діаметрально противоположной ея собственной, съ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые защищаются тѣмъ, что, ничего не предпринимая, погружаются въ угрожающее молчаніе, и оно продолжается, если то нужно, цѣлые мѣсяцы.

Цѣлую недѣлю Віолетта не получала ни на свои ласки, ни на самые простые вопросы иного отвѣта, кромѣ едва слышныхъ „да“ и „нѣтъ“.

Утромъ и вечеромъ Мадлена по прежнему подставляла свой лобъ, чтобы получить поцѣлуй, но, казалось, голова ея отклонялась въ ту же минуту, какъ губы Віолетты прикасались къ нему, и поцѣлуй ея не успѣвалъ на немъ запечатлѣться. Слово „ташан“ болѣе не употреблялось въ ихъ ежедневныхъ сношеніяхъ.

Віолетта предполагала, что она примирится съ новой квартирой, если позаботиться объ ея удобствахъ, и прилагала всѣ старанія въ этомъ отношеніи. Но Мадлена съ такимъ же недовольнымъ видомъ глядѣла на свою хорошенькую голубую комнату, съ какимъ нѣкогда на печальныя стѣны ихъ пріюта въ улицѣ Сентонжъ.

На вопросы Віолетты: „Нравится тебѣ такъ? А это тебѣ нравится?“ — она отвѣчала протяжно монотоннымъ: „Да!“ или: „Мнѣ все равно!“ — съ очевидною непримиримостью, какъ будто Віолетта прилагала всѣ усилія сдѣлать ей непріятность. Дѣти, также какъ и дикари, въ своей тактикѣ проявляютъ такое терпѣніе и хитрую скрытность, что существа съ высшей интеллигентностью и болѣе очеловѣченныя культурою не находятъ средствъ бороться съ ними.

Мадлена употребляла оружіе и стратегію ребенка, отстаивая свою страсть взрослой молодой дѣвушки. Едва перебрались на новую квартиру, Віолетта пригласила Ренуаровъ обѣдать. Она продолжала поддерживать дружескія отношенія съ Октавіей.

Въ ея планы входило не произвести рѣзкій разрывъ, но отдалять мало-по-малу Мадлену, не прибѣгая ни къ какимъ грутымъ мѣрамъ. Ренуары съ живѣйшей радостью согласились на

приглашеніе и въ назначенный день явились. Они съ любопытствомъ осматривали покоемъ. Всякая мелочь указывала Франсуа, что Нуармонъ поднялись на одну или двѣ ступени по той пресловутой общественной лѣстницѣ, которая въ концѣ концовъ представляетъ не что иное, какъ парижскую лѣстницу, только вверхъ ногами, такъ какъ она начинается на шестомъ этажѣ, а кончается въ первомъ.

Мадлена надѣла лучшее изъ своихъ платьевъ и сіяла самой радостной изъ своихъ улыбокъ. Веселый, шумный, добрый товарищъ, молодой человекъ вносилъ въ свою прежнюю фамиліарность къ ней особый отѣнокъ, который при случаѣ могъ служить переходомъ, привести къ новой фазѣ въ его отношеніяхъ къ Мадленѣ. Обѣдъ прошелъ оживленно и заключился по случаю новоселья бутылкою шампанскаго. Молодая дѣвушка, возбужденная и взволнованная, открыла дверь, ведущую на балконъ. Франсуа послѣдовалъ туда за нею. Оттуда они прошли въ другую комнату, продолжая смѣяться и болтать. Голова Мадлены была опьянена глоткомъ выпитаго шампанскаго; что же касается Франсуа, то онъ тоже, вѣроятно, испытывалъ то легкое возбужденіе, которое внушаетъ близость молодой дѣвушки, ея быстрыя движенія, короткіе нервные крики, взрывы трепещущаго смѣха.

— Какъ сегодня возбуждена Мадлена!—сказала Вюлетта Октавіа, сидѣвшей около нея на диванѣ въ гостиной.

— Ба! — отвѣчала Октавіа съ снисходительнымъ благодушіемъ:—оставьте ихъ! пусть себѣ немного порѣзвятся, вѣдь они еще совсѣмъ дѣти!

Вюлетта хотѣла было продолжать разговоръ, но болѣе рѣзкій крикъ Мадлены, сопровождавшійся внушительнымъ: „Ш-ш-ш!“ Франсуа, заставилъ ее вскочить, подбѣжать къ двери и открыть ее.

Съ довольно глупымъ видомъ Франсуа выпустилъ дѣвочку, которую держалъ въ плѣну въ углу, и Мадлена, покраснѣвшая, какъ вишня, казалась въ высшей степени довольной, что очутилась на свободѣ.

— Мы играемъ въ прятки,—объяснилъ Франсуа.

— Въ прятки?.. Monsieur Франсуа,—сказала Вюлетта:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ я нашла васъ опередившимъ свой возрастъ; теперь вы мнѣ кажетесь слишкомъ юнымъ для своихъ двадцати-пяти лѣтъ!

Уши Франсуа, и безъ того достаточно румяныя, окончательно побагровѣли, и онъ вышелъ въ гостиную, опустивъ глаза, сжавъ губы, какъ будто ему нанесена была глубокая рана, хотъ онъ старался улыбаться.

Когда Ренуары уѣхали, Мадлена взяла свой ночникъ и пошла подставить лобъ Віолеттѣ, слѣдуя холодному церемоніалу, которому она слѣдовала послѣднее время.

— Подожди, мое милое дитя... мнѣ надо съ тобою поговорить... серьезно поговорить. Сегодня особенно серьезно.

Мадлена съ иронической покорностью поставила ночникъ.

— Ты теперь уже взрослая дѣвушка. Ты болѣе не можешь играть съ Франсуа такъ, какъ когда тебѣ было десять лѣтъ.

Мадлена вспыхнула.

— Я этого ждала... Ты только и искала предлога, чтобы помѣшать мнѣ съ нимъ видѣться и говорить. Только для этого ты и пригласила его обѣдать. Ты мнѣ ставишь ловушку.

— Я?—вскричала Віолетта, оскорбленная.—Нѣтъ, Мадлена, я не ставила тебѣ никакой ловушки: я всегда все говорила тебѣ, я всегда была съ тобою откровенна.

— Развѣ ты была откровенна со мною, когда такъ рѣзко объявила, что мы покидаемъ улицу Сентонжъ, и объяснила это тѣмъ, будто такъ удобнѣе будетъ тебѣ сношаться съ магазиномъ?

Віолетта сразу не нашла ничего, что ей отвѣтить на это. А Мадлена сейчасъ же прибавила съ горечью:

— Если ты со мной откровенна, то скажи же мнѣ, что такое произошло между тобою и Франсуа?

— Ты съ ума сошла! Между нимъ и мною ничего не произошло.

— Хорошо же! Ты думаешь, что я ничего не вижу, ни о чемъ не догадываюсь? Ты такъ странно держишь себя съ нимъ, порою такъ рѣзка!.. Ты дѣлаешь ему намеки на что-то! Вотъ хоть бы сегодня вечеромъ! А онъ на тебя смотрѣлъ съ такимъ глупымъ видомъ! Онъ тебя любилъ, я въ этомъ убѣждена; быть можетъ, что и теперь еще любить. А ужъ разумѣется ты чѣмъ-нибудь способствовала этому, такъ какъ сама собою любовь никогда не является. О, я этому нисколько не удивляюсь! То, что ты сдѣлала теперь дочери, нѣкогда сдѣлала матери.

— Матери!

— Безъ сомнѣнія. Не притворяйся, пожалуйста, будто не понимаешь, о чемъ я говорю. Почему отецъ поссорился съ моею матерью? Скажи!

— По такимъ причинамъ, о которыхъ я не должна говорить тебѣ... такъ какъ тебѣ неприлично ихъ знать.

— О, я тебя понимаю!.. Ты хочешь клеветой закрыть мнѣ глаза. Ты не преминешь сочинить о моей матери что угодно. Но я знаю только одно, что какъ только ты появилась въ на-

шесть домъ, мѣсяца не прошло и мама уѣхала, и съ тѣхъ поръ они не видались. Ничего нѣтъ легче, какъ найти объясненіе этому.

— Несчастное дитя! кто могъ тебѣ насказать такихъ вещей, внушить такія чудовищныя несообразности!

— Тотъ, кому все хорошо извѣстно.

— Не Репарата же, надѣюсь!

— Репарата слишкомъ глупа, чтобы понимать эти вещи. Репарата ничего не знаетъ.

— Въ такомъ случаѣ кто же?

— *Мадамъ* Витали.

— Ты знаешь эту женщину? Ты съ нею видѣлась? Ты съ нею говорила?

— А, ты боишься этого!

— Это меня приводитъ въ ужасъ, такъ какъ это презрѣнная, гадкая женщина.

— Вовсе нѣтъ! Это прекраснѣйшая женщина, которая обожаетъ мою мать и любитъ меня отъ всего сердца. Она поджидала меня у воротъ, прежде чѣмъ осмѣлилась со мной говорить, и когда увидѣла меня,—заплакала.

— Чего ей отъ тебя надо? Она, безъ сомнѣнія, нищая?

— Она! нищая!.. У нея хорошенькая лавка въ улицѣ Про-вансъ; сзади гостиная, и мебель въ ней лучше этой. Она продаетъ драгоценности и кружева. О, великолѣпныя кружева!

И, несмотря на свой гнѣвъ, Мадлена говорила съ выраженіемъ восхищенія въ голосѣ, какъ будто мысленно наслаждаясь зрѣлищемъ прекрасныхъ кружевъ „мадамъ“ Витали.

— Значитъ, ты была въ этомъ чуланѣ?

— Вотъ еще! почему же не быть?

— Я тебѣ запрещаю, слышишь ли? строго-на-строго запрещаю видѣться съ нею. Чтобы ноги твоей не было больше у этой женщины!

— Ты мнѣ запрещаешь? А по какому праву? Ты мнѣ не мать, ты для меня посторонняя; у тебя нѣтъ никакой власти надо мною; ты ничего со мною не можешь сдѣлать!

Віолетта поблѣднѣла и запаталась отъ этихъ словъ, какъ будто кто-нибудь ударилъ ее въ грудь. Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собою.

— Пусть будетъ такъ. Я пожертвовала тебѣ своею жизнью; это видно не идетъ въ счетъ. Но Викторія у меня служить и я плачу ей за повиновеніе. Она будетъ тебя сопровождать и доносить мнѣ о твоёмъ поведеніи. Я завтра же распоряжусь.

— Отлично... приказывай... дѣлай какъ знаешь. Она мнѣ раскрыла глаза—вотъ чего ты не можешь ей простить. Что-жъ, такъ и будетъ всегда, что ты станешь разлучать меня со всѣми, кого я люблю? Ты меня увезла изъ дома моего отца... Теперь ты хочешь помѣшать моему счастью, поставить барьеръ между мною и тѣмъ, кого я обожаю... Ты желаешь приберечь его для себя... Но не думай, что ты легко со мною справишься. Я буду бороться изо всѣхъ силъ! Потому что я тебя ненавижу,—слышишь ли, ненавижу!

Она повторяла все это, пока не излила накопившейся злобы, съ такой истерической возбужденностью, что тяжело было на нее смотреть.

Затѣмъ она вышла изъ гостиной, и Виолетта слышала рѣзкій стукъ задвижки. Она заперлась въ своей комнатѣ.

Эта сцена продолжалась всего какихъ-нибудь десять минутъ, но ей было довольно, чтобы разрушить благополучіе Виолетты, а быть можетъ, и самой Мадлены. Какая ничтожная, пошлая сцена и какія ужасныя послѣдствія! Виолетта осталась, какъ сидѣла, на диванѣ, какъ будто внезапно обрушившійся удар оглушилъ ее,—болѣе изумленная, чѣмъ разсерженная. О, часто въ ней принимались сомнѣнія, но она закрывала глаза передъ темными сторонами характера ребенка, передъ этой нравственной загадкой, которую ей предстояло разрѣшить. Теперь она заглянула въ самую глубь этой грубой и ревнивой души, одаренной такими исключительными способностями мучить и себя, и другихъ. Она рассчитывала на могущественное дѣйствіе воспитанія, на великую власть добраго примѣра, на магнетизмъ самоотверженія.

Потерянный трудъ! Ничто не въ силахъ измѣнить природу ребенка, порожденнаго цыганскою, дикой любовью. Рожденная благодаря порочной фантазіи и звѣрскимъ желаніямъ, благодаря случайной прихоти, Мадлена представляла изъ себя кристаллизацию этого двойного каприза, воплощеніе страстей въ человѣческой душѣ.

За всѣ свои заботы Виолетта пожала лишь недовѣріе и ненависть. Ея безупречное, самоотверженное поведеніе, перетолкованное озлобленіемъ или страстью, являлось свидѣтельствомъ противъ нея, становилось во главѣ обвиненія, бросаемаго ей въ лицо. Чтобы оправдаться, ей, положимъ, достаточно сказать лишь одно слово. Но сказать его значило бы отягчить память покойницы еще новою виной, загрязнить указаніемъ на легкомысленныя слабости и пороки людскіе воображеніе дѣвочки, которую она хотѣла уберечь отъ этого рокового знанія.

Она провела почти всю ночь въ тяжелыхъ думахъ. Это были безплодныя и болѣзненные размышленія, которыя не озарялъ ни единый лучъ надежды. Одна мысль—въ сущности очень печальная—возродила въ ней энергію; ей подумалось, что еще болѣе тяжкія испытанія ждутъ ее впереди. Утромъ она поднялась, утомленная, разбитая, съ наболѣвшимъ сердцемъ. Въ обычный часъ она сошла въ магазинъ. Когда она поднялась къ завтраку, ее встрѣтила горничная и объявила, что Мадлена больна.

Віолетта немедленно прошла въ комнату Мадлены, которую нашла завтракающею, лежа въ постели, съ весьма изряднымъ аппетитомъ. Что-то въ родѣ смущенія, смѣшаннаго съ вызовомъ, которое она прочла на ея лицѣ, и неловкія попытки скрыть часть кушанья сразу обличили продѣлку Мадлены.

— Если ты желаешь притворяться больной, я могу посадить тебя на діету и послать за докторомъ. Но такое ребячество возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе. Мнѣ скучно съ тобою бороться. Продолжай эту комедію сколько хочешь, если она тебѣ нравится.

Къ обѣду Мадлена явилась.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней она молча толежалась около Віолетты съ видомъ не то сокрушенія, не то притѣсненной невинности. Она принадлежала къ тѣмъ натурамъ, которыя не могутъ покаяться вполне. Віолетта предоставляла дѣло ея совѣсти. Она относилась къ ней съ полнымъ равнодушіемъ, какъ къ чужой. Побѣда должна была быть рѣшительной и немедленной, если ей удастся сломить это дикое сердце.

Когда надо было идти на курсы, Мадлена спросила тѣмъ особеннымъ, угрюмымъ и глухимъ голосомъ, которымъ говорила въ послѣднее время:

— Съ кѣмъ я пойду? Съ горничной?

— Нѣтъ. Съ этихъ поръ я буду тебя сопровождать.

Мадлена опустила голову. Вечеромъ, собираясь идти спать, она приблизилась, какъ бы за тѣмъ, чтобы обнять Віолетту. Та сдѣлала видъ, будто не замѣтила этого движенія, и сказала только:

— Покойной ночи, Мадлена.

На третій день послѣ знаменитаго новоселья молодая дѣвушка остановилась на почтительномъ разстояніи отъ своей названной матери, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, вернулась, поколебалась нѣсколько и вдругъ неожиданно упала на колѣни.

— Прости!—шептала она:—прости, мама!

Віолетта быстро повернулась къ ней.

— Встань! Я уже третій день, какъ жду этихъ словъ. Я прощаю тебя отъ всего сердца. Все забыто.

Она посадила ее возлѣ себя и обняла ее за талію.

— На все, что ты мнѣ сказала въ тотъ вечеръ, я отлично могла бы отвѣтить. Быть можетъ, настанетъ часъ, когда я тебѣ сообщу о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Но, какъ бы то ни было, время еще не настало. Теперь же я не считаю нужнымъ оправдываться. Я желаю видѣть съ твоей стороны полное уваженіе и довѣріе безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны; я не допускаю, чтобы въ твоемъ умѣ возникало малѣйшее подозрѣніе. Ты слишкомъ хорошо и съ давнихъ поръ меня знаешь. — Вioлетта остановилась. Она произнесла эти слова съ волненіемъ и дрожью оскорбленнаго достоинства.

Мадлена пробормотала, что общается во всемъ довѣрять ей.

— Хорошо, — отвѣчала Вioлетта. — У меня снова есть дочь. Ну, а теперь поговоримъ о Франсуа Ренуарѣ. Предупреждаю тебя, что если бы я могла управлять твоими симпатіями, я бы не выбрала его тебѣ въ мужа. Быть можетъ, я должна предупредить тебя насчетъ возможнаго будущаго...

— Это ни къ чему не поведетъ. Я его люблю давно, очень давно...

— Какъ! Даже когда тебѣ было двѣнадцать лѣтъ?

— Кажется, что такъ. Мнѣ кажется, что я всегда его любила.

— И что это никогда не кончится? — улыбаясь, добавила Вioлетта. — Но ни за что нельзя поручиться, дитя мое. Долго ли продолжится это увлеченіе? Любить ли онъ тебя? Кто можетъ на это отвѣтить?

— Время!

— Ты угадала. Слѣдовательно, нужно ждать.

— Я ничего не имѣю противъ этого!

Мадлена кинулась на шею Вioлетты и, обнявъ ее, прошептала:

— Бѣдная мамъ, какъ я нехорошо себя вела, какая была злая!

На эту ласку, на эти слова, болѣзненно сжавшееся сердце Вioлетты раскрылось, скорбь ея излилась изъ него со слезами. И вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что Мадлена никогда бы вполнѣ не раскаялась, если бы не встрѣтила въ ней такую несокрушимую твердость характера.

Все въ ихъ внутренней жизни пришло въ обычный порядокъ. Воцарилось опять веселое настроеніе. Октавіи было извѣстно кое-что изъ того, что произошло. Можно предположить, что сама Мадлена, когда за нею плохо присматривали, сумѣла направить ее на вѣрный слѣдъ. Какъ бы то ни было, а нѣсколько дней спустя м-лле Ренуаръ переговорила по этому важному вопросу съ Вioлеттой. Она полагала, что, несмотря на взаимную

привязанность молодых людей, о любви не может быть и рѣчи. „Любовь! что за вздоръ!“ — но есть нѣчто высшее — сходство вкусовъ, привычекъ — вотъ что нужно для счастья. Она не желаетъ читать панегирикъ своему брату. Онъ рѣшилъ употребить свой интеллигентный, развитой умъ на практическую дѣятельность. Что-жъ, Боже мой, почему ему и не пойти по этому пути? Конечно, она мечтала объ иномъ поприщѣ для него; но ничто не помѣшаетъ, разъ онъ будетъ богатъ, вернуться къ ученымъ занятіямъ его первой молодости.

Мадлена — ребенокъ, это совершенно вѣрно. Подождемъ еще, какъ того желаетъ г-жа Нуармонъ. Молодые люди будутъ, какъ говорится, женихомъ и невѣстой.

На эту вступительную рѣчь Віолетта отвѣчала разоблаченіемъ обстоятельствъ, которыя должны были, по ея расчету, значительно охладить Ренуаровъ.

Она сообщила докторшѣ настоящее положеніе Мадлены.

— Она не моя дочь и даже не усыновлена законнымъ порядкомъ. Весь мой капиталъ помѣщенъ въ торговое предпріятіе. Я не могу и думать о приданомъ.

Это было дѣйствительно ударомъ для Октавіи. Но разъ дѣло касалось Франсуа, она становилась необыкновенно сообразительна и ее трудно было обмануть.

— Какъ бы то ни было, а вѣдь вы выдадите ее замужъ и тогда сдѣлаете же хоть что-нибудь для нея? — спросила она.

Віолетта не посмѣла обмануть.

— Я ей буду выдавать пенсіонъ.

— Въ добрый часъ! — вскричала Октавія, успокоенная. — Да и стоитъ ли говорить о деньгахъ!

Она стала торопить своего друга.

— Я увижу, подумаю, — отвѣчала Віолетта.

Въ самомъ дѣлѣ было надъ чѣмъ подумать. Разсужденія Октавіи мало ее тронули, но у нея были соображенія иного рода.

Размышлять — часто неблагоприятно для такихъ женщинъ, какою была Віолетта, которую нравственный инстинктъ никогда не обманывалъ. Она искала причинъ своей естественной антипатіи къ Франсуа и не находила ничего, чѣмъ бы достаточно мотивировалась ея строгость. Любовное письмо? Дѣтскій поступокъ мальчика, напитаннаго риторикой, старая исторія, о которой больше и вспоминать не стоитъ. Дважды переменная карьера? Но многіе въ началѣ жизни ищутъ и не сразу находятъ свое поприще. Его фатовство, претензіи? Да, ей это не нравится въ немъ. Но все же эти недостатки Франсуа происходятъ отъ его

молодости и пройдутъ вмѣстѣ съ ней. Совершилъ ли онъ какой-либо дѣйствительно дурной поступокъ? Никакого. Было ли хоть одно пятно на его имени, на его семьѣ? Нѣтъ, не было. Онъ зарабатывалъ четыре тысячи франковъ въ своей конторѣ. Положеніе скромное, но честное, и его сестра увѣряетъ, что у него нѣтъ долговъ. И, наконецъ, Мадлена его любитъ!..

Такимъ образомъ однажды, послѣ того какъ ее долго упрасивали, Віолетта дала нѣчто въ родѣ смутнаго, условнаго и гадательнаго согласія, которое бурная радость Октавіи немедленно преобразила въ формальное обѣщаніе.

И вотъ Франсуа вновь явился уже женихомъ въ улицу Параді. Все обошлось безъ его личнаго вмѣшательства. Онъ рѣшилъ сохранить съ Мадленой мальчишескій тонъ, который ему такъ удавался.

— Это вѣрно,—сказалъ онъ ей:—будто ты желаешь выйти за меня замужъ?

— Господи! Разъ ваша сестра ничего не имѣетъ противъ и мама согласна, то отчего же нѣтъ?

Она съ смѣшными ужимками проступки разсматривала свои кольца.

— Ну, а знаешь ли ты, чтѣ такое бракъ, а?

— Какъ вы мнѣ надоѣли съ вашими вѣчными вопросами! Конечно, я знаю, чтѣ такое бракъ.

— Чтѣ же, скажи!

— Ну, таинство!

— Именно! Но вотъ чтѣ, Мадлена: во чтѣ мы будемъ играть, когда женимся?

— Но мы не будемъ играть... Когда женятся, то ужъ все начинается серьезное...

— Совсе нѣтъ! И если ты хочешь быть серьезной, я не хочу на тебѣ жениться. Ты мила лишь когда смѣешься и показываешь свои зубы.

Немедленно Мадлена прыснула со смѣху, кокетливо притворяясь, будто отворачивается, чтобы скрыть отъ него алые губы, покраснѣвшія ему.

— Мы будемъ ходить въ театръ,—сказала она.

— Непремѣнно! Если ты будешь умницей, я тебя поведу въ театръ маріонетокъ или во „Французскія Тѣни“, Каранъ д'Аша.

— Мы будемъ кататься въ каретѣ.

— Да, на козлахъ... и возьмемъ съ собою m-lle Лоло,—знаешь, ту куку въ желтомъ платьѣ, которой я починилъ баш-

маки. Я всегда думалъ, что именно съ этого момента ты и отдала мнѣ свое сердце.

— Какой вздоръ! желтую куклу! Ужъ скоро годъ, какъ я подарила ее маленькой Жанисеръ.

Онъ сидѣлъ, касаясь колѣнями Мадлены, стоявшей передъ нимъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ влажныя ручки молодой дѣвушки, которая выгибалась, отбрасывая назадъ бюстъ и голову.

Мадлена замѣтила, какъ глаза Франсуа сверкнули, въ нихъ на мгновеніе вспыхнулъ трепетный пламень. И она подумала, что это и есть пламень чувства, называемаго любовью.

Между тѣмъ Октавія, нашколенная своимъ братомъ, разсуждала съ Вюлеттой о денежномъ вопросѣ. Вначалѣ въ высшей степени сговорчивая, она измѣнила тактику и настаивала на опредѣленныхъ обязательствахъ съ ея стороны. И въ самомъ дѣлѣ, бѣдная Мадлена не имѣла ни положенія, ни какихъ бы то ни было правъ. Мы всѣ смертны: вдругъ Вюлетты не станетъ—кому достанется ея состояніе? Мало-по-малу, помощію подходовъ, обвиняевоъ, искусной аргументаціи, Вюлетта была приведена къ убѣжденію въ необходимости сдѣлать завѣщаніе. Она проводила томительные часы у нотаріуса, выслушивая черновыя, въ которыхъ только и говорилось о ея смерти. Въ ухахъ у нея звенѣли все однѣ и тѣ же фразы, мысль то-и-дѣло машинально возвращалась къ нимъ: „пользованіе, право собственности, воля завѣщательницы... Если одинъ изъ супруговъ умретъ прежде, не оставивъ дѣтей“, и т. под. Наконецъ она должна была сознаться себѣ, что, благодаря запутанной формалистикѣ, она болѣе ничего рѣшительно не понимаетъ.

Но вотъ, слава Богу, наконецъ, бумага подписана,—болѣе не о чемъ толковать.

Съ этой минуты Ренуары стали съ большимъ рвеніемъ стараться объ ускореніи свадьбы.

По воскресеньямъ они гуляли всѣ вмѣстѣ. „Дѣти“ подъ-руку шли впереди, а за ними слѣдовали двѣ „мамаши“. Мадлена находила эти прогулки прелестными, но Франсуа находилъ ихъ смѣшными, „мѣщанскими“. Вюлетта не могла никакъ понять, какъ можно оскорбляться и находить унижительнымъ названіе „буржуа“, разъ къ нимъ принадлежишь. Но Франсуа, очевидно, вполне это понималъ, и съ каждой недѣлей необходимость играть роль жениха и „ходить на сворѣ“ становилась для него все нестерпимѣе.

— Милая моя,—говорила Октавія Вюлеттѣ:—надо привести поскорѣе дѣло къ концу. Есть, видите ли, вещи, которыя для

нась, никогда не любившихъ, совершенно непонятны... Ну, а хоть и старая дѣва, зато имѣю докторскую степень! Эти юныя существа такъ влюблены, такъ полны другъ другомъ... короче, пора ихъ женить.

И вотъ не прошло полгода, какъ ужъ Виолетта принуждена была допустить союзъ, противъ котораго сначала протестовала всѣми силами.

Свадьба была отпразднована съ обычной этого рода церемоніямъ въ Парижѣ вульгарной и пошлой обстановкой. Въ мэриі, отъ лица государства—второй помощникъ, а въ церкви—четвертый викарный. На ступеняхъ—узкій красный коверъ, какой всегда употребляется при бракосочетаніяхъ средней руки. Нѣсколько нищихъ. Большой недостатокъ въ освѣщеніи, еще болѣе—въ музыкѣ. Приказчики изъ магазина *Coupe de Cristal*, закутанные въ черныя рединготы, въ чрезмѣрной величины бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, съ грѣхомъ пополамъ примостились на возлы ландо, откуда мѣшковато спустились, чтобы отворить двери,—роль для нихъ новая.

Весьма разношерстная публика: Мартены; Демарѣ во фракѣ, который произвелъ бы фуроръ въ пьесѣ съ переодѣваніями въ Пале-Рояль; компаньоны Виолетты; нѣсколько буржуа, кліентовъ Октави; пансіонскія подружки Мадлены; милые молодые люди съ кудряшками на лбу, биржевые товарищи Франсуа; наконецъ, население улицы Сентонжъ съ г-жею Жанисеръ во главѣ; старыя женщины съ умиленіемъ восклицали, что еще такъ недавно невѣста была „вотъ этакая“... „Какъ быстро, подумаешь, растутъ молодежь!“

Мадлена въ бѣломъ платьѣ не могла назваться красавицей, но, кажется, не сомнѣвалась въ своей привлекательности. Ея старая подруга, замужняя женщина, шепнула ей:

— У тебя съ лѣвой стороны носа прыщикъ! Утѣшься, это часто бываетъ. У меня въ день свадьбы былъ на правой... А какъ видишь, душечка, бѣды никакой не произошло.

Одинъ изъ биржевыхъ молодыхъ людей сообщилъ свои впечатлѣнія другому:

— Ну, невѣста Ренуара не особенно шикарна! Надо надѣяться, что за нею есть приданое.

— На его мѣстѣ я женился бы на мамашѣ, — отвѣчалъ тотъ.

Когда выходили изъ ризницы, органистъ, мысли котораго были поглощены предстоящей репетиціей оперетки, въ разсѣянности заигралъ *Marche funèbre* Шопена. За одной изъ колоннъ

стояла женщина, необычайно жирная и смѣшно одѣтая. Она простираала руки и посылала поцѣлуи Мадленѣ. Вюлетта замѣтила ее, но сейчасъ же сдѣлала видъ, будто не узнаётъ мадамъ Витали.

Шелъ мелкій парижскій дождикъ, пронизывающій и холодный. Тѣмъ не менѣе, нельзя же было не воспользоваться ландо, разъ оно нанято, и не поѣхать кататься.

Это было высшей степенью „мѣщанства“ и, быть можетъ, явлюсь причиною дурного расположенія духа Франсуа. Впрочемъ, онъ весь день былъ озабоченъ, сухъ, гнѣвенъ и неприступенъ; онъ не разъ сердился между мессой и обѣдомъ, который состоялся въ бульварномъ ресторанѣ и былъ сервированъ на пятнадцать персонъ. За десертомъ Мартенъ произнесъ эпиталямѣ—единственное выдающееся событіе дня, если не считать ошибки органиста.

Въ половинѣ двѣнадцатаго новобрачные скрылись. Они наняли небольшую квартирку въ улицѣ Блѣ. Было уже за полночь, когда Вюлетта вернулась къ себѣ. Въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ Мадлена ночевала не подъ одной крышей съ нею. Все здѣсь оставалось въ хаотическомъ безпорядкѣ. Свадебные сборы, возвращеніе изъ церкви и приготовленія къ катанью точно ураганомъ перевернули здѣсь все вверхъ дномъ. Двери были открыты, стулья опрокинуты, посуда такъ и осталась неубранной, чашки—съ недопитымъ кофе.

Въ комнатѣ Мадлены на кровати лежало брошенное платье.

На столѣ валялся букетъ флѣръ-д'оранжа. Вуаль лежалъ на полу; видно, что его топтали ногами.

Бѣлый башмакъ былъ сброшенъ съ ноги съ такой силою, что вылетѣлъ на балконъ.

Поразительный контрастъ составляла съ этимъ безпорядкомъ ночная тишина и унылое молчаніе покоевъ.

Проходя по комнатамъ, изъ которыхъ была вывезена мебель, Вюлетта прислушивалась къ звучному отголоску ея шаговъ. И ей казалось, что эта пустота и одиночество царили въ ней самой.

ХІІ.

Потекли затѣмъ тягостные дни. Вюлетта рѣшила, что ни въ какомъ случаѣ раньше слѣдующаго воскресенья не увидится съ новобрачными. И она сдержала слово.

Чтобы хоть чѣмъ-либо заполнить сердечную пустоту, она наѣстала Мартеновъ. Но сердце ея болѣзненно сжалось, когда она,

войдя, увидала, что въ это морозное утро старики сидѣли и кашляли у потухшаго очага.

Мартенъ поднялся съ поспѣшностью и предложилъ стулъ посѣтительницѣ. Онъ разсказалъ, что прогуливался въ Пале-Рояль и видѣлъ тамъ дѣтей, катающихся подъ музыку на конькахъ. Онъ также прошелся по улицѣ Ришелье и бульварамъ, гдѣ уже разставлены лавочки для новогодняго базара.

— Дай Богъ, чтобы продолжалась такая благоприятная погода! Эти бѣдные мелкіе торговцы такъ нуждаются въ хорошемъ заработкѣ!

Г-жа Мартенъ, сложивъ руки на колѣняхъ, неподвижно смотрѣла на холодный пепелъ камина.

Поговоривъ съ минуту, Мартенъ вдругъ объявилъ, что его ждутъ на одно важное акціонерное собраніе. Онъ сдѣлалъ жестъ, какъ будто достаетъ часы изъ жилетнаго кармана, который былъ пустъ, граціозно распрощался съ Віолеттой, сдѣлалъ легкій знакъ рукой своей женѣ, повернулся на одной ногѣ и исчезъ.

— Вы неблагоприятно поступаете, г-жа Мартенъ, что въ это время года не топите каминъ. Если вашъ запасъ дровъ истощился и вы еще не подумали о томъ, чтобы его возобновить, то позвольте мнѣ снабдить васъ ими.

— Благодарю васъ!—искренно и съ достоинствомъ произнесла г-жа Мартенъ, пожимая руку Віолетты.

— Изъ этого опять ничего не выйдетъ?—спросила Віолетта въ полголоса.

— Увы! тридцать лѣтъ какъ изъ этого ничего не выходитъ, тридцать лѣтъ какъ мой мужъ живетъ иллюзіями... Знаете вы, куда онъ пошелъ? Пилить дрова одному бакалейщику въ улицѣ Бланъ-Манто. Да, вотъ до чего мы дошли! Онъ, кандидатъ правъ, пилить дрова за сорокъ су! Человѣкъ его лѣтъ, подумайте!

Слезы выступили на глазахъ Віолетты, и она опустила руку въ карманъ. Г-жа Мартенъ поняла этотъ жестъ и поспѣшила обновить ее.

— Не трудитесь! м-г Мартенъ чрезвычайно гордъ: онъ ничего не приметъ. Ахъ, еслибъ только онъ могъ найти мѣсто!

— Но какое?

— Онъ живой, хорошій ходокъ, у него зоркіе глаза, онъ цѣлый день бѣгаетъ по Парижу; онъ знаетъ все, что только происходитъ во всѣхъ кварталахъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ у него такой прелестный слогъ! онъ могъ бы быть отличнымъ репортеромъ. Но нужно быть знакомымъ съ какимъ-нибудь редакторомъ...

— Я думала, что вашъ мужъ хорошо извѣстенъ въ прессѣ.

Г-жа Мартенъ пожала плечами.

— Ему это такъ кажется, и онъ вѣрить!

Виолетта задумалась.

— Какъ вы думаете, вѣдь Реннекенъ могъ бы оказать ему протекцію?

— Реннекенъ? Разумѣется! Это король журналистовъ.

Виолетта ничего не обѣщала, но на другой день въ пять часовъ подымалась по лѣстницѣ къ редакцію „Корсара“. Прихожая Реннекена была биткомъ полна, но она была принята почти немедленно. Она назвала свое настоящее имя, и сердце у нея забилось, когда слуга громко возгласилъ: — Mademoiselle Meriанъ!

Ей показалось, что теперь вымышленное имя, которымъ она прикрывалась шесть лѣтъ, съ нея ниспало, и всѣ присутствующіе обратятъ на нее взгляды, чтобы констатировать разоблаченіе обмана и видѣть смущеніе избочиченной искательницы приключеній. Но никто не обратилъ вниманія на ея имя, и она безъ труда проникла въ вертепъ великаго журналиста.

— Чортъ побери!—вскричалъ онъ:—я безконечно доволенъ, что вижу васъ! Гдѣ вы скрывались все это время? Подъ землею? По вашему виду этого предположить нельзя. По прежнему прелестна, по прежнему очаровательна! Что это! Всю жизнь что-ли вы намѣрены оставаться двадцатилѣтней дѣвушкой?

Она засмѣялась. Онъ продолжалъ:

— Скажите же и мнѣ комплиментъ... Ну, что, вѣдь и я имѣю недурной видъ, а? Я помолодѣлъ, вѣчно юнъ и обольстителенъ!—и онъ съ комическимъ видомъ трепалъ себя по щекамъ, указывая на свой тройной подбородокъ, на распухшія вѣки, тыкалъ пальцемъ въ свои потухшіе глаза, дергалъ себя за сѣрые ключья, торчавшіе, словно проволока, въ беспорядкѣ тамъ и сямъ на его черепѣ.

Потомъ онъ переимѣнилъ тонъ.

— Я много думалъ о васъ, когда вы такъ неожиданно исчезли!.. О, будьте покойны, я все понималъ.

— Я была въ этомъ увѣрена.

— Ну, знаете... я не хочу притворяться, что я лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ... Знаете ли вы, что я такое?

— „Старая каналья“,—отвѣчала Виолетта, расхохотавшись.— Я знаю вашу фразу... Ну, а я вамъ скажу, что вы—лучшій и честнѣйшій изъ всѣхъ, кого я знаю!

— Та, та, та!.. Что это она такое несетъ!

— Да, вы меня спасли отъ величайшей опасности.

— Я! Какъ же я это сдѣлалъ?

— А такъ же. Я васъ люблю и каждый вечеръ молюсь за васъ Богу. Я повторяю вамъ, что вы—превосходнѣйшій человѣкъ, м-г Реннекенъ: если вы этого не знали, такъ вотъ я васъ теперь надоумила.

Реннекенъ, прозванный своими собратъями Рекенъ (акула), котораго считали изъ всѣхъ журналистовъ обладающимъ самой толстой шкурой, былъ до того изумленъ этимъ внезапнымъ изліяніемъ, что нѣсколько времени не могъ говорить. Когда даръ слова возвратился къ нему, онъ закричалъ:

— Ну, а вы — вы славная дѣвушка!

— Не торопитесь меня благодарить! Я пришла васъ попросить объ одномъ дѣлѣ... Правда, что я предлагаю вамъ сдѣлать доброе дѣло...

— Ну, такъ рассказывайте мнѣ поскорѣе.

Віолетта изложила ему біографію Мартена, не забывъ упомянуть о *futur volitif*.

— Но это замѣчательнѣйшій человѣкъ! — съ хохотомъ, отъ котораго колыхалось его брюшко и подымалось бюро, за которымъ онъ сидѣлъ, произнесъ Реннекенъ.

Затѣмъ Віолетта изобразила сцену, которой была свидѣтельницей наканунѣ, какъ старики сидятъ у потухшаго очага, о пилѣхъ дровъ за сорокъ су, объ этой переносимой съ такимъ достоинствомъ нищетѣ.

Реннекенъ не далъ ей кончить.

— Довольно, я все понимаю! Пришлите его ко мнѣ, и если только онъ не окончательный кретинъ, я завтра же употреблю его въ дѣло.

Онъ поднялся, давая понять, что аудіенція кончена, ибо минуты короля прессы цѣнились на вѣсь золота.

Провожая Віолетту до дверей, онъ сказалъ ей:

— Я часто встрѣчаю дю-Пона... Вы вѣдь знаете, какой онъ былъ дуракъ? Ну, такъ онъ такимъ же и до сихъ поръ остался... Что касается герцога Филиппа...

Онъ внезапно остановился. Віолетта поблѣднѣла. Цѣлыхъ шесть лѣтъ никто громко не произносилъ при ней это имя, которое было написано въ ея сердцѣ. Реннекенъ посмотрѣлъ на нее и мягко спросилъ:

— Вы съ нимъ ни разу съ тѣхъ поръ не встрѣчались?

— Ни разу.

— А!.. Онъ вышелъ въ отставку и два раза совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Теперь, говорятъ, опять хочетъ пуститься въ путешествіе. Онъ болѣе не занимается политикой.

Онъ открылъ настежъ дверь въ пріемную, гдѣ на встрѣчу ему поднялось съ десятокъ просителей. Реннекенъ окинулъ не-проницаемымъ взглядомъ всю эту толпу и крикнулъ слугѣ:

— Бреналь, я никого больше не принимаю сегодня вечеромъ.

Затѣмъ онъ съ шумомъ захлопнулъ дверь.

Мартенъ явился въ редакцію „Корсара“ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, которые жена его сохраняла для особо торжественныхъ случаевъ.

Онъ приготовилъ рѣчь, которую собирался произнести предъ Реннекеномъ, но ея не пришлось ему воспользоваться. Бесѣда ихъ была весьма коротка, но характерна.

— Г-нъ Мартенъ, — сказалъ Реннекенъ, заложивъ одну руку за жилетъ, а другую за спину, въ легендарной позѣ маленькаго запрала: — г-нъ Мартенъ, я васъ знаю: это вѣдь вы перестроили Парижъ... Мы поймемъ другъ друга... Я поручаю вамъ доставлять извѣстія о раздавленныхъ; постарайтесь разнообразить ваши сообщенія!

— Милостивый государь, — отвѣчалъ Мартенъ: — сказаннаго вами было бы достаточно, чтобы наэлектризовать человѣка даже и съ меньшею готовностью служить вамъ. Я одно скажу вамъ: рассчитывайте на меня.

— Я на васъ полагаюсь.

Такимъ образомъ произошло, благодаря предпримчивости Віолетты Меріанъ, вступленіе Мартена въ число сотрудниковъ „Корсара“.

Въ воскресенье Віолетта отправилась обѣдать въ улицу Блѣ, въ молодымъ супругамъ. Ея сразу непріятно поразило превращеніе Викторіи, открывшей ей дверь, въ элегантную субретку.

— Ты уже отпустила свою служанку? — сказала Віолетта Мадленѣ, вышедшей встрѣчать ее въ прихожую.

Служанка, о которой шла рѣчь, здоровенная савоярка, получавшая 25 франковъ въ мѣсяцъ, была прислана однимъ изъ агентовъ Віолетты изъ Анниси.

— О! — отвѣчала Мадлена: — она ничего не умѣла дѣлать... Мы заплатили за ея обратный проѣздъ.

— И Викторія ее замѣнила?

— Нѣтъ. Я наняла вухарку. Викторія служить у меня въ горничныхъ.

Віолетта обратила вниманіе на туалетъ Мадлены, съ разными вычурами, на драгоцѣнныя бездѣлушки, украшавшія ее. Она не надѣвала ничего изъ скромнаго и солиднаго приданаго, которое было заготовлено трудами Віолетты и Октавіи.

Въ гостиной уже находились гости — двое друзей Франсуа. Октавія тоже измѣнила свою наружность. Она отпустила себѣ волосы и не ходила стриженной. Чтобы не составлять контраста со всѣмъ строемъ жизни брата, цюрихская студентка постаралась передѣлать себя въ свѣтскую женщину.

За столомъ одинъ изъ друзей Франсуа, помѣстившійся напротивъ Віолетты, глядѣлъ на нее во всѣ глаза съ глупымъ удивленіемъ. Онъ прервалъ это созерцаніе лишь только для того, чтобы заняться приготовленіемъ майонеза. Завѣсивъ грудь кухоннымъ передникомъ, онъ приготовлялъ приправу и растиралъ ее ложкой съ тѣмъ особеннымъ шумомъ и важностью, которыми сопровождаютъ приготовленіе разныхъ деликатессовъ молодые люди, полагающіе, что они со вкусомъ и шикомъ наслаждаются жизнью и ея прелестями. Его товарищ говорилъ съ апломбомъ о курсѣ и биржѣ. Мадлена толковала о двухъ тенорахъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ. Октавія, которая лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ была два раза въ *Comédie Française*, заговорила объ актерахъ Го и Фаваръ.

— О! — грубо прервалъ франтъ: — въ *Comédie Française* можно со скуки лопнуть!

Мадлена согласилась. Казалось, она посвящена во всѣ тайны парижской жизни. Быть можетъ, до этихъ поръ она скрывала свои знанія отъ названной матери или быстро усвоила уроки такого наставника, какимъ былъ Франсуа.

Этотъ послѣдній былъ нервенъ, безпокоенъ и съ самымъ разсѣяннымъ видомъ выслушивалъ обращенные къ нему вопросы.

Въ первый разъ у него обѣдали. Онъ весь погруженъ былъ въ заботу о томъ, чтобы не уронить своего достоинства, чтобы все было какъ слѣдуетъ. Онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Викторіи, вздрагивалъ при каждомъ звяканьи посуды, боясь, чтобы не было упущено что-либо и его элегантные друзья его не осудили. Въ общемъ, за столомъ отсутствовали вполнѣ естественность и сердечность. Все было натянуто, дѣланно, во всемъ — искусственность, подражаніе. Во всемъ чувствовалась поддѣлка, все было ненастоящее, даже фрукты, украшавшіе столъ. То же можно было сказать о попыткахъ хозяина быть веселымъ, развязнымъ и привѣтливымъ, объ умѣ гостей и туалетѣ Октавіи. Все, кончая голосомъ Мадлены, въ которомъ Віолетта не слышала ни единой искренней ноты, было натянуто.

Послѣ обѣда, когда мужчины закурили, женщины остались на короткое время однѣ.

— Кажется, тебѣ не особенно у насъ нравится? — сказала мо-

любая женщина голосомъ лстивымъ и въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ слышалась досада.

— Я очень рада тебя видѣть, — отвѣчала Виолетта. — Но, откровенно скажу тебѣ, образъ жизни твой меня мало радуетъ. Ты живешь не по состоянію. Ты получаешь четыре тысячи франковъ пенсіи, да твой мужъ около того же зарабатываетъ въ своемъ агентствѣ. На восемь тысячъ франковъ въ Парижѣ можно жить только весьма скромно. Вы недостаточно богаты, чтобы держать кухарку и горничную и передразнивать людей, которые катаются въ Булонскомъ Лѣсу на собственныхъ лошадяхъ и сидятъ въ театрѣ въ первыхъ рядахъ.

— Но не можетъ же Франсуа устраниваться отъ свѣта! Онъ долженъ идти вровень со всѣми. Онъ рассчитываетъ въ этомъ году получить пятнадцать тысячъ. Наконецъ, чтобы воды набрать, надо подставить лотокъ; нельзя дѣлать карьеру, водясь Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ какими-нибудь оборванцами. Надо умѣть пускать пыль въ глаза. Даже эта квартира слишкомъ мала для насъ и слишкомъ высоко мы живемъ. Мы думаемъ нанять другую. Чтѣ подѣлаешь! Какъ говорить Франсуа, не бывало примѣра, чтобы фортуна потащила кого-нибудь отыскивать на чердакѣ. Чтобы сдѣлаться богатымъ, надо умѣть казаться имъ. — Она продолжала все въ томъ же духѣ, щеголая банальными афоризмами, которыми научилась отъ мужа, словамъ котораго внимала какъ оракулу.

Виолетта ничего не отвѣчала. Она шла съ другою мыслью, боясь нарушить слишкомъ рано блаженное уединеніе молодыхъ супруговъ, оскорбить стыдливость любви и смутить тѣ радости, которыхъ она не знала и никогда не узнаетъ. Ей хотѣлось отвести Мадлену въ темный уголокъ, прижать ея голову къ своей груди и шепнуть ей на ухо: „ты счастлива?“ Теперь, увидѣвъ и послушавъ ихъ, такого рода вопросъ казался ей просто смѣшнымъ. Въ этой квартирѣ, съ претензіями на роскошь, цѣлью жизни было не семейное благополучіе, а деньги, карьера. Здѣсь поклонялись золотому тельцу, ему возносили молитвы.

Виолетта, скрѣпивъ сердце, ушла, не дожидаясь Октавіи, перемѣна въ которой не особенно радовала ее, да и та съ своей стороны не особенно стремилась поговорить одинъ-на-одинъ со своимъ старымъ другомъ.

Въ одно прекрасное осеннее послѣ-полудня—это было спустя почти два мѣсяца послѣ свадьбы—Мадлена явилась въ магазинъ къ Виолеттѣ, чтобы пригласить ее съ нею на прогулку.

— У подъѣзда насъ дожидается карета, — сказала она. — Мы

отправимся въ Елисейскія Поля; тамъ мы выйдемъ и немного погуляемъ по аллеѣ.

— Тебѣ не будетъ стыдно въ такомъ великолѣпномъ туалетѣ сидѣть рядомъ со мною?

— А! ты замѣтила, какой на мнѣ мѣхъ! По случаю! почти даромъ! Это у m-me Витали, знаешь.

Казалось, Мадлена совершенно забыла приказаніе Віолетты порвать всякія сношенія съ Витали, или, быть можетъ, она думала, что теперь, когда она была женщиной, ей уже нечего помнить о наставленіяхъ, которыя она выслушивала, будучи дѣвницей. Какъ бы то ни было, но она совершенно просто произнесла имя торговки.

Обѣ вышли и сѣли въ экипажъ.

— А мнѣ надо тебѣ сообщить большую новость, — сказала Мадлена.

— Хорошую?

— Мнѣ кажется, что да.

— Чтò же именно?

— Угадай!

— А, я скоро буду бабушкой?

— Бабушкой! Вотъ мило! Это названіе такъ же къ тебѣ пристало, какъ желтая лента къ чепцу!.. Какъ ты будешь бабушкой съ твоей таліей и румяными щеками! Нѣтъ, ты будешь ея крестной матерью.

— Или ея.

— Я хочу, чтобы былъ мальчикъ.

— Ты хочешь! Ты хочешь!.. Ну, а я такъ предпочитаю дѣвочку.

— Какая смѣшная идея!

— Тебя удивляетъ, что я не чувствую отвращенія къ дѣвочкамъ?—Обѣ захохотали дружественнымъ смѣхомъ людей, прощающихъ прошлому.

Они поворачивали въ улицѣ Ройяль, въ томъ углу Парижа, гдѣ все такъ сверкаетъ и радуется въ ясный, хорошій день. Ихъ карета направлялась въ линіи другихъ экипажей въ Булонскій Лѣсъ. Мадлена оживленно болтала, не пропуская безъ вниманія малѣйшей мелочи туалетовъ дамъ, проѣзжавшихъ мимо. Віолетта мечтала, чувствуя свою близость къ материнству своей воспитанницы. Она уже теперь принимала участіе въ ребенкѣ. Обѣ строили самые розовые проекты относительно его воспитанія и будущаго.

Наконецъ повернули въ улицу Паради.

— Мнѣ еще объ одномъ дѣлѣ надо поговорить съ тобою,—

сказала Мадлена непринужденнымъ тономъ. — Не можешь ли ты выдать Франсуа мою пенсію впередъ за годъ?

— За годъ впередъ! Подумай, что ты говоришь, милочка.

— Ну да, впередъ за годъ. Я отлично обдумала и знаю, что говорю. Я объ этомъ столько думаю, что даже спать не могу... И я боюсь, чтобы эта постоянная забота дурно не отозвалась... ты понимаешь?

— Вѣдь Октавія мнѣ говорила, что беретъ на себя расходы на первое обзаведеніе. Вы, видно, слишкомъ зарвались. Надо по-придержаться.

— Тутъ не одни только расходы по дому. Франсуа много потерялъ.

— Такъ онъ играетъ?

— Онъ немножко спекулировалъ, какъ всѣ.

— Мнѣ надо еще подумать.

— Но надо торопиться... Завтра же необходимо имѣть въ рукахъ сумму... Франсуа будетъ покупать акціи, и если курсъ повысится... ты понимаешь...

— Нѣтъ, я ничего не понимаю. Бѣдное дитя мое, какимъ ужаснымъ языкомъ научилась ты говорить! Скажи твоему мужу, что онъ можетъ получить эту сумму, но чтобы больше ужъ ни на что не рассчитывалъ. Я не могу тронуть свой капиталъ иначе, какъ нарушивъ контрактъ съ *Coupe de Cristal*. Я должна потерять половину моего состоянія, которое вѣдь вамъ принадлежитъ. Будь разсудительна.

Это прекрасное утро окончилось весьма дурно; но Віолетта думала, что урокъ будетъ полезенъ.

Занятая магазиномъ, она мало видѣла Мадлену въ слѣдовавшія затѣмъ недѣли. Наконецъ, однажды вечеромъ, она позвонила у дверей Франсуа Ренуара. Она нашла мужа и жену въ печальномъ *tête-à-tête*, пасмурныхъ и нахмуренныхъ.

— Я ужъ сама рѣшилась васъ навѣстить, — сказала Віолетта: — а то васъ совсѣмъ не видно болѣе.

— Какъ же намъ было поступить, — рѣзко отвѣчала Мадлена: — разъ ты объявила, что болѣе намъ помогать не будешь. Мы не желали приставать къ тебѣ съ просьбами. Мы не нищіе.

— Такъ вы еще все въ затрудненіи?.. Неужели и эти четыре тысячи франковъ...

— Это послѣдняя ликвидація; но еслибы теперь имѣть свободныя деньги...

Послѣдняя! Биржевики говорятъ это такъ же, какъ говорили при Людовикѣ XIV.

— Вамъ надо денегъ?

— Разумѣется!

— Столько же, сколько въ послѣдній разъ?

— Именно!

Франсуа отчеканивалъ эти краткіе отвѣты съ несокрушимымъ аппломбомъ и авторитетомъ. Онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Но это очевидно!.. Я могу такъ же, какъ и другіе, играть, и даже лучше. Мнѣ недостаетъ не находчивости и идей, а капитала. Женясь на Мадленѣ, я повиновался единственно голосу чувства: непоправимая глупость! Человѣку, который, какъ я, отдалъ себя дѣлу, надо подавлять въ себѣ чувство! Еслибы вмѣсто этого пенсіона, отъ котораго нѣтъ никакого толку...

— Въ особенности, когда онъ уже выданъ впередъ, — прервала Віолетта.

— Еслибы вмѣсто этого пенсіона вы просто выдали мнѣ на руки половину вашего капитала, я его устроилъ бы въ одинъ годъ и обезпечилъ бы положеніе Мадлены.

— Я не сомнѣваюсь въ вашихъ финансовыхъ способностяхъ, хотя вы ихъ еще ничѣмъ не доказали. Но дѣло въ томъ, что по смыслу договора съ компаніей я не могу касаться моего капитала раньше полной ликвидаціи.

— Ты умѣешь беречь свои деньги! — сказала Мадлена, все время хранившая молчаніе и втайнѣ копившая злобу. — Ты настоящая коммерсантка; ты рождена быть конторщицей и лавочницей. Я, благодаря Бога, — дочь аристократа, вельможи и артистки. Если тотъ, кого я люблю, въ затруднительномъ, отчаянномъ положеніи и если можно спасти его этими презрѣнными деньгами, я ихъ достала бы, еслибы даже онѣ лежали подъ египетской пирамидой!

— Тотъ, кто презираетъ деньги, обыкновенно не умѣетъ ихъ ни зарабатывать, ни беречь. Деньги достойны уваженія; онѣ святы, когда заработаны честнымъ, тяжелымъ трудомъ. Я берегу мое скромное состояніе, потому что въ немъ мое прошлое и ваше будущее; тутъ семь лѣтъ труда положено!

— Рассказывай! А я такъ думаю, что ты ихъ получила отъ Дѣруа безъ всякаго труда.

— Мадлена! — крикнулъ въ ужасъ Франсуа.

— Чтѣ ты хочешь сказать? — спросила Віолетта.

— Говорю то, чтѣ говорю... констатирую фактъ.

Віолетта поблѣднѣла.

— Слушай! — сказала она съ нѣкоторой торжественностью: — никто никогда меня не оскорблялъ, кромѣ тебя, и это уже во

второй разъ! Выслушать это отъ ребенка, которому всѣмъ пожертвовалъ,—это слишкомъ!

И, не слушая словъ Франсуа, она вышла—непреклонная, гнѣвная; съ этого вечера сердце Вюлетты было постоянно полно неизъяснимой горечи. Она машинально исполняла свои обязанности, работала, пока хватало силъ, чтобы отвлечься отъ самой себя. Но то воспоминаніе объ обидѣ вновь подымало въ ней гнѣвъ, то она начинала обвинять самое себя въ жестокости: не должна ли она была все вынести отъ этого взбалмошнаго ребенка, потерявшаго рассудокъ отъ страсти и горя?

Однажды вечеромъ, когда она сидѣла одна въ гостиной, держа въ рукахъ книгу, но не читая ее, раздался звонокъ,—рѣзкій, нервный, полный тоски и отчаянія, какъ зовъ погибающаго. Такъ звонить лишь несчастье. Служанки не было дома. Вюлетта взяла лампу и пошла отпереть. Мадлена,—это была Мадлена! Она подняла вуаль, и Вюлетта увидѣла ея разстроенное и заплаканное лицо. Съ одного взгляда она замѣтила грязныя ботинки, поношенное платье, измятую шляпу, дырявыя перчатки, полную перемѣну во внѣшности, изобличавшую недостатокъ въ средствахъ, почти нищету.

Мадлена бросилась на колѣни, тутъ же въ передней, даже не подумавъ запереть дверь на лѣстницу. Она хотѣла выговорить: „Прости!“ но рыданія мѣшали ей произнести слово. Вюлетта затворила дверь, поставила лампу и сказала Мадленѣ:

— Войди!

Она провела ее въ гостиную и тамъ онѣ страстно обнялись.

Въ томъ, какъ Мадлена ухватила за свою названную мать, было нѣчто похожее на объятія утопающаго.

Вюлетта чувствовала, какъ прижималось это жалкое тѣло, въ которомъ таился зачатокъ новаго существованія, потрясенное, взволнованное съ ногъ до головы. Ей припомнилось ея буйное отчаяніе, когда, еще ребенкомъ, она уронила изъ окошка фарфоровую куклу. Тогда дѣвочка просто задыхалась отъ гнѣва и горя. Всегда въ одиѣхъ и тѣхъ же формахъ выражается ея протестъ противъ препятствій, которыя ставила судьба ея желаніямъ. Такъ же порывисто выражала она и чувство нѣжности и раскаянія! Это воспоминаніе какъ молніей озарило умъ Вюлетты, въ то время какъ она поддерживала, почти несла молодую женщину въ полу-обморочномъ состояніи, и молчаливыя слезы текли по ея щекамъ и капали на лобъ Мадлены.

Наконецъ послѣдняя смогла проговорить:

— Мы погибли!—сказала она.—Завтра наше имущество

опишутъ. Мы, правда, почти все заложили. Ты сама видишь, у меня ничего больше нѣтъ. Я отпустила служанку и взяла по-деньщицу. Теперь я сама себѣ чиню обувь, какъ, помнишь, въ улицѣ Сентонжъ. Я пробѣгала сегодня все утро, хотѣла продать полъ-дюжины серебряныхъ ложечекъ, которыя намъ дала Октавія. На меня смотрѣли такъ, какъ будто я воровка. Нѣтъ, это жестоко!.. У меня хватило духу только потому, что я сознавала, что дѣлаю это ради Франсуа и... маленькаго... Октавія намъ дала восемь тысячъ франковъ, свои сбереженія, все, что у нея было, бѣдняжки, но этого не хватило... О, Франсуа тутъ ни при чемъ, это не его вина. Онъ имѣлъ великолѣпную идею, и еслибы не эти проклятыя акціи... Намъ нужно двадцать тысячъ франковъ! Если ихъ не будетъ завтра у Франсуа, онъ потеряетъ мѣсто и принужденъ будетъ бѣжать за границу.

— Подожди меня здѣсь! — просто сказала Виолетта.

Она поднялась къ Суветеру, принципалу *Coupe de Cristal*. Она нашла мужа и жену сидящими у камина. Они не имѣли ничего общаго съ супругами Деруа, составляли имъ полную противоположность. Суветеръ давно уже торговалъ въ Лиможѣ фаянсомъ. Говорили, что онъ началъ простымъ рабочимъ. Онъ и его жена чахли на работѣ, не давая себѣ ни минуты отдыха, одинаково безпощадно строгіе какъ къ другимъ, такъ и къ себѣ самимъ. Имъ было уже за шестьдесятъ, и несмотря на то, что не имѣли дѣтей, которыя могли бы наслѣдовать ихъ состоянію, они безъ усталы, не повладея рукъ, работали, мучили себя ради его приращенія, отказывали себѣ порою въ необходимомъ. Всегда на-сторожѣ, готовые воспользоваться всякимъ удобнымъ обстоятельствомъ, они всю свою жизнь держались около того предѣла, который отдѣляетъ коммерческую изворотливость отъ простого мошенничества, ни разу не сдѣлавъ рокового шага.

— Г. Суветеръ, — сказала, входя, Виолетта: — мнѣ нужно двадцать тысячъ франковъ. — Въ этомъ требованіи Суветеры увидѣли великолѣпный случай немного пощипать свою пайщицу. Не совѣщаясь другъ съ другомъ, даже не обмѣнявшись взглядами, они оба мгновенно приняли одно и то же выраженіе, какъ два инструмента, давно свѣренныя и согласованныя, которые вторятъ другъ другу, сливаясь въ одномъ созвучіи. Они испустили крикъ ужаса, какъ будто у нихъ собрались отнять ихъ собственныя деньги.

— Двадцать тысячъ франковъ! тогда какъ еще годовые счета не подведены! Но неужели она не помнить условія, поставленнаго компаніей?

Она его чудесно помнила, но ей нужно было двадцать тысяч франковъ.

Віолеттѣ не только съ самимъ принципаломъ предстояла борьба. Жена, еще болѣе упрямая въ дѣлахъ, знала законы какъ любой страпчій. Они поддерживали другъ друга и напоминали: „Ты забыла сказать, мой другъ...“ или: „Еще обстоятельство, о которомъ ты не подумалъ, Шарль...“ Одинъ возражалъ противъ уступокъ, на которыя шелъ другой, чтобы возможно болѣе выиграть на этой сдѣлкѣ. Они торговались такимъ образомъ около часу.

Наконецъ Віолетта вернулась въ гостиную, гдѣ оставила Мадлену. Эта послѣдняя отерла глаза и, сидя у огня, пробѣгала газету.

— Ну что?—спросила она.

— Твой мужъ будетъ имѣть двадцать тысячъ франковъ завтра послѣ полудня.

Мадлена стала жать ея руку съ обычнымъ экстазомъ.

— Пора,—сказала Віолетта:—уже поздно. Я тебя довезу до дому въ каретѣ.—Дорогою, какъ въ былое время, обнявъ ее, Віолетта нѣжно сказала ей:

— Смотри же, теперь надо исправиться. Франсуа поклянется, что не будетъ больше играть: я не дамъ денегъ раньше, чѣмъ онъ это сдѣлаетъ. Ты оставишь свою квартиру, я свою тоже. Мы опять поселимся въ улицѣ Сентонжъ. Мы будемъ общими усилиями исправлять ущербъ, нанесенный нашему состоянію, будемъ вмѣстѣ работать... ради тебя... и моей крестницы.

— Твоего крестника, хочешь ты сказать,—возразила Мадлена, вновь придя въ хорошее настроеніе.—Да, ты говоришь дѣло, надо вернуться въ улицу Сентонжъ, гдѣ мы были такъ счастливы. Теперь все пойдетъ отлично. Знаешь ты что еще? Дожидаясь тебя, я просматривала газету и прочла, что этимъ лѣтомъ будутъ носить волосы короткіе на затылкѣ. А мои лѣзутъ! не правда ли, какъ это счастливо для меня!

Віолетта отвѣчала съ болѣзненной ироніей, которая ускользнула отъ Мадлены:

— О, да! это большое счастье для тебя!

XIII.

Наступило временное затишье. Программа Віолетты выполнялась. Къ Мадленѣ вернулось спокойствіе, и она оказывала своей названной матери болѣе уваженія и довѣрія, чѣмъ когда-либо.

Франсуа, находясь въ нѣкоторомъ родѣ подъ присмотромъ, грызъ удила. По вечерамъ, въ маленькомъ семейномъ кружкѣ, посреди трехъ женщинъ, шившихъ приданое ребенку, онъ испытывалъ смертную скуку. Онъ съ остервенѣніемъ зѣвалъ, съ нѣкоторымъ даже гнѣвомъ, и кончалъ тѣмъ, что бралъ шляпу: „Мнѣ нужно, — говорилъ онъ, — снести письмо на почту“; или: „я хочу выкурить сигару“. Мало-по-малу онъ взялъ привычку возвращаться поздно ночью. Мадлена казалась совершенно погруженною въ мечты о материнствѣ, прислушиваясь къ внутренней жизни, пробуждавшейся въ ней и поглощавшей ее. Віолетта взяла въ свои руки управленіе домомъ.

Появленіе кредиторовъ, которые приходили каждое утро дергать звонокъ, показало ей, до какихъ предѣловъ доходило безуміе Франсуа Ренуара. Віолетта кое-какъ улаживала съ ними дѣла, всѣмъ говоря, что если они вздумаютъ открыть ему кредитъ снова, то ужъ имъ не будетъ тогда ничего уплачено. Съ каждымъ днемъ положеніе Віолетты становилось нормальнѣе, и будущее утратило, наконецъ, свой угрожающій характеръ.

Віолетта имѣла удовольствіе увидѣть сіяющую фигуру честнаго Мартена. Она встрѣтила его вопросомъ:

— Какъ идутъ дѣла въ газетѣ?

— Великолѣпно. Реннекенъ — превосходный человѣкъ; мои товарищи — такіе веселые молодые люди!

Въ самомъ дѣлѣ, они были даже излишне веселые молодые люди. Въ особенности потѣшались они надъ Мартемомъ. Они безъ устали разспрашивали его про наслѣдниковъ Мартена и исторію перестройки Парижа.

— Знаете ли, — говаривалъ ему молодой репортеръ: — вѣдь парижане должны бы вамъ поставить памятникъ, а?

— Достаточно бюста, — скромно отвѣчалъ Мартенъ.

Перваго апрѣля ему сообщили, что Триумфальная арка обрушилась. Онъ побѣжалъ на мѣсто катастрофы. Вернувшись въ редакцію, онъ говорилъ, потирая лобъ старымъ фуляромъ:

— Я не знаю, какое чувство было сильнѣе во мнѣ: досада ли, что меня заставили даромъ пробѣжаться, или радость, что памятникъ нашей славы цѣлъ и невредимъ.

Спрашивали его мнѣніе о великихъ историческихъ личностяхъ.

— Чтѣ вы думаете о Наполеонѣ, m-г Мартенъ?

— Я удивляюсь его гению, не одобряю его пылкость и оплакиваю его несчастія.

— Не думаете ли вы, что его погубило гигантское честолюбіе?

-- Именно это я и хотѣлъ сказать.

— А что, если бы онъ остался простымъ артиллерійскимъ капитаномъ,—вѣдь онъ спокойно умеръ бы на тронѣ?

— Безъ сомнѣнія.

Тогда подымался хохотъ, и онъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Иногда появлялся при этомъ Реннекенъ, привлеченный шумомъ.

— Какъ вамъ не стыдно смѣяться надъ г. Мартеномъ!

— Оставьте ихъ, прошу васъ. Веселость свойственна юности.

Но въ одинъ прекрасный день бѣдный Мартенъ былъ сбитъ съ ногъ омнибусомъ на Монмартрскомъ бульварѣ и сильно помятъ.

— Однимъ раздавленнымъ больше! Это мое послѣднее „fait divers“! — говорилъ онъ приходившимъ справляться о его состояніи.

Ему пришлось долго пролежать въ лубкахъ. Когда онъ всталъ съ своего кресла, то долженъ былъ опираться на палку и ходить прихрамывая. Репортерское ремесло для него не могло болѣе существовать!

Что дѣлать? Віолетта, которую собственные горести не превратили однако въ эгоистку, явилась къ Реннекену, который ее успокоилъ.

— Я нашелъ,—сказалъ онъ:—мѣсто, вполне подходящее для Мартена. Одинъ изъ моихъ друзей возьметъ его съ собою въ деревню, чтобы привести въ порядокъ свои бумаги.

— Но какъ долго это протянется?

— До тѣхъ поръ, пока всѣ бумаги не будутъ приведены въ порядокъ.

— Но когда онѣ будутъ приведены въ порядокъ?

— Этого никогда не будетъ. Фамилія моего друга—одна изъ древнѣйшихъ, и предки его уже имѣли славное имя во времена короля Дагобера. При Гуго Капетъ еще бумаги перепутались. Итакъ, вы можете сами заключить...

— Вы это говорите серьезно?

— Совершенно серьезно, и ручательствомъ этого послужить жалованье, которое получить Мартенъ, и мое уваженіе къ вамъ. Что касается остального, то вы знаете мои убѣжденія. Міръ этотъ—скверная шутка, гдѣ каналы предписываютъ свои законы, зло править всѣмъ, добродѣтель гонима, и такой необыкновенный геній, какъ Реннекенъ, и такая хорошенькая дѣвушка, какъ Віолетта Меріанъ, должны зарабатывать свой насущный кусокъ хлѣба!

— Счастливы тѣ, кому приходится зарабатывать свой хлѣбъ насущный,—сказала Віолетта, поднимаясь:—имъ некогда замѣчать тернія жизни.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Віолетта вернулась

въ улицу Сентонжъ. Беременность Мадлены шла благополучно; всѣ начинали забывать страданія прошлаго и надѣяться на лучшее будущее.

Въ одно весеннее утро, когда Біолетта сидѣла въ магазинѣ, погруженная въ свои занятія, предъ нею предстала одна изъ маленькихъ дочерей г-жи Жанисеръ, запыхавшаяся и взволнованная.

— Идите скорѣе, madame Нуармонъ!

— Что случилось?

— Ахъ, не знаю! Но навѣрное что-то случилось. М-ше Мадлена желаетъ васъ видѣть. А m-lle Октавія мнѣ сказала: — „Иди скорѣе за m-ше Нуармонъ. Сейчасъ же приведи ее сюда“.

Немедленно Біолетта взяла фіакръ и отправилась въ улицу Сентонжъ. Тѣмъ, кому случалось въ подобныхъ обстоятельствахъ ѣхать черезъ весь Парижъ въ наемномъ фіакрѣ, считая повороты улицъ, сжимая конвульсивно руки при малѣйшей остановкѣ, подаваясь въ нетерпѣннѣ всѣмъ тѣломъ впередъ, какъ будто это могло побудить извозчиковъ влечь, плетущихся неторопливой рысцой, прибавить шагу, легко поймутъ состояніе Біолетты въ тѣ десять минутъ, которыя потребовались на то, чтобы достигнуть улицы Сентонжъ.

Наконецъ-то доѣхали! Она поспѣшно поднялась по лѣстницѣ. Едва переступивъ порогъ, она крикнула Октавіи:

— Что случилось?

— Мадлена разрѣшилась прежде времени. Ребенокъ мертвый.

— Она позволила себѣ какую-нибудь неосторожность?..

— Никакой, въ томъ-то и дѣло! Просто непостижимо, отчего это сдѣлалось.

Среди безпорядка, царившаго кругомъ, на постели лежала Мадлена съ измученнымъ лицомъ, покрытымъ каплями пота, и видимо страшно страдала.

— Ахъ, это ты!— сказала она.

Въ одинъ мигъ Біолетта очутилась на колѣняхъ около нея.

— Вели Октавіи уйти.

— Почему?

— Да вели же скорѣй!— отвѣчала Мадлена съ нетерпѣніемъ, которое выказываютъ тѣ, кому каждое слово доставляетъ страданіе, и они приходятъ въ отчаяніе, если имъ не повинуются немедленно.

Біолетта поднялась.

Не говоря ни слова, Октавія вышла и затворила за собою дверь.

Біолетта вернулась къ Мадленѣ и наклонилась надъ нею.

— Это я, жалѣя ее... я не хочу, чтобы она знала...

Потомъ она продолжала:

— Франсуа растратилъ... деньги своего хозяина... до шестидесяти тысячъ франковъ!

— Откуда ты это узнала?

— Его другъ пришелъ мнѣ сказать... Корнели, сынъ голландскаго банкира... тотъ, что еще такъ тебя разглядывалъ... еще приготавливалъ майонезъ.

— Шестидесятъ тысячъ франковъ!

— Да, онъ надѣялся въ концѣ мѣсяца вернуть ихъ и еще нажить... представлялась такая операція...

— Но почему этотъ молодой человѣкъ обратился къ тебѣ?

— Думалъ, что окажетъ услугу, предупредивъ.

— Онъ не зналъ о твоёмъ состояніи?

— Да, не зналъ... Когда онъ мнѣ это сказалъ, точно полъ подломился подо мною... Все кончено, видишь... я должна умереть... я умираю отъ позора...

— Отъ позора не умираютъ... Нельзя умереть отъ позора, причиной котораго другой... Да и наконецъ никто не будетъ опозоренъ. Я все устрою. Гдѣ живетъ Корнели?

Узнавъ адресъ, Віолетта направилась къ двери.

— Я все устрою, слышишь!—крикнула она, выходя.

— Вы уходите?—спросила Октавія.

— Да, крайне необходимое дѣло!

Оставить Мадлену въ подобномъ состояніи было жестоко, но необходимость заставляла. Безполезно было бы рассказывать, какъ она безуспѣшно разыскивала этого Корнели, у него на квартирѣ, въ его ресторанѣ, клубѣ, между колоннами биржи, какъ она его нашла, наконецъ, и узнала всю истину; о принятыхъ ею на себя обязательствахъ, прежде даже чѣмъ она могла навѣрно сказать, что ей удастся выполнить ихъ; о долгихъ и утомительныхъ препирательствахъ съ Суветерами, отъ которыхъ она вышла, не имѣя больше ничего за душою, даже потерявши мѣсто. Ибо Суветеры, притворяясь, что имъ крайне непріятно уменьшеніе основнаго фонда, только и думали о томъ, какъ бы избавиться отъ нея, и едва только дверь за нею захлопнулась, какъ г-жа Суветеръ вскричала, торжествуя:

— Ну, вотъ отъ нея и избавились! Теперь Coupe de Cristal принадлежитъ однимъ намъ!

Когда Віолетта вернулась, послѣ пяти-часового отсутствія, уже наступила ночь, и г-жа Жанисеръ зажгла лампы на лѣстницѣ.

Въ первой комнатѣ какой-то господинъ въ полголоса разговаривалъ съ Октавіей. Это былъ докторъ.

Колѣни у Віолетты подогнулись; она могла только взглядомъ спросить ихъ о состояніи больной. Октавія поднесла платокъ къ глазамъ. Докторъ значительно качнулъ головой:

— Она еще жива, — прошепталъ онъ.

Віолетта вошла. Она сдѣлала надъ собою усиліе, нажимая дверную ручку, и вошла спокойная, почти радостная.

— Ну, все благополучно, — сказала она.

— Мегсі, — произнесъ слабый, какъ дуновение, голосъ. — Я умру спокойно.

— Что ты еще говоришь такое! Ты будешь жить.

— Я умру, — отвѣчала Мадлена. — Помнишь, органистъ ошибся и заигралъ *Marche funèbre* Шопена, когда насъ вѣнчали...

Віолетта стала на колѣни у кровати.

— Возьми меня! — прошептала Мадлена.

Она такъ говорила ребенкомъ, когда, бывало, устанетъ и просится на колѣни къ Віолеттѣ. Но столько времени она не слыхала этихъ словъ! Віолетта обхватила ее руками, приподняла немного и прижала поблѣднѣвшія губы къ ея блѣдному лбу.

Голосъ становился все слабѣе и слабѣе...

— Мама, какъ я дурно вела себя...

— Не думай объ этомъ... Ты сильно страдаешь?

— Почти не больно больше.

— Видишь, все идетъ къ лучшему.

Но Мадлена сдѣлала отрицательный знакъ. Лицо ея исказилось, точно она сейчасъ заплачетъ, но ни единой слезы не выкатилось изъ темныхъ глазъ.

— Какъ скучно умирать! — сказала она: — скучно умирать... въ семнадцать лѣтъ!

Это были ея послѣднія слова.

Ея пальцы конвульсивно сжали шею Віолетты и вновь разжались. Голова склонилась на бокъ. Она перестала жить и страдать.

Въ это мгновеніе сильный шумъ, стукъ и громкій голосъ раздался въ сосѣдней комнатѣ. Дверь отворилась. Испуганная, багровая, угрюмая фигура Франсуа появилась на порогѣ.

— Мадлена! — крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Мадлены болѣе нѣтъ, — сказала Віолетта.

Она поднялась, шагнула къ Франсуа и, ставъ между мертвой и имъ, посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, что онъ отступилъ.

Одного слова достаточно было, чтобы выгнать изъ комнаты этого вора, этого убійцу! Но она замѣтила за его спиной Октавію. Что играло здѣсь роль: состраданіе ли къ живой, или уваженіе

къ мертвой?.. Она промолчала и пропустила Франсуа, который приникъ къ трупу и положилъ голову на руки покойной.

Послѣ этой первой вспышки негодованія Вюлетта забыла о присутствіи этого человѣка, погруженная въ мучительныя размышленія. Пробыло полночь, и она съ изумленіемъ оглянулась на этотъ ужасный день, который канулъ въ вѣчность. Всѣ драмы ея жизни происходили между полуднемъ и полночью. Двѣнадцать часовъ было достаточно для того, чтобы она все потеряла.

На другой день Франсуа попытался поддѣлаться къ Вюлеттѣ.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что вы для меня сдѣляли. Позвольте мнѣ васъ поблагодарить.

Вюлетта указала на тѣло Мадлены.

— Я сдѣлала это единственно ради нея. А то бы я сама пошла за жандармами.

Даже въ этотъ ужасный моментъ она замѣтила въ его взглядѣ молящую уязвленнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе онъ ни слова не отвѣчалъ. Безъ сомнѣнія, онъ разсудилъ, что промолчать всего лучше. Долгъ — за Мадленой; разъ ради нея Вюлетта пожертвовала своимъ состояніемъ—онъ тутъ, значить, ни при чемъ. Тѣмъ лучше. Онъ больше и не заговаривалъ съ Вюлеттой. Когда къ нему обратились за распоряженіями, онъ холодно сказалъ:

— Скажите г-жѣ Нуармонъ.

Похороны Мадлены были приличныя. Этого желала Вюлетта, разбѣнявшая свой послѣдній тысячефранковый билетъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ апрѣльскихъ дней, когда Парижъ кажется весь празднично настроеннымъ, и дѣйствительно это праздникъ весны и солнца.

Воздухъ чистъ, прозраченъ, голубое небо ясно, безоблачно; ни малѣйшаго вѣтерка, который бы заставлялъ трепетать молодую, клейкую листву деревьевъ. Даже на самыхъ истомленныхъ лицахъ можно замѣтить отблескъ всеобщей радости, по поводу окончанія долгой зимы, съ ея печалами и невзгодами.

Шумная, кипучая жизнь бьетъ повсюду. Скромныя траурныя дроги проѣзжаютъ мимо веселой толпы: шляпы приподнимаются, улыбки сбѣгаютъ съ лицъ; работники на мгновеніе останавливаются визжацій по обрубку дерева стругъ, другой приподнялъ молотъ и задержалъ его въ воздухѣ, уставившись на каталкъ; старики, сидѣвшіе на скамейкахъ, положили газеты себѣ на колѣни; дѣти, игравшія на бульварѣ въ мячъ, столпились и удивленно смотрять; молодой человѣкъ, любезничавшій съ хорошенькой дѣвушкой, словно опѣшилъ и смутился.

Но когда дроги проѣхали, старикъ вновь принялся за га-

зету, ребенокъ за мячъ, молотъ опустился, рубанокъ завизжалъ, улыбки заиграли на лицахъ, мгновенная задумчивость смѣнилась выраженіемъ еще большаго довольства жизнью и настоящимъ. Какъ мало занимаетъ мѣста смерть! Какъ незамѣтно и скромно совершается ея шествіе! Какъ будто траурный челнокъ безшумно проскользнетъ и потонетъ въ туманной дали, не оставивъ даже слѣда на поверхности безпредѣльнаго океана жизни! Церемонія окончена; послѣдняя лопата земли брошена.

Въ эту минуту кто-то бросился къ Віолеттѣ. Къ ней пришла какая-то безформенная черная масса, какая-то красная и заплаканная женщина обняла ее, прежде чѣмъ она могла понять, чтѣ такое произошло.

Это была мадамъ Витали.

Она соорудила себѣ изъ шолку и кружевъ траурный туалеть, способный возбудить невольную улыбку. Віолетта знала эту низкую душу, жизнь которой уходила на всякаго рода сомнительныя аферы и сдѣлки. Эта женщина—она знала—ей вредила и клеветала на нее... Но все же брезжится, значитъ, искра Божія и въ глубинѣ этого нравственнаго мрака, и Віолетта не оттолкнула эту грубую печаль, требовавшую отъзвѣта.

— Благодарю,—сказала она:—благодарю!

И въ этой благодарности звучало прощеніе.

XIV.

Теперь можно было забыть долгіе годы тяжелаго труда, которые она провела съ Мадленой въ темной норѣ.

Прежде всего Віолетта рѣшила покинуть улицу Сентонжъ. Для нея было невозможно теперь жить съ Ренуарами. Она не желала продолжать дружбу и съ Октавіей. Она жалѣла эту бѣдную дѣвушку, безтолковая преданность которой превратила ее въ рабу негодая-брата. Культъ, предметомъ котораго по прежнему оставался Франсуа, этотъ культъ, нѣкогда забавлявшій ее, теперь возбуждалъ въ ней отвращеніе. Разставаясь съ старымъ домомъ, она рѣшила распродать свою мебель. Она покупала мало-по-малу, цѣною тысячи жертвъ, чтобы скрасить существованіе дорогаго ребенка, котораго, несмотря на недостатки, она любила до конца. Зачѣмъ сохранять этихъ свидѣтелей прошлаго, которое уже не вернется болѣе?

Тѣмъ не менѣе, когда эту мебель понесли на распродажу, въ особенности когда выносили фортепіано, на которомъ, бывало,

Мадлена разсѣянно разыгрывала гаммы, ей показалось, что у нея еще разъ похищаютъ дочь.

Теперь за что приняться? Куда идти? Печальное недоумѣніе тѣхъ, кого никто не ждетъ, никто не призываетъ, передъ которыми жизнь насмѣшливо стелетъ свои безчисленные пути, равно безотрадныя, неинтересныя.

Начнетъ ли она снова борьбу за существованіе? Въ тридцать лѣтъ ничто не потеряно, — всего еще можно достигнуть. Она еще молода лицомъ, силами, годами, но она чувствуетъ такую усталость душевную!

Въ первые дни послѣ смерти Мадлены Віолетта нѣсколько разъ пыталась заходить въ храмы. Но въ парижскихъ церквахъ такой шумъ и суета, что тамъ трудно разслышать то, что шепчетъ молящемуся на ухо Богъ.

Въ нихъ не съ большимъ удобствомъ можно сосредоточить свои мысли, чѣмъ въ Луврѣ или Bon Marché, въ дни продажи новостей новаго сезона или остатковъ. Была и еще причина тому, что Віолетта не могла молиться. Хотя она никогда не размышляла о догматахъ, никогда не испытывала сомнѣній, тѣмъ не менѣе вѣра ея, нечувствительно ослабляясь, утратила свою цѣльность, ясность, жизненность. Вѣра ея была какъ бы подточена жизнью. Изъ несокрушимой и мощной она стала прозрачной какъ облако аллегоріи, черезъ которую просвѣчиваютъ другія понятія. Наконецъ, надо еще сказать, что въ сердцѣ ея скопилась горечь, какъ будто она была обманута и не нашла въ самоотверженіи той награды, которую, казалось, заслужила безконечными жертвами, оставшимися неизвѣстными міру.

Это поддѣльное материнство, которымъ она себя обманывала, утоляя на половину свою жажду привязанности, не дало ей ничего кромѣ слезъ. Богъ не далъ ей ни утѣшенія, ни цѣли въ жизни. А между тѣмъ, если люди не знаютъ ничего, то Ему все извѣстно. Онъ знаетъ, сколько она выстрадала, чѣмъ пожертвовала ради долга. Всѣ эти чувства не оформлялись во что-либо опредѣленное, не подымали въ душѣ ея положительнаго и сознательнаго ропота, но производили въ ней болѣзненную сухость, погружали ее въ область холоднаго отчаянія.

И вотъ тутъ-то она получила письмо Мартена. Онъ узналъ о смерти Мадлены и просилъ убѣдительноше дозволить ему принять участіе въ ея скорби. Имъ, т.-е. ему и г-жѣ Мартенъ, пришла идея предложить ей раздѣлить съ ними ихъ уединеніе, на что „лучшій и благороднѣйшій изъ людей его уполномочилъ“.

Затѣмъ начиналось лирическое изліяніе. Мѣстечко, въ кото-

ромъ они обитають—сушій рай: быстрыя воды, свѣжая тѣнь рошъ, въ отдаленіи—гѣры, увѣнчанныя серебромъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ этомъ „убѣжищѣ, гдѣ ихъ старость протекаетъ безмятежно“, она можетъ исцѣлить свое пораженное печалью сердце. И если только пожелаетъ, она легко займетъ „положеніе столь же пріятное, какъ и почетное“.

Перифразы и гиперболы добряка Мартена вызвали на губахъ Віолетты первую въ теченіе нѣсколькихъ недѣль улыбку. Письмо было помѣчено Орибо, въ приморскихъ Альпахъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему бы ей не принять это предложеніе? Тамъ во всякомъ случаѣ она свободна, одна съ этими милыми людьми.

Быть можетъ, среди цвѣтущей природы, въ безмолвіи горъ, въ свѣжемъ дыханіи утра, въ тихомъ сіяніи заката она услышитъ голосъ, почувствуетъ отеческую ласку великаго Утѣшителя.

Она отвѣчала: „Я ѣду. Ждите меня послѣ-завтра вечеромъ на вокзалѣ въ Каннѣ“.

Это названіе пробудило въ ней старыя воспоминанія о ея первыхъ шагахъ въ свѣтѣ, о дняхъ ея ранней юности. Она предпринимала снова то же путешествіе, въ которое пустилась двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Казалось, годы протекли точно во снѣ, не оставивъ ей ничего по себѣ кромѣ печальнаго знанія жизни. Она не была даже ни однимъ червонцемъ богаче той бѣдной дѣвушки, которая нѣкогда везла въ платкѣ завязанныя въ четырехъ углахъ его нѣсколько сотенъ франковъ—единственное достояніе. А на сколько бѣднѣе была она теперь надеждами и иллюзіями! Она потеряла любопытство, жадность къ зрѣлищамъ, которыя такъ украшаютъ жизнь. Человѣческая комедія, калейдоскопъ типовъ, шмыгавшихъ мимо нея, болѣе ее не забавляли. Она ни на кого не обращала вниманія. Въ Монтелимарѣ ей не предлагали, какъ тогда, винограда,—для него еще не наступилъ сезонъ. За Тулономъ поѣздъ сталъ пустѣть. Когда Віолетта вышла въ Каннѣ, она замѣтила спѣшившаго въ ней, опираясь на палку и хромая, Мартена. Онъ улыбался, и въ улыбкѣ его было нѣчто таинственное и торжествующее, какъ будто бы онъ побился объ закладъ съ клеветущими на жизнь пессимистами и выигралъ пари.

Віолетта замѣтила взволнованное состояніе, въ которомъ находился старикъ.

„Милый, добрый Мартенъ!—подумала она.—Какъ онъ радъ меня видѣть!“

Они сѣли въ карету. Все такъ перемѣнилось вокругъ, что она не узнавала мѣстности. Дома, дома и дома. Повсюду, гдѣ

прежде были луга, поля, засаженные оливковыми деревьями, — теперь камень и черепица.

Только когда, переѣхавъ полотно желѣзной дороги, карета поѣхала по берегу залива, она ориентировалась.

Когда же они повернули прямо въ пихтовую широкую аллею, она не могла удержаться отъ вопроса:

— Куда же, однако, мы ѣдемъ?

— Теперь слишкомъ поздно, и мы не успѣемъ въ Орибо. Если вы не противъ того, мы проведемъ ночь въ маленькой виллѣ, около моря, которая также принадлежитъ моему патрону. Завтра мы двинемся дальше. Вы увидите это прелестное мѣстечко. Знаете вы, кто завѣдуетъ фермой?

— Какъ же я могу это знать!

— Ваша старая служанка Репарата, со своимъ мужемъ и съ дѣтьми; смѣю васъ увѣрить, что это — счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Вѣдь она никогда не могла утѣшиться, что была разлучена съ этими горами, живетъ вдали отъ нихъ. Человѣкъ ужъ такъ устроенъ. Даже эскимось, готентотъ...

— Но благодаря какому странному случаю на этомъ уголкѣ земли собрались всѣ мои друзья?

— Благодаря случаю? Вы думаете — благодаря случаю?

Еще солнце не закатилось, но уже свѣтъ его смягчился. Оно торжественно склонялось за Эстерель, вершины котораго, казалось, застилались облакомъ золотой пыли. Ни малѣйшаго вѣтерка не волновало безконечной, матовой поверхности залива. На деревьяхъ щебетали птицы, приготовляясь ко сну; день отходилъ въ невозмутимомъ спойойствіи и безконечной ясности.

— Но, кажется, вы меня привезли на виллу Марини?

— Да, такъ прежде назывался этотъ домъ.

— А какъ же онъ называется теперь?

Мартенъ, по прежнему загадочно улыбаясь, указалъ пальцемъ на черную мраморную доску; на ней золотыми буквами стояло: „Вилла Вюлетта“.

— Мое имя! странно!

Они остановились передъ маленькимъ крыльцомъ. Мартенъ прошелъ въ сѣни и отворилъ передъ Вюлеттой дверь небольшого кабинета.

— Снимите вашу шляпу и отдохните; г-жа Мартенъ сейчасъ къ вамъ явится.

Онъ удалился. Вюлетта осталась одна въ этой комнатѣ, гдѣ она проводила вечера съ маленькой Мадленой и съ тѣмъ, кого годы не могли стереть съ ея воспоминаній. Вотъ диванъ, у ко-

тораго она работала при лампѣ, между тѣмъ какъ ребенокъ перелистывалъ книжку съ картинками. Въ томъ глубокомъ, отлогомъ креслѣ, въ которомъ онъ тогда сидѣлъ, куря папиросу, неслышнѣй, задумчивѣй, устремивъ на нее взоръ. При этомъ воспоминаніи сердце Віолетты забилося такъ же сильно, какъ билось оно тогда! И между тѣмъ какъ она силилась сосредоточить мысль свою, чтобы вызвать въ своемъ воображеніи его образъ, онъ самъ поднялся съ кресла и медленно приблизился къ ней.

— Віолетта! Моя милая Віолетта!

Она испустила глухой крикъ, поблѣднѣла и упала на диванъ.

— Боже, я убилъ ее! — вскричалъ Филиппъ въ безумномъ отчаяніи.

— Нѣтъ, — слабо прошептала она: — но неожиданность была такъ велика... И кромѣ того, — прибавила она еще тише: — я такъ изстрадалась! Я отвыкла отъ счастья...

Онъ сѣлъ около нея, обвивъ ее руками.

— Вы видите, — сказалъ онъ: — я также въ траурѣ.

— Герцогиня?..

— Увы! Герцогини де-Наварренъ болѣе не существуетъ. Но завтра, когда надѣнуть это кольцо на вашъ палецъ, явится новая герцогиня, которую будетъ любить и почитать свѣтъ и которую я буду обожать.

Они глядѣли другъ на друга.

— Вы, — сказалъ онъ: — вы остались такой же юной, чистой и прекрасной, какъ и прежде. Но я, какъ я постарѣлъ! Посмотрите, — виски сѣдые... О, Віолетта! какъ намъ нужно любить другъ друга, чтобы наверстать потерянное время!

Онъ говорилъ въ полголоса, приблизивъ свои губы къ уху Віолетты, и рѣчи его смѣшивались съ поцѣлуями.

Она слушала его, подавленная счастьемъ, упиваясь радостью, волнуемая тѣми божественными словами, которыя жаждетъ слышать каждая женщина, и говоря себѣ, что эта минута будетъ единственной въ ея жизни. Эта минута долго продлилась. Такъ долго, что сошла ночь и бѣлый свѣтъ луны залилъ всѣ предметы, окутывая ихъ фантастической дымкой. Наконецъ послышался скромный стукъ въ дверь. Эта была г-жа Мартенъ, явившаяся звать къ ужину. Они поднялись, немного смущенные. Сіяющая Віолетта силилась скрыть счастливыя слезы, орошавшія ея лицо.

Она обняла г-жу Мартенъ и остановилась отъ удивленія, найдя въ гостиной Реннекеана, протанувшаго ей обѣ руки.

— Вы также здѣсь?

— Какъ видите. Мнѣ сказали, что я здѣсь увижу двухъ

счастливецъ. Зрѣлище, чортъ побери, рѣдкое!.. Завтра мы съ Мартеномъ будемъ свидѣтелями при вашемъ вѣнчаніи. Ну, а теперь идемте ужинать.

За столомъ разговоръ оживился.

— Я долженъ попросить у васъ прощенія,—сказалъ Реннекенъ Віолеттѣ.

— За что?

— Уже давно я сообщалъ герцогу все касающееся васъ. Мартенъ мнѣ помогалъ. Мы обдѣляли все дѣльце! Вы, Мартенъ, должны торжествовать сегодня. Теперь вы можете смѣло, наконецъ, утверждать, что добро царить въ мірѣ.

— Безъ сомнѣнія. При всемъ моемъ уваженіи, которымъ я обязанъ относительно васъ...

— Вы нисколько не обязаны меня уважать.

— Позвольте мнѣ, тѣмъ не менѣе, сказать вамъ...

— Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, зачѣмъ у меня подагра.

— Потому что страданіе дѣлаетъ васъ лучшимъ.

— Оно меня дѣлаетъ гнуснымъ

— И чтобы побудить васъ къ молитвѣ.

— Она побуждаетъ меня къ проклятіямъ.

— Наконецъ, благодаря ей, вы должны вести скромную и умѣренную жизнь, которая продолжитъ ваши дни.

— Ну, а это глупое колесо омнибуса, которое васъ перенесло на углу улицы Монмартръ? Провидѣніе что-ли подвернуло вашу ногу подъ колесо?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Безъ этого благодѣтельнаго колеса я не имѣлъ бы чести узнать герцога и не былъ бы здѣсь.

— Объясните же мнѣ еще, почему эти два существа, любившія другъ друга столько лѣтъ, такъ поздно стали счастливы?

— Что-жъ, и это ясно. Счастье послѣ долгой разлуки, послѣ того, какъ его считали потеряннымъ, болѣе сладко, прочно, глубоко.

— Знаете, Мартенъ, вѣдь вы—великій философъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, я просто христіанинъ...

Послѣ ужина Віолетта поднялась въ бывшую комнату Мадлены. Видъ кровати, около которой она проводила тоскливые часы, глубоко взволновалъ ее. Она видѣла ребенка, еще не лишившагося своей миловидности, обвивающагося ручонками вокругъ ея шеи. Здѣсь, въ этой комнатѣ, началось то долгое самопожертвованіе, исторія котораго сдѣлалась исторіею самой ея жизни.

Филиппъ послѣдовалъ за нею. Стоя около нея, онъ съ нѣж-

нимъ вниманіемъ слѣдилъ за переходами мысли, отражавшимися на ея подвижномъ лицѣ.

Мало-по-малу, какъ слабый и отдаленный свѣтъ, загорающійся и растущій во мракѣ, надежда поднялась въ ней изъ-за сумрачныхъ воспоминаній.

Воскресшія черты ребенка-Мадлены поблѣднѣли и уступили мѣсто чему-то невѣдомому, но любимому; сверкающіе и улыбающіеся фантомы будущаго не походятъ на скорбныя привидѣнія прошлаго.

Обнявъ рукою станъ Филиппа, Віолетта приблизилась къ окну, съ сердцемъ помолодѣвшимъ и утѣшеннымъ. Остатки волненія и лихорадочнаго трепета, еще наполнявшіе ее, улеглись, и торжественное спокойствіе тихой, прекрасной лѣтней ночи передалось и душѣ ея. Взоръ ея устремился съ благодарностью къ безконечной пустынѣ небесъ...

А. Э.

ИЗЪ ЗИМНИХЪ ПѢСЕНЪ

I.

Свободно взоръ скользитъ по глади снѣговой,
Подъ бѣлымъ саваномъ заснули горы, степи;
На все наброшены невидимыя цѣпи
Мороза сильною рукой.

Сквозь утреннюю мглу окраина востока
Едва блеститъ зарей: лѣнивый солнца лучъ
Теряется въ толпѣ туманно-сѣрыхъ тучъ
И гаснетъ въ небѣ одиноко.

Не слышно пѣнья птицъ; молчить широкій лѣсъ;
Покрыта льдомъ рѣка и не шумитъ, какъ прежде.
Не радуясь земли безжизненной одеждѣ,
Подернуть мглою сводъ небесъ.

И мнится: такъ порой кипучія стремленья,
Порывы свѣтлыхъ думъ, страстей глубокой стонъ—
Вся жизнь души заснетъ и длится темный сонъ,
Пока настанетъ пробужденье...

Придетъ къ землѣ весна,—растаетъ снѣгъ и ледъ,
Обвѣется весь міръ душистымъ ароматомъ.
И мысль легко скользитъ по временнымъ утратамъ:
Къ душѣ своя весна придетъ!..

II.

Спустилась ночь; мятель завывла,
 Легла на землю полутьма.
 Какъ будто грустная зима
 Въ могилу друга схоронила:
 Погаснулъ день, и небосклонъ
 Въ безцвѣтный сумракъ погруженъ.

Чутьемъ дорогу конь мой ищетъ;
 Темно и жутко... Стонъ и вой...
 Изъ чащи выбравшись лѣсной,
 По полю звѣрь голодный рыщетъ,
 И мчатся сани, какъ стрѣла,
 Къ огнямъ ужъ близкаго села.

Примчусь... Тепло въ избѣ уютной;
 Но сердце рвется на просторъ—
 Туда, гдѣ тьмой томится взоръ,
 Гдѣ виденъ путь полоской смутной,
 Гдѣ стонетъ вьюга и порой
 Протяжно воетъ звѣрь лѣсной.

Не свѣтъ избы меня ласкаетъ—
 Я солнца жду... Вѣдь ночи тѣнь
 Съ зарей пройдетъ,—и встанетъ день...
 Впередъ! Тамъ сердце отдыхаетъ:
 Во мглѣ, томясь тоской заботъ,
 Душа надеждою живетъ.

В. Булгаковъ.

П. В. АННЕНКОВЪ

— П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб. 1892.

Напомнимъ прежде всего нѣсколько біографическихъ подробностей.

Павелъ Васильевичъ Анненковъ (1811—1887) принадлежалъ къ старому и довольно извѣстному дворянскому роду, главнымъ гнѣздомъ котораго была, кажется, симбирская губернія—здѣсь, по крайней мѣрѣ, были его собственныя довольно значительныя имѣнія. Первоначальную школу онъ прошелъ въ горномъ корпусѣ въ Петербургѣ, до специальныхъ его классовъ, гдѣ начиналось собственно горно-инженерное преподаваніе; оставивъ корпусъ, онъ посѣщалъ лекціи петербургскаго университета по историко-филологическому факультету. Въ 1833, Анненковъ поступилъ на службу въ канцелярію министра финансовъ, а въ 1840 г. уѣхалъ за границу, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ. Еще до отъѣзда онъ примкнулъ къ литературному кругу и, по собственному его указанію, тогда еще, въ 1839 г., познакомился съ Бѣлинскимъ. Конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ были *Lehr- и Wander-Jahre* того поколѣнія. Въ молодыхъ образованныхъ кругахъ было особенное тяготѣніе къ европейскому философскому и литературному движенію въ Германіи, Франціи и Англіи; здѣсь видѣлся источникъ свѣта, и на ряду съ плеядой молодыхъ ученыхъ, которые готовились къ профессурѣ, особливо въ нѣмецкихъ университетахъ, сюда стремились другія молодые силы, искавшія знаній и впечатлѣній искусства для будущей литературной дѣятельности. Эти побужденія влекли на западъ Станкевича, Тургенева и иныхъ; въ числѣ ихъ былъ и Анненковъ, который, между прочимъ, за границей, въ Берлинѣ, въ пер-

вый разъ встрѣтилъ Тургенева. Вслѣдствіе тѣхъ отношеній, какія уже были завязаны Анненковымъ въ петербургскомъ литературномъ кругу, рядъ его писемъ изъ-за границы, адресованныхъ имъ сначала къ Бѣлинскому, сталъ появляться въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Письма совпадали съ интересами кружка Бѣлинскаго и составили первое литературное право Анненкова; это были рассказы туриста о западной жизни, крупной и мелкой, бытовой, исторической, художественной и литературной, но туриста, который умѣлъ сводить подробности къ общимъ чертамъ и вмѣстѣ умѣлъ оцѣнить широкія явленія умственной и литературной жизни. Вернувшись въ Россію, Анненковъ вошелъ въ болѣе тѣсныя связи съ кружкомъ Бѣлинскаго, теперь уже совсѣмъ опредѣлившимся. Въ 1846, Анненковъ опять отправился за границу, и въ слѣдующемъ году взялъ на свое попеченіе больного Бѣлинскаго, который тогда, по требованію докторовъ, отправился на воды въ Германію и потомъ въ Парижъ. Вторая поѣздка Анненкова за границу повела къ новому ряду писемъ, которые помѣщались въ основанномъ тогда „Современникѣ“, въ 1847—1848 годахъ („Письма изъ Парижа“). Анненковъ пробылъ за границей до октября 1848 г.; онъ былъ свидѣтелемъ бурныхъ политическихъ событій того времени. Въ первой книгѣ „Современника“ 1849 г. были помѣщены его „Замѣтки о русской литературѣ 1848 года“, которыми открылся рядъ многочисленныхъ его статей о главнѣйшихъ явленіяхъ нашей художественной литературы съ конца сороковыхъ до семидесятыхъ годовъ. Тамъ же въ „Современникѣ“ 1849 г. помѣстилъ онъ рядъ „Провинціальныхъ писемъ“, посвященныхъ провинціальной, городской и деревенской жизни; это частью—нравоописательные и психологическіе очерки типовъ образованнаго круга, частью—картины приволжской природы и пейзажа, частью—очерки народнаго быта (предметъ описанія былъ симбирскій, самарскій и отчасти казанскій край, гдѣ у Анненкова было имѣніе и деревенскія связи). Тогдашній горизонтъ наблюденій, доступныхъ для литературы въ этой области, былъ очень тѣсенъ; наблюденія всегда шли дальше, чѣмъ могли быть высказаны, и объемъ описаній провинціальной жизни по-неволѣ складывался въ тѣ рамки, какія сложились въ обстоятельствахъ литературы, но, среди беллетристическаго изображенія случайныхъ лицъ провинціи, въ письмахъ Анненкова разбросаны интересныя подробности о народномъ бытѣ и природѣ приволжскаго края, и найдутся замѣтки, не безполезныя и для тѣхъ, кто имѣлъ бы въ виду даже специальное этнографическое изученіе.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Анненковъ занятъ былъ тру-

домъ, составившимъ вполѣдствіи его главную литературную за-
слугу: это было изданіе Пушкина. Предпріятіе Анненкова было
особенно цѣнно въ обстоятельствахъ, среди которыхъ жила тогда
наша литература. Обстоятельства были очень мало благоприятныя.
Обруженная тяжелымъ недовѣріемъ и подозрѣніями, литература
едва хранила нить преданія сороковыхъ годовъ, и изданіе Пуш-
кина приобрѣло цѣну нравственнаго ободренія; это было притомъ
не только напоминаніе, но въ значительной степени и рестав-
рація писателя, который для критики сороковыхъ годовъ былъ
величайшимъ явленіемъ русской литературы и залогомъ ея буду-
щаго. Трудъ Анненкова былъ первый въ своемъ родѣ опытъ из-
слѣдованія внѣшней и внутренней біографіи писателя, исторіи
его содержанія и способовъ творчества. Позднѣе, когда подоб-
ныя изысканія установились и размножились вообще историко-
литературный матеріалъ, не трудно было указать недосмотры и
ошибки въ работѣ Анненкова; забываютъ только, что въ подоб-
ныхъ случаяхъ чрезвычайно важно и особенно трудно бываетъ
именно начало. Какъ притомъ мудрено было внѣшнее положеніе
Анненкова въ качествѣ издателя Пушкина, можно видѣть изъ
того, что когда по окончаніи изданія наступили болѣе благо-
пріятныя цензурныя условія, Анненковъ могъ издать въ 1857 г.
цѣлый дополнительный томъ.

Вслѣдъ затѣмъ, другимъ важнымъ трудомъ Анненкова была
извѣстная біографія Станкевича (1857), новый опытъ тонкой
біографической работы, имѣвшей опять тоже нравственно-обще-
ственное значеніе, какъ напоминаніе преданій сороковыхъ годовъ.
Анненковъ не зналъ лично Станкевича, но ему, человѣку того
же поколѣнія и такъ же настроенному, близко было все содер-
жаніе идей, одушевлявшихъ тотъ кружокъ, и въ жизнеописаніи
Станкевича онъ хотѣлъ сохранить память о замѣчательномъ лицѣ,
почти не заявившемъ себя ничѣмъ въ литературѣ, но имѣвшемъ
глубокое вліяніе на своихъ юныхъ современниковъ, будущихъ
дѣятелей сороковыхъ годовъ, своими философскими запросами и
нравственнымъ обаяніемъ ума и поэтической личности. Что Аннен-
ковъ достигъ своей цѣли—можно видѣть изъ чрезвычайно сочув-
ственной статьи Добролюбова объ этой книгѣ.

Въ томъ же 1857 г. Анненковъ напечаталъ живой и любо-
пытный рассказъ о Гоголѣ, съ которымъ былъ близокъ въ Римѣ,
въ 1841 году. Съ 1854 года идетъ рядъ критическихъ очерковъ
Анненкова о современной беллетристикѣ. Здѣсь Анненковъ былъ
продолжателемъ критики сороковыхъ годовъ, партизаномъ стро-
гаго художества, который недовѣрчиво и даже недружелюбно

относился къ новымъ критическимъ запросамъ, исходившимъ изъ запросовъ общественныхъ. Это не мѣшало ему бывать весьма вѣрнымъ оцѣнщикомъ явленій текущей литературы и, при случаѣ (какъ напр. въ разборѣ „Дыма“, Тургенева), защищать и общественную тенденцію повѣсти и романа. Человѣкъ широкаго литературнаго образованія, онъ умѣлъ подмѣчать внутреннія особенности беллетристическаго творчества и указывать его слабыя стороны, когда писатель съ благими намѣреніями употреблялъ для ихъ достиженія средства, чуждыя непосредственному художеству и невѣрно разсчитанныя. Съ первыхъ критическихъ этюдовъ, Анненкова упрекали въ нѣкоторой темнотѣ его стиля, что было въ то время справедливо; припоминаемъ изъ его бесѣдъ, что эта темнота была почти намѣренная—съ одной стороны, она иной разъ давала ему возможность избѣжать внѣшняго неудобства, съ другой—должна была удерживать читателя на высотѣ отвлеченныхъ соображеній, требовать и возбуждать его вниманіе. Къ сожалѣнію, это могло имѣть и свою оборотную сторону: большинство пугалось отвлеченности, и, благодаря формѣ, Анненковъ, какъ критикъ, имѣлъ меньше вліянія, чѣмъ могли бы имѣть его труды по ихъ содержанію.

Въ кружѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ очень цѣнился критическій талантъ Анненкова: въ послѣдствіи къ нему неизмѣнно прибѣгали Тургеневъ, всѣ послѣднія произведенія котораго, прежде чѣмъ попасть въ печать, отдавались имъ сначала на судъ Анненкова.

Съ 70-хъ годовъ Анненковъ снова принималъ дѣятельное участіе въ литературѣ—различными трудами о Пушкинѣ и рядомъ воспоминаній. Пушкинъ былъ старой излюбленной темой: теперь только авторъ находилъ возможность высказать свои представленія о Пушкинѣ, матеріалъ которыхъ собранъ былъ еще въ ту пору, когда Анненковъ готовилъ свое изданіе. Пушкинъ былъ для него національно-литературной святыней: въ истолкованіи Пушкина нашли отраженіе и собственныя идеальныя представленія автора объ искусствѣ и о самой общественности. Его воспоминанія о людяхъ сороковыхъ годовъ остаются лучшимъ разсказомъ и свидѣтельствомъ современника о замѣчательныхъ дѣтеляхъ той эпохи.

Послѣднее время своей жизни, еще съ конца 60-хъ годовъ, Анненковъ прожилъ за границей, изрѣдка пріѣзжая въ Россію для устройства своихъ дѣлъ; онъ и умеръ за границей, въ Дрезденѣ.

Анненковъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представи-

телей сороковых годовъ и вмѣстѣ съ Тургеневымъ оставался до нашего времени едва ли не самымъ вѣрнымъ хранителемъ ихъ преданій. Онъ не былъ присяжнымъ критикомъ-публицистомъ; шумъ и тревоженія общественной жизни какъ будто отталкивали его и, быть можетъ, были одной изъ причинъ его продолжительнаго абсентеизма. Онъ не былъ также и присяжнымъ писателемъ; за исключеніемъ одной поры, онъ обыкновенно лишь изрѣдка отзывался на событія нашей художественной литературы, а въ послѣднее время былъ только историкомъ. Его труды занимаютъ уже и теперь почетное мѣсто въ ряду историческихъ трактатовъ о нашей новѣйшей литературѣ: онъ едва ли не больше, чѣмъ кто-либо въ новѣйшее время, сдѣлалъ для истолкованія Пушкина, оставилъ весьма важныя свидѣтельства о Гоголѣ, объ эпохѣ сороковыхъ годовъ; во всѣхъ трудахъ своихъ онъ высоко ставилъ достоинство литературы и, избѣгая говорить о настоящемъ, онъ въ своихъ разсказахъ о прошедшемъ далъ ясное понятіе о своихъ взглядахъ на это достоинство литературы и на общественныя качества обскурантизма ¹⁾).

Изданіе критическихъ трудовъ и воспоминаній Анненкова начато было имъ самимъ въ 1877 году ²⁾; настоящая книга, заглавіе которой мы выписали, довершаетъ это изданіе, представляя, во-первыхъ, послѣдніе труды Анненкова, не вошедшіе въ „Критическіе Очерки“, во-вторыхъ, его письма изъ старыхъ путешествій, до сихъ поръ остававшіяся несобранными, и, въ-третьихъ, его переписку съ начала сороковыхъ годовъ. Все это вмѣстѣ составляетъ любопытнѣйшій историческій матеріалъ, какъ для характеристики самого Анненкова, такъ и для воспроизведенія знаменательнаго литературнаго періода, котораго онъ былъ дѣятелемъ и наблюдателемъ. Для нѣкоторой полноты заключеній о томъ и другомъ необходимо, конечно, ожидать окончанія начатаго изданія переписки, но и въ томъ матеріалѣ, какой помещенъ въ 1-мъ вышедшемъ томѣ, мы находимъ много интереснѣйшихъ историческихъ данныхъ, къ которымъ и обратимся.

¹⁾ Подробнѣе о трудахъ Анненкова см. въ его некрологѣ, „Вѣстн. Европы“ 1887, апрѣль, стр. 884—891.

²⁾ Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. Спб. 1877—1881, въ трехъ отдѣлахъ или томахъ.

I.—ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА Сороковыхъ годовъ.

Въ прошломъ 1891 году совершилось, и было отмѣчено въ литературѣ, столѣтіе „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина ¹⁾. Какъ разъ на серединѣ этого вѣка приходятся первыя „Письма изъ-за границы“ (1840—43) Анненкова, печатавшіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Сопоставленіе, которое мы дѣлаемъ, вовсе не случайно. Какъ нѣкогда Карамзинъ, отправляясь „вожиромъ“ за границу, стремился познакомиться лицомъ къ лицу съ тою Европой, откуда шло желаемое имъ для нашего общества просвѣщеніе, познакомиться съ самими главами и руководителями европейской мысли, которыхъ знаменитыя имена уже были для него авторитетомъ, такъ съ подобными цѣлями стремился за границу молодой Анненковъ, чтобы такимъ же образомъ увидѣть во-очію то волненіе европейской жизни, которое различными путями могущественно воздѣйствовало на внутреннюю жизнь нашего общества въ его передовыхъ кружкахъ. Правда, Анненковъ не искалъ личнаго знакомства и бесѣды съ великими дѣятелями европейской науки и литературы, какъ это дѣлалъ Карамзинъ, но это было и не нужно: передъ нимъ раскрывалась цѣлая широкая общественная, политическая и литературная жизнь западной Европы, въ уразумѣнію которой онъ былъ уже болѣе или менѣе подготовленъ обширнымъ чтеніемъ. Въ Парижѣ, впрочемъ, онъ видѣлъ и самихъ знаменитыхъ дѣятелей политической жизни и литературы—въ палатѣ депутатовъ, въ „институтѣ“, въ Сорбоннѣ и Collège de France, наконецъ, въ частныхъ собраніяхъ; но главное, онъ въ каждой данной странѣ наблюдалъ ея политическое положеніе, ея нравы, старался угадать мотивы ея внутреннего быта или, какъ въ Италіи, погружался въ ея прошедшее, которое на ту минуту больше настоящаго заключало въ себѣ богатое поученіе въ памятникахъ древняго и средне-вѣковаго искусства. Любопытно, что на первыхъ же строкахъ путевыхъ писемъ вспомнился Анненкову Карамзинъ. Анненковъ отправлялся изъ Петербурга моремъ; въ сторонѣ отъ пути показалась свѣтящаяся точка какого-то острова. „Самымъ сквернымъ нѣмецкимъ языкомъ, какой только можетъ существовать, спросилъ я у матроса: „Что это за маякъ?“ „Es ist“, отвѣчалъ онъ мнѣ, — „шведскій островъ Борнгольмъ“. Не повѣрите, какъ живо представилась мнѣ комната, въ которой читалъ я, сидя за столомъ,

¹⁾ См. ст. Д. Н. Анучина.

измараннымъ чернилами и изрѣзаннымъ перочинными ножичками, длинную книгу подъ заглавіемъ „Сочиненія Карамзина“. Я тутъ все вспомнилъ, до послѣдней подробности: и дѣвушку, и страдалца, и стихи, и фразу: „Я стоялъ на палубѣ, прислонясь къ мачтѣ; слеза катилась по щекѣ—вѣтеръ снесъ ее въ море“, и все, все. Мнѣ еще кажется до сихъ поръ обманомъ со стороны географіи и исторіи, утверждающихъ, будто Борнгольмъ принадлежитъ какой-то другой странѣ, а не Россіи¹⁾. И послѣ онъ вспоминаетъ Карамзина, когда посѣтилъ Рейнскій водопадъ.

Во времена Карамзина Европа для тогдашняго немногочисленнаго и едва вступаваго на ноги литературнаго русскаго круга представлялась чѣмъ-то далекимъ; отъ нея доходили только неопредѣленные отголоски „просвѣщенія“, которое воспринималось у насъ весьма случайно и отрывочно. Карамзинъ съ его разносторонней начитанностью несомнѣнно былъ въ свое время исключеніемъ. Теперь было уже нѣчто иное. Кружокъ просвѣщенныхъ людей, хотя все еще былъ невеликъ, но сталъ уже гораздо значительнѣе, а главное, умственная жизнь въ этомъ кружкѣ бросила уже глубокіе корни, становилась необходимымъ элементомъ; вопросъ убѣжденія, системы взглядовъ какъ никогда дѣлался животрепещущимъ интересомъ личной мысли и нравственнаго чувства. Философія, сначала Шеллинга, потомъ Гегеля, являлась откровеніемъ въ глазахъ молодыхъ адептовъ, какъ нѣсколько позднѣе такимъ откровеніемъ казались социальныя ученія, особенное распространеніе которыхъ совершалось именно въ сороковыхъ годахъ. Западная Европа была именно очагомъ, гдѣ возникали и развивались эти системы, въ которыхъ и у насъ ожидали найти разгадку великихъ всеобъемлющихъ вопросовъ всего бытія и жизни личной и общественной. Съ этимъ глубокимъ интересомъ отправлялись тогда за границу наши Анахарсисы, ожидая въ нѣмецкихъ университетахъ найти источникъ истины, въ западной жизни познакомиться съ настоящимъ и прошедшимъ того просвѣщенія, котораго результаты такъ поражали своимъ богатствомъ и котораго такъ мало было въ нашей собственной средѣ.

Эта среда была гнетущая; общественная жизнь не существовала; ея движеніе выражалось только тѣми умственными интересами, которые находили пріютъ въ тѣсномъ кругу молодого поколѣнія и могли существовать только потому, что принимали чисто отвлеченный теоретическій характеръ и въ силу этого казались

¹⁾ П. В. Анненковъ и его друзья, стр. 123.

безобидными. Въ самомъ дѣлѣ, вся та умственная жизнь сороковыхъ годовъ, результаты которой стали важнымъ историческимъ фактомъ въ судьбѣ нашей литературы и общественнаго сознанія, совершалась въ небольшомъ кружкѣ лицъ, которыхъ буквально можно сосчитать по пальцамъ; и однако имъ суждено было совершить настоящее историческое дѣло, сообщивши и болѣе широкому кругу общества свои стремленія въ области отвлеченной мысли и искусства, которыя уже вскорѣ стали реальнымъ интересомъ общества. Произошло это потому, что идеи, сначала какъ будто чисто отвлеченныя, воспринимались въ этомъ кругѣ съ пламеннымъ увлеченіемъ, съ жаждою истины, съ сознаніемъ нравственнаго долга и стремленіемъ служить своему обществу. Наличныя средства нашего просвѣщенія были скудны; университеты только въ очень малой мѣрѣ отвѣчали общественной потребности, которая сказывалась въ этихъ умственныхъ волненіяхъ молодежи тридцатыхъ годовъ, всего чаще на свои страстные запросы еще встрѣчавшей устарѣлую безжизненную схоластику; — университеты оживляются только съ сороковыхъ годовъ, когда на кафедрахъ появились люди изъ этого новаго возбужденнаго поколѣнія.

Анненковъ отправлялся за-границу около того самаго времени, когда отправлялись также Станкевичъ, Тургеневъ, Бакунинъ, а также когда посланы были за границу нѣсколько молодыхъ ученыхъ для приготовления къ будущей профессурѣ. Послѣдніе не остались, конечно, чужды общему вліянію европейской жизни, хотя имъ указана была ближайшая спеціальность ихъ занятій; первые были добровольцами, развѣдчиками европейскихъ идей и общественности. Люди болѣе или менѣе богатые, они не были связаны никакой частной спеціальностью; они стремились схватить цѣлое впечатлѣніе европейской жизни; столь намъ чуждая и далекая, эта жизнь однако могущественно привлекала насъ неисчерпаемыми богатствами науки и искусства и блескомъ того прошедшаго, оставившаго столько великихъ памятникѣвъ мысли и искусства, которые были поученіемъ для европейскаго чело-вѣчества и, наконецъ, становились имъ для насъ. Такіе путешественники, какъ были Станкевичъ, Анненковъ, Тургеневъ, частью Боткинъ и др., должны бы передать домой живыя впечатлѣнія этой богатой и разнообразной картины европейской жизни. Несмотря на тогдашнюю затруднительность заграничныхъ путешествій, русскихъ путешественниковъ бывало и въ то время не мало ¹⁾;

¹⁾ Заѣхавши въ курорты западной Германіи, Анненковъ пишетъ: „Эти города — Эмсъ, Висбаденъ и проч. — столицы космополитизма, которая, кажется, не принадлежать уже никому, принадлежа всѣмъ, и какъ будто одобрительно помаваютъ головой

но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это были только путешествія для леченія или для пріятнаго препровожденія времени „на теплыхъ водахъ“ и особенно въ Парижѣ: эти путешественники вывозили изъ „Европы“ крайне поверхностныя или только пошлыя впечатлѣнія и воспоминанія, вывозили послѣднія моды, французскій жаргонъ и привозили назадъ ту же умственную и нравственную пустоту.

Анненкову было около тридцати лѣтъ, когда онъ отправлялся за границу. Изъ первыхъ же его писемъ можно видѣть, что онъ, какъ нѣкогда Карамзинъ, былъ довольно подготовленъ къ тому изученію, которое было цѣлью его путешествія. Онъ былъ начитанъ въ европейской литературѣ, которой знаменитыя имена и произведенія были готовы въ его памяти; онъ знакомъ съ политическимъ положеніемъ Европы; ему не чужда исторія искусства и всѣ эти интересы проходятъ попеременно въ его письмахъ, сопровождаясь очерками нравовъ, не лишенными большой наблюдательности.

И внѣшнимъ образомъ путешествія сороковыхъ годовъ еще не были такъ далеки отъ путешествій Карамзинскаго времени, какъ совсѣмъ на нихъ не похожи нынѣшнія. Изъ Петербурга онъ отправился моремъ; въ западной Европѣ было еще мало желѣзныхъ дорогъ и путешествіе совершалось въ почтовыхъ каретахъ и дилижансахъ. На пути изъ Травемюнде въ Любекъ его поразила уже картина нѣмецкаго сельскаго быта... „Открылись намъ поля, раздѣленныя кустарниками на многочисленные участки. Крестьянки въ фартучкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ и съ коромыслами на плечахъ; краснощекіе граждане въ огромныхъ телѣгахъ, заваленныхъ мѣшками съ хлѣбомъ; фермы и деревни по всѣмъ сторонамъ, и всюду на улицахъ, землѣ, строеніяхъ, камняхъ, людяхъ выраженіе благосостоянія и довольства, которыя въ единый моментъ пояснили мнѣ „Германа и Доротею“ Гёте и дѣйствительность этого поэтическаго произведенія“.

Въ Любекѣ поразила Анненкова картина средневѣковаго города: это было нѣчто невиданное для русскаго путешественника, — наша старина не представляетъ нигдѣ ничего подобнаго тѣмъ многочисленнымъ остаткамъ средневѣковыхъ зданій, сохра-

ближенію всѣхъ народовъ и будущему скорому уничтоженію ихъ родовыхъ отличій. Сколько въ нихъ шума и сосредоточенной общественной жизни, которая отъ этого пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе! Особенно они важны для насъ въ томъ отношеніи, что сдѣлались *живыми геральдическими книгами русскаго дворянства*. Я видѣлъ въ Баденѣ доктора, который зналъ почти всѣ дворянскія фамиліи въ Россіи, а въ томъ числѣ и мою... Стр. 229.

нившихся со всѣми ихъ мельчайшими подробностями, какъ это можно видѣть въ старыхъ городахъ западной Европы, представляющихъ иногда въ этомъ отношеніи поразительную иллюзію. Не мудрено, что Анненковъ не пропустилъ остановиться на этой сторонѣ Любека. Оказывается, что по книгамъ онъ былъ уже знакомъ съ особенностями средневѣкового искусства, произведенія котораго онъ видѣлъ теперь въ подлинникѣ. Его поразила картина Гемлинга, одного изъ учениковъ Дюрера, изображающая на трехъ доскахъ эпизоды изъ жизни Спасителя. „О, какое важное дѣло было искусство для этихъ благочестивыхъ мастеровъ среднихъ вѣковъ! Трудно себѣ вообразить, до какихъ мелочныхъ подробностей доходили они, какъ вникали они въ самаго малѣйшую часть цѣлаго и какъ съ равнымъ тщаніемъ и съ равною любовью отдѣлывали послѣднюю шашечку креста на башнѣ церкви и главный алтарь ея. Вотъ и Гемлингъ на образѣ святого вырабатываетъ каждую висточку его ризы, каждый алмазикъ и украшенье, всякій волосокъ въ бородѣ Каіафы рѣжетъ глаза своею оконченностью, и наконецъ труженикъ-живописецъ доходитъ до того, что группа выдающихся жребій обѣ одеждѣ Христа отражается цѣликомъ въ латахъ близъ-стоящаго воина. Въ довершеніе всего, на картинѣ „Несеніе Креста“ самъ художникъ въ своемъ національномъ костюмѣ изобразилъ себя. Чудо, какая картина! Мы едва оторвались отъ нея“. Анненкову извѣстно и новое движеніе въ нѣмецкой живописи, которая хотѣла возвратиться къ этой непосредственности стараго времени. „Овербекъ, проживающій, какъ говорятъ, теперь въ Римѣ, хотѣлъ забыть всѣ успѣхи живописи, обратиться къ этой мозаичности, такъ сказать, объявить себя незнающимъ перспективы, лишь бы произвести столь же простое, теплое, поразительное. Надо было необычайное усиліе, чтобъ сдѣлаться младенцемъ въ душѣ, и дѣйствительно, онъ употребилъ пятнадцать лѣтъ, чтобъ произвести картину „Вшествіе Христа въ Іерусалимъ“, которая стоитъ въ другой церкви Любека и считается вторымъ перломъ города“. И эта картина произвела на него сильное впечатлѣніе. „Въ любекскихъ церквахъ меня еще поразило соединеніе самыхъ строгихъ предметовъ съ самымъ безграничнымъ, свободнымъ юморомъ: объ этомъ я слышалъ, — теперь увидѣлъ своими глазами“.

Далѣе, картина шумной, дѣятельной жизни въ Гамбургѣ, — это опять было нѣчто совсѣмъ новое для русскаго путешественника. Среди осмотра достопримѣчательностей Анненковъ не пропустилъ и концерта Листа—тогда въ первомъ разгарѣ его славы. Но знаменитость виртуоза не измѣнила стародавнихъ обычаевъ

города. „Магистратъ повѣстилъ Листу, что онъ не позволить ему наложить ни одного лишняго шиллинга на мѣста противъ обыкновенной цѣны, а обыкновенныя цѣны слѣдующія: нумерованныя скамьи—2 марки 4 шиллинга (около трехъ рублей ассигн.), а партеръ—1 марка 12 шилл. (два рубля съ небольшимъ). И согласился Листъ“¹⁾. Удивила Анненкова и чрезвычайная дешевизна жизни.

Въ Берлинѣ путешественникъ, вѣрный интересамъ своего литературнаго круга, „прямо побѣжалъ въ погребъ, гдѣ пьянствовалъ Гофманъ“. Нѣмецкій языкъ дѣлался для Анненкова болѣе ручнымъ. „Я почти теперь знаю по-нѣмецки, какъ Фарнгагенъ порусски, потому что у Елагиныхъ видѣлъ я книжку „Отеч. Записокъ“, которая была въ рукахъ Фарнгагена и въ которой онъ читалъ повѣсть Гребенки „Вѣрное лекарство“; первыя двѣ страницы порядочно помараны черточками подъ словами, ему незнакомыми. Всѣхъ отчаяннѣе черточекъ были тѣ, что стояли подъ словами *мозоль*, *морщина*, *склянка* и т. п. И потому я совѣтую Гребенкѣ больше не употреблять этихъ словъ“.

Ученость въ Берлинѣ была, конечно, невообразимая. Анненковъ рассказываетъ, что „одинъ путешествующій чужакъ (еще изъ ученыхъ!), выслушавъ нѣсколько лекцій въ Берлинѣ, сказалъ: „У меня потъ выступилъ отъ умныхъ вещей, которыя я здѣсь слышалъ“ (здѣсь очень много смѣются надъ этимъ восклицаніемъ)“. Анненковъ думалъ, что если выступилъ потъ у ученаго, то у него, профана, должна выступить кровь, и изъ самосохраненія вмѣсто науки „предался площадямъ, погребамъ, картиннымъ галереямъ, дворцамъ, музеумамъ, театрамъ и т. п.“. Но университетскіе нравы, дома также не виданные, произвели на него очень пріятное впечатлѣніе. „Любо мнѣ было видѣть въ Берлинѣ студенческую серенаду. Студенты, восхищенные лекціями профессора, принимаютъ музыкантовъ, приходятъ подъ окна учителя и послѣ увертюры поютъ пѣсни въ честь науки, университета и преподавателя. Такую серенаду давали при мнѣ профессору археологіи. Старикъ вышелъ на балконъ, всѣ скинули шапки; онъ благодарилъ за честь, промолвилъ, что вдохновеніе слушателей сообщается профессору, и что, можетъ быть, лучшія соображенія преподавателя зависятъ отъ этого взаимнаго энтузіазма. Вообще университетъ поглощаетъ всю жизнь и всѣ толки лучшихъ головъ Берлина; а для нашей братіи, имѣющей несчастье носить

¹⁾ Напоминимъ, что три руб. ассигнаціями составляло на серебро, по нѣмецкому, около 86 копѣекъ.

на плечахъ весьма посредственныя, существуетъ изрядный балетъ“.

На дѣлѣ, больше балета интересовала его драма, и именно исполненіе шекспировскихъ трагедій и „Фауста“ Гёте. Это былъ интересъ очень близкій его петербургскимъ и московскимъ друзьямъ — Бѣлинскому еще такъ недавно театръ казался тѣмъ-то въ родѣ священнодѣйствія.

Черезъ Дрезденъ и Прагу Анненковъ, въ февралѣ 1841, проѣхалъ въ Вѣну. Въ Дрезденѣ его въ первый разъ поразили богатства классическаго искусства, — это было предисловіе къ тѣмъ захватывающимъ восторгамъ, какіе овладѣли имъ въ Италіи. Онъ думаетъ, впрочемъ, что „развѣ только для одного Боткина“ (который уже бывалъ за границей и „смаковалъ“ античное искусство) можетъ упомянуть о музеѣ Менгса, гдѣ собраны были въ копіяхъ знаменитѣйшія статуи Италіи. „Когда я очутился въ этомъ музеумѣ, теплая кровь прилила у меня къ головѣ и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслажденіе! Если называютъ человѣка царемъ вселенной, то, конечно, ужъ не того, который ходитъ въ штанахъ и фуфайкѣ, и не того, у котораго сочинился горбъ отъ наклоннаго положенія за письменнымъ столомъ, а вотъ этого, у котораго каждый мускулъ — прелесть, мощь и жизнь... Неосторожное соприкосновеніе съ нагою красотой сдѣлало меня почти сумасшедшимъ: цѣлую недѣлю казались мнѣ отвратительными рожи съ бакенбардами, шляпы съ отворотами и плащи съ полинялыми плисовыми воротниками... Я провелъ въ Дрезденѣ двѣ восхитительныя недѣли“.

Въ Прагѣ его заинтересовали остатки старины, богатство легендъ, — но славянскіе элементы страны представлялись ему видимо нѣсколько смутно. Пересчитывая средневѣковые памятники Праги (въ сѣверной Германіи, по его мнѣнію, реакція Лютера уничтожила все это), онъ замѣчаетъ, что „это объясняетъ, отчего чешское племя сдѣлалось теперь представителемъ славяннзма въ Германіи, и стараніе писателей и ученыхъ Богеміи о сохраненіи народности и языка“. Онъ зналъ о Ганкѣ, хотя не видалъ его, но зато въ Вѣнѣ встрѣтился съ Срезневскимъ, и впечатлѣніе Анненкова отъ этого знакомства даетъ любопытную черту для біографіи Срезневскаго.

„Въ Вѣнѣ, — говоритъ Анненковъ, — познакомился я съ профессоромъ Срезневскимъ. Человѣкъ этотъ совершаетъ подвигъ европейскій: отъ Балтійскаго моря и до Адріатическаго изучаетъ онъ славянскія племена, ихъ нарѣчія, обычаи, пѣсни, преданія, и

большую частью пѣшкомъ, по деревнямъ и проселочнымъ дорогамъ. Теперь онъ въ Вѣнѣ доучивается по-сербски и потомъ собирается обойти Иллирію, Далмацію и Черногорію. Особенную прелесть его составляетъ необычайная, германская любовь къ своему предмету. Онъ рѣшительно убѣжденъ, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и съ восторгомъ показывалъ намъ карты, говоря, какимъ образомъ соотчичи наши разлились отъ Помераніи до Венеціи. За двѣ станціи до Венеціи еще есть славяне, въ Австріи ихъ 18 миллионъ, Турція почти вся состоитъ изъ нихъ, и по остроумнымъ его доказательствамъ, даже вся полоса Европы до Рейна принадлежала нѣкогда славянамъ. Онъ будетъ обладателемъ богатѣйшихъ фактовъ, съ помощью которыхъ и объяснится наконецъ наша народная физиономія*.

Положеніе внутренней жизни общества въ Австріи (это были времена Меттерниха) понято было Анненковымъ, кажется, опять не вполне ясно. Онъ замѣтилъ, что литературная жизнь здѣсь стѣснена; „о многихъ твореніяхъ, извѣстныхъ всей Германіи, и помину нѣтъ“, но, по его мнѣнію, „это очень легко объясняется совершеннымъ равнодушіемъ общества къ литературѣ и литераторамъ“. Вслѣдъ затѣмъ однако мы видимъ, что дѣло вовсе не въ равнодушіи общества, или что оно составляло, быть можетъ, скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причину. „Всякій, напечатавъ статью въ заграничной нѣмецкой газетѣ безъ предварительной цензуры, платитъ 100 червонцевъ (1000 рублей), кромѣ другихъ могущихъ быть оштрафованій“. Путешественнику какъ будто казалось даже, что эта бѣда невелика: „впрочемъ всѣ эти вещи и разныя другія требованія здѣсь должны откинуться въ сторону, ибо въ Вѣнѣ живетъ совсѣмъ инаково, чѣмъ въ остальной Германіи Чудно хорошо живетъ въ Вѣнѣ!“ И онъ даетъ понятіе о свободныхъ правахъ австрійской столицы, гдѣ кромѣ того онъ не преминулъ познакомиться и съ народнымъ мѣстнымъ театромъ.

Дальнѣйшей цѣлью путешествія была Италія. Въ началѣ марта 1841, Анненковъ выѣхалъ изъ Вѣны по дорогѣ въ Триестъ и уже на другой день былъ въ горахъ: на пути лежали славянскія земли. „Этотъ отпрыскъ знаменитыхъ швейцарскихъ Альповъ имѣетъ счастье заключать въ себѣ нѣсколько бѣдныхъ славянскихъ племенъ, которыя вотъ уже нѣсколько вѣковъ рѣшительно больше ничего не дѣлаютъ, какъ живутъ, да, впрочемъ, судя по всеобщей бѣдности и по количеству нищихъ на дорогѣ, для нихъ, кажется, и это не бездѣлица. Мы проѣхали Стирію, Иллирію, оставивъ направо Каринтію, а налѣво Венгрію, съ другими славянскими

провинціями. Тутъ впервые увидалъ я босую женскую ногу и сказалъ: „Ну, вотъ мы и дома! Этой вещи не случалось мнѣ видѣть съ самаго Муромъ“... Также любовался я вліяніемъ, которое имѣетъ на фізіономію этого племени Германія—съ одной стороны, Італія—съ другой. Въ первой половинѣ вы увидите славянина, флегматически запустившаго руки въ карманы штановъ и представляющаго такую антиславянскую фигуру, что, конечно, она должна привести въ отчаяніе всѣхъ нашихъ профессоровъ-славянофиловъ. Слыхано ли, чтобъ славянинъ запускалъ руки въ собственные свои карманы?.. Во второй половинѣ, ближайшей къ Триесту и Італіи, вы уже встрѣтите вуртку, живописно брошенную на одно плечо, ленты на шляпѣ и въ петлицахъ и сильный жестъ“.

Опускаемъ разсказъ о переѣздѣ черезъ альпійскую страну до Триеста, которая поражала путешественника необычайной красотой пейзажа, описаніе Триеста и Венеціи, и отмѣтимъ лишь общее впечатлѣніе этой южной природы и богатыхъ преданій исторіи и искусства. „Сюда,—говоритъ Анненковъ о двухъ знаменитыхъ венеціанскихъ площадяхъ,—сюда слѣдуетъ присылать всѣхъ тѣхъ, которые страдаютъ отсутствіемъ энергіи, жизненнымъ застоємъ, такъ сказать. Когда итальянское солнце ударитъ на всѣ эти фантастическія постройки, Боже мой, сколько тутъ огня, блеска, красокъ! Почти нестерпимо для сѣвернаго глаза, и въ этомъ отношеніи одинъ только Римъ можетъ сравниться съ Венеціей; но въ Римѣ это нѣжнѣе, и притомъ же, чтобъ вполне понять игру свѣта и тѣни въ великолѣпныхъ его руинахъ, надо имѣть, что называется, художническую душу. Здѣсь это падаетъ на васъ почти съ силою какого-нибудь физическаго явленія—грома, дождя и проч. Ихъ нельзя не чувствовать“.

Онъ рисуетъ нѣсколькими чертами шумную жизнь на площадяхъ Венеціи, но и паденіе великолѣпной старины: октавы Тасса и барвароллы остались только въ операхъ и воспоминаніяхъ. „Идти назадъ—въ Европѣ значитъ остановиться; здѣсь же это значитъ возвратиться Богъ знаетъ къ какому вѣку. Чудеса поминутно! Въ Феррарѣ, въ церкви св. Стефана, надписи обѣщаютъ 200 и 600 лѣтъ индульгенціи въ чистилищѣ за три патерностера въ извѣстномъ мѣстѣ храма, и пр. Одна старуха набрала такимъ образомъ 8.700 лѣтъ прощенія; говорятъ, что отчаяніе ея при смерти отъ того, что не успѣла достигнуть круглаго числа десяти тысячъ, было очень трогательно“¹⁾. Но о паденіи этой

¹⁾ Стр. 146.

старинны онъ вовсе не сожалѣлъ, особливо когда осматрѣлъ дворецъ дожей съ его великолѣпными залами и его тюрьмами. „Когда вышелъ я на бѣлый свѣтъ, вздохнулъ свободнѣе и совершенно помирился съ нынѣшнимъ упадкомъ Венеціи. Необходимость и разумность его мнѣ сдѣлались понятны, и я рѣшительно вылетѣлся отъ оховъ и вздоховъ, которыми всѣ путешественники, по слѣдамъ Байрона, оканчиваютъ толки о чудномъ городѣ“¹⁾.

Въ Феррарѣ онъ посѣтилъ темницу Тасса, домъ Аріосто; въ Болоньѣ осматрѣлъ университетъ, нѣкогда знаменитый во всей Европѣ и считавшій до 12.000 студентовъ изъ всѣхъ націй; въ Анконѣ его встрѣтили уже памятники классической древности, а подлѣ—знаменитая церковь Лореттской Богоматери, гдѣ подъ великолѣпнымъ куполомъ храма стоитъ домъ, гдѣ, по преданію, жила въ Назаретѣ Марія, каменный четырехъугольникъ, окруженный снаружки другимъ, каррарскаго мрамора, съ горельефами и статуями сивиллъ и пророковъ и т. д. Наконецъ—Римъ.

Здѣсь Анненковъ прожилъ три мѣсяца, посвятивъ ихъ изученію памятниковъ древняго и новѣйшаго искусства, вѣка римлянъ и вѣка Микель-Анджело и Рафаэля. Уже въ первые дни онъ восклицаетъ: „Удивительный городъ! Разъ три въ день непремѣнно подымаетъ онъ бурно всю внутренность, ударить по всѣмъ струнамъ души, и нигдѣ такъ часто не сходится на чело вѣка то, что называется святыми минутами; какъ же и любятъ его художники! Но я еще не имѣю права говорить объ этомъ, не видавъ и сotoй части его. Дѣй только особенности мнѣ ясны: первая—это народонаселеніе, которое живетъ на мѣстахъ древнихъ римлянъ, не имѣя ни малѣйшаго права назвать ихъ своими предками, точно какъ въ забытомъ дворцѣ управитель помѣщается въ самыхъ комнатахъ владѣльца; вторая состоитъ въ томъ, что всякій заѣхавшій въ Римъ совершенно отдѣляется отъ современности, забываетъ газеты, Европу, открытія и предается воспоминаніямъ исторіи и искусства: другого нѣтъ разговора, какъ статуя, картина, новая находка въ этой землѣ, до сихъ поръ еще наполненной шедеврами древнихъ“²⁾.

Изъ Рима нашъ путешественникъ выѣхалъ въ Неаполь. Рядомъ съ невиданными красотами природы, живыми воспоминаніями о классической древности въ Помпеѣ и неаполитанскомъ музее, поразила его умственная безжизненность общества. Въ Римѣ

¹⁾ Стр. 150.

²⁾ Стр. 157—158.

онъ уже испыталъ полную оторванность отъ Европы; но тамъ было нѣчто, почти вознаграждавшее. „Голосъ Европы,—писалъ онъ о Римѣ,—доходить сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединеніе отъ всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, какъ загородный домъ, гдѣ работаютъ великій человѣкъ. Иногда казалось мнѣ, что Европа нарочно держитъ этотъ удивительный городъ, окруженный мертвыми полями съ остатками водопроводовъ, гробницъ и театровъ, какъ виллу свою, куда высылаетъ она успокоиться сыновъ своихъ отъ смутъ, тревогъ партій и всякаго тревоженія. Кромѣ художниковъ, сюда прѣзжаютъ всѣ раненные на великихъ побоищахъ Европы“ ¹⁾. Онъ не договариваетъ, что голосъ Европы ослаблялся здѣсь крайнимъ порабощеніемъ общества подъ клерикальнымъ деспотизмомъ, которому отвѣчало подобное состояніе и другихъ областей Италіи, и въ частности строжайшей цензурой, которая совершенно подавляла мѣстную литературу и не допускала въ Римъ ничего изъ литературы европейской, что не подходило подъ идеи римскихъ клериковъ—это были, конечно, три-четверти европейской литературы. Быть можетъ, еще хуже было положеніе вещей въ Неаполѣ, при королѣ, имя котораго стало притчей. „Мнѣ приходитъ въ голову, — пишетъ Анненковъ, рассказавъ о неаполитанской природѣ и чудесахъ древняго искусства,—что живописность предмета и его внутреннее достоинство—двѣ совершенно различныя вещи. Какое значеніе можетъ имѣть, напримѣръ, для путешественника, хотъ ихъ очень много здѣсь, Неаполь съ низкимъ своимъ народонаселеніемъ, которое живетъ для лицемѣрства, мелкаго воровства, и не имѣетъ даже характера, чтобъ быть хорошимъ воромъ?.. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали здѣсь парадъ войскъ, такъ я даже удивился. А ужъ это пошлое равнодушіе ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и вокругъ нихъ, это сонное состояніе, въ которомъ и народъ, и высшіе окрестеніи, это даже меня придавило. Я ничего не видалъ подобнаго во всю дорогу. Самое жалкое впечатлѣніе производитъ здѣшняя литература“ ²⁾. Познѣе такое же впечатлѣніе онъ имѣлъ въ Моденѣ, до самаго похода Гарибальди пребывавшей въ такомъ же окрестеніи, которое съ такимъ усердіемъ создавали итальянскіе короли (и въ томъ числѣ „папа-король“) и герцоги, и которое потомъ такъ много помогло изгнанію этихъ королей и герцоговъ. „Вамъ не безызвѣстно, что Модена есть Парагвай всей

¹⁾ Стр. 161.

²⁾ Стр. 166—167.

Италіи. Самыми сильными средствами прервано всякое сообщеніе мысли съ Европой. А между тѣмъ только голубыя Апеннины, только роскошныя поля, разлегшіяся у подошвы ихъ, отдѣляютъ Модену отъ Флоренціи“,—гдѣ все-таки была извѣстная литературная и общественная жизнь.

Изъ Неаполя Анненковъ отправился въ Сицилію, былъ въ Палермо, Мессинѣ; затѣмъ повидимому моремъ переѣхалъ въ Тоскану. Въ сентябрѣ 1841 года онъ жилъ во Флоренціи, проѣхавъ Пизу, Лукку, Пистойю и Прато— „весь этотъ цвѣтникъ, весь этотъ фруктовый садъ, который называется дорогой отъ Ливорно во Флоренцію и пересѣкается черезъ каждыя 15 миль столицей. Иначе я не могу назвать эти города, наполненные дворцами, соборами, памятниками эпохи Возрожденія, за которыми слѣдить такое наслажденіе. Народонаселеніе честное, трудящееся, скопидомка и сладко говорящее тосканскимъ мягкимъ, горловымъ нарѣчіемъ“¹⁾.

Изъ Венеціи онъ двинулся въ Миланъ и черезъ Швейцарію отправился въ Парижъ.

Во Флоренціи онъ оглядывается на свое итальянское путешествіе: „Не знаю рѣшительно, — пишетъ онъ, — съ чего вамъ начать розказни мои. Къ чему ни повернусь, вездѣ надо говорить долго; предметы толпятся въ головѣ, и ни одному нельзя дать преимущество передъ другимъ: столько разныхъ костюмовъ, столько разныхъ обычаевъ, столько чудесъ разныхъ цивилизацій—древней, XV столѣтія, арабской—видѣлъ я, что, право, нахожусь въ положеніи, начиная это письмо, тѣхъ дельфиновъ и драконовъ, которые въ запусѣлыхъ бассейнахъ и садахъ стоятъ цѣлые годы съ разинутыми ртами, не выплескивая и капельки воды. О, только бы переѣхать мнѣ Альпы! За ними письма писать къ друзьямъ уже ничего не значить... За Альпами живешь на почвѣ совершенно извѣстной, опредѣленной, разложенной и оцѣненной, ясно видишь движеніе умовъ, знаешь, откуда началась каждая партія и куда идетъ“²⁾.

Въ Италіи одна Тоскана представляла извѣстное развитіе общественной жизни (Анненковъ замѣчаетъ, что здѣсь уже давно существовало публичное судопроизводство, которое только съ 1842 года вводилось въ Пруссіи, и что сюда свободно приходили иностранные журналы); вся остальная Италія переживала, уже давно, крайнее развитіе самой необузданной реакціи, которая вызывала

¹⁾ Стр. 169.

²⁾ Стр. 160.

хотя тайное, но глубокое недовольство всего просвѣщеннаго класса и самаго народа, и въ пятидесятихъ годахъ это недовольство собрало всю Италію въ томъ освободительномъ движеніи, которымъ было, наконецъ, создано итальянское единство, укрѣпленное свободными учрежденіями. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ реакція была въ полномъ разгарѣ, и тѣмъ поразительнѣе былъ переходъ въ демократической республикѣ.

„Вотъ я и въ Женевѣ,—пишетъ Анненковъ.—И чтобъ новая строка начиналась торжественнѣе, вотъ вамъ положеніе: Швейцарія находится въ сію минуту въ какомъ-то судорожномъ состояніи. Я уже вижу отсюда, какъ вы испугались, какой ужасъ объялъ васъ.... Успокойтесь! Не можете себѣ представить, какъ находящіеся въ судорожномъ состояніи швейцарцы славно ѣдятъ здѣсь, какъ набиты ими всѣ кафегаузы, какая музыка на озерѣ, прогулка по восхитительнымъ берегамъ его, пикеты и экарте во всѣхъ публичныхъ залахъ. А между тѣмъ, съ недѣлю тому назадъ, подъ самыми стѣнами города было народное собраніе, говорить, въ 4.000 человѣкъ; полемика журнальная идетъ жарко и сильно, партіи воюютъ и спшибаются на бумагѣ, собирается сеймъ въ Бернѣ. И если теперь вы не поймете здѣшняго уложенія, гдѣ всѣ говорятъ, но изъ круга частныхъ своихъ обязанностей никто не выходитъ, гдѣ только случай производитъ иногда грубую, отвратительную матеріальную спшибку, но въ общности все порѣшаетъ диспутъ, смягчаетъ, уничтожаетъ и возводитъ, то назову васъ страннымъ человѣкомъ“¹⁾.

Путешественникъ не загадываетъ, что изъ этого выйдетъ; онъ признается, что ему именно любопытна настоящая минута, и нѣсколько загадочно выражаетъ надежду, что его хладнокровное, „чисто сіантифичное“, наблюденіе этихъ политическихъ страстей никѣмъ не примется въ дурную сторону и въ вину не причтется.

Въ ноябрѣ 1841 года Анненковъ былъ въ Парижѣ. И въ то время Парижъ былъ уже достаточно знакомъ русской публикѣ, но все-таки не до такой степени, какъ теперь, и Анненковъ даетъ въ началѣ общую картину Парижа съ его пестрой уличной жизнью. Главный интерес былъ, конечно, не здѣсь, не въ этихъ внѣшнихъ чертахъ, а въ томъ, что составляло внутреннюю жизнь народа, совмѣщавшаго въ себѣ умственную и политическую жизнь всей страны. Анненковъ рассказываетъ о томъ, какъ выражается эта жизнь во французской литературѣ, и особливо въ необычайно развитой политической печати; рассказываетъ объ отношеніяхъ

¹⁾ Стр. 175.

оппозиціи къ правительству, о приемахъ борьбы, и на первый разъ даетъ „табличку“ корифеевъ этой борьбы, т.-е. главѣйшихъ политическихъ газетъ. Онъ раздѣляетъ печатные органы на пять категорій: 1) династическіе или приверженцы установленной власти; 2) парламентскіе или въ конституціонномъ духѣ оппозиціи; 3) радикальные, требующіе совершенной реформы; 4) легитимистскіе или приверженцы старой династіи и монархіи; 5) листы, которыхъ цѣль осмѣивать всякій фактъ, всякое лицо, къ какой бы партіи они ни принадлежали, которые каждое утро поставляютъ для обихода парижанъ продовольствіе остротъ, каламбуровъ, пародій, каррикатуръ. Самымъ сильнымъ онъ считаетъ отдѣлъ третій, который „безпрестанно увеличивается новыми сподвижниками, хотя и теряетъ отъ этого силу, сообщаемую централизаціей“. Русскаго путешественника поражало, какъ нѣчто для него невообразимое, необычайное распространеніе чтенія газетъ: ихъ читаютъ повсюду, читаютъ даже кучера фіакровъ, привратники и лакеи. Когда лакей „приходитъ въ девять часовъ утра затопить каминъ мой, я, вмѣсто того, чтобъ спросить: „а какова погода?“ какъ это дѣлается вездѣ, спрашиваю: „А чтѣ новаго?“ — „Да, двадцать-седьмого декабря назначено быть открытію палаты депутатовъ“, отвѣчаетъ мнѣ мужъ сей, раздувая огонь, а изъ задняго кармана его торчитъ листокъ журнала, купленнаго за 15 сантимовъ на улицѣ. Даже и обидно сдѣлается“.

Наблюдая это развитіе политическихъ нравовъ, Анненковъ замѣчаетъ и оборотную сторону, не весьма благоприятную для самой французской жизни.

„Но мечомъ согрѣшившій, — говоритъ онъ, — мечомъ и наказанъ будетъ. Такъ эта же самая политика, которой гордится французъ, изгнала художественность въ произведеніяхъ, чистое вдохновеніе и, чтѣ всего замѣтнѣе и поразительнѣе, разъединила въ мысли Францію отъ другихъ народовъ. Представьте себѣ, что иностранная идея тогда только начинается появляться и занимать людей здѣсь, когда приняла въ себя какой-нибудь политической элементъ: чужое имя дѣлается извѣстнымъ тогда только, когда попало въ какой-нибудь водоворотъ происшествій. Отъ этого собственно журналы, revues, представляютъ какое-то подобіе чело-вѣка въ уединенной комнатѣ, безпрестанно любующагося самимъ собою, и иностранцу это очень тяжело. Тутъ Сентъ-Бѣвъ разбираетъ французскихъ поэтовъ, которые существовали до Буало и которые никакого значенія не имѣютъ ни для искусства вообще, ни для исторіи искусства; тутъ историческія статьи въ самомъ близкомъ приложеніи къ Франціи и безъ всякаго вывода для че-

ловѣчества; тутъ разборы нѣкоторыхъ формъ правительственныхъ, совершенно мѣстныхъ; тутъ, наконецъ, и огромныя политическія статьи". Вслѣдствіе этого даже въ самыхъ крупныхъ вопросахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о цѣломъ „человѣчествѣ“, сужденія французскихъ писателей могутъ быть крайне односторонни и поверхностны: собственно говоря, объ остальномъ человѣчествѣ они заботятся и знаютъ очень мало. И Анненковъ приводитъ подобный примѣръ изъ только-что явившагося тогда „Revue Indépendante“, предпринятаго тогда Пьеромъ Леру, Жоржемъ-Зандомъ и Биардо. Цѣль изданія была, конечно, служить даннымъ вопросамъ французскаго общества; но въ программѣ было сказано: „философамъ мы опишемъ состояніе человѣческаго мышленія въ настоящую эпоху; политикамъ—общественную политику, приличную нашему времени; ученымъ—пророчества исторіи касательно нашего вѣка; артистамъ—нынѣшнее состояніе искусствъ; гражданамъ—*индивидуализмъ и общественность* (!!!); всѣмъ—будущее общество!“ Въ первой книжкѣ появились два параграфа этой программы, посвященные философамъ и политикамъ, и Анненковъ пришелъ въ ужасъ—какъ поверхностно было здѣсь трактовано человѣчество. „По дѣйствию въ высочайшей степени раздражительнаго народнаго тщеславія,—продолжаетъ далѣе Анненковъ,—которое, однакожъ, составляетъ великую мощь націи, ни одинъ французъ не скажетъ добраго слова ни объ Англіи, ни о Германіи, ни объ Италіи, ни о Россіи безъ того, чтобъ не оговориться и не попросить извиненія у соотечественниковъ. Непремѣнно прибавить онъ къ панегирику: „Правда и то, что я находился въ это время въ особенно счастливомъ расположеніи духа: у меня умерла тетка“, или, въ крайнемъ случаѣ, объяснить похвальное на свой манеръ: „Сближеніе съ французскими идеями произвело всѣ эти счастливыя послѣдствія“. Вотъ и вся недолга!“ ¹⁾

Онъ рассказываетъ о складѣ французской жизни, политическихъ волненійхъ, театрахъ, ученыхъ курсахъ и увеселеніяхъ и однажды замѣчаетъ: „Какъ-то скоро, усиленно, полно живетъ мнѣ здѣсь. Часы, дни, недѣли бѣгутъ быстро неимоვნно. Не имѣю времени войти въ самого себя и поразсчитаться съ собственною особой... А между тѣмъ чувствую, что вся суета эта не похожа на праздность и бездѣлье. Иначе отчего жъ было бы мнѣ любо на душѣ?“ ²⁾ Эта „праздность“ наполнялась массой новыхъ впечатлѣній отъ богатой общественности, которой ничего

¹⁾ Стр. 185—187.

²⁾ Стр. 194.

подобнаго путешественникъ не видѣлъ у себя дома и которая рисовала передъ нимъ заманчивыя перспективы.

Понятно, что Анненковъ стремился повидать и слышать знаменитыхъ людей французской литературы, науки и политики; въ палатѣ депутатовъ, въ академіи, Сорбоннѣ и Collège de France онъ видѣлъ и слышалъ Ламартина, Шатобриана, Токвиля, Минье, Сентъ-Маркъ Жирардена, Дюпанлу — знаменитаго впоследствии архіепископа, тогда аббата, занимавшаго катедру духовнаго краснорѣчія въ Сорбоннѣ. На концертномъ вечерѣ у знаменитой, еще доживавшей тогда свои дни, г-жи Рекамье (куда свелъ его извѣстный А. Ив. Тургеневъ) Анненковъ видѣлъ опять Шатобриана, Гизо, Баранта, Сентъ-Бѣва, Ампера, Фориэля. Онъ былъ наконецъ на нѣсколькихъ вечернихъ проповѣдяхъ или поученіяхъ знаменитаго Равиньяна въ Notre Dame de Paris. Анненковъ говоритъ о тогдашнемъ церковномъ движеніи: „Старый католицизмъ никакъ не можетъ отстать отъ западной Европы, имъ вскормленной, и является къ дѣтищу тотчасъ, какъ задумалось оно постѣ тревоги широкаго пира. Если принять въ соображеніе, что теперь идетъ дѣло не о семинаріи, не о десяти какой-нибудь, а о введеніи католицизма въ нравы и о принятіи имъ подъ покровъ свой всѣхъ вопросовъ вѣка, то нынѣшняя религіозная реакція можетъ имѣть важныя послѣдствія для Франціи“... Дюпанлу, котораго Анненковъ слышалъ въ Сорбоннѣ — „лирикъ до излишества: часто случается, что самая мысль теряется въ безчисленномъ количествѣ образовъ и картинъ, которыми онъ обставляетъ ее; лекціи его похожи на непрерывную перемежную декорацій; но зато огромная аудиторія, вмѣщающая въ себѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, была недостаточна для всѣхъ жаждущихъ насладиться его импровизаціей; мертвая тишина царствовала во все время, какъ текла его рѣчь; но зато оглушительныя рукоплесканія раздавались при всякомъ перерывѣ ея, при всякой остановкѣ профессора.

„Проповѣдникъ Равиньянъ — совершенно въ другомъ родѣ. Съ высокихъ ступеней общества сошелъ онъ въ ряды монашескаго ордена, и рѣчь его отзывается непреклонностью глубокаго убѣжденія, энергіей, скажу даже — нѣкоторымъ родомъ деспотическаго убѣжденія... „Проповѣдники посланы къ вамъ — сказалъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей удивленнымъ парижанамъ, — не для того, чтобы добиваться вашихъ похвалъ и прислушиваться къ вашимъ толкамъ: они посланы учить васъ и требовать покорности“...

Изъ Франціи Анненковъ черезъ Бельгію попалъ на Рейнъ,

въ Германію. Въ Бельгіи бросалась въ глаза картина благосостоянія и привлекали его произведенія готическаго искусства, которыя онъ осматривалъ, дѣлая экскурсіи изъ Брюсселя. „Мнѣ хотѣлось даже,—пишетъ онъ,—прочестъ, что такое написано на этихъ сквозныхъ, летящихъ, говорящихъ массахъ (извѣстно вамъ, готическая архитектура есть архитектура по преимуществу бесѣдующая: ратушу Лёвена, напримѣръ, можно читать какъ книгу); итакъ, лишь только сталъ я разбирать каменное письмо, какъ открылся передо мною новый міръ. Я открылъ необыкновенные характеры, новыя фантастическія лица, не подозрѣваемые никѣмъ рассказы, неизвѣстныя еще черты юмора. Я уже хотѣлъ писать объ этомъ открытіи въ арзамасскую академію искусствъ, какъ черезъ недѣлю въ окнахъ одного изъ здѣшнихъ магазиновъ увидѣлъ всѣ мои открытія прекрасно нарисованныя, еще лучше раскрашенные и объясненные очень точно и вразумительно“¹⁾.

Переходъ изъ Парижа къ Германіи (сороковыхъ годовъ) былъ очень рѣзкій и характерный. Анненковъ не безъ юмора отмѣчаетъ эту разницу прежде всего на народномъ костюмѣ. „Синяя блуза пропала, и вмѣсто нея на граціозномъ корпусѣ нѣмца появилась куртка, открывавшая моему изумленному глазу порочное устройство германскихъ ногъ вообще и странные углы того мѣшка, который начинается на спинѣ тотчасъ какъ куртка оканчивается. Однакожь, по закону всемірнаго равновѣсія, ничто не можетъ быть потеряно на свѣтѣ, даже фалда. Итакъ, все, что утратило въ полнотѣ и размѣрахъ платье, приобрѣла трубка“. По дорогѣ въ Германію, путешественникъ, занимаясь отъ скуки наблюденіями, замѣчалъ фізіологическое измѣненіе женщины: она видимо теряла хрупкость членовъ и крѣпчала; исчезали у мужчинъ „злостныя, энергическія фізіономіи“, на которыхъ и безъ Лафатера можно было читать всѣ человѣческія страсти—взамѣнъ, „нигдѣ нѣтъ такого несоразмѣрнаго количества счастливыхъ лицъ“, сколько можно видѣть ихъ на Рейнѣ.

„Но я скучаю,—продолжаетъ Анненковъ.—Особливо чуждо и какъ-то странно мнѣ, послѣ легкомысленнаго французскаго приложенія къ дѣйствительности и настоящей минуты всѣхъ современныхъ явленій, встрѣтиться здѣсь съ противоположною крайностію—возведеніемъ самыхъ будничныхъ, всedневныхъ вопросовъ до ученой, исторической, философской темы, до положеній многозначительныхъ. Вы скажете: „это очень хорошо“. Я то же думаю; но знаете ли, какъ теряетъ отъ этого совре-

¹⁾ Стр. 224.

менность всё краски, какъ текущая исторія дѣлается незанимательна, отвлеченна, и какъ движеніе мнѣній заступило мѣсто движенія лицъ, появленія характеровъ, столкновенія страстей? „Это успѣхъ“, вы скажете. Согласенъ; но вотъ видите ли, какая невыгода. Чтобы жить въ 1842 году, надобно не выходить изъ кабинета; чтобы видѣть свѣтъ, надобно имѣть книгу и очки; чтобы знать, что дѣлается, надобно записаться въ бібліотеку и имѣть лейпцигскій каталогъ. Дѣйствительно, важна не кѣльнская католическая протестація, а важно сочиненіе: „Государство и религія“, не ганноверская оппозиція, а трактатъ какой-нибудь юридическій „О конституціонныхъ властяхъ“, или „О діэтѣ“, или о чемъ-нибудь такомъ же“. Анненковъ такъ привыкъ въ Парижу и шумной жизни въ обществѣ, въ политикѣ и литературѣ, что ему недоставало происшествій. „Я очень хорошо понимаю Бёрне,—говоритъ онъ,—который радовался за всю Германію, что у него украли изъ кармана часы въ Цвейбрюкенѣ, и говорилъ: это хорошій знакъ! Я не знаю, что бы я далъ, еслибъ у моего сосѣда украли часы для развлеченія моего; да гдѣ!“¹⁾

Анненковъ считалъ невозможнымъ писать какія-нибудь письма, живя на Рейнѣ лѣтомъ, когда кругомъ путешественники обступаютъ великолѣпные пейзажи, памятники исторіи и искусства, оживленное движеніе общества, которое собирается сюда изъ всѣхъ странъ Европы, когда идетъ по всему Рейну и его окрестности одинъ шумный праздникъ, главную прелесть котораго составляетъ та легкость, съ какою приводитъ онъ человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ Европы, со многими важными людьми ея и съ безчисленнымъ количествомъ характеровъ. „Одно изъ двухъ,—замѣчаетъ онъ:—либо смотрѣть на всё стороны, либо писать; наслаждаться и описывать вмѣстѣ невозможно. Извѣстно,—продолжаетъ онъ,—что лучшіе мемуары оставлены намъ людьми старыми или недовольными. Я—ни то, ни другое; особливо я очень доволенъ собою. Вотъ почему мнѣ странно кажется, когда кто пишетъ на Рейнѣ, точно какъ будто нѣтъ передъ нимъ зеленыхъ горъ, величественной рѣки, превосходнаго вина, любезныхъ людей“²⁾.

Дѣйствительно, онъ пишетъ о Рейнѣ, только уже забравшись въ Тиролю, изъ Инсбрука, въ августъ 1842; тутъ онъ отдается воспоминаніямъ, гдѣ большое мѣсто занимаютъ художественные

¹⁾ Стр. 221—222.

²⁾ Стр. 229.

памятники нѣмецкой старины, довершеніемъ которыхъ былъ Мюнхенъ. Здѣсь „въ замѣну изгнанныхъ изъ него умственныхъ интересовъ настроены дворцы, церкви и галереи“; какъ извѣстно, многія изъ этихъ построекъ были подражаніемъ или уменьшеннымъ подобіемъ знаменитыхъ древнихъ и средневѣковыхъ памятниковъ. „Такъ въ Мюнхенѣ образовалась для меня радуга счастливейшихъ воспоминаній; одинъ конецъ ея упирался въ Гентъ и Брюгге, а другой переходилъ Альпы, огибался надъ всею Италіею и пропадалъ въ голубыхъ, фосфорическихъ волнахъ Средиземнаго моря“. Рядомъ со стариною, онъ знакомится и съ современнымъ нѣмецкимъ искусствомъ, слѣдитъ за явленіями литературы и переворотами въ нѣмецкой философіи, составлявшими вмѣстѣ одинъ изъ основныхъ интересовъ нѣмецкой общественной жизни.

Изъ Тироля Анненковъ направился въ Швейцарію, а въ мартъ слѣдующаго, 1843, года онъ пишетъ опять изъ Парижа, гдѣ, уже знакомый съ почвой, продолжаетъ свои наблюденія надъ тревоженіями французской жизни. Приведемъ здѣсь одну лишь замѣтку по поводу предстоявшаго открытія публичной выставки живописи. „Припоминаю, — говоритъ Анненковъ, — что сказалъ на дняхъ одинъ изъ здѣшнихъ аристарховъ, толкуя объ этомъ предметѣ: „Теперь, — сказалъ онъ, — теперь, когда промышленность сдѣлалась общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ, когда воцарилось между ними почти равное соперничество, и всякое новое открытіе въ этой области принадлежитъ равно всѣмъ, теперь пальма первенства останется за тѣмъ народомъ, который своимъ произведеніямъ сообщить неуловимую для другихъ печать вкуса, красоты, граціи. Вотъ почему мы одобряемъ частныя художественныя выставки въ Парижѣ, которыя развиваютъ понятія объ искусствѣ въ народѣ. Преклонитесь передъ этими ремесленниками, передъ этими фабрикантами, которые ходятъ по великолѣпнымъ заламъ Лувра и судятъ о произведеніяхъ искусствъ вѣрнѣе всякаго привилегированнаго знатока: имъ предстоитъ упрочить за отечествомъ эстетическую славу, какъ это уже начинается въ отношеніи модъ, бронзъ, рисунковъ для матерій и проч.“ Такъ, такъ!.. Это воззрѣніе на искусство уже породило непрерывную, волшебную цѣпь картинокъ, рисунковъ, статуекъ, канделябровъ, люстръ, часовъ, бронзы, діадемъ и проч., которая отъ Пале-Рояля черезъ улицы Ришельё и Вивьенскую тянется до площади Бастиліи, блистая за окнами магазиновъ всѣмъ, что роскошь, остроуміе и сноровка могутъ только выдумать. Но... но съ негодованіемъ, вѣроятно, прислушивается вы къ этой

новой теоріи искусства, вы, великія за-альпійскія тѣни XIV-го и XV-го столѣтій!"¹⁾

Послѣднее замѣчаніе указываетъ, какое сильное впечатлѣніе оставили въ немъ эти мастера XIV-го и XV-го столѣтій: несомѣнно, что школа путешествія много содѣйствовала установленію эстетическихъ понятій Анненкова, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ расширяла горизонтъ его свѣденій историко-литературныхъ и понятій общественно-политическихъ.

Въ 1846 и 1847 годахъ Анненковъ писалъ новую серію „Парижскихъ писемъ“, адресованныхъ въ редакцію „Современника“. На этихъ письмахъ мы останавливаться не будемъ: это тотъ же самый стиль, съ тою разницею, что знаніе французскихъ отношеній было уже гораздо болѣе прочно, авторъ глубже входилъ въ предметъ и въ письмахъ гораздо болѣе значительную роль получаетъ интересъ политическій. Франція привлекала тогда живѣйшій интересъ въ цѣлой Европѣ; между прочимъ и у насъ, въ кругу людей болѣе образованныхъ, французскія дѣла возбуждали особенное любопытство, такъ какъ въ этой странѣ, тогда одной въ Европѣ, шла открытая борьба политическихъ началъ, конечно, совсѣмъ неизвѣстныхъ намъ на практикѣ, но вмѣщавшихъ въ себѣ самыя глубокіе общественные интересы. Та отвлеченная философія, которой съ такою страстью предавались у насъ съ тридцатыхъ годовъ, мало-по-малу смѣнялась болѣе реальными стремленіями, имѣвшими въ основѣ ту же цѣль—выяснить условія и требованія личнаго нравственнаго бытія и бытія общественнаго. Когда Бѣлинскій покидалъ „нѣмцевъ“ и сталъ увлекаться „французами“, это означало, что вопросы, его увлекавшие, переходили отъ отвлеченной философіи на почву дѣйствительной жизни: идеи становились наглядными, требованія—осязательными. Извѣстно, что еще въ первыхъ сороковыхъ годахъ онъ увидѣлъ альфу и омегу человѣческаго знанія и общественныхъ интересовъ въ „соціализмѣ“. Гнѣздомъ этого соціализма была именно тогдашняя Франція. Анненковъ являлся какъ бы представителемъ дружескаго кружка, который долженъ былъ на мѣстѣ изучать явленія французской жизни и оповѣщать друзей о ходѣ интересовавшаго ихъ движенія.

Впослѣдствіи, возвращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ этой эпохѣ сороковыхъ годовъ, Анненковъ поясняетъ, какъ европейскія дѣла стали тогда привлекать вниманіе русскаго общества. „Мы покинули Петербургъ за непривычнымъ для него за-

¹⁾ Стр. 246—247.

натиѣмъ. Петербургъ принялся за чтеніе иностранныхъ газетъ: онъ былъ взволнованъ неожиданно *египетскимъ* вопросомъ. Десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, публика наша очень мало интересовалась даже и такимъ событіемъ, какъ французскій переворотъ 1830 года, и не справлялась о причинахъ, его породившихъ. Теперь было нѣсколько иначе: по первому слуху о возможности столкновеній въ Европѣ, любопытство овладѣло даже и лѣнливыми умами. Иностранныя газеты и брошюры, насколько ихъ можно было достать, очутились въ рукахъ, даже и наименѣе привычныхъ къ такой ношѣ. Потребность справляться о ходѣ дѣлъ въ Европѣ осталась, однакоже, и по минованіи грозы. То, чтѣ прежде составляло, такъ сказать, привилегію высшихъ аристократическихъ и правительственныхъ сферъ, становилось дѣломъ общимъ¹⁾.

И Анненковъ рассказываетъ политическое положеніе Европы въ началѣ сороковыхъ годовъ, которое очевидно и во время его путешествія было предметомъ его внимательныхъ наблюденій, хотя въ напечатанныхъ письмахъ онъ говорилъ о немъ мало, вѣроятно по цензурнымъ причинамъ: нѣкоторыя подробности, которыхъ мы не находимъ въ письмахъ сороковыхъ годовъ, восполнены имъ въ статьѣ 1880-го года²⁾.

„Нужно ли говорить,—замѣчаетъ Анненковъ,—что сочувствіемъ нетерпѣливыхъ или пылкихъ умовъ въ Европѣ пользовалась совсѣмъ не Франція Гизо, а та, которая стояла за нею и протестовала противъ ея конституціонныхъ затѣй, не отвѣчающихъ, по ея мнѣнію, духу страны“. Къ новой Франціи, старавшейся держаться своей хартии, Франціи приличной и благопристойной, были равнодушны и искали той старой типической Франціи, „которая имѣетъ абсолютныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ социальнаго, политическаго и нравственнаго характера, а когда они слишкомъ долго медлятъ своимъ появленіемъ, принимаетъ мѣры вызвать ихъ силой“, т.-е. Франціи революціонной, которая нѣкогда свергла старый порядокъ и возвѣщала новыя общественныя начала. Казалось, что броженіе сороковыхъ годовъ въ его крайнихъ партіяхъ именно обѣщало эти новыя начала—на первый разъ хотя бы въ видѣ „соціализма“, правда, еще крайне туманнаго, фантастическаго и исполненнаго противорѣчіями. Представители спокойной конституціонной Франціи, какъ Луи-Филиппъ, Гизо, казались тиранами. „Возвръщеніе русскихъ

¹⁾ „Замѣчательное десятилѣтіе, 1838—1848“ (Воспоминанія и критическіе очерки, III, стр. 57).

²⁾ См. тамъ же, стр. 58—68 и др.

кружковъ (въ сороковыхъ годахъ) на Францію, — говоритъ Анненковъ, — не далеко отходило отъ общаго представленія ея дѣлъ, сложившагося у крайнихъ либераловъ Европы: у насъ тоже искали потаенной Франціи, вмѣсто той, которая была на виду, и ожидали, что первая рано или поздно смѣнитъ вторую¹⁾.

Смѣна и произошла, даже скорѣе, чѣмъ ея ожидали, — замѣчаетъ Анненковъ, — но дала непредвидѣнные результаты: она открыла дорогу французской имперіи, которая „такъ хорошо отплатила за всѣ предшествовавшія ей правительства, разсѣявъ и подавивъ какъ своихъ, такъ и ихъ враговъ“: въ этой роли Немезиды, кажется, и заключалось все ея историческое призваніе, думалъ Анненковъ. Но въ ту минуту, передъ 48-мъ годомъ, объ этомъ не помышлялъ никто изъ французскихъ передовыхъ людей — и никто изъ сочувствовавшихъ имъ людей въ русскомъ обществѣ. Анненковъ рассказываетъ, что въ ихъ кругу одинъ только Грановскій, по историческому чутью и правдивости, не присоединялся къ хору ругателей монархіи Луи-Филиппа, а въ числѣ таковыхъ „были у насъ очень высоко-поставленные, правительственные лица“. Грановскій думалъ, что политическіе идеалы Гизо были преднамѣренно узки и скромны, по тому небольшому представленію о политическихъ способностяхъ французовъ, котораго Гизо никогда не скрывалъ; „но пренебреженіе къ народному духу, — прибавлялъ Грановскій, — не можетъ обойтись даромъ во Франціи: она знаетъ, что этому духу обязана своимъ мѣстомъ и ролью въ исторіи Европы. Такъ или иначе, рано или поздно, система Гизо и Луи-Филиппа не выдержитъ: они и умны, и ошибаются не по-французски, и вотъ это-то имъ не простится“. Анненковъ говоритъ, что не ожидалъ тогда, что слова Грановскаго были пророчествомъ.

Въ тѣхъ же позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, которыя бросаютъ свѣтъ на значеніе его писемъ сороковыхъ годовъ, Анненковъ говоритъ, что, прибывши осенью 1843 года въ Петербургъ, онъ не покончилъ своихъ счетовъ съ Парижемъ, а напротивъ, встрѣтилъ дома отраженіе нѣкоторыхъ сторонъ его умственной жизни. Соціальное движеніе, литературнымъ выраженіемъ котораго были книги Прудона, Кабэ, Фурье, отчасти уже забытыя или мало читаемыя во Франціи, были у насъ предметомъ горячихъ толковъ и чаяній всякаго рода, чтó и объяснялось тогдашнимъ положеніемъ русской мысли. „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, трактаты эти были тѣ же метафизическія эволюціи, только эво-

¹⁾ Воспоминанія и критич. очерки, III, стр. 69.

люди, перенесенныя на политическую и социальную почву. За ними туда и послѣдовали цѣлыя фаланги русскихъ людей, образованныхъ возможностью выйти изъ абстрактнаго отвлеченнаго мышленія безъ реальнаго содержанія къ такому же абстрактному мышленію, но съ кажущимся реальнымъ содержаніемъ. Та часть практическихъ указаній, какая была въ этихъ трактатахъ и которою европейскій міръ не замедлил воспользоваться, у насъ всего меньше обращала на себя вниманіе, да и не въ этомъ была ихъ важность для русскихъ читателей". Они должны были произвести поворотъ въ направленіи русской интеллигенціи и они сдѣлали это дѣло. „Книги названныхъ авторовъ, — говоритъ Анненковъ, — были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теорія Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ: „Organisation du travail“, образовали у насъ особенную школу, гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдовались какъ-то за-разъ адептами ея. Въ такой не слыханомъ плотной и солидной амальгамѣ вышли они лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ того на свѣтъ и въ русской печати“.

Бѣлинскій, по словамъ Анненкова, „пристроился къ общему направленію, какъ только первые лучи социальной метафизики дошли до него“. Онъ читалъ исторію Тьера, книгу Кабэ „Le peuple“, „Histoire de dix ans“ Луи Блана и т. д., и все это вводило его въ совершенно новый міръ общественныхъ и политическихъ интересовъ. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвела на него книга Луи Блана именно тѣмъ, что показала, какую массу не только поученія, но и художественныхъ качествъ можетъ представить даже исторія нашихъ дней въ рукахъ сильнаго таланта. Почти первымъ словомъ Бѣлинскаго при свиданіи съ Анненковымъ, по возвращеніи послѣдняго изъ-за границы, были восторженные восклицанія о Луи Бланѣ. Бѣлинскій восхищался его произведеніемъ, дивился его глубинѣ, образности, твердости сужденій, мѣткому языку. „Видно, жизнь государственная и общественная даютъ содержаніе мысли и таланту поболѣе, чѣмъ литература и философія“. „Очевидно, — замѣчаетъ Анненковъ, — эстетическое и публицистическое направленіе уже потеряло для Бѣлинскаго свою привлекательность и отодвигалось на задній планъ въ его умѣ; но все же волей и неволей онъ оставался при немъ, потому что только съ помощью его можно было поднимать самые простые

вопросы общественной морали и касаться, хотя бы и косвенно, предметовъ русскаго современнаго быта и развитія“. Но любопытной чертой нашего общества того времени остается то явленіе, замѣченное Анненковымъ, что при всѣхъ увлеченіяхъ общественно-политическими вопросами и при всѣхъ частныхъ разнорѣчіяхъ на эти темы, неизмѣнно сохранялись начала, вынесенныя изъ предъидущаго развитія—тоже убѣжденіе, что нравственный элементъ долженъ быть исходной точкой всякой дѣятельности жизненной и литературной, убѣжденіе въ важности эстетическихъ требованій отъ себя и отъ произведеній мысли и фантазіи, убѣжденіе въ необходимости искусства, поэзіи и творчества, какъ въ жизни, такъ и въ политическомъ воспитаніи людей ¹⁾).

Такимъ образомъ письма нашего путешественника сороковыхъ годовъ, посвященныя политическимъ, литературнымъ и художественнымъ наблюденіямъ въ западной Европѣ, вполне совпадали съ тѣми запросами, какіе возникали въ образованнѣйшемъ кругу русскаго общества. Съ конца 1840 и до осени 1843 года, Анненковъ пробылъ за границей, и именно въ эти годы происходилъ тотъ умственный переворотъ, о которомъ мы сейчасъ говорили: очевидно, Анненковъ начиналъ свое путешествіе съ тѣми же задатками, которые развивались въ его отсутствіе въ дружескомъ кружкѣ, и его интересы развивались параллельно. Письма Анненкова, эти и позднѣйшія, встрѣчались друзьями съ великимъ любопытствомъ, свидѣтельствомъ чего между прочимъ служатъ отзѣвы Василя Боткина, находящіеся въ этомъ же изданіи. И дѣйствительно, письма были весьма замѣчательны по тому времени, и даже теперь представляютъ много характернаго по ихъ разнообразному содержанію, отражающему тотъ вѣкъ европейской жизни, по мѣткимъ наблюденіямъ и своеобразному изложенію. Боткинъ не однажды настаивалъ, чтобы Анненковъ собралъ свои письма въ отдѣльную книгу; этого не случилось, — по крайней мѣрѣ онѣ собраны теперь и этотъ почти совсѣмъ забытый фактъ умственного движенія сороковыхъ годовъ легче займетъ теперь свое историческое мѣсто.

II.—ПЕРЕПИСКА.

Конецъ настоящаго изданія занятъ перепиской Анненкова, т. е. письмами къ нему, печатаніе которыхъ предпринято здѣсь почти въ томъ составѣ, какъ онѣ подобраны были самимъ Аннен-

¹⁾ Стр. 69—73.

ковымъ. Въ послѣднее время обнаружена уже довольно значительная масса переписки людей „сороковыхъ годовъ“. Какъ всегда бываетъ съ письмами дружескаго свойства, нисколько не рассчитанными на публикацію, и здѣсь встрѣчается довольно много слишкомъ частнаго, личнаго и потому маловажнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ собираются здѣсь въ высшей степени интересныя подробности внутренней жизни того замѣчательнаго кружка, которымъ создана была литературная эпоха сороковыхъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ, кружокъ, создавшій эту эпоху, былъ очень малочисленный: всѣ его дѣятели передъ нами на-лицо, но кружокъ заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ высокихъ талантовъ въ разныхъ отрасляхъ литературы, и если эта небольшая группа могла совершить такой сильный переворотъ въ умственной жизни русскаго общества, то становится чрезвычайно любопытнымъ исторически внутренній бытъ этого кружка, самый процессъ его дѣятельности. До послѣдняго времени эта дѣятельность могла быть изучаема только по самымъ произведеніямъ, но въ тогдашнихъ условіяхъ литературы эта дѣятельность происходила только въ извѣстныхъ условныхъ рамкахъ: правда, только въ этихъ рамкахъ ихъ дѣятельность и являлась передъ обществомъ и оказывала на него свое вліяніе, но для полной оцѣнки людей и самаго движенія необходимо выяснить, что оставалось невысказаннаго, какъ примѣнялись отвлеченныя литературныя начала къ реальнымъ вопросамъ русской жизни, наконецъ, что угадывалъ читатель за тѣмъ, что оставалось недосказаннымъ, потому что онъ дѣйствительно это угадывалъ, и вліяніе, которое имѣла литература сороковыхъ годовъ, иногда оказывалось дѣйствительно шире тѣхъ данныхъ, съ какими собственно она являлась на-лицо въ печати. Внутренній процессъ развитія Бѣлинскаго выяснился съ нѣкоторой полнотой только съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна его переписка; много другихъ важныхъ данныхъ для исторіи того времени доставили письма его современниковъ и друзей: сюда принадлежатъ и письма, помѣщенные въ настоящемъ изданіи. Если мы упомянемъ, что здѣсь изданы письма Гоголя, Василя Боткина, Бѣлинскаго, Кудрявцева, Бакунина, Герцена, Некрасова и Огарева, это уже дастъ понятіе о степени интереса этой переписки. Наиболѣе любопытны и исторически важны письма Гоголя и Боткина.

Съ Гоголемъ Анненковъ сошелся въ первое путешествіе, во время пребыванія въ Римѣ; на ту пору Анненковъ былъ въ кругу тамошнихъ знакомцевъ Гоголя единственный литературный человѣкъ, конечно исполненный къ нему великаго почтенія и поклоненія, и недовѣрчивый вообще Гоголь сдружился съ Анненковымъ на

сколько было ему возможно относительно человека, стоявшаго въ его интимнаго круга. Письма Гоголя относятся къ 1844—1847 годамъ, время, когда готовилась „Переписка съ друзьями“ и первое время послѣ ея выхода въ свѣтъ. Къ тому, что было извѣстно о внутренней жизни Гоголя за это время и о тревоженіяхъ, испытанныхъ имъ послѣ изданія „Переписки“, настоящія письма прибавляютъ новыя черты, которыми воспользуется биографъ Гоголя.

Въ письмѣ отъ августа 1847 года находимъ слѣдующія любопытныя слова, въ которыхъ Гоголь объясняетъ истинныя побужденія, руководившія имъ при изданіи „Переписки“, и объясняетъ также тѣ безконечныя разспросы, съ какими онъ обращался тогда къ знакомымъ и незнакомымъ. Письмо писано послѣ получения извѣстнаго письма Бѣлинскаго. Это письмо, — говоритъ Гоголь, — „меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенія вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при немъ: отводите отъ него все возмущающее духъ его. Убѣдите его прежде всего въ той непреложной истинѣ, что *излишество* теперь удѣлъ всѣхъ, кто только сколько-нибудь имѣетъ сердце безчувственное къ дѣламъ міра, какой-нибудь характеръ и какое-нибудь убѣжденіе... Я, болѣе другихъ спокойный и хладнокровный, впалъ въ излишество болѣе другихъ: писавши мои „Письма“, я былъ истинно убѣжденъ въ той мысли, что всѣ званія и должности могутъ быть освящены человекомъ, и что чѣмъ выше мѣсто, тѣмъ оно должно быть святѣе; я хотѣлъ разсмотрѣть всѣ мѣста и званія въ ихъ чистомъ источникѣ, а не въ этомъ видѣ, въ какомъ они являются вслѣдствіе злоупотребленій человеческихъ; я началъ съ высшихъ должностей; я хотѣлъ напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился такъ, что слова мои приняли за куренье человеку“. Объясняя судьбу своей книги этими туманными ссылками на „духъ излишества“, который „раздуваетъ теперь всѣхъ“, Гоголь замѣчаетъ, что и безъ того въ немъ видна была бы односторонность. А именно: „Занявшись своимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, проводя долгое время за Библіею, за Моисеемъ, Гомеромъ, законодателями вѣковъ минувшихъ, читая исторію событій кончившихся и отжившихъ, наконецъ наблюдая и анатомируя собственную душу, въ желаніи узнать душу человека вообще, и встрѣтись на этомъ пути съ Тѣмъ, Который болѣе всѣхъ насъ знаетъ душу человека, я весьма естественно сталъ на время чуждъ всему современному. Зато теперь проснулось во мнѣ *любопытство*

ребенка знать все то, чего я прежде не хотѣлъ знать. Точно какъ бы на то была уже такая воля (?), чтобы я не прежде приступилъ къ узнанію мірскихъ дѣлъ, какъ узнавши получше самого себя. И мнѣ кажется, что я теперь далѣе всякаго другаго могу уйти на пути *разъединенія*“ ¹⁾ и т. д.

Подобную задачу онъ хотѣлъ бы возложить и на Анненкова. Ему казалось, что Анненковъ въ своихъ письмахъ заграничныхъ не задавалъ себѣ никакого серьезнаго вопроса (онъ думалъ, напротивъ, что Боткинъ въ извѣстныхъ „Письмахъ объ Испаніи“ потому интересенъ, что мысленно задалъ себѣ вопросъ— „что такое нынѣшній испанскій человѣкъ“), и у него готова была для Анненкова программа: „Я подумалъ: что, еслибы на мѣсто того, чтобы дагеротипировать Парижъ, который русскому извѣстенъ болѣе всего прочаго, начали вы писать записки о русскихъ городахъ, начиная съ Симбирска, и также любопытно стали бы осматривать всякаго встрѣчнаго человѣка, какъ осматриваете вы на мануфактурныхъ и всякихъ выставкахъ всякую вещь. Если при этомъ описаніи зададите себѣ внутреннюю задачу разрѣшить самому себѣ, что такое нынѣшній русскій человѣкъ во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ, и, держа внутри себя этотъ вопросъ, будете глядѣть на всякое событіе и случай, какъ бы они ничтожны ни были, какъ на явленіе психологическое, ваши записки вышли бы непременно интересны, тѣмъ болѣе, что у васъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ пристрастія и сильной увѣренности въ истинѣ своихъ выводовъ и заключеній“.

Такимъ образомъ—та же тема: желаніе узнать, что такое нынѣшній русскій человѣкъ. Широкая неопредѣленность вопроса сама указываетъ на неясность исканія; Гоголю не приходила мысль и о томъ, какъ трудно было бы Анненкову исполнять подобную задачу, когда цѣлая литература, или само общество, которому она служила, съ величайшимъ трудомъ добывалась возможности изучать и изображать „нынѣшняго русскаго человѣка“ „во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ“, и получала эту возможность только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ: цѣлая „сословія“ и „мѣста“ были совершенно изъаты отъ изученія и изображенія.

Судя по другому письму Гоголя отъ августа 1847 г., Анненковъ старался успокоить его отъ душевныхъ тревогъ, испытанныхъ Гоголемъ въ это тяжкое для него время. Благодаря Аннен-

¹⁾ Стр. 500—501.

кова за доброе письмо, онъ замѣчаетъ, что тотъ ошибся, предполагая въ немъ скорбь неумѣренную, нѣчто въ родѣ *отчаянія*. „Слава Богу, отчаянью я не предавался даже и въ минуты несравненно болѣе тяжкія. Я слишкомъ увѣренъ въ томъ, что Тотъ, Кто распоряжается дѣлами міра, Имъ созданнаго, несравненно умѣе всѣхъ насъ и знаетъ, что дѣлаетъ, а потому ни въ какомъ случаѣ упасть духомъ не могу безъ Его воли. Но я изнемогъ. Это понятно: я человѣкъ“. Онъ объясняетъ Анненкову, что ему удалось въ жизни основать много душевныхъ связей, которыя дали ему высшее наслажденіе—любоваться красотой души человѣческой; его собственное сердце стало болѣе чутко и способно любить людей вообще,—потому такъ болѣзненны были для него тѣ нападенія и упреки, „которыми я бы не имѣлъ духу попрекнуть и наипрезрѣннѣйшаго человѣка“, и такъ тяжело было „увидѣть такое грубое незнаніе *души* даже и у тѣхъ, которые имѣли сами нѣжную и добрую душу“. „Самолюбіе, честолюбіе не въ тѣхъ грубыхъ видахъ, въ какихъ принимаютъ ихъ въ свѣтѣ, но въ тѣхъ тонкихъ оттѣнкахъ, въ какихъ они пребывали во мнѣ, были потрясены и поражены сильно; но вы, я думаю, этихъ словъ не поймете“. Онъ равнодушенъ къ ударамъ его авторскому самолюбію, не смутится, если даже имя его въ оклеветанномъ видѣ дойдетъ до потомства: такъ онъ увѣренъ въ томъ, что судить его будетъ „Тотъ, Кто повелѣлъ быть и міру, и намъ“ и проч. „Въ изданіи моей книги я никакъ не раскаиваюсь и благодарю Бога, ее допустившаго“—безъ нея онъ не узналъ бы и самого себя, и не собралъ бы тѣхъ свѣдѣній „даже въ психологическомъ отношеніи“, какія ему необходимы для „Мертвыхъ Душъ“.

Повидимому Анненковъ въ отвѣтъ на это письмо указывалъ на крайность того религіознаго пониманія, какое питалъ и излагалъ Гоголь—какъ будто правящій міромъ промыслъ озабочивался и изданіемъ книги для поученія ея автора. Въ письмѣ отъ сентября 1847 г., Гоголь пишетъ: „Понятіе мое о Божествѣ не такъ узко, какъ вы думаете; по крайней мѣрѣ оно гораздо пространнѣе того смысла, который вы придали словамъ моимъ“... „Покаместъ дѣло въ томъ, что мы всѣ идемъ къ тому же, но у всѣхъ насъ разныя дороги, а потому, повуда еще не пришли, мы не можемъ быть совершенно понятными другъ другу“. Это „то же“, эта общая цѣль, по словамъ Гоголя, такая: „Всѣ мы ищемъ того же: всякій изъ мыслящихъ нынѣ людей, если только онъ благороденъ душой и возвышенъ чувствами, уже ищетъ законной желанной *середины*, уничтоженія лжи и преувеличенностей

во всемъ и снятъя грубой коры, грубыхъ толкованій, въ которыя способенъ человекъ облакать самыя великія и съ тѣмъ вмѣстѣ простыя истины. Но всѣ мы стремимся къ тому различными дорогами"... Въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ Гоголь могъ опредѣлить общественную цѣль, къ которой онъ стремился, дѣлаясь публицистомъ, — потому что „Выбранныя мѣста“ были въ особенности книгой публицистической. Въ томъ же письмѣ онъ опять говорить, что его „взглядъ на современность только-что пропнулся“...

Здѣсь же издано письмо Гоголя къ Прокоповичу отъ іюня 1847 года, любопытное по выраженіямъ Гоголя о Бѣлинскомъ.

Письма Гоголя заканчиваются небольшою замѣткой Анненкова о послѣдней встрѣчѣ съ Гоголемъ въ Москвѣ осенью 1851 г. „Я нашелъ его, — говоритъ Анненковъ, — гораздо болѣе осторожнымъ въ мнѣніяхъ послѣ страшной бури, вызванной его „Перепиской“, но все еще оптимистомъ въ высшей степени и едва понятнымъ для меня. Онъ почти ничего не зналъ или не хотѣлъ знать о происходящемъ вокругъ него, какъ, напримѣръ, о недавнемъ предложеніи Липранди послать его для осмотра всѣхъ частныхъ библіотекъ по всей Россіи, отклоненномъ съ ужасомъ и негодованіемъ самимъ правительствомъ, а о ссылкахъ и другихъ мѣрахъ отзывался даже какъ о вещахъ, которыя по мягкости исполненія были отчасти любезностями и милостями по отношенію ко многимъ осужденнымъ. Онъ также продолжалъ думать, что по отсутствію выдержки въ русскихъ характерахъ преслѣдованіе печати и жизни не можетъ долго длиться, и совѣтовалъ литераторамъ и труженикамъ всякаго рода пользоваться этимъ временемъ для тихаго приготовленія серьезныхъ работъ ко времени облегченія... Некрасовъ (присутствовавшій при другомъ разговорѣ на эту же тему) замѣтилъ: „Хорошо, Николай Васильевичъ, да вѣдь за все это время надо еще ѣсть“. Гоголь былъ опѣшенъ, устремилъ на него глаза и медленно произнесъ: „Да, вотъ это трудное обстоятельство“. Вмѣсто смысла современности, утеряннаго имъ за границей и послѣднимъ своимъ развитіемъ, оставалась у него по прежнему артистическая воспримчивость въ самомъ высшемъ градусѣ. Онъ взялъ съ меня честное слово беречь рощи и лѣса въ деревнѣ, и разъ вечеромъ предложилъ мнѣ прогулку по городу, всю ее занявъ описаніемъ Дамаска, чудныхъ горъ, его окружающихъ, бедуиновъ въ старой библейской одеждѣ, показывающихся у стѣнъ его (для разбойничества) и проч., а на вопросъ мой: какова тамъ жизнь людей, отвѣчалъ почти съ досадою: „Что жизнь! Не объ ней тамъ думается“. Это была моя

последняя бесѣда съ чудною личностью, украсившею вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ и другими мою молодость. Прощаясь съ нимъ, я услышалъ отъ него трогательную просьбу сберечь о немъ доброе мнѣніе и поратовать о томъ же между партій, „къ которой принадлежите“¹⁾.

Письма В. П. Боткина (1846—68) принадлежать къ замѣчательнѣйшимъ документамъ, изданнымъ въ настоящей книгѣ. Давнишній и ближайшій другъ Бѣлинскаго, помогавшій ему (какъ упоминаетъ Анненковъ въ некрологѣ Боткина) и своими совѣтами, и знаніемъ, и иногда даже просто личнымъ трудомъ²⁾, Боткинъ пользовался въ этомъ кругу немалымъ авторитетомъ по своей начитанности, критическому опыту, и сохранялъ этотъ авторитетъ въ кружкѣ старыхъ друзей и позднѣе, до тѣхъ поръ, какъ новый наступившій періодъ нашей общественной исторіи переиѣстилъ его въ консервативный лагерь. Мы говорили о немъ въ этомъ последнемъ періодѣ по поводу воспоминаній г. Фета; но тогда, въ сороковыхъ годахъ, онъ былъ не таковъ: онъ былъ ревностно преданъ тѣмъ же интересамъ, какъ и весь тогдашній кружокъ Бѣлинскаго,—интересамъ литературнымъ и общественнымъ. Какъ и Анненковъ, онъ много жилъ за границей и вносилъ въ кружокъ свое знаніе европейской литературы и искусства. Анненковъ сблизился съ нимъ съ давнихъ поръ; одно время, въ сороковыхъ годахъ, они странствовали вмѣстѣ. Письма Боткина, самыя многочисленные въ настоящемъ собраніи³⁾, доставляютъ любопытнѣйшее отраженіе тогдашнихъ взглядовъ и стремленій этого круга: онѣ переполнены подробностями о тогдашнихъ событіяхъ, особливо литературныхъ, критическими замѣтками и т. п. Большею частію это письма изъ Москвы и Петербурга къ Анненкову, отсутствовавшему за границей или въ Симбирскѣ.

Въ этихъ письмахъ мы найдемъ между прочимъ подтвержденіе приведенныхъ выше замѣчаній о томъ поворотѣ, какой совершался въ сороковыхъ годахъ въ идеяхъ Бѣлинскаго и его кружка, именно въ поворотѣ отъ отвлеченныхъ философскихъ положеній и вопросовъ по преимуществу эстетическихъ къ вопросамъ общественнымъ, къ практической дѣйствительности. Въ концѣ ноября 1846 года, Боткинъ вернулся въ Петербургъ и пишетъ къ оставшемуся за границей Анненкову:

„Встрѣча моя съ нашими общими пріятелями была для меня

¹⁾ Стр. 515—516.

²⁾ Игъ, напр., написаны были страницы о романтизмѣ, въ статьяхъ Бѣлинскаго.

³⁾ Стр. 516—577.

необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую переимѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя однѣми книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улечиваются отъ отвлеченности, да кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи. Опре- дѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стре- мится современный процессъ, здѣсь еще мало въ ходу; этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія теоретическія идеи, а съ другой—отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь главное состоитъ въ идеологіи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію „Отечествен- ныхъ Записокъ“; идеологія должна поднять и „Современникъ“. Но въ этой идеологіи, къ счастью, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами—на- шихъ друзей занимаетъ такая идеологія, которая имѣетъ прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но съ этой сто- роны разборъ Бѣлинскаго „Онѣгина“, и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ“. Другими словами, идеологія, имѣющая прямое отношеніе къ практическому міру, означаетъ обращеніе теоретическихъ исканій на общественные вопросы, которыхъ Бот- кинъ какъ будто еще не умѣетъ здѣсь назвать. И чрезвычайно любопытно, что художественность представляется Боткину „Моло- хомъ“, отъ котораго наша критика, къ его сожалѣнію, не совсѣмъ еще освободилась. Извѣстно, что съ своей стороны Бѣлинскій (нѣсколько позднѣе) дѣлалъ совершенно такой же упрекъ самому Боткину, говоря, что онъ слишкомъ любитъ „смаковать“ худо- жественность и мало цѣнитъ общественное значеніе литературныхъ произведеній. Очевидно, передъ нами адепты одной и той же школы, приходящіе одинаково къ новой ступени въ своихъ по- нятіяхъ и другъ другу соревнующіе въ новомъ направленіи; но въ концѣ концовъ, какъ вѣрно замѣчалъ Анненковъ, новое на- правленіе, увлеченіе социальными теоріями, не истребило въ лю- дяхъ этого кружка ихъ старыхъ пристрастій, и среди толковъ о вновь открытой истинѣ они не забывали старыхъ, основныхъ

представлений о высокомъ, между прочимъ и общественно-воспитательномъ, значеніи поэзіи и творчества.

Боткину, который былъ самъ большой московскій купецъ, новая желательная ступень нашихъ общественныхъ понятій представлялась между прочимъ, или особенно, въ связи съ развитіемъ практической промышленности. „Пока промышленные интересы у насъ не выступаютъ на сцену, — говорилъ онъ въ томъ же письмѣ, — до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ нашей литературѣ“. По всей вѣроятности, ему вспоминалась новѣйшая французская исторія, гдѣ развитіе промышленныхъ интересовъ и буржуазіи сопровождалось расширеніемъ общественныхъ интересовъ во всей массѣ общества и въ литературѣ. „Но я вру, — поправляется онъ. — Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она — наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологии. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи“¹⁾.

Въ томъ же письмѣ ему привелось говорить о степени общественного пониманія въ томъ классѣ, въ рукахъ котораго по преимуществу находились промышленные интересы. Въ Петербургѣ въ то время были очень заинтересованы избраніемъ городского головы по новому уложенію. Выбраны были Нарышкинъ, а затѣмъ Жуковъ; но для занятія должности Нарышкину надо было отказаться отъ своего мѣста, и когда онъ на то не согласился, городскимъ головой остался Жуковъ. „Новое уложеніе, — пишетъ Боткинъ, — есть, безъ всякаго сомнѣнія, большой прогрессъ; въ первый разъ еще сословія дворянское, купеческое, мѣщанское и цеховое сошлись вмѣстѣ для избранія общаго себѣ городского представителя. На этотъ разъ выборъ не удался, но новое уложеніе тѣмъ не менѣе существуетъ, и прогрессомъ этимъ обязаны правительству. А именитое купечество русское присылало отъ себя депутацію къ министру, прося оставить все по старому; мѣщане, напротивъ, съ самаго начала оказались за новое положеніе. Есть люди, очень важные, которые сильно нападаютъ на него, потому что оно ведетъ, говорятъ они, къ соединенію сословій. Купцы, напротивъ, кричатъ, что ихъ хотятъ подчинить дворянству, не понимая, глупые бараны, что они уронили эту общественную должность до самой грязной ничтожности. То, что называется купеческимъ классомъ, осуждено безъ возврата на тупость и грубое невѣжество. Недалеко то время, когда торговые дома будутъ основываться дворянствомъ, и оно выступитъ

¹⁾ Стр. 520—521.

на поприще промышленности не такъ, какъ теперь, съ точки зрѣнія барской, а съ дѣльностью и специальными свѣдѣніями. Но это, разумѣется, можетъ быть послѣ переменъ, которая произойдетъ въ ихъ барскомъ положеніи". Онъ разумѣлъ, конечно, освобожденіе крестьянъ.

Черезъ нѣсколько дней Боткинъ опять принимается за это же письмо, которое вышло очень длиннымъ, снова высказываетъ сожалѣніе, что Бѣлинскій еще не вполне освободился отъ нѣмецкихъ художественныхъ взглядовъ, замѣчаетъ, что для русской критики нуженъ именно „французскій взглядъ, то-есть, взглядъ, опирающійся на здоровомъ смыслѣ исторіи, имѣющій въ виду множество (т.-е. массу), а не посвященныхъ и избранныхъ". Наконецъ, по поводу взгляда Анненкова на византийскую и итальянскую живопись, съ которымъ самъ Боткинъ согласенъ, онъ сводитъ рѣчь на славянофиловъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ Боткинъ,—что наши славяне правы, называя византийскую живопись истинно религіозной и отрицая это названіе у итальянской, правы—потому что въ послѣдней, какъ вы справедливо замѣчаете, все принадлежитъ личности человѣка и объясняется его понятіями, наукой, исторіей, тогда какъ первая не допускала до себя историческаго процесса, устремляя свои взоры не внутрь себя, а внѣ себя, на первообразъ преданія. Византия не имѣла своему родству съ востокомъ, а личное начало, составляющее существенный характеръ европейской исторіи, обозначилось также и въ религіи. Да, славянофилы правы, но въ томъ-то ихъ и горе, что они правы: это-то и осуждаетъ ихъ. Они, къ сожалѣнію, сами запутались въ эстетическія тенета. Чтобы быть вѣрными себѣ, они должны бы съ презрѣніемъ отвергать всю итальянскую школу; но красота, къ несчастію ихъ, дѣйствуетъ на нихъ наперекоръ ихъ понятіямъ; къ тому же, они отвѣдали и новѣйшей нѣмецкой философіи,—отъ этого они безпрестанно противорѣчатъ сами себѣ, лгутъ, врутъ, а поставить себя настоящимъ русскимъ старообрядцемъ не достанетъ у нихъ смѣлости, да и разныя науки для этого подпортили ихъ" ¹⁾).

Въ письмѣ изъ Москвы отъ февраля 1847 года находимъ отголосокъ того впечатлѣнія, какое произвела книга Гоголя; отношеніе къ нему Боткина очень враждебное. И здѣсь же снова рѣчь о славянофилахъ. „Хотѣлось бы мнѣ сообщить вамъ обстоятельно о здѣшнихъ славянофилахъ, но эти господа такъ раздѣлены въ своихъ доктринахъ, такъ что—что голова, то и особое

¹⁾ Стр. 526.

мѣнѣе; разумѣется, и въ нихъ есть правая и лѣвая стороны, и правой сторонѣ книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу. Издали эти славянскія стремленія имѣютъ много привлекательности: я это испыталъ на себѣ; а какъ присмотришься и прислушаешься, то видишь, что въ сущности лежитъ вопросъ о невѣжествѣ и цивилизаціи. Въ славянскомъ вопросѣ, такъ, какъ онъ поставляется здѣсь, упущена только бездѣлица—принципъ политико-экономическій и государственный; это есть не болѣе какъ романтическія фантазіи о сохраненіи національных предразсудковъ. Замѣчательно, что ни одинъ журналъ съ славянскимъ направленіемъ здѣсь не можетъ удержаться... Разработка историческихъ матеріаловъ, вмѣсто того, чтобъ помочь славянской доктринѣ, на каждомъ шагу бьетъ ее“...

Въ письмѣ отъ марта 1847, снова говорится о книгѣ Гоголя и славянофилахъ. „Приглядѣвшись въ этимъ господамъ, я теперь вижу, что эти господа—все самые отвлеченные теоретики, и притомъ вовсе лишены государственнаго смысла. Наконецъ, скажу вамъ, рискуя получить отъ васъ упрекъ въ аристократизмѣ, я не понимаю этого обожающаго поклоненія массамъ; я чувствую глубокое состраданіе къ ихъ положенію, со скорбію преклоняюсь передъ ихъ трагическимъ жребіемъ, упрекаю эту горделивую цивилизацію въ ея безсиліи, въ ея бессмысленномъ равнодушіи къ массамъ; но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть все глубокое невѣжество массъ. Говоря это, я имѣлъ въ виду новую книгу Мишле, по крайней мѣрѣ то, что я знаю о ней“... „Вы не можете представить себѣ, какъ здѣсь трудно живется, какихъ здѣсь все исполнено требованій, какъ на все смотреть съ точки зрѣнія вѣчности. И бѣда въ томъ, что вся жизнь проходитъ въ однихъ только великихъ требованіяхъ. О практическихъ примѣненіяхъ никто не думаетъ, да они, съ здѣшней точки зрѣнія, и невозможны. Умѣренность и терпимость, которыя такъ привлекательны во французскомъ обществѣ, здѣсь это—не добродѣтели, это—презрѣнныя ереси. Имѣйте ихъ, и васъ тотчасъ обвинять въ фривольности. Несчастье въ томъ, что все это живетъ по книгамъ и въ книгахъ; никакой оригинальности въ мысляхъ, никакой самостоятельности во взглядахъ; даже интимные кружки отзываются какою-то officialностью (въ смыслѣ общихъ идей), какою-то рутинною мысли и чувства“.

Черезъ нѣсколько дней, дописывая это письмо, Боткинъ говоритъ: „Все хотѣлъ познакомить васъ съ „Московскимъ Сборникомъ“ славянъ нашихъ. Но и тутъ какое разногласіе! Хомя-

ковъ рѣшительно презираетъ западъ и его гниющую цивилизацію, а все общаетъ русскую науку. Невольно вспомнишь замѣчаніе Ривароля одному подобному господину: „C'est vrai, vous avez un avantage de n'avoir rien fait, mais il ne faut pas en abuser“... Иванъ Аксаковъ, братъ Константина, не принадлежитъ къ славянскому согласію и пишетъ иногда очень недурные стихи“. Боткину очень нравится стихотвореніе Ив. Аксакова (въ „Сборникѣ“): „Смотри! толпа людей, нахмурившись, стоитъ“...

Остановимся еще на письмѣ отъ мая 1847 года, опять любопытномъ по отзывамъ о славянофилахъ. Отзывы Боткина основывались, какъ вѣроятно уже замѣтилъ читатель, не только на ихъ литературныхъ трудахъ (которыхъ въ то время было еще и не много), но и на личныхъ бесѣдахъ,—и на послѣднемъ, вѣроятно, еще больше, нежели на первомъ. Двѣ литературныя и общественныя „партіи“ въ то время еще только опредѣляли свои отношенія, какъ тогда еще не вполне опредѣлилось и ихъ теоретическое содержаніе; многія существенныя работы славянофильскихъ писателей появились уже гораздо позднѣе; тѣмъ не менѣе впечатлѣнія Боткина очень любопытны въ историческомъ отношеніи. Въ то время дѣятели обоихъ направленій были особенно заняты теоретическими опредѣленіями и были очень чутки къ такимъ положеніямъ, предполагая тотчасъ ихъ дальнѣйшее развитіе и подвергая ихъ повѣрочной критикѣ. Боткинъ не былъ въ этомъ случаѣ человѣкъ неопытный: онъ самъ прошелъ до извѣстной степени философскую школу и способенъ былъ провести теоретическое положеніе до его послѣдствій и практическихъ выводовъ. Въ первой порѣ славянофильства онъ предугадывалъ уже его слабыя стороны, хотя тогда же находилъ въ немъ и стороны сочувственныя, какъ находилъ ихъ въ послѣднее время самъ нетерпѣливый Бѣлинскій. Въ письмѣ отъ мая 1847, Боткинъ, упоминая о происходившей тогда полемикѣ между Грановскимъ и Хомяковымъ („возставшей изъ пустаковъ“, по словамъ Боткина—изъ вопроса о средневѣковыхъ бургундахъ), замѣчаетъ, что въ сущности это была ошибка славянофильства съ обще-европейской точкой зрѣнія. „Эта схватка,—пишетъ Боткинъ,—разумѣется, надѣлала очень много шуму въ московскомъ учено-салонномъ мірѣ, гдѣ послѣ отвѣта Грановскаго ореолъ Хомякова дѣйствительно много потускнѣлъ. Замѣчательно, что славянофилы до сихъ поръ печатно постоянно были побиваемы, и на всѣхъ пунктахъ. Славянизмъ не произвелъ еще ни одного дѣльнаго человѣка: это—или цыганъ, какъ Хомяковъ, или благородный сомнамбулъ Акса-

ковъ, или монахъ Кирѣвскій, это — лучшіе! Но между тѣмъ славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, національность. Въ этомъ ихъ великая заслуга; они первые почувствовали, что нашъ космополитизмъ ведетъ насъ только къ пустомыслию и пустословію; эта такъ называемая „русская цивилизація“ исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдругъ пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякаго національнаго развитія. Вообще, въ критикѣ своей они почти во всемъ справедливы; и въ самомъ дѣлѣ, пора было напомнить недорослю, который потому только, что, стыдясь знать свой родной языкъ, считалъ себя гражданиномъ міра, — что онъ не болѣе какъ недоросль. Но въ критикѣ заключается и все достоинство славянъ! Какъ только выступаютъ они къ положенію, начинается ограниченность, невѣжество, самая душная патріархальность, незнаніе самыхъ простыхъ началъ государственной экономіи, нетерпимость, обскурантизмъ и проч. *Оторванные* своимъ воспитаніемъ *отъ нравовъ и обычаевъ народа*, они дѣлаютъ надъ собою *насиліе*, чтобы приблизиться къ нимъ, хотятъ слиться съ народомъ искусственно: такъ, напримѣръ, Аксаковъ не ѣстъ телятины, ходитъ къ обѣднѣ и ко всенощной“.

Боткинъ иллюстрируетъ свои замѣчанія нѣсколькими эпизодами. „А вотъ примѣръ ихъ нетерпимости: у Аксакова есть братъ, который, по несчастію, не славянофилъ; онъ наканунѣ Вознесенія пошелъ смотрѣть Плессы въ театръ. На другой день вечеромъ были у нихъ гости, и тамъ все славянство возстало съ упреками на молодого человѣка, какъ могъ онъ въ то время, какъ народъ русскій слушалъ всенощную, быть въ театрѣ, да еще смотрѣть игру французской актрисы! Онъ не зналъ, куда дѣться отъ упрековъ и нападковъ. А вотъ еще фактъ: Соловьевъ до того вчитался въ лѣтописи и старыя грамоты, что усвоилъ языкъ ихъ; онъ свободно говоритъ имъ и пишетъ. Изъ шутки завелъ онъ на немъ переписку съ Аксаковымъ. Въ одномъ обществѣ Аксаковъ читаетъ одно изъ „посланій“ къ нему Соловьева. Вдругъ Иванъ Кирѣвскій, бывшій тутъ, съ негодованіемъ возстаетъ, какъ смѣтъ употреблять языкъ, на которомъ написаны наши священные книги, для писанія шуточныхъ записокъ; это такъ возмутило его, что онъ сдѣлался боленъ“.

„Вотъ корифей славянства! — продолжаетъ Боткинъ. — Въ этомъ направленіи о цивилизаціи, освобожденіи отъ предрассудковъ нѣтъ компону. Въ сущности, это не что другое, какъ до-петровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая

вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ мы составляемъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство. А самая бѣлая часть этого *soi-disant* „образованнаго“ меньшинства только платѣмъ и пущею безалаберностью отличается отъ массы; мало-мальски умный и дѣльный человѣкъ есть рѣдчайшее исключеніе изъ этого безалабернаго и ребячески тщеславнаго класса „образованныхъ“. Горсть славянофиловъ остается изолированной, а какую бы получила она силу, опираясь, напримѣръ, на купцовъ, гдѣ старая Русь сохраняется во всемъ своемъ нравственномъ и общественномъ безобразіи! Но, несмотря на утопическія и фантастико-историческія очки, въ которыя они смотрятъ на все это, образованіе слишкомъ близко къ нимъ и прямо бросается въ глаза; „это не народъ“, — говорятъ они, — „это мерзкій осадокъ народа“. А почему же мерзкій? Развѣ зажиточные крестьяне не то же, что купцы? Конечно, бѣдный человѣкъ вездѣ добродушнѣе богатаго, но это потому, что чувство собственности всегда развиваетъ за собою много дурныхъ сторонъ, хранящихся въ природѣ человѣческой; только на этомъ основаніи парижскій *ouvrier* лучше *bourgeois*; но чуть разбогатѣетъ *ouvrier*, тотчасъ становится *bourgeois*, также какъ разбогатѣвшій мужикъ становится купцомъ“.

Таковы были впечатлѣнія, какія производило славянофильство на человѣка безъ сомнѣнія образованнаго и мало предубѣжденнаго, въ ту пору, когда, сложившись въ тѣсномъ кружкѣ, оно впервые выступало въ литературѣ. Впослѣдствіи оно, конечно, стало осложняться и видоизмѣняться, но въ основѣ его сохранялись тѣ черты крайней исключительности и невыясненнаго отношенія къ просвѣщенію, — когда послѣднее съ тѣхъ поръ и донынѣ не могло у насъ освободиться отъ „западныхъ“ свойствъ. Впослѣдствіи для него открылся и болѣе широкій кругъ практическихъ приложений (какъ напр., въ крестьянскомъ вопросѣ и т. п.), но эти приложения относились только къ той общей сторонѣ славянофильства, которая и въ сороковыхъ годахъ не вызывала возраженій, даже находила сочувствіе въ другомъ тогдашнемъ направленіи, — именно относились къ общему понятію „народности“, къ стремленію поднять достоинство народа, защитить его матеріальныя и нравственныя интересы. Здѣсь, какъ извѣстно, оба направленія сходились, иногда до полной тождественности ихъ понятій и желаній. Но другая сторона славянофильства, отмѣчаемая Боткинскимъ, къ сожалѣнію, повторялась и впослѣдствіи въ ученіяхъ школы: эта исключительность никогда не могла доказать своей теоретиче-

ской прочности и, конечно, послужила тою причиной, которая не дала всему учению желаемой имъ силы въ средѣ русскаго общества, а къ нашему времени способствовала тому вырожденію, котораго мы видѣли столько непривлекательныхъ примѣровъ.

Наконецъ, настоящее изданіе даетъ поводъ къ опредѣленію дѣятельности самого Анненкова, сообщая несобранныя до сихъ поръ журнальныя статьи его и переписку. Мы желали бы возвратиться къ этому вопросу позднѣе, когда продолженіе настоящаго изданія доставить для того болѣе обширный матеріалъ.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПАМЯТИ РЕБЕНКА.

Едва, бывало, солнце встанетъ,
И изъ-за рощи молодой
Горячій лучъ его проглянетъ
И затрепещетъ надъ водой,
Едва порывомъ жаркой ласки
Онъ тронетъ сонные цвѣты,—
Смѣясь и протирая глазки,
Въ мой садикъ выбѣгала ты.
И пробуждался садикъ дикій—
Весь въ блескѣ утреннихъ лучей—
Предъ жрицей маленькой своей
Въ простомъ вѣнкѣ изъ павилики...
Но смяты осенью ненастной
Давно въ саду моемъ цвѣты,
И ты ушла, мой гость прекрасный,
И не вернешься больше ты.
Тамъ, гдѣ на сѣверѣ, рыдая,
Метель холодная шумитъ,
Твою могилу ангелъ рая,—
Печальный ангелъ сторожить.

II.

Я помню дни: я погибалъ,
Но въ сердцѣ, сумракомъ одѣтомъ,
Твой голосъ милый прозвучалъ
Случайнымъ, можетъ быть, привѣтомъ.
И я люблю тебя съ тѣхъ поръ...
Люблю восторженныя рѣчи,
Люблю задумчивый твой взоръ,
И въ каждый мигъ короткой встрѣчи
Моя пугливая мечта
Въ волшебный край меня уносить,
И ласки рвутся на уста,
И сердце снова счастья просить.
Какъ будто можетъ вспыхнуть вновь
Заря погасшаго разсвѣта,
Иль замѣнить твою любовь—
Слова случайнаго привѣта.

В. ЛАДЫЖЕНСКІЙ.

ЛЖЕ-ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ

и

ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

I.

Жертвовать насущнымъ и необходимымъ ради чего-то второстепеннаго и даже ненужнаго, употреблять большія усилія для достиженія результатовъ сомнительныхъ или мнимыхъ — такова обычная ошибка экономистовъ-практиковъ, слѣдующихъ системѣ односторонняго промышленнаго протекціонизма. Торгово-промышленный классъ, занимающій повсюду вліятельное и отчасти господствующее положеніе, постоянно выдаетъ свои спеціальныя коммерческія выгоды за интересы цѣлаго государства и народа, и всегда находятся добросовѣстные и убѣжденные писатели, считающіе своимъ патріотическимъ долгомъ поддерживать самыя несправедливыя требованія небольшой горсти коммерсантовъ, во имя предполагаемаго поощренія отечественной промышленности.

Но то, что было бы поощреніемъ для энергическихъ предпринимателей въ Англіи или во Франціи, можетъ являться источникомъ лишь разоренія для страны, слабо населенной, имѣющей громадныя пространства пустыхъ, невоздѣланныхъ земель и не достигшей пока даже первыхъ ступеней разумной земледѣльческой культуры. У насъ вся внутренняя экономическая жизнь развивается весьма туго и не выходитъ изъ младенческаго состоянія во многихъ обширныхъ областяхъ Россіи; наша фабрично-заводская промышленность имѣетъ передъ собою огромнѣйшее и свободное поле для сбыта своихъ произведеній внутри страны, а мы на-

правляемъ наши заботы и тратимъ значительныя средства на приобрѣтеніе внѣшнихъ и отдаленныхъ рынковъ, подобно англичанамъ или нѣмцамъ, которымъ тѣсно у себя дома. У насъ серьезно разсуждаютъ о международной борьбѣ за рынки, о торговомъ соперничествѣ съ Англіею гдѣ-нибудь въ Персіи или Китаѣ, въ то время какъ наши собственные внутренніе рынки остаются въ загонѣ и считаются какъ бы недостойными вниманія и покровительства. О внѣшней торговлѣ печатаются подробныя официальныя свѣдѣнія; за ходомъ ея ревниво слѣдятъ не только экономисты-патріоты, но и правительственные дѣятели, и объ этомъ предметѣ дѣлаются важныя заключенія въ проектахъ государственнаго бюджета; но кто считаетъ себя обязаннымъ слѣдить за судьбами нашего внутренняго народнаго хозяйства, за упадкомъ народнаго земледѣлія и благосостоянія, за ростомъ или пониженіемъ платежныхъ способностей крестьянства, за развитіемъ и особенностями внутренней торговли въ различныхъ краяхъ нашего обширнаго отечества? А между тѣмъ экономическое положеніе разныхъ губерній Россіи представляло бы несравненно больше интереса даже съ точки зрѣнія государственныхъ финансовъ, чѣмъ цифры заграничнаго ввоза и вывоза товаровъ. Но заграничный сбытъ играетъ первостепенную роль для Англіи, и вотъ мы также хлопочемъ о внѣшней торговлѣ и объ иностранныхъ рынкахъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи своихъ внутреннихъ хозяйственныхъ условій, о правильной постановкѣ своего земледѣлія и своей промышленности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ горячо обсуждался въ нашей печати вопросъ о причинахъ упадка заграничнаго спроса на русскіе хлѣбныя продукты и о средствахъ борьбы съ возростающею конкуренціею сѣверо-американскаго хлѣба на европейскихъ рынкахъ. Для разсмотрѣнія этого вопроса существовали спеціальныя коммиссіи, которыя по обыкновенію оставили послѣ себя серьезныя труды, и въ этихъ трудахъ похоронено много любопытныхъ мнѣній. Въ одномъ изъ докладовъ, посвященныхъ тогдашнему хлѣбному кризису, мы читаемъ слѣдующія торжественныя слова: „Нашему времени, повидимому, суждено быть свидѣтелемъ великаго переворота въ экономической жизни не только Европы, но, можно сказать, всего человѣчества. Мечта гуманистовъ, мечта нѣкоторыхъ философовъ и социологовъ о благоденствіи рода человѣческаго, о томъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ если не супъ съ курицей, то по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба, т.-е. былъ бы обеспеченъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, — готова осуществиться, или по крайней мѣрѣ осуществленіе уже пока-

зывается на горизонтѣ. Намъ суждено быть свидѣтелями постепеннаго пониженія цѣнъ на предметъ самой первой потребности человѣчества, на зерновой хлѣбъ". Русскимъ же производителямъ хлѣба грозитъ разореніе, вслѣдствіе подвоза хлѣбовъ изъ Сѣверной Америки, Индіи и Австраліи. „Какъ извѣстно, вывозъ хлѣба изъ Россіи составляетъ громадную часть нашего отпуска. Но если отпускъ этотъ остановится, если наши запасы хлѣба останутся у насъ, то спрашивается, что станетъ съ нашей международной торговлей? Это не то, что закрытіе какой-нибудь одной фабрики вслѣдствіе уменьшающагося спроса на наши мануфактурныя издѣлія въ Бухарѣ,—нѣтъ, значеніе этого явленія будетъ гораздо шире. Вѣдь есть страны, которыя прежде были житницами другихъ, каковы Сицилія, Малая Азія и др., но которыя теперь сами, какъ Сицилія, покупаютъ хлѣбъ. И можетъ случиться, что въ исторіи человѣчества, чрезъ 200—300 лѣтъ, говоря объ интересныхъ временахъ нашего вѣка, когда появился дешевый хлѣбъ, въ числѣ странъ, которыя затерты были международной экономическою борьбою и обратились въ пустыню, назовутъ и нашу страну“ ¹⁾).

Суевѣрный страхъ передъ важностью вывоза выраженъ здѣсь въ замѣчательно наивной и рѣзкой формѣ. Что будетъ съ Россією, если она перестанетъ вывозить хлѣбъ за границу? Прежде всего русскіе землевладѣльцы, работающіе специально для заграничнаго сбыта, не составляютъ еще Россіи, и интересы ихъ, какъ бы значительны они ни были, не могутъ быть смѣшиваемы съ интересами всего остального населенія. Если наши запасы хлѣба останутся у насъ, то они найдутъ себѣ потребителей среди милліоновъ русскихъ крестьянъ, которые зимой нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ и обыкновенно кормятся впроголодь по недостатку средствъ для приобрѣтенія его по высокимъ зимнимъ цѣнамъ. Такимъ образомъ упадокъ заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ и связанное съ этимъ пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ привели бы къ тому, что малоимущее сельское населеніе, которое и теперь продаетъ хлѣбъ за безцѣнокъ въ періоды обязательныхъ денежныхъ платежей, освободилось бы отъ чрезмѣрныхъ переплатъ въ цѣнѣ покупаемаго хлѣба и могло бы располагать большимъ количествомъ его; слѣдовательно, народъ былъ бы болѣе сытъ, чѣмъ теперь, и его сытость обнаружилась бы въ поднятіи общаго матеріальнаго и нравственнаго

¹⁾ Труды комиссіи при Имп. Вольномъ Экон. Обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ. Спб., 1885, стр. 1—5 (докладъ барона П. Л. Корфа).

уровня, въ успѣхахъ хозяйственныхъ и культурныхъ. Крупные землевладѣльцы, переставъ быть поставщиками экспортныхъ фирмъ, неизбежно приспособились бы къ новымъ условіямъ, измѣнили бы характеръ своего хозяйства и производили бы именно тѣ продукты, на которые существуетъ постоянный и обеспеченный спросъ внутри страны. Было бы меньше мотивовъ для хищнической обработки земли и прекратилась бы систематическая порча вывозимаго хлѣба, на что указывали свѣдущія лица уже при обсужденіи сельскохозяйственнаго кризиса 1884 года.

„Дѣйствительно, — говорилъ тогда извѣстный знатокъ земледѣльской промышленности, А. С. Ермоловъ:— Россія вывозила громадное количество пшеницы, но что такое былъ этотъ вывозъ? Дѣйствительно ли былъ это избытокъ, который мы отправляли за границу? Нѣтъ, русскій земледѣлецъ, хотя и производилъ пшеницу, но ея не ѣлъ, такъ что вывозъ пшеницы изъ Россіи все не можетъ служить доказательствомъ благопріятнаго положенія русскаго земледѣльческаго населенія и русской сельскохозяйственной жизни. Поэтому, если это положеніе измѣнится, то оно можетъ измѣниться къ лучшему... Теперь наше положеніе дурно, потому что иностранный рынокъ не беретъ нашей пшеницы. А почему онъ не беретъ ея? Потому что мы не производимъ ея такъ, какъ онъ желаетъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ наша пшеница дѣйствительно была лучшею на европейскомъ рынкѣ, но въ настоящее время она мѣсто это утратила, и утратила потому, что мы тѣми формами хозяйства, которыя мы въ послѣднее время создали, лишили себя производства хорошаго хлѣба. Если русскіе хозяева стали сѣять пшеницу на одной и той же землѣ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, если они отъ первобытнаго плодосмѣна отказались, а къ усовершенствованнымъ формамъ плодосмѣна не перешли, то какъ же можно ожидать, чтобы они производили хорошій хлѣбъ?“ Притомъ бывають нерѣдко такого рода факты, что „землевладѣлецъ тщательно очищаетъ свою пшеницу отъ куколя, но пріѣзжаетъ хлѣбопромышленникъ и, покупая пшеницу, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ: продайте мнѣ и куколь; спрашивается: для чего? а для того, чтобы обратно вогнать куколь въ пшеницу, такъ какъ ему будто бы выгоднѣе продать пшеницу не чистою и отсортированную, а вмѣстѣ съ куколемъ. Поэтому за границею не считаютъ возможнымъ пустить русскій хлѣбъ на рынокъ безъ сортировки; даже тотъ хлѣбъ, который вывозится отъ насъ подъ названіемъ сортировочнаго, тамъ считается несортировочнымъ и подвергается новой и тщательной сортировкѣ“, причемъ и цѣна понижается въ соотвѣтственной

мѣръ¹⁾. Способы хозяйства, рассчитаннаго на вывозъ, истощаютъ землю; южно-русскія степи, отличавшіяся когда-то обиліемъ и разнообразіемъ растительности, превратились отчасти въ пустыню, а хозяева продолжаютъ оставаться при прежнихъ хозяйственныхъ порядкахъ. Многіе жалуются на неисправность рабочихъ; но положеніе самихъ рабочихъ большей частью крайне печально. Даже въ крупныхъ степныхъ хозяйствахъ, по свидѣтельству проф. А. В. Совѣтова, рабочіе, какъ мужчины, такъ и женщины, съ мая по октябрь, спятъ подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ. „Кто можетъ вынести такое положеніе—почти полгода оставаться безъ крова,—кромя нашего русскаго мужика? Положимъ, въ степяхъ большею частью ночи теплыя, но бываютъ и холодныя, а иногда идетъ и дождь. Какъ можетъ существовать при такой обстановкѣ рабочій,—просто непонятно“²⁾.

Сельское населеніе бѣдствуетъ, производительность земли падаетъ, а цифры хлѣбнаго вывоза растутъ. При существующихъ обстоятельствахъ, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Ермоловъ въ недавно вышедшей книгѣ, — „усиленный до громадныхъ размѣровъ вывозъ можетъ не обогащать насъ, а напротивъ, ослаблять, вытягивая послѣдніе жизненные соки изъ страны. Вспомнимъ, что даже въ годы наибольшаго нашего вывоза у насъ были мѣстности, страдавшія отъ недостатка хлѣба, причемъ и въ цѣлой Россіи потребление еще далеко не достигло того предѣла, за которымъ является дѣйствительный свободный избытокъ; вывоза хлѣбъ за границу, мы нерѣдко отнимали его у своего собствен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 16—18. Эти давно извѣстные факты, создавшіе на международномъ рынкѣ столь печальную репутацію нашего хлѣба и нашихъ торговыхъ нравовъ, обсуждались въ разныхъ специальныхъ коммиссіяхъ съ 1884 года, и однако не только не вызвали противъ себя никакихъ мѣръ противоѣдствія, но въ послѣднее время были даже „открыты“, какъ нѣчто новое, одною изъ нашихъ распространенныхъ газетъ; а между тѣмъ все открытіе, которое газета ставитъ себѣ въ особую заслугу, сводится лишь къ повторенію старыхъ „истинъ“ въ родѣ того, что во всѣхъ нашихъ бѣдахъ виноваты отдѣльныя лица съ иностранными фамиліями и вообще инородцы. Къ несчастію, указанія на дѣйствительное зло возбуждаютъ у насъ общее вниманіе и приводятъ къ положительнымъ результатамъ только въ двоякаго рода случаяхъ: 1) когда они имѣютъ характеръ „скандала“ для непріятныхъ кому-либо личностей или учрежденій, доступныхъ свободной общественной критикѣ, и 2) когда они даютъ поводъ къ требованію новыхъ льготъ и субсидій для вліятельнаго общественнаго класса или сословія. Поэтому такіа настоятельныя народныя потребности, какъ противоѣдствіе сельскому ростовщичеству, организація мелкаго земледѣльческаго кредита, облегченіе податныхъ тягостей, могутъ цѣлые десятки лѣтъ безнадежно ждать удовлетворенія, ибо въ обществѣ и въ печати никто прямо не занимается въ скорѣйшемъ и правильномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ.

²⁾ Труды коммиссій, тамъ же, стр. 197—9 (докладъ А. В. Совѣтова).

наго населенія. Слѣдовательно, это вывозъ не отъ своего богатства, но отъ своей бѣдности; мы производимъ хлѣбъ, который нашему населенію недоступенъ, и потому отдаемъ его за безцѣнокъ заграничнымъ потребителямъ. Спрашивается: возможно ли ожидать, чтобы при такомъ положеніи увеличивалось благосостояніе русскаго народа и возростало народное богатство? Очевидно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что при настоящихъ условіяхъ русскаго земледѣлія производство хлѣба только едва себя окупаетъ, да и то не всегда, и слѣдовательно нашъ народъ тратитъ свои силы, напрягаетъ свой трудъ, ограничиваетъ свое собственное потребление только для того, чтобы по дешевой цѣнѣ кормить русскимъ хлѣбомъ иностранцевъ. Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобное положеніе ненормально, убыточно, пагубно для Россіи и не сулитъ намъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ въ будущемъ“¹⁾.

Какъ совмѣстить эти два противоположные взгляда: съ одной стороны, мысль о превращеніи Россіи въ пустыню, вслѣдствіе упадка заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ, а съ другой—привзваніе ненормальности и пагубности чрезмѣрнаго вывоза продуктовъ, могущихъ идти въ пищу собственному нашему населенію? А между тѣмъ, оба эти взгляда высказываются въ той или другой формѣ одновременно и параллельно, причемъ забота объ иностранныхъ рынкахъ нерѣдко парализуетъ болѣе близкія соображенія о нуждахъ собственнаго народа. Нѣкоторые практическіе дѣятели представляютъ себѣ государство въ видѣ огромной купеческой конторы, для которой цифры ввоза и отпуска товаровъ имѣютъ первостепенное значеніе. Люди, разсматривающіе государственное хозяйство съ такой коммерческой точки зрѣнія, не задумываются жертвовать внутренними экономическими интересами ради внѣшнихъ международныхъ выгодъ, хотя бы только кажущихся и отдаленныхъ. Не отъ избытка предпримчивости и производства беремся мы снабжать иностранные рынки; наше крупное купечество остается неподвижнымъ и требуетъ только одного—устраненія заграничной конкуренціи въ предѣлахъ Россіи, такъ какъ русская промышленность еще не завладѣла даже внутреннимъ спросомъ; но публицисты-патріоты волнуются по поводу того, что внѣ русскихъ границъ англичане или нѣмцы займутся прибыльными дѣлами, которыхъ не могутъ взять въ свои руки наши русскіе предприниматели. Чтобы возмѣстить недостатокъ личнаго интереса и почина со стороны промышленниковъ, про-

¹⁾ Современныя сельско-хозяйственныя вопросы, А. С. Ермолова, изд. I. Москва, 1891, стр. 144.

тектіонисты привлекаютъ къ дѣлу казну, т.-е. плательщиковъ податей, совѣтуютъ затратить милліоны для привлеченія русской торговли туда, гдѣ нѣтъ для нея реальной почвы, и придумываютъ разныя приманки, въ родѣ денежныхъ субсидій, премій и льготъ. Какъ поощряется вывозъ хлѣба, нужнаго намъ самимъ, такъ поддерживается и усиленный отпускъ прочихъ товаровъ въ чужіе и далекіе края, отчасти на казенный и общественный счетъ. Любопытнымъ примѣромъ подобной односторонности можетъ служить вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ съ Персією, довольно часто обсуждаемый въ нашей печати. Объ этомъ вопросѣ сообщаются поучительныя свѣденія въ брошюрѣ г. Романова ¹⁾, вполне отражающей въ себѣ господствующія у насъ идеи экономической политики.

Извѣстно, что до 1883 года европейскіе товары доставлялись въ Персію черезъ Закавказье, гдѣ за ихъ пропускъ не взымалось никакихъ пошлинъ; эта транзитная торговля оживляла мѣстную промышленную жизнь и была источникомъ крупныхъ заработковъ для населенія. Въ то же время и русскіе продукты находили сбытъ въ Персіи, пользуясь преимуществомъ географической близости, насколько это допускали мѣстныя условія. Но промышленные патріоты рѣшили, что лучше было бы снабжать Персію одними русскими товарами, а для этого они видѣли простое средство въ запрещеніи провоза заграничныхъ произведеній черезъ Закавказье. Закрытіе кавказскаго транзита, какъ доказывалъ настойчиво Катковъ, должно было считаться неотложною государственною необходимостью. Чтѣ же вышло въ результатъ? Транзитная европейская торговля перешла изъ русскихъ предѣловъ въ пограничную турецкую область, оживила и подняла Трапезунтъ, въ ущербъ русскому побережью; Персія по прежнему получаетъ западно-европейскіе товары въ достаточномъ количествѣ, особенно моремъ, съ юга, и русская промышленность ничего не выиграла относительно персидскаго рынка. Отъ принятой запретительной мѣры, по мнѣнію г. Романова, „справедливо (?) ожидали въ свое время весьма замѣтныхъ результатовъ въ дѣлѣ развитія русскаго отпуска въ Персію, но нашъ отпускъ въ Персію весьма мало развился съ того времени“. А между тѣмъ „закрытіе беспошлиннаго транзита черезъ Закавказье сопровождалось для Россіи значительными денежными жертвами, и притомъ не одновременными, а ежегодными. Жертвы эти состоятъ въ потерѣ Закавказьемъ тѣхъ дохо-

¹⁾ Желѣзнодорожный вопросъ въ Персіи и мѣры къ развитію русско-персидской торговли. Спб., 1891.

довъ, которые оно получало отъ перевозки транзитныхъ грузовъ“. По приблизительному разсчету, „перевозка грузовъ изъ Поты въ Тавризъ и обратно доставляла населенію Закавказья ежегодныхъ прибылей отъ 800 т. до 900 тыс. р.; съ продолженіемъ же потифлисской желѣзной дороги до Баку, чистый доходъ отъ перевозки транзитныхъ грузовъ несомнѣнно составилъ бы не менѣе, а по всей вѣроятности и болѣе 1 милліона р. Это составляетъ ежегодную нашу жертву на пользу развитія нашего отпуса въ Персію“; тѣмъ не менѣе „отпускъ нашъ въ эту страну развивается очень медленно“.

Казалось бы, что отказъ отъ значительныхъ непосредственныхъ выгодъ ради будущаго увеличенія отпускной торговли долженъ былъ сопровождаться увѣренностью въ достижимости предположенной цѣли; но изъ брошюры г. Романова мы узнаемъ, что не было даже первыхъ элементарныхъ условій успѣха, такъ какъ турецкій путь—отъ Трапезунта до Тавриза—устроенъ несравненно лучше, чѣмъ русская дорога, и хорошая организація транспортнаго дѣла „очень облегчаетъ ввозъ этимъ путемъ въ Персію иностранныхъ товаровъ“. Наоборотъ,—говоритъ авторъ, — „путь, по которому совершаются торговые сношенія Россіи съ Тавризомъ, — находится въ очень плохомъ состояніи“. Дорога, пролегающая частью по русской территоріи, „принадлежитъ къ самымъ плохимъ, даже между персидскими дорогами“. Г. Романовъ весьма ярко изображаетъ качества и особенности этого пути: „Непролазная грязь характеризуетъ этотъ участокъ во всякое время года; мѣстами дорога представляетъ собою наполненную жидкою грязью глубокую канаву. Далѣе дорога входитъ въ ущелье, непрерывно поднимаясь, на протяженіи 30 верстъ, часто очень круто, на высоту шести-семи тысячъ футовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ образующія ущелье скалы тѣсно сдвигаются; дорога по импровизированнымъ возчикамъ, готовымъ ежеминутно обрушиться, мостамъ, нѣсколько разъ переходить съ одного берега на другой. Вьюки и даже ноги всадниковъ задѣваютъ и бьются о скалы,—такъ узка въ этомъ мѣстѣ висѣщая надъ пропастью дорога. Нерѣдки случаи, что выбившіяся изъ силъ животныя и даже люди обрываются и гибнутъ“. Вслѣдствіе дурной дороги „значительный процентъ транспортируемыхъ товаровъ повреждается; такъ, при перевозкѣ идущаго изъ Россіи сахара, до 10% перетирается, отъ ударовъ вьюковъ о скалы, въ порошокъ“. Продолжительность доставки и значительныя колебанія провозной платы дѣлаютъ затруднительными правильные торговые разсчеты. Коммиссіонное дѣло на этомъ пути вовсе не организовано. „Таково состояніе пути

изъ Россіи къ наиболѣе важному въ торговомъ отношеніи городу сѣверной Персіи, къ ея оптовому складу, въ которомъ сперва сосредоточивается большинство покупаемыхъ товаровъ и откуда они распределяются по мѣстамъ назначенія“ (стр. 19—20).

Почему же люди, столь энергически домогавшіеся устраненія заграничной конкуренціи, не позаботились предварительно объ устройствѣ путей сообщенія, безъ которыхъ развитіе торговли невозможно? вмѣсто того, чтобы упразднить кавказскій транзитъ, было бы гораздо разумнѣе употреблять часть доходовъ съ этого транзита на устраненіе опасностей и неудобствъ той русско-персидской дороги, по которой должны были двинуться будто бы русскіе товары въ Персію. Промышленный патріотизмъ получилъ бы тогда примѣненіе въ полезномъ практическомъ дѣлѣ, а не въ пустыхъ раздражающихъ фразахъ и убыточныхъ запретительныхъ мѣрахъ. Крупная жертва принесена и ежегодно приносятся населеніемъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было; нашъ отпускъ въ Персію не только не увеличился съ закрытіемъ кавказскаго транзита, но даже замѣтно ослабѣлъ, если не считать сахара, вывозъ котораго оплачивался значительной преміею изъ казны. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ русскій вывозъ въ Персію составлялъ около 3,2 милл. р.; въ 1882 году вывезено товаровъ, кромѣ сахара, на 4,2 милл. р.; въ 1883 г. отпускъ понизился, и затѣмъ все время до 1890 года онъ колебался въ предѣлахъ между 3,2 милл. р. и 3,6 милл. р. Такимъ образомъ,—недоумѣваетъ г. Романовъ,— даже такая мѣра, какъ закрытіе европейскаго транзита черезъ Закавказье, которая, казалось бы (?), должна была очень облегчить доступъ русскимъ товарамъ на рынки сѣверной Персіи, не имѣла послѣдствіемъ увеличенія нашего отпуска (кромѣ сахара), а только дала ему (будто бы) возможность удержаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на одномъ уровнѣ“, т.-е., проще говоря, не произвела никакого „поощрительнаго“ дѣйствія, вопреки всѣмъ увѣреніямъ и предсказаніямъ патріотовъ. Зато вывозъ сахара сразу превысилъ всю сумму нашего отпуска, когда въ 1886 году назначена была премія въ 80 коп. за пудъ, сверхъ возврата акциза; русскіе производители всегда предпочитаютъ получать даровыя казенныя деньги въ видѣ прибыли, вмѣсто того, чтобы заботиться о расширеніи спроса и потребленія. Въ силу обычной у насъ податливости по отношенію къ требованіямъ и ходатайствамъ промышленниковъ, сахарозаводчиковъ стали даромъ выдавать изъ казны по полтора рубля за каждый пудъ вывозимаго въ Персію сахара, и благодаря этому обстоятельству общія цифры

русско-персидскихъ оборотовъ за послѣдніе годы представляются болѣе значительными. Въ 1884 году вывезено было сахару всего на 600 тысячъ, а въ 1888—почти на $5\frac{1}{2}$ милл. р., болѣе 60% всего отпуска, или въ полтора раза больше, чѣмъ всѣхъ прочихъ товаровъ въ совокупности. Въ 1889 году отпускъ русскихъ товаровъ въ Персію достигаетъ 8.820.000 р. кред.; изъ нихъ одного сахара на 5.400.000 р., бумажныхъ тканей—менѣе чѣмъ на полтора милліона, а фабрично-заводскихъ издѣлій—на какія-нибудь сотни тысячъ рублей. Въ 1890 году отпускъ русскаго сахара въ Персію возросъ даже до $7\frac{1}{2}$ милл., въ ожиданіи предстоявшаго прекращенія преміи, такъ что въ этомъ году выдано сахарозаводчикамъ изъ казны около $2\frac{1}{4}$ милл. руб. за снабженіе персовъ сахаромъ. Привозъ же товаровъ въ Россію изъ Персіи составляетъ гораздо большую сумму, чѣмъ вывозъ, а именно—на 11.650.000 р. кред. (въ 1889 г.), безъ всякихъ искусственныхъ поощреній и жертвъ со стороны персидскаго правительства; притомъ ввозятся къ намъ не одни сырые продукты, но и мануфактурные, напр. ковры и другія шерстяныя издѣлія, шали, хлопчато-бумажныя ткани, шолкъ и т. п. Соперничество съ англичанами окончилось неудачей; англійскіе фабриканты хлопчато-бумажныхъ издѣлій сохранили за собою персидскій рынокъ, и привозъ въ Персію русскихъ произведеній этого рода понизился: въ 1888 году онъ доходилъ до 1,8 милл. р., въ 1889 г. не превышалъ уже 1,4 милл. р., а въ 1890 году дошелъ до 1,3 милл. р. Русскія бумажныя ткани совершенно вытѣснены англійскими въ Тавризѣ. „Если принять во вниманіе,—говоритъ г. Романовъ,—съ одной стороны, всѣ выгоды географическаго положенія Россіи по отношенію къ Тавризу, а съ другой—длину пути, который приходится товарамъ нашихъ конкурентовъ проходить отъ Трапезунта до Тавриза (30 дней), и стоимость доставки по этому послѣднему пути (около полутора рубля кред. съ пуда, не считая расходовъ доставки моремъ), то результаты конкуренціи по ввозу товаровъ на тавризскій рынокъ оказываются плачевными“.

Виноваты въ этомъ, конечно, иностранцы, и вся наша бѣда въ томъ, что мы не можемъ запретить имъ дѣйствовать по своему вѣдѣнію въ Россіи. Закрыть имъ путь черезъ Закавказье было въ нашей власти; но наши запрещенія не распространяются на чужія государства и моря, и нѣкоторые протекціонисты наивно жалуются на это неудобное обстоятельство. Во многихъ мѣстахъ брошюры г. Романова проглядываетъ именно сожалѣніе о невозможности примѣнить къ иноземнымъ соперникамъ запретительныя

мѣропріятія, которыми столь легко и просто разрѣшаются у насъ всякіе сложные и трудные вопросы. Причина слабаго развитія русско-персидскихъ торговыхъ сношеній, по мнѣнію названнаго автора, „заключается главнымъ образомъ въ громадной конкуренціи, которую встрѣчаетъ въ Персіи русская торговля со стороны другихъ государствъ, посылающихъ туда свои произведенія съ сѣверо-запада, запада и въ особенности съ юга. Успѣхъ же этой конкуренціи обусловливается тѣмъ, что иностранцы ранѣе насъ водворились на персидскихъ рынкахъ и, основательно изучивъ условія рынка, успѣли поставить дѣло торговли болѣе прочно, чѣмъ мы; въ этомъ ихъ сила и наша слабость“ (стр. 3). Различныя обстоятельства мѣшаютъ русской торговлѣ въ чужихъ странахъ; „такое же неблагоприятное дѣйствіе на нашъ привозъ, — повторяетъ г. Романовъ, — оказываетъ все возрастающая торговая конкуренція въ Персіи со стороны другихъ государствъ. Поэтому, если не будутъ приняты мѣры къ развитію въ этой странѣ нашей ввозной торговли, то въ будущемъ надо предвидѣть не увеличеніе, а напротивъ, уменьшеніе нашего отпуска въ Персію“ (стр. 34). Авторъ сознается, что „нами ничего не сдѣлано для улучшенія тѣхъ персидскихъ портовъ, чрезъ которые мы ввозимъ въ Персію наши произведенія, и тѣхъ путей сообщенія, по которымъ они направляются внутрь страны, и вообще не принято необходимыхъ мѣръ къ облегченію и развитію въ этой странѣ нашей торговли“ (тамъ же). До настоящаго времени „главными дѣятелями въ нашей торговлѣ съ Персією были не русскіе купцы (они до сихъ поръ, къ сожалѣнію, вносятъ еще очень мало инициативы въ дѣло торговли съ Персією), а персіане и армяне, которые привозятъ къ намъ въ Россію персидское сырье и закупаютъ для вывоза въ Персію наши произведенія“. Г. Романовъ убѣжденъ въ „настоятельной необходимости“ принятія извѣстныхъ мѣръ „къ удешевленію доставки русскихъ товаровъ на персидскіе рынки и вообще къ развитію русско-персидской торговли, и притомъ такихъ мѣръ, отъ которыхъ можно ожидать выгодъ въ ближайшемъ времени“ (стр. 52). Не останавливаясь на разборѣ мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ, замѣтимъ только, что нѣкоторые изъ нихъ потребовали бы крупныхъ денежныхъ затратъ, нисколько не оправдываемыхъ дѣйствительнымъ значеніемъ и характеромъ нашей торговли съ Персією.

Что считается желательнымъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Персією и съ другими азіатскими государствами? Протекціонисты имѣютъ, конечно, въ виду усиленіе отпуска нашихъ фабричныхъ и заводскихъ издѣлій; другого смысла не могутъ имѣть обыч-

ные разговоры о торговомъ соперничествѣ съ англичанами. Относительно вывоза сырыхъ продуктовъ не могло бы быть и рѣчи объ англійской конкуренціи; въ этой области не требовалось бы намъ никакого искусственнаго поощренія. Между тѣмъ въ дѣйствительности главнѣйшими предметами нашего отпуска по всей азіатской границѣ являются именно сырые продукты, въ громадной массѣ которыхъ почти совершенно исчезаютъ ничтожныя количества вывозимыхъ фабрично-заводскихъ произведеній. По кавказской границѣ въ 1890 году вывезено всего на 69¹/₂ милл. р., въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ на 31¹/₂ милліона, сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 35¹/₄ милл., а издѣлій—только на 2¹/₂ милліона. По всей азіатской границѣ отпускъ нашъ въ 1890 году составлялъ сумму въ 78 милліоновъ рублей; жизненныхъ припасовъ, сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ вывезено на 70.836.379 р., а издѣлій—всего на 6.802.581 р.,—меньше десятой доли. Въ частности нашъ отпускъ въ Персію въ 1890 году опредѣляется цифрой 10.896.000 рублей; жизненныхъ припасовъ (въ томъ числѣ и сахара), сырья и животныхъ вывезено на 8.524.000 р., а издѣлій—всего на 2.371.000 р., т.-е. немногимъ больше пятой части всего отпуска. Притомъ вывозъ сырья увеличивается въ сравненіи съ предшествовавшими годами, а отпускъ фабрично-заводскихъ издѣлій сокращается ¹⁾. Эти цифры вполне наглядно подтверждаютъ ту несомнѣнную истину, которая почему-то ускользнула отъ вниманія нашихъ доктринеровъ протекціонизма, а именно, что вывозить можно лишь предметы, производимые страной въ изобиліи, а не такіе товары, которыхъ мы сами производимъ еще слишкомъ мало сравнительно съ размѣрами возможнаго внутренняго потребленія.

Параллель, проводимая обыкновенно между Англіею и Россіею по отношенію къ международной азіатской торговлѣ, имѣетъ въ своей основѣ весьма важную ошибку. Англичане ищутъ помѣщенія для избытковъ своего фабрично-заводскаго производства, которое у нихъ рассчитано на вывозъ; а наши фабрики и заводы не доросли даже до уровня внутренняго спроса и нуждаются еще въ искусственномъ огражденіи отъ иностранной конкуренціи, чтобы существовать сносно у себя дома, какъ доказываютъ сами протекціонисты. Зато мы производимъ избытки сырья, и для нихъ мы всегда имѣемъ готовые рынки. Такъ же точно въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ по азіатской границѣ главнѣйшую роль

¹⁾ См. „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“, 1892, № 2, стр. 81—86: „Внѣшняя торговля Россіи по азіатской границѣ въ 1890 году“.

играють сырые продукты. Гдѣ же тутъ почва для соперничества съ англійскими мануфактурами и для пресловутой борьбы за торговое преобладаніе въ Персіи и въ другихъ странахъ? Зачѣмъ намъ непременно вывозить то, чего у насъ самихъ оказывается еще слишкомъ мало? Пусть разовьется фабрично-заводская промышленность настолько, чтобы явилась надобность въ заграничномъ сбытѣ, и тогда можно будетъ толковать о способахъ обезпеченія за нами иноземныхъ рынковъ. Это время наступитъ не скоро, такъ какъ возрастающія потребности сто-милліоннаго русскаго населенія долго еще будутъ давать вполне достаточную пищу для производительной дѣятельности нашихъ фабрично-заводскихъ предпринимателей. Нужно прежде достигнуть такого положенія, чтобы промышленность стояла на высотѣ своей задачи внутри страны и обходилась безъ казенныхъ подпорокъ и поддержекъ; а для этого необходимо облегчить и улучшить общее экономическое состояніе народа, дать ему доступъ къ знанію и свѣту, устранить преграды къ нормальному развитію его хозяйственной и умственной жизни. Пока нѣтъ этихъ условій, фабрично-заводское дѣло не можетъ укрѣпиться; а пока оно не укрѣпилось, нельзя говорить серьезно о недостаточности для него внутренняго рынка. Промышленная борьба съ Англіею, о которой такъ много разсуждаютъ близорукіе патріоты, есть не что иное какъ фантазмагорія, сбивающая нашу экономическую политику на ложный путь.

Для усиленія нашего вывоза въ чужую страну—Персію—мы лишаемъ значительныхъ выгодъ нашу собственную область, Закавказье, и отдаемъ сахарозаводчикамъ до двухъ милліоновъ податныхъ денегъ безвозвратно. Мало того,—доброжелательные люди, какъ г. Романовъ, предлагаютъ дѣлать еще дальнѣйшія и болѣе крупныя затраты для развитія русско-персидской торговли. Но еслибы кто-нибудь предложилъ употребить эти же средства для поднятія и оживленія промышленныхъ оборотовъ въ пензенской или саратовской губерніи, то подобная мысль едва ли могла бы рассчитывать на вниманіе. Никому не приходило еще въ голову требовать назначенія денежныхъ премій за продажу сахара по дешевой цѣнѣ пензенскимъ или саратовскимъ крестьянамъ. Чѣмъ же однако пензенская или саратовская губернія хуже Персіи, и почему персидскіе потребители заслуживаютъ большей заботливости съ нашей стороны, чѣмъ милліоны нашихъ русскихъ обывателей? Напомнемъ, что сахаръ вывозится въ Персію и вообще за границу для устраненія излишнихъ запасовъ этого продукта на внутреннемъ рынкѣ, въ видахъ поддержанія высокихъ цѣнъ въ

предѣлахъ Россіи; таковъ прямой смыслъ официальной стачки сахарозаводчиковъ, устроенной въ 1887 году. Не странно ли платить сахарозаводчикамъ казенныя деньги въ награду за дѣйствія, направленные противъ интересовъ русскихъ потребителей? Нѣкоторые благонамѣренные публицисты выражаютъ безпокойство по поводу того, что голодающіе производители хлѣба могутъ смотрѣть на продовольственную ссуду, какъ на даровое, безвозвратное пособіе, и въ газетахъ извѣстнаго типа весьма краснорѣчиво разъясняется мнимая опасность такихъ даровыхъ раздачъ; но эти почтенные патріоты не видятъ никакого неудобства въ даровой, безвозвратной раздачѣ нѣсколькихъ милліоновъ въ годъ производителямъ сахара, за вывозъ излишковъ продукта за границу.

Многіе думаютъ, что безъ субсидій и льготъ погибнетъ данная отрасль промышленности и что, напримѣръ, русско-персидская торговля, предоставленная самой себѣ, можетъ уничтожиться или сократиться. Но это послѣднее предположеніе какъ нельзя яснѣе опровергается тѣмъ фактомъ, что привозъ товаровъ изъ Персіи въ Россію, не поощряемый субсидіями или преміями, значительно превышаетъ нашъ отпускъ, даже включая сахаръ, вывозимый исключительно благодаря содѣйствію казны. Очевидно, естественныя условія обѣихъ пограничныхъ странъ способствуютъ постоянному и правильному международному обмѣну товаровъ, помимо всякихъ покровительственныхъ мѣръ. Внѣшніе торговые обороты имѣютъ въ сущности характеръ обмѣна: вывозъ большею частью мечетъ за собою привозъ, и обратно, такъ что цифры нашего отпуска въ Персію не могли бы значительно отстать отъ размѣровъ персидскаго ввоза. Въ одномъ мѣстѣ брошюры г. Романова упоминается, что вслѣдствіе недостатка денежныхъ знаковъ въ странѣ иностранные торговые дома ведутъ дѣла на началахъ мѣновой торговли, т.-е. соединяютъ привозъ съ вывозомъ; „для русской торговли—прибавляетъ авторъ—соединеніе въ однихъ рукахъ ввоза съ привозомъ еще необходимѣе“ (стр. 63—64). Возможность такого соединенія прямо свидѣтельствуетъ о взаимномъ соотвѣтствіи и зависимости между привозомъ и отпускомъ: сторона покупающая неизбежно и продаетъ, уравнивая первыя операціи вторыми, и скорѣе можно опасаться разоренія отъ чрезмѣрныхъ продажъ, чѣмъ отъ излишнихъ и постоянныхъ покупокъ, ибо люди продаютъ часто необходимое по нуждѣ, а покупаютъ отъ избытка или для производительной цѣли, если дѣло идетъ не о хлѣбѣ. Поэтому, дѣлая усилія и затраты на поощреніе нашего отпуска въ Персію, мы просто выбрасываемъ употребленныя средства за окно. Торговля шла бы своимъ обычнымъ пу-

темъ и, быть можетъ, еще въ большихъ размѣрахъ, при сохраненіи европейскаго транзита черезъ Закавказье, такъ какъ торговое оживленіе въ этой области отразилось бы и на оборотахъ съ пограничными землями; наши фабричныя и заводскія издѣлія направлялись бы въ Персію въ столь же малыхъ количествахъ, какъ и теперь, но прибыль отъ ихъ сбыта не была бы результатомъ жертвы, превышающей ее по цѣнности и значенію; а что касается вывозимаго сахара, то онъ могъ бы спокойно оставаться дома для пользы русскихъ потребителей, вмѣстѣ съ тѣми миллионами рублей, которые выдаются въ видѣ преміи за вывозъ и для которыхъ нашлось бы несравненно болѣе нужное примѣненіе.

Протекціонизмъ, заставляющій насъ хлопотать о персидскихъ и прочихъ иностранныхъ рынкахъ, есть протекціонизмъ ложный, основанный на цѣломъ рядѣ недоразумѣній; онъ приноситъ намъ постоянные матеріальные убытки и недочеты, отвлекаетъ промышленную дѣятельность отъ ближайшихъ ея задачъ, отдаляетъ экономическую и финансовую политику отъ дѣйствительныхъ потребностей и нуждъ населенія. Мы заботимся о снабженіи Персіи русскими товарами, когда у насъ есть наши собственные Персіи, до которыхъ еще не доходятъ плоды нашей же промышленной производительности. Недавно въ газетахъ велась полемика по вопросу о предполагаемомъ закрытіи порто-франко въ Владивостокѣ, въ виду обычныхъ жалобъ нашего купечества на вредъ иностранной конкуренціи. Даже публицисты „Гражданина“ рѣшительно возражали противъ удовлетворенія ходатайства нашихъ коммерсантовъ, указывая на насущные интересы Восточной Сибири, требующіе совсѣмъ другого рода мѣръ; одинъ изъ земскихъ начальниковъ, хорошо знакомый съ положеніемъ этого обширнаго края, заявлялъ въ названномъ органѣ, что сносная человѣческая жизнь сдѣлалась бы тамъ почти невозможною для людей небогатыхъ, ибо никакихъ мѣстныхъ произведеній тамъ нѣтъ, а стоимость продуктовъ, доставляемыхъ туда съ нижегородской ярмарки, достигнетъ еще большихъ размѣровъ, чѣмъ теперь. „Золотые промыслы амурской и забайкальской областей пользуются желѣзомъ, всѣми машинными частями и принадлежностями изъ Швеціи, тогда какъ отъ нихъ въ восемь разъ ближе уральскіе заводы. На первый разъ это кажется дико; но когда узнаешь, что провозъ пуда металла моремъ вокругъ свѣта изъ Стокгольма до Николаевска обходится въ полтора раза дешевле, чѣмъ изъ Екатеринбурга до Читы, то чувство патріотизма замолкаетъ“. А намъ предлагаютъ еще соперничать съ англичанами въ дѣлѣ оживленія торговли съ Персіею! „Положимъ, — говоритъ газета „Кавказъ“,

— что русскому купечеству, собравшемуся на нижегородской ярмаркѣ, удалось бы добиться закрытія порто-франко въ Владивостокѣ. Развѣ это усилило бы несуществующій сбытъ туда русскихъ товаровъ, при томъ условіи, что сухопутная доставка послѣднихъ обойдется чуть ли не 10 р. за пудъ? А заводить свои океанскіе пароходы, ради удешевленія перевозки, москвичи не желаютъ, ибо отцы и дѣды ихъ никогда этимъ не занимались... Такимъ образомъ, главною причиною отсутствія русской торговли въ Владивостокѣ является нежеланіе русскихъ купцовъ торговать въ Владивостокѣ; — а въ такомъ случаѣ какую же пользу принесетъ для русской торговли закрытіе порто-франко? Оно только произведетъ искусственную дороговизну въ нашихъ тихоокеанскихъ владѣніяхъ и сдѣлаетъ еще болѣе тягостною жизнь служащихъ и колонистовъ, водворяющихся въ этой окраинѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что соображенія о пользахъ большинства населенія не входятъ вовсе въ систему купеческаго протекціонизма. Зачѣмъ станутъ наши промышленные дѣятели придумывать способы организации производства и сбыта товаровъ на нашемъ далекомъ востокѣ, если можно получать льготы и преміи за вывозъ этихъ товаровъ въ Персію или въ другія пограничныя государства? Отпускъ въ тобольскую губернію или въ Амурскій край не пользуется покровительствомъ, хотя онъ неизмѣримо важнѣе и полезнѣе для страны, чѣмъ вывозъ въ чужія владѣнія. Устройство торговыхъ связей съ нашими собственными отдаленными рынками отодвигается на задній планъ подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій о преимуществахъ заграничнаго сбыта продуктовъ. Внутри страны рекомендуется лишь запрещеніе или стѣсненіе иностраннаго привоза, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда внутреннее производство является вполне несостоятельнымъ и безсильнымъ. Нѣтъ ничего легче, какъ запрещать и стѣснять; никакой творческой самостоятельной работы для этого не требуется, а создать себѣ монополію такимъ легкимъ способомъ — всегда выгодно и заманчиво.

Подобно тому, какъ невѣрно понятый протекціонизмъ приводитъ къ ненужной и вредной погонѣ за чужими рынками въ ущербъ своимъ собственнымъ, точно также и внутренняя охрана промышленности ставитъ себѣ цѣли, несовмѣстимыя съ дѣйствительными успѣхами промышленнаго развитія. Высокія таможенныя пошлины установлены для обезпеченія фабрикъ и заводовъ отъ иностранной конкуренціи; фабрики и заводы не могутъ дѣйствовать и развиваться безъ дешеваго и доступнаго каменнаго угля; но въ свою очередь и добываніе у насъ каменнаго угля нуж-

дается будто бы въ охранѣ отъ англійскаго привоза, такъ что послѣдовательная цѣпь огражденій кончается подрывомъ самаго источника фабрично-заводской производительной силы. Увлекаясь важнымъ значеніемъ каменноугольной промышленности, протекціонисты забываютъ уже свою исходную руководящую мысль о поощреніи фабрикъ и заводовъ; они какъ будто допускаютъ отсрочку или стѣсненіе ихъ развитія, въ ожиданіи будущаго полнаго расцвѣта русскаго каменноугольнаго дѣла. На привозный уголь наложена пошлина, и доступъ его затрудненъ; иностранные суда, приходившія за нашимъ сырьемъ, доставляли прежде уголь вмѣсто балласта, а теперь они являются съ грузами песка, которыми по необходимости засоряются входы въ наши гавани. Охраняемая каменноугольная промышленность не можетъ справиться съ спросомъ, по дальности разстояній и по дороговизнѣ желѣзнодорожныхъ сообщеній; въ свою очередь фабрики и заводы, охраняемые отъ иностранныхъ соперниковъ, подвергнуты всѣмъ случайностямъ нашего каменноугольнаго рынка и поставлены въ полную зависимость отъ обстоятельствъ и условій, не имѣющихъ ничего общаго съ правильнымъ и разумнымъ ходомъ промышленныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, все покровительство фабрично-заводскому дѣлу парализуется охранительными мѣропріятіями въ пользу каменноугольнаго промысла. Фабрики и заводы вынуждены обращаться къ нефтяному топливу, и охрана нашего каменнаго угля можетъ въ свою очередь оказаться безплодною;—въ результатъ ничего не выходитъ, кромѣ стѣпленія тягостей и неудобствъ. Протекціонисты, мечтавшіе о всеобщей охранѣ и возбужденіи русской производительности, не охранили ничего и стѣснили всѣхъ.

Въ своей книгѣ о „Толковомъ тарифѣ“ проф. Менделѣвъ защищаетъ пошлину на привозный уголь, при помощи обычныхъ неопредѣленныхъ фразъ. „Если впустить англійскій уголь свободно,—говоритъ онъ,—то это будетъ по-фритредерски, будетъ въ интересахъ немногихъ (?) родившихся потребителей, но будетъ неразумно для государства и прямо вредно для общечеловѣческаго развитія, и т. д. Пока ввозится англійскій уголь, добыча своего не можетъ развиваться въ должной мѣрѣ, и уголь не можетъ становиться дешевымъ“, и пр. Цифры и факты, сообщаемые самимъ авторомъ, прямо противорѣчатъ этимъ заключеніямъ. Добываніе каменнаго угля успѣшно развивалось у насъ ранѣе введенія охранительной пошлины въ (1884 году) и подвигается впередъ въ той же постепенности: въ 1876 г. было добыто всего 112 мил. пудовъ, въ 1879 г.—уже 176 м. п., въ 1881 г.—213 м. п., въ 1883 г.—243 м., въ 1885 г.—261 м. п., въ 1887 г.—

277 м. п., и т. д. Въ этомъ послѣдовательномъ движеніи дѣла совсѣмъ не обнаруживается вліяніе таможенной мѣры 1884 года. Если донецкому краю суждено превратиться въ „новую Англію“, въ центральный районъ всей промышленности Стараго свѣта, какъ предсказываетъ г. Менделѣвъ, то это можетъ быть достигнуто только энергіею и настойчивымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній, а никакъ не усыпляющимъ дѣйствіемъ таможеннаго покровительства. Тутъ нужны „сразу десятки милліоновъ“; но еще болѣе нужны качества, которыхъ нѣтъ у нашихъ каменноугольныхъ хозяевъ. Теперь же дѣло „очень мелко на Донцѣ, мало, мизерно, а потому и всѣ расчеты и приемы тамошнихъ дѣятелей мелки и нерасчетливы“; эти промышленники подобны дѣтямъ, „которые иногда очень монопольно пользуются своими правами,—на то они дѣти“; они „всѣмъ, чѣмъ можно, завладѣли, а о прочемъ, т.-е. о дальнѣйшемъ расширеніи способовъ сбыта, предоставляютъ думать другимъ“. И тѣмъ не менѣе, по обычной превратной логикѣ протекціонистовъ, главныя надежды возлагаются на таможенную политику: все дѣло будто бы въ томъ, чтобы явился періодъ, въ который привозъ иностраннаго угля задержался бы, а добыча своего угля особо усилилась ¹⁾. Болѣе опредѣленно, хотя отчасти и въ другомъ духѣ, высказывался проф. Менделѣвъ о нашемъ каменноугольномъ дѣлѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. „Недостатки нашей каменноугольной промышленности,—говорилъ онъ тогда,—заключаются главнымъ образомъ въ отсутствіи капиталовъ и въ отсутствіи искуснаго, умѣлаго соперничества съ иностранными продавцами угля. Я самъ былъ въ числѣ лицъ, которые считали нужнымъ оказать нѣкоторое покровительство каменноугольной промышленности. Но нельзя же сдѣлать большаго, потому что уголь—сырой матеріалъ, который нуженъ для другихъ производствъ, для торговаго движенія. Извѣстно, что если пошлина достигнетъ большей высоты, тотчасъ матеріалъ становится дороже. Нельзя же каменный уголь сдѣлать дорогимъ... Охранительной пошлины мало, необходима дешевизна угля и массовое его потребленіе. По моему мнѣнію, важнѣе всего то, что въ мѣсторожденіи угля недостаётъ техническаго развитія, нѣтъ еще многихъ отраслей промышленности, которые потребляли бы массы каменнаго угля“. Другими словами, должны пройти еще десятки лѣтъ, прежде чѣмъ наше каменноугольное дѣло разовьется до того, чтобы быть въ состояніи свободно удовлетворять фабрично-заводскому спросу, а пока во всякомъ случаѣ

¹⁾ „Толковій тарифъ“, вып. I, стр. 45—46, и вып. II, стр. 370—393.

фабрики и заводы должны быть стѣснены въ пользованіи англійскимъ углемъ. Одинъ изъ оппонентовъ г. Менделѣва напомнилъ, что въ нашу угольную промышленность вложено много капиталовъ совершенно непроизводительно, и что девять предприятий разстроилось вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія: производители вынуждены были продавать уголь по низкимъ цѣнамъ не съ тѣмъ, чтобы получать барыши, а чтобы только выручить тѣ расходы, которые произведены были на добычу угля ¹⁾. И каменноугольная промышленность не можетъ процвѣтать при слабости техническихъ знаній и при обычныхъ недостаткахъ, свойственныхъ всякому черезъ-чуръ поощряемому дѣлу: хищническая эксплуатація копей, постоянные угольные кризисы, невозможность своевременной доставки угля на фабрики и заводы другихъ мѣстностей, возрастающія притязанія и домогательства каменноугольныхъ дѣятелей, общая дороговизна угля, — все это неизбежные продукты покровительства, примѣненнаго ошибочно и некстати.

Даже самые рѣшительные приверженцы протекціонизма начинаютъ, повидимому, сознавать, что „охрана отечественной промышленности“ — формула слишкомъ неопредѣленная и эластичная, такъ что подъ ея прикрытіемъ могутъ систематически извращаться основы народнаго благосостоянія и развитія.

Л. Слонимскій.

¹⁾ Труды Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, т. XII. Спб., 1888, стр. 248—258. Интересный очеркъ нашей каменноугольной промышленности сдѣланъ въ извѣстной книгѣ Имп. Вольнаго Экон. Общества: „Ходатайства объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ“, Спб., 1890, стр. 178—202.

НОВАЯ ВАРІАЦІЯ НА СТАРУЮ ТЭМУ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ПУБЛИЦИСТУ РЕТРОГРАДНОЙ ПЕЧАТИ.

I.

Положимъ—ты уменъ; допустимъ даже—геній;
Коль мало этого, рѣшимъ,
Что ты въ сужденіяхъ своихъ—непогрѣшимъ;
Но мы-то, прочіе,—вѣдь также не безъ мнѣній;
И — худо ль мыслимъ, хорошо ль —
Ты наши мнѣнія намъ высказать дозвошь.
Другъ друга выслушавъ, поспоримъ и посудимъ,
Какъ образованнымъ приличествуетъ людямъ.
Одерживать, межъ тѣмъ, побѣды любишь ты,
Намъ просто зажимая рты.
Такъ спорить, можетъ быть,—легко, но неучтиво,
Да и къ тому жъ едва-ль умно.
Я знаю: пріобрѣсть у насъ не мудрено
Привычки дерзости кичливой.
Твоя наставница—московская печать,
Себя провозгласивъ главой газетной знати,
Учила отъ нея брезгливо отличать
„Разбойниковъ пера, мошенниковъ печати“.
Я знаю: ты плѣненъ тѣмъ въ жизни нашихъ дней,
Что ни одной черты въ ней рѣзкой не откроешь...
Я вспомнилъ скромную природу нашу; въ ней
Бываетъ вечеромъ спокойствіе такое жъ.
Недвижный прудъ заснулъ подъ отблескомъ зари;
Порой лишь зарябитъ поверхность кругъ случайный,

Да изрѣдка со дна всплываютъ пузыри—
 Нѣмые вѣстники какой-то жизни тайной,
 •Всплывутъ и лопнутъ; и опять—
 Какъ мертвая, тиха темнѣющая гладь.
 Тебя смиренностью такой же привлекаютъ
 Скрижали блѣдныя довѣрчивой души;
 На нихъ что хочешь, то пиши,
 Все съ благодарностью покорной принимаютъ...
Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель зрѣлыхъ лѣтъ ¹⁾,
 И бойся съ жизнію расплаты!
 Въ посланіи къ тебѣ благой подамъ совѣтъ
 Я—старецъ, опытомъ богатый.

II.

Нерѣдко слыхивалъ я въ дѣтскія лѣта
 Разсказы о творцѣ военныхъ поселеній.
 Вотъ онъ, дѣйствительно, казарменный былъ геній,—
 Не вамъ, теперешнимъ, чета.
 Казался бъ между васъ колоссомъ средь пигмеевъ
 Казенный нигилистъ, свирѣпый Аракчеевъ.
 Онъ разсуждалъ: хотъ будь семи пядей во лбу,
 Не потерплю противорѣчья!
 Ему—то звѣрю, то рабу —
 Была невѣдома природа человѣчья.
 Ни жалобъ, ни борьбы онъ не встрѣчалъ ни въ комъ;
 И на судьбу людей не могъ взирать иначе,
 Какъ на судьбу почтовой клячи,
 Всегда безмолвной подъ кнутомъ.
 Жестокость въ немъ росла, какъ въ часъ прилива море,
 И воля въюгою гуляла на просторѣ...
 Желанье выразилъ разъ деспотъ въ старину,
 Чтобъ голову имѣлъ народъ его одну;
 Желанье странное пришло къ нему не даромъ:
 Онъ обезглавилъ бы его однимъ ударомъ.
 Но не былъ фантазеръ російскій нашъ герой
 И не давалъ притомъ потачки;—
 Охотно весь народъ прогналъ бы онъ сквозь строй,
 Не торопясь, по одиначѣ.

¹⁾ Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой...

(Стихъ Лермонтова.)

Должно быть, часто онъ вздыхалъ: „Кабы мнѣ власть,
Ужъ я потѣшился бы всласть!“

Вошла намъ въ плоть и въ кровь имъ созданная школа.

Духъ Аракчеевскій, духъ дикій произвола

Средь дѣтскихъ игръ моихъ пугалъ меня не разъ;

Вотъ почему о немъ продлилъ я мой рассказъ.

И юности во мнѣ такъ живы впечатлѣнья!..

Какой-то сѣрый тонъ... нѣмая тишь да гладь...

Лишь громко заповѣдь звучить: „не разсуждать!“ —

Основа главная отечеству служенья.

Та жизнь мнѣ чудится, какъ плѣсень и застой,

Какъ прудъ, о коемъ здѣсь сейчасъ упоминалось,

Но только съ разницею той,
Что даже пузырѣмъ всплывать не разрѣшалось.

III.

Вотъ съ временемъ какимъ знакомы были мы.

Ужъ, кажется, чего рѣшительнѣй и строже!

Всѣ знали, что запретъ наложенъ на умы;

И чтó же!

Не обходилось, однако, безъ бѣды;

Порядка и тогда случались нарушенья.

Все гладко, чисто... Вдругъ, то здѣсь, то тамъ слѣды

Проявятся мысленья, —

И засоряется метеная стезя.

Запретовъ много есть; ихъ всѣхъ не перечислить;

Все можно выполнить, — лишь одного нельзя:

Коль мысли есть, нельзя не мыслить.

Ты возразишь мнѣ: „Да, но можно онѣмѣть.

Намъ думать про себя никто не воспрещаетъ.

Не мысль, а просто рѣчь свободная прельщаетъ,

Предъ суетной толпой звенящая какъ мѣдь“.

Нѣтъ! Не дѣйствительна людская мысль безъ слова,

И только смерть кладетъ безмолвія печать;

Сегодня мысль нѣма, а завтра будетъ снова

Во всеуслышанье вѣщать.

Бываетъ, что врагу сдается умъ безъ бою,

Не вѣдая стыда, не мучимый тоской.

Безъ принужденья, самъ собою

Онъ удаляется отъ жизни на покой.

Идутъ событія—въ порядкѣ ли согласномъ,
 Въ судьбу ли родины неся переполохъ—
 Умъ, обезсиленный покоемъ безучастнымъ,
 Не видитъ,—онъ ослѣпъ; не слышитъ,—онъ оглохъ.
 Смѣняется гоньбой за выгодою личной
 Великодушіе, такъ дружное съ умомъ;
 И слово глупое безчинствуетъ публично;
 Ему и лесть, и ложь, и подлость нипочемъ.
 Бывало такъ не разъ; теперь, пожалуй, будетъ...
 Но Аракчеевымъ причины все же нѣтъ
 Вѣнчаться лаврами побѣдъ.
 Что, если совѣсть умъ разбудить?
 Вѣдь онъ тогда, наперекоръ
 Ихъ ожиданьямъ и надеждѣ,
 Съ себя стряхнувъ наносный соръ,
 Воспрянетъ смѣлъ и чистъ, какъ прежде.
 Такъ снова на стѣнѣ являются порой,
 Въ былой красѣ и въ прежнемъ блескѣ,
 Когда-то грубою рукой
 Заштукатуренныя фрески...

IV.

Но я въ высокій слогъ пустился. Извини.
 Потребны для тебя лишь доводы одни.
 Чтобъ дани не платить невольной увлеченью,
 Я прямо приступлю теперь къ нравоученью...
 А впрочемъ, ежели ты логики не врагъ,
 Обоимъ безъ него намъ обойтись возможно;
 Придешь ты къ истинѣ простой и непреложной
 Безъ помощи чужой, самъ разсуждая такъ:
 „Походитъ нашъ народъ на прочіе народы;
 „Подумать, посудить не прочь подчасъ и онъ.
 „Хоть это въ немъ порокъ, но вмѣстѣ и законъ
 „Людской его природы.
 „Уму для жительства предѣловъ не дано;
 „Ему лишь былъ бы мозгъ, а чей онъ—все равно.
 „Хоть въ этомъ-то и вредъ, хоть я вполне увѣренъ,
 „Что миновала бы насъ всякая бѣда
 „При раздѣленіи труда:

„Я буду умница; ты будь благонамѣренъ...
 „Тогда бы всѣ дѣла пошли не на-авось,
 „А къ благу общему безспорно;
 „Хоть намъ безъ критики задорной
 „Едва ли хуже бы жилось;
 „И образъ мыслей быть превратенъ
 „Безъ мыслей могъ ли бы едва,—
 „Но вѣдь какъ солнце не безъ пятенъ,
 „Такъ не безъ мыслей голова“.

* * *

Погода сдѣлала затворникомъ меня.
 Морозы лютые, дыханье леденя,
 Смѣнили буйное неистовство метелей,—
 И такъ упорно шла недѣля за недѣлей.
 Сегодня—оттепель на солнцѣ; вѣтеръ стихъ
 И на окнѣ ужъ нѣтъ узоровъ ледяныхъ.
 Смотрю: живущая въ саду, сосѣдка дома,—
 Которая была мнѣ съ осени знакома,—
 Явилася опять синица у окна.
 Головку приподнявъ и прыгая, она
 Мнѣ прямо въ комнату, какъ прежде, заглянула:
 „А я-моль все еще жива“—и упорхнула.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

22 января 1892 г.

ПО ВОПРОСУ

О

ПРИЗРѢНІИ БѢДНЫХЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ одномъ изъ отдѣленій юридическаго общества въ прошедшемъ году былъ доложенъ рефератъ вообще о призрѣніи бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ. Намъ довольно близко извѣстна дѣятельность одного изъ здѣшнихъ благотворительныхъ обществъ, учрежденнаго девять лѣтъ тому назадъ; будучи членомъ этого общества, мы очень часто имѣли случай встрѣчаться съ бѣдняками, а потому желали бы высказаться по поводу вопроса, поднятаго упомянутымъ докладомъ проф. П. И. Георгіевскаго. Докладчикъ изложилъ краткую исторію благотворительности въ разныхъ европейскихъ столицахъ и привелъ статистическія данныя о количествѣ суммъ, ассигнуемыхъ въ разныхъ большихъ городахъ на благотворительное дѣло, и о количествѣ лицъ, пользующихся пособиями. Къ сожалѣнію, какъ справедливо замѣтилъ г. Георгіевскій, эти статистическія свѣденія далеко не удовлетворительны. Цифры, извѣстныя намъ, не даютъ понятія о дѣйствительномъ количествѣ призрѣваемыхъ бѣдняковъ и выражаютъ лишь огульное количество лицъ, обращающихся за помощью; поэтому въ сумму, изображаемую этими цифрами, одно лицо входитъ нѣсколько разъ.

Едва ли и возможно, впрочемъ, достигнуть въ этомъ дѣлѣ точныхъ статистическихъ данныхъ. Желая имѣть хотя бы приблизительную цифру бѣдняковъ, существующихъ, положимъ, въ С.-Петербургѣ, мы должны въ точности знать количество прошеній, которое поступаетъ на разсмотрѣніе всѣхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій хотя бы въ теченіе одного года. Изъ этого огромнаго количества прошеній намъ пришлось бы вычесть сумму прошеній однихъ и тѣхъ же

лицъ, и только разность показала бы намъ настоящее количество просителей. Но и этого еще мало: въ числѣ прошеній, подсчитанныхъ нами, оказались бы такія, которыя поданы людьми сравнительно не бѣдными. Наконецъ, существуютъ бѣдняки, пользующіеся благотворительностью отдѣльных частныхъ лицъ, а не обществъ или учреждений; о такихъ уже совсѣмъ нельзя ничего узнать. Итакъ, едва ли количество всѣхъ бѣдняковъ можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приблизительною точностью, какъ это ни желательно.

Относительно благотворительности въ С.-Петербургѣ докладчикъ указалъ на полное отсутствіе организаціи у насъ этого дѣла, вслѣдствіе чего мы тратимъ очень много средствъ на благотворительность, а результатовъ достигаемъ самыхъ ничтожныхъ и все-таки не избавляемся отъ туеядцевъ, для которыхъ нищенство есть своего рода профессія. П. И. Георгіевскій опредѣлилъ тѣ способы, которые, по его мнѣнію, могли бы наиболѣе раціонально послужить въ борьбѣ съ окружающей насъ дѣйствительною и мнимою нищетою. Какъ на образецъ такого разумнаго веденія дѣла благотворительности, докладчикъ сослался на извѣстный въ этомъ отношеніи нѣмецкій городокъ Эльберфельдъ, гдѣ съ успѣхомъ ведется борьба съ нищетою и оказывается помощь дѣйствительно нуждающимся, чрезъ что уменьшается и количество нищихъ по профессіи. Городъ Эльберфельдъ раздѣленъ на извѣстные благотворительные участки, имѣющіе своихъ попечителей, и эти участки такъ малы, что на каждого попечителя приходится не болѣе какъ по четыре бѣдныхъ семейства. Попечители каждого отдѣльнаго участка собираются одинъ разъ въ 14 дней и разбираютъ поданныя прошенія бѣдныхъ своего околотка. Попечитель знакомится близко съ нуждами своихъ бѣдняковъ, принимаетъ всѣ мѣры къ облегченію ихъ положенія и въ то же время даетъ отпоръ людямъ ненуждающимся, туеядцамъ, расчитывающимъ поживиться на чужой счетъ. Получая постоянно отказъ, профессиональные нищіе по неволѣ остаются неудовлетворенными и понемногу отвыкаютъ отъ попрошайничества; по крайней мѣрѣ количество ихъ начинаетъ уменьшаться. Затѣмъ, высшимъ факторомъ въ городѣ является центральное благотворительное бюро, въ которомъ сосредоточиваются всѣ свѣденія о бѣдныхъ города. Эти свѣденія доставляются въ бюро попечителями въ двухъ экземплярахъ. Одинъ экземпляръ бюро оставляетъ у себя, а другой отсылаетъ въ то учрежденіе или общество, которое должно оказать помощь. Это бюро служитъ центромъ, объединяющимъ всѣ благотворительныя общества и учрежденія. Каждому желающему могутъ быть розданы билеты съ обозначеніемъ адреса бюро, и вмѣсто подачи милостыни лицо, снабженное такимъ билетомъ, направляетъ нищаго прямо въ бюро.

Такова простая система оказанія помощи бѣднымъ, практикуемая въ Эльберфельдѣ; тамъ она принесла хорошіе плоды и теперь рекомендуется и Петербургу проф. П. И. Георгіевскимъ.

Общество, о которомъ мы упомянули выше, представляетъ нѣкоторое сходство въ своей организаціи съ системою эльберфельдскою. Это — „Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“. Возникло оно по инициативѣ А. С. Балицкой, написавшей уставъ его. Кружокъ лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, поддержалъ ее, и уставъ общества былъ утвержденъ въ концѣ февраля 1882 г. — ровно десять лѣтъ тому назадъ.

Цѣль общества — оказывать бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ г. С.-Петербурга всякаго рода помощь, но только однимъ дѣтямъ, минуя взрослыхъ. Несмотря на такое ограниченіе помощи, задача его все-таки крайне обширна и требуетъ многихъ работниковъ и крупныхъ матеріальныхъ средствъ. Общество заботится объ устройствѣ пріютовъ и школъ для здоровыхъ дѣтей, больницъ для хворыхъ; выдаетъ обувь, бѣлье, платье и пищу бѣдствующимъ малюткамъ; платитъ за ихъ обученіе въ разные пріюты и подобныя имъ учрежденія, за содержаніе ихъ у частныхъ лицъ и т. д., и т. д. Въ уставѣ общества дѣятельность его была опредѣлена въ общихъ чертахъ. Детали пришлось выработать впослѣдствіи. На первомъ же общемъ собраніи, состоявшемся 7-го мая 1882 г., было признано необходимымъ поручать лицамъ, желающимъ работать, наводить справки о положеніи бѣдныхъ семей, доводить объ этомъ до свѣденія комитета и оказывать бѣднякамъ посильную помощь. Такія лица получили названіе участковыхъ попечителей. Комитетъ состоитъ изъ лицъ, выбранныхъ общимъ собраніемъ членовъ. Онъ выработалъ инструкцію попечителямъ и выдалъ имъ особые билеты на право посѣщенія бѣдныхъ и оказываніе имъ помощи. На обязанности попечителя лежитъ, между прочимъ, останавливать нищенствующихъ дѣтей, оказывать имъ въ необходимыхъ случаяхъ помощь, стараться отвлечь ихъ отъ этой профессіи. Чтобы помощь, оказываемая обществомъ, принесла дѣйствительную пользу, было рѣшено не давать просителямъ денегъ на руки, а самимъ попечителямъ производить разныя уплаты и выдавать готовые вещи.

Имѣя въ виду, что мнѣніе одного попечителя можетъ быть неправильно или пристрастно, поручалось производить разслѣдованіе о положеніи каждой нуждающейся семьи двумъ попечителямъ. Сначала лица, выбранныя въ попечители, наводили справки о бѣдныхъ, не сообразуясь съ ихъ мѣстомъ жительства. Короче сказать, раздѣленія на участки сначала еще не существовало, вслѣдствіе недостатка въ работникахъ. Въ первое время существованія общества около

40 лицъ изъявило готовность идти въ попечители и бюджетъ простирался до 8.000 руб. Нечего и говорить, что какъ сумма денегъ, такъ и количество работниковъ были слишкомъ ничтожны для такого дѣла.

Въ скоромъ времени обнаружилось неудобство сосредоточенія всѣхъ прошеній въ одномъ комитетѣ, такъ какъ прошеній было много. Они поступали со всѣхъ концовъ города, и комитету невозможно было справиться съ своевременнымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого послѣдовало раздѣленіе города на благотворительныя участки, носящія названіе отдѣловъ общества. Такихъ отдѣловъ учредилось пять: 1) василеостровскій, для Васильевскаго Острова и Петербургской Стороны; 2) литейно-рождественскій, обнимавшій Пески, Выборгскую Сторону и нѣкоторые участки александровской ч.; 3) московско-наварскій, 4) коломенско-адмиралтейскій, и 5) спасско-казанскій. Это раздѣленіе удерживается до сихъ поръ. Членами отдѣловъ состоятъ попечители, живущіе въ той части города, бѣдняки которой обращаются къ нимъ. Но иногда поступаютъ въ члены отдѣла и лица, живущія въ другой части города. Попечители отдѣла собираются у лица, избраннаго ими своимъ предсѣдателемъ, одинъ разъ въ двѣ недѣли, слушаютъ прошенія своихъ бѣдняковъ, сообщаютъ добытыя ими о нихъ свѣденія и постановляютъ рѣшенія. Время отъ времени отдѣлы даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ комитету, о которомъ была уже рѣчь. На комитетѣ же лежитъ также обязанность приобрѣтать средства, такъ какъ онъ выдаетъ отдѣламъ ежемѣсячно суммы на расходы по благотворенію. Такъ какъ эти суммы не могутъ покрывать всѣхъ расходовъ отдѣловъ, то эти послѣдніе въ свою очередь также заботятся объ увеличеніи своихъ средствъ.

Число прошеній, поступающихъ ежегодно во всѣ отдѣлы, доходитъ до 2½ тысячъ. Кромѣ 5 отдѣловъ, образовавшихся, какъ сказано выше, вскорѣ послѣ учрежденія общества, открылся 6-й ремесленный отдѣлъ, завѣдующій спеціально опредѣленіемъ дѣтей въ мастерскія и состоящій изъ представителей всѣхъ пяти участковыхъ отдѣловъ. Въ настоящее время комитетъ ходатайствуетъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ открытіи еще одного отдѣла для защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія хозяевъ мастерскихъ, самихъ родителей, воспитателей и т. под.

Изъ годовичныхъ отчетовъ по дѣламъ общества можно усмотрѣть, что количество прошеній съ каждымъ годомъ все увеличивается, и это можно объяснить все большею и большею популярностію, приобретаемою обществомъ среди бѣднаго люда. Возьмемъ для примѣра нѣсколько цифръ, показывающихъ это увеличеніе; такъ: въ 1886 г. прошеній было 1041; въ 1887 г.—1410, въ 1889 г.—1996; въ 1890 г.—2541. Процентъ прошеній, оставленныхъ безъ послѣдствій, былъ

сначала очень невеликъ. Впослѣдствіи же, когда попечители строже стали относиться къ бѣднымъ и помогать только истинно нуждающимся, этотъ процентъ увеличился. Такъ, въ 1885 г. было оставлено 14,2% безъ послѣдствій; въ 1886 г.—13,8%; въ 1888 г.—12,4%; въ 1889 г.—16,8%, и въ 1890 г.—22,1%.

Хотя цѣль общества состоитъ въ оказаніи помощи исключительно дѣтямъ, но для пользы же послѣднихъ приходится иногда дѣлать отступленія отъ этого правила: напримѣръ, случается довольно часто уплачивать за квартиру бѣдняковъ, такъ какъ иначе они должны были бы вмѣстѣ съ дѣтьми очутиться на улицѣ. Самой существенной помощью для бѣдной семьи является опредѣленіе дѣтей куда-нибудь въ пріютъ или въ подобное тому учрежденіе. Но переполненіе пріютовъ доходить до того, что многимъ круглымъ сиротамъ приходится ждать вакансій годами. Впрочемъ, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ и на указаніяхъ опытныхъ педагоговъ, общество предпочитаетъ опредѣлять дѣтей въ небольшіе пріюты, устроенные на семейномъ началѣ, или содержать дѣтей въ порядочныхъ семьяхъ, гдѣ обстановка семьи лучше вліяетъ на ребенка въ воспитательномъ отношеніи, нежели въ большомъ пріютѣ, гдѣ ребенокъ совершенно отвыкаетъ отъ домашней жизни.

Число опредѣленныхъ обществомъ дѣтей приходящими въ школы и пріюты зашло теперь за 1000 человекъ. Большое подспорье въ данномъ случаѣ общество имѣетъ также въ городскихъ школахъ, учителя и въ особенности учительницы которыхъ тепло относятся къ членамъ общества и въ нуждающимся бѣднякамъ и съ готовностью оказываютъ съ своей стороны всякую, зависящую отъ нихъ, помощь. Пансіонерами общество опредѣлило болѣе 300 человекъ въ разные пріюты. Кромѣ того, до сотни дѣтей пристроено въ семьи за известную плату; около 400 дѣтей опредѣлено въ мастерскія; около 300 человекъ содержится въ учрежденіяхъ самого общества. Это все приблизительныя цифры, такъ какъ въ настоящее время у насъ въ рукахъ находятся отчеты только за послѣднія 5 лѣтъ.

Благодаря дружному и усердному содѣйствію членовъ и постоянныхъ лицъ, общество въ состояніи теперь расходовать въ годъ до 60.000 руб. на нужды бѣдныхъ дѣтей, и къ 1-му января 1891 г. имѣло въ приходѣ свыше 100.000 руб. Эти цифры, разумѣется, составляютъ все-таки самую ничтожную сумму въ сравненіи съ тою, которая необходима для удовлетворенія нуждъ маленькихъ бѣдняковъ нашей столицы. Но и при такихъ скромныхъ средствахъ общество могло открыть нѣсколько своихъ учреждений, такъ что въ настоящее время оно имѣетъ: а) 7 пріютовъ для здоровыхъ дѣтей, гдѣ большинство содержится безплатными пансіонерами, а меньшинство—за не-

большую плату; б) хроническую лечебницу; в) амбулаторію для бесплатныхъ совѣтовъ больнымъ дѣтямъ, съ даровою выдачею лекарствъ; г) убѣжище для дѣтей калѣкъ и паралитиковъ; д) два пріюта „Ясли“, открытыхъ при помощи фабрикантовъ для дневного пребыванія дѣтей фабричныхъ рабочихъ, и е) дѣтскую столовую, снабдившую съ 22-го апрѣля по 1-е декабря 1890 г. маленькихъ бѣдняковъ 8.735 бесплатными обѣдами и 1.127 бутылками молока.

Всѣ названныя учрежденія содержатся или на средства комитета, или самихъ отдѣловъ. Кажднымъ учрежденіемъ завѣдуетъ особая комитесса, состоящая изъ попечителей или тѣхъ членовъ общества, которые пожелаютъ трудами или матеріальными средствами содѣйствовать поддержанію и процвѣтанію учрежденія. Отдѣлъ, желающій открыть какое-нибудь учрежденіе, хотя бы и на свои средства, долженъ испросить на то разрѣшеніе комитета.

Каждый отдѣлъ старается завязать сношенія съ другими благотворительными обществами, находящимися въ его участіѣ. Такъ, литейно-рождественскій отдѣлъ много лѣтъ имѣетъ дѣло съ рождественскимъ попечительствомъ, цѣль котораго—помогать всѣмъ бѣднымъ жителямъ Песковъ. Оно имѣетъ свой пріютъ для дѣвочекъ, находящійся въ Лѣсномъ, и литейно-рождественскій отдѣлъ общества посылаетъ туда своихъ кандидатовъ за извѣстную плату, а нѣкоторые бесплатно. Такъ какъ рождественское попечительство помогаетъ также и взрослымъ, то иногда общество попеченія о дѣтяхъ направляетъ туда родителей своихъ опекаемыхъ, а рождественское попечительство обращается къ обществу попеченія о дѣтяхъ съ просьбою помочь маленькимъ бѣднымъ.

Желательно, конечно, было бы еще большее единеніе между всѣми благотворительными обществами, но его не легко достигнуть, такъ какъ каждое общество имѣетъ свою особую цѣль и своихъ членовъ.

При всемъ такомъ сходствѣ организаціи нашего общества попеченія о дѣтяхъ съ эльберфельдской системой, между ними есть и различіе. Первое различіе, конечно, заключается въ томъ, что система города Эльберфельда примѣняется къ призрѣнію всѣхъ бѣдныхъ вообще, а здѣшнее общество помогаетъ только дѣтямъ. Но болѣе существенно то различіе, что Эльберфельдъ раздѣленъ на очень малкіе благотворительные участки, такъ что на долю каждаго попечителя приходится не болѣе 4 семействъ; у насъ же, несмотря на ограниченіе помощи только дѣтьми, эти участки весьма крупны. На каждаго попечителя приходится нѣсколько улицъ и до 30 семействъ, живущихъ часто на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ попечителя.

Наше общество попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ не можетъ жаловаться на отсутствіе безкорыстныхъ работниковъ, но дѣло довольно обширно и требуетъ все больше и больше дѣятелей. А вѣдь должно сознаться, что помощь, оказываемая этимъ обществомъ, составляетъ одну только каплю въ томъ глубокомъ морѣ, которое изображаетъ собою общая бѣднота столицы. Кромѣ того, распредѣленіе бѣдныхъ по участкамъ столицы далеко не равномерно. Всегда въ нѣкоторыхъ частяхъ города ихъ бываетъ больше, нежели въ другихъ.

П. И. Георгіевскій совѣтовалъ еще держаться правила: помогать только тѣмъ бѣднымъ извѣстнаго участка, которые проживутъ въ немъ извѣстный срокъ. Это правило постоянно соблюдается первыми попечительствами. Но общество попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ не слѣдуетъ этому правилу, потому что трудно бѣдняку удержаться на одномъ мѣстѣ долгое время. Главное препятствіе состоитъ въ присканіи бѣдной семьей жилья. Хозяева квартиры, комнаты и угловъ, отдаваемыхъ бѣднякамъ, ищя въ виду, что они плохіе плательщики, берутъ съ нихъ большія деньги. Особенно поражаютъ своей дороговизной углы. Въ смрадномъ, полутемномъ, сыромъ подвалѣ грязнаго дома, пропитаннаго ужасной атмосферой, бѣдная семья платить за уголь отъ 2 до 3 руб. въ мѣсяцъ.

Болѣе всего въ дѣлѣ помощи бѣднымъ затрудняетъ не столько недостатокъ денегъ, сколько отсутствіе дѣятелей. Найти охотниковъ работать бываетъ гораздо труднѣе, нежели найти денежные средства. Человѣкъ богатый часто предпочтетъ вынуть изъ кармана извѣстную сумму денегъ, чѣмъ идти въ грязный подвалъ, говорить съ оборваннымъ бѣднякомъ, бѣгать по пріютамъ, школамъ и мастерскимъ для присканія мѣста нищему ребенку, или же заботиться объ экономномъ и разумномъ веденіи воспитательнаго и хозяйственнаго дѣла въ одномъ изъ благотворительныхъ учрежденій. Это далеко не всегда бываетъ весело. Небогатые же люди, или даже имѣющіе среднихъ размѣровъ доходы, по большей части сами заняты добываніемъ средствъ къ жизни, и досугъ рады провести дома, въ своей семьѣ, или попользоваться какимъ-нибудь удовольствіемъ. Женщины обыкновенно свободнѣе мужчинъ; вотъ почему большинство членовъ, работающихъ во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ, принадлежатъ женскому полу. Кромѣ того, женщины вообще болѣе мужчинъ склонны къ благотворительности. Имъ также болѣе свойственна любовь къ дѣтямъ.

Есть и другія причины, удерживающія многихъ отъ работы по благотворенію.

Нѣкоторые, сначала горячо относившіеся къ дѣлу, скоро охлаждали, вслѣдствіе обмановъ или другихъ дурныхъ поступковъ со

стороны ихъ бѣдняковъ. Такъ напр., ищетъ попечитель или почительница мѣсто, куда устроить ребенка; наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, одѣваетъ питомца съ ногъ до головы и опредѣляетъ. Въ скоромъ времени ребенокъ, не привыкшій дома ни къ какой дисциплинѣ, приученный къ полнѣйшему бездѣлю, бѣжитъ отъ новой, трудовой сравнительно жизни—домой, въ распущенную семью. Попечитель съ досады также бросаетъ свою работу. Но нужно вспомнить, что воспитаніе ребенка у бѣдныхъ, простыхъ родителей часто состоитъ въ колотушкахъ, въ бѣготѣ въ лавку и полной свободѣ. Такому ребенку легче вынести подчасъ побои родныхъ, нежели подчиниться на первыхъ же порахъ извѣстному режиму и регулярной работѣ. Съ новыми учениками содержателямъ мастерскихъ всегда приходится первое время изъ-за этого воевать. Но время и терпѣніе дѣлаютъ свое дѣло. Изъ лѣнивыхъ выходятъ нерѣдко впоследствии прилежно относящіеся къ дѣлу работники.

Попечители болѣе стойкіе не обращаютъ вниманія на такіа проѣлки, находя ихъ совершенно естественными. Большинство обращающихся за помощью исполнѣ ея заслуживаетъ. Большую часть составляютъ поденщики и поденщицы, получающіе отъ 20 до 50 к. въ день заработной платы и на это живущіе съ большой семьей. Иногда же и этого жалкаго заработка не бываетъ, по болѣзни или другимъ причинамъ. Нужно замѣтить, что большинство бѣдняковъ отличается плохимъ здоровьемъ. Часто бываетъ, что бѣднякъ радъ трудиться, да работы нѣтъ, и тогда наступаетъ для семьи полнѣйшая нищета, переворачивающая человѣческую душу. Въ такихъ случаяхъ самой насущной помощью является отысканіе мѣста или какой-нибудь работы горемыкѣ, что и случается иногда дѣлать обществу, хотя оно тутъ и отступаетъ нѣсколько отъ своей спеціальной задачи—помогать исключительно дѣтямъ.

Часто задаешь себѣ вопросъ: какъ и чѣмъ живутъ эти бѣдные люди? Только исполнѣ довольствуясь грязнымъ угломъ, платьемъ, которое на плечахъ, не имѣя ни ложки, ни плошки, можетъ человѣкъ мириться съ такою жизнью. Если со стороны такихъ лицъ и встрѣтишь иногда обманъ съ цѣлью больше получить, то можно и простить имъ, особенно если при этомъ вспомнить, какъ барыни со средствами иной разъ обманываютъ канцелярію по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и, живя чуть не въ палатахъ, прописываются въ дворницкихъ. Теперь такіе случаи довольно рѣдки; прежде же они частенько повторялись.

Большинство просителей—люди простого класса. Но есть и нѣсколько образованные. Нужно сознаться, что съ этими послѣдними гораздо больше заботъ и хлопотъ. Разъ дойдя до нищеты, они не

могутъ уже поправиться. Обыкновенно это—такая интеллигенція, или лучше сказать полу-интеллигенція, которая къ простому, тяжелому труду неспособна по физической слабости, а къ умственному—по недостатку образованія; претензій же у нихъ гораздо больше, нежели у совсѣмъ простаго человѣка. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ ихъ вполне жалкими и безпомощными.

Много горькихъ минутъ приходится испытывать попечителямъ во время хлопотъ и заботъ объ опекаемыхъ дѣтяхъ. Но зато велика и радость, когда какого-нибудь питомца доведешь до конца и сдѣлаешь человѣкомъ.

Въ первые годы существованія общества, да нерѣдко и теперь попечительницы и попечители останавливаютъ нищихъ дѣтей, спрашиваютъ адресъ и почти всегда получаютъ невѣрную справку о жительствѣ. Такъ боятся нищія дѣти, что ихъ куда-нибудь помѣстятъ. Нужно придти къ заключенію, что остановка нищихъ на улицахъ не ведетъ ни къ чему, а что только разумная организація дѣла призрѣнія бѣдныхъ можетъ уменьшить количество тунеядцевъ, эту язву общества.

Успѣшному ходу благотворенія мѣшаетъ подчасъ и недружелюбное отношеніе публики, мало посвященной въ это трудное дѣло. Если какое-нибудь благотворительное учрежденіе или общество не выдало въ желательномъ, довольно крупномъ иногда размѣрѣ, пособія, оно уже никуда, по мнѣнію такой публики, не годится. Она въ этомъ случаѣ рада, когда можетъ придратъся къ слабой сторонѣ сложнаго дѣла, и кланеть все учрежденіе.

Смѣшное и дурное подчасъ рѣзче бросается въ глаза, нежели полезное и разумное, и подхватывается съ большою радостью, въ особенности если это смѣшное изображается не безъ таланта. Примеромъ можетъ въ этомъ служить Д. В. Григоровичъ. Подмѣтивъ нѣсколько типовъ благотворителей, отличающихся не только смѣшными, но и отвратительными сторонами, онъ написалъ своихъ „Акробатовъ благотворительности“ и „Замшевыхъ людей“. Обѣ пародіи произвели свой эффектъ, и люди, имѣвшіе въ добрую минуту желаніе потрудиться на общее благо, прочитавъ г. Григоровича, придуть, можетъ быть, къ заключенію, что—не стѣять! Мы же скажемъ автору „Акробатовъ благотворительности“, что едва ли его приемы правильны. Во всякомъ словѣ общества и во всякой группѣ людей мы найдемъ достойныхъ порицанія и насмѣшки. Но едва ли будетъ справедливо клеймить за это всю группу. Въ мірѣ чиновниковъ, докторовъ, адвокатовъ, артистовъ и тѣхъ же писателей, къ средѣ которыхъ принадлежитъ и г. Григоровичъ, легко найти людей, подобныхъ И. И. Воскресенскому (герой „Акробатовъ благотворительности“)

молчалинскаго типа. Типъ карьериста, пробившаго себѣ дорогу низкопоклонничествомъ, едва ли можно встрѣтить исключительно на поприщѣ благотворительности.

Мы съ своей стороны желаемъ, чтобы у насъ больше и больше являлось работниковъ въ дѣлѣ благотворительности. Это необходимо какъ для общаго благосостоянія, такъ и для личнаго самоусовершенствованія. Человѣкъ, заботящійся только о себѣ, не вникающій въ интересы другихъ, развиваетъ все больше и больше эгоизмъ, и тѣмъ образуетъ вокругъ себя пустыню.

Спора нѣтъ, можно дѣлать добро, не участвуя ни въ какомъ кружкѣ; но для этого нужно быть съ большими матеріальными средствами, — иначе помощь будетъ крайне ничтожною. При участіи же въ правильно организованномъ обществѣ каждая копѣйка скоро обращается въ цѣлыя тысячи рублей, которыя идутъ на пользу бѣдняковъ, а потому справедлива пословица: „съ міру по нитѣ — нищему рубаха“...

ОЛЬГА ПОЛЕТАВВА.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1892 г.

Положеніе продовольственнаго дѣла въ январѣ 1892 г.—Вопросъ объ обязательныхъ общественныхъ запашкахъ и вообще объ обязательномъ крестьянскомъ трудѣ.—Послѣдняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Экономическія нужды петербургской губерніи.—Организація земскаго экономическаго дѣла въ московской губерніи.—Отвѣтъ „Новостямъ“.—Перемена въ личномъ составѣ высшаго управленія мин. путей сообщенія.

Мѣсяцевъ пять-шесть тому назадъ въ большомъ ходу была мысль, что степень народной нужды, вызванной неурожаемъ, вовсе не такъ велика, какъ утверждаютъ земскія собранія и нѣкоторые органы печати; что размѣры помощи могутъ и должны быть сведены къ нормамъ сравнительно невысокимъ. Событія скоро взяли на себя опроверженіе этого мнѣнія. Уже къ 1-му января сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что земскіе расчеты не были преувеличены; теперь нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были даже слишкомъ низки. Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла въ семнадцати губерніяхъ на 1-е февраля 1892 г. показываетъ, что общая цифра ссудъ на продовольствіе и обмѣненіе достигла *ста двадцати трехъ* милліоновъ рублей. Рязанское земство, опредѣлявшее сначала потребности своей губерніи цифрою въ $5\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, получило, на самомъ дѣлѣ, почти семь милліоновъ; саратовское земство, ходатайствовавшее лѣтомъ и осенью о десяти милліонахъ, получило $13\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Самарскому земству отпущено нѣсколько меньше, казанскому—нѣсколько больше двѣнадцати милліоновъ рублей; губерніи оренбургская и симбирская получили по десяти милліоновъ; близко къ этой послѣдней цифрѣ подходитъ и тамбовская губернія. Между тѣмъ продовольствіе вездѣ рассчитано только по 1-е іюля, а не по 15-е іюля или 1-е августа, когда у крестьянъ появится новый хлѣбъ. Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что дѣйствительный расходъ хлѣба за январь мѣ-

садъ почти вездѣ *гораздо* ниже средней мѣсячной потребности. Въ казанской губерніи, напримѣръ, онъ составляетъ около двухъ третей послѣдней цифры; въ пензенской—около половины; въ рязанской—около двухъ пятыхъ; въ пермской и оренбургской—около одной трети; въ тобольской—около одной пятой; въ вятской—не болѣе одной восьмой. Обратное отношеніе существуетъ только въ двухъ губерніяхъ—саратовской и самарской, пострадавшихъ, конечно, весьма сильно, но едва ли сильнѣе, чѣмъ губерніи оренбургская, тобольская или казанская. Въ оренбургской губерніи скудость январьской раздачи объясняется, по всей вѣроятности, ограниченностью наличныхъ запасовъ, не достигавшихъ, къ 1-му февраля, и половины средней мѣсячной пропорціи; но въ тобольской губерніи запасовъ было на лицо въ полтора раза больше, чѣмъ эта пропорція. Мы понимаемъ, что для весеннихъ мѣсяцевъ, когда крестьянамъ предстоитъ особенно крупная затрата труда, необходимо нѣкоторое увеличеніе средней выдачи; но этимъ едва ли оправдывается *значительное* уменьшеніе ея въ зимнее время. Истощеніе, вслѣдствіе недостаточнаго питанія—плохая подготовка къ тѣмъ усиліямъ, которыхъ потребуютъ весеннія работы. Со всѣхъ сторонъ приходится слышать, что въ послѣдніе дни или даже недѣли передъ выдачею земской ссуды крестьяне—если у нихъ нѣтъ другихъ источниковъ помощи—просто голодаютъ. Не можетъ быть, чтобы такая періодическая голодовка оставалась безъ вредныхъ послѣдствій. Гораздо важнѣе предупредить ихъ, уже теперь подойдя къ средней пропорціи или даже ее превысивъ, чѣмъ сдѣлать какія-либо сбереженія въ заранѣе опредѣленномъ количествѣ продовольствія.

Относительно своевременной доставки хлѣба вѣдомость даетъ успокоительныя увѣренія. Наличныхъ продовольственныхъ запасовъ имѣлось на мѣстахъ, къ 1-му февраля, около 22 милл. пудовъ, а нужно до 1-го мая всего 30 милліоновъ; но такъ какъ запасы распределены между губерніями не вполне пропорционально текущимъ потребностямъ каждой изъ нихъ, то понадобится доставить на мѣста, до наступленія распутицы, не восемь милліоновъ пудовъ, а около девяти. Сѣменного зерна имѣется на мѣстахъ до 17 милл. пудовъ, а нужно для посѣва (если не считать тѣхъ хлѣбовъ, которые сѣются поздно) 24 милл. пудовъ; слѣдовательно, требуется доставить до распутицы около 7 милл. пуд. сѣмянъ, а всего, вмѣстѣ съ продовольствіемъ, около 16 милліоновъ пудовъ хлѣба. Въ теченіе января мѣсяца доставлено было въ земскіе склады, какъ съ мѣстныхъ рынковъ, такъ и извнѣ, гужомъ и желѣзными дорогами, около 17 милл. пудовъ. Отсюда выводится заключеніе, что доставка 16 милл. пудовъ въ періодъ времени между 1-мъ февраля и 15-мъ марта (т. е. до распутицы)

никакихъ затрудненій не представить. Послѣ 1-го мая снабженіе нуждающагося населенія одними лишь продовольственными средствами (слѣдовало бы прибавить: и сѣменами поздняго посѣва) представить задачу сравнительно легкую, такъ какъ желѣзныя дороги не будутъ обременены перевозкою сѣменного зерна, а значительная часть продовольственного груза можетъ быть двинута водными путями. Таковъ общій выводъ, къ которому приходятъ составители вѣдомости.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что изъ наличныхъ запасовъ продовольственныхъ (22 $\frac{1}{2}$ милл. пуд.) и сѣменныхъ (16 милл. пудовъ) въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ находилось, 1-го февраля, только 11 $\frac{1}{2}$ милл. пудовъ (5 $\frac{1}{6}$ милл. пуд. продовольственного хлѣба—и 6 $\frac{1}{2}$ сѣменного). Остальные 27 миллионовъ пудовъ были сложены, очевидно, въ земскихъ складахъ, отъ которыхъ до нуждающихся мѣстностей путь, весьма часто, не близкій и не легкій. Такъ напр., главные склады хлѣба для нижегородской губерніи помѣщаются въ Нижнемъ-Новгородѣ, Муромѣ и Пензѣ; понятно, что доставка хлѣба въ такой складъ далеко еще не равносильна наличности его въ деревняхъ магарьевскаго или васильскаго уѣзда. Въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи крестьянамъ приходится ѣздить за хлѣбомъ въ Самару, Покровскую слободу и на станцію Обшаровку, за сто верстъ и болѣе, по дорогамъ, трудно проѣзжимымъ даже зимою. Перевозка изъ складовъ производится во многихъ губерніяхъ общественными подводами, доставляемыми иногда по обязательному наряду—слѣдовательно, на лошадахъ худо кормленныхъ и изнуренныхъ. Относительно тобольской губерніи въ вѣдомости имѣется слѣдующая неутѣшительная помѣтка: „доставка хлѣба будетъ возможна лишь при достаточномъ количествѣ возчиковъ“. Спокойно ожидать наступленія распутицы можно будетъ, слѣдовательно, лишь тогда, когда необходимое количество хлѣба, продовольственного и сѣменного, будетъ не только числиться на-лицо въ губерніи, но и находиться въ мѣстахъ своего окончательнаго назначенія, т.-е. „въ темныхъ селахъ, въ глухихъ деревняхъ“. При исчисленіи этого *необходимого* количества не мѣшаешь, притомъ, имѣть въ виду, что дороги не вездѣ и не всегда обсыхаютъ, рѣчная навигація не вездѣ и не всегда отерывается къ 1-му мая.

Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду, что беспорядокъ на желѣзныхъ дорогахъ не только не прекратился, но, судя по нѣкоторымъ свѣденіямъ, идетъ crescendo. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ „Кіевлянинѣ“, по поводу задержки въ пути одиннадцати тысячъ вагоновъ съ хлѣбнымъ грузомъ. „Десятая часть всей желѣзнодорожной перевозной силы приведена въ инертное положеніе, вы-

была изъ строя, находится въ плѣну на неопредѣленное время! Этого мало: 11.000 вагоновъ не только стали бесполезными для работы, но наносятъ огромный вредъ, потому что они затормозили пути. Желѣзныя дороги категорически обвиняютъ полковника Вендриха (которому, какъ извѣстно, даны были чрезвычайныя полномочія относительно перевозки хлѣбныхъ грузовъ). Полковникъ Вендрихъ, утверждаютъ желѣзно-дорожные инженеры, экстренными мѣрами двинулъ массу хлѣбныхъ грузовъ съ окраинныхъ дорогъ, главнымъ образомъ съ владикавказской, гдѣ эти грузы хотя лежали, но не мѣшали движенію другихъ грузовъ, перебросилъ ихъ на пути внутри имперіи, но не рассчиталъ провозоспособности этихъ путей. Между тѣмъ въ восточныхъ губерніяхъ дорогъ мало и онѣ не рассчитаны на большое движеніе. Выброшенные такимъ образомъ грузы недалеко ушли; они застряли въ разныхъ пунктахъ и загромодили проходъ другимъ грузамъ. Дальнѣйшее накопленіе ихъ шло съ такою же быстротою, какъ подъемъ воды въ потокѣ, теченіе котораго преграждено. Такимъ образомъ загроможденіе дорогъ создано искусственно. Оно не имѣло бы мѣста, еслибы грузы перевозились постепенно и еслибы воспользовались окружными путями, какъ напр. проектированнымъ путемъ изъ Кавказа черезъ Черное море, Севастополь и Одессу. Но этимъ путемъ, какъ говорятъ, полковникъ Вендрихъ не пожелалъ воспользоваться“.

Остается еще закупить, по даннымъ вѣдомости, болѣе 11¹/₂ милл. пудовъ продовольственного и болѣе 12¹/₂ милл. пудовъ сѣменного хлѣба. Предусматриваются ли при этомъ какія-либо трудности и какія предполагается принять мѣры для ихъ устраненія—изъ вѣдомости не видно. Покупку хлѣба имѣется въ виду произвести отчасти въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, для которыхъ онъ покупается. Къ числу такихъ губерній отнесены четырнадцать изъ семнадцати, пострадавшихъ отъ неурожая, и, между прочимъ, губерніи казанская, саратовская, оренбургская, завѣдомо бѣдныя хлѣбными запасами. Въ саратовской губерніи закупка хлѣба извнѣ вовсе прекращена, и недостающій хлѣбъ (до шести милл. пудовъ) предполагается купить, главнымъ образомъ на мѣстныхъ рынкахъ“. Желательно было бы знать, основано ли это предположеніе на точныхъ свѣдѣніяхъ о количествѣ хлѣба, имѣющагося въ предѣлахъ губерніи и предназначеннаго къ продажѣ въ ближайшемъ будущемъ? Мы знаемъ изъ приговора нижегородской губерніи, какъ туго иногда поддаются на сдѣлки съ земствомъ мѣстные землевладѣльцы.

Теперь, послѣ того какъ печальная дѣйствительность слишкомъ краснорѣчиво подтвердила правильность земскихъ вычисленій, до крайности странное впечатлѣніе производятъ попытки оспорить и

уменьшить земскія цифры. Съ одной изъ такихъ попытокъ мы встрѣтились въ журналахъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи. Нижегородское губернское земское собраніе, въ декабрьской сессіи своей, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на продовольствіе и обѣщаніе почти четырехъ милліоновъ рублей. Прежде чѣмъ представить это ходатайство на разсмотрѣніе высшей власти, нижегородскій губернаторъ, какъ предсѣдатель губернской продовольственной комиссіи, предложилъ избрать, для обсужденія его, особую подкомиссію. Въ составъ послѣдней вошли, согласно желанію губернатора, предсѣдатель биржевого комитета, непрѣмѣнный членъ губернскаго присутствія, податной инспекторъ, врачъ и земскій начальникъ. Подкомиссія, находя, что количество хлѣба, исчисленное губернскимъ земствомъ для каждаго уѣзда, въ болѣе части случаевъ превышаетъ опредѣленное самими уѣздами, высказалась за уменьшеніе ссуды на цѣлыхъ 565 тысячъ пудовъ. Противъ этого заключенія возсталъ съ особенной силой Н. Ф. Анненскій (завѣдующій нижегородскимъ земскимъ статистическимъ бюро): онъ указалъ, что цифры, принятія губернскимъ земствомъ, были собраны путемъ самаго тщательнаго и разносторонняго изслѣдованія и повѣрены представителями всѣхъ уѣздовъ, вмѣстѣ съ предсѣдателями уѣздныхъ управъ и уполномоченными казны и удѣла. Спорный вопросъ былъ вновь переданъ въ подкомиссію, съ присоединеніемъ къ ней Н. Ф. Анненскаго. Къ какому окончательному выводу она пришла, что постановила комиссія и что сдѣлалъ губернаторъ—этого изъ журналовъ комиссіи, имѣющихся у насъ подъ руками, не видно. Намъ кажется, что главный мотивъ, побудившій подкомиссію пойти въ разрѣзъ съ ходатайствомъ губернскаго земства, не имѣетъ никакой внутренней силы. Отдавать предпочтеніе уѣзднымъ цифрамъ только потому, что онѣ уѣздныя, отвергать губернскія цифры только потому, что онѣ губернскія—значить держаться узко-формальной точки зрѣнія, вовсе не соответствующей важности дѣла. Не совсѣмъ нормальнымъ представляется, впрочемъ, и самый фактъ повѣрки земскаго постановленія небольшой группой должностныхъ лицъ, прямо или косвенно зависящихъ отъ губернатора.

Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ, зато, отношеніе нижегородскаго губернатора и нижегородской продовольственной комиссіи къ вопросу объ обязательныхъ общественныхъ запашкахъ. Нижегородское губернское земское собраніе, большинствомъ одного только голоса (16 противъ 15), опредѣлило ходатайствовать о томъ, чтобы

выдача ссудъ на продовольствіе и обмѣненіе была поставлена въ зависимость отъ предварительнаго введенія сельскимъ обществомъ общественной запашки, въ извѣстныхъ размѣрахъ и на основаніи извѣстныхъ правилъ. Генералъ Барановъ назвалъ устройство обязательныхъ общественныхъ запашекъ мечтою, заманчивою въ теоріи (?), но негодною на практикѣ, чѣмъ-то среднимъ между введеніемъ коммуны (?) и арачьевскимъ хозяйствомъ. Общественныя запашки существуютъ въ сергачскомъ уѣздѣ, но не помѣшали ему попасть въ число наиболѣе нуждающихся. Крестьянскій надѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ малъ, что урѣзывать отъ него что-либо подѣ запашки невозможно. Обработка общественныхъ запашекъ несомнѣнно будетъ очень плохая. При той массѣ начальниковъ, которую имѣетъ крестьянство, нельзя навязывать ему еще новыхъ, въ лицѣ вахтеровъ или смотрителей за работами. Къ этому мнѣнію генерала Баранова присоединились вполнѣ всѣ остальные члены комиссіи, участвовавшіе въ преніяхъ, за исключеніемъ только одного г. Обтяжнова (горбатовскаго земскаго начальника, уже извѣстнаго нашимъ читателямъ).

Чрезвычайно характеристична діатриба, появившаяся въ „Гражданинѣ“ по поводу отзыва генерала Баранова объ обязательныхъ общественныхъ запашкахъ. Болѣе опаснымъ, чѣмъ „арачьевщина“, провозглашается то „либерально-снисходительное отношеніе къ крестьянскому міру, въ силу коего всякое предъявленіе къ нему требованій обязательствъ — и, между прочимъ, обязанности работать — признается какимъ-то актомъ произвола, насилія и деспотизма. Интересы государства и здравый смыслъ никогда не могли требовать, чтобы, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей барщины, они освобождались отъ обязательнаго труда для государства, для своей губерніи, для своего уѣзда, для своего общества; а между тѣмъ это либеральное по *sens* допущено было за истекшее тридцатилѣтіе: крестьянинъ обращенъ былъ въ какого-то недотрогу относительно труда, и послѣдствія оказались весьма печальны какъ для самого крестьянскаго быта, такъ и для государства... Пора убѣдиться, что чествовать въ крестьянинѣ какого-то идеальнаго гражданина — значитъ дѣлать изъ него игрушку его слабостей и страстей и жертву его праздности... Единственный исходъ изъ кризиса — это признаніе труда общественнаго, въ тѣхъ видахъ, которые правительство изберетъ какъ лучшіе, для крестьянскаго населенія *обязательнымъ*. Крестьянинъ не можетъ быть ни привилегированнымъ существомъ, ни обреченнымъ на конечное разореніе: онъ *долженъ* работать и для себя, и для своего общества, и для государства; трудъ его нуженъ какъ для того, чтобы платежъ въ казну ему не былъ ни тягостенъ,

ни разорителенъ, такъ и для того, чтобы дороги были исправны и общее благосостояніе стало, наконецъ, подвигаться. Только въ *обязательномъ трудѣ* крестьянина для себя и для своей деревни—спасеніе Россіи“. Всѣмъ этимъ элукубраціямъ нельзя отказать въ одномъ большомъ достоинствѣ, которымъ уже не въ первый разъ отличается газета кн. Мещерскаго—въ беззащитивой откровенности. *Обязательный трудъ* крестьянина, и только одного крестьянина—это не что иное, какъ *крѣпостничество*, приспособленное къ новымъ условіямъ и новой обстановкѣ. Крестьянинъ, говорятъ намъ, не долженъ быть „привилегированнымъ существомъ“; но развѣ для другихъ сословій существуетъ *обязательный трудъ*, въ какой бы то ни было формѣ? Развѣ предполагается ввести его во всѣхъ классахъ общества, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ? Не одно ли крестьянство и безъ того выносить на своихъ плечахъ остатки обязательнаго труда, гдѣ они еще существуютъ (напр. натуральную дорожную повинность)? Не оно ли уплачиваетъ главную массу налоговъ, представляющую собою, въ сущности, продуктъ труда—обязательнаго не *de jure*, но *de facto*?.. Проповѣдники обязательнаго крестьянскаго труда цѣнятъ въ немъ въ особенности то, противъ чего такъ справедливо возсталъ генералъ Барановъ: *увеличеніе подчиненности крестьянъ*, путемъ увеличенія числа начальниковъ надъ ними и расширенія начальственной власти. *Смотритель за работами*—вотъ идеалъ новѣйшихъ крѣпостниковъ; палка или нагайка, „поощряющая“ крестьянскую работу—вотъ настоящее ихъ знамя... Если и допустить, что праздность—господствующій порокъ крестьянъ (1), то развѣ этимъ порокомъ страдаютъ они одни? Развѣ онъ не распространенъ несравненно сильнѣе въ другихъ сферахъ, для которыхъ „Гражданинъ“ хочетъ только правъ, какъ можно больше *вымогать* правъ, безъ соотвѣтствующаго увеличенія обязанностей?.. Весьма существенныя льготы, данныя недавно заемщикамъ дворянскаго банка, кажутся кн. Мещерскому только „временной отсрочкой неизбежной казни“. Это — „прохладительное и подкрѣпительное, подносимое идущему на плаху; это — гигиеническій уходъ за несчастнымъ, котораго черезъ часъ должны повѣсить“. „Вотъ почему,—продолжаетъ кн. Мещерскій,—дерзаю желать иного: желалъ бы видѣть висѣлицу снесенною и казнь отиѣненною“. Другими словами, удовлетворить вождельнія „Гражданина“ могло бы только безусловное освобожденіе дворянскихъ имѣній отъ публичной продажи, т.-е. принятіе долговъ, которыми они обременены, на счетъ государства. Уже не на служеніе ли этой высокой цѣли долженъ быть обращенъ и „крестьянскій обязательный трудъ“?..

„Чествовать въ крестьянинѣ какого-то *идеальнаго гражданина*“ никто никогда не думалъ; въ немъ хотѣли и хотятъ видѣть *просто*

гражданина. Въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего специфически „либеральнаго“; онъ вытекаетъ непосредственно и прямо изъ положеній 19-го февраля и другихъ великихъ реформъ, до сихъ поръ не отиѣненныхъ. Въ послѣднее время ему приходится считаться не только съ мнѣніями, но и съ фактами. Обязательный крестьянскій трудъ, о которомъ мечтаютъ публицисты „Гражданина“ и хлопочутъ нѣкоторые изъ числа нижегородскихъ земцевъ, кое-гдѣ является уже существующимъ на самомъ дѣлѣ. Мы говорили въ предъидущемъ обзорѣнн о распоряженіи курскаго губернатора, признавашаго отказъ крестьянъ отъ предложенной имъ работы дѣяніемъ наказуемымъ и обратившаго ихъ насильно на ту же работу, отъ которой они отказались. Въ № 2 „Юридическаго Вѣстника“ напечатанъ in extenso циркуляръ губернатора, которымъ этотъ образъ дѣйствій возводится на степень общаго правила. Слѣдуетъ ли заключить отсюда—спрашиваетъ московскій журналъ,—„что въ предѣлахъ курской губерніи губернаторъ пользуется не только властью административною, но также полномочіями, имѣющими характеръ судебный и законодательный?.. Дѣяніе наказанныхъ крестьянъ не составляетъ ни уголовнаго проступка, ни правонарушенія въ смыслѣ гражданскаго права. Не видно, чтобы ими было принято какое-либо обязательство исполнить опредѣленное количество работы: они были подговорены работать поштучно и денегъ впередъ не забирали. На будущее время циркуляръ губернатора устанавливаетъ *юридическую норму*, которая объявляетъ преступнымъ нежеланіе воспользоваться предлагаемою работою. Такое дѣяніе влечетъ за собою двоякое наказаніе: во-первыхъ, арестъ, съ употребленіемъ арестуемаго на общественныя работы, и, во-вторыхъ, лишеніе права на полученіе ссуды, *еслибы онъ даже въ томъ крайне нуждался*. Справедливое основаніе такой нормы предполагается въ томъ, что гдѣ идетъ вопросъ о пропитаніи себя и своихъ семействъ, разсужденіе о выгодности или невыгодности работъ представляется неумѣстнымъ. Положеніе лица, нуждающагося въ пропитаніи, обязываетъ его *юридически* къ принятію всякаго предложенія работы, не разсуждая о размѣрѣ вознагражденія; разсуждать объ этомъ имѣетъ право лишь тотъ, кто работаетъ не ради своего пропитанія, а по какому-либо другимъ побужденіямъ. Такимъ образомъ, распоряженіе курскаго губернатора касается не только уголовнаго, но и гражданскаго права, отиѣняя собою въ отношеніи предусматриваемыхъ имъ случаевъ дѣйствіе 2218 ст. т. X, ч. 1, св. зак., которая опредѣленіе рядной платы предоставляетъ на усмотрѣніе договаривающихся сторонъ. Наконецъ, слѣдовало бы разъяснить и положеніе правленія курско-киевской желѣзной дороги. Крестьянамъ была предложена не общественная работа въ точномъ смыслѣ этого слова, а работа на желѣзной дорогѣ;

имъ платили не изъ общественныхъ суммъ, а изъ кассы желѣзно-дорожнаго общества; ихъ наказали за уклоненіе отъ этой работы и въ наказаніе поставили вновь на ту же работу. Относилась ли администрація дороги ко всему этому пассивно, или же для распоряженія ея деньгами и нужными для нея работами потребовалось ея согласіе? Спрашивается также, на чью обязанность было возложено и возлагается впредь слѣдить за неуклоннымъ выполненіемъ работы и за неумѣстными толками, препятствующими ея теченію? Взаимныя отношенія нанимателя и наемщика регулированы въ законѣ достаточно точно и подробно; но *принудительная отдача съ наемъ*—институтъ, неизвѣстный еще нашему гражданскому праву, и, вводя его, слѣдовало бы обратить одинаковое вниманіе на юридическое опредѣленіе положенія обѣихъ сторонъ“.

Присоединяясь вполне ко всѣмъ соображеніямъ почтеннаго юридическаго журнала, мы можемъ только выразить надежду, что распоряженіе, идущее въ разрѣзъ съ самыми элементарными началами права и справедливости, въ настоящее время уже отмѣнено высшею властью.

Недавняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія— послѣдняя передъ распространеніемъ на петербургскую губернію новаго земскаго положенія—продолжалась только пять дней и отличалась еще болѣею безцвѣтностью, чѣмъ двѣ предыдущія ¹⁾. Между докладами губернской управы—составъ которой, въ теченіе 1890 и 1891 г., подвергался неоднократнымъ переиѣнамъ,—не было ни одного, сколько-нибудь выходившаго изъ ряда; коммиссія, которой поручено было, годъ тому назадъ, составить проектъ реорганизаціи страхового дѣла, не успѣла окончить своей работы; со стороны гласныхъ не было внесено предложеній, которыми нарушалось бы однообразіе общей картины. Сколько-нибудь оживленныя пренія происходили только о томъ, слѣдуетъ ли приступить, и какъ именно, къ развитію и расширенію экономической дѣятельности губернскаго земства. Этотъ вопросъ имѣетъ свою исторію, не лишенную своеобразнаго интереса. Онъ былъ возбужденъ въ первый разъ два года тому назадъ, когда приближалось къ концу статистическое изслѣдованіе губерніи, продолжавшееся болѣе десяти лѣтъ и стоившее земству около ста тысячъ рублей. Въ собраніи возникла мысль о необходимости воспользоваться статистическими данными, почерпнувъ изъ нихъ указанія на главныя нужды населенія. Для исполненія этой задачи предложено было избрать особую коммиссію, которая, совмѣстно съ губер-

¹⁾ См. Обществ. Хроники въ № 2 „В. Европы“ за 1890 и № 2 за 1891 г.

свой управой и другими свѣдущими лицами, представила бы слѣдующему очередному собранію подробный докладъ о способахъ улучшения наиболѣе важныхъ отраслей народнаго хозяйства петербургской губерніи. Вопреки ожиданію, это простое и безобидное, ничего не предвѣшавшее предложеніе прошло не безъ спора. Нѣкоторые гласные находили, что никакой особой комиссіи выбирать не нужно, а разработку экономическихъ вопросовъ слѣдуетъ поручить самой управѣ, насколько она признаетъ ее полезной и возможной. Имъ возражали, что управа завалена текущими работами, что въ новомъ, обширномъ дѣлѣ экономическихъ мѣропріятій ей необходима помощь со стороны другихъ членовъ собранія. Указывалось на примѣръ другихъ земствъ, именно этимъ путемъ приходившихъ къ расширенію своего круга дѣйствій; вспоминалось и то, что для избранія подготовительныхъ комиссій имѣются прецеденты въ исторіи самого петербургскаго земства. Рѣшено было, наконецъ, выбрать комиссію, и она, на первыхъ порахъ, горячо принялась за дѣло. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ статистическаго описанія губерній, а отчасти и изъ сообщений уѣздныхъ управъ, составленъ былъ перечень вопросовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія губернскаго земства (содѣйствіе увеличенію крестьянскаго землевладѣнія, распространеніе среди населенія усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій и улучшенныхъ сѣмянъ, развитіе садоводства, огородничества, пчеловодства, молочнаго хозяйства и т. п.). Одинъ изъ членовъ губернской управы пошелъ еще дальше: изъ вопросовъ, намѣченныхъ комиссіею, онъ выдѣлилъ тѣ, которые казались ему особенно неотложными, и намѣтилъ сумму, необходимую для того чтобы приступить къ ихъ разрѣшенію. По мѣрѣ приближенія срока, назначеннаго для окончанія работъ комиссіи, въ ея средѣ стали, однако, проявляться все сильнѣе и сильнѣе тѣ самыя стремленія, которыя чуть было не помѣшали ея избранію. Опять выступила на сцену мысль, что все слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію управы, ни къ чему ее не обязывая и не снабжая ее никакими инструкціями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не открывая ей и никакихъ новыхъ кредитовъ. Въ концѣ концовъ эта мысль восторжествовала: членъ губернской управы не настаивалъ на своемъ проектѣ, а предложеніе одного изъ членовъ комиссіи ассигновать на 1891 г. 2.000 рублей для приглашенія особаго лица или лицъ, на обязанности которыхъ лежало бы участіе въ выработкѣ мѣръ къ улучшенію экономического положенія губерніи, было отклонено комиссіею. Заключеніемъ ея годичныхъ трудовъ явилась слѣдующая формула: „находя преждевременнымъ учрежденіе постояннаго экономического бюро, предложить губернскому собранію весь собранный комиссіею матеріалъ передать

въ губернскую управу, которой поручить, по мѣрѣ разработки того или другого изъ намѣченныхъ вопросовъ, представлять свои доклады на обсужденіе губернскаго собранія“. Это предложеніе, въ январѣ 1891 г., было принято, безъ преній, губернскимъ собраніемъ.

Прошелъ еще годъ. Къ началу нынѣшней сессіи управа не работала ни одного изъ вопросовъ, затронутыхъ комиссіею 1890 г., но зато пришла къ убѣжденію, что нельзя обойтись безъ средства, указаннаго меньшинствомъ комиссіи. Она внесла въ собраніе докладъ о разрѣшеніи ей пригласить особое лицо специально для участія въ разработкѣ экономическихъ вопросовъ, назначивъ этому лицу 1.500 рублей жалованья и 500 рублей на разъѣзды. Вотъ этотъ-то докладъ и послужилъ поводомъ къ самымъ горячимъ дебатамъ послѣдней сессіи. Не надо—утверждали нѣкоторые гласные—ни особаго лица, ни особыхъ лицъ для разработки экономическихъ вопросовъ; это—дѣло самой управы и ея канцеляріи; если недостаточенъ личный составъ послѣдней, его можно усилить, но только не приурочивая вновь приглашаемое лицо къ области экономическихъ изслѣдованій и мѣропріятій. Въ этомъ послѣднемъ доводѣ руководящая мысль оппозиціи выразилась съ достаточною ясностью. Дѣло заключалось для нея, очевидно, не столько въ томъ, чтобы сберечь 2.000 рублей, предназначавшихся на содержаніе новаго работника, сколько въ томъ, чтобы предупредить первый шагъ къ устройству экономического бюро, т.-е. къ цѣлому ряду мѣръ, имѣющихъ предметомъ поднятіе уровня народнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія оппозиціи, эти мѣры не настолько нужны, чтобы оправдать неразрывно связанныя съ ними крупныя расходы; пускай ихъ принимаетъ правительство, пускай о нихъ заботятся уѣздныя земства—но пускай остается отъ нихъ въ сторонѣ губернское земство, двѣ трети средствъ котораго получаютъ отъ города Петербурга, прямо не заинтересованнаго въ благосостояніи губерніи. Возраженія были такъ настоятельны, что губернская управа согласилась нѣсколько видоизмѣнить свое предложеніе и просить объ ассигновкѣ 2.000 рублей не на приглашеніе особаго лица или лицъ для разработки экономическихъ вопросовъ, а вообще на издержки, сопряженныя съ этой разработкой. Въ этой формѣ предложеніе управы было принято собраніемъ. Три дня спустя споръ возобновился съ прежнею силой, вслѣдствіе предложенія одного изъ гласныхъ избрать изъ среды собранія губернской экономической совѣтъ или, хотя бы и подъ другимъ именемъ, особую комиссію, которая бы занялась, вмѣстѣ съ управой, новою для петербургской губерніи отраслью земскаго хозяйства. Противъ учрежденія комиссіи возстали тѣ же члены собранія, которые ратовали

противъ доклада управы ¹⁾. Въ избраніи комиссіи усматривалось, очевидно, все то же „зловредное“ стремленіе къ широкой организаціи экономическаго дѣла — стремленіе, съ которымъ никакъ не могутъ примириться сторонники земской рутинѣ. Говорилось о томъ, что управа не нуждается въ содѣйствіи комиссіи, что нѣтъ надобности соединять бесплатный трудъ гласныхъ съ платнымъ трудомъ тѣхъ лицъ, между которыми будутъ распределены ассигнованные собраніемъ 2.000 рублей—но за всѣми этими аргументами скрывалось, въ сущности, не что иное, какъ несочувствіе къ новымъ задачамъ, опасеніе новыхъ расходовъ. Въ защиту предложенія было указано, между прочимъ, на организацію санитарной части, существующую въ петербургской губерніи со второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Много лѣтъ сряду собраніе находило, что справиться съ попеченіемъ о народномъ здоровьѣ (насколько оно зависитъ отъ губернскаго земства) губернская управа можетъ и собственными силами. Когда, наконецъ, оно убѣдилось въ противномъ и рѣшилось пригласить губернскаго санитарнаго врача, учредивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, губернскую санитарную комиссію, составленную изъ гласныхъ и членовъ управы, дѣло пошло совершенно иначе чѣмъ прежде. Совмѣстныя усилія специалиста, всецѣло посвятившаго себя земской службѣ, и земскихъ дѣятелей, горячо заинтересованныхъ въ развитіи санитарной части, привели къ такимъ результатамъ, которыхъ управа, предоставленная самой себѣ, никогда не могла бы достигнуть. Слѣдуя примѣру московской губерніи, петербургское губернское земство усовершенствовало медицинскую статистику, усилило борьбу съ эпидеміями, приступило къ открытію смѣшанныхъ пріемныхъ покоевъ, содержимыхъ, на границѣ двухъ или нѣсколькихъ уѣздовъ, отчасти на уѣздный, отчасти на губернский счетъ, побудило уѣздныя земства, обѣщаніемъ ссудъ, къ устройству особыхъ помѣщеній для больныхъ заразными болѣзнями. Выводъ отсюда ясенъ: экономическое дѣло, какъ и санитарно-медицинское, пойдетъ въ ходъ только тогда, когда получить правильную организацію, когда будутъ на-лицо работники, исключительно имъ занятые и за него отвѣтственные, и когда къ руководству ихъ трудами будутъ призваны, вмѣстѣ съ управой, члены собранія, наиболѣе интересующіеся экономическими вопросами. Къ этому заключенію пришло, наконецъ, и большинство собранія. Комиссія избрана, средства на первоначальную разработку дѣла даны—и пе-

¹⁾ Была даже сдѣлана попытка не допустить преній по вопросу объ избраніи комиссіи, передавъ предложеніе по этому предмету, какъ недостаточно мотивированное, на предварительное обсужденіе управы; но попытка эта не удалась, потому что слишкомъ уже странно было бы думать цѣлый годъ только о томъ, слѣдуетъ ли не слѣдуетъ выбирать комиссію.

тербургское земство имѣетъ теперь полную возможность применить къ числу тѣхъ, которые поставили себѣ задачей систематическую заботливость объ улучшеніи хозяйственнаго народнаго быта. Помѣшать этому предстоящее введеніе въ дѣйствіе новаго земскаго положенія отнюдь не можетъ. Законъ 12-го іюня 1890 г. прямо относитъ къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений „воспособленіе, зависящими отъ земства способами, мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности“. Новгородское губернское земское собраніе, выбранное на основаніи этого закона и засѣдавшее, одновременно съ петербургскимъ, въ январѣ нынѣшняго года, учредило, по предложенію самой губернской управы, губернской экономической совѣтъ; московское губернское земское собраніе, также преобразованное на новый ладъ, сохранило, въ главныхъ чертахъ, организацію экономического дѣла, созданную при дѣйствіи прежняго порядка. Нужно надѣяться, что петербургское губернское земство, въ будущемъ своемъ составѣ, не откажется отъ наименѣе разработанной, но существенно-важной части наслѣдства, оставляемого его предшественникомъ. Широкимъ развитіемъ инициативы петербургскіе земцы никогда не отличались; но, однажды вступивъ на путь, проложенный другими, они до сихъ поръ не поворачивали назадъ и не останавливались на полѣ-дорогѣ. Такъ было съ земской учительской школой, съ земской статистикой, съ земской санитарной частью; такъ будетъ, по всей вѣроятности, и съ организаціей экономического дѣла.

Странно было бы доказывать, въ настоящее время, необходимость усиленной дѣятельности земства въ области экономическихъ вопросовъ. Доказать это, съ неопровержимой убѣдительностью, взялась сама жизнь. Переживаемое нами бѣдствіе не разразилось бы надъ народомъ съ такою страшною силой, еслибы общій уровень народнаго хозяйства стоялъ нѣсколько выше, еслибы населеніе было нѣсколько болѣе приготовлено къ борьбѣ съ стихійными невзгодами. Чтобы предупредить повтореніе кризиса, нужны, конечно, прежде всего и больше всего общегосударственныя мѣры; многое, однако, можетъ быть сдѣлано и земствомъ, въ области, отведенной ему закономъ. Между губерніями, пострадавшими и не пострадавшими отъ неурожая, нѣтъ, въ этомъ отношеніи, никакой существенной разницы. Послѣднія ничѣмъ не гарантированы отъ бѣды, постигшей первыя; указанія горькаго опыта одинаково примѣнимы и къ тѣмъ, и къ другимъ. Недавнее прошлое представляетъ примѣры голодовки не только въ центральныхъ губерніяхъ, но и въ сѣверныхъ, не только въ черноземныхъ мѣстностяхъ, но и въ нечерноземныхъ; достаточно

вспомнить 1867-68 годъ, столь тяжелый для губерній новгородской, петербургской и другихъ, съ ними сосѣднихъ. Если этимъ губерніямъ, даже въ хорошіе годы, не хватаетъ своего хлѣба, если онѣ страдаютъ болѣею частью не столько отъ своихъ домашнихъ недородовъ, сколько отъ дороговизны хлѣба, обусловливаемой неурожаемъ въ черноземной полосѣ, то это еще не значитъ, чтобы онѣ должны были навсегда оставаться въ той же экономической зависимости. Ихъ хозяйственное положеніе можетъ подняться; земледѣліе можетъ быть и здѣсь доведено до того, чтобы удовлетворять потребности населенія, какъ оно удовлетворяетъ ихъ въ аналогичныхъ, по климату и почвѣ, остзейскихъ губерніяхъ. Массу интересныхъ и поучительныхъ данныхъ, заранѣе указывающихъ пути для лѣятельности земства, можно найти въ статистическомъ описаніи петербургской губерніи, обнимающемъ собою, въ настоящее время, частновладельческое хозяйство—во всѣхъ уѣздахъ, а крестьянское—во всѣхъ, кромѣ двухъ (царскосельскаго и новолadoжскаго).

Черта, общая крестьянскому хозяйству во всей петербургской губерніи—это незначительность урожая какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Въ лужскомъ уѣздѣ, на примѣръ, средняя цифра урожая ржи, въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ (когда производилось изслѣдованіе), достигала *пяти* только въ шести волостяхъ изъ двадцати-пяти; въ девяти волостяхъ она колебалась между 4 и $4\frac{1}{2}$; въ десяти не поднималась выше $3\frac{1}{2}$ или 3; а въ одной не доходила даже и до трехъ. Средній урожай овса нигдѣ не превышалъ $3\frac{1}{2}$, а въ *одиннадцати* волостяхъ не шелъ дальше $2\frac{1}{2}$, часто падалъ до двухъ. Въ ямбургскомъ уѣздѣ была *одна* волость, гдѣ средній урожай ржи достигалъ *семи*; но зато ни въ одной изъ остальныхъ одиннадцати онъ не превышалъ $3\frac{1}{2}$, а въ трехъ составлялъ только $2\frac{1}{2}$. Въ гдовскомъ уѣздѣ высшая норма урожая ржи была *четыре*, обыкновенная — 3 или $2\frac{1}{2}$, низшая (въ двухъ волостяхъ изъ 18)—*два*; урожай овса былъ приблизительно такой же, какъ въ лужскомъ уѣздѣ. Въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ урожай ржи колебался между 3 и 6 (въ одной только волости), урожай овса—между 2 и 5 (также въ одной волости). Въ петергофскомъ уѣздѣ средній урожай ржи нигдѣ не падалъ ниже $3\frac{1}{2}$, въ девяти волостяхъ (изъ 16) достигая *пяти*; почти тѣ же цифры даетъ здѣсь и урожай овса. Въ петербургскомъ уѣздѣ разница между цифрами низшей (для ржи— $3\frac{1}{2}$, для овса— $2\frac{1}{2}$) и высшей (для ржи—8, для овса— $5\frac{1}{2}$) нѣсколько больше, тѣмъ въ петергофскомъ; это зависитъ отъ сравнительной бѣдности сѣверныхъ, финскихъ волостей уѣзда (коркюмякской, кюляятской, лемболовской) и восточной его окраины (волость усть-ижорская).

Общая картина получается весьма печальная. Причины плохихъ

урожаевъ вездѣ однѣ и тѣ же; исключенія, гдѣ они есть, только подтверждаютъ правило. На первомъ планѣ стоитъ недостаточность удобрения. Петербургскіе земскіе статистики, основываясь на общепринятыхъ положеніяхъ сельскохозяйственной науки, принимаютъ за норму удобрения одинъ пудъ навоза на каждую квадратную сажень, т.-е. 2.400 пудовъ на десятину парового поля; затѣмъ они считаютъ, что отъ каждой лошади получается навозу до ста пудовъ въ годъ, отъ каждой коровы — до трехсотъ пятидесяти пудовъ, и приравниваютъ, въ этомъ отношеніи, къ коровѣ $1\frac{1}{2}$ жеребенка, пару телятъ, 10 овецъ, 8 свиней. Примѣненіе этихъ вычисленій къ свѣденіямъ о количествѣ крестьянскаго скота и о размѣрахъ крестьянской пашни даетъ слѣдующіе выводы. Только весьма немногія волости (пять — въ петербургскомъ уѣздѣ и одна — въ шлиссельбургскомъ) располагаютъ нормальнымъ количествомъ навоза; всѣ остальные болѣе или менѣе далеки отъ нормы. Петербургскій уѣздъ, въ среднемъ, имѣетъ 1.990 пуд. на десятину парового поля, шлиссельбургскій—1.226, гдовскій—970, петергофскій 849, лужскій—800, ямбургскій—625. Минимальныя цифры падаютъ въ петербургскомъ уѣздѣ до 691, въ гдовскомъ—до 640, въ шлиссельбургскомъ—до 616, въ лужскомъ—до 520, въ петергофскомъ—до 429, въ ямбургскомъ—до 375 пудовъ, составляя, такимъ образомъ, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ нормальнаго количества. Другіе способы удобрения, кромѣ навоза, встрѣчаются сравнительно рѣдко. Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ столицѣ и къ городамъ, довольно распространено удобреніе „золотомъ“; въ приморской части ямбургскаго уѣзда употребляется, съ тою же цѣлью, морской илъ, въ мѣстахъ, богатыхъ торфяными болотами—торфъ. Что же дѣлаютъ крестьяне, въ виду явной несоразмѣрности между пространствомъ пашни и количествомъ удобрения? Раздѣлять нѣбьющійся на-лицо навозъ пропорціонально между всѣми полосами парового поля—значило бы весьма часто рисковать повсемѣстнымъ неурожаемъ; почва въ петербургской губерніи большею частью не такова, чтобы можно было ограничиться скуднымъ ея удобреніемъ. Въ петергофскомъ уѣздѣ, напримѣръ, принято класть удобреніе въ такомъ количествѣ, что его хватаетъ, смотря по мѣстностямъ, на $\frac{1}{6}$ — $\frac{2}{3}$ парового поля. Отсюда два способа дѣйствій: либо удобреніе всѣхъ полей, но черезъ очередь или даже черезъ двѣ, либо оставленіе нѣкоторой части поля вовсе или почти вовсе безъ удобрения. И то, и другое значительно понижаетъ урожай. Въ одной изъ волостей петергофскаго уѣзда (бѣгуницкой) такъ-называемыя *коренныя* пашни, удобряемыя вполне, даютъ урожай самъ 10—12, а остальные, такъ-называемыя *запольныя*—самъ-другъ; въ среднемъ, смотря по относительной величинѣ обѣихъ категорій, получается урожай самъ 5, 4

или даже 3. Нѣчто подобное мы видимъ и въ другихъ уѣздахъ, причемъ запольныя полосы часто остаются и вовсе незапашанными.

Вторая причина плохихъ урожаевъ—это неудовлетворительная обработка полей первобытными земледѣльческими орудіями. Всего болѣе отставшимъ съ этой точки зрѣнія крестьянское хозяйство оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, въ наиболѣе отдаленныхъ уѣздахъ—лужскомъ и гдовскомъ. „На всемъ пространствѣ полей,—читаемъ мы въ описаніи гдовскаго уѣзда,—господствуютъ обыкновенная крестьянская соха и борона изъ еловыхъ сучьевъ. Только въ двухъ волостяхъ, при подъемѣ новинъ или перелоговъ подъ лѣнь, употребляютъ особые плуги, называемые рѣзами или рѣзиками; но распахиваніемъ и подъемомъ дерна и ограничивается роль плуга—дальнѣйшая работа и въ этомъ случаѣ предоставляется сохѣ и ея спутницѣ, обыкновенной боронѣ“. То же самое повторено почти буквально въ описаніи лужскаго уѣзда; указана только одна волость, въ которой съ сохою успѣшно конкурируетъ косуля, и другая волость, въ которой у большинства крестьянъ имѣются бороны съ желѣзными зубьями. Въ ямбургскомъ уѣздѣ желѣзныя бороны распространены довольно сильно; изъ двѣнадцати волостей только въ двухъ вовсе не было плуговъ, въ восьми ихъ было отъ 1 до 4, въ одной—11, въ одной—17. Въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ степень распространенности усовершенствованныхъ орудій прямо пропорціональна близости къ Петербургу; но въ общемъ ихъ все-таки еще немного. Въ петергофскомъ уѣздѣ есть селенія, въ которыхъ уже нельзя встрѣтить сохи; въ цѣлыхъ трехъ волостяхъ она вытѣсняется косулями или плужками. Въ видѣ исключеній, не особенно рѣдкихъ, плужки попадаютъ и въ отдаленныхъ волостяхъ уѣзда. У нѣкоторыхъ крестьянъ есть вѣялки и молотилки. Петербургскій уѣздъ, если не считать нѣмецкихъ колоній, развѣ немногимъ опередилъ уѣзды петергофскій и шлиссельбургскій; въ сѣверныхъ волостяхъ сохи и деревянныя бороны господствуютъ почти безусловно, а преобладаютъ онѣ даже въ такихъ подстоличныхъ волостяхъ, какъ бѣлоостровская и осиногородинская. Необходимо прибавить, что всѣ эти свѣденія относятся къ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Съ тѣхъ поръ кое-что несомнѣнно измѣнилось къ лучшему; намъ самимъ извѣстны, напримеръ, волости лужскаго уѣзда—изъ числа непоименованныхъ въ описаніи,—въ которыхъ, за послѣднее время, стали появляться плуги и желѣзныя бороны; но переимѣна едва ли значительна, общій характеръ картины остается прежній.

Если улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ подвигаются впередъ медленно и туго, то объясненіемъ этому служить не столько консерватизмъ крестьянъ, сколько недостатокъ у нихъ знаній и средствъ.

Предубѣжденіе противъ плуга и желѣзной бороны—тамъ, гдѣ оно основано только на рутинѣ, а не на особенностяхъ почвы—очень быстро исчезаетъ подъ вліяніемъ примѣра; но переходъ отъ старыхъ орудій къ новымъ затрудняется бѣдностью населенія. Въ одномъ изъ селеній лужскаго уѣзда первый плугъ появился уже довольно давно и былъ оцененъ крестьянами по достоинству, но въ моментъ статистическаго изслѣдованія онъ все-таки оставался единственнымъ въ данной мѣстности, отчасти вслѣдствіе непривычки, отчасти вслѣдствіе бѣдности крестьянъ. Нововведеній, дешево стоящихъ и удободоступныхъ, крестьяне отнюдь не чуждаются. Нѣсколько глухихъ селеній гдовскаго уѣзда сами додумались, на примѣръ, употреблять для подстилки, кромѣ соломы, мохъ, чтобы увеличить количество навоза; въ другихъ мѣстностяхъ кладутъ въ подстилку, съ тою же цѣлью, траву или хвою. Мохъ кое-гдѣ вывозится и прямо на поля, и результаты оказываются успѣшными. Листья, мохъ, хвоя идутъ въ дѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ петербургскаго уѣзда; около самой столицы къ навозу присоединяется мусоръ; встрѣчаются даже случаи покупки суперфосфата. Начинается, наконецъ, переходъ отъ трехполья къ другимъ, болѣе совершеннымъ хозяйственнымъ системамъ. Въ петербургскомъ уѣздѣ уже въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ насчитывалось болѣе 3.000 десятинъ пахатной крестьянской общественной земли, на которыхъ введено было травосѣяніе. Въ ямбургскомъ уѣздѣ, рядомъ съ четырехпольемъ хозяйственно-невыгоднымъ, зависящимъ исключительно отъ недостатка удобрения (рожь, два яровыхъ хлѣба, паръ), встрѣчалось уже кое-гдѣ четырехполье раціональное, съ клеверомъ или корнеплодами въ четвертомъ полѣ. Особеннымъ разнообразіемъ отличались системы крестьянскаго хозяйства въ петербургскомъ уѣздѣ; населеніе выказывало здѣсь сравнительно большую подвижность, большое умѣнье примѣняться къ условіямъ мѣстности и къ требованіямъ рынка. „Въ шунгоровской волости, на пространствѣ какихъ-нибудь десяти верстъ,—читаемъ мы въ описаніи петергофскаго уѣзда,—можно было бы прослѣдить всѣ перипетіи борьбы стариннаго трехпольнаго строя съ новымъ, подыскать всѣ переходные оттѣнки отъ чистаго трехполья къ весьма интенсивнымъ картофельнымъ хозяйствамъ“. То же самое можно сказать и объ ораніенбаумской волости. „Общинное землевладѣніе—замѣчаетъ по этому поводу составитель описанія—нисколько не стѣснило крестьянъ въ выборѣ наиболѣе подходящихъ системъ хозяйства и сѣвооборотовъ. Шунгоровская волость, правда, со времени введенія уставныхъ грамотъ еще не прибѣгала къ передѣламъ; но въ ораніенбаумской волости передѣлы приняты повсемѣстно, и она можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что общинная

форма землевладѣнія не служить препятствіемъ къ улучшеніямъ въ земледѣліи, если ихъ необходимость сдѣлалась настоятельною. Введеніе интенсивныхъ сѣвооборотовъ и большія затраты труда и средствъ на обработку и удобреніе въ ораніенбаумской волости, по убѣжденію крестьянъ, вознаграждаются—и этого было довольно, чтобы исчезли всѣ препятствія къ улучшенію земледѣльческаго хозяйства⁴. Все это совершенно справедливо: отмѣтимъ только одно неточное выраженіе. Исчезаютъ, послѣ первыхъ удачныхъ опытовъ, не *все* препятствія, а только тѣ, которыя коренятся въ таѣ-называемомъ консерватизмѣ самихъ крестьянъ. Одного убѣжденія въ цѣлесообразности и своевременности хозяйственныхъ новшествъ еще недостаточно: нужна еще *матеріальная возможность* приступить къ нимъ. Въ петергофскомъ уѣздѣ эта возможность явилась, по крайней мѣрѣ, отчасти, благодаря близости Петербурга, большому спросу на картофель, овесъ и молочные продукты, сравнительной легкости арендованія выгоновъ и покосовъ (въ дачахъ ораніенбаумскаго дворцоваго управленія); но во многихъ другихъ мѣстахъ она можетъ быть создана только заботливостью государственныхъ и общественныхъ учреждений.

Мы перечислили, конечно, далеко не всѣ потребности крестьянскаго хозяйства; но для нашей ближайшей цѣли достаточно и этихъ немногихъ указаній. Чтобы поднять урожайность своихъ полей, крестьянинъ долженъ располагать большимъ количествомъ удобрения и усовершенствованными земледѣльческими орудіями. Количество удобрения зависитъ, въ свою очередь, отъ количества скота, а увеличить последнее можно либо расширеніемъ площади выгоновъ и покосовъ, либо введеніемъ травосѣянія. Во всемъ этомъ петербургская губернія ничѣмъ не отличается отъ другихъ нечерноземныхъ губерній, къ числу которыхъ принадлежитъ московская. Московскимъ губернскимъ земствомъ экономическіе вопросы выдвинуты на первый планъ недавно: губернский экономическій совѣтъ и губернское экономическое бюро учреждены въ Москвѣ только два года тому назадъ, но въ этотъ короткий промежутокъ времени сдѣлано уже не мало ¹⁾, и работа идетъ, между прочимъ, именно въ томъ направленіи, которое намѣчается само собою и для петербургской губерніи. Московскій губернский экономическій совѣтъ имѣетъ свои два отдѣла—сельскохозяйственный (агрономическій) и кустарный; на этотъ разъ мы коснемся только перваго. Главной его задачей признано „улучшеніе

¹⁾ Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что первые шаги на поприщѣ экономической дѣятельности были сдѣланы московскимъ губернскимъ земствомъ еще до открытія специальныхъ экономическихъ учреждений.

мѣръ и возможное содѣйствіе къ приведенію въ соотвѣтствіе между собою кормовой и зерновой площадей въ губерніи — другими словами, такое умноженіе кормовыхъ средствъ, которое, имѣя прямымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа лошадей и коровъ и улучшеніе ихъ содержанія, а слѣдовательно и увеличеніе удобренія, привело бы, этими самымъ, къ лучшимъ урожаямъ зерновыхъ хлѣбовъ. Исполненіе этой задачи лежитъ, главнымъ образомъ, на состоящемъ при совѣтѣ губернскаго земскаго агрономъ и его помощникъ (первый получаетъ 1.500, второй — 1.200 рублей въ годъ); предполагается пригласить еще нѣсколькихъ специалистовъ-агрономовъ, съ тѣмъ, чтобы въ расходахъ по содержанію ихъ приняли участіе уѣздныя земства, желающія пользоваться ихъ услугами (такое желаніе выразили земства подольское, серпуховское и волоколамское). Занятія земскихъ агрономовъ — самыя разнообразныя. Такъ напримѣръ, губернский агрономъ, помимо участія въ засѣданіяхъ уѣздныхъ экономическихъ совѣтовъ и въ комиссіонной продажѣ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, составилъ для крестьянъ популярное руководство къ полевому травосѣянію и улучшенію луговыхъ угодій, прочелъ популярный курсъ агрономіи земскимъ учителямъ и учительницамъ и принималъ мѣры, на мѣстѣ, противъ появившагося въ нѣкоторыхъ уѣздахъ озимаго червя. Помощникъ агронома, дѣятельность котораго приурочена преимущественно къ клинскому уѣзду, заарендовалъ, по порученію губернской управы, небольшое имѣніе и приступилъ къ устройству въ немъ опытнаго земскаго участка (на половинныхъ расходахъ съ клинскимъ уѣзднымъ земствомъ). Агрономическій отдѣлъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ отрасли хозяйства, въ которыхъ крестьянинъ является новичкомъ: усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія, улучшенныя сѣмена, новыя культурныя растенія, травосѣяніе и т. д. „Даже въ наименѣе земледѣльческомъ юго-восточномъ районѣ, — читаемъ мы въ отчетѣ губернскаго экономического совѣта за 1891 г., — населеніе начинаетъ искать новыя пути и средства къ улучшенію своего хозяйства. Подвигается впередъ знакомство съ плугомъ, появляется въ зародышѣ травосѣяніе, начинаютъ испытывать болѣе культурныя сѣмена. *Во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, составляющихъ явленіе новое, крестьяне нуждаются въ поддержкѣ. Нужна и матеріальная помощь, и указанія*“. Въ 1891 г. сѣмянъ овса, клевера, тимоеевики и др. было приобрѣтено, при посредствѣ губернскаго земства, около 1850 пудовъ. Въ клинскомъ уѣздѣ было куплено изъ земскаго склада 648 плуговъ. Въ волоколамскомъ уѣздѣ куплено у земства, въ 1.891 г., 457 плуговъ, 101 лемехъ, 586 косъ, 10 вѣялокъ. Въ московскомъ уѣздѣ общее число плуговъ, купленныхъ крестьянами (какъ въ истек-

шестъ году, такъ и раньше), доходитъ почти до 1.500. Въ этомъ же уѣздѣ существуютъ земскія вѣялки, которыми пользовались въ 1891 г. крестьяне 27 селеній. Подробные доклады губернскаго агронома и его помощника, приложенные къ отчету экономическаго совѣта, заключаютъ въ себѣ массу интересныхъ свѣденій, къ которымъ мы при случаѣ постараемся возвратиться. На этотъ разъ мы хотѣли только показать всю важность примѣра, даннаго московскимъ губернскимъ земствомъ—примѣра, нравственно обязательнаго для всѣхъ земскихъ нечерноземныхъ губерній. Рѣчь идетъ, конечно, не о слѣпомъ подражаніи, невозможномъ и нежелательномъ уже потому, что рядомъ съ чертами, общими цѣлой обширной полосѣ, существуютъ многія другія, свойственныя только одной губерніи или даже одной ея части. Видоизмѣненія задачи могутъ быть безконечно различны—но ее вездѣ нужно поставить, вездѣ нужно создать органы и средства для ея осуществленія, и съ этой именно точки зрѣнія чрезвычайно цѣннымъ кажется намъ опытъ, произведенный и производимый московскимъ губернскимъ земствомъ.

Мы возражали, въ предыдущемъ обзорѣ, противъ формулы, выставленной „Новостями“: „народъ всегда находится въ неоплатномъ долгу передъ государствомъ“. Отвѣчая на наше возраженіе (въ № 36), газета поясняетъ, что она толковала о государствѣ „не въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается наукой, а собственно о государственномъ устройствѣ, о государственномъ управленіи, о правительствѣ въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ всегда, какъ принято говорить, идетъ впереди народа“. Въ этомъ объясненіи нѣтъ ничего для насъ новаго: мы очень хорошо видѣли, что все сказанное „Новостями“ о государствѣ относится скорѣе къ правительству—и именно потому не нашли возможнымъ умолчать о заключеніи, къ которому пришла газета. Народъ, по нашему убѣжденію, столь же мало можетъ быть въ неоплатномъ долгу у правительства, какъ и у государства. Вся разница между обѣими редакціями одной и той же мысли сводится къ тому, что изъ послѣдней, теперь предлагаемой „Новостями“, еще легче сдѣлать весьма нежелательные практическіе выводы. Стоитъ только припомнить, какими правами и древнія, и даже не-древнія законодательства облакали кредитора по отношенію къ неоплатному должнику... По существу вопроса „Новости“ даютъ оружіе противъ самихъ себя. „Кредиторы народа—говоритъ газета—вѣрять государственному управленію, его нравственному авторитету, *опирающемуся на платежныя силы народа*, и съ этой точки зрѣнія государственное управленіе, какъ посредникъ между кредиторами и народомъ, можетъ

быть противопоставляемо народу, который оно, благодаря своему кредиту, обогащает". Вся эта аргументация падаетъ подъ тяжестью подчеркнутыхъ нами словъ, ясно указывающихъ на настоящій источникъ государственнаго кредита. Насъ спрашиваютъ: станемъ ли мы оспаривать, что „при существующихъ экономическихъ условіяхъ народъ дѣйствительно является несостоятельнымъ должникомъ своихъ кредиторовъ, представителемъ которыхъ является правительство"? Конечно — станемъ, во-первыхъ потому, что правительство, по отношенію къ государственному долгу, есть представитель должника, а отнюдь не кредиторовъ; во-вторыхъ потому, что при исправной уплатѣ процентовъ и погашенія о несостоятельности должника не можетъ быть и рѣчи. Придерживаясь масштаба „Новостей" — соотвѣтствія между *всей* суммой долга и свободными, *въ данную минуту*, средствами должника,—пришлось бы провозгласить банкротство самыхъ солидныхъ торговыхъ домовъ, самыхъ богатыхъ государствъ Европы!

Продолжая доказывать, въ другой статьѣ (№ 42), что голода въ Россіи нѣтъ, а есть лишь „обостренная нужда", „Новости" ставятъ вопросъ такимъ образомъ, какъ будто онъ допускаетъ только два отвѣта: одинъ—утверждающій, что все вообще въ Россіи обстоитъ благополучно, пока не наступилъ голодъ; другой—отрицающій какъ голодъ, такъ и благополучіе. Газета забыла, что есть еще третій отвѣтъ, отрицающій благополучіе и вмѣстѣ съ тѣмъ признающій наличность голода. Этотъ-то именно третій отвѣтъ мы считали и продолжаемъ считать единственнымъ правильнымъ. Насъ не можетъ касаться, слѣдовательно, обвиненіе въ пристрастіи къ „палліативамъ" и въ предпочтеніи ихъ „универсальнымъ средствамъ". Чтобы предупредить возможность дальнѣйшихъ недоразумѣній, мы позволимъ себѣ привести слѣдующее сравненіе. Человѣкъ, давно страдающій хроническою болѣзнію, заболѣваетъ острымъ недугомъ. Этотъ недугъ имѣетъ свои самостоятельныя причины, но находитъ благопріятную почву въ истощенномъ организмѣ больного. Слѣдуетъ ли лечить острый недугъ, или достаточно принимать мѣры противъ хронической болѣзни? Не ясно ли, что необходимо и то, и другое, и что *въ данную минуту* первое даже еще важнѣе, чѣмъ послѣднее? Не ясно ли, что настаивать на усиленной борьбѣ съ новымъ недугомъ—не значитъ еще забывать о старомъ, и наоборотъ, относиться слишкомъ легко къ острому заболѣванію—значитъ рисковать трудно поправимымъ ухудшеніемъ хронической болѣзни?

Управляющимъ министерствомъ путей сообщенія назначенъ директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финан-

совѣ, С. Ю. Витте. Дѣятельность его въ области государственной службы была до сихъ поръ слишкомъ еще непродолжительна и очень мало самостоятельна, чтобы можно было выводить изъ нея достовѣрныя заключенія относительно будущаго. Преждевременнымъ кажется намъ, поэтому, тотъ восторгъ, съ которымъ назначеніе С. Ю. Витте встрѣчено въ иныхъ газетахъ. „Гражданинъ“, напримѣръ, видитъ въ немъ „рѣшимость отдать столь долго (?) плывшее по всѣмъ вѣтрамъ, на произволъ всякихъ стихій и подъ управленіемъ ненадежной (?) команды, безъ руля и вѣтрилъ судно въ твердыя и опытныя руки знающаго свое дѣло капитана“. Трудно представить себѣ болѣе несимпатичную смѣсь пренебреженія къ павшей величинѣ съ преклоненіемъ передъ восходящимъ свѣтиломъ. Большія надежды высказывались вѣдь, три года тому назадъ, и по поводу назначенія А. Я. фонъ-Гюббенета... Не лучше ли было бы припомнить старинную русскую поговорку, совѣтующую хвалить утро только тогда, когда настанетъ вечеръ?..

„ВОЗВРАТНЫЕ“ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

„Московскія Вѣдомости“, въ передовой статьѣ, 1-го февраля (№ 32), сообщили своимъ читателямъ довольно сенсационную новость: „Заграничные враги, недоброжелатели наши,—объявила московская газета,—систематически хулящіе русскій народъ и изливающіе потоки брани и клеветъ на русское государство и правительство, въ послѣдніе дни праздновали побѣдную оргію“. Оказывается, что до сихъ поръ наши заграничные враги и недоброжелатели въ своихъ сужденіяхъ о насъ не имѣли другой опоры, кромѣ собственныхъ измышленій, а теперь они получили наконецъ въ первый разъ возможность сослаться „на доказательство, идущее изъ самой Россіи, публично предъявленное въ его столицѣ“. И такое „доказательство“, по мнѣнію той же газеты, представило, будто бы, „Иностранное Обзорѣніе“ въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы“; страницы этого „обзорѣнія“, по справкѣ, наведенной „Московскими Вѣдомостями“, „остаются въ рукахъ подписчиковъ этого журнала неразрѣзанными, и поэтому сужденія, въ нихъ заключающіяся почти никогда не возбуждаютъ толковъ или полемики въ остальной части печати“,—а вслѣдствіе того ихъ можно было считать довольно безвредными для отечественной публики. Но съ январьской книгой этого журнала случилось нѣчто выходящее изъ ряду вонъ: нѣмецкіе публицисты не только разрѣзали, но и перевели „Иностранное Обзорѣніе“; конечно, тѣмъ самымъ они, съ одной стороны, оказали немалую услугу „Московскимъ Вѣдомостямъ“, познакомявъ ихъ съ тѣми ужасами, какіе творятся въ нашей печати; но съ другой — опираясь на это „обзорѣніе“, эти публицисты пришли къ крайне невыгоднымъ о насъ заключеніямъ и тѣмъ самымъ, если вѣрить московской газетѣ, увеличили опасность положенія русскаго государства, а дерзость нашихъ враговъ по отношенію насъ съ того времени возросла и окрѣпла... Читая все это, мы готовы были уже встревожиться при одной мысли, что нашъ журналъ могъ, хотя бы и ненамѣренно, „послужить на потѣху враговъ Россіи“; но, къ счастью, въ слѣдующемъ же № „Московскихъ Вѣдомостей“ появилась статья ихъ постоянного сотрудника, г-на Вокса, вполне успокоившая не только насъ, но, надобно думать, и самую редакцію газеты. „Послушайте, — убѣждаетъ г. Воксъ, конечно, свою редакцію, такъ какъ онъ говоритъ о „вчерашней“ пере-

довой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“:—я опасаясь, какъ бы тутъ не вышло весьма *комичнаго* эпизода. Вѣдь, пожалуй, статья „Вѣстника Европы“ произведетъ *обратное* дѣйствіе; вѣдь, пожалуй, она еще болѣе *натупаетъ* кое-кого въ Европѣ. Тамъ вѣдь люди проникательны, и ихъ на мякинѣ не проведешь... Итакъ, въ нѣдрахъ самой редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, одни полагають, что нашъ журналъ, будто бы, сослужилъ службу врагамъ отечества, и усматривають потому во всемъ этомъ „трагическій“ (для насъ) элементъ; другіе опасаются „комичнаго“ результата и думаютъ, что инкриминированное „Иностранное Обзорѣніе“ могло даже навести страхъ на подобныхъ враговъ и, слѣдовательно, оказало немалую тѣмъ самымъ услугу.

Впрочемъ „Московскія Вѣдомости“ должны сознаться, что имъ не очень-то повезло съ новымъ ихъ приѣмомъ—ознакомлять русскую публику съ тѣмъ, чтó дѣлается у насъ же, по переводамъ переводовъ съ русскаго языка, встрѣчающимся въ иностранныхъ газетахъ. Почти одновременно московская газета сдѣлала первый опытъ такого „возвратнаго“ перевода, именно, съ англійскаго языка и была обвинена даже самими „Гражданиномъ“ за подобныя возвратные переводы: „какіе тайственные враги порядка“ могли попутать редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“? спрашиваетъ „Гражданинъ“ по поводу именно одного такого перевода съ русскаго языка изъ англійской газеты. Петербургская газета отказывалась даже „допустить, чтобы сама редакція („Московскихъ Вѣдомостей“), будучи въ здоровомъ умѣ, могла придти къ мысли, что для того она получаетъ громадную субсидію отъ правительства“ и т. д. Оставляя это послѣднее соображеніе на отвѣтственности автора, мы жедали бы только обратить вниманіе редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ на то, что даже и ея испытанный патріотизмъ не спасаетъ иногда отъ обвиненія въ угодѣ не только врагамъ отечества, но и врагамъ порядка! Хуже же всего въ нашемъ случаѣ то, что „Московскія Вѣдомости“ построили весь свой замыселъ по нашему адресу на такихъ передержкахъ и подтасовкахъ, грубость которыхъ не можетъ не быть очевидна и для самихъ читателей газеты. Въ чемъ собственно дѣло?—„Московскія Вѣдомости“ утверждаютъ, будто авторъ „Иностраннаго Обзорѣнія“ — „этотъ герой изъ нашего либеральнаго стана—*изображаетъ* Россію въ видѣ запутавшагося должника, ищущаго союзниковъ только для того, чтобы брать у нихъ деньги взаймы — и *выставляетъ* эту черту на посрамленіе всей Европы; онъ *рисуетъ* бѣдствіе неурожая, постигшаго его отечество, не печалась (?) о нуждахъ и страданіяхъ своего народа, а какъ будто радуясь (?) „стихійному экономическому бѣдствію“, которое представляется ему перво-степеннымъ политическимъ событіемъ 1891 года, будто бы связавшимъ Россію по рукамъ и не позволяющимъ-де ей преслѣдовать свои го-

сударственные цѣли". Надобно имѣть большую смѣлость на подобные искаженія чужихъ словъ, такъ какъ въ предыдущемъ столбцѣ той же газеты приведены подлинныя слова изъ этого „Иностраннаго Обзорѣнія“, не имѣющія ничего общаго съ ихъ искаженіемъ въ слѣдующемъ столбцѣ: „русскому правительству—говоритъ авторъ „обозрѣнія“—*приписывалось* желаніе воспользоваться горячими французскими симпатіями для наполненія опустѣвшихъ *будто бы* государственныхъ кассъ; Россія *изображалась* въ видѣ запутавшагося должника, который ищетъ друзей лишь для того, чтобы брать у нихъ деньги взаймы“... А по „добросовѣстной“ версіи „Московскихъ Вѣдомостей“ выходитъ, будто все это приписываетъ самъ авторъ „обозрѣнія“, и авторъ же самъ все это изображаетъ!!.

Послѣ этого, конечно, еще труднѣе опредѣлить, въ чемъ именно московская газета усмотрѣла „радость“ нашего „Иностраннаго Обзорѣнія“ по поводу „стихійнаго экономическаго бѣдствія“, постигшаго страну; впрочемъ, такое обвиненіе уже слишкомъ дико само по себѣ, чтобы останавливаться на немъ. Но „Московскія Вѣдомости“ обвиняютъ еще и въ томъ, что авторъ „рисуетъ“ бѣдствіе неурожая, такъ какъ и это можетъ ободрять нашихъ враговъ. Любопытно однако знать, что сказали бы тѣ же самыя „Московскія Вѣдомости“, еслибы „Neue Freie Presse“ или „Berliner Tageblatt“ перевелъ, напримѣръ, хотя бы сообщенія г. Юзефовича Особому Комитету („Правит. Вѣстникъ“, № 27) изъ его недавней поѣздки въ пострадавшія губерніи; между прочимъ, онъ говоритъ тамъ, что „приходится не безъ тревоги думать о тѣхъ еще болѣе тяжелыхъ послѣдствіяхъ, какими можетъ сопровождаться неурожайный годъ“. Иностранныя газеты по этому поводу, можетъ быть, выскажутъ еще болѣе непріятныя для насъ соображенія; и вотъ „Московскія Вѣдомости“ опять поспѣшаютъ сдѣлать у себя „возвратный“ переводъ статьи г. Юзефовича съ нѣмецкаго на русскій, и укорять автора тѣмъ болѣе, что онъ не только „рисуетъ“ язвы настоящаго, но и въ будущемъ сулитъ еще нѣчто худшее—опять „на потѣху враговъ Россіи“. Неужели „Московскія Вѣдомости“ никогда не убѣдятся вѣрнымъ замѣчаніемъ ихъ почтеннаго и, повидимому, благо-разумнаго сотрудника г. Вокса и не послушаютъ его, а именно, что „на мякинѣ“, какъ бы ни были велики ея запасы въ редакціи московской газеты, никого не проведешь...

Р.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1892.

Переѣзжа министерства во Франціи. — Вопросы внѣшней политики и внутреннія французскія дѣла. — Политическія партіи и религіозный вопросъ. — Возможныя послѣдствія кризиса. — Пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, по поводу военныхъ злоупотребленій. — Застольная рѣчь имп. Вильгельма II.

Совершившаяся переѣзжа министерства во Франціи интересуетъ многихъ въ Европѣ съ точки зрѣнія текущей международной политики. Кабинетъ Фрейсина-Резбо сдѣлалъ очень много для officialнаго сближенія съ Россіею; идея франко-русскаго союза отчасти осуществилась, и солидарность дѣйствій обѣихъ великихъ державъ уже давала себя чувствовать на востокѣ — въ Константинополѣ, Болгаріи и Египтѣ. Будетъ ли новое французское министерство держаться той же внѣшней политики и останется ли оно вѣрнымъ настроенію, выразившемуся столь ярко въ кронштадтскихъ, шербургскихъ и другихъ манифестаціяхъ? Наши такъ-называемыя патріотическія газеты заранѣе отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, но и онѣ не могутъ скрыть своего неудовольствія по поводу неожиданнаго кризиса въ дружественной намъ республикѣ, а слѣдовательно рѣшаются на этотъ разъ не совсѣмъ обманывать себя.

Нѣкоторые публицисты, наиболѣе ратовавшіе у насъ въ пользу союза съ Франціею, вообще считаютъ теперь долгомъ говорить о французскихъ дѣлахъ въ какомъ-то снисходительномъ, покровительственномъ тонѣ; они высказываютъ свое неодобреніе или сожалѣніе по поводу различныхъ фактовъ внутренней политической жизни нашихъ друзей, иное оправдываютъ, замалчиваютъ другое, смягчаютъ третье, и вообще ведутъ свою собственную тонкую дипломатію для упроченія будто бы взаимныхъ франко-русскихъ связей. Эта тактика всегда казалась намъ ошибочною и напрасною; самый союзъ, какъ мы объясняли неоднократно, имѣетъ иное значеніе для Франціи, чѣмъ для насъ, такъ какъ мы искренне желаемъ сохраненія полнаго мира въ Европѣ и не находимъ ни малѣйшаго интереса въ поддержаніи французскихъ надеждъ на помощь для обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи. Въ этомъ отношеніи было весьма важно и необходимо съ самаго начала устранить возможныя иллюзіи со стороны французозъ, чтобы избѣгнуть непріятныхъ разочарованій въ будущемъ; признаки такихъ разочарованій можно видѣть и теперь, когда тяжелыя экономическія

обстоятельства, вызванныя неурожаемъ, заставляютъ даже нашихъ воинственныхъ патріотовъ воздерживаться отъ международныхъ увлеченій и мириться съ твердымъ и неизмѣннымъ миролюбіемъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Указывать на истинный характеръ нашихъ отношеній съ Франціею тѣмъ болѣе обязательно для русской печати, что послѣдняя представляетъ собою почти единственный источникъ, откуда иностранцы почерпаютъ матеріалъ для сужденія о дѣлахъ и намѣреніяхъ Россіи въ области внѣшней политики. Правда, у насъ не мало найдется людей, которые въ указаніяхъ на несвоевременность для насъ какихъ-либо внѣшнихъ предприятий готовы усмотрѣть недостатокъ патріотизма,—какъ будто желать добра и мира родной странѣ, слѣдуя выводамъ здраваго смысла, значить измѣнять патріотическимъ чувствамъ. Но этотъ своеобразный патріотизмъ, выражающійся въ проповѣди осужденія и недовѣрія къ собственному народу, даже постигнутому бѣдствіемъ голода, и въ то же время грозящій закидать Европу шапками или пустозвонными похвальбами, осужденъ у насъ безповоротно и никого уже не введетъ въ заблужденіе. Существуютъ особаго рода газетные патріоты, для которыхъ возбужденіе дурныхъ и злобныхъ инстинктовъ составляетъ спеціальную профессію; къ представителямъ этого интереснаго типа можно было бы примѣнить изреченіе, приведенное въ недавно изданныхъ запискахъ покойнаго графа Валуева и принадлежащее старому англійскому поэту Джонсону: „патріотизмъ служитъ иногда добрымъ приближеніемъ для негодьяевъ“. Выраженіе Джонсона, конечно, слишкомъ рѣзко; легко придумать менѣе обидный терминъ для характеристики извѣстныхъ дѣятелей печати, торгующихъ патріотизмомъ, какъ ходкимъ и дешевымъ товаромъ. Во всякомъ случаѣ, предприимчивая внѣшняя политика, которую усердные газетные добровольцы еще недавно проповѣдовали у насъ съ такимъ азартомъ, не имѣетъ теперь почвы и нигдѣ не встрѣчаетъ отголоска въ нашемъ обществѣ; сами проповѣдники ея направили свои заботы въ другую сторону и довольствуются своими обычными „внутренними“ упражненіями — отысканіемъ скрытыхъ враговъ отечества среди обывателей, воззваніями къ кому слѣдуетъ объ обузданіи тѣхъ или другихъ элементовъ населенія или отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ противному лагерю журналистики, и т. п. Эти текущія внутреннія дѣла отгѣсняють на задній планъ международные вопросы и отвлекають отъ нихъ общественное вниманіе; оттого и французскій министерскій кризисъ встрѣченъ былъ у насъ довольно равнодушно, и успокоительныя объясненія нашихъ газетъ звучали вяло и нерѣшительно.

Пока еще не замѣтно, чтобы французы обнаруживали склонность прислушиваться къ голосамъ нашихъ охранителей при устройствѣ

своихъ политическихъ дѣлъ; они по прежнему не придаютъ значенія вѣшной устойчивости министерствъ и не гонятся за неподвижностью правительственной системы, а напротивъ, стремятся постоянно обновлять составъ своихъ государственныхъ дѣятелей сообразно измѣняющимся условіямъ и требованіямъ общественнаго мнѣнія. Такъ какъ настроеніе чрезвычайно переменчиво во Франціи, и вчерашняя популярность легко уступаетъ мѣсто забвенію и враждѣ, то и министры, какъ исполнительные органы общественнаго мнѣнія, неизбѣжно мѣняются вмѣстѣ съ переменами внутренней политической атмосферы. Съ переменною министерства можетъ измѣниться и вся политика правительства; это, разумѣется, весьма неудобно не только для самихъ представителей власти, но и для иностранныхъ кабинетовъ, вступающихъ съ ними въ извѣстныя отношенія; однако, это неудобство зависитъ отъ природнаго характера націи, отъ ея преобладающихъ свойствъ и стремленій, которыхъ не устранишь никакая искусственная политическая организація. Страсть къ новизнѣ отличала галловъ еще во времена Юлія Цезаря; самыя стойкія и упорныя правительства не могли противостоять общественному мнѣнію Франціи и должны были выбирать одно изъ двухъ—или дѣлать требуемыя уступки, или терять власть надъ страной. Переменчивость господствовала во французской политикѣ и при владычествѣ Бонапартовъ, съ тою только разницею, что при нихъ она касалась не внутреннихъ дѣлъ, а международныхъ. Въ періодъ реставраціи, какъ и при Луи-Филиппѣ, министерства мѣнялись не менѣе часто, чѣмъ при нынѣшней республикѣ. Вслѣдствіе вынужденной сдержанности и пассивности въ области вѣшнихъ отношеній, новѣйшая французская дипломатія почти не измѣняла своего общаго направленія за многіе годы, и если она отказалась отъ англофильскихъ тенденцій и отъ примирительныхъ попытокъ относительно Германіи, то только потому, что эти тенденціи и попытки не привели къ желаннымъ результатамъ; послѣдовавшій затѣмъ поворотъ въ сторону Россіи вызванъ былъ предположеніемъ, что онъ принесетъ болѣе реальныя плоды, въ виду пріобрѣтенной нами свободы дѣйствій по отношенію къ державамъ „лиги мира“. Только наивнѣйшіе люди могли повѣрить, что французы искали сближенія съ нами въ силу особой неодолимой симпатіи къ русскому народу и государству, что эту любовь къ намъ они проявляли еще въ битвахъ подъ Москвой и подъ Севастополемъ. Въ основѣ французскаго руссофилства лежатъ весьма положительныя и никѣмъ не скрываемыя разсчеты, которыхъ мы не можемъ и не должны игнорировать; идея русскаго союза популярна въ странѣ только до тѣхъ поръ, пока она соединяется съ надеждою на военное содѣйствіе великой сѣверной дер-

жавы въ случаѣ столеновенія съ Германією. Нѣтъ во Франціи министра, который былъ бы спеціально сторонникомъ Россіи; всѣ одинаково взвѣшиваютъ русскую державу съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ, и устойчивое, долговѣчное министерство столь же легко переимѣнитъ свои взгляды на этотъ предметъ, по требованію обстоятельствъ, какъ и мѣняющіеся представители власти, принадлежащіе къ различнымъ партіямъ. Рибо считался прежде англофиломъ; самъ Фрейсінгъ разошелся съ Англією только изъ-за Египта, а Жюль Ферри, стоявшій когда-то за соглашеніе съ Берлиномъ, высказывался недавно за русскій союзъ столь же горячо, какъ и другіе оппортунисты.

Еслибы наши патріоты болѣе внимательно слѣдили за французскою печатью, они замѣтили бы и теперь значительныя разногласія и колебанія въ вопросахъ внѣшней политики; проекты мирной сдѣлки съ Германією, періодически обсуждаемые на столбцахъ французскихъ газетъ, вытекаютъ изъ тѣхъ же мотивовъ, которые съ чисто военнымъ прямотушіемъ формулированы были въ извѣстной брошюрѣ Стоффеля. Авторы этихъ проектовъ не всегда говорятъ прямо о неудобствѣ сближенія съ Россією и о необходимости сохранить республиканскія или бонапартовскія традиции; но они, очевидно, не могутъ отрѣшиться отъ сознанія, что для Франціи было бы несравненно болѣе желательно сойтись съ западно-европейскими кабинетами, чѣмъ разсчитывать на солидарность съ далекой восточной имперією. Напомнимъ, что недавнее обсужденіе возможнаго компромисса съ Германією исходило отъ газеты „Figaro“, имѣющей репутацію наиболѣе спокойнаго и безпристрастнаго органа средней умѣренно-консервативной буржуазіи. Руководитель „Figaro“, Франсуа Маньяръ, всегда старается уловить среднее направленіе умовъ во Франціи; его сужденія принимаются за отголосокъ здраваго смысла интеллигентной толпы, свободной отъ партійныхъ увлеченій и предрасудковъ. И если „Figaro“ выступилъ въ пользу мирнаго соглашенія съ германскимъ народомъ на почвѣ нейтрализаціи спорной пограничной территоріи, то это ясно свидѣтельствуетъ, что извѣстная идея, завѣщанная Гамбеттою и отчасти дискредитированная Жюлемъ Ферри, живетъ еще во французскомъ обществѣ и можетъ превратиться въ дѣйствительность, если того пожелаютъ нѣмцы. Весьма недвусмысленные намеки такихъ осторожныхъ радикаловъ, какъ редакторъ „Rapport“, Марэ, постоянно даютъ понять, что союзъ съ Россією признается ненормальнымъ, что онъ является лишь дѣломъ временной политической нужды и тотчасъ будетъ отвергнуто при переимѣнѣ вѣтра въ международныхъ дѣлахъ; въ томъ же духѣ разсуждаютъ всѣ французскіе радикалы, хотя по понятнымъ причинамъ

они избѣгаютъ излишней откровенности въ щекотливыхъ вопросахъ внѣшней политики. Трудно сомнѣваться въ томъ, что радикальная партія, руководимая Клемансо и играющая такую видную роль въ политическихъ дѣлахъ Франціи, не сочувствуетъ Россіи и не одобряетъ руссофильскихъ демонстрацій; иногда эта скрытая антипатія обнаруживается довольно явственно, и нельзя не считаться съ нею при оцѣнкѣ прочности франко-русскихъ отношеній. По поводу послѣдняго министерскаго кризиса одна изъ серьезныхъ радикальных газетъ протестовала противъ вмѣшательства дипломатическихъ соображеній въ дѣло внутренней организаціи республиканскаго правительства; она имѣла при этомъ въ виду появившіяся въ печати замѣчанія о томъ, какъ будутъ приняты извѣстные министерскія комбинаціи въ Россіи. Эти неудобныя ссылки на Россію дѣлались только нѣкоторыми мелкими газетами и притомъ единственно изъ партійныхъ видовъ; но онѣ должны были раздражать публику, очень чувствительную вообще въ дѣлахъ національнаго самолюбія. Точно также и снисходительныя разсужденія нашихъ публицистовъ не могутъ нравиться во Франціи; многія выходки здѣшнихъ ея мнимыхъ друзей вызывали бы тамъ сильнѣйшіе протесты, — но французы, къ счастью, не читаютъ нашихъ газетъ и не слѣдятъ за ними такъ внимательно, какъ нѣмцы.

Министерскій кризисъ, завершившійся образованіемъ кабинета Лубэ-Фрейсинаэ-Рибо, возникъ не случайно, хотя разыгрался раньше, чѣмъ можно было ожидать. Декларація пяти кардиналовъ-архіепископовъ, заключавшая въ себѣ рѣзкое осужденіе республиканской политики относительно церкви и религіи, вновь оживила затихшую было борьбу между республикою и клерикализмомъ. Министерство придавало большое значеніе примирительнымъ и дружественнымъ заявленіямъ папы Льва XIII, а также тому несомнѣнному факту, что сами оппозиціонные кардиналы признаютъ законность республики и возражаютъ только противъ ея отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ. Радикальная партія, пріобрѣтшая опять свободу дѣйствій послѣ окончательнаго паденія буланжизма, возобновила свое требованіе объ отцѣпкѣ конкордата и объ отдѣленіи церкви отъ государства. Радикалы были крайне недовольны чрезмѣрною дипломатичностью и сдержанностью Фрейсинаэ; они не питали также особенныхъ симпатій къ прочимъ министрамъ, принадлежащимъ большею частью къ лагерю оппортунистовъ. Разрывъ съ радикальною партіею ставилъ министерство въ зависимость отъ случайнаго большинства, которое могло образоваться въ палатѣ по каждому отдѣльному вопросу; радикалы всегда могли присоединиться къ монархистамъ для низверженія каби-

нета, такъ какъ умѣренные республиканскія группы составляютъ лишь меньшинство въ парламентѣ. Попытки министерства удовлетворить радикаловъ не имѣли успѣха; спеціальнѣйшій законъ объ ассоціаціяхъ, внесенный въ палату правительствомъ за подписью Констана и Фалльера, рассчитанъ былъ очевидно на успокоеніе этой парламентской партіи, но ужъ слишкомъ явно носилъ на себѣ отпечатокъ временныхъ политическихъ соображеній и составленъ былъ какъ бы нарочно въ такомъ духѣ, чтобы принятіе его палатами было совершенно немислимо. Стѣснительныя и карательныя постановленія законопроекта могли быть прежде всего примѣнены къ духовнымъ конгрегаціямъ, которымъ они нанесли бы смертельный ударъ; но они подорвали бы также общій принципъ свободы ассоціацій, провозглашенный въ первой же статьѣ, и потому законъ не могъ быть одобренъ ни большинствомъ умѣренныхъ республиканцевъ, ни оппозиционными консерваторами и клерикалами. Радикалы принимали законъ исключительно какъ орудіе борьбы, какъ предварительный шагъ къ отдѣленію церкви отъ государства; они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы побудить министерство высказаться публично и откровенно въ томъ или другомъ смыслѣ. Кабинетъ не могъ отклонить отъ себя обязанность выяснить тѣ цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду при внесеніи выработаннаго имъ законопроекта; а между тѣмъ Фрейсинъ и его товарищи вовсе не желали ни отказываться отъ примирительной религіозной политики, ни возстановлять противъ себя умѣренныхъ либераловъ. Министерство заранѣе заявляло, что оно предоставляетъ палатѣ поступить съ проектомъ по усмотрѣнію, измѣнить и передѣлать его въ какомъ угодно направленіи; этимъ оно давало понять, что не думаетъ связывать свою судьбу съ участіемъ приготовленнаго имъ закона. Планъ казался очень тонкимъ и остроумнымъ — бросить приманку радикаламъ, не рискуя лишиться поддержки консерваторовъ и умѣренныхъ республиканцевъ; предложить однимъ добычу съ тѣмъ, чтобы другіе ее уничтожили, и такимъ способомъ удовлетворить всѣхъ, не рискуя ничѣмъ. Но радикалы не проявляли готовности идти въ разставленные имъ сѣти, а предпочли сами завлечь въ нихъ Фрейсинъ, что они и исполнили съ своею всегдашнею ловкостью въ засѣданіи 6-го (18) февраля. Какъ опытный разрушитель министерствъ, Клемансо выдвинулъ застрѣльщика, въ лицѣ Губбара, и незамѣтно втянулъ въ горячія пренія и ораторовъ правой, и сторонниковъ правительства, и самого министра-президента. Губбаръ хвалилъ проектъ, какъ направленный противъ католическаго духовенства, и предлагалъ признать разсмотрѣніе закона неотложнымъ, въ видѣ отвѣта на враждебныя манифестаціи французскихъ епископовъ. Поль Кассаньякъ также требовалъ неотложности, чтобы

скорѣе покончить съ проектомъ, который представляется ему возмутительнымъ. Министръ-президентъ объяснилъ, что законопроектъ объ ассоціаціяхъ не направленъ специально противъ церкви, и что правительство не придаетъ ему такого односторонняго значенія; оно согласно на признаніе неотложности, но не раздѣляетъ взглядовъ и толкованій, обидныхъ для духовенства. Въѣстѣ съ тѣмъ Фрейсинэ выражалъ рѣшимость не допускать никакихъ посягательствъ церкви на права и преимущества свѣтской власти, давать отпоръ всякимъ враждебнымъ попыткамъ и дѣйствіямъ, если окажется въ этомъ надобность; но, по мнѣнію министра-президента, такой надобности пока не предвидится, въ виду извѣстнаго всѣмъ возвышеннаго образа мыслей папы Льва XIII. Представитель крайней лѣвой, депутат Пишонъ, сослался на поведеніе епископовъ и потребовалъ прямого отвѣта, намѣрено ли министерство дѣйствовать самостоятельно или опираться лишь на авторитетъ римскаго папы. Талантливый клерикальный ораторъ, графъ де-Манъ, отмѣтилъ нѣкоторую двусмысленность въ объясненіяхъ министра: проектъ, конечно, не упоминаетъ о церкви, но онъ есть несомнѣнно убійственное оружіе противъ религіозныхъ конгрегацій, которыхъ нельзя отдѣлять отъ церковнаго порядка и управленія. Вторичный отвѣтъ Фрейсинэ также не былъ достаточно ясенъ. Министръ-президентъ остался при своемъ толкованіи проекта, отвергая одинаково выводы клерикаловъ и требованія радикаловъ. На сцену выступили тогда корифеи радикализма въ палатѣ — Анри Бриссонъ и Клемансо; они потребовали категорическаго отвѣта, желаетъ ли кабинетъ идти противъ притязаній католической церкви и принимаетъ ли онъ неотложность проекта въ смыслѣ борьбы съ клерикализмомъ. Фрейсинэ предложилъ противникамъ точно выразить свои желанія въ обычныхъ формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Затѣмъ была принята министромъ формула, внесенная нѣкоторыми депутатами и выражающая готовность палаты „продолжать свою республиканскую политику и энергически защищать права государства“. Фрейсинэ повидимому надѣялся, что такое умѣренное и въ то же время рѣшительное заявленіе соберетъ около министерства республиканское большинство; онъ въ своемъ заключительномъ словѣ прямо поставилъ дальнѣйшее существованіе кабинета въ зависимость отъ принятія упомянутой формулы. Министръ-президентъ ошибся: формула была отвергнута большинствомъ 282 голосовъ противъ 210. Палата отвергла также радикальное предложеніе Пишона и въ заключеніе отклонила самое требованіе неотложности. Фрейсинэ думалъ удовлетворить одновременно и радикаловъ, и умѣренныхъ республиканцевъ, и даже отчасти консерваторовъ, и какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не удовлетворилъ никого.

Кабинетъ Фрейсинэ, образовавшійся въ мартѣ 1890 года послѣ паденія Тирара, принадлежалъ къ числу наиболѣе долговѣчныхъ министерствъ французской республики; больше двухъ лѣтъ держался во главѣ правительства только Жюль Ферри. Новое министерство составлено отчасти изъ прежнихъ лицъ, съ устраненіемъ лишь Констана, Фалльера, Ивѣ-Гюйо и Барбё, которые замѣнены сенаторомъ Лубэ, Рикаромъ, Виеттомъ и Кавеньякомъ. Министръ-президентъ Лубэ мало извѣстенъ за предѣлами Франціи; его первенствующая роль въ кабинетѣ будетъ скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною. Въ числѣ министровъ остаются такіе выдающіеся дѣятели, какъ Фрейсинэ—по военному вѣдомству, Рибо—иностранныхъ дѣлъ, Рувиэ—финансовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ свое определенное политическое направленіе, свои крупныя заслуги и достоинства, и для нихъ имя Лубэ имѣетъ лишь значеніе фирмы. Присутствіе Фрейсинэ и Рибо въ новомъ министерствѣ дѣлаетъ весь совершившійся кризисъ вполнѣ незначительнымъ и поверхностнымъ; а съ иностранной, международной точки зрѣнія не произошло въ сущности никакой перемѣны въ составѣ лицъ, управляющихъ Франціею. Очевидно, въ правительственныхъ сферахъ Парижа придаютъ большую важность сохраненію постоянства и послѣдовательности въ ходѣ дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ. Фрейсинэ переходитъ уже въ третій кабинетъ, въ качествѣ военнаго министра, и онъ имѣетъ большіе шансы сохранить этотъ специальный постъ и въ будущемъ, даже при радикальномъ министерствѣ. Труднѣе держаться долго министру иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ внѣшняя политика не можетъ быть отдѣляема отъ внутренней, и ни одна партія не согласится оставить дипломатію въ рукахъ представителя непріязненной парламентской группы. Констанъ и Фалльеръ, подписавшіе злополучный проектъ закона объ ассоціаціяхъ, не могли войти въ составъ министерства Лубэ вѣроятно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе очевидной неудачи, постигшей ихъ проектъ не только въ парламентѣ, но и во всей почти республиканской печати, и во-вторыхъ, потому что Констану предстоитъ еще имѣть судебное дѣло съ Лоромъ, а Фалльеръ своими распоряженіями обострилъ церковный вопросъ и далъ толчокъ новѣйшей агитаціи клерикаловъ противъ республики.

Послѣ паденія министерства Фрейсинэ появилась папская энциклика, адресованная къ французскому духовенству и проникнутая вполнѣ примирительными, дружественными чувствами относительно Франціи и ея республиканскихъ учреждений. Очень можетъ быть, что эта авторитетная и подробно мотивированная декларация, появившись нѣсколькими днями раньше, удержала бы французскихъ мо-

нархистовъ отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ радикалами противъ умѣреннаго кабинета, заправлявшаго не безъ успѣха дѣлами республики.

Въ новомъ министерствѣ удѣлено радикальному элементу еще меньше мѣста, чѣмъ въ прежнемъ, и радикальная группа крайне недовольна теперь президентомъ республики Карно, который такъ мало обращаетъ вниманія на ихъ требованія. Но радикаловъ насчитывается въ палатѣ немногимъ больше сотни, и взять министерство изъ ихъ среды нѣтъ возможности; а другія парламентскія группы, могущія служить матеріаломъ для требуемаго большинства, отвергаются радикалами и сами относятся къ нимъ отрицательно. Измѣнить такое положеніе дѣлъ могутъ только новые выборы, а пока радикалы не приобрѣли большинства въ парламентъ или по крайней мѣрѣ среди республиканцевъ, до тѣхъ поръ они не могутъ претендовать на руководящую роль въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ и должны по-неволѣ мириться съ непріятными имъ министерскими комбинаціями.

Неудача министерства въ законодательномъ собраніи или передъ общественнымъ мнѣніемъ не имѣетъ одинаковыхъ послѣдствій въ различныхъ странахъ. Точно такое же пораженіе, какъ кабинету Фрейсина, нанесено было днемъ раньше министерству Каприви въ Германіи, въ засѣданіи имперскаго сейма, 17-го (15-го) февраля, причемъ оппозиціонное большинство составилось изъ національ-либераловъ, свободомыслящихъ, социаль-демократовъ и небольшой части центра. Но германскій канцлеръ не вышелъ въ отставку, и никакого министерскаго кризиса не произошло, а только взгляды правительства по спорному вопросу отвергнуты, какъ несоотвѣтствующіе общественнымъ и народнымъ интересамъ. При обсужденіи военнаго бюджета имперскій сеймъ имѣлъ законный поводъ коснуться тѣхъ непріятныхъ фактовъ, о которыхъ сообщали газеты, относительно жестокаго обращенія съ рекрутами и солдатами. Въ социалистической газетѣ „Vorwärts“ напечатанъ былъ текстъ обстоятельнаго приказа командира 12 го армейскаго корпуса, принца Георга Саксонскаго; въ этомъ документѣ обращено вниманіе на многіе случаи злоупотребленій въ дѣйствіяхъ унтеръ-офицеровъ при обученіи новобранцевъ, причемъ приводятся отдѣльные поразительные случаи изъ новѣйшей военно-судебной практики. Этотъ военный приказъ, имѣвшій, конечно, конфиденціальный характеръ и не предназначенный къ обнародованію, обошелъ всѣ нѣмецкія газеты и послужилъ предметомъ подробныхъ разъясненій въ имперскомъ сеймѣ. Никто не считалъ предосудительнымъ со стороны печати разглашеніе этихъ непріятныхъ свѣдѣній, такъ какъ только полная гласность могла бы

въ корнѣ пресѣчь зло, грозившее укорениться прочно подѣ прикрѣ-
тѣемъ суровыхъ началъ военной дисциплины. Правительство также
признавало себя заинтересованнымъ въ своевременномъ раскрытіи
злоупотребленій и въ неуклонномъ преслѣдованіи ихъ; оно соглаша-
лось поэтому, что нужно измѣнить существующія постановленія объ
условіяхъ и способахъ обжалованія солдатами неправильныхъ по-
ступковъ военныхъ лицъ, но въ то же время генералъ Каприви рѣ-
шительно возражалъ противъ принципа публичности при разборѣ
военно-судебныхъ дѣлъ. Имперскій канцлеръ нисколько не отрицалъ
печальнаго значенія обнаруженныхъ фактовъ, которые раньше чѣмъ
попасть въ газеты были разслѣдованы и осуждены подлежащими
военно-судебными учрежденіями; но многіе случаи не доходятъ до
военныхъ начальствъ или доходятъ слишкомъ поздно, а неоднок-
ратно повторявшіеся конфиденціальныя приказы, въ родѣ предпи-
санія принца Георга, свидѣтельствуя, что высшая военная адми-
нистрація не старается тушить подобныя дѣла, а напротивъ, добро-
совѣстно разбираетъ ихъ и стремится предупредить возникновеніе
ихъ въ будущемъ. Разоблаченіе такихъ случаевъ путемъ печати мо-
жетъ значительно облегчить борьбу съ закулисными особенностями прус-
скаго милитаризма; еще сильнѣе способствуетъ этой цѣли возможность
публичнаго контроля и обсужденія военныхъ непорядковъ со сто-
роны имперскаго сейма. Одни конфиденціальныя предписанія, хотя
бы энергическія и настойчивыя, безсильны сами по себѣ, когда дѣло
идетъ объ ограниченіи произвола обширнаго круга лицъ, которыя
фактически пользуются правомъ дѣйствовать безконтрольно и без-
наказанно относительно людей подчиненныхъ.

Пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, въ засѣданіяхъ 15—17-го
(3—5-го) февраля, представляли много интереснаго и поучительнаго.
Обстоятельныя рѣчи генерала Каприви вовсе не имѣли того рѣзкаго
оттѣнка, который придавался имъ въ газетныхъ телеграммахъ; на-
противъ, канцлеръ говорилъ весьма дипломатично, осторожно спорилъ
съ социалистомъ Бебелемъ и не отказывалъ въ уваженіи прогрессисту
Рихтеру, хотя и возражалъ противъ его доводовъ. Большинство импер-
скаго сейма, какъ сказано выше, согласилось въ нѣкоторыхъ суще-
ственныхъ пунктахъ съ ораторами оппозиціи.

Оживленіе оппозиціоннаго духа даже среди преданныхъ прави-
тельству національ-либераловъ, особенно по поводу школьнаго во-
проса, не могло не подѣйствовать на впечатлительнаго и нервнаго
Вильгельма II; это воздѣйствіе замѣтно отразилось въ рѣчи импера-
тора на банкетѣ, данномъ 24-го (12-го) февраля бранденбургскому про-
винціальному земскому сейму. Императоръ между прочимъ упомянулъ
о недовольныхъ людяхъ, видящихъ лишь одни недостатки въ родной

странѣ; эти вѣчно критикующіе ворчуны (Nörgler), по его словамъ, могли бы покинуть отечество, если въ самомъ дѣлѣ положеніе въ немъ такъ тяжело и скверно. Императоръ заговорилъ затѣмъ о предстоящихъ славныхъ дняхъ, причемъ не совсѣмъ удачно назвалъ Бога „старымъ союзникомъ въ побѣдахъ Россбаха и Денневица“ (unser alter Alliirter von Rossbach etc.), много потрудившимся для пользы бранденбургскаго дома. Эти заявленія, выраженные болѣе или менѣе торжественно, составляютъ впрочемъ обычную принадлежность застольныхъ спичей, произносимыхъ столь высокопоставленными лицами, какъ императоръ Вильгельмъ II, и нѣмецкая либеральная печать едва-ли не напрасно дѣлала въ данномъ случаѣ серьезныя политическіе выводы изъ нѣкоторыхъ неудачныхъ фразъ, которыя во всякомъ случаѣ были только фразами. Оттѣнокъ мистической вѣры въ высшее призваніе монарха всегда отражался въ рѣчахъ германскаго императора, но этотъ элементъ провиденціальнаго абсолютизма вполне уживается у него съ признаніемъ народныхъ и общественныхъ правъ, освященныхъ германской конституціею.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1892.

- Памятники древней русской письменности, относящіеся къ смутному времени. Сбл. 1891. (Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографическою Комиссіею. Томъ тринадцатый).

Въ 1888 году г. Платоновъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе о литературно-историческихъ памятникахъ XVII-го вѣка, подъ названіемъ: „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII-го вѣка, какъ историческій источникъ“, о которомъ въ свое время данъ былъ отчетъ въ Литературномъ Обзорѣніи „Вѣстника Европы“ (1888, августъ). Настоящее изданіе памятниковъ (XIII томъ „Исторической Библіотеки“, издаваемой археографическою комиссіею) подъ редакціей г. Платонова является вмѣстѣ дополненіемъ и основой его труда. Памятники, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ разбросаны и большею частью были такъ случайно и потому неполно издаваемы прежде, что пользованіе ими было доступно почти только специалистамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было объединить ихъ сколько возможно въ цѣльномъ изданіи, какъ историческій и литературный матеріалъ данной эпохи, и вмѣстѣ дополнить ихъ матеріаломъ, который до сихъ поръ былъ еще совсѣмъ неизвѣстенъ въ печати.

Въ предисловіи къ настоящему изданію составъ этихъ памятниковъ указывается въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: „Большая часть этихъ памятниковъ составлена современниками смуты или въ самую смутную эпоху, или же вскорѣ послѣ возстановленія государственнаго порядка, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Во всю первую половину XVII-го вѣка литературные интересы московскаго общества въ значительной мѣрѣ направлены были на изображеніе и обсужденіе того государственнаго кризиса, который угрожалъ ниспроверженіемъ политической самостоятельности и религіозной свободы великорусскаго племени. Большое количество произведеній посвяща-

лось описанію или общаго хода смуты, или отдѣльных ея фактовъ, или подвиговъ лицъ, руководившихъ русскимъ обществомъ въ трудныя для него годы. Подчиняясь литературнымъ приѣмамъ своего времени, писатели о смутѣ придавали своимъ произведеніямъ обычную для XVII-го столѣтія форму повѣстей и сказаній, житій и чудесъ, словъ, плачей, видѣній, наконецъ лѣтописцевъ и хронографовъ. Во вторую половину XVII-го вѣка, когда на смѣну современникамъ смуты явилось поколѣніе людей, знавшихъ только по преданію времена самозванщины, интересъ къ событіямъ смутной эпохи не изсякъ, но выражался уже не въ созданіи литературно-самостоятельныхъ произведеній, а въ многочисленныхъ компиляціяхъ изъ болѣе раннихъ сказаній съ примѣсью къ нимъ легендарныхъ подробностей, далеко отступавшихъ отъ исторической истины. Такимъ образомъ, произведенія, посвященныя смутному времени, составляютъ въ древне-русской письменности весьма замѣтную по количеству группу разнообразныхъ и разновременныхъ литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ немаловажное значеніе въ исторіи нашей древней литературы“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти памятники представляютъ, конечно, и важный матеріалъ историческій. Въ этомъ смыслѣ на нихъ обратили вниманіе еще историки прошлаго вѣка, но, замѣчаетъ предисловіе, въ XVIII вѣкѣ степень начитанности нашихъ историковъ въ этихъ текстахъ была еще невелика и, собственно говоря, они въ первый разъ введены въ нашу историографію Карамзинымъ, который уже воспользовался ими съ замѣчательною полнотою. Надо, впрочемъ, сказать, что отъ XVIII-го вѣка трудно было и ждать полнаго знакомства съ этой литературой: вся она была въ рукописяхъ, которыя, какъ можно видѣть изъ настоящаго изданія, и нынѣ дождались систематическаго изданія только лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ Карамзина.

Говоря прежде о книгѣ г. Платонова, мы указывали, сколько внимательнаго труда было положено имъ на критику этихъ памятниковъ исторіи смутнаго времени; столько же труда положено имъ и на изданіе текстовъ. Всего изданы здѣсь девятнадцать различныхъ сказаній, изъ которыхъ самыя крупныя—такъ называемое „Иное Сказаніе“ (названное такъ, довольно неловко, И. Д. Бѣляевымъ, такъ какъ въ старой рукописи это сказаніе о смутномъ времени слѣдовало за сказаніемъ Авраамія Палицына), затѣмъ „Временникъ дѣяка Ивана Тимофеева“, „Сказаніе Авраамія Палицына по списку моск. духовной академіи“ (особая редакція), „Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго во второй редакціи“, „Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Іоанновича“. Большая часть изъ нихъ были уже раньше извѣстны въ печати, но здѣсь они изданы болѣе точно, между прочимъ потому, что при изданіи принято въ соображеніе большее количество

списковъ; нѣкоторыя являются въ печати въ первый разъ. Какъ упомянуто выше, это—произведенія весьма различныхъ категорій, несходныя и по стилю, отъ простаго лѣтописнаго разсказа до опытовъ стариннаго высокаго книжническаго стиля. Образчикъ послѣдняго читатель найдетъ въ особенности во „Временникѣ“ дѣяка Тимофеева: чтобы разсказать о своемъ времени, авторъ начинаетъ отъ сотворенія міра и доводитъ книжническія словоизвитія до того, что онѣ становятся совершенно невразумительны.

— *Историческое Обзоріе.* Сборникъ Историческаго Общества при Императ. С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣва*. Томъ третій. Сиб. 1891.

Историческое Общество, основанное всего года два тому назадъ при петербургскомъ университетѣ, дѣйствуетъ весьма успѣшно, какъ можно видѣть изъ того, что вышелъ уже третій томъ предпринятаго имъ изданія. Какъ и первые два, онъ представляетъ нѣсколько работъ, интересныхъ для историковъ-спеціалистовъ, для учителей исторіи и вообще для образованныхъ читателей. Кромѣ статей по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ, въ „Обзоріи“ обсуждается также преподаваніе предмета въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, его нынѣшняя постановка и желаемыя улучшенія. Въ настоящей книгѣ этому предмету посвящена опять статья редактора изданія, профессора всеобщей исторіи Карѣва: „Всеобщая исторія въ университетѣ“. Авторъ объясняетъ, что эта статья есть собственно лекція, читанная студентамъ первыхъ семестровъ въ видѣ вступленія въ общій курсъ новой исторіи, и появленіе ея въ печати объясняется „современнымъ положеніемъ всеобщей исторіи среди другихъ предметовъ, преподаваемыхъ на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ“. Это положеніе представляется автору ненормальнымъ. „Было время,—говоритъ онъ,—когда всѣ части этого предмета считались равно обязательными для всѣхъ студентовъ факультета; теперь же такою привилегіей пользуется только одна древняя исторія (да и то съ выключеніемъ Востока), такъ какъ средняя и новая отнесены къ числу предметовъ спеціальныхъ, которыхъ какъ бы можно и не знать и классическому филологу, и слависту“. По мнѣнію г. Карѣва, которое нельзя не признать справедливымъ, исторія въ ея цѣльномъ составѣ именно принадлежитъ къ числу предметовъ образовательныхъ, устраненіе которыхъ не можетъ не отзываться невыгодно на результатахъ школьнаго періода. Учеными сдѣлаются только немногіе изъ университетскихъ слушателей, между тѣмъ образо-

ванными людьми слѣдуетъ быть имъ всѣмъ безъ изыятія. „Дѣятельность ученаго, — говоритъ г. Карѣвъ, — требуетъ извѣстныхъ прирожденныхъ склонностей и способностей, встрѣчающихся вообще у меньшинства, образованіе же доступно каждому; а для того, чтобы его получить, нѣтъ надобности въ исключительныхъ природныхъ качествахъ; весьма ошибочно было бы думать, чтобы единственною цѣлью преподаванія на нашемъ факультетѣ было приготовленіе ученыхъ по разнымъ специальностямъ, на немъ преподаваемымъ: это значило бы, во-первыхъ, или имѣть въ виду только небольшое меньшинство, посвящающее себя на всю жизнь занятію наукой, или искусственно притягивать всѣхъ къ дѣятельности имъ несвойственной, забывая другіе ихъ интересы и потребности; а во-вторыхъ, это значило бы сѣзуть задачу высшаго преподаванія и даже лишить будущихъ ученыхъ специалистовъ того общаго образованія, отсутствіе коего въ человѣкѣ не можетъ оправдываться никакою спеціальностію“. Это совершенно справедливо. Спеціализація преподаванія именно на филологическомъ факультетѣ, особенно развившаяся въ послѣднее время, представляетъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто совершенно ненормальное. Поступающій въ университетъ юноша приноситъ изъ гимназій только элементарное знаніе фактовъ науки, почти безъ всякаго освѣщенія ея широкаго смысла и задачъ; огромное большинство этихъ юношей, оканчивая курсъ въ университетѣ, не становятся спеціалистами науки, а прямо вступаютъ въ массу общества, которое именно нуждается въ людяхъ съ общимъ образованіемъ, способныхъ служить обычнымъ его дѣламъ и интересамъ. Положеніе питомца университета, прослушавшаго тамъ нѣсколько „спеціальныхъ курсовъ“, т.-е. по кусочку различныхъ наукъ, общаго изложенія которыхъ онъ никогда не слыхалъ, бываетъ по истинѣ траги-комическимъ: спеціальныя курсы рассчитывали сдѣлать изъ него ученаго, но онъ имъ не сдѣлался, а прослушанные кусочки, не привязанные ни къ чему цѣльному, уже вскорѣ испарятся изъ его головы, оставивъ только смутное воспоминаніе подробностей, для него ни къ чему не пригодныхъ. Случается, что и сами спеціалисты, образованные въ подобной школѣ, оказываются также въ странномъ положеніи: зная тѣ или другія детали своей науки, они бывають, однако, незнакомы съ цѣльнымъ составомъ даже этой самой науки, не говоря о томъ, что остаются весьма отрывочно знакомы съ другими сосѣдними отраслями знанія, которыя, однако, необходимы для должнаго освѣщенія ихъ собственной спеціальности. Эта спеціализація занесена къ намъ главнымъ образомъ изъ нѣмецкихъ университетовъ; но едва ли внѣшній и внутренній складъ нѣмецкаго университета, основавшійся на громадномъ развитіи средней и высшей нѣмецкой школы и самой науки,

можетъ служить образцомъ для насъ, не имѣющихъ даже отдаленнаго подобія этого необычайнаго богатства образовательной дѣятельности. Нѣмецкій профессоръ-спеціалистъ при своихъ частныхъ курсахъ опирается или на общихъ курсахъ—своихъ или другого профессора, или на готовой обширной научной литературѣ, въ которой онъ всегда можетъ обратиться своихъ слушателей. У насъ, конечно, нѣтъ ничего этого, или есть только слабое подобіе. Задача нашего университета—иная: по всѣмъ условіямъ исторіи нашего общества, онъ есть не только „ученая школа“, но и въ особенности школа общеобразовательная.

За статью г. Карѣва, которая съ пользою можетъ быть прочитана и другими слушателями университета, слѣдуетъ нѣсколько статей по западно-европейской и русской исторіи; именно: статьи М. М. Ковалевскаго: „Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи“; М. А. Дьяконова: „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-общественныхъ отношеній“; Е. А. Бѣлова: „Верховники и дворянство“; А. С. Лаппо-Данилевскаго: „Выслуженныя вотчины въ московскомъ государствѣ XVI—XVII-го в.“. Далѣе, находимъ здѣсь статью г. Сапожникова о преподаваніи исторіи въ швейцарскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и г. Рубакина—объ историческихъ книжкахъ „для народа“. Въ „хроникѣ“—извѣстія о преподаваніи исторіи въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о магистерскихъ диспутахъ, и т. п. Наконецъ, какъ въ предыдущемъ томѣ „Обозрѣнія“, помѣщено весьма обстоятельное обозрѣніе литературы по русской исторіи за 1890 годъ, г. Браудо.

— *Черная отра* или шаманство у монголовъ и другія статьи *Дорджи Банзарова*. Съ портретомъ и біографіей. Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Р. Геогр. Общества. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Спб. 1891.

Дорджи Банзаровъ, „буряты селенгинскаго вѣдомства“ (1822—1855), пріобрѣлъ еще очень молодымъ человѣкомъ большую славу въ средѣ нашихъ ученыхъ какъ замѣчательный ориенталистъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращалъ на себя вниманіе какъ рѣдкій и тогда еще первый примѣръ просвѣщеннаго и ученаго человѣка изъ сибирскихъ инородцевъ. Біографія его сложилась слѣдующимъ образомъ. Въ 1834 г. обращено было особенное вниманіе на преподаваніе восточныхъ языковъ въ первой казанской гимназіи съ тѣмъ, чтобы съ одной стороны готовить переводчиковъ для казенной службы въ пограничныхъ съ Азіею областяхъ, а съ другой—открыть возможность образованія для инородцевъ. Въ числѣ мальчиковъ, привезен-

ныхъ тогда въ казанскую гимназію, былъ Банзаровъ, начавшій передъ тѣмъ учиться въ кяхтинской русско-монгольской школѣ, гдѣ онъ обнаружилъ блестящія способности. Поступивъ въ гимназію въ 1835 г., Банзаровъ перешелъ въ 1842 г. въ казанскій университетъ: случай былъ столь рѣдкій, что министръ просвѣщенія Уваровъ довелъ объ этомъ до свѣденія импер. Николая Павловича. Въ 1846 г. Банзаровъ окончилъ курсъ въ университетѣ и назначенъ былъ учителемъ всеобщей исторіи въ одну изъ казанскихъ гимназій. Его кандидатская диссертация, — та „Черная вѣра“, которая издана теперь вновь г. Потанинымъ, — возбудила тогда всеобщій интересъ въ русскомъ ученомъ мірѣ: по словамъ его тогдашняго біографа, извѣстнаго ориенталиста Савельева, диссертация показала въ ея авторѣ, почти еще юномъ, только-что оставившемъ университетскую скамью, „замѣчательную начитанность, зрѣлый и трезвый умъ и свѣтлый философскій взглядъ на вещи“; по отзыву г. Потанина, эта книжка до сихъ поръ составляетъ одно изъ лучшихъ сочиненій о сибирскомъ шаманствѣ.

„Когда Банзаровъ окончилъ университетскій курсъ, — рассказываетъ его біографъ, — въ немъ азіатскаго оставалась одна наружность, имѣвшая чисто-монгольскій типъ съ его характерными выдающимися скулами и темнымъ цвѣтомъ лица; во всемъ остальномъ онъ былъ вполне по-европейски образованный и развитый человѣкъ, стоявшій во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ требованіями времени“. Къ сожалѣнію, жизнь Банзарова сложилась такъ, что этимъ задаткамъ не суждено было развиваться до широкаго результата, какіе они могли обѣщать.

Въ 1847 г. Банзаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ освобожденіи изъ казачьяго сословія, въ которомъ числился его родъ. По казачьему положенію, Банзарову предстояло вернуться въ Забайкалье и прослужить двадцать-пять лѣтъ въ казачьей службѣ: очевидно, все его широкое образованіе и ориентальная ученость были для этой службы совершенно ненужны и должны были въ ней пропасть. Его дарованія тотчасъ доставили ему въ Петербургѣ ученыхъ друзей и такъ обращали на него вниманіе, что онъ былъ даже представленъ императору Николаю; но исключеніе изъ казаковъ, на которое онъ надѣялся, было бы изъятіемъ изъ закона, — сенатъ затруднялся это сдѣлать, и вопросъ перенесенъ былъ въ государственный совѣтъ. Кончилось тѣмъ, что государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ уволить Банзарова изъ казачьяго сословія и назначить чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ восточной Сибири. Банзаровъ, проживъ полгода въ Петербургѣ, вернулся въ Казань, потомъ отправился въ Сибирь. Исполняя порученія начальства, ему приходилось разѣзжать по улусамъ и долго заживаться въ нихъ.

Эти поѣздки, по словамъ людей, знавшихъ Банзарова въ Сибири, сгубили его. „Заѣхавши въ улусъ, Банзаровъ превращался въ старо-свѣтскаго бурята, одѣвался по-бурятски, пилъ кумысъ или тарасунъ и забывалъ о службѣ. Бывало, что за нимъ посылали особаго чиновника, который и привозилъ Банзарова съ собою“. Въ концѣ концовъ Банзаровъ сталъ пить, дичалъ, забросилъ ученыя занятія, чуждался общества и рано умеръ.

Его первый біографъ, Савельевъ, очень любившій Банзарова, съ которымъ сблизился въ Петербургѣ, объяснялъ эту пережѣну тѣмъ, что Банзаровъ былъ добрѣ до безхарактерности и мягокѣ до слабости, что, вернувшись на родину, онъ увлекся впечатлѣніями дѣтства и поддался вліянію родичей, превратившись опять изъ европейца въ бурята. Г. Потанинъ говоритъ, что Банзаровъ просто спился, какъ спиваются и многіе русскіе люди, и если сталъ дичиться образованнаго общества, то лишь потому, что началъ стыдиться своего порока. Г. Потанинъ прибавляетъ, что, къ сожалѣнію, Банзаровъ не встрѣтилъ въ западной Сибири достаточнаго вниманія и участія, которыя могли бы поддержать въ немъ научные интересы, какъ это было въ Казани и въ Петербургѣ. Время пребыванія въ Петербургѣ было самымъ плодотворнымъ для его ученыхъ трудовъ: сочувственная среда его возбуждала и поддерживала.

Вспоминая другого ученаго инородца, киргиза Чокана Валиханова, г. Потанинъ замѣчаетъ:

„Оба нашихъ инородца, Банзаровъ и Валихановъ, получили образованіе въ русскихъ школахъ, вскормлены были тѣми идеями и тѣми умственными интересами, которыми жило въ ихъ пору русское общество, и потому, если по психической природѣ они и сохранили особенности своего племенного типа, то по своему умственному развитію оба они были вполне русскими образованными людьми; они волновались тѣми же литературными и учеными вопросами, какими волновалось русское общество; вожделѣнія, надежды и слава послѣдняяго были и ихъ вожделѣніями, надеждой и славой; въ нихъ жило сознаніе, что и улучшеніе положенія ихъ сродичей, которыхъ оба они несомнѣнно любили, зависитъ отъ общаго просвѣщенія Россіи. Еслибъ такихъ Банзаровыхъ и Валихановыхъ было больше, еще разъ повторяемъ, глубокое духовное родство образовалось бы между инородческой средой и русскимъ обществомъ. Для русскаго патріота и для человѣка, по добротѣ сердца интересующагося судьбой инородцевъ, истиннымъ огорченіемъ должно казаться, что вмѣсто такого внутренняго родства, коренящагося въ общности духовныхъ интересовъ, единственною связью, соединяющею инородцевъ съ рус-

скимъ обществомъ, служить одно только чувство общей административной зависимости“.

Новое изданіе немногихъ ученыхъ сочиненій, оставшихся отъ Банзарова, сдѣлано было, какъ читаемъ въ предисловіи, на средства одного образованнаго бурята, съ тѣмъ, чтобы на вырученныя отъ продажи деньги предпринято было новое изданіе, относящееся также къ бурятамъ. Цѣлю изданія было сдѣлать доступными для ученыхъ сочиненія Банзарова, ставшія библиографическою рѣдкостью, а главнымъ образомъ—напомнить бурятамъ объ ихъ замѣчательномъ соплеменикѣ, а также и русской публикѣ—объ этомъ одинокомъ случаѣ, оставшемся въ продолженіе тридцати лѣтъ безъ повторенія. Въ пятидесятихъ годахъ Савельевъ въ жизнеописаніи Банзарова такъ оцѣнивалъ появленіе среди русскихъ ученыхъ образованнаго монгола: „Взвѣсъ примѣчательной личности отражается и на народѣ, и буряты отнынѣ приобрѣли право на большее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ“. Собственно говоря, буряты и безъ того должны были заслуживать вниманія, какъ предметъ для научнаго изслѣдованія и какъ наши соотечественники по принадлежности къ русскому государству; аргументъ Савельева отпадалъ бы и потому, что, по замѣчанію г. Потанина, имя Банзарова въ настоящее время извѣстно у самихъ бурятъ только въ самомъ небольшомъ кружкѣ лицъ, а у русскихъ—еще меньше. Только теперь среди бурятъ уже начинаютъ появляться лица съ среднимъ образованіемъ, которыя знакомятся съ русской литературой, и имъ было бы интересно прочесть біографію своего соотечественника. Что касается общаго вопроса о приобщеніи бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни, то, по замѣчанію г. Потанина, оно лучше всего можетъ быть достигнуто научной разработкой быта бурятъ и ихъ старины, и изданіемъ книжекъ, посвященныхъ описанію ихъ родины, ихъ исторіи и современной жизни. Такая литература создастъ духовное общеніе между русской интеллигенціей и бурятской средой“.

Этой цѣли предназначалась служить и настоящая книжка, которая должна бы заинтересовать образованнаго читателя, какъ любопытный эпизодъ изъ исторіи нашего образованія и русско-инородческихъ отношеній.

— *Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. М. 1892.*

Уже многіе послѣдніе годы г. Шенрокъ занимался собираніемъ матеріаловъ для біографіи Гоголя: въ журналахъ являлось много собранныхъ имъ матеріаловъ и біографическихъ изслѣдованій, обра-

щавшихъ на себя вниманіе какъ новостью, такъ и большою внимательностью обработки этихъ матеріаловъ. Г. Шенроку посчастливилось (конечно, только вслѣдствіе его неутомимыхъ исканій) найти и затѣмъ издать множество новой, до сихъ поръ совсѣмъ неизвѣстной переписки Гоголя, между прочимъ весьма интимной переписки съ его ближайшими друзьями послѣднихъ лѣтъ. Относительно старой, уже извѣстной переписки, изданной нѣкогда г. Кулишомъ, г. Шенрокъ при самомъ началѣ своихъ изысканій сдѣлалъ чрезвычайно полезную работу, которая, собственно говоря, въ первый разъ дѣлала возможнымъ правильное пользованіе этой перепиской: изданіе г. Кулиша, какъ извѣстно, появилось со множествомъ умолчаній въ именахъ друзей и корреспондентовъ Гоголя; имена лицъ, которымъ Гоголь писалъ или которыя упоминались въ письмахъ, были скрыты подъ случайно взятыми инициалами и звѣздочками, такъ что каждому, кто хотѣлъ бы пользоваться этой перепиской для біографическихъ цѣлей, приходилось начинать съ разгадыванія всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ именъ; г. Шенрокъ составилъ полный указатель къ этой перепискѣ, раскрывши инициалы и звѣздочки и въ первый разъ восстанавливая сполна тѣ личныя отношенія, на которыхъ вращалась эта переписка. Онъ предпринялъ затѣмъ усердные поиски за новыми матеріаломъ, вступалъ въ сношенія съ еще жившими современниками Гоголя или ихъ наслѣдниками и, какъ мы сказали, напечаталъ цѣлую массу новыхъ писемъ, между прочимъ существенно важныхъ для разъясненія внутренней жизни Гоголя. Въ настоящее время онъ вознамѣрился объединить весь собранный имъ и раньше извѣстный матеріалъ въ цѣльное изложеніе, и вышедшая теперь книга составляетъ первый томъ его работы. Въ началѣ книги онъ извѣщаетъ, что цѣлое будетъ состоять изъ трехъ томовъ; затѣмъ, содержаніе настоящей книги заключается въ слѣдующемъ. Въ статьѣ „вмѣсто предисловія“ авторъ указываетъ необходимость особенно внимательнаго изученія писателей, оказывавшихъ сильное дѣйствіе въ историческомъ развитіи литературы, и затѣмъ старается разъяснить первоначальный вопросъ о племенной принадлежности Гоголя—чѣмъ онъ былъ больше, русскимъ или малороссіяниномъ, и рѣшаетъ вопросъ такъ, что Гоголь, „никогда не переставая быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ Украины“, давно уже искалъ себѣ болѣе широкаго поприща дѣятельности и въ зрѣлыя годы „одинаково горячо и сильно любилъ обѣ родственныя ему народности и ни одной не давалъ предпочтенія“. Далѣе слѣдуетъ краткій обзоръ литературы о Гоголѣ, при чемъ разумѣется литература собственно біографическая, которая начинается по смерти Гоголя, продолжаясь до нашихъ дней; надо думать, что въ самой книгѣ по поводу произведеній Гоголя г. Шен-

рокъ не забудетъ дать обзоръ и другой литературы, именно критической, которая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ установила первую правильную оцѣнку художественныхъ достоинствъ великаго писателя и его значеніе, какъ основателя новѣйшаго періода нашей литературы. Наконецъ, послѣ „свѣденій о жизни и бытѣ родителей Гоголя“, самое біографическое изложеніе заключаетъ слѣдующія главы: ученическіе годы Гоголя (1809—1828), первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ (1828—1830) и начало литературной карьеры Гоголя (1830—1831).

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія нашей литературы давно нуждалась въ новой біографіи Гоголя. Почти странно сказать, что при всемъ интересѣ, какой не переставали возбуждать личность и дѣятельность Гоголя въ силу его рѣшающаго значенія въ нашей литературной и общественной исторіи, новый и цѣльный біографическій трудъ появляется (или по крайней мѣрѣ начатъ) только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго „Опыта“ г. Кулиша. Съ тѣхъ поръ собралась масса матеріала или совсѣмъ неизвѣстнаго прежнему біографу, или которымъ онъ могъ воспользоваться только въ очень ограниченномъ размѣрѣ, и пора было наконецъ объединить большое количество отрывочныхъ свѣденій, писемъ, замѣтокъ и эпизодическихъ изысканій въ одно цѣлое, которое позволило бы обозрѣть этотъ матеріалъ, не тратя времени на его собираніе и внѣшнее сопоставленіе. Кромѣ собственной біографіи вопросъ осложнялся и съ другой стороны: съ тѣхъ поръ какъ изданъ былъ первый „Опытъ“, сдѣлано было много любопытныхъ изысканій объ историческомъ значеніи дѣятельности Гоголя, для которой отрывалась все болѣе широкая историческая перспектива. Исторія его творчества, тотъ внутренній процессъ, который совершался въ его міровоззрѣніи и такъ обострился въ послѣдніе годы его жизни, въ настоящее время могутъ быть объясняемы съ гораздо болѣе спокойной точки зрѣнія, чѣмъ то было возможно для ближайшихъ современниковъ. Теперь основной біографическій матеріалъ повидимому уже исчерпанъ; воспоминанія С. Т. Аксакова (слишкомъ долго оставшіяся неизданными) были едва ли не послѣднимъ крупнымъ свидѣтельствомъ современника.

Г. Шенрокъ назвалъ свой трудъ „материалами“, и для настоящей минуты это, кажется, и есть наилучшая форма изслѣдованія, которому предстоитъ еще выяснять многія подробности, провѣрять данныя, вообще произвести предварительную работу: только послѣ этого (или въ заключеніе подобной работы) можетъ быть поставлена другая задача—цѣльное опредѣленіе и освѣщеніе личности и дѣятельности писателя и оцѣнка его историческаго значенія въ условіяхъ времени и общества. Трудъ, какой полагалъ г. Шенрокъ до сихъ

поръ на изслѣдованія о Гоголѣ, можетъ ручаться, что мы получимъ въ его книгѣ обстоятельное изложеніе біографіи Гоголя, въ какой давно нуждается наша историческая литература.

— *Историческія чтенія* (Lectures Historiques). *Древняя исторія*. Египетъ. Ассирія. М. Масперо. Переводъ съ французскаго, съ 192 рисунками. Спб. 1892.

Въ послѣднее время между прочимъ и у насъ является не мало книгъ, историческихъ сборниковъ, хрестоматій и т. п., предназначенныхъ служить для дополненія историческаго преподаванія по учебникамъ. По исторіи русской, это, конечно, собственныя работы (назовемъ, напр., прекрасную книгу г. Сиповскаго); по исторіи другихъ народовъ, это почти исключительно переводы, и въ ряду ихъ настоящее изданіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. При книгѣ не указано, что изъ серіи „Lectures Historiques“ явится на русскомъ языкѣ; только въ книжныхъ объявленіяхъ находимъ извѣстіе, что печатается книга Ланглуа о среднихъ вѣкахъ.

„Историческія чтенія“ совсѣмъ не похожи на учебникъ; это—эпизоды изъ бытовой жизни Египта и Ассиріи, насколько она можетъ быть восстанавлиема по новѣйшимъ археологическимъ изслѣдованіямъ. Масперо—одинъ изъ первостепенныхъ авторитетовъ въ этой области археологіи, и едва ли кѣмъ лучше могла быть написана подобная книга; главнымъ источникомъ ея служатъ памятники, которыхъ раскопка (въ Египтѣ) и объясненіе составляютъ его ученую славу; въ настоящее время Масперо стоитъ во главѣ египетскихъ раскопокъ, Булакскаго музея и французскаго археологическаго института въ Каирѣ.

Какъ мы сказали, настоящая книга не есть учебникъ или послѣдовательная исторія,—для этого послѣдняго авторъ отсылаетъ читателя къ своей „Древней исторіи“ и къ сокращенному изложенію Ванъ-деръ-Берга. Здѣсь авторъ хотѣлъ дать молодымъ читателямъ общее знакомство съ различными формами бытовой жизни у двухъ наиболѣе культурныхъ народовъ древности, предшествовавшихъ греческому міру: для этого, у каждаго онъ взялъ историческую эпоху, наиболѣе извѣстную по богатству сохранившихся памятниковъ: Египетъ описывается въ эпоху Рамзеса II (XIV вѣкъ до Рождества Христова), Ассирія—при Ассурбанипалѣ (VII вѣкъ до Р. Хр.). „При этомъ,—пишетъ авторъ,—я поступилъ какъ тѣ добросовѣстные путешественники, которые, намѣреваясь отправиться въ новыя страны, предпринимаютъ это не наобумъ, а освѣдомляются раньше, чѣмъ пуститься въ путь, о нравахъ и языкѣ, существующихъ въ

нихъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ думается, что, отправляясь за 2—3 тысячи лѣтъ до нашего времени въ глубь древности, я выполнилъ это условіе. Прибывъ на мѣсто, я осмотрѣлся вокругъ себя и старался присмотрѣться и прислушаться ко всему какъ можно лучше, какъ можно больше. Я исходилъ всѣ улицы въ городѣ, заглядывалъ, гдѣ можно, въ плохо притворенныя двери, слонялся по торговымъ лавкамъ, записывалъ все, что удалось подслушать въ народныхъ толлахъ и разговорахъ. Когда каменщики составили забастовку, я шелъ за ними къ египетскому намѣстнику, чтобы знать, чѣмъ она кончится. Проходило похоронное шествіе съ большимъ шумомъ—я проводилъ покойника до могилы и полюбопытствовалъ объ участи, ожидающей его въ другомъ мірѣ. Справляли свадьбу: я, пользуясь привѣтливостью, съ какою восточные жители отворяютъ двери своихъ домовъ во время праздника, издали присутствовалъ при чтеніи брачнаго договора. Когда приходилъ фараонъ или ниневійскій царь—я, съ другими ротозѣями, бѣжалъ за ними въ храмъ, во дворецъ или на охоту, а куда обычай или этикетъ не позволяли мнѣ войти, я проникалъ туда мысленно при помощи подслушанныхъ разговоровъ или прочитанныхъ текстовъ. Такъ, на одномъ цилиндрѣ я прочиталъ молитву, съ которою Ассурбанипалъ обращался къ Иштарѣ въ минуту удручающаго его безпокойства; одинъ важный, словоохотливый сcribe рассказалъ мнѣ путешествіе одного египетскаго солдата въ Сирію; двадцать барельефовъ дали мнѣ возможность присутствовать, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, въ войнахъ древняго міра, при наборахъ рекрутъ въ войска, при походахъ войскъ и военныхъ дѣйствіяхъ, и узнать, какими усиліями энергіи Рамзесъ II побѣдилъ подлаго Хити и какъ ассирійскій полководецъ взялъ приступомъ одинъ городъ. Въ Ассиріи, въ большинствѣ случаевъ, я описалъ сцены, сходныя по содержанію съ египетскими, но отличающіяся по характеру, и кто пожелаетъ ихъ сравнить, увидитъ, въ чемъ собственно заключается сходство или несходство цивилизаціи этихъ двухъ народовъ“.

Масперо такъ и дѣлаетъ, какъ путешественникъ: онъ подробно описываетъ жизнь Египта и потомъ Ассиріи, какъ описывалъ бы путешественникъ страну и людей въ данную минуту, съ настоящимъ характеромъ природы, въ полномъ дѣйствіи учреждений, нравовъ и обычаевъ, доходя до самыхъ мелкихъ подробностей быта. Такъ въ Египтѣ онъ описываетъ древнюю столицу, Оивы, и народную жизнь (напр.: предмѣстья, землянки; выдѣлка кирпича и постройка домовъ; домашняя утварь бѣдныхъ; воры и городская полиція; семья; мужчина и ручныя работы; сcribe и его карьера; административныя формулы; женщина и ея хозяйство: вода, хлѣбъ, топливо; дѣти дома

и въ школѣ, ихъ почтеніе въ матери); далѣе: рынокъ и торговые лавки; фараонъ; Амонъ, главный египетскій богъ; наборъ войска; жизнь при дворѣ Нахтмину; болѣзнь и смерть; похороны и гробницы; въ походѣ; сраженіе. По всѣмъ этимъ отдѣламъ Масперо даетъ наглядные рассказы, иллюстрированные многочисленными рисунками, взятыми съ египетскихъ памятниковъ, которые и послужили главнымъ источникомъ для этой реставраціи египетской древности. Подобнымъ образомъ изложены имъ древности Ассиріи, на основаніи новѣйшаго объясненія памятниковъ ассирійскихъ: точно также проходятъ передъ читателемъ ассирійскіе цари, жрецы, воины, изображаются нравы и обычаи; авторъ даетъ понятіе и о той ассирійской литературѣ, о которой еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ не подозрѣвали ученые историки Востока и для прочтенія которой нужно было изъ нея самой возстановить ея языкъ.

Изданіе этой книги составляетъ весьма полезное приобрѣтеніе не только для нашей учебной литературы: книга можетъ быть съ большимъ интересомъ прочитана и каждымъ образованнымъ читателемъ.

— *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Николая Барсукова. Книга пятая. Слб., 1892.

Г. Барсуковъ неутомимо продолжаетъ предпринятую имъ біографію Погодина. Пятая книга, составляющая большой томъ до 500 страницъ, заключаетъ всего четыре года жизни Погодина, съ 1837 по 1840. Мы имѣли случай замѣчать, что рамка сочиненія расширяетъ біографію Погодина до цѣлой массы соприкасающихся съ нею эпизодовъ изъ нашей общественной и литературной жизни, и если собственная біографія иногда слишкомъ поглощается этими эпизодами, то взамѣнъ приобрѣтается масса подробностей, которыя иначе могли бы и не попасть въ исторію. Дѣло въ томъ, что Погодинъ въ извѣстныхъ сторонахъ нашей литературной жизни съ двадцатыхъ и до семидесятыхъ годовъ былъ центральнымъ лицомъ, на которомъ сосредоточивалось много разныхъ научныхъ и литературныхъ отношеній; а кромѣ того онъ, человекъ очень дѣятельный, оставилъ дневникъ, веденный многіе годы, и хотя своеобразно отрывочный и лаконическій, но тѣмъ не менѣе отмѣтившій не мало любопытныхъ подробностей и нерѣдко очень мѣткій и выразительный. Сколько можно видѣть по всему труду г. Барсукова, онъ весьма обстоятельно воспользовался данными дневника, развивая ихъ другими историческими свѣдѣніями, массу которыхъ доставила г. Барсукову его обширная начитанность въ тогдашней литературѣ и въ новѣйшихъ мемуарахъ и изысканіяхъ о томъ времени. Конецъ тридцатыхъ годовъ, описанію

которыхъ посвященъ настоящій выпускъ сочиненія, доставилъ біографу случай коснуться по поводу дѣятельности Погодина многихъ замѣчательныхъ лицъ и явленій тогдашней науки и литературы. Таковы — картина московскаго университета, гдѣ старыя силы начинаютъ сдѣлаться представителями новаго научнаго направленія и гдѣ попечительство графа Строганова содѣйствовало этому обновленію; изображеніе тогдашняго состоянія нашей исторіографіи, въ которой Погодинъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ; указаніе связей Погодина съ ученымъ славянскимъ міромъ, которыя послужили не послѣднимъ факторомъ въ развитіи нашего славяновѣденія и славянофилизма; подробное описаніе заграничнаго путешествія Погодина въ 1838—1839 году; исторія погодинскаго „древлехранилища“; изложеніе литературныхъ связей Погодина, дружбы съ Гоголемъ, отношеній съ славянофилами и пр. Пятая книга кончается разсказомъ о приготовленіяхъ къ изданію „Москвитянина“.

Такимъ образомъ біографу предстоитъ еще впереди много существенныхъ фактовъ въ дѣятельности Погодина и цѣльная характеристика его еще впереди. Поэтому теперь преждевременно было бы останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ и опредѣленіяхъ біографа. Съ послѣдними мы не всегда бы согласились, — на примѣръ, хотя бы съ тѣмъ, что говоритъ авторъ объ „идеализмѣ“, который, по мнѣнію біографа, мѣшалъ успѣху книжноторговыхъ предпріятій Погодина. „Къ чести Погодина слѣдуетъ сказать, что онъ, при всей своей видимой практичности, никогда не умѣлъ сдѣлаться *спекулянтомъ*, и его *торговое дѣло* никогда не процвѣтало. Идеальныя стремленія его, конечно, были тому помѣхою“. Что Погодинъ былъ своего рода идеалистъ, это несомнѣнно, но едва ли именно эта черта мѣшала успѣху нѣкоторыхъ его практическихъ предпріятій. Извѣстно, на примѣръ, что онъ умѣлъ, несмотря на идеализмъ, выгодно устроить свое древлехранилище; есть разсказы современниковъ о другихъ его удачныхъ дѣлахъ; въ крупнѣйшемъ книжноторговомъ предпріятіи, которымъ было изданіе „Москвитянина“, причина неуспѣха была опять не въ идеализмѣ. Программа журнала, имѣвшаго въ виду выставить извѣстныя стороны русской жизни и дать имъ силу въ литературѣ, — программа, заключавшая несомнѣнно извѣстную долю идеализма, — имѣла, однако, тотъ существенный недостатокъ, что недостаточно показала эти стороны жизни, изображала ихъ односторонне и, въ концѣ концовъ, фальшиво; совпадая съ официальною народностью въ своихъ теоретическихъ толкованіяхъ, Погодинъ не умѣлъ правильно понять тогдашняго цѣлаго состоянія нашей общественной образованности, такъ что не сошелся, наконецъ, съ кругомъ людей, которые въ стремленіи возвышать русское и народное должны были бы стать

его ближайшими и ревностными союзниками,—говоримъ о славянофилахъ. Съ другой стороны, вѣдшее исполненіе изданія было черезчуръ неаккуратно, или просто неряшливо, и это послѣднее странно было бы относить къ какому-нибудь идеализму. Книги журнала наполнились перѣдко матеріаломъ чисто случайнымъ, выходили какъ попало, напр. іюльскія въ декабрѣ, или въ этомъ родѣ; въ погонѣ за „русскимъ“ и „народнымъ“, Погодинъ допускалъ иногда такіе странные вещи, какъ опроверженіе системы Коперника, и „Москвитининъ“ могъ казаться продолженіемъ „Маяка“. Объ этомъ біографу предстоитъ еще говорить; но эта сторона литературныхъ предпріятій Погодина и его теоретическихъ взглядовъ, не должна бы быть пропущена безъ объясненія.

Сороковые годы, къ которымъ долженъ перейти теперь біографъ, заключаютъ также много характернаго въ дѣятельности Погодина и, между прочимъ, судя по рефератамъ г. Барсукова въ Обществѣ любителей древней письменности, мы можемъ ожидать въ шестой книгѣ біографіи много новаго и интереснаго.—А. В.

— *Д. Менделѣевъ. Толковый тарифъ или изслѣдованіе о развитіи промышленности Россіи въ связи съ общимъ таможеннымъ тарифомъ 1891 года. Выпуски 2 и 3 (послѣдній). Спб., 1892. Стр. 248—730.*

Второй и третій выпуски сочиненія г. Менделѣева заключаютъ въ себѣ гораздо больше фактическихъ свѣдѣній и меньше экономическаго доктринерства, чѣмъ первый, о которомъ мы говорили недавно. Многія специально-техническія указанія автора могутъ оказаться весьма полезными для лицъ, посвятившихъ или желающихъ посвятить свою дѣятельность промышленной разработкѣ нашихъ естественныхъ богатствъ, особенно въ области различныхъ химическихъ производствъ. Наибольше мѣста удѣлено, впрочемъ, каменному углю, о которомъ напечатанъ цѣлый трактатъ (стр. 361—499). Пока авторъ остается въ сферѣ техники и фактовъ, его разсужденія несомнѣнно поучительны и интересны; но онъ все же не забываетъ говорить и объ экономической политикѣ, о протекціонизмѣ и фритредерствѣ, чѣмъ отчасти портитъ общій серьезный характеръ своего труда. Политико-экономическіе выводы, по обыкновенію, находятся у него въ полномъ разладѣ съ сообщаемыми фактическими свѣдѣніями; нападки на какихъ-то противниковъ промышленнаго развитія, на литературныхъ резонеровъ-классиковъ могли бы быть оставлены въ сторонѣ, вѣсть со всей политической экономіею автора,—и отъ устраненія этихъ элементовъ книга бесспорно выиграла бы во всѣхъ отношеніяхъ.

Г-нъ Менделѣевъ держится, повидимому, того взгляда, что наши

промышленнымъ успѣхамъ наиболѣе мѣшаетъ классическое образованіе, господствующее будто бы въ нашемъ обществѣ; онъ забываетъ, что образованныхъ людей у насъ вообще еще слишкомъ мало, что въ нашемъ торгово-промышленномъ классѣ едва замѣчается спросъ на какія бы то ни было научныя знанія, что полная некультурность и невѣжество процвѣтаютъ еще въ значительнѣйшей части крупнаго купечества. Классицизмъ и „резонерство“ занимаютъ несравненно большіе мѣста въ умственной жизни Англіи и Германіи, гдѣ промышленная предпринимчивость достигла однако блестящаго развитія; въ этихъ странахъ фабрично-заводскіе предприниматели и коммерсанты суть болѣею частью люди съ большими свѣдѣніями не только реальными, но и классическими; многіе изъ нихъ отличаются талантами „резонерства“ въ литературѣ, въ общественной и политической жизни. Приписывать нашу промышленную отсталость „классическому резонерству“ болѣе чѣмъ странно, при существующемъ низкомъ образовательномъ уровнѣ громаднаго большинства нашего торгово-промышленнаго населенія. Не вполнѣ понятно намъ также замѣчаніе г. Менделѣева, что „народъ ждетъ только царскаго намека, чтобы двинуться въ промышленность“ (стр. 488 и др.); да развѣ полезная предпринимчивость не всегда пользовалась у насъ поощреніемъ; доставляемая ею и нынѣ большія матеріальныя выгоды доступны пониманію cadaго. Если промышленность развивается слабо или принимаетъ вредное хищническое направленіе, то это зависитъ отъ культурной и умственной отсталости, а никакъ не отъ недостатка въ поощрительныхъ мѣрахъ, въ спасительность которыхъ почему-то увѣровалъ г. Менделѣевъ.

Односторонняя защита интересовъ крупнаго капитала, выступавшая на первый планъ въ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ перваго выпуска, уступаетъ мѣсто болѣе разумной и справедливой точкѣ зрѣнія въ дальнѣйшихъ частяхъ „Толковаго тарифа“. Проф. Менделѣевъ признаетъ и защищаетъ важное значеніе у насъ мелкой кустарной промышленности, доказываетъ необходимость поддерживать ее правительственными, земскими и частными усиліями; онъ отстаиваетъ свободу мелкихъ предпринимателей и возможность для нихъ бороться съ крупными капиталистами, стремящимися къ монополіи; онъ высказывается противъ всякаго стѣсненія крестьянской разработки угля въ Донецкомъ краѣ, — стѣсненія, о которомъ хлопотали и хлопочутъ крупные каменноугольные промышленники подъ разными предлогами. Необходимо отмѣтить эти новыя черты во второй части изслѣдованія г. Менделѣева, такъ какъ содержаніе перваго выпуска давало поводъ къ заключеніямъ и предположеніямъ совсѣмъ другого рода. — Л. С.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Анненковъ, П. В., и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 гг. Спб. 92. Стр. 654. Ц. 3 р.

Аванасьевъ, Г. Е.—Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в. Од. 92. Стр. 518.

Барсовъ, К. А.—Магометъ и его ученіе. М. 92. Стр. 72. Ц. 20 к.

Барсовъ, Н.—Къ литературной исторіи Вольтера. Вольтеръ и „Римскія дѣянія“. Спб. 92. Стр. 24.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. Спб. 92. Стр. 520. Ц. 2 р. 50 к.

Безобразовъ, П. В.—Историческія повѣсти. М. 92. Стр. 277. Въ пользу голодающихъ.

Безродная, Юлія.—Офорты. Повѣсти, этюды, сказки. Спб. 92. Стр. 523. Ц. 1 р. 50 к.

Бертенсонъ, І. В.—Историческій очеркъ Спб. городского Рождественскаго барачнаго лазарета за 1886—90 гг. Спб. 91. Стр. 91.

Бобриковъ, Г. И.—Въ Сербіи. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877-78 гг. Спб. 91. Стр. 191.

Брандтъ, Б.—Теорія вексельнаго курса. М. 92. Стр. 79. Ц. 1 р.

Бродовскій, д-ръ Б. М.—Конвульсіи у дѣтей, причины ихъ и совѣты, что дѣлать до прибытія врача. Минскъ. 92. Стр. 14. Ц. 10 к.

— Объ улучшенномъ способѣ искусственнаго вскармливанія грудныхъ дѣтей. Минскъ. 92. Стр. 31. Ц. 15 к.

Будиловичъ, Антонъ.—Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. I и II. Варш. 92. Стр. 436 и 374.

Бѣристерне-Бѣерисонъ.—Новобрачные. Ком. въ 2 д. Перев. съ дат. П. Г. Ганзена. Спб. 92. Стр. 52. Ц. 25 к.

Вильчинскій, Ольгердъ.—Начало Руси, по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Спб. 92. Стр. 80. Ц. 1 р.

Г., А.—Къ вопросу о физическомъ воспитаніи дѣтей. Мысли и соображенія. Од. 92. Стр. 36. Ц. 20 к.

Ганзенъ, П. Г.—Марія Шотландская, др. въ 5 д. Собраніе сочин. Бѣристерне-Бѣерисона. Спб. 92. Стр. 134. Ц. 40 к.

Джанишевъ, Гр.—Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. М. 92. Стр. 262. Ц. 1 р. Въ пользу голодающихъ.

Дайчъ, І. Я.—О вліяніи бѣлаго свѣта и разноцвѣтныхъ лучей на газообмѣнъ у теплокровныхъ животныхъ. Диссертация. Спб. 91. Стр. 115.

Дебольскій, Н. Г.—Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 177. Ц. 1 р. 25 к.

Е., Ю.—Болѣзнь вѣка. Романъ въ 3 ч. Варш. 92. Стр. 238. Ц. 1 р. 50 к.

Желтовъ, Ф. А.—Передъ людьми. М. 92. Стр. 54. Ц. 3 к.

Ждановъ, И. Н.—О драмѣ Пушкина: „Борисъ Голуновъ“. Спб. 92. Стр. 38. Ц. 30 к. (Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа).

Юинъ, А. С.—По Южной Америкѣ, въ двухъ томахъ. Изданіе „Русскаго Вѣстника“. Спб. 92. Стр. 292 и 462. Ц. 4 р.

Ильинъ, Н. Д.—Дневникъ Толстовца. Спб. 92. Стр. 289.

- Карташовъ, Е. Э.*—По Египту и Палестинѣ. Спб. 92. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.
- Кисенковъ, С.*—Объ орошеніи полей снѣговой водою. Съ 13 политинаж. въ текстѣ. Спб. 92. Стр. 48. Ц. 40 к.
- Ковалевскій, П. Н.*—Психіатрическіе эскизы изъ исторіи: Людвигъ II, На-вуходоносоръ, Саулъ, Камбизъ. Харьк. 92. Стр. 174. Ц. 1 р. (Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1891 г.).
- Крестовскій, В.* (псевдонимъ). — Собраніе сочиненій. Т. I. Съ портретомъ автора. Спб. 92. Стр. 471.
- Лалаевъ, ген.-л.*—Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Главному ихъ Управленію. Ч. III. 1881—91. Спб. 92. Стр. 164. Ц. 1 р.
- Ламанскій, С. И.*—О причинахъ упадка газоваго дѣла въ С.-Петербургѣ. Спб. 92. Стр. 19.
- Лашковъ, В. Л.*—Сочиненіе. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 423. Ц. 2 р.
- Въ чемъ творчество? Очеркъ. Спб. 92. Стр. 48. Ц. 30 к.
- Левенфельдъ, д-ръ Л.*—Половая нейрастенія. Перев. съ нѣм. Од. 92. Стр. 138. Ц. 1 р.
- Лининъ, Ц. А.*—Еъ вопросу обводненія и облѣсенія степной полосы сар-марской губерніи. М. 92. Стр. 38.
- Мещковъ, В. И.*—Сибирская библіографія. Т. III. Спб. 92. Стр. 301. Ц. 1 р. 75 к.
- Меицкерскій, И. И.*—Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Съ приложеніемъ плана школьнаго сада. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 50. Ц. 30 к.
- Миллеръ, Всев.*—Эскурсія въ область русскаго народнаго эпоса. I—VIII. М. 92. Стр. 232 и 69.
- Михайловскій, В. М.*—Шаманство. Сравнительно-этнографическіе очерки. Вып. 1. Извѣстія Имп. Общ. любит. естествозн., антропологій и этнографіи. Т. LXXX. Спб. 92. Стр. 115.
- Мигеевъ, В.*—Присяжный засѣдатель. М. 91. Стр. 98.
- Носенко, Д. А.*—Производство судебно-межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ уста-новленіяхъ. Изд. неофиц. Спб. 92. Стр. 64. Ц. 60 к.
- Пановъ, А. А.*—Банкъ Сыропитательнаго Дома Елиз. Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Т. I—II. М. 92. Стр. 301.
- Пашковъ, І.*—Новая книга о природѣ. М. 91. Стр. 26. Ц. 50 к.
- Полетика, И.*—Опытъ матеріальной теоріи электричества и магнетизма. Съ 26 рис. Спб. 92. Стр. 174. Ц. 1 р. 50 к.
- Присѣлковъ, А. А.*—Нѣсколько словъ о педагогическихъ собраніяхъ. Тифл. 92. Стр. 29. Ц. 25 к.
- Roberty, de E.*—Agnosticisme. Essai sur quelques théories pessimistes de la connaissance. Par. 92. Стр. 164.
- Розенбахъ, д-ръ П. Я.*—Современный мистицизмъ. Критич. очеркъ. Спб. 91. Стр. 52. Ц. 60 к.
- Салиасъ, гр.*—Милліонъ, историч. романъ въ 2 ч. Спб. 92. Стр. 255. Ц. 1 р.
- Симанскій, В. К.*—Куда ѣхать на дачу? Петербургскія дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровья. Вып. II. Спб. 92. Стр. 124. Ц. 75 к.
- Стоюнинъ, В. Я.*—Педагогическія сочиненія. Спб. 92. Стр. 567. Ц. 3 р.
- Толстой, гр. А. К.*—Князь Серебряный, повѣсть временъ Іоанна Гроз-наго. Съ предисловіемъ кн. Д. Н. Цертелёва, портретомъ автора и 12 рисунк. художн. К. Лебедева. Изданіе В. Готье. М. 92. Стр. 392. Ц. 15 р. (на япон-ской бумагѣ 40 р.).

Толстой, гр. Л. Н.—Плоды просвѣщенія. Комед. въ 4 дѣйств. Спб. 92. Стр. 115.

Фаберъ, д-ръ Ф.—Гигіена беременности. Перев. съ нѣм. и над. д-ръ Н. Лейненбергъ. Од. 92. Стр. 75. Ц. 50 к.

Франсъ, Анат.—Александрійская куртизанка. Перев. съ франц. Спб. 91. Стр. 180. Ц. 80 к.

Червинскій, Ф.—Стихи. Спб. 92. Стр. 169. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ.—Дуэль, повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 92. Стр. 251. Ц. 1 р.

Шенрокъ, В. И.—Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I. М. 92. Стр. 385. Ц. 2 р.

— Адресная Книга г. С. Петербурга на 1892 г. Составлена при содѣйствіи городского общественнаго управленія съ Табелю домовъ и Указателемъ именъ, подъ редакціею П. О. Яблонскаго Спб. 92. Стр. 228 и 778 столбц. Ц. 4 рубл. въ панетъ.

— Администрація по дѣламъ торговаго дома нерчинскихъ купцовъ бр. Бутиныхъ, ея дѣятельность и борьба съ распорядителемъ дѣлъ фирмы М. Д. Бутинымъ. Ч. I. М. 92. Стр. 405.

— Библіотека гр. С. Д. Шереметева. Т. II. Собранія гр. А. С. Шереметовой (А) и гр. Д. Н. Шереметева (Д) въ С. Петербургѣ. Спб. 92. Стр. 270.

— Библіотека „Сѣвера“. Исторія государства російскаго, Н. М. Карамзина, т. II. Спб. 92. Стр. 208 и 181.

— Дешевая Библіотека: № 139. М. Ю. Лермонтовъ, Выбранныя юношескія стихотворенія. Ц. 12 к.—№№ 162 и 163. Плутархъ, Сравнительныя жизнеописанія: Вып. 2. Периклъ и Фабій Максимъ. Вып. 3. Алевинадъ и Коріолянъ. Ц. по 15 к. №№ 154, 155 и 156. Ч. Диккенсъ: Давидъ Копперфильдъ Младшій, въ 3 ч. Ц. по 25 коп.

— Изданіе для школъ и грамотнаго народа И. Θ. Жиркова: № 9. Θ. Θ. Тютчевъ, Рядовой Савватъевъ, стр. 48, ц. 5 к. № 10. И. А. Бѣлоусовъ, Божья воля, стр. 32, ц. 3 к. № 11. Θ. Θ. Тютчевъ, Одинъ день на полѣ сраженія, стр. 19, ц. 3 к. № 12. Θ. А. Желтовъ, Кость и золото, древн. сказаніе, стр. 12, ц. 3 к. М. 91.

— Изданіе Спб. Комитета грамотности: С. В. Максимовъ, Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Спб. 92. Стр. 39. Ц. 10 к.

— Историческое Обзорѣніе. Сборникъ Историч. Общества при имп. с.-петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціею Н. И. Карпова (1891 г.). Т. III. Спб. 92. Стр. 355 и 50. Ц. 2 р.

— Льготные и пониженные тарифы, установленныя на желѣзныхъ дорогахъ по случаю неурожаа 1891 г. Пособіе для учреждений, заведывающихъ народнымъ продовольствіемъ, для сельскихъ хозяевъ и хлѣбныхъ торговцевъ. Изд. мин. вн. дѣлъ. Сп. 92. Стр. 72.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. 6, XI—XVI. Спб. 91.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ 'по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 41 (Истомино—Іахъ). Изд. А. Гербель и К. М. 91. Стр. 1917—1964. Ц. 40 к.

— Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1890 г. Вердянскъ, 91. Стр. 141.

— Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892 г. Вып. 2. Ворон. 92.

— Проектъ Устава объ опекахъ и попечительствахъ съ объяснительною къ нему запискою. Спб. 91. Стр. 593 и 81.

— Смертность населенія Москвы 1872—1889 г. Составл. Стат. Отдѣл. Моск. Городской Управы. М. 91. Стр. 158.

— Терскій Календарь на 1892 г., въ двухъ книгахъ. Годъ II, кн. 1. Владив. 91. Ц. 1 р. 75 к.

— Урожай 1891 года въ Нижегородской губерніи. Н.-Новг. 91. Стр. 137.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Le pessimisme, par *Léon Jouvin*. Ouvrage couronné par l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1892. Стр. 512. Ц. 7 фр. 50 сантим.

Въ послѣдніе годы въ западно-европейской литературѣ все чаще повторяются жалобы на распространеніе и господство безнадежнаго пессимизма въ области философіи, морали и общественной жизни. Многимъ кажется, что вѣра въ идеалы погасла, что мрачные, отрицательные взгляды на будущее завладѣли умами и что просвѣщенное человѣчество можетъ погибнуть вслѣдствіе такого ужаснаго нравственнаго состоянія. Пессимистическія теоріи никогда еще не пользовались такою популярностью, какъ теперь; ссылки на Шопенгауэра постоянно встрѣчаются въ газетахъ и журналахъ; модные писатели и поэты съ особенною любовью изображаютъ пустоту и безцѣльность жизни.

Но обычныя сужденія о пессимизмѣ часто грѣшатъ неясностью и противорѣчіями; нерѣдко люди, выдающіе себя за отчаянныхъ пессимистовъ, обнаруживаютъ стремленія и наклонности, свидѣтельствующія о глубокомъ безсознательномъ оптимизмѣ. Тягостное общественное настроеніе, вызываемое и оправдываемое обстоятельствами, можетъ соединяться съ твердою вѣрою въ возможность достиженія высшихъ человѣческихъ цѣлей въ будущемъ. Пессимизмъ относительно настоящаго является необходимымъ условіемъ для бодрого и дѣятельнаго стремленія къ лучшему будущему. Стараніе оправдывать все существующее во что бы то ни стало и отыскивать достоинства въ дурныхъ и несправедливыхъ порядкахъ жизни—можетъ приводить къ вредному застою и упадку; эта форма оптимизма несравненно опаснѣе самыхъ крайнихъ проявленій „мировой скорби“. Сознательная печаль, вытекающая изъ правильнаго пониманія и оцѣнки существующихъ золъ, дѣйствуетъ

въ высшей степени благотворно на умы людей; она направляетъ общія заботы на очищеніе пути къ необходимому совершенствованію быта, возбуждаетъ и поддерживаетъ лучшія человѣческія чувства, усиливаетъ симпатію къ страждущимъ и рѣшимость помочь имъ въ предѣлахъ возможности. Критиковать и осуждать то, что достойно осужденія и критики—не значить еще быть пессимистомъ. Графъ Л. Н. Толстой, отрицающій общепринятый порядокъ жизни, есть несомнѣнный и рѣшительный оптимистъ, ибо онъ вѣритъ въ достижимость идеала на землѣ и имѣетъ готовыя и легко исполнимыя формулы для исцѣленія общества отъ всякихъ социальныхъ грѣховъ. Одни и тѣ же явленія получаютъ различную и даже противоположную оцѣнку въ разныхъ общественныхъ слояхъ; крестьянская реформа была для однихъ предметомъ пессимистическихъ опасеній и толкованій, а для другихъ, напротивъ,—началомъ новой эры, источникомъ живѣйшаго оптимизма.

Если приглядѣться внимательно къ симптомамъ настроенія въ Европѣ, то нельзя не замѣтить преувеличенной односторонности въ указаніяхъ на господство пессимизма среди современныхъ культурныхъ народовъ. Ни одно литературное произведеніе не имѣло въ настоящемъ столѣтіи болѣе поразительнаго успѣха и распространенія, чѣмъ романъ Беллами, проникнутый свѣтлою и непреклонною вѣрою въ будущее торжество правды и добра въ человѣческихъ обществахъ. Милліоны людей въ Германіи и въ другихъ странахъ спокойно и увѣренно ожидаютъ наступленія золотого вѣка въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, ожидаютъ не пассивно, а активно, работая съ сознательною энергіею надъ подготовленіемъ практическихъ способовъ къ достиженію заветной цѣли. Эти неисправимые оптимисты даютъ тонъ всей общественной политической жизни въ западной Европѣ. Можно ли представить себѣ болѣе бодраго оптимиста, чѣмъ престарѣлый Гладстонъ, съ его несокрушимой вѣрою въ принципы права и справедливости, съ его постоянными проектами широкихъ либеральныхъ реформъ? Если французскіе клерикалы и монархисты склонны къ политическому пессимизму, то противники ихъ, представители радикальнаго направленія, отличаются, наоборотъ, своимъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Радикалы убѣждены, что полное благополучіе можетъ быть достигнуто посредствомъ надлежащихъ политическихъ преобразованій, въ родѣ пересмотра конституціи, отдѣленія церкви отъ государства, замѣны однихъ министровъ другими, болѣе передовыми и энергическими и т. п. Разочарованіе въ извѣстныхъ учрежденіяхъ и принципахъ заставляетъ искать другихъ путей къ осуществленію идеала, вносить необходимыя поправки въ общественное или нравственное міросозерцаніе новыхъ поколѣній.—но нигдѣ оно въ Европѣ не

порождает апатию, мрачного взгляда на жизнь, упадка силъ и энергій—этихъ обычныхъ и неизбѣжныхъ проявленій дѣйствительнаго и полнаго пессимизма.

Нѣкоторые поэты считаютъ себя глубокими пессимистами на томъ основаніи, что въ ихъ произведеніяхъ много говорится о смерти и страданіяхъ; но боязнь смерти и страданій служить, напротивъ, доказательствомъ большой привязанности къ благамъ жизни и не имѣетъ ничего общаго съ пессимизмомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Истинный, философскій пессимизмъ заключается въ отрицаніи самаго интереса къ жизни, въ признаніи превосходства небытія надъ бытіемъ. Это ученіе, подробно развитое Шопенгауэромъ и Гартманомъ, разбиралось и опровергалось много разъ въ литературѣ; теперь оно вновь разобрано въ книгѣ Леона Жувэна, съ точки зрѣнія нравственной и отчасти религіозной.

Жувэнъ, подобно многимъ другимъ авторамъ, не объясняетъ въ точности, что слѣдуетъ разумѣть подъ пессимизмомъ, и въ какихъ главныхъ формахъ онъ проявляется; авторъ не отличаетъ пессимизма, какъ настроенія, отъ пессимистической философіи, и это смѣшеніе разныхъ понятій невыгодно отражается на всемъ содержаніи книги. Трактатъ распадается на три части: въ первой изложена исторія доктринъ пессимизма; во второй, весьма обширной (стр. 71—337), объясняется несостоятельность пессимистическихъ воззрѣній на міръ вообще и на балансъ жизни въ частности; въ третьей—указаны практическія послѣдствія пессимизма. Въ особомъ приложеніи помѣщенъ спеціальнѣйшій критическій этюдъ о философскихъ системахъ Шопенгауэра и Гартмана. Жувэнъ связываетъ съ пессимизмомъ безвѣріе и безбожіе, противъ которыхъ и направляетъ свои главные удары; онъ горячо убѣждаетъ читателя въ спасительности религіи и въ пагубной пустотѣ атеизма, опровергаетъ съ разныхъ сторонъ взгляды и теоріи свободныхъ мыслителей, натуралистовъ-философовъ и входитъ въ большія подробности относительно плановъ и дѣйствій Провидѣнія. Для религіознаго человѣка доводы автора вполне излишни, а для скептиковъ-отрицателей—они совершенно неубѣдительны, тѣмъ болѣе, что имя Бога уже слишкомъ часто употребляется всуе, безъ точныхъ ссылокъ на какіе-либо тексты. Въ сущности, Жувэнъ рассуждаетъ больше объ атеизмѣ и матеріализмѣ, чѣмъ о пессимистической философіи; онъ основывается почти исключительно на отвлеченныхъ соображеніяхъ, безъ всякаго анализа научныхъ фактовъ, на которые ссылаются теоретики пессимизма. Многословное краснорѣчіе автора утомляетъ своимъ однообразіемъ: въ немъ нѣтъ блеска и остроумія, но есть много преувеличеній и натажекъ. Тѣмъ не менѣе книга

имѣетъ характеръ какъ бы научнаго трактата и въ этомъ качествѣ удостоена преміи отъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Само собою разумѣется, что пессимизмъ, какъ продуктъ настроенія, не поддается логическимъ опроверженіямъ, и доказательства, направленные въ эту сторону, остаются вообще безсильными. Авторъ удивляется, что люди предаются разочарованію и недовольству при полномъ расцвѣтѣ цивилизаціи, тогда какъ отдаленные наши предки, терпѣвшіе всякія невзгоды въ періодъ первобытнаго варварства, были смѣлыми и бодрыми оптимистами. Можно было бы привести болѣе наглядные и столь же „удивительные“ примѣры изъ окружающей насъ дѣйствительной жизни: многіе землевладѣльцы горько жалуются на судьбу и чувствуютъ себя крайне стѣсненными, тогда какъ крестьяне считали бы себя счастливыми въ ихъ положеніи, даже обладая десятою долею ихъ помѣщичьихъ средствъ. Чувства и настроенія относительны по существу, мѣняясь съ обстоятельствами, условіями и привычками; то, что было излишествомъ и роскошью для королей варварскихъ племенъ, составляетъ теперь необходимую потребность для какого-нибудь французскаго или англійскаго рабочаго. Перемѣны въ потребностяхъ и желаніяхъ вліяютъ естественно и на степень довольства людей; въ этомъ нѣтъ ничего страннаго или загадочнаго.

Перечисляя положительныя блага жизни, Жувэнъ съ особеннымъ увлеченіемъ говоритъ о женской красотѣ и любви; онъ возмущенъ словами Шопенгауэра о некрасивыхъ и „не-эстетическихъ“ чертахъ женской фигуры. Нѣмецкій философъ, по мнѣнію автора, доказываетъ этимъ, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлѣ красоты, и что его надо жалѣть, какъ слѣпого. „Эта линія, идущая отъ затылка вдоль плечъ и бедра до пятокъ—верхъ искусства божественнаго генія и стоила ему больше усилій, чѣмъ установленіе пути для теченія звѣздъ“ (стр. 286)... „Творецъ размышлялъ цѣлый день, чтобы усовершенствовать свое созданіе: смотрите въ глаза женщины, взглянитесь пристальнѣе, уловите этотъ божественный образъ;—это одно уравниваетъ всѣ бѣдствія, страданія, войны, опустошенія, избіенія, разрушенныя города, неиспровергнутыя царства, холодъ и голодъ, огонь и желѣзо“ (стр. 288). Противъ такихъ доводовъ неловко было бы, конечно, спорить даже самымъ убѣжденнымъ пессимистамъ.

II.

C. E. Vigoureux. L'avenir de l'Europe, envisagé au double point de vue de la politique de sentiment et de la politique d'intérêt. Paris, 1891. Стр. 308. Ц. 3 фр. 50 сент.

Подъ громкимъ и длиннымъ заглавіемъ скрывается здѣсь ничтожное содержаніе. Авторъ предлагаетъ одновременно два проекта для возстановленія величія Франціи и ниспроверженія Германіи: во-первыхъ, союзъ латинскихъ національностей для совмѣстнаго противодѣйствія англичанамъ и нѣмцамъ и для скорѣйшаго образованія соединенныхъ штатовъ Европы, и во-вторыхъ, союзъ съ Россіею для той же цѣли. Первый проектъ вытекаетъ будто бы изъ „политики чувства“, а второй—изъ „политики интереса“, хотя такое раздѣленіе двухъ элементовъ политики—чувства и интереса—ничѣмъ не мотивировано авторомъ. Вигурѣ крайне рѣзко отзывается о Германіи, приписывая ей самыя дурныя намѣренія, даже прямые мошенничества и жестокости; всѣ международныя беззаконія и насилія совершались будто бы только Пруссіею и Англіею, а Франція дѣлала лишь ошибки—правда, кровавыя и губительныя для другихъ, но все-таки только ошибки, за которыя притомъ отвѣчаютъ отдѣльные ея правители. Теперь французская республика никого уже не обидитъ, такъ какъ она окончательно прониклась идеями права и справедливости; поэтому къ ней должны присоединиться Италія, Испанія, Португалія и Греція, въ видѣ противовѣса англо-германской коалиціи. Значительная часть книги посвящена доказательству важности и необходимости сближенія Италіи съ Франціею (стр. 15—105). Но эта латинская комбинація имѣетъ мало шансовъ успѣха, и потому авторъ переходитъ къ обсужденію союза съ Россіею. Франко-русскій союзъ долженъ также привести будто бы къ устройству европейской республиканской федераціи, ибо побѣжденные государства превратятся въ вольныя республики; но эта перспектива не должна пугать Россію, которая останется внѣ будущихъ соединенныхъ штатовъ Европы. Къ книгѣ приложены двѣ карты: на одной отмѣчены тѣ захваты, которые думаетъ будто бы сдѣлать Германія, а на другой—изображены границы государствъ послѣ торжества франко-русскаго союза. Россіи авторъ обѣщаетъ громаднѣйшее расширеніе границъ въ Азіи (даже съ Индіею, если угодно), но весь Балканскій полуостровъ и Константинополь, какъ и славянскія земли Австріи, входятъ однако въ европейскую федерацію. Серьезно разбирать подобныя измышленія нѣтъ надобности. — Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1892 г.

Миновала ли крайняя нужда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ?—Организація помощи въ одной изъ волостей николаевского уѣзда.—Различные виды помощи и ихъ сравнительное значеніе.—„Гражданинъ“ въ новой для него роли.—Земскіе выборы по новому закону.—Тридцать-первая годовщина 19-го февраля.—О. Л. Барыковъ †.—Окончаніе дѣла по хлѣбной операціи въ городской Думѣ.

Корреспонденцій и вообще свѣдѣній о голодѣ встрѣчается въ печати въ послѣднее время гораздо меньше, чѣмъ мѣсяца два тому назадъ. Это еще не значитъ, однако, чтобы нужда, хотя бы въ самыхъ крайнихъ ея проявленіяхъ, была вездѣ устранена или предупреждена. Придти къ такому утѣшительному убѣжденію не позволяютъ факты, отъ времени до времени проникающіе въ печать (укажемъ, для примѣра, на сообщенія о тифѣ въ елецкомъ уѣздѣ, помѣщаемыя въ „Новомъ Времени“), и въ особенности частныя письма изъ неурожайныхъ губерній. Картина бѣдствія ясна только тому, кто смотритъ на нее вблизи, пристально и подолгу. Одно дѣло — быстро проѣхать по уѣзду или по цѣлой губерніи, разспрашивая мѣстныхъ официальныхъ дѣятелей и выслушивая официально заявляемыя просьбы; совершенно иное — прожить нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль въ одной и той же деревнѣ, побывать, частнымъ лицомъ, въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, изучить всѣ фазисы, черезъ которые проходитъ, въ теченіе мѣсяца, положеніе нуждающагося семейства. Деревня наканунѣ раздачи земскаго хлѣба и деревня на слѣдующій день послѣ его раздачи — это точно двѣ различныя мѣстности; увидѣть ее *только* въ послѣднюю минуту — значитъ составить себѣ совершенно невѣрное понятіе о степени нужды и ея результатахъ. Есть и другія причины, измѣняющія, на короткое время, внѣшній видъ голодающей деревни, а слѣдовательно и производимое ею впечатлѣніе. Сюда относится не только *полученіе*, но даже *ожиданіе* помощи—ожиданіе, возбуждаемое, напримѣръ, вѣстью о проѣздѣ высокопоставленнаго лица, присланнаго изъ Петербурга. Лучъ надежды, озаряя „темное царство“, измѣняетъ до неузнаваемости его будничныя черты. Конечно, эта перемѣна продолжается недолго—но когда она миновала,—миновало, быть можетъ, и наблюденіе. Отсюда, по всей вѣроятности, тотъ успокоительный колоритъ, которымъ отличаются, большею частью, донесенія уполномоченныхъ Особого Комитета. Въ донесеніи камергера Юзефовича мы читаемъ, напримѣръ, что въ

новоузенскомъ уѣздѣ (самарской губерніи) ему „никто не только не принесть на показъ, но даже не намекнулъ на существованіе у кого-либо тѣхъ образчиковъ отвратительнаго хлѣба, который ему показывали въ Петербургѣ и въ Самарѣ. Можетъ быть, такой хлѣбъ и пекутъ гдѣ-нибудь, но на всемъ пространствѣ, которое объѣхалъ г. Юзевичъ, его нѣтъ и въ поминѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ, до выдачи продовольственной ссуды, встрѣчались кое-гдѣ примѣсы къ хлѣбу; но съ тѣхъ поръ, какъ ссуда выдается, этого болѣе не замѣчается“. Несомнѣнному факту придается здѣсь такое значеніе, какое ему на самомъ дѣлѣ принадлежать не можетъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ самыхъ голодныхъ мѣстахъ хлѣбъ съ примѣсами исчезъ всего раньше, потому что раньше были исчерпаны всѣ запасы примѣсей, и на-лицо оставался только земскій хлѣбъ, сравнительно хорошій и чистый. Въ рязанской губерніи, напримѣръ,—мы въ этомъ лично убѣдились—уже въ декабрѣ трудно, почти невозможно было достать хлѣбъ съ лебедой; небольшіе его остатки имѣлись только кое-гдѣ, у семей сравнительно зажиточныхъ, не получавшихъ земской ссуды. Благопріятнаго признака отсутствіе въ январѣ мѣсяцѣ хлѣба съ примѣсами отнюдь, поэтому, не представляетъ. Едва-ли, однако, онъ исчезъ изъ обращенія, въ новоузенскомъ уѣздѣ, въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ. Сентябрьская ссуда, во многихъ уѣздахъ самарской губерніи, составляла только по десяти фунтовъ въ мѣсяцъ на душу нерабочаго и наиболѣе нуждающагося населенія; достаточнымъ источникомъ для прокормленія она, очевидно, служить не могла, и примѣшивать лебеду перестали въ сентябрѣ развѣ тамъ, гдѣ ея больше не оказалось. Въ николаевскомъ уѣздѣ, сосѣднемъ съ новоузенскимъ, суррогаты въ родѣ лебеды, макины и т. п.—мы знаемъ это изъ достовѣрныхъ источниковъ—были въ большомъ ходу еще въ октябрѣ мѣсяцѣ; просяную макину крестьяне не только выпрашивали въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, но даже покупали, чтобы печь изъ нея, пополамъ съ мукой, хлѣбъ или варить „затируху“... Другое донесеніе заканчивается такъ: „въ настоящее время наступили сильнѣйшіе морозы, доходящіе до 35°. На общее санитарное положеніе это можетъ оказать только полезное вліяніе“. Кто знаетъ, до какой степени доходить у крестьянъ неурожайныхъ губерній недостатокъ въ топливѣ и до чего испорченъ воздухъ въ худо отопленныхъ, сырыхъ, угарныхъ избахъ, тотъ едва ли согласится съ подчеркнутыми нами словами... Съ оптимистическимъ тономъ донесеній не вполне гармонируетъ только одна фраза въ отчетѣ госпожи Давыдовой (посланной въ воронежскую губернію для организаціи женскаго крестьянскаго труда): „перехода изъ избы въ избу, я видѣла удручающія картины полной нищеты“. Не объясняется ли это именно тѣмъ, что

госпожа Давыдова „переходила изъ избы въ избу“ и, посѣтивъ небольшое число деревень, имѣла возможность глубже вникнуть въ положеніе каждой изъ нихъ?

Основываясь на цѣломъ рядѣ писемъ и устныхъ сообщеній, прослѣдимъ исторію одной мѣстности въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи, отличающейся отъ многихъ и многихъ другихъ развѣ тѣмъ, что частная помощь проявилась здѣсь сравнительно рано и сравнительно въ болѣешихъ размѣрахъ. Истощенный цѣлымъ рядомъ неурожаевъ, николаевскій уѣздъ думалъ поправиться въ прошломъ году, такъ какъ всходы пшеницы были прекрасные; но нѣсколько дней палящей жары и сухого вѣтра разрушили всѣ надежды, и недородъ оказался небывалый: во многихъ деревняхъ не вернули даже четвертой части сѣмянъ. Нужда въ хлѣбѣ началась почти непосредственно вслѣдъ за жатвой и, конечно, не была устранена сентябрьской ссудой, о ничтожныхъ размѣрахъ которой мы уже упоминали. Стали распродавать скотъ, одежду, домашнюю утварь — и, что еще хуже, стали занимать хлѣбъ, съ отдачей изъ послѣдующихъ ссудъ, которыя, такимъ образомъ, развѣ въ немногихъ домахъ идуть цѣликомъ на текущія надобности, безъ вычета въ пользу кредиторовъ. Октябрьская ссуда была также очень мала, отъ 18 до 20 фунтовъ на человѣка. Неудивительно, что уже въ началѣ октября встрѣчались (въ мостовской волости) случаи заболѣванія отъ недостатка пищи; люди пухли и слабѣли, ими овладѣвало отчаяніе, потому что они нигдѣ не находили и не ожидали поддержки. Въ это именно время лицо, сдѣлавшееся нѣсколько позже душою и центромъ мѣстной благотворительной организаціи, получило изъ Петербурга, отъ частныхъ лицъ, первыя небольшія суммы на покупку хлѣба для нуждающихся. Какъ только разнеслась въ окрестностяхъ вѣсть о первыхъ выдачахъ хлѣба, на хуторъ повалили толпы народа. Между ними были люди, едва державшіеся на ногахъ отъ изнуренія, люди, на которыхъ трудно было смотрѣть безъ слезъ. Пожертвованій изъ Петербурга, подѣ влияніемъ потрясающихъ сообщеній, стало поступать все больше и больше. Тому, черезъ чьи руки они проходили, пришлось встрѣтить много помѣхъ, вынести много нареканій, пока, наконецъ, не образовался, подѣ его предсѣдательствомъ (уже въ концѣ декабря), формально признанный комитетъ, изъ четырехъ священниковъ, одного псаломщика и двухъ крестьянъ. Кругъ дѣйствій этого комитета обнималъ собою, въ январѣ мѣсяцѣ, восемь селъ и деревень, съ населеніемъ до 17 тысячъ душъ. Земская ссуда, уже въ ноябрѣ повышенная до 30 ф., дошла, въ это время, до одного пуда на человѣка; но такъ какъ число нуждающихся опредѣлялось съ прежними ограниченіями, а зерно дѣлилось, конечно, между всѣми наличными членами семьи, и такъ

какъ количество ссуды уменьшалось уплатою за провозъ на разстояніи 120 верстъ и возвращеніемъ долговъ, то хлѣба никому не хватало до конца мѣсяца. У многихъ его не было уже по прошествіи 20, 15, даже 10 дней. „Отъ недостатка хлѣба,—читаемъ мы въ прошеніи, поданномъ крестьянами 11-го января,—является раздирающій душу плачь младенцевъ, стenanіе ихъ матерей, вопль старшихъ членовъ семьи; народы сдѣлались какъ тѣни, не могущія приняться ни за какое дѣло, а ужасъ, чтѣ будетъ впередъ, рождается въ мысляхъ. Но время продолжается впередъ, и народъ все больше подвергается бѣдственному результату“. Отсюда вытекали сами собою и формы помощи. Столовая устроена только одна, въ малелькой, еще больше другихъ обнищавшей деревнѣ; изъ 170 человѣкъ жителей кормились здѣсь около ста—дѣти, подростки и женщины ¹⁾. Всѣ остальные наличныя суммы идутъ на покупку муки и пшена, для того чтобы крестьяне могли кое-какъ перебиться въ тяжелые дни передъ полученіемъ земскаго пособія. Сами крестьяне выражали желаніе, чтобы выдавалось хоть меньше, но большому числу лицъ. За исключеніемъ посѣтителей столовой, никто, быть можетъ, не ѣстъ до-сыта — зато никто не остается вовсе безъ пищи. Во имя этого же принципа помощь комитета, къ концу января, стала распространяться за предѣлы первоначально намѣченнаго района. Кромѣ восьми прежнихъ, она захватила еще четыре селенія. До какой степени это было необходимо, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма, написаннаго 24-го января: „нѣсколько крестьянъ дер. Смоленки (одной изъ тѣхъ, которыя сначала не входили въ кругъ дѣйствій комитета) сказали мнѣ, что сегодня у нихъ умеръ человѣкъ и причиною смерти былъ голодъ. Въ то же время явилась жена умершаго и рассказала подробно все дѣло. Передъ смертію мужъ ея нѣсколько дней не ѣлъ, за неимѣніемъ хлѣба, но былъ совершенно здоровъ. Кусочки, какіе набирались ею и дѣтьми, поѣдались послѣдними, а онъ отказывался ѣсть изъ состраданія къ нимъ, боясь ихъ оголодать ²⁾. Въ день смерти онъ пошелъ куда-то попросить хлѣба, но дорогою, обезсилѣвъ, спотынулся, упалъ и встать уже не могъ. Односельчанинъ, проходя мимо, поднялъ его и довелъ до двора. Войдя въ избу, больной объяснилъ, что онъ до невозможности ѣсть хочетъ; хлѣба не было, и только священникъ принималъ въ немъ участіе, накормилъ его. Но послѣ ѣды больной сталъ стонать, жаловаться на страшныя боли въ животѣ, отъ

¹⁾ Къ февралю мѣсяцу число пользующихся столомъ возросло почти въ полтора раза, потому что къ мѣстнымъ жителямъ присоединяются прохожіе, обезсиленные отъ голода.

²⁾ Такой образъ дѣйствій со стороны отцовъ семействъ и вообще взрослыхъ крестьянъ отнюдь не составляетъ исключенія; о немъ приходится слышать отовсюду, гдѣ только есть голодъ.

чего черезъ нѣкоторое время и скончался. Опустѣвшій желудокъ не перенесъ пищи. Много имѣется случаевъ болѣзни, которой нельзя иначе объяснить какъ послѣдствіями голода: человекъ не особенно крѣпкой комплекціи, ежедневно не доѣдая, а затѣмъ имѣя случай наѣсться до-сыта, неминуемо заболѣваетъ". А вотъ что пишетъ, 17-го января, священникъ одного изъ сосѣднихъ селъ, котораго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, не коснулась дѣятельность комитета: „сравнительно съ другими селами болѣзненность и смертность двойная. Есть круглые малолѣтніе сироты, подѣ присмотромъ одного Бога. Приставилъ по старухѣ для присмотра надъ ними, но ихъ нужно отоплять и кормить, а у меня никакого фонда. Продовольственная ссуда на половину не удовлетворяетъ даже получающихъ ее. Отъ Краснаго Креста выдается три пуда, а буквально голодныхъ 300. Отъ комитетовъ (мѣстныхъ) за все время ни полушки, ни сухаря. Все это въ общемъ, а въ частности *есть такіе дома, что наблюдатель, проживая ихъ жизнью день, постыдѣтъ*". Подобныя вѣсти приходятъ съ разныхъ концовъ Россіи. Въ ефремовскомъ уѣздѣ (тульской губерніи), по сообщенію мѣстнаго земскаго начальника, О. А. Свѣчина („Новое Время", № 5720) въ первые 16 дней января въ одномъ приходѣ умерло *восемнадцать* человекъ (преимущественно дѣтей), тогда какъ въ продолженіе всего января 1889 г. въ той же мѣстности умерло *десять*, всего января 1890 г.—*пять* человекъ. Изъ возловскаго уѣзда (тамбовской губ.) полу-грамотный приказчикъ пишетъ землевладѣльцу, у котораго онъ служитъ, слѣдующее (цитируемъ буквально, устраняя только орфографическія ошибки): „вы спрашиваете, много ли около насъ голодають. Всѣ голодають. А больше голоду и холоду не видать, какъ вдовы съ дѣтьми и безземельные крестьяне. Изъ земства выдали въ январѣ мѣсяцѣ 15 ф. ржи и 15 ф. пшеницы, которую ѣсть невозможно. Я взялъ ее немного и буду блюсть до вашего пріѣзда, и вы ее посмотрите. Хлѣбы изъ ней не пекутся. Сильной болѣзни нѣтъ, а помираетъ нѣкоторая, можно сказать, часть отъ голоду и часть отъ недостатка топи, сырости. Въ избахъ холодъ, угаръ. Болѣзни развиваются; больше лежатъ; больныхъ много". Съ сильнымъ распространеніемъ болѣзней встрѣтилась, какъ мы слышали, и жена одного изъ извѣстныхъ петербургскихъ педагоговъ, поѣхавшая помогать голодающимъ въ симбирской губерніи.

Возвратимся, однако, къ вопросу о частной помощи. Въ томъ уездѣ николаевскаго уѣзда, о которомъ мы говорили выше, *крайняя нужда*, благодаря заботамъ мѣстнаго комитета и петербургскихъ его помощниковъ, была до сихъ поръ предупреждена. Цифра пожертвованій, туда направленныхъ, недалеко отъ 10.000 рублей и постоянно еще возрастаетъ. Та мѣстность моршанскаго уѣзда тамбовской губер-

ніи, которой въ февральской книжкѣ нашего журнала была посвящена особая статья, теперь вполне гарантирована до новаго урожая; нашлись средства, съ помощью которыхъ не только будутъ прокормлены всѣ нуждающіеся, но и сохранены, можетъ быть, ихъ лошади, въ количествѣ безусловно необходимомъ для приступа къ весеннимъ полевымъ работамъ. Эти факты—безъ сомнѣнія, не единственные въ своемъ родѣ,—все больше и больше убѣждаютъ насъ въ томъ, что лучшая гарантія успѣха, въ дѣлѣ помощи голодающимъ—приуроченіе ея къ одному лицу или небольшой группѣ лицъ, по собственному побужденію предпринявшихъ доброе дѣло, изучившихъ, въ своемъ районѣ, не только каждую деревню, но каждый крестьянскій домъ, и сосредоточившихъ вокругъ себя постепенно расширяющійся кругъ жертвователей. Поддержка, оказанная такому лицу или такой группѣ, навѣрное упадетъ на благодарную почву. Вотъ почему насъ радуетъ каждое постановленіе Особого Комитета, которымъ ассигнуется что-либо въ пользу столовыхъ или другихъ благотворительныхъ учреждений, открытых по инициативѣ частныхъ лицъ. Намъ кажется, что отъ cadaго центра частной помощи, доказавшаго свою жизнеспособность, могли бы исходить радіусы во всѣ стороны, захватывая все большее и большее пространство; каждая группа могла бы привлечь къ себѣ сотрудниковъ, которые, присмотрѣвшись къ налаженному уже дѣлу, переносили бы ту же систему и тѣ же приемы на вновь избранное мѣсто дѣйствій. Люди для этого навѣрное нашлись бы, особенно въ рядахъ молодыхъ людей; все дѣло—въ средствахъ, недостатокъ которыхъ останавливаетъ, въ большинствѣ случаевъ, дальнѣйшее развитіе частныхъ организацій. Замѣтимъ, что крупная затрата личнаго труда требуется только при самомъ приступѣ къ дѣлу, когда нужно обойти всѣ крестьянскіе дворы, составить имъ перепись, выдѣлить наиболѣе нуждающихся, обдумать планъ дѣйствій, прискаты помѣщеніе для столовой, пустить ее въ ходъ, закупить припасы и т. п. Когда все это исполнено, задача распорядителей значительно упрощается, и нѣкоторая ихъ часть свободно можетъ посвятить свою опытность и энергію другому, аналогичному дѣлу. Персоналъ исполнителей, собранный такимъ путемъ, могъ бы быть весьма великъ — и на его сторонѣ было бы безспорное преимущество передъ лицами, дѣйствующими ex officio, par ordre. Къ служебному порученію только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно относиться такъ, какъ относишься къ излюбленному, свободно выбранному дѣлу.

Одна изъ наиболѣе симпатичныхъ формъ помощи голодающимъ—это устройство такъ называемыхъ школьныхъ столовыхъ. Съ цѣлью увеличить ихъ число образована, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, особая коммиссія при московскомъ, а нѣсколько позже—и при петербургскомъ

комитетъ грамотности. Московской комиссіею, къ началу февраля, было открыто 27 столовыхъ, для тысячи слишкомъ дѣтей. Чѣмъ полезнѣе это дѣло, тѣмъ возмутительнѣе попытки заподозрить его, затормазить его развитіе. Мы знаемъ уже, что такая попытка была сдѣлана, вслѣдъ за учрежденіемъ московской комиссіи, однимъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ ¹⁾. Московскій комитетъ грамотности, въ засѣданіи 4-го февраля, единогласно призналъ сѣденія, сообщенныя г. Семеновичемъ, *ложными*, при чемъ выразилъ сожалѣніе, что сообщеніе сдѣлано членомъ комитета, имѣвшимъ полную возможность располагать достовѣрными данными. Г. Семеновичъ, однако, не унылся; онъ напечаталъ, въ № 41 „Московскихъ Вѣдомостей“, новую діатрибу противъ комитета и комиссіи, написанную въ томъ же духѣ, какъ и первая. Перечислять всѣ пункты разногласія между комитетомъ и г. Семеновичемъ мы, конечно, не станемъ; остановимся только на одномъ, особенно характеристичномъ для сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ первой статьѣ своей г. Семеновичъ утверждалъ, что комиссія имѣетъ задачей *опредѣлить причины голода и отыскать способы къ его устраненію*. Комитетъ грамотности возражаетъ, что цѣль комиссіи была опредѣлена совершенно иначе: она не шла дальше снабженія учащихся въ народныхъ школахъ пищей и одеждой, а также устраненія, по мѣрѣ возможности, и другихъ вызванныхъ неурожаемъ условий, *препятствующихъ посещенію школы и продолженію ученія*. Что же дѣлаетъ г. Семеновичъ? Въ началѣ своей второй статьи онъ перепечатываетъ, мелкимъ шрифтомъ, только-что приведенное опредѣленіе задачъ комиссіи, но въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ своихъ выбрасываетъ подчеркнутыя нами слова и даетъ дѣлу такой видъ, какъ будто бы комиссія имѣетъ въ виду *вообще устраненіе условий, вызванныхъ неурожаемъ*. „Какія это *другія условия*?“—воскликаетъ онъ. „И кто будетъ руководить гг. Мятетовъ, Каблуковыхъ и прочихъ въ выборѣ этихъ *другихъ*?“ Нетрудно понять, куда мѣтитъ подобное извращеніе фактовъ. Изъ скромнаго права комиссіи устранять препятствія къ посещенію школы (т.-е., напримѣръ, устроить ночлежные пріюты, если дѣтей удерживаетъ отъ прихода въ школу холодная зима и отсутствіе обуви и теплой одежды) создается нѣчто въ родѣ притязанія на правительственныя функціи, нѣчто въ родѣ смѣлаго вторженія въ чужую область. Отсюда, очевидно, только одинъ шагъ до запрещеній и ограниченій—этой *ultima ratio*, къ которой, болѣе или менѣе прямо и болѣе или менѣе откровенно, стремятся всѣ противники общественной свободы и частной инициативы. Вспомогательнымъ сред-

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ предыдущей книгѣ нашего журнала.

ствомъ, направленнымъ къ той же цѣли, служить для нихъ усиленное подчеркиванье нѣкоторыхъ именъ—въ данномъ случаѣ, напримеръ, именъ гг. Чупрова, Мачтета, Каблукова. Постороннему наблюдателю, незнакому съ нашими правами, не совсѣмъ легко было бы понять, какимъ образомъ участіе того или другого полноправнаго лица въ томъ или другомъ незапрещенномъ дѣлѣ можетъ превратиться въ поводъ къ подозрѣнію, къ тревогѣ, къ выкрикиванью алармистскихъ формулъ (первая статья г. Семенковича заканчивалась восклицаніемъ: *caveant consules!*). Намъ этотъ приѣмъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы показаться страннымъ; мы привыкли видѣть въ немъ одно изъ обычныхъ орудій реакціонной прессы — но никакая привычка не можетъ притушить отвращенія, которое онъ въ насъ возбуждаетъ.

Еслибы кто-нибудь сомнѣвался въ существованіи большой разницы между благотворительностью официальной и частною, мы рекомендовали бы ему просмотрѣть журналы нижегородскаго губернскаго „благотворительнаго комитета“, печатаемые, съ января мѣсяца, въ видѣ приложений къ журналамъ нижегородской губернской „продовольственной комиссіи“. Личный составъ обоихъ учрежденій почти одинаковъ — но послѣднее живетъ, а первое только прозябаетъ. Въ средѣ продовольственной комиссіи есть движеніе, есть борьба; она распорядительна, предприимчива; съ нею можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя не видѣть, что она работаетъ, дѣйствуетъ, горячо относится къ своему дѣлу. Благотворительный комитетъ ограничивается, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, выслушиваньемъ докладовъ и принятіемъ ихъ къ свѣденію. Почему? Потому что официальному учрежденію свойственно предписывать, наблюдать, предупреждать, пресѣкать, но несвойственно вызывать настроенія и обращаться къ чувству. Еслибы благотворительность поддавалась регламентаціи, такіе энергичные люди, какъ генераль Барановъ и его сотрудники, не замедлили бы создать для нея самыя опредѣленные и точныя формы; теперь имъ остается только жаловаться на оскуднѣніе средствъ и ожидать помощи изъ Петербурга. Есть, конечно, и должностныя лица, вполне способныя стать во главѣ благотворительной организаціи; но эта способность—ихъ личное свойство, не имѣющее ничего общаго съ ихъ официальнымъ положеніемъ и даже скорѣе имъ стѣсняемое, чѣмъ поощряемое... Какъ посредники между центральною властью и нуждающимися мѣстностями, губернскіе благотворительные комитеты могутъ принести нѣкоторую долю пользы, но только подъ условіемъ самаго широкаго и свободнаго развитія частной помощи.

Во избѣжаніе недоразумѣній, съ которыми намъ уже приходилось

встрѣчаться, мы должны повторить оговорку, сдѣланную нами въ предыдущей хроникѣ. Высоко цѣня частную помощь голодающимъ, мы далеки отъ мысли, чтобы она могла хоть сколько-нибудь замѣнить или умалить помощь государственную. Назначеніе первой—полноценіе пробѣловъ, неизбѣжно оставляемыхъ послѣднею. Руководствуясь строго опредѣленными нормами, государство, по необходимости, многого не замѣчаетъ, многое оставляетъ въ сторонѣ; оно обращаетъ вниманіе только на *общее* и *малое*. Частная благотворительность, если только она дѣйствительно близка къ населенію, входитъ въ подробности, приспосабливается къ мѣстнымъ и даже личнымъ особенностямъ. Государство имѣетъ въ виду, прежде всего и больше всего, леченіе *болѣзней*, а частная помощь—леченіе *отдѣльных болѣзней*. Первый видъ помощи несравненно важнѣе по средствамъ, которыми онъ располагаетъ; второй драгоцѣненъ своею нравственною силой, одинаково благотворной для помогающихъ и для тѣхъ, кому они помогаютъ. Взаимодѣйствіе обѣихъ формъ помощи облегчить, быть можетъ, исполненіе задачи, все больше и больше выдвигающейся на первый планъ,—задачи исцѣленія ранъ, нанесенныхъ голодомъ, и предупрежденія его на будущее время. Чѣмъ живѣе каждый изъ тѣхъ, кто не былъ прямо затронутъ народнымъ бѣдствіемъ, будетъ чувствовать его своимъ собственнымъ горемъ, своей собственной бѣдой, тѣмъ легче падутъ преграды, противопоставляемыя близорукостью и эгоизмомъ каждой крупной экономической реформѣ.

Мы всегда отмѣчаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ все хорошее, появляющееся, *par extraordinaire*, въ органахъ реакціонной прессы. Пріятно видѣть доброе чувство или вѣрную мысль тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать ихъ—и еще пріятнѣе находить въ словахъ противника подтвержденіе собственныхъ взглядовъ. Свидѣтельству „Гражданина“ или „Московскихъ Вѣдомостей“ многіе придаютъ, какъ извѣстно, особенную доказательную силу; ихъ не можетъ коснуться обвиненіе въ неблагонамѣренности, такъ часто взводимое на свидѣтелей другого рода. Не дальше, какъ два мѣсяца тому назадъ, мы привели изъ „Гражданина“ строгое осужденіе травли, возбужденной въ сибирской прессѣ противъ буддизма и буддистовъ; вотъ что мы читаемъ теперь въ „Дневникѣ“ той же газеты (№ 43):

„Весьма неутѣшительны тѣ свѣденія, которыя доходятъ до Петербурга не слухами, не сплетнями, но—увы!—достоверными сообщеніями о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, напоминающихъ по подробностямъ самыя лютыя времена... Какъ на зло, извѣстія эти приходятъ изъ обѣихъ частей Сибири—и съ Запада, и съ Востока. Съ

Запада приходитъ печальныйъ разсказъ о томъ, что старообрядцевъ лишаютъ свободы десятками за то, что они не платятъ поземельныхъ оброковъ мѣстному духовенству за тѣ земли, которыя имъ отведены въ пользованіе изъ церковныхъ владѣній, и не платятъ ихъ потому, что на самомъ дѣлѣ они эту землю *не пользуютя*. Съ одной стороны, извѣстно, что въ Сибири наше духовенство находится въ весьма обезпеченномъ положеніи, сравнительно съ европейскими губерніями Россіи, а съ другой стороны, недоумѣваешь,—допустивъ, что старообрядцы обязаны платить свою земельную подать,—какимъ образомъ въ томской губерніи могутъ за неплатежъ денегъ одновременно описывать и продавать все имущество этихъ старообрядцевъ и арестовывать и сажать въ тюрьму хозяевъ того же имущества, бросая на произволъ судьбы ихъ семьи... Тутъ что-то непонятно суровое, съ чѣмъ врядъ ли можно мириться, въ особенности когда знаешь, что старовѣры—самые лучшіе изъ типовъ русскаго населенія, находящагося въ Сибири... Вѣдь ясно, что результаты такихъ мѣръ гоненія и заключенія будутъ двойки: или старовѣры должны будутъ бѣжать въ Монголію, или же, озлобленные и разоренные, скитаться по Сибири... Кому отъ этого польза? Неужели нашей церкви, или мѣстному правительству? Съ Восточной Сибири—изъ иркутской губерніи—свѣденія еще печальнѣе: они повѣствуютъ объ ужасныхъ насиліяхъ, совершившихся для обращенія буддистовъ въ православіе... Къ счастью, эти ужасы дошли до свѣденія иркутскаго генералъ-губернатора, и началось слѣдствіе ¹⁾... Во всякомъ случаѣ печально, что насилія, съ облавами въ лѣсахъ, съ побоями, истязаніями, даже надъ беременными женщинами—совершались полиціею по требованію мѣстнаго духовенства... Такъ или иначе, всѣ эти факты указываютъ на государственную необходимость обратить серьезное вниманіе на положеніе церковныхъ дѣлъ въ Сибири и на образъ дѣйствій ея духовенства... Во всякомъ случаѣ мѣстная власть не многое можетъ, если допустить, что всѣ эти дѣйствія предпринимаются по какимъ-то таинственнымъ внушеніямъ, исходящимъ отъ епархіальныхъ вершинъ". Нѣсколько раньше въ томъ же „Гражданинѣ“ напечатано было слѣдующее сообщеніе: „мѣстное населеніе города Свенцянъ (виленской губерніи) и окрестныхъ деревень—приблизительно около 10 тыс. человекъ католическаго вѣроисповѣданія—имѣло одинъ деревянный костелъ въ г. Свенцянахъ. Лѣтъ 10 назадъ, въ виду совершенной ветхости постройки и невмѣстительности его, населеніе ходатайствовало о дозволеніи выстроить каменное зданіе и увеличить вмѣсти-

¹⁾ Читатели припоминаютъ, быть можетъ, что о необходимости такого слѣдствія шла рѣчь еще въ нашей январской общественной хроникѣ.

тельность костела, въ соотвѣтствіи постепеннаго увеличенія количества прихожанъ. Послѣ 10 лѣтъ вышло разрѣшеніе отъ виленскаго генераль-губернатора построить каменный костелъ, но на старомъ фундаментѣ. Населеніе въ отчаяніи, такъ какъ на старомъ фундаментѣ церковь вмѣщаетъ едва десятую часть прихожанъ. Спрашивается: для чего и въ чьихъ интересахъ такое ограниченіе? Разъ костелъ разрѣшено выстроить, то отчего же не дать позволенія строить такъ, чтобы большая часть прихожанъ могла молиться? Устами „Гражданина“ говорить, на этотъ разъ, сама мудрость и справедливость.

Выборы въ первыхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, организованныхъ на основаніи закона 1890 г., не вездѣ прошли благополучно. Въ тверскомъ губернскомъ собраніи они окончились сразу, но двое изъ избранныхъ (предсѣдатель губернской управы, г. Родичевъ—бывшій весьегонскій предводитель дворянства,—и одинъ изъ членовъ управы) не утверждены въ должностяхъ, а одинъ (членъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, г. Петрункевичъ) отказался отъ возложеннаго на него званія. Тверскому губернскому земству предстоитъ, въ настоящую минуту, найти новыхъ довѣренныхъ лицъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, сопряжено съ значительными трудностями.

Московскому губернскому земскому собранію удалось, во время очередной сессіи, выбрать только предсѣдателя и одного члена управы; всѣ остальные кандидаты отказались отъ баллотировки или получили больше неизбирательныхъ голосовъ, чѣмъ избирательныхъ. Созвано было, на 18-е февраля, экстренное губернское собраніе, для избранія, между прочимъ, четырехъ членовъ губернской управы (собраніе признало необходимымъ увеличить число членовъ управы до пяти и получило на то согласіе министерства внутреннихъ дѣлъ). Кандидатовъ, по запискамъ, было заявлено девятнадцать, но они всѣ отказались отъ баллотировки. Къ тѣмъ изъ нихъ, которые были намѣчены сравнительно большимъ числомъ записокъ, многіе гласные обратились съ усиленной просьбой баллотироваться. Четверо рѣшились, послѣ долгихъ колебаній, исполнить эту просьбу; но большинствомъ голосовъ получилъ изъ нихъ только одинъ. Губернская управа, наконецъ, образовалась, но только въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ (вмѣсто пяти). Чѣмъ объяснить это явленіе, безпримѣрное, кажется, въ исторіи не только московскаго, но и другихъ губернскихъ земствъ? Отчасти, быть можетъ, оно обуславливается антагонизмомъ между гласными отъ Москвы и гласными отъ уѣздовъ, существующимъ уже давно и особенно обострившимся въ послѣднее время, изъ-за вопроса о земскомъ сборѣ съ столичныхъ недвижимыхъ имуществъ; но глас-

ные отъ Москвы не составляютъ и четвертой части собранія (на основаніи новаго земскаго положенія ихъ только 14, а гласныхъ отъ уѣздовъ—47) или даже одной его пятой, если къ избраннымъ гласнымъ прибавить 17 гласныхъ de jure (губернскаго предводителя дворянства, затѣмъ 13 уѣздныхъ и уполномоченныхъ отъ духовенства, казны и уѣзднаго вѣдомства). Союзъ этой послѣдней группы гласныхъ съ представителями столицы не составилъ бы большинства въ собраніи (31 противъ 47). Рознь проникла, очевидно, въ среду гласныхъ отъ уѣздовъ; соглашеніе между ними не состоялось даже тогда, когда его необходимость (послѣ неудачныхъ выборовъ очередной сессіи) стала совершенно очевидной. А между тѣмъ отъ новаго состава гласныхъ, избраннаго дворянскимъ большинствомъ новыхъ уѣздныхъ собраній ¹⁾ и усиленнаго всѣми предводителями дворянства ²⁾, ожидалось именно болѣе единодушіе въ выборахъ. Не дальше, какъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи очередной сессіи московскаго губернскаго земскаго собранія, была выражена увѣренность, что новый законъ „устранилъ отъ земскихъ выборовъ тотъ характеръ шаткой случайности, который почти постоянно отмѣчалъ выборы, основанные исключительно на имущественномъ правѣ“. Болѣе краснорѣчиваго опроверженія этой увѣренности, чѣмъ результатъ выборовъ 18-го февраля, нельзя себѣ и представить. Насъ этотъ результатъ не удивляетъ. Преобладаніе сословнаго элемента почти всегда выдвигаетъ на первый планъ личные вопросы; доказательствами этому полна исторія нашихъ дворянскихъ собраній.

Тридцать-первая годовщина освобожденія крестьянъ прошла не такъ незамѣтно, какъ непосредственно ей предшествовавшія. Въ Исаіевскомъ соборѣ совершенно было, 19-го февраля, торжественное богослуженіе; во многихъ частныхъ кружкахъ помянуты были добрымъ словомъ главные дѣятели освобожденія, а вмѣстѣ съ ними и тѣ идеи, которыя сдѣлали его возможнымъ и даже неизбежнымъ. И это совершенно понятно: когда же и вспоминать о положеніяхъ 19-го февраля, какъ не теперь, когда переживаемое нами бѣдствіе опять выдвинуло на первый планъ „крестьянскій вопросъ“ ³⁾? Его судьбы, въ

¹⁾ Во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ московской губерніи насчитывается, на основаніи закона 12-го іюня 1890 г., 212 гласныхъ отъ дворянъ и только 166 отъ всѣхъ другихъ сословій, вмѣстѣ взятыхъ.

²⁾ Мы слышали, что въ новгородскомъ губ. зем. собраніи предводители дворянства держались особнякомъ и старались пріобрѣсти господствующее вліяніе на постановленія собранія.

³⁾ Весьма вѣстатъ вышла въ свѣтъ, незадолго до 19-го февраля, книга Г. А.

сама же комиссія поставила въ своемъ докладѣ на видъ управѣ; а во-вторыхъ, ревизіонная комиссія въ своемъ разсужденіи о важномъ значеніи, для рѣшенія вопроса объ отвѣтственности по суду, какъ отсутствія въ этомъ дѣлѣ злого умысла, такъ и возмѣщенія убытковъ городской кассы, распространила оба эти обстоятельства на весь личный составъ управы, не дѣлая при этомъ изъ него никакихъ исключеній. Такое постановленіе Думы, освобождавшее присутствіе управы отъ судебной отвѣтственности въ полномъ ея составѣ, могло состояться также и вслѣдствіе того, что судебная власть уже сама нашла необходимымъ по своему собственному почину, безъ какого бы то ни было обращенія къ ней со стороны Думы съ жалобой, начать судебное преслѣдованіе управы установленнымъ для того порядкомъ и, конечно, по основаніямъ Думѣ пока неизвѣстнымъ, а собраніе Думы въ своихъ сужденіяхъ могло руководиться только одними фактами, сообщенными ей докладомъ городской ревизіонной комиссіи,— вотъ почему оно и должно было довольствоваться выраженіемъ неодобренія дѣйствіямъ тѣхъ членовъ управы, которые, по заключенію комиссіи, ближайше вѣдали дѣло хлѣбной операціи, остальнымъ же, не касаясь городского Головы,—только сожалѣнія о недостаткѣ съ ихъ стороны должнаго вниманія къ столь важному порученію Думы, каковою была хлѣбная операція, хотя и не повлекшемъ за собою серьезныхъ послѣдствій ни для обезпеченія города отъ повышенія цѣнъ на хлѣбное продовольствіе, ни для цѣлости городской кассы, но тѣмъ не менѣе вполне осуждаемымъ Думою. Въ настоящее время Думѣ можетъ предстоять еще разъ возвратиться къ этому дѣлу, въ случаѣ сообщенія ей отъ столичнаго присутствія по городскимъ дѣламъ его рѣшенія по предложенію прокурорскаго надзора о преданіи суду присутствія управы,—для обсужденія вопроса, слѣдуетъ или не слѣдуетъ городскому общественному управленію, въ установленный шестинедѣльный срокъ, обжаловать, въ случаѣ надобности, опредѣленіе присутствія по городскимъ дѣламъ правительствующему сенату, по первому департаменту, согласно ст. 158 Городоваго Положенія 1870 года.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

„Журналъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія“ имѣетъ цѣлю, своевременно сообщая о ходѣ работъ въ Обществѣ, помѣщать труды и отчеты всѣхъ находящихся въ его вѣденіи учреждений и знакомить съ новѣйшими успѣхами науки здравоохраненія.

„Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книжками, отъ 5 до 7 листовъ, по слѣдующей программѣ:

Въ 1892 году съ № 1 въ „Приложеніи“ печатается новый трудъ профессора Ю. Э. Янсона: „Сравнительная статистика населенія“.

Содержаніе № 1, 1892 г.: Проф. Ю. Т. Чудновскій: Отчетъ коммисіи по изысканію мѣръ противъ чахотки. Проф. К. П. Ковальковскій: Санитарныя учрежденія Берлина, Парижа и Лондона. Д-ръ Б. Н. Пурицъ: Объ усиленномъ кормленіи брюшно-тифозныхъ. Проф. А. О. Баталинъ: Степные тюльпаны, какъ пищевое средство. Д-ръ П. П. Бѣлоусовъ: Уборка городскихъ нечистотъ въ г. Тулѣ. Журналъ засѣданія 1-й секціи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Рефераты. Хроника.

Приложенія: 1. Проф. Ю. Э. Янсонъ: Сравнительная статистика населенія. Листъ 1—2. Программы Всероссийской Гигиенической Выставки, устроенной Русск. Обществомъ охр. нар. здравія.

Подписная цѣна: съ достав. и пересылкою 3 р. 50 к. въ годъ.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ: въ редакціи (Лиговка, д. № 26) и въ книжныхъ магазинахъ К. Л. Риккера (Невскій, д. № 14), Н. П. Карбасникова (Литейный, д. № 46) и др.

Желающіе получить „Журналъ“ могутъ извѣщать о томъ редакцію простымъ письмомъ, съ точнымъ обозначеніемъ своего адреса, и „Журналъ“ будетъ имъ высланъ наложеннымъ платежемъ. Журналъ за 1891 г. высылается за три рубля.

Плата за объявленія: страница 8 р., $\frac{1}{2}$ стр. 4 р., $\frac{1}{3}$ стр. 3 руб.

Редакцію журнала принялъ на себя приватъ-доцентъ А. А. Липскій.

II.—Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества постановилъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, объявить конкурсъ на соисканіе премій Общества за лучшій рассказъ для дѣтей до-школьнаго возраста на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Рассказъ предназначается для дѣтей шести—семи лѣтъ.
- 2) Онъ долженъ быть, по простотѣ изложенія и замысла, вполне доступенъ дѣтямъ этого возраста. Поддѣлка подъ дѣтскій языкъ не допускается.
- 3) Объемъ рассказа не болѣе печатнаго полулиста (отъ 15 до 20 тысячъ буквъ).
- 4) Первая премія, за лучшій рассказъ— двѣсти рублей, вторая—сто пятьдесятъ рублей, третья—сто рублей.
- 5) Премированные рассказы издаются Обществомъ въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ. Первое изданіе принадлежит Обществу.
- 6) Срокомъ представленія рукописей назначается 15 марта 1892 г.
- 7) Рукописи должны быть безъ имени автора, но съ девизомъ: имя автора, а также и адресъ его должны заключаться въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, наглухо заклеенномъ и запечатанномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ. Рукописи, не удовлетворяющія условію, изложенному въ семъ пунктѣ, на конкурсъ не допускаются.
- 8) Предназначаемыя на конкурсъ рукописи слѣдуетъ доставлять на имя члена Совѣта Общества Петра Григорьевича Васильева (Спб., Горсткаина ул., д. № 6).
- 9) О результатѣ конкурса будетъ объявлено въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ.
- 10) Рукописи, не удостоенныя премій, можно будетъ получать обратно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по объявленіи о результатѣ конкурса. По истеченіи этого срока, рукописи, не взятые авторами, подлежатъ уничтоженію. Возвращеніе рукописей по почтѣ Совѣтъ на себя не принимаетъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБ. ПОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

По Египту и Палестинѣ. Путешія зайтки.
Е. Э. Бартацковъ. Сиб. 92. Стр. 250.
Ц. 1 р. 50 к.

Нѣсколько главъ изъ недавняго путешествія автора по Египту были въ истекшемъ году помѣщены въ наше журналѣ, а теперь, въ отдѣльномъ изданіи, онѣ являются дополненными, съ присоединеніемъ цѣлой новой части изъ поездки въ Палестину и двухнедѣльнаго пребыванія въ Иерусалимѣ, съ экскурсією въ пустыню Мертваго моря. Хотя авторъ, какъ онъ изобразилъ самъ, я сторонился отъ мрачной области соперничества, борьбы и ненависти у самаго гроба Того, Кто проповѣдовалъ любовь, но все же отъ наблюдательности автора не ускользнуло много изъ того, что творится, широчень, не въ цѣлой Палестинѣ, тѣмъ, кто охотно приписываетъ возникіе идеала и духовные интересы христіанства „къ жертвѣ мелкимъ расчетамъ національной обособленности, оскорбленнаго самозабвѣи и неудовлетворенной користи“...

Педагогическія сочиненія. В. Л. Стоюниинъ.
Сиб. 92. Стр. 567. Ц. 3 р.

Попольный Стоюниинъ при жизни имѣлъ большое личное вліяніе на школу своею практическою дѣятельностью и составилъ себѣ прочное имя въ педагогическихъ кругахъ нашего общества. Но и его письменные труды вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы память о немъ сохранилась въ между слѣдующими поколѣніями, а потому нельзя не благодарить издателя издательства сборника его трудовъ, остававшихся до сихъ поръ разбланными по журналамъ. Въ нашемъ журналѣ В. Л. Стоюниинъ не ограничился однимъ педагогическими вопросами, но помещалъ также и монографіи по предметамъ, бываю связанными исторію нашей литературы и культуры; напомнимъ статьи теперь и другіе его труды, не вошедшіе въ сборники: въ 1867 г., дѣтъ 25 тому назадъ, онъ помѣстилъ отрывки изъ биографіи князя Антиоха Кантемира—въ Ломодовѣ, а позже—въ Парамѣ; крокъ того, у насъ же появилась другой его не менѣе интересной биографическій очеркъ: „А. С. Шинковъ“, журналистъ параді, просвѣщеніи изъ эпохи амп. Александра І. Изданіе украшено портретомъ покойнаго и снабжено биографическимъ его очеркомъ, а также библиографическимъ указателемъ всѣхъ его сочиненій, на 40 дѣтъ литературной дѣятельности, отъ 1849 до 1888 года—времени его смерти.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія свѣданія. Гр. Дамштіона. М. 92. Стр. 262.
Ц. 1 р.

Всѣмъ доходя отъ настоящаго изданія посвященъ „къ памяти годовыхъ“, а самая мысль сборника вызвана исполненіемъ въ послѣднее время пятидесятилѣтними годовщинами тѣхъ дѣлъ, начало которымъ было положено въ первое пятилѣтіе шестидесятихъ годовъ, и въ числѣ авторскихъ—освобожденіе крестьянъ, отмена тѣлеснаго наказанія, закладка предварительнаго пенитенціарнаго, наконецъ открытіе гласнаго суда, кнѣсть съ иролизмъ учрежденіями, могая современникъ посматривать прочною основой новой жизни, какъ государственной, такъ и общественной. Авторъ имѣлъ въ виду, возвращался

къ прошедшему, „возобновить въ памяти обществу значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, тѣмъ части и такъ общераспространенно извращаемые реакціонною печатью“, а также, быть можетъ, и разъяснить, хотя отчасти, причинъ несоотвѣстности результатовъ реформъ и ожиданій отъ нихъ,—причины, понимаемыхъ не всегда правильно, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ извращеній.

Въ Сербіи. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг. Генеральнаго штаба ген.-лейт. Г. П. Вобрикова. Сиб. 91. Стр. 191.

Своемъ воспоминаніи авторъ написалъ по набросаннымъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ памятнымъ замѣткамъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Цѣнность ахъ имѣется уже изъ того обстоятельства, что авторъ былъ руководителемъ военныхъ операцій сербской арміи. Весьма справедливо онъ замѣчаетъ, что время для указанія поучительной стороны бывшей войны уже наступило, хотя, конечно, подробный анализъ военныхъ дѣйствій того времени можетъ еще и теперь затрогивать самолюбіе нѣхъ участниковъ.

Дж. Т. Льюисъ. Исторія философіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. Съ приложеніемъ статьи о жизни и ученіи Шопенгауэра и Гартмана, В. Д. Вольфсона. Изд. второе. Сиб. 92. Стр. 684 и VIII. Ц. 3 р.

„Исторія философіи“ Льюиса пострадала въ насъ: она существуетъ на русскомъ языкѣ уже въ трехъ переводахъ (начиная съ изданія 1865 г. подъ редакціей В. Д. Свасовича), и одинъ изъ нихъ, принадлежащій г. Вольфсону, является теперь въ новомъ изданіи. Переводчикъ дополнилъ книгу главою о Шопенгауэрѣ и Гартманѣ.

Адресная Книга города С.-Петербурга на 1892 г. Составлена при содѣйствіи городского общественаго управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Сиб. 1892 г. 770 столб. и 228 стран. Ц. 4 руб. въ перепл.

Наша столица до сихъ поръ была, можно сказать, единственною, не имѣющею своей адресной книги. Въ Москвѣ городская управа уже 20 лѣтъ издаетъ для своихъ обывателей „Адресъ-Календарь“. Прѣжнія попытки сдѣлать такое изданіе для Петербурга давно уже не возобновлялись; новый опытъ, сдѣланный въ настоящее время, отличается большою полнотою и обиліемъ свѣденій. Крокъ „Табели домовъ“, съ спеціальными картами по частямъ, а иногда и по участкамъ, приложенъ общій планъ Петербурга. Сама же Адресная Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая обнимаетъ всѣ учрежденія правительственныя и общественныя, торгово-промышленныя заведенія и т. д.; вторая часть содержитъ въ себѣ алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ первой части и въ „Табели домовъ“. Сверхъ того въ началѣ приложенъ предметный указатель въ алфавитномъ порядкѣ. Для внутреннихъ сношеній и справокъ такое изданіе принесетъ существенную пользу, и потому нельзя не пожелать, чтобы оно и у насъ встрѣтило такія же благоприятныя условія, какія находятъ себѣ подобныя изданія во всѣхъ крупныхъ центрахъ городского населенія.

II. —

Сов.
по при
Общест
слѣдую

1) Ра

2) О

доступен

допускает

3) Об

тысячь б

4) Пер

сто пятьд

5) Пр

пяти тыся

6) Сро

7) Ру

имя автора

приложенно

конвертъ с

вію, излож

8) Пред

на ими чд

(Спб., Горст

9) О рез

страненныхъ

10) Ру

ратно въ те

курса. По н

лежать ун

себя не при

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЕЧЪ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полутолкамъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Юль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полутолкамъ въ январѣ и юлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, юлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго марта открывается подписка на вторую четверть 1892 года.

Ближние магазины, при годовой и полутоковой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полидейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбаевскаго, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ** и **ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Редакціи журнала одновременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ городскіе — 40 коп., въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Восточнаго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Выслать* на получение журнала выслаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюленичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 лин., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТОЧНЫѢ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1892.

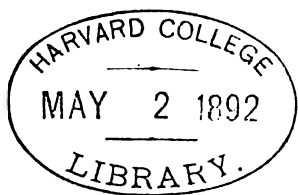
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1892.

Стр.

I.—АНТИГОНА.—Трагедія Софокла. Перев. Д. С. Мережковского.	437
II.—НА АФОНѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—IX.—А. Ф. Брандта.	511
III.—ВАСИЛІЙ ТЕРКІНЪ.—Романъ.—Часть вторая: XXI—XL.—П. Д. Боборыкина.	534
IV.—РУССКАЯ РИВЬЕРА.—Кривскіе очерки и замѣтки.—А. П. Петрушевскаго.	629
V.—КАТЕРИНА—БОЛЬНАЯ.—Очеркъ.—П. А. Савинова.	650
VI.—РЕЛИГИЯ ИНДУСОВЪ ВЪ ЭПОХУ ВЕДЪ.—I—VII.—Дч. Овслинко-Куликоскаго.	692
VII.—ГОГІА-ПЪВЕЦЪ, грузинская легенда о томъ, какъ явились въ міръ пчелы, соловей и улодь.—Перев. съ грузин. Ф. Т.	697
VIII.—ВИНОГРАДНИКЪ НАВУОЕЯ.—Романъ.—I—VIII.—Съ англ. А. Э.	702
IX.—ЭЖЕ-ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ и его результаты.—II.—Окончаніе.—Л. З. Слонимскаго.	742
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Въ деревнѣ.—II. Серенада.—III. На мотыль Микель-Анджело.—В. Л. Величко.	758
XI.—ТЕОРИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.—Ант. Вудиловича, „Общеславянскій языкъ“.—I.—А. П. Нынина.	761
XII.—НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ГОДОВЪ.—Стих. В. Булгакова.	805
XIII.—ПИСЬМА С. П. БОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ.—1877-й годъ.—17-20.	807
XIV.—ХРОНИКА.—По вопросу о конверсіяхъ государственныхъ займовъ.—А. А. Исаева.	824
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Программа вопросовъ, относящихся къ заповѣд-ности дворянскихъ имѣній.—Указъ 1714 г. о единонаследіи, какъ основаніе дворянскихъ ходатайствъ по этому предмету.—Вопросы объ условіяхъ учрежденія заповѣдныхъ имѣній.—Положеніе продовольственного дѣла въ 1 марта.	889
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности повѣяшаго рабочаго движенія въ Германіи.—Паденіе школьнаго закона и министерскій кризисъ.—Новые министры и старый „курсъ“.—Стачка углекоповъ въ Англіи.—Болгарскія и сербскія дѣла.—Новый органъ нашего славянофильства „Славянское Обозрѣніе“.—Идеи гг. Будаговича и В. И. Ламанскаго.	898
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, перев. Н. П. Карлева.—Вл. Штейнъ, Графъ Джиакмо Леонарди.—С. М. Середонинъ, Сочиненія Дж. Флетчера.—А. В. Г. Е. Аванасьянъ, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.—Д. С.—Новыя книги и брошюры.	874
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Religion, par G. de Molinari.—II. Agnosticisme, par E. de Roberty.—III. Kaiser Wilhelm II und seine Leute.—Д. С.	894
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Признаки нужды въ главной области неурожаа.—„Кривуни“ на сельскихъ сходахъ.—Новая обмолочивающаго иресса.—Тверское губернское земство и „интересы мѣстнаго населенія“.—Саратовскій инцидентъ и различныя его толкованія.—Новый перлъ добровольческаго усердія.—М. И. Семевскій †.	899
XX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Гр. А. К. Толстой, Книжъ Серебряный, роскош. изданіе.—Им. Марія Осодорова, т. I. К. С. Шумиловскаго.—Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза, и. р. К. К. Арсеньева и О. Ф. Петрушевскаго, т. V, а.—А. Г. Лякидъ, Въ океанѣ звѣздъ.—А. В. Яворскій, Сказки попула.—Л. Вергенсона, Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

АНТИГОНА

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

„Антигона“ — заключительная часть трилогіи Софокла, связанной послѣдовательнымъ развитіемъ драматическаго дѣйствія.

Въ первой части: „Эдипъ-Царь“ — изображается судьба отца Антигоны, властителя Фивъ. Въ городѣ свирѣпствуетъ моровая язва. Дельфійскій оракулъ, обѣщая народу избавленіе отъ заразы, требуетъ немедленной казни неизвѣстныхъ убійцъ Лайя, предшественника Эдипа на престолѣ Фивъ. Прорицатель Тирезій, послѣ долгихъ колебаній, объявляетъ, что убійство совершено самимъ царемъ Эдипомъ. Царь въ негодованіи и ужасѣ отвергаетъ страшное подозрѣніе. Но, желая оправдаться передъ народомъ и уличить истиннаго преступника, онъ мало-по-малу съ неотразимою для себя ясностью убѣждается въ своемъ невольномъ преступленіи, сначала изъ словъ вѣстника, — потомъ изъ разсказа стараго пастуха, который спасъ Эдипа, въ младенчествѣ покинутого отцомъ. Юкаста, жена покойнаго царя и вмѣстѣ съ тѣмъ жена своего собственнаго сына, Эдипа, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Самъ онъ въ отчаяніи вырываетъ себѣ глаза пряжками хитона и слѣпой, лишенный престола, умоляетъ объ изгнаніи, какъ о милости. Таково содержаніе первой части трилогіи.

второй части: „Эдипъ въ Колонѣ“ — изгнанный царь Фивъ своей дочерью Антигоной, которая не покидаетъ отца въ изгнаніи, приходитъ въ Колонѣ, мѣстечко близъ Аѣинъ, въ заповѣдную рощу Эвменидъ, богинь мщенія. Тезей, царь Аѣинъ, принимаетъ Эдипа благосклонно. Изгнанникъ сообщаетъ ему новое званіе дельфійскаго оракула: боги даруютъ счастье и по-

бѣду надъ врагами тому народу, въ чьей землѣ будетъ жить Эдипъ или будутъ покониться его восты. Креонъ, желающій овладѣть Фивами и воспользоваться милостью боговъ, обѣщанной оракуломъ, приходитъ къ Эдипу во время отсутствія Тезея и пытается силою увлечь изгнанника обратно въ Фивы. Но Тезей, вернувшись, принуждаетъ Креона удалиться. Тогда къ Эдипу приступаетъ съ мольбами его сынъ Полиникъ. Между нимъ и братомъ Этеокломъ возгорѣлась непримиримая ненависть изъ-за обладанія Фивами. Полиникъ, покинувшій родину и объявившій своимъ тестемъ аргосскаго царя, Адраста, ведетъ на Фивы семь союзныхъ вождей во главѣ семи отрядовъ. Онъ умоляетъ отца присоединиться къ нимъ, зная, что побѣда, согласно съ предсказаніемъ оракула, должна принадлежать тому изъ двухъ враждебныхъ войсцъ, на чьей сторонѣ будетъ Эдипъ, живой или мертвый. Отецъ отвергаетъ его мольбы, и Полиникъ убѣгаетъ въ рѣшимости или погибнуть, или умертвить Этеокла и овладѣть Фивами. Эдипъ уходитъ въ глубину заповѣдной роши и умираетъ, примиренный съ богами.

Въ „Антигонѣ“, послѣдней части трилогіи, изображается гибель самоотверженной дочери Эдипа. Семь вождей, осаждавшихъ Фивы, потерпѣли пораженіе. Этеоклъ и Полиникъ пали оба, умертвивъ другъ друга въ единоборствѣ. Креонъ овладѣлъ престоломъ и объявилъ народу, что трупъ Полиника, врага отечества, будетъ преданъ позору и лишентъ погребенія; того же, кто дерзнетъ нарушить волю царя, ожидаетъ смертная казнь. Съ этого момента и начинается дѣйствіе въ послѣдней части трилогіи, открывающейся сценою между двумя сестрами, дочерьми Эдипа, Антигоною и Исменою. Антигона сообщаетъ сестрѣ повелѣніе новаго правителя Фивъ, — Креона.

ДѢЙСТВУЮЩИЯ ЛИЦА.

АНТИГОНА }
 ИСМЕНА } дочери царя Эдипа.
 КРЕОНЪ, новый правитель Фивъ.
 ЭВРИДИКА, жена КРЕОНА.
 ГЕМОНЪ, сынъ КРЕОНА и женихъ АНТИГОНЫ.
 СТРАЖЪ.
 ВѢСТНИКЪ.
 СЛУЖИТЕЛЬ.
 ХОРЪ старѣйшинъ еиванскихъ.
 ТИРЕЗИИ, прорицатель.

Антигона.

О, дай обнять главу твою, Исмена!
 Сестра моя, скажи, какой бѣдѣ
 Изъ многихъ бѣдѣ—отца и насъ, невинныхъ
 Его дѣтей, оставшихся въ живыхъ,
 Не обрекалъ Зевесъ, и есть ли въ мірѣ
 Хотя что-нибудь несправедное, злое
 И горькое—невѣдомое намъ?
 Ты слышала ль, сестра, о томъ, что нынѣ
 Всѣмъ гражданамъ правитель повелѣлъ?
 Иль, можетъ быть, не знаешь ты, Исмена,
 Что ждетъ друзей твоихъ судьба враговъ?

Исмена.

Еще ко мнѣ, сестра, не доходила
 Ни горькая, ни радостная вѣсть,
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ убитъ въ сраженьѣ брата,
 Съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились въ тотъ же день
 Обоихъ. Въ ночь ушли войска аргосцевъ.

Не слышала я больше ничего,
Ни радости достойнаго, ни горя.

АНТИГОНА.

Я позвала тебя за двери дома,
Чтобъ говорить наединѣ съ тобой.

ИСМЕНА.

Какой полна ты думой сокровенной?

АНТИГОНА.

Не повелѣлъ ли царь изъ нашихъ братьевъ
Единаго землѣ предать, лишивъ
Всѣхъ почестей другого? Этеоклъ,
Священнаго обряда удостоенъ,
Въ подземный міръ сошелъ къ роднымъ тѣнямъ.
А между тѣмъ останки Полиника
Креонъ велѣлъ не предавать землѣ,
И не почтивъ обрядомъ, не оплакавъ,
Не приютивъ въ могилѣ, бѣдный трупъ
Покинуть хищнымъ птицамъ на съѣденіе.
Такъ приказалъ нашъ добрый царь тебѣ —
И мнѣ, — увы! Провозгласить велѣнье
Онъ къ намъ идетъ. Что бъ ни было, — законъ
Исполнится, и будетъ непослушный
На площади побитъ камнями. Теперь
Ты знаешь все. О, покажи скорѣе,
Достойной ли ты предковъ благородныхъ,
Безчестной ли отъ честныхъ родилась.

ИСМЕНА.

Но если царь велѣлъ, сестра, подумай, —
Смирюсь иль нѣтъ, — что сдѣлать я могу?

АНТИГОНА.

Захочешь ли помочь мнѣ въ трудномъ дѣлѣ?

ИСМЕНА.

Скажи, какой ты замыселъ питаешь?

АНТИГОНА.

Похоронить мнѣ брата помощи.

Исмена.

Ужель дерзнешь законъ царя нарушить?

Антигона.

О, если ты боишься, я одна
Похороню возлюбленного брата!
Измѣнницей не назовутъ меня.

Исмена.

Безумная, наперекоръ царю?

Антигона.

Не можетъ царь отнять меня у тѣхъ,
Кого люблю.

Исмена.

Сестра, ты позабыла,
Какъ нашъ отецъ, узнавъ, что онъ — злодѣй,
Отверженный и ненавистный людямъ,
Исторгнувъ очи самъ себѣ, погибъ;
Какъ мать — она была ему женою
И матерью — на петлѣ роковой
Повѣсилась; какъ оба брата пали,
Несчастные, другъ друга умертвивъ,
Въ единый мигъ на томъ же полѣ битвы.
Теперь, когда остались мы одни
Безъ помощи, подумай, Антигона,
Какая ждетъ насъ гибель, если, власть
Царя презрѣвъ, законъ его нарушимъ!
Мы — женщины, не намъ вести борьбу
Неравную съ мужами: наша доля, —
Предъ сильными покорствуя, молчать.
У мертвеца я вымолю прощенье
Невольнаго грѣха и покорюсь
Велѣнью владыки: неразумно —
Желать того, что выше силъ моихъ.

Антигона.

Я ни о чемъ просить тебя не буду
И не приму я помощи твоей, —
Нѣтъ! Дѣлай ты, что хочешь. Тѣло брата
Похороню, и будетъ смерть моя

Желанною. Презрѣвъ законъ, исполню
 Мой вѣчный долгъ и лягу рядомъ съ нимъ,
 Въ одномъ гробу, любимая съ любимымъ.
 Я не живымъ, а мертвымъ угодить
 Хочу затѣмъ, что съ ними буду вѣчно
 Лежать въ землѣ. А ты живи, презрѣвъ
 Все, что святымъ считаютъ боги...

Исмена.

Свято

Я чту боговъ въ душѣ, но силы нѣтъ
 Противиться велѣнію законовъ.

Антигона.

Ищи себѣ предлога,—я иду
 Воздвигнуть холмъ могильный Полинику.

Исмена.

О, бѣдная, мнѣ страшно за тебя!

Антигона.

Спасай себя лишь,—за меня не бойся.

Исмена.

Не говори про замыселъ ни съ кѣмъ.
 Не правда ли, хранить мы будемъ тайну?

Антигона.

О, нѣтъ, иди къ врагамъ, открой имъ все:
 Безмолвствуя, ты будешь ненавистнѣй.

Исмена.

Какимъ огнемъ душа твоя полна!

Антигона.

Усопшему моя любовь отрадна.

Исмена.

Но ты достичь не можешь...

Антигона.

Пусть! Когда
 Не хватитъ силъ, я отрекусь отъ цѣли.

ИСМЕНА.

Не лучше ли къ тому, что выше силъ,
Не приступать?

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, молчи, Исмена,
Не то врагомъ ты будешь мнѣ навѣкъ
И снизойдешь въ могилу ненавистной
Роднымъ тѣнямъ. О, дай исполнить мнѣ
Мой замыселъ безумный и погибнуть!
Что бъ ни было, я вѣрю,—будетъ смерть
Прекрасною!..

ИСМЕНА.

Иди, сестра моя.
И знай, что ты уходишь неразумной,
Но любящей и вѣрной до конца.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Лучъ зари, первый взглядъ
Золотистаго дня,
Надъ Диркейской волной
И надъ Тивами
Семивратными
Ты блеснулъ—и, смутясь,
Предъ тобою бѣжалъ
Воинъ съ бѣлымъ щитомъ,
Мужъ изъ Аргоса...
Полиникъ къ намъ пришелъ,
Полный хитрой вражды,
Полиникъ свою рать
Въ племахъ блещущихъ,
Съ конской гривой,
Къ намъ привелъ: такъ изъ тучъ
Съ бѣлоснѣжнымъ крыломъ,
Съ громкимъ крикомъ орелъ
Низвергается.

Антистрофа первая.

Онъ надъ Тивами сталъ,
Поднялъ копьё, открылъ

Кровожадную пасть,
 Какъ чудовище.
 Но убійствами
 Не насытившись, врагъ
 Отступилъ: нашихъ стѣвъ
 Не коснулся пожаръ.
 Въя ужасомъ,
 Богъ войны загремѣлъ;
 И надменную рѣчь
 Ненавидящій — Зевсъ,
 Видя гордое,
 Въ блескѣ золота
 Вражье войско, того,
 Кто готовъ былъ кричать
 О побѣдѣ, — во прахъ
 Сбросилъ молніей.

Строфа вторая.

Палъ, загремѣлъ и о землю ударился тяжко
 Молніей бога сожженный, за мигъ передъ тѣмъ
 Страшный и яростью буръ подобный.
 Но благодатный, великій Аресъ,
 Непобѣдимый союзникъ,
 Повелебалъ ихъ ряды,
 Въ полѣ разсѣялъ
 И погубилъ.
 Семъ вождей бѣгутъ, покинувъ
 Богу мѣдные трофеи.
 Только тѣ, кого вскормили
 Мать одна, одинъ отецъ,
 Только два несчастныхъ брата
 Устремили другъ на друга
 Копья, оба побѣдили, —
 И удѣлъ обоихъ — смерть.

Строфа вторая.

Въ городъ, гдѣ гулъ колесницъ не смолкаетъ, съ привѣтомъ,
 Ст. громкою славой богиня Побѣда вошла.
 Войны забудемъ и храмы наполнимъ
 Пѣньемъ и пляской на цѣлую ночь!
 Вѣхъ, потрясающій землю
 Въ пляскѣ ударомъ ноги,

Хоровъ веселыхъ

Будеть вождемъ.

Но сюда грядетъ владыка
Менойбидъ, правитель новый.
Въ этотъ день, когда свершилась
Воля вѣчная боговъ,
Царь, въ душѣ своей питая
Новый замыселъ, не даромъ
На совѣтъ—старѣйшинъ оивскихъ
Черезъ глашатаевъ созвалъ.

Креонъ.

Возстановивъ нашъ городъ, потрясенный
Ударомъ волнъ во время долгихъ бурь,
Желанный миръ намъ боги даровали,
И я призывалъ избранниковъ моихъ.
Вы чтили скиптръ и тронъ священный Лайя,
И вѣрными остались до конца
Вы при царѣ Эдипѣ и при дѣтахъ
Умершаго владыки. И теперь,
Когда они, другъ друга убивая
Преступною рукой въ одномъ бою,
Разящіе, сраженные, погибли,—
По всѣмъ правамъ ближайшаго родства
Я власть отъ нихъ законную приѣмлю.
Вы знаете, какъ трудно угадать
И помыслы, и душу человѣка,
Пока въ рукахъ онъ власти не имѣлъ.
Кто хочетъ быть царемъ, не помышляя
О благѣ всѣхъ, кто истину таитъ
Въ груди своей, открыть ея не смѣя,
И для кого не выше всѣхъ друзей
Отечество,—тотъ для меня ничтожный,
Презрѣнный человѣкъ! Свидѣтель богъ
Всевидащій: молчалъ ли я изъ страха,
Когда-нибудь срывалъ ли я бѣду
Грозящую, и былъ ли врагъ отчизны
Среди моихъ друзей? Я думалъ такъ:
О, только бы спасти родную землю,—
Друзей всегда довольно мы найдемъ.
И въ этихъ мысляхъ я вовеѣкъ пребуду,—
И благо тѣмъ отчизнѣ принесу.

Такъ нынѣ всѣмъ я повелѣлъ: да будетъ
 Похороненъ, какъ доблестный герой
 За родину на полѣ брани павшій,
 Съ торжественнымъ обрядомъ Этоклъ.
 А Полинникъ, бѣглець и врагъ народа,
 Вернувшійся на родину затѣмъ,
 Чтобъ сжечь до тла и городъ нашъ, и храмы
 Родныхъ боговъ, чтобъ насъ поработить,
 Насытившись убійствами и кровью, —
 Я повелѣлъ, да будетъ Полинникъ
 Лишенъ въ землѣ родной могильной сѣни,
 Надгробныхъ слезъ и жалобъ, и молитвъ,
 Да будетъ трупъ злодѣя, страшный людямъ,
 Добычей псовъ и кровожадныхъ птицъ!
 Я такъ хочу: чтобъ не былъ нечестивый
 Превознесенъ надъ праведнымъ, а тотъ,
 Кто возлюбилъ отчизну, будетъ нами
 Всегда почтенъ, и мертвый, и живой.

Хоръ.

Ты такъ рѣшилъ, Креонъ, о, сынъ Менойка!
 Судьба враговъ отечества, судьба
 Его друзей — въ твоихъ рукахъ: ты можешь
 Повелѣвать и мертвымъ, и живымъ.

Креонъ.

Я васъ избралъ хранить мои велѣнья.

Хоръ.

О, царь, назначь другихъ, моложе насъ.

Креонъ.

Ужъ я давно приставилъ къ тѣлу стражу.

Хоръ.

Но чѣмъ еще могли бы мы служить?

Креонъ.

Храня законъ, казните непокорныхъ.

Хоръ.

Какой безумецъ самъ пойдетъ на смерть?

КРЕОНЪ.

Хотя грозить виновнымъ смерть, но подкупъ
Ужъ много разъ губилъ людей.

(Входитъ стражъ.)

СТРАЖЪ.

О, царь!

Я не бѣжалъ, я шелъ, не торопясь,
Не разъ мой шагъ я замедлялъ въ раздумьѣ,
Не разъ съ пути вернуться я хотѣлъ,
И говорилъ мнѣ тайный голосъ: „бѣдный,
Не самъ ли ты на казнь твою бѣжишь?
А между тѣмъ вернуться ты не можешь:
Другой царю расскажетъ эту вѣсть,
И все-таки—ты казни не избѣгнешь“.
Такъ думалъ я и шелъ, не торопясь,
И краткій путь мнѣ показался длиннымъ.
Но наконецъ я долженъ былъ придти.
Хотя и самъ я многого не знаю,—
Тебѣ, мой царь, всю правду расскажу.
Послѣднее осталось утѣшенье:
Что рокъ судилъ, того не миновать.

КРЕОНЪ.

Какую вѣсть принесъ ты, полный страха?

СТРАЖЪ.

Сперва скажу я о себѣ: ни въ чемъ
Я предъ тобой не виновать, не знаю
Виновнаго, и было бы, мой царь,
Казнить меня несправедливо.

КРЕОНЪ.

Вижу,

Стараясь ты оградить себя:
Должно быть, вѣсть тревожна...

СТРАЖЪ.

Страхъ великій

Внушаетъ намъ предчувствіе бѣды.

КРЕОНЪ.

Но говори скорѣй, чтобъ быть свободнымъ.

СТРАЖЪ.

Открою все: тайкомъ—не знаю кто—
Пришелъ, и, трупъ покрывъ сухою пылью,
Могильные обряды совершилъ.

КРЕОНЪ.

Что говоришь ты? кто дерзнулъ?

СТРАЖЪ.

Не знаю;

Земля кругомъ нетронута была
Ни заступомъ, ни острою лопатой,
И слѣдъ колесъ глубокой колеи
Не проложилъ въ кремнистомъ, дикомъ полѣ.
И не нашли мы никакихъ уликъ
Виновнаго. Отъ стражи первой смѣны
Услышали мы утромъ о бѣдѣ
И всѣ тогда подумали: вотъ чудо
Недоброе!—Невидимъ былъ мертвецъ,
Непогребенъ, но скрытъ могильнымъ прахомъ,
Чтобъ охранить отъ святотатства трупъ.
И никакихъ слѣдовъ мы не открыли:
Ни хищный звѣрь, ни песь не приходилъ
И мертваго не трогалъ. Брань и крики
Послышались; мы всѣ наперерывъ
Въ несчастіи другъ друга упрекали,
И дракой споръ окончиться грозилъ.
Никто не могъ насъ помирить, и каждый
Виновникомъ казался для другихъ,
А вѣрнаго мы ничего не знали.
Межъ тѣмъ боговъ въ свидѣтели призвать,
Пройти огонь и въ руки взять желѣзо
Калѣное готовы были всѣ,
Чтобъ доказать, что раньше не слыхали
Про заговоръ преступный и ни въ чемъ
Ни помысломъ, ни дѣломъ неповинны.
Такъ спорили напрасно мы, но вдругъ
Одинъ изъ насъ сказалъ такое слово,
Что голову склонили мы къ землѣ
Въ смущеніи, и какъ бѣды избѣгнуть—
Не вѣдали, и не принять совѣтъ

Мы не могли: и было это слово
 О томъ, что скрыть несчастіе нельзя,
 Что мы должны связать тебѣ всю правду
 Послушались совѣта и меня,
 По жребію, какъ вѣстника, избрали.
 И вотъ я здѣсь—наперекоръ моей
 И вашей волѣ: ненавиждать люди
 Того, кто вѣсть недобрую принесъ.

Хоръ.

О, царь, давно я думалъ: это чудо
 Не боги ли послали намъ?

Креонъ.

Молчи.

Не то мой гнѣвъ заслужишь ты, и люди
 Сочтутъ тебя безумнымъ. Неужель
 Ты могъ сказать, подумать могъ, что боги
 Заботятся объ этомъ трупѣ, чтутъ,
 Какъ своего избранника, хоронятъ
 Въ землѣ родной того, кто къ нимъ пришелъ,
 Чтобъ грабить, жечь, законы ниспровергнуть
 И разметать священные дары,
 Не пощадивъ многоколонныхъ храмовъ?
 Ты видѣлъ ли, чтобъ награждали злыхъ
 Безсмертные? Но, нѣтъ—не ихъ, а гражданъ
 Виню во всемъ: роптали на меня
 Мятежники, главами помавая,
 Страхнуть ярмо пытаюсь. Мой законъ
 Ихъ золотомъ подкупленная стража
 Нарушила за тѣмъ, что деньги—зло
 Великое для смертныхъ. Изъ-за денегъ
 Обречены на гибель города,
 И отчій кровь изгнанники покидаютъ;
 И развративъ невинныя сердца,
 Дѣяніямъ постыднымъ учатъ деньги
 И помысламъ коварнымъ, и нечестью.
 Но часъ придетъ, и не минуетъ казнь
 Преступниковъ, подкупленныхъ врагами... (*Стражу.*)
 Нѣтъ! если тѣхъ, кто трупъ похоронилъ,
 Вы, отыскавъ, ко мнѣ не приведете,—
 Клянусь (и вѣрь, пова я чту отца

Кроніона, той клятвы не нарушу),
 Не будетъ смерть вамъ легкой карой, нѣтъ,
 Я не убью, я васъ живыхъ повѣшу
 И пытками заставлю говорить,
 Пока я всѣхъ виновныхъ не узнаю
 И прибыли искать васъ научу,
 Гдѣ слѣдуетъ, награду принимая
 Не всякую! Приносять больше зла,
 Чѣмъ выгоды, неправедныя деньги!

СТРАЖЪ.

Дозволишь ли мнѣ слово молвить, царь?..

КРЕОНЪ.

Но мнѣ въ словахъ твоихъ отрады мало...

СТРАЖЪ.

Что оскорбилъ я: сердце или слухъ?

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ тебѣ объ этомъ знать?..

СТРАЖЪ.

Подумай:

Кто вѣсть принесъ, тотъ слухъ твой оскорбилъ,
 А душу—тотъ, кто совершилъ дѣянье.

КРЕОНЪ.

Безъ умолку умѣешь ты болтать!..

СТРАЖЪ.

А все же, царь, я предъ тобой невиненъ.

КРЕОНЪ.

Ты измѣнилъ, за деньги душу продалъ!..

СТРАЖЪ.

О, какъ и чѣмъ разубѣдить того,
 Кто ложному повѣрилъ подозрѣнью?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, говори что хочешь о своей
 Невинности, но если не найдете

Преступника, увидите, что скорбь
Рождается отъ прибыли нечестной.

(Уходитъ.)

Стражъ—*про себя.*

Отыщутъ ли виновника, иль нѣтъ—
О томъ судьба и боги только знаютъ...
Но во дворецъ ужъ больше никогда
Я не вернусь къ тебѣ, мой повелитель,
И небеса благодарю за то,
Что гибели избѣгнулъ такъ неожиданно!..
(Уходитъ.)

Хоръ.

Строфа первая.

Въ мірѣ много силъ великихъ,
Но сильнѣе человѣка
Нѣтъ въ природѣ ничего!
Мчится онъ, непобѣдимый,
По волнамъ сѣдого Понта,
Сѣвось ревущій ураганъ.

Плугомъ взрываетъ онъ борозды,
Вмѣстѣ съ работницей лошадыю,
Вѣчно терзая праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли.

Антистрофа первая.

Звѣря хищнаго въ дубравѣ,
Быстрыхъ птицъ и рыбъ, свободныхъ
Обитательницъ морей,
Силой мысли побѣждая,
Уловляетъ онъ, раскинувъ
Имъ невидимую сѣть.

Горнаго звѣря и дикаго
Порабощаетъ онъ хитростью,
И на коня густогриваго,
И на быка непокорнаго
Онъ возлагаетъ ярмо.

Строфа вторая.

Создалъ рѣчь и вольной мыслью
Овладеѣлъ, подобной вѣтру,

И законы начерталь,
 И нашель пріютъ подъ кровлей
 Отъ губительныхъ морозовъ,
 Бурь осеннихъ и дождей.
 Злой недугъ онъ побѣждаетъ,
 И грядущее предвидитъ
 Многоумный человѣкъ.
 Только не спасется,
 Только не избѣгнетъ
 Смерти нивогда.

Антистрофа вторая.

И гордась умомъ и знаньемъ,
 Не умѣетъ онъ порою
 Отличить добро отъ зла.
 Человѣческую правду
 И небесные законы
 Ниспровергнуть онъ готовъ.
 Но и царь непобѣдимый,
 Если нѣтъ въ немъ правды вѣчной,
 На погибель обреченъ:
 Я ни чувствъ, ни мыслей,
 Ни огня, ни крови
 Съ нимъ не раздѣлю!

Вдали показывается Антигона. Ее ведутъ подъ стражей.

Хоръ.

Кто это, боги, какое видѣніе чудное?
 Ты ль, Антигона, Эдипа великаго,
 Многострадальнаго
 Скорбная дочь?
 Нынѣ ведутъ Антигону подъ грозную стражею.
 Ты ли, законамъ людскимъ непокорная,
 Смѣло нарушила
 Волю царя?

Стражъ.

Предъ вами та, что тѣло Полиника
 Предать землѣ пыталась. Гдѣ Креонъ?

Хоръ.

Онъ изъ дворца выходитъ.

КРЕОНЪ.

Что случилось?

Кто спрашивалъ меня?

СТРАЖЪ.

Пусть люди, царь,
 Себя во вѣкъ не связываютъ клятвой;
 Вторая мысль едва придетъ на умъ,
 Какъ первая намъ кажется ошибкой.
 Я поклялся въ тебѣ не приходить,
 Испуганный угрозами твоими.
 Но счастье неожиданное сильнѣй
 Всѣхъ радостей другихъ. Нарушивъ клятву,
 Пришелъ опять и дѣву я привелъ
 Ту самую, что мертваго почтила
 Обрядами. Но знай—на этотъ разъ
 Не избранъ я по жребію, случайно,—
 Нѣтъ, самъ нашелъ ее: мнѣ одному
 Принадлежить вся честь. Теперь, владыко,
 Виновную ты можешь, допросивъ,
 Изобличить. Но видишь—я оправданъ
 И заслужилъ прощенье твое!..

КРЕОНЪ.

Какъ ты нашелъ ее?

СТРАЖЪ.

Она воздвигла

Могильный холмъ...

КРЕОНЪ.

Но правда ли?..

СТРАЖЪ.

О, царь!

Я видѣлъ самъ, какъ трупъ она хотѣла
 Предать землѣ. Ужели и теперь
 Словамъ моимъ правдивымъ ты не вѣришь?

КРЕОНЪ.

Рассказывай: хочу я знать про все.

СТРАЖЪ.

Случилось такъ: лишь только мы вернулись,
 Дрожащiе, боясь твоихъ угрозъ,
 Какъ, разметавъ всю пыль надъ мертвымъ тѣломъ
 И обнаживъ полуистлѣвшiй трупъ,
 Въ уныніи мы сѣли, противъ вѣтра,—
 Чтобъ запаха избѣгнуть,—на холмѣ.
 И бодрствовать другъ друга побуждали
 Мы бранными словами. Въ этотъ часъ,
 Когда стоитъ блестящiй кругъ свѣтила
 Великаго въ зенитѣ и лучи
 Палящiе выдаетъ, вдругъ мы видимъ,
 Какъ буря, пыль взметая до небесъ,
 Надъ знойною долиной закружила
 Внезапный вихрь и листья сорвала
 Въ дубровѣ, мглой наполнивъ воздухъ. Долго,
 Закрывъ глаза, мы ждали, чтобъ утихъ
 Небесный гнѣвъ. Когда жъ промчалась буря,
 Надъ мертвецомъ склоненную въ тоскѣ
 Увидѣли мы плачущую дѣву,
 И жалобный былъ голосъ у нея,
 Пронзительно унылый, какъ у птицы,
 Когда она горюетъ, увидавъ,
 Что нѣтъ въ гнѣздѣ ея птенцовъ любимыхъ.
 Такъ бѣдная надъ оскорбленнымъ трупомъ
 И плакала, и пролинала тѣхъ,
 Кто разметалъ могильный холмъ; и пыли,
 Въ ладони рукъ собирая, принесла...
 Усопшаго почтивъ, она изъ мѣдной
 И кованной амфоры льетъ струи
 Священныя тройного возліянья.
 И мы ее схватили, и она,
 Безстрашная, вины не отрицала
 И намъ во всемъ призналась такъ легко,
 Что радостно и горько было мнѣ:
 Избѣгнуть смерти—радостно, и горько—
 Обречь на смерть—достойную любви...
 Но людямъ жизнь—всего дороже въ мірѣ.

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ главу склонила?... Отвѣчай:
 Виновна ты, иль нѣтъ?

АНТИГОНА.

Я не скрываю,—
Я твой законъ нарушила.

КРЕОНЪ — *стражу.*

Иди,

Оправданный отъ обвиненій тяжкихъ.

(Антигонъ.)

А ты скажи намъ прямо: волю нашу
Ты знала ли?

АНТИГОНА.

Не знать я не могла:
Весь городъ зналъ.

КРЕОНЪ.

И нашъ законъ нарушить
Осмѣлилась?

АНТИГОНА.

Закона твоего

Не начерталъ ни богъ, ни справедливость,
Царящая въ загробномъ мірѣ. Нѣтъ,
Не знала я, что по земному праву
Царей земныхъ ты можешь, человѣкъ,
Вѣчныя божественныхъ законовъ,
Неписанныхъ, но вѣчныхъ, преступать,
И не вчера рожденныхъ, не сегодня,
Но правящихъ всегда. Никто изъ насъ
Не вѣдаетъ, когда они возникли.
Я думала, что лишь безсмертнымъ дамъ
Отчетъ во всемъ; что воли человѣка
Я на землѣ бояться не должна;
Что еслибъ ты мнѣ смертью неизбежной
И не грозилъ,—я все-таки умру:
Не лучше ли мнѣ умереть до срока?
Не можетъ смерть не быть желанной тѣмъ,
Кто жизнь, какъ я, проводить въ скорби вѣчной...
И вотъ зачѣмъ я на судьбу мою
Не жуюсь; но еслибъ тѣло брата,
Исполнивъ долгъ, землѣ не предала,
Тогда скорбѣть должна бы я,—не нынѣ.

А ты смотри, чтобы, назвавъ меня
Безумною, ты не былъ самъ безумцемъ!

Хоръ.

У дочери суровый духъ отца:
Она главы не склонить подъ ударомъ.

Креонъ.

Кто слишкомъ гордъ, того сломить легко:
И сталь, принявъ въ огнѣ закалъ могучій,
Ломается, и малою уздой
Намъ буйнаго коня смирить не трудно.
Надменные мечты въ душѣ питать
Не должно тѣмъ, кто у другихъ во власти.
Она вдвойнѣ виновна: мой законъ
Нарушила и надо мной смѣялась
И хвастала. Но если этотъ смѣхъ
И торжество безъ тяжелаго возмездья
Останутся, о, пусть тогда ее,
А не меня считаютъ мужемъ. Знайте,
Хотя и дочь она сестры моей,
Но если бы еще по крови ближе
Была, чѣмъ всѣ, кого объединилъ
У очага семейный Зевсъ-хранитель,
И то, клянусь, возмездья не могла бъ
Избѣгнуть, — нѣтъ! И съ ней сестра погибнетъ,
Въ ея винѣ сообщница... Но гдѣ
Она?.. Пускай мнѣ приведутъ Исмену.
Безумную, отъ горя внѣ себя,
Я во дворцѣ засталъ ее не даромъ.
Такъ злую мысль таящихъ выдаетъ
Смятеніе, но и преступникъ явный,
Мечтающій словами оправдать
Вину свою, мнѣ столь же ненавистенъ...

Антигона.

Иль у меня отнять ты хочешь больше,
Чѣмъ жизнь мою?

Креонъ.

Нѣтъ, я хочу обречь
Тебя на смерть, — мнѣ большаго не надо!

АНТИГОНА.

Не медли же. О чемъ намъ говорить?
 И мнѣ въ словахъ твоихъ отрады мало,
 И ничего желаннаго, повѣрь,
 Изъ устъ моихъ услышать ты не можешь...
 Исполненъ долгъ: мой братъ похороненъ,
 Я не могу достигнуть большей славы.
 Когда бъ не страхъ, сковавшій имъ уста,—
 Оправдана была бы я народомъ.
 Но, кромѣ всѣхъ неисчислимыхъ благъ,
 Принадлежить земнымъ владыкамъ право—
 Все говорить и дѣлать чтò хотять!

КРЕОНЪ.

Ты мыслишь такъ одна во всемъ народѣ.

АНТИГОНА.

Такъ мыслить всѣ, но предъ тобой молчать.

КРЕОНЪ.

Не стыдно ли, что ты одна не хочешь
 Молчать?..

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, не стыдно мертвыхъ чтить!

КРЕОНЪ.

Но не былъ ли противникъ Полиника
 Твой братъ родной?..

АНТИГОНА.

Отъ одного отца

И матери.

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ же оскорбила
 Ты почестью, оказанной врагу,
 Другого брата?

АНТИГОНА.

Тѣнь его, я знаю,
 Не обвинить меня!

КРЕОНЪ.

Почетъ одинъ
Ты воздаешь и доброму, и злему?

АНТИГОНА.

Но развѣ былъ сраженный Полиникъ
Невольникомъ, не братомъ Этеокла?

КРЕОНЪ.

Одинъ врагомъ отчизны палъ, другой—
Защитникомъ.

АНТИГОНА.

Равняетъ всѣхъ Аидъ!

КРЕОНЪ.

Въ Аидѣ злымъ и добрымъ—воздаянъ
Неравное.

АНТИГОНА.

Что свято на землѣ—
Считаютъ ли святымъ въ загробномъ мірѣ?..

КРЕОНЪ.

И мертвый врагъ не можетъ другомъ быть

АНТИГОНА.

Я родилась не для вражды взаимной,
А для любви.

КРЕОНЪ.

Иди же ты въ Аидъ
И тамъ люби. А на землѣ я женамъ
Царить не дамъ,—клянусь,—пока я живъ!

ХОРЪ.

Вотъ у порога Исмена
Льетъ о сестрѣ своей бѣдной
Тихія слезы любви.
Свorbъ опустила, какъ туча,
И на прекрасныхъ ланитахъ—
Жаркій румянецъ отъ слезъ.

КРЕОНЪ—*Исмена*.

Ехидна, въ домъ проникшая, чтобъ выпить
 Всю кровь мою, межъ тѣмъ какъ я не зналъ,
 Что на груди вскормилъ двухъ змѣй, двухъ тайныхъ
 Враговъ престола моего. Иди,
 Иди сюда и отвѣчай: была ли
 Сообщницей, иль клясться будешь намъ,
 Что ничего не знаешь?

ИСМЕНА.

Я виновна,
 И если мнѣ она позволить,—съ ней
 Я раздѣлить хочу вину и кару.

АНТИГОНА.

Ты мой удѣлъ не въ правѣ раздѣлить:
 Я помощи твоей не принимала!

ИСМЕНА.

Я не стыжусь въ страданьяхъ для тебя
 На жизнь и смерть быть спутницей и другомъ.

АНТИГОНА.

Кто другомъ былъ на дѣлѣ—знаетъ тѣнь
 Сошедшаго въ Аидъ, а тѣхъ, кто любить
 Лишь на словахъ,—не надо мнѣ!

ИСМЕНА.

Сестра,
 Не оскорбляй меня, позволь, оплакавъ
 Родную тѣнь, съ тобою умереть!

АНТИГОНА.

Ты не умрешь со мной: ты недостойна!
 Я умереть хочу одна.

ИСМЕНА.

Увы!
 Затѣмъ мнѣ жить, когда тебя не будетъ?

АНТИГОНА.

Спроси о томъ Креона, чей законъ
 Ты чтала свято...

Исмена.

Пощади! напрасно
Не унижай меня!..

Антигона.

Когда смѣюсь
Я надъ тобой, я за тебя страдаю.

Исмена.

О, чѣмъ помочь тебѣ?

Антигона.

Лишь о себѣ
Заботься. Вѣрь: я твоему спасенью
Завидовать не буду.

Исмена.

Горе мнѣ!..
Я участи твоей, твоихъ страданій
Не раздѣлю...

Антигона.

Тебѣ хотѣлось жить,
Мнѣ—умереть.

Исмена.

Какъ я тебя молила...

Антигона.

Ты предъ людьми права, а я хочу
Быть правою передъ тѣнями мертвыхъ.

Исмена.

Но мы въ одномъ съ тобой виновны...

Антигона.

Нѣтъ,
Живи, сестра. Будь твердою, мужайся!
А я уже навѣки отошла
Къ моимъ тѣнямъ возлюбленнымъ...

КРЕОНЪ.

Я вижу:

Одна изъ нихъ безумной родилась,
И только-что сошла съ ума другая.

ИСМЕНА.

Владыко, умъ скорбѣвшаго не тотъ,
Что былъ до скорби. Измѣняетъ душу
Страданіе.

КРЕОНЪ — *насмѣливо*.

Должно быть, разумъ твой
Затмила скорбь: вотъ почему такъ жаждешь
Ты раздѣлить съ преступными вину.

ИСМЕНА.

Ахъ, что мнѣ жизнь, когда сестры не будетъ!..

КРЕОНЪ.

Не говори о ней: ея ужъ нѣтъ
Среди живыхъ!

ИСМЕНА.

И ты убьешь невѣсту
Возлюбленнаго сына?

КРЕОНЪ.

Для мужей —
Довольно женъ: земли всегда довольно
Для пахарей!

ИСМЕНА.

Повѣрь, онъ не найдетъ
Такой души ему родной и близкой.

КРЕОНЪ.

Чтобъ взялъ жену порочную мой сынъ,
Я не хочу.

АНТИГОНА.

О, бѣдный, милый Гемонъ!
Тебя отецъ безчестью предастъ!

КРЕОНЪ—*Антигонъ.*

Оставь меня, чтобъ не слыхалъ я больше
Ни о тебѣ, ни о любви твоей!

ИСМЕНА.

Ты разлучишь ихъ?

КРЕОНЪ.

Смерть ихъ разлучить.

ИСМЕНА.

Она умереть,—и знать, что нѣтъ спасенья!..

КРЕОНЪ.

Она умереть! Не медлите, рабы:
Во внутренность дворца ихъ уведите!
Вы тамъ должны стеречь ихъ, нигуда
Не выпускать. Спасенья ищутъ въ бѣгствѣ
И смѣлые, когда грозить имъ казнь.
(*Рабы вводятъ подъ стражей Исмену и Антигону.*)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Благо тѣмъ, кто всю жизнь безъ печали провелъ.
Но когда потрясуть небожители
Твое счастье, твой домъ,—это бѣдствіе
Отъ тебя черезъ всѣ поколѣнья пройдетъ:
Такъ, оракійскою бурей гонимыя,
Проносясь черезъ бездны подводныя,
Подымаютъ со дна волны черныя песокъ,
И полныя берега потрясенные
Воплемъ и грохотомъ!

Антистрофа первая.

Многолѣтняя скорбь переходитъ въ семьѣ
Лабдакидовъ отъ прадедовъ къ правнукамъ.
Нѣтъ спасенія! бѣды—за бѣдами,
Смерть—за смертью: ихъ губить безжалостный богъ.
Оставалась отъ рода Эдипова
Только слабая вѣтвь, беззащитная,
Лучъ, блеснувшій во мракъ... Но вотъ и тебя,
О, послѣдняя жертва безумія,

Поражаютъ кровавой сѣкирою
Боги подземные.

Строфа вторая.

Громовержецъ, развѣ можетъ
Человѣческая сила
Власть твою преодолѣть?
Зевсъ, одинъ непобѣжденный
Сномъ, владыкой всѣхъ живущихъ
И теченьемъ быстрыхъ лѣтъ,
Не старѣющій, всесильный,
Надъ Олимпомъ свѣтозарнымъ
Въ блескѣ вѣчномъ ты царишь!
Нами же, слабыми, жалкими,
Нынѣ и въ прошломъ, и въ будущемъ,
Править законъ: въ человѣческой
Жизни скорбямъ непричастнаго
Нѣтъ ничего.

Антистрофа вторая.

А лукавая надежда,
Утѣшительница смертныхъ,
Увлекаетъ, обманувъ
Легкокрылыя желанья,
И незнающихъ ведетъ
Прямо къ безднѣ, прямо къ смерти.
И прославлено не даромъ
Изреченье мудреца:
Если тебя небожители,
Смертный, ведутъ къ преступленію, —
Злое тогда тебѣ кажется
Добрымъ, и знай, что погибели
Не избѣжишь!

(Вдали показывается Гемонъ.)

Видишь, царь, подходитъ Гемонъ,
Твой любимый сынъ: должно быть,
О несчастной Антигонѣ
Онъ горюетъ, о невѣстѣ,
Ложа брачнаго лишенъ.

КРЕОНЪ.

Тотчасъ мы все узнаемъ: милый Гемонъ,
Врагомъ ли ты приходишь, услыхавъ,

Что я обрекъ на смерть твою невѣсту,
Иль все-жъ отецъ твой дорогъ для тебя?

Гемонъ.

Я весь тебѣ принадлежу: давая
Разумные совѣты, ты ведешь
Меня къ добру. Ни для какого брака
Не отступлю отъ мудрости твоей.

Крвонъ.

И хорошо, дитя мое, что воля
Отцовская тебѣ дороже всѣхъ
Желаній. Вотъ за что мнѣ милъ послушный
И добрый сынъ. Онъ мститъ врагу отца;
Его друзей онъ также почитаетъ,
Какъ самого родителя; а тотъ,
Кто сыновей рождаетъ бесполезныхъ,
Тотъ скорбь себѣ рождаетъ и врагамъ
Великое посмѣшище. О, Гемонъ,
Ты мудростью не жертвуй никогда
Для женщины: покажутся супругу
Холодными объятья злой жены,
Живущей съ нимъ безъ мира и согласия!
Что можетъ быть губительнѣй друзей
Коварныхъ? Нѣтъ, измѣнницу отвергни,—
Пускай другихъ въ Аидѣ жениховъ
Себѣ найдетъ. Въ непослушанъ дерзкомъ
Единую въ народѣ уличивъ,
Я не солгу предъ городомъ и смерти
Ее предамъ, хотя бъ на помощь Зевса
Она звала, Хранителя семьи.
Покорности и отъ чужихъ не требуй,
Кто воспиталъ мятежный духъ въ семьѣ.
А кто въ дѣлахъ домашнихъ мудръ, съумѣетъ
И городомъ разумно управлять,
И властвовать, и покоряться власти,—
Во всемъ ему довѣрься: будетъ онъ
Въ смятенѣ битвѣ незамѣнимымъ другомъ
И воиномъ безтрепетнымъ. Но тѣхъ,
Кто царствовать мечтаетъ надъ царями,
Презрѣвъ законъ, я тѣхъ не похвалю,
Нѣтъ! Волю чтить владыки должно въ маломъ

И въ праведномъ, и въ тягостномъ. Повѣрь,
 Нѣтъ хуже зла, чѣмъ духъ мятежный: гонить
 Отъ очага домашняго людей
 И воиновъ онъ обращаетъ въ бѣгство
 Постыдное, и губить города.
 А граждане, покорные владыкѣ,
 Спасаются: и такъ оберегать
 Намъ слѣдуетъ законъ, не допуская,
 Чтобъ женщина владѣла нами,—нѣтъ!
 Когда мнѣ пасть назначено судьбою,
 Пускай паду я отъ руки мужей,—
 Предъ женами не отступлю во вѣки!

Хоръ.

Насколько я, годами удрученный,
 Могу судить,—ты правду говоришь.

Гемонъ.

Дарованный богами, разумъ въ людяхъ
 Прекраснѣе всего, чтѣ въ мѣрѣ есть.
 Я не скажу, сказать я не осмѣлюсь,
 Что ты неправду говоришь... О, нѣтъ!
 Но, можетъ быть, отецъ, есть доля правды
 И у другихъ. Мнѣ легче знать про то,
 Чтѣ говорить народъ, чтѣ порицаеть,
 Межъ тѣмъ какъ царь единымъ взоромъ страхъ
 Внушаетъ тѣмъ, чьи праведныя рѣчи
 Ему не льстятъ. А я подслушать могъ,
 Какъ втайнѣ всѣ невинную жалѣютъ
 И сѣтуютъ, что ожидаетъ смерть
 Позорная за подвигъ дочь Эдипа
 Несчастную, что не хотѣла трупъ
 Погибшаго въ бою родного брата
 Въ добычу птицъ и кровожадныхъ псовъ,
 Лишеннаго могилы, бросить въ полѣ...
 Не должно ли наградой золотой
 Ее почитать? Такъ въ городѣ глухая
 Молва идетъ. А для меня, отецъ,
 И жизнь, и честь твоя всего дороже,
 Затѣмъ, что сынъ величѣемъ отца
 Бываетъ гордъ, отецъ—величѣемъ сына.
 Не думай же, что истина тебѣ

Принадлежитъ и никому другому.
 Кто всѣхъ умомъ мечтаетъ превзойти
 И мужествомъ, и даромъ слова,—часто
 Ничтожнѣй всѣхъ. А истинный мудрецъ
 Упорствовать не будетъ въ заблужденьѣ:
 Благой совѣтъ онъ приметъ, не стыдясъ.
 Такъ дерево, поникшее вѣтвями,
 Не падаетъ, а гордый стволъ потокъ
 Бушующій съ корнями вырываетъ;
 Такъ мореходъ, свой парусъ не сложивъ
 Подъ бурю, спасается на утлой
 Скамьѣ гребцовъ—обломѣ корабля.
 Забудь же гнѣвъ, скажи, что отмѣняешь
 Ты приговоръ. Насколько я могу,
 Какъ юноша, судить о томъ, нельзя
 Желать, чтобъ всѣ рождались мудрецами.
 А если умъ столь рѣдкій даръ,—пускай
 Хоть мудрому совѣту люди внимлютъ.

Хоръ.

Въ чемъ Гемонъ правъ,—послушайся его;
 А ты прими совѣтъ отца: разумно
 Вы говорили оба...

Креонъ.

Чтобы я,
 Въ моихъ годахъ, выслушивалъ совѣты
 Отъ юношей!..

Гемонъ.

Будь справедливъ, отецъ:
 Не сколько лѣтъ я жилъ, а сколько правды
 Въ моихъ рѣчахъ,—ты разсуди.

Креонъ.

О томъ
 Вся рѣчь твоя, что должно беззаконнымъ
 Потворствовать.

Гемонъ.

Я не просилъ тебя
 Преступнаго щадить...

КРЕОНЪ.

Ты не считаешь
Преступной Антигону?

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, отецъ;
Всѣ граждане и весь народъ эиванскій
Ея вины не признаютъ.

КРЕОНЪ.

Народъ
Не можетъ мнѣ предписывать законовъ.

ГЕМОНЪ.

Теперь не я, ты самъ заговорилъ
Какъ юноша неопытный и пылкій.

КРЕОНЪ.

Я властвую одинъ въ моей землѣ.

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, никому принадлежать не можетъ
Свободная земля.

КРЕОНЪ.

Земля тому
Принадлежить, кто въ ней повелѣваетъ.

ГЕМОНЪ.

Не лучше ли въ пустынь одному
Тебѣ царить?

КРЕОНЪ — *насмѣливо*.

Онъ берется отважно
За женицу!

ГЕМОНЪ.

Тебя хочу спасти
И честь твою...

КРЕОНЪ.

Меня же обвиняя
Во всемъ...

ГЕМОНЪ.

Отецъ, ты былъ неправъ...

КРЕОНЪ.

Неправъ,

Когда хотѣлъ, чтобъ люди уважали
Законъ и власть мою?

ГЕМОНЪ.

Ты былъ неправъ,
Когда законъ божественный нарушилъ.

КРЕОНЪ.

О, слабая, презрѣнная душа,
Рабъ женщины!..

ГЕМОНЪ.

Зато слѣпому гнѣва
И низкихъ чувствъ не буду я рабомъ!..

КРЕОНЪ.

Вся рѣчь твоя лишь за нее...

ГЕМОНЪ.

Неправда!..

Я говорилъ, отецъ, и за себя,
За честь твою и за боговъ подземныхъ.

КРЕОНЪ.

Мнѣ словъ пустыхъ довольно... Жалокъ тотъ,
Кѣмъ женщина владѣтъ.

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, не хочешь

Ты выслушать меня...

КРЕОНЪ.

Я такъ рѣшилъ:
Твоей женой не будетъ дочь Эдипа
Здѣсь, на землѣ...

ГЕМОНЪ—*хватаясь за мечъ.*

Когда она умретъ,
Еще одинъ погибнетъ съ ней!

КРЕОНЪ.

Ты смѣешь

Грозить?

ГЕМОНЪ.

Ужель отвѣтъ пустымъ рѣчамъ—
Угроза?

КРЕОНЪ.

Знай, что собственныя рѣчи,
Оплакавъ ихъ, ты скоро назовешь
Безумными...

ГЕМОНЪ.

Когда бъ отцомъ ты не былъ,
Я назвалъ бы тебя безумцемъ!

КРЕОНЪ.

Я—

Безумецъ! О, клянусь Олимпомъ вѣчнымъ,
Не отомстивъ, я не снесу такой
Обиды! Нѣтъ!.. Рабы, сюда ведите
Преступницу. Она умретъ сейчасъ
Близъ жениха, передъ его очами!

ГЕМОНЪ.

Не предо мной: меня не будетъ здѣсь...
Не встрѣтимся мы больше въ этомъ мірѣ.
Я уйду, и съ этихъ поръ одинъ,
Среди рабовъ, безумствовать ты можешь!...
(Уходитъ.)

ХОРЪ.

О, царь, ушелъ онъ въ гнѣвъ: берегись!
Въ такой душѣ—безумный гнѣвъ опасенъ.

КРЕОНЪ.

Пусть дѣлаетъ что хочетъ, пусть грозить:
Хотя бъ онъ больше могъ, чѣмъ можетъ смертный,—
Отъ гибели ничѣмъ ихъ не спасетъ.

Хоръ.

Но развѣ ты предашь обѣихъ смерти?

Креонъ.

Ты правъ: на казнь не буду обрекать
Я той изъ нихъ, что не касалась трупа.

Хоръ.

Какую смерть ты для другой избралъ?

Креонъ.

Я уведу ее тропой пустынной
И въ каменной пещерѣ, подъ землей,
Похороню живую, давъ ей пищи
Не болѣе, чѣмъ нужно для того,
Чтобъ города не осквернить убійствомъ.
Изъ всѣхъ боговъ, она лишь бога чтить
Подземнаго: такъ пусть къ нему взываетъ,
Чтобъ спасъ ее отъ смерти. Тамъ, въ гробницѣ,
Пойметъ она, какъ бесполезно вѣрить
Въ загробный міръ и мертвыхъ почитать!
(Креонъ уходитъ.)

Хоръ.

Строфа первая.

Эросъ, богъ всепобѣждающій,
Богъ любви, ты надъ великими
Торжествуешь, а потомъ,
Убаюканный, покоишься
На ланитахъ дѣвы дремлющей,
Пролетаешь чрезъ моря,
Входишь въ хижину убогую.
Ни единый въ смертномъ племени,
Ни единый изъ боговъ,
Смерти чуждыхъ, не спасается.
Но страдаютъ и безумствуютъ
Побѣжденные тобой.

Антистрофа первая.

Ты влечешь сердца къ преступному
И къ неправедному праведныхъ,

Вносишь въ мирную семью
 Ты губительную ненависть
 И единый взоръ, сіяющій
 Межъ опущенныхъ рѣсницъ
 Юной дѣвы, полный нѣгою,
 Торжествуетъ надъ законами
 Вѣковѣчными боговъ,—
 Потому что все живущее,
 Афродита вѣчно юная,
 Побѣждаетъ ты, смѣясь!
 (*Вдали появляется Антигона подъ стражею.*)

Нынѣ и мы, старики,
 Царскую, волю нарушили,
 Слезъ удержать не могли.
 Смотримъ и плачемъ отъ жалости:
 Видимъ: невѣста не къ брачному—
 Къ смертному ложу грядетъ.

Антигона.

Строфа вторая.

Видите, граждане: нынѣ послѣдній
 Путь совершаю, смотрю на послѣдній
 Солнца вечерняго свѣтъ.
 Солнца мнѣ больше не видѣть во вѣки:
 Къ чуждымъ брегамъ Ахерона, въ могильный,
 Всѣхъ усыпляющій мракъ,
 Смерть уведетъ меня, полную жизни,
 Смерть приготовить мнѣ брачное ложе,
 Свадебный гимнъ пропоетъ.

Хоръ.

Но достигнувъ вѣчной славы,
 Ты грядешь въ жилище мертвыхъ,
 Не въ мучительной болѣзни,
 Не добычею враговъ,—
 Нѣтъ, одна изъ всѣхъ живущихъ
 Въ цвѣтѣ юности, свободно
 Ты за долгъ идешь на смерть!

Антигона.

Антистрофа вторая.

Тамъ, на вершинѣ Сепила, отъ горя
 Мать Ниобея въ скалу превратилась:

Всю, какъ побѣги плюща,
 Камень ее охватилъ, вырастая...
 Въ тучахъ, подъ ливнемъ и тающимъ снѣгомъ,
 Плачетъ она, и дождемъ
 Вѣчныя слезы струятся на лоно:
 Въ каменной, душевной тюрьмѣ мнѣ готовить
 Боги такую же смерть!

Хоръ.

Родилась она богиней,
 Ты же—смертная, но славенъ
 Твой удѣлъ: какъ Ниобея,
 Какъ богиня, ты умрешь!

Антигона.

Строфа третья.

Вы смѣтаетесь—увы!—надо мной, умирающей...
 Оскорбляютъ меня передъ вами, о, граждане!
 Мой родимый, великій народъ,
 О, диркейскія волны, о, Оивы обильныя
 Колесницами, рощи боговъ заповѣдныя,
 Я въ свидѣтели всѣхъ васъ зову:
 Безъ суда, безъ закона, ни въ чемъ неповинную,
 Чтобы ввергнуть меня въ подземелье, подобное
 Темной, страшной могилѣ, ведутъ!
 И никѣмъ неоплакана,
 Тамъ я буду покинута,
 Среди мертвыхъ не мертвая,
 А живая въ гробу!

Хоръ.

Ты устремилась, гордая,
 Къ предѣлу недоступному
 Къ подножью правды царственной,
 Богини справедливости,—
 Но съ высоты низвергнута,
 Падешь за грѣхъ отца.

Антигона.

Антистрофа третья.

Вы въ больному въ душѣ моей, къ самому горькомъ
 Прикоснулись: затѣмъ объ отцѣ вы напомнили

И о древней семейной бѣдѣ,
 Что преслѣдуетъ домъ Лабдакидовъ нашъ царственный?
 Вотъ я гибну, на ложѣ преступномъ зачатая,

Гдѣ несчастный отецъ мой лежалъ,—
 О, безчестье!—въ объятяхъ у собственной матери!..
 Я отъ нихъ родилась, и богами проклятая,

И безбрачная къ нимъ возвращусь...

Полиникъ мой возлюбленный

О, погибшій безвременно,

Ты меня, еще полную

Жизни, къ мертвымъ влечешь!..

Хоръ.

Великъ законъ божественный,

Но людямъ надо слушаться

И власти человѣческой:

Въ себя ты слишкомъ вѣрила

Душой непобѣдимую—

И вотъ за что умрешь!

Антигона.

Эподосъ.

Нынѣ путь послѣдній совершаю

Безъ родныхъ, безъ милыхъ, безъ участя...

И лучей божественнаго солнца

Больше мнѣ во вѣки не увидѣть!

Я одна—предъ смертью въ цѣломъ мірѣ,

И никто меня не пожалѣетъ!

(Креонъ выходитъ изъ дворца.)

Креонъ.

Вы знаете ль, что еслибъ плачь и стоны

Могли помочь,—преступникъ никогда

Не прекратилъ бы жалобъ передъ смертью.

Ведите же на казнь ее скорѣй,

И заперевъ, какъ я велѣлъ, въ гробницу

Подземную, вы тамъ ее одну

Оставьте: пусть живетъ иль умираетъ,

Но свѣта ей отнынѣ никогда

Ужъ не видать. А я руки убійствомъ

Не осквернилъ, я предъ богами чистъ.

АНТИГОНА.

Подземная гробница, ты—мой вѣчный
 Приютъ—увы!—мой свадебный чертогъ!
 Я ухожу на-вѣки къ вамъ, о, твои
 Любимыя, безчисленныя, къ вамъ,
 Сошедшія въ жилище Персефоны!
 Теперь и я послѣдняя граду,
 Покинувъ жизнь до срока, но съ надеждой,
 Что встрѣтите вы радостно меня,
 Отецъ и мать, и милый братъ... Бывало,
 Съ молитвами я каждому изъ васъ
 Надгробныя творила возліянья,
 Обмывъ тѣла, украсивъ и почтивъ.
 И вотъ теперь за то, что Полиника
 Я предала землѣ, иду на казнь.
 Но добрые меня прославятъ: вѣрите,
 Что если бы я матерью была,
 Наперекоръ законамъ, ни супруга,
 Ни сыновей не погребла бы, нѣтъ!
 Вотъ почему: другихъ дѣтей и мужа
 Могла бы я имѣть, когда бы мужъ
 Иль сынъ погибъ,—но не другого брата,
 Затѣмъ, что мой отецъ и мать туда
 Ушли навѣкъ, откуда нѣтъ возврата.
 О, милый мой, я чтила выше всѣхъ
 Тебя, и вотъ за что меня преступной
 Назвалъ Креонъ, и вотъ за что, схвативъ,
 Отъ всѣхъ друзей увлекъ, отъ милыхъ сердцу,
 Бездѣтную, не знавшую любви,
 Чтобъ съ мертвыми похоронить живую!
 Но въ чемъ вина моя,—о, боги?.. Нѣтъ,
 Зачѣмъ къ богамъ невнемяющимъ взываю,
 Кого изъ нихъ о помощи молю?
 Воздавъ имъ честь, я гибну за нечестье!
 Когда неправду терпятъ сами боги,
 Пускай умру, пускай меня зовутъ
 Виновною, но если вы преступны,
 Враги мои,—нѣтъ, не желаю вамъ
 Страдать сильнѣй, чѣмъ я теперь страдаю!

ХОРЪ.

Та же буря въ душѣ, та же сила и гнѣвъ...
 О, мятежное, гордое сердце!

КРЕОНЪ—*стражъ.*

Такъ ведите жъ ее: горе вамъ, о, рабы,
Если вы еще будете медлить!

АНТИГОНА.

Это слово мнѣ смерть возвѣщаетъ...

КРЕОНЪ.

И знай,

Что велѣнья мои неизмѣнны:
Не избѣгнешь ты смерти!

АНТИГОНА.

О, городъ родной,
О, великіе боги отчизны—
Безъ вины умираю! Старѣйшины Ѡивъ
И вожди, и народъ, посмотрите,
На какія страданья, какой человекъ
Дочь владыки, меня, обрекаетъ за то,
Что почтила я волю безсмертныхъ!

Хоръ—*вслѣдъ уходящей Антигонъ.*

Строфа первая.

Небеснаго свѣта лишилась, какъ ты,
Даная въ тюрьмѣ мѣдностѣнной,
Подобной могилѣ, межъ тѣмъ, о, дитя,
Была она славнаго рода...
Къ ней самъ Громовержецъ, любя, нисходилъ
На лоно дождемъ златоструйнымъ.
Но ужасна сила рока:
Отъ нея спасти не могутъ
Ни твердыни, ни войска,
Ни сокровища, ни въ морѣ
Ударяемыхъ волнами
Стаи черныхъ кораблей.

Антистрофа первая.

Такъ въ каменный гротъ заключилъ Діонисъ
Дріантова буйнаго сына,
Владыку Эдоновъ, за гордость и гнѣвъ:
Какъ ты онъ въ темницѣ томился.

Предъ силою бога смиряется гнѣвъ
 Въ безсильной груди человѣка:
 Онъ раскаялся, что Вакха
 Оскорбилъ надменной рѣчью,
 Вырвалъ свѣточи изъ рукъ
 У божественныхъ вакханокъ,
 Что прогнѣвалъ музъ, влюбленныхъ
 Въ звуки сладостные флейтъ.

Строфа вторая.

Близъ черныхъ утесовъ, двухъ смежныхъ морей,
 Гдѣ въ грозный обрывъ Сальмидесса,
 На дикомъ прибрежѣ еракійскомъ, валы
 Босфора, шума, ударяють,
 Гдѣ вѣчно царить безпощадный Аресъ,—
 Погибли два сына Финея:
 Злая мачиха пронзила
 Имъ страдальческія очи
 Остріемъ веретена.
 Свѣтъ потухъ для нихъ на-вѣки,
 И о мщеньи возопила
 Кровь, пролитая къ богамъ.

Антистрофа вторая.

Тоскуя, они вспоминали въ тюрьмѣ,
 Какъ бѣдная мать ихъ погибла:
 Межъ тѣмъ она царственнымъ родомъ была
 Изъ древней семьи Эрехтидовъ,
 Межъ тѣмъ ее въ дальнихъ пещерахъ Борей,
 Отецъ, убаюкивалъ бурей.
 Дѣва мощная взбѣгала
 На вершины ледяныя
 Легче быстрого коня.
 Но—увы!—и дочь Борей
 Парки дряхлыя настигли,
 Какъ и всѣхъ, мое дитя!
 (*Входитъ слѣпой старикъ прорицатель Тирезій.*
Отрокъ ведетъ его).

ТИРЕЗІЙ.

Старѣйшины, сюда пришли мы двое,
 Но за двоихъ смотрѣлъ одинъ изъ насъ:
 И такъ всегда ведетъ слѣпого зрячій.

КРЕОНЪ.

Что новаго, Тирезій?

ТИРЕЗІЙ.

Я сейчасъ

Открою все, а ты меня, владыко,
Послушайся.

КРЕОНЪ.

Еще я никогда

Не отвергалъ твоихъ совѣтовъ мудрыхъ.

ТИРЕЗІЙ.

И счастливо до нынѣ управлять
Ты городомъ.

КРЕОНЪ.

Я знаю, что во многомъ

Ты мнѣ помогъ.

ТИРЕЗІЙ.

Но счастью твоему

Теперь грозить опасность...

КРЕОНЪ.

Что случилось?

Старикъ, отъ словъ твоихъ я трепещу.

ТИРЕЗІЙ.

Ты все поймешь, когда тебѣ примѣты
Я расскажу. Въ убѣжищѣ, куда
Слетаются пророческія птицы,
Я слышалъ крикъ зловѣщій, гнѣвный, звукъ
Невѣдомый. Узнавъ по шуму крыльевъ,
Что въ яростной борьбѣ когтями рвутъ
Пернатые другъ друга, полонъ страха,
На алтаряхъ пылающихъ искалъ
Я знаменій въ огнѣ. Но пламя ярко
Надъ жертвою не вспыхивало. Жиръ
Растопленный былъ поглощаемъ пепломъ,
И онъ кипѣлъ, дымясь, и жолчь алтарь

Обрызгала; бѣлѣли кости, мяса
 Лишенныя, нагія. Обо всемъ
 Повѣдалъ мнѣ вожатый.—Этотъ мальчикъ
 Ведетъ меня, какъ я веду народъ.—
 Узнай же, царь, что бѣдствіемъ великимъ
 И ужасомъ объять изъ-за тебя
 Весь городъ. Псы и птицы клочья тѣла,
 Лишеннаго могилы, разнесли
 По очагамъ и жертвенникамъ всюду.
 Вотъ почему отъ гражданъ ни молитвъ,
 Ни дыма жертвъ не принимаютъ боги.
 И страхъ царить, и стаи вѣщихъ птицъ
 Безмолвствуютъ, упившись кровью трупа.
 Подумай же объ этомъ! Всѣ грѣшатъ—
 Таковъ удѣлъ живущихъ. Но блаженны
 И мудры тѣ, кто кается въ грѣхахъ
 И кто неидетъ, познавъ свою неправду,
 Упорствуя, по ложному пути:
 Изобличать упрямыхъ въ неразумѣ.
 Помилуй же убитаго врага,
 Погибшему не мсти! Какая слава
 Торжествовать надъ мертвыми, мой сынъ?
 Благой совѣтъ приносить людямъ радость,
 Не гнѣвайся: я говорилъ—любя.

КРЕОНЪ.

Старикъ, метать мнѣ въ сердце ваши стрѣлы,
 Какъ въ цѣль стрѣлки, вы сговорились. Вотъ
 Пришелъ чередъ гадателей: родные
 Брагамъ давно ужъ продали меня...
 Что-жь, радуйтесь о прибыли, копите
 Вы золото индійское, янтарь
 Изъ дальнихъ Сардъ, но знайте: Полинника
 Убитаго я не предамъ землѣ,
 Хотя бъ орлы Зевесовы добычу
 Кровавую на небо унесли
 До самаго подножья Олимпійца!
 Похоронить я не позволю трупъ
 И не боюсь я осеверненья, зная,
 Что изъ людей не можетъ оскорбить
 Боговъ никто; а ты,—о, старецъ, помни:
 И опытный, и хитрый мужъ падетъ,

Когда, плѣненъ korzyстью, изрекаетъ
Постыдныя и лживыя слова!

ТИРЕЗІЙ.

Увы! когда бѣ могли постигнуть люди...

КРЕОНЪ.

Что? Говори...

ТИРЕЗІЙ.

Какъ дорогъ умъ...

КРЕОНЪ.

Прибавь:

Какъ пагубно безумье...

ТИРЕЗІЙ.

А межъ тѣмъ

Ты самъ объять безумьемъ.

КРЕОНЪ.

Отвѣчать

Я старику не буду оскорбленьемъ.

ТИРЕЗІЙ.

Ты оскорбилъ меня, когда назвалъ
Подкупною святую рѣчь пророка!

КРЕОНЪ.

Но говорятъ, что деньги любятъ всѣ
Гадатели.

ТИРЕЗІЙ.

А всѣ тираны—прибыль
Безчестную...

КРЕОНЪ.

Старикъ, ты позабылъ,
Съ кѣмъ говоришь...

ТИРЕЗІЙ.

Я не забылъ, что городъ
Тебѣ спасти помогъ...

КРЕОНЪ.

Гадать умѣешь,
Но правды нѣтъ въ душѣ твоей...

ТИРЕЗІЙ.

Смотри,
Ты высказать меня принудишь тайну,
Хранимую донинѣ...

КРЕОНЪ.

Только пусть
Слова твои подкупными не будутъ!

ТИРЕЗІЙ.

Всегда правдивъ былъ вѣщій мой глаголь.

КРЕОНЪ.

Меня, старикъ, ты обмануть не можешь...

ТИРЕЗІЙ.

Узнай же все: еще немного разъ
Обычный кругъ колёса бога солнца
На небесахъ свершать, и—смерть за смерть—
На голову, любимую тобою,
Обрушится отмщенье за то,
Что заключилъ ты въ гробъ живую душу,
Невинную еъ тѣнямъ низвергъ въ Аидъ,
А мертваго въ землѣ лишилъ пріюта
Послѣдняго и обезчестилъ трупъ,
На что ни люди права не имѣютъ,
Ни боги,—нѣтъ, ты преступилъ законъ
И совершилъ насилье. Духи мщенья,
Эриніи божественныя, смерть
Несущія, тебя подстерегаютъ,
Чтобъ муками за муки отплатить.
Ты назовешь и нынѣ рѣчь пророка
Подкупною?—Но близокъ часъ, Креонъ,
Когда твой домъ наполнять стоны женщинъ
И вопль мужей, возстанутъ города
Враждебные, гдѣ птица, песь голодный
Иль звѣрь кусокъ добычи проносилъ,
И осквернялъ тяжелый запахъ трупъ

Святой огонь семейныхъ алтарей.
 Какъ въ цѣль стрѣлокъ, тебѣ я прямо въ сердце
 Кидаю стрѣлы гнѣва моего,
 И ты отъ ранъ ихъ жгучихъ не спасешься!..
 Домой, дитя! Я слишкомъ старъ—пускай
 Не надо мной, надъ тѣми, кто моложе,
 Онъ истощитъ свой гнѣвъ—уйдемъ скорѣй:
 Должна судьба надменнаго смиренью
 И мудрости безумца научить!

Хоръ.

О, царь, предрекъ ужасное гадатель!
 А никогда—такъ помню я съ тѣхъ поръ,
 Какъ бѣлыми изъ черныхъ стали кудри
 На головѣ моей—пророкъ не лгалъ.

Креонъ.

Увы, ты правъ. Въ моей душѣ—смятенье.
 И уступить мнѣ тяжело, и боюсь,
 Противоставъ, погибнуть...

Хоръ.

Будь разумнымъ,
 Креонъ, о, сынъ Менойца!

Креонъ.

Но скажи,
 Что дѣлать мнѣ? Я твой совѣтъ исполню.

Хоръ.

Убитого скорѣй землѣ предай,
 Невинную освободи отъ казни!

Креонъ.

Ты уступить совѣтуешь?

Хоръ.

О, да,
 Слѣши, Креонъ, затѣмъ, что божьи кары
 Торопятся на встрѣчу злымъ.

КРЕОНЪ.

Увы,

Я не могу бороться съ неизбежнымъ...
Мнѣ тяжело, но надо уступить.

ХОРЪ.

Иди, и самъ, другимъ не поручая,
Исполни все!

КРЕОНЪ.

Иду сейчасъ. О, слуги,
Бѣгите же, скорѣй бѣгите всѣ—
И кто со мной, и кто остался дома—
Туда, на холмъ, съкиры захвативъ,
Спѣшите! Самъ ту дѣвушку въ темницу
Я заключилъ и нынѣ, отмѣнивъ
Мой приговоръ, я самъ хочу свободу
Ей возвратить. Кто знаетъ, для людей
Здѣсь, на землѣ, не лучшая ли доля—
Храня законъ, окончить мирно жизнь?

ХОРЪ.

Строфа первая.

Многоименный потомокъ
Тяжкогремящаго бога,
Дѣвы Кадмейской отрада,
Ты, Діонисій, царящій
На берегахъ италійскихъ
И на поляхъ Элевзіса,
Тамъ, гдѣ для таинствъ Деметры
Сходятся всѣ племена,
Вакхъ, обитающій въ славныхъ
Өивахъ, отчизнѣ вакханокъ,
Гдѣ надъ потокомъ Исмена
Древле Драконовы зубы
Грознымъ посѣвомъ возшли!

Антистрофа первая.

Вакхъ, ты сидишь, окруженный
Облакомъ вѣчно блестящимъ,
Тамъ, надъ вершиной двойною,
Гдѣ корикійскія нимфы

Мчатся въ вакхической пляскѣ,
 Тамъ, гдѣ кастальскія воды
 Сладко лепечуть! Изъ рощи
 Горной, увитой плющемъ,
 Ты по отрогамъ низейскимъ
 Въ зелени лозъ виноградныхъ,
 Вакхъ, среди кривовъ священныхъ,
 О, покровитель народа,
 Сходишь въ предмѣстія Эивы!

Строфа вторая.

Ты, какъ мать свою, громомъ
 Пораженную, любишь,
 Вакхъ, родимыя Эивы
 Больше всѣхъ городовъ.
 Нынѣ въ бѣдствіи тяжкомъ
 Ты приди къ намъ на помощь
 Отъ вершины Парнасса
 Иль чрезъ волны морскія,
 Черезъ шумный проливъ!

Антистрофа вторая.

Къ намъ, о, чадо Зевеса!
 Къ намъ, о, богъ предводитель
 Пламенѣющихъ хоровъ,
 Полуночныхъ свѣтилъ,
 Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ
 И съ безумной толпою
 Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
 Вакха славящихъ пляской,
 Къ намъ, о, радостный богъ!
 (Входитъ вѣстникъ.)

Вѣстникъ.

Наслѣдники чертоговъ Амфіона
 И Кадма! жизнь людская такова,
 Что не могу я ни хвалить всецѣло,
 Ни порицать ее, но вѣчно рою
 По прихоти то къ счастью возносить
 Несчастнаго, то низвергаетъ вновь,
 И предсказать грядущее не можетъ
 Никто. Креонъ родную землю спасъ,

Держалъ въ рукахъ бразды верховной власти
 И, окружень цвѣтущими дѣтьми,
 Онъ нѣкогда былъ зависти достоинъ.
 И вотъ теперь, какъ дымъ, исчезло все.
 Мнѣ кажуся живыми мертвецами,
 А не людьми, кто потерялъ на вѣкъ
 Всѣ радости. Имѣй богатства, силу,
 Величіе, но если у тебя
 Нѣтъ счастья, то все, что ты имѣешь—
 Ничтожнѣе, чѣмъ тѣнь отъ облаковъ.

Хоръ.

Но о какой бѣдѣ, владыкъ постигшей,
 Ты возвѣстить пришелъ?

Вѣстникъ.

Онъ умеръ... Тотъ,
 Кто живъ еще, виновникъ смерти.

Хоръ.

Кто же
 Виновникъ, кто погибшій,—говори?

Вѣстникъ.

Не отъ руки враждебной умеръ Гемонъ.

Хоръ.

Отъ собственной иль отъ руки отца?

Вѣстникъ.

Отца за смерть невѣсты проклиная,
 Онъ умертвилъ себя...

Хоръ.

Увы, пророкъ,
 Исполнился глаголъ твой вѣщій!..

Вѣстникъ.

Должно
 И о другомъ подумать...

Хоръ.

Подожди:

Несчастную мы видимъ Эвридику,
Жену царя. Случайно, можетъ быть,
Иль услыхавъ о сынѣ, изъ чертога
Она идетъ.

(Входитъ Эвридика.)

Эвридика.

О, граждане, въ дверяхъ
Услышала я вѣсть: во храмъ Паллады
Молиться шла о помощи, и вдругъ,
Когда съ воротъ запоръ отодвигала,
Вѣсть о бѣдѣ мнѣ поразила слухъ,
И чувствъ липась отъ страха, навзничь пала
Я на руки служанкамъ; но молю,
Чтобъ ни было, скажите мнѣ всю правду:
Къ несчастіямъ привыкла я давно.

Вѣстникъ.

Я расскажу, царица, все, что видѣлъ,
И ничего не утаю. Увы,
Зачѣмъ твой слухъ баюкать лестью? Правду
Узнавъ, лжецомъ ты назовешь меня,
А скрыть ее нельзя. Съ твоимъ супругомъ
На горную равнину мы взошли
Туда, гдѣ трупъ непогребенный, жалкій,
Добыча псовъ, растерзанный, лежалъ.
И помолясь Гекатѣ и Плутону,
Чтобъ гнѣвъ они смягчили, и обмывъ
Усопшаго, мы трупъ сожгли на вѣткахъ
Оливъ, въ лѣсу нарубленныхъ, и холмъ
Насыпали высокій изъ родимой
Земли, потомъ въ чертоги къ новобрачной
Въ подземную гробницу мы пошли.
Но кто-то вдругъ, изъ нѣдръ неосвященной
Могилы крикъ далекій услыхавъ,
Сказалъ царю. Приблизился владыка,
И жалобы достигли до него.
„О, горе мнѣ!—онъ молвилъ съ тяжкимъ вздохомъ:—
„Исполнилось предчувствіе мое.

„Изъ всѣхъ путей я нынѣ самый тяжкій
 „Свершаю путь. То сына моего
 „Зловѣщій крикъ. Скорѣй бѣгите, слуги,
 „И, отваливъ надгробную плиту,
 „Проникните во внутренность пещеры:
 „То Гемопъ ли взывалъ, иль божествомъ
 „Обманутъ я, узнайте“... И не медля,
 Мы сдѣлали, какъ царь намъ повелѣлъ.
 И въ глубинѣ гробницы темной—видимъ—
 Повѣсилась несчастная, связавъ
 Изъ тонкаго покроя петлю. Рядомъ,
 Сжимая трупъ въ объятіяхъ, стоялъ
 Женихъ ея, оплакивая свадьбу
 Печальную и гнѣвъ отца, и смерть
 Возлюбленной. Креонъ увидѣлъ сына
 И подошелъ къ нему и возопилъ:
 „Несчастный, что ты сдѣлалъ, что съ тобою,
 „Какую смерть избралъ? Молю, уйдемъ
 „Отсюда прочь!“ Но молча страшнымъ взоромъ
 Онъ на отца взглянулъ и обнажилъ
 Двуострый мечъ. Спасаясь отъ удара,
 Креонъ бѣжалъ, и ярость обратилъ
 На самого себя несчастный Гемонъ.
 Онъ бросился на острие меча.
 Клинокъ пронзилъ его, и съ мыслью темной,
 Предсмертною, онъ милую обнять
 Слабѣющей рукой старался; тяжело
 Дыша, струей кровавой обагрилъ
 Онъ блѣдныя ланиты юной дѣвы.

(Эвридика поспѣшно уходитъ.)

Такъ скорбный бракъ въ жилищѣ тихой смерти
 Онъ заключилъ. Тамъ, съ мертвой мертвый, спитъ
 Онъ вѣчнымъ сномъ, примѣръ являя людямъ,
 Какъ пагубно безуміе любви.

Хоръ.

Недоброе предвижу я: царица
 Отъ насъ ушла, ни слова не сказавъ.

Въстникъ.

И я смущенъ: быть можетъ, скорбь о сынѣ
 Она толпѣ стыдится показать,

И во дворецъ пошла къ своимъ рабынямъ
Оплакивать семейную бѣду?
За женщину столь мудрую бояться
Намъ нечего...

Хоръ.

Не знаю... Но въ бѣдѣ
Великое безмолвіе—такой же
Недобрый знакъ, какъ и великій плачъ.

Вѣстникъ.

Я во дворецъ пойду узнать скорѣе,
Не скрыла ли чего-нибудь въ душѣ
Несчастная. Ты правъ: зловѣщій признакъ—
Молчаніе среди великихъ бѣдъ.

*(Вѣстникъ удаляется. Входитъ Креонъ. Онъ
несетъ на рукахъ трупъ сына.)*

Хоръ.

Вотъ и царь. Мертвый сынъ на рукахъ у него,—
Трупъ холодный, свидѣтель безмолвный,
Что надъ нимъ—страшно молвить, увы!—не чужой,
Самъ отецъ совершилъ злодѣянье.

Креонъ.

Строфа первая.

О, жестокое, непоправимое
Дѣло рукъ моихъ. Вотъ,
Вотъ, чего я достигъ!..
Посмотрите: убитый съ убійцею—
Связанъ узами кровными.
Ты ушелъ отъ меня,
Сынъ мой! Въ смерти твоей
Неповиненъ ты, нѣтъ,
Самъ сразилъ я тебя въ цвѣтѣ жизни, безвременно!..

Хоръ.

Увы! постигъ ты правду слишкомъ поздно.

Креонъ.

Строфа вторая.

Правду постигъ я... О, горе мнѣ!.. Яростный
Богъ, поражая, лишилъ меня разума,

Къ безднѣ увлекъ,—и теперь
Онъ торжествуетъ, поправъ мое счастье.
О, какъ безцѣльна вся жизнь мимолетная,
Весь человѣческій трудъ!

(Входитъ слуга.)

СЛУГА.

Ты жертва, царь, всѣхъ бѣдствій: мертвый Гемонъ—
Въ рукахъ твоихъ, а за стѣной дворца
Ужъ новое страданье ждетъ.

КРЕОНЪ.

Какое

Страданіе ужаснѣе того,
Что я терплю?

СЛУГА.

Жена твоя погибла,
Мать Гемона, пронзивъ себя мечомъ.

КРЕОНЪ.

Антистрофа первая.

Неизбѣжная, неотвратимая
Смерть, зачѣмъ у меня
Отнимаешь ты все,

Все родное? О, вѣстникъ безжалостный,
Ты сразилъ полумертваго!..

Повтори, что за вѣсть,
Что ты молвилъ? Ужель

Вслѣдъ за сыномъ моимъ

Страшной смертью погибла жена моя бѣдная?

*(Открывается занавѣсъ, и въ глубинѣ дворца
виденъ трупъ Эвридики.)*

СЛУГА.

Ты видишь самъ: вотъ тѣло Эвридики.

КРЕОНЪ.

Антистрофа вторая.

Горе мнѣ! Вижу я новое бѣдствіе...

Чѣмъ еще послѣ всего, что я пережилъ,

Можетъ судьба мнѣ грозить?

Здѣсь на рукахъ моихъ Гемонъ возлюбленный,

Тамъ во дворцѣ—его мать. О, дитя мое
Бѣдное,—бѣдная мать!

Слуга.

Дѣтей своихъ оплакавъ, Мегарея
И Гемона, когда ужъ не могла
Поднять зеницъ, покрытыхъ тѣнью смертной,
Она припала къ алтарю, молясь
О томъ, чтобъ месть за гибель сына боги
Обрушили на голову твою.

Креонъ.

Строфа третья.

Горе, о, горе мнѣ!
Я содрогаюсь отъ ужаса...
Лучше бы кто-нибудь, сжалившись,
Сердце пронзилъ мнѣ мечомъ!
Нѣтъ исцѣленія
Мукамъ моимъ!

Слуга.

Она тебя винила въ смерти сына
И въ гибели своей.

Креонъ.

Но какъ, скажи,
Несчастная себя лишила жизни?

Слуга.

Вонзила въ грудь себѣ двуострый мечъ,
Узнавъ про смерть возлюбленнаго сына.

Креонъ.

Строфа четвертая.

Самъ я убилъ ее, граждане,
Слышите ль? самъ я—убійца,
Некого больше винить.
Слуги, возьмите несчастнаго,
Прочь поскорѣй уведите:
Кончена, кончена жизнь!

Хоръ.

Ты правъ: уйти скорѣй и позабыть —
Послѣдняя отрада для несчастныхъ.

КРЕОНЪ.

Антистрофа третья.

Гдѣ ты, желанная?

Смерть, я зову тебя! Гдѣ же ты?

День безконечнаго отдыха,

День мой послѣдній, приди!

Пусть не увижу я

Солнца во вѣкъ!

ХОРЪ.

Но смерть сама придетъ, а мы подумать
Должны о томъ, что ближе къ намъ. И пусть
Забоятся о нашей смерти боги.

КРЕОНЪ.

О милости послѣдней я молю!

ХОРЪ.

Оставь молебны и знай: спасенья нѣтъ;
Для смертнаго—судьба неотвратима!

КРЕОНЪ.

Антистрофа четвертая.

Сына убійцу и матери

Прочь уведите скорѣе,

Прочь!.. Но куда мнѣ идти?

Все, что любилъ я, потеряно,

И на главу мою пала

Страшная кара боговъ...

(Слуги уводятъ Креона.)

ХОРЪ.

Стремишься ли къ счастью ты,— прежде всего,—

Будь мудрымъ, и воли безсмертныхъ,

О, смертный! во вѣкъ не дерзай преступать,

И вѣрь, что за дерзкія рѣчи

Постигнетъ безумца великая скорбь

И мудрости поздней научить.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

1891 г.

НА АΘΟΝЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

IX *).

Было бы весьма странно предполагать, что такая кривая, высокая и вдающаяся въ море гора, какъ Аѳонъ, могла ускользнуть отъ особаго вниманія древнихъ. И дѣйствительно, о немъ упоминаетъ длинный рядъ писателей. По словамъ Геродота, Фукидида, Страбона, Плинія, Юлія Полигистора и другихъ, гора такъ высока, что съ ея вершины восходъ солнца виденъ тремя часами раньше, нежели съ побережья; тѣнь же ея простирается до острова Лемноса, т.е. на 58 верстъ. Древніе вѣрили, что вершина горы выше дожденосныхъ облаковъ, а потому пепелъ отъ жертвоприношеній тамъ никогда не смывается дождемъ. Поэты Теокрытъ, Орфей, Виргилій, Овидій—воспѣвали Аѳонъ. Одинъ упоминаетъ о покрывающемъ его снѣгъ; другой изображаетъ его подъ видомъ исполина, который подъ звѣздами Тиракіи стоитъ среди неизмѣримаго моря и своими длинными руками мететъ двѣ длиннѣйшія стрѣлы (горные отроги). „Азія и Европа—углы міра; все море — капля міра; Аѳонъ — крупинка міра; все настоящее время—мгновеніе вѣчности“. Этотъ афоризмъ римскаго императора Марка Аврелія Антонина (II в. по Р. X.) также свидѣтельствуетъ о той извѣстности, которою пользовалась великая гора. Далѣе, объ Аѳонѣ упоминается въ сказаніяхъ о поѣздѣ аргонавтовъ, о троянской войнѣ, объ Энеѣ. На темени его стояла, по замѣткѣ лексикографа Исихія, статуя Зевеса, который и зывался Athoos, и отъ котораго вся гора, еще во времена

*) См. выше: мартъ, стр. 195.

троянской войны, почиталась высотой этого божества. На поклоненіе его святынь приходили странники. Передъ этими ссылками на древніе историческіе источники, сообщаемыми еп. Порфиріемъ, очевидно, не могутъ устоять помѣщенные въ аеонскихъ изданіяхъ и повторяемыя Благовѣщенскимъ (стр. 194) преданія, по которымъ на вершинѣ горы во времена язычества стояло капище Аполлона, а не бога боговъ; у идола, вмѣсто глазъ, были вставлены „бриллианты“, блескъ которыхъ былъ такъ силенъ, что служилъ маякомъ для мимоходящихъ судовъ. Сохранилось воспоминаніе объ Аеонѣ, какъ огнедышащей горѣ. Изверженія ея нашъ историкъ склоненъ отнести къ промежутку времени между 2000 и 1529 годами до Р. Х.

Въ монастырскомъ изданіи „Путеводителя“ (стр. 8) говорится, будто попытки въ глубокой древности основать на Аеонѣ города и села были тщетны: земледѣльческія селенія скоро пустѣли, и колонизація не удавалась. „Святой Аеонъ, по его красотѣ, удивленію и безмолвію, располагающимъ къ глубокимъ созерцаніямъ природы и къ благоговѣйнымъ размышленіямъ о Творцѣ ея, самимъ промысломъ Божиимъ назначенъ для иной, высшей, духовной цѣли“. Но это опровергается историческими данными: на Аеонѣ не только существовали издавна, но и процвѣтали въ теченіе многихъ вѣковъ города. Основаніе ихъ эдлинами, пелазгами и халдейцами, должно быть отнесено ко времени отъ XII-го до VI-го вѣка до Р. Х. Отъ этихъ городовъ отчасти и по сію пору остались осматрѣнные еп. Порфиріемъ слѣды каменной кладки. По этимъ развалинамъ, а также по письменнымъ памятникамъ нашему ученому удалось возстановить мѣстоположеніе этихъ городовъ, изъ числа которыхъ одинъ стоялъ у вершины Аеона и по сію пору замѣтенъ по слѣдамъ укрѣпленій: всѣ города были защищены стѣнами. Не въ томъ, конечно, дѣло, что эти города были малы: по современнымъ нашимъ понятіямъ, они, быть можетъ, не заслуживали этого названія. Извѣстны и самыя названія городовъ, и отчасти чѣмъ занимались ихъ жители, а именно городъ Абанеосъ обогащали металлопромышленность и торговля. Вино его славилось. О промышленности прочихъ городовъ хотя ничего документально неизвѣстно, но самая мѣстность доказываетъ, что здѣсь занимались ловлею рыбы и глубою, рубкою строевого лѣса обжиганіемъ углей и извести (изъ мрамора), культурою виноградъ орѣховъ, маслины и фруктовъ. Торговля сосредоточивалась Ксеркова канала. Сосновый лѣсъ съ Аеона экспортировался даже въ Александрію.

Поводомъ къ прорытію Ксеркова канала послужило повѣств

мое Геродотомъ крушеніе флота Дарія Гистаспа у опаснаго для мореплавателей бурнаго аеонскаго мыса. По смерти Дарія сынъ его Ксерксъ, желая покорить аеинянъ и опасаясь, какъ бы и его суда не погибли у Аэона, велѣлъ прорыть каналъ на перешейкѣ Горы. Эта работа продолжалась три года (съ 487 до 490 г.) и была благополучно доведена до конца; флотъ прошелъ каналомъ. Прорытіе аеонскаго канала считалось въ древности такимъ колоссальнымъ предпріятіемъ, что о немъ упоминаетъ длинный рядъ греческихъ и римскихъ писателей. Самъ Ксерксъ, очевидно, тоже считалъ его великимъ техническимъ подвигомъ— иначе не произнесъ бы передаваемыхъ Плутархомъ хвастливыхъ словъ: „О, Аэонъ, ты, гордая высота, подпирающая небо! не смѣй преграждать мнѣ дорогу; иначе я сравню тебя съ землею и головою брошу въ море“. Руководили работами два персидскихъ инженера, а исполняли ихъ воины, финикіяне, аеонцы и сосѣдніе съ ними жители. Но, увы, не суждено было персидскому флоту, столь бережно сохраненному отъ чисто случайной и маловѣроятной опасности быть застигнутымъ и разбитымъ бурей близъ аеонскаго мыса, триумфальной процессіей пристать въ аеонской гавани!

Послѣ пораженія персовъ помогавшіе имъ аеонскіе города вступили въ союзъ съ Аеинами и, по предложенію Мильтіада, наравнѣ съ прочими союзными городами, дѣлали ежегодные взносы на содержаніе общееллинскаго флота. Извѣстно даже, по скольку талантовъ или драхмъ причиталось ежегодно на долю каждаго изъ аеонскихъ городовъ.

До насъ дошли большія подробности объ участіи аеонскихъ городовъ въ пелопоннесской и олимпійской войнѣ. Они составляли въ это время самостоятельныя республики. Въ срединѣ IV-го вѣка города эти лишились своей самостоятельности: они были покорены Филиппомъ Македонскимъ и присоединены къ его царству, а одинъ изъ нихъ, Олинеосъ, былъ разрушенъ имъ до основанія, жители же его проданы въ рабство. Сыну Филиппа, Александру Великому, зодчій его Динократь предлагалъ преобразовать мраморный верхъ Аэона въ статую Зевеса такъ, чтобы она въ лѣвой рукѣ держала городъ, а въ правой—ручей съ текущею въ море водою. Но Александръ отринулъ это предложеніе, и тливно сказавъ Динократу, что жителямъ такого города нечего бѣдѣть жѣсть, а изъ такого ручья—нечего пить.

При одномъ изъ преемниковъ Александра Македонскаго на перешейкѣ полуострова былъ построенъ еще новый городъ, развѣны котораго могутъ быть указаны и нынѣ. Ко времени

преемниковъ Александра В. относится мраморная плита, найденная еп. Порфиріемъ въ скитѣ св. Анны и переданная имъ „для временнаго храненія“ въ одесское „Общество любителей древностей“. Не велика эта плита, но тѣмъ не менѣе поясняетъ нѣкоторыя стороны внутренняго быта жителей города Акроаеоса, развалины котораго найдены близъ сказаннаго скита, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и остальныхъ городовъ. Такъ усматривается, что городомъ управлялъ совѣтъ, избранный народомъ, который подавалъ въ немъ свой голосъ; что городъ имѣлъ торговые сношенія съ Александріею, почему въ немъ находилось консульство. Граждане и совѣтъ города избирали иногда и потомственного консула, каковымъ и является тотъ общественный дѣятель, которому посвящена табличка. Последнюю, для увѣковѣченія общественныхъ заслугъ консула, его дѣлъ благотворенія и лептъ на поддержаніе капища, было постановлено повѣсить въ этомъ храмѣ.

Къ началу IV-го или къ концу III-го вѣка, по соображеніямъ нашего автора, должно быть отнесено основаніе Карен, этого единственнаго уцѣлѣвшаго до нашихъ дней аеонскаго города. Въ половинѣ II-го вѣка аеонскіе города вновь утратили свою автономію: Гора сдѣлалась областью римскою. Ею управляли сначала преторы, а потомъ консулы, и управляли не всегда мягко; одинъ изъ нихъ и громился Цидерономъ въ спеціальнѣй рѣчи.

Перейдемъ къ первому вѣку христіанской эры. Личное посѣщеніе Аэона Богородицею относится къ мѣстнымъ легендамъ — мы это уже знаемъ. Сказаніе объ этомъ посѣщеніи появилось — доказываетъ ученый епископъ — вслѣдствіе того факта, что въ IV в. первымъ крестителемъ аеонцевъ, іерусалимскимъ епископомъ Климентомъ, была привезена на Аэонъ икона Богоматери. Сказаніе это, въ эллинскомъ подлинникѣ и въ переводахъ новогреческомъ и славянскомъ, появилось лишь во второй половинѣ XVI-го или даже въ первой половинѣ XVII-го вѣка, вслѣдствіе *fraus rīa* монаховъ Иверскаго монастыря, пожелавшихъ приписать послѣднему глубочайшую древность и наибольшую святость: къ пристани этого монастыря будто бы пристала Богородица, плывшая-было на о. Кипръ, но заброшенная бурей въ сѣверную часть Архипелага ¹⁾. Апостолъ Павелъ пѣ-

¹⁾ Уже нашъ паломникъ о. Василій Барскій въ своихъ путевыхъ запискахъ осуждаетъ народный говоръ о томъ, что Богоматерь была на Аэонѣ. „Аще убо и-
плы когда въ житіи своемъ дѣва Богородица на Аэонъ, о семъ въ книгахъ г҃-
скихъ достовѣрныхъ написано не обрѣдохъ, а аже повѣствуютъ общенародно, а
ако не прилично вѣровать простому множеству; ибо кромѣ Іерусалима, Гали-

ходилъ близъ Аэона, чрезъ городъ Аполлонію (по всей вѣроятности—нынѣшній Эриссо), но потерпѣлъ тутъ на первыхъ же порахъ гоненіе, и проповѣдь его осталась безъ послѣдствій. На Аэонскомъ полуостровѣ не найдено ни одного памятника, который свидѣтельствовалъ бы о существованіи тамъ христіанства въ первые три вѣка нашей эры, и въ одномъ изъ монастырей имѣется языческая каменная гробница съ надписями 321 года. Такимъ образомъ еще при Константинѣ Великомъ тутъ жили язычники. Они имѣли тутъ свои города: Аэось, Стратоникія, Діонъ, Олофиксостъ, Аканэось, Аполлонія и др. Города эти перечислены въ сочиненіи Peri poleon, Стефана Византійскаго, поднесенномъ имп. Юстиніану I по случаю его воцаренія въ 527 г. Города эти и въ то время существовали. Въ виду этого преосв. Порфирій отвергаетъ распространяемое аэонскимъ монашествомъ мнѣніе, будто еще при Константинѣ Великомъ произошло обязательное выселеніе съ полуострова мірянъ и поселеніе тамъ монаховъ. вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается и другое сообщеніе святогорца Стефана о томъ, будто тотъ же императоръ повелѣлъ называть Аэонъ *Nagion-ogos*—Святою-горою. Тутъ оказывается, на повѣрку, смѣшеніе личностей: переименовать Аэонъ или, какъ его называютъ документы, „Гору“, въ Святую-гору повелѣлъ лишь Константинъ Мономахъ въ половинѣ XI-го в., а мірскихъ жителей выселилъ съ полуострова сперва Константинъ Погонать и послѣ него тотъ же Мономахъ, а потомъ царь Алексѣй Комненъ около 1114 г. Къ „вымысламъ ревнивымъ“ Порфирій относитъ также и рассказы о построеніи Константиномъ Великимъ трехъ аэонскихъ церквей.

Вотъ какимъ образомъ произошло въ дѣйствительности заселеніе Аэона монахами. Частыя вторженія въ VII вѣкѣ сѣверныхъ народовъ въ Иллирію, Фракію, Македонію, Фессалію и Элладу и завоеванія Египта, Палестины и Софіи магометанами были бѣдственны какъ для народа и клира, такъ и для монашества во всѣхъ этихъ областяхъ. Клирики и монахи, даже пустычники бѣжали въ большіе укрѣпленные города, каковы: Солунь, Константинополь, и тутъ, какъ бездомные, какъ нищенствующіе, были въ тягость обществу, епископамъ и правительству. И вотъ, по волѣ царя Константина Погоната съ 676 г., когда водворился миръ всемъ греческомъ царствѣ, начали селиться монахи на Аэонѣ.

Итакъ, нигдѣ видѣ не странствоваше: но молитвами и благодѣями ея благословился населеніемъ богоугодныхъ мужей Святая Гора наречеса и во всѣ концы земли славися“. Однако послѣ Барскаго и по настоящее время легенда переходитъ изъ ги въ книгу.

свомъ полуостровѣ, опустѣвшемъ и оставленномъ его жителями, вслѣдствіе набѣговъ арабовъ, а потому поступившемъ въ собственность либо государства, либо лично царя. Тѣ изъ монаховъ, которые любили общежитіе, помѣщались тамъ подлѣ церквей запустѣвшихъ городовъ и строили себѣ обители изъ матеріаловъ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ аеонскіе монахи учредили средоточное управленіе, подъ названіемъ каеодры старцевъ, и ввѣрили его такъ-называемому проту, т.-е. первому, и его совѣту. Нашъ историкъ предполагаетъ, что одновременно возвратились на Аеонъ и туземные клирики, которые были неженаты и жили въ такъ-называемыхъ клирикальныхъ обителяхъ (Хиландарской, Ватопедской, Карейской, Фтирійской, Стратоникійской, Олофиксійской). Это естественно. Родину не всѣ покидаютъ и на родину возвращаются многіе по минованіи опасности. Притомъ одно изъ правилъ созваннаго царемъ Константиномъ Погонатомъ въ 860 г. шестого вселенскаго собора—прямо обязывало клириковъ возвращаться на прежнія мѣста свои. Слѣдующія постановленія собора, очевидно, служили дальнѣйшимъ подтвержденіемъ къ заселенію Аеона какъ чернымъ, такъ, вѣроятно, и бѣлымъ духовенствомъ. „Клирикамъ, по причинѣ нашествія варваровъ, оставившимъ свои мѣста, возвращаться въ свои церкви... а пустынниковъ, которые въ черныхъ одеждахъ и съ отроченными волосами ходятъ по городамъ, опредѣлять въ монастыри, а если не пожелаютъ сего, изгонять ихъ изъ городовъ и жить имъ въ пустыняхъ, отъ которыхъ и именованіе себѣ составили“. Итакъ, это главное,—монашескія обители возникли на Аеонѣ не ранѣе второй половины VII вѣка, а до того времени Аеонъ былъ мірскимъ и обители, тамъ существовавшія, принадлежали мірскому духовенству; далѣе, и въ указанный періодъ Аеонъ не былъ достояніемъ исключительно монаховъ.

На первый разъ монахи поселились ближе къ перешейку полуострова. Причина тому высказана очевидцемъ игуменомъ Теодоритомъ. По словамъ его, „вся мѣстность отъ Хилантара до Ерисса весьма удобна для обитанія людей, ибо тутъ море тише, прѣсныя воды безвреднѣе, въ морскихъ заливцахъ лучше ловится рыба, и вообще вся эта мѣстность измѣненнѣе, здоровѣе и удобнѣе для земледѣлія“. Справедливость этого замѣчанія очевидно для всякаго, кто объѣзжалъ полуостровъ; развѣ одно только указаніе на большую безвредность тутъ прѣсныхъ водъ могло бы вызвать сомнѣніе. Порфирій высказываетъ предположеніе, не знали ли первобытные аеонскіе монахи (между 676 и 830 г.) д своей безопасности Ксересовъ каналъ, который могъ бы прив-

вать арабовъ, какъ ближайшій путь къ Константинополю. На эту гипотезу, не подтверждаемую пока исторически, автора наводитъ засореніе канала со стороны Сингизскаго залива выпуклинами, которыя принимаются имъ за насыпныя. Воздерживаюсь отъ категорическаго личнаго сужденія на этотъ счетъ, потому что видѣлъ эти выпуклины лишь издали; но меня самого поразило, что выпуклины лежатъ по прямому направленію канала, и что онѣ слишкомъ ничтожны для того, чтобы ради нихъ строители канала могли дать ему извилистое русло. Далѣе, если каналъ дѣйствительно умышленно засоренъ, то съ какою иною цѣлью это могло бы быть сдѣлано, какъ не для прегражденія пути мореходцамъ-арабамъ?

Порфирій видѣлъ развалины первоначальныхъ аеонскихъ монастырей. Онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что монастыри были очень скромныхъ размѣровъ. Они состояли изъ одноэтажнаго домика съ тремя, четырьмя комнатами, съ келейною церковицею человѣкъ на шесть и съ кладовою въ башенкѣ. Не было ни ограды, ни двора, ни колокольни; авторъ привелъ въ извѣстность и поименовываетъ двадцать монастырьковъ тѣхъ временъ. По какому уставу въ этихъ монастырькахъ жили монахи — это неизвѣстно. Ни одинъ изъ нихъ ничѣмъ не прославился, а потому и четь-минее молчитъ о первоначальномъ монастырскомъ иночествѣ на Аеонѣ. Не дошли до насъ письменныя извѣстія и объ управленіи тамошней каеэды старцевъ, и о протахъ и ихъ дѣлопроизводствѣ. Нашъ Аеонъ, въ годъ его освобожденія (676), отданъ былъ во владѣніе монахамъ разноплеменнымъ и считался въ епархіи солунскаго архіепископа, викарія апостольскаго престола въ Римѣ и легатарія. Эта зависимость продолжалась только до начала иконоборства. Потомъ Аеонъ навсегда поступилъ въ вѣдомство патріарха константинопольскаго. Первый извѣстный безмолвникъ, просіявшій на Горѣ, былъ Петръ Аеонскій. Епископъ Порфирій относитъ его отшельническіе подвиги къ концу VII-го и началу VIII-го в., и доказываетъ, что онъ былъ монахъ римскій, хотя и родившійся въ Константинополѣ. По званію своему онъ былъ схолярій, т.-е. военный сановникъ, служившій въ такой школѣ, которой воины назначались днєвать и ночевать въ цѣ своемъ дворцѣ. По освобожденіи своемъ изъ девятилѣтняго плененія у агарянъ, во время котораго онъ каялся въ грѣхахъ, Петръ отправился на четыре года въ Римъ и тамъ отъ папы принялъ монашескій постригъ. Вслѣдъ затѣмъ Петръ поселился въ пещулѣ близъ поднебесной выси Аэона, гдѣ и прожилъ пятьдесятъ три года въ величайшемъ подвижничествѣ. Если не ошибаюсь,

то именно его на изображеніяхъ просіявшихъ на Аѳонѣ принято изображать въ центрѣ толпы на первомъ планѣ нагимъ, исхудалымъ старцемъ съ громадною бородою, почти достигающею земли. Его мощи лежали подъ спудомъ въ аѳонской обители Климента въ теченіе сорока лѣтъ, пока въ 830 г. не были найдены нѣкоторыми изъ прежнихъ всельниковъ Горы, возвратившимися послѣ вражескаго нашествія; узнали же ихъ по преданію, что изъ нихъ истекало благоуханное миро. Состоялось торжественное перенесеніе мощей въ храмъ Богоматери, въ Карею. Была написана служба новоявленному чудотворцу. Она совершалась въ томъ же карейскомъ храмѣ, который и сталъ привлекать богомольцевъ и изъ мірскихъ селеній, близкихъ и дальнихъ. Слишкомъ сто лѣтъ спустя, въ разгаръ раздора между строителемъ лавры и безмолвниками, о которыхъ будетъ сообщено ниже, случилось слѣдующее, весьма печальное для аѳонцевъ происшествіе. Нѣкоторые климентинцы тайкомъ увезли мощи св. Петра изъ храма во Фракію и уступили ихъ епископу села Фатокми за 100 золотыхъ монетъ, „дабы они не достались царедворнымъ монастырникамъ“ (впослѣдствіи мощи были возвращены на Аѳонъ). Еще въ настоящее время показываютъ пещеру, въ которой спасался препод. Петръ Аѳонскій. Не очень давно, по распоряженію лавры, входъ ея заложень камнями, такъ что внутренность ея можно видѣть только черезъ небольшое отверстіе, какъ говорятъ, затѣмъ, чтобы въ ней не селились болѣе подражатели святому, ибо селившіеся въ ней съ непривычки заболѣвали отъ сырости и холода и умирали.

Настали дни иконоборныхъ царей (726 по 780 г.), дни смутъ и безпорядковъ въ византійскомъ царствѣ: влахи, рихины и сагулаты, которыхъ некому было отразить, пришли на Аѳонскую гору и поселились тутъ со своими семействами. Хотя они и приняли христіанство и подчинились царской власти, но тѣмъ прочнѣе пустили корни на полуостровѣ, приобрѣвъ право не только пастись тамъ свои стада, но и жить, и покупать любыя мѣста. Такимъ образомъ Аѳонъ сталъ опять жилищемъ мірскимъ. Мірской или, точнѣе, смѣшанный характеръ Гора сохранила и въ первыя десятилѣтія воцаренія вновь императоровъ иконопочитателей и монахолюбивыхъ; а тутъ подоспѣлъ погромъ, приведшій къ полному опустошенію Горы. Осенью 830 г., въ виду Аѳона, у острова Фоса произошло морское сраженіе, въ которомъ арабы истребили весь греческій флотъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого событія было опустошеніе какъ близлежащихъ острововъ, такъ и „опарусеннаго“ Аѳонскаго полуострова. Начальники его, въ тѣ

монашествующіе, такъ и мірскіе, именно влахи и жители города Аполлоніи, всѣ ушли, кто куда глядѣлъ. Однако, вскорѣ мало-помалу на Аеонѣ, въ мѣстахъ наиболѣе сокрытыхъ, неприступныхъ, стали вновь собираться аскеты, при чемъ имена нѣкоторыхъ сохраниены преданіями и достовѣрными памятниками. Сюда относятся Евѣимій и Іосифъ, уговорившіеся провести сорокъ дней и ночей на открытыхъ мѣстахъ и, подобно воламъ, согбенно питаться одною травою. Когда окончилась эта четырехдесятица, они помѣстились въ пещерѣ, походившей по тѣснотѣ на разсѣлину. Въ ней они прожили годъ безъ огня, постясь, молясь, не говоря другъ другу ни слова, и питаясь желудями, каштанами и кумарнею (красныя круглыя ягоды). Одежды ихъ износились и сгнили. Іосифъ покинулъ пещеру черезъ годъ, а Евѣимій—лишь черезъ три года. Слава этихъ суровыхъ подвижниковъ оказывала большую притягательную силу на другихъ аскетовъ, которыхъ такимъ образомъ уже къ 862 г. собралось на Аеонѣ много. Аскеты эти гнѣздились на неприступныхъ горныхъ высяхъ и здѣсь строили себѣ домики. Что же касается обителей, раньше тамъ существовавшихъ, а также и всѣхъ мірскихъ селеній, въ томъ числѣ и валахскихъ мандръ (загоновъ для скота), то они пока оставались необитаемы. Только на короткое время ватопедскіе монахи возвратились—было въ свою обитель; но уже въ 862 году арабы, ограбившіе Митилену, пристали къ берегу Аеона, взяли въ плѣнъ монаховъ, раскрыли соборную церковь, развели въ ней огонь и отплыли на Критъ. Далѣе упоминается о новомъ набѣгѣ арабовъ уже въ 866 г., послѣ котораго и тѣ аскеты, которые раньше уцѣлѣли, отъ страха разошлись. Итакъ, Аеонъ еще разъ опустѣлъ. Вообще же онъ трижды пустѣлъ и трижды населялся, при чемъ промежутки между запусѣніями и заселеніями вновь были, впрочемъ, весьма кратковременны.

Третье, и послѣднее, продолжающееся до нашихъ дней, заселеніе Аеона исключительно монахами начато при Василиѣ Македонянинѣ. Сильный въ политическомъ мірѣ, покровитель наукъ и искусствъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи церкви. Извѣстно его участіе въ дѣлѣ крещенія Руси; далѣе, онъ окрестилъ далматинскихъ хорватовъ и сербовъ, обратилъ въ христіанство многихъ іудеевъ, искоренилъ ереси въ сѣмѣ царствъ и умиротворилъ вселенскую церковь. Василиій любилъ бесѣдовать съ монахами и принимать ихъ благословеніе. Разположеніе его къ монашеству отразилось и на его дѣтяхъ: одинъ изъ его сыновей принялъ монашескую схиму, а четыре другихъ при его спасеніи въ монастырѣ. Послѣ сказаннаго понятно во значеніе монаховъ на Аеонскую гору подъ сѣнію Василия.

Первымъ возвратился на Гору давній ея сподвижникъ Іоаннъ Колову и въ сѣверной части построилъ монастырь (869 г.), а затѣмъ выпросилъ ему въ даръ отъ царя весь околотокъ города Аполлоніи. Такъ какъ аполлоніаты въ теченіе 40 лѣтъ медлили возвращеніемъ къ прежнимъ своимъ разрушеннымъ очагамъ, то передача земель коловуйскому монастырю и совершилась юридически. Послѣ такой передачи послѣдовалъ наплывъ безземельныхъ людей, выпрашивавшихъ себѣ монастырскіе участки съ правомъ условной обработки нивъ и садовъ, какъ это всегда водилось во всемъ греческомъ царствѣ. Изъ числа этихъ поселенцевъ большинство составляли выходцы изъ города Эриссо, что на островѣ Митиленѣ. Они-то, между прочимъ, взамѣнъ и на мѣстѣ разрушенной Аполлоніи, построили селеніе, которому и дали названіе своей собственной метрополіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, нашъ преосвященный историкъ объясняетъ переименованіе ихъ селенія (впослѣдствіи города). Извѣстіе о возрожденіи монашества на Аеонѣ не замедлило распространиться и среди монастырниковъ, ушедшихъ съ горы въ 830, и безмолвниковъ, удалившихся въ 866 г., и всѣ они начали собираться одни за другими въ старыя свои жилища. Вначалѣ, пока монаховъ было мало ¹⁾, они не избирали себѣ прота и поручили веденіе своихъ дѣлъ тому же Іоанну Колову. Въ первые же годы по своемъ водвореніи вновь ихъ беспокоили разные чиновники и жители ближнихъ деревень, пася свой скотъ и охотясь на Горѣ. Вслѣдствіе этого они черезъ Колову выпросили себѣ, въ 872 г., у царя достопамятный сигиліонъ (грамоту), имѣвшій рѣшающее значеніе на строй аеонскаго монашества. Въ ней воспрещается всѣмъ мірянамъ даже сходить во внутреннія мѣстности Аеона, дабы не нарушалось безмолвіе и спокойствіе тамошнихъ отшельниковъ. Изъ сигилліона ясно проистекаетъ, что Василій Македонянинъ видѣлъ въ аеонцахъ усердныхъ молитвенниковъ о себѣ и о всемъ мірѣ христіанскомъ. Однако, вскорѣ, уже послѣ смерти Іоанна Колову, коловуйская братія заявила о себѣ съ совершенно иной стороны. Она стала притѣснять безмолвниковъ, стараясь сдѣлать ихъ своими данниками и рабочими, чѣмъ и вынудила ихъ къ отпаденію отъ монастырниковъ и учрежденію ими вновь, по древнему уставу, въ центрѣ полуострова, въ Кареѣ, собственнаго управленія, съ центромъ во главѣ. Не минаясь съ такимъ результатомъ своихъ влас-

¹⁾ Впослѣдствіи, еще въ теченіе того же IX-го в., ихъ набралось, надо думать, человекъ до 600, принадлежавшихъ къ разнороднымъ національностямъ: греческой, грузинской, армянской и римской. Они раскинулись по всей Горѣ отъ гонимейки до высочайшей оконечности.

любивыхъ пріемовъ, коловуйцы прибѣгли къ весьма рѣшительной мѣрѣ. По государственному закону, при воцареніи новаго правителя, всѣ поземельные владѣльцы должны были заручаться подтвердительными грамотами на право владѣнія. Когда по смерти Василія Македонянина на престолъ возшелъ его сынъ Левъ Мудрый, посланцы коловуйцевъ, вмѣсто подтвердительной грамоты, сочинили дарственную, которую царь, не прочитавъ, и подписаль. Въ грамотѣ же этой значилось, что коловуйскому монастырю пожалованы во владѣніе: весь Аеонъ съ древнею каедрою старцевъ и многія деревни и монастыри въ Сидирокавсійской области даже до горы Холомунта. Опираясь на эту грамоту, коловуйскіе монахи стали притѣснять, даже бить безмолвниковъ и грозить имъ изгнаніемъ съ Аеона, какъ изъ собственнаго имѣнія. Они обратили Гору въ пастбище для скота, взимая плату съ деревень, которымъ принадлежали пасомыя стада. Таково начало многолѣтней борьбы исихастовъ съ монастырниками на Аеонѣ. Нашъ авторъ называетъ борьбу эту самой занимательной драмой, съ разнообразными явленіями какъ на самомъ Аеонѣ, такъ и въ царскихъ и патриаршихъ покояхъ въ Константинополѣ. Первое явленіе драмы окончилось, впрочемъ, весьма скоро, — надо полагать, уже черезъ годъ по вступленіи въ силу подложнаго сигилліона (т.-е. 887 г.), лично челобитною жалобою въ Константинополѣ прота, на помощь которому явились и посланцы отъ незаконно захваченныхъ деревень. Было назначено слѣдствіе на мѣстѣ; правда восторжествовала; безмолвники успокоились: подложная грамота была объявлена недѣйствительною, а имъ выдана другая, охраняющая ихъ право владѣть всѣмъ Аеономъ. Въ началѣ царствованія Льва Мудраго только на перешейкѣ полуострова существовало нѣсколько обителей, — на самой же Горѣ ихъ не было; но уже въ срединѣ X-го в. ихъ и тамъ было довольно много.

Эпоху въ исторіи Аеона составляетъ появленіе туда въ 960 г. преподобнаго Аеанасія, того самаго, которому удалось дать монастырникамъ прочный перевѣсъ надъ безмолвными отшельниками. Онъ росъ сиротой, съ ранняго дѣтства, надо полагать, религиозно настроеннымъ своей воспитательницею, благочестивою монахиней. Довершивъ свое образованіе, Аеанасій короткое время давалъ уроки въ государственномъ училищѣ, а потомъ постригся въ монастырѣ, игуменомъ котораго состоялъ дядя полководца-военачальника Никифора-Фоки, впоследствии царя. Строгой подвижнической жизни, съ одной стороны, и высокому покровительству, съ другой, Аеанасій обязанъ той роли, которую ему было суждено играть. Будучи еще полководцемъ, Никифоръ-Фока угова-

риваль Аеанасія построить на Аеонѣ лавру, гдѣ онъ, т.-е. Никифоръ, самъ могъ бы спастись. Осторожный монахъ долго отговаривался; но наконецъ согласился, и на присланное своимъ другомъ и покровителемъ золото съ жаромъ принялся за дѣло, несмотря на величайшую дороговизну съѣстныхъ припасовъ по случаю голода. Однако, не прошло и четырехъ мѣсяцевъ отъ начала постройки, какъ получилось достоверное извѣстіе о воцареніи Никифора и о бракосочетаніи его съ вдовствующей царицей. Въ величайшемъ смущеніи отъ такой неожиданности Аеанасій оставилъ постройку лаврской церкви, доведенную до половины, и отправился въ Константинополь укорять царственного нарушителя обѣта. Но государь клятвами удостоверилъ его въ томъ, что ему не любо царствованіе, что онъ не прикасается къ женѣ, и при первомъ удобномъ случаѣ уйдетъ на Аеонъ, лишь бы окончена была церковь. Аеанасій возвратился въ свою келью и продолжалъ постройку, получая деньги отъ Никифора, „а больше отъ другихъ христіанцевъ“. По окончаніи постройки строитель представилъ монарху записку, согласно которой послѣдній далъ лаврѣ хрисовуль, жалующій ей 244 златищи съ доходовъ Лемноса. За сооруженіемъ церкви слѣдовало построеніе метоха (хутора), исихастирій, братской трапезы, водопровода, пристани. Царственному виновнику этихъ въ совокупности, по тогдашнему времени, дѣйствительно грандіозныхъ сооружений не было суждено лично ими пользоваться: въ 969 г. онъ былъ умерщвленъ собственною женою. Всѣ подобные матеріальные успѣхи лавры, далѣе—пріобрѣтеніе въ ея собственность весьма обширной территоріи, пристань для мірскихъ посѣтителей Аеона, насажденіе виноградниковъ, употребленіе воловъ при выдѣлкѣ хлѣбнаго тѣста на 120 монаховъ,—все это возбудило недовольство и ропотъ въ нестяжательныхъ безмолвникахъ, которые, убѣжавъ отъ суетнаго міра, неожиданно увидѣли у себя дѣла мірскія, противныя ихъ уставу. Между ними нашлись фанатики, собиравшіеся зарѣзать или извести чародѣйствами новатора. Но пока былъ живъ Никифоръ, серьезно замышлявшій промѣнять порфиру на власницу въ лаврѣ Аеанасія, ропотъ исихастовъ еще сдерживался. Когда же царя не стало, они подняли голову и первымъ долгомъ отправили къ его преемнику своего прота и одного уважаема всѣми монаха. Государь поручилъ монаху Студійскаго монастыря Евѣимію уладить недоразумѣнія на мѣстѣ. Царскій делегатъ теченіе цѣлой недѣли собиралъ всѣхъ игуменовъ и монаховъ, внималъ во взаимныя ихъ пререканія и пришелъ къ рѣшенію, что обѣ стороны правы во всемъ, ибо открылось, что завяз

пійся между ними споръ произошелъ отъ навожденія сатаны. Такъ буквально сказано во вступительной запискѣ къ новому уставу Горы, составленному по общему соглашенію игуменовъ и утвержденному царемъ ¹⁾).

Всѣ напасти и душевныя скорби, а также тѣлесныя страданія подточили силы Аѳанасія. Тяжкая смерть подъ обрушившимся сводомъ расширяемой соборной церкви положила конецъ его подвижнической жизни.

По уставу 971 г., насколько изъ него проистекаетъ организація аѳонскаго управленія, оно сосредоточивалось въ центрѣ Горы, въ Кареѣ, и было ввѣрено протату, т.-е. самому проту, собранію игуменовъ или старцевъ, и эконому, облеченнымъ властью мѣстно-законодательною, судебною, духовно-исправительною и карательною. Протосъ — первый (своего рода *primus inter pares*) — хотя и былъ ограниченъ въ своей верховной власти, тѣмъ не менѣе пользовался значительнымъ вліяніемъ. Такъ, ни одинъ игуменъ Горы не имѣлъ права обсуживать проступки падшихъ братій, налагать на нихъ эпитиміи или призывать въ мірской судъ безъ вѣдома прота; но протъ безъ собранія игуменовъ и безъ ихъ воли и согласія не властенъ былъ дѣлать что-либо неугодное имъ. Только сообща они могли, напр., раздавать участки земли и дозволить настоятелямъ монастырей постригать юношей, безбородыхъ и евнуховъ, въ случаѣ какого-либо неотложнаго и крайняго обстоятельства. Проту и старцамъ помогали въ управленіи такъ-называемые отцы, т.-е. духовники. Имъ присвоена была власть исправительная. Они увѣщевали и исправляли тѣмъ аѳонцевъ, которые уходили отъ своихъ игуменовъ и, не поступая ни въ какую обитель на послушаніе, своевольно обходили всю Гору и нанимались въ услуженіе у кого хотѣли. Имъ были поручаемы и самозванные игумены. Экономъ былъ облеченъ властью карательною: на немъ лежала обязанность изгонять съ Аѳона нарушителей устава, неисправимыхъ преступниковъ и соблазнителей другихъ. Экономъ ежегодно давалъ отчетъ въ употребленіи руги, которая собиралась со всѣхъ обитателей Горы для общихъ надобностей, вѣроятно, пшеницею, виномъ и масломъ.

Въ огражденіе правъ рабочихъ въ уставѣ понадобились нѣкоторыя особыя правила. Такъ, строго воспрещалось уравни-

¹⁾ Не безынтересно упомянуть, что въ этомъ уставѣ Аѳонъ называется еще сто Горю, хотя уже въ то время монахи про себя употребляли названіе „Святая-ра“. Такъ ее называетъ, напр., св. Аѳанасій въ своемъ типиконѣ и въ духовномъ вѣщаніи. Официальное повелѣніе о переименованіи Аѳонскаго полуострова „Святою-юю“ последовало лишь при царѣ Константиѣ Мономахѣ въ XI вѣкѣ.

вать работниковъ съ рабочимъ скотомъ, т.-е. обременять ихъ изнурительными и многочасовыми трудами (обработка земли производилась только монахами монастыря или наемными). Работникъ, уходившій и раньше условленного срока, не лишенъ былъ вознагражденія за прослуженное имъ время.

Преосвящ. Порфирій особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что этимъ уставомъ утверждено было разнообразіе монашескаго равноправнаго житія на Аеонѣ, житія монастырскаго, келейнаго и пустынно-безмолвнаго, житія общиннаго и уединеннаго, и примирены были тамошніе безмолвники и монастырники такъ, что въ рукахъ первыхъ осталась власть, а вторымъ запрещено было держать рабочихъ животныхъ и приобретать крупныя собственности. Цѣня такой уставъ, нашъ авторъ дѣлаетъ тѣмъ не менѣе слѣдующее замѣчаніе: „признаюсь, что нитрійское монашество, въ глазахъ моихъ, гораздо выше аеонскаго, потому что въ Нитріи у монаховъ не было никакой собственности, ничего, кромѣ молитвы, св. Писанія и ручной работы, которая продавалась за безцѣноу, только ради насущнаго хлѣба и для помощи бѣднымъ и нищимъ“.

Къ темнымъ страницамъ исторіи Аеона относится эпизодъ, разыгравшійся главнымъ образомъ при царѣ Алексѣѣ Комненѣ въ концѣ XI-го в. Подготавлился онъ, впрочемъ, еще гораздо раньше, со времени основанія лавры. Началось съ того, что лаврскіе, а потомъ и прочіе игумены, стали содержать около монастырей коровъ и овецъ, мясо которыхъ между прочимъ употреблялось братіей въ пищу. Скотъ этотъ пасли не монахи, а міряне. Вслѣдъ затѣмъ аеонскіе проты пошли далѣе и стали допускать мірянъ жить на Горѣ и продавали богатымъ изъ нихъ небольшіе участки земли. Извѣстны имена нѣкоторыхъ такихъ собственниковъ, между которыми были и двѣ женщины. Правда, лѣтъ черезъ двадцать, при новомъ царѣ міряне были выселены съ Аеона, но не надолго, ибо вскорѣ аеонцы вновь зазвали къ себѣ мірянъ, такъ что въ началѣ царствованія Алексѣя Комнена на Горѣ находилось уже триста семействъ валахскихъ, и вотъ тогда и начался собственно тотъ эпизодъ, та „скоромная драма“ (выраженіе епископа Порфирія), которая продолжалась съ 1081 до 1177 г., стало быть, безъ малаго сто лѣтъ.

„Государь Алексѣй Комненъ—такъ пишется дословно въ дошедшемъ до насъ документѣ—многократно намѣревался вѣдать съ аеонскихъ влаховъ десятину, но, внявъ мольбамъ отцовъ аеонскихъ и желая дать примѣръ областеначальникамъ, дабы они не корыстовались отъ монастырей, не дѣлалъ сего и не

слышать не хотѣлъ объ удаленіи животныхъ съ Г'оры... Влахи доставляли въ монастыри молоко, сыръ и шерсть. Между ними и монахами завязались мѣновыя сдѣлки и взаимная торговля. Со-временемъ явились пиршества и діавольскія попойки, ибо діаволь вошелъ въ сердца влаховъ, и они держали при себѣ женъ своихъ, одѣтыхъ въ мужское платье въ видѣ пастуховъ. Эти женщины пасли овецъ и прислуживали въ монастыряхъ,нося туда сыръ, молоко и шерсть и мѣся хлѣбы подъ праздники монастырскіе, и, просто сказать, были для монаховъ тоже, что пришельцы-рабы, и весьма любы. А чтò между ними дѣлалось, о томъ стыдно и говорить, и слушать. Однако, лучшіе аеониты, пострадавъ и возненавидѣвъ грѣхъ, сами поправили свои ошибки... и самому патріарху Николаю все изложили на письмѣ. Особенное участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ игуменъ лавры Аѳанасія Іоанникій Валма... Онъ патріарху тайно вручилъ свои записки о состояніи Аѳона и въ нихъ увѣдомлялъ его о злочинствѣ влаховъ и вредѣ отъ женъ ихъ и дочерей, о грѣхѣ съ животными, и о многомъ другомъ, чтò изобрѣла злоба бѣсовъ, въ подтвержденіе же своихъ донесеній представлялъ нѣкоторыхъ свидѣтелей“.

Патріархъ, помня, что Гора не подчинена ему, ограничился одними увѣщаніями. Тогда „Іоанникію Валмѣ вздумалось пресѣчь скоромное зло хитростью. Онъ отъ лица патріарха написалъ прещеніе (въ родѣ анаѳемы) и подписалъ его своею рукою, думая сдѣлать нѣкое устроеніе святому мѣсту“. Наконецъ, царю напомнили объ уставѣ Константина Мономаха, и онъ повелѣлъ переселить всѣхъ влаховъ со Святой-Горы въ Пелопоннѣзъ. Это было въ 1097 году. Но „монахи, по изгнаніи животныхъ и влаховъ, вмѣсто благодаренія Богу за то, что онъ прекратилъ свой гнѣвъ великій и губительный и очистилась Святая-Гора, плакали и горевали. И былъ на Горѣ велій плачь египетскій. Какъ евреи вспоминали объ египетской пищѣ, о мясахъ и котлахъ, еще же о лукѣ и чеснокѣ и дыняхъ, такъ и святигорцы вспоминали все добро влаховъ, коимъ только привыкли наслаждаться... А изобрѣтатель зла, искони завидовавшій нашей жизни, внушилъ преподобнымъ старцамъ предлоги благославные: патріархъ-де наложилъ прещеніе, и если мы умремъ здѣсь, то будемъ сѣчь за свои души. Явишася же, яко глумленіе, глаголы ихъ, и не исполнены безумія. И когда этотъ слухъ разнесся, тогда сѣлись не только легкомысленные люди, но и многіе изъ просвѣщенныхъ мужей и игуменовъ и безмолвниковъ, которые сражались съ бѣсами пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ и которыхъ сѣ духи не могли выгнать изъ келій... Говорили: отнынѣ ни

житья намъ нѣтъ, ни покоя, потому что изгоняютъ влаховъ и животныхъ; да и патріархъ связалъ всю Гору, и деревья, и воды; и намъ что остается дѣлать на Святой-Горѣ? Нечего, кажется... Вельми тяжело было то время. Ибо съ вляхами ушло все множество монаховъ къ міродержителю: и печаль исполнила сердце наше, потому что не только бѣсы, но и монахи радовались одному и тому же... Говорили, что такой-то безмолвникъ, пресловутый и страшный бѣсамъ, уходитъ съ такимъ-то вляхомъ, и такой-то благоговѣйнѣйшій игуменъ удаляется вмѣстѣ съ такимъ-то вляхомъ. Подобнымъ образомъ и изъ прочихъ монастырей всѣ полнымъ домомъ выходили со своими пріятелями вляхами. Тогда-то было посмотрѣть на богозданные и богохранимые монастыри, стерегомые хромыми да слѣпыми стариками“.

Изъ общаго числа 180 тогдашнихъ монастырей, повидимому, 120 опустѣли. „Наступилъ праздникъ Рождества Христова (1097 г.). Тогда всѣ, по обычаю собравшись въ Карей, сперва въ церкви предали анаѹемъ наустителей и обманщиковъ народа, возмущающихъ всю Святую-Гору, какъ будто по богословнымъ предлогамъ; потомъ, послѣ обычнаго ударенія въ било, въ судебномъ засѣданіи избрали трехъ мужей богобоязненныхъ (названы по именамъ) и двухъ блюстителей порядка (тоже названы по именамъ) и послали въ царю киръ-Алексѣю съ письмомъ, въ которомъ жаловались на патріарха, своимъ прещеніемъ будто бы опустошившимъ всю Гору и съ просьбою объ отмѣнѣ прещенія“. Возникла по этому поводу переписка между царемъ и патріархомъ, текстъ которой дошелъ до насъ. Патріархъ въ своемъ длинномъ отвѣтномъ посланіи подтверждаетъ подложность приписываемаго ему прещенія и вѣжливо упрекаетъ царя въ его потворствѣ вляхамъ необложеніемъ ихъ десятиной. Къ монахамъ патріархъ относится съ возможнымъ снисхожденіемъ, взваливая вину упадка нравовъ на злочинства влаховъ и ихъ очарованія. „Какъ поступали маріаниты, наряжали женъ своихъ и приводили къ народу іудейскому, да соблюди онъ съ нимъ, и да отвратится отъ него Богъ, таѣ діаволъ вошелъ въ сердца влаховъ, и они нарядили женъ своихъ и дочерей въ мужское платье, дабы стремглавъ низвергнуть хотящихъ жить благочестиво, и держали ихъ подлѣ себя, какъ пастуховъ; но и монахи имѣли ихъ при себѣ, какъ прислужниковъ во всѣхъ работахъ монастырскихъ. О томъ же, что дѣлалось между ними, стыдно говорить, и писать, и слушать. Впрочемъ, сами они, пострадавшие и возненавидѣвъ грѣхъ, сообщили мнѣ о томъ письменно, съ дѣтельностью Богомъ. Довольно о злочинствѣ безчестныхъ и б

стыдныхъ вѣхъ, оказавшихся коварными обольстителями“. Подложное прещеніе его, патріарха, не болѣе какъ предлогъ къ оставленію Горы. „И вотъ, люди, созданные по образу Божію, сдѣлались подручными діаволу; а Константинополь наполненъ ложными безмолвниками, суесловцами, обманщиками и лжецами; докучаютъ же и намъ ежедневно эти невѣжды и свинопасы, прося священнаго писанія. Охъ, вся суета суесть подъ солнцемъ, по слову Соломона. Знай, владыка мой святой, что уставы отцовъ низвержены нашимъ повольтвѣемъ. Нѣкогда умиралъ одинъ монахъ въ скитѣ, и таеъ какъ онъ почти не могъ говорить съ предстоящими, то попросилъ укусу, чтобы понюхать его и побесѣдовать съ ними. Но во всемъ скитѣ искали и не нашли ни одного стакана укусу. У святогорцевъ же большія кѣлти наполнены эссенціями и старыми наливками, и отъ того они скачутъ, какъ жеребята дивихъ ословъ. Таеъ-то и таеъ мы уклонились съ пути отцовъ. Богъ же и ихъ, и насъ да помилуетъ“...

„Въ другое время нѣкоторые аеониты, подавъ свои записки царю Алексію, сказали ему: — Владыка нашъ святой! Если у святогорцевъ нѣтъ овецъ и коровъ, то находятся дѣти и безбородые... О безбородыхъ пророки гремѣли, и совершенно справедливо. А по причинѣ дѣтей и соблазновъ отъ нихъ мы не можемъ установить начальства въ монастыряхъ, потому что дѣти стали выше старцевъ.—Царь отнесся къ этимъ доносчикамъ не очень милостиво, упрекнулъ ихъ въ томъ, что дерзнули обратиться къ нему непосредственно, помимо ближайшаго начальства, и даже пригрозилъ, если не вразумятся, отрѣзать имъ носы и отослать такъ на Святую Гору, да знаютъ и прочіе, что такое есть законъ Бога и царя“.

Патріаршее будто бы прещеніе, повидимому, продолжало не давать покоя святогорцамъ и привело иныхъ вновь къ патріарху. На этомъ свиданіи послѣдній выговаривалъ святогорцамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Кто на васъ посмотреть, тотъ потеряетъ свою вѣру, потому что вы оставили заповѣди Бога и святыхъ, и шатаетесь по городамъ и селамъ; и куда влекутъ васъ бѣсы, туда вы и идете“,—а бывшіе тутъ же митрополиты присовокупили: „Если вы постриглись ради Бога, то ступайте въ монастырь и спасайте ваши души. При томъ же мы слышимъ, что святогорскихъ безмолвниковъ находятъ въ кабакахъ, и даже задерживаютъ въ номерахъ (въ частяхъ), и отъ того хулятся нечестное и ангельское житіе. И еще: вы вникаете тѣмъ предкамъ, кои внушаютъ имъ діаволъ, идете вслѣдъ его, и подмѣтаете на Святой-Горѣ муловъ, кобылъ, собакъ и вошекъ... и

какъ это, такъ и многое другое ставите въ вину святымъ старцамъ. Но церковь Божія анаемствуетъ всѣхъ, которые позорятъ христіанъ“. Выговаривалъ патріархъ монахамъ и въ томъ, что учатся пѣть пѣсни въ своихъ келейныхъ монастыряхъ. „Пѣть пѣсни общались вы, братіе? и пѣсенниками быть хотите, а не монахами? Справедливо говорилъ царь Алексѣй, что если не отрѣзать носы нѣкоторымъ святогорцамъ, то они никогда не сдѣлаются добрыми старцами ¹⁾, и что глупѣе ихъ никогда нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ“. Всѣ эти выписки достаточно характеризуютъ временный упадокъ монашескаго духа на Аѳонѣ, приведшій къ запустѣнію Горы, въ XII вѣкѣ, какъ отъ прежнихъ непріятельскихъ нашествій. Мнимую эпитимію патріарха Николая отмѣнилъ лишь патріархъ Харитонъ въ 1177 г. въ очень удобной формѣ, объявивъ въ своей грамотѣ всѣмъ правымъ быть свободными отъ прещенія. Эта мѣра опять густо населила Аѳонъ, такъ что въ началѣ XIII в. тамъ было уже 300 обитателей, „коимъ оказывалъ свое архипастырское покровительство папа Иннокентій III“. Весь изложенный выше эпизодъ носить на себѣ характеръ достовѣрности, ибо описанъ участниками въ немъ, протомъ Иларіономъ и игуменомъ Іоанномъ.

Весьма интересную страницу въ исторіи Аѳона представляетъ латинскій періодъ. Упомяну прежде всего, что уже въ концѣ X в. былъ на Аѳонѣ монастырь, основанный иноками изъ Амальфи. Онъ существовалъ еще въ XII вѣкѣ. Каракаллъ также, по всей вѣроятности, былъ основанъ итальянскими (римскими) монахами, которые жили въ немъ по особому своему уставу. Римская братія въ Каракаллѣ просуществовала едва ли и сто лѣтъ. Надо полагать, что итальянцы ушли со Святой-Горы въ 1053 г., когда вселенскій патріархъ Михаилъ Керуларій заперъ всѣ латинскія церкви въ Константинополѣ и у латинскихъ игуменовъ отнялъ монастыри ихъ. „А если впослѣдствіи окажется, что они ушли оттуда и ранѣе, въ патріаршество Сергія (999—1019), отлучившаго римскихъ папъ отъ католической церкви за ихъ властолюбіе и нововведенія, то я не погонюсь за ними, и не зазову ихъ на Аѳонъ“, — не безъ юмора заключаетъ еп. Порфирій.

Еще любопытнѣе свѣденія, относящіяся къ позднѣйшему періоду и извлекаемыя мною изъ изданій аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть заподозрѣно въ тенденціи къ преувеличиванію временнаго успѣха

¹⁾ Вѣроятно, въ оригиналѣ игра словъ: „калогери“ одновременно значить и брже старцы, и монахи.

папизма на Аеонѣ. Такъ, изъ книги „Монастырь“, анонимный авторъ которой, очевидно, человѣкъ очень свѣдущій, чтобы не сказать ученый, мы почерпаемъ объ этомъ предметѣ слѣдующее.

Въ XIII в., по взятіи Византіи рыцарями и водвореніи въ ней латинскихъ императоровъ, папа обратилъ вниманіе на Аеонъ, эту „главную твердыню православія“, и объявилъ его принадлежностью самого римскаго престола. Аеонъ былъ ввѣренъ римскимъ кардиналомъ-легатомъ надзору одного изъ латинскихъ епископовъ, отъ котораго Гора „потерпѣла многія жестокости и насилія“. Овладевъ вслѣдъ затѣмъ византійскимъ престоломъ Михаилъ Палеологъ, опасаясь коалиціи противъ себя латинскихъ государей съ папою во главѣ, рѣшился вступить въ общеніе съ римскою церковью. „Аеонская гора мужественно обличила латинумудрствующаго царя особымъ посланіемъ, за что и навлекла на себя его гнѣвъ“, а латинскіе союзники, призванные Палеологомъ на помощь противъ славянъ, мимоѣздомъ высадились на Горѣ „и излили свое мщеніе, преимущественно на обители Иверскую и Зографскую, какъ открыто отказавшіяся войти въ церковное общеніе съ ними“. Стефанъ Святгорецъ описываетъ, какъ разсѣявшіеся по горѣ отряды истребляли все огнемъ и мечомъ. Судя по этому описанію, обитатели Горы являлись поголовно мучениками за вѣру. Однако, въ другомъ изданіи того же монастыря, а именно въ „Путеводителѣ“ (стр. 171) мы читаемъ: „Въ царствованіе императора греческаго Михаила Палеолога гнѣвъ небесный поразилъ лавру за то, что она, вмѣстѣ съ Ксиропотамомъ, приняла унію, которую этотъ императоръ вводилъ между своими подданными. Лавра была разрушена и потому хотя не совсѣмъ опустѣла, но пришла въ бѣдственное состояніе, особенно послѣ взятія турками Цареграда“... „Невдалекѣ отъ лавры, на берегу морскомъ, мѣстное преданіе сохранило память погребенія иноковъ, отпадшихъ къ римской церкви во время гоненія Палеолога. Рассказываютъ, что тѣла ихъ доселѣ лежатъ черныя какъ уголь“ (Письма съ Востока, ч. 1, стр. 307).

Замѣчательный документъ хранится еще въ Ватопедѣ, доказывающій, что монастырь этотъ признавалъ нѣкогда флорентійскую унію. Это—грамота, въ коей папа Григорій въ 1439 г. далъ индульгенцію на четыре года всѣмъ, кто на богомолье будетъ приходить въ церковь Св. Маріи Ватопедской и посылать устройству и украшенію ея. Ватопедцы, не зная латинскаго языка, принесли грамоту еп. Порфирію съ просьбою повѣдать имъ ея содержаніе. Изъ опасенія, какъ бы монахи не уничтожили этотъ документъ обличительнаго свойства, авторъ увѣряетъ, будто доку-

ментъ—перехожая грамота, выданная самимъ монастыремъ его же сборщикамъ милостыни въ странахъ западныхъ. То же онъ сказалъ и о другомъ, латинскомъ же пергаментѣ 1456 г., коимъ испанскій король Альфонсъ, по просьбѣ ватопедцевъ, принялъ ихъ монастырь подъ свою защиту отъ каталонскихъ пиратовъ.

Опуская мало-интересныя подробности изъ исторіи Аѳона въ послѣднія три столѣтія, перейдемъ прямо къ новѣйшему времени.

Въ 1821 г., во время греческаго возстанія, распространившася по всѣмъ окрестностямъ, и на Аѳонѣ явились эмиссары и стали переходить изъ монастыря въ монастырь, призывая монаховъ на защиту православія отъ магометанства. Монастыри вооружились, такъ какъ имѣли тогда еще пушки и разное оружіе, противъ пиратовъ, часто беспокоившихъ Святую-Гору. Въ виду Аѳона показался флотъ инсургентовъ; было прислано множество прокламаций. Въ протатѣ составилось совѣщаніе: рѣшили вооружить корабли и взять приступомъ г. Ковалу, а потомъ Солунь. Въ монастыряхъ изъ металлическихъ вещей стали лить пули, а въ Кареѣ изъ иконныхъ ризъ чеканить свою, аѳонскую монету. 200 монаховъ на 30 монастырскихъ судахъ, подъ своимъ флагомъ, тронулись къ Ковалѣ. Но часть воротилась съ половины дороги, а другая была разбита турками. Вслѣдъ затѣмъ турки двинули на Аѳонъ войска, которыя разсѣяли дружно встрѣтившихъ ихъ монаховъ у Ксерксова канала. „Страшно было мщеніе турокъ. Большинство защитниковъ Аѳона было загнано въ море и потоплено. Турки безпощадно рѣзали каждаго встрѣчнаго; кровь полилась по всей Горѣ. Монахи бросили свои кельи и, захвативъ драгоцѣнности, спасались гдѣ могли; но главные зачинщики были схвачены и потомъ сгнили въ солунской тюрьмѣ. Всего погибло, говорятъ, до 4.000 монаховъ и въ этомъ числѣ всѣ лучшіе люди Аѳона. Потомъ понемногу стали опять собираться разбѣжавшіеся отшельники; но жизнь ихъ пошла уже не по прежнему; стража турецкая поселилась въ монастыряхъ и въ теченіе 10 лѣтъ (до 1831 г.) не покидала Аѳона. Въ церквахъ и трапезахъ она разводила огни для варки пищи, выкалывала глаза иконамъ, безчинствовала какъ могла, пока султанъ не смиловился“.

Такъ все это описываетъ Благовѣщенскій, а его патронъ е Порфирій сообщаетъ еще слѣдующее. Источникомъ, изъ котораго черпалъ послѣдній, является рассказъ очевидца, одного изъ инокъ есфигменскихъ, о. Веніамина. Передадимъ его въ сокращенномъ видѣ, но по возможности дословно. Монахи во всѣхъ аѳонскихъ монастыряхъ всѣ, кромѣ духовныхъ старцевъ и с

тыхъ подвижниковъ, участвовали въ тайныхъ гетеріяхъ мірскихъ грековъ. Главные руководители возстанія составили подложное письмо отъ имени императора Александра Павловича и, обходя всѣ монастыри и скиты, читали его у воротъ каждой обители, а въ письмѣ этомъ сказано было, что императоръ всероссійскій уже выслалъ войско и корабли для защиты Аэона отъ турокъ. По прочтеніи письма всѣ кричали:—Христосъ воскресъ! свобода! да здравствуетъ царь!—И не только кричали, но и въ колокола звонили. Кромѣ того, нашли гдѣ-то двухъ цыганъ, умѣвшихъ чеканить монету, привели ихъ на Святую-Гору и доставили имъ серебро для выдѣлки денегъ. Цыгане на Карѣѣ сдѣлали машину и штемпель, и начали чеканить монету, но не греческую, а турецкую. Первые монеты оказались весьма плохи. За это монахи разсердились на цыганъ и прогнали съ Горы. Такъ начался и кончился монетный дворъ на Аэонѣ, — рассказывалъ, смѣясь, о. Веніаминъ. Въ Есфигменѣ была главная квартира главнокомандующаго и его штаба; главнокомандующимъ же былъ маронійскій архіерей, а штабъ его составляли игумены монастырей Хиландарскаго, Кутлумушскаго и Иверскаго. Всѣ они сверхъ расъ носили сабли. Въ обители отливались пули. Пока шли такіа приготовленія къ возстанію, на Гору изъ окрестныхъ селъ нахлынули греки съ женами и дѣтьми, тысячь шесть, если не болѣе. Съ ихъ-то помощью монахи перекопали низменный перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ твердою землею, но перекопали неглубоко и узко, лишь бы конь не могъ перескочить, и огородились бревнами, хворостомъ и тѣмъ попало. Къ этому перекопу всѣ монастыри, скиты и кельи выслали по 5, 10 и 15 монаховъ, вооруженныхъ заржавѣлыми ружьями и ножами и снабженныхъ хоругвями вмѣсто знаменъ. Сборнымъ пунктомъ этого войска былъ тотъ же монастырь. Собралось же семьсотъ монаховъ и мірянъ, если не болѣе. Впереди шелъ отецъ Германъ и читалъ Евангеліе. Изъ монастырей подвезли туда небольшія пушки. Ядеръ и картечи не было: взамѣнъ ихъ набрали у моря круглыхъ камней и камешковъ и сложили ихъ въ кучи. „Въ такомъ грозномъ положеніи — рассказывалъ очевидецъ — они осаждали турокъ. Случилось: надобно было убить вола для пищи. Монахи стрѣляли въ него, но не попали. Уже одинъ изъ нашихъ черноморцевъ застрѣлилъ вола и, смѣясь, сказалъ своимъ хрибрымъ товарищамъ:—Братцы, вола вы не могли застрѣлить, вы же будете сражаться съ турками?—Въ отвѣтъ послышалось такое: „Помощникъ и покровитель быстъ намъ во спасеніе“. Всѣ

эти затѣи куда какъ не нравились духовнымъ старцамъ, но ихъ не слушали, и въ припадкѣ головокруженія вздумали на парусныхъ судахъ ѣхать сперва къ городу Каваллѣ, а потомъ къ Солуню. Ёдутъ и поютъ, а вѣтерокъ былъ попутный. Приближаются къ Каваллѣ. А турки смотрятъ на нихъ въ подозрѣныя трубки и говорятъ:—Что это за народъ плыветъ, такой черный! у каждаго сабля и тыква (для вина)!—Народъ этотъ сталъ высаживаться, но подошли турки и отрубили головы первымъшедшимъ на берегъ монахамъ, и въ числѣ ихъ русскимъ. Остальные же храбрецы перепугались и воротились домой. Я видѣлъ ихъ. У многихъ изъ нихъ вмѣсто сабель привѣшены были деревянные палки, кривыя, взятые изъ сѣделъ нашихъ муловъ. Не умные! Этими палками и тыквами своими они думали устрашить турокъ издали. Увидятъ-де и убѣгутъ, а мы возьмемъ ихъ городъ. Не умные! Ничего путнаго не сдѣлали, а только накликали бѣду на всѣ монастыри. На Гору пришелъ паша съ четырехтысячнымъ войскомъ и двумя залпами разогналъ монашеское сборище у перекопа. Онъ немедленно объявилъ укрывавшимся на горѣ мирянамъ, чтобы всѣ они возвратились въ свои села. Они воротились, но мусульмане потурчили хорошенькихъ дѣвицъ и преимущественно мальчиковъ... Между тѣмъ монахи изъ всѣхъ монастырей взяли всѣ драгоцѣнности и документы и на судахъ своихъ поѣхали кто въ Грецію, кто на острова. Въ первый день противный вѣтеръ отбросилъ 18 лодокъ съ монахами къ о. Оасу. Тамошніе жители, всѣ христіане, удивлялись ихъ бѣгству, упрекали ихъ въ малодушной боязни мукъ, въ томъ, что, вопреки заповѣди Господней, не подставили лѣвую щеку, когда ударили ихъ въ правую, не хотѣли и пустить къ себѣ; но сжалились и укрыли на время. Тогда же и есфигменцы, и я грѣшный съ ними, мы отправились на двухъ судахъ въ Морею съ монастырскими вещами. Въ первый день мы доплыли только до Пандократора (на Аѳонѣ), а во второй случилась буря. Когда она бушевала, мы вдали увидѣли судно, идущее къ намъ, перепугались, полагая, что оно турецкое, и вооружились, кто саблею, кто косою, кто заржавѣлымъ ружьемъ. Я держалъ косу, потому что нѣкогда хорошо косилъ траву, какъ будто турки—тоже, что трава. Но испугъ нашъ былъ напрасный. Оказалось, что судно было наполнено подобными намъ бѣглецами. Турки десять и съ кучками жили во всѣхъ нашихъ монастыряхъ, въ которыхъ оставались только хромые, слѣпые и недужные монахи“.

Въ крымскую войну монахи оставались нейтральными, — писалъ Благовѣщевскій. Тѣмъ не менѣе, силою обстоятельствъ, они съ

лись пассивными ея участниками. Произошло возстаніе македонскихъ грековъ, поддерживаемое негласно эллинскимъ королевствомъ. Войско эллиновъ появилось на Аеонѣ, предполагая тамъ встрѣтить содѣйствіе греческихъ монаховъ. Въ великую субботу 1854 г. былъ водруженъ на Аеонѣ эллинскій флагъ, а во время Пасхи тамъ собралось до 700 человекъ еле вооруженныхъ и неорганизованныхъ повстанцевъ. Въ монастыряхъ они собирали свинецъ и олово и лили пули. вмѣстѣ съ ними явились и другіе искавшіе убѣжища мірскіе жители съ женами и дѣтьми, жившіе въ лавинахъ ручьевъ и тущобахъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Послѣ Пасхи были назначены недѣльный постъ и молебствіе объ избавленіи отъ бѣдствій войны. Впрочемъ, появленіе вооруженныхъ грековъ на Аеонѣ привлекло сюда, въ іюль, турецкій пароходъ съ четырьмя тысячами войска. Залпъ по шлюпѣ съ турецкими офицерами, пущенный изъ греческаго монастыря Ксиропотама, заставилъ турокъ потребовать къ себѣ двухъ депутатовъ отъ протата, для объясненій по этому поводу. Серьезной схватки на Аеонѣ турокъ съ греками не допустили пріѣхавшіе специально съ этою цѣлью французы и англичане.—Всѣ эти свѣденія почерпнуты изъ воспоминаній арх. Макарія, записанныхъ И. О. Красковскимъ подробно.

Во время минувшей восточной войны турки явились на Аеонѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ—такъ думали монахи—разрушить гнѣздо „москотовъ“; но они ограничились тщательнымъ осмотромъ и обыскомъ, прожили въ монастырѣ продолжительное время и, уѣзжая, „записали свои фамиліи въ памятную монастырскую книгу съ заявленіемъ своего глубокаго уваженія какъ игумену, такъ и всей братіи“ ¹⁾.

А. Брандтъ.

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

XXI *).

Ни одной минуты не смущала Теркина боязнь — какъ бы Серафима „не наложила на себя рукъ“. Онъ спалъ крѣпко, проснулся въ седьмомъ часу — и когда спросилъ себя: „какъ же съ ней теперь быть?“ — на сердцѣ у него не дрогнуло жалости. Прощать ей онъ не хотѣлъ, именно не хотѣлъ, а не то, что не могъ... И жить съ ней онъ не будетъ, пускай себѣ ѣдетъ — на всѣ четыре стороны.

Первая его забота была — о Калеріи. Навѣрно, ее лихорадитъ. Испугъ, потрясеніе, да и рава все-таки есть, хотя и не опасная.

Тико и поспѣшно онъ одѣлся, приказалъ заложить лошадь, и не спросивъ Степаниду, попавшуюся ему на заднемъ крыльцѣ — какъ почивала „барыня“, сейчасъ же послалъ ее узнать, встала ли Калерія Порфирьевна, не угодно ли ей чего-нибудь и можетъ ли она принять его.

Серафима еще спала и проснулась не раньше восьми.

Въ комнату Калеріи — гдѣ шторы были уже подняты — онъ вошелъ на цыпочкахъ, затаивъ дыханіе. Сердце билось замѣтно для него самого.

— Какъ вы себя чувствуете?

Онъ остановился у двери. Калерія уже сидѣла около туалетнаго столика, одѣтая, немного блѣдная, но бодрая.

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

— Пустяки сущіе, Василій Иванычъ... А Сима почиваетъ?—спросила она шопотомъ.

— Кажется... Все-таки,—перебилъ онъ себя другимъ тономъ:—нельзя же безъ доктора.

— Для кого? для нея?

— Для васъ, родная!

— Пожалуйста... Мнѣ можете вѣрить... Я не мало, чай, ранъ перевязывала! Это — просто царапина. Еще бы немножко йодоформу, если найдется.

Она встала, подошла къ нему и правой рукой—лѣвая была на перевязи—взяла его за руку.

— Въ Мироновку-то, голубчикъ, привести кого... Ужъ я не знаю—не поѣхать ли мнѣ сначала въ посадъ?

— Съ какой стати? Чтѣ вы!—чуть не кривнулъ Теркинъ.—Я поѣду... сейчасъ же... Только въ ножки вамъ поклонюсь, голу-бушка,—онъ впервые такъ ее назвалъ: — не ѣздите вы сегодня въ Мироновку!

— Я пѣшкомъ пойду!

— Не позволю я вамъ этого!

— Да полноте, Василій Иванычъ,—выговорила она строже.—Я—здорова! А тамъ—мрутъ ребятишки. Право, пустите меня въ посадъ. Я бы туда слетала и въ Мироновку поспѣла...—Она понизила опять звукъ голоса.—Останьтесь при Симѣ. Какъ она еще будетъ себя чувствовать?

— Какъ знаетъ!

— Василій Иванычъ! Грѣхъ! Большой грѣхъ! Вѣдь она не вамъ хотѣла зло сдѣлать, а мнѣ.

— Вы — святая!

— Съ плочки святая!..

Она тихонько усмѣхнулась.

— Я не могу за ней ухаживать — не могу! Это лицемѣріе будетъ, — съ усиліемъ выговорилъ Теркинъ и опустилъ голову.

— Знаете чтѣ... Прикажите меня довести до Мироновки, а сами побудьте здѣсь. Только, пожалуй, лошадь-то устанетъ... потомъ въ посадъ...

— Ничего не значить! Туда и назадъ—десяти верстъ нѣтъ. У васъ вѣдь двѣ лошади!

— Я духомъ... Чаю мнѣ не хочется... Я только молока съ канъ выпью.

Ему вдругъ стало по-дѣтски весело. Онъ точно совсѣмъ забылъ, чтѣ случилось ночью, и кто лежитъ тамъ—черезъ корридоръ.

— Въ посадѣ я мигомъ всѣхъ объѣзжу... Запишите мнѣ на бумажкѣ—что купить въ аптекѣ и для себя, и для больныхъ.

И тутъ опять страхъ за нее кольнулъ его.

— Калерія Порфирьевна,—онъ взялъ ее за здоровую руку,— не засиживайтесь вы тамъ... въ избахъ... Вѣдь это заразная болѣзнь.

— Дѣтская!

— Подумайте... сколько у васъ впереди добра... къ чему же такъ рисковать?

— Хорошо, хорошо!

— Ну, простите... Вамъ сюда подать молоко?

— Все равно!

И уходить ему не хотѣлось отъ нея.

Когда онъ очутился въ корридорчикѣ и увидалъ Чурилина, тревожно и преданно вскинувшего на него круглые, огромные глаза свои, — мысль о Серафимѣ отдалась въ немъ душевной тошнотой.

— Стаканъ молока и хлѣба подать барышнѣ,—сію минуту!

Онъ приказалъ это строго, и карликъ понялъ, что ему слѣдуетъ „держать языкъ за зубами“—насчетъ вчерашняго.

Но въ домѣ Теркину не сидѣлось. Онъ понукалъ кучера—поскорѣ закладывать, потомъ узнавалъ — подаютъ ли Калерію Порфирьевнѣ молоко; когда къ крыльцу подъѣхало тильбюри, онъ самъ пошелъ доложить ей объ этомъ и еще разъ просилъ съ замѣтнымъ волненіемъ въ лицѣ — „быть осторожнѣе, не засиживаться въ избахъ“.

Калерія уѣхала и, садясь въ экипажъ, шепнула ему:

— Пожалуйте ее, голубчикъ... Совѣтъ да любовь!

Любимая ея поговорка осталась у него въ ушахъ и раздражала его.

„Совѣтъ да любовь!—повторялъ онъ про себя.—Нешто это возможно?..“

Онъ уже не скрывалъ отъ себя правды. Любви въ немъ не было, даже просто жалости—какъ ему еще вчера сказала Серафима, на террасѣ... Не хотѣлъ онъ и жалѣть... Вся его страсть казалась ему чѣмъ-то грубо-плотскимъ.

„Всѣ такія—самки и больше ничего“...

И чего онъ ждалъ? Почему не уѣхалъ съ Калеріей? Зачѣмъ поддался ея просьбамъ? Вѣдь онъ могъ бы домчать ее до деревни и сейчасъ же назадъ, и отправиться въ посадъ, на той же лошади... Сегодня сильной жары не будетъ. Только бы и не видѣться до вечера съ Серафимой.

Не хотѣлъ онъ этого не потому, что трусилъ ея. Чего ему ея трусить? Но онъ такъ сталъ далекъ отъ нея, что не найдетъ въ себѣ ни одного добраго слова, о какомъ просила его Калерія. Притворяться, великодушничать онъ не будетъ. Еслибъ она и разливалась—ревѣла, клала себя и просила пощады—и тогда бы сердце его не раскрылось... Это онъ предчувствовалъ.

Степанида показалась передъ нимъ, когда онъ хотѣлъ подняться наверхъ.

— Барыня васъ просить,—проговорила она шопотомъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ и тотчасъ не повернулъ назадъ, а взбѣжалъ къ себѣ, подошелъ къ зеркалу и поправилъ щеткой волосы. Ему хотѣлось поглядѣть себѣ въ лицо—нѣтъ ли въ немъ явнаго разстройства. Онъ желалъ войти къ ней вполне овладѣвъ собою.

Но лицо было серьезное, немного жесткое, безъ особенной блѣдности или румянца. Онъ остался имъ доволенъ и медленно спустился по ступенькамъ лѣсенки.

Серафима ходила по спальнѣ въ своемъ батистовомъ пеньюарѣ и съ фуляромъ на головѣ. Въ комнатѣ стоялъ дорожный сундукъ съ отомкнутой крышкой.

— Василій Ивановичъ,—встрѣтила она его окликомъ, гдѣ онъ слышалъ совсѣмъ ему незнакомые звуки:—вы меня вчера запереть хотѣли... какъ чумную собачонку... Что-жъ! вы можете и теперь это сдѣлать. Я—въ вашихъ рукахъ. Извольте, коли угодно, посылать за урядникомъ, а то такъ ѣхать съ доносомъ къ судебному слѣдователю... Чего же со мной деликатничать? Произвела покушеніе на жизнь такого драгоценнаго существа, какъ предметъ вашего преклоненія...

Лицо ея за ночь пожелтѣло, глаза впали и медленно двигались въ орбитахъ. Но она дышала ровно.

— Серафима Ефимовна,—отвѣтилъ онъ ей въ тонъ — и остался за кроватью, ближе къ двери:—все это лишнее, чтѣ вы сейчасъ сказали... Ваше безумное дѣло—при васъ останется. Когда нѣтъ въ душѣ никакой задержки...

Однимъ скачкомъ она очутилась около него, и опять порывистое дыханіе—предвѣстникъ новой бури—пахнуло ему въ лицо.

— Безъ нравоченій!.. Я за тобой послала вотъ за чѣмъ: не хочу я дня оставаться здѣсь. Доноси на меня, вяжи, коли хочешь, но наши съ тобой счеты кончены...

И такъ же порывисто она подбѣжала къ столу, вынула изъ ящика пакетъ и бросила на столъ, гдѣ лежали разныя дамскія вещи.

— Вотъ Калеркины деньги—не надо мнѣ... Сколько истрачено изъ нихъ—мы вмѣстѣ съ тобой тратили... И вексель твой тутъ же. Теперь тебѣ нечего выдавать документъ, можешь безпрепятственно пользоваться. Небось! Она съ тебя взыскивать не будетъ! Дѣло извѣстное—кто въ Альфонсы поступаетъ...

Онъ не далъ ей договорить, схватилъ за руку и, задышавъ отъ внезапнаго наплыва гнѣва, отшвырнулъ отъ стола.

Еще одинъ мигъ—и онъ не совладалъ бы съ собою и сталъ бы душить ее: до такой степени охватила его ярость.

— Подлая, подлая женщина!—съ трудомъ раздвѣвая ротъ, говорилъ онъ и весь трясся.—Ты посмѣла?

— Чтѣ посмѣла? Альфонсомъ тебя назвать?.. А то кто же ты?

— Ты же меня подтолкнула... И ты же!..

Онъ не находилъ словъ. Такая „тварь“ не заслуживала ничего, кромѣ самыхъ мужицкихъ побоевъ. И чего онъ деликатничалъ? Самъ не хотѣлъ рукъ марать? И этого она не опрѣнить.

— Ежели ты сейчасъ не замолчишь, — крикнулъ онъ, — я тебя заставлю!

Въ одно мгновеніе Серафима подставила свое лицо съ трепетными ноздрями прямо къ его лицу.

— Бей!.. Бей!.. Чего же ждать отъ тебя, мужицкаго подкидыша...

Она могла обозвать его однимъ изъ тѣхъ прозвищъ, чтѣ бросали ему въ дѣтствѣ! Въ глазахъ у него помутилось... Но рука не поднялась. Ударить онъ не могъ. Эта женщина упала—въ его глазахъ—такъ низко, что чувство отвращенія покрыло все остальное.

— Рукъ о тебя марать... не стоитъ,—выговорилъ онъ то, чтѣ ему подумалось двѣ минуты передъ тѣмъ.—Не ты уходишь отъ меня, а я тебя гоню—слышишь—гоню, и счастливъ твой Богъ, что я тебя дѣйствительно не передалъ въ руки прокурорской власти! Такихъ надо запираить, какъ бѣсноватыхъ!.. Чтѣбъ сегодня же духу твоего не было адѣсь!

Все это вылетѣло у него стремительно, и пять минутъ спустя, онъ уже не помнилъ того, чтѣ сказалъ. Одно его смутно пугало: какъ бы не дойти опять до высшаго припадка гнѣва и такой же злобы, какая у нея была къ Калеріи, и не задушить ее руками—тутъ же, среди бѣла дня.

Онъ вышелъ, шатаясь. Голова кружилась, въ груди (да острая, колющая боль. И на воздухъ—онъ попалъ на крыльцо—онъ долго не могъ отдышаться и придти въ себя.

XXII.

Въ господскихъ комнатахъ дачи все было безмолвно. Пятый день пошелъ, какъ Серафима уѣхала и взяла съ собою Степаниду. Ея вещи отвезли на подводѣ.

Со вчерашняго дня карликъ Чурилинъ поджидаетъ возвращенія „барина“. Теркинъ заночевалъ въ посадѣ и долженъ вернуться послѣ обѣда. „Барышня“ — въ Мироновкѣ. Она тоже раньше вечера не угодитъ домой.

Чурилинъ теперь одинъ завѣдуетъ всѣмъ. Кухарка у себя на кухнѣ, въ особомъ флигелькѣ. Онъ даже и постель стелетъ Калеріи Порфирьевнѣ. Сегодня онъ стола не накрывалъ къ обѣду; но къ шести часамъ онъ началъ все готовить къ чаю — съ холодной закуской, на террасѣ, безпрестанно переходя туда изъ буфета и обратно. Ему привольно. Нѣтъ надъ нимъ недружелюбнаго глаза Серафимы Ефимовны. Дождалась она того, что ее „спустили“. Онъ про себя перебираетъ все, что случилось на дачѣ, но не болтаетъ ни съ кѣмъ. Кухарка — должно быть — провѣдала что-нибудь отъ Степаниды и начала его разспрашивать. Онъ на нее зарычалъ:

— Бабы пересуды! Ничего я не знаю!.. И ты не судачь!

Кухарка — женщина простая и боязливая — стала его бояться. Онъ теперь первое лицо въ домѣ и баринъ его любитъ.

Чурилинъ въ радостномъ возбужденіи такъ и катается по комнатамъ; потный лобъ у него блеститъ и пылающія пухлыя щеки вздрагиваютъ.

Отъ душевнаго возбужденія онъ не устоялъ — выпилъ тайкомъ рюмку водки изъ барскаго буфета. Онъ это и прежде дѣлалъ, но въ самой глубокой тайнѣ... Своей „головы“ онъ самъ боялся. За нимъ водилось, когда онъ жилъ въ цирюльнѣ, „рѣдко, но мѣтко“ заложить за галстухъ — и тогда нѣтъ его буйнѣ, на всѣхъ лѣзетъ, въ глазахъ у него все красное... На ножъ полѣзетъ, какъ ни что! И связать его не сразу удастся.

Онъ поставилъ на столъ бутылку съ хересомъ и графинчикъ водки, отошелъ отъ стола шага на два, полюбовался, какъ у него все хорошо стоитъ, и его потянуло выпить рюмку... Не поддался онъ искушенію... Нѣсколько разъ возвращался на террасу съ чѣмъ-нибудь... Но все уже приготовлено... Самоваръ поставленъ на крыльцѣ кухни.

— Подлость! — вслухъ выговорилъ Чурилинъ, зажмурилъ глаза и укатилъ съ балкона.

Василій Ивановичъ его такъ „уважаетъ“ и полное ему доброе оказываетъ—а онъ будетъ водку воровски пить, да еще „нарѣжется“, когда теперь-то и слѣдуетъ ему „оправдать“ себя въ глазахъ такого чудеснаго барина.

Онъ привязался къ Теркину, какъ собака. Прогони его сейчасъ—онъ не выдержитъ—запѣетъ, можетъ, и руки на себя наложить. Всею душой стоялъ онъ за барина въ исторіи съ Серафимой Ефимовной. Кругомъ она виновата, и будь онъ самъ на мѣстѣ Василя Ивановича—онъ связалъ бы ее и выдалъ начальству... „Развѣ можно спущать такое дѣло бабѣ?“—спрашиваетъ онъ себя уже который разъ съ той ночи—и отвѣчаетъ неизменно: „спущать не слѣдуетъ“.

Вмѣсто того, чтобы повиниться и вымолить себѣ прощенье, она—на-ко поди!—начала какія „колѣна выкидывать!“ И уѣхала-то „съ форсомъ“, къ Калеріи Порфирьевнѣ не пошла, не просила у ней прощенья, а та разливалась-плакала—онъ видѣлъ, въ дверь, какъ та за нее же убивалась.

Онъ припряталъ кинжалъ, который баринъ вырвалъ, въ ту минуту, изъ рукъ Серафимы Ефимовны, и у него было такое чувство, точно онъ, именно онъ—Чурилинъ—имѣетъ противъ нея самую главную улику и можетъ всегда уличить ее. Баринъ про кинжалъ такъ и не спросилъ, а на лезвѣй—кровь запеклась, кровь барышни.

„Барышня“ наполняла его маленькое существо умиленіемъ. Онъ ее считалъ „угодницей“. Съ дѣтства онъ былъ очень богомоленъ и даже склоненъ къ старой вѣрѣ. Она для него была святѣ всякой „монашки“ или простой „чернички“.

Ему хотѣлось проникнуть въ то, чтѣ теперь происходитъ или можетъ произойти „промежъ“ Василя Ивановича и Калеріи Порфирьевны. За барина онъ ручался: къ своей недавней „сударѣй“ онъ больше не вернется... Шалишь! Положимъ, она собою „кரா“, да онъ къ ней охладѣлъ. Еще бы—послѣ такого съ ея стороны „невѣжества“. Этакая шалаба баба и его какъ-разъ зарѣжетъ. Удивительно, какъ еще она и на него самого не покусилась.

Чего бы лучше вотъ такую дѣвушку, какъ Калерія Порфирьевна—взять въ „супруги“?

Карликъ замѣчалъ, что у барина къ ней большое влеченіе. Отъ его дѣтскихъ круглыхъ глазъ не укрылось ни одно движеніе лица Теркина, когда онъ говорилъ съ Калеріей, бралъ въ руку, встрѣчалъ и провожалъ ее... Только онъ не могъ отъ

титъ за барина—какое влеченіе имѣетъ онъ къ ней: „по плоти“ или „по духу“.

Она сама Христовой невѣстой смотритъ и не къ замужству ее тянетъ. Однако—почему бы ей и не стоять предъ налосомъ съ такимъ молодцомъ и душевнымъ человѣкомъ, какъ Василій Ивановичъ? Еслибъ онъ—Чурилинъ—могъ этому способствовать, сейчасъ бы онъ ихъ окрутилъ, да не вокругъ „ракитова куста“, какъ было дѣло у барина съ Серафимой Ефимовной, а какъ слѣдуетъ, въ законъ вступить.

Волновался онъ и насчетъ того, какъ барышня сама себя чувствуетъ и понимаетъ, здѣсь, на дачѣ... Ей, должно быть, жутко. Она вѣдь барину совсѣмъ чужая. Изъ-за нея случилось такое дѣло. И выходитъ—на посторонній взглядъ—точно она сама этого только дожидалась и желаетъ его довести до точки—влюбить въ себя и госпожей Теркиной очутиться.

„Не таковская!“ задорно повторялъ про себя Чурилинъ, и еслибъ кто изъ прислуги—кухарка или вучеръ—сказали при немъ что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ драться полѣзетъ.

„Нѣтъ, не таковская!“ И ему пріятно было ручаться за нее, вѣрить, что Калерія Порфирьевна—не чета той, „бѣсноватой“.

Но коли она не имѣетъ никакихъ видовъ на барина—здѣсь ей изъ-за чего же заживаться? Выходитъ—не совсѣмъ какъ бы ладно. Она—дѣвушка посторонняя, а баринъ—молодой, да еще красивый мужчина. Ежели ее что удерживаетъ—такъ мионовскіе больные ребятишки и жалость къ Василю Ивановичу. Не желаетъ она его оставить въ большомъ разстройствѣ. Въ Мионовкѣ двое никакъ умерло изъ ребятишекъ; поди, затянется... А она не таковская, чтобы бросить или испугаться. И все одна. Изъ посада докторъ пріѣзжалъ; однако, не остался тамъ ночевать, прислалъ фельдшера, да и тотъ—Чурилинъ это слышалъ, какъ Калерія Порфирьевна сокрушалась—норовитъ, какъ бы ему „стречка задать“.

За нее Чурилинъ почему-то не боялся—что она можетъ опасно заболѣть. Неужли Богъ допустить, чтобъ такая душа вдругъ „преставилась“—въ награду за ея христіанское поведение?..

Уѣдетъ Калерія Порфирьевна—и баринъ здѣсь дня не выживетъ, дачу сдать, все перевезетъ въ посады и пойдетъ кататься по Волгѣ; можетъ, и совсѣмъ переберется изъ этихъ краевъ...

Будетъ ли его брать съ собою, или скажетъ:

— Чурилинъ, ты мнѣ, братъ, не нуженъ. Я теперь самъ баринъ, а не слѣдъ: ищи себѣ другого барина!

Внутри у карлика заходило. Онъ кинется въ ноги Василию Ивановичу—пускай возьметъ, хоть безъ жалованья, только бы не гналъ его.

Незамѣтно для себя, его большая голова дошла до такого ужаснаго вывода. Неужели Серафимой Ефимовной и держалась вся здѣшняя жизнь и его служба, а барышня—при всей своей святости—принесла разгромъ?

Этотъ вопросъ захватилъ его врасплохъ, и такъ ему стало жутко—впору пробраться на балконъ и отхлебнуть изъ графинчика: авось отойдетъ.

Но онъ воздержался во второй разъ и побѣждалъ въ кухню—узнать, какъ самоваръ, раздула ли кухарка уголья, какъ слѣдуетъ—она рохла, и у нея всегда самоваръ пахнетъ.

Только-что онъ перебѣжалъ къ крыльцу кухни, какъ со стороны параднаго крыльца слышался негромкій шумъ экипажа.

Чурилинъ бросился туда встрѣчать барина. Это онъ особенно любилъ: тянулся къ крылу тильбюри, принималъ покупки, начиналъ громко сопѣть.

И баринъ, и кучеръ были оба въ пыли. Теркинъ прикрывался холщевой крылаткой. Лицо у него показалось Чурилину строже обыкновеннаго; но онъ спросилъ его довольно мягко:

— Барышня еще не воротилась?

Особенно звонко выпалилъ Чурилинъ:—Никакъ нѣтъ, Василій Ивановичъ.

Пакетовъ и коробовъ никакихъ не было.

Теркинъ спустился съ подножки и сказалъ кучеру:

— Хорошенько проводи!

О лошадяхъ онъ всегда заботился, и за эту черту Чурилинъ „уважалъ“ его—говаривалъ: „скоты милуетъ“, помня слова священнаго писанія.

— Умыться прикажете?—спросилъ онъ.

— Еще бы!

Онъ силился стянуть съ барина полотняный плащъ—и побѣждалъ впередъ, съ балкона. Ему хотѣлось сегодня усердствовать... Будь онъ посмѣлѣе—онъ вступилъ бы съ баринкомъ въ разговоръ и постарался бы вывѣдать: почему у него видъ „смутный“.

Должно быть, та „бѣсноватая“ что-нибудь натворила; позлуй, скандалъ произвела?

Умывался Василій Ивановичъ одинъ, но на этотъ разъ съ допустилъ его до рукомойника—и Чурилину было такъ отрадно, стоя вровень со столикомъ, поливать ему голову.

— Такъ и къ обѣду не бывала Калерія Порфирьевна?— спросилъ Теркинъ, когда карликъ подавалъ ему полотенце.

— И къ обѣду не бывали.

— А какъ слышно — все забираетъ тамъ?

— Доподлинно не слыхалъ, Василій Ивановичъ.

Онъ зналъ, что вчера еще умерла дѣвочка, но не хотѣлъ смущать барина.

— Ты не врешь?

— Ей-ей!

„Ложь во спасеніе!“ подумалъ Чурилинъ и доложилъ, что самоваръ готовъ.

XXIII.

Въ лицѣ Калеріи проступала сильная усталость. Теркинъ взглядывалъ на нее тревожно и боялся спросить, какъ „забираетъ“ въ Мироновѣхъ.

Калерія выпила чашку, оставила и лѣниво выговорила:

— Совсѣмъ не хочется пить.

Голосъ у нея звучалъ гораздо ниже обыкновеннаго и съ легкой хрипотой.

— Ухдите вы себя, голубушка!—порывисто выговорилъ онъ и еще тревожнѣе оглядѣлъ ее.

— Нѣтъ, сегодня у меня не особенно много было дѣла... Теперь лучше идетъ.

— Однако, сколько снесли на погостъ?

— Всего трое умерло... Вчера одна дѣвочка... Такъ жалко!

Она сдержала слезы и отвернулась.

— Обо мнѣ чтѣ...—начала она, мѣняя тонъ:—здѣсь у меня другое на душѣ.

— Объ насъ сокрушаетесь, небось? Такъ это напрасно! Чего разбирать, Калерія Порфирьевна? Никто ни въ чемъ не виновать! Каждый въ себѣ носитъ свою кару и свое оправданіе.

Съ отъѣзда Серафимы они еще ни разу не говорили объ „исторіи“. Теркинъ избѣгалъ такого объясненія, не хотѣлъ волновать ее, боялся и еще чего-то. Онъ долженъ былъ бы повиниться ей во всемъ, сказать, что съ пріѣзда ея охладѣлъ къ Серафимѣ. А если доведетъ себя еще до одного признанія? Какъ о? Онъ не могъ отвѣтить прямо. Съ каждымъ часомъ она ему дороже—онъ это чувствовалъ... И говорить съ ней о Серафимѣ дѣлалось все противнѣе.

Серафима чуть не выгнала Калерію, когда та пришла къ ней, вся въ слезахъ, съ словами любви и прощенія... И его она въ первый день принималась нѣсколько разъ упрашивать за свою „злѣдѣйку“.

— Неужли такъ все у васъ и порвано?—спросила Калерія и поникла головой.

Ей замѣтно нездоровилось.

— Я готовъ исполнить чтѣ нужно... позаботиться о судьбѣ ея.

— Эхъ, голубчикъ! Это на васъ не похоже. Вѣдь она не за деньги сошлась съ вами.

— Я этого не говорю!

— Бросите вы ее... она погибнетъ. Помяните мое слово.

— Что жъ мнѣ дѣлать?—почти крикнулъ онъ и всталъ со стула.—Я не могу напускать на себя того, чего нѣтъ во мнѣ. Ну, любилъ и привязался бы, быть можетъ, на всю жизнь... На женитьбу пошелъ бы раньше. Но одной красоты—мало, Калерія Порфирьевна. Вы говорите: она безъ меня погибнетъ!—А я бы съ ней погибъ... Во мнѣ двѣ силы борются—одна хищная, другая душевная! Вамъ я какъ на духу покаюсь.

Онъ круто повернулъ и опять подсѣлъ къ ней. Ему вдругъ стало легко и почти радостно отъ этихъ словъ. Потребность новой исповѣди передъ ней—назрѣла. Ничего уже онъ не боялся, никакой обмолвки...

— Погибъ бы я съ ней! У Серафимы въ душѣ—Бога нѣтъ!.. Я и самъ въ праведники не гожусь... Жилъ я вдалекѣ отъ помысловъ о божескомъ законѣ... На такихъ какъ вы—мнѣ стыдно смотрѣть... Но во мнѣ, благодаря Создателю, нѣтъ закоренѣлости. И я почувалъ, что сожителство съ Серафимой окончательно превратило бы меня въ звѣря.

— Какъ вы жестоки къ ней!—тихо вырвалось у Калеріи.

— Нѣтъ, ей-ей, не жестокъ!.. И вѣрите мнѣ, родная, я не хочу прикрывать такимъ приговоромъ собственную дрянность. Она кричала здѣсь: „всѣ мужчины—предатели!“ Въ томъ числѣ и я—первый... Что-жъ... Ко мнѣ она прилѣпилась... Плотно или сердцемъ—это ея дѣло... Я не стану разбирать... Я ей былъ дороже, чѣмъ она мнѣ—каюсь. И сталъ я распознавать это еще до пріѣзда вашего. На ярмаркѣ, въ Нижнемъ, встрѣтился я съ одной актрисой... когда-то ухаживалъ, былъ даже влюбленъ. Теперь она совсѣмъ свихнулась, и вдобавокъ пьянчужка, по собственному сознанию, а съ ней у меня чуть не дошло...

Онъ остановился и покраснѣлъ. Это признаніе вылетѣло у

него легко, но тотчасъ же испугало... Ему совѣстно было под-
нять глаза на Калерію.

— Вотъ видите, Василій Ивановичъ... Вы повинились ли ей?

— Нѣтъ, скрылъ — и это скверно, знаю! Но тогда-то я и догадался, что сердцемъ моимъ она уже не владѣетъ, не тро-
гаетъ меня, нѣтъ въ ней чего-то особеннаго — онъ чуть было не
обмолвился — „того, что въ васъ есть“. — Еслибъ не ея ревность
и не нашъ разрывъ, я бы жилъ съ ней, даже и въ законномъ
бракѣ, безъ высшей душевной связи, и всякому моему хищниче-
ству она стала бы полагать. Васъ она всегда ненавидѣла, а
здѣсь впервые почувала, что ей нельзя съ вами тягаться.

— Въ чемъ, голубчикъ?

Щеки его запылали. Онъ смѣшался и могъ только выговорить:

— Ни въ чемъ нельзя... кромѣ чувственной прелести. А
прелесть эта на меня уже не дѣйствовала.

Онъ смолкъ и глубоко перевелъ духъ. Калерія — блѣдная и
съ поблѣвшимъ взглядомъ — вся сгорбилась и приложила ладонь
къ головѣ: ей было не по себѣ — въ головѣ начиналась тяжесть
и въ ребрахъ ныло; но она перемогалась.

— Любовь все можетъ пересоздать, Василій Ивановичъ... Какъ
умѣла, она любила васъ... Пожалейте ее, Христа ради! Вѣдь она
человѣкъ, а не звѣрь...

— Я ей простилъ... Да и какъ не простить, коли вы за
нее такъ сокрушаетесь? Вы! Не меня она собралась со свѣту
убрать, а васъ! Но ее ни прощеніе, ни жалость не передѣлаетъ...
Настоящая-то ея натура дала себя знать. Будь я воспитанъ въ
строгомъ благочестіи, я бы скорѣ схиму на себя надѣлъ, даже
и въ мои годы, но веригъ брачнаго сожителства съ нею не на-
ложилъ бы на себя!

Теркинъ схватилъ ея руку — она уже сняла съ нея перевязку
— и придержалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Калерія Порфирьевна! Нѣшто мнѣ не страшно было —
каяться, вотъ сейчасъ? Вѣдь я себя показалъ вамъ — безъ всякой
прикрытости... Вы можете отшатнуться отъ меня... Но это выше
силъ моихъ: любви нѣтъ, вѣры нѣтъ въ душу той, съ кѣмъ судьба
свела... Какъ же быть?... И меня пожалейте! Родная...

Губы его прильнули къ прозрачной рукѣ Калеріи. Рука была
рячая и нервно вздрагивала.

— Не цѣлуйте!.. Голубчикъ! Василій Ивановичъ... За что? Да
боюсь я...

— Чего?

— Отъ меня еще прикинется къ вамъ болѣзнь... Знаете..

сколько ни умывай руки... а все есть опасность... Особенно тамъ, въ избахъ...

И спохватившись—какъ бы не испугать его—она заговорила быстро. Онъ замѣтилъ, какъ она коротко дышала.

— Скорблю я за васъ, милый вы мой Василій Ивановичъ. Васъ я еще сильнѣе жалю, чѣмъ ее. То, что вы мнѣ сейчасъ сказали—чистѣйшая правда... Я вамъ вѣрю... Господь васъ ведетъ къ другой жизни—это для меня несомнѣнно... Вы меня ни за ханжу, ни за изувѣрку не считаете—я вижу. Но во мнѣ съ дѣтства сидитъ вѣра въ то, что зря ничего не бываетъ! И это безуміе Серафимы можетъ обновить и ея, и вашу жизнь. Извѣстное дѣло... Любви два раза не добудешь... Но какой? Мязежной, чувственной—вы уже послужили... А Серафима еще больше вашего... Я объ одномъ прошу васъ: не чурайтесь ея, какъ зачумленной, когда въ ней все перекипитъ и она сама придетъ къ вамъ—не гоните ее, дайте ей хоть кусочекъ души вашей...

Она хотѣла еще что-то сказать, но отняла руку и опять проплась ею по лбу.

— Нездоровится вамъ?—испуганно спросилъ Теркинъ.

— Устала... Нынче какъ-то особенно...

— Ухдитесь вы себя!—почти со слезами вскричалъ онъ, и когда она поднялась съ соломеннаго кресла, взялъ ее подъ руку и повелъ къ гостиной.

— Василій Ивановичъ!

Они остановились.

— Вы не бойтесь за меня! Нехорошо! Я по глазамъ вашимъ вижу—какъ вы тревожитесь!..

— Воля ваша! Въ Мироновку завтра васъ не пущу!

— Увидимъ, увидимъ!—съ улыбкой вымолвила она, и на порогъ террасы высвободила руку.—Вы думаете—я сейчасъ упаду отъ слабости... Завтра могу и отдохнуть... Тамъ, право, это... новѣтріе... слабѣть... Еще нѣсколько деньковъ—и пора мнѣ ѣхать.

— Ёхать?—повторилъ Теркинъ.

— Какъ-же иначе-то?.. Вѣдь нельзя же такъ оставить все. Серафима теперь у тетеньки... Какъ бы она меня тамъ ни встрѣтила, я туда поѣду... Зачѣмъ же я ее буду вводить въ новые грѣхи? Вы войдите ей въ душу. Въ ней страсть-то клокочетъ, быть можетъ, еще сильнѣе. Что она, первымъ дѣломъ скажетъ матери своей: Калерія довела меня до преступленія теперь живетъ себѣ поживаетъ на дачѣ—добилась своего, выжила меня. Въ ея глазахъ я—змѣя подколодная.

Она чуть слышно разсмѣялась.

Будь это два года назадъ, Теркинъ—съ тогдашнимъ своимъ взглядомъ на женщинъ — принялъ бы такіа слова за ловкій „подходъ“.

Но въ устахъ Калеріи они звучали для него самой глубокой искренностью.

— Безцѣнная вы моя! — вскричалъ онъ, поддаваясь новому наплыву нѣжности.—Какая намъ нужда?.. У насъ на душѣ какъ у младенцевъ!..

Говоря это, онъ почувствовалъ, какъ умиленное чувство неудержимо влечетъ его къ Калеріи. Руки протягивались къ ней... Какъ бы онъ схватилъ ее за голову и покрылъ поцѣлуями... Еще одно мгновеніе—и онъ прошепталъ бы ей: „Останься здѣсь!.. Ненаглядная моя!.. Тебя Богъ послать—быть мнѣ подругой! Тебя я поведу къ алтарю!“

— Что это такая у меня глупая голова!..—прошептала вдругъ Калерія—и онъ долженъ былъ ее поддержать: она повачнулась и чуть не упала.

„Господи! Заразилась!“ — съ ужасомъ вскричалъ онъ про себя, доведя ее до ея комнаты.

XXIV.

Передъ окномъ вагона сновала публика взадъ и впередъ — мастеровые, купцы, женщины, бѣдненько одѣтыя; старушки съ котомками, въ лаптяхъ, мужики-богомольцы.

Почему-то не давали третьяго звонка. Это былъ ранній утренній поѣздъ къ Троицѣ-Сергію.

Въ углу сидѣлъ Теркинъ и смотрѣлъ въ окно. Но глаза его уходили куда-то, не останавливались на толпѣ. И на остальныхъ пассажировъ тѣсноватаго отдѣленія второго класса—онъ не оглядывался. Всѣ мѣста были заняты. Раздавались жалобы на безпорядокъ, на то, что не хватило вагоновъ и больше десяти минутъ послѣ второго звонка поѣздъ не двигается.

Имъ владѣло чувство полного отрѣшенія отъ того, что дѣлалось вокругъ него. Онъ зналъ, куда ѣдетъ и гдѣ будетъ черезъ два, много два съ половиной часа, зналъ, что можетъ еще застать конецъ поздней обѣдни. Ему хотѣлось думать о своемъ богомольѣ, о мѣстахъ, мимо которыхъ проходитъ дорога—древній путь московскихъ царей, жалѣлъ, что не пошелъ пѣшкомъ по Ярославскому шоссе, съ котомкой и палкой. Можно было бы,

еслибъ выйти чѣмъ свѣтъ—въ двѣ-три упряжки—попасть позднимъ вечеромъ къ угоднику.

Но вотъ пробѣжала молодая дѣвушка—на головѣ платочекъ, высокая, блѣлолицая, съ слабымъ румянцемъ на худощавыхъ щекахъ... И пелеринка ея простенькаго люстриноваго платья колыхалась по воздуху.

Ея ростъ и пелеринка—больше чѣмъ лицо — вытѣснили въ одинъ мигъ все, о чемъ онъ силился думать; въ груди зануло, въ мозгу зародились образы такъ недавно, почти на-дняхъ пережитого.

И опять ушелъ онъ въ эти образы, не силился стряхнуть ихъ. Давно ли, съ недѣлю, не больше, тамъ, на дачѣ, онъ оставивъ чтеніе псалтиря—и глаза его не могли оторваться отъ лица покойницы... Вѣнчикъ покрываетъ ея лобъ... Въ гостиной безмолвно, и только восковыя свѣчи кое-когда потрескиваютъ. Она лежитъ въ гробу съ опущенными рѣсницами, съ печатью удивительной ясности—какъ будто даже улыбается.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ довелъ ее до ея комнаты, послѣ разговора о Серафимѣ—она заболѣла и скоро ея не стало. Дѣлали операцію—прорѣзали горло—все равно задушило. Смерти она не ждала, крѣтко боролась съ нею, успокаивала его, что-то хотѣла сказать—должно быть о томъ, что сдѣлать съ ея капиталомъ... Держала его долго за руку, и въ немъ трепетно отъкались ея судорожныя движенія. И причастить ее не успѣли.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ такъ близко смерть, и до послѣдняго дыханія стоялъ надъ нею... Слезы не шли, въ груди точно застыло и голова оставалась все время деревянно-тупой. Но онъ смогъ всѣмъ распорядиться, похоронилъ ее, далъ знать по начальству, послалъ нѣсколько депешъ, деньги, уцѣлѣвшія отъ Калеріи, представилъ мѣстному мировому судѣ, сейчасъ же уѣхалъ въ Нижній и въ Москву—добыть подъ залогъ „Батрака“ двадцать тысячъ, чтобы потомъ выслать ихъ матери Серафимы, для передачи ей, въ обмѣнъ на вексель, который она ему бросила.

И когда все это было продѣлано — онъ точно вышелъ изъ гипноза, гдѣ говорилъ, писалъ, ѣздилъ, распоряжался... Смерть Калеріи тутъ только проникла въ него и до самаго дна души все перерыла. Смерть эта предстала передъ нимъ, какъ та истинная кара. Онъ клеймилъ Серафиму за то, что у нея „Бѣлыя нѣтъ“. А самъ онъ какого Бога носилъ въ сердцѣ своемъ? И потянуло его къ простой, мужицкой вѣрѣ.. Его дѣла, важныя дѣлечество, даже властные планы и мечты будущаго радѣте о

нуждахъ родины—стояли передъ нимъ во всемъ ихъ убожествѣ, лжи, лицемеріи и гордынѣ... Хотѣлъ онъ сейчасъ же уѣхать въ село Кладенецъ и по дорогѣ—поклониться праху названнаго отца своего, Ивана Прокофьева. Но ему стало стыдно... Надо было очиститься сначала духомъ, познать свое ничтожество, просто, по-мужицки замолить всѣ вольные и невольные грѣхи.

Вѣдь и на Калерію онъ посягалъ. И къ ней его чувство разгоралось въ плотское влеченіе, какъ онъ ни умилялся передъ ней, передъ ея святостью. Она промелькнула въ его жизни видѣніемъ. И смерть ея возвѣстила ему: „Ты бы загрязнилъ ее; потому душу ея и взяли у тебя“.

Поѣздъ, наконецъ, тронулся. Теркинъ прислонилъ голову къ спинкѣ дивана и прикрылъ глаза рукой... Онъ опять силился уйти отъ смерти Калеріи къ тому, зачѣмъ онъ ѣхалъ къ Троицѣ. Ему хотѣлось чувствовать себя такимъ же богомольцемъ, какъ весь ѣхавшій съ нимъ простой народъ. Неужели онъ не наживетъ его вѣры, самой дѣтской, съ суевѣріемъ, коли нужно—съ изувѣрствомъ?

Народу есть о чемъ молить угодника и всѣхъ небесныхъ заступниковъ. А ему — развѣ не о чемъ? Онъ — круглый сирота; любить некого или нечѣмъ, впереди—служеніе „внязю тьмы“. Въ душѣ—неутолимая тоска. Нѣтъ даже непоколебимой вѣры въ то, что душа его гдѣ-нибудь и когда-нибудь сольется съ душой дѣвушки, явившейся ему ангеломъ-хранителемъ наканунѣ своей смерти.

Онъ почему-то вспомнилъ вдругъ, какое было число: двадцать-девятое августа. А давно ли онъ вернулся съ ярмарки и обнималъ на террасѣ Серафиму... Три недѣли!

Никогда еще не наполняло его такое острое чувство ничтожества и тлѣна всего земного... Онъ смѣлъ кичиться своей силой, строить себялюбивые планы, дерзко идти въ гору, возноситься дѣлческой гордыней, точно ему удалось заговорить смерть!.. И почему остался живъ онъ, а она—изъ-за чумазныхъ деревенскихъ ребятишекъ—погибла, безстрашно вызывая опасность заразы?

Не долженъ ли и онъ стремиться къ такой же доблестной смерти? Но куда ему!

Вагонъ грузно грохоталъ. Поѣздъ останавливался на каждой стціи, свистѣлъ, дымилъ, выпускалъ и принималъ пассажировъ — Теркинъ сидѣлъ въ своемъ углу и ничто не развлекало его. Внимъ, въ отдѣленіе, влѣзла полная, съ усиками, барыня, нарядная, шумная, начала пространно жаловаться на начальника

станціи, всѣмъ показывала свой билетъ перваго класса, съ бото-рымъ насилу добилась мѣста во второмъ.

Ея скрипучій голосъ звучалъ для Теркина точно гдѣ-то вдали; онъ даже не понималъ, о чемъ она кипятится, и ему стало дѣлаться отраднѣе такое отрѣшеніе отъ всего, что входило въ ухо и металось въ глаза.

Привезутъ—четвертью часа раньше или позднѣе—все равно онъ попадетъ, куда ѣхалъ.

Онъ ждалъ тамъ, въ знаменитой русской обители — гдѣ ни разу въ жизни не бывалъ—облегченія своей замутившейся душѣ. Желаніе отправиться именно къ Троицѣ пришло ему вчера, ночью, въ номерѣ гостиницы. Страстно захотѣлось помолиться за упокой души той, кто уже не встанетъ изъ могилы. Онъ вспомнилъ, какъ послѣ смерти названнаго отца своего, Ивана Прокофьева, служилъ панихиду, заказалъ ее такъ, чтобы только почтить память его, безъ особой вѣры,—и зарыдалъ при первомъ минорномъ возгласѣ дьякона: „Господу помолимся“. Тогда ему стало легче сразу. Но онъ вернулся къ прежнему равнодушію по части всего божественнаго. Чему онъ вѣрить, что отрицаетъ—некогда ему было разбирать это. Жизнь втягивала и не давала уходить въ себя, подвести итоги тому, за что держаться, за какое разумѣніе судьбы человѣка. Съ дѣтства не любилъ онъ „долгополой породы“ и всего, что зовется ханжествомъ. Иванъ Прокофьевичъ укрѣпилъ въ немъ эту нелюбовь; но самъ если не часто говорилъ о Богѣ, то жилъ и дѣйствовалъ по правдѣ, храмъ Божій почиталъ и умеръ, причастившись святыхъ тайнъ.

Но и сидя въ вагонѣ, Теркинъ не зналъ—будетъ ли онъ дѣлать вкладъ на поминаніе „рабы божіей Калеріи“, или отслужить одну панихиду, или молебенъ Преподобному—въ обновленіе своего мечущагося и многогрѣшнаго духа.

Неужели свѣше суждено было, чтобы достояніе Калеріи попало опять въ руки Серафимы? Онъ смирялся передъ этимъ. Самъ-то онъ развѣ не можетъ—во имя покойницы—продолжать ея дѣло?.. Она мечтала имѣть его своимъ пособникомъ. Не лучше ли двадцать-то тысячъ, пока онъ еще не отосланъ къ матери Серафимы—употребить на святое дѣло, завѣщанное ему Калеріей? Богу будетъ это угодно. Но такъ онъ не могъ поступить, хотя долговой документъ и у него въ рукахъ... Пускай эти дѣла пойдутъ прахомъ. Онъ отъ себя возмѣститъ ихъ на дѣло покойницы.

На полъ-пути Теркинъ вспомнилъ, что на вокзалѣ купилъ путеводителя. Онъ взялъ брошюрку, старался уйти въ это чтеніе,

почувствовать въ себѣ русскаго человѣка, переносящагося душой въ старинѣ, когда въ вагонахъ не ѣзжали, и не то, что „смерды“ —цари шли пѣшкомъ или ѣзжали, торжественно и чинно, на поклоненіе мощамъ преподобнаго избавителя Москвы въ години народныхъ бѣдствій. Еще разъ попенялъ онъ себѣ, что не отъправился пѣшкомъ...

„Сдѣлаю это на обратномъ пути“ —рѣшилъ онъ про себя и положилъ осмотрѣть всѣ тѣ урочища и церкви, про которыя читалъ въ путеводителѣ. Все это—стародавняя Русь. Къ ней надо обратиться съ простодушіемъ и любовью. Каждое мѣсто повито памятью о предкахъ, ихъ мощной, простой жизни, ихъ благочестіи. Вотъ село Алексѣевское—любимая вотчина царя Алексѣя Михайловича; Ростокино, гдѣ народъ восторженно встрѣчалъ царя Ивана, послѣ взятія Казани; Леоново, Медвѣдково—бывшая вотчина князя Пожарскаго, потомъ князя Василя Голицына; Тайнинское—обычный привалъ царей, убѣжище Грознаго, мѣсто свиданія Лжедмитрія съ матерью; Большія Мытищи съ „громовымъ“ колодцемъ; Пушкино—съ царскимъ дворцомъ, Радонежъ—гдѣ протекла юность Сергія...

Описаніе пышнаго житія царей захватило Теркина. Онъ остановился надъ строками: „въ зимнее время, у саней царскихъ, по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, помѣщались, стоя, двое изъ знатнѣйшихъ бояръ: одинъ справа, другой слѣва“.

Родись онъ въ тѣ времена—ему жилось бы по другому: добылъ бы онъ себѣ больше приволья, простору, или погибъ бы, нища вольной волюшки, на низовьяхъ Волги, на быстрыхъ стругахъ Стеньки Разина. И каяться-то, послѣ злодѣйствъ и мучительствъ,—умѣли тогда не по нынѣшнему. Образъ грознаго царя-богомольца представился ему,—въ кельѣ, передъ святымъ подвижникомъ,—поверженнаго въ прахъ и жалобно зывающаго къ Божьему милосердію.

XXV.

— Вотъ и Хотьковъ!—громко сказалъ кто-то изъ пассажировъ. Поездъ стоялъ у длинной, узкой платформы.

„Хотьковъ монастырь!“ повторилъ про себя Теркинъ и выкинулъ изъ окна.

Вправо, на низинѣ, виденъ былъ весь монастырь, съ бѣлой, выскокой оградой и тонкой каланчей надъ главными воротами. У станціи потянулась вереница—человѣкъ въ двѣсти, въ триста—знаго народа.

Она казалась безконечной. Въ ней преобладали простые богомольцы съ котомкой за спиной и посохомъ въ рукѣ.

Теперь Теркинъ зналъ изъ путеводителя — что ихъ потянуло къ этой женской обители передъ посѣщеніемъ Троицы. Тамъ лежали останки родителей преподобнаго Сергія — „схимонахи“: Кирилль и Марія. Когда-то въ Хотьковѣ была „киновія“ — общежитіе мужчинъ и женщинъ. Но его самого что-то не тянуло въ этотъ монастырь. Стѣны, башенки, колокольни, корпуса церковей смотрѣли черезъ-чуръ ново, напоминали сотни церковныхъ и монастырскихъ построекъ. Онъ и вычиталъ сейчасъ, что въ немъ не осталось ничего древняго, хотя онъ и основанъ былъ въ самомъ началѣ четырнадцатаго вѣка.

Наискосокъ отъ окна, на платформѣ, у столика стояли двѣ монашки въ некрасивыхъ, заостренныхъ клобукахъ и потертыхъ расахъ съ книжками, такія же загорѣлыя, морщинистыя, съ туповатыми лицами, какихъ онъ столько разъ видалъ въ городахъ, по ярмаркамъ и по базарамъ торговыхъ селъ; непременно по двѣ, съ кружкой или книжкой подъ покровомъ. На столѣ лежали для продажи издѣлія монастыря — кружева и вышиванія... Тамъ до сихъ поръ водятся большія мастерицы; одна изъ нихъ угодила во дворецъ Елизаветы Петровны и стала мамкой императора Павла.

Эти свѣденія, добытыя изъ зелененькой брошюрки, развлекали его, но не настроивали на тотъ ладъ, какъ онъ самъ желалъ бы. Онъ бросилъ путеводитель, закрылъ глаза и откинулся вглубь. Ему хотѣлось поскорѣе быть у главной цѣли его поѣздки. Осталось всего нѣсколько верстъ отъ Троицы. День стоялъ не жаркій, уже осенній. Онъ попадетъ навѣрно къ концу обѣдни, поклонится мощамъ, обходитъ всю святыню, съѣздитъ въ Виоанію и въ Геосиманскій скитъ.

Такъ и просидѣлъ онъ въ своемъ углу, съ закрытыми глазами. И только за двѣ минуты до прихода онъ осмотрѣлся и по оживленію пассажировъ увидѣлъ, что поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи.

Огромная толпа высыпала подъ навѣсъ и туго задвигалась къ выходу. Слѣва пестрѣли башни монастырской стѣны.

— Купецъ — а купецъ! Всего-то за двадцать копѣекъ! Пожалуйста подать! — кричалъ извозчикъ съ козелъ пыльной, ободраной коляски, парой, самъ — въ полиняломъ балахонѣ и карт на затылкѣ.

Теркинъ сѣлъ, и коляска съ звономъ ржавыхъ гаекъ и шнуръ покатила внизъ. Онъ не стерпѣлъ — взялъ извозчика, и

тивая безпокойство ожиданія: чѣмъ пахнѣтъ на него жизнь въ этихъ священныхъ стѣнахъ, на которыхъ, въ смутныя времена, иноки защищали мощи Преподобнаго отъ польскихъ полчищъ и бросали подъ ноги вражьихъ коней градъ желѣзныхъ крючкова-
тыхъ гвоздей, среди грохота пушекъ и пищалей.

Дребезжащая коляска подкатила къ главнымъ воротамъ въ нѣсколько минутъ. И снаружи, и внутри, въ проходѣ башни — заметалась передъ Теркинымъ великорусская базарная сутолока. На длинной площади, кверху, вдоль стѣны, шелъ торгъ яблоками, арбузами, всякимъ овощемъ и бакалеей, въ телѣгахъ, на люткахъ и въ палаткахъ. Въ воздухѣ, засвѣжѣвшемъ подъ частыми, уже осенними облаками, носился плодовый запахъ, какъ, бывало, на Варварской площади, въ Москвѣ, или теперь, на Болотѣ, о ту же пору дня. Во всѣ стороны тѣснились обывательскіе дома, съ вывѣсками трактировъ и кабаковъ. Слѣва, подальше, расплзлось каменное зданіе монастырской гостиницы — совсѣмъ уже на купецкій московскій ладъ, съ выкрашеннымъ чугуннымъ подѣздомъ и тиковой драпировкой — какъ многіе бойкіе и грязноватые „номера“ гдѣ-нибудь на Срѣтенкѣ или на Никольской. Гамъ, трескъ извозчичьихъ колясокъ, скрипъ воевъ, крики торговцевъ и мужиковъ, пыль клубами, топтанье на одномъ мѣстѣ сѣраго народа, точно на толкучкѣ у Ильинскихъ воротъ, — эта посадская, несмолкаемая, круглый годъ, ярмарочная картина обвѣяла Теркина сразу, и все въ ней было для него такъ досадно знакомо, до мельчайшихъ чертъ. Ни за что онъ не могъ схватиться, чтобы настроить себя благоговѣнно. Онъ скорыми шагами, чтобы уйти отъ этого перваго впечатлѣнія, двинулся подъ ворота.

Тамъ по обѣимъ сводчатымъ стѣнамъ шелъ такой же торгъ — образками, деревянными игрушками и мелкой посудой, четками, крестиками, картинками... Служки и монахи, приставленные къ продажѣ всѣмъ этимъ добромъ, переговаривались съ разными кумушками, дававшими непомѣрно малую цѣну. Передъ литографіями толпились богомольцы. Нищіе — двумя вереницами, и до воротъ, и послѣ нихъ, у перилъ прохода — стояли, сидѣли и лежали и на разные голоса причитали, такъ что гулъ отъ нихъ шелъ вплоть до паперти большой церкви, стоящей вправо, куда тяло главное русло народа. По двору, больше къ лѣву, на булыжномъ тѣ мостовой разсѣлись съ котомками бабы и мужики; въ разныхъ направленіяхъ сновала чистая публика — грузныя купчихи, служки барыни, подростки, пріѣзжіе изъ дальнихъ губерній, цы въ сапогахъ бутылками, кое-гдѣ выпѣввшій военный сюртукъ — отставного.

Въ Успенскомъ соборѣ, куда сначала попалъ Теркинъ, обѣда только-что отошла. Ему слѣдовало бы идти прямо къ „Троицѣ“, съ золоченымъ верхомъ. Онъ зналъ, что тамъ, у южной стѣны, около иконостаса почиваютъ мощи Сергія. Но его удержало смутное чувство неувѣренности въ себя самомъ, получить ли онъ тамъ, у подножія позолоченой раки угодника, то, чего жаждала его душа—обрѣтеніе дѣтской вѣры, вотъ какъ во всѣхъ этихъ нищихъ, калѣкахъ, богомолкахъ съ котомками, старикахъ въ отрепанныхъ лаптяхъ, пришедшихъ сюда за тысячи верстъ?

Народъ уже отхлынулъ изъ Успенскаго собора... Средина церкви была почти пуста... У иконостаса, справа, служили на амвонѣ молебны—спѣшно, точно въ перегонку. Довольно еще густая толпа, больше все изъ простолюди, обступила это мѣсто и толкалась къ иконостасу... Пучки свѣчей на паникадилахъ блѣдно мигали. Голоса пѣли жидко и торопливо. По церкви, взадъ и впередъ, бродили богомольцы, глаза на стѣнную живопись. Изрѣдка показывались монахи или служка и лѣниво шли къ паперти.

Молитвенное умиленіе не сходило съ него. Онъ медленно направился вглубь, въ одинъ изъ угловъ собора, хотѣлъ тамъ уединиться и уйти въ себя. Ему пересѣкъ дорогу студентъ.

Быстро оглядѣвъ его Теркинъ. Такого студента онъ никогда и нигдѣ еще не встрѣчалъ: въ поношенномъ форменномъ сюртукѣ изъ выцвѣшанаго темно-зеленаго сукна, разстегнутый на нижнія пуговицы, русые волосы на лбу разметались, глубокіе глаза затуманены, смотреть, будто ничего не видать, блѣдный, идетъ, волоча ноги.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не изъ простаго любопытства? Не зря? Видно, горе стряслось и погнало сюда, вопреки тому, что онъ, быть можетъ, воображалъ себя выше всего этого? Значить, находится тутъ хоть какое-нибудь врачеваніе своему душевному недугу. Не юродивый же онъ... Да и не мальчишъ: сюртукъ носить навѣрно года два, бородкой обросъ и лицо—человѣка пожившаго.

Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ странному студенту Тотъ повернулъ къ амвону налѣво, гдѣ было свободнѣе, опустил на оба колѣна и долго не поднималъ головы, потомъ порывисто поднялся, истово перекрестился два раза и пошелъ, все такъ же волоча ноги, на паперть.

И Теркинъ сталъ на колѣни. Студентъ помогъ ему—стр. гнуть съ себя то, что его развлекало или противорѣчило его оцѣнѣ даваніямъ.

Но до него все-таки доходилъ торопливый гулъ молебны.

Онъ силится не слышать, ни о чемъ не думать, не вызывать передъ собою никакихъ образовъ.

Такъ онъ простоялъ съ минуту. Его начало колоть горькое и стыдливое чувство за себя, становилось совѣстно—точно онъ производить надъ собою опыты, или пришелъ сюда какъ въ театръ, требуя, чтобы его привели въ такое именно настроеніе, какое ему желательно.

„Это кощунство!“ выговорилъ онъ про себя и сталъ неловко подниматься, съ легкой болью въ непривычныхъ колѣняхъ.

Молитвенное наитіе рѣшительно не слетало на него въ этой церкви.

Еще разъ прошелся онъ по ней, изъ одного угла до другого. Къ нему вискось, отъ амвона, медленно двигалась старушка, скорѣе барыня, чѣмъ простого званія, въ шляпѣ и мантильѣ, съ желтымъ лицомъ, собраннымъ въ комочекъ. Шла она—точно впала въ благочестивую думу или собиралась класть земные поклоны, къ нему бокомъ, и какъ только поровнялась—беззвучно и ловко повернулась всѣмъ лицомъ и, не мѣняя ущемленной дворянской мины, проговорила сдержанно и вполголоса:

— Сблаговолите благородной вдовѣ!

Руку она чуть-чуть высвободила изъ-подъ мантильи—такую же желтую, съ сухими изогнутыми пальцами.

Маневръ былъ такъ курьезенъ и неожиданъ, такъ напоминалъ что-то театрално-комическое! Теркина всего бросило въ краску. Эта старушка-дворянка добила его.

— Сколько можете,—выговорила она все тѣмъ же полушопотомъ и также глядя на него.

— Богъ подастъ!—рѣзко отвѣтилъ онъ и быстро отошелъ отъ нея.

У него было взято съ собой много мелочи, но онъ не захотѣлъ подать этой салопницѣ—точно въ отместку за то, что она отняла у него послѣднія крохи молитвеннаго настроенія.

Къ мощамъ угодника онъ пробирался по двору, смущенный и унылый, точно исполнялъ тяжелый долгъ.

XXVI.

Сзади и съ боковъ на него напирала стѣна богомольцевъ передъ драгоценной ракой. Густой запахъ шелъ отъ всѣхъ этихъ зипуновъ, паневъ, лаптей, смазныхъ сапогъ. Чадъ отъ восковыхъ свѣчъ вился замѣтными струями въ разрѣженномъ воздухѣ

Троицкаго собора. Со стѣнъ, закоптѣлыхъ и расписанныхъ, во всѣ стороны, глядѣли на него лики угодниковъ.

Но ему было жутко отъ своего душевнаго одиночества больше, чѣмъ отъ чувства тѣсноты и давки... Онъ попалъ на самое дно народной вѣры, хотѣлъ сердцемъ слышать изъ простыхъ устъ сдавленные вздохи, молитвенные возгласы, хотѣлъ видѣть кругомъ себя лица старыя и молодыя, мужскія и женскія, захваченныя умиленіемъ или усердіемъ, просящія о безчисленныхъ нуждахъ и немогахъ, и ничего не видѣлъ, ничего не слыхалъ. Не могъ онъ слиться душой со всѣмъ этимъ народомъ, написавшимъ на то мѣсто, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія. Въ немъ исчезло и всякое желаніе служить молебень или сдѣлать взносъ за упокой души рабы божіей Калеріи.

Въ головѣ замелькали вопросы: „Зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ищетъ? Чтѣ надѣялся обрѣсти, чѣмъ обновить себя?“

И опять, какъ въ той церкви, куда онъ попалъ сначала—засосало его стыдливое чувство: что онъ кощунствуетъ, безъ вѣры приходитъ—производитъ надъ собою опыты. Полно, страдалъ ли онъ мучительно, истекало ли его сердце кровью отъ потери святой личности, озарившей его свѣтомъ духовной любви? Вѣдь онъ уже каался себѣ самому, что и эта любовь была—тайно плотская. Смерть Калеріи потрясла ли его такъ могуче, чтобы воскресить въ немъ хранившуюся въ изгибахъ души жажду въ порывѣ къ тому, чтѣ стоятъ надъ нами, въ недостигаемой высотѣ мірозданія и судьбъ вселенной?

Но если и не заглушилъ онъ въ себѣ этотъ зовъ въ „гѣрню“, то растерялъ онъ, видно, всякую способность на дѣтское умиленіе, на слезу, на отдачу всего своего существа въ распоряженіе небесныхъ силъ, на жаркую мольбу о наитіи...

Толпа—гдѣ все такъ же пахло мужикомъ и бабой—вытѣснила его изъ Троицкаго собора, и онъ опять очутился на площадкѣ, гдѣ на мостовой сидѣли богомольцы и нищіе, и гдѣ розовая колокольня, вытянутая вверхъ на итальянскій манеръ, глядѣла на него празднично и совсѣмъ мірски, напоминала скорѣе о суетной жизни городовъ, о всякихъ парадахъ и торжествахъ.

На чемъ-нибудь нужно ему было остановить свой взглядъ, отвести его и отъ казеннаго монумента съ позолоченнымъ гармомъ и солнечными часами—тутъ же, все въ той же части внутреннего двора. Монументъ, еще больше растреліевской колокольни, противорѣчилъ пошибу старыхъ церквей, съ ихъ авами, переходами, крыльцами келій.

Расписанныя стѣны трапезы привлекли Теркина. Туда е-

лись голодные богомольцы. Въ сѣняхъ трапезы, вправо, изъ двери помѣщенія, гдѣ раздаются ломти хлѣба, служитель, въ фартукѣ, шумно выпроваживалъ желающихъ поѣсть, и многіе нетерпѣливо жаловались. На эту сцену, показавшуюся ему совсѣмъ уже непривлекательной, смотрѣли посѣтителѣ трапезы изъ чистой публички—двѣ-три дамы съ мужьями, по-нѣмецки одѣтый купецъ, гимназистъ, кучка барышень-подростковъ.

Въ огромной залѣ трапезы все было готово къ обѣду. Столы стояли покоемъ, съ грубоватой оловянной посудой и полотенцами, на нѣсколько человѣкъ. Къ отвореннымъ дверямъ ея, съ прохода черезъ сѣни, двигались, больше попарно, монахи въ клобукахъ и служки въ низкихъ триповыхъ шапкахъ.

Теркинъ пристально вглядывался въ ихъ лица, поступь, одежду, выраженіе глазъ, и ему, черезъ пять минутъ, стало досадно: зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Ничего не говорили ему эти иноки и послушники—о томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ обитель подвижника, удалившагося, много вѣковъ назадъ, изъ суетной жизни пменитаго человѣка, боярскаго рода—въ дебри радонежскія, куда къ нему приходили князья и воители за благословеніемъ и вѣщимъ совѣтомъ, въ години испытаній.

Старики-іеромонахи, въ порыжѣлыхъ рясахъ, ступали своими тяжелыми сапогами и на ходу равнодушно перекидывались между собою разговорами о чемъ-нибудь самомъ обиходномъ. Монахи помоложе какъ-то особенно переваливались на ходу—раздобрѣлые, съ лоснящимися волнистыми косами по жирнымъ плечамъ—плутовато улыбались или сонно поводили глазами по чистой публикѣ. Служки, въ франтоватыхъ шапкахъ, съ торчащими изъ-подъ нихъ черными, русыми, бѣлокурыми, рыжими кудрями или жесткими прядями волосъ—сразу начали смущать, а потомъ раздражать его. Въ нихъ было что-то совсѣмъ уже мірское. Молодое тѣло и его запросы слишкомъ металась изъ всей ихъ повадки, сидѣли въ толстыхъ носкахъ и губахъ, въ поступи, поворотахъ головы, въ выраженіяхъ чувственныхъ или тупыхъ профилей. Они не находили надобнымъ придавать своимъ лицамъ условную истовость и строгость.

Въ залѣ трапезы, вдоль стѣнъ, справа и слѣва, у сидѣній—появлялось нѣсколько посѣтителей. Дежурные служки, въ фартукахъ, обходили столы и что-то ставили... Въ дверку, ближе къ правому углу, прошло, передъ самымъ часомъ обѣда, нѣсколько іеромонаховъ съ почетными гостями изъ московскихъ и пріѣзжихъ городскихъ купцовъ. Вслѣдъ затѣмъ служки попросили стороннихъ очистить залъ. Въ ихъ числѣ былъ приглашенъ

и Теркинъ, думавшій, что при монастырской трапезѣ сторонніе могутъ присутствовать всякій день.

Спускался онъ съ высокой паперти совсѣмъ разбитый, не отъ тѣлесной усталости, не отъ ходьбы, а отъ разстройства чисто душевнаго. Оно, точно колы, стояло у него въ груди... Вся эта поѣздка къ „Троицѣ-Сергію“ вставала передъ нимъ печальной нравственной недоимкой, перешла въ тяжкое недовольство и собою, и всѣмъ этимъ монастыремъ, съ его базарной сутолокой и полнымъ отсутствіемъ—на его взглядъ—смиряющихъ, сладостныхъ вѣяній, способныхъ всякаго настроить на неземные мысли.

У самой лѣстницы, внизу, небольшого роста сторожъ, въ форменномъ парусинномъ кителѣ, безъ шапки—поглядѣлъ на него вопросительно: „не прикажете ли провести куда?“

— Скажите, любезнѣйшій,—спросилъ его Теркинъ:—въ ризницу можно теперь?

Служитель ласково и почтительно поклонился.

— Сподручнѣ, ваше степенство, послѣ трапезы... Тогда и народу будетъ поменьше.

О ризницѣ онъ спросилъ изъ малодушнаго желанія пойти посмотрѣть на что-нибудь просто любопытное. Онъ видѣлъ, что нигдѣ въ этихъ стѣнахъ не испытаетъ онъ отраду слезъ и умиленія.

— Куда же идти?—вслухъ подумалъ онъ.

— Вы гдѣ же изволили быть? У раки преподобнаго Сергія?

— Былъ... И въ Успенскомъ соборѣ.

— Еще много, ваше степенство, кое-чего осталось... Прикажете повести?.. Въ лѣтнее время у насъ въ тринадцати храмахъ служить. Слава Богу! Есть гдѣ помолиться.

Тонъ у служителя былъ кроткій и какъ бы сказочный: онъ, видимо, собрался рассказывать ему разъ навсегда заученныя поясненія и самый звукъ его голоса дѣйствовалъ слегка усыпительно, такъ что у Теркина по затылку сейчасъ же пошли мурашки.

— Угодно-съ?

— Пойдемте.

Они ходили, съ цѣлымъ часъ, вправо и влево, опускались и поднимались, посѣтивъ притворы, въ низенькіе, тѣсные, старой постройки придѣлы, проходили по сводчатымъ корридорамъ и сѣнямъ, опять попадали въ свѣтленькія или темноватыя цѣловушки, стояли передъ иконостасами, могильными плитами, отряхивали на иконы и паникадилы, на стѣнную живопись, хоронили,

плащаницы, опять вышли на дворъ, къ часовнѣ съ останками Годуновыхъ, постояли у розовой колокольни, и Теркинъ—по указанію служителя—долженъ былъ прочесть вслухъ на тумбѣ памятникъ два стиха, долго потомъ раздававшіеся въ немъ тѣмъ-то устарѣлымъ и риторическимъ—стихи въ память подвижниковъ лавры:

„Они на небесахъ, имъ слава не нужна,
Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вести она!“

И въ ухахъ у него остался шумъ отъ поясненій служителя въ парусинномъ кителѣ: „церковь сошествія св. Духа, церковь Преподобнаго Сергія, Рождества Іоанна Предтечи, Введенія Божіей Матери, церковь Зосимы и Савватія, церковь великомученицъ Варвары и Анастасіи“...

И когда служитель ввелъ его въ темноватая, сводчатая сѣни передъ входомъ въ ризницу и протискалъ къ другому служителю, пускавшему народъ только по десяти человекъ, Теркинъ автоматически пошелъ по лѣстницѣ, съ другими богомольцами и, сдавленный, въ этой кучѣ, двумя старушками въ кацавейкахъ, продвигался вдоль покоевъ ризницы, подъ поясненія іеромонаха, вздохи и возгласы шопотомъ старухъ. Противъ воли поправлялъ онъ малую грамотность въ поясненіяхъ іеромонаха, не могъ помириться съ его заученнымъ тономъ нараспѣвъ и въ носъ, рѣзко отличнымъ отъ того, какъ онъ говорилъ передъ тѣмъ съ другими монахами. Въ одномъ шкафу, пониже, за стекломъ, выставлено было современное вышиваніе какой-то высокой особы. Монахъ назвалъ особу по имени и отчеству. Теркинъ поглядѣлъ на вышиваніе и нашелъ, что оно самое обыкновенное. Сбоку, около его уха, старушка въ кацавейкѣ слезливо и умиленно выговорила съ молитвеннымъ вздохомъ:

— Пресвятая Богородица! Сподобилась, многогрѣшная!—и, кажется, хотѣла приложиться черезъ стекло къ вышиванію.

Въ головѣ Теркина все перемѣшалось и еще болѣе разбитый онъ вышелъ изъ сѣней съ чувствомъ голода.

— Не угодно ли въ просвирню?—спросилъ его все тотъ дожидавшійся служитель.

Теркинъ, во второй разъ, далъ ему на чай. Тотъ довелъ до просвирни и раскланялся низкимъ поклономъ.

Въ первой сводчатой комнатѣ смазливый, улыбающійся служка съ разбитыми черными волосами продалъ ему большую просфору.

Сбоку, на скамьѣ, сидѣло семейство молодыхъ иностранцевъ:

двое мужчинъ и двѣ дѣвушки. Они громко смѣялись и жадно ѣли куски мягкой просфоры.

Теркинъ помѣстился около нихъ и сталъ усиленно жевать.

XXVII.

— Купецъ! Купецъ!.. Со мной ѣздили!.. Въ Черниговскую! Въ Геосиманію!.. Рубликъ прокатайте! — кричалъ тотъ самый извозчикъ, что привезъ его къ монастырю.

День хмурился... Теркинъ взглянулъ на небо. Собирался дождь. Идти пѣшкомъ далеко, да и не было охоты... Можетъ быть, тамъ, въ „скиту“, онъ найдетъ что-нибудь совсѣмъ другое.

Изъ-за монастырской стѣны доносилось за нимъ карканье воронъ и рѣжущій крикъ стаи чайки, чувшихъ перемену погоды.

Верхъ ободранной коляски былъ поднятъ. Онъ сѣлъ и спросилъ:

— Куда же сначала? Вѣдь есть еще Виованія?

— Въ Черниговскую допрежь... А тамъ — перейти мостикъ и въ скиту. Я съ другой стороны къ воротамъ подъѣду. Въ Виованію опосля угодимъ.

Ни разстояній, ни положеній этихъ мѣстъ Теркинъ хорошенько не зналъ. Въ путеводителѣ онъ просмотрѣлъ кое-что, но не запомнилъ.

— Ну въ Черниговскую, такъ въ Черниговскую!

Коляска запрыгала и задрезжалась по булыжникамъ шоссе, вдоль улицъ посада.

Имъ на встрѣчу попадались то-и-дѣло обратные извозчики съ богомольцами. Пыль врывалась подъ кузовъ и слѣпила глаза Теркину. Но онъ смущенно глядѣлъ направо и налево, на обыкновенскіе дома и домики, такого же покроя, какъ и въ московскихъ призаставныхъ слободахъ. Замѣтилъ онъ не одну выѣску нотаріуса, — что говорило о частыхъ сдѣлкахъ и векселяхъ въ такомъ мѣстѣ, куда, казалось бы, сходятся и сѣзжаются не за этимъ.

Началъ накрапывать дождикъ. Извозчикъ стегнулъ лишній разъ свою разношерстную пару, и посадъ вскорѣ сталъ уже зади, а слѣва отъ дороги, на открытомъ склонѣ, высилась пыльная глыба пятиглавой церкви.

— Вотъ, ваше степенство, и Черниговская. Обѣдня, и отошла... наверху. Въ склепѣ навѣрняка еще служатъ.

„Черниговская“, — повторилъ мысленно Теркинъ и не г

бопытствовалъ узнать, что такъ называется: все ли это урочище, или икона.

У паперти стояли два-три извозчика и кучка нищихъ. Верхняя церковь была уже заперта. За прїѣзжимъ, тоже въ колясѣ, купцомъ онъ спустился внизъ, въ склепъ, по совсѣмъ темной витой лѣстницѣ и долго не могъ ничего разглядѣть, кромѣ дальняго фона, гдѣ горѣло нѣсколько пучковъ свѣчь. Служили молебенъ среди постоянной, тихой ходьбы богомольцевъ.

Ему не было ни жутко, ни тоскливо; никакого желанія не получилъ онъ остаться тутъ и что-нибудь заказать, молебенъ или панихиду; потянуло сейчасъ же на воздухъ, засвѣжѣвшій отъ дожда и облачнаго неба.

Извозчикъ растолковалъ ему съ козелъ, какъ пройти—черезъ дорогу—въ сѣть, по мостику и подняться въ гору сада. Онъ не взялъ никакого провожатаго.

Шелъ онъ мимо пруда, куда задумчиво глядѣлись деревья красивыхъ прибрежій, и поднялся по крутой дорогѣ сада. У входа, на скамьѣ, сидѣли два старика. Никто его не остановилъ. Онъ зналъ, что сюда постороннихъ мужчинъ допускаютъ; но женщинъ—только разъ въ годъ, въ какой-то праздникъ. Тихо было тутъ и прїятно. Сразу стало ему легче. Отошла назадъ „ризница“ и вся лавра, съ тяжелой ходьбой по церквамъ, трапезой, шатаньемъ толпы, базарной сутолокой у воротъ и на торговой площади посада.

Здѣсь можно было побыть въ Божьей обители, сѣсть на траву и хоть немножко унестиcя душой.

Дождь почти пересталъ. Наверху Теркинъ увидалъ старинную деревянную церковь, въ два этажа, съ лѣстницей, ведущей въ просторныя сѣни. Побродить можно было нигѣмъ незамѣченнымъ по этимъ низковатымъ сѣнямъ... Пахло деревомъ. Бревенчатыя стѣны, уставленныя иконами, повѣяли на него чѣмъ-то далекимъ, изъ первыхъ образовъ дѣтства. Въ Кладенцѣ онъ хаживалъ смотрѣть на раскольниковъ моленную, проникалъ во дворъ, но во внутрь его не пускали. Она всплыла въ памяти, съ ея главами, и крыльцомъ, и окнами... И пѣніе, доносившееся оттуда, отличное отъ обыкновеннаго православнаго, вспомнилось тутъ же.

Въ церкви все носило тотъ же пошибъ, было такъ же незатѣяло и своеобразно. У праваго клироса сидѣлъ худощавый монахъ. Съ предложилъ ему осмотрѣть убѣжище митрополита Филарета. Изъ комнатъ, въ деревѣ, открывался изъ двери, выходившей прямо въ церковь... Можно было видѣть убранство и располо-

женіе тѣсноватыхъ, чистыхъ покоевъ. Но онъ отказался пройти по нимъ, не хотѣлъ нарушать своего настроенія.

Въ каменномъ скитскомъ зданіи долго глядѣлъ онъ внизъ, на тотъ придѣлъ, гдѣ весь иконостасъ чернѣетъ штучнымъ деревомъ. Тишина обволакивала его. Свѣтъ мягко выдѣлялъ контуры рѣзьбы и лики мѣстныхъ иконъ... Запахъ кипариса чувствовался въ воздухѣ.

На дворѣ его смѣнило благоуханіе цвѣтника, отгороженного невысокой, весело раскрашенной рѣшеткой. Цвѣты, густыми коврами, шли въ разныя стороны, въ видѣ опахалъ. Цвѣтникъ вдругъ напомнилъ ему дачу, клумбы палисадника, лѣсъ, доску между двумя соснами, разговоръ съ Серафимой, ту минуту, когда онъ сталъ впервые на колѣни передъ Калеріей.

Онъ присѣлъ опять на крыльцо деревянной церкви, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Та жизнь уже канула. Не вернется онъ къ женщинѣ, которую сманилъ отъ мужа. Не слетитъ къ нему съ неба и та, къ кому онъ такъ прильнулъ просвѣтленной душой. Да и не выдержалъ бы онъ ея святости; Богъ знаетъ, когда прибралъ ее къ себѣ.

„Отошло, отошло!“ — беззвучно шепталъ онъ, все еще не отрывая рукъ отъ лица.

Прогромыхалъ гдѣ-то громъ. Сильный дождь сразу пошелъ на него. Но онъ былъ еще полонъ того, что напало на него сейчасъ — и даже не развернулъ зонтика, когда переходилъ черезъ дворъ свита къ воротамъ, гдѣ его ждалъ извозчикъ.

— Въ Виѣнію, ваше степенство?

Надо было и тамъ осмотрѣть церковь и комнаты митрополита Платона. Церковь удивила Теркина своимъ пестрымъ гротомъ съ искусственными цвѣтниками, смахивающимъ на декорацію. Ему эта отдѣлка показалась точно на какой-то иновѣрческой ладъ. Службы не было. По двору бродили подъ деревьями семинаристы и сторожа... Богомольцы скучились у входа въ митрополичье помѣщеніе, оставшееся съ отдѣлкой прошлаго вѣка. Монахъ повелъ ихъ по комнатамъ, объяснялъ точно такимъ же языкомъ и тономъ, какъ въ лаврской ризницѣ... Опять около него очутились двѣ старухи — также въ капавейкахъ, какъ и тамъ. Одна вздыхала и крестилась, что бы ни показывалъ монахъ — свѣтскую картину, портретъ, мозаичный видъ флорентійской работы; а когда приперли сзади къ заставкѣ открытой двери въ крайнюю с - телку, съ деревянной отдѣлкой и зеркальнымъ потолкомъ, гдѣ владыка отдыхалъ въ жаркую пору, одна изъ старушекъ исто - перекрестилась — посмотрѣла сначала на соломенную шляпу

широкими плоскими полями, лежавшую тутъ же, а потомъ на зеркальный потолокъ въ позолоченныхъ переборахъ рамокъ и вслухъ проговорила слезливымъ звукомъ:

— Угодникъ-то Божій какъ спасался! Господи! Удостоилась и я, многогрѣшная!..

Теркинъ подавилъ въ себѣ усмѣшку.

„Вотъ эта вѣрить!“ — подумалъ онъ и даже посторонился и пропустилъ ее впередъ, къ самой двери.

Грозовая туча пронеслась. Дождь пересталъ, и въ разорванную завѣсу облаковъ глядѣло нежаркое солнце.

— Въ лавру или на станцію прямо прикажете?—крикнулъ извозчикъ за оградой.

Теркинъ приказалъ повезти себя обратно къ скиту, высадить тамъ, объѣхать кругомъ и ждать его по ту сторону, у Черниговской.

— Прибавочку слѣдуетъ, купецъ!

— Будетъ и прибавочка.

И опять скитскій дворъ съ деревянной церковью повѣяли на него дѣтскимъ чувствомъ, точно запретная святыня, какъ когда-то въ селѣ Кладенцѣ, на дворѣ бѣглопоповской молельни.

Но на лѣстницу онъ уже не присаживался и не заходилъ въ сѣни, а побрелъ дальше, къ спуску, гдѣ теперь деревья пошли свѣтовыми пятнами, подъ ласковыми лучами солнца: оно проглядывало то-и-дѣло изъ-за ползущихъ медленно облачковъ.

Сѣлъ онъ на скамейку, на самомъ крутомъ мѣстѣ, и сидѣлъ долго, больше получаса, не оглядываясь на красоту мѣста, не насилуялъ себя на особое душевное настроеніе.

Мысли сами собою, безъ тревоги и горечи, поплыли, захватывали одна другую.

Отчего же тутъ вотъ, въ этой Геосиманіи, размякла его душа? Неужели тамъ, у Троицы, ему чуть не противно сдѣлалось только отъ нищихъ, мужичья, простонародной толкотни и шланья по церквамъ и притворамъ? Кто же онъ-то самъ, какъ не деревенскій подвидышъ, принятый въ сыновья крестьяниномъ и его старухой? Или чистая публика охладила его, не позволила отдаться простой мужицкой вѣрѣ? Всѣ эти брюхатые купцы, туполицыя кичихи, салонницы, барыни и ихъ пріатели, откормленные монахи и служки въ щеголеватыхъ триповыхъ шапкахъ?

Онъ смирялся. Его стало манить домой, въ то село, на которое онъ такъ долго злобствуетъ, хотѣлось простить кровныхъ оды...

XXVIII.

До села Кладенецъ было ходу верстъ пять. Пароходъ „Стрѣлокъ“ опоздалъ на нѣсколько часовъ. Шелъ уже десятый часъ, а ему слѣдовало быть у пристани около семи. Проволочка случилась въ Балахнѣ, съ нагрузкой, а повыше города маленько посидѣли на перекачѣ... Но воды въ рѣкѣ прибывало, съ конца августа.

Сентябрьская холодноватая ночь спустилась на рѣку и фонари парохода яркими тонами рѣзали темноту. На палубахъ, передней и задней, бродили совсѣмъ черныя фигуры пассажировъ. Многіе кутались уже въ теплыя пальто и чуйки на мѣху — изъ мѣщанъ и купцовъ, возвращавшихся послѣдними изъ Нижняго, съ ярмарки.

На носовой палубѣ сидѣлъ Теркинъ и курилъ, накинувъ на себя пальто-крылатку. Онъ не угодилъ вверхъ, по Волгѣ, на собственномъ пароходѣ „Батракъ“. Тотъ ушелъ въ самый день его приѣзда въ Нижній изъ Москвы. Да такъ и лучше было. Ему хотѣлось попасть въ свое родное село какъ можно скромнѣе, безвѣстнымъ пассажиромъ. Его пароходъ, правда, не всегда и останавливался у Кладенца.

Давно онъ тамъ не былъ, больше пяти лѣтъ. Въ послѣдній разъ, выправлялъ свои документы — метрическое свидѣтельство и увольнительный актъ изъ крестьянскаго сословія. Тогда во всемъ селѣ было всего два постоянныхъ двора, почище, куда вѣзжали купцы, на большихъ базарахъ, чиновники и помѣщики. Но трактировъ — нѣсколько, простыхъ, съ грязцой. Въ одномъ, помнится ему, водился порядочный поваръ.

Все это мало его беспокоило. Онъ и вообще-то не очень привередливъ; а тутъ и подавно. Вхалъ онъ на два, на три дня, безъ всякой дѣловой цѣли. Желалъ онъ вырвать изъ души остатокъ злобнаго чувства къ тамошнему крестьянству, походить по разнымъ урочищамъ, посмотреть на раскольниковую молельню, куда проникалъ мальчикомъ, разузнать про стариковъ, кто дружилъ съ Иваномъ Прокофьевичемъ, посмотреть, что стало съ ихъ дворомъ, въ чьихъ онъ теперь рукахъ, побывать въ монастырѣ. Къ игумну у него было даже письмо — и онъ могъ бы тамъ перечевать, да пароходъ угодить въ Кладенецъ слишкомъ поздно ему не хотѣлось беспокоить незнакомаго человѣка, да еще можетъ быть, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Встрѣться онъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ промысловъ

пріятелей, съ однимъ изъ остальныхъ пайщиковъ „товарищества“ и начини онъ имъ говорить, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кладенецъ, — врядъ ли бы кто понялъ его. Одинъ бы подумалъ: „Теркинъ что-то несуразное толкуетъ“, а другой: „притворяется Василій Ивановичъ; должно быть, намѣтилъ что-нибудь и хочетъ спанать“.

Ничего онъ не желалъ—ни купить, ни разузнавать по торговой части. Еслибъ онъ что и завелъ въ Кладенецъ—то въ память той, кому не удалось, при жизни, одѣлать свой родной городъ дѣтской лечебницей... Ея деньги пойдутъ теперь на шляпки Серафимы и на изувѣрство ея матери.

— Больно ужъ поздно, — обратился къ нему пассажиръ въ теплой чуйкѣ, подсѣвшій къ нему незадолго передъ тѣмъ. — Никакъ часовъ десять?

Теркинъ вынулъ часы, зажегъ спичку и поглядѣлъ.

— Четверть одиннадцатаго.

— А намъ еще добрыхъ три, коли не четыре версты до Кладенца.

— Вы сами оттуда будете?

— Оттуда, господинъ.

— По торговой части?

По гдвору онъ узналъ тамошняго уроженца. Пассажиръ былъ сухопарый, небольшого роста, съ бородкой, въ картузѣ, надѣтомъ глубоко на голову. Вѣроятно—мелкій базарный торговецъ.

Теркинъ повторилъ вопросъ.

— Нештò! Бакалеей занимаемся!

— За товарцемъ къ Макарію, небось, ѣздили?

— Поздненько угодилъ-то. Армяне совсѣмъ расторговались...

Которая бакалея осталась въ цѣнѣ... Да заминка у меня вышла... И хворалъ маленько... Ну, и опоздалъ.

— Вы уроженецъ тамошній, кладенецкій?

Лицо торговца онъ хорошо могъ разглядѣть вблизи; но оно ему никого не напомнило.

— Мы коренные тутошніе.

— Изъ бывшихъ графскихъ?

— Да, изъ графскихъ. А вы, господинъ, наше село, чай, знаете?

— Немножко.

— И теперь туды же?

— Туды.

— У кого же остановитесь? У знакома?

— На постояломъ.

— Чернота у насъ, на постоялыхъ-то дворахъ.

— Кочневъ держить, по прежнему?

Торговецъ взглянулся въ Теркина, но не узналъ его.

— Кочневъ? — переспросилъ онъ. — Давно ужъ приказалъ долго жить. Зятя его... народъ шалый... Совсѣмъ распустили дѣло... Прежде и господамъ не обидно было въѣхать, а новѣ — зазорно будетъ. Только базарами и держится.

Торговецъ говорилъ слабымъ голосомъ, очень искренно и серьезно.

— Гдѣ-нибудь притулюсь. Я всего-то на два дня.

— Номера есть, господинъ.

— Настоящіе номера?

— Какъ слѣдуетъ... Съ третьяго года. Малышова, противъ Маринцева трактира. Около базарныхъ рядовъ. Или вы еще не бывали у насъ николи?

— Какъ не бывать. И трактиръ этотъ помню; только противъ него лавки были, кажется.

— Точно. Допрежъ торговали. Теперича цѣлый этажъ возведенъ. Тоже спервоначалу трактиръ былъ. Номера ужъ... никакъ четвертый годъ. Вотъ къ пристани-то пристанемъ, такъ вы прикажите крикнуть извозчика Николая. Навѣрняка дожидается парохода... У него долгуша... И малый толковый, не охальникъ. Доставить васъ прямо къ Малышву.

Все это было сказано очень заботливо.

„Добрякъ,—подумалъ Теркинъ:—даромъ что базарный торгошъ. Можетъ, раскольникъ?“

— Вы по молебнѣ будете?—спросилъ онъ.

— И-то? Нѣтъ, господинъ, мы—православные.

— Кто же у васъ старшиной? Все тотъ же?.. Какъ, бишь, онъ прозывался?

Теркинъ нарочно не хотѣлъ произнести имени старшины Малмыжскаго.

— Сунгуровъ.

— А Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Онъ давно ушелъ изъ старшинъ... Скупщикомъ сталъ.

— Какимъ?

— Да всякимъ. И у кустарей... сундуки скупаетъ, и ножевой товаръ... Зимой хлѣбомъ промышляетъ, судачиной.

— Разжился, стало быть?

— Какъ не разжиться... И въ старшинахъ-то лапу за скалъ въ общественный сундукъ. Мало ли народу оговори... И на поселеніе посылалъ... Перваго—Теркина, Ивана Прокоф... Общественникъ былъ... Такихъ новѣ не видать чтой-то...

— А вы Ивана Прокофьича знавали?—спросилъ Теркинъ, сдерживая волненіе.

— Какъ не знавать. Старикъ—настоящій радѣтель былъ за мірской интересъ. Царствіе ему небесное!

Теркинъ почувствовалъ, что къ глазамъ его подступаютъ слезы. Но онъ не хотѣлъ объявлять, какъ ему доводился Иванъ Прокофьичъ.

Торговецъ приподнялся.

— Вотъ, господинъ... Попомните: извозчикъ Николай... Такъ и скажите—къ Малышѣву. Время и за кладью присмотрѣть. Вонъ и Кладенецъ нашъ... видите обрывъ-то... темнѣется... за монастыремъ...

— Спасибо вамъ! — выговорилъ Теркинъ и самъ всталъ. — Такъ вы въ рядахъ торгуете, по базарнымъ днямъ?

— У меня и на недѣлѣ лавочка не запирается.

— А по фамиліи какъ?

— Енгалѣевъ.

— Попомнимъ!

Скромненько удалился торговецъ, запахиваясь въ ваточную чуйку, и еще глубже надвинулъ на уши картузь.

Пароходъ далъ протяжный свистокъ. Пристани еще не было видно; но Теркинъ распознавалъ ее привычнымъ глазомъ судопромышленника. Надъ полосой побережья круто поднимались обрывы. По горѣ, вдоль главной улицы, кое-гдѣ мелькали огоньки. Для села было уже поздно.

Съ собою Теркинъ захватилъ только маленькій чемоданчикъ да узелъ изъ плѣда. Даже дорожной подушки съ нимъ не было. Когда пароходъ причалилъ, онъ отдалъ свой багажъ матросу и сказалъ ему, чтобы позвалъ сейчасъ извозчика Николая.

Сколько онъ помнилъ, десять лѣтъ назадъ, въ Кладенецъ еще не было постоянныхъ извозчиковъ, даже и на пристаняхъ.

— Николай!—гаркнулъ матросъ.

— Здѣсь,—откликнулся негромкій, старій голосъ.

Темнота стала немного рѣдѣть. Въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ кончались мостки, разглядѣлъ онъ лошадь свѣтлой масти и долгушу въ видѣ дрогъ, съ широкимъ сидѣньемъ на обѣхъ роны.

— Пожалуйте, батюшка.

Подсаживалъ его на долгушу рослый мужикъ въ короткой пиджакѣ и въ шапкѣ,—кажется, уже сѣдой.

— Ты Николай будешь?—спросилъ Теркинъ.

— Николай, кормилецъ, Николай.

— Вези меня къ Малышовымъ.

— Въ номера?

— Противъ трактира. Мнѣ сказывали, тамъ есть хорошія комнаты.

— Есть-то-есть, а какъ быдто передѣлка у нихъ идетъ... Все едино, поѣдемъ.

Поѣхали. Съ мягкой вначалѣ дороги долгуша попала на бревенчатую мостовую улицы, шедшей круто въ гору, между рядами лавокъ съ навѣсами и галдарейками. Теркинъ вглядывался въ нихъ и у него въ груди точно слегка саднило. Самый запахъ лавокъ узнавалъ онъ—смѣсь рогожъ, дегтя, мучныхъ лабазовъ и кожи. Онъ былъ ему пріятенъ.

Поднялись на площадку, повернули влѣво. Пошли и каменные дома купеческой постройки. Въѣхали въ узкую, немощеную улицу.

— Вотъ, кормилецъ, и Малышова.

Теркинъ оглянулся направо и налево на оба двухъ-этажные дома. Въ лѣвомъ, внизу, свѣтился огонь. Это былъ трактиръ. „Номера“ стояли совсѣмъ темные.

XXIX.

Долго стучалъ Николай въ дверь. Никто не откликнулся. И наверху, и внизу—вездѣ было темно.

— Не слышать оканные!

— Со двора зайди!—отозвался Теркинъ.

И ему стало немного совѣстно: онъ, такой же мужикъ родомъ, какъ и этотъ уже пожилой извозчикъ—а сидитъ себѣ багриномъ въ долгушѣ и заставляетъ будить народъ и добывать себѣ ночлегъ.

Раздались шаги за входной дверью. Кто-то, съ прѣсономъ, плепалъ босыми ногами по сѣнямъ, а потомъ долго не могъ отомкнуть засова.

— Номеръ покажи! Барина привезъ, — сказалъ Николай громкимъ шопотомъ.

— Къ намъ нельзя,—сонно пробормоталъ малый, въ ошейникѣ рубахѣ и порткахъ.

— Почему нельзя?—спросилъ Теркинъ съ долгуши.

— Передѣлка идетъ... Малари работаютъ.

— Ни одной комнаты нѣтъ?

— Ни одной, ваше благородіе.

— А внизу?

— Внизу хозяева и молодцовскія.

Николай подошелъ къ долгушѣ и, нагнувшись къ Теркину, заботливо выговорилъ:

— Незадача!

— Да ты послушай, — шопотомъ сказалъ Теркинъ. — Они, можетъ, по старой вѣрѣ... Не пускаютъ незнакомыхъ?

— Церковные они... Одинъ-то ктиторомъ у Николая Чудотворца... А значить—передѣлка. Мнѣ и не въ домѣкъ... Сюды я давненько не возилъ никого.

— На нѣтъ и суда нѣтъ.

Половой стоялъ у полуотворенной двери и громко зѣвалъ.

— И завтра не будетъ комнаты?—крикнулъ ему Теркинъ.

— Не управятся!

Дверь захлопнулась. Сѣдокъ и извозчикъ остались одни посреди улицы.

— А вотъ тамъ?—указалъ Теркинъ на трактиръ, гдѣ все еще свѣтился огонь, внизу, должно быть въ буфетной.

— Сбѣгаю.

Николай побѣжалъ и тотчасъ же вернулся. Туда буфетчикъ не пустилъ—говорилъ: свободной комнаты нѣтъ, а съ раннего утра приходятъ тамъ пить чай.

— Гдѣ же ночевать-то, дяденька?—весело спросилъ Теркинъ.

— У насъ со старухой чистой горницы нѣтъ, господинъ... А то бы я съ моимъ удовольствіемъ...

Николай помолчалъ.

— Одно теперича—къ Устюжкову въ трактиръ... вонъ на вѣздѣ... Прѣзжали давеча... Тамъ, авось, пустятъ.

— Ну, къ Устюжкову, такъ къ Устюжкову.

Теркинъ вспомнилъ, что трактиръ этотъ только-что отдѣляли, когда онъ былъ послѣдній годъ въ гимназіи. Но въ него онъ не попадалъ: отецъ не желалъ, чтобы онъ баловался по „заведеніямъ“; да вдобавокъ тамъ и билліарда не поставили; а онъ только и любилъ, что билліардъ.

Повернули, проѣхали опять всю улицу и остановились у спуска, гдѣ начинается бревенчатая мостовая.

И тамъ все тоже спало. Не скоро отперли имъ. Половой, въ же босой и въ рубахѣ съ откинутымъ воротомъ—согласился пустить. Пришелъ и другой половой, постарше, и проводилъ Теркина, по темнымъ сѣнямъ, гдѣ пахло какъ въ торговой банѣ, навѣхъ, въ угловую комнату. Это былъ не номеръ, а одна изъ четырехъ комнатъ верхняго этажа, со столомъ, покрытымъ

грязной скатертью, диваномъ совсѣмъ безъ спинки и безъ вальковъ и двумя стульями.

— Больше нѣтъ комнатъ?

— Нѣтъ, господинъ... И эту, такъ только, въ одолженіе вашей милости. Номеровъ у насъ не полагается.

Половой, помоложе, въ красной рубахѣ и съ растрепанной рыжеватой головой, жмурился отъ свѣта сальной свѣчи и почесывался.

— Сюда вещи тащить?—спросилъ Николай.—Лучше, батюшка, не найдете нигдѣ.

— Тащи сюда!

Когда извозчикъ внесъ вещи, получилъ за ѣзду, условился завтра навѣдаться, не нужна ли будетъ лошадь, и ушелъ вмѣстѣ со старшимъ половымъ, Теркинъ осмотрѣлъ комнату и задумался.

— Какъ же я спать-то буду?—вслухъ подумалъ онъ.

Половой въ красной рубахѣ стоялъ, взявшись за ручку двери, и поглядывалъ на пріѣзжаго подслѣповато и крайне равнодушно.

— Вотъ же на диванѣ.

— А бѣлье нѣтъ?

— Какое же бѣлье?.. Хозяева спать, а у насъ, изволите знать, какое же бѣлье: на войлокахъ спимъ.

— И подушки не добудешь, милый человѣкъ?

— Нѣшто свою.

— Пожалуйста!—сталъ уже тревожнѣе просить Теркинъ.—Видишь самъ—и валька нѣтъ на диванѣ—на что же голову-то я прислоню?

— Это точно...

Красная рубаха удалилась, а Теркинъ прошелся по комнатѣ съ желтыми обоями и двумя картинками. Духота стояла въ ней ужасная, точно это былъ жаркій передбанникъ.

Онъ подошелъ къ окну и широко растворилъ его.

Холодокъ сентябрьской ночи пахнулъ изъ темноты, но вмѣстѣ съ какой-то вонью. Онъ долженъ былъ тотчасъ закрыть окно и брезгливо оглядѣлъ еще комнату. Ему уже мерещились, по угламъ, черные тараканы и прусаки. Въ ободранномъ диванѣ навѣрно миллионы клоповъ. Но всего больше раздражали его жара и жаръ. Вѣроятно, комната приходилась надъ кухней и русской печью. Запахи сора, смазныхъ сапогъ, помой и табаку махорки проникали, черезъ сѣнцы, изъ другихъ комнатъ трактира.

Точно его привели на съѣзжую, для ночевки, и втолкнули въ кутузку. Лучше бы извозчикъ Николай повезъ его къ сѣбѣ

или въ простой постоялый дворъ, гдѣ водится холодная чистая свѣтлица.

„Чистая?“ Чего захотѣлъ. У православныхъ чистоты не водятся; раскольники—у тѣхъ чисто—не пустятъ къ себѣ.

Вернулся половой и принесъ подушку, ситцевую, засаленную отъ долгаго спанья.

— Вотъ, господинъ, свою небольшую, коли не побрезгуете.

Теркинъ оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, боясь увидать нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

— Почище наволочки нѣтъ?

— Гдѣ же!—отвѣтилъ половой и жалостно усмѣхнулся. — Намъ не изъ чего мѣнять.

Особой наволочки на подушкѣ и не было вовсе.

— Ну, ладно.

— Больше ничего не потребуется?

Ему хотѣлось ѣсть; но что же могъ онъ добыть въ такой поздній для Кладенца часъ?.. Навѣрно, и порядочной, свѣжей булки не отыщется... Развѣ кусокъ прогорѣлой пакусной икры.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, ничего мнѣ не нужно... Развѣ пива бутылочку?

— Ключи у буфетчика, господинъ, отъ погребицы... А въ буфетѣ врядъ-ли найдется.

— Да и теплое будетъ... У васъ ровно въ банѣ... Отчего такъ?

— Отъ печки.

И половой указалъ пальцемъ въ полъ.

— Прощенья просимъ. Завтра вскричите. Мы рано встаемъ.

Малый этотъ такъ началъ зѣвать, что Теркинъ не захотѣлъ дать ему развязать пледъ.

Но онъ не сразу началъ устраивать себѣ постель.

Еще разъ обошелъ онъ комнату, скинулъ пальто и пиджакъ... Въ голову вступило. Онъ рѣшительно не могъ выносить такой жары. Опять открылъ онъ окно и опять вонь со двора заставила закрыть его.

— Экое свинство!—громко крикнулъ онъ, досталъ папиросу и закурилъ на сальной, оплившей свѣчѣ.

Щипцовъ ему половой не оставилъ.

— Экое свинство!—повторилъ онъ такъ же сердито, хотѣлъ еще что-то сказать, смолелъ и застыдился.

Какъ его сытное житье-то испортило! Точно настоящій баричъ. Не можетъ выносить теперь ни вони, ни духоты, ни таракановъ, ни оплившихъ сальныхъ свѣчей. А еще мужицкимъ

родомъ своимъ хвастается передъ интеллигентными господами! Номеръ ему подайте въ четыре рубля, съ мраморнымъ умывальникомъ и жардиньеркой.

Иванъ Прокофѣичъ, взростившій его, подкидыша, спалъ, всю жизнь, въ темномъ углу за перегородкой, гдѣ было гораздо грязнѣе и тѣснѣе, чѣмъ въ этой трактирной комнатѣ. И не морщился, переносилъ и большее „свинство“.

Устыдившись, Теркинъ поспѣшно разстегнулъ ремни плаща, отперъ чемоданчикъ, досталъ ночную рубашку и туфли, положилъ подушку полового въ одинъ конецъ дивана, а подъ нее чемоданчикъ, прикрылъ все плащомъ, раздѣлся совсѣмъ, накиннулъ на ноги пальто, поставилъ около себя свѣчу на столъ и собственные спички съ парой папирсъ—и задулъ свѣчу.

Онъ долго курилъ... Что-то начало его покусывать; но онъ рѣшился терпѣть.

Обманывать себя онъ не будетъ. Мужика въ немъ нѣтъ и помину. Отвыкъ онъ отъ грязи и такого „свинскаго“ житья. Но развѣ нужно крестьянину—какъ онъ ни бѣденъ—жить чуждой? Неужли у такого полового не на что чистой ситцевой наволочки завести?.. Въ томъ же Кладенцѣ у раскольниковъ — какая чистота!.. Особливо у тѣхъ, кто хоть немного разжился.

Сторожъ гдѣ-то застучалъ въ доску и ударилъ колоколъ церковныхъ часовъ.

У Николая Чудотворца—тотчасъ подумалъ Теркинъ и сталъ прислушиваться. Пробило двѣнадцать. И этотъ звонъ часовъ навѣялъ на него настроеніе сродни тому, съ какимъ онъ сидѣлъ въ Геосиманіи на ступенькахъ старой деревянной церкви... Захотѣлось помириться съ роднымъ селомъ, потянуло на порядокъ, взглянуть на домишко Теркиныхъ, если онъ еще не развалился.

XXX.

Только къ утру заснулъ Теркинъ. Духота такъ его дожимала, что онъ долженъ былъ открыть окно и помириться съ вонью, только бы прогнать жару.

Онъ проснулся раньше, чѣмъ заходили въ трактиръ, слышавъ, какъ пастухъ трубилъ тѣми же звуками, что и двадцать лѣтъ назадъ. Солнце ворвалось къ нему сразу—на окнѣ не было ни шторы, ни гардинъ—ворвалось и забѣгало по стѣнѣ.

Его теперь уже не коробило, какъ вчера; онъ помирился съ клопами, и съ отсутствіемъ бѣлья. Могло бы быть еще грѣ

и первобытнѣе, да вѣдь онъ и хотѣлъ попасть въ свое родное село не какъ паромщикъ Василій Ивановичъ Теркинъ, которому завѣдующій ихъ компанейской пристанью предоставилъ бы почетную квартиру, а попросту, чтобы его никто не замѣтилъ; пріѣхалъ онъ не для дѣла или изъ тщеславнаго позыва показать себя мужичью, — когда-то высѣвшему его въ волостномъ правленіи, — какой онъ нынче значительный человѣкъ. Заговори онъ съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ обывателей, въ какихъ мысляхъ и душевныхъ побужденіяхъ явился онъ въ Кладенецъ, его бы никто и не понялъ.

Часу въ седьмомъ рыжеволосый половой заглянулъ къ нему, въ той же красной рубахѣ, разстегнутомъ матерчатомъ жилетѣ и сапогахъ на-выпускъ.

Умыться надо было надъ шайкой, въ сѣняхъ. Полотенце нашлось въ буфетѣ. Чаю принесли ему „три пары“ съ кусочкомъ лимона и съ сухими-сухими баранками. Платье нечѣмъ было вычистить; у хозяевъ водилась щетка, да хозяева еще спали.

Сейчасъ же потянуло Теркина на улицу. Онъ сказалъ полному, чтобы послали извозчика Николая къ монастырю, гдѣ онъ возьметъ его часу около девятаго, и пошелъ по той улицѣ, по которой его привезли вчера отъ номеровъ Малышдовыхъ.

Кладенецъ разросся за послѣднія десять лѣтъ; но старая сердцевина съ базарными рядами почти-что не измѣнилась. Древнее село стояло на двухъ высокихъ крутизнахъ и въ котловинѣ между ними, шедшей справа налѣво. По этой котловинѣ вилась бревенчатая улица, книзу, на пристань, и кончалась за полъ-версты отъ того мѣста береговой низины, гдѣ останавливались пароходы.

Когда-то, чуть не въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, былъ тутъ княжой столъ и отрасль князей суздальскихъ сидѣла на немъ. Крѣпкій острогъ, съ земляными стѣнами и глубокими рвами стоялъ на концѣ дальней крутизны; она понадвинулась къ рѣкѣ и по сіе время, въ видѣ гребня... Валы сохранились со стороны Волги; по нимъ идетъ дорога, то вверхъ, то внизъ. Склоны валовъ обросли вустарникомъ. Не мало древнихъ сосенъ сохранилось и понинѣ. Туда Теркинъ бѣгалъ съ ребятишками, играть въ „кдзны“ — такъ зовутъ здѣсь бабки — и лазить по деревьямъ. Одно изъ нихъ приходится на огородъ и его почитаютъ какъ святыню, и православные больше, чѣмъ раскольники. На немъ появилась икона послѣ того, какъ молнія ударила въ стволъ и опалила какъ разъ то мѣсто, гдѣ увидали икону.

Это крайній предѣлъ села. Монастырь стоитъ наверху же, но дальше, на матерой землѣ повади выгона, на открытомъ мѣстѣ.

А на крутизнѣ, ближайшей отъ пристани, лѣпятся лачуги... Наверху, въ новыхъ улицахъ, наставили домовъ „богатѣи“, вышедшіе въ купцы, хлѣбные скупщики и судохозяева. У иныхъ введены барскія хоромы, въ два и три этажа, съ балконами и даже бельведерами.

Базарная улица вся полна деревянныхъ амбаровъ и лавокъ, съ навѣсами и галдарейками. Тѣсно построены онѣ, — такъ тѣсно, что, случись пожаръ, все бы „выдрало“ въ какихъ-нибудь два-три часа. Кладенецъ и горѣлъ не одинъ разъ. И ряды эти самые стоятъ не больше тридцати лѣтъ послѣ пожара, который „отмахалъ“ половину села. Тогда-то и пошла еще горшая свѣра изъ за торговыхъ мѣстъ, гдѣ и покойный Иванъ Прокофьячъ Теркинъ всего горячѣе ратовалъ за общественное дѣло и нажилъ себѣ лютыхъ враговъ, сославшихъ его на поселеніе.

Въ рядахъ было совсѣмъ тихо. Всѣ лавки отрывались только въ базарные дни — по понедѣльникамъ и пятницамъ, а Теркинъ пріѣхалъ въ ночь со вторника на среду. Лавочники съ овощнымъ и крестьянскимъ товаромъ отворили кое-гдѣ свои палатки. Но подвозу никакого не было и стояла тишина, совсѣмъ не похожая на сутолоку базарныхъ дней. Кладенецъ до сихъ поръ еще удержалъ за собою скупку, по уѣздамъ Заволжья, хлѣба, говяжьихъ тушъ, шкуръ, меда, деревянныхъ подѣлокъ, готовыхъ саней, ободьевъ, рогожи. Село кипитъ скупщиками, и крупными, и мелюзгой, и всѣ почти изъ мѣстныхъ крестьянъ, даже и тѣ, что значатся мѣщанами и купцами.

Чтобы попасть къ тому „проулку“, гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофьяча, Теркину надо было, не доходя номеровъ, куда его вчера не пустили, взять кверху: но его стало разбирать жуткое чувство, точно онъ боялся найти „пепелище“ совсѣмъ разореннымъ и ощутить угрызение за то, что такъ забросилъ всякую связь съ родиной.

Онъ вышелъ къ валу, оставивъ позади торговую часть Кладенца, а вправо — и гораздо глубже — монастырь и новый соборъ.

Дорога по валу ничего не измѣнилась... Сосны стояли на тѣхъ же мѣстахъ, только макушки ихъ порѣдѣли. Утро, свѣжее и ясное, обдавало его чуть замѣтнымъ вѣтеркомъ. Лѣто еще держалось, а на дворѣ было начало сентября. Подошелъ онъ и къ тому повороту, гдѣ за огороднымъ плетнемъ высилась сосна, на которой явилась икона Божіей Матери... Помнилъ онъ, что на соснѣ этой, повыше человѣческаго роста, прибиты были два дѣльных склада, около того мѣста, куда ударила молнія.

Стволъ потемнѣлъ... Оба образца тутъ. Теркинъ остано...

обернувшись въ ту сторону, гдѣ подальше шло болотце, считавшееся также святымъ. Про него осталось преданіе, что туда провалилась цѣлая обитель и затоплена была водой... Но озеро давно стало высыхать и теперь—топкое болото, кое-гдѣ покрытое жидкимъ тростникомъ.

Про всю кладенецкую старину зналъ онъ отъ отца... Иванъ Прокофійчъ былъ грамотѣй, читалъ и мѣстнаго „лѣтописца“, зналъ исторію монастыря, даромъ что не любилъ поповъ и чернецовъ и рѣдко ходилъ къ обѣднѣ.

На краю вала, на самомъ высокомъ изгибѣ — съ чуднымъ видомъ на нижнее побережье Волги—Теркинъ присѣлъ на травѣ и долго любовался далью. Мысли его ушли въ глубокую старину этого когда-то дикаго, дремучаго края... Отецъ и про древнюю старину не разъ ему рассказывалъ. Бывало, когда Вася вернется на вакаціи и выложитъ свои книги—Иванъ Прокофійчъ возьметъ учебникъ русской исторіи, покажетъ ему маленько, а потомъ скажетъ:

— А про нашъ Кладенецъ — ничего, поди, нѣтъ у васъ... Въ которомъ году заложенъ и какимъ княземъ?

Вася ничего не зналъ объ этомъ изъ учебника. Отъ отца помнить онъ, какъ одинъ изъ кievскихъ князей Рюриковичей вступилъ въ удѣльную усобицу съ роднымъ своимъ дядей, взялъ его столъ, сжегъ обитель, церкви, срылъ до основанія городъ. Дядя ушелъ на сѣверъ искать приволья и княженія въ суздальскомъ краѣ, гдѣ володѣли такіе же Рюриковичи. И приплылъ онъ сюда, снизу, къ дремучимъ лѣсамъ керженецкимъ, гдѣ держались дикія племена мордвы и черемисъ, всѣ язычники, бродили по лѣсамъ, жили въ пещерахъ или въ шалапахъ, обмазанныхъ глиной. Князю удалось утвердиться на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ и поднесъ Кладенецъ. Заложилъ онъ городъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ земляная твердыня еще держится, больше семисотъ лѣтъ... Населилъ онъ свой Кладенецъ дружиной, ратными людьми, мордвой и черемисами, волжскими и камскими болгарами, плѣнниками изъ сосѣднихъ земель. И первымъ дѣломъ задумалъ онъ основать обитель. Тогда-то явленная икона и показалась на той святой соснѣ... Князь приказалъ ее снять отца, но невидимая сила удерживала икону и не было никакой возможности отдѣлить ее отъ ствола сосны. Обитель освятили въ имя Божьей Матери Одигитріи, и тогда икона далась въ руки и ее поставили запрестольной иконой. Монастырь сталъ изливаться язычникомъ свѣтъ ученія Христа, князья радѣли о немъ и одну сотню лѣтъ сидѣли на своей отчинѣ и дѣдинѣ—вплоть

до того часа, когда Москва протянула и въ эту сторону свою загребушую лапу и княжескій стольный городъ перешелъ въ воеводскій, а тамъ въ посадъ, а тамъ и въ простое торговое село. Только останки князей и княгинь повоятся въ обители, подъ покровомъ Одигитріи.

„Доблесть князя, да церковный чинъ,—думалъ Теркинъ, сидя на краю вала,—и утвердили все. Отовсюду стекаться народъ сталъ, землю пахалъ, завелъ большой торгъ. И такъ вездѣ было. Даже отъ раскола, пришедшаго сюда изъ Березнецкаго края, не распался Кладенецъ, стоитъ на томъ же мѣстѣ и расширяется“.

Сладко ему было уходить въ дремучую старину своего кровнаго села. Кому же, какъ не ей, и онъ обязанъ всѣмъ? А послѣ нея—мужицкому міру. Безъ него и его бы не принялъ въ себѣ въ домъ Иванъ Прокофійчъ и не вывелъ бы въ люди. Все отъ земли, все!—и самъ онъ долженъ къ ней вернуться, коли не хочеть уйти въ „распусту“.

XXXI.

Монастырскій дворъ былъ совсѣмъ безлюденъ, когда Теркинъ попалъ на него. Справа шелъ двухъ-этажный, оштукатуренный корпусъ; подъѣздъ приходился ближе къ входнымъ воротамъ, безъ навѣса, открытый на обѣ половины дверей. Деревянная лѣстница, широкая и низкая, вела прямо въ верхнее жилье.

Теркинъ осмотрѣлся. Слѣва стояла небольшая церковь, старинной постройки—съ колокольней, шатромъ. Дальше выступалъ болѣе массивный новый храмъ, пятиглавый, свѣтло-розовый. Глубже шли кельи и службы. Все смотрѣло довольно чисто и хозяйственно.

Выставилось въ окно одной изъ келій старческое лицо съ кудельной бородой.

— Какъ пройти къ отцу настоятелю?—спросилъ Теркинъ. Монахъ не сразу дослышалъ: кажется, былъ крѣпковать на ухо. Пришлось повторить вопросъ.

— А прямо идите по лѣстницѣ—и налѣво... дверь-то налѣво. Тамъ служба доложить.

На верхней площадѣ Теркинъ увидалъ слѣва дверь, оббитую клеенкой, съ трудомъ отворилъ ее и вошелъ въ маленькую прихожую, гдѣ, прежде всего, ему кинулась въ глаза корзина, стоявшая у печи и полная булокъ-розанцевъ.

За перегородкой, въ створенную дверь выглядывала к вать со скомканнымъ ситцевымъ одѣяломъ. Оттуда вышелъ ма

чикъ, лѣтъ тринадцати, весь въ вихрахъ совсѣмъ бѣлыхъ волосъ, щекастый и веснущатый, одѣтый служкой, довольно чумазый.

— Отецъ настоятель?—спросилъ Теркинъ.

Мальчикъ хлопнулъ бѣлыми рѣсницами, покраснѣлъ и что-то пробормоталъ, поводя головой въ сторону двери.

У Теркина было съ собой письмо отъ одного земца къ игумену, отцу Θεогносту. Онъ его вынулъ, присоединилъ свою карточку и отдалъ мальчику.

— Вотъ отнеси отцу-настоятелю.

Думы на тему древняго Кладенца настроили его на особый ладъ. Онъ ожидалъ найти здѣсь какого-нибудь старца, живущаго на покой, вдали отъ сутолоки и соблазновъ, на какіе онъ только-что насмотрѣлся у Троицы.

Мальчикъ трусливо пріотворилъ дверь—и оттуда донесся громкій разговоръ. Два мужскихъ голоса, здоровыхъ и высокихъ, и одинъ женскій—звонкій и раскатистый голосъ молодой женщины.

Это его привело въ недоумѣніе: въ такой ранній часъ, и женщина—въ кельѣ настоятеля, въ довольно шумной бесѣдѣ.

— Пожалуйте!—промычалъ мальчикъ и пошире растворилъ дверь.

Первая комната, въ одно окно, служила кабинетомъ настоятелю. У окна, налѣво, стоялъ письменный столъ изъ краснаго дерева, съ бумагами и книгами; около него кресло и подальше клеенчатая кушетка. Бромъ образѣвъ ничто не напоминало о монашеской кельѣ.

У входа въ просторную и очень свѣтлую комнату, съ отдѣлкой незатѣйливой гостиной, встрѣтилъ его настоятель—высокій, худощавый, совсѣмъ еще не старый на видъ, блондинъ, съ просѣдою, въ подрясникѣ изъ лѣтней матеріи, съ лицомъ свѣтскаго священника въ губернскомъ городѣ.

Въ рукѣ онъ держалъ распечатанную записку съ карточкой.

— Весьма радъ... Василій Иванычъ?—вопросительно выговорилъ онъ и протянулъ руку такъ, что Теркину неловко сдѣлалось поцѣловать—видимо, настоятель на это и не рассчитывалъ—онъ только пожалъ ее.

— Не угодно ли сюда? Чайку не прикажете ли?

На огромномъ диванѣ, съ обивкой изъ волосяной матеріи, сидѣла женщина, лѣтъ за тридцать, некрасивая, жирная, гладко причесанная, въ розовой распахнутой блузѣ, приподнялась вмѣстѣ съ рыжимъ монахомъ, тоже въ подрясникѣ, съ огромной шапкой въ нистыхъ русыхъ волосъ.

— Милости прошу... Позвольте познакомиться... Отецъ-казначей нашей обители. А это—племянница моя, супруга отца благочиннаго, въ селѣ Свербѣевѣ.

Попадья первая протянула—черезъ столъ съ самоваромъ—широкую ладонь и подала ее Теркину ребромъ.

— Очень пріятно,—выговорила она развязно и тотчасъ же опустилась на диванъ.

Казначей крѣпко пожалъ руку Теркина и поглядѣлъ на него какъ-то особенно весело.

— Изволили сегодняшняго числа на пароходѣ прибѣжать?—спросилъ онъ маслянистымъ, пріятнымъ баритономъ.

— Нѣтъ, вчера вечеромъ, поздно угодилъ,—отвѣтилъ Теркинъ, впадая въ мѣстный говоръ.

— Вотъ сюда, присядьте! — усаживалъ его настоятель.— Чайку?... Пелагея Ивановна... Предложите имъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ,—отозвалась попадья и спросила Теркина, какъ онъ желалъ: покрѣпче или послабѣе.

— На собственномъ пароходѣ изволили прибыть?—спросилъ пріятливо настоятель, сядя около гостя, на краю дивана; взявъ въ руки блюдечко, потомъ пояснилъ остальнымъ:—Василій Ивановичъ—хозяинъ парохода „Батракъ“, въ томъ же товариществѣ... знаете, отецъ казначей... мы еще на ярмарку бѣжали... на одномъ... кажется, „Бирючъ“ прозывается... прошлымъ годомъ?

— Какъ же!.. Еще капитанъ—такой душевный человѣкъ... даромъ что побывалъ въ тундрахъ сѣвера!..

Казначей подмигнулъ и засмѣялся.

Земецъ, знакомый Теркина, выдалъ его, прописавъ въ своемъ письмѣ, что онъ—пароходчикъ. Теркину не хотѣлось до поры, до времени выставляться, да и не съ тѣмъ онъ шелъ сюда, въ келью игумена. Онъ мечталъ совсѣмъ о другой бесѣдѣ—съ глазу на глазъ, гдѣ ему легко бы было излить то, что его погнало въ родное село. А такъ, сразу, онъ попадалъ на зарубку самыхъ заурядныхъ обывательскихъ разговоровъ... Онъ даже началъ чуть замѣтно краснѣть.

— Нашъ знакомецъ,—заговорилъ еще бойчѣе настоятель:—извѣщаешь меня про одно дѣло, касающееся обители,—онъ поведъ головой въ сторону казначея,—и всячески обнадеживаетъ насчетъ нашего ходатайства въ губернской управѣ по вопросу о субсидіи для училища.—Казначей крикнулъ.—Вдвое лестно было познакомиться!—настоятель повернулся къ гостю, указывая на то рукой и прибавилъ опять въ сторону казначея:—имъ желате'но было и нашу обитель посѣтить.

Настоятель выражался очень свободно; подвижность и тонъ рѣчи показывали въ немъ очень бывалаго человѣка, не безъ книжнаго образованія.

— Гдѣ же изволили остановиться и надолго ли?—спросилъ казначей, допилъ чай и покрылъ чашкой блюдечко, низомъ вверхъ.

Теркинъ разсказалъ, какъ онъ вчера искалъ ночлега.

— Да почему же вы, Василій Ивановичъ, ко мнѣ прямо не вѣхали?.. Знакомецъ вашъ даже и говорить въ письмѣ своемъ, чтобы вамъ оказать гостепріимство.

— Поздно было, отецъ-настоятель, не хотѣлъ васъ беспокоить.

— Сколько же деньковъ еще пробудете у насъ?—спросилъ казначей.

— Какъ придется... Денька два-три.

— По дѣламъ?

На вопросъ казначея Теркинъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не хотѣлъ скрывать дольше то, что онъ здѣшній, кладенецкій, пріемный Ивана Прокофѣича Теркина. Ему показалось, что настоятель раза два взглянулъ на него такъ, какъ будто ему фамилія его была извѣстна,—можетъ, и все его прошедшее, вмѣстѣ съ исторіей его отца.

Въ монастырѣ, у обѣдни онъ въ дѣтствѣ не бывалъ; если и брали его—онъ не помнитъ. Гимназистомъ навѣрно не заглядывалъ сюда; а потомъ протекло десять лѣтъ—Кладенецъ совсѣмъ пересталъ существовать для него. Онъ не слыхалъ, давно ли этотъ настоятель правитъ здѣшнимъ монастыремъ и могъ ли онъ лично знать Ивана Прокофѣича.

— Дѣлъ у меня нѣтъ въ Кладенцѣ,—тихо началъ онъ и поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.—Это моя родина, и я ее, по разнымъ причинамъ, упустилъ изъ виду.

— Такъ, значить, я не ошибся!—возбужденно сказалъ настоятель.—Ваша фамилія сейчасъ мнѣ напомнила... Вотъ отецъ казначей—здѣсь вновь, а я больше пятнадцати лѣтъ живу въ обители. Прежде здѣшнія дѣла и междоусобія чаще до меня доходили... Да и до сихъ поръ я имѣю сношенія съ мѣстными властями и крестьянскими наибольшими... Такъ вы будете Теркина... ктѣхъ, бишь, его звали... Иванъ Прокофѣичъ никакъ... если не ошибаюсь?..

— Пріемный его сынъ,—вымолвилъ Теркинъ и опять поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.

Въ узкихъ сѣрыхъ глазахъ настоятеля промелькнула усмѣшка

тонкаго человѣка, который не сталъ бы первый разспрашивать объ этомъ гостѣ, касаться его крестьянскаго рода.

— Все же похвально—настоятель кивнулъ опять головой въ сторону казначея—съ родиной своей не прерывать связи—ежели Богу угодно и вывести на торную дорогу честныхъ стяжаній и благъ земныхъ!

И не выдержавъ тона этихъ словъ, настоятель наклонился къ гостю и договорилъ потише:

— Про одиссею Ивана Прокофѣича много наслышанъ...

„Знаешь, небось, что меня высѣкли въ приказѣ“, подумалъ Теркинъ, но тотчасъ же устыдился этой тревоги и сказалъ спокойно и мягко:

— Онъ свою жизнь прожилъ безъ пятна.

Казначей всталъ, поблагодарилъ попадью за чай и, наклонивши голову къ настоятелю, спросилъ:

— Не попозднѣ ли зайти?

— Побудьте съ Пелагеей Ивановной, а мы съ дорогимъ гостемъ побесѣдуемъ маленько... Василій Иванычъ!.. Не соблаговолите ли пожаловать ко мнѣ, туда... Пелагея Ивановна, чай-то гостю приплите въ кабинетъ, съ Митюнкой.

Настоятель взялъ Теркина подъ-руку и повелъ его въ первую комнату. Съ порога онъ крикнулъ мальчику:

— Стаканъ чаю сюда подай! Слышишь?..

XXXII.

— Курить не желаете ли? — предложилъ настоятель, какъ только посадилъ Теркина у стола, а самъ сѣлъ по другую сторону. — Что-жъ чай-то? — крикнулъ онъ въ дверь.

Мальчикъ, подавая стаканъ чаю на подносѣ, сдѣлалъ неловкое движеніе—стаканъ опрокинулся и брызги попали на рукавъ гостя.

— Эхъ! Остолопъ какой! — далъ на мальчика окрикъ настоятель.

Тотъ покраснѣлъ вплоть до ушей, и его глаза, отъ смущенія, совсѣмъ посоловѣли.

— Ничего, ничего! — успокоивалъ Теркинъ.

— Право, остолопъ! Живо другой стаканъ!.. Пожалуйста рите, Василій Иванычъ... Мы вѣдь не раскольники, — прибавилъ настоятель и громко разсмѣялся. — Душевно радъ, — продолжалъ онъ, наклоняясь къ гостю черезъ столъ, — что вы надумали

ныя палестины посѣтить... Скажите пожалуйста, родитель вашъ... тогда... пострадалъ, по навѣтамъ враговъ своихъ?.. Ну, не облей въ другой разъ!—крикнулъ онъ мальчику, трепетно подававшему чай.—И ступай!.. Я объ этихъ дѣлахъ довольно слышанъ былъ отъ одного изъ благопріятелей вашего отца... Чай, помните? Молювъ, Никандръ Саввичъ!..

— Помню: черноватый, приземистый...

— Теперь какъ раздобылъ!.. И по нашему Кладенцу первый, можно сказать, воротило въ земскихъ собраніяхъ и въ здѣшнихъ волостныхъ дѣлахъ... Нашего братства одинъ изъ попечителей.

— Братства?—переспросилъ Теркинъ.

— А вамъ неизвѣстна дѣятельность нашей обители, Василій Ивановичъ?

— Виновать!

— Чтò могъ, я слабыми своими силами успѣлъ привести къ вожделѣнному концу. Но хотѣлось бы и побольше... Монастырь нашъ заштатный, казеннаго содержанія не имѣть...

— На что же вы существуете, отецъ-настоятель?

— Есть кое-какія угодья. Землица луговая и пахатная, мельница на нѣсколько поставовъ. Моими стараніями приведена въ возможно лучшее положеніе. Подворье имѣется въ губерніи... и часовня на ярмаркѣ... Хлопочу о построеніи таковой же въ одной изъ нашихъ столицъ, около вокзала, на примѣръ, гдѣ происходитъ наибольшее стеченіе народа.

Глаза настоятеля забѣгали. „Ловкій ты мужикъ! — подумалъ про себя Теркинъ:—тебѣ бы впору и всей кладенецкой торговлей ворочать“.

— На что же, сами разсудите, Василій Ивановичъ, не токмо что ужъ поддерживать наши разныя учрежденія, а братію питать?... У насъ въ обители до пятидесяти человѣкъ однихъ монашествующихъ и служекъ. А окромя того, училище для приходящихъ и для живущихъ мальчиковъ, лечебница съ аптекой... Только съ прошлаго года земство свою больницу открыло... И бесплатную бібліотеку имѣемъ при братствѣ,—значить, подъ сѣнью нашей же обители,—открыли женское училище.

— Неужели до сихъ поръ нѣтъ въ Кладенцѣ казеннаго или лскаго училища? — спросилъ Теркинъ, и ему стало совѣстно, что онъ этого доподлинно не зналъ.

— Есть... И образцовое двуклассное, и еще двѣ школы въ сѣлобдахъ; но вѣдь это въ самое послѣднее время заведено; а прежде—вы, чай, сами помните—хоть шаромъ покати... Расколь-

ничьи чернецы да солдаты безграмотные—учили по псалтири... Опять же, при братствѣ происходят бесѣды, въ виду борьбы съ расколомъ, и поучительныя чтенія свѣтскаго характера.

Настоятель откинулъ длинную прядь за ухо и немного покраснѣлъ. Видно было, что онъ попалъ на свою любимую тему.

— Не заштатнымъ бы нашему монастырю слѣдовало быть, а ставропигіальнымъ, ибо онъ — изъ самыхъ старѣйшихъ... Вы изволили интересоваться здѣшней стариной?

— Кое-что слыхалъ отъ отца. А читалъ мало...

— Вѣдь безъ кладенецкой обители и Нижняго бы не было. Предокъ Александра Невскаго, святитель Симонъ, уже послѣ того, какъ князь столъ утвердился на Дятковыхъ горахъ—заложилъ городъ, который и называли Нижнимъ въ отличіе отъ Верхняго или великаго Новгорода... И сколько иноками нашей обители и святителями кладенецкими обращено было язычников! Вѣдь здѣсь повсюду черемисы и мордва жили, а дальше по Волгѣ и Камѣ были становища прирѣчныхъ болгаръ, самыхъ первыхъ тогда враговъ русскихъ людей.

— Слыхалъ, слыхалъ отъ отца.

— И вотъ видите — какой оборотъ судебъ. Болгаръ православные князья русскіе нещадно били и отводили въ полонъ, а семьсотъ лѣтъ спустя за тѣхъ же самыхъ болгаръ сколько русской крови пролито!.. Нашъ Кладенецъ на половину населенъ былъ плѣнниками... Вѣдь верхняя-то слобода—она самая старѣйшая, по ту сторону вала, гдѣ собственно городъ былъ—до сихъ поръ въ народѣ слыветъ Полонной. На что же это указываетъ? Да и въ жителяхъ Кладенца есть совсѣмъ разные два облика. Одни бѣловурые—вотъ, хоть бы и вы, а другіе—смуглые и волосы черные, плоскіе. Эти прямо отъ черемисъ и болгаръ, камскихъ и волжскихъ.

Опять Теркинъ, слушая складную рѣчь настоятеля, унесся мыслями въ судьбы своего родного села.

— А испытанія какія Господь посылалъ на Кладенецъ... Татарскій погромъ обрушился на нашъ край послѣ разоренія Владиміра на Клязьмѣ... Пришла гибель Кладенцу. Но его князь одинъ изъ немногихъ не палъ духомъ и пошелъ на враговъ и погибъ въ рядахъ своей рати... Шутка сказать, когда это было—пять сотъ слишкомъ лѣтъ назадъ... И ханъ Берку чуть ошпарилъ не истребилъ нашъ городъ, и царевичъ татарскій Драшна гонимъ зилъ ему огнемъ и мечомъ!

— И все это пережила ваша обитель!

— Какъ видите, стоимъ все на томъ же мѣстѣ, куда и

стославный угодникъ земли русской, князь Александръ Ярославичъ Невскій, приходилъ на поклонъ иконѣ Пресвятой Дѣвы. . И послѣ ига татарскаго, и послѣ упраздненія стола князей кладенецкихъ—обитель наша подъ охраною Владычицы не оскудѣвала... Что случилось съ татарами?

— Халаты продаютъ!

— Именно!—настоятель громко разсмѣялся.—А что они и у насъ долгое время хозяйничали, на это, до сей поры, есть указанія. Изволите помнить приговоръ-то, позади бывшихъ прадилень, зовется „Баскачиха“. Значить, тамъ баскаки ханскіе проживали и производили свои звѣрскія вымогательства.

Настоятель сдержалъ себя и спросилъ:

— Коли вамъ желательно ознакомиться съ нашими посильными трудами, я съ великой радостью... У меня и къ печати приготовлено кое-что, для губернскихъ вѣдомостей. Ежели угодно, такъ я велю позвать отца-эконома—отецъ-то казначей долженъ по дѣлу маленько отлучиться.

— Вы не безпокойтесь,—перебилъ Теркинъ:—я къ вамъ еще заверну... завтра утромъ.

— А спервоначалу желаете... праху родителей поклониться... панихиду отслужить?

— Они не здѣсь лежатъ,—отвѣтилъ Теркинъ.—Отецъ, послѣ ссылки, выселился отсюда.

— И домикъ свой оставилъ. Продавъ что-ли?

— Да, онъ у него давно былъ собственный, еще при графскомъ управленіи.

— А теперь кто имъ владѣетъ?

— Не знаю, право, въ точности.

— Такъ вамъ надо, первымъ дѣломъ, къ Мохову, Нибандру Саввичу. Его домъ не изволите знать гдѣ?

— Нѣтъ, не знаю. За мной сюда извозчикъ заѣдетъ... Ниболаемъ зовутъ.

— Онъ довезетъ. А во всякомъ случаѣ, отецъ-экономъ вамъ укажетъ. Вотъ я сейчасъ спысываю за нимъ. У него досугъ найдется. Къ Мохову—первымъ дѣломъ. Онъ васъ къ себѣ перетаскиваетъ, коли моей кельей не угодно будетъ воспользоваться... И въ училище, и въ земскую больницу онъ васъ свезетъ.

— Съ раскольниковъ моленной вы, разумѣется, не находите въ сношеніяхъ?

— Она насъ чурается, а не мы ея. Однако съ попечителемъ ея—слыхали, чай, на ярмаркѣ—съ богатѣемъ Кашедаевымъ все тѣшались и бесѣдовали... Онъ имъ и богадельню возвелъ, на

дворѣ молебни. Если поинтересуетесь, отецъ экономъ познакомитъ васъ съ миллионеромъ изъ бывшихъ старообрядцевъ — поди, онъ еще не уѣхалъ вверхъ, по Волгѣ, на собесѣдованіе... Проще къ становаму заѣхать: онъ вамъ дастъ отъ себя рекомендацію къ одному изъ начетчиковъ. Они съ полиціей нынче въ ладахъ живутъ, — прибавилъ настоятель, тонко усмѣхнувшись.

— А распри въ крестьянскомъ обществѣ все по прежнему? — спросилъ Теркинъ и поднялся со стула.

— Все тѣ же междоусобія. Одни гнутъ на городовое положеніе — и во главѣ ихъ Никандръ Саввичъ. Онъ вамъ все разскажетъ обстоятельно.

— А ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Давнымъ-давно. Только одна пущая смута и плутовство великое вышли. И хорошій молодой человѣкъ изъ-за этого дѣла загубилъ себя.

Теркинъ сейчасъ же вспомнилъ и спросилъ:

— Тотъ? Аршауловъ? Почтмейстера сынъ?

— Онъ, онъ! Сколько лѣтъ — настоятель сразу понизилъ тонъ — сидѣлъ въ заточеніи и провелъ въ ссылки, да и теперь находится подъ присмотромъ, въ бѣдственномъ положеніи.

— Гдѣ?

— Здѣсь, никакъ! Мать-старуха, должно, имѣетъ въ Кладенцѣ пенсію ничтожную. Вымолила у начальства сюда его, знаете, на мѣсто жительства перевести. Такъ вѣдь пить-ѣсть надо, а у него, слыхалъ я, чахотка. Какой же работой, да еще здѣсь въ селѣ, можетъ онъ заняться? Уроки давать некому, да онъ, поди, еле-живъ.

Глаза Теркина возбужденно замигали.

— Гдѣ же могъ бы я, отецъ-настоятель, справиться о немъ? Судьба его достойна состраданія!

— Гдѣ? — протянулъ настоятель. — Да первымъ дѣломъ у становаго. Вѣдь это его подначальная команда, такіе-то господа. Становой у насъ не спѣсивый и довольно обстоятельный. Фамилія Вианскій, Мартирій Павловичъ.

— Изъ духовнаго званія?

— Весьма! — настоятель подмигнулъ. — Сейчасъ и поговору увидите. Изъ здѣшнихъ же, заволжскихъ палестинъ. Такъ я сейчасъ распоряжусь, Василій Ивановичъ!

Настоятель подошелъ къ двери въ гостиную и крикнулъ:

— Отецъ-казначей!.. Повремените еще маленько.

Потомъ онъ послалъ службу за экономомъ.

— А вотъ и вашъ извозчикъ! — Онъ указалъ Теркину въ окно, на дворъ, куда въѣхалъ Николай на своей долгушѣ.

XXXIII.

— А гдѣ твой дворъ, Николай?

Извозчикъ попросилъ у сѣдока позволенія — заѣхать домой „попоить лошадеу“. Они уже побывали въ разныхъ мѣстахъ и отца-эконома подвезли обратно къ монастырю.

— Вонъ, на самой кручѣ, кормилецъ. Дальше и дороги нѣтъ! — отвѣтилъ Николай, указывая кнутомъ.

— Ладно, надъ нами не каплетъ.

Побывали они съ отцомъ-экономомъ, тихимъ старикомъ, изъ простого званія, сначала въ образцовомъ училищѣ и въ земской больницѣ, потомъ заѣхали на квартиру станового. Его не оказалось дома—куда-то отлучился, на селѣ; но къ обѣду долженъ былъ вернуться; оставили у него записочку отъ отца-настоятеля. Заѣхали къ Мохову. Тотъ тоже уѣхалъ на пристань. Предлагалъ экономъ побывать и у миссіонера — коли желательно насчетъ раскола побесѣдовать; но Теркинъ отложилъ это до другого раза. Ему захотѣлось остаться одному, да и монаху пора было къ трапезѣ. Отъ монастыря спустились они къ тому проулку, гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофѣича. На перекресткѣ Теркинъ сошелъ съ долгуши и сказалъ Николаю, чтобы онъ подождать его около номеровъ Малышова, а самъ онъ дойдетъ туда пѣшкомъ. Сердце у него забѣдало въ груди, когда онъ сталъ спускаться по проулку... Вотъ заборъ вдоль сада одного раскольника, богатаго торговца, съ домомъ на дворѣ. Тотъ же мезонинъ выглядываетъ изъ-за липъ сада, только крыша зеленая, а не буро-красная, какою прежде была. Дорога врѣзалась въ пригорокъ и два порядка—справа и слѣва—поднимаются надъ нею. Избенки—все больше въ три окна, кое-гдѣ въ пять, старыя, еще „до-пожарныя“, какъ здѣсь называютъ. Эта возвышенная часть Кладенца и есть та „Полонная“, гдѣ, по толкованію отца-настоятеля, селились взятые „въ полонъ“ инородцы—мордва, черемисы, камскіе и волжскіе болгары. Теркину вспомнились лицо, ростъ и вся посадка Ивана Прокофѣича — они выплыли передъ нимъ до такой степени ясно, точно онъ смотритъ на него на разстояніи двухъ аршинъ. Было въ немъ, въ его неправильныхъ чертахъ, пожалуй, что-то инородческое, не коренное русское. Можетъ, и пылкій свой нравъ онъ унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка, жившаго въ

лѣсахъ и пещерахъ, еще при Александрѣ Невскомъ или Юріѣ Всеволодовичѣ, князѣ кладенецкомъ.

И жалость въ старику разлилась по нему—жалость и сознание своей собственной дряхлости. Развѣ Иванъ Прокофьевичъ способенъ былъ пойти на такія сдѣлки съ совѣстью, на какія онъ пошелъ?.. И если онъ теперь отдѣлался отъ срама—отъ денегъ Калеріи, все-таки онъ, на нихъ, въ одинъ годъ расширилъ свой кредитъ, пошелъ еще сильнѣе въ гору. А старикъ его не зналъ никакой жадности, еле пробивался грошевымъ спичечнымъ заведеніемъ, поддерживалъ бѣдняковъ, впалъ самъ въ бѣдность; еслибъ не сынъ, кончилъ бы нищетой—и даже передъ смертью также радѣлъ объ своихъ „однообщественникахъ“.

Еще два-три двора—и справа долженъ былъ показаться продолговатый сарайчикъ, гдѣ помѣщалось заведеніе, съ узкими окнами... Не доходя, былъ частоколъ, съ продѣланной въ немъ лазейкой. Туда ему, мальчишкой, случалось проникать за подсолнухами. Вотъ и частоколъ,—только онъ теперь смотритъ исправнѣе, лазейки нѣтъ.

Этотъ ли сарайчикъ? Долженъ быть онъ... Мѣста занимаетъ онъ столько же, только окна не такія и крыша другая, приподнята противъ прежняго. Однако, старыя, крѣпкія бревна сруба тѣ же—это сейчасъ видно. Домикъ въ три окна, какъ и былъ, только опять крыша другая, плоче, больше на городской фасонъ—и ворота совсѣмъ новыя, изъ хорошаго теса, съ навѣсомъ и рѣзбой. Имъ, судя по цвѣту лѣса, не будетъ и пяти лѣтъ.

Улица стояла пустая. Не у кого было спросить, чей это теперь дворъ? Онъ помнилъ, что Иванъ Прокофьевичъ продалъ его какому-то мужичку изъ деревни Разсохино, по старой костромской дорогѣ, верстахъ въ десяти отъ Кладенца—и продешевилъ, какъ всегда. Тотъ мужичокъ хотѣлъ тоже наладить тутъ какое-то заведеніице, кажется, кислочейное, для продажи, на базарахъ, квасу и кислыхъ щей, вмѣстѣ съ орѣховой „збойной“ и пареной грушей.

Захотѣлось ему войти въ калитку—совсѣмъ по-дѣтски потянуло туда, на дворикъ, съ погребницей въ глубинѣ и навѣсомъ, и съ крылечкомъ налѣво, гдѣ, бывало, старуха сидитъ, разматываетъ „талки“ суровой пряжи. Онъ тутъ же, за книжкой... По утрамъ онъ ходилъ къ „земскому“—и зналъ уже четыре пѣ-вила. Изъ сарайчика идетъ запахъ сѣры, къ которому всѣ да и привыкли.

Онъ взялся за щеколду калитки и хотѣлъ отворить.

Заперто было изнутри. Пришлось постучать.

— Кто тамъ? — спросилъ со двора мужской, очень мягкій голосъ.

Называть себя Теркинъ не хотѣлъ. Онъ скажетъ хозяевамъ что придется.

— Отворите, пожалуйста! — крикнулъ онъ.

Калитку стали осторожно отворять.

„Навѣрно, раскольники“, — подумалъ онъ, переступая черезъ высокій, досчатый порогъ калитки.

Его впустилъ хозяинъ — это сейчасъ узналъ Теркинъ — рослый, съ брюшкою, свѣжій еще на видъ мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, русый, бородатый и немного лысый, въ одной ситцевой рубахѣ и шароварахъ, съ опорками на босыхъ ногахъ... Глаза его, ласковые, небольшіе, остановились на незнакомомъ „баринѣ“ (такъ онъ его опредѣлилъ) безъ недовѣрія.

Теркинъ быстро оглядѣлъ, что дѣлалось на дворѣ. Въ эту минуту, изъ избы въ сарайчикъ, черезъ мостки, положенные поперекъ, переходилъ голый работникъ въ одномъ длинномъ холщевомъ фартукѣ, и несъ на плечѣ большую деревянную форму. Внизу, на самой землѣ, лежали рядами такія же формы съ пряничнымъ тѣстомъ, выставленнымъ провѣтриться, послѣ печенья въ большой избѣ и лежанья въ сарайчикѣ.

Въ одинъ мигъ Теркинъ догадался, какое это заведеніе. Пряники — коренное дѣло Кладенца. Споконъ вѣка водилось здѣсь производство коврижекъ и, въ особенности, дешевыхъ пряниковъ, въ видѣ пѣтушковъ, рыбъ и разныхъ другихъ фигуръ, вытисненныхъ на кускахъ больше въ формѣ неправильныхъ трапецій, а также мелкихъ, продолговатыхъ „жемковъ“, которые и онъ истреблялъ въ дѣтствѣ. Сейчасъ, по памяти, ощутилъ онъ нѣсколько ѣдкой вкусъ твердаго тѣста съ кусочками сахара.

— Богъ въ помощь! — сказалъ онъ. — Вотъ полюбостествовалъ посмотрѣть на ваше заведеніе... Я пріѣзжій.

Хозяинъ улыбнулся добройшей усмѣшкой широкаго рта, засунулъ засовъ и поклонился легкимъ наклономъ головы.

— Пожалуйста... Поглядите, коли желательно.

И сразу между ними вышелъ бытовой разговоръ, точно будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ заѣзжій баринъ, изучающій кустарные промыслы Поволжья, и пряничный фабрикантъ сталъ ему все съ той же доброй и ласковой усмѣшкой отвѣчать на его разспросы, повелъ его въ избу, гдѣ только-что закрыли печь, и въ сарайчикъ, гдѣ лежали формы и доски съ пряниками, только-что вышедшими изъ печи.

Черная изба осталась почти такою, какъ была и десять лѣтъ

назадъ; но только въ ней понадѣлали, вокругъ стѣнъ, такихъ столовъ, какъ въ кухняхъ. Въ чистыя двѣ горницы хозяинъ не водилъ его—сказалъ, что тамъ онъ живетъ съ сыномъ; работники лѣтомъ спятъ въ сараѣ, а зимой въ избѣ. Теркинъ посоветился попросить провести и туда.

— Я вдовый, одинъ всего сыночекъ и есть.

Хозяинъ указалъ на сына—„молодцовъ“ у него было всего четверо—худощаваго брюнета, лѣтъ двадцати, съ умными впалыми глазами. И тотъ былъ голый, какъ и остальные трое уже пожилыхъ работниковъ.

— Онъ у меня искусникъ,—прибавилъ хозяинъ.—Самъ рѣжетъ формы... Миша! Покажь барину ту форму, что намнясь вырѣзаль.

Слово „баринъ“ рѣзнуло Теркина. Но онъ не хотѣлъ называть своей фамиліи, говорить, чей онъ былъ приемышъ... Неопредѣленное чувство удерживало его, какъ будто боязнь услышать что-нибудь про Ивана Прокофьича, отчего ему сдѣлается больно.

Показали ему форму съ разными надписями—славянской вязью и рисунками, которые отзывались уже новыми „фасончиками“. Онъ пожалѣлъ про стародавнія, грубо сдѣланныя, наивныя изображенія.

Но онъ похвалилъ искусника, не желалъ его обезкураживать.

— Какъ вы прозываетесь?—спросилъ онъ у отца.

— Птицыны мы, батюшка, Птицыны.

Узналъ онъ—продолжая вести себя какъ заѣзжій „баринъ“—что въ день идетъ у нихъ до пяти кулей крупчатой муки, а во время макарьевской ярмарки и больше.

Потомъ показали ему разные сорта пряниковъ. Хозяинъ отобралъ нѣсколько штукъ изъ тѣхъ, на которые указывалъ Теркинъ, и поднесъ ему. Тотъ не хотѣлъ брать.

— Обидите насъ, батюшка... Вѣдь эти прянички—всего десять копѣекъ фунтъ. Дѣткамъ отдадите.

— Дѣтокъ-то у меня нѣтъ.

— Все равно! Бездѣлица!

И такъ онъ ласково глядѣлъ, что нельзя было не взять.

Но главнаго-то Теркинъ еще не зналъ—самъ ли Птицынъ купилъ у Ивана Прокофьича дворъ.

— Вы здѣшніе, коренные?—спросилъ онъ попроще.

— Нѣтъ, батюшка, мы разсохинскіе. Тамъ у насъ и зѣлица порядочная есть. Здѣсь изъ-за этого дѣла проживаемъ.

— Купили дворъ?

— Арендатели мы... А купилъ-то Разсохина же мужичъ.

У здѣшняго... Теркинымъ прозывался... Вотъ здѣсь спички дѣлалъ... Сказываютъ — заведеніе у него стало. Никакъ на поселеніе угодилъ.

И по ясному лицу прошлась тѣнь, точно будто онъ не хотѣлъ дурно говорить про бывшаго владѣльца.

— Спасибо! — быстро промолвилъ Теркинъ, также быстро отворилъ калитку и пошелъ внизъ, по проулку.

XXXIV.

Николаева долгуша пробиралась по кручѣ, попадая изъ одной выбоины въ другую.

— Вонъ и моя избенка! — указалъ онъ на самый край обрыва.

Изда была послѣдняя и стояла такъ, что съ боку нельзя уже было спуститься внизъ: откосъ шелъ почти отвѣсно и грозилъ „сползнемъ“, о какихъ рассказывали Теркину въ дѣтствѣ.

Когда они подъѣхали и Николай слѣзъ съ козелъ, изъ воротъ вышла его жена Анисья, женщина еще нестарая на видъ, небольшого роста, благообразная, въ повойникѣ и ситцевомъ сарафанѣ, и — по домашнему — босая.

Она отворила ворота, и Николай взялъ лошадь подъ уздцы. Долгуша въѣхала на крытый, глубокий дворъ, гдѣ Теркина охватила прохлада вмѣстѣ съ запахомъ стойлъ и коровника, помѣшавшихся въ глубинѣ... Стояли тутъ двѣ телѣги и еще одна долгуша, лежало и много всякой другой рухляди. Дворъ смотрѣлъ зажиточно. Изда — чистая, съ крылечкомъ. На ставняхъ нарисованы горшки съ цвѣтами, изъ оконъ видны занавѣски.

— Да у тебя жена-то еще молодуха, — пошутилъ Теркинъ, — а онъ тебя, тетка, старухой зоветъ.

— Извѣстно, — отвѣтила въ тонъ хозяйка и тихо улыбнулась поблѣклыми, умными глазами. — Ему же ловчѣе... на молоденькихъ-то поглядывать.

— Да который тебѣ годовъ?

Теркинъ слѣзъ и присѣлъ на крылечкѣ.

— Много ей годовъ, не меньше мово!.. — отозвался Николай, с ведромъ въ рукахъ подходившій къ лошади.

— Прибавляетъ? — спросилъ Теркинъ и подмигнулъ. Ему эта крестьянская чета нравилась.

— Много ли? Шестой десятокъ пошелъ.

— И неужели много дѣтей выкормила и выходила?

— Выходить-то выходили,—отвѣтила она, и характерно повела губами, — только не своихъ.

— Какъ такъ?

— Своихъ-то у насъ не было, господинъ,—опять отыликинулся Николай, отъ лошади.—Трехъ приемышей брали... И все дѣвокъ...

— А теперь опять одни остались,—выговорила хозяйка.

— Замужъ повыдали?

— Нештò!

— У двухъ ужъ дѣти свои,—добавилъ Николай.

— Вотъ тебѣ, поди, и скучненько бываетъ?—спросилъ Теркинъ.

— Мало ли что!

— Здѣсь въ Кладенцѣ выдали?

— Одну здѣсь.

— Значить, внучки все равно есть, хоть и не кровные?

Теркинъ вынулъ изъ кармана свертокъ съ пряниками и подалъ хозяйкѣ.

— Снеси внучкѣ.

— Благодарствуемъ.

— Ты гдѣ же это, кормилецъ, пряники-то добылъ? Мнѣ и не въ домѣтъ!—обратился къ Теркину Николай.

Лошадь его все еще пила изъ ведра.

— На фабрику заходилъ!—весело отвѣтилъ Теркинъ.

— Не къ Птицыну ли, къ Акинфію Данилычу?

— Къ нему самому.

— А я думалъ... такъ... за надобностью куда... Значить, у Птицына были, заведение его посмотреть... Намедни я одного барина возилъ — тоже любопытствовали... Сколько здѣсь теперь заведеньевъ... противу Птицынскаго нѣтъ ни одного, даромъ что онъ не коренной кладенецкій.

— Понравился вамъ Акинфій Данилыч?—спросила хозяйка.

— Душевный человекъ... Ласковый такой...

— Это вѣрно, — отозвался Николай: — добрейшей души. И сколько имъ народу кормится на базарѣ, да и по деревнямъ торговли, разносчики. Никому не откажетъ, вѣрить въ долгъ. Только имъ и живы.

— Онъ не по старой вѣрѣ?

На вопросъ Теркина Николай отставилъ ведро и немного почесался.

— Какъ сказать, мы въ это не входимъ... Сынъ-отъ... ай, видѣли... такой художавый изъ себя парень—большой искусъ къ по своей части... Тотъ, поди, куда-нибудь гнетъ... Только онъ въ здѣшней молельнѣ не привержены.

Теркинъ вынулъ папиросу и спросилъ:

— А курить у васъ не зазорно, тетка?

— Курите, батюшка, мы вѣдь не раскольники.

Возгласъ Николая почему-то вызвалъ въ Теркинѣ сильное желаніе поговорить съ этой четой по душѣ, о себѣ самомъ, объ отцѣ, о томъ, зачѣмъ онъ проникъ во дворъ пріачнаго заведенія.

— Послушай, — окликнулъ онъ Николая, покончившаго съ водопоемъ лошади: — ты, небось, знаешь, чей былъ прежде дворъ, гдѣ теперь Птицыны?

— Допрежъ? Дай Богъ памяти!

— Чтой-то... Митричъ! — подсказала жена. — Нѣшто запоминать? Теркиныхъ домъ-отъ... споконъ вѣку стоялъ.

— Ивана Прокофьича ужли не помнишь? — спросилъ Теркинъ, и краска проступила у него въ щекахъ.

Николай почесалъ у себя надъ вискомъ и снялъ картузъ.

— Это точно! Какъ не помнить Иванъ Прокофьича... Никакъ онъ померъ?..

— Померъ, — повторилъ Теркинъ и тотчасъ же прибавилъ: — И старухи нѣтъ... Ты, Николай, думаешь, что я — заѣзжій баринъ? Такъ, полюбопытствовалъ посмотрѣть, какъ пріачники дѣлаютъ у Птицына?.. А я на этомъ самомъ дворѣ выросъ. Меня Иванъ-то Прокофьичъ со своей старухой приняли... вотъ какъ вы же трехъ невѣстъ воспитали... Я — ихъ нареченный сынъ.

— Ой-ли?

Николай подошелъ поближе къ нему и взглянулъ.

— Можетъ, видалъ меня мальчишкой?

— Видать-то видалъ, безпремѣнно, а ни въ жисть не признаешь!

— Вонъ ты, кормилецъ, какой теперича — баринъ настоящій.

Жена Николая подперла ладонью свое благообразное, немного строгое лицо и тоже воззрилась въ гостя.

— Бездѣтные они были — это точно. Сама-то я не бывала у нихъ ни одинажды, а въ шабрахъ не мало гуторили. Помнишь, Митричъ? У Ивана-то Прокофьича нелады шли съ старшиной, что-ли?

— Съ Малмыжскимъ? Какъ не помнить! Онъ никакъ и на поделеніе угодилъ? Такъ вѣдь, батюшка?

Теркинъ все имъ разсказалъ, про ссылку отца, про свое ученіе и мытарства, про то, какъ онъ больше пяти лѣтъ не заглядывалъ въ Кладенецъ — обиду свою не могъ забыть, а теперь вотъ потянуло, не выдержалъ, захотѣлось и во дворѣ побывать, гдѣ его, подкидыша, приняли добрые люди.

— Видишь, тетка, — сказалъ онъ, совсѣмъ смягченный своимъ признаніемъ: — я такой же приемышъ, какъ и твои названные дѣтки. Вы ихъ со старикомъ гдѣ же брали? У здѣшнихъ, владенецкихъ крестьянъ или у деревенскихъ?

— Все у здѣшнихъ, — отвѣтили оба разомъ.

— А я подбидышъ!

И мужъ, и жена помолчали.

— Такъ и не знаешь, — тихо спросила Анисья: — какихъ такихъ родителей?

— Слышала, чай, подкинули... Какъ же тутъ узнаешь?

Николай значительно поглядѣлъ на жену: „нечего, молъ, попусту болтать“.

— Лучше и родные отецъ съ матерью до меня не были бы, — сказалъ Теркинъ.

Онъ поглядывалъ на мужа и жену и радовался тому, что эта чета всѣмъ своимъ побытомъ выѣдала изъ него недавнее злобное чувство къ владенецкимъ мужикамъ.

— Не понесешь безъ лютой нужды свое дѣтище къ чужимъ людямъ, — какъ бы про себя выговорила Анисья и отошла къ воротамъ.

Теркинъ поднялся.

— Поминають ли здѣсь добромъ Ивана Прокофьича? — спросилъ онъ возбужденно. — Вѣдь онъ животъ положилъ за своихъ однообщественниковъ! И базарную-то площадь онъ добылъ отъ помѣщика, чуть не пять лѣтъ въ дорогахъ состоялъ. А они его тѣмъ отблагодарили, что по приговору сослали, точно конокрада или пропойцу.

— Мы, батюшка, — отвѣтилъ Николай, взявъ лошадь за узду, чтобы вывезти со двора долгушу: — по правдѣ сказать, во всей этой сварѣ непричастны были. Я по другому совсѣмъ обществу, хоть и одной волости. На сходки-то когда же намъ ходить? У меня промыселъ извозный. Не до этого... И до сей поры свары-то не улеглась... Одни подбиваютъ на городское положеніе перейти, а другіе ни подъ какимъ видомъ не соглашаются... Ходоковъ посылаютъ въ губернію, и сборы всякіе... Намеднясь и съ меня содрали цѣлую трешницу... А намъ со старухой и такъ хорошо!.. Непшто плохо, старая? — весело крикнулъ онъ женѣ. — Коли будемъ тосковать, можно и еще въ домъ взять паренъ, что-ли... Богъ дастъ, вотъ такого молодца выходимъ, какъ я на милость.

— Авось Богъ пошлетъ! — подхватилъ Теркинъ. — Ежели владенецъ не крещеный, я въ крестные пойду. Прощай, хозяйка!

И онъ вскочилъ на долгушу, крикнувъ Николаю:
— Теперь опять къ становому!

XXXV.

Становой жилъ въ большой пятистѣнной избѣ, съ подклѣтью, гдѣ прежде, должно быть, помѣщалась мастерская, и ходъ къ нему былъ черезъ крытый, совсѣмъ крестьянскій дворъ, такой, какъ у Николая, только попросторнѣе... Съ угла сруба бѣлѣлась вывѣска. На крыльцо вела крутая лѣстница. Ворота стояли настежь отворенными.

Съ долгуши Теркинъ окликнулъ сидѣвшаго на заваленкѣ человека, видомъ разсыльнаго — въ рыжемъ старомъ картузѣ, съ опухшей щекой, въ линючемъ нанковомъ пиджакѣ.

— Становой дома?

— Дома... Пожалуйте!..

Разсыльный подошелъ, и Теркинъ сейчасъ же узналъ въ немъ писаря Силоамскаго, того самаго, который присутствовалъ при его наказаніи розгами въ волостномъ правленіи и острилъ надъ нимъ.

Кровь бросилась ему въ лицо.

— Вы кто здѣсь, служащій?—спросилъ Теркинъ, сдерживая свое волненіе.

— При становомъ состою, ваше благородіе, вѣстовымъ.

Весь обликъ бывшаго писаря, цвѣтъ лица, воспаленные глаза, обшарпанность одежды показывали, что онъ сталъ пропойцей, навѣрно выгнанъ былъ съ прежней службы, и теперь кормится у станowego, безъ жалованья.

Теркинъ чуть не крикнулъ ему:

„Что, почтеннѣйшій, на пакостяхъ своихъ не нажили палатъ каменныхъ?“

Силоамскій, прищуриваясь отъ свѣта—день стоялъ яркій и теплый, смотрѣлъ на него и, видимо, не узнавалъ.

— Туда идти, на верхъ?—спросилъ Теркинъ.

— Вамъ по дѣлу, ваше благородіе?

— Отъ отца-настоятеля.

— Пожалуйте.

Силоамскій побѣжалъ вверхъ по крутымъ ступенькамъ лѣстницы и отворилъ дверь. Когда Теркинъ проходилъ мимо, на него пахнуло водкой. Но уже онъ не чувствовалъ ни злобы, ни недовѣрности отъ этой встрѣчи. Вся исторія съ его наказаніемъ

представлялась ему въ туманной дали. Не за себя, а скорѣе за отца могло ему сдѣлаться больно, еслибъ въ немъ разбредили память о тѣхъ временахъ. Но бывшій писарь былъ слишкомъ теперь жалокъ и лакейски низменъ... Вѣроятно, и остальные „вроги“ Ивана Провофьича показались бы ему въ такомъ же родѣ.

— Къ вамъ, ваше высокоблагородіе, господинъ... отъ отца-настоятеля.

Силоамскій доложилъ это на порогѣ первой комнаты, куда изъ темныхъ сѣней входили прямо. Она была въ три окна, оклеена обоями, въ ту минуту очень свѣтла, съ письменнымъ столомъ и длиннымъ диваномъ по лѣвой стѣнѣ.

Раздался скрипъ высокихъ сапогъ станowego, и онъ вошелъ изъ второй комнаты, служившей ему спальней, въ бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами—рослый, кудравый, бородатый—смахивалъ на дьякона въ военной формѣ.

— Былъ уже у васъ и оставилъ записочку отъ отца-настоятеля.

Теркинъ все-таки не хотѣлъ назвать себя по фамиліи при Силоамскомъ. Тотъ медлил закрыть дверь за собою.

— Весьма радъ!.. Записку нашелъ... Не угодно ли на диванъ?

Голосъ у станowego былъ самый „духовный“. Говорилъ онъ рѣзко на „онъ“, какъ говорятъ въ глухихъ заводскихъ селахъ, откуда онъ былъ родомъ, да и въ мѣстной семинаріи этотъ говоръ все еще держался, особенно среди деревенскихъ причетниковъ.

— Можешь идти, — оттанулъ густымъ басомъ становой въ сторону посыльнаго, и еще разъ, движеніемъ правой руки, пригласилъ гостя на диванъ.

— Съ нашимъ древнимъ селомъ желаете ознакомиться? — тѣмъ же басомъ спросилъ становой и довольно молодцовато, почти по военному, перевелъ высокими своими плечами.

— Кладенецъ—моя родина. Только я отъ нея поотсталъ.

— Извините... фамиліи не разобралъ въ точности.

— Теркинъ.

По выраженію глазъ станowego не видно было, что фамилія „Теркинъ“ что-нибудь ему напомнила.

— Родителей имѣете здѣсь?

— Нѣтъ! Никого!

— Отецъ-настоятель пишетъ, что вы интересуетесь о трѣхъ моленной здѣшнихъ старообрядцевъ... Это можно. И слѣдующую тоже желательно видѣть?

— Коли это не соблазнительно будетъ для нихъ.

Становой усмѣхнулся сквозь густые усы своимъ широкимъ семинарскимъ ртомъ.

— Понятное дѣло... Какъ по имени-отчеству?

— Василій Ивановичъ.

— Понятное дѣло, они всегда на всякаго никоньянца волкомъ смотрятъ... Однако допускаютъ.

— Вы съ ними ладите?

— По теперешнему времени, — глаза становой улыбнулись, — нѣтъ для нихъ никакихъ такихъ угнетеній... подъ условіемъ, конечно, чтобы и съ ихъ стороны не происходило никакого обязательства или совращенія. Опять же здѣсь и миссіонеръ нарочито на сей конецъ имѣется. Вы не изволили побывать у него?

— Побываю.

— Малый весьма дошлый и усердный. По правдѣ вамъ сказать, онъ одинъ и дѣйствуетъ. Монашествующая наша братія да и бѣлое духовенство не пускаются въ такія состязанія. Одни по неимѣнію подготовки, а другіе — не о томъ радѣютъ... Чуть что — къ свѣтскому начальству съ представленіями: „и это запрети, и туда не пушай“. И нашему-то брату стало куда труднѣе противъ прежняго. Въ старину, земская полиція все была... и визала, и рѣшила. А теперь и послабленія допускаются, и то-и дѣло вмѣшательство...

Басистымъ, короткимъ смѣхомъ прервалъ себя становой.

— У нихъ и богадельня есть?

— Какъ же... И даже весьма солидное каменное зданіе. Намѣреніе-то у нихъ было въ верхнемъ этажѣ настоящую церковь завести. Они вѣдь — изволите, чай, припомнить — по бѣглопоповскому согласію. Главнымъ попечителемъ состоятъ купецъ-миліонщикъ. На его деньги вся и постройка производилась. Однако, допустить того нельзя было. Такъ верхній этажъ-то и стоитъ пустой, а старухи помѣщаются въ первомъ этажѣ.

Теркинъ слушалъ становой и помнилъ, что ему надо узнать, гдѣ проживаетъ Аршауловъ, тотъ „горюнтъ“, который пострадалъ изъ-за кладенецкихъ мужиковъ еще больше, чѣмъ Иванъ Прокофичъ; только не хотѣлъ онъ, безъ всякаго перехода, раз-узнавать о немъ.

— А въ двухъ здѣшнихъ сельскихъ обществахъ по прежнему, усобица идетъ? — спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Идетъ-съ, — оттянулъ становой съ усмѣшкой: — еще не такъ давно конца-краю этому не было. Однако теперь партія угоялая... самая почтенная, та, что на городское положеніе г... , одолѣла... Прежнихъ-то — какъ бы это фигурально выра-

зиться—демагоговъ-то, горлопановъ-то поограничили... Старшина, который въ этой водѣ рыбу удилъ...

— Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Вамъ, слѣдственно, не безызвѣстно?

— Слыхалъ.

— Онъ разошелся и ушелъ по-добру, по-здорову. Ангелы его—становой разсмѣялся, довольный своимъ словомъ—всѣ проворовались или пропились. Вотъ разсылнаго при себѣ, почти Христа ради, держу!—онъ указалъ курчавой головой на дверь:—былъ писарь у нихъ и первый воротило... Силоамскій по фамиліи, запибается горечью... Потерплю, потерплю, да тоже прогоню.

— И ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Обязательно! Затѣя была, ежели такъ взять, великодушная, но ничего, кромѣ новыхъ смутъ и хищеній, не вызвала... Да и тотъ, который...

Онъ не договорилъ и жалостно улыбнулся.

— Вы хотѣли сказать про Аршаулова?

— И про него вамъ извѣстно?

— Бѣдняга!

— Это точно!..

Тутъ было у мѣста разспросить его про Аршаулова. Становой не сталъ ѣжиться или принимать официальный тонъ, а довольно добродушно сообщилъ гостю, что Аршауловъ водворенъ сюда, проживаетъ у старухи-матери, чуть живъ, въ большой бѣдности; въ настоящее время, съ разрѣшенія губернскаго начальства, находится „въ губерніи“, но долженъ на-дняхъ вернуться. Онъ растолковалъ Теркину, гдѣ находится и домикъ почтмейстерской вдовы.

— Непріятностей онъ вамъ не причиняетъ?—спросилъ Теркинъ вполголоса.

— Не могу пожаловаться... Да знаете, онъ больше—какъ бы это выразиться—созерцатель, чѣмъ причастный къ крамолѣ. Бѣ тому же, и въ чемъ душа жива... Ежели вы его навѣстите, увидите—краше въ гробъ кладутъ.

Визитомъ къ становому Теркинъ былъ доволенъ.

Когда онъ сталъ прощаться, тотъ быстро подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него записку настоятелю и, держа ее въ рукѣ, спросилъ:

— Съ Моховымъ, съ Нивандромъ Саввичемъ вы еще не о-видались? Отецъ-архимандритъ пишетъ, что вамъ и съ нимъ е-

лательно повидаться. Онъ теперь—первый воротило у партіи городского положенія.

— И отца моего пріятель былъ.

— Одно къ одному!.. Да не угодно ли вмѣстѣ? У васъ здѣсь никакъ извозчикъ, видѣлъ—долгуша подѣвжалъ... Мнѣ же до него дѣло есть... Вы сами-то гдѣ же изволили остановиться?

Пришлось и ему рассказать про ночлегъ въ трактирѣ. Становой извинился за такое „безобразіе“ и выразилъ увѣренность въ томъ, что Никандръ Саввичъ перевезетъ „дорогого гостя“ къ себѣ, коли ему не хочется погостить въ монастырѣ.

— Да и у меня—милости прошу, вотъ вся моя хоромина, съ диваномъ!.. Только по утрамъ бываетъ народъ, а вечеромъ тишина полная... Я вѣдь и самъ былъ вашимъ постояльцемъ.

— Какъ это?

— Отецъ-архимандритъ сообщилъ: вы—хозяинъ парохода „Батракъ“. Я на немъ внизъ по Волгѣ бѣгалъ. Превосходный ходокъ! И какъ все устроено—на американскій манеръ... Вамъ бы извѣстить меня депешей. А къ начетчику моельни мы тоже можемъ заѣхать. Завтра у нихъ утромъ служба... Силоамскій!—прикнулъ становой въ дверь.—Подавать вели извозчику.

И опять, по лицу бывшаго писаря Теркинъ не могъ догадаться: узналъ ли онъ пріемыша Ивана Прокофича, или нѣтъ.

XXXVI.

На балконѣ двухъ-этажнаго дома Никандра Саввича Мохова, защищенномъ отъ солнца тиковыми занавѣсками, на другой день, раннимъ постѣобѣдомъ Теркинъ курилъ и отхлебывалъ изъ стакана сельтерскую воду. Хозяинъ пошелъ спать. Гость поглядывалъ на раскинувшуюся передъ нимъ панораму Кладенца. Влѣво шла откосомъ улица съ бревенчатой мостовой, обставленная лавками. Она сначала вела къ плоскому оврагу, потомъ начинался подъемъ, гдѣ стоялъ тотъ трактиръ, откуда онъ вчера переѣхалъ къ Мохову, по усиленной его просьбѣ. Не было причины отказать... Моховъ обрадовался ему чрезвычайно—даже слезы у него выступили на глазахъ, когда они расцѣловались. Онъ вспоминалъ объ Иванѣ Прокофичѣ въ самыхъ пріятельскихъ выраженіяхъ. Ни въ монастырь, ни на постоянный дворъ Теркину не захотѣлось переѣзжать изъ трактира, гдѣ было совсѣмъ скверно.

На самомъ верху выставлялись главы церкви Николая Чудотворца. Ее кладенецкіе обыватели звали „соборомъ“ и очень за-

ботились о его „велегѣшн“ — соперничали съ раскольниками по части церковнаго убранства, службы, пѣнія, добыли себѣ „изъ губерніи“ въ дьяконы такого баса, который бы непременно попалъ въ протодьяконы къ архіерею, еслибъ не зашибался хмелемъ.

Теркинъ перебиралъ все, что ему привелось въ одну недѣлю видѣть и ощущать тамъ, у Троицы и здѣсь, въ Кладенцѣ. Не испыталъ онъ нигдѣ возврата къ простой мужицкой вѣрѣ. Сегодня утромъ, отправляясь къ молебнѣ, съ запиской отъ станового, онъ искренно желалъ найти у раскольниковъ что-нибудь дѣйствующее на чувство, картину болѣе строгаго благочестія, хотя бы даже изувѣрства, но такого, чтобы захватывало сразу.

Опять долгуша Николая подвезла его къ высокой каменной оградѣ, съ воротами, какія бывають на кладбищахъ. У воротъ стояло не мало телѣгъ, съ прїѣхавшими изъ деревень бабами и мужиками.

На обширномъ дворѣ, кое-гдѣ съ березками и кустами бузины, гдѣ прїютилось и кладбище, прямо противъ входа — молебня, выкрашенная въ темно-сѣрую краску, съ крытымъ ходомъ кругомъ всего зданія, похожаго и на часовню, и на жилой домъ.

Оттуда доносилось пѣніе, довольно стройное, громкое — точно всѣ молящіеся пѣли съ особеннымъ звукомъ въ концѣ каждаго возгласа, въ минорномъ прїятномъ тонѣ, отличномъ отъ обыкновеннаго пѣнія православной службы.

На дворѣ онъ остановилъ мальчика, проходившаго къ крылечку съ лѣвой стороны зданія. Мальчикъ былъ въ темномъ нанковомъ кафтанчикѣ особаго покроя, съ кожаной гѣстовкой въ рукавахъ; трехугольникъ болтался на ея концѣ. Она ему сейчасъ же напомнила разговоръ съ Серафимой о ея матери, о поклонахъ до тысячи въ день и переборкѣ „бубенчиковъ“ гѣстовки.

Мальчика онъ попросилъ вызвать какого-то Егора Евстигнѣича, — на что тотъ мотнулъ головой и, бросивъ на него вкось недоумѣвающій взглядъ, выговорилъ отрывисто:

— Подожди маленько.

Противъ крылечка выходило двухъ-этажное каменное зданіе, совсѣмъ уже городской, новѣйшей архитектуры, оштукатуренное, розоватое, съ фигурными украшеніями карнизовъ. Онъ зналъ отъ станового, что мѣстный попечитель богадельни — купецъ Спиридоновъ еще не вернулся съ ярмарки, но жена его, навѣрно, сидитъ тутъ, въ молебнѣ или въ богадельнѣ.

Прошло не меньше пяти минутъ. На крылечко сначала взглянулъ молодой мужикъ, съ выстриженной маковкой, въ темнѣ

кафтанъ и также съ лѣстовкой—увидаль Теркина и тотчасъ же скрылся.

Пѣніе все еще доносилось изъ молебни.

Вышелъ другой—уже пожилой, но такой же рослый раскольникъ—вѣроятно, изъ „уставщиковъ“, и быстро приблизился къ Теркину.

— Вы къ Егору Евстигнѣеву? — спросилъ онъ его и вскинулъ волосами, спустившимися у него на лобъ. Маковка была также выстрижена.

— Можно въ молебню?.. Меня господинъ становой прислалъ... Только я не чиновникъ,—прибавилъ Теркинъ,—а желалъ бы такъ войти, послушать вашей службы и осмотрѣть богдельню.

Уставщикъ опять тряхнулъ волосами.

— Что-жь... войдите!..

Взглядываль онъ не особенно привѣтливо, но ничего злобнаго въ его тонѣ не сквозило.

Вслѣдъ за нимъ Теркинъ вошелъ черезъ боковую дверь въ молебню. Она оказалась полной народа. Иконостасъ, безъ алтаря, покрываль всю заднюю стѣну... Служба шла по срединѣ, передъ амвономъ. Отовсюду блестя позолота иконъ и серебро паникадила. Ничего бросающагося въ глаза, непохожаго на то, что можно видѣть въ любой богатой православной часовнѣ или даже церкви, онъ не замѣтилъ... Вокругъ аналоя сгруппировались пѣвцы—все мужчины. Ихъ было больше тридцати человекъ. Глубина молебни, гдѣ чернѣли платки и сарафаны женщинъ, уходила вправо, и туда Теркину неудобно было смотрѣть, не оборачиваясь, чего онъ не хотѣлъ дѣлать... Показалось ему, что и остальные богомольцы подпѣвали хору. Въ пѣніи онъ не замѣчалъ никакого непріятнаго и рѣзкаго „гнусавенья“, о какомъ слыхалъ всюду въ толкахъ о раскольниковъ службѣ. Читали внятно, неспѣшно, гораздо выразительнѣе, чѣмъ дьячки и дьяконы въ православной службѣ, даже и по городамъ.

Долго стоять было неловко: на него начали коситься. Онъ замѣтилъ пронзительный взглядъ одной богомолки, изъ-подъ чернаго платка, и вспомнилъ, какъ ему отецъ-экономъ, когда они ѣхали въ долгушѣ къ становому, въ разговорѣ о раскольникахъ—стихалъ—сказалъ:

— Встрѣтитесь съ вами на улицѣ—такъ васъ глазами-то и ожжетъ всего.

Но служба уже отходила. Впустившій его уставщикъ вышелъ съ нимъ на крыльцо.

— Мнѣ бы въ богадельню... Попечителя супруга, можетъ быть, здѣсь?

— Онѣ, какъ разъ, прошли туда. Пожалуйте.

Въ нижнемъ этажѣ, изъ крытыхъ сѣней съ чугунной лѣстницей—онъ попалъ въ переднюю, гдѣ пахло щами. Его встрѣтила пожилая женщина, въ короткой душегрѣйкѣ и въ богатомъ свѣтлоричномъ платкѣ, повязанномъ по-раскольничьи. Это и была жена попечителя, купчиха Спиридонова. Нѣсколько чопорное выраженіе сжатаго рта и глазъ безъ бровей—смягчалось общимъ, довольно благодушнымъ выраженіемъ.

Уставщикъ подвелъ къ ней посѣтителя и тотчасъ удалился.

— На сколько у васъ кроватей?

— Да теперь, сударь, шестнадцать старухъ у насъ... Вотъ пожалуйста...

Въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ стояли койки. Старухи были одѣты въ темные холщовые сарафаны. Иныя сидѣли на койкахъ и работали или бродили, двѣ лежали лицомъ къ стѣнѣ и одна у печки, прямо на тюфякѣ, разостланномъ по полу, босая, въ одной рубашѣ.

Это сейчасъ же отнесло его къ тому сумасшедшему дому, гдѣ его держали десять лѣтъ назадъ.

— Она слабоумная?—тихо спросилъ онъ попечительницу.

— Совсѣмъ разбита... Не можетъ ни ногами, ни руками двинуть... Съ ложки кормимъ.

— И докторъ бываетъ?

— Нѣтъ, сударь, мы обходимся своими средствами... Которымъ недужится — годовъ много... Вотъ этой девятый десятокъ идетъ, и давненько ужъ какъ пошелъ.

На койкѣ сидѣла согнувшись старуха, въ бѣломъ платкѣ и темно-синемъ сарафанѣ.

Теркинъ пораженъ былъ остатками красоты ея совсѣмъ желтого, точно костяного лица. Только одни глаза съ сильными впдинами — и жили въ этой муміи. Она взглянула на него молча и долго не отводила взгляда... Ему стало даже жутко.

— И еще здорова?

— Какое ужъ здоровье... Да у ней ничего и не узнаешь... Молчить по цѣлымъ днямъ...

Когда онъ прощался съ попечительшей, появились двѣ бѣлыя сидѣлка и стряпуха. Онѣ глядѣли на него скорѣе привѣтливо — обѣ толстыя, съ красными лицами.

— Вотъ и вся моя команда, сударь!—указала на нихъ попечительша.

— Женское царство!

— Такъ точно.

Попечительша усмѣхнулась и почтительно проводила его на дворъ, гдѣ и поклонилась низкимъ, истовымъ поклономъ.

Ничего „особеннаго“ не вышло изъ этого посѣщенія молебни. Въ себѣ онъ никогда не зналъ вражды или гадливаго чувства къ раскольникамъ. Все у нихъ было, какъ и быть слѣдуетъ въ молитвенномъ домѣ, довольно благообразно. Но ни къ ихъ начальникамъ и уставщикамъ, ни къ толпѣ простыхъ раскольниковъ не тянуло. Не мѣнять же вѣру? И ничего у нихъ не найдешь, кромѣ обрядовъ да всякихъ запретовъ. А тамъ копни самую суть—и окажутся они такими же „сухарниками“, какъ то согласіе, въ которое совратилась мать Серафимы... Либо бѣглый попъ-разстрига сидитъ у нихъ гдѣ-нибудь въ подклѣти, пока наставники и уставщики служатъ на глазахъ у начальства.

Никакого душевнаго интереса не нашелъ онъ въ себѣ и на квартирѣ „миссіонера“—на видѣ шустраго мѣщанина, откуда-то изъ-за Волги, состоящаго на жалованьи у мѣстнаго православнаго братства,—изъ бывшихъ раскольниковъ поморской секты.

Теркинъ почему-то усомнился въ его искренности и не сталъ много разспрашивать про его борьбу съ расколомъ, хотя миссіонеръ говорилъ о себѣ очень серьезнымъ тономъ и далъ понять сразу, что только имъ однимъ и держится это дѣло, „въ округѣ“—какъ онъ выражался.

Ни законная святыня, ни терпимая только раскольникы—не захватывали. Нѣтъ, не находилъ онъ въ себѣ простой мужицкой вѣры, но доволенъ былъ тѣмъ, что въ Кладенцѣ, въ эти двое сутокъ, улеглось въ немъ непріязненное чувство къ здѣшнему крестьянскому міру... Онъ даже обрадовался, когда его хозяинъ, Моховъ, предложилъ ему потолковать объ ихъ общественныхъ дѣлахъ съ двумя-тремя его сторонниками, изъ самыхъ „почтенныхъ“ обывателей. Ихъ пригласили къ вечернему чаю; хозяинъ былъ вдовый и бездѣтный, велъ теперь большую торговлю мясомъ, коровьимъ и постнымъ масломъ.

Теркинъ самъ просилъ его—не церемониться и соснуть, по привычкѣ, часокъ-другой. Вообще, хозяинъ ему понравился и даже тронулъ его теплой памятью о своемъ „однообщественникѣ“—Іванѣ Прокофичѣ.

XXXVII.

За чаемъ, въ одной изъ парадныхъ комнатъ, сидѣли они въпятеромъ. Хозяинъ — на видъ лавочникъ, черноватый, молодежавый человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, одѣтый по-„нѣмецки“, съ рябинами на смугломъ лицѣ, собранномъ въ комочекъ, очень юркій и ласковый въ разговорѣ. Остальные больше смотрѣли разжившимися крестьянами, въ чуйкахъ и высокихъ сапогахъ. Одинъ изъ нихъ по фамилии Меньшуткинъ, былъ еще молодой малый. Двое другихъ прозывались Шараевъ и Дубышкинъ.

Моховъ уже ознакомилъ своего гостя и постояльца съ положеніемъ ихъ „общественныхъ дѣловъ“. Всѣ они ругали бывшего старшину Малмыжскаго, которому удалось поставить себѣ въ преемники своего подручнаго, такого же „выжигу“ и „мошенника“ — и черезъ него онъ, по прежнему, мутить на сходахъ и, разжившись теперь достаточно, продолжаетъ представлять изъ себя „отца-благодѣтеля“ кладенецкой „голытены“, спаиваетъ ее, когда нужно, яко-бы стоять за ея нужды; а на самомъ дѣлѣ только обдираетъ, какъ самый злостный паукъ, и науськиваетъ на тѣхъ, кто, уже больше пятнадцати лѣтъ, желаетъ перейти на городское положеніе.

Всѣ эти разоблаченія перенесли гостя къ тому времени, когда, бывало, покойный Иванъ Прокофичъ весь раскраснѣется и съ пылающими глазами то вскочитъ съ мѣста, то опять сядетъ, руками воздухъ рѣжетъ и говоритъ, говоритъ... Конца его рѣчамъ нѣтъ.

И всѣ его рѣчи вертѣлись около этихъ самыхъ „общественныхъ дѣловъ“. И тогда, и теперь его „вѣроги“ держали сходы въ своихъ плутовскихъ лапахъ, спаивали „голытьбу“, морочили ее, поддѣлывали фальшивыя подписи на протоколахъ сходовъ, ябедничали начальству, такихъ лицъ, какъ онъ, выставляли „смутьянами“ и добивались приговоровъ о высылкѣ на поселеніе.

— Почему же вы не отдѣлитесь отъ нихъ? — спросилъ Теркинъ, когда достаточно наслушался обличеній и доводовъ хозяина. Остальные трое только поддакивали ему.

— Сколько разъ пробовали! — воскликнулъ Моховъ и тряхнулъ своими курчавыми волосами.

— Мало ли хлопотали! — отозвался еще кто-то.

— И что же?

— Не даютъ ходу. Начальство и здѣшнее, и губернскаго — на сторонѣ нашихъ воровъ.

— Однако какія же причины приводятъ?

— Видите ли, обѣднѣть крестьянство. Опять же здѣсь, какъ вы изволите знать, два общества... Одно-то и подается. То, дальше, вонъ гдѣ дворъ Ивана Прокофьича стоялъ... А другое, графская вотчина, гдѣ базарная площадь и всѣ ряды. Тутъ самая драная грамота. Лавки еще у графскаго эконома выкуплены были и акты совершались, и потомъ, при написаніи уставной грамоты, все это было утверждено. Теперь же гольтепа и ея совратители гнутъ на то, чтобы заново, съ насъ же, содрать выкупъ... Платить, видите ли, имъ же надо, сельскому обществу, вдругорядъ... Коли мы-де на городовое положеніе сядемъ, тогда что же намъ съ васъ содрать? Вы-ста городскую управу учредите и нами командовать будете. Откупайтесь, коли хотите, заново, капиталъ намъ положите общественный и живите себѣ.

— По моему, — замѣтилъ Теркинъ, — вамъ такъ бы было удобнѣе.

— Что вы? Василій Ивановичъ! Батюшка! — вскрикнулъ хозяинъ и вскочилъ съ мѣста. — Да вы нѣшто не знаете здѣшнихъ разбойниковъ? Примѣрно мы всѣ, торговцы, согласимся и откупимся... Они насъ доѣдутъ всячески! Первымъ дѣломъ — мы все-таки на городовое положеніе не сядемъ. Для этого надо общій приговоръ съ узаконеннымъ числомъ голосовъ. Намъ останется одно — приписаться къ мѣщанству и къ гильдіи. Такъ нѣкоторые и сдѣлали. А ежели мы всѣ — торгующіе въ рядахъ и на площади — сообща откупимся, мы къ нимъ въ кабалу попадемъ... Примѣры-то бывали. Они насъ воды лишать.

— Какъ воды лишать? — спросилъ Теркинъ.

— Очень просто, Василій Ивановичъ. Отрѣжутъ ходъ отъ рѣки. Такіе примѣры бывали!.. Караулить будутъ... Не пущать къ рѣкѣ.

— И доведутъ до точки!

— Безпремѣнно!

— Да позвольте, господа, — заговорилъ Теркинъ: — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ здѣшнему бѣдному люду придется еще хуже, когда Кладенецъ будетъ городомъ?.. Вѣдь я, хоть и давно на родинѣ не бывалъ, однако помню кое-что. Кто не торговецъ, тоже пробавляется кустарнымъ промысломъ. Есть у васъ и сун-шники, посуду дѣлаютъ, пряники, шкатулочники прежде водились.

— Ну такъ что же? — уже съ большимъ задоромъ возразилъ [оховъ. — Какое же здѣсь крестьянство, скажите на милость? кромѣ усадебной земли, что же есть? Оброчныхъ двѣ статьи — млицы малая толика, въ аренду сдана, никто изъ гольтепы ее займетъ... Есть еще каменоломня... Тоже въ застоѣ. Будъ

здѣсь городское хозяйство, одна эта статья дала бы столько, что покрыла бы всё поборы съ мелкихъ обывателей... А теперь доходъ-то весь плѣвый, да половину его уворуютъ... Такъ-то-съ!

Моховъ опять вскочилъ.

— Какъ же вамъ быть въ такомъ случаѣ, господа?

На вопросъ Теркина всё они переглянулись съ хозяиномъ.

— Куражу не терять, Василій Ивановичъ,—отвѣтилъ за всѣхъ хозяинъ:—куражу не терять... Вотъ еслибъ въ губерніи у насъ было побольше доброжелателей... Вы нашъ коренной, кладенецкій... Намъ и лестно освоить васъ съ нашими дѣлами. У васъ тамъ по пароходству и по другимъ оборотамъ должно быть знакомство обширное. Еще бы лучше, еслибъ вы здѣсь осѣдлость приобрѣли, хоть для видимости.

— Опять къ обществу приписаться?—перебилъ Теркинъ.—Слуга покорный! Вы сами говорите, какая это сласть!

— Зачѣмъ приписываться?—возразилъ хозяинъ.—Вамъ довольно огадили наши порядки. И за родителя пріемнаго вы достаточно обижены... Но у васъ званіе почетнаго гражданина... Можно домикъ выстроить, хоть по близости пароходныхъ пристаней, тамъ продаются участки, или въ долгосрочную аренду, на тридцать лѣтъ. А между прочимъ вы бы намъ всякое указаніе. Намъ супротивъ васъ гдѣ же? Учились вы въ гимназіи. И въ гору пошли, по причинѣ своей умственности. Наше село должно гордиться вами.

— Извѣстное дѣло!—поддакнулъ кто-то.

— Знаете, Василій Ивановичъ, капля-то камень точить. Мы надѣемся къ новымъ выборамъ теперешняго разбойника старшину спихнуть и своего человека поставить.

Отъ чаю и отъ разговора лица у всѣхъ покраснѣли, глаза масляно обращались къ Теркину. Онъ видѣлъ, куда клонился разговоръ, и будь это еще годъ назадъ—ему пріятно бы было хоть чѣмъ-нибудь выместить партіи Малмыжскаго и его клевретовъ. Но теперь онъ не чувствовалъ никакого злораднаго настроенія—и это не удивляло его, а скорѣе какъ бы радовало. Ему сдавалось, что передъ нимъ сидятъ, быть можетъ, недурные, трезвые, толковые мужики, нажившіе достатокъ, только они гнутъ въ свою сторону, безъ всякой, повидимому, заботы о томъ, какъ-то придется „гольтепѣ“, какова бы она ни была.

— Скажите мнѣ, Никандръ Саввичъ,—спросилъ онъ вдру уклоняясь отъ главнаго предмета бесѣды:—что же случилось съ судо-сберегательнымъ товариществомъ?.. Въ одномъ изъ вашихъ сельскихъ обществъ?.. Или оно для обоихъ дѣйствовало?

Моховъ махнулъ рукой и остальные молча усмѣхнулись.

— Смѣху подобно!.. Малмыжскій его и убилъ... съ другими воровалъ... И сухъ изъ воды вышелъ. Отъ всего этого товарищества званія не осталось.

— А кто его устраивалъ... какъ бишь?..—Теркинъ оглянулъ ихъ, точно ища фамиліи.

— Аршауловъ, что-ли?

— Да, Аршауловъ.

— Пропадаетъ онъ изъ-за этихъ же подлецовъ. Теперь здѣсь, въ Кладенцѣ, въ бѣдности, слышно чуть живъ, подъ строгимъ надзоромъ. Всякій его сторонится... изъ прежнихъ-то благопріятелей. А съ нами онъ знакомства никогда не водилъ, чурался.

— Почему же?—оживленнѣе спросилъ Теркинъ.

— Уже не знаю, какъ вамъ сказать... считаетъ насъ, быть можетъ, кулаками и міроѣдами... А мы еще, въ тѣ поры, ему съ Иваномъ Прокофьичемъ говорили: „ничего-то изъ вашего товарищества не выйдетъ путеваго, коли вы Малмыжскаго съ его клеветами думаете допустить до этого самаго дѣла“... Такъ оно и вышло!

Остальные трое только покачали головами и ничего не прибавили отъ себя.

Теркинъ вдругъ подумалъ: почему пріемный его отецъ именно съ этими кладенецкими обывателями держался въ единомысліи? Мальчикомъ онъ смотрѣлъ на все, чѣмъ жилъ Иванъ Прокофьичъ, его же глазами. Онъ вѣрилъ, что отецъ всегда правъ, и его вороги—шайка мошенниковъ и развратителей той голытьбы, о которой столько онъ слышанъ, да и зналъ ее довольно; помнилъ дни буйныхъ сходовъ, пьянства, озорства, дракъ, чуть не побоевъ, достававшихся тѣмъ, кто не хотѣлъ тинуть въ ихъ сторону. До сихъ поръ помнить онъ содержаніе обширной записки, составленной Иваномъ Прокофьичемъ, гдѣ говорилось всего сильнѣе о развращеніи кладенецкаго люда всякими средствами. И количество тайныхъ шинковъ помнилъ онъ—что-то пятьдесятъ или семьдесятъ-пять.

Но вся эта кладенецкая „драная грамота“, какъ выразился Моховъ, представилась ему не совсѣмъ такою, какъ прежде. Личное чувство въ бывшему старшинѣ Малмыжскому и его „клеветамъ“ улеглось, и гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Ему хотѣлось теперь одного—отыскать Аршаулова, принять въ него участіе, заглянуть въ этого человека, согрѣть себя душанной бесѣдой съ нимъ.

Еще долго посвящалъ его Моховъ въ междоусобія Кладенца;

заговорили и трое его гостей, точно имъ что-то сразу развязало языкъ, хотя выпивки не было. Теркинъ слушалъ молча и все дальше и дальше чувствовалъ себя отъ этихъ единомышленниковъ его пріемнаго отца.

Подъ конецъ у него вырвались такіа слова:

— Мудреное дѣло рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, даже и здѣшнему обывателю; а я теперь—человѣкъ со стороны.

— Вамъ слѣдуетъ поддержать насъ, Василій Ивановичъ!.. Въ первую голову!—крикнулъ хозяинъ и пригласилъ къ закускѣ.

XXXVIII.

Опять очутился онъ на томъ самомъ мѣстѣ вала, гдѣ на него нашли думы о судьбахъ Кладенца, передъ посѣщеніемъ монастыря. Поднялся онъ рано, когда его хозяинъ еще спалъ, и долго бродилъ по селу, дожидаясь часа идти искать домикъ вдовы почтмейстера Аршаулова. Можетъ быть, сынъ ея уже пріѣхалъ изъ губернскаго города.

Стояло такое же солнечное и теплое утро, какъ и тогда... Онъ сѣлъ подъ одну изъ сосенъ вала и смотрѣлъ вдаль, на загибъ рѣки и волнистое нагорное побережье. Какъ-то особенно, почти болѣзненно влекло его въ знакомству съ Аршауловымъ.

Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ прежде. У него бывали встрѣчи съ такими же радѣтелями о меньшей братіи. Тѣ, кто изъ нихъ впалъ въ преувеличенное поклоненіе мужику и его доблести, вызывали въ немъ всегда протестъ. Онъ стоялъ на томъ, что передъ деревенскими порядками нечего „млѣть“ и „таять“, и дальше того, что ему случилось высказать прошлымъ лѣтомъ въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ, на пароходѣ „Бирючь“, онъ не шель. Примѣръ Аршаулова, его жалкая судьба, служилъ ему только лишнимъ доводомъ противъ народниковъ. Пріемный отецъ его никогда дурно не говорилъ объ Аршауловѣ, не подозрѣвалъ его въ намѣреніи поживиться чѣмъ-нибудь. Но онъ повторялъ, что эти господа не тѣмъ заняты, чѣмъ бы слѣдовало, что имъ легко „очки втирать“, на словахъ распинаться передъ нимъ за крестьянскій міръ, а на дѣлѣ стрѣлять его, какъ стадо барановъ.

Его влекло къ Аршаулову не за тѣмъ, чтобы подрѣзать себѣ такіе доводы. Въ немъ назрѣла жажда исповѣди—вотъ кому именно человѣку, и потребность сдѣлать для него что-нибудь. Между святой дѣвушкой, ушедшей отъ него въ могилу и

этимъ горюномъ была для него связь, хотя, быть можетъ, онъ и не найдетъ въ немъ ея вѣры. Не за этимъ онъ идетъ къ нему, а просто за добромъ... Родное село дало ему больше, чѣмъ поѣздка къ Троицѣ. Нѣтъ уже того рва, который онъ самъ вырылъ между собою и крестьянствомъ. Услыхать отъ Аршаулова ждалъ онъ и сочувственнаго слова личности и общественному поведенію Ивана Прокофѣича.

Что жъ дѣлать! Не заставишь себя вѣрить ни по-мужицки, ни по барски, ни съ дѣтской простотой, ни съ мрачнымъ мистицизмомъ, все равно какъ не заставишь себя любить женщину. Это придетъ или не придетъ. Онъ ищетъ примиренія съ со-вѣстью, а не тупого отрѣшенія отъ жизни, съ ея радостями и каждой дѣятельнаго добра.

Когда Теркинъ снялся съ своего мѣста, было уже около девяти часовъ. Онъ могъ бы завернуть къ отцу-настоятелю, но оставилъ это до отъѣзда... Тутъ только подумалъ онъ о своихъ дѣлахъ. Больше десяти дней жилъ онъ внѣ всякихъ дѣловыхъ помысловъ. На низу, въ Астрахани, ему слѣдовало быть въ первыхъ числахъ сентября, да и въ Нижнемъ осталось кое-что неулаженнымъ, а ярмарка уже доживала самые послѣдніе дни.

Это его не тревожило. Впервые такъ искренно находилъ онъ, что жадничать нечего, что все пойдетъ своимъ порядкомъ. Барыши—безъ идеи, для одного себя—не привлекали его. Не въ годъ, такъ въ два или въ три, у него не будетъ долга и на новый рискъ онъ не пойдетъ. Останется долгъ душевный—въ своихъ собственныхъ глазахъ надо покрыть свою первую „передержку“. Калерія простила его, но онъ самъ до сихъ поръ не простилъ себя, хоть и расплатился съ Серафимой. Надо еще разъ выплатить эту сумму какимъ-нибудь хорошимъ дѣяніемъ. Но какимъ? И объ этомъ онъ будетъ говорить съ Аршауловымъ.

Дошелъ онъ до почтовой конторы. У станового онъ разспросилъ, какъ отыскать домикъ вдовы-почтмейстерши, и соображалъ теперь, въ какой переулокъ повернуть.

Домикъ стоялъ на углу, у подъема къ тому урочищу, что зовется „Баскачихой“—про которую упоминалъ отецъ-настоятель, когда велъ съ нимъ бесѣду о кладенецкой старинѣ. Совсѣмъ по-дрѣль онъ, а былъ когда-то выкрашенъ, только еще на ставняхъ сохранились слѣды зеленой краски, но смотрѣлъ все-таки избой, а обывательскимъ домомъ.

Въ калитку Теркинъ вошелъ осторожно. Она не была за-рѣта. Дворъ открытый, тѣсный. Доска вела къ крылечку, обшитому тесомъ. И на крылечкѣ дверь подавалась, когда онъ взялся

за ручку—и попалъ въ крошечную переднюю, куда изъ зальца, справа, дверь стояла отворенной на одну половинку.

— Кого вамъ?—раздался слабый женскій голосъ съ замѣтнымъ шамканьемъ.

Его окликнули изъ глубины, должно быть, изъ кухни или изъ каморки, выходившей окнами на дворъ.

— Господинъ Аршауловъ у себя?—спросилъ онъ громко.

Послышались шлепающіе шаги и къ Теркину вышла старушка, очень бѣдно, но не по-крестьянски одѣтая, видомъ няня, безъ чепца, съ сѣдыми какъ лунъ волосами, завернутыми въ косичку, на маковѣѣ, маленькаго роста, сгорбленная, опрятная. Старый вѣтчатый платокъ накинута былъ на ситцевый капотъ.

— Господинъ Аршауловъ?—переспросилъ Теркинъ. — Здѣсь, если не ошибаюсь?

Старушка, снизу вверхъ, оглядѣла его слезливыми, слабыми глазами, откинула голову немного на лѣвое плечо и выговорила, помедливъ:

— Живетъ онъ здѣсь... Только въ отъѣздѣ.

— Когда же будетъ назадъ?

— Да право не могу вамъ навѣрно сказать.

Она, видимо, не довѣряла ему.

— Вы матушка его?—особенно ласково спросилъ Теркинъ.

— Да-съ.

— Какъ по имени-отчеству?

— Марья Евграфовна.

— Вы позволите, Марья Евграфовна, на минуточку войти къ вамъ?.. Видите ли, я здѣсь проѣздомъ и мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы повидать вашего сына.

— Милости прошу.

Говоръ у старушки былъ немного чопорный: она, вѣроятно, родилась въ семьѣ чиновника или мелкопомѣстнаго дворянина.

Зальце въ три окна—служило и спальней, и рабочей комнатой сыну: облѣзлый ломберный столъ съ книгами, клеенчатый убогій диванъ—гдѣ онъ и спалъ—картинки на стѣнахъ и дватри горшка съ цвѣтами; все—очень бѣдное и старенькое. Краска пола облупилась. Окурки папиросъ виднѣлись повсюду. Окна были заперты. Пахло жилой комнатой больного.

— Милости прошу!—повторила старушка и указала его на кушетку.

Теркинъ ожидалъ еще большей бѣдности; но все-таки е у бросился въ глаза контрастъ между этой обстановкой и хоромами

Никандра Саввича Мохова, отдѣланными съ разными купеческими затѣями.

— Марья Евграфовна, — началъ Теркинъ, чувствуя волненіе. — Пожалуйста, вы не примите меня за какое-нибудь официальное лицо.

— Вы изъ господъ здѣшнихъ помѣщиковъ?

— Какое! Я родился въ Кладенцѣ, въ крестьянскомъ домѣ воспитанъ. И супруга вашего прекрасно помню. И сына видалъ. Моимъ пріемнымъ отцомъ былъ Иванъ Прокофійчъ Теркинъ... Не изволите припомнить?

— Слыхала, слыхала.

— Котораго, по приговору схода, благопріятели его въ Сибирь сослали, якобы за смутьянство.

— Теперь вспомнила. Миша мнѣ говаривалъ.

— Сынокъ вашъ? Его Михайломъ зовутъ... а по батюшкѣ какъ?

— Терентьичъ, батюшка.

Глаза старушки измѣнили выраженіе. И въ складѣхъ блѣдныхъ губъ еще крѣпкаго рта явилось выраженіе горечи.

— Такъ вотъ, Марья Евграфовна, кто я. Про судьбу Михаила Терентьича я достаточно наслышанъ. Знаю, черезъ какія испытанія онъ прошелъ, и какіе ему пришлось видѣть плоды своего радѣнія на пользу здѣшняго крестьянскаго люда. Узналъ, что онъ теперь водворенъ на родину, и не хотѣлъ уѣзжать изъ Кладенца, не побывавъ у него.

Онъ придвинулся къ старушкѣ и протянулъ ей руку.

На глазахъ ея были слезы, которыя она, однако, сдерживала.

— Миша мой—мученикъ!.. Столько принялъ всякихъ напастей... И за что?.. Сколько я сама вымаливала... Прислали вотъ сюда умирать...

— Здоровье его дѣйствительно плохо?

— И-и!

Она отвернула лицо, не желая показывать слезъ.

— Прошу васъ, Марья Евграфовна, — началъ Теркинъ, взволнованный еще сильнѣе, — будьте со мной по душѣ... Я бы хотѣлъ знать положеніе ваше и Михаила Терентьича.

— Сами видите, батюшка, какъ живемъ. Пенсіи я не вижу опотала отъ начальства. Хорошо еще, что въ земской управѣ шлись добрые люди... Получаю вспомошествованіе. Землица была у меня... давно продана. Миша безъ устали работаетъ, шлетъ... себя въ гробъ вколачиваетъ. По статистикѣ составлялъ тѣе вѣдомости... Кое-когда перепадетъ самая малость... Вотъ

теперь, въ губерніи хлопочетъ... на частную службу не примутъ ли? А ежели и примутъ, онъ тамъ года не проживетъ... Одинъ день бродить, недѣлю лежить да стонетъ.

Никакихъ униженныхъ просьбъ не услыхалъ онъ отъ нея. Это его еще болѣе тронуло.

— Сегодня ждете Михаила Терентьича?

— Вамъ кто сказывалъ?

— Становой.

— То-то моль... Становой съ Мишей еще по-христіански обращается... Такіе ли бываютъ... Ежели къ обѣду не прибѣжить на пароходѣ—значить, поздно, часамъ къ девяти.

— Такъ по вашему, Марья Евграфовна, лучше ему здѣсь биться, при васъ, даже если онъ и добьется какой-нибудь постоянной работы въ губерніи?

Онъ не выдержалъ и быстро прибавилъ:

— Заработокъ можно достать, даже коли не позволятъ въ другомъ мѣстѣ жить... И здѣсь поддержимъ!

Въ какихъ онъ дѣлахъ, Теркинъ не сказалъ ей—это пока-залось бы хвастовствомъ; но черезъ полчаса разговора старушка, прощаясь съ нимъ, заплакала и прошептала:

— Умереть-то бы ему хоть на моихъ рукахъ, голубчику!

— А можетъ, и вылечимъ, Марья Евграфовна!.. На кумыс, будущимъ лѣтомъ, схлопочемъ!

Онъ обѣщалъ ей заѣхать послѣ обѣда и, если сынъ ея не пріѣдетъ съ первымъ пароходомъ, отправиться самому вечеромъ на пристань и доставить его въ долгушѣ.

Но когда онъ, на порогѣ крылечка, еще разъ протягивалъ ей руку, во взглядѣ ея точно промелькнулъ страхъ: „не приходилъ ли онъ выпытывать у ней о сынѣ?“

Это его не обидѣло. Развѣ онъ не могъ быть „соглядатай“ или просто бахвалъ, разыгрывающій роль благодѣтеля?

XXXIX.

На ломберномъ столѣ ютилась низенькая лампочка, издавая запахъ керосина. Комната стояла въ полутьмѣ. Но Теркину, сидѣвшему рядомъ съ Аршауловымъ на кушеткѣ, лицо хозяина было отчетливо видно. Глаза вспыхивали во впадинахъ, впалыя щеки заострились на скулахъ, волосы сильно сѣдѣли и на правильномъ черепѣ, и въ длинной бородѣ. Онъ смотрѣлъ старчески образно и весь горбился подъ пледомъ, надѣтымъ на рабочую блузу.

Теркинъ слушалъ его уже около часа, не перебивая. Теперь онъ зналъ—черезъ что прошелъ этотъ народникъ. Аршауловъ рассказывалъ ему, покашливая и много кура, про свои мытарства, точно рѣчь шла о постороннемъ, просто, почти простовато, безъ пришибленности и безъ всякой горечи, какъ о „незадачѣ“, которая, по нынѣшнимъ временамъ, могла со всякимъ случиться. Въ первыя минуты это показалось Теркину не совсѣмъ искреннимъ; но четверти часа не прошло, какъ онъ не чуялъ въ тонѣ Аршаулова никакой маскировки.

— Да, Василій Ивановичъ, только вотъ здѣсь, лѣтомъ, какъ пошли жаркіе дни, сталъ я лучше слышать на правое ухо. Лѣвое, кажется, окончательно погибло.

— И вы оглохли отъ сидѣнья?

— Ни отъ чего другого! Приобрѣлъ это вмѣстѣ съ цынгой, опухолью ногъ и катарромъ брѣховъ. Но это все ничего въ сравненіи съ молчаніемъ и одурью сидѣнья мѣсяцами и годами.

— Годами!—вырвалось у Теркина.

— Я высидѣлъ въ одномъ номерѣ два года, девять мѣсяцевъ и четырнадцать дней.

— И неужели никакихъ возможностей сообщенія съ товарищами по заключенію?

— Безъ этого бы и съ ума сойти можно!

Аршауловъ откашлялся звукомъ чахоточнаго, короткимъ и сухимъ, закурилъ новую папиросу и такъ же спокойно, не спѣша, добродушными нотами, вспоминалъ, какъ долго учился онъ азбукѣ арестантовъ, посредствомъ стуковъ, и сколько бесѣдъ велъ онъ такимъ способомъ съ своими невидимыми сосѣдами, узнавать, кто они, давно ли сидятъ, за что посажены, чего ждутъ, на что надѣются. Были и мужчины, и женщины. Отъ нѣкоторыхъ выслушивать онъ цѣлыя исповѣди.

Никто еще не вводилъ Теркина такъ образно въ этотъ міръ невѣдомой, потаенной жизни. Но онъ не могъ все-таки не изумляться, какъ сумѣлъ Аршауловъ сохранить—больной, нищій, безъ правъ, безъ свободы выбора занятій и безъ возможности выносить усиленную работу—такое отношеніе къ своей судьбѣ и къ тому народу, изъ-за котораго онъ погибалъ.

— Не я одинъ,—говорилъ ему Аршауловъ, не мѣняя тона.— Падались, какъ и я же, изъ-за какой-нибудь ничтожной записки или стараго конверта, визитной карточки. Мало ли съ кѣмъ случалось встрѣчаться и переписываться?.. Я, лично, противъ всякаго насилія; но на иной взглядъ и я—такой же разрушитель!.. Иначе и не могло быть!

— И всѣмъ этимъ вы обязаны кладенецкимъ мужичкамъ?— глухо сказалъ Теркинъ.

— Нѣтъ, я съ такимъ толкованіемъ не согласенъ, Василій Ивановичъ!..

Аршауловъ всталъ и, кутаясь въ пладъ, тихо заходилъ по комнатѣ.

— Доноса отъ крестьянъ на меня не было—я въ это не вѣрю... Было усердіе со стороны мѣстнаго начальства и, быть можетъ, кое-кого изъ той партіи, которая товариществу, устроенному мною, не сочувствовала и гнула на городовое положеніе.

Теркина точно что ужалило. Онъ тоже поднялся, подошелъ къ Аршаулову и взялъ его за свободный край плада.

— Для меня это чувствительно, Михайлъ Терентьичъ! Я хотѣлъ отъ васъ именно выслушать душевное слово, въ память моего пріемнаго отца—Ивана Прокофьяча. А вы говорите про тѣхъ, кто его поддерживалъ, какъ про предателей и доносчиковъ. Какъ же это?

Голосъ Теркина вздрагивалъ.

— Позвольте, позвольте, Василій Ивановичъ, — Аршауловъ прикоснулся къ его рукѣ горячей ладонью и подвелъ опять къ купеткѣ. — Чувство ваше понимаю и высоко цѣню... На покойнаго отца вашего смотрѣлъ я всегда какъ на богато-одаренную натуру... съ высокими запросами. Но мы съ нимъ не могли столковаться и онъ, не замѣчая того, шелъ прямо въ разрѣзъ съ интересами здѣшнихъ бѣдняковъ.

— Однако?..

— Выслушайте меня.

Долго и все такъ же кротко говорилъ Аршауловъ — даже кашель не прерывалъ его рѣчи—и передъ Теркинымъ вставала совсѣмъ иная картина кладенецкихъ усабищъ. Онъ началъ распознавать коренную ошибку Ивана Прокофьяча, не захотѣвшаго смирить себя передъ насущными нуждами и мірскими инстинктами „голытены“, слишкомъ горячо чувствовалъ личныя обиды, неблагодарность за свои услуги въ пору борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, увлекался мечтами о городскомъ благоустройствѣ и сталъ сторонникомъ скупщиковъ, мѣтившихъ въ купцы, разорвать связь съ мужицкой общиной.

— Но вѣдь его враги, — возражалъ онъ, — старшина Малмыскій и его подручные были завѣдомые прощальги и воры, совратители схода?..

— Я ихъ и не выгораживаю, Василій Ивановичъ. Но какои бы они ни были, все-таки ими держалось общинное начало.

Аршауловъ взялъ его за руку.

— Войдите сюда. Не говорить ли въ васъ горечь давней обиды... за отца и, быть можетъ, и за себя самого? Я вашу исторію знаю, Василій Ивановичъ... Вамъ здѣсь нанесли тяжкое оскорбленіе... Вы имѣли поводъ возненавидѣть то сословіе, въ которомъ родились. Но что такое наши личныя обиды рядомъ съ истиннымъ долгомъ нашимъ? Мы всё, сколько насъ ни есть, въ неплатномъ долгу передъ той же самой гильтепой!..

Теркинъ молчалъ, но ему хотѣлось сказать: „Это идолопоклонство! Народъ—темная, слѣпая сила и надо ея править, а не становиться передъ ней на колѣни!“

Но онъ далъ Аршаулову высказаться.

И въ этомъ человѣкѣ увидалъ онъ, подъ-конецъ, не извѣрство какой-нибудь книжной проповѣди, а глубину чистой, ничѣмъ не подмѣшанной преданности народу, жалость къ нему, желаніе поднять его всячески, дѣлиться съ нимъ знаніемъ, идеями, трудомъ, сердечной лаской.

— Что-жъ изъ того,—доносился до него чахоточный голосъ Аршаулова, согрѣтый тихимъ одушевленіемъ:—что-жъ изъ того, Василій Ивановичъ, что здѣсь облюбленное мною дѣло лопнуло и я самъ—искалѣченъ тюрьмой и ссылкой?.. Это—не аргументъ. Да, въ здѣшнемъ народѣ не нашлось того, что нужно для стойкаго веденія всякаго товарищества... Лѣнь, водка, бѣдность, плутоватость, кумовство... все это есть, и я, по крайней молодости своей, въ ту пору многого не доглядѣлъ. Но въ немъ, въ его коренныхъ свойствахъ—затѣта высшаго общественнаго строя... Онъ способенъ на выдержку и работу сообща. Я не славянофилъ... и нынѣшняго патріотическаго самохвальства не жалую; но такова моя вѣра!

— Кто же поддерживаетъ васъ... въ настоящую минуту?.. Всѣ оставили?... Испугались?..

— Испугались—это точно. Да какъ же вы хотите, чтобы было иначе?.. Страхъ, умственный мракъ, вѣковая тягота—вотъ его школа!.. Потому-то всѣ мы, у кого есть свѣтъ, и не должны знать никакого страха и продолжать свое дѣло... что бы намъ ни посылала судьба.

Тутъ только онъ откашлялся и перевелъ дыханіе. Глаза разгорѣлись. Онъ выпрямился и его неправильное лицо стало ярче свѣта.

Теркинъ сидѣлъ съ опущенной головой и въ рукѣ его тлѣла загорѣвшая папироса. Онъ нашелъ бы доводы противъ того, чѣмъ занималъ Аршауловъ, но ему захотѣлось слиться съ пламеннымъ

желаніемъ этого бѣдняги, въ которомъ онъ видѣлъ гораздо больше душевнаго равновѣсія, чѣмъ въ себѣ.

— Такъ-то такъ, — выговорилъ онъ: — но съ народомъ, Михайлъ Терентьичъ, надо быть одного закона... вѣрить, во что онъ самъ вѣритъ... А нешто это легко?

— Вы о какой вѣрѣ?

— Какую онъ самъ имѣетъ. Да въдобавокъ, здѣсь, въ Кладенцѣ, другъ противъ друга стоятъ — законная церковь и расколъ. Надо къ чему-нибудь пристать. А насильно не заставишь себя вѣрить.

— И не надо, — упавшимъ голосомъ, но съ той же убѣжденностью сказалъ Аршауловъ. — Народъ терпѣливѣе по натурѣ, чѣмъ мы. Сектантство — только форма протеста или проблескъ умственной жажды. Въ душу вашу онъ инвизиторски не залѣзаетъ.

— Однако, ѣсть съ вами изъ одной чашки не будетъ. Да и не о расколѣ я говорю. А о томъ, что мужицкой вѣры не добудешь, еслибъ и хотѣлъ. Не знаю, какъ вы...

— Никогда я не находилъ препятствія въ моихъ убѣжденіяхъ, чтобы приблизиться къ народу. И здѣсь это еще легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ молебень служить Фролу и Лавру и ведетъ каураго своего кропить водой, а я не пойду и скажу ему: извини, милый, я — не церковный... Это онъ услышитъ и отъ всякаго безпоповца... А въ общемъ дѣлѣ они могутъ стоять боко-о-бокъ и поступать по-божески, какъ это всякій по своему разумѣетъ.

— Хорошо бы такъ-то! — вырвалось у Теркина.

— И такъ будетъ, Василій Ивановичъ, такъ должно быть. У всѣхъ, кто жалѣетъ о народѣ, одна вѣра — и она божественнаго происхожденія, одинъ законъ — правды и человѣчности.

Изъ передней дверь скрипнула. Показалась голова матери Аршаулова.

— Миша! Не угодно ли имъ чайку? Самоваръ давно стоитъ... Ко мнѣ пожалуйте. Или въ ту вонъ комнату.

— Ахъ, маменька!.. Погодите!.. Такой у насъ разговоръ...

— Шибко-то говорить ему вредно, — старушка обратилась къ гостю: — а онъ не можетъ удержаться.

— Ничего! Я вѣдь не напрягаюсь. Лучше сюда принесите намъ. Василій Ивановичъ не взыщетъ.

Теркинъ тоже подосадовалъ на старушку за перерывъ къ бесѣдѣ. У него было еще многое на сердцѣ, съ чѣмъ онъ сѣмился къ Аршаулову. Сегодня онъ съ нимъ и простится, но не уйдетъ отъ него съ пустыми руками... И утомлять его онъ ю-

ялся, хотя ему видъ Аршаулова не казался уже такимъ безнадежнымъ. Явилась надежда вылечить его, поселить на югѣ, обезпечить работой — по душѣ.

XL.

„Пора уходить“, спохватился гость, взглянувъ украдкой на часы. Аршауловъ началъ замѣтно слабѣть; попросилъ даже позволенія — прилечь на кушеткѣ. Голова старушки уже раза два показывалась въ полуотворенную дверь.

Поговорили они порядкомъ и о теперешнемъ его положеніи. Онъ не жаловался. Въ губернскомъ городѣ ему обѣщали постоянную работу по статистикѣ, не требующую ни особенной спѣшности, ни частыхъ разъѣздовъ. Въ городѣ его не тянуло, хоть тамъ онъ и нашелъ бы цѣлый кружокъ такихъ же „подневольныхъ обывателей“, какъ и онъ самъ.

— Матюшка все боялась, что я соблазнюсь, буду туда проситься на житье... Нѣтъ!.. Климатъ тамъ такой же... Еще хуже будетъ. А главное, здѣсь я окруженъ моей стихіей. Здѣсь и умру.

Теркинъ искренно и почти стыдливо высказалъ готовность поддерживать его чѣмъ можетъ, предложилъ доставить ему у себя мѣсто, на низовьяхъ Волги, гдѣ все-таки не такъ сурово, если только начальство согласится пустить его туда. Аршауловъ выслушалъ, дотронулся до его плеча и покачалъ головой.

— Спасибо, Василій Ивановичъ, я по вашему дѣлу не гожусь. Видите, каково мое здоровье.

Дальше рѣчь объ этомъ не пошла.

— Вы на меня смотрите какъ на буржуа, — торопливо заговорилъ Теркинъ, взволнованный и смущенный. — Такъ вѣдь называютъ нашего брата-практика?..

Онъ не могъ уйти отъ Аршаулова безъ исповѣди.

— Вы человѣкъ изъ народа, — рѣзко отвѣтилъ тотъ, — и останьтесь имъ, насколько возможно.

— Насколько возможно! — повторилъ Теркинъ, и махнулъ рукой. — На распутиѣ я стоялъ, Михаилъ Терентьевичъ, два чело-
вѣка во мнѣ войну вели, и тотъ, котораго къ вамъ влечетъ, шлъ за духовной помощью второму, хищному.

Безъ всякихъ оговорокъ и смятенья, порывисто, со слезами въ голосъ, онъ раскрылъ ему свою душу, рассказалъ про все — съ чужой совѣстью, связь съ чужой женой, разрывъ, встрѣчу съ

чудной дѣвушкой и ея смерть, про поворотъ къ простой мужицкой вѣрѣ и безсиліе свое найти ее, про то чувство, съ какимъ пріѣхалъ въ Кладенецъ.

— Не хочу я, не хочу я жить безъ вѣры... — повторялъ онъ, размягченный своей исповѣдью. — А вѣрить не могу, какъ простецъ: хотъ и мало я учился, а все-таки книжка взяла свое. Другой, внутренний законъ мнѣ нуженъ — вотъ такой, какой въ васъ сидитъ, Михаилъ Терентьичъ. И тутъ загвоздка! Къ народу долго мстительность имѣлъ... Теперь только, здѣсь, стало въ меня примиреніе проникать. Но въ мужика, въ землепашца, въ кустаря — я не обращаюсь... Не то чтобы не пускала одна утроба, избалованность, жадность къ дорогому и сладкому житью, а за свое человѣческое достоинство дрожу, не хочу потерять хотъ подобіе гражданскихъ правъ... чтобы тебя пороли въ волости, какъ скотину. Съ этого меня никто не сдвинетъ... Я долженъ хозяйствовать и въ гору идти — такова моя доля, но чтѣ я изъ своего добра сдѣлаю, какъ я свои стяжанія соглашу съ жалостью къ народу, съ служеніемъ правдѣ — не знаю!.. Взыскую этого, Михаилъ Терентьичъ, всѣмъ моимъ нутромъ взыскую!..

Онъ закрылъ лицо руками и смолкъ, весь потрясенный.

— Не забывайте, — проникалъ въ него чуть слышно голосъ Аршаулова, закинувшего голову на валикъ кушетки: — не забывайте крестьянства; оно приняло и выходило васъ, и бросило въ душу зерно мірской правды... Вѣдь Иванъ-то Прокофьичъ, хотъ онъ и ошибался въ средствахъ, цѣль имѣлъ одну: стоять за правду съ своими однообщественниками. И его примѣръ развѣленъ: оттого только, что онъ водился съ богатѣями, съ скупщиками, онъ потерялъ чутье настоящаго мужицкаго блага, добивался такихъ порядковъ, гдѣ можно будетъ властвовать безусловно, мѣнялъ, по доброй волѣ, деревню на городъ. Но онъ былъ прикованъ къ своему мѣсту, зарвался; по природѣ своей человѣкъ онъ былъ слишкомъ пылкій и даже славолюбивый. Ему уже нельзя было очистить свое пониманіе отъ всѣхъ этихъ примѣсей. А вы — молоды, свободны, ищите праваго пути, видите насквозь все, чтѣ творится на Руси хищнаго и безстыжаго. Хозяйствуйте, заручайтесь силой, только помните, кто васъ кормилъ, передъ кѣмъ вы въ долгу. И найдете свой законъ, свою вѣру!

— Нѣшто это мыслимо, чтобы не завязить хотъ одной но въ неправдѣ? — глухо вырвалось у Теркина.

— А нельзя, такъ вернитесь сюда... сбросьте съ себя в и станьте на сторону кладенецкой гольтепы, искупите всѣ волны и невольные грѣхи вашего отца противъ крестьянскаго мі

— И кончите тѣмъ, что васъ, какъ смутьяна и бунтовщика, сначала выдерутъ разъ пятьдесятъ, а потомъ сошлютъ туда же, откуда Иванъ Прокофьичъ вернулся полуживой!..

— Быть можетъ,—чуть слышно вымолвилъ Аршауловъ.

За стѣнной деревянныя часы пробили десять.

На самомъ юру, по ту сторону торговой улицы, ближе къ мѣсту, гдѣ пристають пароходы, усталый присѣлъ Теркинъ. Онъ пошелъ отъ Аршаулова бродить по селу. Спать онъ не могъ и не хотѣлъ попадать къ часу ужина своего хозяина, Мохова.

Ночь звѣздная, мягкая для первыхъ чиселъ сентября, съ отблескомъ новой луны въ рѣкѣ, вѣяла ему въ лицо горной прохладой. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, которую помнилъ еще съ ранняго дѣтства... Тутъ на Святой и Оминой парни и дѣвки собираются гулять и ѣсть лакомства.

Слѣва, внизъ по рѣкѣ, издалека показались цвѣтныя точки фонарей парохода и шумъ колесъ уже доносился до него. А потомъ и хвостъ искръ изъ трубы потянулся по пологу ночи.

Это могъ быть и „Батракъ“, если его ничто не задержало ни въ Нижнемъ, ни въ Лысковѣ. Разглядѣть было трудно, даже какаго цвѣта пароходъ.

Но будь это и „Батракъ“, онъ не пойдетъ на пристань. Тамъ и до сихъ поръ врядъ-ли знаютъ, что одинъ изъ пайщиковъ товарищества проживаетъ въ Кладенцѣ.

Судьба видно не спроста привела его сюда, послѣ исповѣди Аршаулову. На этой рѣкѣ онъ родился, на ней вышелъ въ люди, на нее спустилъ свой собственный пароходъ. Вся его жизнь пройдетъ на ней. Онъ другого и не желаетъ... И ежели той же судьбѣ угодно дать ему силы-мощи послужить этой рѣкѣ, какъ онъ всегда мечталъ, развѣ не скажетъ ему спасибо каждый забытый мужиченко, на протяженіи всего Поволжья? Нутко!

Но онъ не сталъ уноситься въ даль. Ему хотѣлось сохранить въ себѣ настроеніе, съ какимъ онъ оставилъ домикъ Аршаулова. Пароходъ вдругъ напомнилъ ему его разговоръ съ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ, когда въ немъ, впервые, зажглась жажда истовѣди, и капитанъ Кузьмичевъ своимъ зовомъ пить чай не даъ ему высказаться.

Борисъ Петровичъ и Аршауловъ—родные братья по духу, по се ей любви къ народу... Только тотъ служить ему большимъ та антомъ, а этотъ горюнь испортилъ въ доскъ свою жизнь и ни чего не сдѣлалъ, даже для одного Кладенца.

Что за нужда! Онъ счастливъ, душа у него младенчески чиста, никакого разлада съ самимъ собой, на ладанъ дышетъ, а ни одной горькой ноты!.. Развѣ не завидно?

И вспомнилась ему та фраза, которую онъ, въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ, привелъ изъ присловія московскаго патриота: „такъ русская печь печетъ!“

Чудно печетъ она, и никакому иностранцу не разобрать, что дѣлается въ душѣ русскаго человѣка.

Ритмическій шумъ близившагося парохода все крѣпчалъ... Протянулся и звукъ свистка, гулкій, немножко злобщій, такой же длинный, какъ и столпъ искръ отъ трубы.

Не „Батракъ“ ли?—спросилъ себя еще разъ Теркинъ. Звукъ показался ему очень знакомымъ... Но онъ не сталъ разглядывать очертаній парохода.

На пристани замигали фонари и окошко конторы выдѣлялось свѣтлымъ четырехугольникомъ.

Завтра онъ убѣжитъ отсюда внизъ по рѣкѣ на какомъ придется пароходѣ.

Куда? Гдѣ у него домъ?.. Все разлетѣлось въ прахъ... Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Онъ началъ считать на пальцахъ дни съ приѣзда на дачу около посада и не выходило полного мѣсяца; а со смерти Калеріи—всего двѣнадцать дней: три на дорогу въ Москву, два въ Москвѣ и у Троицы, три на поѣздку въ Кладенецъ, да здѣсь онъ четвертый день.

И опять онъ бобыль; ни жены, ни подруги!.. Тамъ, пониже Казани, томится красавица, полная страсти, всю себя отдала ему, изъ-за любви пошла на душегубство... Напиши онъ ей слово, пусти телеграмму—она прилетитъ сію минуту. Вѣдь кровь заговорить же въ немъ, потянетъ снова къ женской прелести, будетъ искать отлива душа и нарвется на потаскушку, уйдетъ въ постыдную страсть, кончитъ такимъ паденіемъ, до какого никогда не дошелъ бы съ Серафимой.

Въ ушахъ его зазвучали кроткія слова Калеріи, ея просьба простить Серафиму, вести ее къ алтарю...

Нѣтъ!.. Между нимъ и Серафимой легла могила этой дѣвушки, влѣла и влеченіе къ женщинѣ, и жалость. Не найти ему въ бракѣ съ бывшей любовницей ничего, кромѣ „распустъ“.

Тщета всякаго счастья и всякаго стяжанія пронизала о выѣстѣ съ образомъ смерти Калеріи... Все бросить, превратитъ въ простеца, дойти до высокаго юродства Михаила Терентѣя Аршаулова...

Протянулось нѣсколько минутъ. Теркинъ все еще сидѣлъ въ

низко-опущенной головой Его точно разбудилъ новый свистокъ, у самой пристани.

Онъ всталъ, встряхнулся, пристально поглядѣлъ внизъ на рѣку. Подходилъ „Батракъ“. Вонъ косая труба и верхняя американская рубка.

Его внезапно подхватило хозяйское чувство и понесло къ своему дѣтищу. Почти бѣгомъ сталъ онъ спускаться по горѣ къ пристани, точно ища спасенія отъ самого себя...

II. Боворыкинъ.

РУССКАЯ РИВЬЕРА

Берега Генуэзскаго залива извѣстны подъ названіемъ Ривьеры; берегъ къ востоку отъ Генуи называется Riviera di Levante, а къ западу—Riviera di Ponente. Страна, носящая имя Ривьеры, обставлена съ сѣвера горами, образуетъ собою довольно узкую полосу земли, отличается грандіозной природой, богатою растительностью, теплымъ здоровымъ климатомъ и другими подобными условіями, дѣлающими ее едва ли не лучшимъ санитарнымъ мѣстомъ Европы, особенно Riviera di Ponente. Не даромъ же имена Ниццы, Канна, Ментоны и проч. извѣстны чуть не каждому, хотя бы онъ тамъ никогда и не бывалъ.

Въ тѣхъ же широтахъ лежитъ южный берегъ Крыма, который напоминаетъ собою въ извѣстной степени итальянскую Ривьеру. Онъ защищенъ отъ сѣвера горами, отличается климатомъ умѣреннымъ и мягкимъ, изобилуетъ красотою горной природы, одаренъ богатою растительностью и представляетъ собою узкую полосу земли разной ширины, но не шире восьми верстъ. Удовлетворяя весьма многимъ санитарнымъ требованіямъ, южный крымскій берегъ сдѣлался въ послѣдніе годы для Россіи лучшимъ климатолечебнымъ пунктомъ южнаго характера, какъ Ривьера для Европы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя приморскій Кавказъ и Закавказье имѣютъ мѣстами гораздо болѣе природныхъ санитарныхъ условій, но мѣста эти существуютъ въ видѣ нисколько не обработаннаго сырья или еще не развились дальше зачаточнаго состоянія. При всей недостаточности культурнаго развитія южнаго крымскаго берега, онъ все-таки вышелъ изъ прежняго пудикаго состоянія и придвинулся къ европейскимъ образцамъ настолько близко, что въ ряду южныхъ санитарныхъ мѣстъ Ривьеры онъ долженъ быть поставленъ въ первомъ номерѣ.

Въ этой русской Ривьерѣ мнѣ привелось побывать четыре раза: въ 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, первые два раза не на долго, а потомъ два и восемь мѣсяцевъ. Я помню очень хорошо время, когда нынѣшней Ялты (новаго города) совсѣмъ еще не было, а на ея мѣстѣ находились виноградники, табачныя плантаціи и еще что-то въ этомъ родѣ. Не было тогда ни пароходства, ни желѣзныхъ дорогъ, такъ что отъ самой Москвы приходилось ѣхать на почтовыхъ; ксжнй берегъ Крыма представлялся тогда страной почти невѣдомой, даже какъ будто легендарной. Побывъ тамъ неоднократно, запасшись многими указаніями опыта и наблюденія и познакомившись сверхъ того съ литературой предмета, я задался утилитарной цѣлью—послужить въ мѣрѣ моихъ способовъ тѣмъ, кто мало знакомъ или вовсе незнакомъ съ этимъ краемъ. Намѣреніе это тѣмъ болѣе казалось не лишнимъ, что очень много распространено о Крымѣ слишкомъ легкихъ, невѣрныхъ свѣденій, и въ хорошую, и въ дурную сторону. А тема стоитъ того, чтобы представить ее безъ искусственной окраски и освѣщенія.

Русская Ривьера протяженіемъ своимъ гораздо короче генуэзской и не доходитъ даже до 100 верстъ. Южный берегъ начинается отъ Ласпи на западѣ и кончается Кучукъ-Узеномъ (за Алуштой) на востокѣ. Строго говоря, онъ кончается раньше у мыса Ай-Тодоръ, а затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, но это не принимается въ соображеніе, потому что растительность между Ласпи и Кучукъ-Узеномъ одинакова и только далѣе къ востоку не могутъ расти и цвѣсти магноліи, лавры, кипарисы и другія подобныя.

Въ этнографическомъ отношеніи Крымъ есть страна едва ли не самая замѣчательная въ Европѣ. Въ Крыму оставили свой слѣдъ не только многіе народы и племена, имѣвшіе здѣсь осѣдлость во времена историческія, но по пещернымъ городамъ, по кладбищамъ, по развалинамъ циклопическихъ построекъ можно прослѣдить слѣды и эпохи до-исторической. Собственно на южномъ берегу слѣды временъ давно минувшихъ сохранились въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ полуострова, но все-таки существуютъ. Въ настоящее время населеніе Крыма, считая съ жнымъ берегомъ, очень рѣдкое. Передъ присоединеніемъ Крыма въ Россіи татаръ въ немъ насчитывалось свыше полумилліона, а въ первыя же 15 лѣтъ ихъ переселилось въ Турцію до 300.000 зловѣкъ. Другая крупная эмиграція татаръ и ногайцевъ произошла на нашей памяти послѣ крымской войны; убыло около 10.000. Такимъ образомъ на южномъ берегу деревни татарскія

встрѣчаются не часто, а большихъ поселеній и вовсе нѣтъ, кромѣ развѣ дер. Дерикой и Ай-Василь, подъ Ялтой. Да и южно-бережскіе татары совсѣмъ не того племени, какъ степные; типъ горнаго татарина ничего монгольскаго въ себѣ не имѣетъ или имѣетъ очень мало въ видѣ примѣси къ греческой основѣ. Есть въ горныхъ татарахъ частица и итальянской крови, такъ какъ тутъ свыше двухъ столѣтій владычествовали генуэзцы и хотя были большею частью истреблены, но все-таки не безъ остатка, который и смѣшался съ греками и татарами. Ничего этого въ памяти нынѣшнихъ татаръ, конечно, не осталось; они отатарились и омуслиманились незамѣтно, исподволь. Грековъ-христіанъ, во времени завоеванія Крыма русскими, оставалось все еще тысячъ 30 или 40, но они были переселены на азовское побережье. Теперь чуть ли не единственнымъ остаткомъ грековъ на южномъ берегу Крыма, сохранившихъ свою религію и языкъ, можно считать двѣ деревни Аутки, расположенныя въ непосредственномъ сосѣдствѣ Ялты.

На южномъ берегу мало деревень, но много дачъ, въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ имѣній. Такими имѣніями усѣяна вся русская Ривьера и между ними можно насчитать нѣсколько, которыхъ имена пользуются довольно громкою извѣстностью, какъ Ливадія, Ореанда, Алупка, Гурзуфъ и другія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ имѣній живутъ только ихъ владѣльцы, и то временно, но гораздо больше такихъ, которыя отдаются въ наемъ или на которыхъ выстроены дачи для найма. Число подобныхъ наемныхъ дачъ съ каждымъ годомъ увеличивается, хотя нельзя сказать, чтобы очень быстро. Исключеніемъ служатъ три-четыре пункта, прогрессирующіе очень замѣтно; самымъ выдающимся изъ нихъ слѣдуетъ признать Ялту.

Ялта есть единственный городъ нашей Ривьеры, созданъ нарочно для нея и находится въ самой ея серединѣ, такъ что отъ Ялты до оконечностей южнаго берега, т.-е. до Ласпи и до Кучукъ-Узень почти одно и то же разстояніе. Нѣсколько измѣненное имя Ялты (Ялита) встрѣчается первый разъ, какъ говорить, въ XII столѣтіи; сначала принадлежала она грекамъ, а потомъ перешла въ руки генуэзцевъ. Городъ былъ довольно большой, имѣлъ нѣсколько церквей и каменную крѣпость, — непремѣнную принадлежность всѣхъ древнихъ эллинскихъ поселеній въ Крыму, — куда съ приближеніемъ непріятеля городскіе и окрестные жители сносили свое имущество и переселялись сами. Тяжелая Ялта дожила до конца XV-го вѣка, когда сильное землетрясение разрушило не только городъ и крѣпость, но и самую гору.

которой они были выстроены; жители со страха разбѣжались и городъ запустѣлъ надолго. Этимъ событіемъ было ознаменовано первое время турецкаго владычества въ Крыму. Около половины XVI-го столѣтія Ялта снова возникла, но уже въ видѣ небольшого поселка, какимъ она была и въ концѣ XVIII-го вѣка, во время присоединенія Крыма въ Россію. Въ началѣ 1800-хъ годовъ она сдѣлалась еще ничтожнѣе и какъ будто готовилась совсѣмъ исчезнуть, но потомъ стала понемногу оправляться и такъ дотянула до 1837 года, когда, по представленію князя Воронцова, удостоилась переименованія въ уѣздный городъ.

Высшій чинъ однако долгое время ничего не прибавлялъ Ялтѣ и она просуществовала въ заморенномъ видѣ еще четверть столѣтія. Ростъ Ялты, а съ нею и всего южнаго берега начинается съ 60-хъ годовъ, когда были окончены постройки Ливадіи и покойный государь сталъ туда наѣзжать почти ежегодно; быстрый же ростъ идетъ съ 70-хъ годовъ до 80-хъ, когда наступилъ новый періодъ медленнаго развитія въ смыслѣ благоустройства. Этотъ фазисъ продолжается и нынѣ.

Городъ Ялта состоитъ изъ двухъ мало сходныхъ между собою частей, стараго и новаго города. Второго въ 60-хъ годахъ не было вовсе; онъ выросъ и устроился въ какія-нибудь 20 лѣтъ. Старый городъ напоминаетъ Азію, новый—Европу. Старый городъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, лучше новаго, ибо расположенъ выше и защищенъ отъ восточнаго вѣтра, но зато онъ хромаетъ во многомъ другомъ. Улицы здѣсь узки и гористы, дома имѣютъ фисіономію, какъ будто восхваляющую доброе старое время и презрительно относящуюся къ новѣйшимъ пустопорожнимъ измышленіямъ. Здѣсь, въ старомъ городѣ, большая биржа легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ съ неизбѣжнымъ навозомъ и запахами; здѣсь пристань, постоянно заваленная разною владью и кипящая ломовиками, лодочниками, носильщиками и другимъ рабочимъ людомъ; тутъ же недавно выстроенный молъ съ такою же будущностью. Въ старомъ городѣ находится базаръ со всѣми своими азіатскими атрибутами, съ вонью и грязью, а въ дождливое время съ грязью сугубою. На базарѣ и въ ближайшемъ его сосѣдствѣ вѣчно движеніе и суета; лавки и лавчонки открыты; почти на улицѣ и пекутъ, и жарятъ, и пьютъ, и примѣютъ; тутъ есть „Греческая кофейня“, есть и „Турецкая кофейня“, есть и русскій ресторанъ: „Соплились и мирно разошлись“. Здѣсь, въ старомъ городѣ, и лавки попроще, и товаръ въ нихъ дешевле, и прикащики выглядятъ не такъ комилфотно, и извозчики какъ будто погрязнѣе. Тутъ, въ непосредственномъ сосѣд-

ствѣ со старымъ городомъ, находится бойня съ ея неизбѣжными запахами, удваивающимися въ жаркое и сухое время; здѣсь же на возвышенности надъ городомъ и кладбище.

Новый городъ выстроенъ иначе, хотя подобно старому вышпается почти амфитеатромъ; въ немъ много садовъ (почти при каждомъ домѣ); видъ города кокетливый, смѣющийся; опрятность и благоустройство если далеко не во всемъ доведены до нормы, то все-таки замѣтны, составляютъ общій тонъ картины и обѣщаютъ въ будущемъ лучшее, чѣмъ про старый городъ сказать нельзя. Дома тутъ затѣливой архитектуры, съ верандами, выступами, балкончиками, лавокъ и магазиновъ много, прекрасные отели, купальни, городской садъ и въ немъ театр. Обѣ части города смежны; западною границею Ялты служить рѣчка Учанъ-су, но за нею уже выстроился мало-по-малу цѣлый кварталъ и продолжаетъ застраиваться. Тутъ лучше, чѣмъ въ новомъ городѣ, больше простора и всѣ выгоды городской жизни безъ ея недостатковъ. Но въ мокрое время здѣсь такъ грязно, что добраться до города, всего 300—400 шаговъ, есть истинный подвигъ. Благо эта зарѣчная часть числится пока „въ уѣздѣ“ и въ черту города войдетъ лишь въ будущемъ; домохозяева ея стараются пользоваться свободой, не обращая вниманія на то, что ихъ улицы до крайней степени грязны. А между тѣмъ сухую тропу для пѣшеходовъ можно сдѣлать и поддерживать буквально на копейчныя средства, ибо возъ морской гальки стоитъ всего 30 к. Но такъ какъ владѣльцевъ никто не толкаетъ, штрафовъ на нихъ не накладываютъ и никакое начальство не вмѣшивается, то они продолжаютъ обрѣтаться въ легкой дремотѣ и пребывать внѣ всякаго сомнѣнія на счетъ жильцовъ, уповая, что было бы болото, а черти найдутся. И уповаютъ вѣрно.

Кромѣ Зарѣчья, этого ближайшаго своего сосѣда, Ялта имѣетъ и другихъ, именно двѣ деревни Аутки, верхнюю и нижнюю, расположенныя по горѣ амфитеатромъ. Обѣ эти деревни соприкасаются и составляютъ какъ бы одну, а городъ придвинулся къ нижней Ауткѣ до того вплотную, что даже нѣтъ между ними промежутка. Аутки населены преимущественно греками, подобно Зарѣчью; эти двѣ деревни предполагается присоединить къ Ялтѣ. Выстроены онѣ безъ всякаго плана; домишки громоздятся одинъ на другой и жмутся другъ къ другу безъ всякаго соображенія объ удобствѣ и чистотѣ. Улицъ нѣтъ или, вѣрнѣе сказать, ея одна; порядочные благоустроенные дома можно сосчитать ю пальцамъ. Нечистота и вонь замѣчательныя. Не поздоровится городу Ялтѣ отъ такого приобрѣтенія, а городскому управленію

прибавится много бесплодных хлопотъ, потому что благоустройство Аутки, въ смыслъ европейскаго города, возможно, по моему мнѣнію, лишь при условіи сломки $\frac{9}{10}$ ея строеній.

Наконецъ есть еще одинъ уголокъ, который тоже тянется къ Ялтѣ и, вѣроятно, будетъ къ ней присоединенъ. Это довольно живописное урочище Чукурляръ, на самомъ берегу моря, почти примыкающее къ Зарѣчью и принадлежащее частному лицу. Здѣсь предполагалось нѣсколько лѣтъ назадъ устроить лечебно-санитарную станцію, но дѣло не выгорѣло. Колонія, однако, продолжаетъ существовать, хотя на иныхъ началахъ, имѣетъ свои виноградники, рошу, купальни и, будучи расположена просторно, надъ самымъ моремъ, представляетъ собою хорошее мѣстопробываніе для больныхъ, особенно лѣтомъ и осенью, такъ какъ здѣшнія строенія возведены большею частію по барачной системѣ.

Чтобы представленіе объ Ялтѣ было полнѣе, необходимо прибавить, что почти непосредственно къ ней примыкаетъ съ восточной стороны большое имѣніе удѣльнаго вѣдомства (прежде Воронцова) Массандра съ великолѣпнымъ паркомъ, а съ противоположной, западной стороны отъ зарѣчной части Ялты рукой подать до Ливадіи.

Въ настоящее время Ялта имѣетъ отъ 5 до 6.000 постоянныхъ жителей. Число пріѣзжихъ измѣнчиво и по годамъ, и по временамъ года. Въ 1886—1889 годахъ пріѣзжихъ насчитано отъ 11 до 14.000 въ годъ. Больше всего скопляется пріѣзжихъ осенью, меньше всего зимой. Наплывъ пріѣзжихъ въ сезонъ (осенью) бываетъ до того значителенъ, что иной разъ рискуешь остаться на улицѣ, если не позаботился о заблаговременномъ наймѣ помѣщенія къ своему пріѣзду. Такъ было съ однимъ знакомымъ генераломъ; пустили его на ночь чуть не Христа ради. А казалось бы, помѣщеній достаточно, если принять къ разсчету все, что можетъ дать самый городъ, Зарѣчье, Аутки и Чукурляръ. Ихъ дѣйствительно достаточно, и кромѣ того они съ каждымъ годомъ прибавляются, но сразу, внезапно найти, что нужно, можно только въ гостинницѣ, а гостинницы въ сезонъ переполнены.

Вообще жилия помѣщенія для пріѣзжихъ въ Ялтѣ и на южномъ берегу не пользуются доброю славой, по дурнымъ своимъ качествамъ и по дороговизнѣ. Это справедливо, но только условно. Значительная доля построекъ, возведенныхъ для пріѣзжихъ, дѣйствительно сдѣланы кое-какъ, такъ какъ въ сезонное время (а густъ, сентябрь и октябрь) здѣсь тепло и зимнія приспособленія въ жилищахъ почти не нужны. Грѣшать тамошніе дома между прочимъ сквозняками; нерѣдко можно встрѣтить входную

дверь прямо въ комнату по неизмѣнно передней; зачастую во второй этажъ ведетъ не внутренняя, а наружная лѣстница, что очень колетъ глазъ и не можетъ быть отнесено къ разряду удобствъ. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо говорить, что тамъ зимнихъ помѣщеній нѣтъ. Еслибы зимой вдругъ привалило сюда столько народу, какъ бываетъ осенью, то зимнихъ помѣщеній, конечно, не хватило бы, но вѣдь такого зимняго сѣзда никогда не бывало, а если когда и будетъ, то развѣ съ годами, исподволь, а не внезапно. Въ Ялтѣ есть достаточно зимнихъ помѣщеній въ русскомъ значеніи, т.-е. съ печами и двойными рамами. Въ этомъ ея громадное преимущество передъ заграничными курортами, гдѣ приходится послѣ солнечнаго заката сидѣть въ тепломъ платьѣ при ординарныхъ оконныхъ рамахъ, при каминахъ съ дровами на вѣсѣ, иногда при каменныхъ полахъ и тому подобныхъ анахронизмахъ, или же оплачивать необходимое дома тепло крупными расходами.

Другое капитальнѣйшее условіе жизни, столъ, тоже получается въ Ялтѣ безъ затрудненій во всякое время года. Прежде, бывало, ялтинскія гостинницы закрывались на зиму; теперь этого нѣтъ. Кромѣ хорошихъ, но дорогихъ гостинницъ есть недорогія кухмистерскія, засимъ не мало и пансіоновъ съ продовольствіемъ, и порядочнымъ, и даже хорошимъ. А чего въ Ялтѣ мало, такъ это отдѣльныхъ квартиръ на цѣлое семейство съ отдѣльной же кухней; однако все-таки есть. О дороговизнѣ рѣчь впереди.

Послѣ жилья и продовольствія важнѣйшимъ условіемъ гигиенической жизни является прогулка. Въ этомъ отношеніи всѣ мѣста южнаго берега могутъ быть признаны или богатыми, или по меньшей мѣрѣ удовлетворительными; парковъ, садовъ, рощъ много. Самая природа южнаго берега такова, что можетъ угождать прихотливому вкусу безъ особенныхъ искусственныхъ средствъ, лишь бы были дороги да тропинки въ горахъ. А дороги тамъ превосходныя, уступающія своими качествами развѣ только финляндскимъ; тропинокъ же множество. Менѣе всего прогулокъ въ Ялтѣ. Городской садъ разбитъ хорошо, но очень невеликъ и такъ густъ и сыръ, что представляетъ собою единственный нездоровый по сырости уголокъ Ялты. Есть еще садъ гостинницы „Россія“, Пушкинскій бульваръ, недавно открытый и потому очень мало тѣнистый, набережная—любимое мѣсто прогулокъ пріезжихъ, но совсѣмъ открытое тамошнему безпощадному солнцу. Засимъ имѣется прекрасный паркъ Дондукова-Корсакова, расположенный на довольно крутомъ скатѣ горы, а потому требующій здоровыхъ легкихъ; наконецъ, протянувшійся на одну версту въ

длину паркъ Мордвинова съ текущей по немъ рѣчкой. Правда, для прогулокъ въ обоихъ паркахъ требуются билеты, но добыть ихъ можно безъ всякаго труда, также какъ и въ великолѣпный паркъ нижней Массандры, находящійся почти у окраины города. Если ко всему этому прибавить Дубки зарѣчной части, то перечень мѣстъ для прогулокъ ялтинскаго обывателя будетъ полонъ.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ялты, именно въ разстояніи немногихъ верстъ, находится нѣсколько санитарныхъ пунктовъ, называемыхъ *горными* станціями. Онѣ лежатъ на разной высотѣ отъ уровня моря, начиная съ 900 ф. Пока ихъ только четыре: Исаръ, Парнасъ, Гаспрія, Сосновка, но проектированы еще двѣ: на вершинѣ горы Могаби и на горной площадкѣ Пендиколь. На Могаби предполагается провести зубчатоколесную желѣзную дорогу, т.-е. требуется порядочный капиталъ; не слыхать, чтобы его собирали съ успѣхомъ и чтобы разрѣшенное акціонерное общество составлялось.

Врачей въ Ялтѣ много, до 25-ти. Добрая половина этого числа, а пожалуй, и больше, были присланы сюда въ качествѣ больныхъ, да такъ и остались, какъ бы для нагляднаго свидѣтельства своимъ паціентамъ санитарныхъ достоинствъ мѣста. Есть массажисты, массажистки, дантисты, ветеринары, фельдшера, сестры милосердія, аптеки, аптечные магазины, кефиръ и въ лѣтнее время кумысъ, наконецъ виноградъ и морскія купанья. Виноградъ здѣсь настолько хорошъ, что браковать его мудрено даже при самомъ взыскательномъ вкусѣ; не даромъ же Александръ Гумбольдтъ свидѣтельствовалъ, что лучше крымскаго винограда онъ не знаетъ. Что касается до морского купанья, т.-е. купальныхъ заведеній, то ихъ въ Ялтѣ было три, въ томъ числѣ одно очень хорошее, но въ бурю 13-го декабря 1890 года одно было совершенно разрушено и разнесено волнами, а другое настолько подмыто, что потребовалось его разобрать и перенести на другое мѣсто. Надо полагать, что къ настоящему времени купальни уже восстановлены.

Въ Ялтѣ есть газовое освѣщеніе, водопроводъ съ прекрасной водой, недавно окончена канализація для стока нечистотъ; улицы шоссированы и имѣютъ бетонные тротуары. Есть телеграфъ и что; на лѣтнее и осеннее время открывается отдѣленіе государственнаго банка и постоянно существуетъ казначейство. Есть же типографія, нѣсколько фотографическихъ павильоновъ и частная бібліотека для чтенія. Экипажи парные, очень порядочные; верховыя лошади; лодки для катанья по морю. Если признать, что въ городѣ живутъ два нотаріуса, присяжный повѣ-

ренный и нѣсколько частныхъ повѣренныхъ, то понятіе о степени культурности города Ялты будетъ довольно полное.

Прочія мѣста южнаго берега, конечно, не могутъ предложить прїѣзжимъ больнымъ или туристамъ той суммы удобствъ, которая даетъ городъ, особенно въ зимнее время. Однако болѣе или менѣе устроенныхъ санитарныхъ пунктовъ на южномъ берегу все прибавляется и многіе изъ нихъ быстро улучшаются. Перечислять и описывать эти мѣста нѣтъ надобности: каждый прїѣзжій въ Ялту можетъ всѣ нужныя свѣденія прочесть въ Путеводителяхъ, которыхъ есть нѣсколько, навести дополнительные справки въ ялтинской справочной конторѣ и въ заключеніе облюбованныя мѣста осмотрѣть лично. Это самый прямой и самый вѣрный путь къ цѣли, ибо у каждого свой взглядъ, свой вкусъ и свои потребности. Одного удовлетворятъ прекрасная, дикая природа, уединенныя прогулки и два-три человѣка случайныхъ знакомыхъ; другому требуется нѣчто побольше и ежедневный винтъ; третьему нужна толпа, толкотня въ мѣстахъ прогулки, курзалъ, музыка, танцы и инныя болѣе или менѣе городскія благодати.

Но не вдаваясь въ подробности, приходится все-таки указать на нѣкоторые выдающіеся по своему значенію пункты южнаго берега, чтобы видна была возможность выбора. Къ востоку или сѣверо-востоку отъ Ялты наиболѣе крупныя пункты суть Гурзуфъ и Алушта. Въ послѣдніе годы Гурзуфъ преуспѣвалъ едва ли не больше всѣхъ другихъ мѣстъ южнаго берега. Тамъ теперь 6 или 7 хорошихъ гостинницъ съ 200—250 комнатъ и кромѣ того нѣсколько отдѣльныхъ дачъ; осенью прекрасный тамошній паркъ освѣщается электричествомъ и тамъ играетъ оркестръ музыки; есть телеграфъ, почта, аптека, ванны, одинъ или два врача, нѣсколько разныхъ лавокъ, экипажи, верховыя лошади; зимою открывается пансіонъ. Строилась прекрасная церковь, недавно окончена и освящена. Такимъ образомъ Гурзуфъ занялъ себѣ съ боя первое мѣсто послѣ Ялты, по удобствамъ жизни; одно время говорили даже и писали, что въ немъ выросъ на южномъ берегу уголокъ Москвы, что тамъ, такъ сказать, пахнетъ Москвой. Не берусь разрѣшать тонкостей, тѣмъ паче, что посѣщалъ Гурзуфъ на короткое время и никакихъ особыхъ запаховъ, особенно иносказательныхъ, не могъ обонять. Очень горюхенькое мѣстечко, вотъ и все; но паркъ съ 6—7 гостиницами, хотя бы перваго нумера по качествамъ, да съ десяти дачъ, да грязная татарская деревушка — все это въ итогѣ и представляетъ сумму ресурсовъ для прїѣзжихъ не слишкомъ большаю.

Алушта—другой крупный пунктъ на востокъ отъ Ялты, въ 45 верстахъ отъ нея или около того. Это что-то въ родѣ мѣстечка, которое растетъ необыкновенно быстро, ибо назадъ тому лѣтъ 25 вся Алушта состояла изъ однѣхъ землянокъ, между которыми красовалось два или три дома. Теперь не то. Не говоря уже про церковь, которая у насъ обыкновенно предшествуетъ прочимъ потребностямъ, въ Алуштѣ есть двѣ-три сносныя гостинницы, почта, телеграфъ, аптека, постоянный врачъ, десятка два лавокъ, экипажи, верховыя лошади, садъ съ буфетомъ, купальни, нѣсколько наемныхъ дачъ. Вообще здѣсь очень недурно, хотя уровень жизненныхъ удобствъ невеликъ. Тутъ попроще, чѣмъ въ Ялтѣ или Гурзуфѣ, отдаетъ больше деревней, но признаки городской жизни появились и развиваются. Полагаютъ, что въ непродолжительномъ времени Алушта будетъ сдѣлана городомъ, и это похоже на правду.

До Алушты есть еще нѣсколько дачныхъ мѣстъ для прїѣзжихъ: Кучукъ-Ламбать, мѣстность между Алуштой и такъ-называемымъ „профессорскимъ уголкомъ“, и нѣкоторыя другія, но все это въ смыслѣ удобствъ довольно мизерно.

На западъ отъ Ялты, имѣнія болѣе или менѣе благоустроенныя слѣдуютъ одно за другимъ почти безъ перерыва. Но они тутъ рѣдко массируются и расположены большею частью небольшими группами. Есть дачи у Ай-Тодора, въ Оленей, въ Мисхорѣ; все это не далеко отъ Ялты, верстъ 12, 13, а ближе находятся имѣнія Высочайшихъ особъ—Ливадія и Ореанда. Далѣе идетъ знаменитая Алупка князя Воронцова съ роскошными паркомъ и дворцомъ. Во дворцѣ теперь сравнительно мизерно, паркъ содержится уже не съ прежнею тщательностью и Алупка напоминаетъ собою больного человѣка. Но это только по сравненію съ добрымъ старымъ временемъ, а для свѣжаго глаза, пожалуй, ничего и незамѣтно; къ тому же Алупка дачная, для больныхъ и туристовъ, разрастается. Тамъ есть, кажется, двѣ гостинницы, нѣсколько дачъ, почта, телеграфъ, разныя стѣстные лавки, аптека; проживаютъ два врача. Кромѣ великолѣпнаго Воронцовскаго парка, постоянно для всѣхъ открытаго, есть верховыя лошади и экипажи для прогулокъ дальнихъ; охотники могутъ имѣть и лодки. Вообще же Алупка по своимъ природнымъ даннымъ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ русской Ривьеры; теперь, какъ слышно, она продана за 3 милліона рублей.

Дальше за Алупкой въ Симеисѣ отдаются квартиры, есть рестораны, прекрасный паркъ, рощи; въ Лименѣ уже 20 лѣтъ существуетъ пансіонъ на манеръ швейцарскихъ, открытый въ про-

долженіе круглаго года; есть постоянный врачъ, можно имѣть экипажи и лошадей. Дальше—Кастрополь, Мухоматка, Мелась, Форось, гдѣ мѣстами тоже попадаются дачи и наемныя помѣщенія, а въ Форосѣ новый владѣлецъ, Кузнецовъ, возводитъ грандіозныя постройки. Надо думать, что эта мѣстность сдѣлается тѣмъ, чтѣ нынѣ Гурзуфъ; только природныя условія здѣсь, пожалуй, еще лучше. За Форосомъ лежитъ заливъ и мѣстность Ласпи, которая, строго говоря, принадлежитъ уже не къ южному, а къ юго-западному берегу Крыма. Край этотъ почти нетронутый, малоизвѣстный, но есть основаніе предполагать, что онъ, можетъ быть, окажется лучшимъ уголкомъ Крыма, когда сдѣлается культурѣе.

Въ этомъ, впрочемъ, заключается залогъ развитія не одного Ласпи, а всей русской Ривьеры. Природныхъ данныхъ для быстрого роста разныя мѣста южнаго берега имѣютъ больше, чѣмъ Ялта, а между тѣмъ за нею угоняться не могутъ, потому что она болѣе приспособлена къ требованіямъ европейской жизни. А въ будущемъ это обстоятельство получить еще большее значеніе.

Первое мѣсто въ характеристикѣ южнаго берега Крыма занимаетъ природа. У насъ въ Россіи можно найти страну еще болѣе живописную, чѣмъ Крымъ, а именно Кавказъ. Но хотя крымская природа не такъ грандіозна и внушительна, какъ кавказская, зато она мягче и привлекательнѣе. Природа южнаго берега выигрываетъ еще отъ близости моря. Когда въ 60-хъ годахъ я былъ въ первый разъ въ Крыму, то познакомился съ однимъ швейцарскимъ выходцемъ, который управлялъ какимъ-то большимъ имѣніемъ и уже около 30 лѣтъ жилъ на южномъ берегу Крыма. Однажды въ разговорѣ я выразилъ предположеніе, что южная крымская природа, вѣроятно, не въ состояніи поборотъ его воспоминаніе о живописной и величественной Швейцаріи. „Не скажу“, отвѣчалъ онъ: „наши озера очень красивы, но они все-таки не то, чтѣ это величественное, живое и какъ жизнь измѣнчивое море“. И дѣйствительно, однѣ горы безъ сочетанія съ моремъ не имѣли бы для глаза и половины своей прелести; это сказывается на исключительно сухопутныхъ кавказскихъ пейзажахъ.

Хребетъ Яйлы тянется вдоль морского берега, образуя узкую полосу прибрежной земли и по временамъ болѣе или менѣе ширныя долины, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны своею красотой или выгоднымъ расположеніемъ. Такова между прочимъ Ялтинская долина, состоящая изъ двухъ, соединяющихся у

ского берега. Въ этомъ мѣстѣ горный хребетъ достигаетъ своей наибольшей вышины, 5.000 футовъ съ небольшимъ, и загораживаетъ Ялту отъ сѣвера, сѣверо-запада и отчасти сѣверо-востока. Это выгодное положеніе Ялты бросается въ глаза. Осенью 1890 года сюда заходила англійская паровая яхта съ нѣсколькими десятками туристовъ; въ числѣ ихъ находился извѣстный докторъ Мэкензи, врачъ покойнаго германскаго императора Фридриха. Онъ сразу замѣтилъ выгодныя санитарно-климатическія условія этой мѣстности и правильно ихъ оцѣнилъ. Протягиваясь къ западу и востоку отъ Ялты, горный хребетъ постепенно понижается, но въ немъ все-таки встрѣчаются вершины около 5.000 ф. вышины, каковы, напр., Ай-Петри, Чатырдагъ. Очертанія горъ, ихъ склоны, долины, ущелья, водопады—все это очень оригинально, величественно и внушительно; проѣхать весь южный берегъ изъ конца въ конецъ значитъ совершить живописную прогулку, которая дастъ много впечатлѣній каждому, у кого не заглохло чувство природы.

Полнотѣ впечатлѣнія содѣйствуетъ богатая растительность южнаго берега; она свойственна однакоже только береговой полосѣ и по склонамъ горъ подымается на высоту незначительную. Флора южнаго берега не можетъ равняться съ тою, которую мы находимъ въ генуэзской Ривьерѣ; у насъ нѣтъ, напримѣръ, ни лимонныхъ, ни апельсиновыхъ деревьевъ; изъ пальмъ держится зимою одна сѣверная, низкорослая; но тѣмъ не менѣе родная и экзотическая растительность здѣсь замѣчательны. Въ Мшатеѣ есть (или недавно было) орѣховое дерево, подъ тѣнью котораго можетъ помѣститься сотня всадниковъ; въ верхней Массандрѣ есть дубъ, которому насчитывается 700 лѣтъ отъ роду. Самымъ живописнымъ и величественнымъ мѣстомъ по громадной растительности можно считать Ореанду, но Алупка уступаетъ ей немного, а по экзотической растительности даже превосходить. Впрочемъ, въ каждомъ уголѣ южнаго берега найдется какая-нибудь особенность, которою онъ можетъ похвастать передъ сосѣдями; всѣ эти особенности можно видѣть вмѣстѣ въ Никитскомъ саду. А на склонахъ горъ, повыше, растетъ ароматическая таврическая сосна, которая придаетъ тамошнему горному воздуху бѣлую цѣлебность. Благодаря трудному къ ней доступу, сосна существуетъ еще въ значительномъ количествѣ и только крымская война нанесла сосновымъ лѣсамъ значительный ущербъ. На южномъ берегу выгоднѣе покупать бѣлорусскій лѣсъ, сплавляемый по Днѣпру и доставляемый моремъ. Даже на дрова рѣдко гдѣ

можно достать сосну (березы тамъ нѣтъ),—потому употребляются дрова больше изъ дуба, вяза, бука и проч.

Самые большіе фруктовые сады южнаго берега находятся въ ближайшихъ окрестностяхъ Ялты, но все-таки они не очень велики, такъ какъ культурою плодовыхъ растений занимаются преимущественно въ другихъ мѣстахъ Крыма. Южный берегъ можетъ похвастать болѣе всего своимъ виноградомъ и виномъ. На немъ произрастаютъ самые нѣжные сорта винограда, такъ-называемые лечебные, которые въ зрѣломъ состояніи вовсе не выносятъ перевозки. И къ счастью, крымскій виноградъ почти не знаетъ филлоксеры, этого бича виноградниковъ западной Европы и Кавказа. Точнѣе говоря, филлоксера была и въ Крыму, именно въ самой западной части южнаго берега, но только всего на 7 или 8 десятинахъ; всѣ эти зараженные виноградники были сожжены до тла, чѣмъ и прекращено распространеніе заразы.

Культура винограда и производство вина знакомы Крыму издавна, не менѣе 2000 лѣтъ; приблизительно—этого времени греческія амфоры найдены въ окрестностяхъ Ялты не такъ давно. Въ средніе вѣка крымское вино вывозилось между прочимъ въ Россію, изъ Судака (Сурожъ) черезъ азовскіе порты. Подъ русскимъ владычествомъ винодѣліе стало было дѣлать быстрые успѣхи, но затѣмъ наступили тяжелыя времена: крымская война, выселеніе татаръ, разныя болѣзни на виноградъ, съ которыми не умѣли справляться. Теперь, кажется, наступила эпоха благоприятная для русскаго винодѣлія. Если взять лѣтъ 20 и даже 15 назадъ и сравнить, сколько у насъ тогда выпивалось и сколько нынѣ выпивается русскаго винограднаго вина,—не въ видѣ хересовъ, мадеръ, портвейновъ, а подъ настоящимъ именемъ,—то успѣхъ окажется маловѣроятный. И однако сдѣлано все-таки мало, т.-е. остается сдѣлать много. Въ настоящее время во всѣхъ виноградникахъ Россіи готовится вина до 15 милліоновъ ведеръ; изъ нихъ на долю южнаго берега Крыма приходится меньше полумилліона, ибо изъ 30.000 десятинъ южнаго берега, способныхъ къ культурѣ, занято хорошо обработанными виноградниками всего 2.400.

Крымское вино успѣваетъ не только количественно, но также и качественно; оно есть наиболѣе обработанное изъ русск. съ виноградныхъ винъ. Особенно въ послѣдніе годы сталъ замѣтенъ поворотъ къ рациональной культурѣ и къ выдержкѣ вина; во главѣ этого движенія стоитъ удѣльное вѣдомство. Оно и площадь своихъ виноградниковъ увеличиваетъ, и размѣры винодѣлія увеличиваетъ, и, что особенно важно, заботится о выдержкѣ ви

При мѣ, въ первыхъ мѣсяцахъ 1891 года, въ массандревскихъ подвалахъ было задержано 82.000 ведеръ вина на лишніе пол-года, чтобы оно поступило въ продажу совершенно готовымъ. Да и вообще какъ будто выработывается система, чтобы подвинуть впередъ и винодѣліе, и сбытъ вина. Въ добрый часъ! А удѣльное вѣдомство есть такой крупный и состоятельный хозяинъ и капиталистъ, что вліяніе его на дѣло будетъ несомнѣннымъ; тѣмъ болѣе желательно, чтобы оно было благотворнымъ.

До настоящаго времени лучшее вино выдѣлывалось Императорскимъ Никитскимъ садомъ, при которомъ состоитъ училище садоводства и винодѣлія. Но это учрежденіе не имѣетъ коммерческаго характера и приготовляетъ очень немного вина, которое поэтому въ продажу не выпускается на общемъ основаніи съ прочими крымскими винами и продается только въ своемъ подвалѣ. Никитскія вина выдерживаются не меньше трехъ лѣтъ, а иногда, при надобности, и больше. Особенно замѣчательны вина сладкія и полусладкія. Впрочемъ, не только никитскія, но вообще крымскія такъ-называемыя либерныя вина несомнѣнно имѣютъ блестящую будущность. Имъ принадлежитъ первое мѣсто, но прочія рядовыя, столовыя вина тѣмъ не менѣе достойны вниманія предпочтительно предъ рублевыми сотернами, лафитами, мадерами, которые яко бы привозятся изъ-за границы, а не приготавливаются въ Петербургѣ, Кашинѣ и другихъ несомнѣнно российскихъ мѣстахъ. Да если бы эти сотерны, лафиты и проч. приходили дѣйствительно изъ-за границы, то все-таки утѣшеніе не велико, а гарантія доброты еще меньше. Лѣтъ 15—17 назадъ, проѣзжая чрезъ Одессу, я обѣдалъ въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ. Вошли два джентльмена, сѣли за сосѣдній столикъ, заказали обѣдъ и стали говорить (по-французски) между собою о цѣли своего приѣзда въ Россію. Оказалось, что одинъ изъ собесѣдниковъ есть уполномоченное лицо какой-то большой винодѣльной фирмы; онъ былъ посланъ въ Россію для закупки вина, накупилъ кавказскихъ, крымскихъ и бессарабскихъ винъ на 500.000 (не сказалъ чего, — вѣроятно, франковъ), организовалъ ихъ отправку, а теперь возвращается домой. Легко быть можетъ, что это вино мы же, русскіе люди, купили и выпили, подъ разными французскими наименованіями, но, разумѣется, надлежащимъ образомъ одобренное.

Послѣ винограда, южный берегъ Крыма можетъ похвастать своимъ табакомъ, который мы куримъ подъ именемъ турецкаго. Слѣдуетъ однако замѣтить, что табачныя плантаціи нездоровы для грудныхъ больныхъ. Изъ фруктовъ наилучшими можно счи-

татъ тамъ грецкіе орѣхи; они цѣнятся въ нѣсколько разъ дороже малоазійскихъ, кавказскихъ и другихъ. Хороши также каштаны, нисколько не уступающіе заграничнымъ, но фиги хуже, а персики и абрикосы не перваго качества. Оливокъ здѣсь немного; хотя онѣ также древни на южномъ берегу, какъ и виноградъ. Еще въ 40-хъ годахъ маршалъ Мармонъ, путешествовавшій по Крыму, указывалъ на разведеніе тамъ маслинъ, какъ на несомнѣнную статью дохода: несмотря на это, оливковыя роши не увеличиваются, а уменьшаются и уступаютъ свое мѣсто виноградникамъ.

Вмѣстѣ съ природой, южный берегъ сдѣлался извѣстенъ своимъ климатомъ, хотя на этотъ счетъ мнѣнія очень разнообразны, даже противоположны. Одни ставятъ Ялту на одну доску съ Ниццей, если не выше; другіе относятся къ ней съ презрительной ироніей, какъ къ репутаціи дутой. Ни того, ни другого она не заслуживаетъ. Ялта холоднѣе Ниццы, ибо въ ней не могутъ расти апельсины и лимоны; въ Ялтѣ каждую зиму бываютъ морозы, хотя бы и небольшіе—въ Ниццѣ не каждую; въ Ялтѣ миндаль зацвѣтаетъ въ мартѣ—въ Ниццѣ въ февралѣ. И такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе климатъ въ Ялтѣ и вообще на южномъ берегу хорошій, теплый и здоровый.

Весна на южномъ берегу прекрасна, хотя и не всегда; цвѣтеніе начинается въ мартѣ; природа возрождается быстро, но нерѣшительно, съ колебаніями. Жизненная сила какъ будто льется въ человѣка извнѣ и онъ возрождается вмѣстѣ съ окружающей природой. Но вѣдь весна вездѣ хороша, т.-е. вездѣ имѣетъ смыслъ возрожденія, и потому встрѣчаютъ ее большею частію дома. Пріѣзжихъ бываетъ въ Ялтѣ больше, чѣмъ зимой, но меньше прочихъ временъ года; несносныхъ жаровъ нѣтъ, температура прекрасная, но довольно перемѣнчивая.

Лѣтомъ съѣздъ побольше зимняго и весенняго. Лѣтній зной на южномъ берегу очень великъ, хотя и умѣряется сосѣдствомъ моря, вѣтрами и бризами—морскимъ и горнымъ, взаимно другъ друга смѣняющими при восходѣ и закатѣ солнца. Кто зноя не боится, тѣ могутъ найти пребываніе на южномъ берегу очень пріятнымъ и полезнымъ даже лѣтомъ, особенно внѣ Ялты, по всему южному берегу, гдѣ условія жизни болѣе деревенскія, чѣмъ въ Ялтѣ. Но это годно только для лицъ, не боящихся уединенія или не имѣющихъ потребности въ большомъ обществѣ и въ различныхъ общественныхъ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ; иначе они умрутъ съ тоски. Для такихъ Ялта предпочтительнѣе.

Лѣтомъ пріѣзжаютъ на южный берегъ для морскаго купанья,

но купанье тамъ нельзя похвалить, въ Ялтѣ особенно, ибо дно каменисто. Да и почти всѣ берега въ русской Ривьерѣ глубокіе, а прибой силенъ, купальщиковъ же нѣтъ. Хорошія купальныя мѣста находятся внѣ южнаго берега, именно въ Феодосіи и въ Евпаторіи, пожалуй, отчасти въ Балаклавѣ и Севастополѣ, благодаря тамошнимъ бухтамъ. На южномъ берегу лучше другихъ для купанья: Кивенеисъ, Симеисъ, Лимена, Алупка, Алушта. Но не въ однихъ дурныхъ свойствахъ морского дна заключаются недостатки крымскаго купанья. Лѣто отличается тамъ очень сильными суточными колебаніями температуры морской воды, почти внезапныя возвышенія и пониженія которой на нѣсколько градусовъ хоть и нечасты, но неприятны и, конечно, бесполезны для купающихся. И такъ всюду въ Крыму, отъ Евпаторіи до Феодосіи. А въ заключеніе слѣдуетъ еще прибавить, что вода Чернаго моря, по количеству содержащихся въ ней солей, далеко отстала не только отъ океана, но и отъ Средиземнаго моря.

Другое лѣтнее лечебное средство южнаго берега есть кумысъ, но, если не ошибаюсь, его можно имѣть только въ Ялтѣ или подъ самой Ялтой, да и то плохой. Для полученія хорошаго кумыса нуженъ степной кормъ для кобылъ, спутники котораго есть солончаки и ковыль; на южномъ берегу не только ихъ, но и степныхъ мѣстъ нѣтъ.

Съ приближеніемъ осени наступаетъ на южномъ берегу *сезонъ*, обнимающій собою періодъ времени отъ половины августа до начала ноября или нѣсколько позже. Сезонъ составилъ изъ нѣсколькихъ санитарныхъ условій, счастливо сошедшихся на этихъ двухъ-трехъ мѣсяцахъ. Въ осенній періодъ, до начала ноября, а иногда и позже, стоитъ на южномъ берегу большею частію прекрасная теплая, солнечная погода, такъ что это время года есть едва ли не лучшее изъ всего годового круга. Къ этой же порѣ созреваетъ виноградъ и начинается виноградное леченіе, которое тянется иногда до половины октября, а иногда и позже. Сверхъ того продолжается купальный сезонъ и охотники нерѣдко заканчиваютъ его въ половинѣ октября; продолжается для многихъ леченіе и теплыми ваннами, особенно въ заведеніяхъ хорошо устроенныхъ. Для прогулокъ, пикниковъ, кавалькадъ и всякихъ экскурсій сезонная пора есть опять-таки самая лучшая, т.-е. не жарко и не холодно. Такимъ образомъ, сложился на южномъ берегу Крыма *сезонъ* и сдѣлался моднымъ временемъ. Въ сезонъ раеетъ въ Ялтѣ одинъ или два оркестра; завелся оркестръ и Гурзуфѣ, даже въ наивной Алуштѣ; въ Ялтѣ оркестръ играетъ почему и все лѣто; не знаю, какъ въ Гурзуфѣ и Алуштѣ,—въ-

роятно, нѣтъ. Въ сезонъ порядочно работаетъ въ Ялтѣ маленький театр; прїѣзжіе артисты смѣняютъ одни другихъ; завертываютъ туда даже знаменитости. Не только въ Ялтѣ и въ Гурзуфѣ, но и во всѣхъ извѣстныхъ пунктахъ русской Ривьеры народу перебываетъ втрое, впятеро, вдесятеро противъ другого времени года. Въ Ялтѣ устанавливается довольно противная сутолока, непрерывающееся движеніе въ родѣ толкачаго рынка; дамы франтятъ своими нарядами; туристы то исчезаютъ куда-нибудь въ окрестности, то появляются снова. Все двигается, говоря иносказательно, съ высунутымъ языкомъ, всякъ куда-то словно торопится; все прїѣзжее населеніе толчется въ городскомъ саду, на улицахъ, въ окрестностяхъ, словомъ — вездѣ, только не дома. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ сидѣть дома, когда небо голубое, море синее, подъ открытымъ небомъ тепло, и смотрѣть кругомъ прїятно, и дышать легко.

Не всѣ, впрочемъ, имѣютъ въ виду санитарныя цѣли; многіе прїѣзжаютъ, чтобы, такъ сказать, провѣтриться, освѣжиться, отдохнуть и погулять. Такіе господа рѣдко поселяются гдѣ-либо, кромѣ Ялты, которая даетъ больше удобствъ и комфорта и откуда очень легко перенестись всюду, на другіе пункты южнаго берега. Зато если завернетъ дурная погода, то вся подобная категория прїѣзжихъ немедленно разлетается домой или по другимъ курортамъ. Позднею осенью 1890 года, при мнѣ 6 или 7 семействъ, испугавшись худой погоды, которая стояла уже 3-й день, внезапно снялись съ мѣста и сѣли на пароходъ, чтобы черезъ Одессу отправиться въ Ниццу, Ментону и Каннъ. На другой день по ихъ отъѣздѣ стала опять прекрасная погода. Весною 1891 года одинъ денежный тузъ прїѣхалъ въ Ялту изъ Москвы дней на 10—15, чтобы, пользуясь временнымъ досугомъ, немного освѣжиться и погулять. Въ день его прїѣзда погода была прескверная и такую же начался слѣдующій день; нетерпѣливый баринъ, недолго думая, уѣхалъ обратно въ Москву, а въ вечеру ненастье прошло и произошелъ поворотъ къ лучшему.

Къ зимѣ прїѣзжихъ остается на южномъ берегу мало; почти всѣ они группируются въ Ялтѣ и отчасти въ Гурзуфѣ, такъ какъ для зимняго житія требуется наибольшая сумма удобствъ, которыя въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и пансіонахъ, раскинутыхъ на южному берегу, встрѣчаются не часто. Большая часть остающихся на зиму живутъ тамъ или до праздника Рождества, или до са. весны. Это уже народъ крѣпкій, неперемѣнчивый, основатель прїѣзжающій исключительно съ лечебною цѣлью, потому что ѣд на большую скуку. Зимой Ялта есть мертвый городъ, &

другія мѣста южнаго берега и говорить нечего. Но эти другія мѣста отличаются сравнительно уединенностью во всякое время года, а Ялта нѣтъ,—оттого въ ней контрастъ великъ. Между сентябрьской или октябрьской сутолокой и декабрьскою тишиной въ Ялтѣ нѣтъ и сравненія; точно попалъ въ другое мѣсто. Зато по отсутствіи зимою духоты, суши, пыли и запаховъ, неизбѣжныхъ при скученности населенія, климатическая обстановка Ялты мало отличается отъ находящихся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ дачъ и пансіоновъ южнаго берега. И въ осенній сезонъ Ялты (новую) нельзя назвать пахучей; по крайней мѣрѣ, она стала въ этомъ отношеніи значительно лучше за послѣднія 5—6 лѣтъ, а въ зимнюю пору въ ней рѣшительно никакихъ зловоній не ощущается.

Зимою въ Ялтѣ нѣтъ ни музыки, ни спектаклей и никакихъ другихъ общественныхъ развлеченій, и царила бы тишина невозмутимая, еслибы не подавалъ своего сердитаго голоса почти постоянный морской прибой. Впрочемъ, изрѣдка, дадутъ или любительскій спектакль, или драматическо-музыкальный вечеръ, или же какая-нибудь заѣзжая труппа поставитъ двѣ-три пьесы, преимущественно оперетки, и затѣмъ исчезнетъ въ пространство. Такимъ образомъ получится среднимъ числомъ недѣли въ двѣ одно какое-нибудь развлеченіе, о которомъ много говорятъ и до, и послѣ, и которое порядочно муссируетъ дремлющій городокъ. Эти любительскія попытки бывають подчасъ очень неудачны, но иногда наоборотъ, удаются такъ хорошо, какъ нельзя было и ожидать. Давали, напримѣръ, „Женитьбу“ Гоголя; болѣе половины актеровъ-любителей играли замѣчательно осмысленно. Но тутъ все-таки первое условіе—не быть взыскательнымъ. Откуда, напримѣръ, заѣзжей опереткѣ добыть оркестръ? И вотъ вмѣсто оркестра является піанино, и оперетка проходитъ очень сносно.

Термометрическія и вообще метеорологическія наблюденія въ Ялтѣ производилъ докторъ Дмитріевъ, тамошній старожилъ, и собралъ ихъ за многіе годы. Изъ этого источника всѣ пользуются, буду пользоваться и я. Собираясь уѣхать въ Крымъ на самое холодное время года, я только объ этомъ времени и собиралъ справки, дѣлая сопоставленія съ 12 заграничными курортами ради наглядности. Мною взято было для изслѣдованія 7 мѣсяцевъ, съ 10-го октября по 1-е мая; по исчисленію выходитъ, что средняя суточная температура въ Ялтѣ за эти 7 мѣсяцевъ равняется 8,4° по Цельсію. Получивъ эту цифру, я сейчасъ же сравнилъ съ Ялтой Ниццу; но оказалось, что Ницца, а съ нею Каннъ имѣютъ среднюю суточную температуру, за тѣ же 7 мѣ-

сяцевъ, по крайней мѣрѣ на $2\frac{1}{2}$ градуса выше ятинской, что и естественно въ виду существующаго для изохименовъ физическаго закона. Другіе пункты генуэзской Ривьеры, именно Ментона и Санъ-Ремо, еще теплѣе, а лежащіе къ югу Аяччіо и Палермо и того больше. Съ другой стороны Висбаденъ, Веве, Монтрё и Меранъ гораздо холоднѣе Ялты, а именно на $2-3^0$ слишкомъ. Изъ взятыхъ къ сравненію санитарныхъ пунктовъ по температурѣ совершенно соотвѣтствуютъ Ялтѣ только два—Венеція и По, различаясь отъ нея лишь десятими долями градуса.

Что говорится про Ялту—должно быть отнесено ко всему южному берегу. Правда, есть данныя, указывающія, что въ Алупкѣ потеплѣе; такъ какъ и цвѣтеніе, и созрѣваніе тамъ происходятъ немного раньше, чѣмъ въ Ялтѣ. Но этому способствуетъ между прочимъ то, что Алупка защищена отъ восточныхъ вѣтровъ, а можетъ быть, есть и другія мѣстные условія. Да и не въ одной Алупкѣ замѣчается температура нѣсколько теплѣе ятинской; то же самое относится до Симеиса, Лимены и вообще всей западной части южнаго крымскаго берега. А про Ласпи приводилось читать и слышать, будто это будетъ вѣроятно самый теплый, самый благодатный уголокъ. Во всякомъ случаѣ разность въ средней суточной температурѣ Ялты и другихъ мѣстъ южнаго берега такъ незначительна и малоизслѣдована, что принимать ее въ расчетъ пока еще нельзя.

Морозы бываютъ на южномъ берегу каждый годъ, но они не упорны и не сильны. Изрѣдка, разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, морозъ доходитъ до $12-13^0$ и въ такомъ случаѣ много гибнетъ экзотической растительности. Обыкновенно же самый сильный морозъ не превышаетъ 8^0 или около того, да и то разъ или два въ зиму и притомъ не каждый годъ. Въ генуэзской Ривьерѣ морозы и слабѣе, и рѣже, но зато чувствительнѣе по недостатку зимнихъ приспособленій. Императоръ Павелъ справедливо какъ-то сказалъ: „je préfère les hivers de la Russie à ceux de l'Italie, car on voit les premiers sans les sentir et on sent les derniers sans les voir“.

Дожди на южномъ берегу лѣтомъ очень рѣдки, а начинаютъ лить лишь глубокою осенью, когда они идутъ по недѣлямъ съ коротенькими промежутками. Снѣгъ гораздо рѣже дождя; онъ держится всю зиму лишь на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ южнаго хребта Яйлы, а внизу лежитъ обыкновенно нѣсколько часовъ и рѣдко нѣсколько дней. Случается, что ѣздить въ Ялтѣ на саняхъ, но это съ большой натяжкой, потѣхи ради, да и то а

нѣсколько часовъ. Видѣлъ я однажды и тройку; показалась она въ люди ужъ совсѣмъ изъ патриотизма.

На югъ ѣздить зимой преимущественно ради тепла и солнца. На южномъ берегу и того, и другого довольно. По числу ясныхъ, солнечныхъ дней Ялта немного уступаетъ Ниццѣ, Канну, Ментонѣ; остальные же санитарные пункты, принятые мною къ разсмотрѣнію, она частію превосходить, а частію о нихъ данныхъ нѣтъ. Среднее число ясныхъ, солнечныхъ дней въ Ялтѣ на весь 7-мѣсячный періодъ, т.-е. на 215 дней, выходитъ 100. Въ продолженіе 240 дней моего тамъ пребыванія я насчиталъ 47 дней, когда въ Ялтѣ вовсе не было солнца, а показывалось оно на короткое время лишь на горахъ и на морѣ. Разница между термометромъ на солнцѣ и въ тѣни очень велика и доходитъ до 15°. Это есть общій недостатокъ южныхъ станцій; только дальше на сѣверъ разность между тѣневой и солнечной сторонами значительно уменьшается. Оттого и слѣдуетъ ходить на югъ или все въ тѣни, или все по солнцу.

Туманы въ Ялтѣ довольно рѣдки. По исчисленію выходитъ среднюю цифрой 6 $\frac{1}{2}$ сутокъ туманнаго времени на 7 мѣсяцевъ или на 215 дней, т.-е. около 3%. А за мое время было еще меньше, чуть ли не вдвое. Вообще Ялта, да и весь южный берегъ, за малымъ исключеніемъ, имѣютъ характеръ сухой мѣстности; влажность въ воздухѣ есть, чѣмъ ближе данное мѣсто къ морю, но сырости нѣтъ. Съ вечернимъ пониженіемъ температуры, тамъ не выступаютъ на землѣ, какъ у насъ на сѣверѣ, сырыя пятна. Оттого и туманъ тамъ бываетъ какой-то сухой, по крайней мѣрѣ мѣстами. Нѣсколько разъ, находясь въ полосѣ тумана, я пробовалъ рукою скамейки, деревья, фонарные столбы; они оказывались совсѣмъ сухи.

Зато вѣтра въ Ялтѣ и часты, и сильны; таково свойство приморскихъ мѣстъ вообще. Зато мѣстность, обвѣваемая вѣтромъ, выигрываетъ въ санитарномъ отношеніи, благодаря этой вентилляціи. Свить заразной болѣзни свое гнѣздо въ подобныхъ мѣстахъ немножко трудно, да и вообще южный крымскій берегъ есть мѣсто здоровое. Мнѣ, напримѣръ, ни разу не приводилось видѣть крымскую лихорадку въ Крыму, на южномъ берегу; тамъ есть даже мѣсто (окрестности мыса Ай-Тодоръ), гдѣ всякія лихорадки вызываются сами собой, безъ лекарствъ. Такъ по крайней мѣрѣ ворають. Тѣмъ не менѣе частый вѣтеръ есть сопутникъ непріятный. Особенно надоедливъ на южномъ берегу вѣтеръ восточный восточно-сѣверо-восточный, а они дуютъ довольно часто. Впрочемъ западная оконечность южнаго берега восточнымъ вѣтрамъ

почти не подвержена и въ этомъ заключается немалое ея преимущество предъ остальной, восточной половиной.

Восточный вѣтеръ непріятенъ и много способствуетъ простудамъ, но непосредственной вредности не имѣетъ. Впрочемъ саміель, лѣтній вѣтеръ, дующій съ востока, сухой, возвышающій температуру и отнимающій отъ воздуха прозрачность, считается неблагоприятнымъ для больныхъ и приравняется къ итальянскому сирокко. Но въ сущности между ними ничего общаго нѣтъ, начиная съ направленія. Быть можетъ, болѣе вредны мистраль и тремента, прорывающіеся иногда чрезъ ущелья зимой, первый отъ сѣверо-запада, а послѣдній отъ сѣверо-сѣверо-востока. Вѣтры эти очень рѣзки и сильно понижаютъ температуру. Однажды вечеромъ задулъ мистраль: послышался въ дымовыхъ трубахъ вой, чрезъ всевозможныя щели свистъ и разные звуки; по горамъ неся какой-то гулъ, смѣнявшійся самыми разнообразными завываніями,—точно происходилъ шабашъ вѣдьмъ. Эффектъ вышелъ порядочный, даже устрашающій, но черезъ нѣсколько часовъ все стихло, да и вообще эти вѣтра непродолжительны и болѣе пугаютъ, чѣмъ вредятъ.

Особенно внушительнъ бываетъ вѣтеръ съ моря, когда онъ дойдетъ до степени шторма. А это случается раза два-три въ году. Припоминается буря 13-го декабря 1890 года. Ходить по набережной было мудрено; для человѣка же, разслабленнаго болѣзнію, и вовсе невозможно; а въ одномъ мѣстѣ никто не ходилъ и не ѣздилъ, такъ какъ очень обливало верхушками волнъ, хотя отъ тротуара до воды сажень 5—6. Но еще виднѣе была ярость расходившагося моря на молъ, который только-что окончили и открыли. Длина его около 150 сажень, высота разная, на глазъ отъ 2 до 3 сажень. Волны были такъ велики и налетали съ такой силой, что верхушки ихъ, въ сажень или полторы, хватали черезъ и размыли на молъ мостовую изъ обыкновеннаго булыжнаго камня, такъ что потомъ стали ее перемачивать огромными камнями, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ. Вода переливалась черезъ молъ въ такомъ количествѣ и съ такой силой, что смыла въ море одного человѣка; насилию его спасли. А передъ тѣмъ за годъ или за нѣсколько мѣсяцевъ, только-что распиренную набережную совсѣмъ размыло; при нѣмъ распирали ее вторично, но уже съ удвоенною прочностью. Замѣчательно, что на всемъ и въ томъ берегу нѣтъ ни одной закрытой бухты, куда бы могли сдѣла заходить въ штормовое время и тамъ выстаиваться, что и составляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ русской Ривьеры. Исключеніемъ служить одна Ялта, благодаря ея молу, но и въ о-

ченіе это не блистательное. Молъ коротокъ, короче, чѣмъ предполагалось его сдѣлать, и направленіе ему дано такое, что портъ вышелъ очень тѣсенъ. Чтобы цѣль была полнѣе достигнута, требуется еще молъ съ другого конца города, а это пахнетъ новымъ миллиономъ. Однако срочные пароходы, заходя въ Ялту, могутъ теперь выгружать пассажировъ и товаръ прямо на сушу; а прежде это была такая гимнастика, особенно для дамъ, изъ-за которой многіе отказывались ѣхать моремъ.

Выстоитъ ли этотъ молъ—не знаю; многіе сомнѣваются въ виду силы тамошнихъ штормовъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждыя 10—20 лѣтъ бываетъ въ Черномъ морѣ буря изъ ряда вонъ. Такова была знаменитая буря во время крымской войны, записанная въ военныхъ лѣтописяхъ; въ томъ же родѣ повторилась буря нѣсколько лѣтъ спустя, въ ноябрѣ 1861 года. Очевидецъ рассказываетъ, что не было возможности выйти на улицу; стоявшія въ ялтинскомъ заливѣ каботажныя суда были всѣ выброшены на берегъ; одно изъ нихъ волна подняла высоко и посадила на пристань. Гребныя суда также были выброшены и оказались болѣею частью во дворахъ; вся набережная оказалась усыпанной камнями, которые выбросило море; между ними нѣкоторые доходили до 8 пудовъ вѣса.

Подобныя бури впрочемъ къ счету принимать не слѣдуетъ, также какъ и другія рѣдкія бѣдствія, наприм. землетрясеніе. По присоединеніи Крыма къ Россіи, въ немъ было, до истеченія прошлаго столѣтія, четыре землетрасенія, но на южномъ ли берегу, или въ другихъ мѣстахъ—неизвѣстно. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ первой половинѣ ихъ не было, или они не записаны; въ 1869 году въ юго-восточной части Крыма землетрясеніе чувствовалось довольно осязательно и разрушило нѣкоторые остатки древнихъ построекъ въ Судаке. Наконецъ, послѣднее землетрясеніе или, правильнѣе сказать, легкій подземный ударъ замѣченъ уже на южномъ берегу 9-го марта 1872 года; болѣе всего онъ былъ чувствителенъ въ Аутѣ и Ореандѣ.

Отчасти отъ направленія вѣтра, отчасти отъ ихъ силы зависятъ главнѣйшій недостатокъ тамошняго климата—перемѣнчивость, иногда рѣзкая. Конечно, эта рѣзкая переменчивость не есть то, что мы привыкли видѣть, напр., въ Петербургѣ: утромъ 5° тепла, вечеромъ 10° мороза. Тѣмъ не менѣе зачастую бываютъ перемены и чрезъ часъ, черезъ два, такъ что имѣть при себѣ пледъ болѣе для человѣку очень полезно. Изъ всѣхъ мѣсяцевъ едва ли не самый переменчивый есть мартъ. Поздняя осень и зима состоятъ изъ цѣпи переходовъ отъ ясныхъ, солнечныхъ дней къ продол-

жительнымъ дождямъ или къ непродолжительному снѣгу, но сплошныхъ ненастныхъ дней, отъ утра до вечера, бываетъ мало. И все-таки, когда надѣдается вѣтеръ или одолеваетъ дождь,—дышется легко, воздухъ мягкій, живительный. Какъ-то самъ понимаешь и сознаешь, что тутъ отличная дыхательная среда и что слабогрудому можно здѣсь прожить дольше, чѣмъ гдѣ-либо.

Да и гдѣ тотъ уголокъ, чтобы климатъ былъ неизмѣнно теплъ, ровенъ, солнце свѣтило и грѣло одинаково, и вообще недужное челоѣчество было отъ всякихъ скверныхъ сюрпризовъ основательнымъ образомъ гарантировано? Если существуетъ такое блаженное мѣсто, то развѣ островъ Мадера; про другія не слыхалъ.

Сначала нашъ братъ-пріѣзжій очень требователенъ, а потому падокъ на критику и подверженъ разочарованію, но потомъ усваиваетъ практическія воззрѣнія на предметъ, и изъ мечтателя превращается въ здравомыслящаго житейскаго практика. Я ѣхалъ въ Крымъ порядочно подготовленный, а потому разочарованія не испыталъ. Осень была хороша, но коротка, зима не изъ лучшихъ; весна поздняя и довольно холодная; но, все-таки, могло быть хуже. Доказательство на-лицо: въ генуэзской Ривьерѣ, южной Франціи и Италіи происходили въ зиму 1790—91 г., Богъ знаетъ, какія безобразія. Въ Ниццѣ, напримѣръ, было однажды 14⁰ мороза. У насъ, въ русской Ривьерѣ, ничего подобнаго не было, хотя зима стояла упорная и морозная. По моимъ наблюденіямъ въ декабрѣ выдалась одна сплошная морозная недѣля, въ январѣ около двухъ недѣль подъ-рядъ, въ февралѣ тоже. Два раза морозъ доходилъ до —5⁰ Реомюра, три раза до 3⁰ и 4⁰, остальные дни всѣ меньше. Правильнѣе сказать, морозныя были ночи, а не дни, ибо днемъ таяло; морозныхъ дней, т.-е. когда днемъ не таяло, было во всю зиму три, изъ нихъ самый холодный —1¹/₂⁰. Вся зима состояла въ смѣнѣ серіи ясныхъ дней серією ненастныхъ, хорошей погоды дурною, и наоборотъ. Перемены происходили частыя, и ненастные періоды стояли длинные; изрѣдка выдавались даже сплошь отвратительные дни, безъ просвѣта. Но затѣмъ подобно оазису въ степи появлялись хорошіе дни, и все кругомъ принимало привѣтливый, улыбающійся видъ. Вотъ въ группировкѣ этихъ переменъ и заключается оцѣнка здѣшней зимней и весенней погоды. Надо сознаться, что періоды хорошей погоды зимой на южномъ берегу по истинѣ восхитительны. Ен-примѣръ, передъ Рождествомъ стояла порядочная погода, 4 декабря стала еще лучше, 25 сдѣлалась прекрасною, а 26 дошла до апогея. Въ этотъ день было +10⁰ въ тѣни (по Реомюру), +10⁰ на солнцѣ, которое и грѣло, и свѣтило откровенно и добро

вѣстно, какъ будто ради великаго праздника; небо сверкало ясное, безоблачное; море лежало неподвижнымъ зеркаломъ, что съ нимъ бываетъ очень рѣдко. Снѣгъ видѣлся только на горахъ; внизу его не было вовсе, а носилась въ воздухѣ легкая пыль. Для полноты иллюзіи нѣкоторые сады стояли сплошь зеленые; вѣроятно въ нихъ съ умысломъ подбираются деревья и кустарники, не теряющіе зимой листву, или мало ее теряющіе, такъ что въ иномъ саду съ трудомъ найдешь наглядный признакъ зимняго времени. Весь этотъ величественный свѣтлый пейзажъ оживлялся толпами двигавшагося по всѣмъ направленіямъ народа. Ялта вдругъ оказалась людною; гуляющіе были въ лѣтнихъ праздничныхъ платьяхъ; ходили пѣшкомъ, катались въ фаэтонахъ; проносились по набережной одна за другой кавалькады съ амазонками; по морю скользили лодки съ катающимися и доносились звуки гармоникъ. И при этомъ не было замѣтно ни одного сильно пьянаго.

Вообще пьянство тутъ не доходитъ до такого безобразія, какъ въ городахъ коренной Россіи, вѣроятно потому, что можно имѣть недорогое виноградное вино, да и населеніе Ялты чрезвычайно смѣшанное. Кромѣ главнаго ядра, русскихъ, тутъ есть татары, греки, анатолійскіе турки, славяне изъ Македоніи, персіяне, армяне русскіе и турецкіе, французы, грузины, шведы, финны, еврей-караимы,—всѣхъ не припомнишь. Конечно, всякой національности понемногу, но вѣдь городъ маленькій, такъ что это немного замѣтно и пестритъ общую картину. Да и не всѣхъ бываетъ понемногу; анатолійскихъ турокъ, на примѣръ, всегда порядочно, такъ какъ они—прекрасные рабочіе, которыхъ всѣ берутъ очень охотно, особенно для работъ тяжелыхъ. Такова, на примѣръ, обработка нови подъ виноградники; я на этой работѣ не видалъ почти никого, кромѣ турокъ. Говорятъ, что въ Крыму постоянно находится до 30.000 рабочихъ пришлыхъ, преимущественно изъ Турціи. Хотѣли-было затруднить ихъ пріѣздъ, чтобы не отбивали хлѣбъ у нашихъ, но крымскіе землевладѣльцы возопили такимъ хоромъ, что отъ этой отрасли протекціонной системы отказались. И какой все это рванный народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какой живописный!

Нельзя не упомянуть еще объ одной изъ дурныхъ сторонъ жизни на южномъ берегу—дороговизнѣ. Да, жить тамъ дорого, но не въ такой степени, какъ многимъ кажется или принимается съ чужого голоса. Прежде было дѣйствительно непомѣрно дорого, гораздо дороже нынѣшняго, но на то существовали причины. Во-первыхъ, близость двора, такъ какъ Ливадія сдѣлалась любимымъ

дачнымъ мѣстопробываніемъ покойнаго государя, а съ тѣмъ вмѣстѣ наплывъ многихъ лицъ, хотя и не принадлежащихъ ко двору, но любящихъ быть въ его сосѣдствѣ. Такимъ образомъ Ялта (и ея ближайшія окрестности) сдѣлалась люднымъ мѣстомъ, приобрѣла себѣ положеніе, position sociale, какъ говорится про людей, и стала складываться и сформировываться въ лечебное мѣсто со всѣми его атрибутами. Тогдашняя Ялта (остальной южный берегъ и подавно) давала очень мало, а спрашивали отъ нея очень много; это произвело дороговизну, породило на многіе предметы цѣны сумасшедшія. Во-вторыхъ, нахожденіе въ числѣ пріѣзжихъ такихъ лицъ, которыя обладали шальными деньгами, пособляло подъему цѣнъ, тѣмъ паче, что число такихъ желанныхъ гостей довольно долго увеличивалось. Цѣны на землю, на постройки, на специальный трудъ стали расти не по днямъ, а по часамъ, а съ ними и на все прочее, не исключая предметовъ первой потребности. Я помню, въ концѣ 1863 года нынѣшней Ялты, т.-е. новаго города, еще не существовало, а хорошій виноградъ стоилъ уже 9 коп. фунтъ, — цѣна непомянутая по времени.

Потомъ мода прошла, потому что извнѣ не поддерживалась, искатели всякихъ благостынь около самаго центра — перестали показываться, шальные деньги направились въ другія мѣста, болѣе значныя и безшабашныя. А Ялта тѣмъ временемъ сформировалась; многія другія мѣста южнаго берега оперились и узнали себѣ цѣну. Говорятъ, будто въ послѣднее десятилѣтіе очень уменьшился сѣздъ гостей въ Ялту. Едва-ли; если уменьшеніе произошло, то незначительное; перемѣна совершилась скорѣе качественная, чѣмъ количественная, и стало возрастать число гостей въ другихъ пунетахъ южнаго берега. Значительно уменьшилось не число пріѣзжихъ, а количество привозимыхъ ими шальныхъ денегъ. Съ другой стороны, и Ялта, и Гурзуфъ, и прочія мѣста стали давать пріѣзжимъ больше комфорта и удовольствій за прежнія деньги. Вырости дороговизнѣ было не съ чего, да и невозможно, потому что конкуренція отелей, пансіоновъ, квартиръ, магазиновъ, и проч. и проч., народилась невиданная дотолѣ и продолжаетъ расти съ каждымъ годомъ.

Теперешній посѣтитель южнаго берега, во-первыхъ, скромнѣе своего предшественника; а во-вторыхъ, онъ пестрѣе, разнообразнѣе. Нельзя сказать, чтобы люди высшаго слоя стали сѣгать русскую Ривьеру; скорѣе напротивъ, они сдѣлались не праздничными, а будничными посѣтителями, пріѣзжаютъ часто не въ сезонъ, иногда на зиму, живутъ подолгу. Но главнымъ посѣтителемъ сталъ все-таки разночинецъ, притомъ не толстосумъ, а

достатка среднего и даже малаго, денегъ не швыряющій и въ глаза пыль не пускающій. Людей наѣзжаетъ столько же, или немногимъ меньше, но итогъ денегъ, ими въ Крыму оставляемыхъ, сократился. Дѣло, значить, упорядочилось, стало прочнѣе; мода прошла или проходитъ, остается потребность. Что-жъ, и благо.

Да и то сказать, съ чего бы вдругъ на южномъ крымскомъ берегу народилась дешевизна, вопреки общему закону, по которому существуютъ всѣ курорты. Въ одной изъ сатиръ своихъ Щедринъ переводитъ слово „курортъ“ выраженіемъ „лакейскій городъ“, такъ какъ пріѣзжіе дѣлаются тамъ господами, а коренные жители обращаются въ ихъ лакеевъ. Въ сатирическомъ смыслѣ оно, пожалуй, и такъ, но въ житейско-экономическомъ не совсѣмъ. Тутъ не господа и слуги, а продавцы и покупатели, купля и продажа, спросъ и предложеніе. Ъдутъ сюда, чтобы получить то, чего у себя дома нѣтъ, и получаютъ, ибо еслибы не получили, вполне или частью, то въ другой разъ и не пріѣхали бы. А за это приходится платить лишнее, когда немного, а когда и очень много, смотря по средствамъ курорта, по развитію въ немъ дѣла, по степени культурности мѣста. Пріѣзжіи смотрятъ на курортъ какъ на магазинъ съ нужнымъ ему товаромъ; сидѣльцы этого магазина смотрятъ на пріѣзжаго какъ на мѣшокъ съ деньгами. Гдѣ же въ Европѣ обходится дешево хорошо обставленная жизнь въ курортѣ? Развѣ только въ Швейцаріи; но Швейцарія подходитъ подъ эту рубрику лишь отчасти. Наша же русская Ривьера сдѣлалась курортомъ всего лѣтъ 20, а строго говоря — и того меньше; европейскіе же курорты стали тѣмъ, чѣмъ они теперь, не въ 20 или 30 лѣтъ.

Дешевизинѣ явиться въ Ялтѣ не откуда: Ялта ничего сама не производитъ, кромѣ винограда и вина; всѣ предметы первой потребности привозные. Очень трудно существовать въ Ялтѣ служащимъ на небольшомъ жалованьи; мудрено даже понять, какъ они перебиваются. Но все-таки это дороговизна относительная, условная, для пріѣзжаго милостивая: помѣщеніе въ отеляхъ, квартиры въ домахъ, извозчики, провизія, дрова, даже цѣны въ магазинахъ, — все это дорого, но естественно дорого, понятно дорого. Истинная дороговизна наступаетъ съ приближеніемъ осенняго сезона: тогда и нумера въ гостинницахъ, и пансіоны, и даже извозчики дорожаютъ въ полтора раза, вдвое, втрое. Это очень скверно, но какъ же быть, если въ 5.000-му населенію прибавляется еще 6 или 7.000? Правда, для этой прибавки помѣщенія имѣются, но ихъ занимаютъ всего 2—3 мѣсяца въ году, а остальное время они гуляютъ, себя не оплачивая. Отели тоже

внѣ сезоннаго времени бываютъ совершенно полны рѣдко и недолго; то же правило распространяется и на все прочее.

Однако, почти во всякомъ правилѣ существуютъ исключенія. Не только въ дешевое время, но и въ сезонъ есть возможность платить въ Ялтѣ сравнительно недорого. Въ гостинницахъ стараго города, особенно въ неважныхъ, нумера недороги, тѣмъ дешевле на слободахъ; относительно дешевы помѣщенія и пансіоны въ Аутѣхъ, Чукурларѣ, старомъ городѣ, и еще дешевле за городомъ, по южному берегу. Если отъ Ялты недалеко ушелъ Гурзуфъ въ своихъ цѣнахъ за помѣщеніе и столъ, то другія мѣста будутъ сносить, особенно Алушта и ея окрестности, хотя и тутъ нельзя сказать, чтобы было дешево. Лучшее средство противъ переплатъ — ничего не рѣшать заочно, какъ уже было сказано. Это тѣмъ исполнимѣе, что проѣзды по южному берегу не длинны и не дороги. До предѣловъ южнаго берега ходятъ дилижансы севастопольскій и симферопольскій; есть еще шарабаны, которые ходятъ, если не ошибаюсь, по два раза въ день до Алушки и Гурзуфа. Ежедневное сообщеніе съ Алушкой и Гурзуфомъ содержитъ еще паровой катеръ (кромѣ зимняго времени), но въ этомъ удобствѣ есть много фиктивного. Прокатиться часть времени по морю въ теплую и тихую погоду, любуясь южнымъ небомъ, моремъ и великолѣпными пейзажами, очень пріятно. Но тамошнее море такъ капризно, что зачастую паровому катеру приходится возвращаться назадъ съ полу-пути, а иногда и съ самаго начала, да далеко не каждый день онъ можетъ и ходить. А если иной разъ и опасности никакой нѣтъ, то обдастъ брызгами и обливаетъ волною, такъ что можно основательно вымокнуть, да и продуетъ. Нуженъ пароходъ побольше и непременно съ каютой.

Многое другое можно тоже удешевить, если хорошенько подумать и позаботиться. Приведу примѣръ. Лечебный виноградъ стоитъ въ Ялтѣ очень дорого, коп. 20 за фунтъ, иногда 25; въ другихъ мѣстахъ южнаго берега, конечно, дешевле, а въ Судакѣ, въ Феодосіи еще дешевле, но тамошніе сорта будутъ погрубѣе. Эти послѣдніе привозятся въ Ялту на лодкахъ, которыя и стоятъ вытасченными на берегъ подъ навѣсами изъ своихъ парусовъ, до тѣхъ поръ, пока весь свой товаръ распродаютъ, по 4—6 коп. за фунтъ. Однако вмѣсто 20—25 коп. я платилъ въ самой Ялтѣ за лечебный виноградъ высшаго качества всего по 12¹/₂ коп. потому что хозяйка нашего пансіона сговорила въ оптовой цѣнѣ для своихъ постояльцевъ по 5 р. пудъ.

Уже сказано, что Ялта, какъ городъ естественный, долѣе уступать въ санитарномъ смыслѣ другимъ мѣстамъ южнаго

рега, имѣющимъ характеръ дачъ, загородныхъ имѣній. Было бы впрочемъ очень несправедливо хулить санитарное состояніе Ялты иначе, какъ условно. Она обладаетъ, во-первыхъ, водопроводомъ съ отличной водой, текущей съ большой высоты, изъ Массандры; во-вторыхъ, въ ней недавно окончена прекрасная канализація для стока нечистотъ въ море за городомъ, за моломъ. Уже эти два капитальнѣйшихъ условія въ состояніи выгородить санитарную репутацію Ялты. Городское общественное управленіе свое дѣло дѣлаетъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе присутствія нѣсколькихъ врачей въ городской думѣ, санитарная часть занимаетъ въ ряду думскихъ работъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Не спитъ и мѣстный санитарный совѣтъ, и хотя дѣятельность его можно уподобить скачкѣ съ непрерывными препятствіями, но онъ преслѣдуетъ свои задачи настойчиво. Вообще въ дѣлахъ нашего самоуправленія приходится держаться евангельскаго правила: толцте и отверзется, — не скоро отверзется, но авось хоть когда-нибудь.

Существуетъ много данныхъ для предположенія, что русская Ривьера будетъ развиваться и преуспѣвать, съ Ялтою во главѣ. Нынѣшнее свое главенство Ялта сохранить надолго, въ виду тѣхъ преимуществъ и особенностей своего положенія, о которыхъ здѣсь говорилось. Желательно только, чтобы главенство это было логичное, справедливое. Для этого нужно Ялтѣ многое такое, чего теперь ей не хватаетъ. Не берусь систематизировать, но укажу на то, что замѣтилъ въ качествѣ прїѣзжаго гостя и посторонняго наблюдателя. Прежде всего не хватаетъ Ялтѣ дешевыхъ, но хорошихъ больницъ для прїѣзжихъ безъ средствъ; ибо то, что тамъ имѣется подъ знаменемъ Краснаго Креста, слишкомъ мало по объему, да и не совсѣмъ подходит по смыслу. И средства, полагаю, нашлись бы, еслибы эта вопіющая потребность была поставлена на очередь первую. А то при мнѣ стали готовить мѣсто для постройки новой церкви; значить, деньги есть или будутъ. Церквей въ Ялтѣ немного, однако съ Ливадскою достаточно для небольшого населенія и будетъ достаточно еще много лѣтъ; лечебницы же, про которую говорю, нѣтъ, и прямого для нея источника не видно. А можетъ ли быть въ этомъ сомнѣніе, что божьему безграничному милосердію и безпредѣльной любви было бы наиболѣе угодно возникновеніе учрежденія именно для страждущихъ и обремененныхъ? вмѣстѣ съ тѣмъ необходима Ялтѣ порядочной величины община сестеръ милосердія или Краснаго Креста со своими собственными, а не съ привозными сестрами. Загѣмъ въ Ялтѣ есть церкви лютеранская и католическая. Первая: стоитъ на хорошемъ мѣстѣ и имѣетъ болѣе чѣмъ приличную

наружность, хотя пасторъ пріѣзжаетъ въ Ялту только по временамъ. Вторая помѣщена въ какомъ-то невозможномъ сараѣ, гдѣ и происходитъ богослуженіе. Хотя деньги на постройку церковнаго зданія есть, и католиковъ-богомольцевъ (преимущественно французовъ и итальянцевъ) собирается иногда свыше 1.000 чело-вѣкъ, но разрѣшенія на постройку церкви нѣтъ и нѣтъ. Такого же рода странная исторія происходитъ съ мѣстной газетой. Почти немыслимо существованіе курорта съ такимъ числомъ посѣтителей, какъ южный берегъ, безъ своего ежедневнаго листа съ соотвѣтственнымъ содержаніемъ. Въ Ялтѣ издавалась при мѣ справочная газета, но въ ней только и есть газетнаго, что названіе, да политическія телеграммы, да „печатать дозволяется“. Разрѣшеніе расширить этотъ листокъ хотъ до самаго мизернаго газетнаго предѣла испрашивается и ожидается Богъ знаетъ съ какого времени, но увы!... Наконецъ, непремѣннымъ условіемъ близкаго роста Ялты и всего южнаго берега есть возведеніе тамошней мужской и женской прогимназій въ гимназій; въ доказательствѣхъ едва-ли нужно распространяться.

Можно думать, что если на ялтинскій молъ истрачено 850 т. рублей да на набережную издержано и будетъ издержано тысячъ сто или двѣсти, то приведенныя пожеланія не могутъ быть названы мечтательными, а тѣмъ паче нелогичными.

Благо пришлось къ слову, можно указать еще на нѣсколько изъяновъ, хотя и совсѣмъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣ постороннему глазу замѣтныхъ. Въ Петербургѣ если на улицѣ что-нибудь неисправно предъ какимъ-нибудь зданіемъ, то зданіе это навѣрно принадлежитъ казнѣ. Въ Ялтѣ подобное зданіе должно принадлежать какому-нибудь тузу, съ которымъ ссориться неудобно. Одна изъ мѣстныхъ сплетенъ гласитъ, что не такъ давно существовалъ въ Ялтѣ городской санитарный врачъ, но долженъ былъ оставить свою должность немедленно послѣ того, какъ нашелъ какой-то грубый санитарный изъявъ во дворѣ одного изъ мѣстныхъ юпитеровъ и вздумалъ составить объ этомъ протоколъ. Оно какъ будто похоже на правду по моимъ однороднымъ наблюденіямъ. При вѣздѣ въ городъ отъ Ливадіи, тянется почти цѣлый кварталъ въ очень неприглядномъ видѣ и принадлежитъ онъ какъ разъ одному изъ боговъ ялтинскаго олимпа. Нашлось бы сказать еще многое, но лучше умолчать, чтобы не надобѣсть мелочами и частностями. А только на эти мелочи и частности слѣдуетъ обращать побольше вниманія кому о томъ вѣдать надлежитъ, ибо ихъ много и онѣ очень надобѣдаютъ, помимо всякаго каприза или излишней требовательности. Развѣ можно назвать, напримѣръ, ка-

призомъ желаніе, чтобы для отдыха больнымъ (да и здоровымъ) почаще находились на улицахъ неподвижныя скамейки со спинками?

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Нѣкоторые предпочитаютъ или по крайней мѣрѣ противопоставляютъ Ялтѣ другіе пункты крымскаго побережья, какъ-то Судакъ, Севастополь, Балаклаву, Феодосію, даже Евпаторію и Керчь, указывая на тѣ или другія достоинства этихъ мѣстъ. Но они находятся за предѣлами южнаго крымскаго берега—предметомъ же настоящей статьи есть исключительно русская Ривьера, небольшой уголокъ Крыма, съ южнымъ характеромъ природы и климата и съ множествомъ такихъ условий, которыя дѣлаютъ эту маленькую страну вовсе не тождественною съ другими мѣстностями Крыма, даже не совсѣмъ съ ними однородною. И если этотъ небольшой уголокъ со своимъ центромъ Ялтой во многомъ еще не достигъ до европейскихъ образцовъ, то настолько уже заручился задатками культурнаго развитія, что долженъ представлять для насъ живой, непосредственный интересъ, который еще возрастетъ въ близкомъ будущемъ.

А. Петрушевскій.

КАТЕРИНА—БОЛЬНАЯ

О ЧЕРКЪ.

I.

Петръ Николаевичъ Долинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и былъ занятъ. Передъ нимъ на письменномъ столѣ лежала цѣлая кипа бумагъ; одну изъ нихъ онъ подписывалъ. Петръ Николаевичъ служилъ въ какомъ-то казенномъ учрежденіи. Человѣкъ онъ былъ уже немолодой, со средствами, семейный. Семейная жизнь его сложилась счастливо,—онъ былъ доволенъ ею. Жена была хорошая женщина, не бросала денегъ на вѣтеръ, занималась хозяйствомъ, дѣтьми. Дѣтей было двое, двѣ дочери. Старшая училась въ институтѣ; послѣдняя, маленькая Лидочка, пятилѣтняя и хорошенъкая какъ ангелъ, еще нигдѣ не училась.

Петръ Николаевичъ имѣлъ свой домъ на одной изъ главныхъ улицъ города. Изрѣдка они съ женой, съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, бывали въ театрѣ. На концертахъ заѣзжихъ артистовъ бывали обыкновенно, потому что онъ любилъ и понималъ музыку, а она просто любила. Экипажъ у нихъ былъ свой. Петръ Николаевичъ находилъ выгоднѣе и удобнѣе держать лошадей. Только съ кучерами была постоянная возня; если попадался хорошій ѣздокъ, то непременно оказывался пьяницей, если трезвый — то плохой ѣздокъ.

Послѣдній кучеръ, нанятый всего три дня назадъ, ему сразу понравился. Лицо у него было уже очень симпатично для того, чтобы онъ могъ оказаться дряннымъ. И потомъ — аттестаты.

Дверь кабинета отворилась и на порогъ появилась сначала Лидочка, въ коротенькомъ платьицѣ и съ голубой ленточкой,

вплетенной въ разсыпавшіяся по плечамъ кудри, и за ней жена Петра Николаевича, Варвара Сергѣевна.

Быль уже вечеръ, и лампа подъ зеленымъ абажуромъ, стоявшая на письменномъ столѣ Петра Николаевича, бросала слабый свѣтъ вокругъ. Поэтому отъ не сразу увидѣлъ, кто вошелъ.

— Я на минутку, — сказала Варвара Сергѣевна, присаживаясь на кушетку близъ стола: — по дѣлу. Во-первыхъ, мнѣ нужны деньги, рублей десять; а во-вторыхъ, твой хваленый кучеръ мнѣ начинаетъ не нравиться. Третій день онъ живетъ и три вечера подъ-рядъ отпрашивается со двора.

— Развѣ онъ опять ушелъ? — спросилъ Петръ Николаевичъ, доставая изъ бумажника деньги, и добавилъ: — вотъ тебѣ пятнадцать.

— Нѣтъ, онъ дожидается. Я хотѣла спросить у тебя.

Петръ Николаевичъ позвонилъ — и въ комнату вошелъ человѣкъ въ сюртукѣ и остановился.

— Позови сюда кучера! — сказалъ Петръ Николаевичъ и, окончательно отложивъ въ сторону бумаги, взялъ къ себѣ на колѣни Лидочку и спросилъ:

— А чего папѣ хотеть?

Это значило, что папѣ хотеть, чтобы Лидочка его поцѣловала. Она это и сдѣлала, обхвативъ крѣпко шею отца ручонками.

А Варвара Сергѣевна говорила, видимо недовольная кучеромъ:

— Третій вечеръ подъ-рядъ. Вѣдь онъ можетъ понадобится, а его нѣтъ. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ бываетъ. И потомъ лошади. — Опять дверь отворилась и затворилась за вошедшимъ. Вошелъ кучеръ. Лидочка продолжала сидѣть на рукахъ отца и дѣлала видъ, что слушаетъ.

Кучеръ остановился у двери. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-шести—семи. На немъ была поддѣвка изъ синяго сукна и сапоги съ наборомъ. Темные волосы его вились; лицо у него было прямое, открытое и красивое. Черные усы завивались въ кольца. Брови густыя и сходящіяся почти у переносицы шли дугою. Роста онъ былъ высокаго, въ плечахъ широкъ.

Словомъ, это былъ, какъ говорится, красавецъ-кучеръ.

— Послушай, братъ Матвѣй, — обратился къ нему Петръ Николаевичъ: — вотъ мнѣ барыня говорить, что ты опять отпрашиваешься. Это не резонъ уходить со двора каждый вечеръ.

— Такъ точно, сударь. Только я вѣдь по дѣлу-съ, да и коли не дозволите, я не пойду-съ.

Онъ махъ свою фуражку въ рукахъ, и если бы въ комнатѣ было не такъ темно, глаза его, грустные, опущенные внизъ,

сказали бы Петру Николаевичу, что онъ говоритъ неправду, и пустать его или нѣтъ, а онъ уйдетъ все равно.

— Жена у меня, сударыня, помираетъ...

Матвѣй вздохнулъ тяжело, всей грудью, и замолчалъ. Молчали и господа.

— Такъ позвольте, баринъ, я только на полчаса. Сбѣгаю и вернусь, посмотрю хоть только.

— Что же съ ней? Гдѣ она у тебѣ, на квартирѣ? — спросила Варвара Сергѣевна.

— Такъ точно, сударыня, на квартирѣ. Да квартира плохая-съ. Холодъ, сыр—осень. Дуетъ вездѣ.

— Что же съ ней? — переспросила во второй разъ Варвара Сергѣевна, чувствуя себя виноватой передъ Матвѣемъ и желая загладить свою ошибку. У нея было доброе сердце, и она уже жалѣла и Матвѣя, и его жену.

— Послѣ родовъ-съ. Простудилась, должно быть.

И опять онъ вздохнулъ, и опять замолчалъ и стоялъ, опустивъ голову.

— Ну, можешь идти, до утра... — рѣшилъ Петръ Николаевичъ.

Но Варвара Сергѣевна его перебила.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ заложитъ лошадь, я сама къ ней поѣду, посмотрю.

— Въ такую погоду? — спросилъ Долинъ. На дворѣ стояла поздняя осень и вѣтеръ свистѣлъ.

— Да, да... Только уложу спать Лиду.

Матвѣй быстро заложилъ лошадь въ фаятонъ и подалъ къ подъѣзду. Онъ еще не зналъ, радоваться ему или нѣтъ.

Вечеръ былъ холодный, морозный. Снѣгъ шелъ рѣдкими хлопьями и падалъ на замерзшую мостовую. Матвѣй сидѣлъ, закутавшись въ теплый армякъ, на козлахъ и поджидалъ барыню, съ нетерпѣніемъ поглядывая на дверь подъезда. Но она еще долго не отворялась. Варвара Сергѣевна укладывала спать Лидочку.

Наконецъ, она вышла, одѣтая тепло, въ ротондѣ на куньихъ мѣху, и приказала ѣхать къ акушеркѣ Мавинѣ. Мавина принимала у Варвары Сергѣевны Лидочку. Ей она вѣрила.

Мавина была дома и пила чай, когда къ ней пріѣхала Варвара Сергѣевна. Она была крайне удивлена такимъ визитомъ, въ такую погоду, но узнавъ, въ чемъ дѣло, сейчасъ же собралась и поѣхала вмѣстѣ съ Варварой Сергѣевной въ ея экипажѣ.

Ѣхали долго. Съ большихъ улицъ, главныхъ, свернули въ какія-то маленькія, узенькія и темныя. Варварѣ Сергѣевнѣ каза-

лось, что она здѣсь никогда не бывала. Да и на самомъ дѣлѣ она здѣсь не была. Фонарей не было. Ъхать пришлось шагомъ; грязь отъ послѣдняго дождя замерзла и превратилась въ сплошныя кочки.

Снѣгъ все шелъ; вѣтеръ подхватывалъ рѣдкіе хлопья его и бросалъ въ лицо ѣхавшимъ. По бокамъ тянулись маленькіе домишки въ два-три окна, покосившіеся заборы. На улицѣ не было ни души. Изрѣдка только попадался на встрѣчу запоздавшій прохожій, спѣшившій по дѣлу. Да изъ-подъ воротъ откуда-нибудь лаяла собака.

Остановился фаязонъ около калитки въ заборѣ.

— Здѣсь?—спросила Варвара Сергѣевна у Матвѣя.

— Такъ точно, здѣсь. Прямо, сударыня, въ калитку и потомъ направо. Тамъ огонекъ увидите.

Онѣ вышли изъ экипажа, отворили калитку; щеколда стукнула подъ энергичной рукой Мавиной. Громадный и пустынный дворъ былъ передъ ними, съ жалкими лачужками въ глубинѣ. Откуда-то изъ глубины двора кинулась къ нимъ маленькая собачонка съ звонкимъ лаемъ. Онѣ пошли впередъ на два огонька, свѣтившіеся въ отдаленіи. Вотъ и дверь, обитая рогожей.

Мавина дернула за ручку и распахнула ее. Свѣтъ изнутри упалъ полосой на желтую сухую траву двора, занесенную снѣгомъ.

— Затворь дверь, кто тамъ!—окрикнулъ ихъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ просторной, но низкой горницѣ сапожниковъ. Это была сапожная мастерская. Человѣкъ пять сидѣли и лежали на особыхъ палатахъ и работали. Какой-то худой блондинъ съ козлиной бородкой, съ чахоточнымъ румянцемъ во всю щеку, набивалъ каблукъ на ботинокъ и пѣлъ фальцетомъ:

Говорила тебѣ я,
Не ѣшь ягоды, Илья...

При входѣ барынь онъ замолчалъ. Всѣ на нихъ глядѣли съ удивленіемъ. Откуда онѣ взялись въ такую пору и одѣ?

— Здѣсь живетъ Катерина Степанова?—спросила Мавина. Ей не привыкать стать къ трущобамъ. Но Варвара Сергѣевна неприятно себя чувствовала. Ей и жутко, и холодно было.

— Это кучера Матвѣя жена, что-ли?—спросилъ въ свою очередь блондинъ, оказавшійся хозяиномъ мастерской:—Здѣсь живетъ, коли не померла. Вотъ онъ вамъ покажетъ... Ванька, покажь имъ, брось подметки-то!

Ванька, мальчишка испитой, забитый и лохматый, босой соскочилъ съ палатей и отворилъ имъ маленькую и низкую дверь

въ сѣни; въ темнотѣ онъ нащупалъ другую дверь и отворилъ и ее.

— Въ чуланѣ она у насъ... Баушка, слышь, Катерину спрашиваютъ...

Чуланъ былъ совсѣмъ маленькій, не больше квадратной сажени, и темный. Между печкой и дверью изъ простыхъ досокъ была постлана кровать. На ней лежала больная, головой къ печи, ногами къ двери. Холодно было въ чуланѣ очень.

Сальный свѣчной огарокъ, воткнутый въ бутылку, лилъ вокругъ себя слабый свѣтъ и каждое мгновеніе готовъ былъ погаснуть. Со всѣхъ сторонъ сквозъ щели дуло; струи вѣтра играли пламенемъ свѣчи и оно склонялось во всѣ стороны... Табуретка стояла недалеко отъ двери. Съ нея при входѣ барынь поднималась старуха—„баушка“, принимавшая у Катерины ребенка.

— Здравствуйте, милыя, здравствуйте, барыни!—встрѣтила она ихъ.—Что надобно?

— Къ больной мы. Я акушерка, а это барыня—у ней ея мужъ служить. Мы ее навѣстить пріѣхали,—объяснила Мавина и сразу же подошла къ кровати и сѣла въ ногахъ больной. Старуха пододвинула табуретъ Варварѣ Сергѣевнѣ. Она сѣла и стала смотрѣть, какъ Мавина осматривала больную, считала пульсъ, расспрашивала старуху о ходѣ болѣзни.

Весь послѣдній день больная, оказывалось, была безъ памяти и бредила.

— Нѣтъ, Варвара Сергѣевна, я одна боюсь; нужно послать за Иваномъ Ѳеодоровичемъ. Бабушка, пошли поддержать тамъ кого-нибудь нашу лошадь, а вучера сюда къ намъ прислать!—распорядилась Мавина и, когда старуха вышла, добавила:—Родильная горячка у нея; при такой обстановкѣ, пожалуй, ничего и не поделаешь... Непремѣнно надо послать за Иваномъ Ѳеодоровичемъ.

Иванъ Ѳеодоровичъ былъ домашній врачъ Долиныхъ, акушеръ по специальности.

Матвѣю объяснили, гдѣ живетъ Иванъ Ѳеодоровичъ, и онъ уѣхалъ.

Пѣсни, замолкшія-было при входѣ барынь, опять доносились изъ мастерской. Пѣли хоромъ что-то грустное и протажное. Въ сѣняхъ то-и-дѣло отворялась и затворялась наружная дверь и въ чуланъ врывался холодный вѣтеръ. На дворѣ кто-то бранился.

Мавина продолжала сидѣть въ ногахъ на кровати. Больная бредила и старалась сбросить съ себя накиннутый на нее полушубокъ. Ей видимо было жарко.

— Матюша, голубчикъ... Матюша... Что же мнѣ дѣлать...

Мавина помогла ей освободиться от полушубка и накрыла ее одеяломъ, привезеннымъ Варварой Сергѣевной, приговаривая нѣжно:—Такъ, вотъ такъ лучше будетъ...

И когда понемногу больная успокоилась, онѣ всѣ втроемъ продолжали говорить вполголоса.

— Прибѣжалъ это онъ ко мнѣ ночью, голубушки вы мои, я неподалечку живу, — рассказывала старуха. — „Жена у меня, баушка, говорить, помираетъ, помоги“. А самъ дрожить что твой осиновый листъ и плачетъ. Ну, у меня сердце доброе, жалостливое, побѣгла я...

— А ребенокъ гдѣ?—перебила ее Варвара Сергѣевна.

— Вотъ онъ, въ уголку. Спать сердешный. За день навричался тоже.

И онѣ всѣ опять-таки втроемъ наклонились къ маленькому сморщенному красному существу, совсѣмъ ушедшему въ какія-то лохмотья.

— Колей назовите... Колей... Не крещенъ онъ, окрестите!— вдругъ заговорила больная.

— Тс... она пришла въ себя, кажется,—замѣтила Мавина. — Хорошо, хорошо, успокойся; выздоровѣешь—сама назовешь.

— Гдѣ ужъ ей выздоровѣть, помретъ безпремѣнно. Я только объ одномъ тужу—никого не заплатить,—говорила старуха.

Тутъ только Варвара Сергѣевна стряхнула съ себя тотъ столбнякъ, который нашелъ на нее. И тутъ только она разглядѣла больную.

Красивая женщина лежала передъ нею, молодая еще совсѣмъ, но измученная, исхудавшая, изстрадавшаяся... Густые черные, какъ смоль, волосы цѣлымъ ручьемъ падали вокругъ ея измученнаго и блѣднаго лица на подушку. Носъ заострился, губы высохли. Тонкія черныя брови надъ опущенными немощно и безсильно вѣками.

Она сбросила все-таки и пледъ, высвободила изъ-подъ него свои обнаженные, красивыя, но исхудавшія руки... Губы ея чуть-чуть открыты и сквозь нихъ вырывается наружу медленное, рѣдкое дыханіе.

— Ради Христа... окрестите... не бросьте! — опять стонетъ она.

Съ трудомъ поднимаетъ она вѣки, и грустные, черные-черные глаза смотрять умоляюще на Варвару Сергѣевну изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ...

— Гдѣ ужъ ей выздоровѣть, помретъ, — опять говорить старуха.

Докторъ пріѣхалъ.

Къ его пріѣзду больная уже опять потеряла сознание и стала метаться.

— Горячка, и какая еще!..

— Очень опасно?—спросила Варвара Сергѣевна.

— Да; я даже и ручаться не могу за то, чтобы она долго прожила... Такая обстановка, вы сами посмотрите: съ одной стороны печь, съ другой—дверь въ морозныя сѣни; вѣтеръ сквозной. Здѣсь и здоровый человѣкъ умереть какъ нельзя лучше. Пульсъ у нея не годится никуда. Пожалуй, поздно...

— Если можно спасти, спасите ее, докторъ!—сказала Варвара Сергѣевна, и слезы навернулись у нея на глазахъ: она уже полюбила эту женщину.

— Чтò могу, чтò въ силахъ моихъ, то сдѣлаю, но повторяю, мнѣ кажется, поздно...

— А если ее перевезти къ намъ въ больницу?—предложила Мавина.

— Для этого нужно покойный, очень покойный экипажъ... Да потомъ и вести ее въ такомъ положеніи, въ такую погоду... Одно другого стоитъ.

— Но и оставить ее здѣсь значить оставить ее на смерть,—продолжала Мавина поддерживать свое предложеніе.

— Пожалуй. Вотъ я напишу вамъ, Варвара Сергѣевна, записку; по ней примутъ ее завтра въ больницу.

Онъ вынулъ записную книжку и на вырѣзанномъ изъ нея лоскутѣ написалъ карандашомъ нѣсколько строчекъ.

Дома, вернувшись въ свои громадныя и роскошныя апартаменты, Варвара Сергѣевна, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни почувствовала себя непріятно-грустно отъ того, что не всѣ такъ счастливы, какъ она. Петръ Николаевичъ ждалъ ее, даже самъ отперъ дверь на ея звонокъ. Онъ немножко беспокоился и раскисался, что отпустилъ ее одну, а ѣхать самому было нельзя, потому что онъ не зналъ адреса.

— Ну?—спросилъ онъ ее, когда она опять уже сидѣла у него въ кабинетѣ.

— Плоха она ужасно... Мавина говоритъ, едва ли будетъ жить. Но какая она красавица, если бы ты зналъ! Еслибы ты могъ ее видѣть...

Потомъ она благословила Лидочку, разметающуюся въ своей кровати, и легла спать съ сознаниемъ человѣка, исполнившаго свой долгъ.

На другой день погода была морозная.

Часовъ около двѣнадцати Варвара Сергѣевна уже пріѣхала къ Мавинѣ. Вдвоемъ онѣ отправились къ больной. Старуха, ухаживавшая за ней, обрадовалась.

— Слава Богу, пріѣхали. Ночью совсѣмъ было-померла. Совсѣмъ, совсѣмъ и дышать перестала.

Мавина энергично приступила къ дѣлу. Больная опять была безъ памяти. При помощи старухи Мавина закутала ее въ платки, въ полушубокъ, опять въ платки. Въ дверь заглядывали сапожники, съ нѣмымъ любопытствомъ наблюдавшіе за всѣмъ.

Больная охала и стонала. Мавина покачивала головой и нервно пожимала плечами. Хозяинъ-сапожникъ не сочувствовалъ.

— Не дадутъ помереть покойно. Все одно помретъ, чего тревожить!..

У Варвары Сергѣевны навертывались на глаза слезы. Но и она крѣпилась и не отставала отъ Мавинѣ.

Старухѣ она заплатила. И хозяину-сапожнику за квартиру тоже. Черезъ дворъ до калитки ихъ всѣ провожали. Хозяинъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ несли больную. Мавина взяла съ собой ребенка. Кое-какъ уложили больную въ экипажъ. Черные глаза ея смотрѣли по сторонамъ тревожно и блестя.

Хозяинъ, получившій отъ Варвары Сергѣевны еще на чаекъ, провожалъ ихъ пожеланіями:—Въ часть добрый!..

Морозъ стоялъ крѣпкій. Полчаса ѣхали до больницы. Наконецъ, пріѣхали. На звонокъ Варвары Сергѣевны вышелъ служитель.

— А! Больная! Мѣсть у насъ нѣтъ, везите домой! — грубо крикнулъ онъ и махнулъ рукой:—Много васъ тутъ!—И хотѣлъ уйти. Но Варвара Сергѣевна его остановила.

— Пошлите дежурнаго фельдшера!—сказала она. Тонъ былъ энергичный. Служитель взглянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Слушаю-съ.

И ушелъ, оставивъ обѣихъ на морозѣ.

Минутъ десять прошло. Матвѣй тревожно поглядывалъ на больную. Ему уже казалось, что она не жива. Голова ея безжизненно свѣсилась на грудь. Глаза были закрыты.

Наконецъ, фельдшеръ вышелъ, повязанный шарфомъ, въ грязномъ сюртукѣ и въ шапкѣ.

— Что прикажете?—спросилъ онъ.

— Примите, пожалуйста, больную. Намъ здѣсь морозятъ четверть часа!—раздраженно отвѣтила Варвара Сергѣевна.

— Не могу-съ, нѣтъ мѣста.

— Но мнѣ Иванъ Федоровичъ обѣщалъ, что ее примутъ.

— Отъ него никакихъ распоряженій не было-съ, а вы можете что угодно сказать. Мы учены-съ.

— У меня отъ него записка.

— Покажите.

Онъ взялъ записку доктора, повертѣлъ ее въ рукахъ и сказалъ:

— Хорошо-съ, подождите.

И ушелъ опять въ зданіе больницы. Еще прошло минутъ десять, когда онъ опять вышелъ уже въ сопровожденіи двухъ служителей съ носилками. Больную взяли и вдвоемъ понесли. Нужно было подыматься по лѣстницѣ во второй этажъ. Несли спѣшно, черезъ двѣ-три ступеньки. Варвара Сергѣевна едва поспѣвала.

Больная стонала и билась головой о носилки.

Фельдшеръ исчезъ. Больную внесли въ палату и положили на свободную койку. Сидѣлка подошла. Вмѣстѣ съ ней Варвара Сергѣевна раздѣла больную.

— Имъ у насъ спокойно,—говорила сидѣлка:—поправится, Богъ дастъ.

Разстроенная Варвара Сергѣевна уѣхала. Только выходя изъ палаты, она прочла надъ дверью надпись: „Заразные“.

„Нужно провѣтриться“, подумала она. „А то Лидочка дома можетъ заразиться“. И она цѣлыхъ два часа ѣздила. Только приѣхавъ домой, она вспомнила, что ничего не дала на чай сидѣлкѣ. Утромъ Матвей былъ въ больницѣ. Вернулся онъ оттуда свѣтлый. На кухнѣ его обступили, стали спрашивать, что и какъ.

Онъ радостно рассказывалъ, какъ его Катюша начинаетъ, пожалуй, поправляться. Признала его, обрадовалась. Спросила, гдѣ Колька, здоровъ ли. И очень много барынѣ благодарна за дозволеніе взять его на кухню.

— И такъ это хорошо и вольготно ей въ этой горницѣ лежать,—добавилъ онъ:—свѣтло да чисто!..

Горничная Анисья, взявшаяся присматривать до выздоровленія больной за ребенкомъ, передала все это барынѣ, подавая утренній кофе на серебряномъ подносѣ.

Варвара Сергѣевна приказала опять заложить лошадь.

Ночью ей все снилась больная Катерина. Все мерещились ей чудные, громадные черные глаза.

Быстро подошла Варвара Сергѣевна къ больной.

Не особенно пріятная картина ей представилась.

Больной расчесывали волосы. Ее посадили на постели и волосы распустили. Цѣлыми волнами, густыми и мягкими, распались они у нея по плечамъ и спинѣ.

Но спутались они за болѣзнь ужасно. Ихъ трудно было расчесывать. Сидѣлокъ было двѣ. Одна придерживала голову больной. Другая большимъ, но частымъ роговымъ гребнемъ проводила по волосамъ, собирая ихъ въ руку.

Это должно быть было больно. Совсѣмъ закатившіеся подъ лобъ глаза, голова, закинутаая навзничъ, стиснутые зубы, выраженіе страшнаго страданія на лицѣ—вотъ что свидѣтельствовало объ этомъ.

Запекшіяся губы шептали едва слышно:

— Что вы со мной дѣлаете, что дѣлаете... Отпустите, больно!..

Варвара Сергѣевна была поражена. Она стояла и не знала, что сказать, что сдѣлать.

Сидѣлки не обратили на нее вниманія.

— Что... вы дѣлаете?—произнесла она.

— Видите, причесываемъ. Докторъ причесать приказалъ, — недовольнымъ тономъ отвѣтила одна изъ сидѣлокъ.

И такъ при этомъ провела по волосамъ гребенкой, что цѣлая прядь ихъ осталась у нея въ рукѣ.

— А!..—простонала только больная.

На Варвару Сергѣевну этотъ стонъ произвелъ дѣйствіе электрическаго тока. Не помня, что дѣлаетъ, она швырнула куда попало привезенный для Катерины чай и сахаръ и кинулась къ ней. Одну сидѣлку она оттолкнула, у другой вырвала гребенку.

— Развѣ такъ причесываютъ! Звѣри вы, а не люди!—крикнула она:—звѣри! Я на васъ жаловаться буду!..

Она готова была разрыдаться.

На шумъ кто-то вошелъ въ палату спѣшно. Это былъ вчерашній фельдшеръ. И за нимъ почти тотчасъ же вбѣжалъ докторъ, Иванъ Ѳеодоровичъ, только-что передъ тѣмъ пріѣхавшій.

Докторъ подошелъ къ Варварѣ Сергѣевнѣ, сталъ ее успокаивать, спрашивать, что случилось.

Волнуясь и горячась, она рассказала ему все: какъ фельдшеръ ее вчера принялъ, какъ несли больную по лѣстницѣ, наконецъ вотъ только-что происшедшее.

Докторъ обѣщалъ принять всѣ мѣры къ улучшенію положенія больной, приставилъ къ ней новую сидѣлку, хорошую, которую онъ лично знаетъ.

Варвара Сергѣевна успокоилась. Новая сидѣлка ей понравилась. Она передала ей для больной чай и сахаръ и, уѣзжая, не забыла дать ей на чай.

Докторъ проводилъ ее до крыльца. Она общалась пріѣхать еще разъ въ сумерки.

Но ей не удалось. Петръ Николаевичъ былъ очень недоволенъ женой. Вернувшись со службы, онъ засталъ ее совсѣмъ больной. Нервы у нея расходились и голова болѣла.

— Представь себѣ, — начала она, какъ только онъ вошелъ въ ней въ будуаръ:—что у нихъ тамъ за порядки...

И она все рассказала ему, какъ было.

Ей серьезно было жалко Катерину и зло разбирало ее противъ всѣхъ этихъ служителей, сидѣлокъ, фельдшеровъ.

И онъ возмущился безпорядками больницы.

— Но зачѣмъ все-таки такъ волноваться? Ты знаешь свои нервы. Изъ того, что жена кучера больна, не слѣдуетъ, что и ты должна быть тоже больна.

Къ обѣду она не вышла. Петръ Николаевичъ обѣдалъ одинъ съ Лидочкой. Вечеромъ онъ все-таки уговорилъ жену ѣхать въ театръ. Неловко было не ѣхать: ложа была взята пополамъ—и тѣ, люди нужные, могли обидѣться. Не слѣдуетъ обижать людей.

Въ театрѣ шла новая оперетка. Понемногу веселая и игривая музыка одолѣла грустное настроеніе Варвары Сергѣевны.

Въ антрактѣ въ ихъ ложу вошелъ докторъ.

Заговорили о безпорядкахъ въ ихъ больницѣ. Петръ Николаевичъ поддерживалъ обвиненія жены съ шутливымъ отгѣнкомъ въ голосѣ, похлопывая доктора по колѣнѣ.

— Вотъ видите, докторъ, какіе у васъ ужасы тамъ творятся, а?—говорилъ онъ.

Докторъ защищался какъ могъ.

Это исключительный случай. Старшій врачъ больницы, Моргенбладтъ, просить передать Варварѣ Сергѣевнѣ, что фельдшеръ уже уволенъ, носильщики оптрафованы, сидѣлки тоже обѣ уволены.

Варвара Сергѣевна чувствовала себя почти удовлетворенной. Въ первый разъ въ жизни у нея не явилось желанія простить...

На слѣдующее утро Матвѣй рано побѣжалъ въ больницу.

Но въ покои его не пустили.

— Тамъ ея нѣтъ,—сказали ему.

— Гдѣ же?—спросилъ онъ.

— Въ мертвецкую теперь ступай; утромъ туда трехъ вынесли.

И твоя тамъ.

Позднѣе, когда Варвара Сергѣевна, проспавшая послѣ вчерашняго спектакля, приказала закладывать лошадей, ей доложили, что Матвѣй боленъ и ѣхать не можетъ.

Сказали, что онъ слишкомъ огорченъ смертью жены.

На Варвару Сергѣевну это извѣстіе произвело удручающее впечатлѣніе. Ея нервы не выдержали.

Петръ Николаевичъ не могъ понять, какъ она привязалась такъ къ какой-то женѣ вучера, который сегодня у насъ, а завтра нѣтъ, и начинать уже бояться, не заразилась ли Варвара Сергѣевна въ больницѣ. Но дня черезъ четыре Варвара Сергѣевна встала.

Горничная Анисья, съ нѣкоторой осторожностью, ей доложила, что Катерину похоронили; Матвѣя баринъ разочли за пьянство, а Кольку окрестили, и она, Анисья, оставила его у себя на воспитанье.

Докторъ Моргенбладтъ пріѣзжалъ съ визитомъ извиняться, но не былъ принятъ.

Кольва, конечно, скоро умеръ, а Матвѣй спился...

П. Слѣпцовъ.

РЕЛИГІЯ ИНДУСОВЪ

ВЪ

ЭПОХУ ВЕДЪ.

I.

Индія—это классическая страна религіознаго творчества. Она создала три великія религіозныя системы, не считая множества второстепенныхъ вѣроученій и сектъ, древнихъ и новыхъ. Изъ этихъ трехъ большихъ религій, двѣ существуютъ до сихъ поръ: это брахманизмъ и буддизмъ. Послѣдній получилъ даже значеніе всемірно-историческое. Третья религія, такъ-называемый *ведаизмъ*, которому и посвященъ настоящій очеркъ, хронологически предшествовала брахманизму и буддизму и представляла древнѣйшую форму религіознаго сознанія индусовъ ¹⁾. Она возникла въ незапамятныя времена изъ тѣхъ религіозныхъ основъ, которыя были общимъ достояніемъ индо-иранскаго (арійскаго) племени, а эти основы въ свою очередь возводятся къ соотвѣтственнымъ индо-европейскимъ.

Съ точки зрѣнія науки, изучающей религіозное сознаніе и религіозную жизнь человѣчества, ведаизму должно быть отведено весьма видное мѣсто въ ряду великихъ религіозныхъ системъ древности. Говоря такъ, я имѣю въ виду отнюдь не то *историческое* значеніе въ собственномъ смыслѣ слова, какое можетъ выпастъ на долю извѣстной религіи, а тотъ религіозно-психологи-

¹⁾ Хронологія эпохи „ведаизма“ можетъ быть опредѣлена лишь приблизительно и гадательно: ведаизмъ возникъ во времена незапамятныя и разложился, претворившись въ брахманизмъ, *отъродитно*, въ періодъ между 1000 и 800 гг. до Р. Х.

ческий интересъ, который представляетъ для науки всякая великая религія сама по себѣ, независимо отъ своихъ историческихъ судьбъ. Историческое значеніе ведаизма, сравнительно со всемірно-исторической ролью Библии или буддизма представляется ничтожнымъ. Онъ не распространялся среди другихъ народовъ, не вліялъ на другія религіи, не выступалъ на всемірно-исторической сценѣ. Въ эпоху, когда эллинскій міръ впервые вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Индіей (послѣ походовъ Александра Македонскаго), ведаизмъ уже не существовалъ, какъ система: отъ него оставался только мифологическій и обрядовый матеріалъ, вошедшій въ обиходъ брахманизма. На историческую и международную арену выступила Индія брахманическая и буддійская, Индія же *ведаическая* развивалась и отцвѣла въ тиши, въ сторонѣ отъ историческаго движенія народовъ и событій, въ глуши Пенджаба, гдѣ въ ту эпоху сосредоточивались поселенія индусовъ, въ странѣ, которую они называли страной семи рѣкъ (*sapta sindhavas*). Эти „арійцы“, какъ они себя называли, были молодое, бодрое, жизнерадостное племя, еще чуждое тѣхъ крайностей мистицизма, аскетизма и пессимизма, которыми такъ рѣзко характеризуется индійская нація въ послѣдующіе періоды. Зато уже сказывалась другая характерная черта этого народа, такъ своеобразно и богато одареннаго: это именно—выдающіяся философскія способности, склонность къ отвлеченному мышленію и искусственной систематизаціи вѣрованій, въ силу чего простодушная и несложная религія, которую они вынесли изъ прародины, развилась у нихъ въ сложную и искусственную систему, разработанную до мелочей и представляющую одну изъ любопытнѣйшихъ формъ религіознаго сознанія, какія когда-либо были созданы религіознымъ гениемъ народовъ.

Экономическая, общественная, политическая жизнь арійцевъ Пенджаба была еще очень примитивна сравнительно съ древними цивилизаціями Египта или Месопотаміи. Занимались они преимущественно скотоводствомъ, а также и земледѣліемъ, и жили общинами, во главѣ которыхъ стояли князья; общины группировались въ союзы общинъ, и во главѣ союзовъ стояли особые верховные князья, очевидно, располагавшіе значительными военными силами. Эти союзы составлялись въ виду необходимости соединенными силами бороться съ дикими не-арійскими туземцами края, съ которыми арійцы находились въ вѣчной враждѣ, оспаривая у нихъ пастбища, источники, колодцы и иныя угодья. Нѣтъ сомнѣнія, что зачастую арійскимъ общинамъ приходилось изъ-за тѣхъ же благъ воевать и другъ съ другомъ. Вообще это

была эпоха борьбы и завоеваній, живо напоминающая эпоху покоренія Палестины народомъ израильскимъ. *Кастъ* еще не было, но ихъ эмбрионъ уже былъ на-лицо—въ постоянномъ обособленіи сословій: военнаго и въ особенности жреческаго. Жрецы довольно рано организовались въ особый классъ, причемъ жреческія функціи передавались изъ рода въ родъ. Въ ихъ рукахъ былъ *культъ*, который они разработали до мелочей, и благодаря которому они приобрѣтали все большее и большее значеніе и вліяніе. Эти жреческіе роды и были главнымъ образомъ носителями тѣхъ философскихъ дарованій, о которыхъ я упомянулъ выше; систематизація миеовъ и вѣрованій, разработка доктрины была ихъ традиціоннымъ дѣломъ. Они же слагали тѣ многочисленные „гимны“ богамъ, которые благоговѣнно передавались изъ рода въ родъ и въ послѣдствіи были записаны и собраны въ особые сборники, получившіе названіе Ведъ (*Veda*—вѣденіе, знаніе); первое мѣсто въ ряду этихъ сборниковъ принадлежитъ тому, который получилъ названіе *Rig-Veda* (*rgveda*), „Веда гимновъ“. Здѣсь собрано болѣе тысячи гимновъ, и весь этотъ матеріалъ раздѣленъ на десять частей, называемыхъ „кругами“ (*mandala*). Этотъ кодексъ молитвенныхъ формулъ, славословій, эпическихъ отрывковъ, легендъ, миеовъ и также философско-религіозныхъ стихотвореній, есть результатъ коллективной работы цѣлаго рода жреческихъ поколѣній отъ временъ незапамятныхъ вплоть до послѣднихъ годовъ ведаизма, когда послѣдній уже переходилъ въ брахманизмъ. Мы находимъ здѣсь и наивную „молитву“ дикаря, и философскія мысли уже весьма развитого ума, и миеы, восходящіе къ индо-европейской древности, и новыя легенды специально-индійскаго происхожденія,—старыхъ боговъ, роднящихся съ греческими, иранскими и др., и боговъ новыхъ, которыхъ не знала индо-европейская древность. Старое, исконное является здѣсь въ новой обработкѣ; новое построено по шаблону стараго; идеи глубокой древности, грубыя и наивныя, часто осмыслены и облагорожены, обряды осложнены, древніе культы (напр., Огня) получили новую жизнь и могучее развитіе,—и во всемъ этомъ видны движеніе и жизнь, работа мысли, развитіе религіознаго чувства, постепенное расширеніе кругозора; это—своеобразная картина религіозной жизни въ ея развитіи, вѣковая работа умовъ,—и памятникъ, въ которомъ все это сложено, по справедливости долженъ быть признанъ однимъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ древности, который не по своему историческому значенію, а по внутреннему, психологическому интересу смѣло

можетъ быть поставленъ на ряду съ другими великими памятниками древности, каковы Библия, Авеста, поэмы Гомера.

Религія Ведъ есть политеизмъ, во многомъ напоминающій политеизмъ древнихъ грековъ. Вотъ перечень и классификація важнѣйшихъ божествъ, къ которымъ обращены гимны Ригъ-Веды.

1) *Божества культовая*: *Аgni*—священный огонь (у грековъ ему отвѣчаютъ Гефестъ и Прометей, а также Гермесъ и Аполлонъ); *Сомā*—божество опьяняющаго напитка (у грековъ—Вакхъ—Діонисъ); *Брахманаспати*—владеа молитвы, божество жрецское по преимуществу; *Вачъ* (Vas)—богиня Рѣчи и др.

2) *Божества космическія*: *Земля* и *Небо* (греч. Уранъ и Гайя); *Сурья* (Surya)—солнце; *Савитаръ* (Savitar)—солнце-оплодотворитель; *Ушасъ* (Ushas)—заря и др.

3) Группа божествъ, имѣвшихъ первоначально значеніе преимущественно *культурное* и *этическое* и носящихъ названіе „сыновъ Адити“ (богини безпредѣльности): *Варуна* (защитникъ); *Митра* (другъ); *Бхага* (благодѣтель, даритель благъ); *Арьяманъ* (другъ); *Аиша* (распредѣлитель).

4) *Божества грозы, бурь и войны*: *Индра*—грозовое божество, предводитель и покровитель арійцевъ въ ихъ борьбѣ съ не-арійскими племенами Пенджаба, съ теченіемъ времени (въ цвѣтущую эпоху ведаизма) признанный верховнымъ богомъ, владыкой боговъ (у грековъ ему отвѣчаетъ *Зевсъ*, но между ними нѣтъ мифологическаго родства); *Маруты*—божества вѣтровъ, и *Рудра*—ихъ отецъ.

5) *Божества, которыхъ природа и происхождение неясны*: два *Ашвина*, три *Рибху* (Rbhu) и др.

Съ точки зрѣнія относительной древности эти божества распредѣляются такъ: древнѣйшими, восходящими въ индо-европейскую древность, должны быть признаны Агни, Сомā и всѣ божества космическія (прежде всего Земля, Небо, Солнце, Заря); затѣмъ слѣдуютъ божества, восходящія не къ индо-европейской, но къ *индо-иранской* (арійской) древности,—общія индусамъ и иранцамъ, т.-е. такія, концепція которыхъ сложилась въ эпоху, когда эти два народа, выдѣлившись изъ индо-европейскаго пранарода, жили еще общей жизнью, образуя одно племя. Таковы божества: Варуна, которому отвѣчаетъ авестійскій Ahuro (Ормуздъ) и Митра, отвѣчающій авестійскому Mithro. Далѣе идутъ божества специально-индійскаго происхожденія, т.-е. такія, въ которыхъ мы можемъ открыть только нѣкоторые атрибуты, возводящіеся къ индо-иран-

ской или индо-европейской древности, но и концепція, и важнѣйшія черты являются индійскими новообразованиями. Таковы прежде всего Индра, а также Брахманаспати, Ашвины и нѣкоторые другіе.

Это общая схема ведійскаго политеизма. Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы раскрыть и прослѣдить основныя идеи и важнѣйшіе мифологическіе образы этой религіи въ ихъ историческомъ развитіи и въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ. И прежде всего мы постараемся изобразить то начало, которое лежитъ „во главѣ угла“, центральную идею ведаизма, душу этой религіи. Ибо во всякой религіозной системѣ есть своя основная идея, къ которой тяготеетъ все содержаніе религіи. Въ иудаизмѣ — единобожіе и мессіаниззмъ; въ маздеизмѣ (религія Зороастра) — дуализмъ, и т. д. Въ ведаизмѣ такимъ центральнымъ пунктомъ является своеобразная идея *культа* и теософія культовыхъ божествъ — Агни и Сомы ¹⁾.

II.

Погоня за вогами.—„Молитва“.

Въ первомъ стихѣ гимна IV, 29 — мы находимъ слѣдующее обращеніе къ Индрѣ: „О, Индра, прійди къ намъ, минуя многочисленныя возліянія врага!“ Индра — національное божество арійцевъ эпохи Ведъ; онъ неизмѣнно держитъ ихъ сторону въ борьбѣ съ не-арійскими племенами Пенджаба; эти послѣднія, называемыя *дасью* (*dasu*), его услугами не пользуются, не поклоняются ему, не приносятъ ему жертвенныхъ даровъ и возліаній; онъ не ихъ богъ, онъ — богъ арійцевъ. Итакъ, „врагъ“, о которомъ говорится въ нашемъ стихѣ, это — не *дасью*, это — тѣ же арійцы. Враждуютъ между собою два арійскихъ племени (или два союза арійскихъ общинъ); оба наперерывъ другъ передъ другомъ стараются привлечь Индру на свою сторону. Къ какимъ же средствамъ прибѣгаютъ они для привлеченія Индры? Они пользуются жертвоприношеніями, возліаніями, гимнами, однимъ словомъ — силою *культа*. Смыслъ стиха сводится къ пожеланію, чтобы Индра не поддавался чарамъ культа, совершаемаго „врагомъ“ и

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи всѣ цитаты взяты изъ Ригъ-Веды, при чемъ римскія цифры обозначаютъ соотвѣтственную часть Ригъ-Веды, арабскія же — перъ на — гимнъ, а вторая — стихъ, напр., IV, 29, 1: первый стихъ 29-го гимна IV-ой кн. Ригъ-Веды.

пришелъ къ „намъ“, переводя буквально, — „черезъ“ или „связь“, многочисленныя возліанія врага.

Подобныя же обращенія мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ стихѣ VII, 28, 1—говорится: „прійди къ нашей молитвѣ... Всѣ люди съ разныхъ сторонъ призываютъ тебя, но ты услышь именно насъ“. Слова эти обращены къ тому же Индрѣ. Это самый популярный богъ арійцевъ, и всѣ арійскія племена и общины наперерывъ стремятся воспользоваться его помощью, его покровительствомъ.

Но между этими двумя стихами, которые мы привели, усматривается слѣдующее, не лишнее интереса, различіе. Въ первомъ изъ нихъ (IV, 29, 1) ясно говорится о „врагѣ“, и, по смыслу стиха, Индрѣ по необходимости приходится выбирать между двумя сторонами: онъ не можетъ поддерживать обѣ стороны. Во второмъ стихѣ (VII, 28, 1) нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эти „всѣ люди“, наперерывъ взывающіе къ Индрѣ, находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Всѣмъ нуженъ Индра и всѣ обращаются къ нему. Но въ такомъ случаѣ почему же Индра такъ настойчиво приглашается „услышать именно насъ“, при чемъ подразумѣвается: „а не другихъ“? Развѣ онъ не могъ бы одновременно внять мольбѣ всѣхъ или многихъ? Въ томъ-то и дѣло, что онъ, такъ сказать, физически не въ состояніи сдѣлать этого. По понятіямъ эпохи, божество дѣйствуетъ не иначе, какъ движимое силою культа, при чемъ оно должно *самолично* явиться къ жертвоприношенію; вкусивъ жертвенные дары, возліанія и гимны, выслушавъ моленія тѣхъ, которые совершили культъ, оно нѣкоторымъ образомъ *обязуется* или *принуждается* исполнить то, о чемъ его просятъ. Понятно, что, разъ божество услышало однихъ и явилось къ нимъ, ео ipso оно отвернулось отъ другихъ. На многочисленныя обращенія смертныхъ Индра могъ бы отвѣтить: не разорваться же мнѣ! Ведійскіе боги (за изытіемъ Агни, Сомы и нѣкоторыхъ другихъ, — о чемъ будетъ рѣчь ниже) въ строгомъ смыслѣ не вездѣсущи и не всемогущи ¹⁾.

Есть сила—выше ихъ, которая способна связать ихъ волю: это сила культа. Вышеприведенный стихъ, гдѣ сказано: „услышь

¹⁾ Эпитеты, указывающіе на всемогущество божествъ, встрѣчаются нерѣдко, но въ большинствѣ случаевъ они употреблены въ весьма условномъ смыслѣ. Не нужно упускать изъ вида также и того обстоятельства, что авторы ведійскихъ гимновъ часто нагѣренно *льстятъ* данному божеству, приписывая ему такіе атрибуты, которые не вытекаютъ изъ его сущности. Сюда относится между прочимъ перенесеніе атрибутовъ одного божества на другое.

именно насъ“, взятый отдѣльно, могъ бы вызвать въ насъ представленіе, что Индра воленъ внять или не внять. Но такое представленіе было бы ошибочнымъ. Вся совокупность данныхъ Риг-Веды свидѣтельствуетъ о томъ, что не отъ Индры зависитъ услышать или не услышать. Истинный смыслъ обращенія яснѣе выставленъ на видъ въ другомъ стихѣ VII, 32, 1: „да не удержатъ тебя вдали отъ насъ даже жрецы—вагхаты ¹⁾); прійди къ нашему жертвенному пиршеству хотя бы издалека, или услышь насъ, если ты находишься по-близости“. Гдѣ-то тамъ далеко жрецы-вагхаты пускаютъ въ ходъ всѣ силы культа, чтобы удержать Индру и воспользоваться его благодѣяніями; но „мы“ въ свою очередь снарядили такой грандіозный культъ, который способенъ привлечь Индру къ „намъ“ даже издалека. Чѣмъ дальше божество, тѣмъ труднѣе его привлечь, тѣмъ громче, такъ сказать, долженъ быть голосъ культа, чтобы магическое заклинаніе „прійди къ намъ“ могло воздѣйствовать на божество. Эти обращенія: „прійди“, „услышь“, и т. п. суть именно „заклинанія“, которыя связываютъ волю божества, а не просьбы, которымъ оно вольно внять или не внять. Индра придетъ къ тѣмъ, чей культъ окажется сильнѣе, чьи заклинанія—могущественнѣе. „Какъ стрѣлокъ далеко бросаетъ стрѣлу“,—читаемъ мы въ стихѣ X, 42, 1,—„такъ вознеси ему (Индрѣ) гимнъ, искусно его (гимнъ) снаряжая. Рѣчью, о, жрецы, побѣдите рѣчь врага! Пѣвецъ, останови Индру у напитка Сомы!“

Индру именно нужно „остановить“. Буйный богъ грозы, онъ мчится, какъ слѣпая сила природы, окруженный сонмомъ воинственныхъ Марутовъ, божествъ вѣтровъ и бурь; онъ мчится, привлекаемый заклинаніями противниковъ; нужно напрячь всѣ силы культа, нужно пустить въ него заколдованной стрѣлою гимна, —быть можетъ, онъ остановится, быть можетъ—удастся перехватить его по дорогѣ и удержать у себя. Это дѣло не легкое. Приходится конкурировать со многими соискателями. Всюду, у всѣхъ племенъ арійскихъ, возжены священные огни для жертвоприношенія Индрѣ, всюду раздаются по его адресу молитвенныя формулы, заклинанія, хвалебныя гимны. „Много людскихъ возліаній“ — говоритъ стихъ X, 89, 16—„(много) молитвъ поющихъ жрецовъ очаровали тебя (Индру); (но) прійди къ намъ сюда на помощь, минуя всѣхъ (другихъ) поющихъ (тебѣ), внимая (толь о) этому (нашему) общему воззванію!“ Это было, вѣроятно, торжественное священнодѣйствіе, снаряженное жрецами-представителями

¹⁾ Особое названіе жрецовъ, а можетъ быть, и особый ихъ разрядъ.

нѣсколькихъ общинъ, составившихъ союзъ въ виду преслѣдованія какой-либо общей цѣли (напр., для борьбы съ дасью). И вотъ они стараются такъ или иначе привлечь Индру къ себѣ (ибо какое можетъ быть предпріятіе безъ Индры!), т.-е. отбить его отъ другихъ. Такое же стремленіе отбить Индру находимъ и въ стихѣ X, 160,1: „о, Индра, да не останавятъ (удержать) тебя другіе, приносящіе жертву“... Тутъ же Индра приглашается распречь коней и приняться за напитокъ Сомы, ему приподнесенный.

Подобная же конкуренція происходила и по отношенію къ другимъ божествамъ. Такъ, въ стихѣ V, 77,2—читаемъ: „совершайте жертвоприношеніе Ашвинамъ рано утромъ, торопите ихъ—Ашвиновъ)... Другой, кромѣ насъ, также приноситъ (имъ) жертву, и кто жертвуетъ раньше другихъ, тотъ и получаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ о тѣхъ же Ашвинахъ сказано, что во многихъ мѣстахъ (или многократно) призываютъ ихъ моленіями, но—„прійдите къ нашимъ возліаніямъ“; „другіе священнодѣйствующіе да не овладѣютъ вами“ (VII, 69,6). „Зачѣмъ (взываетъ жрецъ Ватса изъ рода Канвовъ въ стихѣ VIII, 8,8) другіе, кромѣ насъ, осаждаютъ васъ хвалебными пѣснями? Сынъ Канвы, жрецъ Ватса, укрѣпилъ васъ гимнами“. Этотъ очевидно вполне полагается на силу *своего* культа по крайней мѣрѣ по отношенію къ Ашвинамъ: зачѣмъ другіе воспѣваютъ Ашвиновъ? Вѣдь это напрасно: нашъ культъ сильнѣе,—они прійдутъ къ намъ. Но не всѣ такъ самонадѣянны, и въ другихъ мѣстахъ этого рода довольно ясно звучитъ нота нѣкотораго безпокойства, какъ бы другіе не задержали искомое божество, напр., въ стихахъ IV, 44,5 („да не овладѣютъ вами, Ашвинами, другіе благочестивые“); VII, 65,9 („пренебреги (Индра) всѣми (прочими) благочестивыми, вдохновенными жрецами (или жрецами врага), прійди скорѣе!); VIII, 66,12 („прійди, о, мощный, даже мимо возліаній врага, услышь мой зовъ“) и т. д.

Понятіе „молитвы“, которое мы можемъ извлечь изъ этихъ и подобныхъ обращеній къ божеству, далеко не совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы привыкли соединять со словомъ: „молитва“. Это не моленія въ собственномъ смыслѣ, это почти приказанія, но только особаго рода: ихъ можно удобнѣе всего назвать „заклинательными формулами“. Въ ту отдаленную эпоху аріицы Пенджаба еще не достигли той ступени развитія, на которой люди впервые начинаютъ молиться. Настоящая молитва начинается тогда, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію своего ничтожества передъ всемогуществомъ божества, когда онъ въ глубинѣ души миряется передъ божественною волею и обращается къ божеству

не иначе, какъ съ полной покорностью и глубокимъ благоговѣніемъ. Напрасно будемъ мы искать въ гимнахъ Ведъ выраженія этихъ чувствъ. Ведійскія отношенія человѣка къ божеству совсѣмъ иныя. Человѣкъ еще не созналъ своего ничтожества; онъ считаетъ себя если не равнымъ божеству, то нужнымъ ему. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ человѣка находится нѣчто такое, безъ чего боги не могутъ обойтись, сила, которая необходима богамъ, которая ихъ питаетъ, поддерживаетъ ихъ божественную мощь и даже ихъ безсмертіе. Эта сила есть *культъ* вообще и „молитва“ (въ ведійскомъ смыслѣ) въ частности. Ясное дѣло, что такое понятіе „молитвы“, какъ чего-то необходимаго самому божеству, не есть *наше* понятіе молитвы. Оно не заключаетъ въ себѣ тѣхъ представленій смиренія, покорности, благоговѣнія, которыя съ нашей точки зрѣнія должны непременно входить въ это понятіе. Оно ставитъ человѣка на одну доску съ божествомъ и устанавливаетъ между ними отношенія двухъ договаривающихся сторонъ.

Постараемся же ближе опредѣлить сущность ведійской „молитвы“, т.-е. тѣ психологическіе моменты, выраженіемъ которыхъ она была.

III.

МОЛИТВА—ЧАСТЬ КУЛЬТА.—СИЛА КУЛЬТА.

Первое, что необходимо установить, какъ правило, сводится къ слѣдующему: молитва еще не отдѣлена отъ культа. Изучая многочисленные гимны Ригъ-Веды, мы убѣждаемся, что индусы того времени „молились“ не иначе, какъ совершая извѣстные обряды жертвоприношенія. Молитва—это только одна изъ частей культа. Сама по себѣ, независимо отъ послѣдняго, она немислива: она потеряла бы всю свою силу, не дошла бы до божества, не могла бы на него воздѣйствовать.

Итакъ, выяснить ведійское понятіе о силѣ молитвы можно только въ связи съ общимъ понятіемъ о силѣ культа. Это послѣднее раскроется само собою по мѣрѣ того, какъ мы будемъ знакомиться съ природою культовыхъ божествъ—Агни и Сомъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изученію этихъ божествъ культа, необходимо сгруппировать нѣсколько мѣстъ изъ гимновъ, чтобы читатель могъ составить себѣ наглядное представленіе о томъ, какую силу и какую роль приписывали индусы эпохи Ве къ культу вообще и „молитвѣ“ въ частности.

Въ стихѣ III, 32,11, прославляется одинъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ Индры — убіеніе „змѣи“ (подъ которой, вѣроятно, понималась туча). Въ слѣдующемъ стихѣ 12, въ концѣ, прямо сказано, что при совершеніи этого подвига палицѣ Индры помогло жертвоприношеніе, а въ началѣ стиха — что жертвоприношеніе и приподнесеніе напитка Сомы было для Индры укрѣпляющимъ средствомъ. Далѣе, въ стихѣ 13-мъ, сказано: „посредствомъ жертвоприношенія я привлекъ Индру; я могъ бы склонить его къ новому благодѣянію, его, который укрѣпился гимнами древними, средними и нынѣшними“. Это одно изъ наиболѣе категорическихъ мѣстъ. Боги получаютъ свою силу, крѣпость, ростъ и пр. отъ культа. Не лишне будетъ обратить вниманіе на нѣкоторые термины, употребленные здѣсь, тѣмъ болѣе что они принадлежатъ къ числу обычныхъ. Выраженія, которыя я передалъ словами „укрѣпляющее средство“ и „укрѣпился“, произведены отъ корня *vardh*, котораго основное значеніе — *рости*. Отъ него мы имѣемъ производное *vardhana*, употребленное въ нашемъ мѣстѣ и обозначающее, какъ прилагательное, „дающій ростъ“, „укрѣпляющій“, „развивающій“, а какъ существительное — „средство, дающее ростъ“, „сила, благопріятствующая развитію“. Культъ для божества есть именно такое средство или сила, такое *vardhanam*. Боги подѣйствіемъ культа „ростутъ“, „развиваются“, „крѣпнутъ“, „благоденствуютъ“. Эти отгѣнки выражаются обыкновенно разными формами, произведенными отъ того же корня *vardh*. Такъ напр., въ стихѣ VIII, 95,6, сказано: „прославимъ этого Индру, котораго возростили гимны“. Мы бы совершенно исказили смыслъ стиха, еслибы санскритскій терминъ *vavrdhur* (взростили, взлелѣвали, укрѣпили) перевели бы: „возвеличили, прославили“ и т. п. Насколько такой переводъ былъ бы слабъ, это, помимо всего прочаго, можно усмотрѣть изъ сопоставленія приведеннаго стиха съ параллельнымъ ему стихомъ VIII, 6,35, гдѣ стоитъ тотъ же самый глаголъ (*vavrdhur*) и употребленъ для обозначенія гимновъ тотъ же терминъ, что и тамъ (*uktha*). Последній стихъ гласитъ: „Индру взростили (упитали) гимны, какъ рыбки — океанъ“.

Въ стихѣ VII, 19,11, пѣвецъ обращается къ Индрѣ съ пожеланіемъ, чтобы онъ возросъ „или укрѣпился“ (опять тотъ же глаголъ *vardh*) тѣломъ, *поощряемый* или *побуждаемый молитвою*. Подчеркнутое выраженіе употреблено также въ стихѣ III, 31, 1, гдѣ между прочимъ сказано: „Индра, поощренный (побужденный) молитвою, возросъ (окрѣпъ) тѣломъ и наполнилъ собою два міра (небо и землю)“. Въ слѣдующемъ же стихѣ 2-мъ говорится: „я

возношу „рѣчь“ (т.-е. молитву, гимнъ), какъ поощреніе для тебя, мощнаго воителя, снаряжая (тебя) къ безсмертію“.

Итакъ, Индра получаетъ отъ культа вообще и отъ „молитвы“ въ частности, такъ сказать, толчокъ, импульсъ, побуждающій его развиваться, расти, крѣпнуть. Мало того: культомъ, гимнами, „молитвами“ жрецъ „снаряжаетъ“ Индру для безсмертія. Вотъ идея, которая не можетъ не показаться намъ еще болѣе странной и чуждой нашему религиозному чувству, чѣмъ та, что культъ, молитвы, гимны являются для божества источникомъ „роста“ и силы. А между тѣмъ разстояніе между этими двумя идеями не такъ уже велико, и если мы приѣмемъ одну, то намъ не трудно будетъ, при нѣкоторомъ усилии, отрѣшиться отъ современныхъ понятій, постичь и другую, въ особенности когда мы ближе ознакомимся съ ведійскимъ понятіемъ „безсмертія“. Къ анализу этого послѣдняго мы обратимся немного ниже, а пока я укажу здѣсь только на слѣдующую черту, которая поможетъ намъ разобраться въ этихъ столь чуждыхъ намъ воззрѣніяхъ. Въ вышеприведенномъ выраженіи стиха III, 34, 2: „я возношу рѣчь—какъ поощреніе тебѣ, могучему воителю“, сквозитъ представленіе о томъ, что хотя Индра есть самъ по себѣ, по природѣ своей, независимо отъ культа, могучій воитель, но „рѣчь“ все-таки ему необходима, какъ толчокъ, какъ нѣкоторое поощряющее, укрѣпляющее, вдохновляющее средство, благодаря которому этотъ герой получаетъ возможность обнаружить и развернуть свою мощь. То же самое проглядываетъ и въ выраженіи стиха X, 116, 5: „тебѣ, мощному, я даю мощь и силу“. Индра могучъ самъ по себѣ, но этой природной мощи еще недостаточно; она какъ бы находится въ скрытомъ видѣ, въ потенциальномъ состояніи; жрецъ чарами культа содѣйствуетъ ея обнаруженію, ея дальнѣйшему развитію, а главное, онъ овладѣваетъ ею и направляетъ ее такъ, какъ то выгодно для людей. Такое же заключеніе мы вынесемъ также изъ стиха X, 120, 5, гдѣ между прочимъ сказано: „я побуждаю (привожу въ дѣйствіе) твои оружія посредствомъ гимновъ („рѣчей“), я изощряю твои силы молитвою“. Равнымъ образомъ и *безсмертіе* боговъ требуетъ поддержки со стороны культа. Боги безсмертны, такъ сказать, потенциально; посредствомъ культа это безсмертіе, если можно такъ выразиться, реализуется. Оно стоитъ къ культу въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и ихъ „ростъ“, „сила оружіе“. Вамъ, — говорится въ стихѣ X, 52, 5, — доставляю посредствомъ жертвы мощное безсмертіе, съ тѣмъ, чтобы дѣ вамъ, о, боги, просторъ (благоденствіе); я бы желалъ вложить

палицу въ руки Индры, чтобы онъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ битвъ!”

Послѣ всего сказаннаго читатель могъ достаточно ознакомиться съ общимъ понятіемъ ведійской „молитвы“. Теперь я укажу на тѣ термины, которыми чаще всего обозначаются въ гимнахъ Ригъ-Веды разные виды словесныхъ обращеній къ боже-ству. Чаще всего употребляются, какъ своего рода техническіе термины, слова: *gig* (гиръ)—собственно „голосъ“, „пѣніе“; *vas* (вачъ)—собственно рѣчь, пѣніе; *brāhman* (брахманъ)—„экстазъ“; *dhi* (дхи)—мысль, желаніе, намѣреніе, стремленіе; *dhiti*—то же самое, и нѣкоторыя другія слова для обозначенія разнаго рода обращеній къ божеству, преимущественно призывныхъ, поощрительныхъ, просительныхъ, благодарственныхъ, а также и хвалебныхъ; но для послѣднихъ, для славословій въ собственномъ смыслѣ, существуетъ специальный терминъ: *stoma* (стома)—хвала, прославленіе, гимнъ.

Эта терминологія довольно наглядно рисуетъ намъ ведійское понятіе молитвы. Ведійская „молитва“ прежде всего есть *vas* и *gig*, т.-е. она непременно должна быть выражена въ словахъ и пропѣта. Оба термина выражаютъ въ себѣ представленія рѣчи и пѣнія. Индусы эпохи Ведъ не имѣли понятія о молитвѣ мысленной, о молитвенномъ настроеніи независимо отъ его выраженія въ словѣ и пѣніи. Ибо въ такомъ случаѣ какъ же божество услышитъ молитву? Мало того: такая молитва, еслибы даже она какъ-нибудь и дошла до божества, не подѣйствуетъ на него, потому что она дѣйствуетъ именно своими словами,—ихъ звуками, ритмомъ рѣчи, чарами этого ритма. Вотъ эти-то чары и ихъ воздѣйствіе на душу и обозначались вышеприведеннымъ терминомъ *brāhman*.

„Молитвы“ понимались какъ нѣчто объективное, независимое отъ молящагося человѣка; это отнюдь не просто функція души человѣческой, это—какъ бы самостоятельныя и къ тому же одаренныя сверхъестественной силою существа, которыми люди пользуются въ своихъ сношеніяхъ съ богами, потому что эти существа, эти „богини рѣчи“ обладаютъ особой магической силой—дѣйствовать на волю боговъ. Однимъ словомъ, „молитвы“ и гимны были объективированы и обоготворены. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомимся съ нѣкоторыми мифологическими образами, откуда относятся. Теперь же намъ нужно выяснитъ ведійское понятіе бессмертія, мимоходомъ затронутое выше; это необходимо, между прочимъ, для правильнаго пониманія ведійской идеи культа.

IV.

БЕЗСМЕРТІЕ БОГОВЪ И ЛЮДЕЙ.

Безсмертіе—это отличительный признакъ боговъ. Боги и богини, обоготворенныя явленія природы, разные атрибуты божествъ—очень часто опредѣляются эпитетами *amṛta* (амрта) и *amartya* (амартья)—безсмертные; люди же, въ противоположность божествамъ, называются *marta*, *martya*—смертные. Это различіе между „двумя племенами“, какъ называются въ гимнахъ Ригъ-Веды люди и боги, проведено съ достаточной отчетливостью и послѣдовательностью. Но при всемъ томъ разстояніе между безсмертіемъ божествъ и смертностью людей, съ ведійской точки зрѣнія, далеко не такъ велико, какъ мы могли бы думать.

Боги безсмертны, но ихъ безсмертіе не обходится безъ поддержки со стороны культа, а культъ находится въ рукахъ людей; стало быть, люди являются нѣкоторымъ образомъ блюстителями безсмертія боговъ. Божество какъ бы ждетъ отъ смертныхъ подтвержденія и признанія своего безсмертія, какъ и другихъ своихъ атрибутовъ. Эта черта съ особенной наивностью сказана въ стихѣ VIII, 93, 5, обращенномъ къ Индрѣ: „когда же, о, истинный владыка, мощно-возросшій, ты думаешь о себѣ такъ: „да не умру я“,—то это у тебя вполнѣ вѣрно (основательно)“. Безъ такого подтвержденія и безъ поддержки со стороны культа, безсмертіе Индры могло бы истощиться, изсякнуть, какъ это могло бы случиться, напр., съ его силою, храбростью и т. д. Совершая для того или другого божества таинство культа, актъ жертвоприношенія, человекъ, по выраженію стиха III, 34, 2, „снаряжаетъ его, это божество, для безсмертія“.

На чемъ же зиждется эта таинственная сила культа?

Первоисточникъ безсмертія, это *священный огонь* (Агни). Онъ именуется безсмертнымъ (*amṛta*, *amartya*) не только какъ богъ, какъ всякое божество, но и какъ источникъ безсмертія для другихъ боговъ. Въ этомъ смыслѣ онъ называется также „стражемъ“ и „хранителемъ“ безсмертія, напр., въ стихахъ VI, 7, 7 и VI, 9, 3. Въ стихѣ же VI, 7, 4, мы находимъ такое обращеніе къ огню: „твоею силою (боги) достигли безсмертія“.

Какъ образовалось такое воззрѣніе на огонь, это мы постараемся рассмотреть ниже. Пока примемъ это какъ фактъ: онъ дастъ намъ ключъ къ объясненію таинственной силы культа—поддерживать безсмертіе боговъ. Дѣло въ томъ, что *огонь* съ

по преимуществу *божество культа*; онъ образуетъ необходимую основу, безъ которой немыслимо никакое священнодѣйствіе. Все, что люди приподносятъ богамъ въ актѣ жертвоприношенія, проходитъ черезъ священный огонь, который служитъ посредникомъ между людьми и богами. Такимъ образомъ въ таинствахъ культа боги вступаютъ въ непосредственное общеніе съ огнемъ, этимъ первоисточникомъ и хранителемъ безсмертія. Вотъ почему культъ можетъ оказывать поддержку безсмертію боговъ, и вотъ почему слабый смертный, совершая таинство жертвоприношенія, имѣетъ полное право сказать божеству: я снаряжаю тебя для безсмертія.

Но въ культѣ есть еще одинъ источникъ безсмертія. Это — священный напитокъ Сомы, который составляетъ необходимую принадлежность священнодѣйствія. Сома есть божество не только опьянѣнія, экстаза, пѣнія, поэзіи, но также и безсмертія, какъ и Агни. Онъ именуется безсмертнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Огонь, т.-е. онъ безсмертенъ не только самъ по себѣ, но является также источникомъ безсмертія для боговъ. Это прямо сказано въ стихѣ IX, 106, 8: „боги выпили тебя для безсмертія“.

Итакъ, культъ является для боговъ поддержкою ихъ безсмертія, потому что онъ зиждется на Огнѣ, и потому также, что Сома составляетъ его неотъемлемую принадлежность.

Но благодареніями культа пользуются не одни боги, — ими пользуются и люди. Можно даже сказать, что культъ есть учрежденіе, имѣющее въ виду преимущественно благо людей. Онъ оказываетъ извѣстныя услуги богамъ, обязуя ихъ тѣмъ самымъ покровительствовать и помогать людямъ. Но, помимо этого, люди непосредственно извлекаютъ извѣстныя выгоды изъ культа, участвуя вмѣстѣ съ богами въ „жертвенномъ пиршествѣ“, вкушая жертвенную пищу и напитокъ Сомы. Они, стало быть, также и „пріобщаются“ Огню и Сомѣ, этимъ первоисточникамъ безсмертія. Неужели же это пріобщеніе можетъ не отразиться на ихъ смертной природѣ? Ясное дѣло, что оно не можетъ пройти безслѣдно, и человѣкъ такимъ путемъ пріобрѣтаетъ своего рода безсмертіе.

Въ чемъ же состоитъ это безсмертіе смертныхъ?

Прежде всего оно сводится къ *размноженію потомства*. Стихъ V, 4,10, гласитъ: „я, считающій себя смертнымъ, взываю къ тебѣ, безсмертному: о, Джатаведасъ (мудрецъ, „знающій существа“ — эпитетъ Агни), дай намъ славу, — да достигну я безсмертія потомствомъ!“ Въ стихѣ I, 31,7, находимъ слѣдующее: „ты, о, Агни, ежедневно сообщашь смертному высшее безсмертіе и славу“. Здѣсь опять на-ряду съ „безсмертіемъ“ говорится о „слави“: это не что иное, какъ увѣковѣченіе имени въ потом-

ствѣ, это почти синонимъ „человѣческаго безсмертія“, которое состоитъ въ продленіи рода. *Слава*, о которой такъ часто говорится въ гимнахъ Ригъ-Веды, о дарованіи которой такъ часто молятъ боговъ авторы гимновъ, обозначаетъ такимъ образомъ жизнь въ потомствѣ, а жизнь въ потомствѣ есть своего рода безсмертіе. По понятіямъ эпохи, это одно изъ величайшихъ благъ, какія только могутъ выпасть на долю смертнаго. Гимны Ригъ-Веды переполнены моленіями о продленіи рода, о дарованіи „сына—продолжателя рода“, о размноженіи потомства. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ одной, изъ характерныхъ идей древности—съ своеобразнымъ, весьма отличнымъ отъ нашего, пониманіемъ личности и ея отношеній къ предкамъ и потомкамъ. Неразрывными религиозными узами былъ связанъ человѣкъ съ цѣлыми поколѣніями своихъ предковъ, *души* которыхъ, на-ряду съ богами, являлись предметомъ религіознаго почитанія. Эти души предковъ обозначаются словомъ: *pitaras*—„отцы“. Имъ посвященъ, между прочимъ, гимнъ X, 15, гдѣ они призываются къ жертвоприношенію, и гдѣ у нихъ испрашиваются тѣ же блага, о которыхъ обыкновенно просятъ боговъ. Вообще „отцы“ въ гимнахъ Ригъ-Веды неоднократно ставятся на одну доску съ богами и даже представляются участниками разныхъ подвиговъ и космогоническихъ дѣяній боговъ. Въ указанномъ гимнѣ призываются „отцы“ недавно умершіе, и тѣ, которые умерли въ болѣе отдаленное время, и тѣ, которые умерли въ глубокой древности, что выражено такъ: близкіе (къ намъ), средніе и отдаленные (ст. 1). То же самое высказано нѣсколько иначе въ стихѣ 13, обращенномъ къ Агни: „отцовъ, которые здѣсь, и тѣхъ, которыхъ нѣтъ здѣсь,—которыхъ мы знаемъ, и тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ, ты знаешь, о, Джатаведасть, сколько ихъ...“ Всѣ эти поколѣнія предковъ призываются къ участию въ жертвенномъ пиршествѣ; имъ приподносятъ жертвенную пищу, возліянія, напитки Сомы (ст. 8—12). Этотъ культъ предковъ необходимъ для поддержанія ихъ безсмертія и образуетъ священную обязанность человѣка, для котораго потерять связь съ предками значило потерять то цѣлое, часть котораго онъ составлялъ. Это цѣлое слагалось изъ двухъ огромныхъ половинокъ: изъ длиннаго ряда поколѣній, теряющихся въ глубинѣ временъ, и изъ неопредѣленно-длиннаго ряда грядущихъ поколѣній. Внѣ этого цѣлаго, безъ этихъ двухъ половинокъ, человѣкъ не можетъ существовать ни юридически, ни религіозно, ни нравственно. Онъ теряетъ все и становится „непомнящимъ родства“. Но въ особенности теряетъ онъ свои права на безсмертіе, потому что безсмертіе осуществляется для человѣка только въ неп

ривности рода и родового культа предковъ. Съ прекращеніемъ потомства самъ собою падаетъ культъ предковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно изсякнуть ихъ безсмертіе; такимъ образомъ въ продленіи рода заинтересованы цѣлыя поколѣнія, отошедшія въ вѣчность, и когда молящійся взываетъ къ Агни или другимъ богамъ о дарованіи сына, о потомствѣ, о продленіи рода, то онъ молить объ этомъ не за себя только, а за всѣхъ своихъ предковъ, онъ является въ этомъ случаѣ ходатаемъ цѣлаго рода, и его моленіе есть коллективное моленіе цѣлыхъ поколѣній мертвецовъ.

Итакъ, заключая все сказанное о ведійскомъ понятіи безсмертія, мы можемъ подраздѣлить его на три категоріи: во-первыхъ, безсмертіе Агни и Сомы, представляющееся абсолютнымъ и служащее источникомъ безсмертія для другихъ боговъ, а также и для людей; во-вторыхъ, безсмертіе другихъ боговъ (кромѣ Агни и Сомы и отчасти также кромѣ Земли и Неба—божествъ космическихъ), представляющееся относительнымъ, требующее подтвержденія и поддержки со стороны культа; въ-третьихъ, безсмертіе людей, еще болѣе относительное, сводящееся къ безсмертію душъ и непрерывности рода, цѣликомъ основанное на родовомъ культѣ предковъ.

Сознанію древнихъ индусовъ эпохи Ведъ смертная природа человѣка представлялась абсолютною (если можно такъ выразиться) только по отношенію къ безсмертію Агни и Сомы. Въ отношеніи же къ безсмертію Индры и другихъ не-культовыхъ божествъ (за исключеніемъ Земли и Неба),—безсмертію, въ извѣстной степени условному,—она представлялась далеко не столь абсолютной. Человѣку стоило только умереть, чтобы его душа приобщилась къ безсмертію, подобному тому, которое свойственно богамъ. И если это человѣческое безсмертіе немыслимо безъ поддержки культа, то и безсмертіе Индры и другихъ боговъ въ свою очередь безъ нея не обходится. Такой взглядъ какъ бы приближалъ человѣка къ божеству, тѣмъ болѣе, что есть основаніе думать, что самое понятіе „безсмертія“ развилось изъ понятія „долгой жизни“, и что первоначально боги назывались безсмертными не въ смыслѣ „неподлежащихъ смерти“, а въ смыслѣ „долго живущихъ“, „не (скоро) умирающихъ“.

Но когда человѣкъ сравнивалъ свою смертную природу или се—человѣческое—безсмертіе съ безсмертіемъ Агни и Сомы, то въ его сознаніи обрисовывалось отношеніе иного рода. Агни и Сомы безсмертны и вѣчны; ихъ жизненная мощь не можетъ и сякнуть и не нуждается въ поддержкѣ со стороны культа, который отъ нихъ же и получаетъ всю свою силу. Передъ лицомъ

Агни и Сомы человѣкъ долженъ былъ яснѣ всего сознать и признавать всю бренность своей смертной природы. И дѣйствительно, противопоставленія смертной природы человѣка безсмертію божества чаще всего встрѣчаются въ гимнахъ, посвященныхъ Агни и Сомѣ. Но это сознаніе своей бренности должно было быть весьма своеобразно и, конечно, весьма мало отвѣчало подобному же сознанію, свойственному намъ, ибо общее отношеніе индусовъ эпохи Ведъ къ божеству далеко не походило на наше. Изучая религіозное сознаніе древнихъ, мы должны по возможности не поддаваться весьма понятному искушенію—приписывать имъ наши современныя или вообще болѣе позднія понятія и чувства.

До какой степени ведійское противопоставленіе человѣческой смертности безсмертію Агни своеобразно и какъ трудно понять его сущность, стоя на *нашей* или вообще болѣе поздней точкѣ зрѣнія, это ярче всего обнаруживается въ стихѣ VIII, 19, 25, который гласитъ такъ: „если бы, о, Агни, ты былъ смертнымъ, то безсмертнымъ былъ бы я“. Чтобы понять, что это значить и какое отношеніе къ божеству тутъ сказалось, нужно предварительно ознакомиться съ ведійской теософіей Огня и съ ведійскимъ ученіемъ о культѣ въ его отношеніяхъ къ міру, богамъ и человѣку.

V.

Наивно-религіозное отношеніе къ Огню.

Въ гимнѣ VI, 9, посвященномъ Агни, есть такое полустигіе:

Онъ—первый жрецъ,—смотрите на него вы,
На этотъ свѣтъ—безсмертный среди смертныхъ! (ст. 4)

Здѣсь, какъ и во множествѣ другихъ подобныхъ мѣстъ, выражено особаго рода религіозное чувство, которое намъ трудно исполнѣ понять и невозможно восчувствовать; но все-таки, при извѣстномъ усилии мысли и симпатическаго воображенія, мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о немъ. Прежде всего мы усматриваемъ, что въ основѣ этого чувства лежитъ какое-то дѣтски-наивное отношеніе къ огню, осложненное нѣсколькими мистической восторженностью.

Вотъ нѣсколько мѣстъ, воспроизводящихъ это *наивное* отношеніе къ огню.

I, 94, 7: „Ты, который со всѣхъ сторонъ являешь прекр -

ный и одинаковый видъ, свѣтишь даже издали, подобно молніи; ты смотришь, о, богъ, даже сквозь тьму ночи!“

IV, 6, 6: „Благодатень, прекрасень, о, прекрасоликій Агни, видъ у тебя—грознаго, измѣнчиваго,—когда клубы дыма не заволокли твоего блеска тьмою, не наложили пятна на (твое) тѣло“.

IV, 7, 10: „Тотчасъ же обнаруживается мощь новорожденнаго, когда вѣтеръ раздуваетъ его пламя; онъ простираетъ къ дровамъ острый языкъ; даже твердую пищу раздробляетъ онъ челюстями“.

IV, 10, 5: „Твой видъ, о, Агни, въ высшей степени сладостенъ, какъ днемъ, такъ и ночью; какъ золото, великолѣпно сіяетъ онъ вблизи“.

IV, 11, 1: „Прекрасный, о, мощный Агни, твой ликъ сіяетъ при солнцѣ; яркій на видъ, онъ виденъ даже ночью...“

V, 1, 1—2: „Проснулся Агни (пробужденный) возженіемъ людей. Какъ птицы, летящія къ вѣткѣ, мчатся къ небу его лучи. Проснулся жрецъ (Агни) для жертвоприношенія богамъ, высоко поднялся рано утромъ благосклонный Агни; обнаружилось яркое пламя возженного,—великій богъ изъ тьмы освободился!“

V, 7, 4: „Даже ночью онъ дѣлаетъ свѣтъ для находящагося вдали, когда, нестарѣющій очиститель, онъ сокрушаетъ деревья“.

VI, 6, 3: „Во всѣ стороны растекаются, движимые вѣтромъ, о, Агни, твои яркіе лучи, о, яркій...“

VII, 3, 2: „Онъ запыхтѣлъ, какъ конь, жадно устремляющийся къ пастбищу... Вѣтеръ вздуваетъ его пламя, но путь твой остается чернымъ“.

VIII, 43, 3—5: „Какъ звѣзды... ярокъ твой блескъ, о, Агни. Зубами пожираетъ онъ дрова. Свѣтозарные огни, которыхъ знаменемъ служить дымъ, гонимые вѣтромъ, ретиво стремятся къ небесамъ. Эти возженные огни ретиво обнаружилились, какъ свѣточы (или знамена) зорь“.

X, 45, 7: „...онъ вздымаетъ, клубя, красный дымъ,—яркимъ пламенемъ стремится онъ къ небу“.

Подобныя мѣста попадаютъ довольно часто въ гимнахъ Ригъ-Веды. Въ нихъ отразилось то впечатлѣніе, которое производилъ огонь на младенческіе умы огнепоклонниковъ. Въ явленіи огня все казалось имъ удивительнымъ и необычайнымъ. Яркое пламя огня, его жаръ, его блескъ, его дымъ вызывали во торженное удивленіе. Поразительнымъ казался и тотъ фактъ, что огонь свѣтитъ *даже* ночью, а равно и то, что онъ виденъ издали. Съ чувствомъ особливаго изумленія было отмѣчено также

стремленіе огня къ небу при содѣйствіи вѣтра. Не безъ любопытства наблюдали, какъ огонь „пожираетъ“ дрова, растенія и всякую пищу, которую ему предлагали, причемъ особенно казалось поразительнымъ то, что это легкое, эфирное существо такъ ловко справляется не только съ мягкой, но и съ твердой пищей.

Итакъ, они изумлялись. Ихъ воображеніе было поражено явленіями и свойствами огня. Возьмемъ же это *изумленіе*—какъ психологическій моментъ, и будемъ слѣдить за его дальнѣйшимъ развитіемъ. Но при этомъ необходимо отмѣтить дѣйствіе *двухъ важныхъ факторовъ*, подъ влияніемъ которыхъ это „наивное изумленіе“ преобразовывалось и претворялось въ религіозное чувство.

Первый факторъ—*логическій*. Логика подсказывала, что огонь есть живое существо, одаренное разумомъ и волею. На той ступени развитія, на которой стояли эти огнепоклонники въ древнѣйшее время, человѣкъ въ высшей степени субъективенъ и представляетъ себѣ вещи не иначе, какъ приписывая имъ свои собственные атрибуты. Ощущая въ себѣ жизнь, волю, чувство, разумъ, онъ всюду усматриваетъ присутствіе этихъ признаковъ. Онъ заранѣе предрасположенъ во всякомъ явленіи встрѣтить живое и сознательное существо. Наблюденія, которыя онъ дѣлаетъ, черты, которыя бросаются ему въ глаза, въ большинствѣ случаевъ идутъ на встрѣчу такому предрасположенію и оправдываютъ эту точку зрѣнія. Такъ въ огнѣ прежде всего бросалась въ глаза его яркость, стремительность, подвижность, жаръ его пламени, теплота, которую онъ распространяетъ,—признаки, невольно вызывавшіе въ умѣ представленіе жизненности. Но логика шла дальше. Огонь—живое существо, однако онъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ существъ и въ томъ числѣ отъ человѣка; онъ—существо совершенно своеобразное и притомъ—могучее, грандіозное, грозное, великое. Своеобразность огня была отмѣчена съ особенной тщательностью. Такъ напр., отмѣтили, что онъ виденъ издалека (VII, 1, 1); что, съ какой стороны ни подойти къ нему, онъ всегда обращенъ лицомъ къ человѣку (VII, 12, 1); что его пламя или блескъ нельзя схватить (руками) (VIII, 23, 1) и т. д. Величіе, сила, великолѣпіе огня отмѣчаются во множествѣ мѣстъ, между прочимъ и въ тѣхъ, которыя мы привели выше, а тамъ же выражены разными эпитетами въ родѣ: могучій, сынъ мощи, прекрасный, прекраснѣйшій, чарующій, великій и т. д.

Такимъ образомъ путемъ логики, подкрѣпленной наблюденіемъ, люди пришли къ воззрѣнію на огонь какъ на живое

щество, одаренное волею и разумомъ ¹⁾, какъ одаренъ ими человекъ, но только существо высшаго порядка, существо „сверхъестественное“ или, лучше сказать, сверхъ-человѣческое.

Второй факторъ—*культурный*. Открытіе огня, т.-е. способъ искусственно добывать его (изъ дерева посредствомъ тренія и изъ камня черезъ высѣканіе), совершенное въ глубочайшей, незапамятной древности, задолго до раздѣленія индо-европейскихъ племенъ, было въ свое время величайшимъ завоеваніемъ и могущественнѣйшимъ орудіемъ цивилизаціи. И много вѣковъ спустя, уже послѣ раздѣленія индо-европейскихъ племенъ, долго еще сохранялись старыя преданія о священномъ огнѣ, о его открытіи, о перенесеніи его съ небесъ на землю, о многочисленныхъ услугахъ и благодѣяніяхъ, которыя онъ оказалъ людямъ. Благодѣтельная и цивилизаторская роль огня живо чувствовалась, и память о ней, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, дошла до позднихъ потомковъ, изъ которыхъ одни, именно греки, сберегли эти отголоски глубокой древности въ сказаніяхъ о Прометѣѣ, вошедшихъ въ „Теогонію“ Гезіода и въ извѣстную трагедію Эсхила, а другіе, индусы эпохи Ведъ, оставили намъ свои воспоминанія, сюда относящіяся, въ многочисленныхъ гимнахъ, которые они въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ слагали своему любимѣйшему богу—Агни, кроткому другу и гостю людей.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ сказано, что Агни сдѣлалъ людей осѣдлыми или устроилъ ихъ жилище (III, 1, 17), и что онъ, безсмертный, основался княземъ въ жилищѣ смертныхъ, устроая ихъ общежитія (III, 1, 18). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что „онъ просвѣтилъ людей, явившись соучастникомъ въ ихъ культѣ; имъ управляютъ они великою уздою (культа), онъ живетъ въ ихъ жилищахъ, устроая ихъ“ (IV, 1, 9). Онъ является божествомъ—покровителемъ брака, блюстителемъ семейнаго очага: „онъ дѣлаетъ супруговъ согласными“ (V, 3, 2). Здѣсь же онъ сравнивается съ *Митрою* (Mitra), божествомъ общежитія, союза, согласія. Конечно, эти и подобныя мѣста скорѣе всего изображаютъ намъ роль и значеніе Агни въ ту эпоху, когда слагались соотвѣтственные гимны и могли не разсматриваться ихъ авторами, какъ отголоски глубокой древности и воспоминаніе о первобытной роли огня. Тѣмъ не менѣе мы можемъ утилизировать эти мѣста и въ этомъ послѣднемъ отношеніи: Агни въ эпоху

) *Мудрость* Агни—это одинъ изъ важнѣйшихъ его атрибутовъ; мы рассмотримъ его нѣсколько ниже.

Ведь только продолжалъ дѣлать то, что дѣлалъ раньше, — устроить жилища смертныхъ, приучать ихъ къ осѣдлости, основываться среди людей, покровительствовать семейному началу и т. д. Это было только дальнѣйшее развитіе и осложненіе все той же культурной и цивилизаціонной дѣятельности огня, которая началась задолго до эпохи Ведъ, до выдѣленія индусовъ и другихъ родственныхъ народовъ въ глубочайшей индо-европейской древности. Но вотъ одно мѣсто, которое, на мой взглядъ, представляется именно какъ бы глухимъ воспоминаніемъ о первобытной роли огня: „какъ мать“ — читаемъ въ стихѣ V, 15, 4 — „онъ кормить (или лелѣть) cadaго челоѣка, (служа ему) для питанія и для зрѣнія...“ Здѣсь дана ужъ слишкомъ наивная оцѣнка услугъ огня, состоящихъ въ томъ, что онъ варить пищу и ночью освѣщаетъ жилище — факты, которые индусамъ эпохи Ведъ должны были казаться слишкомъ обычными и повседневными, чтобы оставаться передъ ними съ религіознымъ изумленіемъ. Этотъ стихъ, какъ и вышеприведенныя мѣста, выражающія наивное отношеніе къ физическому явленію огня, отзываются той отдаленной древностью, когда утилизація огня была еще дѣломъ сравнительно новымъ, непривычнымъ, диковиннымъ.

Далѣе, сознание культурнаго значенія огня сказалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Агни называется отцомъ и матерью людей (VI, 1, 5; V, 4, 2), ихъ братомъ (VIII, 43, 16), другомъ (III, 4, 1; VIII, 43, 14; VIII, 71, 9; X, 3, 4; X, 87, 21), милымъ, дружественнымъ, любезнымъ (priya—I, 128, 8; III, 23, 3 и др.), милымъ гостемъ людей (V, 1, 9; VI, 15, 6; VI, 16, 42 и др.). Сюда же относятся тѣ мѣста, гдѣ Агни называется mitra (другъ) или сравнивается съ mitra, при чемъ въ большинствѣ случаевъ остается неяснымъ, какъ слѣдуетъ перевести этотъ терминъ: словомъ ли „другъ“, или собственнымъ именемъ *Митра*, принадлежавшимъ очень древнему индо-иранскому божеству, заправлявшему общественными отношеніями людей. Таковы стихи: I, 58, 6; III, 5, 3, 4; VI, 8, 3; VII, 9, 3; X, 20, 2; X, 79, 7; VI, 15, 2; VIII, 23, 8; VIII, 31, 14; VIII, 74, 2; VIII, 84, 1 и др. Сопоставленіе Агни съ *божествомъ Митрою* стоитъ внѣ сомнѣнія въ стихахъ VIII, 102, 12; V, 16, 1; VI, 2, 1; VII, 12, 3 и нѣк. др. Сюда же относится и эпитетъ Агни mitramahas — „имѣющій значеніе Митры“ (VI, 2, 6; VI, 3, 3; VI, 5, 4; VI, 14, 6).

Итакъ, вотъ тѣ три психологическіе фактора, которыхъ дѣйствіе было вызвано явленіемъ и культурной ролью огня: 1) извѣстность его необычайными свойствами, 2) работа пр-

тивной логики, приведшая къ воззрѣнію на огонь какъ на живое, сознательное и сверхчеловѣческое существо, и 3) сознание зависимости отъ него человѣка; сознание услугъ, имъ оказанныхъ людямъ, культурныхъ благодѣяній, которыя онъ расточалъ. Совмѣстное дѣйствіе этихъ трехъ факторовъ привело къ ихъ сліянію въ одно психологическое цѣлое, явившееся какъ новый психологическій моментъ, гораздо болѣе сложный и заключавшій въ себѣ зародыши дальнѣйшаго и весьма плодотворнаго развитія. Это было—*религіозное чувство* по отношенію къ огню. Установилась та специфическая *связь* (religio) человѣка съ обоготвореннымъ явленіемъ, которая придаетъ своеобразную окраску всѣмъ чувствамъ и помысламъ, вызываемымъ въ человѣкѣ даннымъ явленіемъ. Отнынѣ онъ будетъ изумляться ему, любить его, дорожить имъ, сознавать свою зависимость отъ него и т. д.—не такъ, какъ это происходило раньше. Всѣ эти струны душевныя будутъ теперь трепетать учащеннѣе и сильнѣе, ихъ звуки будутъ чище, выше, страстнѣе, значительнѣе. Вникая въ нихъ, мы легко подслушаемъ первые аккорды зарождающагося *мистическаго чувства*, воздѣйствіе котораго на младенческую психію человѣка было въ высокой степени сильно и плодотворно.

VI.

Культовая религія, теософія и мистика Огня. *

Возникновеніе *религіознаго* отношенія къ огню привело къ созданію его *теологической* и *культовой* концепціи.

Вотъ эта концепція въ томъ видѣ, какъ разработали ее индусы эпохи Ведъ ¹⁾.

Агни—это *богъ* (deva—I, 128, 3; I, 189, 3, 6; II, 1, 4; III, 3, 9; III, 4, 1; III, 14, 7; III, 20, 3, 4 и во многихъ другихъ мѣстахъ). Эпитетъ deva принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ (встрѣчается разъ 100), при чемъ изъ-подъ него еще просвѣчиваетъ первоначальное значеніе этого слова — „свѣтлый“ и „свѣтоносный“. Свѣтовая и огненная природа этого божества живописуется различными терминами, какъ напр.: *сукта*

¹⁾ Мы ее очертимъ здѣсь большими линіями — на основаніи тѣхъ *эпитетовъ* Агни, которые въ гимнахъ, ему посвященныхъ, повторяются чаще другихъ или же принадлежатъ къ числу наиболѣе характерныхъ для него. „Эпитеты“ Агни были избраны мною (въ числѣ 831-го) въ книжкѣ: „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Ведъ“ (Одесса, 1887).

(шюкра)—свѣтлый, яркій (IV, 1, 7; IV, 6, 8; VI, 48, 7 и др.),
 śuci (шючи)—то же (I, 31, 17; I, 60, 2; II, 1, 1, 14; IV, 2,
 15 и т. д.), tapasvat (тапасватъ)—пылающій, горячій (VI, 5, 4),
 tapishtha (тапиштха) и наигорачѣйшій (VI, 5, 4) и многіе другіе,
 а также такими эпитетами, какъ śucijihva (шючиджихва)—имѣю-
 щій блестящій, свѣтлый языкъ (II, 9, 1), śucidat (шючидать)—
 имѣющій свѣтлый, яркій зубъ (V, 7, 7), „владыка яркаго блеска
 или пламени“ (V, 6, 5), и т. п.

Но всѣ эти квалификаціи еще не опредѣляютъ сущности,
 т.-е., съ ведійской точки зрѣнія, специальности этого божества.
 Для индусовъ эпохи Ведъ, какъ и вообще для древнихъ наро-
 довъ, стоявшихъ на той же ступени развитія, сказать, что такой-то,
 Агни, Индра, Аполлонъ, Зевсъ и пр., есть богъ—значило ничего
 не сказать или, по крайней мѣрѣ, сказать очень мало. Нужно
 было опредѣлить, *чего именно этотъ богъ есть богъ*. Понятіе
 „богъ“ было равносильно понятію дѣятель, заправитель, владыка,
 податель, при чемъ каждое божество дѣйствовало въ опредѣлен-
 номъ районѣ, заправляло извѣстнымъ кругомъ явленій, было вла-
 дыкою и подателемъ извѣстныхъ благъ. Были, разумѣется, такіе
 „дары“, которые могло дать любое божество, и также нѣкоторыя
 явленія разсматривались, какъ общая принадлежность двухъ,
 трехъ, многихъ, даже всѣхъ боговъ. Но, за вычетомъ этихъ слу-
 чаевъ, каждое божество имѣло свою специальность, свою строго
 опредѣленную функцію. Въ чемъ же состояла специальность или
 функція Агни?

Самый распространенный и самый характерный эпитетъ Агни
 —это hotar (хотаръ; напр. I, 1, 1, 5; I, 12, 1, 3; III, 14, 1;
 V, 10, 7, и т. д., и т. д., всего около 140 разъ) — *жрецъ* и
 притомъ такой, котораго специальность состояла въ томъ, чтобы
 совершать *возліанія* богамъ и произносить молитвенныя воззванія,
 къ нимъ обращенныя (hotar — отъ корней hu — лить и hū — взы-
 вать). На ряду съ этимъ эпитетомъ употребляются и другіе, рав-
 нозначащіе или параллельные какъ, напр., havuavah (хавъявахъ)—
 возносящій возліанія (I, 12, 2, 6; I, 4, 4 и др. — разъ 26),
 havuavahana (хавъявахана)—то же самое (I, 36, 10; III, 9, 6 и др.),
 а также и такіе, которые дополняютъ *жреческую* характеристику
 Агни чертами, прямо не выраженными эпитетомъ hotar и ему
 подобными. Такъ Агни называется virga (випра)—вдохновенны
 жрецъ, жрецъ въ экстазѣ (отъ корня vir — дрожать; I, 14, 1
 9; III, 2, 13 и др. — разъ 25), rtvij (ртвиджъ)—жрецъ (соб. се-
 вершающій обряды культа, отъ rtu — обрядъ и время, для всеи
 опредѣленное—латин. ritus и глаг. uaj (ядж)—священнодѣйств

вать; I, 1, 1; I, 44, 11 и др.), *ṛtupati* (ṛтупати) — владыка культа, обрядовъ (X, 2, 1), *adhvaryu* (адхварью) — жрецъ (III, 5, 4), *purohita* (пурохита) — жрецъ-представитель, напр. духовникъ князя, — специальность, уже возникавшая въ эпоху Ведъ (I, 1, 1; I, 128, 4 и др.). У индусовъ жрецеское дѣло весьма рано получило широкое развитіе и породило разныя специальности, которыя и обозначались приведенными и еще другими терминами (*udgatar* — жрецъ-пѣвецъ, *rotar* — жрецъ-очиститель, преимущественно священнодѣйствовавшій при очищеніи напитка Сомы, и др.). Агни являлся представителемъ всѣхъ этихъ специальностей; онъ былъ жрецъ вообще и по преимуществу; но въ особенности онъ былъ *hotar* — жрецъ, совершающій возліянія богамъ и возносящій къ нимъ молитвы людей. Изъ того, что слово *hotar* вообще и въ примѣненіи къ огню употребляется гораздо чаще другихъ названій жреца, можно заключить, что древнѣйшей и важнѣйшей жрецеской функціей была именно функція *hotar*'а.

Въ чемъ же собственно выражалась жрецеская дѣятельность Агни? Во-первыхъ, онъ *приводилъ боговъ* къ жертвоприношенію. Въ гимнахъ, ему посвященныхъ, очень часто встрѣчаются обращенія къ нему въ такомъ родѣ: „приведи сюда боговъ“, „прійди сюда вмѣстѣ съ богами“ и т. п. Во-вторыхъ, онъ *возносилъ къ богамъ* возліянія, жертвенные дары, молитвы и гимны людей. Боги „вкушали“ все это не иначе, какъ черезъ посредство Агни. Такъ въ стихѣ II, 1, 13 говорится, что „сыны Адиты (Варуна, Митра, Арьяманъ и др. древнѣйшіе боги) сдѣлали его (своимъ) ртомъ и языкомъ“, а въ слѣдующемъ стихѣ 14-мъ — что безсмертные боги „въ немъ“ вкушаютъ (своимъ) ртомъ возліяніе. Въ стихѣ III, 35, 9 — Индра приглашается пить напитокъ Сомы *языкомъ огня*. Равнымъ образомъ въ стихахъ I, 14, 8 и V, 51, 2 — боги приглашаются пить языкомъ огня.

Такимъ образомъ Агни служитъ посредникомъ между людьми и богами, и съ этой точки зрѣнія онъ именуется *duta* — *отъстникомъ*, эпитетъ, принадлежащій не только къ числу частыхъ, но и наиболѣе характерныхъ для Агни. „Едва родившись, ты становишься вѣстникомъ“, говорится въ стихѣ IV, 7, 9, т.-е. едва зажгутъ священный огонь, онъ уже вступаетъ въ общеніе съ богами. „Поднимаются (читаемъ въ стихѣ VII, 3, 3) твои не-тарѣющіе возженные (огни), едва родился ты, самецъ; къ небу идетъ красный дымъ; вѣстникомъ, о, Агни! возносишься ты къ небсамъ“. „Мы избираемъ тебя въ качествѣ вѣстника“, говорится въ стихѣ I, 36, 3, „(тебя) жреца, обладателя всѣхъ благъ; твои огни расходятся въ разныя стороны, когда ты становишься

большимъ, твои лучи касаются неба“. „Нынѣ мы избираемъ вѣстникомъ благого Агни, многолюбезнаго, который возносить дымъ свой, какъ знамя, лучезарнаго, украшающаго жертвоприношенія на зарѣ“ (I, 44, 3). Въ стихѣ 12-мъ того же гимна сказано между прочимъ, что Агни идетъ исполнять свою функцію вѣстника, такъ какъ онъ жрецъ—*urohita*, т.-е. какъ бы представитель, боговъ. Стихъ II, 6, 7 говоритъ, что Агни шествуетъ между двумя поколѣніями (т.-е. между богами и людьми), зная тѣхъ и другихъ, подобно тому какъ вѣстникъ мира (посредничаетъ) между двумя племенами. „Тебя, о, Агни! поставили (люди и боги) безсмертнымъ вѣстникомъ, возносящимъ возліянія“ (VI, 15, 8).

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ явствуется, что Агни именуется „вѣстникомъ“ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ у грековъ назывался „вѣстникомъ Зевса или боговъ“ Гермесъ, котораго миеологическое родство съ Агни едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гермесъ—это богъ-разсылный, хожалый, вѣчно отправляющійся въ далекій путь съ разными порученіями боговъ, преимущественно Зевса. Агни далеко не играетъ такой служебной роли. Онъ является божествомъ самостоятельнымъ и великимъ, а нѣкоторые его атрибуты и та роль, которую онъ играетъ, ставятъ его въ извѣстномъ смыслѣ выше другихъ боговъ. Правда, онъ все-таки служить богамъ и людямъ. Но онъ дѣлаетъ это не какъ Гермесъ, а какъ Прометей. Подобно послѣднему, онъ является другомъ и благодѣтелемъ смертныхъ, среди которыхъ онъ живетъ. Онъ *юститъ* у людей,—оттуда одинъ изъ частыхъ и характерныхъ для него эпитетовъ *atithi* (атитхи)—*юсть* (I, 44, 4; I, 58, 6; V, 4, 5 и т. д.). Живя у людей, онъ является жрецомъ-посредникомъ между ними и богами; онъ приводитъ боговъ къ культу и возносить къ богамъ дары, молитвы и гимны смертныхъ. Въ этомъ-то и состоитъ его роль, какъ *вѣстника*. Въ концѣ концовъ онъ—вѣстникъ постольку, поскольку онъ—жрецъ.

Этотъ богъ, гость и благодѣтель смертныхъ, рисовался въ воображеніи его поклонниковъ какъ великій мудрецъ, который все знаетъ, все видитъ, все понимаетъ. Мудрость и всевѣденіе Агни обозначаются разными эпитетами, какъ напр.: *cikivas* (чикитвасъ)—зрящій, чуткій, мудрый (II, 6, 8; III, 17, 2, и многіе другіе), *cikit* (чикить)—то же (VIII, 102, 2), *cikivita* (чикитвинманасъ)—имѣющій чуткій духъ (V, 22, 3), *ka* i—мудрецъ, вѣщій, поэтъ (одинъ изъ важныхъ эпитетовъ, I, 1, 6, 7; I, 13, 2; I, 128, 8 и т. д. болѣе 50-ти разъ), *kavikr* i—„имѣющій разумъ или мощь мудреца“ (I, 1, 5; III, 2, 4 и т. д.).

kavitama (превосходная степень отъ kavi) — самый мудрый, самый вѣщій, первый изъ вѣщихъ мудрецовъ (III, 14, 1). Но важнѣйшимъ изъ эпитетовъ этого рода является *jatavedas* (джатаведасъ), съ которымъ выше мы имѣли случай познакомиться. Онъ встрѣчается около 110 разъ (I, 44, 14; III, 3, 8; IV, 58, 8 и т. д.). Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ для Агни гораздо характернѣе, чѣмъ другіе термины, рисующіе мудрость этого бога: въ немъ природа „бога-мудреца“ схвачена съ болѣе существенной стороны, и вотъ почему, въ то время какъ термины *kavi*, *kavikratu* и др. прилагаются не только къ Агни, но и къ нѣкоторымъ другимъ божествамъ (въ особенности къ Сомѣ), эпитетъ *jatavedas* является неизмѣнной и исключительной принадлежностью Агни.

Выше былъ приведенъ стихъ X, 15, 13, гдѣ говорится: „отцовъ, которыхъ нѣтъ здѣсь, которыхъ мы знаемъ, и тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ, ты знаешь, о, Джатаведасъ! (о, знающій существа) сколько ихъ“. Агни знаетъ даже тѣхъ „отцовъ“, тѣхъ предковъ, которыхъ не запомнятъ люди, онъ знаетъ ихъ всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, потому что онъ вообще „знаетъ всѣ существа“. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ тавтологическое объясненіе термина *jatavedas*: тамъ — стихъ VI, 15, 13 — сказано, что „Агни *jatavedas* знаетъ всѣ существа“. Это мѣсто любопытно, какъ свидѣтельство о томъ, что въ извѣстную эпоху этотъ терминъ понимался именно въ указанномъ смыслѣ, а не какъ-нибудь иначе. Теперь намъ остается только объяснить, почему же Агни „знаетъ существа“?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ подскажетъ намъ одно выраженіе, находящееся въ стихахъ 20-мъ и 21-мъ гимна III, 1. Тамъ мы читаемъ слѣдующее: „во всякомъ существѣ помѣщенъ знающій существа (*jatavedas*)“. Очевидно, Агни былъ названъ *jatavedas*, т.-е. ему было приписано „знаніе существъ“, на томъ основаніи, что онъ „находится во всякомъ существѣ“. Но какъ и откуда могло возникнуть это послѣднее утвержденіе?

Огонь добывали посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева ¹⁾. Эта процедура рано или поздно должна была навести на вопросъ: какимъ образомъ треніе можетъ производить огонь? На этотъ вопросъ не могли отвѣтить иначе, какъ предположивъ, что огонь

¹⁾ Инструментъ для добыванія священнаго огня состоялъ изъ двухъ частей, называвшихся *арани*: одна изъ нихъ была дощечка съ углубленіемъ по срединѣ, а другая — палочка, заостренный конецъ которой опускался въ это углубленіе; за симъ посредствомъ веревокъ или ремней она приводилась въ быстрое вращательное движеніе, результатомъ коего и было воспламененіе ея остраго конца. Огонь понимался, какъ сынъ двухъ *арани*.

подъ вліяніемъ тренія *выходитъ* изъ дерева, въ которомъ онъ раньше находился незримо, такъ сказать—въ скрытомъ видѣ. Онъ *спрятался* въ дерево, а треніе только *выманиваетъ* его оттуда. Человѣческому уму на той ступени развитія, на которой стояли индусы эпохи Ведъ, еще чуждо понятіе процесса, функціи, силы. Тамъ, гдѣ мы видимъ процессы, онъ усматривалъ самостоятельныя существа. Молитва, напр., не была только функціей молящагося человѣка,—она была самостоятельнымъ существомъ, особаго рода божествомъ. Огонь отнюдь не былъ „процессомъ горѣнія“, онъ былъ прежде всего живое существо.

Итакъ, огонь—это такое живое существо, которое имѣетъ свойство невидимо скрываться въ деревѣ, откуда его извлекаютъ посредствомъ тренія. Опытъ показывалъ, что онъ скрывается также въ камнѣ, откуда его получали черезъ высѣканіе. Далѣе было установлено его присутствіе въ грозовыхъ тучахъ, изъ которыхъ онъ выскакиваетъ въ видѣ молніи. А такъ какъ въ этихъ тучахъ находятся небесныя воды, то молнія была концептирована какъ огонь, скрывающійся въ водахъ, и получила специальное названіе „Агни—сынъ водъ“ (aram-apat). Дожди, падая на землю, приносятъ съ собою зародыши огня, скрывающагося въ дождевыхъ капляхъ; вмѣстѣ съ послѣдними эти зародыши проникаютъ въ землю и, оплодотворяя ее, переходятъ въ растенія, выходящія изъ земли и растущія подъ воздѣйствіемъ животворной мощи огня, въ нихъ пребывающаго. Эта своего рода „научная“ теорія, объяснявшая явленіе растительности и возможность добыванія огня изъ дерева, ясно обрисовывается изъ сопоставленія тѣхъ мѣстъ, гдѣ огонь называется сыномъ водъ, растеній, дерева (напр., II, 1, 1; VIII, 23, 25; II, 1, 14; X, 51, 3 и пр.) и подразумѣвается такими стихами, какъ III, 9, 2, которые гласятъ: „когда, стремясь къ деревьямъ, ты вступилъ въ воды, какъ въ матерей, то это твое возвращеніе не подлежало забвенію, ибо, находясь вдали, ты (въ сущности) былъ здѣсь“; или VIII, 43, 9: „въ водахъ, о, Агни, твое мѣстопробываніе,—какъ такой (пребывающій въ водахъ) ты стремишься къ растеніямъ“. Наконецъ, явленіе животной теплоты и возрѣніе на огонь какъ на источникъ всякой жизни и всякаго роста—привели къ убѣжденію, что огонь находится въ тѣлѣ людей и животныхъ. Сюда по всей вѣроятности относится эпитетъ Агни tapinapat—„сынъ тѣла“. Итакъ, огонь находится, видимо или незримо, вездѣ: и небѣ, гдѣ онъ обнаруживается въ свѣтилахъ небесныхъ, въ землѣ въ водахъ, въ растеніяхъ, въ камняхъ, въ тѣлахъ людей и животныхъ. Это божество *космическое, вездѣсущее и всепроникающее*.

щее. Его безсмертіе является лишь необходимымъ постулатомъ этихъ атрибутовъ его. Оно не есть то условное безсмертіе, которое присуще, напр., Индрѣ и возводится къ понятію „долгой жизни“. Оно больше этого „безсмертія“, оно есть *вѣчность*, — другая сторона медали, которой первая сторона есть вездѣсущіе и стихійность. Вотъ на чемъ зиждется то ученіе объ „абсолютномъ безсмертіи“ Агни и о томъ, что онъ есть „источникъ“ безсмертія для боговъ и людей, о которомъ мы говорили выше. Но въ то же время это *вездѣсущіе* Агни обусловливаетъ собою его качество *Джатаведаса*. Какъ я думаю, слово *jatavedas* буквально и первоначально значило: тотъ, въ *обладаніи* (*vedas*—владѣніе отъ корня *vid*, *vind*—обладать, обрѣтать) или въ *вѣденіи* котораго находятся всѣ *существа* (*jata*—существо, тварь). Позже этотъ терминъ получилъ отгѣнокъ— „*знающій* существа“, мудрецъ, такъ какъ его вторая половина—*vedas*—была понята какъ происходящая отъ корня *vid*—знать. Но такое толкованіе не было исключеніемъ, а только дальнѣйшимъ развитіемъ понятія о вездѣсущіи Агни: этотъ богъ все и всѣхъ знаетъ; онъ обладаетъ высшей мудростью именно потому, что онъ вездѣ, во всемъ пребываетъ. Возможно также, что первоначальное значеніе этого термина имѣло и другой отгѣнокъ: слово *jata* (джата, прич. прош. страд. отъ *jan*—джан—рождать) употреблялось въ средн. родѣ не только въ смыслѣ „существо“, „тварь“, но и въ смыслѣ „рожденіе“, „происхожденіе“, такъ что *jatavedas* могло значить также: „тотъ, въ обладаніи или вѣденіи котораго находятся рожденія“, т.-е. заправляющій рожденіемъ существъ, богъ, дающій бытіе и жизнь всѣмъ вещамъ.

Такимъ образомъ, представленіе о *мудрости* Огня развилось изъ его *теософической* концепціи, изъ вѣрованія въ стихійную природу этого божества, сокровенно пребывающаго во всякомъ тѣлѣ.

Но на встрѣчу этому возрѣвію шло нѣсколько иное представленіе о мудрости Агни, развивавшееся изъ другого источника, изъ вышеуказаннаго взгляда на культурное и цивилизаціонное значеніе Огня. Какъ мы видѣли выше, индусы довольно долго не переставали смотрѣть на Агни какъ на цивилизатора и благодѣтеля смертныхъ, какъ на Прометея. Оттуда—одинъ шагъ къ признанію необыкновенной *мудрости* Агни. Онъ—мудрецъ просто потому, что онъ „устраиваетъ общежитія смертныхъ“, что онъ—цивилизаторъ и Прометей. И мнѣ кажется, что *эта* именно его мудрость,—культурная, житейская, общественная, обозначаемая специальнымъ терминомъ „*амита*“—собств. „неглупый“ (*a*—отри-

паніе и тига—глупый, сравн. греч. μωρός¹⁾), должна быть отмѣчаема отъ той его высшей, метафизической мудрости, которая характеризовалась терминомъ *jatavedas*.

Послѣ всего вышеизложеннаго читателю должна быть ясна та связь, которая существовала между „культовой религіей“ и „теософіей“ Огня. Конечно, культовая утилизація огня, т.-е. его употребленіе для цѣлей культа, должна была возникнуть раньше, чѣмъ развилась его „теософія“. Послѣдняя развивалась постепенно, по мѣрѣ того, какъ открывали присутствіе сокровеннаго огня въ разныхъ тѣлахъ. Но когда эта теософія окончательно установилась, то она не могла въ свою очередь не воздѣйствовать, и притомъ могущественно, на культовую концепцію Огня. Выяснилось, что не даромъ далекіе праотцы избрали Агни жрецомъ-посредникомъ между людьми и богами. Кому же исполнять эту функцію, какъ не ему, божеству космическому и стихійному, всюду пребывающему, разлитому по всей природѣ, источнику жизни и безсмертія, обладателю высшей мудрости? Его призваніе жреца-hotar'a, только выиграло отъ того, что онъ былъ понятъ какъ Джатаведасъ. Теорія культа и специально воззрѣніе на огонь, какъ на дѣйствующую силу, какъ на душу культа, въ высокой степени окрѣпли, развились и расширились подъ воздѣйствіемъ теософической концепціи Огня-Джатаведаса.

Но подъ тѣмъ же воздѣйствіемъ развилась и другая сторона этихъ сложныхъ идей, группировавшихся вокругъ симпатичнаго образа „кроткаго друга и гостя“ людей, а именно сторона *мистическая*. Агни — божество скрывающееся, прячущееся. Его нужно было искать, и старыя легенды, уходящія въ глухую индоевропейскую древность, повѣствовали о томъ, какъ впервые онъ былъ найденъ и утилизированъ. Греки сохранили остатки этихъ преданій въ сказаніяхъ о Прометей, занесенныхъ Гезіодомъ въ его „Теогонію“ и въ „Труды и Дни“, а позже разработанные Эсхиломъ (въ трехъ трагедіяхъ, посвященныхъ этой темѣ, изъ коихъ до насъ дошла лишь одна — „Прометей-узникъ“). У индусовъ, въ гимнахъ Ригъ-Веды, мы находимъ отрывочныя черты изъ этого цикла, указывающія намъ, что 1) было преданіе о томъ, какъ боги нашли огонь въ водахъ (небесныхъ, III, 1, 3), и что 2) было другое преданіе о томъ, какъ люди или скорѣе нѣкіе богоподобные предки открыли его въ деревѣ. Эти „пromeтей“ называются различно: *Анирасами* (напр., V, 11, 6: „те я, о, Агни, положеннаго въ потаенномъ мѣстѣ, нашли Анирас: —

¹⁾ III, 19, 1; III, 25, 3 и др.—разъ 10.

тебя скрывающагося въ каждомъ кускѣ дерева,—и ты рождаешься посредствомъ тренія...“); *Матарипшаномъ* (*Matariṣvan*, —напр., I, 148, 1), *Атхарваномъ* (напр., VI, 16, 13), *Дадхьянчѣмъ* (*Dadhyañc*), сыномъ того же Атхарвана (VI, 16, 14). Изъ этихъ именъ два первыхъ оказываются въ числѣ эпитетовъ самого Агни. Такъ Агни названъ *анигасомъ* (*añgiras*) въ стихахъ I, 1, 6; I, 31, 17; VI, 2, 10 и др. (около 15 разъ). Значеніе этого термина неясно, но повидимому онъ имѣлъ какое-то отношеніе къ процедурѣ поливанія огня растопленнымъ масломъ (*añgiras* вѣроятно—отъ корня *añj*-андж—лат. *unguo*—мазать масломъ) и могло первоначально значить „помазанникъ“. Матарипшанъ, какъ эпитетъ Огня, находится въ стихахъ X, 88, 19 и III, 29, 11, гдѣ сказано, между прочимъ, что Агни „называется *matariṣvan*, когда образуется въ (утробѣ) матери“... И въ самомъ дѣлѣ, этимологически *matariṣvan* могло значить „развивающійся въ матери“. Очевидно, этотъ эпитетъ обозначалъ огонь въ скрытомъ видѣ, въ зачаточномъ состояніи, въ какомъ онъ невидимо находится, напр., въ деревѣ. Слѣдуетъ думать, что образы Прометеевъ, Ангирасовъ и Матарипшана возникли изъ обособленія извѣстныхъ атрибутовъ самого Агни. Что же касается до Атхарвана, то это слово первоначально значило (и употребляется въ Ригъ-Ведѣ въ этомъ значеніи) „жрецъ огня“ (отъ *athar*—огонь, авестійское *atarsh*—огонь, слово, исчезнувшее у индусовъ, но сохраненное иранцами).

Но эти легенды образуютъ только часть мистики Огня. Существенное содержаніе этой послѣдней имѣетъ своимъ предметомъ „таинство“ культа. Вотъ въ немногихъ словахъ мистическая сущность этого „таинства“.

Великое космическое божество, наполняющее собою вселенную, величаво обнаруживающееся въ свѣтовыхъ явленіяхъ неба, источникъ жизни и безсмертія, спрятано въ деревѣ. Это его тайное убѣжище. Неоднократно говорится, что онъ „помѣщенъ тайно“ или въ „потанномъ мѣстѣ“ (*guhā hita*), въ тѣхъ двухъ „арани“, изъ которыхъ онъ извлекается посредствомъ тренія. Онъ представлялся зачатымъ въ деревѣ и рождающимся отъ дерева. Въ двухъ арани помѣщенъ Джатаведасъ (гласитъ стихъ III, 29, 2), с. овно зародышъ, прекрасно-помѣщенный въ беременныхъ жѣнахъ“. Это великая тайна — сокрытіе въ деревѣ этого космическаго бога, и это великое таинство — его рожденіе отъ дерева, при содѣйствіи людей, на глазахъ у смертныхъ. Богъ исконный и вѣчный сталъ новорожденнымъ младенцемъ. Онъ ежедневно обнаруживается смертнымъ, какъ малютка. Но велика божествен-

ность, огромна сила этого бога-младенца: „всѣ вкусили твою мощь, когда ты, живой богъ, родился отъ сухого дерева“ (V, 11, 6).

Процедура культа—это великая *мистерія*, въ которой люди овладѣваютъ величайшимъ божествомъ, превратившимся въ младенца; съ восторгомъ и религиознымъ трепетомъ взираютъ они на него, какъ онъ растетъ, какъ онъ пылаетъ на алтарѣ, устанавливая связь земли съ небомъ и обязуя боговъ служить людямъ. Объяты мистическимъ восторгомъ, они и привѣтствовали его крылатымъ словомъ гимна:

Онъ—первый жрецъ,—смотрите на него вы,
На этотъ свѣтъ—бессмертный среди смертныхъ!

VII.

Культъ и Космосъ.—Rtam.

Изъ вышеочерченной культовой и теософической концепціи Огня вытекаетъ слѣдующее:

Великое и таинственное божество *культа* — Агни-жрецъ (*hotar*) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и божество космическое, движущая и животворящая сила космоса. Поэтому понятіе *міра* и *порядка*, въ немъ царящаго, осложняется представленіями, взятыми изъ понятія *культа*. Космосъ изображается какъ своего рода культъ, какъ грандіозное всемірное жертвоприношеніе. Космосъ — это *макрокосмъ* культа.

И обратно: великое космическое божество—Агни-Джатаведасть — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и по преимуществу божество жертвоприношеній. Поэтому понятіе *культа* и *порядка*, въ немъ царящаго, осложняется признаками, взятыми изъ понятія космоса. Культъ изображается какъ своего рода маленькій космосъ, какъ *микрокосмъ*, въ которомъ собраны всѣ важнѣйшія стихіи и силы *міра*.

Между этими двумя сферами, космосомъ и культомъ, между этими двумя *порядками*, аналогичными и соотносительными, связаны искони таинственныя связи. Если культъ зависитъ отъ космоса (ибо отъ него получаетъ свой матеріалъ), то космосъ въ свою очередь находится въ прямой зависимости отъ культа, и о въ таинствѣ послѣдняго этотъ матеріалъ такъ сконцентрированъ и организованъ, что становится могущественной силой, магическою и дѣйствующей на весь міръ. Эта сила находится въ рукахъ людей,—и люди управляютъ космосомъ „уздой культа“.

Все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. вселенная, какъ макрокосмъ

культа, культъ—какъ микрокосмъ, ихъ взаимныя связи, ихъ зависимость другъ отъ друга, магическая сила культа, наконецъ, *порядокъ*, царящій въ той и въ другой сферѣ,—все это образуетъ сложную религиозную идею, которая въ гимнахъ Ведъ обозначается словомъ „*ṛtam*“.

По своему этимологическому происхожденію это слово есть причастіе прош. страд. въ среднемъ родѣ отъ глагола аг—приспособлять, прилаживать и приводить въ движеніе. *Rtam*—это нѣчто приведенное въ порядокъ, въ систему, организованное и пущенное въ ходъ, какъ нѣкій механизмъ.

Въ примѣненіи къ культу этотъ терминъ обозначаетъ тотъ строгій порядокъ, который соблюдался при совершеніи обрядовъ жертвоприношенія. *Rtam* культа—это стройная система священнодѣйствій и пѣснопѣній, издревле установленная и нерушимо соблюдаемая во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Но эта система, если можно такъ выразиться, не стоитъ на мѣстѣ: она движется, она повторяется ежедневно—съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ поръ какъ впервые отдаленные миѳическіе предки, по преданію, учредили таинство культа и упорядочили его составныя части. Съ тѣхъ поръ колесо культа катится безостановочно.

Вотъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ *ṛtam* обозначаетъ именно „культъ“:

V, 59, 1... пою Небу, возношу Землѣ *ṛtam* (священнодѣйствіе).

VII, 21, 5... демоны (*śiṣnadevas*—хвостатые?) да не приступятъ къ нашему *ṛtam* (культу).

VII, 39, 1... проворный жрецъ да совершитъ намъ *ṛtam* (обрядъ жертвоприношенія).

Въ примѣненіи къ космосу *ṛtam* обозначаетъ порядокъ, господствующій въ мірѣ, правильную смѣну временъ года, дня и ночи, движенія свѣтилъ, законосообразность явленій. Это космическое *ṛtam* изображается часто какъ продувъ творческой дѣятельности боговъ, при чемъ каждое божество является творцомъ *ṛtam*—порядка въ подвѣдомственной ему сферѣ явленій. Такъ напр., стихъ II, 28, 4 говоритъ, что „рѣки текутъ по *ṛtam* (закону) Варуны. Въ этомъ и подобныхъ случаяхъ *ṛtam* является синонимомъ другихъ терминовъ, специально приспособленныхъ для обозначенія космическаго творчества (а также и законодательной, юридической дѣятельности) боговъ. Таковы слова *vṛtataṁ* и *dharma*, которые мы переведемъ: „законъ“, „уставъ“, „завѣтъ“, „основа“ и т. п. Такъ напр., въ стихѣ VIII, 40, 8 говорится, что „по *tatam* Индры и Агни текутъ потоки, которые они освободили отъ узъ“ (дѣло идетъ, очевидно, о пролитіи дождя). Здѣсь слово *tatam* употреблено какъ разъ такъ, какъ въ вышеприведенномъ

стихѣ II, 28, 4—слово *ṛtam*. Или: „бессмертные боги не нарушаютъ вашихъ прочныхъ *vratani* (законовъ), о, Митра-Варуна!“ (V, 69, 4). „На тебѣ (о, Варуна), какъ на свалѣ, основаны непоколебимыя *vratani* (законы)“. Космическое *ṛtam*, разъ установленное, является непреложнымъ закономъ для самихъ боговъ. Такъ, въ стихѣ V, 8, 4 сказано о богинѣ Зарѣ, что „она шествуетъ правильно по пути *ṛtam*, какъ бы зная (какъ бы сознательно) не измѣняетъ она направленія“.

Иногда для отличенія *ṛtam* космическаго отъ *ṛtam* культа присоединяютъ къ первому эпитеты: „великое“, „мощное“. Напр., ст. X, 8, 5: „будь (о, Агни) окомъ и стражемъ *великаго ṛtam*, будь Варуной (или блюстителемъ), когда ты грядешь къ *ṛtam* (культу)“. Здѣсь противопоставлены „великое *ṛtam*“ и просто *ṛtam*. Первое есть космическій порядокъ, второе — культъ. V, 68, 1: „воспойте вдохновенный гимнъ вашему Варунѣ и Митрѣ: они оба, великой властью обладающие, образуютъ *великое ṛtam*“. VIII, 25, 4: „великіе Митра и Варуна, самодержцы, боги, владыки, *святые* (условный переводъ термина *ṛtavan*—прилагательное отъ *ṛta*, собственно принадлежащій къ *ṛtam*), провозглашаютъ *великое ṛtam* (космическій укладъ)“. Съ этой же точки зрѣнія смотрю я и на „великое *ṛtam*“ стиха I, 75, 5, гдѣ Агни приглашается вознести жертву Митрѣ, Варунѣ, богамъ вообще и „великому *ṛtam*“ — космическому порядку, который здѣсь какъ бы олицетворяется и ставится рядомъ съ богами.

Терминъ *ṛtam*, въ обоихъ своихъ значеніяхъ, въ сущности непереводимъ, и въ этомъ состоитъ его отличие отъ его синонимовъ, каковы вышеприведенныя *vratam* и *dharma*, отвѣчающіе *ṛtam* космическому, и *yajnas* (яджняс), *adhvaram* и др., обозначающіе культъ, жертвоприношеніе. Когда употребляли *ṛtam* въ значеніи „культъ“, то при этомъ мыслили связь культа съ космосомъ и, такъ сказать, подчеркивали космическій характеръ культа и его элементовъ. И наоборотъ: примѣняя *ṛtam* къ обозначенію мирового порядка, этимъ самымъ отмѣчали его культовой характеръ и его связи съ жертвоприношеніемъ. Поэтому, перевода соотвѣтственныхъ мѣста гимновъ, удобнѣе оставлять это слово безъ перевода, какъ техническій терминъ. Въ новыхъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующаго термина, нѣтъ и самаго понятія.

Содержаніе этого своеобразнаго и весьма сложнаго понятія будетъ полнѣе раскрыто ниже, когда мы рассмотримъ другіе (кромя огня) элементы культа, которыми, какъ и огню, было придано космическое значеніе: это священный напитокъ *Сомы*, вода, растопленное масло и „молитвы“. Здѣсь же, прежде чѣмъ

закончить эту главу, я отмѣчу одну черту, присущую понятію *ṛtam*, — черту, которая дастъ намъ ключъ къ загадкѣ, указанной въ концѣ главы IV. Тамъ былъ приведенъ загадочный стихъ VIII, 19, 25, гласящій такъ: „еслибы, о, Агни, ты былъ смертнымъ, то безсмертнымъ былъ бы я“.

Такія антитезы, какъ „люди и природа“, „человѣкъ и божество“, „я и міръ“, мыслились древними индусами эпохи Ведъ не совсѣмъ такъ, какъ мыслимъ ихъ мы. Своеобразное пониманіе этихъ антитез обуславливалось у нихъ рѣзкой *культовой* окраской ихъ религиозныхъ и теософическихъ воззрѣній. Вторые термины разсматриваемыхъ противоположеній сбивались на понятіе *ṛtam*, и получалась формула: „я (люди, человѣкъ) и *ṛtam* (въ которое, какъ его части, входили природа, міръ или міры, само божество, вся совокупность боговъ)“. Но это вселенное *ṛtam* было сконцентрировано въ культѣ, и вмѣсто космоса всегда можно было поставить его соотносительный терминъ, его замѣну — культъ. Такимъ образомъ наша антитеза сводилась къ противопоставленію человѣка культу: „я и *ṛtam* (культъ)“. Но соотношеніе между этими двумя терминами совсѣмъ уже не то, какое имѣетъ мѣсто между терминами нашихъ антитез „я и міръ“, „человѣкъ и божество“ и т. п. *Ṛtam* культа не отдѣлено отъ человѣка той пропастью, которая, по нашимъ *обычнымъ* понятіямъ, отдѣляетъ отъ него вселенную или божество. *Ṛtam* культа находится въ распоряженіи людей, это ихъ какъ бы собственность, это дѣло ихъ рукъ. „Я“ и *ṛtam* — это какъ бы двѣ чашки вѣсовъ, которыя уравниваютъ одна другую. Признаки одного термина находятся въ *равновѣсіи* съ признаками другого. Слабъ и безпомощенъ самъ по себѣ человѣкъ, но онъ владѣетъ могучимъ орудіемъ культа, и силы культа восполняютъ его слабость. Неразумы и простолюдины, но мудрость, живущая въ культѣ и представленная по преимуществу огнемъ, уравниваетъ неразумные смертные. Смертенъ человѣкъ, но, владѣя культомъ, онъ приобщается къ безсмертію Агни, этой основѣ культа. Вотъ тѣ *частныя* антитезы, которыя входили въ составъ *общей* антитезы: я и культъ. Но эта формула (я и *ṛtam*) не есть еще послѣднее выраженіе антитезы. Вмѣсто *ṛtam* можно было поставить Агни, какъ часть вмѣсто цѣлаго, и притомъ важнѣйшую, какъ *новую и существенную стихію ṛtam* ¹⁾. Такимъ образомъ получалась формула: „я и Агни“, и тѣ частныя противоположенія,

¹⁾ Слово *ṛtam* иногда употреблялось для обозначенія Агни, напр. IV, 1, 13: „Наши отцы человѣческіе тамъ возсѣдали, *раздувая ṛtam* (огонь)“.

о которыхъ мы только-что говорили, развертывались и варіировались между представленіями, съ одной стороны, человѣческой слабости, неразумія, бренности, смертности, а съ другой — мощи, мудрости, вѣчной юности и безсмертія Агни. Положительными качествами послѣдняго восполнялись и уравнивались отрицательныя качества человѣка. Агни былъ дающій и благодѣлствующій; человѣкъ былъ получающій и благодѣлствуемый. Но въ то же время человѣкъ былъ обладателемъ самого Огня, который отдался ему въ руки и служить ему. Владѣя Огнемъ, онъ становится соучастникомъ въ таинственной культовой дѣятельности этого „друга людей“; онъ — сотрудникъ Агни въ его работѣ жреца, а стало быть, и въ его животворной роли вообще, какъ источника жизни, безсмертія и мудрости. Двѣ чашки вѣсовъ уравнивались; человѣкъ становился рядомъ съ божествомъ и могъ сопоставлять себя и свои отрицательныя качества съ божествомъ и его положительными атрибутами въ такомъ родѣ: „еслибы, о, Агни, я былъ ты, а ты былъ бы я, то твои пожеланія были бы здѣсь обезпечены“ (VIII, 44, 23): будь я на твоемъ мѣстѣ, я непременно исполнилъ бы твои просьбы. Человѣкъ могъ мысленно ставить себя на мѣсто величайшаго и таинственнѣйшаго изъ божествъ. И сопоставляя свою смертную природу съ безсмертіемъ Агни, онъ, въ силу антитезы „я и Агни“, которой термины уравнивали другъ друга, приходилъ къ заключенію, что еслибы Агни вдругъ оказался смертнымъ, то безсмертнымъ пришлось бы быть только ему, — человѣку.

Дм. Овсянико-Куликовскій.

ГОГІЯ-ПѢВЕЦЪ,

ГЕРОЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ТОМЪ, КАКЪ ЯВИЛИСЬ ВЪ МІРѢ ИВОЛГА,
СОЛОВЕЙ И УДОДЪ *).

Темна, черна была безмолвная, тихая ночь. Напрасно зоркій глазъ всматривался бы въ темноту—нельзя было различить и пальца у самого носа. Но чутокъ былъ слухъ—ясно раздавался въ затихшей окрестности отдаленный гулъ шаговъ. Вотъ что-то тихо прозвенѣло, пронеслось и замерло вдали, точно волшебный порывъ вѣтра ворвался и нарушилъ глубокій покой ночи. И затѣмъ въ тишинѣ одиноко раздались и ударили по сердцу печальные звуки чонгури. Съ странной тоской лились эти звуки. Какъ дѣти, всхлипывали и стонали струны; точно дрожа отъ состраданія, онѣ хотѣли облегчить и успокоить грѣхъ и муки земли—успокоить такъ, чтобы все міровое страданіе, уменьшаясь и исчезаая, могло пройти въ игольное ушко.

И долго звенѣли струны, съ невѣдомой силой хватая за сердце; но вотъ прозвучалъ голосъ и величаво разнеслось въ тишинѣ пѣніе. То не была торжественная пѣснь радости и не былъ зауспокойный, горестный плачъ—въ той пѣснѣ слышалась одинокая, безысходная скорбь, и, сливаясь съ нею, звучалъ упрекъ и вырывалось проклятіе.

Оборвалась пѣснь и въ тишинѣ что-то отвѣтило ей: какой-то глухой ропотъ, тихій вздохъ и сдержанный смѣхъ.

Выглянулъ изъ-за горы мѣсяцъ и тихимъ свѣтомъ озарилъ окрестность: неподвижно стоялъ Гогія, опустивъ свою чонгури и зперивъ очи въ балконъ родного дома, а сверху три женщины,

*) По-грузински: „мечонгуре“, т. е. пѣвецъ, играющій на чонгури, инструментѣ, схожемъ съ малороссійскою бандурою.

перегнувшись черезъ перила, глядѣли внизъ. Одна изъ нихъ, старая, мрачно бормотала что-то; другая, съ покойнымъ лицомъ, молодая, молча вздыхала; третья, безпокойная, тихо посмѣивалась. Всѣ три глядѣли внизъ на Гогію, о немъ были всѣ думы, о немъ и ропотъ, и вздохъ, и смѣхъ.

— Итакъ, прощаешься съ нами? Рѣшился? — съ горечью проговорила старая. — А на кого оставляешь насъ? Бросаешь меня старуху! Ну, пусть такъ — и мать. Но не жаль тебѣ сестры? Или и разлука съ молодой женой не щемитъ тебѣ сердце?

— Родная, — отвѣчалъ Гогія: — кто уклоняется сердцемъ отъ общей бѣды, тотъ недостойнъ любить ни мать, ни жену, ни сестру. Стыдно, ласкаясь, класть голову на колѣни матери, стыдно делѣять сестру и, улыбаясь, сидѣть съ женой, когда гибнетъ родная земля. Не могу оставаться, — рѣшило мое сердце: иду, куда оно зоветъ меня и манитъ. Тамъ смерть или побѣда! Туда иду, а вамъ, родныя, вотъ мой завѣтъ: возьмите чонгури мою — каждый день, просыпаясь, пусть каждая изъ васъ заиграетъ на ней, вспомнивъ обо мнѣ. Пока я живъ, будутъ пѣть и струны чонгури моей. Но если оборвутся струны — молитесь у Бога вѣчнаго мира грѣшной душѣ моей.

Кончилъ Гогія, недолго собирався, крѣпко прижалъ къ вѣрному сердцу мать, сестру и жену и, перекрестясь, пустился въ путь-дорогу. Съ воплемъ прокляла мать дорогу, уводившую сына, но сердце, разрываясь отъ тоски, посылало ему вслѣдъ всѣ благословенія міра. У молодой сестры чтò было на сердцѣ, то и на языкѣ — сердце билось за брата, уста благословляли его въ дорогу. А молодая жена сердцемъ была покойна и уста словъ не нашли; только, отпуская мужа, она потеряла глаза и надула губы.

Въ ту ночь безсонница не томила молодую сестру, сладко спала жена, только старуха-мать во всю долгую ночь не сомкнула глазъ и ѣдкими, одинокими слезами до утра окропляла холодную постель.

„Зачѣмъ, зачѣмъ я, безразсудная, прокляла его путь? Чтò, если проклятіе мое дошло до неба? Чтò, если оно слышано?“ Такъ въ тоскѣ своей шептала старая мать, а надежда, тихо успокаивая, приговаривала: „Нѣтъ, нѣтъ! не слышало небо! Не даромъ говорить, что нѣтъ силы въ материнскомъ проклятіи: мать языкомъ проклянеть, но грудь, вскормившая сына, зашитъ проклятіе. Чуяла и я, проклиная, какъ, противясь, ласкалась груди“.

И до утра, крестясь и тоскуя, въ страхѣ шептала мать: „Господи! Господи! не услышь грѣшнаго языка моего!“ И

только разсвѣло, первая подошла она къ полѣ, дрожащей рукой сняла чонгури сына и трепетными пальцами, едва касаясь струнъ, заиграла чуть слышно:

ПѢСНЬ МАТЕРИ.

„Съ тоской ждала я тебя, съ горемъ родила на свѣтъ, съ слезами выпростила: и кто, скажи, сынъ, можетъ любить тебя, какъ любить тебя родная мать? Легко дочь мѣняетъ отца на мужа, скоро жена-вдова за другимъ слѣдуетъ—только мать-старуха любовь свою къ сыну уносить въ могилу. Вблизи сердце для него бьется, вдали мыслью около него кружится, не задумываясь, головой за него жертвуетъ, и жертва эта сладка. Сынъ же мать свою для другой забываетъ; но такъ было и будетъ, такъ положено Господомъ. И сердце матери пусть разорвется—все же уступить. Съ того часа, сынъ, какъ мы разстались, черныя мысли обуреваютъ мое сердце. О, если тебѣ голодно или мучить тебя жажда! о, если холодно и ты ничѣмъ не накрытъ! Ой, если лежишь ты на полѣ брани, вражьей стрѣлою въ сердце пронзенный, и чтобы обвязать твою рану, нѣтъ около тебя твоей матери. Ой! если твои прекрасныя очи коршунъ и воронъ черныи выклевываютъ, и, оставшись безъ хозяина неразсѣданныи, тихо ржеть надъ тобою добрый конь твой! Ой! если твои курчавые волосы птицы разносятъ, ввиваютъ въ гнѣзда! Пусть тогда и родная мать твоя обратится въ птичку: съ крикомъ кружась надъ головою твоею, защититъ она твои очи, охранитъ она твои будри...“

Умоклa мать, и молодая дочь бережно приняла изъ рукъ ея чонгури брата, съ благоговѣніемъ поцѣловала и, нѣжно ударивъ по струнамъ, заиграла, напѣвая:

ПѢСНЬ СЕСТРЫ.

„Братъ добрый, могучій—гордость сестры, если онъ въ то же время и истинный другъ ей: съ ней сердцемъ сливается, съ ней душой сходится. Нѣтъ конца дружбѣ, коль нѣтъ въ ней расчета; но лишь вплетется расчетъ, недолго цѣсти ей—скоро увянетъ. Какъ не любить мнѣ Гогію? Онъ истинный другъ и братъ. Никогда не соскучусь видѣть его, никогда не устану слушать его. Какъ не любить мнѣ Гогію? Онъ съ головы до пятъ вѣрный сынъ родины: ей, какъ матери, служить, за нее потрясаетъ десницей, ее же славить его дивная чонгури. Пошли-жъ ему, Боже, слагу и побѣду! Всюду храни его отъ бѣды и напасти! Боже,

верни мнѣ брата невредимымъ! Боже! молю тебя, услыши рабу твою! Но если останется онъ на полѣ брани съ вражьей стрѣлою въ храбромъ сердцѣ, пусть обернись я перелетною птишкой, вспорхну, полечу сърымъ соловушкой. Сердцемъ узнаю его сирую могилу и, сидя надъ ней въ тоскѣ, громко стану пѣть о его славныхъ подвигахъ. И съ грустью внимая той жалобной пѣснѣ, не забудутъ Гогію-мечангуре окрестныя горы и долины...”

Еще не кончила сестра, а ужъ молодая невѣстка съ шумомъ налетѣла, вырвала изъ рукъ ея чонгури и, съ силой ударивъ по струнамъ, громко запѣла и заиграла.

Пѣснь жены.

„Скажите, для красивой жены, чтò значить мужъ, коль не поясъ серебряный, удобомѣняемый! Сегодня однимъ опояшется, завтра другой украшаетъ станъ; потеряетъ—поплачетъ, долго не горюетъ. Красивая вдовушка слезы льетъ красуясь и, завидѣвъ статнаго юношу, скромно опускаетъ головку, смотреть украдкой, исподлобья, будто стыдливо жмуря глазки. И попадаетъ въ сѣти простака! Разъ испытавъ замужство, второго мужа возьметъ уже въ руки, а не подчинится добромъ—выжметъ изъ него слезы ѣдкія, какъ укусъ! Въ семьѣ станетъ госпожей суровой и властной, на сторонѣ заведетъ веселыя знакомства. Сколько ни бейся мужъ, —не сладить съ ней. Умную вдову не пугаетъ вдовство—охотно облечется въ печальныя одежды! На сердцѣ все свѣтло и ясно. Скажите, для красивой жены, чтò значить мужъ, коль не поясъ серебряный, удобомѣняемый!..“

Отъ сильнаго бренчанья разболѣлись пальцы у молодой жены; дрожа, звенѣли завѣтныя струны, но выдержали, не порвались.

Такъ одна за другой, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ играли на чонгури мать, сестра и жена, но врѣзки были струны —ни одна не оборвалась.

Но разъ въ обѣденное время прыгнулъ старый котъ съ полки, почуявъ запахъ мясного, задѣлъ чонгури и сбросилъ. Подскочили женщины—въ дребезги разбилась чонгури Гогіи, трезвона, оборвались завѣтныя струны всѣ до единой. Обмерли мѣ сестрой, но сердце не хотѣло вѣрить бѣдѣ: „Что жъ дѣлать говорили онѣ: „вѣдь не сами оборвались струны—котъ сбросилъ чонгури“. Но въ самое сердце ужалила ихъ молодая жена: „Снѣтъ!“ —говорила она:— „недобрый знакъ! Недаромъ вчера на н

шемъ дворѣ всю ночь кричала сова, а сегодня ужъ и воронъ каркалъ“. При этихъ словахъ поблѣднѣла старая мать, краска сбѣжала съ лица сестры, только молодая жена, не круша себѣ сердца, ушла въ свою свѣтлицу, одѣла цвѣтное платье и, прихорашиваясь, стала чесать волосы. И сбылось по словамъ ея. Только ушла она—вошелъ недобрый вѣстникъ, держа въ рукахъ одежды Гогіи. При видѣ его въ ужасѣ пожелтѣла старая мать,—словно сѣрымъ пепломъ подернулось лицо молодой сестры. И сжалилось небо, услышало оно молитву матери: оборвалась ея жизнь, а на мѣстѣ ея вспорхнула желтая иволга; слѣдомъ за ней выпорхнулъ сѣрый соловушко. Опустѣлъ домъ—осталась на просторѣ полной хозяйкой молодая жена Гогіи. Но вотъ раздался голосъ гдѣ-то въ вышинѣ: „Не быть и тебѣ между женами, негодная!“ И въ мигъ исчезло пестрое платье. Не успѣла молодая жена вынуть гребень изъ волосъ—ударилась она объ полъ пестрымъ удономъ,—гребешокъ остался на головѣ. И съ той поры на трехъ ниткахъ, словно кадило, высоко вѣшаетъ иволга легкое гнѣздо свое и, принимая его за колыбель сына, тихо раскачиваетъ и горестно напѣваетъ: „Милый Гогія! Милый Гогія! Сынъ мой Гогія! Сынъ мой Гогія!“ Но гдѣ прольетъ горячую кровь вѣрный сынъ родины—тамъ вырастаетъ прекрасная роза, алою кровью окрасивъ нѣжные лепестки свои. И соловей, гдѣ только увидитъ алую розу—тамъ садится, и чудится ему безвременная могила Гогіи, и, одиноко заливаясь на тысячи ладовъ, въ тоскѣ поетъ онъ вѣчную память славной душѣ его. А пестрый, нарядный удождъ суетливо бѣгаетъ по землѣ, подрагивая зубчатымъ гребешкомъ. Не вспорхнуть ему высоко—гнететъ его забота: то тутъ, то тамъ постукивая о землю длиннымъ клювомъ, нѣхотя ищетъ онъ забытую могилу Гогіи-мечонгуре.

О. Т.

ВИНОГРАДНИКЪ НАВУӨЕЯ

РОМАНЪ.

Naboth's Vineyard, by Somerville and Martin Ross.

I.

Гостинница на морскомъ берегу.

Всякій, кто хотя мелькомъ взглянетъ на карту Ирландіи, замѣтитъ, насколько юго-западный уголь ея пострадалъ отъ своего положенія крайняго аванпоста европейскаго материка въ его борьбѣ съ Атлантическимъ океаномъ. Эта борьба между моремъ и скалистыми берегами шла непрерывно, и въ настоящее время, послѣ долгаго ряда столѣтій, протекшихъ въ такомъ единоборствѣ, при взглядѣ на излучистый рядъ острыхъ мысовъ и косъ, съ длинными, извилистыми проливами, можно подумать, что острые зубы казого-нибудь голоднаго чудовища изгрызли мягкую зеленую землю и выхватили ее кусками изъ ряда скалистыхъ твердынь, которыя стоятъ твердо и непоколебимо. Но при всей насильственности и жестокости такого образа дѣйствій, результатъ—какъ это часто бываетъ—оправдываетъ узурпатора. Море пробило себѣ путь глубоко въ горахъ и во многихъ тихихъ „фіордахъ“ устроилось на покой сельской жизни, окруженное всѣми мирными звуками и картинами твердой земли, точно оно никогда и не бушевало и не потопило Фастнетскаго маяка.

На границѣ графства Коркъ и графства Керри находится одинъ изъ такихъ заливовъ, гдѣ все содѣйствуетъ морю при нутъся кроткой прѣсной водой: продолговатый островъ леж

поперекъ его устья, загромаждая обширный юго-западный горизонтъ и почти соединяя обѣ вѣсы земли, протянувшіяся на встрѣчу другъ другу по обѣимъ его сторонамъ. Внутри ихъ зеленовато-голубая вода раскидывается совсѣмъ какъ озеро; но на разстояніи мили отъ входа, тамъ, гдѣ берега внезапно суживаются и образуемый такимъ образомъ каналъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, — она, начиная съ этого пункта, течетъ уже какъ рѣка между крутыми холмами, поросшими густымъ лѣсомъ; они спускаются къ самой водѣ и раскидываютъ свои вѣтви надъ сѣрыми утесами и желтыми водорослями...

Маленькій рыбацкій городокъ Росбринъ выстроенъ былъ въ такомъ именно мѣстѣ, совсѣмъ не ради украшенія Трегартской гавани; благодаря лишь счастливой случайности, онъ очутился на полъ-пути между открытымъ моремъ и вышеупомянутымъ лѣсистымъ берегомъ рѣки.

Онъ, по всей вѣроятности, началъ свое существованіе съ ряда рыбацкихъ коттеджей; они выстроились надъ водой и въ настоящее время совсѣмъ придавлены большимъ безобразнымъ строеніемъ, возвышающимся на набережной съ слѣдующей надписью, черными буквами на сѣрыхъ стѣнахъ: „Провіантскіе магазины О'Греди“.

Слѣдуя ихъ примѣру, другіе коттеджи взгромоздились одинъ надъ другимъ, на холмѣ, и теперь человекъ, стоящій въ началѣ чуть не перпендикулярной тропинки, которую настойчивые домостроители заставили играть роль улицы, видитъ подъ ногами блестящій рядъ черепичныхъ кровель, похожихъ на неправильную лѣстницу съ сверкающими ступенями.

Два высокихъ сивомора, аваяпосты Трегартскихъ лѣсовъ, стоятъ по срединѣ улицы у подошвы холма, и улица такъ круто вздымается надъ ними, что обитатели домовъ, расположенныхъ повыше, могутъ почти заглядывать въ гнѣзда птицъ, котящихся въ верхнихъ вѣткахъ. Эти деревья, „Два дерева“, какъ ихъ любовно окрестили обитатели Росбрина, служатъ всѣми признаннымъ центромъ, откуда расходятся всѣ мѣстныя сплетни. На видъ кажется, будто эти два дерева растутъ изъ груды огромныхъ камней, на верху которыхъ, согласно преданію, нѣкогда пасся скотъ, и весьма возможно, что наслѣдственность играетъ роль въ неизбежной, почти фатальной привычкѣ мужского населенія собираться къ ихъ тѣни съ цѣлью поболтать и покурить трубочку.

Лишь на вершинѣ холма Росбринъ расширяется и принимаетъ измѣры одного изъ значительнѣйшихъ рыбацкихъ поселеній на юго-западѣ.

Здѣсь въ трехъ улицахъ, расходящихся изъ одной централь-

ной, находятся почтовая контора, аптека, небольшое, но элегантное заведеніе: „Модистки по всѣмъ отраслямъ дамскаго костюма“, которое содержитъ миссъ Кэтти Викири, законодательница моды и хорошихъ манеръ въ Росбринѣ; наконецъ, бакалейная лавка, гдѣ сапоги, подбитые гвоздями, серпы и кипы веревокъ спускаются съ потолка, оставляя мало мѣста для болѣе законнаго присутствія кусковъ свиного сала и свертковъ съ соевыми свѣчами.

И здѣсь, подавляя все окружающее своимъ величіемъ, стоитъ гостинница Донована, родъ важнаго трактира съ зеленой по золоту вывѣской, эффектно выдѣляющейся на розовыхъ опутуренныхъ стѣнахъ. Несмотря на претензію быть содержателемъ гостинницы, ея хозяинъ, какъ всѣмъ было извѣстно, получаютъ большую часть дохода отъ „рестораци“, а не отъ нарядныхъ комнатъ, расположенныхъ въ верхнемъ этажѣ для удобства прѣзжающихъ. Но сомнительно, чтобы онъ сознался когда-нибудь въ этомъ кому-либо изъ многочисленныхъ соперниковъ-кабатчиковъ въ Росбринѣ; а жена его, молодая дама съ большими претензіями на образованность, вполне игнорировала существованіе кабака и только въ крайнихъ случаяхъ вскользь упоминала о „ресторанѣ“.

Въ одинъ прекрасный октябрьскій день 1883 г. можно было узрѣть самого м-ра Джона Донована за рѣшетчатой конторкой, расположенной въ концѣ ресторана. Онъ пользовался раннимъ часомъ дня, чтобы свести счеты по книгамъ. Его жирный палецъ быстро бѣгалъ по столбцамъ вверхъ и внизъ и жирныя губы бормотали по временамъ таблицу умноженія и сложения. Большой желѣзный сундукъ стоялъ раскрытый на высокомъ стулѣ, около него, и онъ часто поворачивался къ нему, держа перо въ зубахъ, вынимая изъ сундука свертки бумагъ и сравнивая ихъ содержаніе съ цифрами въ книгахъ. Повидимому, то была сложная система бухгалтеріи для гостинницы хотя бы и съ кабакомъ, такъ какъ итоги требовали постоянной провѣрки самыхъ неожиданныхъ документовъ, какъ, на примѣръ, контракты и арендные договоры и другія засаленныя бумаги, оказывавшіяся инвентарями имущества различныхъ фермъ съ замѣтками карандашомъ и многочисленными помятками.

Наружность богатаго м-ра Джона Донована была не изъ привлекательныхъ; мрачные темные глаза сидѣли глубоко во впалыхъ, носъ былъ съ горбомъ, какъ у попугая, а отвислыя толстыя щеки обросли рѣдкой черной щетиной. Когда же онъ вставалъ съ мѣста по временамъ, то его плотная и сутуловатая фигура оказывалась такою же неблагообразной, какъ и его лицо.

Стукъ колесъ по дорогѣ заставилъ его взглянуть въ открытую дверь, и, переведя глаза на часы, онъ заперъ и отставилъ въ сторону желѣзный сундукъ, снявъ шляпу съ вѣшалки, прибитой къ стѣнѣ надъ его головой. Послѣ того, растворивъ дверь, которая вела въ задніе покои, громкимъ и сердитымъ голосомъ кликнулъ какую-то Джоанну, приказывая ей придти и „заняться лавкой“, а самъ вышелъ на улицу.

Тамъ его дожидалась двухколесная телѣжка, ирландское подобіе фермерскаго „gig'a“, запряженная бурой кобылой, которая оглянулась на своего владѣльца съ выраженіемъ злобной меланхолии въ глазахъ въ то время, какъ онъ бралъ вожжи у мальчика, державшаго ее, и грузно усаживался въ телѣжку.

— Послушай, Михаэль, — сказалъ онъ мальчику: — что, м-ръ О'Греди еще не показывался?

— Навѣрное нѣтъ, потому что пароходъ съ рыбой еще не приходилъ.

— Хорошо. Какъ только пароходъ уйдетъ, м-ръ О'Греди придетъ ко мнѣ; ты дождись его и попроси не уѣзжать изъ города, пока я не вернусь назадъ. Скажи ему, что я поѣхалъ по дѣлу въ Скарифъ.

Ударъ бича, который предвкушала кобыла, послѣдовалъ за этими словами, и м-ръ Донованъ поѣхалъ по улицѣ, поглядывая на зѣвакъ на порогъ лавокъ съ неодобрительной надменностью, какъ и подобало человѣку, у котораго полъ-населенія было въ долгу. Быть можетъ, еслибы онъ удостоилъ оглянуться, то замѣтилъ, что интересъ, съ какимъ они въ свою очередь взирали на его широкую, самодовольную спину, далеко не такъ почтителенъ, какъ тотъ, какой они выражали ему, когда онъ сидѣлъ за конторкою и сводилъ съ ними большіе и малые счета.

Но м-ръ Донованъ рѣдко оглядывался въ какомъ бы то ни было смыслѣ; его вниманіе было безусловно сосредоточено на будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, и ограничивалось при этомъ однимъ пунктомъ, требовавшимъ неустанной бдительности, а именно упроченія финансоваго могущества.

Мелкая рысца, какой самоуваженіе кобылы заставляло ее придерживать, пока они ѣхали по городу, перешла въ покорный шагъ, когда властная рука хозяина повернула ее изъ улицы на горную дорогу; эта дорога вела внутрь страны, вдоль высокой каменной стѣны, защищавшей опушку Трегартскихъ лѣсовъ на востокъ отъ открытаго моря.

Въ продолженіе четверти мили сѣрая суровая стѣна тянулась безъ перерыва, и хотя бы вѣточка плюща смягчила ея строгое

однообразіе. Эта стѣна производила тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе на прохожаго человѣка, что ему невѣдомо было, чтѣ скрывалось за ней; но еслибы привычка не устраняла въ м-рѣ Донованѣ всякое размышленіе на этотъ счетъ, то единственное чувство, какое стѣна могла въ немъ возбудить,—это почтительное восхищеніе кучею денегъ, какихъ она стоила.

На вершинѣ длинной горы, которая шла отъ Росбрина, немолимое однообразіе стѣны было нарушено, и между столбами высокихъ желѣзныхъ воротъ прорвался ослѣпительно яркій свѣтъ.

Обширный, залитый солнцемъ зеленый лугъ разстился за ними съ группами вязовъ, сверкавшихъ золотомъ на полуденномъ солнцѣ. Дальше видѣлась линія моря съ маякомъ, высившимся точно большая бѣлая чайка между двумя голубыми пятнами моря и неба.

Плотные бока кобылы тяжело раздувались, когда она добралась до ровнаго мѣста напротивъ воротъ. Но не состраданіе къ ней и не удовольствіе отъ открывшагося внезапно вида заставили м-ра Донована придержать ее. Онъ увидѣлъ женщину между деревьями парка, направлявшуюся торопливыми шагами по лугу къ воротамъ. Она была еще далеко, и онъ терпѣливо ждалъ, чтобы она подошла ближе. Взглядъ его изъ-подъ толстыхъ, нависшихъ вѣкъ былъ сосредоточенъ на ней съ выраженіемъ, почти оживившимъ его тупое лицо и обнаруживавшимъ фактъ, врядъ ли извѣстный самымъ короткимъ изъ его знакомыхъ, хотя для самой женщины, подошедшей къ воротамъ, онъ былъ не тайной,—фактъ, что Джонъ Донованъ влюбленъ въ свою жену.

— Какъ, Гарриета, это ты?—крикнулъ онъ ей.—Я думаю, ты внизу, въ городѣ.

Она не отвѣчала, пока не подошла такъ близко, что могла говорить, не возвышая голоса.

— Что мнѣ сидѣть въ городѣ?—проговорила она ворчливо.—Я пришла сюда, чтобы спастись отъ запаха проклятой рыбы!

То была высокая, сильнаго сложенія, молодая женщина, лѣтъ около тридцати, блѣднолицая, съ густыми черными бровями, придававшими энергическое выраженіе ея безпокойнымъ чернымъ глазамъ. Она была хороша собой, несмотря на то, что нижняя часть лица была непропорціонально развита, а нижняя губа недовольно оттопыривалась, при чемъ послѣднее шло въ разрѣзъ съ чувственнымъ выраженіемъ большого, пухлаго рта.

— Да, здѣсь, конечно, воздухъ для тебя здоровѣе,—притворительно сказалъ Донованъ.—Во всякомъ случаѣ мы скоро о-

кончимъ съ этой партіей рыбы; говорятъ, пароходъ О'Греди отходитъ сегодня.

— Онъ уже готовъ къ отплытію, — отвѣчала Гарріета. — Я видѣла, какъ разводили пары нѣсколько времени тому назадъ. Вонъ онъ, въ устьѣ гавани.

Она повернулась и показала на густую колонну дыма, которая поднималась надъ вершинами деревъ. Глаза ея мужа подозрительно съѣжились.

— А теперь ты направляешься домой? — спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: — не лучше ли тебѣ отправиться вмѣстѣ со мной къ вдовѣ Леонардъ?

Она размахивала дешевымъ зонтикомъ съ черной ручкой, уставясь глазами въ землю, какъ бы въ нерѣшительности. Но вдругъ взглянула въ лицо мужа, наклонившагося къ ней.

— Нѣтъ, я не хочу видѣть этихъ Леонардовъ! — отвѣтила она съ неудовольствіемъ, еще сильнѣе выразившимся въ ея голосѣ. — Я вернусь лучше домой.

Она затворила за собой ворота и пошла въ направленіи къ Росбрину.

Донованъ, зная, что означаетъ надутая нижняя губа у жены, благоразумно уклонился отъ бесполезнаго спора. Онъ не былъ человѣкомъ экспансивнымъ, и только кобыла могла бы вывести заключение изъ необыкновенно сильнаго удара бичомъ, доставшагося на ея долю, что ея хозяинъ недоволенъ тѣмъ, что жена его встрѣтится tête-à-tête съ м-ромъ Ричардомъ О'Греди.

II.

Неписанный законъ.

Нѣсколько выше было замѣчено, что Трегартская бухта круто заворачивала внутрь страны; но географическія описанія съ трудомъ укладываются въ головѣ читателя сразу, а ходъ нашей исторіи заставляетъ, къ несчастію, настаивать на этихъ неинтересныхъ подробностяхъ.

Вслѣдъ за этимъ внезапнымъ и очень красивымъ загибомъ бухта разливалась на подобіе озера, а затѣмъ вытягивалась длиннымъ узкимъ рукавомъ къ западу, на встрѣчу маленькой рѣчонкѣ Ружи, которая бурно несется изъ родного озера, гдѣ въ сумерки зимы можно видѣть дикихъ гусей.

Дорога, на которую теперь свернулъ м-ръ Донованъ, огибала

Трегартскіе лѣса и шла по довольно почтенному каменному мосту, перекинутому въ полумилѣ разстоянія отъ устья рѣки, и вела въ пустынную горную мѣстность на сѣверъ отъ бухты.

Ферма вдовы Леонардъ лежала между этимъ мостомъ и бухтой, и тропинка, которая вела къ ней отъ большой дороги, была настолько неудобна, что м-ръ Донованъ окончательно осерчалъ къ тому времени, какъ въѣхалъ во дворъ фермы. Погнувшіяся и ржавыя желѣзныя ворота стояли гостепріимно раскрытыми, и отборное стадо гусей, торжественно маршировавшихъ по направленію къ грязному пруду, находившемуся по другую сторону тропинки, приведено было въ внезапное смущеніе телѣжкой и бо-былой и поспѣшило съ истерическимъ крикомъ назадъ къ кучѣ навоза, украшавшей центръ двора.

Дворъ, какъ и вообще на югѣ Ирландіи, представлялъ собой небольшой квадратъ, съ двухъ сторонъ обруженный строеніями съ грязными соломенными кровлями, а съ третьей и съ четвертой стороны шелъ заборъ съ воротами и помѣщался домъ.

У послѣдняго стояла хозяйка, женщина лѣтъ около пятидесяти, съ курчавыми сѣдыми волосами и необыкновенно краснымъ лицомъ. Общій видъ ея говорилъ о рѣшительности характера и даже сварливости, и какъ разъ въ этотъ моментъ эффектъ этихъ качествъ особенно подчеркивался той энергіей, съ какой она вынимала кипы мокраго бѣлья изъ локани и трясла его, прежде чѣмъ повѣсить на заборъ.

— Здравствуйте, м-ръ Донованъ, — сказала она голосомъ, звукъ котораго еще усиливалъ рѣзкость громкаго, сварливаго южнаго говора.

Она вынула изо рта большую мѣдную булаву, которая мѣшала ей говорить, и, воткнувъ ее въ толстую фланелевую юбку, немедленно заговорила сама съ собой, по обыкновенію вслухъ высказывая самыя задушевные мысли: — Эта негодная телка выѣла цѣлый кусокъ изъ моей новой юбки! Право, я видѣла, какъ она слѣдила за мной, когда я развѣшивала юбку на кустѣ; но такая хитрая тварь, — не подошла вѣдь, пока я не ушла изъ дому, а тогда-то она и выѣла. Право! угоню ее сегодняшней же ночью въ Дримнахунъ. Какъ она ни хитра, а стѣны тамъ, навѣрное, не прогрызетъ!

Во время этой рѣчи Донованъ слѣзъ съ телѣжки и терпѣливо ждалъ конца.

— Миѣ кажется, вамъ лучше было бы, м-съ Леонардъ — медленно произнесъ онъ: — не гонять больше скота въ Дримнаху Ъ.

М-съ Леонардъ точно вдругъ поперхнулась.

— А почему бы это? — спросила она такимъ громкимъ голосомъ, что его можно было бы слышать за версту.

Донованъ оглядѣлся прежде нежели отвѣтить. Кругомъ никого не было ни видно, ни слышно, кромѣ свиней, громко и жадно пившихъ свое пойло изъ корыта, гусей, задумчиво стоявшихъ на кучѣ навоза, да нѣсколькихъ телятъ, дожидавшихся своего ужина. Но медлительный, зоркій взглядъ Донована проникъ сквозь мракъ хлѣва и открылъ тамъ фигуру человѣка, стоявшаго съ вилами въ рукахъ, которыми онъ выгребалъ навозъ, всякій разъ когда разговоръ на дворѣ привлекалъ его вниманіе.

— Вечеръ довольно прохладный, — замѣтилъ содержатель гостиницы, точно не слышавъ словъ м-съ Леонардъ. — Если позволите, я войду въ домъ погрѣться у камелька. Эй, Данъ, — позвалъ онъ: — поди сюда и поддержи пока кобылу!

Человѣкъ въ хлѣвѣ положилъ вилы и тяжелой, неуклюжей походкой направился по двору, не глядя на Донована, и взялъ кобылу подъ уздцы. На нѣкоторомъ разстояніи его широкія сутуловатые плечи и плотная фигура заставляли думать, что онъ человѣкъ средняго возраста, а потому, когда онъ подходилъ ближе, то нельзя было не удивиться, видя, что онъ — мрачнаго вида, некрасивый молодой парень лѣтъ двадцати двухъ или трехъ: цвѣтъ лица у него былъ кирпичный, а по формѣ оно напоминало пуддингъ, расплзшійся во всѣ стороны, несмотря на сдерживающую его салфетку. Въ общемъ впечатлѣніе оказывалось замѣчательнымъ подтвержденіемъ теоріи, что кто питается картофелемъ, тотъ въ концѣ концовъ становится самъ похожъ на это растеніе. Быть можетъ, всего страннѣе въ наружности Дана Гурли была грива бѣлобрысыхъ волосъ, падавшихъ ему на глаза спереди и спускавшихся сзади на воротникъ фланелевой куртки. Волоса были почти бѣлые и, представляя странный контрастъ съ его смуглымъ лицомъ, сообщали его свѣтлымъ глазамъ необыкновенную пристальность.

Донованъ неодобрительно слѣдилъ за его взглядомъ и, входя въ домъ за м-съ Леонардъ, сказалъ достаточно громко, чтобы его слышала Данъ:

— Еслибы это былъ мой слуга, то я бы обучилъ его хорошимъ манерамъ и между прочимъ снимать шляпу передъ высшими.

— Его манеры достаточно хороши для меня, — отвѣчала м-съ Леонардъ, и звукъ ея голоса предвѣщалъ бурю.

Она придвинула кресло гостю и затѣмъ занялась большимъ котломъ, висѣвшимъ надъ огнемъ и гдѣ варилась морковь. М-съ Леонардъ сняла котелъ съ огня и поставила его на глиняный полъ. Испол-

нивъ такимъ образомъ долгъ вѣжливости относительно гостя, она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— А теперь вы, можете быть, объясните мнѣ, что вы считали насчетъ Дримнахуна?

М-ръ Донованъ плотнѣе усѣлся въ креслѣ и внушительно провапшлялся.

— А вотъ что, м-съ Леонардъ,—началъ онъ съ мягкостью въ сознаніи своего превосходства.—Я не сомнѣваюсь, что вы помните объ обстоятельствахъ, случившихся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на Дримнахунской фермѣ. Вы хорошо знаете, какимъ образомъ бѣдный Джемсъ Магони долженъ былъ оставить ее, потому что не могъ уплатить ренты, и какія резолюціи постановила на этотъ счетъ лига...

М-съ Леонардъ сидѣла, наклонясь надъ котломъ, и мѣшала морковь чумичкой, пока Донованъ говорилъ, но при послѣднихъ его словахъ выпрямилась.

— Совершенно лишнее приходитъ сюда и толковать мнѣ про аграрную лигу,—загремѣла она.—Я такой же добрый членъ ея, какъ и всякій другой. Я плачу мои повинности аккуратно и благодарю Господа Бога за то, что могу ихъ выплатить, а потому не должна никому другому кланяться!

Въ то время, какъ м-съ Леонардъ благодарила Бога такимъ агрессивнымъ образомъ, можно было съ увѣренностью сказать, что досада ея и самоуваженіе дошли до точки кипѣнія. Она стояла, держа въ правой рукѣ дымившуюся чумичку, и глядѣла на Донована сквозь паръ, поднимавшійся отъ моркови.

— Никто не споритъ, что вы хорошій лигѣръ, м-съ Леонардъ,—произнесъ онъ съ тою же нестерпимой мягкостью:—а потому насъ и удивило, что вы взяли ферму, которая была бойкотирована по приказанію главнаго комитета.

— А развѣ земля эта не была въ арендѣ у родного брата моей матери, прежде чѣмъ Джемсъ Магони взялъ ее?—отвѣчала м-съ Леонардъ все съ тѣмъ же воплемъ негодованія:—и я не думала брать ее, пока не услышала, что Томъ Кэри хочетъ ее взять; а вѣдь онъ креатура лэндлорда и никогда не платилъ ни одного пенни лигѣ; я увѣрена, сказала я тогда, что гораздо лучше, чтобы добрый лигѣръ взялъ ферму, нежели онъ.

Донованъ всталъ съ кресла и устремилъ холодные, рыи глаза въ ея взволнованное лицо.

— Покорно прошу васъ принять къ свѣденію,—произъ съ онъ:—что, какъ президентъ „Розбринской Отрасли“, я увѣдомлю васъ, что лига приказываетъ вамъ отказаться отъ Дримнахунской

фермы. А какъ вашъ добрый знакомый, предупреждаю васъ, что мы не отвѣчаемъ за насилія, если таковыя произойдутъ. У насъ, конечно, не мало въ странѣ людей, которымъ наплевать на законъ и на лигу, если имъ покажется удобнымъ поживиться на счетъ ближняго. Не такъ вѣдь еще давно капитанъ Мунлайтъ далъ о себѣ знать въ округѣ.

— Чортъ бы побралъ капитана Мунлайта!—отвѣчала м-съ Леонардъ, безстрашно и грозно размахивая руками:—а отвѣтъ мой лигѣ тотъ, что когда я перестану платить свою повинность, тогда они успѣютъ сообщить мнѣ свои приказанія касательно земли, принадлежавшей моему родному дядѣ; но пока я аккуратно плачу, никому нѣтъ резона вмѣшиваться въ мои дѣла!

Отвѣта не воспослѣдовало. Донованъ направился къ двери, не выражая на своемъ лицѣ ни досады, ни желанія поставить на своемъ. Такое безмолвное удаленіе было самымъ эффектнымъ, какое онъ только могъ придумать,—а потому ему особенно досадно было, что какъ разъ въ эту минуту дверь внезапно растворилась передъ самымъ его носомъ, и у его ногъ очутилось тяжелое ведро съ молокомъ. Оно обрызгало его платье и принудило отступить назадъ отъ удивленія и испуга, что было со всѣмъ уже не эффектно.

— Что это такое? Куда лѣзете безъ толку?—рѣзко сказалъ онъ, и вдругъ увидѣлъ позади Дана въ темныхъ сѣняхъ.

— За какимъ чортомъ оставилъ ты кобылу безъ призора?

— Онъ помогъ мнѣ внести ведро съ молокомъ, м-ръ Донованъ,—отвѣчалъ кротко дѣвическій голосъ.

— Лучше бы ему дѣлать то, что ему приказываютъ,—сказалъ Донованъ, проходя мимо Дана на дворъ.

— А съ какой стати онъ будетъ слушаться скорѣе вашихъ приказаній, чѣмъ моей дочери?—завопила ему вслѣдъ вдова, торопясь выйти изъ дому, чтобы завязать баталію:—онъ вамъ обязанъ тѣмъ, что пошелъ въ услуженіе, и это знаетъ! Прилично, нечего сказать, вамъ прикидываться великимъ лигѣромъ и толковать мнѣ про Дримнахунъ, тогда какъ вы откармливаете свой скотъ на землѣ, принадлежавшей его матери, которую вы упрятали въ рабочій домъ!

— Тише, мамъ!—сказала дѣвушка, которая, очевидно, гордо больше боялась Донована, нежели ея храбрая родительница.—Мнѣ очень жаль, м-ръ Донованъ. Я думала, что кобыла шлоитъ смирно и такъ.

И это было несомнѣнно, такъ какъ кобыла опустила голову къ ногамъ и мирно дремала.

Но Донованъ не удостоилъ вниманія это извиненіе.

Онъ влѣзъ въ телѣжку и, медленно поворачивая кобылу головой къ воротамъ, оглянулся на миссъ Леонардъ.

— Можеть быть, вы разсудительнѣе матери, а потому скажу вамъ: всего лучше для васъ убѣдить ее поступить такъ, какъ я ей сказалъ насчетъ Дримнахунской фермы.

III.

М-съ Донованъ у себя дома.

Пароходъ съ рыбой медленно и осторожно пробирался сквозь маленькій флотъ своихъ сателлитовъ, рыбачьихъ лодокъ съ бурными парусами, и исчезъ изъ виду, обогнувъ восточную косу бухты вмѣстѣ съ грузомъ туго связанныхъ боченковъ съ рыбой. Черное дыханіе его трубы омрачило слабую розовую зарю небесъ, а пѣна отъ колесъ прыгала вокругъ хорошенькаго желтаго челнока, въ которомъ сидѣлъ Рикъ О'Греди, направляясь къ берегу. Онъ работалъ веслами изо всѣхъ силъ; октябрьскій воздухъ былъ прохладенъ и рѣзокъ, а онъ нѣсколько часовъ сряду наблюдалъ за медленной нагрузкой своихъ бочекъ съ рыбой, и это занятіе было ему пріятно. Все ему казалось пріятно сегодня въ то время, какъ онъ мощно направлялся къ берегу. Восхитительное сознаніе благосостоянія и благополучія охватило его. Грузъ, который онъ только что отослалъ, былъ необыкновенно значителенъ, и онъ ощущалъ уже не въ первый разъ живую радость человѣка, пустившаго въ ходъ новое предпріятіе, несмотря на всю оппозицію, и доведшаго его до конца, благодаря собственной настойчивости и энергіи.

Закупка рыбы въ обширныхъ размѣрахъ была новымъ дѣломъ въ Росбринѣ, и когда Рикъ, вернувшись изъ Америки, вмѣсто того, чтобы свои сбереженія помѣстить въ сельское хозяйство или, что еще болѣе освящалось обычаемъ, открыть кабакъ, сталъ скупать рыбу,—общественное мнѣніе рѣшило, что глупость Рика О'Греди жалка, если не дерзка. То было шесть мѣсяцевъ тому назадъ, и уже мѣстные мудрецы перемѣнили тонъ и указывали на длинные магазины на набережной, какъ на достойное олицетвореніе ихъ взглядовъ на помѣщеніе капитала.

Рикъ рано остался безо всякой поддержки въ жизни и до сихъ поръ умѣлъ отлично справляться со всякими затрудненіями. Если онъ и былъ самонадѣянъ, то успѣхъ оправдывалъ его и

хотя надо правду сказать,—въ немъ не было ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ красивой наружности, но у него былъ практическій, здравый смыслъ, постоянно подсказывавшій ему то, что слѣдуетъ сдѣлать, и подтапливавшій его на дѣятельность. И даже въ такомъ бойкомъ обществѣ, какъ „Свиной Клубъ“ въ Чикаго, гдѣ зѣвать было не въ модѣ, ясность его взгляда, энергія и толковое пониманіе своихъ интересовъ заслужили ему репутацію человѣка обстоятельнаго. На дѣлѣ онъ былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ людей, у которыхъ умъ совершенно равносильнъ честолюбію, а потому слово неудача почти изъята изъ ихъ словаря.

Мы сказали, что у него была замѣчательно красивая наружность, но должны сознаться, что красота его была вовсе не классическаго типа, а также не особенно интеллектуальна.

Его рыжевато-темные волосы были черезъ-чуръ густы и падали на низкій, широкій лобъ. Носъ, хотя прямой и красиво очерченный, вовсе не подходилъ къ греческому образцу. Несмотря на густыя темныя брови, голубые глаза шли въ разрѣзъ съ яркими рыжими усами и румянымъ лицомъ, а голова, хотя небольшая и хорошо посаженная на широкихъ плечахъ, отличалась той плотностью повыше ушей, какая хотя и сообщаетъ несомнѣнную силу, но портитъ контуръ.

Челнокъ скоро достигъ берега, и Рикъ, выйдя изъ него и привязавъ, пошелъ вверхъ по горѣ съ видомъ человѣка, которому время дорого. Обогнувъ два большихъ сикомора, онъ остановился поглядѣть на часы, прежде чѣмъ пуститься на самую крутизну.

„Уже половина пятаго,—подумалъ онъ:—а я сказалъ ей, что буду въ четыре. Ну, да въ сущности...“

Онъ не докончилъ, но съ полуулыбкой пожалъ плечами и прибавилъ шагъ, уставясь глазами въ землю, какъ человѣкъ, задумавшійся о прошломъ.

Въ трактирѣ гостинницы Донована былъ только одинъ поствитель—старуха, покупавшая табакъ и почтительно посторонившаяся, чтобы пропустить молодого человѣка, когда его стройная, высокая фигура показалась въ дверяхъ. Мальчикъ, подававшій телѣжку къ двери Донована, соскочилъ съ боченка, стоявшаго въ углу, торопливо спрятавъ цимбалы, которыми онъ утѣшался въ свободные часы, и передалъ Рикъ данное ему порученіе въ нѣсколько измѣненной формѣ.

— Мистеръ Донованъ отправился въ Скарифъ, а вамъ велѣлъ ожидать его въ приемной!

Онъ отворилъ дверь въ концѣ лавки, и Рикъ прошелъ по

темному корридорчику, въ которомъ пахло, какъ пахнетъ въ буфетѣ мебелированныхъ комнатъ,—буфетѣ, гдѣ хранится сыръ, хлѣбъ, и который потому посѣщаютъ мыши. Слабый свѣтъ проходилъ сквозь стеклянную дверь на концѣ корридорчика; Рикъ постучался, и голосъ изнутри пригласилъ его войти.

Гарриэта Донованъ парадно возсѣдала въ своей пріемной. Она вязала крючкомъ бѣлую салфетку, такъ-называемый „антимаксаръ“, подобную тѣмъ, которыя угрюмо висѣли на спинкахъ краснаго дерева „полудюжины столовыхъ стульевъ“, купленныхъ ея мужемъ по случаю свадьбы на принудительномъ аукціонѣ имущества одного изъ ихъ безчисленныхъ должниковъ. Огонь ярко горѣлъ на маленькой рѣшеткѣ, но пепла почти не было видно въ каминѣ изъ полированного камня, и сырость въ комнатѣ достаточно свидѣтельствовала о томъ фактѣ, что огонь зажженъ всего лишь какой-нибудь часъ назадъ. На кругломъ столѣ, покрытомъ клеенкой, отсутствовали всякія украшенія, за исключеніемъ высокой вазы съ искусственными цвѣтами, двухъ или трехъ книгъ въ позолоченныхъ переплетахъ и подноса со стаканами и черной бутылкой съ виномъ.

М-съ Донованъ не встала на встрѣчу посѣтителю; напротивъ того, она откинулась назадъ, насколько прямая спинка стула допускала это подражаніе фешенебельной непринужденности, и протянула гостю большую, довольно бѣлую руку.

— Я очень сожалѣю, что заставилъ васъ ждать, м-съ Донованъ, я не могъ придти раньше,—сказалъ Рикъ, беря руку и трясая ее съ особенной дружеской неуязвимостью, свойственной его классу людей.—Пароходъ запоздалъ.

Онъ зналъ, говоря это, что, извиняясь, такъ сказать, ставитъ себя въ невыгодное положеніе; но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ молодыхъ людей, которые не боятся ставить себя въ невыгодное положеніе относительно женщинъ, такъ какъ по опыту знаютъ, что такое положеніе часто оказывается наивыгоднѣйшимъ.

Гарриэта немедленно воспользовалась удобнымъ случаемъ.

— О! не безпокойтесь объ этомъ, м-ръ О'Греди! Боже! я почти не ожидала васъ видѣть—вы такъ неопредѣленно высказались вчера,—и я думала, что вы желаете видѣть только м-ра Донована.

Говоря это, она спохватилась объ очевидной уликѣ, красовавшейся на столѣ.

— М-ръ Донованъ оставилъ бутылку портвейна на тотъ случай, если вы придете,—прибавила она: — не угодно ли выпить рюмочку въ ожиданіи его прихода?

Рикъ налилъ себѣ вина и подоудвинулъ стулъ поближе къ ней.

— Вы бы должны были знать, что я приду, если общался,—сказаль онъ съ легкимъ паѳосомъ въ голосъ.

М-съ Донованъ не отвѣчала, и только съ усиленной энергіей задвигала крючкомъ, въ то время какъ густая краска медленно заливала ея блѣдное лицо.

Рикъ допилъ вино и вытеръ свои побѣдоносные усы ладонью. Онъ играль въ любовь съ Гарриэтой Келли довольно усердно нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но теперь, когда онъ видѣлъ, что отъ него ждутъ возобновленія этой игры при болѣе пикантныхъ, хотя и опасныхъ обстоятельствахъ, онъ убѣдился, что игра потеряла для него всю прелесть.

— Скажите мнѣ теперь, о чемъ хотѣлъ говорить со мной Джонъ,—перевелъ онъ разговоръ на болѣе практическую почву: — о дѣлахъ лиги или о чемъ иномъ?

— Право, я мало знаю его дѣла, — отвѣчала Гарриэта холодно. — Кажется, что это касается бойкотированной фермы, которую взяла за себя м-съ Леонардъ. Онъ получилъ повѣстку объ этомъ отъ секретаря лиги вчера.

— Это хорошая ферма,—задумчиво произнесъ Рикъ. — Магони дуракъ, что бросилъ ее.

— Можетъ быть, онъ теперь и сожалѣетъ объ этомъ,—отвѣчала Гарриэта съ короткимъ смѣхомъ. — Да какъ бы и м-съ Леонардъ тоже не пришлось пожалѣть.

Рикъ промолчалъ, какъ всегда дѣлаль, когда выслушиваль новость, которая требовала провѣрки и сравненія съ тѣмъ, что онъ раньше слышалъ. Характерной чертой въ немъ было то, что онъ, какъ въ малыхъ, такъ и въ крупныхъ дѣлахъ, провѣряль такимъ образомъ свои мнѣнія, прибѣгая совсѣмъ инстинктивно къ наилучшему и вѣрнѣйшему способу, не подозрѣвая его значенія.

Онъ недавно применилъ къ росбринскому отдѣлу земельной лиги, и отлично зналъ всѣ обстоятельства, связанные съ Дримнахунской фермой.

Чего онъ не зналъ, такъ это—насколько президентъ отдѣла, Джонъ Донованъ, довѣряетъ женѣ. Съ своей стороны Рикъ, на основаніи прежняго знакомства съ нею, склоненъ былъ относиться къ ней съ величайшей осмотрительностью.

— Конечно,—сказаль онъ: — нельзя знать, что будетъ, но и я тоже думаю, что вдова наживетъ съ фермой больше хлопотъ, чѣмъ расчитывала.

И вдругъ прибавиль, повидимому, совсѣмъ некстати:

— У нея дочка довольно миленькая.

Гарриэта разглядывала лепестокъ розы, связанной изъ бѣлой бумаги, и съ улыбкой, искривившей ея губы, замѣтила:

— Говорятъ, что Данъ Гурли, батракъ ея матери, такого же мнѣнія.

— Неужели это тотъ бѣлобрысый центюхъ, который былъ съ ними въ церкви въ прошлое воскресенье?—спросилъ Рикъ недо- вѣрчиво.—Да вѣдь онъ дурень, какъ смертный грѣхъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчала Гарриэта со смѣхомъ:—и мы всѣ думаемъ, что должно быть вдовѣ плохо приходится, если она не думаетъ найти лучше мужа для своей дочери. Можетъ, она думаетъ, что лучше хоть какого-нибудь, чѣмъ никакого.

Рикъ всталъ съ мѣста и принялся разглядывать олеографи- ческій портретъ м-ра Парнелля, занимавшій почетное мѣсто надъ узенькимъ каминомъ, точно предметъ разговора пересталъ интере- совать его.

Гарриэта почувствовала, что пересолила, и раздраженное со- знаніе подсказало ей то, что думалъ въ эту минуту Рикъ, а именно: что въ присутствіи м-съ Донованъ не слѣдуетъ хвалить другую женщину. Она взглянула на него съ выраженіемъ въ глазахъ, смягчавшимъ ихъ обычную дерзость, но ничего лучше не придумала сказать себѣ въ оправданіе, какъ замѣтивъ:

— Я вѣдь въ сущности ничего не знаю про Эллентъ Лео- нардъ. Можетъ быть, все это однѣ глупыя сплетни.

Помолчавъ съ минуту, какъ будто она боролась съ желаніемъ не наговорить много лишняго, она прибавила:

— Мнѣ очень жаль, что вамъ приходится такъ долго ждать Джона. Не понимаю, почему онъ такъ запоздалъ. Сядьте и вы- пейте еще стабанъ вина.

Въ душѣ Рикъ былъ бы очень радъ слышать тяжелые шаги трактирщика въ корридорчикѣ; отвернувшись отъ изображенія ме- ланхолическихъ чертъ не-коронованнаго короля, онъ проговорилъ съ улыбкой, обнаружившей его бѣлые зубы:

— Вамъ не зачѣмъ жалѣть меня, м-съ Донованъ, пока я не жалуюсь; но на бѣду мнѣ никакъ нельзя ждать.

Она подумала, что онъ красивѣйшій изъ мужчинъ, какихъ она когда-либо видѣла, въ то время какъ онъ стоялъ передъ не- крута рыжіе усы и нерѣшительно улыбаясь.

Рикъ очень переимѣнился съ тѣхъ давнихъ дней, когда въ Росбринъ зналъ, что онъ „гоняется за Гарриэтой Келли“, и въ запная жгучая ненависть наполнила ее въ самой себѣ за то, ч она прогнала его въ Америку съ досады на нее и на весь мір

когда она отвергла его, чтобы выйти за мужъ за самого богатаго человѣка въ Росбриѣ.

— Мнѣ припоминаются старыя времена, когда я васъ вижу здѣсь,—проговорила она почти застѣнчиво:—тѣ времена, когда вы еще не уѣзжали въ Америку. Вы звали меня тогда просто „Гарріэта“.

Несмотря на самообладаніе, онъ нѣсколько смутился.

— О! это было такъ давно! съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось.

— Я это знаю,—почти неслышно прошептала Гарріэта.

И вдругъ, уставившись на него темными, загорѣвшими глазами, пролепетала:

— Рикъ! вы все еще сердитесь на меня за то, какъ я съ вами поступила?

Единственной непрактической чертой въ характерѣ Рика было то, что онъ рѣдко отваживался сказать что-нибудь обидное женщинѣ.

— Сержусь на васъ! Богъ мой, нѣтъ! вы знаете, что я и тогда... конечно... — бормоталъ онъ.

Дверь ихъ лавки въ корридорчикъ закрипѣла на петляхъ, и громкій, сердитый голосъ, который становился Гарріэтѣ все ненавистнѣе, отдалъ какое-то приказаніе кому-то.

Рикъ схватилъ свою красивую оленью шапку и, пройдя въ корридорчикъ, поздоровался съ м-ромъ Донованомъ, съ радушіемъ далеко не притворнымъ.

IV.

Лунная пастораль.

Разбойница рыжая телка находилась гдѣ-то въ отсутствіи. Вѣрная своему обѣщанію, м-съ Леонардъ сослала ее на Дримнахунскую ферму, гдѣ такой роскоши, какъ фланелевыя юбки, не водилось около пустого дома Джемса Магони. Быть можетъ, въ поискахъ за этимъ дессертомъ, послѣ однообразной грубой травы, телка удалилась отъ стада и навлекла на себя проклятія Дана Гурли, который дождливымъ октябрьскимъ утромъ обходилъ по обыкновенію ферму и считалъ скоть.

Телки не было въ полѣ, гдѣ остальной скоть провелъ ночь. Данъ сосчиталъ всѣхъ коровъ: девять изъ нихъ стояли и тупо глядѣли въ окружающій ихъ густой туманъ, или же недовольно фыркали носомъ на мокрую траву. Но десятой, самой дорогой и самой красивой изъ всѣхъ, рыжей телки, нигдѣ не было видно.

Данъ перешелъ ручеекъ, журча катившій свои воды по камнямъ, и пошелъ по грязной тропинкѣ въ сосѣднее поле къ плантаціи изъ еловыхъ и лавровыхъ кустовъ. Красная телка составила себѣ славу бродяги, и Данъ зналъ, что ей ничего не стоило пролѣзть сквозь изгородь. Онъ ожидалъ найти ее въ плантаціи грызущею листья лавровъ.

Но слабое мѣсто въ изгороди, сквозь которое она легко могла пролѣзть, было нетронуто, и обыскъ плантаціи остался безъ результата.

— Если только она не забралась въ огородъ съ грядами моркови,—сказалъ самому себѣ Данъ:—она навѣрное убѣжала назадъ въ Скларифъ, чортъ ее поберет!

Онъ неуклюже перелѣзъ черезъ заборъ и торопливо пошелъ къ коттеджу, за которымъ скрывался огородъ, но, проходя въ ворота, Данъ увидѣлъ на заднемъ дворѣ зрѣлище, положившее конецъ его недоумѣніямъ.

Тамъ у амбара лежала рыжая телка, купаясь въ собственной крови, бѣжавшей изъ безчисленныхъ ранъ, которыми исколота была ея гладкая шкура. Къ дверямъ амбара прибита была грязная бумажка съ нацарапанными на ней какими-то словами.

Данъ направился къ этому мѣсту съ странной дрожью, охватившей его съ головы до пятокъ. Дождь уже на половину смылъ записку, такъ что онъ съ трудомъ прочиталъ ее:

„Берегитесь; такъ поступаю я со всѣми ослушниками земельной лиги.

„Капитанъ Луннаго Свѣта“.

Обычный гробъ, грубо нарисованный, заканчивалъ это посланіе Данъ боязливо оглядѣлся кругомъ. Онъ хорошо зналъ, что „капитанъ Луннаго Свѣта“ шутить не любитъ: можетъ быть, въ настоящую минуту дуло его ружья направлено изъ-за какого-нибудь укромнаго уголка въ него, Дана. Мысль эта приковала его къ мѣсту; въ вискахъ у него стучало, а некрасивое лицо побурѣло отъ страха.

По истеченіи нѣсколькихъ минутъ онъ рискнулъ оглядѣться. Въ грязи были видны слѣды человѣческихъ ногъ, но никакихъ другихъ признаковъ присутствія человѣческаго существа не оказывалось. Онъ собрался съ духомъ, снялъ бумажку со стѣны и пошелъ прочь, украдкой озираясь по сторонамъ.

Какъ только онъ выбрался на дорожку, такъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, пока не добѣжалъ до большого оголеннаго поля, гдѣ оставилъ остальной скотъ. Онъ постоялъ тамъ тяжело переводя духъ, и, вынувъ бумажку изъ кармана, пытался:

было вторично прочитать ее, но голова у него кружилась, строчки прыгали передъ глазами и какой-то кровавый туманъ застилалъ глаза. Холодный потъ выступилъ у него на всемъ тѣлѣ, въ глазахъ потемнѣло, его охватилъ ужасъ, подобный смерти, и онъ лишился чувствъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежитъ на мокрой травѣ съ оковенѣлыми ногами и какъ ледъ холодными пальцами, судорожно ухватившимися за грубую траву. Онъ съ трудомъ приподнялся, сѣлъ и медленно сталъ припоминать, что съ нимъ было. Въ послѣдній разъ, когда у него былъ такой припадокъ,—это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ глядѣлъ вслѣдъ фургону, увозившему его мать въ рабочій домъ, и кто-то—кто же это былъ?—ударилъ его палкой, говоря, что теперь онъ долженъ трудиться, если не хочетъ самъ отправиться туда же. Онъ забылъ про этотъ ударъ, послѣдующія событія какъ-то вытѣснили его у него изъ памяти, но вотъ теперь онъ вдругъ про него вспомнилъ. Онъ съ трудомъ поднялся на ноги, стараясь привести въ порядокъ разстроенныя мысли, какъ вдругъ увидѣлъ на землѣ бумажку, снятую имъ съ двери. Онъ поднялъ ее, и пока читалъ, имя человѣка, нанесшаго ему тотъ давно забытый ударъ, вдругъ вспомнилось ему, точно таинственный намекъ, съ помощью котораго онъ могъ разрѣшить эту темную загадку.

Для ума, какъ его, мышленіе не является связнымъ процессомъ, но выражается рядомъ болѣе или менѣе рѣзкихъ ощущеній. Данъ перешелъ отъ страха къ тихой ярости, которая постепенно, разумно или нѣтъ, сосредоточилась на одномъ предметѣ—на человѣкѣ, который съ дѣтства казался ему источникомъ всего зла, которое онъ видѣлъ вокругъ себя.

Еслибы Джонъ Донованъ зналъ, какія проклятія и угрозы ненависти и мщенія раздавались противъ него на холодномъ пастбищѣ бойкотированной Дримнахунской фермы, ему бы не такъ хорошо спалось на мягкомъ пуховикѣ, хотя бы онъ и считалъ, что въ данномъ случаѣ совѣсть его механически чиста. Дану же это нападеніе на собственность, которую онъ считалъ ютчи своею, казалось естественнымъ кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности злого человѣка, отравлявшаго ему жизнь, и ненависть, дремавшая въ его сердцѣ, проснулась и разгорѣлась жгучимъ пламенемъ.

Вдова Леонардъ вставала рано поутру, и ея домочадцы естественно слѣдовали ея примѣру. Въ половинѣ шестого, Бриджета,

колоссальнаго роста и толщины служанка, кормила свиней горячей картофельной похлебкой, отъ которой шелъ паръ, когда Данъ появился на дворѣ.

— Что ты такъ скоро вернулся домой, Дани?—замѣтила она, отряхивая картофельную муку съ своихъ толстыхъ рукъ:—завтрака тебѣ не дожидаться раньше добрыхъ полчаса.

Но вдругъ, взглянувъ ему въ лицо, вскричала:

— Но что съ тобой? ты... ты боленъ?

Данъ вмѣсто всякаго отвѣта прошелъ мимо нея въ коровникъ, изъ открытыхъ дверей котораго доносилось непрерывное, глухое доеніе молока.

Элленъ была тамъ и олицетворяла собой—еслибы только Данъ способенъ былъ это видѣть—пасторальный романсъ: сидя на низенькомъ стулѣ, она уперлась бѣлокурой головкой въ черный бокъ коровы, которую доила; ее освѣщали блѣдный утренній свѣтъ.

Лицо ея было того типа, который встрѣчается гораздо чаще на югѣ Ирландіи, нежели это думаютъ: продолговатое, почти меланхолически овальное, съ прямыми бровями и серьезными сѣрыми глазами, красивое лицо и честное, съ гладкимъ лбомъ въ формѣ полумѣсяца, вообще обозначающимъ скорѣе добрую нравственность, нежели большой умъ.

Она услышала шаги Дана по двору и оглянулась, когда онъ вошелъ и остановился около нея. Нѣчто невыразимое въ немъ поразило Элленъ. Она перестала доить и, пристально взглянувъ на него, спросила, какъ Бриджета:

— Что съ тобой, Данъ? отчего ты такъ рано домой вернулся?

Данъ провелъ ладонью по губамъ, прежде чѣмъ отвѣтить. Затѣмъ хрипло проговорилъ:

— Большая рыжая телка убита въ Дримнахунѣ.

— Великій Боже!—вскричала Элленъ, вскакивая съ мѣста:—какъ могли ее убить?

— Они почти на части растерзали ее у самой двери Джона Могани,—продолжалъ Данъ все тѣмъ же хриплымъ шопотомъ:—и прибили къ двери вотъ эту записку.

И онъ вынулъ изъ кармана бумажку.

— Пусть онъ зоветъ себя капитаномъ Луннаго Свѣта, проклятый разбойникъ! но я знаю, какъ Богъ святъ, кто онъ!

— А кто же онъ, Данъ?—спросила Элленъ.

Свѣтлые глаза Дана украдкой оглядѣли коровникъ и затѣмъ остановились на блѣдномъ, взволнованномъ лицѣ Элленъ.

— Пользы мало будетъ, если я скажу вамъ, — проговорилъ онъ, наконецъ, глядя на нее съ выраженіемъ, въ которомъ и

трость страннымъ образомъ сочеталась съ нѣжностью. — Но я скажу вамъ вотъ что: лучше было бы для насъ отказаться отъ Дримнахуна.

— Мама ни за что не согласится! — закричала Эленъ, и слезы полились у нея изъ глазъ. — О! Данъ! мы пропали! Что намъ дѣлать?

Она схватила его за руку, забывшись, а другой рукой закрыла глаза и стала раскачиваться взадъ и впередъ.

Данъ былъ не особенно мужественный и храбрый человекъ, но въ такую минуту мужество явилось и у него:

— Ахъ, не плачьте! — сказалъ онъ, неловко охватывая ее рукой за талию. — Будьте увѣрены, что они сперва убьютъ меня, прежде чѣмъ доберутся до васъ!

Голосъ его задрожалъ отъ непривычнаго чувства, и смыслъ его сталъ понятенъ Эленъ, несмотря на ея страхъ. Она живо отодвинулась отъ него и выпустила его руку.

— Но какъ же, Данъ... ты еще не говорилъ объ этомъ мамѣ? Пусти меня въ домъ, — я сообщу ей.

Она выбѣжала изъ коровника, прежде нежели онъ успѣлъ ее остановить, и поспѣшила черезъ дворъ въ коттеджъ, на порогъ котораго стояла ея мать и сзывала цыплятъ къ обычной утренней трапезѣ.

V.

Исключительное положеніе.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ м-съ Леонардъ узнала объ умерщвленіи своей телки, м-ръ Джонъ Донованъ провелъ все утро у себя дома — и довольно пріятнымъ для себя образомъ. Онъ великодушно разрѣшилъ обоимъ слугамъ идти на похороны по сосѣдству, хорошо зная, что такое „зрѣлище“, какъ похороны, привлечетъ большую часть обитателей Росбрина, и въ лавку къ нему почти никто не заглянетъ.

Въ теченіе часа онъ мирно занимался сведеніемъ счетовъ и, окончивъ это занятіе, покойно усѣлся въ креслѣ почитать „Free-man's Journal“, спиной къ шкафамъ изъ краснаго дерева и надвигуя шляпу на глаза. Онъ внимательно читалъ, выговаривая про себя слова съ усердіемъ, которое могло бы очень польстить издателю; но ничьи шаги на улицѣ не ускользали отъ его привычнаго уха, и рѣдкіе прохожіе провожались зоркимъ взглядомъ изъ-подъ полей мягкой шляпы, обыкновенно украшавшей его голову въ лавкѣ.

Быть можетъ, встати будетъ замѣтить мимоходомъ о привычкѣ, господствующей среди торговцевъ того класса, къ какому принадлежалъ м-ръ Донованъ, — носить шляпу въ лавкѣ во время продажи. Кажется, эта привычка имѣетъ тройное значеніе: она отмѣчаетъ хозяина дома и его авторитетъ передъ бѣднѣйшими покупателями; она придаетъ ему больше почтительности, когда онъ снимается ее передъ „хорошими“ посѣтителями, и наконецъ, — что всего, пожалуй, важнѣе, — намекаетъ на другія, болѣе важныя дѣла за стѣнами дома, при которыхъ пребываніе за прилавкомъ является лишь интермедіей.

Несмотря на видъ лѣниваго довольства, характеризовавшій м-ра Донована въ это тихое послѣ-полудня, болѣе внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ немъ легкіе признаки нетерпѣнія, указывавшіе на то, что онъ какъ будто чего-то или кого-то поджидаетъ. Разъ онъ даже протянулъ руку и немного отодвинулъ графинъ съ хересомъ, стоявшій на окнѣ и мѣшавшій ему видѣть то, что происходитъ на улицѣ.

Онъ прочиталъ „Free-man“ отъ яростной передовой статьи до объявленій включительно, когда чья-то тѣнь легла на газету, которую онъ положилъ себѣ на колѣни, и онъ едва успѣлъ взять ее въ руки и притвориться читающимъ, какъ въ лавку вошла Эленъ Леонардъ.

Она колебалась съ минутку, поглядывая то на прилавокъ, то на стѣны, пока шелестъ газеты не обнаружилъ передъ нею присутствія Донована. Пледъ, брошенный на голову и на плечи, почти скрывалъ ее лицо, а сѣрые глаза глядѣли такъ устало и такъ уныло, что м-ръ Донованъ съ трудомъ удержался отъ довольной улыбки, увидя это, а замѣтивъ также блѣдность ея щекъ и дрожаніе маленькой смуглой ручки, которую она положила на прилавокъ, не могъ не подумать, какъ быстро чудная дисциплина бойкотта урезонила эту дочь непокорной бунтовщицы.

— Мнѣ нужно полъ-фунта чаю, м-ръ Донованъ, прошу васъ, — начала Эленъ, ставя около себя на полъ большую корзину и роясь въ складкахъ платья, въ поискахъ за кошелькомъ: — и...

— Я весь чай распродалъ, — отвѣчалъ м-ръ Донованъ коротко.

— Какъ же это! мнѣ то же самое сказали у Мурфи и у Эгона! — сказала Эленъ съ удивленіемъ, переходившимъ въ разочарованіе. — Я была увѣрена, что у васъ я непременно найду ча...

Донованъ поднялъ газету, уставился въ нее глазами, но ни слова не сказалъ.

— Если такъ, то пожалуйста отпустите мнѣ фунтъ сахара.

— У меня нѣтъ его больше въ запасѣ.

Лицо Эллентъ вдругъ вспыхнуло.

— Однако, не странное ли это дѣло, я сегодня ничего не могу достать, что мнѣ нужно! — сказала она, стараясь говорить какъ можно развязнѣе. — Но вотъ я вижу у васъ кукурузу; отпустите мнѣ немного.

И она указала на боченокъ съ кукурузой, стоявшій на прилавкѣ.

Донованъ медленно перевернулъ страницу газеты.

— Все это уже заказано другими покупателями, — отвѣчалъ онъ.

Онъ отодвинулъ шляпу на затылокъ, зѣвнулъ и опять установился въ газету.

Эллентъ ничего больше не сказала. Она положила кошелекъ обратно въ карманъ и, взявъ пустую корзинку въ руку, вышла на улицу. Въ глазахъ ея стояли слезы досады и страха въ то время, какъ она шла по неровной мостовой, такая несчастная и убитая, какъ только могъ пожелать самый ярый приверженецъ Джамса Магони. Она понимала теперь причину апатіи столь энергическаго въ обычное время торговца, какъ м-ръ Джонъ Донованъ, и удивительной бѣдности жизненныхъ припасовъ въ такомъ цвѣтущемъ мѣстечкѣ, какъ Росбринъ.

Мы боимся, что качества исторической героини вполне отсутствовали у Эллентъ. Политическихъ убѣждений у нея не было никакихъ, но ея личныя мнѣнія, какъ и у большинства женщинъ ея класса, основывались на личныхъ выгодахъ, и, поспѣшно огибая высокую каменную стѣну, она рѣшила, что Дримнахунская мыза не должна долѣе грозить голодной смертью ея матери.

Она свернула съ дороги у воротъ, гдѣ Гарриета встрѣтилась съ мужемъ, и пошла по широкому лугу въ рошѣ, черезъ которую вела тропинка въ Скварифъ. Легкій туманъ поднялся съ закатомъ и ограничивалъ ея горизонтъ. Она оглянулась назадъ, затворяя за собой ворота, и сердце въ ней упало въ то время, какъ она вступила въ лѣсъ, отдѣлявшій ее отъ дома; нервность ея была частью физическая, частью суевѣрная. Деревья стояли неподвижныя и таинственныя, окутанныя покровомъ красныхъ листьевъ, обвѣваемые блѣднымъ дыханіемъ тумана, стлавшагося по ихъ стволамъ и заполнявшаго промежутки между ними. Эллентъ хотѣлось бы, чтобы подулъ вѣтеръ, разогналъ листья передъ нею, раскачалъ бы таинственныя вѣтки и заглушилъ бы громкій стукъ ея собственныхъ шаговъ.

На полъ-пути отъ Скварифа въ лѣсу открылась прогалина: длин-

ная, узкая ложбина, поросшая темнымъ папоротникомъ въ перемежку съ большими кустами терновника.

Элленъ быстро шла вдоль линіи папоротниковъ. Ей теперь было менѣе страшно; но ея нервы все еще не успокоились, и малѣйшій шелестъ заставлялъ ее вздрагивать. Вдругъ она замерла на мѣстѣ и стала прислушиваться.

Въ кустахъ слышался шорохъ, вѣтки раздались — и лань выскочила изъ нихъ; въ одну секунду перебѣжавъ тропинку, она скрылась въ лѣсу по другую сторону. Элленъ отскочила назадъ съ крикомъ испуга, и какъ бы въ отвѣтъ ей слышался возбужденный лай въ томъ направленіи, откуда появилась лань, и маленькая, страшнаго вида, желтая собачка выбѣжала на тропинку, обнюхивая свѣжій слѣдъ лани съ тревожнымъ волненіемъ и страстной увѣренностью въ собственной силѣ и способности нагнать звѣря и загрызть.

Собака, охотящаяся на оленя въ Трегартскихъ лѣсахъ, гдѣ браконьерство процвѣтало, была не рѣдкостью; это обстоятельство даже развеселило Элленъ, и она съ болѣе легкимъ сердцемъ продолжала путь. Но не прошла она и нѣсколькихъ шаговъ, какъ страхъ ея проснулся съ удесятенной силой. Она услышала шаги, бѣгущіе вслѣдъ за ней по травянистой тропинкѣ. Затѣмъ мужской голосъ кривнулъ ей сердито, какъ ей показалось, что-то такое, чего она не могла разобрать. Неудержимый порывъ къ бѣгству овладѣлъ ею и, бросивъ пустую рыночную корзинку, она побѣжала со всѣхъ ногъ, мучительно сознавая, какъ великъ лѣсъ и какъ ей еще далеко отъ дому.

Она быстро бѣжала, но преслѣдователь настигалъ ее съ страшнымъ, какъ ей казалось, хохотомъ. И она раньше попала въ плѣнъ, чѣмъ ожидала. Что-то вмѣстѣ и твердое, и легкое брошено было ей на голову и остановило ее бѣгъ. Съ крикомъ, какъ пойманный заяцъ, она споткнулась и упала на колѣни.

Но какова бы ни была страшная машина, посредствомъ которой Элленъ попала въ ловушку, она немедленно была снята съ ея головы и дружескій голосъ прокричалъ:

— Слава Богу! насилу-то я васъ поймалъ! Ну, и шибко же вы бѣгаете!

Элленъ приподняла испуганное лицо на своего побѣдителя и увидѣла Рика О'Греди, который стоялъ и смѣялся надъ ней, держа въ рукахъ то, чѣмъ онъ задержалъ ее, — собственную ея пустую корзинку.

— О! мистеръ О'Греди! — съ трудомъ произнесла она: — я не думала, что это вы!

— Вотъ что! Э! Да это Элленъ Леонардъ! — съ удивленіемъ отвѣчалъ Рикъ, глядя на нее съ нескрываемымъ интересомъ и любопытствомъ. — Ради самого неба, чего вы такъ бѣжали? Вѣдь я не за вами гнался, а за своей собакой, пока не увидѣлъ, что вы пустились со всѣхъ ногъ; тогда я захотѣлъ увидать, кто вы, и сказать вамъ, что вы потеряли свою корзинку.

Онъ засмѣялся.

— Я ловко поддѣпилъ васъ, не правда ли?

— Я думала... я думала, что за мной гонятся тѣ, которые убили нашу рыжую телку.

— А почему вы такъ думали? — спрашивалъ Рикъ, и въ голубыхъ глазахъ его выразилось все восхищеніе и жалость, какія она ему внушала. — Я не полагаю, чтобы нашелся на свѣтѣ чело-вѣкъ, который бы пожелалъ вамъ зла!

Элленъ осторожно заглянула ему въ лицо. Оно выражало несомнѣнное расположеніе, хотя это и трудно было примирить съ тѣмъ фактомъ, что м-ръ О'Греди былъ выдающимся членомъ ассоціаціи, у которой ея мать была на такомъ худомъ счету. Но при взглядѣ на его лицо она рѣшила довѣриться ему съ поспѣшностью, удивившей ее самоѣ. Она откинула назадъ пряди желтыхъ волосъ, упавшихъ ей на лобъ, и, искоса поглядывая на него изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, сказала:

— Еслибы я знала, что это вы, я бы не испугалась; но съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла ту бумажку, которую они прибили послѣ того, какъ убили телку въ Дримнахунѣ, я всякаго боюсь, съ кѣмъ ни встрѣчусь.

Она пошла по направленію къ Скариффу, а Рикъ, все еще неся ея корзинку, шелъ рядомъ съ нею.

— Я бы не обращалъ вниманія на угрозы этихъ негодяевъ; ихъ только и хватаетъ на то, чтобы убить корову. — отвѣчалъ Рикъ съ тѣмъ презрѣніемъ къ соотечественникамъ, какое ирландцы обыкновенно вывозятъ изъ Америки.

— Всякій, кто способенъ убить изъ злобы невинное животное, нисколько не затруднится убить такую, какъ я или моя мать..

Она замаялась и затѣмъ, бросивъ тревожный взглядъ на его красивое лицо, застѣнчиво проговорила:

— Насъ кажется рѣшили совсѣмъ бойкотировать.

Рикъ прокашлялся неловко.

— Лига не при чемъ въ убійствѣ телки; это не входитъ въ планъ бойкотированія.

Элленъ увидѣла всю выгоду своего положенія.

— Я взяла съ собой эту корзинку, — проговорила она: — какъ

это дѣлаю каждую недѣлю, для припасовъ, необходимыхъ по дому; но никто въ Росбринѣ, ни самъ м-ръ Донованъ не захотѣлъ продать мнѣ ни чаю, ни сахару и ничего другого. Не все ли равно, что уморить съ голоду, что убить?

Глаза Рика машинально остановились на корзинкѣ, висѣвшей у него на рукѣ. Аргументъ былъ неотразимый, и онъ ничего не сказалъ. Маленькая желтая собачка, недавно вернувшаяся изъ экспедиціи съ сознаніемъ своей вины и робко слѣдовавшая въ арьергардѣ, теперь осмѣлилась подойти къ своему хозяину съ опущеннымъ хвостомъ, но зорко глядя ему въ лицо. Къ своему удивленію, она не получила никакой непріятности. Рикъ глядѣлъ прямо передъ собой въ туманный мракъ лѣса, и въ умѣ его возникалъ новый взглядъ на социальную проблему, которую онъ полагалъ, что рѣшилъ со всѣхъ сторонъ. Онъ совсѣмъ позабылъ о затрудненіяхъ, какія ожидаютъ въ практическомъ примѣненіи всякую отвлеченную теорію.

— Ну, что-жъ, — сказалъ онъ, наконецъ: — я думаю, что вашей матери лучше поскорѣе отказаться отъ этой фермы. Хорошаго не выйдетъ изъ того, что она будетъ противиться лигѣ.

— Я очень хорошо это знаю, — отвѣчала Эллентъ съ патетической убѣжденностью: — но съ такимъ же успѣхомъ можно убивать мертвецовъ, какъ и мою мать. Я думаю, что она дождется, что всѣхъ коровъ убьютъ и меня вмѣстѣ съ ними, и все-таки не откажется отъ Дримнахуна.

Голосъ ея задрожалъ и руки опустились вдоль тѣла съ жестомъ крайняго отчаянія. Они шли очень скоро и теперь уже почти добрались до опушки лѣса, такъ что могли слышать, какъ впереди рѣка Роури пробивала себѣ путь къ морю между высокими, скалистыми берегами. Какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ тропинка выбѣгала изъ лѣсу, стояла низенькая съ обрушившейся кровлей развалина мельницы, печальное мѣсто, съ его сѣдыми камнями, густо переплетенными дикимъ виноградомъ. Столбы давно уже сгнили, а жернова валялись на земляномъ полу внутри мельницы, полускрытые сухими листьями; пѣшеходный же мостикъ, соединявшій берегъ, на которомъ стояла мельница, съ другимъ, гдѣ находился Скарифъ, представлялъ собой въ настоящее время не болѣе, какъ пару длинныхъ еловыхъ деревьевъ, перекинутыхъ черезъ узкое ущелье, съ скользкими, полусгнившими поперечными брусками, прибитыми рядышкомъ, и жиденькими деревянными перилами по одну сторону, предназначенными для безопасности пѣшеходовъ, которые, однако, не должны были безпечно довѣряться имъ.

У мостика Эллентъ остановилась.

— Благодарю васъ за то, что несли мою корзинку,—сказала она, протягивая за ней руку.

Рикъ ясно было видно ея лицо при сравнительномъ свѣтѣ, царившемъ на открытомъ мѣстѣ, и онъ могъ замѣтить горестный изгибъ губъ, совершенство линій которыхъ онъ смутно чувствовалъ, и слѣды слезъ въ кроткихъ сѣрыхъ глазахъ. Онъ взялъ ея руку въ свою.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ смущенно:—вотъ ваша корзинка. Я сожалью, что такъ напугалъ васъ въ лѣсу.

И ушелъ.

Эленъ перешла черезъ мостъ и направилась къ дому матери, чувствуя, что искра надежды, загорѣвшаяся было въ ней, была безжалостно растоптана.

VI.

Примѣненіе принциповъ.

Минуту или около того спустя, какъ Эленъ разсталась съ Рикомъ О'Греди, трагедія ничтожнаго и обыкновеннаго рода разыгралась въ пятидесяти ярдахъ отъ моста. Между двумя ясениями, переплетенные корни которыхъ служили отверстиями въ цѣлый лабиринтъ кроличьихъ норъ, пробѣгала узенькая тропинка, пробитая кроликами, бѣгавшими взадъ и впередъ, и здѣсь, полуприкрытая сухими листьями, поставлена была уже съ полудня—невиннаго вида, но злокозненная западня. Въ сумерки миссія ея была выполнена, и воздухъ огласился воплями жалкой маленькой жертвы.

Страданія кролика были непродолжительны. Человѣкъ, который за минуту передъ тѣмъ вздрогнулъ какъ бы отъ удивленія и поднялся изъ своего укромнаго мѣстечка въ густой заросли около моста и поглядѣлъ вслѣдъ удаляющейся фигурѣ Эленъ Леонардъ, повернулся и пошелъ на стоны, размахивая мертвымъ кроликомъ, котораго онъ держалъ въ рукѣ. Грубый актъ состраданія къ животному былъ живо исполненъ, и связавъ обоихъ кроликовъ за ноги, Данъ Гурли пошелъ вдоль берега рѣки съ своей добычей. Онъ осмотрѣлъ еще двѣ или три западни съ неодинаковымъ успѣхомъ и, наконецъ, достигнувъ границъ мызы вдовы Леонардъ, направился черезъ поля къ дому.

Мелкая душонка, обитавшая въ его непривлекательномъ тѣлѣ, была терзаема ревнивымъ страхомъ и недоумѣніемъ при мысли

о прощаніи на мосту, котораго онъ только-что былъ свидѣтелемъ. Какое право имѣла Эленъ гулять одна по лѣсу съ этимъ... тутъ очень нехорошія прилагательныя возникли въ умѣ Дана при мысли о Рикѣ О'Греди и его франтовскомъ костюмѣ. И какое право имѣлъ онъ, важный членъ лиги, шпионить за тѣми, кого онъ же бойкотировалъ? Онъ хочетъ одурачить Эленъ, — и онъ, Данъ, такъ ей это и скажетъ, а если она не послушается его, то тѣмъ хуже для тѣхъ, кто вздумаетъ встать между нею и имъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ пришелъ въ коттеджъ и въ полуотворенную дверь увидѣлъ м-съ Леонардъ и Эленъ, которые пили чай.

Онъ вошелъ, ни слова не говоря, бросилъ кроликовъ на буфетъ и, придвинувъ стулъ къ столу, сѣлъ. М-съ Леонардъ налила ему чашку чая изъ чайника съ разбитымъ носикомъ и придвинула къ нему, говоря:

— Вотъ тебѣ чай.

Послѣ чего снова впала въ молчаніе, что было зловѣщимъ признакомъ крайней ярости.

Трапеза была не изъ обильныхъ. На голомъ столѣ стоялъ чайный приборъ, состоявшій изъ чайника, когда-то коричневаго, а теперь ставшаго чернымъ отъ долгаго пребыванія на горячей золѣ, треснувшая бѣлая съ голубымъ сахарница съ сахарнымъ пескомъ, кувшинъ съ молокомъ и большой кѣкъ домашнего печенья. Эленъ отрѣзала отъ него большой трехугольникъ и молча положила его передъ Даномъ. Онъ искалъ глазами привычнаго ломтя грубаго хлѣба изъ пекарни, который ирландскій мужикъ очень часто предпочитаетъ — не къ чести своему вкусу — превосходному домашнему печеню.

— Гдѣ же хлѣбъ? — спросилъ онъ Эленъ вполголоса.

Этого было достаточно, чтобы грозно нависшая лавина обрушилась.

— Скажите на милость! Хлѣбъ, вотъ еще прихоти! — начала м-съ Леонардъ съ непередаваемымъ фырканьемъ. — А вотъ придется теперь сидѣть на картофелѣ, Данъ Гурли, хоть вы и очень важный человѣкъ!

Данъ, вытаскивавшій пальцами мякишъ изъ своего ломтя хлѣба, приостановился.

— Почему же? — лаконически спросилъ онъ.

— Почему же? — передразнила вдова голосомъ, котораго раздраженіе придавало эффектъ декламации. — Почему же? спросите у Эленъ; она исходила весь Росбринъ сегодня, прося чѣ и сахару, и никто не захотѣлъ отпустить ей ни крошки. И эта.

поступаютъ со мной, со мной, когда я такой же исправный членъ лиги, какъ и самъ Джонъ Донованъ! Ага! Я знаю, почему меня бойкотируютъ... потому что онъ самъ зѣрится на Дримнахунскую ферму!

— А хотя бы и такъ,—проговорила Элленъ голосомъ чело-вѣка, уставшаго отъ безполезнаго спора:—намъ нужно уступить. Ужъ, конечно, всему свѣту извѣстно, разъ онъ забьетъ себѣ что въ голову, то не успокоится, пока этого не добьется.

М-съ Леонардъ вылила остатки чаю изъ чашки на блюдечко съ задорнымъ румянцемъ на лицѣ.

— Пусть это будетъ послѣдняя капля чаю, какую я беру въ ротъ, если я когда-нибудь уступлю Дримнахунъ ему или ему подобному!

Она звонко хлебнула глотокъ чая съ блюдечка и драматически вылила остальное на горячую золу въ очагѣ—и такъ внезапно, что дремавшій у очага котъ поспѣшно удалился за буфетъ, поднявъ хвостъ въ знакъ тревоги и недовольства такой неделикатностью.

Элленъ прислонилась головой къ полинялой отштукатуренной стѣнѣ и не промолвила больше ни слова. Данъ стойчески продолжалъ ужинать. Въ душѣ онъ считалъ м-съ Леонардъ дурой за то, что она думаетъ противиться лигѣ, но боялся сказать ей это, боялся сказать или сдѣлать что-нибудь такое, что навлечетъ на него ея немилость. Онъ украдкой поглядывалъ на Элленъ: тупая, ревнивая ярость и недовѣріе, проснувшіяся часъ назадъ, все еще кипѣли въ немъ, и ему страстно хотѣлось сдѣлать какой-нибудь вопросъ, который бы принудилъ ее объяснить прогулку по лѣсу съ Рикомъ О'Греди. Быть можетъ, среди безмолвія напряженность его фізіономіи отразилась на душѣ остальныхъ присутствующихъ.

— Что такое ты говорила мнѣ про Рика О'Греди?—начала вдова, взявшая въ руки вязанье и работавшая съ невыразимой быстротой.—У меня такъ болитъ голова, что я половины не слышала того, что ты мнѣ говорила.

— Онъ говорилъ то, что я вамъ все время твержу,—отвѣчала Элленъ, не отнимая хорошенькой головки отъ стѣны, какъ будто была слишкомъ утомлена и нравственно, и физически, чтобы двигаться.

— Онъ говорилъ, что намъ лучше отказаться отъ фермы: онъ говорилъ со мной довольно дружелюбно, но только это и сказалъ!

— Хороша дружба!—фыркнула м-съ Леонардъ:—чортъ бы

его побралъ съ его дружбой! Должно быть, онъ и всѣ ему подобныя изъ дружбы продѣлываютъ все это съ нами! Повѣрь мнѣ, еслибы ты встрѣтилась съ нимъ въ Росбринѣ, а не въ глухомъ лѣсу, онъ бы не былъ такъ дружелюбенъ!

На этомъ пунктѣ ихъ бесѣда была прервана протяжнымъ и жалобнымъ мычаніемъ теленка въ одномъ изъ хлѣвовъ.

— Что такое съ теленкомъ?—спросила вдова у Дана.— Развѣ Джерри не напоилъ его?

— Я не видѣлъ Джерри съ самаго обѣда,—отвѣчалъ Данъ обычнымъ громкимъ, ворчливымъ голосомъ.

— Я научу его, какъ бросать работу!—злобно проговорилъ м-съ Леонардъ.—Вѣдь онъ знаетъ, что толстая дылда Бриджета ушла отъ меня вчера, чортъ бы ее побралъ! и вся ея работа теперь у меня на рукахъ.

— Онъ говорилъ мнѣ сегодня поутру, что отецъ его приказалъ ему больше здѣсь не работать,—отвѣчалъ Данъ:—но я не зналъ,—сейчасъ онъ уйдетъ отсюда или нѣтъ.

Вдова взглянула на Дана безъ словъ, какъ, можетъ быть, глядѣлъ Іовъ на послѣдняго изъ гонцовъ, возвѣщавшихъ ему бѣды.

— Хорошо,—сказала она, наконецъ, съ трудомъ выговаривая слова:—хорошо. Если сынъ сестры моей родной матери запретитъ своему ребенку работать для меня, я ничего не скажу.

И вдругъ съ внезапной вспышкой прибавила:

— Развѣ не можешь ты самъ, тетеря этакая, пойти взглянуть, чего эта тварь деретъ горло? Я полагаю, что теперь твой чередъ уйти отъ меня. Ну, и уходи! удерживать не стану, не беспокойся! Хоть бы никто кромѣ меня не остался въ этомъ домѣ, я останусь одна въ немъ, хотя бы весь Росбринъ пришелъ меня изъ него выселять!

Вмѣсто отвѣта Данъ взялъ помятое жестяное ведро, стоявшее въ углу, и вышелъ вонъ.

Пламя парафиновой лампы, висѣвшей въ углу, метнулось вверхъ и закоптило въ то время, какъ дверь открылась и захлопнулась. Это вывело Элленъ изъ неподвижности. Она встала, приперла дверь и принялась прибирать въ горницѣ. Она механически выполняла различныя обязанности по хозяйству, но съ аккуратностью, присущей ея натурѣ. Принеся въ концѣ концовъ охапку торфа изъ большого сарая во дворъ, она затопила очагъ, зажигая продолговатые куски на подобіе кирпичей съ конца, съ искусствомъ, скрывавшимъ гораздо больше научныхъ принципъ въ разведеніи огня, чѣмъ она сама подозрѣвала.

Яркое пламя пробралось сквозь темную грудку торфа и мягкой синій дымъ, и, придвинувъ стулъ въ уголъ камина, Элленъ сѣла, опершись локтями въ колѣни и положивъ усталую голову на руки. Пальцами она прижимала соменутыя рѣсницы, какъ будто хотѣла помочь себѣ этимъ—хорошенько подумать и изобрѣсти какой-нибудь планъ борьбы съ лигой, а можетъ быть, и затѣмъ, чтобы стереть воспоминаніе объ ея президентѣ съ жирнымъ лицомъ, полупривытымъ газетою, и грубымъ голосомъ, въ трехъ поплыхъ фразахъ выяснившимъ ей ея положеніе.

Материнскія спицы стучали какъ машина; только онѣ однѣ и двигались въ цѣломъ домѣ, да раздавалось по временамъ сонное кудактанье куръ, сидѣвшихъ на насѣстѣ на другомъ концѣ горницы. Среди этого безмолвія Элленъ съ ужасомъ представляла себѣ, какія бѣды могутъ еще обрушиться на ихъ голову, и при этомъ некому помочь имъ, кромѣ Дана... Она съ дрожью приподняла голову при этой мысли; готова ли она заплатить той цѣной, какую—она инстинктивно это понимала—Данъ потребуетъ за свою преданность?

Вдова быстро отвернулась, когда Элленъ приподняла голову, точно хотѣла поближе придвинуть къ огню свое вязанье; но какъ ни торопливо было это движеніе, а Элленъ увидѣла, что она на минуту поднесла фартукъ къ глазамъ.

Сердце Элленъ почти перестало биться при этомъ зрѣлищѣ. Она никогда еще не видѣла, чтобы мать ея плакала, и вотъ вдругъ она видитъ плачущей сильную женщину, на которую до сихъ поръ привыкла опираться. Она встала и хотѣла подойти и на колѣняхъ умолять мать уступить, но ее остановили шаги за дверь. То не была тяжелая походка Дана; кровь бросилась ей въ лицо при мысли о томъ, кто бы это могъ быть.

Вдова тоже услышала шаги и съ рѣшимостью направилась къ двери.

— Кто тамъ?—закричала она голосомъ, свирѣпость котораго изобличала внутреннюю тревогу.

— Другъ,—отвѣчалъ голосъ съ легкимъ американскимъ акцентомъ, который показался знакомымъ напряженному уху Элленъ.

— А какъ васъ зовутъ?—спросила м-съ Леонардъ все еще грозно.

— Я думаю, что если вы отворите дверь, то вопросъ этотъ окажется лишнимъ,—отвѣчалъ голосъ съ добродушнымъ смѣхомъ.

— Не бойтесь, мама!—шепнула Элленъ, тоже чуть не сѣясь отъ удовольствія:—это мистеръ О'Греди.

Она отворила дверь, и онѣ увидѣли Рика, стоявшаго за дверь

и окутаннаго туманомъ, сквозъ который съ трудомъ пробивались лунные лучи. Воротникъ его пальто былъ поднятъ и закрывалъ его лицо, а въ рукахъ онъ держалъ какой-то большой ящикъ или свертокъ.

— Я съ сожалѣніемъ услышалъ, что лавки въ Росбринѣ не могли ссудить васъ сегодня тѣмъ, что вамъ нужно, — сказалъ онъ, пристально глядя на Элленъ: — а потому, такъ какъ у меня на пароходѣ имѣются всѣ бакалейные товары, я и подумалъ, что, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ будутъ для васъ кстати.

Говоря это, онъ про себя дивился, какъ онъ ловко лжетъ; но Элленъ онъ показался ни больше, ни меньше, какъ райскимъ посломъ.

VII.

Пути нечестивыхъ.

Росбринская римско-католическая церковь стояла въ полумилѣ отъ города у подошвы высокаго, скалистаго холма. То было длинное, простое, оштукатуренное зданіе, отличавшееся отъ обыкновеннаго сарая только своими необыкновенными размѣрами и небольшою каменной аркой на восточной сторонѣ крыши съ крестомъ на верху. Арка предназначалась для колокола, но опытъ показалъ, что половина прихода, лежавшая по сѣверную сторону холма, не могла слышать ни малѣйшаго звона, призывавшаго къ молитвѣ, а потому придумано было хитроумное средство выйти изъ затрудненія, и колоколъ висѣлъ въ деревянной кѣлткѣ на вершинѣ самаго холма, къ духовному благополучію тѣхъ ультрамонтанскихъ прихожанъ, у которыхъ не было часовъ, и къ великому негодованію старика-звонара, которому приходилось карабкаться въ гору, чтобы звонить въ колоколъ.

Первое ноября, день „Всѣхъ Святыхъ“, какъ всякому извѣстно, важный праздникъ по ученію римской церкви, и дважды въ это утро звучный колоколъ призывалъ въ церковь обитателей Росбринна. Ранняя обѣдня привлекла довольно многочисленную толпу богомольцевъ, но въ одиннадцать часовъ прихожане собрались въ особенно большомъ числѣ въ церкви, а по окончаніи поздней обѣдни зеленый церковный дворъ едва могъ вмѣстить толпу, ринувшуюся изъ церкви.

День былъ прекрасный, и прихожане не особенно спѣшили уходить, но собирались группами въ силу естественнаго подбѣра и предавались прелестямъ непринужденной бесѣды.

Почти послѣдними вышли изъ церкви двѣ женщины, которыя съ минуту замѣшались на порогѣ, прежде чѣмъ смѣшаться съ толпою сосѣдей.

Немедленно въ толпѣ произошло слабое, но замѣтное движеніе; разговоры не прекратились, но группы около центрального прохода сдвинулись, такъ что онъ сталъ шире, и обѣ женщины прошли къ воротамъ, видя только спины своихъ знакомыхъ, которыхъ могли бы узнать развѣ только по цвѣту ихъ длинныхъ салоновъ съ капюшонами. Мужчины толпились главнымъ образомъ около воротъ, но и они отошли отъ нихъ и пропустили двухъ изверженныхъ изъ общества женщинъ; въ противность особамъ ихъ пола, они однако не прикидывались, что не замѣчаютъ ихъ, а напротивъ того, выпуча глаза, глядѣли на раскраснѣвшееся, сердитое лицо вдовы Леонардъ, обрамленное гофрированной оборкой бѣлоснѣжнаго чепца, и провожали ее и Эленъ громкимъ, насмѣшливымъ шопотомъ, изъ котораго тѣ могли уразумѣть, что сосѣди очень рады ихъ бѣдѣ.

Фешенебельная группа шествовала впереди ихъ по дорогѣ и громче всѣхъ доносился изъ нея звонкій голосъ и раскатистый смѣхъ м-съ Донованъ, въ то время какъ она поворачивалась съ какими-нибудь замѣчаніями къ Рикю О'Греди, который шелъ немного позади остальныхъ.

Эленъ дернула мать за салонъ.

— Подождемъ, пока они пройдутъ.

Визитъ Рика на ферму, два вечера тому назадъ, она считала за случайное выраженіе доброжелательства, не дававшее повода рассчитывать на дальнѣйшую его любезность, и желала избавить его и себя отъ публичнаго испытанія. Но м-съ Леонардъ чужды были всѣ подобныя тонкости чувствъ. Она выдернула свой салонъ изъ рукъ Эленъ и, напротивъ того, ускорила шагъ, такъ что онѣ очутились какъ разъ около Рика въ тотъ моментъ, какъ Гарриэта, со взглядомъ, предназначавшимся только ему, оборотилась къ Рикю и спросила его, думаетъ ли онъ зайти къ нимъ.

Онъ даже не слышалъ ее; онъ повернулся съ вѣжливой улыбкой и поздоровался съ Леонардами; онъ даже—Гарриэта едва повѣрила своимъ глазамъ—снялъ шляпу съ трансатлантическимъ проворствомъ передъ тѣми, кого Росбринъ и лига рѣшили игнорировать, и вообще говоря, онѣ были не что иное какъ „простыя мужички“.

Эленъ и ея мать быстро прошли мимо. Первая прелестно вспыхнула при знаѣ уваженія, какого ей никогда до сихъ поръ не оказывали и какого она всего менѣе ожидала теперь. У по-

ворота дороги онѣ свернули на тропинку, которая должна была увести ихъ въ противоположную сторону отъ Росбринна, и скоро скрылись изъ виду.

— Право!—замѣтила миссъ Викери, росбринская модистка, которая, идя впереди съ м-ромъ Донованомъ, не замѣтила поступка Рика:—бываютъ удивительные мѣдныя лбы! Мнѣ кажется, м-ръ Донованъ, когда люди не хотятъ слушаться совѣтовъ добрыхъ знакомыхъ, то лучше бы имъ сидѣть у себя дома и не выставлять на показъ своего невѣжества и своей дерзости.

Миссъ Кэтти Викери откинула назадъ свою маленькую персону, облеченную въ черный доломанъ, и искривила ротъ съ праведнымъ негодованіемъ.

— Сдается мнѣ, — отвѣчалъ м-ръ Донованъ, выступавшій посреди дороги въ гордомъ сознаніи, что на немъ туго накрахмаленная рубашка и скрипучіе сапоги:—эти люди и не сунулись бы въ другой разъ въ церковь, еслибы не надумались послушаться дружескихъ совѣтовъ; но ихъ поощряютъ въ непокорствѣ тѣ, кому слѣдовало бы знать, что это не годится.

М-ръ Донованъ говорилъ очень громко и сурово глядѣлъ на миссъ Викери, повернувшись строгимъ профилемъ къ шедшимъ позади него. Ясно, что трансатлантическая выходка Рика не ускользнула отъ его вниманія.

— Ну, ужъ повѣрьте, что отъ меня они поощренія не дождутся! — отрѣзала миссъ Викери съ энергической злопамятностью. — М-съ Леонардъ для меня не находка, какъ заказчица. Всего-то въ жизни купила одинъ передникъ и при этомъ торговалась чуть не цѣлыя сутки.

Гарріета Донованъ вмѣшалась въ разговоръ съ рѣзкимъ смѣхомъ.

— Ну, ужъ если м-съ Леонардъ не беспокоитъ васъ своими заказами, миссъ Викери, то дочка ея, полагаю, и подавно не у васъ заказываетъ себѣ платья и шляпки. Удивительно, какъ эти крестьянскія дѣвчонки бѣгаютъ по улицѣ съ простымъ платкомъ на головѣ!

М-ръ Рейанъ, почтмейстеръ, который шелъ между нею и Рикомъ, и къ которому она повернулась за подтвержденіемъ, получилъ при этомъ полную возможность полюбоваться громаднымъ бантомъ изъ ярко-зеленыхъ лентъ, украшавшимъ ея черную шляпу.

М-ръ Рейанъ, вдовецъ, которому тотъ вопросъ никогда еще не приходилъ въ голову, глядѣлъ въ пространство съ выраженіемъ почтительной и сочувственной глупости и пробормоталъ:

— Вы совершенно правы, миссисъ, совершенно правы.

Гарріэта перевела глаза на Рика, и улыбка, плохо маскировавшая ея гнѣвъ, исчезла съ ея лица. Рикъ шелъ по травѣ, у края дороги, заложивъ руки въ карманы и опустивъ глаза. Онъ не замѣтилъ, что Гарріэта глядитъ на него; сквозь туманъ прошедшихъ семи лѣтъ ему мерещилась черноволосая дѣвушка, перевернувшаяся за бортъ шлюпки, чтобы поглядѣть на отраженіе красиваго платка, который онъ ей купилъ и повязалъ на голову. Онъ поднималъ глаза и увидѣлъ то же лицо, но уже утратившее свѣжесть первой молодости и мягкое выраженіе; напротивъ того, взглядъ этого лица предостерегалъ его, что онъ вступаетъ въ новую эру своей жизни и долженъ дѣйствовать крайне осмотрительно.

VIII.

Желтая шлюпка.

Дѣло было въ слѣдующее воскресенье за днемъ Всѣхъ Святыхъ. Воскресный обѣдъ у Доновановъ прошелъ первую и вторую стадію вареной свинины съ горошкомъ и пуддинга, и вступилъ въ періодъ горячаго виски и облаковъ крѣпкаго табака. М-ръ Донованъ откинулся на спинку стула, разстегнувъ три нижнихъ пуговицы жилета съ выраженіемъ человѣка, исполнившаго нѣчто похвальное, появляющееся на лицѣ большинства людей, сытно и вкусно пообедавшихъ. Онъ важно курилъ трубку и попивалъ пуншъ, съ видомъ человѣка, довольнаго всѣмъ свѣтомъ и самимъ собой, но по временамъ поглядывалъ изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ на красивое недовольное лицо жены, сидѣвшей по другую сторону камина, прикидываясь, будто читаетъ мѣстную еженедѣльную газету.

Послѣ появленія Джоанны съ чайникомъ горячей воды не было произнесено ни слова. Донованъ былъ не изъ говорливыхъ; въ тому же онъ такъ былъ занятъ своими неповоротливыми и медленно формулировавшимися мыслями, что не замѣчалъ молчанія. Его взгляды на жену были, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что происходило у него на умѣ; они были осторожны и смѣтливы, точно онъ искалъ въ ея наружности подтвержденія теоріи, составленной имъ въ послѣднее время.

Наконецъ, погладивъ волосатый подбородокъ и горло, онъ какъ будто рѣшилъ, что ему дѣлать. Быть можетъ, не существуетъ болѣе хитроумнаго Макиавелли со стороны разговорныхъ подходовъ, чѣмъ ирландецъ типа Джона Донована; но парамъ ли

виски, или тому неожиданному обстоятельству, что онъ любилъ жену, слѣдуетъ приписать этотъ фактъ, а только Донованъ прамѣ подошелъ въ интересовавшему его предмету, чѣмъ бы сдѣлалъ это во всякомъ другомъ случаѣ.

— Вчера ночью уловъ рыбы былъ богатѣйшій, — началъ онъ, задумчиво глядя въ огонь: — говорятъ, что ее всю ночь солили на набережной.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Гарриэта проронила эти слова такъ, какъ будто бы ей было очень трудно раскрыть ротъ.

— Выгодное дѣло, — продолжалъ Донованъ: — О'Греди наживетъ вучу денегъ за этотъ сезонъ,

Отвѣта не послѣдовало.

— Но все же это дѣло не вѣрное, и никто лучше его самого этого не знаетъ.

Донованъ прокашлялся и глотнулъ виски съ водой.

— Онъ говорилъ мнѣ два или три дня тому назадъ, что когда накопить деньжонокъ, то вернется въ Америку. „Мнѣ до смерти надоѣла наша старая сторонка, а что касается Росбринна, то я бы умеръ съ тоски, еслибы мнѣ пришлось въ немъ жить!“ говорилъ онъ.

Глаза Донована медленно уставились на жену, чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нее эта ловкая ложь.

— Вотъ странно! — отвѣчала Гарриэта ледянымъ тономъ, хотя, не взирая на самообладаніе, щеки ея слегка покраснѣли: — какъ разъ вчера вечеромъ онъ говорилъ мнѣ, что думаетъ выстроить новые магазины на набережной.

— Гдѣ ты видѣла его вчера вечеромъ? — быстро спросилъ Донованъ.

Подозрительность возбудилась въ немъ еще сильнѣе.

— Ужъ не тебя ли я видѣлъ вчера въ шляпкѣ вмѣстѣ съ нимъ?

— Я ждала перевозчика, чтобы переѣхать на ту сторону залива, повидаться съ тетувшой, — отвѣчала Гарриэта: — а такъ какъ м-ръ О'Греди отправлялся на пароходъ, то онъ и предложилъ сначала перевезти меня.

Она чувствовала свое положеніе неприступнымъ, и Донованъ понималъ, что прямая атака будетъ бесполезна. Онъ приготоуилъ себѣ вторую порцію пунша, покрѣпче первой, и принялся вслухъ размышлять какъ бы съ самимъ собою.

— О'Греди ловкій молодой человекъ въ своемъ дѣлѣ, если онъ хочетъ заслужить уваженіе здѣшнихъ жителей, то ему

слѣдуетъ иначе вести себя. Я не считаю его принципы правильными. Его поведеніе съ Леонардами на прошлой недѣлѣ по выходѣ изъ церкви въ день Всѣхъ Святыхъ было всѣми замѣчено, и мнѣ многіе отзывались о немъ неодобрительно.

Гарріэта презрительно засмѣялась.

— Это потому, что никто здѣсь не настолько воспитанъ, чтобы снять шляпу передъ знакомыми; вотъ почему они и придаютъ этому такую важность.

Благовоспитанность не была въ числѣ слабостей м-ра Донована, а потому онъ отвѣчалъ на щелчокъ съ поспѣшностью, показывавшей, что онъ задѣтъ имъ.

— Я не спорю, что онъ чертовски франтоватый джентльменъ,—сказалъ онъ съ злой усмѣшкой:—но какъ онъ ни щеголевать, а ему бы не понравилось, еслибы онъ услышалъ то, что о немъ говорили мнѣ вчера вечеромъ.

— Очень ему интересно то, что про него здѣсь говорятъ!—вспылила Гарріэта, забывая всякую осторожность въ порывѣ незапнаго отвращенія къ толстой, злобной фizioноміи, осклаблявшейся передъ нею.

— Ну, судя потому, что я слышалъ,—продолжалъ Донованъ, а спокойствіе къ нему возвращалось по мѣрѣ того, какъ жена его теряла:—говорятъ, онъ очень ухаживаетъ за Элленъ Леонардъ. Не знаю, конечно, правда это или нѣтъ,—добавилъ онъ, съ знакомой Гарріетѣ злобщей нотой въ голосъ:—но онъ во всякомъ случаѣ не такой малый, чтобы долго ухаживать за одной и той же женщиной; съ Божьей помощью однако я скоро положу этому дѣлу конецъ, и тогда увидимъ, что скажетъ ему лига.

Гарріэта встала со стула съ такой жгучей ненавистью въ сердцѣ, какой до сихъ поръ еще не испытывала. Тайная заноза, въ которой она сама себѣ до сихъ поръ не признавалась, была задѣта грубой рукой мужа, и боль оказывалась почти нестерпимой. Она чувствовала, что способна убить его, между тѣмъ какъ онъ комфортабельно растянулся передъ огнемъ, съ эгоистической улыбкой на толстомъ лицѣ, и поглаживалъ жирной рукой стаканъ съ виски и водой. Она испытывала желаніе накинуться на него и сказать ему, что она ненавидитъ и презираетъ его, и что наступитъ, можетъ быть, день, когда она докажетъ ему, что онъ солгалъ насчетъ Элленъ Леонардъ, и докажетъ такимъ способомъ, который ему не понравится. Она стиснула сильныя бѣлыя руки, которыя у нея какъ будто чесались, и, повернувшись къ мужу спиной, пошла вонъ изъ комнаты, такъ рѣзко оттолкнувъ стулъ, что тотъ полетѣлъ на полъ.

Донованъ засмѣялся и налилъ себѣ еще пуншу.

— Знаешь ли, это признакъ, что ты въ нынѣшнемъ году не выйдешь замужъ! — шутливо проговорилъ онъ: — во всякомъ случаѣ я постараюсь не доставить тебѣ этой возможности. Куда ты идешь? — продолжалъ онъ вслѣдъ Гарриэтѣ, торопливо направлявшейся къ двери. — Поди сюда, милая, и поцѣлуй меня!

Онъ закинулъ голову на спинку стула въ ея сторону, но увидѣлъ только, какъ она проскользнула въ дверь.

Онъ прислушался къ ея шагамъ по лѣстницѣ и наверху въ комнатѣ верхняго этажа и снова осклабился.

— Чертовски сердита она сегодня, — мягко проговорилъ онъ: — но зато очень красивая бабенка, нечего сказать.

Онъ зѣвнулъ, толкнулъ уголья въ каминъ носкомъ сапога, и когда минуту или двѣ спустя Гарриэта спустилась съ лѣстницы, въ шляпѣ и темномъ пальто, она услышала его храпъ, доносившійся сквозь деревянную перегородку, отдѣлявшую горницу отъ корридора.

Она вышла черезъ боковую дверь и послѣ минутнаго колебанія пошла въ гору. Обычные воскресные зѣваки собрались на перекресткѣ подъ двумя сикоморами, и одинъ или двое изъ бѣднѣйшихъ обывателей поклонились женѣ м-ра Донована. Сама Гарриэта была не настолько популярна, чтобы побудить ихъ въ такой вѣжливости, и большинство обывателей отворачивалось въ другую сторону при ея проходѣ, чтобы избавить себя отъ труда съ ней поздороваться, и, выждавъ, чтобы она отошла подальше, съ цинической насмѣшливостью прохаживалось на ея счетъ.

Крутой подъемъ въ гору оканчивался воротами, которые вели въ Трегартскій лѣсъ, и Гарриэта прошла въ нихъ вмѣсто того, чтобы свернуть на набережную. Вѣтеръ гналъ холодный ливень по направленію отъ гавани, и она торопливо пошла по тропинкѣ вдоль края воды, чтобы поскорѣе укрыться подъ деревьями. Она могла видѣть сквозь частый, бившій въ лицо, дождь — лодки, пребывавшія въ воскресномъ покоѣ, и сразу замѣтила отсутствіе на обычномъ мѣстѣ желтой шляпки Рика О'Треди. При ея настроеніи понятно, что она сразу рѣшила, что желтая шляпка пристала къ небольшой пристани Скарифской бухты, а ея владѣлецъ... Волна недовѣрчиваго презрѣнія смыла эту мысль.

Подобно многимъ другимъ женщинамъ, которыя слишкомъ поздно хватаются за любовь, когда-то ими отвергнутую, она никакъ не могла повѣрить, что случай упущенъ ею навсегда, и она говоритъ за призракомъ. Она охотно вышла замужъ за богатаго трактирщика и съ самымъ сантиментальнымъ удовольствіемъ ду-

мала о Рикѣ, изнывающимъ съ тоски по ней въ Америкѣ. Она уже привыкла къ этой мысли; а когда Рикъ О'Греди вернулся послѣ семилѣтняго отсутствія, она встрѣтила его возвращеніе съ надеждой на нѣкоторую романтическую приправу въ жизни, ставшей довольно монотонной; она рассчитывала на бесѣды о старыхъ временахъ и на замаскированные, но достаточно ясные намеки на неизмѣнную привязанность. Рикъ вернулся домой дружелюбный, самодовольный, со средствами, и такъ очевидно поглощенный настоящимъ и его заботами, что единственнымъ признакомъ, что онъ не забылъ прошлаго, было тщательное уклоненіе отъ всякаго намека на него.

Прошло уже четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ первое сомнѣніе въ „неизмѣнной привязанности Рика“ мелькнуло у нея въ умѣ; но хотя она знала, что все это время онъ почти не разговаривалъ съ другой женщиной, сомнѣніе однако перешло въ тревогу, тревога въ досаду и такъ далѣе, по обычной логикѣ страстей,—такъ что скрытая борьба ея сильной натуры стала ей нестерпима, и въ этотъ бурный день съ проблесками солнца и внезапными сердитыми ливнями ядовитое слово выгнало ее вонъ изъ дому и заставило бродить по лѣсу съ безразсудной жаждой узнать, наконецъ, навѣрное, убѣдиться—правда ли то, что говорилъ ея мужъ: что Рикъ забылъ ее и ухаживаетъ за Эленъ Леонардъ.

Вѣтеръ подгонялъ ее въ спину и подкатывалъ мокрые листья къ ея ногамъ. Деревья, росшія у края воды, раскачивались отъ вѣтра и обдавали ее водой. Гарріета бѣжала по скользкой тропинкѣ, не обращая вниманія на погоду. Дойдя до того пункта, откуда оврагъ разрастался въ Скарифскую бухту, она увидѣла, что тутъ такъ мало воды, что шлюпка не пройдетъ въ устьѣ Роури-риверъ.

Она пошла тише; надежда, что Рикъ не отправился въ Скарифъ, боролась въ ней съ разочарованіемъ, что она его не встрѣтила, какъ вдругъ сквозь деревья съ приморской стороны тропинки ей блеснуло въ глаза желтое пятно.

Она осторожно вскарабкалась по крутому берегу и заглянула черезъ низкій утесъ; тамъ на песчанистомъ откосѣ лежала шлюпка.

Итакъ, онъ не отправился въ Скарифъ! Гарріета спустилась съ крутизны на тропинку и почти бѣгомъ пустилась далѣе, рѣшивъ во что бы то ни стало увидѣться съ нимъ. Не успѣла она пробѣжать нѣсколько сажень, какъ услышала шаги впереди, въ лѣсу, отъ которыхъ сердце въ ней замерло, и по неожиданному, какъ можно было подумать, совпаденію обстоятельствъ Рикъ вышелъ изъ-подъ деревьевъ ей на встрѣчу.

Онъ увидѣлъ ее гораздо раньше, чѣмъ она его, и это небольшое преимущество дало ему время обдумать въ подробности то, что онъ ей скажетъ, такъ что манеры, когда онъ поровнялся съ нею, выражали какъ разъ приличную дозу пріятнаго удивленія.

— Эге! м-сь Донованъ, вы выбрали плохую погоду для прогулки! Куда вы идете?

Ни даже ради спасенія жизни Гарриэта не могла бы удержаться отъ вопроса, которымъ она отвѣтила на его вопросъ:

— А вы сами гдѣ были, м-ръ О'Греди?

Голосъ ея былъ игривъ и насмѣшливъ, но при послѣднемъ словѣ задрожалъ, и это дрожаніе обнаруживало, какое важное значеніе она придаетъ его отвѣту.

— О! я-то?—сказалъ Рикъ.—Если вы общаете мнѣ не говорить Тому Керни и не поднимать меня на смѣхъ за старую привычку къ браконьерству, я скажу вамъ. Я ходилъ смотрѣть на западную для выдръ, которую я поставилъ у водопада, но могъ бы уволить себя отъ этого труда, потому что никакой выдры тамъ не нашель.

Онъ глядѣлъ на нее съ непроницаемой свѣтлой улыбкой, которая очаровала ее помимо воли и заставила тоже улыбнуться. Рикъ понялъ, что его полу-правда, полу-ложь успѣшно замаскировала другой капитальный эпизодъ этого дня.

— Я вовсе не намѣрена поднимать васъ на смѣхъ,—отвѣчала она, опуская глаза и безпокойно копая мохъ кончикомъ своего зонтика.

И вдругъ, какъ бы вновь уступая подозрительности, прибавила:

— Вѣриѣ, что вы поднимаете меня на смѣхъ. Должно быть, охота за выдрами помѣшала вамъ придти въ церковь сегодня утромъ.

Рикъ безпечно разсмѣялся.

— Еслибы я зналъ, что вы замѣтите мое отсутствіе, я бы непременно пришелъ; но я былъ какъ разъ въ это время по ту сторону залива. Знаете что, позвольте мнѣ отвезти васъ на моей шлюпкѣ домой? не первый разъ вѣдь я катаю васъ по водѣ.

Со стороны Рика это былъ не особенно добросовѣстный пріемъ, но слѣдуетъ припомнить, что полученное имъ воспитаніе не могло особенно развить въ немъ нравственное чувство, а опасность открытія была очень велика. Къ тому же, съ его точнаго зрѣнія, для него было очень выгодно, что росбринскій свѣтъ увидитъ, что онъ отвозитъ въ своей шлюпкѣ жену предсѣдателя

аграрной лиги. Что же касается самой Гарриэты, то случай особенно благопріятствовалъ ему, доставляя возможность помириться съ нею; въ послѣднія нѣсколько минутъ онъ убѣдился, что нѣтъ проникательнѣе существа, какъ ревнивая женщина.

Гарриэта помолчала съ минуту; она искала словъ, которыя бы не выдали счастья, охватившаго ее всю.

— Что-жъ, мнѣ все равно, какимъ путемъ ни возвратиться домой. Я поѣду съ вами, если хотите, Рикъ.

Она не удержалась, чтобы не взглянуть на него при этомъ; блестящіе глаза ея утратили жесткое выраженіе, а желтое лицо преобразилось какъ бы по волшебству отъ румянца, внезапно разливашагося по немъ.

— Очень пріятно, — отвѣчалъ Рикъ, сходя по ступенькамъ, которыя вели къ водѣ, и протянулъ ей руку для помощи. Она вошла въ шлюпку, не говоря ни слова, и онъ отчалилъ отъ берега.

А. Э.

ЛЖЕ-ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ

и

ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

Окончаніе.

II *).

Покровительственная система имѣетъ свое разумное основаніе, когда она вызывается потребностью дѣйствительной охраны и поощренія туземной промышленности,—въ періодъ ея возникновенія и развитія, для пользы страны и государства; но она превращается въ ложный, а потому и вредный протекціонизмъ, когда становится орудіемъ для увеличенія доходности уже утвердившихся промышленныхъ предпріятій, въ интересахъ односторонняго обогащенія промышленнаго класса насчетъ всей остальной массы населенія.

Весь споръ о протекціонизмѣ сводится въ сущности къ тому, что второй, поддѣльный видъ покровительства многими публицистами умышленно смѣшивается съ первымъ и прикрывается его популярной фирмою для стремленій чисто-эгоистическихъ и хищническихъ. Знаменитый Фридрихъ Листъ—при всѣхъ его увлеченіяхъ, объясняемыхъ политическими обстоятельствами его времени и особенно печальнымъ положеніемъ тогдашней Германіи, — отстаивалъ лишь идею цѣлесообразнаго національнаго протекціонизма и рѣшительно возставалъ противъ всякихъ монополій и субсидій, не оправдыва

*) См. выше: мартъ, 346 стр.

мыхъ необходимою съ точки зрѣнія общенароднаго блага; а между тѣмъ авторитетъ этого писателя постоянно и настойчиво эксплуатируется представителями совсѣмъ другого, лже-покровительственнаго, направленія. По мнѣнію Листа, для успѣшнаго мануфактурнаго развитія должны прежде всего существовать извѣстныя условія, экономическія, духовныя и общественныя. „Подъ экономическими условіями—говоритъ онъ—мы разумѣемъ достаточно развитое земледѣліе, которое не можетъ уже значительно совершенствоваться подъ вліяніемъ заграничнаго вывоза продуктовъ. Подъ духовными вспомогательными средствами мы понимаемъ достаточно высокое образованіе отдѣльныхъ лицъ. Подъ общественными средствами мы разумѣемъ учрежденія и законы, обезпечивающіе гражданамъ неприкосновенность личности и собственности, свободное примѣненіе своихъ умственныхъ и тѣлесныхъ силъ,—установленія, которыми регулируются и облегчаются сношенія, равно какъ и упраздненіе порядковъ, мѣшающихъ ходу промышленности, развитію свободы, умственной и нравственной жизни... Таможенная система, имѣющая цѣлью способствовать экономическому развитію страны посредствомъ регулированія вѣншей торговли, должна всегда руководствоваться принципомъ промышленнаго воспитанія націи. Желать поднятія земледѣлія при помощи охранительныхъ пошлей — задача неосмысленная, такъ какъ сельское хозяйство можетъ быть экономически поднято только туземными мануфактурами, а устраненіе чужого сырья подорветъ собственную мануфактурную промышленность страны. Экономическое воспитаніе націй, стоящихъ на низкой ступени умственнаго развитія и культуры или обладающихъ еще слабою населенностью сравнительно съ пространствомъ и производительностью своей территоріи, лучше всего совершается посредствомъ свободной торговли съ странами высоко-культурными, богатыми и промышленно-развитыми. Всякое ограниченіе торговли такого народа, съ цѣлью насажденія мануфактуръ—преждевременно и оказываетъ вредное дѣйствіе на хозяйственный бытъ націи. Только тогда, когда умственное, политическое и экономическое воспитаніе народа подъ вліяніемъ свободной торговли настолько подвинулось впередъ, что дальнѣйшіе успѣхи уже задерживаются ввозомъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій и недостаткомъ сбыта продуктовъ,—только тогда могутъ быть оправданы покровительственныя мѣры... Преувеличеніе и поспѣшность покровительства сами влекутъ за собою наказаніе, уменьшая благосостояніе страны. Слишкомъ высокія ввозныя пошлины, вполне исключаютія иностранную конкуренцію, вредны для самой націи, которая ихъ вводитъ,

такъ какъ ими устраняется соревнованіе промышленныхъ дѣятелей съ заграничными мануфактурами, и этимъ поддерживается отсталость и рутина. Если при значительныхъ, постепенно возвышаемыхъ таможенныхъ ставкахъ туземныя мануфактуры все-таки не преуспѣваютъ, то это служить доказательствомъ, что нація еще не обладаетъ требуемыми вспомогательными средствами для созданія самостоятельной мануфактурной силы“. Въ дѣлѣ промышленнаго развитія играетъ главную роль элементъ личнаго почина и энергіи, въ связи съ общественною свободою и самодѣятельностью. „Что ограничительная торговая политика можетъ оказать полезное дѣйствіе только въ той мѣрѣ, въ какой она поддерживается успѣхами культуры и свободными учреждениями страны, это доказывается упадкомъ Венеціи, Испаніи и Португаліи, регрессомъ Франціи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта и исторіею Англіи, гдѣ свобода всегда развивалась одновременно съ промышленностью, торговлею и національнымъ богатствомъ вообще... Свобода духовная и гражданская, государственное устройство, превосходство политическихъ учреждений вообще—вогь что главнымъ образомъ дало возможность англійской торговой политикѣ достигнуть надлежащей разработки естественныхъ богатствъ страны и содѣйствовать развитію производительныхъ силъ націи. Но кто станетъ оспаривать у другихъ народовъ способность возвыситься до той же степени свободы? Кто рѣшится утверждать, что природа отказала другимъ націямъ въ необходимыхъ вспомогательныхъ средствахъ для развитія мануфактур?“ ¹⁾

Этотъ свободный національный протекціонизмъ Листа, имѣющій въ виду увеличеніе производительности народнаго труда и достиженіе экономической независимости относительно такихъ спеціально-промышленныхъ странъ, какъ Англія, составляетъ прямую противоположность новѣйшему типу покровительства, бесплодно разоряющему народы ради временныхъ выгодъ капиталистовъ и предпринимателей.

Послѣдствія неумѣреннаго и ложно направленнаго протекціонизма выражаются, во-первыхъ, въ стѣсненіи и закрытіи обычныхъ путей международной торговли, причемъ ограничивается не только заграничный привозъ, но и соотвѣтствующій ему отпускъ туземныхъ товаровъ за границу; во-вторыхъ, въ разстройствѣ и упадкѣ тѣхъ отраслей промышленности, которыя нуждаются

¹⁾ Das nationale System der politischen Oekonomie, von Friedrich List, 7 Aufl. v. Echeberg, 1883, стр. 14—17, 106, 267 и др.; русскій перев., стр. 53—56, 16 360 и др. (Ср. о книгѣ Листа въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за текущій годъ, стр. 418—425).

матеріалахъ и орудіяхъ производства, обложенныхъ высокими таможенными пошлинами, — и въ-третьихъ, въ возвышеніи цѣнъ на предметы потребления, въ сокращеніи поэтому спроса на производимые продукты, или въ такъ-называемомъ перепроизводствѣ, ведущемъ къ хроническому кризису и застою.

Что подъ предлогомъ покровительства искусственно вызывается разореніе, можно ясно видѣть на недавнемъ примѣрѣ междуна-роднаго торгово-политическаго конфликта, порожденнаго двумя протекціонизмами — итальянскимъ и французскимъ. Таможенная война, начатая въ 1888 году итальянскимъ правительствомъ противъ Франціи, совершенно подорвала промышленность Италіи, разорила многія крупныя фирмы и предпріятія, оставила массы рабочихъ безъ занятій и до того ослабила страну, что римскій кабинетъ вынужденъ былъ отмѣнить принятые мнимо-покрови-тельственныя мѣры, жертвою которыхъ сдѣлалась сама же итальян-ская торговля. По общему признанію, это былъ одинъ изъ са-мыхъ тяжелыхъ кризисовъ, какіе пережиты были народнымъ хо-зяйствомъ въ Италіи. Пострадала и Франція, но она могла легче вынести причиненные ей убытки; цифры ввоза и вывоза товаровъ между обѣими странами сразу сократились болѣе чѣмъ на поло-вину. Позднѣе — подобный же таможенный разрывъ произошелъ между Франціею и Испаніею. И эти разорительные кризисы, поглощающіе сотни милліоновъ и надолго разстроивающіе эконо-мическую жизнь государствъ, создаются искусственно во имя предполагаемыхъ интересовъ отечественной промышленности и торговли! Никогда еще противорѣчіе между цѣлами и результа-тами не доходило до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, до такой яркой очевидности. Тѣмъ не менѣе промышленные дѣятели въ большей части Европы упорно преслѣдуютъ идею, неосуществимую на практикѣ и несостоятельную въ теоріи, — идею объ устраненіи привоза иноземныхъ товаровъ, съ сохраненіемъ иностранныхъ рынковъ для своихъ собственныхъ продуктовъ и издѣлій. Борются съ заграничною конкуренціею равнымъ оружіемъ, посредствомъ усовершенствованія и удешевленія производства — на это мало охотниковъ въ промышленномъ классѣ; громадное большинство всегда предпочитаетъ добиваться простаго закрытія границъ для иностраннаго соперничества, не заботясь о послѣдствіяхъ. Сознаніе непосредственныхъ, ближайшихъ выгодъ мѣшаетъ людямъ прини-мать въ расчетъ общія условія и потребности народнаго хозяй-ства; они видятъ лишь то, что ихъ жметъ въ данное время, и умахъ избѣгнуть бѣды съ помощью лекарствъ, доставляющихъ мгновенное облегченіе, но парализующихъ дѣятельность всего орга-

низма. При относительной свободѣ международныхъ торговыхъ сношеній, съ 1860 года, французская промышленность развивалась быстро и легко; привозъ товаровъ увеличился въ первые же годы на 23%, и еще больше усилился вывозъ — на 28%, сравнительно съ предшествовавшими годами. Послѣ разгрома 1870—1871 годовъ и уплаты пяти миллиардовъ контрибуціи Франція удивляла міръ богатствомъ и эластичностью своихъ ресурсовъ. Но возростаніе привоза жизненныхъ припасовъ изъ Сѣверной Америки возбудило жалобы французскихъ землевладѣльцевъ; протекціонныя мѣры князя Бисмарка, нашедшія подражателей въ Австріи и Италіи, ограничили сбытъ для французскихъ произведеній; наконецъ, филлоксера опустошила французскіе виноградники и усилила привозъ дешевыхъ испанскихъ винъ; все это породило во Франціи рѣшительное протекціонистское движеніе, приведшее къ новому таможенному тарифу 1-го февраля 1892 года. Высокія пошлины не предупредятъ, конечно, появленія филлоксеры и не ослабятъ производимыхъ ею опустошеній; онѣ не измѣнятъ и не смягчатъ значенія такихъ фактовъ, какъ закрытіе чужихъ рынковъ, возростающій туземный спросъ на американскіе сырые продукты и застой французской земледѣльческой промышленности, — но онѣ дадутъ нѣкоторое удовлетвореніе вліятельному торгово-промышленному классу, поднимая цѣны продуктовъ и ограничивая ввозъ. О „воспитаніи“ и развитіи французскихъ мануфактуръ посредствомъ охранительнаго тарифа не можетъ быть и рѣчи; промышленное воспитаніе, о которомъ разсуждалъ Фридрихъ Листъ, давно завершилось во Франціи. Французская фабрично-заводская производительность не нуждается ни въ какомъ искусственномъ огражденіи отъ иностранной конкуренціи; она просто прибѣгаетъ къ ближайшему и доступному, хотя и совершенно неподходящему средству противъ временныхъ стѣсненій, имѣющихъ свои общія причины. „Нужно опасаться, — говоритъ извѣстный экономистъ Поль Леруа-Болье, — что новый таможенный режимъ, наложенный на насъ установившимся соревнованіемъ между правительствомъ, палатой депутатовъ и сенатомъ, очень тяжело отзовется на нашъ отпускъ и потребленіи. Почти все вздорожаетъ, если не въ самомъ началѣ, въ виду сдѣланныхъ заблаговременно запасовъ, то постепенно, по мѣрѣ истощенія ихъ. Многія промышленныя предпріятія будутъ задержаны въ своемъ ходѣ вслѣдствіе возвышенія пошлинъ на различные предметы, перерабатываемые и или косвенно участвующіе въ ихъ производствѣ. Даже въ томъ случаѣ, если торговые договоры оставятъ для насъ открытыя иностранныя границы, нашъ вывозъ можетъ замѣтно уменьшить

Плательщики податей страдают не только отъ высокихъ пошлинъ, но и отъ денежныхъ премій, установленныхъ для поддержанія хозяйствъ и промысловъ безсильныхъ. У насъ возродились теперь нѣкоторые изъ наиболѣе порицаемыхъ и осужденныхъ способовъ стараго протекціоннаго режима: преміи для производствъ, не дающихъ дохода, преміи за вывозъ, напр., для извѣстныхъ сортовъ бумажныхъ тканей. Такимъ образомъ Франція все болѣе и болѣе вовлекается въ сѣти отвергнутой системы, отъ которой остальной міръ жаждетъ освободиться. Однако, Франція не можетъ отдѣлиться надолго отъ цивилизованнаго міра; она обязана будетъ слѣдовать общему теченію. Но вмѣсто того, чтобы взять на себя починъ, какъ въ 1860 году, она предоставляетъ Германіи занять ея мѣсто въ руководствѣ экономической жизнью западной Европы; она должна была бы сохранить за собою эту роль или по крайней мѣрѣ не отставать отъ нѣмцевъ“¹⁾.

Французскіе экономисты отлично понимаютъ вредъ новѣйшихъ протекціонистскихъ увлеченій; практическіе государственные люди также не могутъ не сознавать, что со стороны Франціи безразсудно отталкивать отъ себя чужіе народы непомерными таможенными тарифами, и что не слѣдовало, напримѣръ, ссориться съ Испанією изъ-за пошлинъ. Но какъ бы ни были вѣски и убѣдительны возраженія противъ ложной экономической политики, они остаются безсильными противъ требованій и домогательствъ заинтересованной части общества, ибо капиталисты-хозяева говорятъ отъ имени цѣлыхъ отраслей промышленности, дающихъ занятія и заработки многочисленному трудящемуся населенію. Если въ странѣ замѣчается экономическій застой или кризисъ, то люди, предлагающіе облегчить его таможенными преградами, всегда найдутъ сочувствіе и поддержку, а противники ихъ, довольствующіеся отрицаніемъ предлагаемыхъ мѣръ и не имѣющіе на-готовѣ своихъ собственныхъ спасительныхъ рецептовъ, никогда не могутъ рассчитывать на популярность. Поэтому писатели, спорящіе противъ протекціонизма, совершенно напрасно тратятъ свое краснорѣчіе: частные интересы и надежды не подчиняются доводамъ логики и не могутъ быть опровергнуты соображеніями общенароднаго блага.

Нѣтъ ничего легче, какъ ссылаться на примѣръ Франціи и американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ подтвержденіе основательности и цѣлесообразности покровительственной системы; но Франція и Соединенные Штаты—богатѣйшія страны въ мірѣ въ

¹⁾ *Revue des deux Mondes*, 1 février 1892: „Les traités de commerce de l'Europe centrale“ etc., par Paul Leroy-Beaulieu, стр. 598.

промышленномъ отношеніи, и имъ не трудно подвергнуть себя опытамъ, которые были бы непосильны и разорительны для народовъ, болѣе бѣдныхъ предприимчивостью, культурою и капиталами. По исторіи американскаго протекціонизма удобнѣе всего прослѣдить, какъ высокіе таможенные тарифы прямо диктуются заинтересованными промышленными элементами. Въ Сѣверной Америкѣ государство не содержитъ миллионной арміи и не обременено колоссальнымъ военнымъ бюджетомъ; народное богатство растетъ въ поразительной прогрессіи, и казначейство не знаетъ, куда дѣвать избытки поступленийъ отъ таможенныхъ пошлинъ. Бывшій президентъ Кливлэндъ въ своемъ посланіи 1887 года указалъ на неудобства, происходящія отъ накопленія многихъ сотенъ миллионъ долларовъ въ государственныхъ классахъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва денегъ изъ таможенъ; онъ предложилъ поэтому понизить пошлины, чтобы избавить казначейство отъ излишковъ дохода и способствовать пониженію цѣнъ на продукты. Господствующій промышленный классъ призналъ этотъ проектъ посягательствомъ на свои интересы и высказался рѣшительно противъ Кливлэнда на президентскихъ выборахъ 1888 года; эти выборы состоялись именно на почвѣ споровъ о сохраненіи или смягченіи покровительства. На этой почвѣ республиканская партія одержала побѣду, и протекціонизмъ не только удержался въ своей силѣ, но получилъ еще болѣе яркое и цѣльное выраженіе въ извѣстномъ тарифномъ биллѣ Макъ-Кинлея. Республиканцы предпочли распределить по-своему тѣ миллионы таможенного дохода, которые стѣсняли Кливлэнда и его партію; они назначили крупныя пенсіи всѣмъ безъ изыятія участникамъ междоусобной войны за освобожденіе негровъ, довели эти раздачи до сотенъ миллионъ въ годъ и усвоили систему денежныхъ премій для поощренія нѣкоторыхъ разрядовъ туземныхъ производителей. Можетъ быть, такое распределеніе избытковъ таможенного дохода умнѣе и практичнѣе простого отказа отъ нихъ; во всякомъ случаѣ оно связало съ протекціонизмомъ интересы обширнаго круга лицъ и убѣдило всѣхъ и cadaго въ непосредственныхъ реальныхъ выгодахъ установленнаго тарифнаго режима. Но можно ли представить себѣ, чтобы въ какой-либо другой странѣ высказывались жалобы на переполненіе государственнаго казначейства излишними миллионами золота, и чтобы поднимался вопросъ способахъ сокращенія или употребленія этихъ ежегодныхъ громадныхъ излишковъ? Гдѣ въ старой Европѣ населеніе такъ зажиточно и богато, чтобы высокія пошлины не уменьшали прѣвоза иностранныхъ товаровъ и еще болѣе увеличивали таможенные

доходъ? А намъ указываютъ на примѣръ Америки, какъ наиболѣе подходящий будто бы къ нашимъ хозяйственнымъ условіямъ!

Основной теоретическій принципъ протекціонизма—принципъ воспитанія и поощренія туземныхъ мануфактуръ посредствомъ ограниченія иностранной конкуренціи — совершенно непримѣнимъ къ нынѣшней сѣверо-американской промышленности, которая во многихъ отношеніяхъ даже превосходитъ англійскую по степени развитія и процвѣтанія. О поощреніи не говорятъ уже американскіе протекціонисты; они замѣнили этотъ старый доводъ Фридриха Листа новымъ, вполне современнымъ и рассчитаннымъ на популярность въ народныхъ массахъ—ссылкою на невозможность равноправнаго соперничества съ европейскими производителями, при „нищенской“ рабочей платѣ въ старой Европѣ сравнительно съ высокимъ уровнемъ вознагражденія американскихъ рабочихъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности высокая рабочая плата вовсе не означаетъ дороговизны производства; напротивъ, она обыкновенно свидѣтельствуетъ объ его улучшеніи и дешевизнѣ. Страны съ низкою рабочей платою, какъ Германія, боятся конкуренціи англійскихъ мануфактуръ, производящихъ болѣе дешевыя и доброкачественныя издѣлія при высокой рабочей платѣ; такъ же точно американскіе товары, продукты дорого оплачиваемого труда, находятъ себѣ сбытъ въ государствахъ съ „нищенскимъ“ вознагражденіемъ рабочихъ и, слѣдовательно, обходятся дешевле, чѣмъ продукты послѣднихъ. Очевидно, разница въ рабочей платѣ не можетъ служить доводомъ въ пользу протекціонизма. Логическія оправданія подыскиваются для фактовъ, но не вытекаютъ изъ нихъ и даже противорѣчатъ имъ; доказательства имѣютъ вообще второстепенное значеніе, когда дѣло идетъ о денежныхъ интересахъ и барышахъ. „Старая идея, которая раздѣлялась многими республиканцами,—говоритъ одинъ изъ американскихъ ученыхъ экономистовъ, — что покровительство было только временною необходимостью, ведущею къ позднѣйшей и окончательной свободѣ торговли, теперь вполне оставлена, и принято новое сгredo, что протекція—вещь хорошая сама по себѣ, какъ постоянная политика“. Протекціонисты-практики откровенно и просто примѣняютъ теорію раздачи избытковъ казначейства между крупными представителями промышленности, даже съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ потребителей; въ этомъ отношеніи весьма поучительныя нововведенія приняты въ биллѣ Магъ-Кинлея.

По новому американскому тарифу, допущенъ свободный ввозъ заграничнаго сахара, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сортовъ, платящихъ незначительную пошлину; зато всѣмъ вообще произво-

дителямъ сахара выдается премія въ размѣрѣ около двухъ центовъ за фунтъ, смотря по качествамъ. Этимъ съ одной стороны достигнуто сильнѣйшее сокращеніе таможенного дохода (въ 1887 г. получено таможенныхъ пошлинъ съ сахара 58 мил. долларовъ), а съ другой—оказана специальная поддержка производителямъ, одновременно съ пониженіемъ цѣнъ для потребителей,—такъ что и волки сыты, и овцы цѣлы. Во сколько милліоновъ въ годъ обойдется выдача сахарныхъ премій—нельзя еще предвидѣть; но цифры могутъ оказаться весьма крупными, такъ какъ производство свекловичнаго сахара расширяется повсюду и организуется въ обширныхъ размѣрахъ въ западныхъ штатахъ. Въ то же время сильно повышены тарифныя ставки относительно произведеній фабрикъ и заводовъ; на нѣкоторыя категоріи издѣлій изъ шерсти увеличены пошлины втрое. Нужны ли подобныя охранительныя и поощрительныя мѣры для успѣховъ американской промышленности? Несомнѣнно не нужны, но для промышленнаго класса и для крупнѣйшихъ его представителей онѣ весьма желательны и заманчивы. Когда государственные доходы достаются легко, когда подати едва чувствительны для населенія и лишніе милліоны неудержимо притекаютъ въ казначейство, то почему не поощрять предпринимателей и промышленниковъ казенными раздачами и субсидіями? Но отсюда не слѣдуетъ, конечно, что эту систему даровыхъ поощреній должны усвоить и бѣдныя страны, гдѣ каждый податной рубль добывается цѣною и кровью плательщиковъ и нерѣдко достается цѣною разоренія цѣлаго крестьянскаго хозяйства.

Каковы же собственно практическіе результаты американскаго протекціонизма, съ точки зрѣнія общаго хода промышленныхъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ?

Прежде всего поощряемая мануфактура какъ бы утратила способность соперничать съ англійскими и даже нѣмецкими на чужихъ рынкахъ; онѣ отчасти перестали работать для вывоза. Заграничный привозъ значительно перевѣшиваетъ вывозъ, и слѣдовательно торговый балансъ, по общепринятому мнѣнію, неблагоприятенъ. Въ цифрахъ отпуска подавляющее мѣсто заняли сырые продукты и жизненные припасы; вывозъ фабрично-заводскихъ издѣлій постоянно и систематически уменьшается. Въ прежнія десятилѣтія, до 50-хъ годовъ, мануфактурныя произведенія составляли болѣе 80% всего отпуска, а теперь они не доходятъ даже до 20%. Вывозъ сырыхъ продуктовъ въ 1889 году опдѣляется болѣе чѣмъ въ 591½ мил. долларовъ—81% всего ввоза, а отпускъ фабрично-заводскихъ издѣлій—около 138½ м

т.-е. менѣе 19⁰/₁₀ всего вывоза. Въ 1882—1886 годахъ вывозилось мануфактурныхъ товаровъ среднимъ числомъ на 150—160 милліоновъ въ годъ, а въ пятилѣтіе 1886—1889 годовъ—уже отъ 130 до 138 милліоновъ. Весь вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1889 году—около 730¹/₄ мил., а привозъ—789¹/₃ мил., въ томъ числѣ обложенныхъ пошлинами, т.-е. главнымъ образомъ фабрично-заводскихъ издѣлій, на сумму свыше 523 милліоновъ. Другими словами, въ цифрахъ главныхъ статей международной торговли является теперь обратное отношеніе между отпускомъ и привозомъ, чѣмъ какое было прежде, до принятія рѣзкихъ и общихъ мнимо-покровительственныхъ мѣръ. Ничтожество мануфактурнаго отпуска тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что для поощренія вывоза практикуется возвратъ пошлинъ на употребленные въ дѣло матеріалы; на этотъ предметъ израсходовано, впрочемъ, въ 1890 году всего 2³/₄ милліона долларовъ—гораздо меньше, чѣмъ выдается у насъ ежегодно изъ скудныхъ народныхъ средствъ крупнымъ, богатымъ сахарозаводчикамъ. Америкадскія мануфактуры искусственно поставлены въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ англійскія, и не могутъ поэтому конкурировать съ послѣдними, ибо неумѣренный протекціонизмъ угнетаетъ всѣ отрасли производства, для которыхъ необходимы матеріалы, обложенные высокими покровительственными пошлинами ¹⁾). Временное и кажущееся поощреніе переходитъ въ хроническій, усыпляющій гнетъ, дѣйствующій съ особенною силою на условія внѣшняго сбыта товаровъ и на весь ходъ международныхъ торговыхъ сношеній. Но люди хлопочутъ о ближайшемъ и наглядномъ, не останавливаясь на болѣе отдаленныхъ послѣдствіяхъ своихъ усилій; они ищутъ новыхъ поощреній противъ неудобствъ, вызванныхъ прежними, нагромождаютъ покровительство на покровительство и все болѣе усиливаютъ и усложняютъ зло, вмѣсто того, чтобы способствовать постепенному его устраненію.

Еще болѣе назидательны плоды протекціонизма въ области американскаго мореходства и кораблестроенія. Покровительственные навигаціонные акты вполнѣ разрушили дѣло, достигшее уже

¹⁾ См. обстоятельный очеркъ американской торговой политики, составленный профессорами политической экономіи въ Нью-Йоркѣ, Ричмондѣ Майо Смитъ и Зелигманомъ (далеко не фритредерами), въ вышедшемъ недавно сборникѣ: *Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaaten in den letzten Jahrzehnten*, Bd. I, Leipzig, 1892 (*Schriften des Vereins für Socialpolitik*, XLIX), стр. 23—53 и слѣд. Объ Італіи—обширный этюдъ проф. Сомбарта, стр. 77—166; о Россіи—г. Витчевскаго (*Wittschewsky*) въ Бреславлѣ, стр. 363—449,—очеркъ дѣльный по фактическому содержанию, но блѣдный по взглядамъ и идеямъ автора.

широкаго развитія и общавшее прочный успѣхъ въ будущемъ. Въ 1857 году значительнѣйшая часть (70 процентовъ) всей вѣншей морской торговли Соединенныхъ Штатовъ производилась еще на американскихъ судахъ; 1860 году эта доля понизилась до 36⁰/₆; въ 1870 дошла до 35¹/₂ проц.; въ 1880 году — до 17⁰/₀, а въ 1890 году — до 12 процентовъ, такъ что въ настоящее время почти всѣ вѣншія торговыя сношенія Сѣверной Америки находятся уже въ рукахъ иностранныхъ и преимущественно англійскихъ судовладельцевъ ¹⁾. И этотъ быстрый и полный упадокъ американскаго мореходства былъ результатомъ покровительственныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью уничтожить конкуренцію англичанъ и создать монополію для американцевъ! Въ силу навигаціонныхъ законовъ, только суда, построенныя въ Соединенныхъ Штатахъ, могутъ плавать подъ американскимъ флагомъ; это правило должно было поощрить кораблестроеніе, но послѣднее сдѣлалось въ Америкѣ менѣе выгоднымъ, чѣмъ въ Англіи, благодаря покровительственнымъ пошлинамъ, которыми были обложены необходимые матеріалы, употребляемые при постройкѣ кораблей; а покупать или строить суда въ Англіи, гдѣ сооруженіе ихъ обходится дешевле, нельзя, и потому пришлось предоставить мореходство англичанамъ, уплачивая имъ деньги за перевозку товаровъ. Такъ убиваетъ протекціонизмъ то, что берется подъ его защиту.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, — говоритъ Генри Джорджъ, — кораблестроеніе процвѣтало въ Соединенныхъ Штатахъ, и американцы строили суда не только для самихъ себя, но и для другихъ народовъ. Американскіе морскіе пароходы считались лучшими въ мірѣ по прочности и удобствамъ, по быстротѣ передвиженій и по количеству принимаемыхъ грузовъ; общее число судовъ уже почти доходило до цифры англійскаго торговаго флота, и въ недалекомъ будущемъ американцамъ предстояло достигнуть безспорнаго первенства и господства на океанѣ. Въ 1854 отменены были британскіе навигаціонные законы; англичанамъ не только дозволено было пріобрѣтать или строить суда гдѣ угодно, но даже прибрежное судоходство въ предѣлахъ британскихъ острововъ стало доступнымъ для иностранцевъ. Англійскіе протекціонисты предсказывали тогда полное разореніе британской торговли; они ожидали, что предприимчивые янки завладѣютъ океаномъ, шведы и норвежцы вытѣснятъ британскихъ моряковъ изъ не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 56—7. Ср. Henry George, Protection and free trade. 188 стр. 198—207.

собственныхъ морей и каналовъ. Между тѣмъ какъ одна великая коммерческая нація отказалась отъ системы покровительства, другая удвоила ея силу; междоусобная война послужила поводомъ къ наложенію охранительныхъ пошлинъ, которыя не дали подняться американскому мореходству послѣ возстановленія мира. Внѣшняя торговля падала, стѣсняемая запрещеніемъ приобрѣтать суда и невозможностью строить ихъ при новыхъ условіяхъ, и американскіе корабли, показывавшіеся на всѣхъ моряхъ земного шара, когда Соединенные Штаты имѣли не болѣе двадцати-пяти милліоновъ жителей,—рѣдко замѣчаются въ открытомъ морѣ въ настоящее время, когда американская нація выросла до степени державы съ шестидесяти-милліоннымъ населеніемъ. Въ докахъ Ливерпуля, гдѣ когда-то почти каждое не-британское судно было американскимъ, приходится долго искать ихъ среди лѣса мачтъ. Въ заливѣ Санъ-Франциско можно видѣть англійскія суда, и опять англійскія суда, и еще англійскія суда, прежде чѣмъ найти хоть одно американское; пять-шестыхъ всей внѣшней торговли Нью-Йорка производится на чужихъ корабляхъ. Когда-то ни одинъ американецъ не думалъ пускаться въ Атлантическій океанъ иначе, какъ на американскомъ же пароходѣ, а теперь французы и нѣмцы соперничаютъ съ англичанами въ дѣлѣ перевозки американцевъ въ Европу и обратно. Только благодаря тому обстоятельству, что сношенія между американскими портовыми городами безусловно закрыты для иностранныхъ судовъ, искусство кораблестроенія держится еще въ Америкѣ. Англичане для постройки своихъ кораблей берутъ матеріалы отовсюду, гдѣ они дешевле и лучше, и свободно употребляютъ, между прочимъ, американскіе доски и брусья; но американцы не могутъ пользоваться англійскимъ желѣзомъ, такъ какъ оно обложено пошлиной. Америка сама богата желѣзомъ и прежде вывозила его даже въ Англію, и не будь искусственныхъ протекціонныхъ стѣсненій, она и въ этой области не отставала бы отъ англичанъ. Испанскія и африканскія руды, которыя необходимо было примѣшивать къ туземнымъ, должны оплачиваться высокою таможенною пошлиною; тяжелыя охранительныя пошлины позволили одной крупной сталелитейной компаніи назначить монопольныя цѣны на сталь; пошлина на мѣдь позволяетъ другой компаніи поддерживать высокую цѣну на мѣдь для американскихъ потребителей и въ то же время вывозить мѣдь по дешевой цѣнѣ въ Англію; даже холстъ для парусовъ подвергнутъ пошлинѣ въ 150 процентовъ съ цѣны. Отъ вѣлы до палубы, отъ канатовъ до мѣдной обшивки, все, что нужно для постройки и снаряженія морского судна, обременено высокими пош-

линами. Даже за всякую починку въ иностранномъ портѣ надо платить при возвращеніи. „Такимъ образомъ протекція задавила промышленность, въ которой американцы могли превзойти всѣ другіе народы; вредъ, который они сами по себѣ причинили, есть вѣсть съ тѣмъ большая потеря для человѣчества. Можно ли сомнѣваться, что океанскіе пароходы были бы теперь лучше устроены, если бы американскіе строители имѣли возможность соперничать съ англійскими?“ ¹⁾ А многіе изъ нашихъ серьезныхъ публицистовъ до сихъ поръ еще твердо вѣрятъ, что примѣръ Соединенныхъ Штатовъ есть сильнѣйшій аргументъ въ пользу строгаго и прямолинейнаго протекціонизма!

Нѣтъ надобности напоминать о тѣсной связи односторонняго покровительственнаго режима съ нѣкоторыми печальными особенностями промышленной жизни въ Сѣверной Америкѣ—съ господствомъ грандіозныхъ монополій, съ сосредоточеніемъ цѣлыхъ отраслей производства и торговли въ рукахъ отдѣльныхъ самовластныхъ распорядителей, съ образованіемъ особыхъ капиталистическихъ династій въ лицѣ Вандербиловъ и Джей Гульдовъ, съ захватомъ даже политической власти могущественными коммерческими компаніями, съ появленіемъ, наконецъ, многочисленнаго туземнаго пролетаріата, которому, казалось бы, не должно быть мѣста на свѣжей почвѣ великой американской республики. Извѣстно также, несмотря на обиліе природныхъ богатствъ и на счастливѣйшія естественныя условія, жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно дорога,—несравненно дороже, чѣмъ въ Англіи. Внутренніе американскіе рынки сохранены для американцевъ и избавлены отъ наплыва иноземныхъ товаровъ; но никто не скажетъ, что отъ этого выиграло населеніе страны, что выиграла промышленность и торговля, что экономическій бытъ развивается нормально подъ давленіемъ протекціонизма.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ все-таки внутренняя свобода конкуренціи и не является даже мысли о томъ, чтобы создать таможенныя преграды между отдѣльными штатами союза; западныя территоріи не требуютъ охраны отъ соперничества болѣе развитой промышленности восточныхъ штатовъ и тѣмъ не менѣе развиваются съ поразительною быстротою, вопреки теоріямъ протекціонистовъ. Равнымъ образомъ, и въ Германіи не поднимался вопросъ о сохраненіи таможенной пограничной черты въ Эльзасѣ и Лотарингіи, въ виду опасности подрыва нѣмецкой промышленности болѣе усовершенствованными мануфактурами и

¹⁾ Henry George, Protection and free trade, стр. 205—6.

соединенныхъ провинцій. Но протекціонизмъ, разъ вступивъ на ложную дорогу, проходитъ и этотъ послѣдній фазисъ: когда границы закрыты для внѣшнихъ соперниковъ, то возникаютъ болѣе или менѣе смѣлыя домогательства внутренней охраны однихъ производителей отъ другихъ, подъ прикрытіемъ разныхъ псевдо-національныхъ, религіозно-племенныхъ или политическихъ мотивовъ. Желаніе избѣгнуть конкуренціи побуждаетъ иногда промышленныя дѣятели отступать отъ обычныхъ интересовъ и стремленій національнаго патріотизма. Послѣ бельгійской революціи 1831 года, когда считалось возможнымъ добровольное присоединеніе Бельгіи къ Франціи, противъ этого проекта высказались не только великія европейскія державы, но и крупные представители французской промышленности. „Поздравимъ правительство, — писали эти французскіе патріоты въ 1831 году, — за то, что оно поняло истинныя нужды страны, что оно не рѣшилось увеличить ея бѣдствія, что оно чувствовало опасность соединенія Франціи съ Бельгіею, ибо согласиться на это соединеніе значило бы однимъ почеркомъ пера уничтожить таможенную линію, служащую поощреніемъ, обезпеченіемъ и охраною для нашей производительности; это значило бы осудить на гибель наши желѣзодѣлательныя заводы, разорить нашу суковную фабрикацію, подорвать наши хлопчатобумажныя мануфактуры, нанести пагубный ударъ нашему сельскому хозяйству“¹⁾.

Само собою разумѣется, что эти страхи были столь же фантастичны, какъ и боязнь разоренія нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ отъ закрытія эльзасско-лотарингскихъ таможенъ или какъ мысль о невозможности для западныхъ американскихъ штатовъ конкурировать съ восточными. Но нѣчто подобное высказывалось еще недавно нашими московскими фабрикантами по поводу возрастающаго промышленнаго развитія въ привислянскомъ краѣ, и они не скрывали своего желанія, чтобы между имперіею и бывшимъ царствомъ польскимъ существовала таможенная черта, которая оградила бы ихъ отъ неудобнаго внутренняго соперничества. Основаніе новыхъ фабричныхъ предпріятій въ Лодзи и Сосновицахъ рассматривалось какъ явленіе вредное, долженствующее вызвать мѣры противодѣйствія и ограниченія со стороны государства; промышленныя успѣхи польскихъ губерній признавались ка имъ-то бѣдствіемъ, точно эти губерніи принадлежать не Россіи, а чужой, посторонней державѣ. Притязанія московскихъ fabri-

¹⁾ Études sur les tarifs de douane et sur les traités de commerce, par M. Amé, t. 1, стр. 221 (цит. въ „Revue des deux Mondes“, 1 février 1892, въ статьѣ Поля Лей-а-Болье, стр. 573).

кантовъ на огражденіе отъ конкуренціи привислянскаго края подкрѣплялись, по обыкновенію, разными псевдо-патріотическими доводами и намеками, въ родѣ указанія на близость нѣкоторыхъ вновь учрежденныхъ фабрикъ отъ прусской границы, на иностранный составъ рабочихъ и хозяевъ въ этихъ промышленныхъ заведеніяхъ и т. п.; но всякій понималъ, что не эти обстоятельства интересуютъ нашихъ фабрикантовъ, а самый фактъ возрастающаго соперничества. Мнимыя опасности или неудобства могли быть легко устранены соблюденіемъ извѣстныхъ административно-полицейскихъ правилъ, отъ которыхъ, разумѣется, нисколько не измѣнились бы условія фабричнаго дѣла въ московскомъ районѣ; вся агитація въ пользу „протекціи“ не имѣла никакой логической связи съ тѣми спеціальными особенностями, которыя приписывались польскимъ мануфактурамъ.

Если можно требовать покровительства для промышленности одной области государства противъ другой, то придется тѣмъ болѣе допустить идею объ охранѣ существующихъ предпріятій отъ новыхъ конкурентовъ въ той же мѣстности. Иностранные или русскіе капиталисты, которые вздумали бы устроить около Москвы новыя обширныя фабрики на европейскій ладъ съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій, причинили бы несомнѣнно временный ущербъ московскимъ фабрикантамъ и побудили бы ихъ позаботиться объ улучшеніи и удешевленіи производства; наконецъ, кто-либо изъ мѣстныхъ же предпринимателей расширилъ бы дѣло на новыхъ основаніяхъ и усвоилъ бы новые способы обработки матеріаловъ;—неужели тогда возникалъ бы вопросъ о необходимости „огражденія“ отъ предпріимчивыхъ капиталистовъ, дѣятельность которыхъ нежелательна для прежнихъ рутинныхъ промышленниковъ?

Домогательства, направленные противъ мануфактуръ привислянскихъ губерній, не встрѣтили, къ сожалѣнію, надлежащаго отпора въ нашей печати; они казались многимъ вполне законными и справедливыми и, повидимому, не остались безъ практическаго вліянія на экономическую политику послѣднихъ лѣтъ. Нельзя было серьезно отнестись къ царству польскому какъ къ чужому государству и отдѣлать его отъ имперіи таможенными, какъ хотѣлось бы инымъ промышленнымъ патріотамъ; но не трудно было отчасти стѣснить перевозку товаровъ изъ привислянскаго края во внутреннія губерніи Россіи, при помощи соотвѣтственныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Результаты московскаго „протекціонизма“ не замедлили обнаружиться: въ газетахъ все чаще приводятся извѣстія о кризисѣ и застоѣ въ главнѣйшихъ фабричнѣ

центрахъ царства польскаго. „Для фабричнаго района города Лодзи—читаемъ мы въ одной такой замѣткѣ—принимаютъ въ послѣднее время все болѣе неблагопріятный оборотъ. Съ одной стороны, сокращеніе требованій на продукты лодзинскихъ фабрикантовъ, послѣдовавшее со стороны населенія восточной и южной Россіи, заставило сократить размѣры производства, а съ другой, банкротства московскихъ и петербургскихъ фирмъ принесли тѣмъ же фабрикантамъ прямыя убытки. Въ виду этого, въ лодзинскомъ промышленномъ округѣ также начались уже банкротства, обѣщающія принять въ близкомъ будущемъ довольно широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ крупными фабриками прекращаютъ самостоятельное производство и мелкіе кустари, въ виду отсутствія потребности на предметы ихъ производства. Они закрываютъ свои мастерскія и поступаютъ простыми рабочими на большія фабрики, вытѣсняя оттуда менѣе искусныхъ рабочихъ. Сокращеніе фабричнаго производства и закрытіе уже нѣкоторыхъ фабрикъ привели къ тому, что масса рабочаго люда осталась безъ работы и теперь голодаетъ не хуже, чѣмъ въ восточныхъ губерніяхъ Россіи“. Областной протекціонизмъ, способствующій—хотя бы только косвенно—возникновенію такихъ печальныхъ обстоятельствъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, является уже полнымъ извращеніемъ покровительственной системы.

Духъ монополіи и хищнической эксплуатаціи, стремленіе къ даровымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ преміямъ и субсидіямъ, постоянныя жалобы на конкуренцію, не только иноземную, но и внутреннюю, откровенныя стачки или „соглашенія“ для поддержанія высокихъ цѣнъ для туземныхъ потребителей, вмѣстѣ съ преувеличенною заботливостью о вывозѣ продуктовъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ за границу, насчетъ государственнаго казначейства, т.-е. плательщиковъ податей, и наконецъ, общая придавленность экономической жизни и дѣятельности въ странѣ—все это характерныя черты ложнаго протекціонизма, который подъ громкими словами и понятіями скрываетъ весьма убогую и вредную сущность. Разоблачить эту сущность и показать ея дѣйствительное практическое значеніе—важнѣе и необходимѣе теперь, чѣмъ когда-либо.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я бѣжалъ .отъ свѣта пошлаго,
Отъ борьбы, отъ суеты,
Въ свой пріютъ, куда мечты
Манятъ призраками прошлаго—

Отдохнуть отъ шумныхъ грозъ
Здѣсь, въ тиши уединенія,
И восторги пѣснопѣнія
Вновь познать, и сладость слезъ!..

Степь синѣетъ безпредѣльная...
Тихо зыблется рѣка...
Ласковъ шопотъ вѣтерка,
Словно пѣсня колыбельная...

Звонко плещутъ ручейки...
Садъ облить лучами вешними;
Надъ цвѣтущими черешнями
Вьются бабочки, жуки...

Вдохновеніемъ объятые,
Всюду: въ неба синевѣ,
На деревьяхъ и въ травѣ,
Заливаются пернатые...

Звонъ пастушеской трубы
Раздается за дубравою,
Гдѣ ужъ зеленью кудравою
Одѣваются дубы.

Рай! Ни скорби, ни волненія!..
Рай!.. Но счастье неполно!
Нѣтъ, сродниться не дано
Съ тихой жизнію растенія!

Какъ боецъ на бой спѣша,
Жаждетъ встрѣчь съ лихой невзгодою,—
Исцѣленная природою,
Рвется пылкая душа

Въ шумный городъ, гдѣ туманами
Опечаленъ небосклонъ,
Но и взоръ и слухъ плѣненъ
Лучезарными обманами!

Гдѣ душа могла бы вновь
Въ то повѣрить, въ чемъ извѣрилась,
Гдѣ-бъ еще, еще помѣрилась
Съ равнодушіемъ любовь!..

II.

СЕРЕНАДА.

Недвижны деревья,
Безмолвна рѣка,
Въ нѣмомъ обаянѣ
Отъ ласкъ вѣтерка;

О страсти онъ шепчетъ
Въ прибрежныхъ кустахъ...
Слезинки восторга
Дрожать на цвѣтахъ...

И вѣютъ надъ міромъ
Волшебные сны...
Рѣка вся трепещетъ
Въ сіяньѣ луны.

Скользить и дробится
Свѣтъ зыбкій по ней
На тысячи блестовъ,
На сонмы огней...

Спѣши, дорогая,
Въ объятія мои!
Не бойся восторговъ,
Сіянья любви:

Въ огняхъ затрепещешь
Ты вся, какъ рѣка,
Обвѣяна лаской
Нѣжнѣй вѣтерка!..

III.

НА МОТИВЪ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Grato mi è il sonno, e piu l'esser di sasso.

Michel-Angelo.

Умолени, пѣснь! Замрите, думы!
Ты, сердце чуткое, замри!
Заснуть хочу я до зари,
Пока всеиленъ мракъ угрюмый...

Заснуть... застыть... окаменѣть!
Застыть, не слышать и не видѣть,
Не презирать, не ненавидѣть,
За край родимый не краснѣть!..

Уйти отъ этого позора,
Отъ этой низости уйти!..
Скорѣе, сонъ, ко мнѣ слети,
Гаситель думъ, гаситель взора!..

А если долгіе года
Пройдутъ—и этотъ мракъ угрюмый
Царить все будетъ,—о, тогда...
Тогда навѣкъ замрите, думы!
Закройтесь, очи, навсегда!..

В. Величко.

ТЕОРІЯ

ОБЩЕСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА

— *Антон Будиловича.* Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Два тома. Варшава, 1892.

I.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ маѣ 1885 года, Славянское Благотворительное Общество въ Петербургѣ въ тысячелѣтнюю годовщину кончины одного изъ славянскихъ первоучителей, св. Меодія, объявило конкурсъ съ двумя преміями за лучшія сочиненія на слѣдующую тему: „Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ и у поляковъ, польскаго въ западной Руси у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появлявшіяся, начиная съ Брижанича, до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ

единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованіе въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ“.

Въ виду труднаго вопроса объ языкѣ „общеславянскомъ“, образованіе и утвержденіе котораго предполагается необходимымъ условіемъ будущихъ благъ славянства, нужно было дѣйствительно постараться выяснитъ историческія условія, въ которыхъ совершалось образованіе подобныхъ общихъ языковъ у народовъ Европы, древней и новой: естественно было думать, что тѣ условія внѣшнія и внутреннія, какія дѣйствовали здѣсь у всѣхъ историческихъ народовъ Европы, сохранять свою силу, какъ историческій законъ, и для племенъ славянскихъ. Отсюда обширность программы. При небольшомъ количествѣ нашихъ филологическихъ силъ можно было если не усомниться въ ея исполненіи, то по крайней мѣрѣ ожидать, что задача не вызоветъ большой конкуренціи, и, если не ошибаемся, выполненіе ея предпринялъ одинъ только авторъ настоящей книги.

Г. Будилевичъ положилъ много труда на разработку темы, или, по его словамъ, „цѣлой дюжины темъ“. Нужно было осматриваться въ обширной литературѣ этихъ темъ, причемъ помогли ему указанія профессоровъ петербургскихъ, г. Никитина—по греческому языку, г. Помяловскаго—по латинскому, г. Веселовскаго—по языкамъ германскимъ и романскимъ. Но собранные этимъ путемъ матеріалы оказались все-таки недостаточны, и авторъ предпринялъ путешествіе за границу, гдѣ въ библіотекахъ Вѣны, Берлина и Парижа старался собрать новѣйшіе труды по этимъ вопросамъ. Приступивъ затѣмъ къ работѣ, онъ составилъ очерки по исторіи европейскихъ языковъ, и они были просмотрѣны его коллегами въ варшавскомъ университетѣ и опять г. Веселовскимъ. Эти очерки наполнили первый томъ книги. Второй отдѣлъ труда, посвященный славянскимъ нарѣчіямъ, входилъ уже въ собственную спеціальность автора, но и здѣсь встрѣтились „немаловажныя затрудненія, обусловленныя отчасти и скудостью книжныхъ средствъ въ библіотекахъ Варшавы“. Здѣсь опять помогло ему содѣйствіе Я. К. Грота по исторіи сербо-хорватскаго

языка, г. Вержбовскаго—по языку польскому, харьковскаго профессора г. Дринова—по языку болгарскому, загребскаго академика Рачкаго—по сербо-хорватскому и А. И. Добрянскаго—по угорскому.

Срокомъ конкурса назначено было 11-ое мая 1888, а у г. Будиловича къ лѣту этого года была готова только первая часть его книги, а вторая послѣла только къ концу года; но задача могла быть выполнена потому, что конкурсъ былъ отложенъ до мая 1890. Когда сочиненіе было представлено къ этому сроку, оно получило кирилло-меоодіевскую премію въ ноябрѣ того же года, по рецензіи г. Ламанскаго, которому принадлежала и самая идея этого конкурса. Наконецъ, при печатаніи книги г. Будиловичъ могъ еще воспользоваться многими замѣтками рецензента.

Такова исторія книги. Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Вопросъ объ общемъ языкѣ славянъ, по словамъ г. Будиловича, имѣетъ уже тысячелѣтнее прошлое. Впервые онъ былъ поставленъ и теоретически, и практически славянскими первоучителями въ IX вѣкѣ; затѣмъ онъ былъ не однажды возбуждаемъ въ средѣ южнаго и западнаго славянства, угрожаемаго чуждыми племенами и языками; съ особенною силою на немъ настаивалъ извѣстный ученый хорватъ XVII-го вѣка, Юрій Крижаничъ; въ XIX столѣтіи онъ былъ обновленъ корифеями западнаго славянства, какъ Юнгманъ, Колларъ, Штуръ; о немъ напомнили юбилейныя воспоминанія изобрѣтенія славянскихъ письменъ и кончины св. Кирилла и Меоодія (1862, 1869, 1885). „Въ настоящее время можно указать цѣлый рядъ западно-и южно-славянскихъ изданій и обществъ, посвященныхъ главнымъ образомъ теоретической разработкѣ и практическому выполненію этой части кирилло-меоодіевскихъ за вѣтовъ“.

Между тѣмъ поборники общеславянскаго языка и до сихъ поръ „встрѣчаютъ еще болѣе возраженій и протестовъ, чѣмъ ученики Кирилла и Меоодія тысячу лѣтъ тому назадъ“ (?). И эти протесты идутъ, какъ будто къ особенному удивленію автора, не только отъ соплеменниковъ Вихинга, но и „отъ потомковъ св. Горазда, Климента и Наума, Вячеслава и Прокopa“, отъ нынѣшнихъ западныхъ и южныхъ славянъ. Возражатели зываютъ, одни—на теперешнюю разрозненность нарѣчій, другие на неодолимые препятствія въ условіяхъ географическихъ, политическихъ, религіозныхъ; третьи ссылаются на языки голландскій, датскій, португальскій и пр. какъ на доказательство возмож-

развитія и существованія мелкихъ литературъ на языкахъ небольшихъ народовъ. „Все это, — по словамъ автора, — свидѣтельствуеть, что ни теоретическія основы, ни практическое значеніе кирилло-меоодіевской идеи не разъяснены еще въ должной мѣрѣ“.

Между тѣмъ вопросъ (объ общемъ языкѣ) не одинъ разъ былъ уже поставленъ и разрѣшенъ въ жизни другихъ историческихъ народовъ, начиная съ китайскаго и индійскаго до французскаго и нѣмецкаго, и какъ ни своеобразно положеніе народовъ славянскихъ, они, конечно, не должны составлять исключенія, и историческія аналогіи должны освѣтить путь, которымъ предстоитъ имъ идти въ будущемъ; къ этимъ аналогіямъ и обращались уже защитники и противники общеславянскаго языка, но пользовались до сихъ поръ этими аналогіями только неполно и случайно. Поэтому авторъ, остановившись на судьбѣ общихъ языковъ древней и новой Европы, старается опредѣлить ихъ историческое развитіе, именно „отношеніе ихъ къ мѣстнымъ говорамъ и частнымъ языкамъ, условія борьбы между ними, значеніе въ этой борьбѣ естественныхъ и нравственныхъ силъ, наконецъ, причины и слѣдствія торжества однихъ языковъ надъ другими“. Полученные отсюда выводы авторъ долженъ былъ примѣнить къ историческимъ явленіямъ въ области языковъ славянскихъ, причемъ главное вниманіе должно было сосредоточиться на „международномъ значеніи церковно-славянскаго языка въ древнее время, сербо-хорватскаго и чешскаго въ 15—16 в., польскаго въ 16—17 в., а русскаго въ 18—19 в.“. Если бы оказалось (какъ это и было въ дѣйствительности, по мнѣнію автора), что выводы объ историческомъ развитіи общихъ языковъ подтверждались исторіей славянскихъ языковъ, это означало бы, что въ будущемъ и здѣсь предстояло бы не иное, а именно установленіе общаго славянскаго языка.

Итакъ, первый томъ сочиненія г. Будиловича посвященъ этому предварительному изученію исторіи литературныхъ языковъ древней и новой Европы. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой исторіи, внимательно исполненной авторомъ на основаніи главнѣйшихъ новыхъ изслѣдованій, и обратимся къ „заключенію“, гдѣ онъ собралъ свои выводы: эти выводы должны потомъ послужить аналогіей для его заключеній объ языкѣ общеславянскомъ.

Относительно каждаго изъ рассмотрѣнныхъ имъ языковъ древней и новой Европы (греческій, латинскій, итальянскій, испанскій, французскій, англійскій, нѣмецкій) г. Будиловичъ собралъ свои выводы въ рядъ положеній, указывающихъ вліяніе раз-

личныхъ историческихъ факторовъ на образованіе общихъ языковъ. Эти факторы заключаются: въ свойствахъ самихъ языковъ—ихъ говоровъ, діалектовъ, языковъ частныхъ; въ географическомъ положеніи народовъ, которое способствовало роли того или другого нарѣчія; въ условіяхъ политическихъ и общественныхъ; въ явленіяхъ жизни религіозной; въ личной дѣятельности писателей, въ творествѣ философскомъ или художественномъ. „Общій языкъ“ представляется въ концѣ концовъ съ одной стороны созданіемъ историческихъ условій, а съ другой—великою силою, которая въ свою очередь оказываетъ могущественное вліяніе на судьбу народовъ, становясь средствомъ ихъ объединенія и общаго историческаго дѣйствія на поприщѣ культуры въ извѣстномъ національномъ духѣ.

„Общій языкъ“, по объясненію г. Будиловича ¹⁾, есть вовсе не исключительное, а весьма обычное и нормальное явленіе, которое развивается при благопріятныхъ условіяхъ у *каждаго крупнаго* народа, сопровождая его на высшихъ ступеняхъ культурной жизни. Общіе языки развиваются изъ частныхъ (охватывающихъ только извѣстныя доли цѣлаго племени), а эти изъ діалектовъ (языковъ областныхъ), которые въ свою очередь слагаются изъ мелкихъ нарѣчій и говоровъ. Такимъ образомъ въ первой основѣ будущаго „общаго языка“ лежитъ мѣстный говоръ, а такъ какъ говоры могутъ имѣть различное достоинство, по большей или меньшей даровитости и силѣ даннаго мѣстнаго населенія, по богатству его элементарныхъ произведеній въ народной поэзіи, то говоръ складывается въ діалектъ, имѣющій уже большее территориальное распространеніе и внутреннее значеніе. Когда въ болѣе или менѣе обширномъ племени говоры собираются въ нѣсколько діалектовъ, между послѣдними начинается обыкновенно борьба за преобладаніе, а для слабѣйшихъ наконецъ за самое существованіе. Иногда между діалектами устанавливается извѣстное равновѣсіе, и они дѣлаются независимыми единицами или частными языками (какъ напр. шведскій и датскій), объединяемыми только общей принадлежностью къ одной діалектической родинѣ; но чаще побѣда остается за болѣе сильнымъ, который становится центромъ притяженія для остальныхъ діалектовъ или частныхъ языковъ и, видоизмѣняясь отчасти подъ ихъ вліяніемъ, дѣлается языкомъ общимъ. Но это послѣднее не всегда случается въ области одного племени: если, напримѣръ, языкъ сѣверной Франціи возобладалъ надъ южнымъ, провансальскимъ, то это не удалось испанскому въ Португаліи и нѣмцу

¹⁾ Томъ I, стр. 420 и слѣд.

въ Нидерландахъ. Бываютъ, наконецъ, случаи, гдѣ общіе языки получаютъ столь широкій размахъ, что побѣждаютъ даже совсѣмъ чуждые имъ діалекты и частные языки, какъ это было въ исторіи греческаго языка послѣ Александра Македонскаго, латинскаго — послѣ Юлія Цезаря, испанскаго — послѣ Карла V, французскаго послѣ Людовика XIV, англійскаго — послѣ Елизаветы, нѣмецкаго — послѣ Фридриха II. При этомъ близость общихъ языковъ съ непосредственною народною рѣчью имѣетъ мало значенія въ сравненіи съ культурными условіями, которыя опредѣляютъ новую группировку народовъ; степень быстроты развитія общихъ языковъ бываетъ въ разныхъ обстоятельствахъ весьма различна.

Тѣ силы, которыми опредѣляется борьба діалектовъ и образованіе общихъ языковъ, г. Будиловичъ сводитъ къ тремъ группамъ: 1) силы естественныя — природа страны и населеніе; 2) общественныя — церковь (религія), государство, школа; 3) личныя — вліяніе мыслителей, писателей, (національных) дѣятелей.

Въ первомъ отношеніи важно бываетъ географическое положеніе страны, особливо срединное по расположенію и внутреннему строенію (какъ напр., въ діалектахъ іоно-аттическомъ, латинскомъ, тосканскомъ и др.); иногда бываетъ важно положеніе горное, а какъ сила оборонительная противъ захвата со стороны близкихъ общихъ языковъ — положеніе приморское, дающее возможность сильнаго развитія колоній (какъ въ голландскомъ).

Въ ряду факторовъ общественнаго характера важное мѣсто авторъ приписываетъ церкви ¹⁾, которая „раздѣляетъ свои нравственныя завоеванія съ избраннымъ ею язычнымъ органомъ богослуженія, проповѣди, образованія“. Далѣе, важную роль играетъ государство, которое связываетъ мѣстные сепаратизмы и даетъ господствующее значеніе языку законодательства и управленія. Авторъ указываетъ особенно наглядные примѣры этого вліянія въ древнемъ Римѣ и новой Франціи и другіе „довольно замѣтные“ въ новѣйшей исторіи Европы, напр., въ Испаніи при Фердинандѣ и Изабеллѣ, въ Англіи при Эдуардѣ III и Елизаветѣ и др. (въ сущности, авторъ долженъ былъ бы оцѣнить это вліяніе государства гораздо выше и примѣры его могъ бы найти въ изобиліи у всѣхъ народовъ и во всѣхъ языкахъ). Нерѣдко получаютъ значеніе даже города, важные въ общественно-экономической жизни страны, какъ Аѳины, Римъ, Флоренція, Парижъ, Лондонъ и пр.,

¹⁾ Онъ долженъ былъ бы сказать: религія, потому что вліянія этого рода совершались не только въ христіанскомъ мірѣ, напр. въ распространеніи арабскаго языка черезъ исламъ, и т. п.

или служащіе образовательными центрами, какъ Кембриджъ, Оксфордъ, Лейпцигъ и др.

Наконецъ, вліяніе личной дѣятельности писателей, поэтовъ, мыслителей ясно само по себѣ, когда для Греціи мы вспомнимъ Гомера, Эсхила, Аристотеля, для Италіи—Данта, Петрарку, Боккаччіо, для Англіи—Чосера и Виллефа. Здѣсь находятъ мѣсто и сознательныя усилія образователей литературнаго языка и стиля, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, эти усилія не оставались безплодными только потому, что совпадали съ общими стремленіями языка, опредѣлявшимися взаимодействіемъ всѣхъ естественныхъ и нравственныхъ силъ даннаго народа.

„По мѣрѣ того,—говорить авторъ,—какъ общій языкъ, при содѣйствіи указанныхъ факторовъ, утверждается въ роли высшаго представителя извѣстной группы діалектовъ, онъ постепенно переводитъ на себя высшія задачи и отправленія послѣднихъ: становится органомъ богослуженія, государственнаго управленія, высшаго образованія, науки и литературы, проникаетъ даже въ домашній обиходъ образованныхъ сословій“. Это дѣлается не вдругъ, и иногда общій языкъ цѣлые вѣка не можетъ занять своего должнаго мѣста, какъ, напр., западно-европейскіе языки во время господства средневѣковой латыни. Бывало, что чужіе языки вторгались въ область туземныхъ общихъ языковъ, напр. испанскій, итальянскій, особливо французскій въ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ Германіи, Англіи и многихъ славянскихъ странъ.

„Что касается отношенія общихъ языковъ къ родственнымъ діалектамъ, то функціи послѣднихъ одна за другою передаются общему языку, начиная то съ церковной, то съ государственной, то съ литературной области, въ зависимости отъ того, какой факторъ играетъ въ языкообразующемъ движеніи главную роль... Очень рѣдко случается, что общій языкъ совершенно поглощаетъ діалекты; обыкновенно между ними происходитъ мирное размежеваніе сферъ жизни, съ предоставленіемъ то меньшаго, то большаго простора діалектамъ... Церковь долго удерживаетъ ихъ въ дополнительномъ богослуженіи, въ частныхъ молитвахъ, проповѣдяхъ, катехизации; государство—въ устномъ разбирательствѣ низшихъ присутствій и судовъ; школа—въ системѣ низшаго обученія, литература—въ произведеніяхъ областного колорита и пространенія, особенно комическаго и сатирическаго содержанія, да и вообще въ сочиненіяхъ популярныхъ. Нерѣдко пролагаютъ себѣ діалекты доступъ и въ научную прозу. Но тутъ они вступаютъ соперника въ языкъ общій, который долженъ либо

стоять свои законныя права, либо спуститься вновь до положенія языка частнаго и даже—соподчиненнаго діалекта“.

Когда діалектъ вырастаетъ до частнаго и потомъ общаго языка, то послѣдній испытываетъ различныя внутреннія измѣненія, не всегда благопріятныя: отрываясь отъ непосредственной почвы живого говора, принимая новыя примѣсы, онъ становится искусственнымъ, сухимъ, безцвѣтнымъ; вліяніе особенно талантливыхъ писателей можетъ обновлять его изъ свѣжихъ источниковъ народной рѣчи, но бываетъ, что это не предохраняетъ его отъ упадка, и тогда онъ перерождается въ новые организмы или превращается въ мумію, какъ, на примѣръ, средневѣковая латынь въ ея позднія эпохи. Но взамѣнъ того общіе языки имѣютъ свои великія преимущества. „Общіе языки сближаютъ самыя отдаленныя области разнообразнаго населенія возможностью взаимнаго обмѣна мыслей, чувствъ, желаній; служатъ основою и символомъ національнаго единства; сопровождаютъ всѣ великія религіозныя движенія и облегчаютъ ихъ распространеніе на громадныхъ перѣдко территоріяхъ; сплачиваютъ обширные политическіе союзы; облегчаютъ задачи школы, а наконецъ, создаютъ для великаго писателя и сподручный матеріалъ для воплощенія его думъ, и высочій пьедесталъ для дѣйствія на современниковъ и потомство“.

До общихъ языковъ не доросли только болѣе второстепенные народы, и именно отсутствіемъ общихъ языковъ авторъ объясняетъ печальную судьбу многихъ племенъ, которыя при всей многочисленности не могли достигнуть самостоятельной исторической жизни, какъ, на примѣръ, племена: ерако-иллирскія и вельтскія, отъ которыхъ остались только разрозненные обломки. „По той же причинѣ и скандинавы не выработались въ самостоятельный и сильный историческій народъ, хотя имѣли для того всѣ задатки, судя по чуднымъ подвигамъ норманскихъ викинговъ и дружинъ въ VIII—XI вѣкахъ и по блестящей поэзіи скальдовъ“. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ авторъ, однако, какъ намъ кажется, дѣлаетъ ошибку, принимая причину за слѣдствіе: не отсутствіе общихъ языковъ было причиной политической незначительности, а именно эта послѣдняя сдѣлала невозможнымъ и образование общихъ языковъ, роль которыхъ, въ соединеніи съ политическимъ преобладаніемъ или господствомъ, была уже взята болѣе сильными народами. И вообще, какъ далѣе будемъ имѣть случай видѣть, авторъ преувеличиваетъ значеніе самаго факта образованія общихъ языковъ, придавая ему болѣе самостоятельное значеніе, чѣмъ то бывало въ исторической дѣйствительности, гдѣ

собственно языкъ и его вліяніе обыкновенно только слѣдовали за широкимъ развитіемъ государственнаго или образовательнаго значенія народовъ.

Таковы общія соображенія г. Будиловича о происхожденіи и значеніи общихъ языковъ, выведенныя изъ наблюденія ихъ въ древней и новой Европѣ, и которыя затѣмъ онъ примѣняетъ къ судьбѣ языковъ славянскихъ.

Этому послѣднему посвященъ второй томъ его книги. Указавъ въ началѣ возможность примѣненія историческихъ аналогій къ судьбѣ языковъ славянскихъ, авторъ разсматриваетъ, во-первыхъ, діалектическія отношенія славянскихъ языковъ сравнительно съ діалектическимъ дробленіемъ языковъ европейскихъ. Затѣмъ вторую обширную главу онъ посвящаетъ исторіи образованія и судьбы языка церковно-славянскаго, который былъ первымъ опытомъ общаго языка у славянъ. Въ третьей главѣ г. Будиловичъ говоритъ объ исторіи языковъ сербскаго, чешскаго и польскаго и именно о распространеніи ихъ въ смежныхъ областяхъ. Такимъ образомъ въ судьбѣ этихъ нарѣчій авторъ видитъ рядъ попытокъ (именно четыре), которыми частные языки стремились достигнуть значенія языковъ общихъ. Пятымъ, наиболѣе сильнымъ и положительнымъ стремленіемъ достигнуть значенія общаго языка авторъ считаетъ исторію языка русскаго. Затѣмъ слѣдующая глава излагаетъ исторію теоретической разработки вопроса объ общеславянскомъ языкѣ и, наконецъ, въ послѣсловіи, авторъ собираетъ всѣ соображенія о роли, предстоящей русскому языку въ качествѣ общеславянскаго, устраняетъ возраженія относительно несовмѣстимости существованія общихъ языковъ на ряду съ частными, и о необходимости добровольнаго соглашенія славянъ по вопросу о размежеваніи правъ языка общаго и языковъ частныхъ.

Чтобы дать ближайшее понятіе о точкѣ зрѣнія автора, мы остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ его изложенія. Замѣтимъ предварительно, что вообще въ изложеніи г. Будиловича есть одна крупная односторонность. Собственно говоря, вопросъ для него рѣшенъ впередъ: русскій языкъ долженъ стать общеславянскимъ, и авторъ какъ бы только подбираетъ формальныя обстоятельства, которыя должны доказывать эту будущность, — напротивъ, очень недостаточно разбираетъ другія условія, которыя затрудняютъ совершеніе этого факта, или даже совсѣмъ не замѣчаетъ этихъ условій. Онъ разсматриваетъ діалектическія отношенія русскаго языка, которыя складывались благопріятно, чтобы сдѣлать изъ русскаго общій языкъ; исторія другихъ славянскихъ яз-

ковъ и ихъ частнаго распространенія должна только подтверждать это право языка русскаго; обзоръ разработки вопроса въ новѣйшей славянской литературѣ доставляетъ поводъ говорить о друзьяхъ и противникахъ дѣла, рѣшеннаго уже впередъ, хотя возраженія этихъ противниковъ указывали, между прочимъ, весьма серьезныя обстоятельства вопроса, которые остались у нашего автора далеко не разъясненными. Самый вопросъ, съ точки зрѣнія г. Будиловича, рѣшенъ давнымъ-давно. Какъ мы выше упоминали, первую постановку вопроса объ общеславянскомъ языкѣ авторъ считаетъ дѣломъ и завѣтомъ славянскихъ первоучителей. Какъ ни велика заслуга славянскихъ апостоловъ и по трудности дѣла въ ту эпоху, и по результату, засвидѣтельствованному вѣками дальнѣйшей исторіи церковно-славянскаго языка, едва-ли есть возможность прямо переносить фактъ IX-го вѣка въ отношенія XIX-го. Цѣли IX-го вѣка были опредѣленныя: онѣ касались только церковной жизни въ новообращенныхъ племенахъ; но жизнь церковная, при всемъ великомъ вліяніи ея на нравственный складъ и самую историческую судьбу народовъ, не поглощаетъ всѣхъ сложныхъ требованій и проявленій исторической судьбы народовъ; племена, просвѣщенные первоучителями, составляли только долю тогдашняго славянскаго міра, такъ какъ хотя въ X вѣкѣ христіанство распространилось и на новую, обширную отрасль русскую, но въ то же время или вслѣдъ затѣмъ другая большая доля славянства отпала въ міръ западно-христіанскій, католическій и латинскій. Такимъ образомъ при самомъ началѣ славянскаго христіанства и письменности славянскій міръ разбился на двѣ стороны, въ принципѣ совершенно враждебныя и уже не имѣвшія общаго преданія. Извѣстно, что эта вражда проходитъ черезъ всю исторію междуславянскихъ отношеній, даже до настоящей минуты. Съ принадлежностью къ католической церкви, съ болѣшимъ или меньшимъ участіемъ въ политической исторіи западныхъ народовъ, особливо нѣмецкаго, въ западномъ и частію южномъ славянствѣ распространялась совсѣмъ иная культура, просвѣщеніе, нравы, общественныя понятія, такъ что разладъ, начавшійся въ IX—XI вѣкахъ, разросся въ весьма несходныя формы національнаго быта, доходившія, наконецъ, до крайней противоположности: наглядный примѣръ послѣдняго можно видѣть въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Въ крайнихъ предѣлахъ этого историческаго разлада, между извѣстными славянскими племенами въ ихъ внѣшнемъ бытѣ, а также, конечно, и во всемъ складѣ мысли и душевныхъ идеаловъ, обнаруживается настоящая пропасть, которую едва-ли такъ легко покрыть предположеніемъ общеславянскаго

языка, формальнымъ образомъ построеннаго,—какъ въ другихъ случаяхъ, общее господство языка церковно-славянскаго въ жизни церковной не вело у иныхъ племенъ ни къ братолюбію, ни къ литературной и язычной солидарности... Нашъ авторъ, минуя все это вѣковое историческое разнорѣчіе, хочетъ ставить дѣло такъ, какъ будто всѣ эти вѣка со стороны западнаго славянства были однимъ упорнымъ заблужденіемъ, не желавшимъ признать уже открытую и возвѣщенную истину. Говоря, какъ мы выше приводили, о томъ, что поборники общеславянскаго языка встрѣчаютъ возраженія даже и въ XIX вѣкѣ, г. Будиловичъ съ нѣкоторымъ удареніемъ замѣчаетъ, что эти возраженія „выходятъ теперь изъ среды не соплеменниковъ лишь Вихинга, но и потомковъ св. Горазда, Климента и Наума, Вячеслава и Прокопа“. Очевидно, эти потомки являются въ роли нѣсколько одіозной, и совершенно напрасно, потому что у ихъ названныхъ предковъ не было и тѣни тѣхъ сложныхъ отношеній, какія обступаютъ современное славянство, и возраженія потомковъ, къ сожалѣнію, нерѣдко заключаютъ въ себѣ печальные факты, которыхъ до сихъ поръ не могли еще устранить и опровергнуть поборники общеславянскаго языка.

Въ теченіе тысячелѣтней исторіи племенное чувство славянства сказывалось неоднократно, выражаясь фактами жизни церковной, политической, литературной. Самымъ широкимъ фактомъ подобнаго общенія было въ древнемъ періодѣ распространеніе церковно-славянскаго языка въ IX—X вѣкѣ. Основнымъ мотивомъ этого распространенія было церковное движеніе, и письменность, порожденная имъ, ограничилась почти исключительно сферою церковною. Церковно-славянскій языкъ исполнилъ великую миссію въ этой области, доставивши первый литературный языкъ многимъ славянскимъ племенамъ на первыхъ порахъ ихъ исторической жизни и, между прочимъ, послуживши средствомъ единенія для племенъ, оставшихся въ союзѣ съ греческою церковью. Съ теченіемъ вѣковъ характеръ этого языка, конечно, измѣнялся подъ вліяніемъ мѣстныхъ діалектовъ: онъ приближался къ языку жизни, становился какъ будто настоящимъ литературнымъ языкомъ. Но историческіе перевороты уже вскорѣ сократили площадь его распространенія: въ западномъ славянствѣ, съ водвореніемъ католицизма, онъ исчезъ какъ языкъ литургическій, а съ тѣмъ вмѣстѣ прервалось и его литературное значеніе; въ Болгаріи Сербіи, съ паденіемъ царствъ, на цѣлые вѣка почти абсолю прервалась всякая духовная и умственная дѣятельность, и церковный языкъ могъ только спасти въ народахъ національно-г

ковное сознаніе ихъ личности. Единственная страна, гдѣ церковно-славянскій языкъ сохранился съ начала и до конца въ непрерывномъ преданіи, была Россія. Оставаясь языкомъ богослужебнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ вообще языкомъ людей книжныхъ и этимъ путемъ проникъ также въ письменность не специально церковную, какъ, напримѣръ, лѣтопись, наложивши впрочемъ и на нее отпечатокъ церковности, такъ какъ книжные люди исходили по преимуществу, если не исключительно, изъ людей церковнаго чина. Рядомъ съ этимъ письменность чисто дѣловая вызвала въ дѣятельности и языкъ чисто-народный—въ грамотахъ, законодательныхъ памятникахъ и т. п., но два эти элемента не слились во что-нибудь цѣльное; церковная стихія сказывалась въ языкѣ до самого Ломоносова, но рѣчь народная только случайно и, такъ сказать, въ низшихъ родахъ литературы находила мѣсто въ книгѣ, и за все время отъ лѣтописца Нестора и до Ломоносова старшій книжный языкъ не послужилъ орудіемъ ни для одного писателя-художника: исключить надо Слово о полку Игоревѣ, писанное не на обычномъ книжномъ языкѣ, и народную поэзію, существовавшую совершенно въ сторонѣ отъ книжниковъ. Первымъ шагомъ сознательнаго литературнаго движенія въ Ломоносовскую пору было стремленіе освободить языкъ отъ этого церковнаго элемента, чтобы онъ могъ впервые стать дѣйствительнымъ орудіемъ духовной жизни народа. Старое преданіе держалось еще довольно долго въ кругу литературы церковной, но жизнь заявляла свои требованія все сильнѣе, и исторія русскаго литературнаго языка была рядомъ побѣдъ чисто русской народной рѣчи и рядомъ лучшихъ созданій русской литературы. Въ средѣ русскаго народа созданъ новый литературный языкъ. Такимъ образомъ тотъ завѣтъ славянскихъ первоучителей, нарушеніе котораго г. Будиловичъ осуждаетъ въ потомкахъ Горазда, Климента, Наума и Прокопа былъ, собственно говоря, нарушенъ и въ средѣ того народа, который донинѣ сохранилъ (съ извѣстными видоизмѣненіями) языкъ Кирилла и Меѳодія въ своемъ богослуженіи. Изъ этого примѣра можно заключить, что такимъ же образомъ былъ бы, вѣроятно, нарушенъ этотъ завѣтъ и въ томъ случаѣ, еслибы все западное славянство осталось вѣрно преданію: было думать, что и въ западномъ славянствѣ произошелъ бы тотъ же самый переворотъ въ языкѣ, какой совершился въ нѣдрахъ самого русскаго народа: жизнь заявила бы свои права, потребности образованія нуждались бы въ новыхъ орудіяхъ выраженія, и въ концѣ концовъ здѣсь образовались бы такіе же новые языки, какой образовался на русской почвѣ. Очевидно, что

церковно-славянскій языкъ, исполнивъ свою основную задачу, не могъ бы остаться средствомъ литературнаго единенія, если и тамъ, гдѣ онъ уцѣлѣлъ въ наибольшей сохранности, онъ въ концѣ концовъ специализировался въ одной области, а для всей остальной умственной и художественной дѣятельности народа образовался новый языкъ, отвѣчавшій реальной жизни и живой народной рѣчи. Много позднѣе, но такое же аналогическое явленіе совершилось у другихъ племенъ, сохранявшихъ тотъ же литургическій языкъ—у сербовъ и болгаръ, въ ихъ новыхъ литературахъ, возникшихъ съ первыми стремленіями къ освобожденію и съ первыми начатками образованія.

Обратимся ко второму тому книги г. Будиловича. Первую главу авторъ посвятилъ сжатому обзору „діалектическихъ отношеній славянъ“. Исчисливъ современные славянскія нарѣчія, авторъ слѣдитъ ихъ въ древности, причемъ находитъ, что главныя изъ нихъ должны были существовать уже, напримѣръ, въ XI-мъ столѣтіи. Но, „какъ ни значительна діалектическая разрозненность нынѣшнихъ славянъ,—говоритъ авторъ,—все же нельзя сказать, что она представляетъ нѣчто исключительное въ средѣ другихъ большихъ племенъ“ ¹⁾: древніе греки также были раздѣлены на множество нарѣчій, хотя и не столь различныхъ между собой, какъ славянскія; что же касается древнихъ италиковъ и новѣйшихъ итальянцевъ, и новѣйшихъ германцевъ, то ихъ діалектескія различія не только не меньше, а иногда и гораздо больше различій славянскихъ. Авторъ, впрочемъ, нисколько не преувеличиваетъ легкости изученія славянскихъ нарѣчій: усвоеніе ихъ (для людей другого нарѣчія) легче, чѣмъ, напримѣръ, усвоеніе нарѣчій нѣмецкихъ, но во всякомъ случаѣ онѣ требуютъ изученія. „Говоримъ: „изученія“, а не пониманія, ибо нечего намъ самообольщаться на этотъ счетъ: нынѣшнія славянскія нарѣчія понятны взаимно лишь въ средѣ общей группы и то до извѣстной только степени, при помощи нѣкотораго навыка; нарѣчія же многруппныя, напримѣръ, болгарское для русскаго, или чешское для серба, представляютъ при взаимныхъ объясненіяхъ немаловажныя затрудненія. Они могутъ быть устранены лишь изученіемъ—хотя и не столь продолжительнымъ, какъ при усвоеніи нарѣчія нидерландскаго алеманомъ, или фризскаго тирольтцемъ“ ²⁾.

¹⁾ Томъ II, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

Это справедливо, и слѣдовало наконецъ исключить изъ вопроса объ общеславянскомъ языкѣ долго ходившее фальшивое представленіе о томъ, будто бы славянамъ разныхъ племенъ очень легко понимать другъ друга. вмѣстѣ съ тѣмъ является и другое заключеніе, что большая близость нарѣчій не имѣетъ исключительно важной роли въ установленіи общаго языка: важны тѣ основныя условія — именно государственныя, общественныя и образовательныя, — которыя побуждали такое, повидимому, серьезное препятствіе, какъ самая невразумительность нарѣчій.

Указавъ затѣмъ внѣшнюю судьбу славянскихъ діалектовъ, которые въ теченіе вѣковъ понесли великія потери, сильно сократившія ихъ старую площадь (они исчезли цѣликомъ или въ большой мѣрѣ — въ Малой Азіи и Моревѣ, въ Панноніи, въ странахъ подъ-альпійскихъ, на балтійскомъ побережьи и пр.), авторъ заключаетъ: „Но какъ ни велики потери, понесенныя славянскимъ языкомъ на западныхъ и южныхъ окраинахъ, онѣ возмѣщаются до нѣкоторой степени расширеніемъ площади русскаго нарѣчія. Вслѣдствіе того, оно еще болѣе прежняго представляется серединнымъ стволомъ прочихъ нарѣчій и общеою ихъ опорой въ борьбѣ съ инородческими языками, особенно съ могучимъ и наступательнымъ языкомъ нѣмецкимъ“¹⁾.

Въ обширной главѣ объ образованіи и судьбахъ общаго церковно-славянскаго языка г. Будиловичъ даетъ сжатый обзоръ возникновенія первыхъ памятниковъ этого языка въ трудахъ св. Кирилла и Меѳодія, распространенія его въ большинствѣ тогдашнихъ славянскихъ племенъ до его современнаго положенія на славянскомъ востокѣ, югѣ и западѣ. Первая пора этой исторіи до сихъ поръ остается невыясненной: гдѣ настоящая родина церковно-славянскаго языка? Противъ гипотезы панновской, авторъ склоняется въ пользу гипотезы „цареградско-пропонтидской“, именно, что основу языка для перевода священныхъ книгъ славянскіе первоучители нашли въ нарѣчій славянъ, жившихъ въ Царьградѣ и вокругъ Олимпскаго монастыря на малоазіатскомъ берегу, гдѣ монашествовалъ Меѳодій, гдѣ живалъ съ нимъ Кириллъ и гдѣ, повидимому, начато было ихъ книжное дѣло. Здѣсь, въ этомъ первомъ періодѣ работы, по мнѣнію г. Будиловича, установлены были Кирилломъ основы церковно-славянскаго письма, грамматики, лексикона и литературнаго стиля, и на этихъ основаніяхъ продолжалась потомъ совмѣстная работа обоихъ братьевъ въ Моравіи, Панноніи и Римѣ, и, по смерти Кирилла, заключи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

тельный трудъ Мееодія на мораво-паннонскоѣ каеедрѣ ¹⁾. Еще при Мееодіи, до 885 года, кирилловскій языкъ, вмѣстѣ съ славянской церковью и письменностью, утвердился не только въ Моравіи, у словаковъ, въ Панноніи, но мало-по-малу распространялся и у смежныхъ славянскихъ вѣтвей на западѣ, югѣ и, вѣроятно, востокѣ: есть свидѣтельства, что еще при Мееодіи славянская церковь и письменность проникли въ чехамъ, ляхамъ, словакамъ, даже въ угорскую орду; наконецъ славянская церковь и кирилловская письменность утвердилась въ Болгаріи, Сербіи, проникла въ приморскую Хорватію и къ хорутанамъ.

Авторъ слѣдитъ затѣмъ внѣшнія судьбы церковно-славянскаго языка въ древній и потомъ средній періодъ его жизни въ земляхъ болгарскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, угорскихъ, чешско-моравскихъ, лашскихъ, словено-хорутанскихъ, сербо-лужицкихъ и наконецъ русскихъ, и опредѣляетъ особенности такъ-называемыхъ „изводовъ“ или редакцій церковно-славянскаго языка въ рукописяхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ. Въ концѣ концовъ преобладаніе осталось за русскими изводами, которые распространились и по другимъ славянскимъ православнымъ землямъ: это возвышеніе русскихъ редакцій начинается съ XV вѣка и завершается господствомъ ихъ съ XVII-го столѣтія въ связи съ возрастающимъ все болѣе и болѣе упадкомъ южно-славянскихъ племенъ подѣ турецкимъ владычествомъ и съ возвышеніемъ русскаго народа въ московскомъ царствѣ.

„Въ послѣднее время, — говоритъ авторъ, — когда великіе юбилеи: тысячелѣтія изобрѣтенія письменъ въ 1862, смерти Кирилла Философа въ 1869 г. и Мееодія въ 1885 г., нѣсколько освѣжили кирилло-мееодіевскіе завѣты въ сознаніи всѣхъ славянъ, вызвавъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій по всѣмъ частямъ кирилло-мееодіевскаго вопроса и даже демонстративную буллу Льва XIII: „Grande munus“, — ц.-славянскій языкъ выступилъ вновь на очередь общественнаго обсужденія и даже на путь практическихъ завоеваній. Во главѣ борцовъ за признаніе этого языка литургическимъ органомъ католическихъ славянъ стоятъ нынѣ знаменитый дьяковскій епископъ Штротсмайеръ на югѣ и славный угрорусскій дѣятель А. И. Добрянскій на западѣ“... Какъ ни различны взгляды этихъ дѣятелей и писателей на основы и задачи славянской образованности, оба сходятся, однако, въ знаніи важности церковно-славянскаго языка для народной душности католическихъ славянъ. Подѣ знаменемъ этого язг

¹⁾ Стр. 42.

Штросмайеръ и Добрянскій успѣли собрать изрядное число послѣдователей, которые продолжаютъ и теоретическую разработку, и практическое распространеніе этой плодотворной мысли. Соединеннымъ ихъ усиліямъ удалось нѣсколько измѣнить взглядъ на этотъ вопросъ и римской куріи. Это обнаружилось между прочимъ въ ея конкордатѣ въ 1887 г. съ Черногоріей, по которому католикамъ возстановленной папою барской епископіи изъ подданныхъ (3—4.000 душъ) князя Николая разрѣшено употребленіе церковно-славянскаго языка въ богослуженіи по тѣмъ миссаламъ и бревіарамъ, какіе приготовлены Паричемъ для Далмаціи и Хорватскаго приморья, но въ кирилловскихъ изданіяхъ. Эта уступка куріи не представляетъ, правда, ничего новаго въ лѣтописяхъ южнаго и западнаго славянства. Она не разъ была дѣлаема папами прежнихъ вѣковъ... Но въ наше время уступка эта имѣетъ болѣе значеніе потому, что она совпала съ пробужденіемъ самосознанія и инстинктовъ жизни даже въ самыхъ поблекшихъ вѣтвяхъ славянскаго племенного дерева. Вотъ почему она немедленно вызвала печатныя въ журналахъ и устныя на собраніяхъ и вѣчахъ заявленія многочисленныхъ общественныхъ кружковъ—хорватскихъ, словинскихъ, словенскихъ, чехо-моравскихъ и др. о желаніи воспользоваться предоставленнымъ папою черногорскимъ католикамъ разрѣшеніемъ совершать богослуженіе хотя бы по римскому обряду, но на священномъ для cadaго славянина кирилло-меоодіевскомъ языкѣ и письмѣ¹⁾. Къ сожалѣнію, — продолжаетъ авторъ, — австро-германское правительство, какъ бывало и въ средніе вѣка, возстало противъ этихъ стремленій, „быть можетъ не безъ основаній полагая, что церковное освобожденіе католическихъ славянъ отъ путъ латыни было бы первымъ шагомъ къ низверженію ими западнаго ига и во всѣхъ прочихъ культурныхъ областяхъ“. Сама римская курія дѣйствуетъ очень непоследовательно, то отказывая хорватамъ, словенцамъ, мораванамъ и чехамъ въ томъ, что было уступлено ею для барской епархіи, то открывая въ самомъ Римѣ, въ Аполлинаріумѣ, каѳедру церковно-славянскаго языка. Подъ давленіемъ австро-германскаго правительства, по словамъ г. Будиловича, а вѣроятно, также и подъ вліяніемъ Рима, противъ славянскаго богослужебнаго языка возстали и католическіе епископы въ различныхъ славянскихъ земляхъ Австріи. Между прочимъ противъ этого языка высказались также и іерархіи чешская и угорская, какъ наиболѣе заисимыя отъ „славяноборческаго“ правительства: „а между тѣмъ

¹⁾ Стр. 162—164.

языкъ этотъ красуется на регаліяхъ староугорскихъ королей, какъ обличительный упрекъ потомкамъ св. Стефана и Ладислава, Гуніада и Корвина!

„Кто побѣдитъ въ концѣ концовъ,—заключаетъ г. Будиловичъ,—славянскіе ли народы, просящіе у своихъ духовныхъ отцовъ хлѣба, или эти отцы, подающіе вмѣсто него камень,—покажетъ близкое уже будущее. Но уже и теперь несомнѣнно, что церковно-славянскій языкъ дѣйствуетъ въ средѣ католическихъ славянъ какъ скрытая сила, имѣющая важное значеніе въ предстоящемъ размежеваніи тевтонства со славянствомъ въ племенной и культурной областяхъ.

„Но какая бы судьба ни предстояла церковно-славянскому языку въ средѣ католическихъ славянъ,—усвоятъ ли они его себѣ и спасутся, или будутъ и впредь коснѣть въ ярмѣ латинства и погибнуть въ народномъ смыслѣ,—языкъ этотъ и въ настоящемъ своемъ распространеніи, между 75 милл. русскихъ и 8—9 милліонами юго-славянъ, принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ и славнѣйшихъ литургическихъ языковъ міра. Правда, роль его литературной области значительно ослаблена съ XVIII-го вѣка установленіемъ рядомъ съ нимъ—или лучше подъ нимъ—вторыхъ письменныхъ языковъ и діалектовъ: русскаго, болгарскаго, сербскаго, на которые перешла большая часть прежнихъ функцій ц.-славянскаго языка. Но это отрѣшеніе отъ суеты дневной и „молвы житейской“ весьма благопріятно отразилось на его строеніи и составѣ. Пока этотъ языкъ оставался во взаимодействіи съ живыми говорами, онъ заимствовалъ отъ нихъ постоянную измѣнчивость, что бываетъ достоинствомъ нарѣчій, но большимъ недостаткомъ языковъ: послѣдніе призваны къ соединенію областей и поколѣній, а не къ раздѣленію ихъ, надъ чѣмъ работаетъ и безъ того много физическихъ и нравственныхъ силъ. Не разъ была уже высказываема и та мысль, что нѣкоторая отдѣльность языка литургическаго отъ говоровъ, нѣкоторая оторванность его отъ жизни составляетъ даже достоинство торжественной молитвенной рѣчи“. У всѣхъ главныхъ историческихъ народовъ была болѣе или менѣе значительная разниа между языкомъ священнымъ и народнымъ, и г. Будиловичъ, приводя для этой двойственности языка церковнаго и мірскаго, праздничнаго и будничнаго, у русскихъ, болгаръ и сербовъ, „атмосферическое“ сравненіе съ слоями облаковъ, заключаетъ: „Для человѣческаго духа отрадно сознаніе, что въ жизни людей, какъ и въ смѣнѣ атмосферическихъ явленій, есть по охлажденію земныхъ испареній, составляющій какъ бы послѣдніи ступень на видѣнной Яковомъ и Дантомъ лѣстницѣ отъ зе

на небо, изъ круговорота этой быстротечной жизни въ страну неподвижныхъ звѣздъ и вѣчныхъ идеаловъ“ ¹⁾).

Собственно говоря, роль церковно-славянскаго языка была не „значительно ослаблена“ въ литературной области съ XVIII-го вѣка, но въ литературѣ свѣтской, не-церковной, совсѣмъ устраниена, и не только у русскихъ, но и у болгаръ и сербовъ. Въ цѣльномъ видѣ онъ сохранился именно только въ литургической области и частью въ церковномъ поученіи (причемъ это служило не достоинствомъ, а нерѣдко крупнымъ недостаткомъ поученія, дѣлая его неумѣренно риторическимъ и менѣе доступнымъ для пониманія массы, къ которой поученіе бывало обращено), и для другихъ славянъ знаніе его и его литературы могло бы служить только извѣстнымъ облегченіемъ въ изученіи языка русскаго, въ которомъ по старому преданію отложилось не мало его элементовъ. Но возможность новой ступени развитія церковнаго языка въ смыслѣ общеславянскаго, на что разсчитывали нѣкоторые поборники послѣдняго, уже не существуетъ, — какъ и во всѣ прежніе вѣка онъ не могъ стать общеславянскимъ даже въ кругу православнаго славянства, внѣ области чисто литургической. Будущій общеславянскій языкъ, если онъ когда-нибудь создастся, можетъ быть созданъ только на основѣ живого національнаго быта, не только не отказываясь отъ тѣхъ стихій, какія приобрѣтены новѣйшимъ развитіемъ народной жизни, но и открывая имъ весь просторъ для дальнѣйшаго развитія, — и только на этой почвѣ современной дѣйствительной жизни онъ и можетъ быть созданъ.

Въ третьей главѣ авторъ переходитъ къ исторіи распространенія сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ на площади смежныхъ имъ славянскихъ нарѣчій. Эти явленія, по объясненію автора, были тремя новыми опытами главныхъ славянскихъ нарѣчій если не возвыситься на степень общеславянскихъ, то по крайней мѣрѣ расширить свою область и приобрѣсти значеніе господствующаго языка далѣе границъ собственнаго діалекта. Такъ случалось съ языкомъ сербскимъ еще во времена турецкаго господства, когда онъ приобрѣталъ даже значеніе языка дипломатическаго; въ нынѣшнемъ столѣтіи хорватскіе патріоты мечтали о широкомъ „илирствѣ“ или юго-славянствѣ; въ настоящее время сербы и хорваты, долго враждовавшіе о первенствѣ языка и литературы, раздѣляемые историческими преданіями, враждебностью церквей и наконецъ различіемъ азбуки, примираются на общности ихъ языка и желаеомъ единствѣ національныхъ интересовъ, —

¹⁾ Стр. 166 — 168.

но, по всѣмъ условіямъ жизни этого племени, все-таки раздѣленнаго нарѣчіями и при томъ вынужденнаго бороться съ сильными врагами въ лицѣ нѣмцевъ, мадьяръ, итальянцевъ, албанцевъ и румынъ, языкъ его въ лучшемъ случаѣ является только второстепеннымъ частнымъ языкомъ, органомъ областной литературы¹⁾.

По мнѣнію г. Будиловича, много аналогій съ попытками сербо-хорватскаго языка возвыситься до роли общаго языка югославянскаго, представляетъ чешскій языкъ въ средѣ славянъ западныхъ. Нѣкогда чехо-славянское нарѣчіе принимало извѣстное участіе въ выработкѣ языка церковно-славянскаго; впоследствии, во времена политическаго процвѣтанія чешскаго королевства, распространялся и чешскій языкъ; новый періодъ его обширнаго значенія начинается съ дѣятельностью Гуса и послѣдующимъ гуситскимъ движеніемъ,—но послѣ разгрома въ началѣ XVII-го столѣтія, когда подавлено было это наиболѣе жизненное проявленіе чешскаго національнаго духа и когда почти совсѣмъ прекратилась самая чешская литература, значеніе чешскаго языка упало какъ никогда. Новый періодъ распространенія чешскаго языка начинается съ національнымъ возрожденіемъ съ конца прошлаго и особливо съ начала нынѣшняго столѣтія; но онъ понесъ теперь и потери, напр., вслѣдствіе отпаденія литературы словацкой. Объясняя это отторженіе словаковъ отъ прежняго единства съ чехами, основаннаго во времена гуситства, г. Будиловичъ замѣчаетъ о современномъ чешскомъ языкѣ: „Самый составъ и строй его сильно измѣнился въ періодъ двухвѣкового порабожденія латынью и нѣмецкимъ языкомъ (въ XVII—XVIII столѣтіяхъ). Правда, новочешскіе писатели приложили много труда къ устраненію варваризмовъ и къ возстановленію того чистаго и изящнаго стиля, на которомъ написана Кралицкая біблія и другія произведенія „золотого вѣка“. Въ отношеніи лексикальномъ они и успѣли достаточно вытеревить (?) новочешскій языкъ. Но во фразеологіи, въ синтаксисѣ, въ стилѣ латинизмы и германизмы остались въ изрядномъ числѣ, да едва ли и могутъ быть устранены. Долгое употребленіе ихъ произвело въ мозговыхъ, такъ сказать, центрахъ рѣчи любого новочеха такія измѣненія, утвердило такія ассоціаціи, которыя, не будучи славянскими и не встрѣчааясь въ старочешскомъ, все же составляютъ уже духовную собственность чешскаго народа“.

Къ половинѣ XIX-го столѣтія чехи могли уже указать рѣзко замѣчательныхъ научныхъ и художественныхъ произведеній (

¹⁾ Стр. 186.

ставленныхъ отчасти не чешскими, а словацкими силами) — „но все это не могло уже поднять чешскую словесность на ту высоту самостоятельнаго значенія, какое она имѣла въ вѣкъ Гуса. Къ тому же въ XIX вѣкѣ высокаго развитія достигла наука и литература нѣмецкая, въ отношеніи которой чешская заняла положеніе одной изъ второстепенныхъ и подчиненныхъ под-литературъ. Лишь струя славизма придавала ей нѣкоторую внутреннюю отдѣльность и независимость отъ образцовъ нѣмецкихъ. Но струя эта была гораздо сильнѣе и свѣжѣе въ сознаніи словаковъ, изъ среды которыхъ вышли и главные представители славизма чешскаго: Колларъ, Шафарикъ, до нѣкоторой же степени и аббатъ Іосифъ Добровскій“¹⁾).

Чехи однако дѣлають приобрѣтенія для своего языка, но не въ Силезіи, не у словаковъ и лужичанъ, а въ самой Вѣнѣ и Нижней Австріи, гдѣ вмѣстѣ насчитывается уже до 300 тысячъ чешскаго населенія, — „цифра, равняющаяся населенію Черногоріи и вдвое превышающая населеніе сербо-лужицкое“. „Къ сожалѣнію, — замѣчаетъ авторъ, — ниже-австрійскіе чехи не обладаютъ ни мужествомъ черногорцевъ, ни инерціонной стойкостью лужичанъ, а потому быстро нѣмечатся на австрійской почвѣ. Не будь у нихъ этой склонности стать изъ чеха „утравкистомъ“ по языку и быту, а затѣмъ и настоящимъ нѣмцемъ²⁾), 200.000-ное чешское населеніе въ столицѣ Австріи было бы отличнымъ авангардомъ для постепеннаго завладѣнія резиденціей Габсбурговъ, которые впрочемъ и ранѣе, при Рудольфѣ II и Матвѣѣ, управляли уже имперіей изъ чешскаго города, именно изъ Праги“³⁾).

Укоризненное сравненіе чеховъ съ черногорцами и лужичанами опять неумѣстно. По всему своему прошедшему, черногорцы не идутъ въ это сравненіе какъ горный, обособленный народъ, воевавшій только за свою цѣлость съ турками и не испытавшій совсѣмъ работы и борьбы культурной; лужичане уцѣлѣли только потому, что, заброшенные въ захолустѣ, мало привлекательномъ по природнымъ условіямъ, также остались внѣ племенной конкуренціи. Напротивъ, чехи оказались именно въ самомъ гнѣздѣ этой борьбы, и имъ по всѣмъ обстоятельствамъ быта нельзя было не стать здѣсь „утравкистами“. Мало быточныя мечтанія о томъ, что чехи могли бы завоевать резиденцію Габсбурговъ — излишни въ трудѣ, предполагающемъ научную задачу.

¹⁾ Стр. 211—213.

²⁾ Авторъ указываетъ, что, напр., знаменитые вѣнскіе медики: Рокитанскій, Шкода, Гебра были родомъ изъ Чехіи и Моравіи.

³⁾ Стр. 218.

Въ исторіи языка польскаго, какъ въ исторіи политической, — авторъ указываетъ постоянное стремленіе не на западъ, а на востокъ: „ея короли поголовно почти смотрѣли на Польшу какъ на передовую постъ латино-нѣмецкой церкви, имперіи, культурн, какъ на провиденціальное орудіе запада для разрушенія восточныхъ средоточій греко-славянской образованности“. Можно прибавить, что здѣсь, на востокѣ, была и сторона наименьшаго сопротивленія для національной предприимчивости: на западѣ Польша, еще во времена своей государственной силы, теряла и то, что было ея собственностью; приобрѣтенія на востокѣ дѣлались сравнительно легко. „Въ упрямой односторонности этого направленія заключается объясненіе и временныхъ успѣховъ, и конечныхъ неудачъ польской политики“¹⁾.

Польскій языкъ имѣлъ также свой продолжительный періодъ территориальнаго распространенія — именно въ тѣ времена, когда совершалось присоединеніе Литвы и Руси, но это распространеніе прервано было съ половины XVII-го вѣка, когда произошло отпаденіе Малороссіи; затѣмъ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія раздѣлы Польши еще уменьшили площадь польскаго государственнаго языка, а въ новѣйшее время западная Русь окончательно введена въ область русскаго языка, наконецъ послѣдній сталъ языкомъ государственнымъ въ самой русской Польшѣ.

„Подъемъ польской общественной и литературной жизни, — говоритъ г. Будилевичъ, — съ конца XVIII-го и блестящее развитіе польской поэзіи въ первой половинѣ XIX-го вѣка, преимущественно въ школахъ литовской (Мицкевича, Кондратовича), украинской (Залѣскаго, Гоцинскаго, Грабовскаго) и галицкой (Бѣлевскаго, Семенскаго, Уейскаго), служатъ, конечно, отраднымъ признакомъ живучести польскаго языка и польской мысли, которая освободилась, наконецъ, въ вѣкъ раздѣловъ отъ іезуитской ферулы и гнета Сигизмундовскихъ преданій. Но съ другой стороны самая локализациа этихъ школъ въ Литвѣ и Украинѣ указываетъ какъ бы на оскудѣніе духовной производительности центровъ полонизма. Впрочемъ, и въ Сигизмундовскій періодъ онѣ обязаны многими славными именами и подвигами все той же Литвѣ и Руси. Не въ этомъ ли историческомъ явленіи заключается объясненіе того непреклоннаго упорства, съ которымъ и нынѣшнее поколѣніе поляковъ отстаиваетъ принадлежность Вильны къ Вавшавѣ, а Львова и Кіева къ Кракову, вопреки всѣмъ этноло-

¹⁾ Стр. 218.

чешскимъ, политическимъ и вѣроисповѣднымъ очевидностямъ, давно оправданнымъ и наукою, и жизнію?”

Такимъ образомъ, если и въ прежнее время Польша только по соединеніи съ Литвою и Русью могла получить положеніе крупной державы; если развитіе польскаго языка и литературы могло совершиться лишь во взаимодействіи съ языкомъ чешскимъ на западѣ и съ участіемъ областей литовскихъ и русскихъ, то и въ будущемъ, по мнѣнію г. Будиловича, нѣтъ никакихъ основаній ожидать успѣшнаго развитія польской народности и языка внѣ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ связей съ Литвою и Русью. „Если же связи эти, по измѣнившимся условіямъ времени, принимаютъ нѣсколько иной характеръ, выражаясь въ болѣе активномъ взаимодействіи не польскаго запада, какъ бывало прежде, а русскаго востока, то это — неизбежное и законное слѣдствіе нынѣшняго отношенія ихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Отношеніе это могло бы быть измѣнено развѣ новыми подвигами польской мысли, но никакъ не ссылками на историческія права и не протестами противъ совершившихся фактовъ”.

Послѣ своей старой исторіи, гдѣ онъ имѣлъ блестящіе успѣхи и широкое распространеніе между прочимъ въ области иныхъ нарѣчій, „съ половины XVII-го вѣка польскій языкъ начинаетъ терять одну за другою инорѣчныя области, такъ что къ настоящему времени осталась всего одна такая область, именно восточная Галичина, гдѣ польскій языкъ все еще выступаетъ въ роли общаго русско-польскаго высшаго языка. Но это можетъ служить для него лишь слабымъ удовлетвореніемъ за потерю не только литовскихъ и западно-русскихъ, но и кровно-польскихъ областей, въ Познани, Пруссакъ, Силезіи, гдѣ польская рѣчь низведена теперь къ роли діалекта, подчиненнаго нѣмецкому языку. До нѣкоторой степени замѣчается это и въ русской Польшѣ. Но, по счастію, утрачиваемая польскимъ языкомъ гегемонія переходитъ тутъ не къ чуждому нѣмецкому языку, а къ родственному русскому“¹⁾.

Такъ изображаетъ г. Будиловичъ историческую судьбу тѣхъ славянскихъ языковъ, у которыхъ была своя пора болѣе или менѣе гтнроваго распространенія за предѣлы ихъ собственной родины и въ которыхъ высказывалось центростремительное движеніе славянской рѣчи въ противодѣйствіе центробѣжному движенію нѣстныхъ нарѣчій. Послѣ церковно-славянскаго, сербскаго, чешскаго,

¹⁾ Стр. 234—236.

польскаго, пятымъ соискателемъ роли общеславянскаго языка является языкъ русскій съ гораздо болѣе широкими и даже единственными правами на это положеніе въ сравненіи со всѣми остальными. Въ главѣ о „выступленіи русскаго языка въ роли общаго на славянскомъ востоѣ“, г. Будиловичъ указываетъ тѣ преимущества, съ какими русскій языкъ является на этомъ поприщѣ. Другіе соискатели на роль общихъ *de facto* или *in spe* языковъ всего славянства или извѣстной его части прошли уже въ разное время зенитъ своего развитія, тогда какъ языкъ русскій только съ Петра Великаго и Ломоносова выступаетъ самостоятельнымъ дѣятелемъ и вырабатывается въ самостоятельный органъ государственной, общественной, литературной, отчасти и религіозной жизни славянскаго востока. „Съ прошлаго лишь вѣка начинается медленный разливъ нашего языка на области родственныхъ племенъ южнаго, а потомъ и западнаго славянства. Но о конечныхъ предѣлахъ этого разлива еще и теперь можно лишь гадать, а не говорить, какъ о наличномъ и законченномъ фактѣ“.

Для этой медленности развитія русскаго языка приводится традиціонное сравненіе съ Ильей-Муромцемъ, сиднемъ-сидѣвшимъ тридцать лѣтъ.

Исторію русскаго языка г. Будиловичъ дѣлитъ на три періода: древній—на почвѣ мелкихъ племенъ и княжествъ, безъ общаго и постояннаго средоточія народа и языка; средній — съ двойственностью восточной и западной Руси, съ установленіемъ двухъ основныхъ діалектовъ, получившихъ извѣстную условную правильность; въ третьемъ происходитъ объединеніе (начатое еще въ XVII вѣкѣ) восточной и западной Россіи и первое широкое установленіе общаго русскаго языка. Въ древнемъ періодѣ собственная письменность русскаго языка ограничивается областью государственной и юридической, тогда какъ въ церкви и высшей литературѣ господствовалъ (или преобладалъ) церковно-славянскій; въ среднемъ періодѣ область живой рѣчи расширяется, и славяно-руссскій языкъ больше сближается съ дѣловымъ; въ третьемъ періодѣ оба элемента сливаются, образуя общій русскій литературный языкъ, а церковно-славянскій остается только литургическимъ.

Соотвѣтственно этому развивался и внутренній строй языка, представляющій нѣчто совсѣмъ отличное отъ предшествующихъ языковъ. Дѣловой языкъ актовъ и грамотъ древняго періода стоитъ въ близкой связи съ живыми говорами; въ среднемъ періодѣ эта близость меньше—особливо въ Руси южной и западной, но тѣмъ не менѣе и здѣсь происходило живое взаимодействіе письменнаго

рѣчи съ языкомъ народнымъ, который сказывался нерѣдко съ замѣчательной образностью и свѣжестью въ письменныхъ актахъ. Это взаимодѣйствіе продолжается и въ XVIII вѣкѣ, постоянно усиливаясь съ каждою ступенкою литературнаго развитія.

Единственный примѣръ подобнаго взаимодѣйствія въ славянскихъ письменныхъ языкахъ г. Будиловичъ находитъ только въ сербскомъ. „Сравнивая въ этомъ отношеніи русскій языкъ съ главными инославянскими,—говоритъ онъ,—мы находимъ, что одинъ сербскій можетъ соперничать съ нашимъ по тѣснотѣ связей съ говорами, какъ въ древнее, такъ и въ новое время. Древне-сербскія грамоты и законники Душана не уступаютъ нашимъ соотвѣтственной эпохи по народности рѣчи. Этнографическіе же очерки Вука Караджича и его переводъ Новаго Завѣта, быть можетъ, превосходятъ въ этомъ отношеніи даже народные рассказы гр. Л. Толстого, а тѣмъ болѣе—синодальный текстъ русской Библіи“. Относительно послѣдняго даннаго примѣра, конечно, не можетъ быть и рѣчи; но вообще сравненіе г. Будиловича слишкомъ преувеличено: сербская литература безъ сравненія уступаетъ русской въ томъ отношеніи, что послѣдняя представляетъ это взаимодѣйствіе книжнаго языка съ народною рѣчью въ цѣлой массѣ разнообразныхъ произведеній, на множествѣ ступеней народнаго быта, въ самыхъ различныхъ его проявленіяхъ, такъ что сербская литература, и вообще никакая другая славянская, не можетъ указать ничего подобнаго и равносильнаго.

Указавъ подробности медленнаго, но органически крѣпкаго роста русскаго языка, г. Будиловичъ замѣчаетъ: „Прочіе славянскіе языки далеко уже уступаютъ русскому въ этомъ отношеніи. Ихъ историческій оборотъ совершается и быстрѣе, и перерывистѣе. Древнѣйшіе памятники языковъ сербскаго, чешскаго, польскаго восходятъ не къ X-му, а къ XII—XIII вѣкамъ, слѣдовательно историческій ихъ оборотъ на нѣсколько столѣтій короче русскаго. А между тѣмъ и эта укороченная нить ихъ развитія нѣсколько разъ была разрываема катастрофами, каковыми были, напр., Косово-польская битва въ Сербіи, Бѣлогорская въ Чехіи и завоеваніе Польши іезуитами при Вазахъ. Эти катастрофы вели за собою столь сильныя измѣненія въ бытѣ населенія, даже въ психическомъ строѣ отдѣльных лицъ и цѣлыхъ обществъ, что измѣненія эти отражались на характерѣ и просторѣчія, и образованныхъ языковъ въ названныхъ странахъ. Съ этимъ связано было расторженіе народныхъ преданій и отрицательное отношеніе потомковъ къ язычному наслѣдію предковъ, тѣмъ болѣе, что преданіе старой литературы, напр. строго-католической въ Далмаціи XV—XVII в.,

гуситской, братской и лютеранской въ Чехіи XV—XVI в., а реформаціонной или скептической въ Польшѣ XVI-го вѣка казались чѣмъ-то чуждымъ и антипатичнымъ для православныхъ сербовъ, окатоличенныхъ чеховъ и клерикальных поляковъ эпохи славянскаго возрожденія. При такихъ условіяхъ трудно было Вуку Караджичу продолжать рѣчь Гундулича, Юнгману—Велеславина, а Мицкевичу—Кохановскаго¹⁾.

Медленный ходъ развитія русскаго языка объясняется, по словамъ г. Будиловича, „здоровой консервативностью народнаго характера, долгимъ, но прочнымъ ростомъ русскаго государства, сдержаннымъ движеніемъ общественной жизни и мысли“,—послѣднее, другими словами, обозначаетъ крайне слабую степень просвѣщенія въ теченіе до-Петровскаго періода и слабую степень общественности; при этомъ въ обращеніе народное и общественное не вступали цѣлыя разряды понятій, которыя способны были бы возбуждать дѣятельность мысли; рядомъ съ тѣмъ не возникало и творчество художественное, и такимъ образомъ отсутствіе широкой литературной жизни не способствовало и развитію языка. „Но,—продолжаетъ г. Будиловичъ,—едва ли не главнымъ виновникомъ этой—нѣсколько азіатской—медлительности была громадность русской территоріи, обнимающей седьмую часть суши и многочисленность населенія, далеко уже превысившаго въ государствѣ сотню милліоновъ съ плотнымъ русско-славянскимъ зерномъ въ 75 милл. душъ. Всѣ остальные славянскіе языки представляютъ въ этомъ отношеніи организмы совершенно другого рода. Площади ихъ распространенія исчисляются не болѣе, какъ единицами тысячъ квадратныхъ миль, вмѣсто сотенъ тысячъ площади языка русскаго. Понятно, что оборотъ ихъ жизни вообще, а язычной въ частности долженъ совершаться съ большей быстротой, чѣмъ поступательное движеніе такихъ громадныхъ организмовъ, какъ Китай, Индія, Россія“²⁾. Зато въ третьемъ періодѣ русскій языкъ, въ вознагражденіе прежней медленности, развивается очень быстро и во внутреннемъ ростѣ, и во внѣшнемъ распространеніи: между прочимъ, „только въ этотъ періодъ покоряетъ окончательно новорусскій образованный языкъ и инородческія населенія имперіи, становясь ихъ высшимъ представителемъ и международнымъ органомъ“. Это распространеніе русскаго языка нашъ авторъ сравниваетъ съ распространеніемъ языка латинскаго послѣ Аннибаловой войны, но находитъ между ними и ту великую ра

¹⁾ Стр. 252.

²⁾ Стр. 256—257.

нищу, что латинскій языкъ шелъ вмѣстѣ съ римскими легіонами, колоніями, дорогами, законами, школами и пр.—однимъ словомъ, рядомъ съ систематической романизаціей покоренныхъ племенъ,—но „ничего подобнаго не было ни въ древней, ни въ новой Россіи“ (?). Отношенія русскаго языка къ „инородческимъ“ авторъ представляетъ такими чертами: „Въ собраніяхъ нашихъ государственныхныхъ грамотъ и договоровъ нельзя найти никакихъ аналогій для римскихъ, соединявшихъ извѣстныя и притомъ весьма важныя политическія права и преимущества со званіемъ римскаго гражданства, которое въ свою очередь обусловлено было употребленіемъ латинскаго языка. Наоборотъ, изъ среды русскихъ вышло не мало Стефановъ Пермскихъ, которые полагали основаніе инородческимъ литературамъ или дѣлали важныя вклады въ нихъ, въ цѣляхъ высшаго христіанскаго просвѣщенія. Иногда это уваженіе къ языкамъ инородческимъ доходило до пренебреженія къ своему, напр. при господствѣ въ западной Руси XVI-го—XVII-го вв. языка польскаго, а въ періодъ императорскій—языка французскаго въ салонномъ и дипломатическомъ употребленіи, нѣмецкаго же—въ изданіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, что продолжается отчасти и до нашихъ дней.

„Тѣмъ не менѣе, въ силу естественнаго размаха, выработаннаго вѣками медленнаго, но непрерывнаго движенія, русскій языкъ сдѣлалъ со временъ Петра Великаго и Ломоносова такія нравственныя завоеванія, занялъ такое государственное, литературное и международное положеніе, при которомъ онъ смѣло можетъ быть причисленъ къ большимъ общимъ языкамъ Стараго Свѣта“¹⁾.

Эти показанія относительно инородцевъ несовсѣмъ точны, а иногда и вовсе невѣрны. Именно Стефановъ Пермскихъ у насъ было не такъ много и христіанское просвѣщеніе инородцевъ отъ старыхъ временъ и донинѣ оставляетъ много желать: обращеніе въ христіанство бывало слишкомъ часто только внѣшнимъ, съ рецидивами не только, напр., магометанства, но даже язычества; съ другой стороны инородцы, какъ, напримѣръ, татарскіе и иные князья и владѣльцы путемъ принятія христіанства также получали права русскаго гражданства, становясь не только подданными, но и русскими князьями и дворянами... Рядомъ съ этимъ странно читать, что въ примѣръ уваженія къ „инородческимъ“ языкамъ авторъ приводитъ употребленіе польскаго языка въ западномъ краѣ въ XVI—XVII вѣкѣ, когда это бывало настоящимъ посященіемъ русскихъ людей, или употребленіе французскаго языка

¹⁾ Стр. 259—260.

въ салонномъ и дипломатическомъ кругу, или нѣмецкаго въ кругу ученомъ: значеніе этихъ двухъ языковъ въ области нашего образованія имѣло свои особыя причины, прежде всего въ слабости нашихъ собственныхъ образовательныхъ средствъ.

Указавъ затѣмъ отношеніе русскаго языка къ областнымъ русскимъ діалектамъ, авторъ считаетъ существованіе мѣстныхъ литературъ на этихъ діалектахъ совершенно безвреднымъ для господствующаго языка, предполагая, что эти литературы не выйдутъ и не могутъ выйти изъ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣловъ. Наши мѣстныя литературы, какъ, напримѣръ, малорусская, составляютъ совершенную параллель къ діалектическимъ литературамъ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи и могутъ имѣть только тотъ же частный характеръ. Упомянувъ еще о попыткахъ литературы бѣлорусской, авторъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе: „... Еслибы бѣлорусское и дюжина другихъ разнорѣчій получили у насъ со временемъ и такую книжную обработку, какую наблюдаемъ на нашемъ югѣ, на почвѣ разнорѣчія полтавскаго, харьковскаго, кіевскаго, подольскаго, то и это не подрывало бы единства русскаго образованнаго языка. Оно прочно обезпечено религіознымъ, государственнымъ, общественнымъ, литературнымъ и вообще культурнымъ единствомъ русскаго народа“ ¹⁾. Самъ авторъ находитъ, что изытіе въ этомъ отношеніи составляютъ русскія земли въ Австріи; дальше мы упомянемъ, какое отношеніе имѣютъ эти земли къ нашей собственной малорусской литературѣ.

Возвращаясь дальше снова къ вопросу объ инородцахъ, нашъ авторъ предвидитъ великіе результаты ихъ будущаго обрусѣнія: „Если вспомнимъ, что число инородцевъ восходитъ въ Россіи до 15—20 милліоновъ душъ, разбросанныхъ на площади въ сотни тысячъ квадр. миль, то утвержденіе въ ихъ средѣ русскаго общаго языка представляется фактомъ не меньшей важности, чѣмъ господство испанскаго между туземцами Южной Америки и Филиппиновъ, англійскаго—въ Сѣверной Америкѣ, Индіи, Австраліи, нѣмецкаго же—между прусскими и австро-угорскими славянами. Для будущихъ успѣховъ русскаго языка это тѣмъ важнѣе, что открываетъ ему доступъ къ запредѣльнымъ соплеменникамъ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ народностей, напр. къ армянамъ и туркамъ малоазійскимъ, къ персамъ, авганцамъ, монголамъ, манджурамъ на западѣ же—къ финнамъ Скандинавіи, литовцамъ Пруссіи, румынамъ Молдо-Валахіи и Семиградья, грекамъ Анатоліи, Архіпелага, Эллады“ ²⁾. И опять сравненія черезъ-чуръ произвольны

¹⁾ Стр. 262.

²⁾ Стр. 268—269.

Обрусѣніе разнородныхъ инородцевъ Россіи (на сѣверо-востокѣ Россіи Европейской, въ Сибири, въ Средней Азіи) и, напримѣръ, господство англійскаго языка въ Сѣверной Америкѣ—двѣ вещи совершенно несоизмѣримыя: тамъ дѣло идетъ о томъ, чтобы поднять на нѣкоторую степень культуры нерѣдко совсѣмъ полудикія племена, разселенныя въ бѣдной негостепріимной природѣ, гдѣ самыя условія климата не позволяютъ ожидать какого-либо благосостоянія и цивилизаціи; здѣсь распространеніе языка—не посредствомъ преобразованія дикихъ туземцевъ, а распространеніемъ самихъ англо-саксовъ въ громадныхъ, почти абсолютно нетронутыхъ странахъ съ разнообразными богатствами природы. Авторъ мечтаетъ, что успѣхи русскаго языка среди нашихъ инородцевъ откроютъ русскому языку путь и къ заграничнымъ соплеменникамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ народностей — къ туркамъ, монголамъ, манджурамъ, авганцамъ, даже грекамъ Эллады и т. д.; пока загадывать объ этомъ очень трудно, да и бесполезно: до сихъ поръ мы подобнаго еще не ведали.

Наконецъ, авторъ говоритъ о нынѣшнихъ отношеніяхъ русскаго языка къ другимъ славянскимъ. Знаніе русскаго языка начинается гораздо болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде распространяться въ славянскихъ земляхъ, гдѣ размножаются кружки и общества для его изученія; становится замѣтно, напр., у словаковъ проникновеніе русскихъ словъ въ литературное употребленіе и т. д. Особенно сильно было это вліяніе въ языкѣ болгарскомъ, когда еще до освобожденія много болгаръ училось въ русскихъ школахъ, по русскимъ образцамъ составлялись учебники для болгарскихъ школъ и т. п.

Авторъ замѣчаетъ дальше: „Много сдѣлала для распространенія въ Болгаріи русскою образованной рѣчи и война 1877—78 г., съ послѣдовавшей за нею оккупаціей страны русскими войсками и организаціей болгарскихъ дружинъ русскими офицерами, по русскому военному уставу и на русскомъ языкѣ. Лишь со времени удаленія (въ 1885 г.) нашихъ офицеровъ Баттенбергомъ и занятія страны агентами Англіи, Германіи и Австріи, съ мадьярскимъ гонведомъ Фердинандомъ Кобургомъ во главѣ, русскій языкъ былъ постепенно отгнѣсненъ нѣмецкимъ“¹⁾.

Это—манера извѣстнаго разряда нашихъ газетъ, едва-ли умѣстныя въ научной книгѣ. „Мадьярскій гонведъ“, „агенты Англіи“ и пр. не передаютъ сполна положенія вещей въ Болгаріи, потому, что кромѣ „гонведа“ и „агентовъ“ въ событіяхъ несо-

¹⁾ Стр. 272.

миѣнно участвуетъ извѣстная доля самого болгарскаго общества и народа, которые именно и сдѣлали возможнымъ присутствіе въ странѣ „гонимаго“ и „агентовъ“. Какая именно доля болгарскаго народа способствовала своимъ согласіемъ утвержденію нынѣшняго порядка вещей, этого въ данную минуту не можетъ сказать никто: обѣ враждующія партіи считаютъ большинство народа на своей сторонѣ; остается несомѣнно одно, что извѣстная часть народа держится той партіи, которая считается оберегающей независимость развитія болгарской народности даже отъ гегемоніи родственной и освободившей Болгарію страны.

Далѣе, о сербахъ читаемъ: Вукъ Караджичъ, въ установленіи сербскаго литературнаго языка и письма, сбиль сербовъ „съ торной исторической дороги“ и далъ имъ направленіе, гдѣ они потеряли изъ виду церковно-славянскій и русскій языки и свою прежнюю литературу. (Вукъ несомѣнно руководился тѣмъ же, можетъ быть опять преувеличеннымъ, какъ теперь у болгаръ, стремленіемъ предохранить отъ чуждыхъ вліаній и выдвинуть впередъ именно чисто сербскую народную стихію). „Событія послѣднихъ лѣтъ, особенно утвержденіе нѣмецкаго управленія и языка въ Босніи съ Герцеговиною, а мадьярскаго въ Банатѣ, Бачкѣ, Баранѣ доказали сербамъ, что въ борьбѣ съ этими языками, а также съ итальянскимъ въ Далмаціи, они нуждаются въ сильномъ союзникѣ. Таковымъ же можетъ быть лишь языкъ русскій“ ¹⁾. Опять непонятно, какимъ образомъ можетъ въ этомъ трудномъ положеніи помочь „сильный союзникъ“ въ видѣ русскаго языка, когда обладатели этого языка допустили самое утвержденіе нѣмецкаго управленія и языка въ Босніи и Герцеговинѣ. Очевидно, слѣдуетъ ожидать, что это нѣмецкое управленіе будетъ именно стремиться къ усиленному распространенію здѣсь нѣмецкаго элемента во всѣхъ отрасляхъ быта и администраціи и тѣмъ самымъ къ распространенію нѣмецкаго языка (что и исполняется на дѣлѣ самымъ усерднымъ образомъ); насколько можетъ противодѣйствовать этому каждодневному и реальному наплыву нѣмецкой стихіи нѣсколько отвлеченное вліаніе русскаго языка, на которое возлагаетъ надежды авторъ, — не знаетъ; можно только опасаться, что разъ засѣвшій нѣмецкій элементъ не легко поддастся устраненію.

У словаковъ авторъ отмѣчаетъ особенную близость по духу ихъ литературы къ русской; русскія слова, какъ мы упоминаемъ, начинаютъ входить въ ихъ литературную рѣчь, а въ бытовомъ отношеніи словаки очень близки къ угро-руссамъ, а кромѣ то

¹⁾ Стр. 275.

„исповновное коробейничество словенскихъ горцевъ въ областяхъ Восточнаго царства установило непосредственныя народныя связи ихъ съ русскимъ народомъ, знакомство съ его рѣчью и своего рода параллелизмъ развитія“¹⁾. Насколько словацкіе коробейники могутъ перевѣшивать политическое господство мадьяръ,—это опять весьма загадочно.

Говоря о сербо-лужичанахъ, авторъ признаетъ возможной недалекую гибель этого небольшого племени; тѣмъ не менѣе и тутъ счелъ не лишнимъ пригрозить нѣмцамъ. Дѣло въ томъ, что языкъ лужичанъ не въ состояніи удовлетворить высшимъ литературнымъ потребностямъ лужицкаго населенія: высшее образованіе оно должно получать главнымъ образомъ въ „университетахъ липскомъ, вратиславльскомъ и берлинскомъ,—славянскихъ по имени, но не по языку и духу преподаванія“²⁾; сербо-лужицкія нарѣчія служатъ только для простонародной литературы, а книги съ болѣе широкимъ содержаніемъ печатаются по-нѣмецки, такъ что фактически сербо-лужицкая литература „является одною изъ многочисленныхъ діалектическихъ под-литературъ *нѣмецкаго языка*“. Далѣе: „Давно уже предсказано ей нѣмцами окончательное оиѣмеченіе и оиѣмѣніе. По человѣческимъ соображеніямъ оно дѣйствительно представляется возможнымъ и даже вѣроятнымъ. Но *могутъ наступить перевороты*, которые измѣнять естественный ходъ событій. Не въ пророческомъ ли предчувствіи ихъ указалъ нѣкогда (въ 1697) лужицкій пасторъ Михаилъ Френцель Петру Великому на тожество своего „сербскаго“ языка съ „московскимъ“, назвавъ при этомъ русскаго царя въ посвященіи къ переводу евангелія „нашимъ славянскимъ царемъ“³⁾? По человѣческимъ соображеніямъ, это можетъ случиться, конечно, лишь тогда, когда Россія завоюетъ Саксонію и ту, по крайней мѣрѣ, часть Пруссіи, гдѣ живутъ лужичане. Но къ чему наполнять научное разсужденіе этими ненужными фантазіями?

Общій выводъ относительно распространенія русскаго языка

¹⁾ Стр. 281.

²⁾ Этотъ „липскій“ университетъ былъ, сколько извѣстно, искони и остается донынѣ нѣмецкимъ, слѣдовательно ему проще и вѣрнѣе называться лейпцигскимъ; точно также и вратиславльскому—бреславльскому. Авторъ довольно упорно подмѣняетъ славянскія названія вмѣсто нѣмецкихъ, напр. пишетъ „Мишень“ вмѣсто Мейссенъ,—когда говорится даже о нѣмецкихъ отношеніяхъ; „Дрездно“ вмѣсто Дрезденъ,—когда русскій читатель только и знаетъ послѣдній и когда „Дрезденъ“ такъ и долженъ называться по своей политической принадлежности нѣмцамъ и по своему нѣмецкому населенію, гдѣ развѣ въ видѣ исключенія могутъ встрѣтиться славяне, и т. п. Не понимая, зачѣмъ нужно это никакого не обманывающее переименованіе.

³⁾ Стр. 290—291.

таковъ: русскому языку предстоитъ въ средѣ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ нарѣчій блестящая будущность. „Но достигнутый въ настоящему времени историческій размахъ русскаго языка не вмѣщается уже ни въ политическихъ предѣлахъ Россіи, ни въ племенныхъ—славянскаго міра. Его обаяніе замѣтно на всемъ христіанскомъ, даже и не-христіанскомъ Востокѣ. Оно отражается на языкахъ румынскомъ и греческомъ, мадыарскомъ и турецкомъ, арабскомъ и персидскомъ, авганскомъ и тибетскомъ, китайскомъ и японскомъ (?). Все чаще приходится читать объ открытіи постоянныхъ или временныхъ кафедръ для преподаванія этого языка то въ Берлинѣ, то въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ. Все чаще появляются переводы русскихъ авторовъ на всѣ образованные языки.

„Вообще по площади распространенія русскій языкъ не уступаетъ уже въ настоящее время ни одному другому міровому языку. Что касается числа говорящихъ и пишущихъ на немъ населеній, то русскій уступаетъ лишь немногимъ изъ нихъ. *Но если* вспомнимъ, что размноженіе населенія находится въ прямой зависимости отъ простора занимаемой площади и что въ теченіе 50—60 лѣтъ нынѣшнее населеніе Россіи должно будетъ удвоиться (?), то намъ не придется завидовать и нынѣшнему численному перевѣсу китайцевъ, индусовъ, англичанъ“ ¹⁾.

Относительно послѣдняго надо думать, однако, что способность къ размноженію не пропадетъ и у этихъ народовъ, такъ что Россія, можетъ быть, и не угоняется за ними въ 50—60 лѣтъ, какъ надѣется г. Будиловичъ. Что касается „прямой“ зависимости размноженія отъ простора занимаемой населеніемъ площади, и это соображеніе стѣсняется тѣмъ, что въ просторѣ русской площади громадная сѣверная полоса Россіи и Сибири остается почти необитаема, а въ средней Россіи, при всей сравнительной рѣдкости населенія, крестьянство терпитъ отъ „малоземелья“ и послѣдніе десятки лѣтъ усиленно выселяется на дальній востокъ въ Сибири и Средней Азіи. Наконецъ, и это главное, сила общаго языка, которому приписывается значеніе мірового, должна заключаться не въ одной многочисленности населенія, и даже не въ ней особенно, а въ культурномъ значеніи его народнаго содержанія, образованности и литературы.

Съ этимъ вопросомъ мы встрѣтимся, переходя къ послѣднимъ главѣ сочиненія г. Будиловича: „Теоретическая разработка вопроса общеславянскомъ языкѣ“ и къ его „Послѣсловію“.

¹⁾ Стр. 294—295.

Изъ предшествующаго изложенія авторъ выводитъ заключеніе, что въ средѣ славянъ рядомъ съ центробѣжными силами дѣйствовали и центростремительныя; онѣ послѣдовательно выступали сначала въ двухъ южныхъ центрахъ (болгарскій и сербскій), потомъ въ двухъ западныхъ (чешскій и польскій), и наконецъ, съ XVIII-го вѣка—въ центрѣ восточномъ (русскій). Послѣ этихъ примѣровъ стремленія къ образованію общеславянскаго языка, „никто,—по мнѣнію г. Будиловича,—не можетъ сказать, что языкъ общеславянскій невозможенъ. *Совершавшееся уже въ прошедшемъ, притомъ не одинъ, а пять разъ* возможно вѣдь при аналогическихъ обстоятельствахъ и въ будущемъ, хотя бы это не соотвѣтствовало частнымъ цѣлямъ и субъективнымъ желаніямъ какихъ-нибудь мыслителей, писателей или дѣятелей“. Историческими прецедентами опредѣленъ и способъ выработки этого общаго языка: пять разъ онъ слагался на почвѣ одного опредѣленнаго діалекта или частнаго языка, — такъ должно случиться и въ шестой, окончательный, разъ ¹⁾.

Но это „совершавшееся уже въ прошедшемъ“, какъ видно изъ самой его исторіи, совершалось крайне недостаточно: исторія церковно-славянскаго языка въ качествѣ общаго кончилась его значеніемъ только литургическимъ, и при первомъ народномъ возрожденіи южныхъ племенъ завершилась реакціей, вызвавшей литературы на чисто народныхъ языкахъ; что это носило именно характеръ реакціи, видно изъ дѣятельности Вука Караджича, намѣренно „сбившаго сербовъ съ торной исторической дороги“, по выраженію г. Будиловича ²⁾. Затѣмъ опыты общаго языка: сербскій, чешскій, польскій—совершались каждый только на ограниченной площади племенъ, и отъ ихъ прежняго значенія не осталось потомъ никакого прочнаго историческаго слѣда, важнаго для развитія славянскаго единенія. Словомъ, эти прежніе опыты не могутъ служить доказательствомъ непремѣннаго успѣха новаго опыта въ тѣхъ условіяхъ, какія есть теперь.

Разбирая исторію теоретической разработки вопроса объ общеславянскомъ языкѣ, авторъ подраздѣляетъ литературу этого предмета на три группы: это—теорія литературной взаимности, теорія искусственнаго образованія общаго языка, и теорія возвышенія сдого изъ общихъ языковъ до роли общаго. Авторъ слѣдитъ эту литературу по главнѣйшимъ представителямъ ея у разныхъ славянскихъ племенъ, опровергая тѣхъ, которые держались пер-

¹⁾ Стр. 297.

²⁾ Стр. 275.

вой или второй изъ названныхъ теорій, и соглашаясь, какъ и естественно, съ тѣми, которые утверждали, что общеславянскимъ можетъ стать только данный живой языкъ, обладающій для этого необходимыми качествами. Мы не будемъ входить въ подробности этого изложенія, такъ какъ при другомъ случаѣ касались уже многихъ изъ этихъ фактовъ ¹⁾, и ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ данныхъ этой литературы и истолкованіями самого г. Будиловича.

Самымъ извѣстнымъ представителемъ теоріи славянской взаимности былъ знаменитый чешско-словацкій поэтъ-панславистъ, Янъ Колларъ, изложившій ее въ статьѣ подъ такимъ заглавіемъ на словацкомъ языкѣ (1836), а затѣмъ полнѣе въ отдѣльной *нѣмецкой* книжкѣ (1837). Теорія настаивала на томъ, что славянство должно развивать свои наличныя литературы, но образованные люди каждаго племени должны изучать остальные славянскія литературы. „Теорія,—по словамъ г. Будиловича,—имѣетъ одинъ непустячный недостатокъ: она невыполнима!“ Потому что дѣйствительно такое изученіе нѣсколькихъ литературъ невозможно; но она „свидѣтельствуетъ о прекрасномъ сердцѣ Коллара, о пламенной его любви къ славянству и искреннемъ желаніи вывести послѣднее изъ вѣковой разрозненности на болѣе широкій и ровный историческій путь“ ²⁾.

Прибавимъ, что она свидѣтельствуетъ еще объ эпохѣ своего происхожденія: это была еще весна славянскаго возрожденія; славянскія народности едва пробуждались къ новой исторической жизни, и пламенный панславистъ той эпохи не могъ понять славянскаго единенія иначе какъ въ тѣсномъ союзѣ, гдѣ главные представители славянскихъ племенъ являлись бы равноправными; мысль объ одномъ общемъ языкѣ, какимъ теперь считается необходимо русскій, была далека, между прочимъ потому, что языки сербскій, чешскій и польскій были языками народовъ политически несвободныхъ, а русскій былъ въ тѣ времена еще слишкомъ мало извѣстенъ, да и славянское содержаніе его литературы было крайне скудно. Что подробности теоріи Коллара не выдерживаютъ критики, объ этомъ не можетъ быть спора; нашъ авторъ удивляется, что она могла находить себѣ защитниковъ и послѣдователей между многими учеными и практическими дѣятелями, но это достаточно объясняется тѣми условіями, какія мы сейчасъ указывали. Мѣтимъ при этомъ, что такіе послѣдователи находились дѣ

¹⁾ „Литературный панславизмъ“, В. Е. 1879, кн. 6, 8, 9.

²⁾ Стр. 301.

между русскими учеными и любителями славянства: воззванія Коллара о славянской взаимности не однажды повторяемы были въ русской литературѣ именно потому, что въ то время не имѣлось данныхъ для другой постановки желаемого славянскаго единства; таковы несомнѣнно были, напримѣръ, тогдашніе взгляды нашихъ первыхъ ученыхъ славистовъ.

Въ ближайшее къ намъ время, одного изъ характерныхъ представителей этой теоріи взаимности нашъ авторъ, съ тѣмъ же удивленіемъ, видитъ въ г. Ригерѣ, который высказалъ подобный взглядъ въ извѣстной рѣчи на славянскомъ этнографическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ 1867 году. Напомнимъ изъ этой рѣчи противоположеніе силы и красоты, огромности массы и гармоніи, египетскихъ пирамидъ и Аполлона Бельведерскаго. Г. Будиловичъ, отвлекая мысль Ригера отъ ея изящной ораторской фразеологіи, собираетъ ее въ слѣдующія положенія. „Славянскія нарѣчія, при всей своей діалектической близости, настолько разошлись въ историческомъ отношеніи, что ихъ невозможно свести въ одно литературное ложе. Да это и не желательно, ибо такое объединеніе могло бы ослабить ростъ отдѣльныхъ нарѣчій и литературъ. Для гармоніи цѣлаго достаточно, если они будутъ связаны духомъ взаимности, какъ это было въ древней Греціи и ренессансной Италіи“ ¹⁾. Что славянская литературная взаимность въ смыслѣ Коллара не удовлетворитъ потребностямъ славянскаго единства — мы говорили; но въ данномъ случаѣ въ объясненіи мысли г. Ригера г. Будиловичемъ есть, кажется, неполнота или ошибка. Правда, г. Ригеръ говорилъ о славянскихъ нарѣчіяхъ, но главная его мысль относилась, повидимому, вовсе не къ языкамъ, а къ политикѣ, и рѣчь его опять объясняется настроеніемъ времени, и сколько помнимъ, была тогда понята именно въ этомъ политическомъ смыслѣ. Въ нашемъ обществѣ мало думали о славянскихъ литературахъ, которыя и знали очень мало; славянскій вопросъ представлялся скорѣе съ политической стороны; помнились слова о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русское морѣ, и рѣшеніе вопроса нашимъ любителямъ славянства представлялось всего скорѣе (и, по ихъ мнѣнію, всего проще) въ освобожденіи ихъ отъ турецкаго и нѣмецкаго ига и въ объединеніи подъ прямой русскою властью или другимъ русскимъ авторитетомъ. Въ то время были уже высказаны мысли, что славянство бываетъ разныхъ сортовъ, одно — настоящее, другое — болѣе или менѣе топорченное, и послѣднее (худшимъ образчикомъ его была Польша)

¹⁾ Стр. 306.

требовало нѣкотораго исправленія. Только-что передъ тѣмъ было укрощено польское возстаніе... Рѣчь г. Ригера, хотя и говорила о литературѣ, очевидно, имѣла въ виду какъ недавнія политическія событія, такъ и политическія понятія, ходившія въ русскомъ обществѣ.

Въ рѣчи г. Ригера была высказана также мысль несомнѣнно серьезная, что „тысячелѣтняя исторія не стирается безслѣдно“, и этотъ элементъ тысячелѣтнаго преданія, т.-е. всей исторической жизни, проведенной западными и нѣкоторыми юго-западными славянскими племенами совершенно отдѣльно отъ Россіи, конечно, долженъ представить не легко одолимую трудность въ установленіи славянскаго единенія, хотя бы только въ формѣ общаго литературнаго языка.

Впослѣдствіи, какъ это указываетъ г. Будиловичъ, г. Ригеръ еще яснѣе высказалъ свою мысль, когда въ парламентской рѣчи 1888 года говорилъ о „кристаллизаціи и индивидуализаціи“ старыхъ народовъ, какъ чехи, которые при наилучшемъ желаніи не могли бы слиться съ другимъ народомъ, напр. русскими, черезъ принятіе ихъ литературнаго языка и вѣры ¹⁾. Г. Будиловичъ видитъ въ такихъ мнѣніяхъ губительную ересь, приводитъ примѣры, что сами отъявленные враги славянства (именно, въ Австро-Венгріи) совѣтуютъ поддерживать у славянъ діалектизмъ, какъ вѣрное средство подавить ихъ народность; относительно тѣхъ славянскихъ ученыхъ и писателей, которые также поддерживаютъ діалектизмъ, а сами пишутъ даже и по-нѣмецки, авторъ говоритъ язвительно: „На дѣлѣ направленіе это мало разнится отъ того, для котораго нѣтъ ни славянства, ни отечества (!), а только богоподобная (!) Европа, передъ идоломъ коей должны пресмыкаться въ прахъ поколѣнія чернаго, краснаго и желтаго человечества, да заодно ужъ и—по ошибкѣ бѣлые—славяне“ ²⁾. Опять эпизодъ совсѣмъ неприличный въ книгѣ научнаго содержанія. Надо удивляться той легкости, съ какою г. Будиловичъ предполагаетъ отсутствіе любви къ отечеству у писателей, которымъ случилось не сойтись съ нимъ во взглядахъ на вопросъ чисто теоретическаго свойства. Въ предшествующемъ текстѣ его названы такіа имена, какъ Палацкій (знаменитый чешскій историкъ), Пуркине (знаменитый ученый фізіологъ), Вукъ Караджичъ (знаменитый сербскій этнографъ и одинъ изъ начинателей сербскаго литературнаго возрожденія), Добровскій (одинъ изъ первостепенны

¹⁾ Стр. 303.

²⁾ Стр. 309.

дѣателей славянской науки), Копитаръ (столь же знаменитый ученый, у насъ долго оклеветанный, но теперь, кажется, и у насъ обѣленный отъ старой клеветы—у насъ защищалъ его въ особенности г. Ламанскій), Миклошичъ (недавно умершій, одинъ изъ главныхъ основателей славянской филологіи), и наконецъ г. Ягичъ... „Богоподобная Европа“ есть безвкусная фраза, которую пора бы бросить и менѣе образованнымъ людямъ, чѣмъ г. Будиловичъ.

Перваго представителя другой теоріи, считавшей возможнымъ искусственное образованіе общеславянскаго языка изъ соединенія нѣсколькихъ нарѣчій на основѣ одного главнаго, г. Будиловичъ называетъ знаменитаго Крижанича, въ XVII-мъ вѣкѣ. Онъ думалъ построить общеславянскій языкъ на основѣ русскаго языка, который казался ему именно главнымъ стволомъ славянскихъ нарѣчій, а кромѣ того былъ языкомъ такого великаго и сильнаго „кравлевства“, каковымъ уже тогда была Россія; изъ остальныхъ нарѣчій (Крижаничъ вообще считалъ ихъ шесть) онъ предполагалъ брать извѣстныя формы и извѣстныя слова для обогащенія русскаго языка и для большей доступности его прочимъ славянамъ. Г. Будиловичъ находитъ этотъ способъ образованія общеславянскаго языка въ теоріи „довольно цѣлесообразнымъ“ и ссылается въ подтвержденіе на Эсхила, который въ свой аттицизмъ вносилъ дорическія формы, на Данта, который въ свой „illustre vulgare“ вносилъ черты сицилійскія и болонскія, на Лютера, который соединялъ различные элементы языка, чтобы сдѣлать свой языкъ болѣе понятнымъ для нѣмцевъ верхней и нижней Германіи; авторъ полагаетъ, что еслибы Крижаничъ успѣлъ осуществить свою теорію и на практикѣ, то онъ „предупредилъ бы на сто почти лѣтъ Ломоносова и считался бы основателемъ не только общерусскаго, но и общеславянскаго образованнаго языка“. Крижаничъ не могъ сдѣлать этого только потому, что родился не русскимъ, а хорватомъ, а кромѣ того не владѣлъ художественнымъ талантомъ. Его собственный языкъ страдалъ большими неусовершенствованіями, былъ въ большей долѣ хорватскимъ, чѣмъ русскимъ, и не могъ бы стать общеславянскимъ, потому что для этого „ему недоставало внутренней красоты и силы“¹⁾.

Намъ кажется, что дѣло вовсе не въ этомъ. Языкъ ни въ какомъ случаѣ не создается произволомъ одного, хотя бы и гениальнаго писателя: ему должны содѣйствовать историческія условія, состояніе образованности и литературы. Эсхиль вводилъ въ

¹⁾ Стр. 316—318.

свой языкъ элементы, и безъ него уже знакомые; Дантъ въ своемъ „illustre vulgare“ имѣлъ уже предшественниковъ и примѣсы діалектическія не заслоняли его высоко-поэтической рѣчи и, наконецъ, произведеніе, занявшее такую господствующую роль въ исторіи итальянскаго литературнаго языка, поразило современниковъ и потомство величіемъ своего поэтическаго содержанія; реформа языка, произведенная Лютеромъ, была примѣнена опять къ такому труду, который въ эпоху религіознаго энтузіазма сталъ знаменемъ цѣлаго великаго движенія. Ничего изъ подобныхъ условій не было въ дѣятельности Крижанича. Если бы книги его были даже написаны на самомъ совершенномъ языкѣ, какой былъ возможенъ въ *ту* эпоху, онъ не сталъ бы ни обще-русскимъ (потому что его долженъ былъ бы смѣнить другой языкъ, выросшій на Петровской эпохѣ), ни еще менѣе общеславянскимъ языкомъ, потому что для этого послѣдняго ему недоставало бы самаго существеннаго условія: не было никакого фактическаго общенія славянскихъ племенъ между собою, которое приводило бы къ славянамъ русскія книги и вмѣстѣ побуждало бы ихъ принять въ своемъ обиходѣ эту, въ то время совсѣмъ чуждую имъ, рѣчь; недоставало не „красоты“, а необходимѣйшихъ органическихъ условій для осуществленія общаго языка.

Въ нашемъ вѣкѣ преемниками Крижанича г. Будиловичъ считаетъ словака Яна Геркеля, издавашаго въ 1826 году *латинскую* книжку объ общеславянскомъ языкѣ ¹⁾ и словинца Матію Маяра. Оба исходятъ изъ предположенія, что языкъ общеславянскій можетъ и долженъ быть построенъ намѣренно и, слѣдовательно, искусственно, и оба забываютъ только, что языкъ письменный можетъ быть силенъ и общераспространенъ только тогда, когда въ его основѣ лежитъ живая рѣчь, и забываютъ также указать, какая власть могла бы предписать и осуществить принятіе искусственно созданнаго языка народами, хотя одного происхожденія, но разныхъ вѣръ, государствъ, быта и степеней образованія, и частію даже враждебныхъ между собою.

„Не только славяне,—говорилъ Геркель на первыхъ страницахъ своей книги,—но и всѣ образованные народы желали бы установленія общаго письма на славянскомъ языкѣ, которое служило бы ключомъ для его пониманія. И это не удивительно: славяне располагаютъ къ тому прирожденная взаимная любовь другіе же народы—разсчитать, ибо тогда они могли бы легко объ

¹⁾ Herkel, Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et logicae principiis suffulta. Budae, 1826.

няться съ 60 милліонами европейскаго населенія"... Взаимная любовь—напр., между русскими и поляками, болгарами и сербами и т. п.; напротивъ, историки славянства множество разъ высказывали скорбь о томъ, что славянство страдаетъ духомъ раздора, который неоднократно служилъ на пользу его врагамъ и бывалъ для него источникомъ бѣдствій. Чтобы другіе народы стремились „объясняться съ 60 милліонами“, это неизвѣстно... „Своеобразный гений славянскаго языка,—продолжаетъ далѣе Геркель,—заключается не въ какомъ-либо отдѣльномъ діалектѣ, а въ совокупности діалектовъ“, и еслибы пришлось какой-нибудь изъ нихъ выбрать для общеславянскаго языка, то, по мнѣнію Геркеля, его слѣдовало бы передѣлать, чтобы сблизить съ остальными нарѣчіями. Дѣйствительно, для своего общеславянскаго языка онъ придумываетъ новое письмо, новыя грамматическія формы ¹⁾ и т. п.

Матія Маяръ въ сочиненіи: „Взаимное славянское правописание“ (Прага, 1863—64) исходилъ изъ положенія, что необходимость взаимнаго книжнаго языка и одной большой литературы, вмѣсто восьми малыхъ, вызывается потребностями жизни, между прочимъ невозможностью ученой и литературной дѣятельности при небольшомъ числѣ читателей, т.-е. при маломъ числѣ покупающихъ книги. Въ сочиненіяхъ для домашняго обихода можно удерживать нынѣшніе діалекты, но въ трудахъ высшаго рода, назначаемыхъ для общеславянскаго чтенія, слѣдуетъ видоизмѣнять эти діалекты въ направленіи взаимности. На этотъ послѣдній случай онъ даетъ наставленія славянскимъ писателямъ, между прочимъ даетъ совѣты и русскимъ.

Г. Будиловичъ, въ удивленію, находитъ, что „исходная точка этой теоріи о необходимости развивать славянскіе діалекты или частные языки въ сходящемся, а не въ расходящемся направленіи, можетъ быть признана вѣрною“, и доказываетъ это тѣмъ, что будто бы такой параллелизмъ существовалъ въ древне-греческомъ языкѣ, въ діалектахъ итальянскихъ, французскихъ, англійскихъ ²⁾ и т. д. Опять забывается самое существенное, что развитіе общаго языка, и особенно въ наше дѣятельное время, когда въ литературу вмѣшиваются общественныя и даже народныя массы, всего меньше зависитъ отъ доброй воли или даже пламенныхъ желаній нѣсколькихъ филологовъ и народолюбцевъ, и гораздо больше отъ основныхъ руководящихъ условій націо-

¹⁾ Стр. 319 и слѣд.

²⁾ Стр. 324—325.

нальной жизни, отъ силъ политическихъ, общественныхъ и образовательныхъ.

Но наибольшимъ сочувствіемъ и согласіемъ нашего автора пользуется все-таки третья теорія общаго языка, по которой онъ долженъ образоваться изъ наиболѣе сильнаго частнаго языка: эта теорія была довольно опредѣленно высказана еще въ началѣ столѣтія, однако и теперь она имѣетъ еще мало приверженцевъ, „несмотря на свою естественность и простоту“ ¹⁾.

Едва ли не перваго приверженца этой теоріи г. Будиловичъ видитъ въ знаменитомъ аббатѣ Добровскомъ, котораго онъ только-что, нѣсколькими страницами выше, укорялъ въ числѣ другихъ за употребленіе нѣмецкаго языка. Въ одномъ письмѣ 1810 года Добровскій говорилъ, что „еслибы славяне могли соединиться въ одной литературной республикѣ, при одномъ общемъ книжномъ языкѣ, то онъ подалъ бы за это голосъ, даже вопреки своимъ землякамъ чехамъ“. Можно думать, что въ тѣ времена кандидатомъ на такой общій языкъ представлялся ему церковно-славянскій, который послѣ былъ припоминаемъ въ этомъ смыслѣ и другими, напр. Штуромъ и А. Добрянскимъ. Слова Добровскаго, что въ вопросѣ объ общемъ языкѣ онъ пошелъ бы даже противъ своихъ земляковъ чеховъ, намекаютъ, что объ этомъ предметѣ велись уже тогда рѣчи, и если одни могли стоять за независимость чешскаго языка, тогда только-что дѣлавшаго первые шаги своего возрожденія, то бывали и другіе, которымъ тогда уже представлялась мысль, что общеславянскимъ долженъ стать не мертвый литургическій, а живой языкъ сильнаго народа, именно русскій. Такъ думалъ въ особенности одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей чешскаго возрожденія, Юнгманъ. Повидимому, подобную мысль было тогда неудобно высказывать открыто, но въ письмахъ Юнгманъ говорилъ, напр., въ томъ же 1810 году по поводу франко-русскихъ дѣлъ: „Я крѣпко вѣрю, что русскіе осилятъ французовъ. А намъ, славянамъ, это весьма утѣшительно, ибо тогда *всѣ славянскія нарѣчія соединятся въ одно цѣлое*. Мы отъ русскихъ, они же отъ насъ примутъ усовершенствованный языкъ“ ²⁾. Въ 1831, послѣ подавленія польскаго восстанія, Юнгманъ утѣшался мыслью, что теперь долженъ будетъ распространиться русскій языкъ, „а это будетъ первымъ шагомъ къ общеславянскому литературному языку“ ³⁾. Изъ со-

¹⁾ Стр. 326.

²⁾ Будиловичъ, стр. 329.

³⁾ См. стр. 381, указаніе о томъ, какъ чешскіе патріоты умалчивали это замѣчаніе Юнгмана. Слова Юнгмана были однако напечатаны въ его перепискѣ.

поставленія его мнѣній видно, что будущимъ общеславянскимъ представлялся ему именно живой русскій языкъ. Въ оставшихся отъ него запискахъ снова идетъ рѣчь о всеславянскомъ языкѣ и ему онъ готовъ пожертвовать своимъ роднымъ, для котораго самъ такъ много поработалъ: „Я—искренній чехъ и люблю свою народность, но я готовъ и чешскій языкъ принести въ жертву всеславянскому литературному языку, ибо хорошо знаю, что на какомъ бы нарѣчїи мы ни писали, все же останемся тогда славянами. О, еслибы высокіе правители примирились съ этой мыслию и *дозволили* намъ то, къ чему мы призваны самой природой“¹⁾.

Любопытна особенность, значеніе которой не отмѣчено нашимъ авторомъ, именно, что мысль о всеславянскомъ будущемъ русскаго языка пробуждается въ Юнгманѣ въ особенности политическими событіями, даже когда онѣ не касаются прямо славянъ. Видно, что, по его взгляду, политическій авторитетъ долженъ былъ привлекать къ Россіи интересы и сочувствія славянства, на которыхъ долженъ былъ основаться и авторитетъ языка. Подобное представленіе мы найдемъ у другого дѣятеля славянскаго возрожденія, чехо-словака Шафарика. Его мысли объ этомъ предметѣ высказаны опять въ частномъ письмѣ, именно въ письмѣ къ Коллару въ 1826 году. Шафарикъ писалъ: „Не перо уже, а мечъ разрѣшить вопросъ о томъ, которое изъ славянскихъ нарѣчїй и которая изъ азбукъ стануть всеславянскими. Потоками крови вырваны будутъ очертанія буквъ; гдѣ она всего обильнѣе прольется, тамъ и возникнутъ общій языкъ и азбука всеславянская“. Г. Будиловичу мысль письма кажется не вполне ясной; но очевидно, что рѣчь идетъ опять именно о политическомъ авторитетѣ, который долженъ установить общеславянскій языкъ. Въ примѣрѣ новѣйшихъ сужденій объ общемъ языкѣ между славянскими учеными г. Будиловичъ приводитъ мнѣнія извѣстнаго чехо-словацкаго филолога Гатталы, въ статьѣ „о всеславянскомъ языкѣ и письмѣ“. Статья осталась неконченной и мысль ученаго филолога не досказана; онъ, какъ и слѣдуетъ, полагалъ, что общимъ языкомъ можетъ стать не какой-либо искусственный, а именно живой дѣйствующій языкъ; ему лично нравится сербо-торватскій, и, признавая значеніе вѣшняго авторитета русскаго осударства, авторъ однако не особенно склоненъ тотчасъ принять право русскаго языка стать общеславянскимъ. „Чѣмъ верже убѣжденъ я въ необходимости всеславянскаго языка,—

¹⁾ Стр. 332—333.

писалъ Гаттала,—и... чѣмъ пламеннѣе желаю, чтобы мы скоро и благополучно достигли его, тѣмъ искреннѣе долженъ я пожалѣть, что не вполне еще согласенъ съ тѣми, которые безъ оговорокъ желали бы признать русскій языкъ всеславянскимъ. Съ полнымъ сознаніемъ и добросовѣстностью я охотно допускаю лишь то, что русскій языкъ... по его достоинствамъ значительно возвышается надъ прочими литературными славянскими языками. Но пожелаетъ ли и сѣумѣетъ ли этотъ языкъ воспользоваться своими преимуществами для достиженія предположенной нами цѣли, это вопросъ, на который я не могу отвѣтить ничего опредѣленнаго, въ догадки же пускаться мнѣ некогда. Лучше выражу теперь же убѣжденіе, что для достиженія указанной цѣли прежде всего необходима добрая воля всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Она же не можетъ быть навязана насиліемъ или фразами, какъ бы ни были онѣ громки, часты и льстивы, а наоборотъ, сама собой явится при доводахъ, вытекающихъ изъ существа дѣла и высказываемыхъ безъ страсти и обиды¹⁾.

Рядъ наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго вышелъ изъ среды дѣятелей словацкихъ. Таково было разсужденіе объ этомъ предметѣ Кузmani (1837) и въ особенности обширное разсужденіе Людевита Штура: „Славянство и міръ будущаго“, оставшееся неизданнымъ при его жизни и съ его нѣмецкой рукописи переведенное г. Ламанскимъ (1867). Эти и другіе писатели того времени (тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ), за которыми, какъ замѣчаетъ г. Будиловичъ, столь же ревностно слѣдуетъ и новое поколѣніе словацкихъ писателей, настаивали на томъ, что славянство не можетъ развиваться при восьми частныхъ и въ большинствѣ мелкихъ литературахъ, что ему необходимъ одинъ органъ въ общеславянскомъ языкѣ, что славянскія племена должны готовиться къ принятію этого языка, которымъ можетъ и долженъ стать только русскій²⁾.

Далѣе г. Будиловичъ указываетъ горячихъ приверженцевъ общеславянскаго языка въ словинскомъ писателѣ Подгорникѣ (1878), въ сербскомъ писателѣ Орешковичѣ (1872), въ угорскомъ дѣятелѣ А. Добрянскомъ и, наконецъ, въ писателяхъ русскихъ, какъ Погодинъ, Ламанскій, Гильфердингъ, Н. Давыдовскій и другіе.

¹⁾ Стр. 335—336.

²⁾ Идея Штура была нами довольно подробно изложена въ упомянутыхъ тѣхъ о литературномъ панславизмѣ.

Въ „Послѣсловіи“ нашъ авторъ собралъ вератцѣ выводы изъ своихъ изслѣдованій. Русскій языкъ долженъ стать общеславянскимъ: это становится убѣжденіемъ самихъ славянъ, и мы сами должны идти на встрѣчу этимъ стремленіямъ. На пути къ признанію этой истины стоятъ лишь предрассудокъ, полагающій, что общій языкъ будетъ подавлять частные языки, но „общіе языки не могутъ быть врагами частныхъ“, и послѣдніе, напротивъ, нерѣдко развиваются еще успѣшнѣе при общихъ; самое существованіе общихъ языковъ обусловлено нахожденіемъ рядомъ съ ними частныхъ. Правда, въ Польшѣ русскій языкъ съ 60-хъ годовъ занялъ относительно польскаго „боевое положеніе“, но вызовъ къ тому данъ не съ русской стороны, и авторъ убѣжденъ, что еслибы Россія получила „надежныя гарантіи“ въ томъ, что возвращеніе польскому языку нѣкоторыхъ его бытовыхъ отправленій возстановило бы нормальныя отношенія между этимъ частнымъ и нашимъ общимъ языкомъ, то со временемъ эта уступка была бы сдѣлана въ общихъ интересахъ и русскаго, и польскаго народа. Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ г. Будиловичъ, „въ ненормальности отношеній русско-польскихъ нѣтъ не можетъ видѣть (?) прецедента для будущихъ отношеній инославянскихъ языковъ къ русскому, по признанію его общимъ языкомъ славянъ.

„Принявъ русскій языкъ добровольно, какъ люди свободные, а не рабы, славяне западные и южные будутъ имѣть полную возможность *сами* опредѣлить тѣ области научной и художественной литературы, международныхъ и внутреннихъ отношеній, употребленія государственнаго и школьнаго, какія они пожелаютъ передать языку общему. Они *сами* опредѣлятъ мѣру самостоятельности и сферу дѣятельности своихъ частныхъ языковъ... Починъ долженъ принадлежать имъ, а не намъ и потому еще, что тамъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ общемъ славянскомъ языкѣ, какъ противовѣсъ нѣмецкаго. Мы и теперь можемъ назваться *beati possidentes*, ибо имѣемъ уже вполне достаточный своимъ цѣлямъ органъ для выраженія всѣхъ явленій нашей жизни и всѣхъ движеній мысли. Возможно полное осуществленіе язычнаго единенія славянъ для насъ важно лишь въ томъ отношеніи, что оно служило бы лучшей гарантіей сохраненія нашихъ братьевъ отъ онемеченія. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно обезпечило бы намъ культурное сорабничество тридцати миллионнаго родственнаго намъ по крови, отчасти и по духу племени. Будучи поставлены на рубежѣ нашего и нѣмецкаго міровъ, эти миллионы славянъ своимъ переходомъ на ту или другую сто-

рону могутъ существенно измѣнить шансы предстоящей великой борьбы“¹⁾).

Моментъ осуществленія мечтаній и плановъ Крижанича, Юнгмана, Штура и др. можетъ быть и близокъ, и далекъ, „смотря по ходу политической, общественной и литературной жизни Россіи“. „Подъ напоромъ важныхъ событій (выражаясь словами Штура), онъ можетъ наступить весьма скоро. Но возможно и то, что при извѣстномъ традиціонномъ искусствѣ *нѣмцевъ* ссорить славянъ между собою (!), нѣкоторые изъ нихъ очень долго или и совсѣмъ не успѣютъ приобщиться къ нашей духовной жизни сотрудничествомъ въ словесной области. И тогда имъ придется признать надъ собою общій языкъ, но уже не славянский, а нѣмецкій, итальянскій или другой иноплеменническій“...

Какъ представляются намъ эти планы—скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Стр. 367—368.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ГОДОВЪ.

Мятежный міръ давно заснулъ;
Вся даль ночью мглою объята;
Давно багровый лучъ заката
Въ пространствѣ неба потонулъ.
Скользилъ онъ долго надъ землею:
То лентой ярко-золотою
Съдую тучу обвивалъ;
То грустью тихою блисталъ,
Прощаясь съ горною вершиной;
То безъ слѣда тонулъ вдали,
Гдѣ облака покровъ сплели
Надъ бѣлоснѣжною равниной.
Казалось, будто медлилъ онъ
Повинуть дальній небосклонъ;
Какъ будто міру завѣщанье
Оставить яркій лучъ хотѣлъ
И тихо гаснулъ, и жалѣлъ
О томъ, что вѣчное молчанье
Хранить онъ долженъ...

Но пробилъ
Послѣдній часъ,—и ночь настала,
И все, въ чемъ жизнь тревогу знала,
До утра сумракъ усыпилъ...
Глухая ночь... Во мглѣ таится
Рубежъ и встрѣча двухъ годовъ.
„Былой“ къ забвенью быстро мчится,
Вплетаясь въ длинный рядъ вѣковъ;
А „новый“ годъ идетъ на встрѣчу

Все той же жизни... Что съ собой
Онъ принесетъ борьбѣ людской?
Любовь и миръ? Иль кровь и сѣчу?
Отрады пѣснь—иль горя стонъ?
Какою мыслью оваренъ—
Тревожный умъ отъ мглы сомнѣній
Къ покою правды перейдетъ?
Безсмѣнный рядъ какихъ заботъ
Готовитъ сердцу жизни геній?
Въ какихъ желаньяхъ снова грудь,
Уставъ, захочетъ отдохнуть?..
Отвѣта нѣтъ. Во мглѣ морозной
Весь міръ загадочно молчитъ,
Какъ будто знаетъ и таитъ
Суровый смыслъ разгадки грозной...

В. БУЛГАКОВЪ.

ПИСЬМА С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

1877-й годъ.

17 *).

Зимница, 2-го июля.—Завтра рано утромъ въ 5-мъ часу мы выступаемъ отсюда походомъ; идемъ, вѣроятно, на Тырново, вмѣстѣ съ войскомъ; ты только не воображай, что намъ предстоитъ какая-нибудь опасность—мы будемъ въ самомъ дальнѣйшемъ арьергардѣ. Сегодня утромъ опять всѣ ѣздили въ Систово для чего-то, а мнѣ было поручено осмотрѣть госпитали въ самомъ Систовѣ; пока свита ѣздила по горамъ и искала мѣсто, откуда можно увидеть Никополь (котораго и не увидели), я отыскивалъ и собиралъ справки о госпиталяхъ въ Систовѣ, и наконецъ, убѣдившись, что остался теперь только одинъ лазаретъ болгарской дружины, туда и отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ полковниковъ этого отряда; но прежде чѣмъ попасть въ госпиталь, полковникъ попросилъ зайти къ нему, что я и сдѣлалъ; къ моему великому удивленію, полковникъ оказался живущимъ въ Систовѣ съ своей женой, которая, оскучившись безъ мужа въ Петербургѣ, заблагоразсудила отправиться въ дѣйствующую армію и послѣ довольно тяжелаго путе-

*) См. выше: мартъ, стр. 92.

шествія, наконецъ, отыскала своего мужа въ Систовѣ командующимъ частью болгарской дружины; тутъ наша полковница и поселилась и, кажется, приняла бразды правленія ротой своего мужа; дама состоитъ изъ нѣмокъ, особа не старая, не очень красивая, но очевидно съ характеромъ очень сильнымъ; вѣроятно, полковнику приходится выдерживать очень строгую дисциплину. Помѣстились они прекрасно въ одномъ изъ очень чистенькихъ и богатыхъ домиковъ какой-то болгарской семьи, оставшейся въ зимней части дома, т.-е. въ нижнемъ этажѣ, и уступившей верхнюю часть впрошеннымъ постояльцамъ; чистенькій, отличный дворикъ, мощный съ нѣсколькими деревьями; комнаты большія, прохладныя; въ ѣдѣ не нуждаются, только повидимому однообразна очень пища, да бѣлаго хлѣба нѣтъ; у нихъ я выпилъ стаканъ не очень вкуснаго мѣстнаго вина и отправился въ лазаретъ въ сопровожденіи полковницы. Въ больницѣ осталось только 58 человекъ, остальные выписались; тутъ мнѣ пришлось даже смѣяться при видѣ болгаръ, надѣвшихъ теперь мундиръ только съ тѣмъ, чтобы кормиться — это нищія въ мундирахъ; есть между ними много стариковъ. — Чѣмъ боленъ? спрашиваю одного старика съ подвязанной щекой. — Зубы выпали, отвѣчалъ онъ. На мой вопросъ, который ему годъ, — къ моему удивленію, онъ сказалъ: 45; съ виду же я ему далъ бы не меньше 55. Высказавъ свое мнѣніе о дружинѣ полковнику — я получилъ отъ него объясненіе, что прежде принимали всѣхъ безъ разбора — и къ нимъ собралось все, что нужно было въ кускѣ хлѣба, но что теперь онъ можетъ мнѣ показать молодцовъ. Дружина, выступая изъ состава, оставила все негодное здѣсь, лучшихъ взяла съ собой. Дѣйствительно, пошелъ смотрѣть роту, нашелъ народъ — ничего, недурнымъ, хотя далеко не такимъ бодрымъ, какъ нашъ солдатъ.

3-го іюля. — Сегодня я почти не спалъ: заснулъ послѣ двухъ, а въ три часа меня разбудили; не было еще 4 часовъ, какъ я былъ совсѣмъ готовъ, въ 4 ч. сѣлъ на лошадь, а въ 5 ч., при восходѣ солнца, мы стояли у Дуная, но этотъ разъ перешли какъ слѣдуетъ. Ъдучи на мостъ, я любовался мѣстностью при окраскѣ восходящаго солнца; невольно думалось, что на этотъ разъ мы перейдемъ Дунай не на день и не на два (когда вернемся, когда увижусь съ дорогими мнѣ сердцу?). Проѣзжали мы цѣлыми рядами стоявшаго войска, вытянутаго шпалерами передъ сѣвернымъ мостомъ; подѣхавъ къ мосту, остановились ждать Государя; наконецъ, крики ура, музыка; черезъ сѣверный прошли пѣшкомъ, затѣмъ снова на коней, проѣхали южный мостъ, взяли напри- и стали подыматься въ гору. Государь впереди, за нимъ корпусъ

начальникъ, министры и мы, грѣшные; за нами войска, артиллерія и обозъ. Между верховыми мелькали наши собаки изъ Плоэшты, которыя очевидно поняли, что уѣзжаемъ не на шутку, что въ Зимницѣ дѣлать будетъ нечего, а главное, кормиться будетъ нечѣмъ.

Признаюсь, я былъ серьезно настроенъ и не безъ грусти переходилъ Дунай; я чувствовалъ, что теперь надежда на скорое возвращеніе обрывалась совершенно; можетъ быть, еще мѣсяцъ, можетъ быть, два,—кто знаетъ, какъ все пойдетъ? Вмѣстѣ съ болью въ сердцѣ отъ грустныхъ думъ, у меня все таки твердо сидѣла мысль, что идемъ на хорошее, святое дѣло, участвовать въ которомъ своимъ трудомъ будетъ отрадой на значительную часть жизни. Въ Царевѣ мы остановились до завтрашняго утра; выходъ изъ Царева назначенъ въ 4^{1/2} утра завтра; навѣрное мы не знаемъ, куда пойдемъ,—вѣроятно, по направленію корпуса Наслѣдника; говорятъ, что къ Тырнову еще рано Государю.

Разстояніе Царева отъ Систова не болѣе пяти верстъ, и нашъ первый переходъ—очень легкій, мы его сдѣлали часа въ полтора; шли почти все шагомъ, такъ какъ за нами шла пѣхота. Дорогу эту я разъ уже дѣлалъ; нынѣшній разъ только она была менѣе утомительна,—было прохладнѣе и менѣе пыльно; идетъ она все въ гору, а когда мы поднялись, то почувствовали очень рѣзкую разницу въ воздухѣ относительно Зимницы, который здѣсь чище и легче. Въ Царевѣ и вода порядочная, такъ что я давно уже не пилъ такого вкуснаго чая, какъ сегодня. Остановились мы въ котловинѣ, на горѣ которой лежитъ болгарская деревенька, состоящая изъ нѣсколькихъ мазанокъ. Народа мы пока и не видали: всюду или казакъ, или солдатъ. Бивуакъ нашъ расположили въ саду, состоящемъ изъ нѣсколькихъ тѣнистыхъ деревьевъ (орѣхъ, тутовое дерево); здѣсь мы нашли уже наши палатки, поставленныя на квадратѣ очень симметрично, но цѣлый день подъ солнцемъ и на горѣ, исключая палатки Государя и вел. кн. Сергѣя Александровича; но теперь я попривыкъ уже къ здѣшнимъ обычаямъ и, не стѣсняясь, выбралъ себѣ мѣсто въ тѣни и велѣлъ поставить тамъ кровать, на которой и развалился тотчасъ же послѣ завтрака. Не смотря на +24⁰ въ тѣни около часа дня, вѣтерокъ такъ освѣжилъ насъ, что я не рѣшился снять сюртука, и только когда обсохъ и проспалъ часовъ, устроилъ комфортабельно свой костюмъ, т.-е. раздѣлся и остался въ одномъ бѣльѣ... Полежалъ, полюбовался на голубое небо сквозь зеленныя вѣтви орѣха и засѣлъ, наконецъ, писать при самомъ наилучшемъ комфортаѣ, т.-е. на моемъ столикѣ, на моемъ портфельѣ, съ моимъ обычнымъ перомъ, какъ будто не

выѣзжалъ изъ Зимницы; только нѣтъ Дуная передъ глазами, а вмѣсто него огородъ, обсаженный кругомъ тѣнистыми деревьями и обрытый рвомъ, который и отдѣляетъ насъ отъ проѣзжей дороги и отъ общаго бивуака, гдѣ помѣщается Государь. Неудобство нашего личнаго бивуака только то, что передъ нами здѣсь стоялъ главнокомандующій со штабомъ и, конечно, ушелъ отсюда, оставя все, чтѣ было не нужно; впрочемъ, все это подчиняется очень хорошо и безъ тяжелаго запаха...

Павлово, 4-го июля.—Теперь уже 4 часа пополудни; я только-что устроился въ своей палаткѣ, раздѣлся и хотѣлъ-было заснуть, отдохнуть, но спать не могъ (сегодня идетъ курьеръ, а мнѣ хочется подѣлиться съ тобой впечатлѣніями нынѣшняго дня). Въ четвертомъ часу утра у насъ на бивуакѣ началась тревога: получили записку отъ телеграфиста въ Систовѣ, что турки идутъ на Систово; въ городѣ суматоха, переполохъ, телеграфъ снимается. Не забудь, что отъ Крюднера, начальника 9-го корпуса, нѣсколько дней (4 дня) нѣтъ никакихъ извѣстій—мы, слѣдовательно, отрѣзаны и съ непріателемъ на носу. Началась возня и у насъ послѣ этой записочки; разбудили военного министра, затѣмъ Государя, потомъ стали и мы постепенно одѣваться и выходить изъ нашихъ келій. Когда я всталъ, Государь былъ уже на ногахъ; меня озадачило, что поднимаются раньше обыкновеннаго, и, конечно, бросились въ глаза нѣсколько смущенныя лица; начали распорядиться, разсылать во всѣ стороны адъютантовъ, штабныхъ, казаковъ; въ 4^{1/2} мы были на коняхъ и ожидали отвѣтовъ. Часа два продолжалось общее напряженное состояніе, которое мало-по-малу разъяснилось; мы тронулись впередъ къ Павлову, кажется, часовъ въ 6, послѣ различныхъ передвиженій войскъ, которыя были произведены вслѣдствіе полученныхъ извѣстій; рѣшили 11-й корпусъ Шаховского оставить у Систова на помощь Крюднеру и для охраны моста, который былъ слишкомъ мало защищенъ. Отъ Царева до Павлова—слишкомъ двадцать верстъ, и въ первой половинѣ этой дороги было рѣшено отпустить Шаховского... Дорога идетъ по очень холмистой мѣстности и чрезвычайно красивой, съ открытыми на большое пространство видами. Около какой-то рѣчки сдѣлали привалъ, позавтракавъ очень порядочно, и къ 11 часамъ пришли въ Павлово; по дорогѣ насъ встрѣтилъ Наслѣдникъ съ свитой. Въ Систовѣ дѣйствительно была тревога и распространился слухъ о движеніи турокъ. Здѣсь осмотрѣли сейчасъ же и зарефъ № 56 и затѣмъ остановились на стоянкѣ, гдѣ останемся вѣроятно, два дня. Стоимъ мы въ голой совершенно мѣстности на пригоркѣ безъ слѣда деревьевъ, а слѣдовательно, тѣни; въ

духъ прекрасный, но жарко—въ тѣни около 4 часовъ было $+29^{\circ}$; съ 11 ч. до 4 мы обжаривались въ ожиданіи обоза и, слѣдовательно, палатки (только для Государя и министровъ палатки были отправлены впередъ); пользуясь всякимъ плетнемъ, стѣной или заборомъ, мы скрывались отъ солнца и тянули то воду съ виномъ, то наконецъ, когда пришла кухня, и чай съ лимономъ.

Конечно, я усталъ, но не до изнеможенія; лошадь у меня отличная, съ иноходью; мнѣ гораздо лучше, чѣмъ въ коляскѣ; ѣхать шагомъ на солнцепекъ и быть въ обозѣ, ничего не знать и глотать пыль—это было бы невыносимо. Хорошая лошадь въ походѣ—все равно что хорошая квартира.

Ну, теперъ я выболталъ все, чтѣ насъ напугало, и ни слова не сказалъ, что наша усталость по приходѣ въ Павлово совершенно исчезла по полученіи извѣстія, что Никополь сдался съ 6.000 гарнизона—это въ сущности самое блистательное дѣло.

18.

5-го іюля.—Днемъ писать не могъ изъ-за африканской жары: въ палаткѣ, гдѣ только и можно укрыться отъ солнца, сегодня было $+31^{\circ}$. Тѣни здѣсь ни малѣйшей; приходится устроиваться въ палаткѣ съ развитіемъ сквозняка. Переносу я жаръ отлично, безъ малѣйшаго ощущенія страданія, пью непомѣрно, но писать или читать абсолютно не могъ. Большую часть утра провелъ въ общей палаткѣ; передъ обѣдомъ же, часа за три, пошелъ въ свою и лежалъ въ постели, не будучи въ силахъ взяться за перо; одѣваясь къ обѣду и надѣвая на себя рубашку, имѣешь совершенно ощущеніе нагрѣтой на печкѣ рубашки и не хочешь вѣрить, что бѣлье могло такъ нагрѣться въ тѣни. Солнце заходитъ здѣсь довольно рано, около 8 ч. Только тогда начинаешь чувствовать въ себѣ возможность жить и дѣйствовать. Вода здѣсь порядочная, хотя ея, говорятъ, немного, но, повидимому, хватаетъ; всѣ мокнуть и фильтрируютъ сквозь себя все, чтѣ выпьютъ; сколько я пилъ сегодня чаю—и сказать не могу. Къ счастью, здѣсь почти нѣтъ пыли и воздухъ еще недурень, не смотря на то, что здѣсь стояла немалая часть войска, идущаго на Рущукъ.

Павлово—большое селеніе, частью болгарское, частью же турецкое; расположено оно на склонѣ очень широкаго, хотя и невысокаго холма. Нашъ бивуакъ разбитъ возлѣ селенья, въ одномъ изъ большихъ дворовъ одного изъ здѣшнихъ жите-

лей; всѣ стоятъ въ палаткахъ, за небольшими исключеніями; мазанки здѣшнія не очень привлекательны, хотя прохладнѣе, но для меня невозможны по ихъ отдаленности отъ палатки Государа. Судя по хозяйственнымъ принадлежностямъ, по плетнямъ, по размѣру отдѣльныхъ дворовъ нашего хозяина, онъ долженъ быть человекомъ богатымъ, но помѣщается въ такой гнусной мазанкѣ, которая стоитъ въ совершенномъ контрастѣ съ остальнымъ хозяйствомъ землевладѣльца-болгарина — съ совершенно турецкимъ типомъ, мрачнаго вида, въ широкихъ штанахъ, въ мѣховой шапкѣ; теперь онъ совсѣмъ не показывается. Культура болгарская, судя по крайней мѣрѣ по немногому, что видѣли, кажется, не далеко ушла, и повидимому турки на болгаръ настолько повліяли, что даже языкъ турецкій болѣе распространенъ, чѣмъ болгарскій.

6-ю іюля. — Сегодня рано утромъ Наслѣдникъ вышелъ съ своимъ корпусомъ изъ Павлова и пошелъ на Рушукъ; съ нимъ отправился и вел. кн. Сергѣй Александровичъ; мы же остались здѣсь выжидать событій, среди всего нашего войска: вел. кн. Николай Николаевичъ у Балканъ; на югѣ вел. кн. Владиміръ Александровичъ; Наслѣдникъ на востокѣ у Рушукъ; на западѣ у Никополя 9-й корпусъ Крюднера; на сѣверѣ, отчасти сзади насъ, отчасти спереди, 11-й корпусъ Шаховского. Ты видишь, что мы, какъ въ Петербургѣ, въ такой же полнѣйшей безопасности отъ всякихъ попытокъ на нападеніе; кромѣ этого около насъ хорошій по числу и по качеству конвой Государа. Куда пойдемъ и когда пойдемъ отсюда, конечно, это никому неизвѣстно, и, вѣроятно, опредѣлится будущими событіями, о чемъ ты будешь знать изъ газетъ скорѣе, чѣмъ изъ моихъ писемъ. Нынѣшняя ночь была, говорятъ, очень свѣжая, въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь: моя палатка была открыта, и я не чувствовалъ ни духоты, ни холода и спалъ какъ убитый, въ 7 же часовъ утра въ тѣни уже было $+24^{\circ}$, а въ 9 ч. въ палаткѣ, благодаря различнымъ мѣропріятіямъ, 27° ; теперь, въ $10\frac{1}{2}$ ч., 30° въ палаткѣ, но легкій сквознякъ облегчаетъ этотъ жаръ. Сейчас поѣду въ госпиталь — въ открытомъ полѣ будетъ еще прохладнѣе, особенно на ѣздѣ. Мѣстность здѣшняя очень холмистая, но холмы очень широкіе и получаешь впечатлѣніе, какъ будто стоишь на высокой горѣ; трава вся выжжена, и вслѣдствіе этого очень трудно ходить по этимъ холмамъ — ноги такъ и скользятъ.

Вчера былъ здѣсь молебенъ въ полковой церкви, посвященной на самомъ высокомъ холмѣ. Всѣ войска были въ сборъ расположены по холмамъ, что составляло чрезвычайно живую картину; въ церковь набрались и солдаты и напомнили мнѣ г

ковъ въ Езерахъ, гдѣ существеннымъ дѣломъ каждого было по-
дать свой грошъ на свѣчку. Вчера вся наша компанія была за-
нята однимъ изъ флигель-адъютантовъ, Толстымъ, который при-
сутствовалъ при взятіи Никополя и привезъ въ главную квартиру
Османа-пашу.

Вчера я не могъ докончить этого письма,—пекло меня со-
вершенно угнетало... Сегодня я опять работалъ въ госпиталѣ
и хорошо понимаю, что эта работа не безплодная: вѣдь я
не обхожу госпиталь какъ генералъ отъ медицины, а обхожу
какъ опытный врачъ, предлагающій свои услуги товарищамъ въ
случаяхъ, гдѣ они затрудняются; при этомъ я увѣренъ, что нѣ-
которые изъ молодыхъ врачей и профитируютъ. Большая часть
здѣшняго временнаго госпиталя помѣщается въ киргизскихъ ки-
биткахъ, и персоналъ врачебный почти исключительно дерптскій;
дѣло ведется очень недурно; уходъ добросовѣстный и со смыс-
ломъ; пять сестеръ Георгіевской общины помогаютъ уходу и
человѣкъ пять нашихъ студентовъ пятаго курса. Характеръ бо-
лѣзней все тотъ же: лихорадочные, тифозные, поносные и не-
много (17 человѣкъ) раненыхъ. Здѣсь я съ большимъ интере-
сомъ смотрю на больныхъ съ ранами внутреннихъ органовъ.

Вчера къ вечеру поднялась здѣсь буря, подобной которой я
еще никогда не видывалъ: часа въ 3 пополудни барометръ очень
быстро упалъ съ 760 на 758; послѣ 7 час. поднялся юго-занад-
ный вѣтеръ, который несъ густое облако пыли; вѣтеръ былъ такъ
силенъ, что жутко было оставаться на дворѣ и еще страшнѣе
остаться въ палатѣ, которая разметалась во всѣ стороны и,
безъ сомнѣнія, и разлетѣлась бы, если бы не принялся усердно
работать Антонъ, мой казакъ, и Ковалевскій; и такимъ образомъ
мы успѣли удержать нашъ домъ, который, вѣроятно, постигла
бы участь шатровъ госпитальныхъ: ихъ разнесло до тла; устояли
только киргизскія кибитки, да и то не совсѣмъ,—одну совершенно
разрушило, а двѣ другія сильно пострадали. Этотъ вѣтеръ прини-
мался дуть въ нѣсколько приемовъ. Каждый приступъ продол-
жался приблизительно около получаса; при этомъ ни капли дождя
и небо въ половину только покрыто грозowymi облаками, которыя
столпились чрезвычайно густо къ юго-востоку; вечеромъ въ нихъ
стало разряжаться электричество, почти безостановочно давая освѣ-
щеніе по всему горизонту; грома не было слышно; къ десяти ча-
самъ вѣтеръ стихъ, въ воздухѣ стало прохладнѣе,—около 11 час.
только 19°. Я легъ спать и плотно закупорилъ свою палатку,
боясь повторенія бури ночью, чего однакоже не случилось, хотя
направленіе вѣтра не измѣнилось и время отъ времени бывали

и сильные порывы, которые меня пробуждали, при чемъ постоянно было ощущеніе, что палатка моя распалась и я раздѣтый очутился среди двора.

Сегодня день сравнительно почти холодный: утромъ въ тѣни было 19° , а теперь, въ $2\frac{1}{2}$ ч., 22° на воздухѣ и 23° въ палаткѣ; вѣтеръ того же направленія, но не вчерашней силы. Сидишь какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто 16° ; но утромъ сегодня, вслѣдствіе бывшей жары, я чувствовалъ себя чрезвычайно разбитымъ,—такъ и валился; теперь, поработавъ въ госпиталѣ, освѣжился. Сейчасъ ко мнѣ зашелъ маленькій человѣчекъ и подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ, что мы будемъ въ Питерѣ къ 27-му іюля; но я не могу и не смѣю этому вѣрить; основаніе этого слуха унтеръ-штабъ слишкомъ слабый. Здѣсь, вѣроятно, будемъ держаться дня два, а тамъ куда-то дальше. Толстой, уѣзжая, оставляетъ мнѣ свою лошадь, тоже отличнаго иноходца, но сильнѣе моего казеннаго; теперь, слѣдовательно, я совершенно обезпеченъ относительно этого вопроса: захромаетъ одна, будетъ другая, такого же удобнаго свойства и не мучительная по тряскѣ; я бы охотно у него купилъ, но онъ ни за что не уступаетъ, хочетъ оставить лошадь на память, такъ какъ онъ на ней былъ въ жаркомъ бою. Онъ ѣдетъ съ нынѣшнимъ курьеромъ.

Наша свита увеличилась появленіемъ въ ней еще одного новаго лица, о которомъ не могу не упомянуть потому, что онъ составляетъ нѣкоторую особенность; это лицо есть ни болѣе, ни менѣе какъ гр. Соллогубъ—старый писатель и сочинитель „Тарантаса“ и пр. Приѣхалъ онъ съ специальною задачею описывать нашъ походъ; но не могу тебѣ передать, что это за несимпатичная фигура, съ вѣчной претензіей и какъ бы по обязанности говорящая умныя и остроумныя рѣчи; до какой степени противно видѣть, какъ онъ берется не за свое дѣло; сколько хвастливости, безтактности въ его общаніяхъ писать исторію не Тацитовскимъ приемомъ, а Маколеевскимъ; при этомъ полу-военный костюмъ съ такой же претензіей, какъ и сама личность; все это вмѣстѣ чрезвычайно отталкиваетъ отъ безталаннаго типа. При свиданіи напомни поговорить объ этомъ явленіи въ нашей бивуачной жизни. Въ сущности Ковалевскій все-таки мнѣ остается наиболѣе пріятнымъ собесѣдникомъ; у него хоть положительныя и хорошія свѣденія по хирургіи, которыя всегда могутъ вычитать; наши палатки рядомъ, и мы сходимся каждый разъ д. чаепитія; обыкновенно онъ наливаетъ и угощаетъ; если начинаетъ отказываться:—Пейте, Сергѣй Петровичъ,—говоритъ онъ,—во,

еще много!—И такимъ образомъ въ теченіе этихъ палящихъ дней отпивались мы съ нимъ.

PS. Пока мы сидѣли за обѣдомъ, пріѣхалъ братъ посланнымъ отъ Шаховскаго съ извѣстіемъ о взятіи Никополя, о чемъ мы уже знали по телеграфу. Сережа откаталъ 20 верстъ рысью, и сегодня же обратно. Послѣ обѣда привезли плѣннаго пашу, коменданта Никополя; очень красивое лицо съ восточнымъ достоинствомъ, лѣтъ 45; дѣло у Никополя было повидимому блестящее, — кажется, не безъ потерь; считаютъ до 1.500 человѣкъ.

19.

Бѣла, вечеромъ, 8-го іюля.—Вотъ и третій переходъ; сегодня вышли изъ Павлова въ 6 ч. утра, и къ 11-ти, послѣ небольшого отдыха, прибыли въ это мѣстечко на правомъ берегу Янтры, довольно большой для здѣшняго края рѣчки. Дорога была мало живописна, сохраняя все тотъ же холмистый характеръ, съ полями пшена и изрѣдка кукурузы; зелени мало, почти полное отсутствіе деревьевъ въ теченіе всего пути, исключая мѣстъ нашего привала, представлявшагося какъ оазисъ въ средѣ этой холмистой степи; около отдѣльно стоявшаго лѣсочка мы и спѣшили часу въ десятомъ утра, когда солнце уже безжалостно пекло. Послѣ пыльной шоссейной дороги съ палящимъ солнцемъ такой приваль дорожке всякаго завтрака, да и ѣсть не очень хочется въ это жаркое время; только о питьѣ и думаешь. Впрочемъ, нынѣшній день еще сносятъ: тяжело только на солнцѣ, а въ тѣни $+22^{\circ}$ незамѣтны послѣ предшествовавшихъ африканскихъ жаровъ; они окончились, въ сущности, послѣ той бури, о которой я тебѣ писалъ, и сегодня ночью, и утромъ до восхода солнца было свѣжо; въ 5 ч. было только 9° . Передъ Бѣлой надо было проѣхать мостъ черезъ Янтру, — отличный каменный мостъ, который, по небрежности турокъ, достался намъ безъ боя; даже не было попытокъ его взорвать. Проѣхавъ мостъ, мы были встрѣчены духовенствомъ съ хоругвями, образами и болгарскимъ населеніемъ мѣстечка, которое, впрочемъ, почти исключительно и состоитъ изъ болгаръ. Народу было не очень много, кричали ура, давали цвѣты, — и мнѣ дали букетъ; я тотчасъ подумалъ о томъ, чтобы тебѣ его прислать, но послѣ, справляясь съ лошадью въ толпѣ верховыхъ, уронилъ эти цвѣты. Съ моста мы всѣ отправились въ здѣшнюю болгарскую церковь и тамъ началось пѣніе, самое ужасное, съ католическимъ характеромъ и съ произ-

ношеніемъ такимъ, что ничего нельзя было разобрать. Напѣвы нисколько не напоминаютъ нашихъ, и завываніе, которое здѣсь въ ходу, не имѣетъ ни малѣйшаго музыкальнаго смысла; то, что читаетъ священникъ, можно было понимать совершенно свободно, какъ у насъ. Не знаю, что служили, но по окончаніи службы здѣшній школьный учитель всталъ на патриаршее мѣсто, которое здѣсь встрѣчаешь въ каждой церкви, и началъ говорить Государю привѣтственную рѣчь.

Мизерный видъ, безпрестанныя заиканія и безсиліе оратора выйти изъ его главной мысли, что они желаютъ ихъ освободителю Александру Николаевичу добраго здоровья, дѣлали рѣчь невозможною, особенно послѣ перехода, такъ что мы всѣ вышли, не дождавшись окончанія этого неудачнаго привѣтствія, и отправились разыскивать себѣ помѣщенія въ оставленной турецкой части мѣстечка. Я помѣстился съ Ковалевскимъ въ небольшой комнатѣ на сѣверо-востокѣ 2-го этажа разрушеннаго дома бея; верхній этажъ, состоящій изъ 6 комнатъ, весь разобрался другими чинами свиты; мы всѣ достаточно потерпѣли отъ зноя въ палатахъ, чтобы не расхватать съ жадностью все, что напоминало комнату. Государь помѣстился подъ тѣнью деревьевъ въ палаткѣ, поставленной въ саду нашего бейскаго дома. У насъ два окна съ выбитыми рамами, съ разрушеннымъ каминомъ, полъ безъ досокъ, неровный (вѣроятно, были ковры), но въ этой комнатѣ прохладно, подъ окномъ журчитъ фонтанъ съ отличнѣйшей водой. Нашъ второй этажъ соединяется съ нижнимъ посредствомъ едва держащейся деревянной лѣстницы — непосредственно тѣмъ, что потолокъ на большомъ пространствѣ въ одной изъ главныхъ комнатъ дома разрушенъ, остались одни бревна. До сихъ поръ не можемъ добраться, кто разрушаетъ эти дома: турки ли, оставляя свои жилища и унося съ собой все, что можно; болгары ли, или русскіе? Вѣрнѣе, что турки, а послѣ ихъ ухода остающіеся болгары доканчиваютъ дѣло разрушенія съ корыстной цѣлью, унося съ собой вышки отъ печей, каминовъ, оконныя рамы и пр. Все мѣстечко расположено на двухъ склонахъ небольшихъ горъ, и потому можно отчетливо осмотрѣть всѣ жилища мѣста издали, особенно съ болгарской стороны, и тутъ видно, какая масса у болгаръ собраннаго хлѣба, что тоже заставляетъ думать о томъ, что они воспользовались турецкимъ добромъ. Если бы ты видѣлъ что это за роскошные колосы пшени, ржи, сложенные, вѣроятно изъ-за спѣха, вмѣстѣ въ очень большія скирды, какъ у насъ складывается сѣно; здѣшніе болгары, повидимому, мало терпѣли отъ турокъ; они говорятъ съ рѣзкимъ турецкимъ нарѣчіемъ

почти ничего не понимают по-русски, какъ, напр., интеллигентные классы народонаселенія — священники, учителя и пр. Осматривая сегодня вечеромъ турецкіе оставленные дома, мы встрѣтили въ одномъ домѣ двухъ собакъ, очевидно, не ушедшихъ за хозяевами по семейнымъ обстоятельствамъ: сука была съ маленькими щенятами; другой песъ, повидимому, остался въ качествѣ сожителя этой вѣрной матери; сука со своими дѣтьми притаилась, а защитникъ ея все время на насъ издали лаялъ. Заходили въ обитаемый болгарскій домикъ съ семьей, состоящей исключительно изъ двухъ бабъ и маленькихъ дѣтей; при этомъ дѣти меня поразили болѣзненнымъ видомъ, большими животами, блѣдно-зелеными личиками; впрочемъ, одинъ мальчикъ лѣтъ 7 поразилъ меня своей красотой. Женщины всѣ очень худы, замучены и ихъ мало видно; улицы полны нашими солдатиками, — кто покупаетъ хлѣбъ, кто табакъ, кто стоитъ передъ котломъ и готовить ужинъ, а тамъ вдали черезъ плетень виднѣется казакъ въ особой повѣ охотника, идущаго на добычу: онъ ловить куръ въ оставленномъ турецкомъ домѣ. Къ вечеру пошелъ дождь и мы вернулись домой еще за часъ до зари, напились чаю прежде у себя въ комнатѣ, а потомъ я пошелъ и къ офиціальному чаю. Сегодня получено извѣстіе о взятіи Казанлыка и занятіи прохода Шипки — новость очень важная.

9-го іюля. — Сегодня ѣдетъ курьеръ... Какъ я счастливъ, что могу все-таки давать тебѣ вѣсточку о себѣ; чѣмъ бы было, если бы мы въ этомъ отношеніи обречены были на одни почтовые сношенія; какая масса писемъ гибнетъ, какая масса писемъ валяется безъ доставки. Почтовая часть, кажется, одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ этой войны. Ночь проспалъ я отлично; утромъ было прохладно, шелъ дождь; признаюсь, что въ членахъ чувствуется нѣкоторая усталость.

10-го іюля. — Весь день вчерашній прошелъ, что говорится, между пальцами; ничего не дѣлалъ особеннаго, ничѣмъ особенно не былъ занятъ, а тебѣ не успѣлъ написать больше нѣсколькихъ строчекъ; курьеръ отложенъ, говорятъ, до нынѣшняго вечера; посмотримъ. Вчера послѣ завтрака разгулялось и назначили всѣмъ ѣхать на бивуаки, смотрѣть расположенныя въ различныхъ мѣстахъ части нашей бригады. Конечно, я не отклоняюсь отъ этихъ звѣздовъ, тутъ и увидишь, и услышишь; лошадь моя теперь настолько спокойна, что я нисколько и не чувствую, какимъ бы люромъ она ни бѣжала. Жара была не угнетающая, и я отправляясь, и дѣйствительно былъ вознагражденъ прекраснымъ видомъ высотъ здѣшней горы, на которой расположены наши войска;

видъ красивый на деревню и на всю долину, въ которой она расположена на горѣ, и также на рѣку Янтру, черезъ которую мы проѣхали передъ въѣздомъ въ Бѣлу. Осталась какая-то окаясь послѣ этихъ жестокихъ жаровъ, подъ которыми мы стояли въ Павловѣ; даже и до сегодня я еще чувствую разбитость; впрочемъ, это же чувствуютъ и другіе. Гр. Соллогубъ за нѣсколько дней похода чуть не развалился; онъ постарѣлъ въ эти дни такъ, какъ будто прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ я его увидѣлъ въ первый разъ. Вчера послѣ обѣда мы сѣдѣли интересную прогулку по нашей долині; вдоль по дорогѣ много фонтановъ, куда подъ вечеръ собирается женское населеніе Бѣлой за водой. Особенно красивы дѣти; взрослые интересны только своимъ костюмомъ, который нѣсколько напоминаетъ нашъ русскій, но вмѣсто юбки—фартуки спереди и сзади, а на головѣ—какой-то замысловатый уборъ. Идя дальше по долині и выйдя совсѣмъ изъ мѣстечка, мы стали встрѣчать цѣлыя семьи возвращающихся съ поля, съ ихъ скотомъ, съ возами убранныго хлѣба, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, съ собаками, ослиами и пр. Наконецъ встрѣтили и нашу роту солдатъ, и нашихъ конвойныхъ, которыхъ утромъ отправили на розыски турокъ, показавшихся будто бы верстахъ въ восьми отъ Бѣлой. Оказалось, что это была турецкая семья, бѣжавшая отсюда же; она скрывалась въ лѣсу, сколько отъ русскихъ, столько же отъ болгаръ; семью эту привели, и я ее сегодня видѣлъ—это два старика и двѣ женщины съ ребенкомъ; ихъ держатъ подъ карауломъ, чтобы оберегать отъ болгаръ. Не знаю, что будетъ дальше, но до сихъ поръ болгары не выдерживаютъ моей симпатіи: что за глупыя фізіономіи съ черепами рѣдью кверху! Сегодня были мы всѣ въ церкви,—служили наши придворные пѣвчіе и попъ; много собралось болгаръ и все-таки не видѣлъ такихъ лицъ, которыя бы меня примирили съ этой націей; кромѣ этого нужно признаться, что большой радости и гостепріимства русскимъ они не показываютъ,—вѣроятно, боятся турокъ.

Теперь я стараюсь попадать и на общіе завтраки, общіе чай и высиживать вмѣстѣ—все что-нибудь да услышишь; безпрестанно являются то съ той, то съ другой стороны ординарцы, адъютанты съ донесеніями; тутъ, конечно, много перепадаетъ и въ наши уши, тѣмъ болѣе, что послѣ перехода черезъ Дунай прежняя секретность исчезла. Присылаемые тобою газеты я читаю съ величайшимъ интересомъ; все-таки для пониманія всѣхъ военныхъ деталей, на нашихъ глазахъ совершающихся, необходимо знать объ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Я все мечту

о хорошемъ генеральномъ сраженіи, на которомъ бы хорошенъко расколотили турку и затѣмъ онъ попросилъ бы мира—вотъ тогда навѣрное вернулись бы раньше и я успѣлъ бы полюбоваться нашимъ садомъ и твоими трудами. Можешь себѣ вообразить, что мы, живя въ этой жарницѣ, въ мѣстности, гдѣ масса плодовъ, до сихъ поръ никакого свѣжаго фрукта не видали: все оборвано еще въ сыромъ видѣ; значительная часть нашихъ обѣдовъ состоитъ изъ консервовъ; впрочемъ, все это довольно вкусно и жаловаться никакъ не можемъ; но надо сознаться, что требованія наши значительно понизились. Когда я заявилъ свое удовольствіе при входѣ въ наше теперешнее помѣщеніе безъ рамъ, безъ дверей, безъ пола съ разрушеннымъ каминомъ, то Ковалевскій захохоталъ и напомнилъ мнѣ о разницѣ моей питерской и теперешней обстановки. Сегодня принесли намъ бѣлье, которое мы отдали одному солдатику, и радовались, что имѣемъ одну лишнюю чистую рубашку, которая вымыта въ холодной водѣ; конечно, она не только не накрахмалена, но даже не выглажена, но и за это спасибо. Промоклая насквозь нѣсколько разъ въ день, жестоко мараешь бѣлье, особенно въ предшествовавшихъ пыльных стоянкахъ; а перемѣнять бѣлье часто боишься изъ-за страха остаться съ однимъ грязнымъ бѣльемъ на рукахъ. На здѣшней стоянкѣ много воды, и солдатикъ отлично и дешево моетъ...

20.

Была 12-го іюля.—Вчерашній день прошелъ больше въ чтеніи газетъ и спаньѣ; вечеромъ сдѣлалъ отличную прогулку по нашей долинкѣ далеко за нашу передовую цѣпь; все время намъ навстрѣчу шли поселяне Бѣлой, возвращаясь съ полевыхъ работъ со всѣми своими семьями; мы ихъ встрѣтили, вѣроятно, нѣсколько сотенъ. Толпы этихъ муравьевъ чрезвычайно красивы. Вернулись домой передъ самой зарей, а тамъ чай общій, передъ которымъ успѣлъ, впрочемъ, и дома напиться; за общимъ чаемъ слушалъ рассказы Струкова о переходѣ черезъ Балканы, затѣмъ выдержки изъ русскихъ газетъ читали вслухъ и такимъ образомъ дѣло пошло къ окончанію вечера. Государь вышелъ, я за нимъ...

Вѣроятно, изъ газетъ ты уже знаешь о неудачѣ подъ Плевной; тамъ много раненыхъ и мало врачей, благодаря неправильному распредѣленію медицинскихъ силъ. Значительная часть медицинского персонала Краснаго Креста сидитъ безъ дѣла и ждетъ на этапахъ больныхъ, а въ Никополѣ больные по пяти дней ждали

перевязки—румынскіе врачи отказались помогать нашимъ раненымъ! Это вѣрно: они сказали, что это не ихъ дѣло!!! Что за гнусная нація эти румыны,—до какой степени подло относятся они къ этой войнѣ, какъ мало помогаютъ, а между тѣмъ рассчитываютъ на будущія выгоды, чужими руками будутъ жаръ загребать! Сидятъ они теперь съ своей паршивой арміей передъ Виддиномъ въ Колофатѣ и ничего не дѣлаютъ, мостъ не наводятъ, все общаются; турки стали надъ ними смѣяться и уведутъ, вѣроятно, часть своихъ войскъ оттуда къ Плевнѣ, что, вѣроятно и сдѣлали уже. Не даромъ они всѣ безъ исключенія были мнѣ противны все время, что мы были въ Пловдѣ.

Сегодня явился ко мнѣ старшій врачъ 56-го подвижного госпиталя У.; онъ переводитъ свой госпиталь изъ Павлова въ Бѣлую, выбралъ здѣсь мѣсто, нарисовалъ планъ расположенія своихъ палатокъ, кибитокъ и просилъ меня вмѣстѣ съ нимъ оглядѣть мѣстность, что, конечно, я тотчасъ же и сдѣлалъ. Больницы эти расположились на другой сторонѣ Янтры вдоль берега, при чемъ старичокъ, главный докторъ, особенно соблазнился тремя или четырьмя деревьями, которыя нашлись на этомъ полѣ; впрочемъ, дѣйствительно мѣстность подходящая. Госпиталь этотъ будетъ ожидать раненыхъ подъ Рущукомъ; при госпиталѣ десять сестеръ, пять студентовъ нашей академіи и весь остальной составъ Павловскаго госпиталя; больныхъ, конечно, еще нѣтъ, — ставятъ палатки. Сегодня Государь уѣхалъ къ Наслѣднику, и вслѣдствіе этого послѣ завтрака явилась у нѣкоторыхъ мысль сдѣлать прогулку верхомъ; предложили и мнѣ; меня соблазнило предложеніе потому, что собирались ѣхать смотрѣть турецкій таборъ, который на дняхъ подъѣхалъ къ нашимъ аванпостамъ въ Бѣлой съ прокламаціей русскаго царя въ рукахъ на турецкомъ языкѣ; въ прокламаціи давалось обѣщаніе не трогать мирныхъ жителей и давался имъ совѣтъ не покидать ихъ жилищъ; сорокъ семействъ, обитавшихъ одну изъ сосѣднихъ деревень, оставили свое мѣсто и ушли вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ, взявъ весь свой скарбъ и свой скотъ; теперь же приходитъ и почти проходитъ время уборки хлѣба. Болгары, пользуясь отсутствіемъ турокъ, начали убирать хлѣбъ и съ ихъ полей, и конечно, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться чужимъ добромъ, а теперь и явились настоящіе хозяева. Пока разбѣгается дѣло, весь этотъ таборъ помѣстили за мостомъ подъ рауломъ; турки отлично размѣстили свой обозъ, изъ котораго образовали нѣчто въ родѣ стѣны. Около большого круга постройкомъ цыновокъ и соломы закрыли бока нижнихъ частей своихъ повозокъ и помѣстились тамъ вмѣстѣ съ своими женами въ

крывалахъ, дѣтьми, собаками; скотъ ихъ пасется по близости. Когда мы прѣѣхали, то всѣ мужчины, обитатели табора, высыпали къ намъ, и я любовался ихъ типами. Насколько болгары имѣютъ видъ тупой, заспанный, настолько турки имѣютъ видъ интеллигентный, бодрый, гордый; лица ихъ чрезвычайно живописны, особенно у стариковъ, съ сѣдыми бородами, въ бѣлыхъ чалмахъ. Меня особенно удивило встрѣтить у турокъ синіе глаза, что очень красиво при черныхъ волосахъ; женщинъ, конечно, мы не видали: всѣ онѣ внутри обоза, большею частью подъ возами и въ покрывалахъ; у нѣкоторыхъ подъ возомъ устроена люлька, которую качаютъ; повозки очень высокія, на большихъ колесахъ, и почти на каждой повозкѣ между прочимъ скарбомъ увидишь наше русское корыто. Въ этомъ таборѣ масса дѣтей—и всѣ красивыя, очень часто съ синими глазами, нерѣдко бѣлокурыя. Къ сожалѣнію, нашимъ переводчикомъ былъ барабанщикъ изъ Казани, знакомый съ татарскимъ языкомъ и, слѣдовательно, слегка только могущій объясняться съ турками. Турки заявили, что они довольны своимъ содержаніемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своего водворенія въ ихъ деревнѣ. Вернувшись домой, я остался въ общей палаткѣ пить чай.

Теперь все чаще и чаще повторяется вопросъ: когда же мы въ Питеръ? Всякій по своему старается разрѣшить эту задачу, которая все-таки остается еще неразрѣшенною. Я остаюсь при своемъ мнѣніи; я все жду рѣшительнаго дѣла, послѣ котораго начнется разговоръ о мирѣ, и тогда мы поѣдемъ. Вѣдь не абсурдъ, если рѣшительное дѣло будетъ черезъ недѣлю, черезъ двѣ. Если турецкія войска подъ Плевной, Рушукомъ и Шумлой будутъ разбиты, то дѣло кончено, драться будетъ не съ кѣмъ; при положеніи нашихъ войскъ и турецкихъ неминуемы въ скоромъ времени очень серьезныя столкновенія; трудно допустить, чтобы наши солдатики не остались побѣдителями. Кампанія эта не можетъ затянуться; еще нѣтъ мѣсяца, какъ перешли Дунай, и у насъ въ рукахъ важнѣйшіе проходы черезъ Балканы и армія почти нетронута. Нѣтъ, я не допускаю возможности оставаться здѣсь долго; эта недѣля должна рѣшиться; если же война затянется, то, конечно, тогда Государь уѣдетъ,—не станетъ же онъ стоять передъ крѣпостями и блокировать ихъ.

13-го *юля*.—Надо терпѣть, надо умѣть ладить съ жизнью—вотъ что я себѣ повторяю. Хотя мы живемъ теперь въ центрѣ мамаго интереснаго мѣста въ Европѣ, но въ настоящее время затишье; никакихъ крупныхъ извѣстій; все ждетъ. Очевидно, мы авантюристы важныхъ событій—двѣ арміи стоятъ другъ подлѣ друга,

и чѣмъ-нибудь да разрѣшится это затишье. Это самыя тоскливыя минуты въ военной жизни—ждать. Всякій прїѣзжій изъ лагеря вел. кн. Николая Николаевича, изъ лагеря Наслѣдника, изъ корпуса Крюднера—встрѣчается, какъ мессія; всякая депеша къ Государю вызываетъ общій невольный поворотъ всѣхъ головъ въ одну сторону; но пока все маленькія аванпостныя столкновенія, ничего крупнаго. Вчера, впрочемъ, утѣшительная депеша изъ Севастополя о битвѣ нашего маленькаго парохода съ броненосцемъ, который, наконецъ, принужденъ былъ удрать отъ храбреца съ большимъ поврежденіемъ башни. Сегодня жаркій день,—въ тѣни доходило до 24°, но это меня болѣе не озадачиваетъ, особенно въ теперешнемъ моемъ помѣщеніи; въ палаткахъ, конечно, также душно. Если бы ты видѣла мою теперешнюю комнату, ты бы пришла въ ужасъ отъ ея грязи и беспорядка. Очевидно, эта комната была гаремной или спальнѣй—въ ней есть и чуланчики для омовенія, но полъ разобранъ, каминъ изломанъ, рамы выбиты; чистить и мыть комнату нельзя потому, что подымается невѣроятная пыль. Живемъ мы порядочно грязно; болѣе часто мѣнять нельзя за неимѣніемъ прачки; теперь моетъ солдатикъ въ холодной водѣ и не гладитъ, не крахмалитъ; болѣе выходить какое-то сѣрое; блохъ въ нашемъ помѣщеніи тоже не мало; ѣда наша начинается прїѣдаться, тепи все одинъ и тотъ же: консервы для щей, борща, свѣжій борщъ, мясо, гусь, цыплята—матеріалъ недурной, но очевидно наши поваря не привыкли работать при походныхъ условіяхъ и подаютъ все невкусно; впрочемъ, и аппетита-то настоящаго нѣтъ,—и жарко, и скучно, и тоскливо. Нельзя сказать, чтобы остальные члены общества были иначе настроены; у большей части одно на умѣ: хорошенько бы поколотить, да и кончить. У всякаго почти семья осталась и всѣ уѣхали самое большое на шесть недѣль.

Нынѣче былъ въ госпиталѣ, который еще не успѣлъ совсѣмъ развернуть своихъ палатокъ, какъ уже долженъ былъ помѣстить 67 человекъ больныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только 7 раненыхъ. Сегодня я обстоятельно обошелъ больныхъ; тяжелыхъ не много. Также смотрѣлъ съ Ковалевскимъ и раненыхъ. Походная жизнь имѣетъ свои хорошія стороны; для нѣкоторыхъ, напри-
мѣръ для меня, она даже здорова—много воздуха, движенія, нѣкоторое лишеніе для моей печени безспорно полезно,—но не имѣть большой внутренней запасъ, чтобы при большей продолжительности такой жизни не погибнуть отъ скуки, или же нуды привычка. Въ свитѣ Государя есть одинъ полковникъ III., с жившій на Кавказѣ; онъ провелъ почти безъ перемежки 18 лѣтъ въ походѣ и большею частью въ палаткѣ; надо ему отдать сп

ведливость—на лицѣ его не видно скуки, онъ цѣлый день занятъ: то онъ вымоетъ самъ свой китель, то чехолъ отъ фуражки; то, предположивъ, что его платье въ чемоданѣ залежалось и приняло какой-то затхлый запахъ, начнетъ раскладывать развѣшивать свое имущество; лошадей своихъ онъ не поручаетъ кормить нашимъ придворнымъ фуражирамъ, но добываетъ сѣно, овесъ самъ черезъ своего деньщика, которому даетъ косу и нѣкоторыя наставленія, гдѣ что можно найти, и отправляетъ его. Этотъ полковникъ постоянно веселъ и доволенъ, но для этого надо было 18 лѣтъ выработывать въ себѣ такую способность къ походной, бивуачной жизни. Сейчасъ вышелъ отъ меня К.; онъ въ рущукскомъ отрядѣ консультантомъ, а теперь по административному дѣлу ѣдетъ въ Тырново, откуда Государь велѣлъ ему отправиться подъ Плевну, гдѣ ожидается большое дѣло и куда теперь стягиваютъ медицинскія силы.

ПО ВОПРОСУ

О

КОНВЕРСИЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАЙМОВЪ.

Цѣлый рядъ конверсій нашихъ государственныхъ займовъ за послѣдніе два года послужилъ предметомъ оживленныхъ преній въ нашей печати. Одни доказывали выгоду такой финансовой операціи, ссылаясь на сокращеніе расходовъ, достигнутое по системѣ государственнаго кредита; другіе настаивали на убыточности этой операціи и для кредиторовъ казны и, въ конечномъ итогѣ, даже для самого государства. Въ этой полемикѣ всѣ охотно пользовались цифрами и техническимъ языкомъ финансовъ; дѣло не обошлось и безъ раздраженія, которымъ спорящіе хотѣли иногда придать своимъ доводамъ большую убѣдительность. Но при этомъ не посмотрѣли на вопросъ съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства, во всей его совокупности.

Конверсіи займовъ — говорятъ противники этой операціи — обошлись слишкомъ дорого нашему государственному казначейству. Дороговизна новыхъ займовъ доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что внѣшніе займы были реализованы по низкой цѣнѣ, въ среднемъ по 87,8 за 100, тогда какъ въ исторіи нашего государственнаго кредита есть также 4% займы (въ 40-хъ годахъ), когда реализація состоялась по 90—91 за 100, хотя финансы были тогда въ крайне стѣсненномъ положеніи; или же въ 1887 году, когда 4% заемъ въ кредитныхъ рѣхъ, подлежащій купонному налогу, былъ реализованъ по 88,8 за 100. Вычисляють, что невыгодная реализація займовъ для конвертіи только внѣшнихъ долговъ принесла нашему казначейству убытъ въ 7—8 милліоновъ рублей золотомъ. Нападаютъ на эту опера-

и потому, что банкирская комиссія въ 20 мил. рублей для конверсіи только внѣшнихъ долговъ была слишкомъ высока, и что мы имѣемъ въ прошломъ рядъ займовъ, по которымъ иностранные банкиры получили относительно въ половину менѣе значительное вознагражденіе за комиссію. Разсчитываютъ, что и здѣсь было переплачено не менѣе 10 милліоновъ золотомъ. Но главный упрекъ дѣлаютъ конверсіамъ внѣшнихъ долговъ тотъ, что онѣ увеличили долговой капиталъ на 14%, замѣнивъ старый долгъ въ 681½ милліоновъ рублей золотомъ—новымъ долгомъ въ 775½ милліоновъ. Хотя старыя, нынѣ упраздненные займы окончательнo погашались въ сроки отъ 11 до 75 лѣтъ, а всѣ новыя заключены на 81 годъ, и тѣмъ, въ ближайшія 10 лѣтъ, ежегодный расходъ по государственнымъ долгамъ сокращается на 7½ милліоновъ рублей золотомъ,—однако значительнѣйшая часть долга будетъ переложена на нашихъ отдаленныхъ потомковъ, которые, не будь конверсіи, были бы свободны отъ долговъ по выкупленнымъ нынѣ займамъ. Конверсіи вызвали противъ себя оживленные нападки еще и потому, что уменьшили доходъ кредиторовъ государства: вмѣсто пяти годовыхъ, они получаютъ теперь только четыре.

Защитники конверсій пользуются преимущественно такимъ доводомъ: конверсіи выгодны потому, что сокращаютъ ежегодныя платежи по государственнымъ займамъ; такъ какъ, при правильномъ развитіи народнаго хозяйства, наши потомки будутъ пользоваться болѣе благополучіемъ и имѣть болѣе сильную платежную силу, нежели мы,—то имъ не будетъ тяжело бремя, отъ части котораго освобождается настоящее поколѣніе сокращеніемъ ежегодныхъ платежей по государственнымъ займамъ.

Признаемся, обычные упреки нашему финансовому управленію за совершенныя конверсіи открываютъ для защиты очень широкое поле. Нельзя доказать, что погрѣшности финансово-техническаго свойства заслуживаютъ полнаго оправданія: если заемъ реализованъ по цѣнѣ нѣсколько низшей того, что могло бы быть получено, если переплачено банкирамъ на комиссіонныхъ расходахъ, то ошибки налицо. Но можно смягчить приговоръ осужденія за эти ошибки ссылкой на новизну для Россіи произведенной операціи, на ея огромныя размѣры, на желаніе совершить ее въ возможно болѣе короткое время, чтобы воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ денежнаго рынка. Какъ бы ни были общи и мало опредѣленны доводы этого рода, они все-же могутъ смягчать обвиненіе. На пути встрѣчаешь еще меньше трудностей, когда пытаешься защищать финансовое управленіе отъ прека въ томъ, что, облегчивъ платежъ въ настоящемъ, оно обременило потомковъ значительнымъ долгомъ. Развѣ исторія любого народа не

свидѣтельствуешь о ростѣ его благосостоянія? Развѣ доходы и расходы, долги и платежи по займамъ въ современныхъ государствахъ не измѣряются гораздо болѣе крупными суммами, чѣмъ 200, 100 и даже 50 лѣтъ тому назадъ? Развѣ есть основаніе думать, что 2 рубля платежей по государственнымъ долгамъ, ежегодно падающихъ на 1 душу, причиняютъ теперь народу большее бремя, чѣмъ 1 рубль въ какой-либо моментъ нашего прошлаго? Развѣ десятки милліоновъ рублей, сберегаемыхъ государственнымъ казначействомъ посредствомъ конверсій, не будутъ затрачены на развитіе какой-либо важной отрасли нашего народнаго хозяйства (напр., путей сообщенія), которое замѣтно подниметъ благосостояніе не только потомковъ, но и нынѣ живущаго поколѣнія? Цѣлымъ рядомъ такихъ положеній, даже безъ помощи цифровыхъ выкладокъ, можно свести къ *minimum*у тѣ погрѣшности, которыя были сдѣланы при совершеніи конверсій. Не трудно защитить себя и отъ обвиненія, что нарушены интересы заимодавцевъ, владѣльцевъ государственныхъ процентныхъ бумагъ: громко провозглашая, что „*salus reipublicae—suprema lex*“, намъ говорятъ о необходимости предпочесть интересы должника, которымъ являются всѣ плательщики налоговъ, т.-е. преимущественно бѣдная и обездоленная масса населенія,—выгодамъ государственныхъ кредиторовъ, каковыми состоятъ лица болѣе обеспеченныхъ классовъ. Ссылаются, наконецъ, на то, что владѣльцамъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ не навязывали новыхъ облигацій: кто не былъ согласенъ на пониженіе процента, тотъ имѣлъ право получить по выкупаемымъ облигаціямъ долговой капиталъ.

И защитники конверсій усердно пользовались такими доводами. Кто перечитывалъ статьи, исходившія изъ обоихъ лагерей, тотъ приходилъ къ заключенію, что конверсіи не были свободны отъ промаховъ, что передержка выражается не однимъ десяткомъ милліоновъ,—но все это были ошибки финансово-техническія: принципиально же слѣдуетъ одобрить это крупное мѣропріятіе въ исторіи нашихъ финансовъ.

Но можно и *должно* оцѣнивать все дѣло съ другой точки зрѣнія.

Подъ конверсіею государственныхъ долговъ разумѣютъ обращеніе ихъ изъ высокопроцентныхъ въ низкопроцентные. По существу своему, эта операція отличается большой простотой. Она всегда можетъ быть оправдана *экономически*, если доставляетъ выгоды народному хозяйству, и *юридически*, если не нарушаетъ правъ, обеспеченныхъ заимодавцамъ условіями, на которыхъ государство заключило конвертируемые займы. Не трудно оцѣнить допустимость конверсій въ отношеніи юридическомъ: если, при заключеніи даннаго займа, правительство не обязуется воздерживаться отъ выкупа до его погашенія

или въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, то оно имѣетъ право выкупить его до срока и замѣнить болѣе дешевымъ займомъ, или же для владѣльцевъ облигацій, которые не соглашаются на такую сдѣлку, уплатить долговой капиталъ. Но представляется много трудностей при отвѣтѣ на первый вопросъ—въ какой мѣрѣ конверсія экономически выгодна? Экономическое явленіе можетъ быть выгодно или для всего народнаго и государственнаго хозяйства, или только для отдѣльныхъ группъ населенія, или только для финансовъ. Фактъ, выгодный для всего народнаго хозяйства, можетъ быть убыточенъ съ точки зрѣнія финансовой или же для отдѣльныхъ группъ населенія. Равнымъ образомъ, крупная выгода для финансовъ можетъ быть достигаема съ замѣтнымъ ущербомъ для всего народнаго хозяйства. Возьмемъ за примѣръ крупное экономическое предпріятіе нашего времени—сооруженіе сибирской желѣзной дороги: выгодное для всего государства, и особенно азіатской Россіи, оно будетъ убыточно для торговцевъ-монополистовъ, которымъ сибирское бездорожье и отсутствіе конкуренціи позволяютъ наживать огромные барыши; оно будетъ пѣкоторое время убыточно для населенія, которое промышленности перевозкой товаровъ по главному сибирскому пути; наконецъ, если постройка дороги будетъ быстро подвигаться впередъ, то потребуетъ заключеніе крупныхъ государственныхъ займовъ, реализація которыхъ, при настоящей задолженности Россіи, можетъ быть невыгодна, а потому мы можемъ говорить о невыгодности этого предпріятія для русскихъ финансовъ. Но въ итогѣ каждая мѣра, благотворно дѣйствующая на экономическое развитіе цѣлой страны, доставляетъ выгоды и финансамъ, и отдѣльнымъ группамъ населенія. Слѣдуетъ приложить эти мѣрки и къ нашимъ конверсіямъ. Оцѣнивъ ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, мы, можетъ быть, увидимъ себя вынужденными сказать, что онѣ невыгодны и для всего нашего народнаго хозяйства, и даже для нашихъ финансовъ.

Стоитъ развернуть любой учебникъ по наукѣ о финансахъ, и мы въ главѣ о конверсіяхъ найдемъ такой практическій совѣтъ: конверсія займовъ должно совершать тогда, когда въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени рыночный процентъ правильно понижается. Пониженіе процента служитъ доказательствомъ изобилія капиталовъ; оно ручается за то, что конверсія не совершена искусственно, и государство, какъ и частное лицо, отыскивающее наиболѣе выгодныя условія кредита, пользуется благоприятнымъ положеніемъ денежнаго рынка и уменьшаетъ платежи по своимъ долгамъ.

Вопросъ о конверсіяхъ разработанъ теоретически западно-европейской, особенно нѣмецкой наукой о финансахъ. Въ Германіи, Франціи или Англіи финансисту-политику нѣтъ надобности разъяснять, въ

какомъ смыслѣ нужно понимать „пониженіе процента“: западно-европейская жизнь, всѣмъ своимъ складомъ, позволяетъ говорить о наклонности процента понижаться, какъ о всеобщемъ для данной страны явленіи. Условія западно-европейской жизни таковы, что всѣ группы населенія живутъ болѣе или менѣе однородно. Плотность населенія велика; горожане составляютъ въ общей массѣ 30—40—50—60% жителей. Не только города, но незначительныя мѣстечки и даже мелкія и глухія деревушки вступили въ періодъ денежнаго и кредитнаго хозяйства. Крупный заводчикъ или торговецъ пользуется услугами огромныхъ акціонерныхъ банковъ съ многомилліоннымъ капиталомъ; но и маленькій человѣкъ, столяръ, портной, сельскій хозяинъ, владѣющій только 1½—2 десятинами земли, имѣютъ кредитъ въ народныхъ банкахъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ, густой сѣтью покрываютъ страны западной Европы. Къ широкому развитію кредита присоединяется и другая выгода: многочисленность и общедоступность сберегательныхъ кассъ и потребительныхъ артелей, которыя служатъ очень крупнымъ противовѣсомъ для скупщиковъ. Все выстѣ ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ: 1) не замѣчается рѣзкихъ различій въ высотѣ рыночнаго процента между большими городами и провинціей; повсемѣстно въ странѣ денежный капиталъ находитъ себѣ выгодное и вѣрное помѣщеніе; 2) суживается поле для ростовщическаго кредита. Всѣмъ странамъ западной Европы знакомъ ростовщическій кредитъ; но тамъ постоянными кліентами ростовщиковъ служатъ городскіе и сельскіе пролетаріи, или вовсе бездомные и безпріютные, или имѣющіе даже поземельную собственность—лачугу и огородъ въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ сажень; кліентами ростовщиковъ служатъ люди, выбитые изъ своей обычной колеи—чиновники, потерявшіе мѣсто, ремесленники, сельскіе и фабричныя работники, лишившіеся занятія; наконецъ, такими кліентами служатъ любящіе покутить и вообще матушкины сынки. Словомъ, если общее число кліентовъ, на счетъ которыхъ наживаются нѣмецкіе или французскіе ростовщики, измѣряется и милліонами, то эти милліоны образуютъ въ современномъ обществѣ такую группу, для которой гораздо легче организовать общественное призрѣніе, нежели кредитъ.

За послѣднія десятилѣтія, и по массѣ капиталовъ, которые направляются къ разнымъ слоямъ населенія, и по разнообразію формъ, кредитъ получилъ въ западной Европѣ столь большое развитіе, что уже нельзя говорить о существованіи какого-либо класса или хотя какой-либо значительной группѣ въ предѣлахъ одного класса, которые не имѣли бы доступа къ дешевому и правильно организованному кредиту. Нельзя сказать, чтобы населеніе какого-нибудь городиш

или уѣзда, или чтобы ремесленникъ, сапожникъ, портной или столяръ Берлина, Кенигсберга, Берна, Манчестера, не могли получить ссуды изъ невысокаго процента. Общераспространенность и доступность кредита объясняютъ, почему нѣтъ рѣзкой разницы въ высотѣ учетнаго процента; если крупный торговецъ въ Лондонѣ, Амстердамѣ или Берлинѣ имѣетъ капиталъ изъ 3—4% годовыхъ, то надежный ремесленникъ въ глуши провинціи пользуется кредитомъ изъ 5—6% въ годъ. Наблюденія надъ ростовщичьимъ кредитомъ въ западной Европѣ показываютъ, что размѣры процентовъ, какъ ни высоки они относительно, еще далеко не достигаютъ крайнихъ предѣловъ: въ заходустяхъ Германіи ростовщичьимъ процентомъ считаютъ 24—30% годовыхъ; въ Соединенныхъ Штатахъ мелкіе землевладѣльцы, опутанные сѣтями растовщиковъ, платятъ по ссудамъ 18—24% въ годъ. Если поэтому въ одномъ изъ государствъ западной Европы совершается конверсія государственныхъ долговъ, то она свидѣтельствуетъ о пониженіи рыночнаго процента въ цѣлой странѣ, о большей доступности кредита для всѣхъ слоевъ населенія.

Россія находится въ иныхъ условіяхъ. Все населеніе нашего обширнаго отечества вступило въ періодъ денежнаго и кредитнаго хозяйства. Главными признаками этого служатъ преобладаніе налоговъ и занятіе натуральными повинностями очень скромнаго мѣста въ ряду способовъ покрытія общественныхъ потребностей. Масса нашего народа производитъ продукты, чтобы продавать ихъ, и продаетъ, чтобы нести податныя обязанности и удовлетворять хозяйственныя нужды, не покрываемыя работой семьи. Зависимость почти всего населенія государства отъ рынка, отъ цѣнъ, порождаетъ необходимость въ кредитѣ, который позволялъ бы производителю удерживаться со сбытомъ продуктовъ во время самыхъ низкихъ цѣнъ и покупать сырье въ то время, когда оно наиболѣе дешево. Начала, господствующія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, дѣлаютъ кредитъ столь же необходимымъ, какъ и въ западной Европѣ, но источники для его удовлетворенія въ высшей степени недостаточны. Наши главные города имѣютъ, кромѣ конторъ или отдѣленій государственнаго банка, и цѣлый рядъ частныхъ учрежденій коммерческаго кредита. Въ мѣнѣе значительныхъ центрахъ есть городскіе общественные банки; самые же мелкіе города и притомъ нерѣдко города съ 10.000 жителей не имѣютъ банковъ. Нечего и говорить, что кредитныхъ учрежденій не имѣютъ даже крупныя торговыя села, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ возникли ссудосберегательныя товарищества. Есть значительная разница уже между условіями, на которыхъ открываютъ кредитъ банки столицъ и большихъ торговыхъ городовъ съ одной стороны и малыхъ городовъ съ другой: за послѣдніе годы учетный

процентъ спустился въ столицахъ до 5 годовыхъ, тогда какъ онъ сталъ на 9—8 въ общественныхъ банкахъ менѣе значительныхъ торговыхъ центровъ. А ссудосберегательныя товарищества взимаютъ по ссудамъ слишкомъ вдвое больше, нежели столичные кредитныя учрежденія: по отчету за 1890 годъ—до 11¹/₂% годовыхъ.

Но крайне недостаточное развитіе въ Россіи правильнаго кредита обнаружится особенно ярко, если мы укажемъ на группы населенія, имѣющія легкій доступъ къ кредиту. Изъ населенія городовъ по кредиту государственнаго, частныхъ и общественныхъ банковъ—имѣютъ доступъ только представители крупной и средней промышленности и торговли, всѣ же мелкіе и, частью, средніе торговцы и весь ремесленный классъ вовсе не можетъ пользоваться дешевымъ кредитомъ изъ банковъ. А вся эта меньшая братія составляетъ огромное большинство городскихъ жителей. Еще хуже поставлено населеніе деревень. Частные землевладѣльцы могутъ пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ изъ дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ, но долгосрочныя ссуды берутся всего чаще для раздѣла между наследниками или на наиболѣе крупныя и дорогія земельныя улучшенія. Кредитъ меліоративный вовсе не организованъ, а краткосрочный облекается въ очень неудобную форму кредита на соло-векселя. Недостаточность краткосрочнаго кредита въ этой формѣ доказывается ничтожными размѣрами этой операціи: въ теченіе 1890 года кредитъ подъ соло-векселя былъ разрѣшенъ 1470 лицамъ на сумму до 14 милліоновъ рублей—немного для текущихъ хозяйственныхъ нуждъ всего русскаго частнаго землевладѣнія! Въ особенно же тяжелою положеніи находится наше крестьянство. За исключеніемъ кредита для покупки земель, открываемаго крестьянскимъ земельнымъ банкомъ, крестьяне не имѣютъ кредита ни долго-, ни краткосрочнаго. Единственнымъ источникомъ дешеваго кредита служатъ ссудосберегательныя товарищества. Въ былое время ими увлекались; теперь къ нимъ относятся очень скептически. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, они являются единственнымъ источникомъ сколько-нибудь правильно-организованнаго кредита. А какъ незначительно число ихъ! Къ 1 января 1890 только въ 14 губерніяхъ ихъ было болѣе, нежели 20 въ каждой; огромное большинство губерній и областей имѣли каждая менѣе 10, и притомъ очень мало товариществъ было во многихъ обширныхъ и населенныхъ губерніяхъ: по 8 — курской и симбирской, 7 въ кіевской, 5 въ харьковской, 4 въ занской, 1 въ пензенской. Ничтожныя размѣры ихъ оборотовъ видны изъ того, что въ 1889 году ими было выдано въ ссуду 25¹/₂ мил. рублей, т. е. не болѣе 25—30 копѣекъ на 1 жителя. Припомнимъ что въ томъ же году 1002 германскихъ ссудосберегательныхъ то

риществу системы Шульце-Делича выдали въ ссуду болѣе 1½ миллиарда марокъ. Товарищества другихъ, мелкихъ союзовъ роздали въ ссуду 50 миллионъ марокъ, т.-е. до 35 марокъ на 1 жителя Германіи. Эти цифры краснорѣчивы: онѣ объясняютъ, почему нигдѣ въ мірѣ ростовщичій кредитъ не затянулъ такъ населенія въ свои сѣти, какъ въ Россіи. Многочисленные данныя, собранныя земскими статистиками, доказываютъ, что населеніе деревень платитъ по частнымъ долговымъ обязательствамъ не менѣе 60% годовыхъ, и что 150-200-250% годовыхъ вовсе не составляютъ единичныхъ явленій. Такимъ образомъ, кліентами ростовщиковъ состоятъ въ Россіи не только моты, пьяницы, забулдыги, ремесленники и работники, лишившіеся занятій, сельскіе хозяева, пострадавшіе отъ неурожая или падежа скота, но поголовно все крестьянство, всѣ ремесленники, всѣ мелкіе торговцы и огромная масса частныхъ землевладѣльцевъ!

Главная доля вины за такое прискорбное положеніе вещей падаетъ не на общество: частная инициатива во всѣхъ сферахъ жизни встрѣчаетъ у насъ слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ препятствій. Но сдерживая свободную дѣятельность гражданъ, правительство вынуждено брать на себя починъ воздѣйствія на различныя стороны общественной жизни. И доставленіе промышленности кредита составляетъ въ Россіи еще съ первой половины прошлаго вѣка предметъ правительственныхъ заботъ. Правительство учреждало банки и преобразовывало ихъ; на развалинахъ старыхъ кредитныхъ учрежденій оно создало государственный банкъ. Поддержаніе крупной промышленности и торговли, дѣятельность въ столицахъ и другихъ значительныхъ городахъ, боязнь глухой провинціи—вотъ черты, отличающія политику государственнаго банка. Такъ какъ онъ даетъ тонъ всему денежному рынку, то и частныя банки, и частныя лица, владѣющія капиталами, слѣдуютъ его примѣру—насыщаютъ и даже пресыщаютъ капиталами крупную промышленность и крупную торговлю, создаютъ въ большихъ городахъ избытокъ денежныхъ средствъ, поощряютъ биржевую спекуляцію и отнимаютъ у большей части нашего народа и у менѣе оживленныхъ мѣстностей тѣ капиталныя силы, въ которыхъ онѣ нуждаются. Эта политика искусственно понижаетъ въ нашихъ главныхъ городахъ учетный процентъ почти до западно-европейской нормы, до нормы, которая не соотвѣтствуетъ низкому уровню нашего хозяйственнаго развитія. Искусственное пониженіе процента имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ еще болѣе перевѣсъ нашей крупной промышленности и крупной торговли надъ ремесломъ и кустарнымъ производствомъ, торговца надъ сельскимъ хозяиномъ, биржевика надъ производителемъ. Усиленно поощряемая таможенными налогами и разными другими льготами,

крупная промышленность, какъ доказываютъ официальные отчеты наиболѣе обширныхъ предпріятій, имѣеть огромные барыши; барыши становятся еще болѣе велики, благодаря низкому рыночному проценту, который незнакомъ большинству русскаго народа, всѣмъ, кто стоитъ за предѣлами крупнаго купечества.

Все изложенное объясняетъ намъ истинный смыслъ произведенныхъ конверсій. Министерство финансовъ воспользовалось для ихъ совершенія пониженіемъ учетнаго процента, которое начало обнаруживаться съ половины 80-хъ годовъ. Но это пониженіе, какъ слѣдствіе возрастающаго запаса денежныхъ капиталовъ, не было явленіемъ всеобщимъ; незнакомое всей странѣ, оно было явленіемъ городскимъ и даже по преимуществу столичнымъ. Еслибы оно было явленіемъ не петербургскимъ, московскимъ и одесскимъ, а русскимъ, то оно сказалось бы въ облегченіи условій кредита для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ классовъ населенія. Именно этого-то мы и не находимъ. Условія залоговаго кредита для заемщиковъ дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ по инициативѣ правительства облегчились въ связи съ пониженіемъ учетнаго процента въ нашихъ главныхъ центрахъ. Но это столь усердно прославляемое накопленіе капиталовъ не сдѣлало для крестьянъ болѣе доступнымъ даже залоговый кредитъ, открываемый крестьянскимъ земельнымъ банкомъ; за послѣдніе годы кредитъ изъ этого банка все болѣе суживался, ссуды выдавались все менѣе охотно: въ 1886 году 31 отдѣленіе выдало крестьянамъ въ ссуду 11.149.000 рублей для покупки почти 295.000 десятинъ, а въ 1889 году 40 отдѣленій выдали въ ссуду только 3.692.000 рублей, на которые крестьянами и было куплено 156.000 десятинъ. На развитіе же краткосрочнаго кредита въ странѣ вообще или для тѣхъ классовъ населенія, которые вовсе не имѣють его, накопленіе капиталовъ въ большихъ городахъ не оказало ни малѣйшаго вліянія. Еслибы ремесленники или крестьяне или даже мелкіе торговцы имѣли хоть малѣйшія выгоды отъ пониженія рыночнаго процента, то это выразилось бы въ открытіи кредитныхъ учрежденій для мелкаго люда или хотя бы въ облегченіи условій при частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Ничего подобнаго мы не видимъ. Напротивъ, съ каждымъ мѣсяцемъ замѣтно возрастаетъ матеріалъ—онъ касается не какой-либо части имперіи, а всей страны—и населеніе деревень поголовно впадаетъ все въ болѣшую зависимость отъ ростовщиковъ. Земская статистика опредѣляла съ половины 70-хъ годовъ въ 40% годовыхъ стоимость кредита для крестьян московской губерніи; въ 50—60% для губерній воронежской и саратовской въ половинѣ 80-хъ годовъ; въ 40—100—200% для іеринской и самарской въ послѣдніе годы. А единственны

кредитныя учрежденія для сельскаго люда—мы забудемъ на время о ихъ недостаткахъ—получили въ послѣднія 5—6 лѣтъ очень слабое развитіе. Ссуды, выданныя заемщикамъ 735 ссудосберегательныхъ товариществъ, достигали въ 1881 году 22 милліоновъ рублей, а въ 1889 году, по отчетамъ 730 товариществъ,—25½ милліоновъ, т.-е. въ теченіе 8 лѣтъ, на которыя падаетъ пониженіе процента, накопленіе свободныхъ капиталовъ и приростъ населенія на 12—13%, —кредитъ, открытый товариществами, увеличился только на 15%. Ничтожный приливъ денежныхъ капиталовъ къ товариществамъ доказывается и крайне медленнымъ возрастаніемъ суммы ихъ вкладовъ и займовъ: въ теченіе 8 лѣтъ (1881—1889) вклады возросли съ 2.328.000 на 2.630.000, а займы съ 5.216.000 на 5.829.000 руб., т.-е. на 13% и на 12%. Иначе говоря, кредитъ, который открываютъ товарищества, въ своемъ развитіи немного обогналъ ростъ населенія, а средства товарищества, въ видѣ вкладовъ и займовъ, даже не опередили прироста населенія. Средства же крупнѣйшихъ банковъ и ихъ операціи развились за то же время въ гораздо большемъ размѣрѣ. Если мы сравнимъ активные обороты государственнаго и акціонерныхъ банковъ за 1883 и 1888 года, то получимъ такіе результаты: размѣры учетной операціи остались неизмѣнными, ссудные же обороты возросли отъ 234,7 милліоновъ рублей, средней мѣсячной нормы, въ 1883 году—до 344,1 милліона, въ 1888, т.-е. увеличились на 47%. А средняя мѣсячная норма вкладовъ поднялась отъ 566,2 милліоновъ рублей, въ 1883 году—до 712,9 милл. въ 1886, т.-е. увеличилась на 22,4%. Словомъ, вся страна въ лицѣ милліоновъ частныхъ хозяйствъ не получила болѣе дешеваго и доступнаго кредита, а самыя крупныя промышленныя предпріятія получили всѣ выгоды, которыя могутъ доставить производству накапливающиеся денежные капиталы. Такимъ образомъ, конверсія становилась возможною не потому, что будто подешевѣлъ кредитъ въ Россіи, а потому, что онъ подешевѣлъ только въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ.

Интересы народнаго хозяйства, въ своей совокупности, не только не позволяли у насъ воспользоваться пониженіемъ процента въ крупныхъ центрахъ и совершить конверсію, но даже какъ бы запрещали сдѣлать эту операцію, какія бы крупныя финансовыя выгоды она ни доставила. За послѣднее десятилѣтіе интересы эти представлялись въ такомъ видѣ. Деревня, сохранившая старыя приемы хозяйства на площади, которая заселяется все болѣе густо, замѣтно бѣднѣетъ изъ года въ годъ. Мелкіе промыслы, которыми занимаются многіе милліоны горожанъ и поселянъ, падаютъ подъ напоромъ крупной промышленности и за полнымъ отсутствіемъ кредита, который могъ бы способствовать различнымъ улучшеніямъ мелкихъ промысловъ и, во

всякомъ случаѣ, облегчить имъ соперничество съ крупнымъ производствомъ. Слѣдовательно, слабѣетъ покупательная сила огромной массы русскаго народа. Пониженіе учетнаго процента въ крупныхъ торговыхъ центрахъ облегчаетъ развитіе биржевой спекуляціи и различныхъ отраслей крупнаго производства; первое вредно, какъ безсодержательная растрата экономическихъ силъ, а второе—потому возбуждаетъ серьезную боязнь, что покупательная сила русскаго народа ослабѣла и каждое расширеніе производства грозитъ переполненіемъ рынка и крушеніемъ многихъ предприятий. Итакъ, со второй половины 80-хъ годовъ, по мѣрѣ того, какъ учетный процентъ началъ замѣтно понижаться, русская экономическая политика могла получить одно изъ двухъ направленій: или воспользоваться этимъ пониженіемъ процента, оттянуть значительную часть капиталовъ изъ столицъ въ мелкіе города и деревни, доставить кредитъ тому большинству русскаго народа, которое вынуждено имѣть дѣло только съ ростовщиками, или же воспользоваться выгоднымъ положеніемъ столичнаго денежнаго рынка, чтобы закрѣпить для него низкій учетный процентъ на возможно долгое время и сдѣлать конверсію—операцию выгодную съ чисто финансовой точки зрѣнія. Первое направленіе экономической политики тотчасъ же остановило бы пониженіе учетнаго процента въ большихъ центрахъ и удешевило бы капиталы въ провинціи, т.-е. содѣйствовало бы уравниенію процента. Предположимъ, что съ половины 80-хъ годовъ сдѣланы были бы значительныя усилія для борьбы съ ростовщицкимъ кредитомъ въ такой, напр., формѣ: изъ средствъ государственнаго банка, а за нимъ изъ свободныхъ средствъ частныхъ банковъ было бы направлено для нуждъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ, городскихъ ремесленниковъ, кустарей столько, чтобы они имѣли къ своимъ услугамъ вдесятеро большій кредитъ, нежели тотъ, который открываютъ товарищества, т.-е. 250 миллионъ рублей. Для всего русскаго народнаго хозяйства это было бы еще очень немного, въ 4—5 разъ меньше на душу населенія, чѣмъ въ Германіи, но это потребовало бы отвлеченія изъ столицъ 145 миллионъ (по тому расчету, что отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, при паевомъ, вкладномъ и заемномъ капиталахъ до $14\frac{1}{2}$ миллионъ рублей, за должниками состояло въ 1889 году $25\frac{1}{2}$ миллионъ). А отвлеченіе такой сравнительно небольшой суммы изъ денежнаго запаса крупныхъ центровъ держало бы въ нихъ учетный процентъ нѣсколько выше, чѣмъ его уровень послѣднихъ лѣтъ, и внесло бы замѣтные удары ростовщицкому кредиту. Нельзя даже приблизительно исчислить благотворные результаты, которые были произведены такимъ образомъ дѣйствій. Эти результаты могутъ бы обобщены въ немногихъ словахъ: замѣтный приростъ покупате...

силы населенія. Если измѣрять этотъ приростъ даже очень малой цифрой 10 рублей на семью, то для 20 миллионѣвъ семей, которыя теперь вовсе не имѣютъ кредита, это составило бы уже 200 миллионѣвъ рублей въ годъ. Препятствіе крайнему пониженію процента имѣло бы благотѣльное вліяніе и на состояніе нашей крупной промышленности и торговли: учетный процентъ съ 6 годовыхъ, вмѣсто $4\frac{1}{2}$, уменьшаетъ прибыль (полагая даже двукратный въ теченіе года оборотъ занятаго капитала) на 3% годовыхъ. А такъ какъ вся наша промышленность, пользующаяся дешевымъ кредитомъ, защищена непроницаемой таможенной броней и даетъ прибыль въ 25, 30, даже 40 и никакъ не менѣе 20% годовыхъ, то пониженіе прибыли на 3% оставило бы предпринимателямъ еще львиную долю въ производствѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ каждое предпріятіе, имѣя передъ собою рынокъ, экономически болѣе сильный, было бы связано съ меньшимъ рискомъ потери, нежели въ настоящее время. Наконецъ, учетный процентъ не столь низкій, какъ въ послѣдніе годы, заставляя бы тщательнѣе изучать положеніе рынка, при основаніи новыхъ предпріятій, и держалъ бы биржевую спекуляцію въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ.

Второе направленіе экономической политики—введеніе этой политики въ узкое русло чисто финансовыхъ расчетовъ—неизбѣжно приводило къ конверсіямъ. Если понижается учетный процентъ, если лавочникъ, только вчера нажившій состояніе, платитъ по займамъ 5 и даже $4\frac{1}{2}$ % годовыхъ, то нѣтъ основанія платить по государственнымъ долгамъ болѣе 4% — вотъ послышка, которая лежитъ въ основаніи всей конверсионной операціи. При поверхностномъ отношеніи къ конверсіямъ, можно хвалить ихъ за то, что онѣ позволили сдѣлать ежегодно такое-то сбереженіе въ расходахъ по государственному кредиту. Глубже проникая въ смыслъ конверсій, мы даемъ имъ такую характеристику: онѣ образуютъ актъ финансоваго управленія, которымъ удостовѣряется, что пониженіе въ Россіи рыночнаго процента есть явленіе *всеобщее*, что огромная масса капиталовладѣльцевъ не можетъ отыскать для своихъ денежныхъ средствъ болѣе выгоднаго помѣщенія, какъ изъ 4% годовыхъ, что Россія насыщена капиталомъ, что крайне низкій уровень процента долженъ быть признанъ нормальнымъ. Но факты противорѣчатъ этому: они говорятъ, что 19—20% русскаго народа вопіютъ о невозможности имѣть кредитъ дешевле, чѣмъ изъ 60% годовыхъ. Объединять многочисленныя разнообразныя явленія народнаго хозяйства, рѣшать отдѣльныя задачи управленія въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ задачъ, ни на одну минуту не упускать изъ вида интересовъ всей страны изъ-за выгоды от-

дѣльныхъ вліятельныхъ кружковъ — вотъ что считается повсюду истинно государственнымъ умомъ и возвышеннымъ патріотизмомъ.

Банки государственный, дворянскій и крестьянскій служатъ главными регуляторами кратко- и долгосрочнаго кредита; въ министерствѣ же финансовъ сосредоточивается контроль надъ всѣми общественными и частными кредитными учрежденіями; департаментъ торговли и мануфактуръ вѣдаетъ торговлю и промышленность. Фабричный инспекторатъ, а за послѣдніе годы и тарифное дѣло — эта важнѣйшая сторона въ сферѣ путей сообщенія — подвѣдомственны министерству финансовъ. Вотъ почему и оказывается возможнымъ сдѣлать конверсіямъ нѣкоторый упрекъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства; оцѣнивая же конверсіи въ предѣлахъ чисто финансовыхъ расчетовъ, мы находимъ ихъ прежде всего не вполне своевременными.

Конверсіи совершились — но онѣ и должны были совершиться безъ всякаго затрудненія. На западно-европейскихъ денежныхъ рынкахъ наблюдается изобиліе капиталовъ съ начала 80-хъ годовъ. Россія пользовалась достаточнымъ кредитомъ даже въ годы крупныхъ дефицитовъ, при невыгодномъ торговомъ и расчетномъ балансѣ; этотъ кредитъ объясняется точностью, съ которою правительство исполняло свои обязательства. Съ 1887 года наступило и новое благоприятное условіе — два хорошихъ урожая, вывозъ массы хлѣба и вслѣдъ за тѣмъ выгодный для насъ торговый и расчетный балансъ. Эти обстоятельства повели къ тому, что рыночный процентъ, понизившійся на западно-европейскихъ рынкахъ, понизился и для нашихъ государственныхъ долговъ; стало возможно заключать внѣшніе займы болѣе дешево, нежели въ предъидущія десятилѣтія. И на нашемъ внутреннемъ рынкѣ были условія для выгоднаго реализованія 4%-ныхъ займовъ, а равно для того, чтобы владѣльцы 5%-ныхъ государственныхъ облигацій согласились замѣнить ихъ 4%-ными съ очень чувствительною для себя потерей. Въ Россіи владѣльцы государственныхъ процентныхъ бумагъ поставлены въ гораздо болѣеую зависимость отъ своего должника — казны, нежели гдѣ-либо въ западной Европѣ. Предпримчивость очень мало развита въ нашемъ отечествѣ; между кредиторами государства найдется немного людей, готовыхъ предпочесть пониженію процентовъ полученіе капитала и основаніе собственнаго предпріятія. Такъ какъ наши акціонеры предпріятія немногочисленны и вовсе не пользуются популярностью въ обширныхъ кругахъ населенія, то лишь очень небольшое число кредиторовъ государства склонно требовать, при конверсіи, уплаты капитала для помѣщенія оного въ капиталъ какого-либо акціонернаго общества. Главнымъ регуляторомъ кредита служитъ у н

правительство, но такъ какъ оно не сдѣлало и шагу для созданія дешеваго кредита въ средѣ ремесленниковъ и крестьянъ, то, конечно, никому и въ голову не пришло бы переимѣнить помѣщеніе своего капитала, перенести его отъ государства-должника куда-нибудь въ провинцію, гдѣ процвѣтаетъ только ростовщичій кредитъ. Нечего поэтому удивляться, что конверсія была закончена удачно, что сравнительно небольшое число лицъ отказалось отъ пониженія процента и потребовало возвращенія капитала.

Но едва-ли слѣдовало увлекаться легкою возможностью совершить конверсію. Необходимо было уяснить себѣ условія, которыя произвели переполненіе капиталами даже только нашихъ столичныхъ денежныхъ рынковъ. Вѣдь главною причиною всего успѣха послужили послѣдніе высокіе урожаи, которые позволили болѣе обезпеченнымъ слоямъ нашего народа сдѣлать сбереженія, притекавшія преимущественно въ государственный банкъ и крупныя частныя кредитныя учрежденія. Но обильные урожаи два года кряду являются обстоятельствомъ настолько исключительнымъ, что на немъ не должна была основываться какая-либо крупная финансовая реформа. Довольно того, напр., что въ предъидущее пятилѣтіе (1882—86) урожаи ни разу не достигали самъ-5 для ржи и не превышали самъ-6 для пшеницы. Было естественно поставить вопросъ о послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собой—не говорю—такой голодный годъ, какъ нынѣшній, но даже два года кряду со слабыми урожаями. Нужно было имѣть въ виду, что значительное сокращеніе вывоза хлѣба не замедлитъ подѣйствовать на нашъ курсъ; что два послѣдовательные слабые урожаи поведутъ за собой большой недоборъ въ податяхъ, вызовутъ дефициты и подорвутъ вѣру въ прочность основаній, на которыхъ построены русскіе финансы.

Нашъ денежный рынокъ испытываетъ большую зависимость отъ иностранныхъ рынковъ, производящихъ крупныя операціи съ русскими государственными процентными бумагами. Эта зависимость очень тягостна при обезцѣненіи кредитнаго рубля и притока къ намъ большой массы фондовъ. Нелишнее поэтому уяснить себѣ отношеніе иностранцевъ ко всему нашему государственному и народному хозяйству.

За послѣднія 10—15 лѣтъ это отношеніе измѣнилось не къ лучшему. Всѣмъ извѣстно, какъ неудачна была война 1877—78 года. Въ послѣднемъ же 15-лѣтію относится все болѣе возрастающее знакомство съ Россіей и наше, и иностранцевъ. Нашъ хозяйственный бытъ довольно близко изучили нѣкоторые иностранные писатели, особенно Анатолий Леруа-Болье и Мэкензи Уоллесъ. Быстро развивающаяся земская статистико-экономическая литература была популярна

зована и въ западной Европѣ, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіяхъ. Всѣ эти изысканія какъ предъ нами, такъ и предъ иностранцами развернули картину нашего внутренняго быта во всей его дѣйствительности—крайне низкій уровень техники нашего земледѣлія, ничтожные средніе урожаи, удоилвость скота по 30—40 ведеръ въ годъ, признаки серьезнаго истощенія чернозема въ воронежской, курской, полтавской, самарской и другихъ губерніяхъ, обезлѣсеніе обширныхъ площадей, непростительное пренебреженіе къ кустарнымъ промысламъ, занимающимъ много миллионовъ рабочихъ рукъ. Экстрактъ изъ всѣхъ такихъ наблюденій падъ русскою жизнью говорилъ, что мы слабѣе, нежели до послѣдняго времени считали насъ наши сосѣди.

Въ послѣдніе два года обстоятельства были, однако, такъ благоприятны, что—продлился они довольно длинный рядъ лѣтъ—можно было бы замѣтно разсвѣять невыгодное мнѣніе о нашихъ экономическихъ силахъ. Повышеніе цѣнности бумажнаго рубля имѣло не одо хозяйственное, но и нравственное значеніе: довольно высокій и устойчивый въ теченіе продолжительнаго времени вексельный курсъ помогалъ бы росту сознанія, что внутри нашего отечества безостановочно совершается созидательная работа. Именно въ такіе переходные годы, когда сама природа оказываетъ странъ большія услуги, слѣдуетъ старательно принимать всѣ мѣры, способныя упрочить возрастающее довѣріе къ нашимъ силамъ. Но было ли это сдѣлано, и могли ли оказать при этомъ добрую услугу конверсіи?..

Въ то время, когда мы заключаемъ свой очеркъ, петербургская биржа обнаруживаетъ поворотъ къ лучшему, но мы затрудняемся вѣрить въ продолжительность повышательнаго движенія. Впереди насъ могутъ ожидать еще немалыя испытанія. Нашему финансовому управленію предстоятъ большія трудности. Если новые займы будутъ 4⁰/₀-ные, можно ли быть увѣреннымъ въ ихъ реализаціи дороже, чѣмъ по 75—80 за 100? А каждый такой заемъ будетъ всегда напоминать, что совершеніе конверсій не вытекало съ необходимостью изъ дѣйствительнаго положенія нашего экономическаго быта и едва-ли ему соответствовало.

А. ИСАЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1892 г.

Программа вопросовъ, относящихся къ заповѣдности дворянскихъ имѣній. — Указъ 1714 г. о единонаслѣдіи, какъ основаніе дворянскихъ ходатайствъ по этому предмету. — Вопросы объ условіяхъ учрежденія заповѣдныхъ имѣній. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1 марта.

Почти одновременно съ постановкой на очередь реформъ, благоприятныхъ для дворянства, стали возникать проекты, направленные къ расширенію и упроченію дворянскаго землевладѣнія. Сначала эти проекты принадлежали частнымъ лицамъ (напр., гг. Баратынскому и Вл. Г., о которыхъ мы говорили въ декабрѣ 1887 г.); затѣмъ къ движенію применили цѣлыя дворянскія собранія, а теперь оно вступило на официальную почву. Учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Н. С. Абазы, особая коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о заповѣдныхъ (неотчуждаемыхъ) и недѣлимыхъ имѣніяхъ. Въ газетахъ появилась недавно программа ея занятій. Одинъ изъ пунктовъ этой программы былъ формулированъ такъ:—недѣлимость и неотчуждаемость имѣній должна ли быть установлена обязательно словомъ закона или поставлена въ зависимость отъ воли собственника? Теперь этотъ пунктъ оказывается предрѣшеннымъ: объ *обязательномъ* учрежденіи заповѣдныхъ имѣній, т. е. о признаніи заповѣдными, помимо воли владѣльца, *всѣхъ* дворянскихъ имѣній известной цѣнности или известнаго размѣра — нѣтъ больше и рѣчи. Коммиссія займется, слѣдовательно, только опредѣленіемъ условій, основаній и порядка обращенія недвижимыхъ имѣній въ заповѣдныя, когда этого желаетъ самъ владѣлецъ. Такому ограниченію задачи, воплоти согласному и съ ходатайствами дворянскихъ собраній, нельзя не порадоваться; оно устраняетъ множество совершенно законныхъ опасеній, успѣвшихъ уже найти выраженіе въ печати. Нѣтъ болѣе повода думать, что цѣлая масса имѣній сразу будетъ изгнана изъ гражданскаго оборота, сразу и безповоротно закрѣп-

лена за владѣльцами, не чувствующими никакого расположенія къ сельскому хозяйству и деревенской жизни. Хорошо уже и то, что изъ нынѣшнихъ собственниковъ никто не окажется землевладѣльцемъ à perpétuité, неразрывно связаннымъ съ посылкою или чуждою ему землею. Уменьшились, такимъ образомъ, практическія неудобства реформы—но вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности ослабили теоретическія ея основы.

Заповѣдность дворянскихъ имѣній, съ точки зрѣнія ея защитниковъ, необходима и полезна не столько для самого дворянства, сколько для государства. Она должна способствовать сохраненію среды, изъ которой преимущественно выходятъ слуги государства, сохраненію элементовъ, обеспечивающихъ устойчивость и непоколебимость правительственной системы. Логическій выводъ отсюда одинъ: учрежденіе, въ существованіи котораго прямо заинтересовано государство, должно быть прямо *предписано*, а не только разрѣшено или допущено. Въ аргументаціи нашихъ „заповѣдниковъ“ (позволимъ себѣ назвать этимъ именемъ, для краткости, приверженцевъ заповѣдности дворянскихъ имѣній) важную, первостепенную роль играетъ извѣстный указъ Петра Великаго о единоваслѣдіи (23-го марта 1714 г.). Петръ Великій полагалъ, что „раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ великой есть вредъ въ государствѣ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе“. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ создалъ неотчуждаемость и недѣлимость всѣхъ недвижимыхъ имѣній, какъ общее правило, безусловно обязательное и не допускающее никакихъ исключеній. Отчего же новѣйшіе „заповѣдники“ не слѣдуютъ всецѣло этому при-
мѣру, отчего же, провозглашая Петра „геніемъ, не имѣющимъ равнаго въ всемірной исторіи“ (слова полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Мещерскаго, одного изъ главныхъ инициаторовъ „заповѣднической“ пропаганды) и признавая безошибочность соображеній, вызвавшихъ указъ 1714 г., они предлагаютъ только робкое подражаніе ему, не идущее дальше расширенія *права* дворянъ учреждать заповѣдныя имѣнія? Вѣдь стояли же за обязательность частныя прожектеры, выступившіе застрѣльщиками новой идеи; почему же не высказываются за нее авторы предложеній, одобренныхъ дворянскими собраніями? Ключа къ этому противорѣчію мы не находимъ ни въ запискахъ и докладахъ предводителей, ни въ постановленіяхъ собраній. Одно изъ двухъ: или полу-мѣра, рекомендуемая приверженцами заповѣдности, составляетъ, въ ихъ глазахъ, тотъ первый шагъ къ желанной цѣли, т.-е. къ обязательному учрежденію заповѣдныхъ имѣній, или же обязательная заповѣдность признается даже ими чѣмъ-то абсолютно неосуществимымъ, несовмѣстнымъ

условіями современной жизни. Первое изъ этихъ предположеній находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ запискѣ макарьевскаго (нижегородской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, г. Хвоцинскаго. Одновременное обращеніе въ заповѣдныя всѣхъ дворянскихъ имѣній извѣстнаго типа г. Хвоцинскій признаетъ невозможнымъ, такъ какъ это породило бы слишкомъ много лицъ, обманутыхъ въ своихъ законныхъ ожиданіяхъ и мало подготовленныхъ къ новому порядку; но имѣніе, вновь приобретаемое—все равно, покупкою или наслѣдствомъ—должно быть, по выраженію г. Хвоцинскаго, „закрѣпощено“ за владѣльцемъ (дворяниномъ) и его потомствомъ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что это мнѣніе не нашло поддержки въ средѣ дворянства; иначе въ проектахъ, выработанныхъ дворянскими собраніями, было бы сказано хоть что-нибудь о постепенномъ введеніи обязательности, о времени, съ котораго, или объ обстоятельствахъ, при которыхъ она наступаетъ. Остается, слѣдовательно, одно второе предположеніе. Простымъ и легкимъ обязательное установленіе заповѣдности казалось только фантазерамъ, строителямъ воздушныхъ замковъ; масса дворянства отшатнулась отъ одной мысли о столь радикальной передѣлкѣ землевладѣльческаго строя. Какую же цѣну сохраняютъ, затѣмъ, ссылки на указъ о единонаслѣдіи? Не ясно ли, что *право* учреждать заповѣдныя имѣнія не можетъ быть выводимо изъ законодательной мѣры, имѣвшей цѣлью *принудительное* ихъ учрежденіе? Отказываясь отъ принципа обязательности, дворянскія собранія признали, этимъ самымъ, громадное различіе между Россіей петровской эпохи и Россіей послѣдняго десятилѣтія XIX-го вѣка.

Несостоятельность исходной точки дворянскихъ ходатайствъ сдѣлается еще болѣе очевидной, если мы присмотримся поближе къ мотивамъ указа 1714 г. Первое мѣсто между ними занимаетъ желаніе оградить *подданныхъ*, т.-е. крѣпостныхъ крестьянъ, отъ невыгодныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго дробленія поземельной собственности. „Ежели кто имѣлъ“—говоритъ императоръ.—„тысячу дворовъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиротѣ жить, но каждый ясно (хотя и не такъ), то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва ли не тожь нести, какъ тысячи несли, отчего не разоревія ли зуть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ“. Полтавскій губернскій предводитель видитъ въ этихъ словахъ „пророческое проникновеніе въ будущее“; онъ полагаетъ, что именно ничѣмъ не ограниченное дроб-

леніе населенныхъ имѣній (сдѣлавшееся возможнымъ вслѣдствіе отмѣны, въ 1730 г., указа 1714 г.) привело къ обостренію и ожесточенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ упроченію, на долгое время, крѣпостного права. При существованіи единонаслѣдія — думаетъ кн. Мещерскій — крѣпостное право неизбѣжно становилось бы все мягче и мягче и незамѣтно растаяло бы и улетучилось бы задолго до 1861 г.; не понадобилось бы тогда „хирургической операціи“ (освобожденія крестьянъ), отъ которой „обѣ стороны все еще одинаково не могутъ оправиться, *благодаря торопливости операціи*“ (!). Справедливо во всемъ этомъ только то, что у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ крѣпостнымъ людямъ *часто* жилось хуже, чѣмъ у крупныхъ; но въдѣ мелкихъ владѣльцевъ было бы не мало и при дѣйствіи указа о единонаслѣдіи, изданнаго въ то время, когда крупная поземельная собственность была у насъ развита довольно слабо. Препятствуя дробленію имѣній, законъ 1714 г. препятствовалъ бы (запрещеніемъ продажи, а слѣдовательно, и покупки) и сосредоточенію ихъ въ однихъ рукахъ. Допустимъ, однако, что преобладаніе крупнаго землевладѣнія способствовало бы смягченію крѣпостного права; слѣдуетъ ли отсюда, что оно способствовало бы его исчезновенію? Скорѣе наоборотъ. Чѣмъ меньше было бы явныхъ, грубыхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, тѣмъ вѣроятнѣе была бы его долговѣчность; чѣмъ сильнѣе и богаче были бы обладатели крѣпостныхъ людей, тѣмъ труднѣе было бы приступить къ „хирургической операціи“, безъ которой, на материкѣ Европы, нигдѣ не обошлось освобожденіе крестьянъ. „Улетучиться“, „растаять“ крѣпостное право могло бы развѣ цѣною обезземеленія крестьянъ, т.-е. цѣною новаго зла, немногимъ уступающаго прежнему. Не здѣсь ли именно и слѣдуетъ искать разгадку сожалѣній, вызываемыхъ отмѣной указа 1714 года?.. Какъ бы то ни было, *теперь* дробленіе помѣщичьихъ имѣній не угрожаетъ больше опасностями, которыя хотѣлъ предотвратить Петръ Великій. Мелкій собственникъ не можетъ, еслибы и захотѣлъ, получить съ своихъ сосѣдей-крестьянъ въ пять разъ больше, чѣмъ крупный. Арендныя цѣны, какъ и рабочая плата, регулируются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обстоятельствами, не имѣющими ничего общаго съ размѣромъ помѣщичьихъ владѣній. Эскурсія въ область давно минувшаго, принятая кн. Мещерскимъ, бросаетъ яркій свѣтъ на настроеніе „заповѣдниковъ“, все еще не примирившихся съ „торопливою операціею“, но не можетъ оказать имъ никакой существенной услуги.

„Ежели недвижимое имѣніе“ — читаемъ мы дальше въ указѣ 1714 — „будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большого всегда гостинь довольно будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ

а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорить". Къ попеченію о „подданныхъ“, т.-е. о крѣпостныхъ людяхъ, присоединяется, такимъ образомъ, забота объ интересахъ государственной казны. При крѣпостномъ правѣ успѣшность поступленія подушной подати безспорно могла зависѣть отъ степени благосостоянія помѣщика, а послѣдняя—отъ числа принадлежащихъ ему крестьянъ; но какое отношеніе можно усмотрѣть въ настоящее время между „справностью“ государственныхъ доходовъ и размѣромъ помѣщичьихъ владѣній? Имѣнія небольшія даютъ теперь, вообще говоря, сравнительно больше дохода, чѣмъ имѣнія крупныя, и сравнительно легче выносятъ податное бремя. Невелика и легко истощима только платежная сила *самыхъ мелкихъ* владѣльцевъ; но это можетъ служить аргументомъ только въ пользу установленія мелкихъ недѣлимыхъ участковъ, а отнюдь не заповѣдныхъ имѣній, какъ ихъ понимаютъ дворянскія ходатайства. Еще яснѣе непримѣнимость петровскаго указа къ обстоятельствамъ нашего времени вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ его: „*прочіе* (т.-е. сыновья, устраненные отъ наслѣдства) не будутъ праздно, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оныя сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть“. Единонаслѣдіе являлось, въ глазахъ Петра, могучимъ средствомъ къ достиженію его главной цѣли—къ увеличенію суммы производительнаго труда, къ увеличенію числа людей, служащихъ, прямо или косвенно, государству и народу. Великому государю нужно было сломить закоснѣлую лѣнь и неподвижность помѣщичьяго класса, вырвать его изъ деревенской глуши, привлечь къ участію въ преобразовательной работѣ. Одной изъ главныхъ основъ патріархальнаго быта, всасывавшаго въ себя, какъ болото, дворянскую молодежь и побуждавшаго ее тяготиться призывомъ къ дѣятельности, было владѣніе крѣпостными людьми. Приурочить это владѣніе къ сравнительно немногимъ лицамъ—значило отнять у другихъ готовые средства къ праздной жизни и заставить ихъ, волей-неволей, вспомнить старинное изреченіе: „не трудившійся да не ястъ“. Нужно ли доказывать, что теперь ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи? Желающихъ служить у насъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало; къ „ученью“, къ „торгамъ“, ко всему „прочему“ не нужно больше понуждать и по-нуждать. Исчезъ, безповоротно и безслѣдно, тотъ общественный строй, съ которымъ имѣлъ дѣло Петръ Великій; исчезли привычки и взгляды, искоренить которые онъ хотѣлъ, между прочимъ, указомъ о единонаслѣдіи. Кто старается основать на этомъ указѣ новую организацію заповѣдныхъ имѣній, тотъ обманываетъ самъ себя или прикрываетъ великимъ именемъ и широкой идеей узкую тенденцію и маленькое дѣло.

Защищать заповѣдность дворянскихъ имѣній съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлять ее на усмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица—это столь явное противорѣчіе, что совершенно естественнымъ, даже неизбѣжнымъ является стремленіе найти изъ него какой-нибудь выходъ. Попытку въ этомъ смыслѣ дѣлаетъ г. Хвощинскій, въ запискѣ, о которой мы уже упоминали. Онъ разсуждаетъ такъ: если владѣльцамъ заповѣдныхъ имѣній не будетъ предоставлено правъ и привилегій, могущихъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ обращенію имѣнія въ заповѣдное, то заповѣдныхъ имѣній будетъ мало, и участь ихъ владѣльцевъ будетъ печальная. Они явятся единицами, не составляющими ничего корпоративнаго; матеріальное ихъ положеніе будетъ хуже, чѣмъ положеніе другихъ владѣльцевъ, шире пользующихся правомъ собственности и кредитомъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, г. Хвощинскій проектируетъ для владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній длинный, очень длинный рядъ правъ и привилегій, изъ которыхъ мы назовемъ только главныя. Каждый владѣлецъ заповѣднаго имѣнія долженъ быть *безъ выбора* гласнымъ уѣзднаго земскаго собранія. Половина губернскихъ гласныхъ отъ каждаго уѣзда *должна* состоять изъ владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній, по взаимному ихъ выбору. Предсѣдатели земскихъ управъ избираются изъ числа владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній. Изъ нихъ же, а также изъ младшихъ ихъ братьевъ и сыновей, назначаются земскіе начальники (подъ условіемъ окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи). Всякій владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, имѣющій 25 лѣтъ, окончившій курсъ средняго учебнаго заведенія и прожившій не менѣе года въ уѣздѣ, долженъ быть *безъ выбора* почетнымъ мировымъ судьей. Дѣти владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній и ихъ младшихъ братьевъ имѣютъ право воспитываться на казенный счетъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ вычетомъ впослѣдствіи изъ ихъ жалованья суммы, истраченной на ихъ воспитаніе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ мало дворянъ, послѣдніе могутъ покупать, при содѣйствіи дворянскаго банка, участки казенной земли, для обращенія въ заповѣдныя имѣнія. Авторъ записки говоритъ еще о какомъ-то *кругѣ общегосударственныхъ обязанностей*, который долженъ быть выработанъ для владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній. Изъ того, что этотъ таинственный *кругъ* стоитъ на первомъ мѣстѣ въ перечнѣ *правъ и привилегій*, слѣдуетъ заключить, что подъ именемъ общегосударственныхъ обязанностей разумѣются здѣсь, въ сущности, общегосударственныя преимущества—напримѣръ, исключительное или пріоритетное право на занятіе извѣстныхъ должностей по губернскому и центральному управленію. Цѣна, требуемая отъ государствъ за обращеніе имѣнія въ заповѣдное, представляется такимъ образо-

чрезвычайно высокой—но вѣдь высоко, съ точки зрѣнія г. Хвощинскаго, и благо, приобретаемое этою цѣною. Что бы мы ни думали о проектѣ макарьевскаго предводителя, въ непоследовательности мы его упрекнуть никакъ не можемъ. Наоборотъ, онъ гораздо логичнѣе тѣхъ, которые, признавая наравнѣ съ г. Хвощинскимъ *юсударственную* важность заповѣдности, ограничиваются *разрѣшеніемъ* учреждать заповѣдныя имѣнія, безъ всякихъ искусственныхъ къ тому приманокъ. Мы вполне убѣждены, что еслибы такое разрѣшеніе состоялось, за нимъ весьма скоро потянулись бы, длинной вереницей, ходатайства о „правахъ и привилегіяхъ“ для владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній. Просили бы объ этомъ сами владѣльцы, ссылаясь на невыгодность своего „матеріальнаго положенія“ и на необходимость чѣмъ-нибудь ее уравновѣсить; просили бы о томъ же и дворянскія собранія, указывая на слишкомъ медленное увеличеніе числа заповѣдныхъ имѣній. Привилегіи — это своего рода лавина, растущая по мѣрѣ движенія. Каждая привилегія всегда чревата другими; неудовлетворенныя ожиданія порождаютъ новыя домогательства, исполненіе которыхъ въ свою очередь возбуждаетъ новыя аппетиты. Сдѣлавъ первый шагъ по наклонной плоскости, очень трудно удержаться отъ дальнѣйшихъ. Къ занимающему насъ вопросу эти общія соображенія примѣнимы больше, чѣмъ къ какому бы то ни было другому, именно въ виду разлада между посылкой (*необходимости* заповѣдности для *юсударства*) и заключеніемъ (*свобода* учрежденія или неучрежденія заповѣдныхъ имѣній).

Предложеніе полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, одобренное полтавскимъ дворянскимъ собраніемъ, послужило поводомъ къ возбужденію того же вопроса въ другихъ дворянскихъ губерніяхъ. Только тринадцать дворянскихъ собраній (уфимское, таврическое, екатеринославское, калужское, псковское, нижегородское, харьковское, херсонское, казанское, пензенское, с.-петербургское, симбирское и владимірское) присоединились, однако, къ полтавскому ходатайству. Какъ объяснить молчаніе остальныхъ—тѣмъ ли, что они вовсе не входили въ обсужденіе вопроса о заповѣдныхъ имѣніяхъ, или тѣмъ, что они разрѣшили его отрицательно — это намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что курское дворянство, два раза (въ 1887 и 1888 г.) одоблившее, въ принципѣ, мысль о широкомъ развитіи заповѣдныхъ имѣній и поручившее одному изъ уѣздныхъ предводителей дворянства—суджанскому, С. И. Жекулину—составить проектъ ходатайства по этому предмету, въ концѣ концовъ пришло къ противоположному заключенію. Рассмотрѣвъ, въ очередномъ собраніи 1890 г., записку С. И. Жекулина, оно постановило признать учрежденіе заповѣдныхъ имѣній и единонаслѣдія *крайне нежелательнымъ*. Весьма можетъ

быть, что точно такъ же относятся къ вопросу и многія другія дворянскія собранія. Невозбужденіе ходатайства, вошедшаго въ моду, почти равносильно его отклоненію. И въ тѣхъ губерніяхъ, впрочемъ, гдѣ ходатайство возбуждено, за него не всегда высказывались всѣ члены собранія ¹⁾. Полтавскимъ собраніемъ предложенія, направленные къ увеличенію числа заповѣдныхъ имѣній, приняты единогласно; но въ херсонскомъ собраніи они одобрены большинствомъ 72 голосовъ противъ 27, въ пензенскомъ—большинствомъ 184 противъ 26.

Перейдемъ теперь къ подробностямъ ходатайствъ, возбужденныхъ дворянскими собраніями. Типичнымъ между ними представляется полтавское, послужившее, въ болѣе или меньшей степени, образцомъ для всѣхъ остальныхъ. Полтавское дворянство желаетъ, чтобы каждому дворянину предоставлено было право завѣщать заповѣдное имѣніе, на условіи неотчуждаемости ни путемъ продажи, ни путемъ залога, одному изъ сыновей, по собственному выбору и усмотрѣнію (или одной изъ дочерей, въ случаѣ неимѣнія сыновей), въ размѣрѣ не менѣе 400 десятинъ, съ усадьбою. На этомъ же основаніи можетъ распорядиться заповѣднымъ имѣніемъ и тотъ, кто получилъ его по наслѣдству. Если владѣлецъ заповѣднаго имѣнія умретъ безъ завѣщанія, оно переходитъ къ старшему его сыну или, при отсутствіи сыновей, къ старшей дочери, а при бездѣтности владѣльца—къ ближайшему законному наслѣднику, оставаясь во всякомъ случаѣ заповѣднымъ. Заповѣдность и неотчуждаемость имѣнія не прекращается и тогда, когда, вслѣдствіе обращенныхъ на доходы съ имѣнія взысканій, оно берется въ опеку. Къ этимъ главнымъ началамъ почти всѣ дворянскія собранія, высказавшіяся за развитіе заповѣдности, присоединились или безусловно, или съ незначительными отступленіями, касающимися, болѣею частью, наименьшей величины заповѣднаго имѣнія. Таврическое дворянство затрудняется опредѣлить ее, за недостаткомъ данныхъ; калужское дворянство низводитъ ее до 200 десятинъ, владимірское и херсонское—повышаютъ до 500, екатеринославское—до 600 десятинъ; псковское дворянство проектируетъ различіе низшихъ нормъ по уѣздамъ, отъ 250 до 700 десятинъ; казанское дворянство выражается неопредѣленно, говоря объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній въ наименьшихъ (меньшихъ ?) размѣрахъ, чѣмъ нынѣ установлено; дворянство уфимское и с.-петербургское находятъ, что установленіе нормы должно зависѣть ^{раз-}рѣшено отъ дворянскаго собранія, а симбирское дворянство счита

¹⁾ Замѣтимъ, что ходатайства о заповѣдности возбуждены въ губерніяхъ пензенской, уфимской, екатеринославской и калужской собраніями чрезвычайными, и щаемыми вообще гораздо слабѣе, чѣмъ очередины.

вѣднаго имѣнія. Существенно уклоняется отъ полтавскихъ основныхъ положеній только одно пензенское дворянство, проектирующее двѣ категоріи заповѣдныхъ участковъ: одну—для имуществъ болѣе крупныхъ, другую—для имуществъ мелкихъ. Минимальной нормой для первыхъ долженъ служить поземельный цензъ, дающій право на личное участіе въ дворянскихъ и земскихъ выборахъ (въ пензенской губерніи онъ составляетъ, смотря по уѣздамъ, отъ 175 до 250 десятинъ), для вторыхъ—поземельный цензъ, дающій право на участіе въ выборѣ уполномоченныхъ (отъ 17½ до 25 десятинъ); максимальная норма, въ обоихъ случаяхъ, должна быть втрое больше минимальной. Другія важныя особенности пензенскаго проекта заключаются въ слѣдующемъ: 1) заповѣдное имѣніе можетъ быть продано за долгъ дворянскому банку, если недоимка не будетъ покрыта въ теченіе двухлѣтнаго нахожденія имѣнія въ администраціи банка; 2) заповѣдность имѣнія обязательна только для самого учредителя и его непосредственнаго преемника; слѣдующій затѣмъ владѣлецъ, провладѣвъ имѣніемъ, по достиженіи совершеннолѣтія, не менѣе десяти лѣтъ, можетъ отиѣнить его заповѣдность; если онъ этого не сдѣлаетъ, то имѣніе считается какъ бы вновь обращеннымъ въ заповѣдное, и право отказаться отъ заповѣдности возникаетъ опять лишь послѣ двухъ новыхъ переходовъ имѣнія въ другія руки.

По мысли дворянскихъ собраній, учредителемъ заповѣднаго имѣнія можетъ быть каждый дворянинъ. Коммиссія Н. С. Абазы ставитъ по этому поводу слѣдующіе вопросы: 1) право учреждать заповѣдныя имѣнія можетъ ли быть предоставлено только потомственнымъ дворянамъ, или также личнымъ? 2) въ послѣднемъ случаѣ не слѣдуетъ ли установить какія-либо особыя условія (напр., преемственность владѣнія), или никакихъ? 3) какимъ условіямъ относительно вѣроисповѣданія и національности долженъ удовлетворять владѣлецъ имѣнія, обращаемого въ заповѣдное?—Нельзя сказать, чтобы справедливое разрѣшеніе этихъ вопросовъ представлялось дѣломъ особенно легкимъ. Становясь на спеціально-дворянскую точку зрѣнія, слѣдовало бы, повидимому, признать право учреждать заповѣдныя имѣнія привилегіей одного потомственнаго дворянства. Дѣти личныхъ дворянъ, сами не выслужившія себѣ дворянскихъ правъ, не принадлежатъ къ дворянскому сословію; заповѣдныя имѣнія, учрежденные личными дворянами, могутъ, слѣдовательно, уже во второмъ поколѣніи или въ одномъ изъ дальнѣйшихъ оказаться собственностью не-дворянъ, нарушая, такимъ образомъ, желанную симметрію и увеличивая собою, вопреки основному требованію системы, массу, если можно такъ выразиться, консолидированнаго не-дворянскаго земледѣнія. Условіе „преемственнаго владѣнія“ ничего, съ этой точки

зрѣнія, не измѣнило бы: какъ бы длиненъ ни былъ рядъ предшественниковъ, сословныя права учредителя заповѣднаго имѣнія и его наслѣдниковъ остаются тѣ же. Исключить личныхъ дворянъ изъ числа владѣльцевъ, могущихъ учреждать заповѣдныя имѣнія, значило бы, съ другой стороны, пойти въ разрѣзъ съ закономъ, поставившимъ личныхъ дворянъ, въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, на одинъ уровень съ дворянами потомственными. Это уравненіе свидѣлствуетъ о томъ, что личные дворяне входятъ въ составъ тѣхъ землевладѣльческихъ элементовъ, поддержка которыхъ признается задачей современной законодательной политики. Къ такимъ же противорѣчіямъ ведетъ и перенесеніе вопроса на почву вѣроисповѣданія и національности. Не трудно предвидѣть, какія здѣсь возникнутъ ограниченія и оговорки. Принадлежность къ дворянству, какъ основаніе права учреждать заповѣдныя имѣнія, окажется, вѣроятно, недостаточною; къ ней будутъ присоединены другія условія, совершенно иного свойства. Въ среду дворянства, вмѣсто предполагаемаго единенія, внесена будетъ рознь; рядомъ съ дворянами полноправными явятся дворяне неполноправные и, въ послѣднюю категорію будутъ отнесены именно тѣ, для которыхъ, въ силу традиціонныхъ взглядовъ, идея заповѣдности гораздо симпатичнѣе и дорожее, чѣмъ для коренныхъ русскихъ. Еслибы заповѣдность проектировалась *обязательная*, приуроченіе ея къ одной національности и одной вѣрѣ было бы, пожалуй, нѣсколько болѣе понятно и нѣсколько менѣе обидно, потому что источникомъ ея и побудительною причиною являлись бы непосредственно и прямо интересы государственныя. Другое дѣло, если она будетъ провозглашена какъ *привилегія*, какъ *право*; тогда ограниченіе ея сферы дѣйствій будетъ почувствовано какъ лишеніе и какъ несправедливость. Выходъ изъ всѣхъ этихъ перепутывающихся и перекрещивающихся мотивовъ можетъ быть только одинъ: устраненіе сословной стороны вопроса, или, другими словами, замѣна вопроса о заповѣдныхъ имѣніяхъ вопросомъ о мелкихъ недѣлимыхъ участкахъ. Запрещеніе дробить поземельную собственность дальше извѣстной, *низкой* нормы—запрещеніе, аналогичное съ американскимъ Homestead exemption law,—вызывается такими соображеніями, которыя одинаково примѣнимы ко всѣмъ классамъ общества. Не создавая никакихъ привилегій, не усиливая одной группы или категоріи лицъ, никому ничѣмъ не угрожая, оно имѣетъ цѣлью единственно предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ такъ-называемою пульверизаціей земли, съ расщепленіемъ ея на ничтожныя, непроизводительныя кусочки, безсильныя обезпечить или хотя бы поддержать даже самое скромное хозяйство. Разъ что идетъ рѣчь о мелкомъ недѣлимомъ участкѣ, вопросъ о н

ціональности, религій и общественномъ положеніи владѣльца падаетъ самъ собою; въ примѣненіи къ заповѣднымъ имѣніямъ онъ является въ высшей степени сложнымъ и едва-ли разрѣшимымъ безъ нарушенія чьихъ-либо законныхъ правъ и интересовъ.

Заповѣдныя имѣнія, проектируемыя дворянскими собраніями, отличаются отъ заповѣдныхъ имѣній, учреждаемыхъ на основаніи существующаго закона (т. X, ч. 1, ст. 467 и слѣд.), между прочимъ, тѣмъ, что они не должны быть обязательно *маіоратами*. Какъ учредитель заповѣднаго имѣнія, такъ и всякій дальнѣйшій его владѣлецъ можетъ—по смыслу дворянскихъ ходатайствъ—завѣщать его любому изъ своихъ сыновей или (за отсутствіемъ сыновей) любой дочери. Въ этомъ способѣ организаціи заповѣдныхъ имѣній, заимствуемомъ изъ петровскаго указа 1714 г., составители дворянскихъ проектовъ усматриваютъ, очевидно, большое преимущество передъ дѣйствующимъ порядкомъ. Маіораты—думаютъ они—учрежденіе западно-европейское, а единонаслѣдіе безъ маіората—учрежденіе самобытное, русское, т.-е. какъ-разъ подходящее къ нынѣшнему времени. Нисколько не сочувствуя маіорату или какому бы то ни было заранѣе предопредѣленному способу перехода заповѣднаго имѣнія, мы думаемъ, что порядокъ, излюбленный дворянскими собраніями, не имѣетъ никакого преимущества передъ обычными формами единонаслѣдія; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ имъ даже рѣшительно уступаетъ. Когда порядокъ наслѣдства въ заповѣдномъ имѣніи установленъ, разъ навсегда, закономъ, это упрощаетъ и облегчаетъ (не матеріально, а нравственно) какъ положеніе самого владѣльца, такъ и положеніе дѣтей его. Владѣлецъ избавленъ отъ выбора, всегда тяжелаго, иногда мучительнаго; онъ не обязанъ самъ отдать предпочтеніе одному сыну или одной дочери передъ другими—за него рѣшаетъ посторонняя, чуждая ему воля. Братья или сестры, устраниваемые отъ наслѣдства, не могутъ претендовать ни на отца, такъ какъ это устраненіе не отъ него зависитъ, ни на болѣе счастливаго брата или сестру, такъ какъ они призываются къ наслѣдованію словомъ закона. Не остается мѣста ни для происковъ или упрашиваній, имѣющихъ цѣлью склонить отца въ пользу одного изъ дѣтей, ни для подозрѣній, что такіе происки были пущены въ ходъ и повліяли на отцовское рѣшеніе. Единонаслѣдіе въ томъ видѣ, въ какомъ его проектируютъ дворянскія собранія—это неизбѣжный источникъ семейныхъ раздоровъ, именно потому, что оно представляетъ отцу выборъ наслѣдника заповѣднаго имѣнія. Конечно, отецъ можетъ не оставить завѣщанія—но вѣдь такое бездѣйствіе будетъ съ его стороны равносильнымъ дѣйствію, потому что вопросъ рѣшается этимъ самымъ въ пользу старшаго изъ дѣтей. Братья избранника будутъ

смотреть на него, сплошь и рядомъ, какъ на интригана, какъ на беззащитнаго игрока, съумѣвшаго—по выраженію лессинговскаго француза—*corriger la fortune*. Весьма вѣроятно, что въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ единонаслѣдіе по выбору отца уступить мѣсто единонаслѣдію по указанію закона; но это будетъ только переходомъ отъ дождя да въ воду. Слабыя стороны маіоратной системы слишкомъ хорошо извѣстны; онѣ чувствуются и дворянскими собраніями, единогласно отвергающими нынѣшній порядокъ наслѣдованія въ заповѣдныхъ имѣніяхъ. Особенно нежелательными маіораты должны быть признаны съ такъ-называемой государственной точки зрѣнія, которой стараются держаться дворянскія ходатайства. Если единонаслѣдіе—средство создать многочисленную группу помѣщико-хозяевъ и мѣстныхъ дѣятелей, то владѣльцы заповѣдныхъ имѣній должны обладать способностью или, по крайней мѣрѣ, *охотой* хозяйничать и служить въ деревнѣ—а наименьшей гарантіей такой охоты представляется именно переходъ заповѣдныхъ имѣній по праву старшинства или первородства.

Существенно-важное значеніе имѣетъ вопросъ о размѣрѣ заповѣдныхъ имѣній, какъ минимальномъ, такъ и максимальномъ. Весьма характеристично то обстоятельство, что изъ всѣхъ дворянскихъ ходатайствъ только одно—пензенское—признаетъ необходимость максимальной нормы и опредѣляетъ ее, притомъ, цифрой сравнительно невысокой (750 десятинъ). Всѣ остальные дворянскія собранія, высказавшіяся за заповѣдность, умалчиваютъ о высшемъ предѣлѣ заповѣднаго имѣнія или даже прямо отвергаютъ его необходимость, если о ней кѣмъ-либо было заявлено. Такъ, напримѣръ, симбирскому дворянскому собранію докладъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ былъ представленъ карсунскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, г. Родіоновымъ, предлагавшимъ, между прочимъ, установить для заповѣдныхъ имѣній высшую норму въ 1.000 десятинъ. Это ограниченіе было отклонено собраніемъ, принявшимъ всѣ остальные предложенія г. Родіонова. Коммиссія Н. С. Абазы склоняется, повидимому, въ пользу установленія нормъ, какъ минимальной, такъ и максимальной. Относящійся сюда вопросъ редактированъ такъ: „Не слѣдуетъ ли установить низшій размѣръ недѣлимыхъ имѣній, приурочивъ его къ земельному цензу, опредѣленному для участія въ дворянскихъ и земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, или же установить его на какихъ-либо иныхъ основаніяхъ, напр. на извѣстномъ доходѣ, могущемъ обезпечить безбѣдное существованіе дворянскій семьи, а высшій размѣръ поставить въ опредѣленное пяти- или десятикратное, или иное отношеніе къ низшему?“ Намъ кажется, что низшая норма проектирована здѣсь слишкомъ высокая. Цензъ для

непосредственнаго участія въ земскомъ и дворянскомъ избирательномъ собраніи нигдѣ, на основаніи новаго земскаго положенія, не опускается ниже 125 десятинъ, а въ большинствѣ уѣздовъ составляетъ 200 десятинъ и болѣе, до 550; между тѣмъ въ средѣ дворянства—какъ видно изъ пензенскаго ходатайства—есть желаніе учредить мелкія заповѣдныя имѣнія, въ размѣрѣ до 20 десятинъ и даже меньше. Почему бы и не исполнить это желаніе, разъ что вообще признается нужнымъ способствовать распространенію заповѣдныхъ имѣній? Вѣдь чѣмъ имѣніе меньше, тѣмъ больше неудобствъ представляетъ его дробленіе. Устанавливать двѣ категоріи заповѣдныхъ имѣній, какъ о томъ ходатайствуетъ пензенское дворянство, нѣтъ никакой причины; гораздо проще прямо уменьшить низшую норму заповѣднаго имѣнія до размѣровъ ценза, требуемаго для участія въ выборѣ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ ($12\frac{1}{2}$ —55 дес.), или вовсе не устанавливать низшей нормы. Безусловно необходима, зато, максимальная норма, и притомъ невысокая, напр. въ родѣ той, которую проектируетъ пензенское дворянство. Всѣ недостатки, свойственные заповѣдности, растутъ въ прямой пропорціи къ размѣру заповѣдныхъ имѣній. Маленькое заповѣдное имѣніе не можетъ быть предметомъ такихъ интригъ и домогательствъ, какъ большія. Въ маленькомъ заповѣдномъ имѣніи легче быть хозяиномъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ; оно больше приближается къ американскому типу недѣлимаго участка. Чѣмъ ограниченнѣе размѣры заповѣдныхъ имѣній, тѣмъ больше запасъ земли, остающейся въ оборотѣ, тѣмъ меньше разница между владѣльцами заповѣдныхъ имѣній и остальными поземельными собственниками. Съ этой точки зрѣнія максимальная норма, намѣченная комиссіею Н. С. Абазы (десятикратный цензъ, т.-е. отъ 1.250 до 5.500 десятинъ), представляется чрезвычайно высокою.

Заповѣдность имѣнія весьма легко можетъ сдѣлаться невыгодной и обременительной для самого владѣльца (напримѣръ, при отсутствіи какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его дѣтяхъ всякаго расположенія къ деревенской жизни и къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, при тяжелыхъ воспоминаніяхъ, сопряженныхъ съ имѣніемъ, при непріязненныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и т. п.) — а владѣлецъ, тяготящійся имѣніемъ и удерживающій его за собою только по неволѣ, является въ свою очередь плохимъ орудіемъ для достиженія тѣхъ общихъ цѣлей, въ виду которыхъ поощряется заповѣдность. На вопросъ комиссіи: „можетъ ли недѣлимость имѣнія (съ которою связана неотчуждаемость) устанавливаться навсегда, либо на извѣстный срокъ, или лишь на нѣсколько переходовъ имѣнія по наслѣдству“ — слѣдуетъ, поэтому, дать отвѣтъ, наиболѣе облегчающій упраздненіе

заповѣдности. Довольно практичнымъ, хотя и недостаточно рѣшительнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, проектъ пензенскаго дворянства, по которому заповѣдность сохраняетъ безусловную силу только для двухъ поколѣній. Не можетъ быть, по нашему мнѣнію, двухъ различныхъ отвѣтовъ и на вопросъ о значеніи задолженности имѣнія, при обращеніи или послѣ обращенія его въ заповѣдное. Права, предоставляемыя одному, ни въ какомъ случаѣ не должны идти въ разрѣзъ съ правами, принадлежащими другому. Если обращеніе имѣнія въ заповѣдное затрудняетъ или дѣлаетъ невозможнымъ взысканіе лежащаго на немъ долга, то оно, очевидно, не можетъ быть допущено безъ согласія кредитора. Столь же несомѣнно и то, что лежащій на заповѣдномъ имѣніи долгъ дворянскому банку или обществу взаимнаго поземельнаго кредита (предполагая, что наличность такого долга не будетъ считаться препятствіемъ къ обращенію имѣнія въ заповѣдное) не можетъ быть сдѣланъ безсрочнымъ или погашаемымъ *ad libitum*, неизмѣримо малыми взносами. Порядокъ, проектируемый пензенскимъ дворянствомъ — взятіе заповѣднаго имѣнія, при неисправности должника, въ администрацію банка и затѣмъ, если въ теченіе двухъ лѣтъ не будетъ покрыта недоимка, назначеніе его въ публичную продажу — представляетъ собою, какъ намъ кажется, шахматъ льготъ, которыя, безъ явнаго нарушенія справедливости и государственныхъ интересовъ, могутъ быть даны владѣльцамъ заповѣдныхъ имѣній. Администрація или опека имѣетъ смыслъ только подъ условіемъ краткосрочности. Владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, настолько запутавшій его дѣла, что они не могутъ быть улажены въ теченіе двухъ лѣтъ, лишенъ, очевидно, тѣхъ качествъ, *предполагаемое* существованіе которыхъ служитъ источникомъ и основаніемъ привилегіи. Чѣмъ продолжительнѣе опека, тѣмъ больше падаетъ авторитетъ владѣльца, тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы онъ — и даже его преемникъ, наследующій истощенное и разоренное имѣніе — могъ явиться полезнымъ *мѣстнымъ* дѣятелемъ. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что абсолютное воспрещеніе принудительной продажи заповѣдныхъ имѣній послужитъ, во многихъ случаяхъ, прямымъ поощреніемъ легкомыслія и беззаботности, къ которымъ уже и безъ того слишкомъ расположенъ русскій помѣщикъ.

Два пункта программы, составленной комиссіею Н. С. Абазгъ относятся къ обязанности учредителя заповѣднаго имѣнія и еі преемниковъ обезпечить членовъ семьи, устранимыхъ отъ наследованія. Въ полтавскомъ ходатайствѣ и другихъ, составляющихъ прстой съ него сколокъ, объ этомъ вопросѣ, несмотря на всю его важность, ничего не говорится; онъ затронутъ, сколько намъ извѣсте

только въ запискахъ уѣздныхъ предводителей макарьевского и карсунскаго, гг. Хвощинскаго и Родіонова. Первый возлагаетъ на владѣльца заповѣднаго имѣнія обязанность заботиться о сестрахъ—до замужства, о братьяхъ—до окончанія образованія и еще въ продолженіе двухъ лѣтъ, если ими раньше не будетъ прискано мѣста или занятій; послѣдній ограничиваетъ эту обязанность по отношенію къ сестрамъ—выходомъ въ замужство или достиженіемъ совершеннолѣтія, по отношенію къ братьямъ — достиженіемъ двадцатитрехлѣтняго возраста. По мнѣнію г. Родіонова, на образованіе и воспитаніе братьевъ и сестеръ владѣлецъ заповѣднаго имѣнія долженъ тратить не менѣе половины чистаго дохода съ имѣнія, представляя въ томъ отчетъ дворянской опеки; при неисполненіи этого условія, опека можетъ устранить владѣльца отъ управленія имѣніемъ и отдать его, на время малолѣтства братьевъ или сестеръ владѣльца, въ завѣдываніе опекуна. Съ точки зрѣнія справедливости, противъ этихъ предложеній ничего сказать нельзя; разъ что члену семьи дается преимущество передъ всѣми другими, онъ долженъ нести и соотвѣтствующую обязанность; а разъ что существуетъ обязанность, должны существовать и гарантіи ея исполненія. Весь вопросъ въ томъ, выдержать ли владѣлецъ заповѣднаго имѣнія возлагаемое на него бремя, если имѣніе невелико, а малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ много?.. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на выручку его должна будетъ, сплошь и рядомъ, являться казна, которой г. Хвощинскій, съ похвальной предусмотрительностью, и предоставляетъ заботу о воспитаніи чадъ и домочадцевъ владѣльца заповѣднаго имѣнія. Эта необходимость пожертвованій со стороны государства доказываетъ какъ нельзя лучше, что русской почвѣ несвойственно учрежденіе заповѣдныхъ имѣній. Другое дѣло—мелкіе недѣлимые участки, самая незначительность которыхъ устраняетъ всякую мысль объ особыхъ обязательствахъ, а слѣдовательно, и объ особыхъ привилегіяхъ владѣльца.

Подробное обсужденіе дворянскихъ ходатайствъ приводитъ насъ, въ концѣ концовъ, къ тому же заключенію, какъ и разборъ основной ихъ мысли. Для покрытія всей Россіи дворянскими заповѣдными имѣніями мы не видимъ ни основаній, ни благоприятныхъ условий. Дробленіе имѣній, пока оно не идетъ дальше извѣстной черты, не представляетъ ничего вреднаго для общества или государства; чтобы удержать его въ этихъ границахъ, достаточно установить нѣчто въ родѣ американскихъ недѣлимыхъ участковъ, только съ болѣе низкой предѣльной нормой, соотвѣтствующей потребностямъ средняго крестьянскаго семейства. Какъ плотина противъ оскуднѣнія дворянскаго землевладѣнія, учрежденіе заповѣдныхъ имѣній, разъ что оно не

будетъ обязательнымъ, едва ли достигнетъ цѣли. Число такихъ имѣній едва-ли будетъ велико, развѣ если заповѣдность будетъ поощряема искусственно, путемъ привилегій, несправедливыхъ, вредныхъ и могущихъ возстановить не только остальные сословія противъ дворянства, но и одну часть дворянства противъ другой. „Съ какими злыми чувствами,—спрашиваетъ полтавскій губернскій предводитель дворянства,—будутъ относиться къ существующему общественному государственному строю обезземеленные и обездоленные (вслѣдствіе отсутствія заповѣдныхъ имѣній) дѣти нынѣшнихъ отцовъ?“ Гораздо правильнѣе было бы поставить тотъ же вопросъ по отношенію къ дѣтямъ, которыхъ „обезземелить и обездолить“ законъ о заповѣдности имѣній. Въ первомъ случаѣ дѣти могутъ упрекать развѣ отцовъ, продавшихъ землю и не сохранившихъ ея эквивалента; въ послѣднемъ случаѣ ихъ упреки могутъ быть направлены именно противъ государственнаго и общественнаго строя, въ интересахъ котораго (конечно, мнимыхъ) произошло обезземеленіе однихъ и сосредоточеніе земли въ рукахъ другихъ.

Закончимъ маленькой справкой, не лишенной интереса. Ровно семь лѣтъ тому назадъ, говоря о пожеланіяхъ, заявленныхъ дворянствомъ и отъ имени дворянства по поводу наступленія столѣтней годовщины со времени обнародованія дворянской грамоты, мы сводили ихъ къ слѣдующимъ одиннадцати пунктамъ: 1) предоставленіе дворянству господствующаго положенія въ земскихъ собраніяхъ; 2) предоставленіе дворянамъ исключительнаго или, по крайней мѣрѣ, преимущественнаго права на занятіе извѣстныхъ должностей въ мѣстномъ и центральномъ управленіи; 3) освобожденіе дворянъ отъ обязательной воинской повинности; 4) „избавленіе“ дворянъ отъ суда присяжныхъ и признаніе ихъ подсудными коронному суду, съ участіемъ дворянскихъ представителей; 5) устройство для помѣщиковъ дешеваго краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита; 6) устройство для дворянскихъ дѣтей особыхъ при гимназіяхъ пансіоновъ; 7) принятіе въ кадетскіе корпуса исключительно однихъ дворянскихъ дѣтей; 8) предоставленіе дворянству бѣльшей свободы въ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній; 9) учрежденіе, въ средѣ дворянскихъ корпорацій, суда чести для разбора поступковъ, „предосудительныхъ для благороднаго человѣка“, съ правомъ исключить виновнаго изъ родословной книги; 10) отиѣна порядка, въ силу котораго права дворянства приобрѣтаются извѣстнымъ орденомъ или чиномъ, или, по крайней мѣрѣ, приуроченіе дворянства къ чинамъ и орденамъ сравнительно вышнимъ и 11) разрѣшеніе дворянскимъ корпораціямъ ходатайствовать о пожалованіи дворянства „лучшимъ людямъ изъ другихъ сословій или „людямъ, оказавшимъ выдающіяся заслуги“. Изъ числа эти

одиннадцать пунктовъ три, и притомъ самые существенные—первый, второй и пятый—уже осуществлены; восьмой, повидимому, близится къ осуществленію; желанія, аналогичныя съ пунктами шестымъ, десятымъ и одиннадцатымъ, выражаются и до сихъ поръ (напримѣръ, въ запискѣ суджанскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. Жекулина), а слѣдовательно, не исчезла и надежда на ихъ исполненіе. Остаются затѣмъ только домогательства сравнительно неважныя (седьмое и девятое) или черезъ-чуръ фантастичныя (третье и четвертое). Мы сказали бы, что дворянству скоро не о чемъ будетъ просить, еслибы не знали, что одно удовлетворенное желаніе всегда порождаетъ нѣсколько другихъ. Въ недавнемъ адресѣ харьковскаго дворянства (1889 г.) встрѣчается, напримѣръ, ходатайство, не предусмотрѣнное программами 1885 г.—объ освобожденіи дворянскихъ имѣній отъ налога на наслѣдства и отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ; заявлялись, какъ извѣстно, ходатайства и о нераспространеніи на дворянство лѣсоохранительнаго закона. Какъ бы то ни было, сравненіе пожеланій 1885 г. съ дѣйствительностью 1892 г. бросаетъ яркій свѣтъ на количество и качество приобрѣтеній, въ короткое время сдѣланныхъ дворянствомъ.

Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла на 1-е марта даетъ успокоительныя увѣренія, какъ по вопросу о продовольствіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и по вопросу объ обѣimenеніи яровыхъ полей. „Большинство губерній,—читаемъ мы въ объясненіи къ вѣдомости,—обезпечены продовольствіемъ значительно больше, чѣмъ на два мѣсяца (мартъ и апрѣль); губерніи же казанская, пензенская, самарская, саратовская и оренбургская признаются достаточно снабженными лишь до мая, принимая въ расчетъ хлѣбъ, уже развезенный въ мѣстные склады, имѣющійся въ виду для покупки на мѣстахъ и находящійся въ пути, съ доставкой въ первой половинѣ марта. Новые подвозы свободно могутъ начаться и водою, и желѣзными дорогами съ половины апрѣля. Снабженіе сѣменнымъ зерномъ, необходимымъ для обѣimenенія полей въ первый періодъ весны, также можно считать вполне обезпеченнымъ; засѣяна будетъ вся площадь крестьянскихъ полей, подлежащая обѣimenенію“. На прокормленіе рабочаго скота передъ началомъ полевыхъ работъ ассигновано 4 милліона рублей. Итогъ суммъ, отпущенныхъ на продовольствіе и обѣimenеніе, остается прежній—123 милліона рублей.

Такова общая картина; нѣкоторыя ея отдѣльныя черты производятъ менѣе утѣшительное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ замѣчается очень большая разница между средней мѣсячной потребностью въ продовольствіи и количествомъ хлѣба, дѣйствительно отпу-

щеннымъ въ теченіе февраля. Иногда первая цифра гораздо выше второй, иногда—наоборотъ. Такъ, напримѣръ, въ вятской губерніи февральскій отпускъ хлѣба (224 тыс. пуд.) былъ почти втрое меньше средней потребности (650 тыс. пуд.); въ губерніяхъ нижегородской, курской и тобольской онъ составлялъ около двухъ третей потребности (298 изъ 440, 271 изъ 430 и 229 изъ 335 тыс. пуд.). Напротивъ того, въ пяти губерніяхъ—воронежской, казанской, самарской, саратовской и симбирской—февральскій отпускъ ¹⁾ сильно превышалъ цифру средней мѣсячной потребности (въ самарской губерніи—слишкомъ вдвое: 1675 тыс. пуд. вмѣсто 700; въ губерніяхъ воронежской и казанской—слишкомъ въ полтора раза: 1397 тыс. пуд. вмѣсто 900 и 1215 вмѣсто 737). Несоразмѣрность перваго рода, свидѣтельствующая объ избыткѣ бережливости со стороны администраціи или земства, можетъ быть объяснена, отчасти, желаніемъ сохранить побольше хлѣба для первыхъ весеннихъ мѣсяцевъ, когда усиленная работа потребуетъ и усиленнаго питанія. Гораздо болѣе тревожный признакъ—несоразмѣрность втораго рода; она заставляетъ предполагать, что мѣсячная потребность опредѣлена слишкомъ низкой цифрой—а между тѣмъ сообразно съ нею исчислено общее количество продовольствія, необходимаго для губерніи. Возьмемъ, для примѣра, казанскую губернію. Если считать мѣсячную ея потребность въ 737 тыс. пуд., можно считать ее обезпеченною, потому что хлѣба имѣется на-лицо 1.171 тыс. пуд., т.-е. запасъ полуторамѣсячный, а изъ закупленнаго (1.146 тыс. пуд.) часть находится на мѣстѣ; но если въ мартѣ и апрѣлѣ, какъ и въ февралѣ, потребуются на прокормленіе населенія болѣе 1.200 тыс. пуд. въ мѣсяцъ, то весь наличный запасъ будетъ истощенъ уже въ мартѣ, а до 1-го мая не хватитъ и закупленнаго. Между тѣмъ въ сѣверныхъ уѣздахъ казанской губерніи распутица можетъ наступить поздно и продолжаться долго; подвозъ хлѣба на мѣсто можетъ сдѣлаться весьма затруднительнымъ. Для самарской губерніи двухмѣсячное продовольствіе, по февральской нормѣ, составить 3.350 тыс. пуд.; между тѣмъ на-лицо состояло тамъ 1.260 тыс., закуплено было 1.371 тыс., всего 2.631 тыс. пуд. Въ южныхъ уѣздахъ самарской губерніи разстоянія огромны, пути сообщенія крайне плохи; своевременная доставка хлѣба представляется и здѣсь вопросомъ первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ продовольствіемъ приходится развозить и яровья сѣмена. Въ казанской губерніи наличныхъ яровыхъ сѣмянъ было, къ 1-му марта, небольшимъ 2 милліона пудовъ, изъ которыхъ въ общественныхъ зап-

¹⁾ Въ февралѣ отпущено было продовольствія нѣсколько больше, чѣмъ на-лицо (на пять недѣль, съ 27-го января по 2-е марта); но отъ этого значеніе цифрами приводимыхъ, измѣняется только въ незначительной степени.

ныхъ магазинахъ, т.-е. на мѣстахъ, было не болѣе $\frac{1}{7}$; закуплено было почти два милліона пудовъ, относительно которыхъ въ вѣдомости сдѣлана отмѣтка, что „недостающее количество подвезется водой съ открытіемъ навигаціи“. Можно ли быть въ этомъ вполне увѣреннымъ? Навигація можетъ открыться поздно; сѣмена, доставленные по Волгѣ, должны быть развезены, по дурнымъ, болѣею частью, дорогамъ, во все концы губерніи, а сѣвъ овса долженъ быть законченъ въ первой половинѣ мая. Интересно было бы знать, приняты ли во вниманіе, при опредѣленіи потребности въ сѣменахъ, запасы яровыхъ хлѣбовъ, оставшіеся у крестьянъ съ осени? Если приняты, то въ расчетъ можетъ оказаться существенная погрѣшность. Запасы, въ большинствѣ случаевъ, распроданы или сѣдены крестьянами, и та часть полей, которую ими предполагалось засѣять, можетъ остаться необсѣменной, если не будетъ увеличена сѣменная ссуда. На это прямо указываетъ телеграмма изъ Тамбова, напечатанная 19-го марта во всѣхъ петербургскихъ газетахъ: „крестьяне распродали на базарахъ свои наличные запасы овса, такъ что заготовленныхъ земствомъ на милліонъ рублей яровыхъ сѣмянъ не хватитъ, безъ дополнительной закупки, для полнаго обсѣмененія крестьянскихъ яровыхъ полей“. Изъ официальной вѣдомости мы узнаемъ, что яровыхъ сѣмянъ въ тамбовской губерніи было на-лицо, къ 1-му марта, только 600 тыс. пудовъ. Сколько ихъ было закуплено—неизвѣстно; въ вѣдомости сказано только, что для усманскаго уѣзда необходимо доставить до распутицы 280 вагоновъ, задерживаемыхъ на линіяхъ юго-западныхъ, воронежско-ростовской и грязе-царицынской. О задержкахъ въ доставкѣ хлѣба упоминается также по отношенію къ губерніямъ курской, рязанской, самарской и уфимской.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1892.

Особенности новѣйшаго рабочаго движенія въ Германіи.—Паденіе школьнаго закона и министерскій кризисъ.—Новые министры и старый „курс“.—Стачка углекоповъ въ Англіи.—Болгарскія и сербскія дѣла.—Новый органъ нашего славянофильства—„Славянское Обозрѣніе“.—Идеи гг. Будиловича и В. И. Ламанскаго.

Въ прежнее, недавнее еще время консервативные элементы въ Германіи смотрѣли на социаль-демократовъ какъ на враговъ общественнаго порядка, и считали невозможнымъ примѣнять къ нимъ общіе законы, установленные для обыкновенныхъ гражданъ. Соціальная демократія представляла собою рабочій классъ, пролетариатъ, недовольный существующимъ экономическимъ строемъ, а пролетаріи склонны выражать свое недовольство насильственными дѣйствіями; поэтому отмѣнить исключительныя полицейскія мѣры борьбы противъ соціальнаго зла—значило, по мнѣнію многихъ, отказаться отъ главнѣйшаго и даже единственнаго благонадежнаго способа охраны отъ великихъ внутреннихъ опасностей, грозящихъ странѣ. Но опытъ сдѣланъ: исключительные законы отмѣнены, и социаль-демократическая партія получила возможность дѣйствовать открыто, не боясь преслѣдованій и запрещеній. Социаль-демократы окончательно вошли въ Германіи въ общую колею парламентской жизни и дѣятельности, на равныхъ правахъ съ прочими партіями, и испытали на себѣ обычную судьбу всякой свободной и признанной общественной силы: напряженное чувство солидарности, вызванное годами гоненія, сразу ослабѣло; антагонизмъ по отношенію къ господствующимъ классамъ утратилъ свой рѣзкій характеръ и принялъ болѣе мягкія формы, такъ что истинные пролетаріи по неволѣ отдаляются отъ своихъ бывшихъ руководителей и начинаютъ уже искать въ нихъ давно знакомыя черты „спокойныхъ и самодовольныхъ буржуа“. За социаль-демократами и независимо отъ нихъ выступаютъ потому на сцену новые дѣятели рабочаго движенія, враждебно настроенные противъ старыхъ вождей.

Любопытные признаки этого поворота можно было видѣть въ тѣхъ горячихъ спорахъ, которые возникли по поводу недавнихъ уличныхъ беспорядковъ въ Берлинѣ. Десятки тысячъ рабочихъ остались безъ работы и безъ хлѣба, благодаря общему промышленному застою, да щему себя чувствовать не въ одной Германіи; экономическій кризисъ

усиливался еще неурожаемъ, прекращеніемъ хлѣбнаго привоза изъ Россіи и вздорожаніемъ сѣстныхъ припасовъ. Толпы голодныхъ бѣдняковъ стали собираться по улицамъ въ Берлинѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, требуя работы и пристанища; массы людей не имѣли вообще иного помѣщенія, кромѣ „угловъ“ для ночлега, и въ обыкновенное время они проводятъ день въ мастерскихъ, на фабрикахъ и заводахъ, а свободные часы—въ трактирахъ; теперь же, не имѣя заработковъ, эти люди вынуждены по неволѣ проводить день на вольномъ воздухѣ, наполнять собою площади и улицы бѣдныхъ кварталовъ, странствовать по окрестностямъ города и подвергаться соблазнамъ и увлеченіямъ подъ вліяніемъ крайней нужды. Стоить такимъ пролетаріямъ попасть въ значительномъ числѣ въ богатую и оживленную часть города, съ раздражающею роскошью магазиновъ и ресторановъ, съ непрестаннымъ движеніемъ экипажей и веселой, „буржуазной“ публики,—и всѣ элементы для волненій и безпорядковъ готовы. Голодъ заявляетъ свои требованія болѣе или менѣе громко и шумно; полиція пытается прекратить „манifestацію“ и разогнать скопище; бѣдняки ожесточаются и совершаютъ насилія; происходятъ схватки и замѣшательства, которыя прекращаются лишь военною силою, оставляющею извѣстное количество жертвъ, иногда вовсе невинныхъ. Такова психологическая подкладка уличныхъ волненій, разыгравшихся недавно въ германской столицѣ. Консерваторы и реакціонеры старались на первыхъ порахъ сложить отвѣтственность за происходившее на социаль-демократовъ, на ихъ опасную социалистическую и революціонную пропаганду; но они ошиблись въ расчетѣ и, повидимому, сами были удивлены тѣмъ рѣшительнымъ отпоромъ, который оказанъ былъ движенію пролетаріевъ социально-демократическою партіею. Социаль-демократы, озлобленные прежде всего сохраненіемъ своей политической репутаціи, отнеслись весьма непріязненно къ бѣдствующему рабочему люду; они не только не приняли участія въ судьбѣ этихъ бездомныхъ бѣдняковъ и не думали облегчить ихъ положеніе, но еще обнаружили къ нимъ неудовольствіе за безпорядки, которые могли косвенно повредить въ общественномъ мнѣніи официальнымъ защитникамъ и представителямъ рабочаго класса. Социаль-демократы не ограничились обнародованіемъ воззваній, имѣвшихъ цѣлью удерживать рабочихъ отъ всякихъ излишествъ, во имя общихъ интересовъ народныхъ массъ; они давали понять, что не имѣютъ ничего общаго съ безпокойными уличными пролетаріями, и что самыя волненія были произведены не рабочими, а шайками воровъ, мошенниковъ и „сутенеровъ“, пожелавшихъ воспользоваться обстоятельствами для грабежа. Социально-демократическій органъ, „Vorwärts“, употреблялъ весьма

рѣзкія выраженія противъ этихъ „оборванцевъ“, чѣмъ возбудилъ противъ себя негодованіе среди низшихъ слоевъ немущаго населенія. Официальные социалисты незамѣтно прониклись презрѣніемъ къ тому, что должно было, повидимому, вызывать особенное ихъ сочувствіе и вниманіе.

Нѣмецкій рабочій классъ такимъ образомъ раскололся какъ бы на двѣ различныя части—на рабочихъ, имѣющихъ болѣе или менѣе обеспеченныя занятія и дѣлающихъ правильные взносы въ кассу социальнo-политической организаціи, и на пролетаріевъ, искателей труда, выброшенныхъ за бортъ хроническимъ кризисомъ промышленности. Первые смотрятъ на послѣднихъ свысока, какъ на „оборванцевъ“, а послѣдніе въ свою очередь считаютъ социаль-демократовъ измѣнниками, аристократами, продавшимися буржуазіи. Эти оригинальныя отношенія были предметомъ серьезной полемики въ газетахъ и на публичныхъ сходахъ, послѣ того какъ манифестаціи и беспорядки прекратились. На многочисленныхъ и шумныхъ собраніяхъ рабочихъ высказывались горькія истины по адресу прежнихъ любимцевъ и героев рабочаго люда. „Мнѣ представляется, — говорилъ одинъ изъ ораторовъ на сходѣ 6-го марта въ Берлинѣ, — что существуетъ еще пятое сословіе, а именно классъ оборванцевъ-пролетаріевъ (Lumpen-Proletariat). Но мы должны тѣмъ болѣе за нихъ заступиться, ибо они находятся въ наихудшей бѣдѣ, и никто изъ работниковъ не можетъ знать, избѣгнетъ ли онъ той же участи при непрочности современныхъ экономическихъ условій. Почему господа Бебель, Либкнехтъ, Зингеръ и другіе не употребляли своего вліянія для успокоенія толпы? Еслибы они вышли на площадь и обратились въ голодающему народу съ своими обычными совѣтами и обѣщаніями, напр. съ словами: „подождите, ваше время еще не пришло“, — то имъ бы хорошо досталось. Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю. Господа Бебель съ товарищами не должны удивляться, что идеи, которыя такъ долго проповѣдывались ими народу, приняты этимъ народомъ за чистую монету. Предводители социальной демократіи слишкомъ мало знакомы съ нуждами и настроеніемъ рабочихъ. Люди, живущіе въ отдѣльныхъ барскихъ домахъ и занимающіе болѣе десяти комнатъ (намекъ на миллионера Зингера), не могутъ имѣть понятія о жалкомъ положеніи пролетаріевъ“... „Стыдно, — говорилъ другой ораторъ, — что центральный органъ социальнo-демократической партіи обозвалъ „сутенерами“, обрванцами и т. п. тѣхъ пролетаріевъ, которые публично требуютъ боты и хлѣба. Проститутки и содержатели ихъ суть также пролетаріи; они также суть продукты общественнаго строя. Газета „Vwärts“ своимъ поведеніемъ лишила себя права называться органомъ пролетаріата. Реакціонная „Kreuzzeitung“ проявила больше состѣ

данія къ голодающимъ „манифестантамъ“, чѣмъ центральнѣйшій органъ соціальной демократіи. Сбродъ, обруганный газетою „Vorwärts“, долженъ быть также воспитанъ для борьбы, и тогда пролетаріатъ дождется побѣды“. Одинъ рабочій, обойщикъ по профессіи, сравнилъ соціально-демократическихъ вождей съ жирондистами и грозилъ имъ тою же судьбою. „Лишенные работы пролетаріи,—по его словамъ,—во время своего шествія по улицамъ, 25-го февраля, пѣли марсельезу и пѣсни: „Кто достанетъ деньги“. Содержатели притоновъ пѣли бы во всякомъ случаѣ другія пѣсни. Официальная соціальная демократія можетъ пользоваться только тѣми рабочими, которые еще имѣютъ что-нибудь, т.-е. которые въ состояніи участвовать въ кассѣ партіи, а рабочіе, не имѣющіе для этого средствъ, рассматриваются просто какъ негодные люди, отъ которыхъ партія должна отвергиваться“. Кто-то заявилъ послѣ этого, что соціально-демократическая партія отличается лицемеріемъ и трусостью: ей нужны только такіе члены, которые слѣпо поклоняются предводителямъ, рукоплещутъ каждому ихъ слову и даютъ деньги въ безотчетное ихъ распоряженіе. Въ концѣ засѣданія приняты соотвѣтственныя резолюціи, выражающія протестъ противъ поведенія соціально-демократовъ. Подобныя же рѣчи говорились на другой сходкѣ рабочихъ, происходившей въ тотъ же день въ Берлинѣ; между прочимъ, собраніе постановило, что „нынѣшніе представители соціальной демократіи не могутъ быть защитниками обездоленныхъ, а являются лишь измѣнниками дѣлу пролетаріата“.

Какъ измѣнилось положеніе дѣлъ со времени отказа правительства отъ исключительныхъ мѣръ противъ соціальной демократіи! Партія, которая прежде преслѣдовалась, какъ опасная для государства, сама обвиняется теперь въ отсталости и подвергается нападкамъ за чрезмѣрную заботливость объ охранѣ общественнаго спокойствія. Вся опасность соціально-демократическаго движенія исчезла, когда этому движенію предоставлено было выйти изъ области запретовъ и невольной тѣмы на общій широкій путь публичности и легальности. Внутренній антагонизмъ между различными элементами рабочаго класса могъ выступить наружу только послѣ отмены закона о социалистахъ; этотъ антагонизмъ, вмѣстѣ съ превращеніемъ соціальной демократіи въ открытую парламентскую партію, несравненно вѣрнѣе обезпечивалъ общественный миръ, чѣмъ прежнія крутыя мѣры гоненія и контроля. Манифестаціи бѣдствующихъ рабочихъ приняли бы, конечно, совсѣмъ другіе размѣры и могли бы серьезно поколебать основы государственнаго порядка, еслибы въ волненіяхъ участвовала рабочая партія, руководимая Бебелемъ и Либкнехтомъ,—какъ это несомнѣнно было бы при старой системѣ пре-

слѣдованія соціаль-демократіи; а теперь дѣло не пошло далѣе заурядныхъ уличныхъ безпорядковъ, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія. Вильгельмъ II могъ спокойно, въ сопровожденіи одного лишь адъютанта, проѣхаться по улицамъ, наполненнымъ сплошными массами пролетаріевъ, и его повсюду встрѣчали обычными привѣтственными кликами, съ присоединеніемъ только возгласовъ о хлѣбѣ и работѣ.

Уличные безпорядки возможны при всякомъ режимѣ; они бывали и въ Лондонѣ, и въ Римѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, и за нихъ отвѣтственны не политическія, а народно-хозяйственныя условія. Безработица, нужда, голодъ, — это факты, которыхъ нельзя избѣгнуть при самомъ лучшемъ государственномъ устройствѣ, пока экономическій бытъ трудящихся держится на шаткихъ началахъ и находится въ состояніи угнетенія, въ зависимости отъ стихійныхъ случайностей или отъ переменчивыхъ обстоятельствъ промышленнаго рынка. Нѣкоторыя газеты видятъ особое наше преимущество въ томъ, что, во-первыхъ, у насъ народная нужда не приводитъ къ уличнымъ безпорядкамъ, какъ въ Берлинѣ, и во-вторыхъ, что у насъ государство и общество принесли громадныя финансовыя жертвы въ пользу голодающихъ, тогда какъ ничего подобнаго не дѣлается въ Пруссіи и въ другихъ странахъ. Но при этомъ упущены изъ виду весьма важныя различія, дѣлающія приведенную параллель мало основательною и едва ли правильною. Прежде всего у насъ пострадало стѣ неурожая населеніе въ двадцать милліоновъ человѣкъ, — населеніе сельское и податное, служащее главнѣйшимъ источникомъ доходовъ государственнаго казначейства и не могущее справиться съ бѣдою отчасти подъ вліяніемъ дурныхъ условій хозяйства и иногда тягостныхъ способовъ взысканія казенныхъ платежей и повинностей; а въ Германіи число бѣдствующихъ и голодающихъ едва ли доходитъ до сотни тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ уже къ самому послѣднему разряду рабочихъ пролетаріевъ и не платящихъ государству никакихъ налоговъ; значительная часть этихъ пролетаріевъ можетъ быть отнесена къ категоріи, такъ сказать, профессиональныхъ бѣдняковъ, привыкшихъ обращаться къ помощи общинъ и къ частной благотворительности. Что касается безпорядковъ, то они зависятъ отъ принадлежности рабочихъ къ городскому классу и отъ скопленія пролетаріевъ въ большихъ фабрично-промышленныхъ центрахъ; понятно, что сельскіе бѣдняки, разбѣянные громадныхъ разстояніяхъ, бѣдствуютъ въ одиночку, въ отдѣльных заброшенныхъ деревняхъ, и не имѣютъ ни поводовъ, ни возможности собираться гдѣ-нибудь цѣлыми скопищами. Разница заключается, тѣмъ образомъ, въ самыхъ условіяхъ народнаго бѣдствія, и поэто

нѣтъ основанія сопоставлять и сравнивать явленія, имѣющія между собою столь мало общаго. Притомъ и способы дѣйствія, доступные для нѣмецкихъ рабочихъ, весьма разнообразны и дѣлаютъ излишними какія-нибудь одностороннія заботы правительства; пролетаріи, какъ мы видѣли, безпрепятственно обсуждаютъ свое положеніе на публичныхъ сходкахъ, о которыхъ печатаются подробные отчеты въ такихъ благонамѣренныхъ газетахъ, какъ „National-Zeitung“; они довольно трезво критикуютъ поведеніе политическихъ партій, не ждутъ многого отъ государственной власти, самостоятельно посылаютъ делегатовъ въ общественныя и городскія учрежденія съ запросами о работѣ и поддержкѣ, и нерѣдко, безъ особенныхъ усилій, достигаютъ желаемыхъ результатовъ. Между прочимъ, берлинскіе рабочіе, ищущіе занятій, послали своихъ делегатовъ къ оберъ-бургомистру (городскому головѣ) Берлина, Форкенбеку, который, выслушавъ ихъ заявленія, обѣщаль устроить общественныя городскія работы, могущія доставить пропитаніе нуждающимся.

Волненія рабочихъ въ Берлинѣ отвлекли на время общественное вниманіе отъ щекотливыхъ вопросовъ, возбужденныхъ правительственнымъ проектомъ закона о народныхъ школахъ. Проектъ, сущность котораго мы изложили въ февральскомъ обзорѣ, вызвалъ въ странѣ и въ печати гораздо сильнѣйшую оппозицію, чѣмъ ожидали министры; изъ разныхъ мѣстъ Пруссіи, отъ многочисленныхъ городскихъ общинъ, университетовъ, научныхъ и образовательныхъ союзовъ, непрерывно поступали формальные, обстоятельно мотивированные протесты противъ неудачной законодательной работы графа Зедлица. Эти протесты, въ видѣ постановленій разныхъ магистратовъ, сѣздовъ и обществъ, занимали особый отдѣлъ въ газетахъ и придавали всему движенію характеръ сосредоточенной энергіи и единодушія. Передовая, либеральная часть нѣмецкаго общества высказалась твердо и рѣшительно, безъ различія партій, противъ всякой попытки внести религіозную рознь въ организацію народной школы; въ этомъ отношеніи умѣренные консерваторы и національ-либералы дѣйствуютъ исполнѣ солидарно съ прогрессистами и радикалами. Правительство думало удовлетворить религіозныя чувства населенія, выдвинувъ на первый планъ вѣроисповѣдный элементъ въ устройствѣ и распредѣленіи школъ; между тѣмъ это предпріятіе само возбудило и усилило до чрезвычайности антагонизмъ между католиками и протестантами, клерикалами и вольномыслящими, несмотря на признанный проектомъ принципъ полной равноправности вѣроисповѣданій. Изъ того, что клерикально-реакціонные дѣятели горячо стояли за проектъ, можно было видѣть, что онъ считался сильнымъ и вѣрнымъ орудіемъ официальной церковной пропаганды въ народѣ, а такая пропаганда, при

существованіи въ странѣ нѣсколькихъ различныхъ и отчасти враждебныхъ между собою вѣроисповѣданій, должна была неизбежно оживить религіозную рознь и привести къ совершенно нежелательной хронической „культурной“ борьбѣ. При этихъ условіяхъ самую разумную и цѣлесообразную политикою остается правило — *quieta non movetur*, — не трогать того, что живетъ и развивается спокойно. Заботиться о религіозномъ воспитаніи молодыхъ нѣмецкихъ поколѣній — дѣло заинтересованныхъ родителей, духовныхъ организаций, проповѣдниковъ и священниковъ; прусское государство не имѣетъ повода поддерживать своимъ авторитетомъ дѣятельность такого могущественнаго учрежденія, какъ римская церковь, которая наиболѣе выиграла бы отъ устройства народныхъ школъ на религіозныхъ началахъ. Однако внесеніе проекта графа Зедлица въ палату депутатовъ прусскаго сейма сопровождалось столь категорическими рѣчами министра-президента, генерала Каприви, и было столь сочувственно принято консервативнымъ большинствомъ, что трудно было разсчитывать на скорый успѣхъ оппозиціоннаго движенія, охватившаго страну. Комиссія, выбранная палатою для разсмотрѣнія закона, состояла большею частью изъ членовъ партіи центра и единомышленниковъ графа Зедлица; она послѣдовательно отвергала поправки, предлагаемыя либеральнымъ меньшинствомъ.

Казалось бы, что, при обыкновенномъ конституціонномъ ходѣ вещей, правительство, располагающее послушнымъ большинствомъ въ парламентѣ, можетъ не обращать вниманія на остальное „общественное мнѣніе“. Генералъ Каприви заявилъ прямо въ палатѣ, что государственная власть счѣтетъ идти даже противъ теченія, какъ она доказала это въ шестидесятихъ годахъ, въ эпоху конфликта. „*Berliner Tageblatt*“ ядовито замѣтилъ по этому поводу, что „не всякому подобаетъ идти противъ теченія“, т.-е. что есть маленькая разница между Каприви и Бисмаркомъ. То, что было по силамъ даровитѣйшему и умнѣйшему изъ политическихъ дѣятелей Германіи, не можетъ служить подходящимъ примѣромъ для всякихъ вообще министровъ, хотя бы и выдающихся. Но и князь Бисмаркъ долженъ былъ не разъ отступать предъ общественнымъ мнѣніемъ и отказываться отъ своихъ любимыхъ и упорно преслѣдуемыхъ плановъ, въ родѣ проекта табачной монополіи; и ему приходилось не разъ передѣлывать свои важнѣйшіе проекты соціальной реформы, въ виду настойчивыхъ возраженій оппозиціи. Тѣмъ болѣе обязательна подобная уступчивость для преемниковъ перваго канцлера. Что будутъ сдѣлать отдѣльныя, частныя уступки при обсужденіи школьнаго законопроекта въ палатѣ депутатовъ — въ этомъ никто не сомнѣвался; но принятіе закона, съ тѣми или другими несущественными измѣненіями, п

знавалось вообще неминуемымъ. Всѣ знали, что самъ Вильгельмъ II придаетъ проекту большое значеніе и вполне раздѣляетъ идеи графа Зедлица и генерала Каприви, а недавній намекъ на „ворчунговъ“ понятъ былъ въ смыслѣ раздражительнаго отвѣта на рѣзкую критику закона со стороны либеральной печати.

Въ дѣйствительности, случилось нѣчто совсѣмъ другое, чего не имѣли въ виду ни министры, ни парламентскія партіи, ни оппозиціонныя газеты. Германскій императоръ, часто выражающійся въ духѣ мистическаго абсолютизма и заявляющій о неизмѣнной вѣрности своего „курса“, не предполагалъ, очевидно, идти противъ желаній и взглядовъ значительнѣйшей части нѣмецкаго общества. Онъ смотритъ на роль и задачи монарха нѣсколько иначе, чѣмъ односторонніе консерваторы и реакціонеры, а принципъ, сформулированный имъ еще недавно въ изреченіи — „suprema lex—regis voluntas“, примѣняется на дѣлѣ далеко не такъ узко и буквально, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ лстивымъ царедворцамъ. Къ удивленію министровъ, Вильгельмъ II нашелъ нужнымъ руководствоваться указаніями общественнаго мнѣнія въ вопросахъ, столь близко затрогивающихъ интересы цѣлаго общества и народа, какъ учебная реформа. Въ засѣданіи министерскаго совѣта, 18-го марта (н. ст.), онъ выразилъ свое недовольство графу Зедлицу и отчасти также генералу Каприви за то, что они обращали слишкомъ мало вниманія на настроеніе образованныхъ классовъ и независимой журналистики относительно предпринятой организациі народныхъ школъ. Этимъ личнымъ вмѣшательствомъ Вильгельма II положенъ конецъ общественной тревогѣ, вызванной проектомъ графа Зедлица, но зато созданъ былъ правительственный кризисъ, вслѣдствіе выхода въ отставку двухъ министровъ, официальнаго автора злополучнаго проекта, графа Зедлица, и горячаго защитника проекта въ парламентѣ, прусскаго министра-президента, генерала Каприви. Послѣ долгихъ переговоровъ, кризисъ, какъ извѣстно, разрѣшился (24-го марта, н. ст.) назначеніемъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ при князѣ Бисмаркѣ, графа Эйленбурга, на постъ главы кабинета, безъ портфеля, а министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вмѣсто Зедлица, назначенъ малоизвѣстный еще дѣятель, бывший стасъ-секретарь въ министерствѣ юстиціи, Боссе. Генералъ Каприви остается имперскимъ канцлеромъ и прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Званіе канцлера отдѣлено теперь отъ должности прусскаго министра-президента, и хотя опытъ такого отдѣленія, сдѣланный княземъ Бисмаркомъ, оказался неудачнымъ, но онъ можетъ привести къ болѣе благоприятнымъ результатамъ при управленіи людей, не имѣющихъ притязанія на исключительный личный авторитетъ. Полагаютъ, впрочемъ, что гене-

раль Каприви не долго сохранить свое положеніе, поколебленное послѣднимъ кризисомъ; онъ слишкомъ явно обнаруживалъ свою солидарность съ графомъ Зедлицемъ, чтобы теперь дѣйствовать въ другомъ духѣ послѣ отставки своего коллеги. Правда, имперскій канцлеръ, оставаясь представителемъ общихъ интересовъ имперіи и руководителемъ внѣшней политики Пруссіи, освобождается уже отъ участія въ прусскихъ внутреннихъ дѣлахъ и можетъ остаться въ сторонѣ отъ дальнѣйшаго обсужденія школьнаго вопроса; но, будучи все-таки членомъ прусскаго министерства, во главѣ котораго поставленъ графъ Эйленбургъ, онъ долженъ чувствовать себя не совсѣмъ ловко и могъ согласиться на эту роль только по настойчивому желанію Вильгельма II. Оппозиціонныя газеты отгѣняютъ различіе въ поведеніи „штатскаго“ министра, Зедлица, и военного генерала, канцлера Каприви: первый остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и отказался передѣлать свой проектъ, чтобы избѣгнуть министерскаго кризиса, какъ предлагалъ и совѣтовалъ ему императоръ, а второй—ставить подчиненіе полководцу выше личныхъ убѣжденій, согласно своимъ военнымъ традиціямъ и привычкамъ. Военные взгляды на политику и на конституціонную дѣятельность министровъ не пользуются популярностью въ нѣмецкомъ обществѣ, и генераль Каприви, несмотря на выказанныя имъ политическія способности и на свой ораторскій талантъ, несомнѣнно утратилъ значительную часть своего престижа въ глазахъ Германіи. Нынѣшняя развязка кризиса считается только временною, и въ ближайшемъ будущемъ, по предположеніямъ берлинской печати, постъ канцлера перейдетъ къ графу Эйленбургу. Консервативный составъ министерства зависитъ отъ характера большинства въ прусской палатѣ депутатовъ и въ имперскомъ сеймѣ; новые выборы дадутъ новое большинство и измѣнятъ соотвѣтственнымъ образомъ „курсъ“ Вильгельма II. неизмѣнность „курса“ должна, вѣроятно, означать постоянство въ основныхъ руководящихъ правилахъ политики, и къ числу этихъ правилъ принадлежитъ, очевидно, рѣшимость—всегда и во всемъ дѣйствовать согласно съ требованіями общественнаго и народнаго мнѣнія, оставляя за собою право произносить рѣчи и тосты въ духѣ чисто-личныхъ идей и симпатій. Многихъ смущаетъ это несоотвѣтствіе между рѣчами и дѣйствіями; оно кажется симптомомъ неустойчивости и неопредѣленности положенія, внушая недовѣріе къ настоящему и боязнь за будущее; но для стражнѣе дѣйствія, чѣмъ слова, а дѣйствія германскаго императора совпадаютъ съ интересами и желаніями громаднаго большинства нѣмецкаго народа. Эта особенность его „курса“ выразилась и въ недавнемъ распоряженіи относительно газетъ, привлеченныхъ усердными прокурорами къ суду за „оскорбленіе величества“ по поводу крити

послѣдней рѣчи Вильгельма II; всѣ возбужденныя преслѣдованія приостановлены, и запрещено начинать такіа дѣла безъ особаго, въ каждомъ данномъ случаѣ, разрѣшенія императора. И въ этомъ отношеніи Вильгельмъ II понимаетъ свою роль шире и свободнѣе, чѣмъ обычные охранители власти. Откровенная публичная критика выясняетъ для правителя истинное настроеніе общества, безъ затемняющаго и заглаживающаго посредничества бюрократіи; публичная критика, хотя бы и рѣзкая, всегда безопаснѣе и выгоднѣе скрытаго, глухого недовольства.

Въ Англіи произведенъ былъ опытъ колоссальной стачки рабочихъ, не въ видѣ борьбы съ хозяевами-капиталистами, а съ цѣлью повліять на условія промышленнаго рынка въ интересахъ рабочаго класса. До сихъ поръ крупныя забастовки рабочихъ устраивались для того, чтобы оказать давленіе на капиталистовъ и побудить ихъ согласиться на повышеніе рабочей платы или сокращеніе рабочаго дня; но болѣе совершенная организація рабочихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности позволяетъ улаживать спорные вопросы посредствомъ мирныхъ переговоровъ и въ то же время все чаще дѣлаетъ доступною общему пониманію рабочихъ ту простую истину, что положеніе трудящихся зависитъ не отъ доброй воли хозяевъ, а также отъ общаго хода промышленныхъ предпріятій, отъ степени ихъ доходности и отъ обезпеченности сбыта ихъ продуктовъ. Многія стачки рабочихъ имѣли въ своей основѣ старый наивный взглядъ на капиталистовъ, какъ на свободныхъ распорядителей промышленности, могущихъ по своему усмотрѣнію увеличивать издержки производства и повышать плату рабочимъ; и рабочіе, и хозяева разорялись вслѣдствіе приостановки работъ, но положеніе дѣлъ оставалось прежнимъ, если сами предпріятія едва выдерживали многочисленную конкуренцію и не допускали мысли о болѣе значительномъ вознагражденіи рабочихъ за трудъ. Что поможетъ рабочимъ бороться съ предпринимателемъ, который съ трудомъ справляется съ неблагоприятными условіями рынка и не въ силахъ сдѣлать требуемую прибавку къ рабочей платѣ? Капиталистъ заявляетъ, что ему придется просто закрыть фабрику или заводъ, въ виду невозможности соперничать съ болѣе дешевымъ производствомъ конкурентовъ; а закрытіе дѣла или пониженіе его оборотовъ не можетъ быть желательнымъ для занятыхъ въ немъ рабочихъ. Правильная организація рабочихъ предупреждаетъ эту безплодную трату силъ; она устраняетъ элементъ случайнаго увлеченія и необдуманной торопливости въ устройствѣ стачекъ, и въ этомъ смыслѣ она оказала громадныя услуги рабочему классу и всей промышленной жизни.

Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени поучителенъ опытъ забастовки англійскихъ углекоповъ для поддержанія падающихъ цѣнъ на каменный уголь. Каменноугольныя компаніи стали понижать рабочую плату вслѣдствіе упадка цѣнъ и сокращенія сбыта; „федерация углекоповъ“, къ которой принадлежитъ около трехсотъ тысячъ человекъ—почти половина всего числа каменноугольныхъ рабочихъ Соединеннаго королевства, признала справедливымъ указаніе хозяевъ и рѣшила противодѣйствовать упадку цѣнъ, чтобы предупредить дальнѣйшее уменьшеніе рабочей платы. Стачка устроилась съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и правильностью, на подобіе военнаго маневра; заранѣе были назначены сроки ея начала и окончанія; рѣшеніе, принятое федераціею, было оглашено заблаговременно и сдѣлалось предметомъ всеобщихъ газетныхъ толковъ; потребители угля усиленно запасались нужными массами этого продукта. Съ 12-го марта, какъ по данному сигналу, триста тысячъ рабочихъ покинули свои шахты, и до 21-го числа были закрыты многія изъ значительнѣйшихъ копей Англіи; работы продолжались только въ южномъ Уэльсѣ, въ Дергамѣ, Нортумберландѣ и Стаффордшайрѣ, а также въ Шотландіи. Хозяева относились къ стачкѣ не только безъ непріязни, но отчасти даже сочувственно и одобрительно; они надѣялись скорѣе сбыть имѣющіеся запасы каменнаго угля и затѣмъ удержать цѣны отъ паденія болѣе ограниченнымъ добываніемъ продукта, соотвѣтственно спросу.

Десятидневная забастовка, вѣроятно, стоила рабочимъ гораздо больше денегъ, чѣмъ сколько они потеряли бы отъ предполагаемаго пониженія рабочей платы въ теченіе цѣлаго года. Очевидно, расчетъ „федерации углекоповъ“ былъ ошибоченъ: цѣны каменнаго угля повысились только въ рукахъ мелкихъ торговцевъ, которые нажили при этомъ крупныя барыши на счетъ бѣднаго населенія, нуждающагося въ топливѣ, а для производителей цѣны даже понизились, такъ какъ фабрики и заводы запаслись углемъ по прежнимъ цѣнамъ или не нуждались вовсе въ новыхъ запасахъ. Цѣна угля падаетъ не отъ добыванія его въ чрезмѣрномъ количествѣ, не отъ „перепроизводства“, какъ полагали представители „федерации углекоповъ“ и нѣкоторые изъ владѣльцевъ копей, а упадокъ вызывается общимъ стѣсненіемъ и застоємъ промышленности, противъ чего никакія стачки не помогутъ. Англійскій уголь не имѣетъ прежняго сбыта въ странахъ, усвоившихъ покровительственную систему и охраняющихъ свои собственныя копи отъ иностранной конкуренціи; въ самой Англ. фабрично-заводская производительность сокращается вслѣдствіе постепеннаго закрытія богатѣйшихъ рынковъ въ Европѣ и Америкѣ. Повсемѣстный протекціонизмъ сильно отражается на англійской м

нуфактурной промышленности и, слѣдовательно, также на рази́брахъ потребленія и цѣнѣ каменнаго угля. Дѣлать стачки противъ этихъ общихъ неблагопріятныхъ условій промышленнаго развитія — совершенно бесполезно и безцѣльно, и по всей вѣроятности, сами руководители рабочихъ, вступивъ разъ на разумный путь борьбы съ причинами кризисовъ, не станутъ повторять сдѣланный опытъ и пойдутъ далѣе въ опредѣленіи источниковъ фабрично-заводскаго „перепроизводства“ и застоя. Но первый шагъ труденъ, и забастовка англійскихъ углекоповъ, какъ по своимъ мотивамъ и цѣлямъ, такъ и по способу своего выполнения, составляетъ весьма интересный фактъ современной промышленной исторіи.

Въ международной политикѣ господствуетъ затишье: щекотливые вопросы не возбуждаются ни однимъ изъ европейскихъ кабинетовъ или затрогиваются лишь малыми державами, которымъ терять нечего при чужихъ столкновеніяхъ, какъ напримѣръ Болгарію. Болгарскіе правители нисколько не стѣсняются тѣмъ, что наши газеты называютъ ихъ „лже-правителями“; они дѣйствуютъ по прежнему и повидимому вовсе не добиваются подтвержденія своихъ полномочій нашею патриотическою печатью. Говорятъ, что они управляютъ не такъ хорошо, какъ управляли бы критикующіе ихъ патриоты-публицисты; говорятъ, что въ Софіи совершается много такихъ неправдъ, которыхъ не дѣлается уже въ другихъ странахъ, — что люди, непріятные или враждебные властямъ, подвергаются гоненію, преслѣдуются и даже наказываются административнымъ способомъ, помимо суда, и т. п. Наши газетные публицисты, высоко ставящіе принципъ законности и не терпящіе никакого произвола, серьезно возмущаются и негодуютъ по поводу подобныхъ распоряженій болгарскихъ дѣятелей, но они забываютъ при этомъ, что отъ „лже-правителей“ нельзя и ожидать настоящаго, истиннаго управленія, въ родѣ того, къ которому способны были бы наши настоящіе, истинные патриоты.

Въ противоположность Болгаріи, Сербія пользуется теперь особою благосклонностью и одобреніемъ нашихъ патриотическихъ газетъ; но и въ Бѣлградѣ творятся странныя и даже непонятныя дѣла, — устриваются какія-то неправдоподобныя соглашенія съ бывшимъ королемъ Миланомъ, уничтожающія не только послѣдніе остатки такъ-называемаго обаянія и авторитета династіи Обреновичей, но даже несомнѣнимыя съ простымъ здравымъ смысломъ, и эти соглашенія серьезно предлагаются народному представительству, обсуждаются и принимаются имъ, на подобіе дѣйствительныхъ государственныхъ актовъ. Отецъ юнаго короля Александра послѣдовательно превратилъ въ на-

личные деньги въ свои владѣнія, преимущества и права; теперь онъ продаетъ не только свои гражданскія и политическія права, по званію сербскаго подданнаго и члена королевскаго дома, но даже права чисто-личныя, семейныя и родительскія, которыя вообще не могутъ быть предметомъ частныхъ сдѣлокъ, въ силу принциповъ, усвоенныхъ всѣми существующими законодательствами и въ томъ числѣ, вѣроятно, и сербскимъ. Говорятъ, что эта оригинальная сдѣлка имѣетъ свои тонкіе политическіе мотивы и что небывалое еще самоотреченіе Милана (оцѣненное, по слухамъ, въ два милліона) должно укрѣпить престолъ его сына; очень можетъ быть, что бѣлградскіе дѣятели руководствуются соображеніями, которыя намъ недоступны, а такъ какъ они не считаются „дже-правителями“, то дѣйствуютъ, вѣроятно, хорошо и правильно.

Судить о балканскихъ дѣлахъ правильно — трудно вообще при современныхъ обстоятельствахъ; правильныя сужденія объ этомъ предметѣ составляютъ привилегію „Славянскихъ Извѣстій“ и замѣнившаго ихъ „Славянскаго Обозрѣнія“. Мы съ понятнымъ любопытствомъ прочитали вышедшія двѣ книжки новаго славянскаго журнала проф. А. С. Будиловича и, къ сожалѣнію, вынесли лишь смутное и отчасти тягостное впечатлѣніе. Отличіе новаго изданія отъ прежнихъ „Извѣстій“ заключается во внѣшней научности нѣкоторыхъ статей, въ большей тяжеловѣсности и темнотѣ изложенія, въ географическомъ переодѣваніи, какъ, напримѣръ, въ наименованіи Австро-Венгріи „Австро-Унрією“, и въ употребленіи славянскихъ оборотовъ и выраженій, мало понятныхъ русскому читателю. Наилучшимъ русскимъ языкомъ написана статья одного славянина, Светозара Гурбана-Ваянскаго о графѣ Львѣ Толстомъ (въ февральской книжкѣ); остальное большею частью темно и претенціозно.

Отсутствіе логики всегда составляло характерную черту нашего славянофильства, — если только не было тутъ лицемѣрія и фальши. Проф. Будиловичъ не отступаетъ отъ старыхъ, наивныхъ приѣмовъ, которые практиковались съ столь малымъ успѣхомъ въ бывшихъ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“; мы видимъ въ журналѣ все тѣ же нападки на нарушенія конституціонныхъ правъ гражданъ въ Австро-Венгріи, на старанія подчинить государству народную школу и ввести повсюду государственный языкъ, на поощреніе господствующей религіи въ ущербъ православію и т. п. Жаловаться на то, что Австрія дѣйствуетъ въ духѣ австрійскихъ интересовъ, а Венгрія — заботится объ интересахъ венгерскихъ, — не есть ли это чистѣйшее ребячество? Для кого поучительны эти безконечныя причитанія о томъ, что Австро-Венгрія есть Австро-Венгрія, а не Россія, что австрійцы суть австрійцы а мадьяры суть мадьяры? Дѣло, очевидно, не измѣняется отъ пер

именованія непріятной намъ Венгріи въ „Угрію“. Проф. Будиловичъ говоритъ также объ „угорскомъ“ парламентѣ, которымъ онъ, конечно, очень недоволенъ; но если бы Венгрія была Угрією, она не имѣла бы никакого парламента, и потому называть существующій венгерскій режимъ „угорскимъ“ — по меньшей мѣрѣ смѣшно.

Проф. Будиловичъ мимоходомъ замѣчаетъ, что, „въ сравненіи съ любымъ западно-европейскимъ, русское осталось далеко позади по неумѣнію организовать, слабости личнаго и общественнаго почина, по застарѣлой привычкѣ все сваливать (?) на плечи государства“. Сословныя притязанія, — продолжаетъ онъ, — „не имѣютъ, конечно, у насъ той исторической почвы, слѣдовательно и силы, какъ на западѣ; но тѣмъ произвольнѣе и вреднѣе они въ своихъ проявленіяхъ, особенно въ областяхъ окраинныхъ, со смѣшаннымъ населеніемъ. Шаткость нашего экономическаго благосостоянія доказывается какъ возрастающею задолженностью, такъ и голодовками, въ родѣ нынѣшней печальнѣйшей, которая объясняется не одними вѣдъ метеорологическими причинами“ (Январь, стр. 3). Отсюда дѣлается какъ будто выводъ, что мы должны водворить новые порядки въ „Австро-Угрію“. Разсужденія о нѣмецкомъ и мадьярскомъ гнетѣ надъ славянами чередуются иногда съ указаніями на собственные наши недостатки и на болѣе близкія намъ дѣла и нужды; но эти признаки самосознанія тотчасъ исчезаютъ и уступаютъ мѣсто обычному политиканству въ области отвлеченнаго и туманнаго славянофильства. Проф. Будиловичъ справедливо находитъ, что для сближенія славянскихъ народностей необходимо прежде всего свободный взаимный обмѣнъ мыслей, при помощи обществъ и съѣздовъ, литературныхъ, общественныхъ и культурныхъ, подобныхъ нѣмецкимъ „ферейнамъ“; но „существованіе подобныхъ съѣздовъ, учрежденіе подобныхъ обществъ, — внезапно вспоминаетъ почтенный авторъ, — нерѣдко бываетъ соединено съ такими препятствіями, которыя возможно устранить лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ затрудненіями, то личными, то общественными, политическими, экономическими и т. д.“ И больше объ этомъ ничего не сказано, а затѣмъ опять говорится о нехорошихъ порядкахъ въ Австро-Угрію.

Страницы журнала украшены еще статьею проф. В. И. Ламанскаго подъ многообъщающимъ заглавіемъ: „Три міра азіяско-европейскаго материка“. Этотъ трактатъ еще не оконченъ, и пока можно лишь сказать, что въ немъ слишкомъ много элементарныхъ географическихъ свѣдѣній, названій и именъ, и что отдѣльныя положенія автора черезъ-чуръ грѣшатъ парадоксальностью. Приведемъ, напри- мѣръ, слѣдующее мнѣніе почтеннаго профессора-славянофила: „Существованіе въ прилежащихъ къ Россіи земляхъ нѣсколькихъ милліо-

новъ ея единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ источникъ (sic) ея силы и могущества (!) политическаго и культурнаго какъ въ настоящемъ, такъ еще болѣе въ будущемъ... Еслибы пограничныя намъ области Пруссіи, Австро-Венгріи и Турціи имѣли совершенно однородное и вмѣстѣ чуждое намъ по вѣрѣ населеніе, то Россія никогда бы, конечно, не могла играть въ европейской и всемірной политикѣ великой роли, выпавшей ей, какъ единственной сильной представительницѣ интересовъ славянщины и восточнаго славянства. Имѣй Россія гораздо болѣе искусную дипломатію и армію и несравненно храбрѣйшую и лучше устроенную, все-таки она не могла бы одержать тѣхъ блестящихъ успѣховъ надъ турками и разными европейскими державами, коимъ она по справедливости гордится съ начала XVIII вѣка" (стр. 37, Январь). Надобно думать, что наши профессиональные патріоты вступятся за Россію, обижаемую проф. Ламанскимъ во имя славянства, и напомнятъ ему, что Петръ В., напримѣръ, одерживалъ побѣды надъ шведами вовсе не потому, что въ Швеціи жило много нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, и французовъ мы изгнали изъ Россіи безъ помощи единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

Какъ ни важны и интересны для насъ австрійскіе и турецкіе славяне, но нѣтъ никакой надобности отрицать или передѣлывать ради нихъ общеизвѣстные историческіе факты. Войны со шведами, раздѣлъ Польши, альпійскіе походы Суворова, войны съ Франціею и Наполеономъ I, Священный союзъ, спасеніе Пруссіи и Австріи русскими войсками—все это событія, для которыхъ существованіе славянскаго элемента въ Турціи и Австріи не имѣло абсолютно никакого значенія.

Проф. Ламанскій дѣлитъ азіатско-европейскій материкъ на три особыхъ міра: собственно Европу, собственно Азію и обширный „средній міръ“, обнимающій Россію, славянъ, грековъ и разныхъ инородцевъ. „Западная граница средняго міра,—говоритъ онъ,—есть сухопутная русская норвежско-шведская граница, Ботнической и Финской заливы, далѣе ломанная пограничная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адріатическимъ морями. Она углубляется то далеко на западъ въ Германію, то приближается на востокъ къ русскимъ предѣламъ и упирается на сѣверѣ около Данцига въ море Балтійское, а на югѣ около Триеста въ море Адріатическое. Затѣмъ западную границу средняго міра составляетъ Адріатическое и Іонійское море. Южная граница средняго міра, подобно границѣ Россіи, есть также море, только не Черное, а Средиземное, и также собственная Азія (т.-е. азіатская Турція)". Этотъ средній міръ, проникнутый будто бы внутреннимъ еди-

ствомъ и солидарностью, включаетъ, на ряду съ киргизами, калмыками, татарами и самоѣдами, „часть прежнихъ польско-литовскихъ земель Пруссіи, гдѣ еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезіи, значительнѣйшую часть Чехіи, всю Моравію, южную Штирію, часть Каринтіи (Хорутаніи), всю Крайну, Горицкое графство, Истрію, всѣ австро-угорскія земли короны св. Стефана съ Тріединнымъ королевствомъ, т.-е. Хорватію, Славонію и Далмацію, румынское королевство, королевство Сербію, княжество черногорское, Боснію, Герцеговину, княжество болгарское съ Румелию, королевство греческое съ островами, всю европейскую Турцію съ Константинополемъ, съ остальными греческими островами, со всѣмъ приморьемъ Сиріи и Малой Азіи и съ прилежащими къ кавказскому намѣстничеству областями азіатской Турціи съ населеніемъ древнехристіанскимъ“.—Excusez du peu!

Собственная Европа сдѣлалась, подъ перомъ проф. Ламанскаго, такою маленькою, что справиться съ нею будетъ уже легко. Средній міръ, по его словамъ, характеризуется преобладаніемъ въ немъ славянства и православія; „культурно это міръ по преимуществу греческій, этнологически это міръ по преимуществу славянский“. Зачѣмъ же однако авторъ присоединяетъ къ этому міру католиковъ Австріи и Пруссіи, принадлежащихъ по вѣрѣ и культурѣ несомнѣнно къ Европѣ? Почему онъ распредѣляетъ народы и территоріи главнымъ образомъ по географическимъ и отчасти также по этнографическимъ соображеніямъ, а совершенно игнорируетъ историческія и культурныя различія, неискоренимыя національныя чувства, стремленія и традиціи? Если извѣстныя народности входятъ уже въ составъ собственной Европы, не желаютъ имѣть ничего общаго съ греками и питаютъ давнишнюю вражду къ Россіи, то можетъ ли быть и рѣчь объ отнесеніи ихъ къ особому греко-славянскому или среднему міру, отдѣльному отъ Европы? Подобныя фантазіи едва ли извинительны для ученаго историка, привыкшаго имѣть дѣло съ положительнымъ, фактическимъ матеріаломъ, съ анализомъ дѣйствительныхъ отношеній, а не съ продуктами произвольныхъ, наивныхъ и безцѣльныхъ мечтаній во вкусъ Манилова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1892.

— *М. Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши (Dzieje Polski). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Картьева. Въ двухъ томахъ. Спб. 1888—1891.

Появленіе книги Бобржинскаго въ русскомъ переводѣ есть одинъ изъ очень пріятныхъ фактовъ нашей исторической литературы за послѣдніе годы. Русская исторія такъ связана съ польскою чуть не съ IX-го вѣка и до нашихъ дней; Польша старыхъ временъ, особливо нашихъ среднихъ вѣковъ, такъ сильно вмѣшивалась въ судьбу русскаго народа — на западѣ, на югѣ и въ самой Москвѣ; судьба Польши въ концѣ XVIII-го вѣка, ея устройство и ея возстанія въ XIX были предметомъ такихъ усилій русскаго правительства и такъ затрогивали самое наше общество, что можно было бы ожидать, что прошлая судьба Польши, объясняющая и ея современное положеніе, займетъ не мало мѣста въ нашей исторической литературѣ. Какъ извѣстно, однако, наша литература въ этой области очень скудна; есть лишь нѣсколько трудовъ, даже болѣе или менѣе самостоятельныхъ и важныхъ, но они относятся лишь къ отдѣльнымъ эпизодамъ польской исторіи, и потому не могли бы дать того, что называется историческимъ поученіемъ, что помогло бы повяты современное положеніе польскаго народа, между прочимъ, относительно русскаго государства и общества.

Польскія возстанія нашего вѣка, и особенно послѣднее, вызвали у насъ, въ извѣстной долѣ печати, цѣлую литературу ожесточенныхъ филиппикъ, которыя все-таки не были объясненіемъ дѣла. Что нихъ не было сполна высказано и отношеніе всего русскаго общества къ польскому дѣлу, можно судить, напримѣръ, изъ двухъ, сто литературныхъ фактовъ. Въ семидесятыхъ годахъ, на двухъ десятилѣтіе послѣ возстанія 1863 года, когда острое отношеніе

польскимъ дѣламъ нѣсколько успокоилось, въ нашей печати нѣсколько разъ былъ поднимаемъ вопросъ о „примиреніи“: уже это показывало, что упомянутыя филиппики вовсе не были послѣднимъ словомъ, выражавшимъ взгляды русскаго общества, что въ послѣднемъ была потребность другого отношенія къ польскому народу и обществу; заговорили о „примиреніи“, когда явилась къ тому первая внѣшняя возможность. Другой фактъ есть усиленный интересъ къ польской литературѣ, который за послѣднее время развился такъ, какъ прежде этого, кажется, никогда не было: интересъ направился въ особенности на беллетристику, на романы и повѣсти, потому что этотъ родъ литературы, во-первыхъ, всегда доступнѣе большинству читателей, а во-вторыхъ, въ немъ ожидается и болѣе живое непосредственное изображеніе самой польской жизни.

Но эти два факта, свидѣтельствуя, какъ намъ кажется, объ измѣняющемся отношеніи русской печати къ польскому народу и къ польской жизни (или собственно о томъ, что въ литературѣ стала высказываться часть общества, не принимавшая участія въ прежней травлѣ), остаются недостаточными для настоящаго знакомства съ польскою жизнью, потому что имъ недостаетъ опоры въ спокойномъ и сколько возможно всестороннемъ изученіи самыхъ фактовъ новѣйшей исторіи. Литература собственно историческая, къ сожалѣнію, не приходила на помощь ни къ вызовамъ о примиреніи, ни къ воспроизведенію польской беллетристики. Поэтому заслуживаетъ особеннаго сочувствія трудъ г. Карѣва, который предпринялъ русскій переводъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ по исторіи Польши, какою является книга Бобржинскаго. Она вышла въ первый разъ въ 1879 году, и настоящее изданіе русскаго перевода сдѣлано по третьему изданію подлинника; это указываетъ на успѣхъ книги въ самой польской литературѣ,—успѣхъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что книга Бобржинскаго идетъ въ разрѣзъ со многими историческими и политическими представленіями, которыя до недавнихъ поръ составляли какъ бы политическую религію польскаго общества, и хотя въ отдѣльных частяхъ сильно поколебались въ послѣднее время, но все еще держатся, какъ старое, еще не переработанное преданіе, съ которымъ отождествлялся польскій патріотизмъ. Между прочимъ это преданіе поколеблено было рядомъ новыхъ историческихъ изслѣдованій, особенно собственныхъ польскихъ изслѣдованій, которыя, опираясь на ювыхъ архивныхъ источникахъ, раскрывали событія, напримѣръ XVIII-го вѣка, вовсе не въ той традиціонно-прикрашенной формѣ, въ какой давно привыкло польское общество, а напротивъ, съ критическимъ безпристрастіемъ указывали причину бѣдствій польскаго государства и народа вовсе не въ однихъ насиліяхъ хищныхъ сосѣ-

дей, или даже вовсе не въ нихъ, а гораздо больше во внутренней неурядицѣ, которая была дѣломъ самихъ поляковъ. Бобржинскій въ этомъ отношеніи нашелъ уже многое подготовленнымъ въ трудахъ его предшественниковъ; но такъ какъ онъ предпринялъ сдѣлать цѣльный очеркъ исторіи Польши, то историческая аргументація, собранная въ послѣдовательную систему, явилась рѣзкимъ отрицаніемъ той условной традиціи, о которой мы упоминали. На большую массу читателей сочиненіе Бобржинскаго произвело очень неблагоприятное впечатлѣніе: онъ казался отрицателемъ, пессимистомъ, даже „нигилистомъ“. Для людей съ традиціонными взглядами идеи Бобржинскаго должны были дѣйствительно казаться великою ересью; вскорѣ выяснилось, однако, что его историческія мнѣнія опирались на новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій другихъ польскихъ ученыхъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, не производили того впечатлѣнія, какое получалось въ цѣльномъ обзорѣ событій польской исторіи. Въ результатъ оказывалось, напримѣръ, что періоды польской исторіи, которые считались временемъ славы, на дѣлѣ были временемъ все усиливающегося упадка; что политическое паденіе, кончившееся раздѣлами, могло быть совершено чужеземными государствами только потому, что сама Польша приготовила свою погибель полнымъ внутреннимъ разстройствомъ и анархіей. Бобржинскій не усомнился сказать прямо, что виною паденія были сами поляки, что всѣ ссылки на невыгодное географическое положеніе страны, окруженной сильными сосѣдями, на зложелательство этихъ сосѣдей и т. п., не объясняютъ событій, единственнымъ источникомъ которыхъ было нравственное безсиліе цѣлаго народа, приведенное его исторіей съ XVI-го вѣка. „Польское общество, — говоритъ онъ, — за три послѣднія столѣтія не имѣло необходимой силы убѣжденій, въ немъ не бушевала страстность, не было великихъ характеровъ, которые для защиты принциповъ жертвовали бы пріятнымъ спокойствіемъ и готовы были поставить на карту самихъ себя. Всѣ самыя выдающіяся личности польской новой исторіи: Тарновскій, Замойскій, Зебржидовскій, Жолкевскій, Любомірскій, Собѣскій, Потоцкій и Чарторыйскіе, не говоря о другихъ, менѣе значительныхъ, разсматриваемыя на фонѣ польскаго общества, имѣютъ свои прекрасныя или выдающіяся стороны, но, сравниваемыя съ своими соперниками за границей, поставленныя подъ мѣрку необходимыхъ для каждаго новѣйшаго государства условий, онѣ безспорно являются фигурами, которыя не только въ доброту и въ злѣ не сѣмѣли дорости до мощныхъ размѣровъ, возвыситься до истиннаго драматизма. Не одинъ изъ этихъ людей поднялся высоко надъ своимъ обществомъ, но въ тотъ моментъ, когда судьба народа находилась въ его рукахъ, когда ему приходилось окончѣ

тельно наклонить вѣсы событій въ ту или другую сторону, онъ колебался и отступалъ и, обманувъ возложенныя на него надежды, подобно Замойскому и Собѣскому, удалялся совершенно разбитымъ. Вся польская исторія съ XVI вѣка производитъ впечатлѣніе скорѣе юношескихъ порывовъ и опасной игры, чѣмъ зрѣлаго труда и мужественныхъ подвиговъ, и это впечатлѣніе нисколько не расходится съ дѣйствительностью.

„Еслибы еще, среди такихъ невыгодныхъ условій, на польскій престолъ сѣлъ человѣкъ великаго таланта и воли!“

Но и послѣдній король не стоялъ на высотѣ своей задачи.

„Это зловѣщій рокъ, котораго нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не показываетъ исторія.

„Но однако всѣ эти значительныя причины могутъ служить только объясненіемъ, но не могутъ оправдать поляковъ, потому что, несмотря на всякія невыгодныя событія и вліянія, нельзя согласиться, что анархія была необходимымъ и неизбѣжнымъ обстоятельствомъ, что послѣдовавшее за ней политическое паденіе было событіемъ, которое нельзя было устранить. Легкомысліе и ослѣпленіе дилеттантовъ могутъ считать народъ мертвою массою, направляемою только внѣшними вліяніями; но такого положенія не можетъ занять историкъ, который, смотря на свѣтъ нѣсколько шире, видитъ, какъ народъ мыслить и рѣшаетъ, дѣйствуетъ и борется собирательною волею своихъ единицъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи отвѣчаетъ за каждый свой поступокъ“ (т. II, стр. 312—314).

Бобржинскій замѣчаетъ дальше, что въ его исторіи не приведено никакихъ новыхъ фактовъ, которые уже не были бы извѣстны историкамъ,—но у него изложена только сущность дѣла, и читатель не вводимъ былъ въ заблужденіе цвѣтистыми подробностями. Оттого въ настоящей книгѣ картина паденія Польши является „болѣе страшною“, чѣмъ у другихъ историковъ; но это—не вина автора. Исторія создается, конечно, изъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ факторовъ,—но „историкъ не можетъ дѣлать произвольнаго выбора между дурными и хорошими факторами, не можетъ выдвигать на первый планъ хорошіе тамъ, гдѣ перевѣшивали злые, и наоборотъ, потому что тогда онъ и съ истиною разошелся бы и не объяснилъ бы результатовъ исторической дѣятельности, развитія или паденія“ (стр. 315).

Но осудить прошедшее не значитъ впасть въ пессимизмъ, потянуть вѣру въ будущее. Напротивъ, сознаніе заблужденія только и можетъ питать надежду на лучшую судьбу въ будущемъ. Тѣ историкѣ, которые хотѣли возвеличивать и оправдывать прошлое Польши, помнили въ настоящемъ. „Одни изъ нихъ думали, что уже стоятъ надъ могилой отчизны... и писали только хорошее, потому что пола-

гали, что пишутъ объ умершихъ. Для другихъ дѣло заключалось только въ томъ, чтобы изложить понесенную несправедливость, вызвать состраданіе, пробудить чувство мести. Къ чему это привело? Со слабымъ и разбитымъ никто не считается, только сильный привлекаетъ къ себѣ помощь. Притворно показывая жалость и состраданіе, иностранныя государства пользовались дѣломъ поляковъ ради себялюбивыхъ цѣлей, а поляки тѣмъ временемъ, унижая собственное достоинство, играли роль нищаго, трясли передъ цѣлымъ свѣтомъ свои лохмотья и отворачивались отъ дѣйствительнаго труда, богатаго послѣдствіями. Были, наконецъ, такіе, которые, вполнѣ оправдывая поляковъ, увѣряли, что они—таинственная жертва сверхъестественной силы, которая равнымъ образомъ и подниметъ ихъ чудесно. Они ожидали чуда и, не будучи въ состояніи его дожидаться, пытались время отъ времени вызвать его и ускорить. Чѣмъ это кончилось, излишне вспоминать. Насколько лучше осуждать самихъ себя, найти причину бѣдствія въ собственной анархіи, во временномъ разстройствѣ польскихъ силъ... Было худо, но есть возможность поправить дѣло, и тогда мы можемъ быть снова уважаемыми, нужными... Мы должны сознаться въ ошибкѣ, чтобы покончить съ нею. Бобржинскій указываетъ нравственные результаты, истекающіе изъ этого сознанія: поляки должны пробудить въ себѣ духъ дисциплины и согласія, уразумѣть послѣдствія „убійственнаго равенства“, научиться цѣнить образованіе, заслугу, талантъ, разоблачить „во всемъ ихъ ужасѣ“ послѣдствія легкомысленныхъ минутныхъ порывовъ...

„Изъ исторіи паденія мы выносимъ наконецъ еще одно, самое важное вѣроятно, поученіе. Поляки пали вслѣдствіе того, что считали себя выше законовъ, управляющихъ человѣчествомъ. Имъ казалось, что имъ однимъ позволено существовать безъ того, чего другіе народы добиваются кровавымъ трудомъ. Будемъ же знать на будущее время, что трудомъ, стойкостью, воодушевленіемъ мы можемъ высоко подняться, но только *въ предѣлахъ естественныхъ условій*, указанныхъ для этого труда, что въ міровомъ строѣ не творились и не будутъ твориться чудеса для насъ однихъ. Будемъ вѣрить въ трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ помнить, что мы ведемъ борьбу за существованіе по одинаковымъ съ другими народами законамъ“ (стр. 314—320).

Читатель, нѣсколько знакомый съ настроеніемъ польскаго общества и литературы, оцѣнитъ эту рѣшимость высказывать историческую правду, столь тяжелую для національнаго чувства; эта рѣшимость составляетъ настоящую литературную и нравственную заслугу. Очевидно, что только на этомъ пути возможно то возрожденіе, къ которому можетъ стремиться польскій патріотизмъ. Разстояніе, отъ

ляющее польскую литературу отъ русской (если считать ту и другую выраженіемъ ихъ обществъ), остается все еще велико, но здѣсь предвидится уже возможность общей почвы, по крайней мѣрѣ въ научномъ изслѣдованіи, и въ этомъ смыслѣ переводъ книги Бобржинскаго является очень вѣстаті. Польская (историческая) литература въ старомъ смыслѣ была бы почти невозможна на русскомъ языкѣ: русская печать здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, по своимъ условіямъ едва ли даже вынесла бы потокъ инкриминацій, какъ съ другой стороны производила бы мало пріятное впечатлѣніе избыткомъ произвольныхъ, даже фантастическихъ положеній, какія намъ вообще довольно чужды и не имѣютъ большого успѣха даже въ примѣненіи къ нашей собственной исторіи. Тѣмъ больше сочувствія можетъ возбудить книга Бобржинскаго, стоящаго на почвѣ реальнаго историческаго изслѣдованія. Весьма понятно, что затѣмъ у автора остается извѣстная доля мнѣній, для насъ спорныхъ, многіе факты съ нашей точки зрѣнія получаютъ другое толкованіе, понятіе „анархіи“ остается недостаточно выясненнымъ, какъ невыяснены и отношенія старой Польши къ „Руси“, южной и западной, — но невозможно требовать, чтобы на этихъ первыхъ порахъ историческаго безпристрастія не сказались также нѣкоторыя привычныя черты національной односторонности. Читатель долженъ еще помнить, что имѣетъ передъ собою польскаго писателя.

Къ удивленію, желаніе г. Карѣва ввести въ русскую литературу книгу Бобржинскаго встрѣтилось не только съ сочувствіемъ людей здравомыслящихъ, но и съ весьма озлобленными нападеніями. По-видимому, желаніе расширить матеріалъ нашей исторической литературы можетъ быть только полезно; элементарное правило требуетъ, что нужно знать и мнѣнія „другой стороны“, для того чтобы собственный выводъ обнялъ всѣ части вопроса; на дѣлѣ, извѣстному разряду нашихъ публицистовъ трудъ переводчика показался покусеніемъ на спокойствіе нашего западнаго края. Нѣкто А. К., по выходѣ перваго тома „Исторіи Польши“, помѣстилъ въ газетѣ „Правда“ нѣсколько статей, собранныхъ потомъ въ особую книжку („Нѣсколько замѣчаній на книгу проф. М. Бобржинскаго „Очеркъ исторіи Польши“, въ переводѣ подъ редакціей профессора Н. И. Карѣва. Спб., 1888) и которыя потомъ еще развиты и дополнены были въ той же газетѣ покойнымъ профессоромъ М. Кояловичемъ. Переводчикъ Бобржинскаго подвергся здѣсь обвиненію въ томъ, что „подкапываетъ бревно подъ ноги русскихъ работниковъ на нашей западной окраинѣ“. „Бревно“ заключалось въ томъ, что у Бобржинскаго излагается обычное польское представленіе о западно-русскомъ краѣ и другія польскія историческія мнѣнія, которыя вредно

допускать на нашей западной окраинѣ: переводчикъ, по мнѣнію критиковъ, долженъ былъ тотчасъ сопроводить подобныя мнѣнія польскаго историка своими опроверженіями. По справкѣ оказалось, что г. Карѣвъ говорилъ о книгѣ Бобржинскаго еще задолго до ея перевода и между прочимъ указывалъ ошибочность его взгляда на западную Русь; печатая переводъ, онъ говорилъ (въ предисловіи къ первому тому), что не считалъ себя въ правѣ (и дѣйствительно не имѣлъ на это права) измѣнять что-либо въ словахъ автора даже въ томъ случаѣ, когда находилъ что-либо ошибочнымъ, и не признавалъ нужнымъ дѣлать своихъ примѣчаній, такъ какъ послѣднее было бы дѣломъ русской научной критики, а его собственный взглядъ былъ уже имъ высказанъ. Отсутствіе этихъ примѣчаній и было сочтено его великимъ преступленіемъ, но переводчикъ былъ, безъ сомнѣнія, правъ: „примѣчанія“, которыхъ отъ него требовали, еслибы ихъ составлять со всей полнотой, потребовали бы цѣлой большой работы, а къ этому переводчикъ вообще вовсе не обязанъ; свое критическое отношеніе къ труду Бобржинскаго переводчикъ заявилъ, указавъ свои статьи объ этой книгѣ. Кажется, этого было достаточно для тѣхъ, кто нуждался въ указаніяхъ на характеръ сочиненія польскаго историка, и переводчику, вѣроятно, не приходила въ голову мысль, что работники на нашей западной окраинѣ столь мало сообразительны, какъ представляли ихъ А. К. и М. Кояловичъ. Наконецъ, возражатели не подумали, что въ западномъ краѣ польскія книги могутъ читаться и въ подлинникѣ.

— *Вл. Штейнъ*. Графъ Джакомо Леопарди (1798—1837) и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891.

Г. Штейнъ выступилъ нѣсколько лѣтъ назадъ съ біографіей Шопенгауэра; теперь мы имѣемъ отъ него біографію другого знаменитаго пессимиста, итальянскаго поэта и мыслителя Леопарди. Изложеніе основано какъ на изученіи самого Леопарди, такъ и на существующей о немъ литературѣ, въ которой авторъ не пропустилъ и новѣйшихъ изысканій.

Изученіе пессимистовъ даетъ обыкновенно поводъ думать, что ихъ мрачныя теоріи бываютъ въ большей или меньшей степени, или, пожалуй, иногда вполне, результатомъ лично несчастливой жизни. Подобное замѣчаніе дѣлалось не однажды и относительно Леопарди: біографія котораго дѣйствительно рассказываетъ жизнь тяжелую печальную—человѣка съ юности болѣзненнаго, не имѣвшаго физической (а можетъ быть, и нравственной?) энергіи устроить свою внѣ

нюю жизнь; одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ Леопарди прямо называетъ его „патологическимъ субъектомъ“, — но г. Штейнъ не принимаетъ этого объясненія. Его собственная критика Леопарди является выводомъ изъ пересмотра мнѣній, высказанныхъ о Леопарди его историками и иными авторитетными писателями. Эти мнѣнія были очень разнообразны. По отзывамъ итальянскихъ критиковъ и друзей Леопарди, это—„величайшій писатель по философіи“, высказывавшій мысли чрезвычайно возвышенныя, „почти сверхъ-человѣческія“; эти отзывы можно было бы приписать чрезмѣрному національному пристрастію, замѣчаетъ г. Штейнъ, еслибы они не подтверждались приговоромъ Шопенгауэра, далеко не щедрого на похвалы; но другіе (и между прочимъ также итальянцы, какъ Джоберти, де-Санктисъ) отказываютъ Леопарди въ высшихъ достоинствахъ философскаго ума, находятъ въ его теоріяхъ отсутствіе систематической цѣльности и пессимизмъ объясняютъ прямо личной бѣдственностью жизни и озлобленіемъ. Нашъ авторъ, не настаивая на полной объективности воззрѣній Леопарди, дѣлаетъ слѣдующія соображенія:

„За предѣлами точныхъ наукъ едва ли существуетъ непреложная истина, и въ области *humaniora* индивидуальныя свойства кровообращенія и нервной системы вліяютъ—чаще, чѣмъ принято думать—рѣшающимъ образомъ даже на объективныя, казалось бы, діалектическія построенія интеллекта. Если такова вообще роковая особенность человѣческой организаціи, то странно предъявлять требованіе объективности къ разрѣшенію столь по существу субъективной проблемы, каковъ вопросъ о цѣнности бытія. Будь изслѣдователь нейтраленъ, будь онъ лично поставленъ въ наиблагопріятнѣйшую обстановку, одинаково далекою отъ испорченности баловня фортуны съ пеленокъ и отъ озлобленности неудачника, поматаго жизнью; будь онъ, наконецъ, насквозь проникнутъ убѣжденіемъ, что вопросъ о міровой бѣдственности или счастья разрѣшается, лишь опираясь на обстоятельныя психологическія и статистическія „документы“, но за всѣмъ тѣмъ въ самой своей физической и психической комплекціи обрѣтетъ онъ мотивы, на основаніи которыхъ голосъ его станетъ въ защиту эвдемонизма, или противъ него, просто въ зависимости отъ *наклонности даннаго темперамента* къ радостному или мрачному окрашиванію фактовъ дѣйствительности. Уже при простомъ опредѣленіи количественнаго отношенія между доступными человѣку радостями и бѣдствами, изслѣдователю придется призывать на помощь собственный опытъ и онъ проявитъ незаурядную объективность, если свой частный случай не поставитъ единственнымъ мѣриломъ дальнѣйшихъ обобщеній; обезличеніе же изслѣдованія станетъ прямою невозможностью“... „Столь же могущественное воздѣйствіе на сло-

женіе тѣхъ или иныхъ литературныхъ и философскихъ воззрѣній въ индивидуальности изслѣдователя оказываютъ климатическія и національныя особенности, историческія и соціальныя обстоятельства, способствуя развитію эйколіи или дисколіи, такъ что, пожалуй, можно усомниться въ самомъ существованіи объективной философіи вообще и утверждать, что свобода воли находитъ себѣ выраженіе лишь въ томъ, насколько изслѣдователь *правдивъ* въ изложеніи своихъ субъективно-окрашенныхъ представлений* (стр. 281—284). Но о субъективности пессимизма Леопарди говорилось не въ этомъ широкомъ смыслѣ, а именно въ болѣе тѣсномъ, когда рѣчь идетъ не о нормальномъ свойствѣ темпераментовъ, а прямо о болѣзненномъ состояніи тѣла, а за нимъ и духа.

Біографъ защищаетъ Леопарди также отъ упрековъ въ недостаткѣ систематичности въ изложеніи его теорій; г. Штейнъ находитъ, что это не вредитъ внутренней связности его ученія и является только литературнымъ приѣмомъ, и т. д. Наконецъ, онъ указываетъ и ближайшее отношеніе Леопарди къ его современности. „Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ интересующему насъ частному вопросу, вспомнимъ тотъ знаменательный фактъ, что въ наступившую, вслѣдъ за освободительными вліяніями конца XVIII-го вѣка, реставраціонную эпоху черезъ область литературы и философіи въ культурныхъ странахъ красною нитью протягиваются міровая скорбь и пессимизмъ. Это субъективное, но присущее лучшимъ представителямъ эпохи, направленіе, едва ли не наиболѣе приближаясь къ истинѣ, слѣдуетъ разсматривать какъ продуктъ недовольства тяжелыми условіями даннаго соціального строя, и, конечно, пессимизмъ Леопарди, вѣтъ зависимости отъ обстоятельствъ частной его жизни и несмотря на кажущееся его равнодушіе къ судьбамъ Италіи, имѣлъ полную *raison d'être*, ибо, помимо воли писателя, былъ обусловленъ тѣмъ недочетомъ, который въ каждомъ истомъ сынѣ Италіи возбуждала тяжелая пора, переживаемая отчизною (мнѣніе, имѣющее за себя авторитетъ Дюринга“ (стр. 285—286).

Мы считаемъ подобные біографическіе труды весьма полезными для общей суммы нашей литературы. Европейскія литературныя и общественныя явленія такъ сильно отражались у насъ, что намъ, быть можетъ, въ особенности необходимо путемъ историческаго изученія, сколько возможно самостоятельнаго, приобрѣсти сознательное представленіе объ этихъ явленіяхъ европейской исторіи. Чѣмъ сама стоятельнѣе работа и чѣмъ больше она овладѣваетъ своимъ матеріаломъ, тѣмъ, конечно, плодотворнѣе могутъ быть ея результаты. Леопарди довольно извѣстенъ у насъ по переводамъ его стихотвореній но мало извѣстенъ какъ пессимистическій философъ (только недав

напечатано было нѣсколько діалоговъ изъ его *Operette morali*), и болѣе обстоятельное знакомство съ его жизнью и сочиненіями было не излишне. Авторъ старался сколько возможно воспользоваться новѣйшими трудами о Леопарди, далъ довольно подробную его біографію, но, быть можетъ, недостаточно остановился на его произведеніяхъ: читателю остается нѣсколько неяснымъ источникъ той великой славы, какою пользуется Леопарди у своихъ соотечественниковъ и въ западныхъ европейскихъ литературахъ. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Штейна послужить съ пользою для читателя, который хотѣлъ бы познакомиться съ жизнью знаменитаго итальянца. Въ изложеніи есть недостатки стиля, которыхъ лучше было избѣгать: языкъ (напр., начиная даже съ первой фразы) безъ надобности тяжелъ; авторъ любитъ иностранныя слова, безъ которыхъ можно было бы обходиться („темпоризировать“, „эйколія“, „дисколія“, „иллюзорность“ и т. п.), употребляетъ грубыя или не совсѣмъ умѣстныя выраженія (напр.: „Леопарди *наткнулся* на опытнаго руководителя“, вмѣсто: встрѣтилъ; „упереть“ вмѣсто: настаивать; „руководженіе дѣлами“ вмѣсто: руководство; „вдосталь“ вмѣсто: достаточно и т. п. Собственные имена передаются не совсѣмъ точно; напримѣръ, знаменитый кардиналъ Анджело Май называется постоянно „Май“, Джинно Капони называется Джини; переводы не всегда точны, напр. слово „birbante“ переводится разбойникъ, и т. д. Въ заглавіи и въ текстѣ безъ надобности слово *infelicità* оставлено непереведеннымъ.

— С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“, какъ историческій источникъ. Спб. 1891.

Книга г. Середонина—еще новый примѣръ того стремленія работать надъ деталями, какое отличаетъ нашу новѣйшую историографію. Цѣлый большой, плотно напечатанный томъ посвященъ одному разбору извѣстнаго сочиненія Флетчера о Россіи XVI-го вѣка,—впрочемъ, не совсѣмъ извѣстнаго, потому что старый переводъ его, сдѣланный Калачовымъ и появившійся—было въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей“ 1848 г. былъ запрещенъ вмѣстѣ съ самими „Чтеніями“ и съ тѣхъ поръ повторенъ не былъ. Приступая къ изученію нашего XVI вѣка, и именно второй его половины, какъ одной изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ русской исторіи, г. Середонинъ нашелъ, что послѣ того, чтò было до сихъ поръ собрано и издано по этой эпохѣ, трудно ожидать въ будущемъ новыхъ документовъ, и потому дальнѣйшее изученіе ея представляется возможнымъ или „въ подробной переработкѣ отдельныхъ вопросовъ,

хотя бы казавшихся мелкими на первый взглядъ, или въ критической разработкѣ главныхъ источниковъ, въ тщательной проверкѣ извѣстій, которыми пользовались многіе“. Авторъ и избралъ последнее. Любопытно, что ему совсѣмъ не приходитъ мысль о другой, не исключительно детальной, работѣ надъ избранной эпохой. Съ этимъ можно было бы согласиться, еслибы дѣло шло именно о работѣ начинающаго ученаго (какъ и есть въ настоящемъ случаѣ, потому что сочиненіе г. Середонина есть диссертация); но авторъ и вообще какъ будто думаетъ, что историкъ нечего больше и дѣлать, какъ изучать источники и изслѣдовать частные вопросы. Его выборъ остановился на Флетчерѣ.

„Иностранныя сочиненія о Россіи, — говоритъ авторъ, — вообще занимаютъ не особенно высокое мѣсто среди источниковъ науки“. положеніе слишкомъ голословное, которое самъ авторъ очень измѣняетъ въ слѣдующихъ же строкахъ. Оказывается, что между этими иностранными писателями Флетчеръ занимаетъ „почетное мѣсто“, что авторъ не можетъ „припомнить ни одного самостоятельнаго научнаго труда по русской исторіи XVI вѣка, въ которомъ не встрѣчались бы ссылки на его сочиненіе“. Вѣроятно, авторъ не припомнитъ также ни одного серьезнаго труда по русской исторіи XVI и XVII вѣка, который обшелся безъ ссылокъ на Герберштейна, Оларию, Майерберга и на цѣлый рядъ другихъ иностранцевъ, показанія которыхъ долго оставались единственными свидѣтельствами о различныхъ сторонахъ и событіяхъ той эпохи, пока не были широко затронуты наши архивные источники, а иногда остаются и до сихъ поръ. Значеніе этого историческаго матеріала дѣйствительно нѣсколько ограничилось только въ последнее время, но и до сихъ поръ называть его маловажнымъ нельзя, между прочимъ, и потому, что онъ представляетъ свидѣтельство со стороны и рисуется тогдашнее международное положеніе Россіи. Немаловажно и то обстоятельство, что именно только сочиненія иностранныхъ путешественниковъ дали опыты цѣльнаго описанія старой Россіи, какихъ не оставила собственная русская литература того времени.

Проверить свидѣтельства Флетчера извѣстными теперь домашними и болѣе подробными свѣдѣніями было, конечно, необходимо для болѣе точнаго опредѣленія историческихъ источниковъ, хотя, быть можетъ, это проще было бы сдѣлать въ менѣе обширномъ объемѣ: въ концѣ концовъ это — работа частной критики, которая обращается только къ специалистамъ, и многое, о чемъ авторъ говоритъ весьма подробно, можно было бы только указать, какъ извѣстное этимъ специалистамъ. Извѣстія Флетчера авторъ дѣлитъ по ихъ качеству на три категоріи: однѣ, имѣющія очень малую цѣну или вовсе никакой цѣны для рус-

ской науки и о которыхъ авторъ только упомянулъ, не входя о нихъ въ подробности; другія, интересныя сами по себѣ, но имѣющія только второстепенное значеніе въ вопросахъ, къ которымъ относятся; наконецъ, третьи, которыя служатъ главными источниками для рѣшенія затронутыхъ ими вопросовъ. Эти извѣстія второй и особливо третьей категоріи и составили предметъ изслѣдованій г. Середонина: онъ сличаетъ показанія англійскаго писателя съ тѣмъ, что извѣстно о предметѣ изъ другихъ источниковъ, и этимъ путемъ опредѣляетъ историческую достовѣрность или ошибочность его свѣдѣній. Послѣ общаго введенія, заключающаго обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи второй половины XVI вѣка, авторъ распредѣляетъ обзоръ сочиненія Флетчера на слѣдующія рубрики. Въ первой главѣ разбираются историческія и географическія показанія Флетчера. Во второй—извѣстія о населеніи, внѣшнемъ бытѣ, нравственныхъ и умственныхъ силахъ народа, бытѣ социальномъ и экономическомъ. Въ третьей—о власти, объ отношеніяхъ государя къ подданнымъ, о боярской думѣ, о думномъ соборѣ, о роли духовенства на соборахъ. Въ четвертой—объ управленіи, о самоуправленіи и опричиннѣ, о намѣстникахъ и воеводахъ, объ управленіи столицей, о пограничныхъ областяхъ; далѣе объ управленіи церковномъ, судопроизводствѣ, управленіи финансовомъ и военномъ.

Изъ общихъ выводовъ автора приведемъ слѣдующее замѣчаніе. „Флетчеръ, какъ и очень многіе другіе, не разглядѣлъ характера русскаго народа, *не предугадалъ* его будущей роли въ дѣлахъ Европы. Онъ посмотрѣлъ на русскихъ, какъ на народъ, самую судьбою обреченный на низшія роли. Ему жалко было, до извѣстной степени, населеніе, отъ котораго такъ много требовало правительство; онъ желалъ бы, чтобы это населеніе, не лишенное умственныхъ способностей, благоденствовало, чтобы оно постепенно становилось европейскимъ, перенимая все, даже вѣроученіе, отъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ; пусть правительство русское сбавитъ налоги; русскимъ не для чего вести войны съ западными сосѣдями,—тамъ всѣ мѣста уже заняты; пусть русскіе остаются въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ ихъ застали англичане, или воюютъ съ татарами на востокѣ и юго-востокѣ, рачищая безопасный путь въ Персію, Китай и Бухару англичанамъ. Если же вмѣсто этого русскіе ведутъ постоянныя войны съ Польшей и Швеціей,—это, полагалъ Флетчеръ, происходитъ отъ алчности правителей, желающихъ захватить какъ можно болѣе земель подъ свою власть; если они не даютъ монополіи англійскимъ купцамъ, если не позволяютъ имъ вести по всему государству безошпинную розничную торговлю, это, по убѣжденію Флетчера, оттого, что боятся знакомства русскаго народа съ европейцами, боятся, что онъ выйдетъ изъ обыч-

наго своего послушанія власти; если не только не подчиняются требованіямъ и условіямъ англійскимъ, а англичанъ самихъ заставляютъ исполнять и уважать обычаи московской жизни,—это несомнѣнный, въ глазахъ Флетчера, признакъ крайняго самонѣнія и невѣжества народа и его правителей. Такъ понималъ русское общество Флетчеръ, и такое пониманіе—наиболѣе серьезная причина его заблужденій“ (стр. 373—374). Авторъ не желаетъ, впрочемъ, строго осуждать Флетчера за эти заблужденія. Трудно оцѣнить дѣятеля, впервые выступающаго на аренѣ, по его первымъ шагамъ, и появленіе русскаго народа на исторической сценѣ встрѣчено было западною Европою враждебно; но люди болѣе проникательные понимали, что Россія можетъ стать большою политическою силою и старались воспользоваться ею для своихъ цѣлей и т. д. Такъ разсуждаетъ авторъ,—но послѣднее и не бываетъ никогда иначе въ политическихъ отношеніяхъ государствъ, а съ другой стороны и заблужденіе Флетчера по своему времени было вовсе не такъ велико. Угадывать въ концѣ XVI-го вѣка будущее могущество Россіи, которое, собственно говоря, стало сказываться только въ XVIII, это похоже на то, какъ еслибы нашего автора обязали предсказать положеніе Россіи въ XXI столѣтіи. Что Флетчеръ не угадалъ за два или полтора столѣтія впередъ, это не удивительно, но онъ не такъ ошибался, какъ утверждаетъ нашъ историкъ. За исключеніемъ частныхъ ошибокъ, совершенно понятныхъ у человѣка, не надолго заѣхавшаго въ чужую страну, въ общихъ замѣчаніяхъ Флетчера о характерѣ страны и народа многое было весьма вѣрно, частью даже и до сихъ поръ. Сличая показанія Флетчера съ другими данными о той эпохѣ, нашъ авторъ бываетъ обыкновенно очень требователенъ къ старому путешественнику и иногда находитъ ошибки тамъ, гдѣ ихъ собственно не было. Такъ въ главѣ II авторъ подвергаетъ нѣкоторому сомнѣнію отзывы иностранцевъ, и въ числѣ ихъ Флетчера, о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ русскаго народа. Оказывается, что въ этомъ случаѣ отзывы иностранцевъ подтверждаются и многими домашними свидѣтельствами. „Тьмѣ не мѣняе,—говоритъ авторъ,—на основаніи этихъ, хотя бы и согласныхъ показаній, еще нельзя безусловно осуждать людей того времени. Мы должны прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ: эти люди конца XVI-го в. сравнительно съ предками своими ушли ли дальше назадъ, или, можетъ быть, несмотря на всѣ свои недостатки, они нѣсколько хоть въ немногомъ подвинулись впередъ? Можетъ быть, прогрессъ въ одномъ, болѣе важномъ, сопровождался пониженіемъ въ чемъ-ли другомъ, второстепенномъ. Иностранная показанія въ этомъ случаѣ не могутъ имѣть рѣшающаго рѣшенія. Иностранцы не знали, ч такое были русскіе до нихъ; они сравнивали только чужое съ свои

и, конечно, въ чужомъ глазу видѣли очень много сучковъ и, замѣчая презрительное къ себѣ отношеніе русскаго народа, платили ему тою же монетою“ (стр. 161). А какъ быть съ тѣми *русскими* показаніями, которыя, по словамъ самого автора, оказывались согласными съ разсказами иностранцевъ?

Въ противоположность этимъ неблагопріятнымъ свидѣтельствамъ авторъ приводитъ другія, которыя говорятъ о хорошихъ качествахъ русскаго народа, напримѣръ, о вѣрности русскихъ къ своему государю (что замѣчали сами иностранцы) и разныхъ другихъ хорошихъ свойствахъ русскихъ людей, на которыя есть указанія и въ разсказахъ иностранцевъ, и въ домашнихъ документахъ,—но опроверженія такого рода довольно безплодны всегда и вездѣ: въ эпохи самой крайней испорченности бывали люди правдивые и добродѣтельные и существованіе ихъ въ нашемъ XVI вѣкѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ народныхъ нравахъ, безъ сомнѣнія, хранилось еще много патріархальнаго добродушія, примѣры котораго можно встрѣчать и до сихъ поръ,—но рѣчь идетъ не о томъ. Иностранцы, какъ и русскіе современники, писавшіе согласно съ ними, указывали именно на то, что бросалось въ глаза, что заявляло себя отерито, не встрѣчая осужденія, и факты этого рода безъ сомнѣнія остаются характерными.

Что отзывы Флетчера о боязни знакомства русскихъ съ европейцами, о великомъ сомнѣніи и невѣжествѣ ихъ и т. п., происходили изъ мелкихъ меркантильныхъ соображеній, это опять невѣрно, такъ какъ таково же было общее впечатлѣніе европейскихъ наблюдателей, —и весьма подтверждается фактами.

Далѣе, „Флетчеръ, какъ и нѣкоторые другіе иностранцы, говорить, что русскіе были до того горды, что уже не хотѣли ничего заимствовать отъ своихъ сосѣдей, да къ тому же правительство и не позволяло имъ учиться у западныхъ сосѣдей“ (стр. 168). Авторъ возражаетъ, что въ продолженіе XVI-го вѣка, напротивъ, „иностранное вліяніе довольно сильно проникаетъ въ Москву“; что, по разсказу Горсея, въ Москвѣ большое впечатлѣніе произвели его подарки, особенно часы и органъ; что русскіе завели уже книгопечатаніе, отливали пушки, дѣлали пищажи; иностранцы говорятъ даже о пристрастіи русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; „слѣдовательно,—замѣчаетъ авторъ,—несправедливо увѣреніе Флетчера, что русскіе не хотятъ ничему учиться у своихъ сосѣдей; напротивъ, западное вліяніе довольно сильно стало проникать въ московское государство со времени Іоанна Грознаго, и само русское общество легко поддавалось этому вліянію, способно было воспринимать не только его внѣшнюю, но и внутреннюю сторону“ и т. д. (стр. 169). Авторъ старается провергнуть эти и подобныя указанія иностранныхъ писателей и

въ числѣ ихъ Флетчера, но фактъ тѣмъ не менѣе остается. Русскіе перенимали у иностранцевъ все-таки очень немногое: книгопечатаніе было, правда, введено въ Москвѣ, но только черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ оно было уже распространено въ Европѣ, и притомъ не только въ XVI, но и въ теченіе всего XVII-го вѣка наше книгопечатаніе дѣйствовало только въ одномъ чисто-церковномъ направленіи, печатались только книги церковныя и учительныя; до Петра книги свѣтскаго содержанія извѣстны наперечетъ; книгопечатаніе составляло правительственную и церковную монополію и не имѣло ни въ малѣйшей степени того широкаго общественнаго и литературнаго дѣйствія, съ какимъ въ западной Европѣ оно является еще съ XV-го вѣка. Что русскіе дивились иностраннымъ вещамъ въ родѣ часовъ и органа, какъ самъ царь Борисъ дивился подаркамъ Горсея, это можетъ свидѣтельствовать развѣ только о самой элементарной степени „иностраннаго вліянія“.

Въ замѣчаніяхъ нашего автора есть, конечно, и замѣчанія вѣрныя. Иностраннымъ наблюдателямъ русской жизни бросалась въ глаза виѣшность и не всегда была понятна ея внутренняя логика; такъ ведется и до сихъ поръ, когда иностранецъ наблюдаетъ чужую жизнь, и естественно было, что это повторилось у иноземцевъ, описывавшихъ русскую жизнь XVI—XVII-го вѣка, въ которой было столько несходнаго съ жизнью европейской. При этомъ не трудно замѣтить въ ихъ разсказѣ ошибки и недосмотры, но позднѣйшій историкъ не долженъ торопиться съ своимъ осужденіемъ, и изъ-за этихъ недосмотровъ и ошибокъ распространять свое недовѣріе на цѣлые труды давнихъ писателей. Можетъ случиться, что при болѣе осмотрительной критикѣ сужденіе стараго писателя окажется серьезнѣе, чѣмъ его опроверженіе у новѣйшаго историка. Опасаемся, не случилось ли этого въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и съ нашимъ авторомъ, трудъ котораго обладаетъ впрочемъ и своими безспорными достоинствами.—А. В.

—Г. Е. Аванасьева. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса, 1892. Стр. 518. Ц. 3 р.

Заглавіе книги проф. Аванасьева не даетъ точнаго понятія объ ея содержаніи: это рядъ интересныхъ этюдовъ объ администраціи экономической политикѣ старой французской монархіи не задолго до ея паденія, а не только простое изслѣдованіе о такомъ спеціально предметѣ, какъ хлѣбная торговля. Матеріалы, собранные авторомъ касаются главнымъ образомъ правительственныхъ мѣръ и регламентовъ относительно обезпеченія продовольствія населенія; заботы

хлѣбъ выражались прежде всего въ многочисленныхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ хлѣбной торговли, такъ что послѣдняя часто дѣлалась совершенно невозможною. Земледѣльцы и торговцы подвергались строгимъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ за продажу или покупку хлѣба не въ назначенномъ мѣстѣ, или въ количествѣ, превышающемъ установленную норму, или по цѣнамъ черезъ-чуръ высокимъ; преступленіемъ считалось покупать хлѣбъ на рынкѣ, не торгуясь, ибо готовность платить всякую заявленную цѣну могла возбудить мысль о предстоящемъ вздорожаніи и голодѣ, слѣдствіемъ чего могла быть паника и т. п. Въ книгѣ сообщается масса любопытныхъ фактовъ и анекдотовъ, характеризующихъ всеобщую боязнь неправильнаго распредѣленія хлѣба въ странѣ и постоянный страхъ голода въ той или другой мѣстности, даже въ урожайные годы; всѣ были убѣждены, что только строгія мѣры правительства могутъ предупредить захватъ хлѣбныхъ запасовъ торговцами для вывоза за границу или для созданія искусственной нужды съ цѣлью непомѣрнаго повышенія цѣнъ. Хлѣботорговцы и даже сами производители хлѣба разсматривались какъ враги народа, руководимые лишь жаждою наживы; съ ними велась постоянная и энергическая борьба въ законодательныхъ актахъ и административныхъ распоряженіяхъ того времени. Люди не могли себѣ представить, чтобы городскіе рынки и базары снабжались хлѣбомъ безъ заботливой правительственной опеки, безъ приказовъ и угрозъ мѣстныхъ властей; свободная частная торговля, по общему мнѣнію, оставила бы жителей безъ хлѣба. Это убѣжденіе вызывало сложную и обширную дѣятельность администраціи; правительственныя функціи чрезвычайно расширялись, создавая почву для массы злоупотребленій, а въ народѣ еще болѣе усиливалось недовольство при всякой неудачѣ принятыхъ мѣръ, при всякомъ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ.

Исторія разнообразныхъ и запутанныхъ порядковъ, дѣйствовавшихъ въ этой области во Франціи въ прошломъ вѣкѣ, разсказана авторомъ съ большими подробностями, на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Можно даже сказать, что отдѣльныя фактическія подробности, незначительныя сами по себѣ, разработаны съ слишкомъ большою точностью и что обиліе ненужныхъ деталей затемняетъ смыслъ и цѣль всего изслѣдованія. Этимъ недостаткомъ особенно страдаетъ первая часть книги, гдѣ приводятся и разбираются подробнѣйшія свѣденія объ организаціи рынковъ, о базарныхъ регламентахъ и корпораціяхъ, о рыночныхъ пошлинахъ, объ условіяхъ продажи и покупки хлѣба. Изъ дальнѣйшихъ главъ наиболѣе интересны двѣ — о литературномъ движеніи по вопросу о хлѣбной торговлѣ (гл. XII) и знаменитомъ „обществѣ голодовки“ (гл. XIV, *pacte de famine*).

Ходъ продовольственныхъ мѣръ почти совпадаетъ уже съ общемою исторіею всей внутренней политики тогдашней Франціи; автору приходится затѣмъ говорить обстоятельно о министерствѣ Тюрго и его реформахъ, о министерствахъ Неккера и де-Калонна, о рѣшеніяхъ національнаго собранія, о дѣйствіяхъ короля и его совѣтниковъ. Неровное и иногда тяжелое изложеніе отчасти мѣшаетъ читателю оцѣнить достоинства этого труда, тѣмъ болѣе, что мысль автора слишкомъ часто теряется въ массѣ мелкихъ фактовъ, цифръ и именъ.

Въ предисловіи проф. Аванасьевъ объясняетъ, что заняться изученіемъ вопроса о французской хлѣбной торговлѣ прошлаго вѣка побудили его два обстоятельства: во-первыхъ, связь этого предмета съ исторіею министерской дѣятельности Тюрго (послужившей предметомъ особой диссертациі автора, о которой мы упоминали въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы“), и во-вторыхъ, „то значеніе, какое хлѣбо-торговая политика играла въ исторіи хозяйственной и отчасти политической жизни Франціи“. Къ этому—говоритъ авторъ далѣе—„присоединяется еще и интересъ, который вызывали во мнѣ стародавнія сношенія Франціи по хлѣбной части съ землями, которыя потомъ вошли въ составъ Россіи. Еще до открытія свободнаго судоходства по Черному морю, Босфору и Дарданелламъ, сѣверные берега Чернаго моря находились уже въ связи съ Марселемъ по доставкѣ хлѣба во Францію, Испанію, а отчасти и Италію. Раньше, чѣмъ появилась Одесса, видную роль въ отпускѣ хлѣба играли Гозлевъ (Gozleu, или Guezleuve, или Guezlevé, теперешняя Евпаторія, извѣстная и теперь въ народѣ подъ именемъ Козлова), Аккерманъ и Очаковъ“ и т. д. Къ сожалѣнію, объ этой сторонѣ предмета не находится въ книгѣ никакихъ свѣдѣній. „Я началъ—прибавляетъ г. Аванасьевъ—часть работы, касающейся хлѣбо-торговыхъ сношеній Марсели съ востокомъ вообще и Чернымъ моремъ въ частности; я собралъ нѣкоторый матеріалъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, но я не успѣлъ кончить этой работы въ этомъ архивѣ“ (стр. X). Конечно, авторъ могъ посвятить меньше труда на изученіе рыночныхъ пошлинъ, хлѣбныхъ мѣръ и другихъ деталей, не представляющихъ абсолютно никакого интереса для русской публики, и удѣлить свое вниманіе болѣе значительнымъ вопросамъ, въ родѣ указанныхъ въ предисловіи; но каждый изслѣдователь выбираетъ предметъ, который ему болѣе нравится, или на который онъ попалъ случайно, причемъ можетъ не имѣть въ виду никакой опредѣленной научной идеи. Нельзя отрицать, что многія спеціальныя диссертациі по историческимъ и общественнымъ наукамъ имѣютъ этотъ характеръ случайности и безцѣльности, по выбору темъ. Ученые дѣятели не имѣютъ однако надобности оправдывать выборъ того или другого предмета

для своихъ работъ, ибо лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Проф. Аванасевъ, въ главѣ объ „обществѣ голодовки“, даетъ также понять, что онъ заинтересовался этою любопытною исторіею не просто потому, что она любопытна, а по высшимъ научнымъ соображеніямъ. „Съ точки зрѣнія связи легенды съ общественными настроеніями и отраженія послѣднихъ въ самой наукѣ,—говоритъ онъ,—мы придаемъ вопросу о *расте de famine* значеніе, выходящее за предѣлы интересовъ мѣстной исторіи Франціи“ (стр. 250—1). И тутъ же онъ вынужденъ прибавить: „Признаемся, однако, что наша работа не коснулась изслѣдованія связи между легендой въ литературѣ и наукѣ и упомянутыми нами общественными настроеніями“. Точь-въ-точь какъ и въ вопросѣ о сношеніяхъ Франціи съ востокомъ и Россіею по хлѣбной торговлѣ. Трудно предположить, что автора въ самомъ дѣлѣ наиболѣе интересовали именно тѣ стороны предмета, которыя оставлены имъ безъ разсмотрѣнія.—Л. С.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Ардовъ, Е. И.—Руфина Каздоева. Ром. въ 5 ч. Спб. 92. Стр. 634. Ц. 3 р.
Барро, М.—Забытое („Мечты и Звуки“, Н. А. Некрасова). Критическій очеркъ. Спб. 92. Стр. 24. Ц. 40 к.

Бертемонъ, Л.—Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. Спб. 92. Стр. 52.

Блуменбахъ, Евг.—Общественная подать и освобожденные отъ нея лица по практикѣ рижскаго податного управленія. Рига. 92. Стр. 68.

Бреаль, М.—Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскій. М. 92. Стр. 99. Ц. 75 к.

Бѣлинская Лента, съ двумя фототипіями: Изъ переписки Бѣлинскаго; воспоминанія А. В. Орловой; письма Боткина (В. П.), Тургенева и пр. Складъ изданія въ конторѣ „Русск. Вѣдом.“. Сборъ въ пользу голодающихъ. М. 92. Стр. 37. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Бѣрнстерна-Бѣрнсонъ.—Перчатка, др. въ 3 д. Перев. съ датск. П. Г. Ганзенъ. Спб. 92. Стр. 93. Ц. 30 к.

Владиміровъ, проф. Л. Е.—Законъ зла. Лекція. Харьк. 92. Стр. 24. Ц. 20 к.

Ганъ, И. К.—Толкователь газетъ и журналовъ. Справочная книга для читателей періодическихъ изданій. Вильна, 92. Стр. 66. Ц. 25 к.

Головинъ, К.—Соціализмъ, какъ положительное ученіе. Спб. 92. Стр. 246. Ц. 1 р. 60 к.

Граевъ, Л. Г.—Стихотворенія. Съ предисловіемъ П. Е. Астафьева, прив. Моск. унив. М. 92. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

Дьяковъ, В. Н.—Отчетъ по опытному полю Полтавскаго сельско-хозяиственнаго общества. Полт. 92. Стр. 56.

Ильинъ, А.—Учебный географическій Атласъ. 30 таблицъ. Спб. 92. Ц. 1 р. 1 коп.

- Карышевъ*.—Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II: Крестьянскія вѣннадѣльныя аренды. Дерптъ. 92. Стр. 402, съ прилож. Ц. 3 р.
- Костычевъ*, П.—Обработка и удобреніе чернозема. Сборникъ статей. Спб. 92. Стр. 298. Ц. 2 р.
- Крейсбергъ*, Ф.—Учебникъ нѣмецкаго языка. Ч. I. Тифл. 91. Стр. 70.
- Кренке*, В. Д.—О сельскомъ хозяйствѣ. Т. III, вып. 6. 3-е изд. Спб. 92. Стр. 225—566. Ц. 60 к.
- Крестовскій*, В., псевдонимъ.—Собраніе сочиненій, т. II. Спб. 92. Стр. 496.
- Лалаевъ*, М.—Краткій очеркъ образованія и развитія центральнаго управленія военно-учебн. заведеній. 1832—92 гг. Спб. 92. Стр. 36.
- Лендеръ*, Н.—Путники: Босфоръ и Константинополь. Очерки и картинки, съ картою Чернаго моря. Спб. 92. Стр. 244.
- Ливандеръ*, фонъ М.—Передъ закатомъ. Стихотворенія. М. 92. Стр. 180. Ц. 1 р.
- Львовъ*, И. Я.—Новое время—новыя пѣсни. О поворотѣ въ народной поэзіи. Устюгъ. 91. Стр. 39. Ц. 25 к.
- Мамбре*, Камилль.—Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія: Xavier de Maistre, Les prisonniers du Caucase et le Lepreux de la cité d'Aoste. Leipz. 92. Стр. 141. Ц. 65 к.
- Мережковский*, Д.—Символы, пѣсни и поэмы. Спб. 92. Стр. 424. Ц. 1 р. 50 коп.
- Микуличъ*, В.—Мимочка, очеркъ. Спб. 92. Стр. 152. Ц. 1 р.
- Михневичъ*, Вл.—Черные дни. Наблюденія и Замѣтки. Изъ поѣздки по шести губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, въ концѣ 1891 г. Спб. 92. Стр. 290. Ц. 1 р.
- Михневичъ*, Н., генер. штаба полковн.—Значеніе германо-французской войны 1870—71 гг. Ч. I: Стратегія. Спб. 92. Стр. 455, съ прилож. Ц. 3 р.
- Николаевъ*, П.—Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. М. 92. Стр. 298. Ц. 1 р. 50 к.
- Отрадинъ*, В.—Стихотворенія, сюиты и драматическія поэмы. Т. II. Спб. 92. Стр. 562. Ц. 2 р.
- Плотникова*, К.—Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Вып. I, II и III. Спб. 92. Ц. 1 р. 65 к.
- Плещовъ*, М. В.—Труды Тибетской Экспедиціи. 1889—90 гг. Ч. II. Спб. 92. Стр. 167.
- Салиасъ*, гр.—Графъ Тятинъ Балтійскій. Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ. Спб. 92. Стр. 325. Ц. 1 р.
- Сиверсъ*, Е. Е.—Счетовѣденіе и счетоводство. Опытъ научнаго изслѣдованія. Спб. 92. Стр. 69. Ц. 75 к.
- Станчевъ*, П.—Кобурго-Стамбуловскій режимъ. Открытое письмо С. С. Тащеву. Спб. 92.
- Стахтевъ*, Д. И.—Домашній очагъ. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 92. Стр. 296. Ц. 1 р. 25 к.
- Степовичъ*, А.—Главнѣйшія направленія въ новой чешской словесности ихъ смѣна и взаимное отношеніе. Кіевъ, 92. Стр. 17.
- Стверговъ*, Н.—Разказы, очерки и наброски. Спб. 92. Стр. 357. Ц. 1 50 коп.
- Таганцевъ*, Н. С.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями изд. 1885 г. Изд. 7-е, исправл. и дополн. Спб. 92. Стр. 404.

Тарюньскій, В. А.—Страхованіе отъ градобитія. М. 92. Стр. 65. Ц. 25 к.
Чеховъ, Антонъ.—Каштанка, разсказъ. Спб. 92. Стр. 65. Ц. 50 к.
Чуіко, В. В.—Льюисъ. Шопенгауэръ. Гартманъ. Ст. Милль. Г. Спенсеръ,
 и два портрета Льюиса. Приложение къ исторіи философіи Д. Льюиса. Спб. 92.
 Ц. 1 р.

Шёнбергъ, Г.—Ученіе о государственномъ управленіи. Перев. съ нѣм. П.
 Шеймпа. Од. 92. Стр. 104. Ц. 75 к.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Два семейныя свадьбы. Спб. 92. Стр. 16.

Шмитцъ, д-ръ А.—Половая жизнь человѣка въ гигиеническомъ отношеніи
 и гигиеническое воспитаніе ребенка. Перев. съ нѣм. Од. 92. Стр. 76. Ц. 50 к.

Шумиорскій, К. С.—Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Ея
 біографія. Т. I. Спб. 92. Стр. 440. Ц. 5 р.

— Великолуцкое городское общественное управленіе. 1795—1891 г. Состав.
 А. Пульхеровъ. Псковъ. 92.

— Дешевая Библіотека.—№ 218: Эврипидъ, Іонъ, трагедія. Ц. 10 к.
 № 219: Алкестиды, драма, еѳо же. Ц. 10 к.

— Дополненіе къ систематическому сборнику приказовъ по военному вѣ-
 домству и циркуляровъ главнаго штаба, ген.-л. В. Д. Косинскаго (1891 г.).
 Спб. 92. Стр. 258.

— Журналы Комитета министровъ. Царствованіе импер. Александра I.
 1802—26 гг. Т. II. 1810—12 гг. Спб. 91. Стр. 756.

— Изданіе Спб. Комитета грамотности: № 3. Приключенія Робинзона
 Крузе. Составл. А. Н. Яхонтовымъ. Спб. 92. Стр. 136. Ц. 10 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Изд. Товар. А. Гарбель и Ко.
 Вып. 42 (К—Кальдеронъ). М. 92. Ц. 40 к.

— Отчетъ Лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ за 1890—91 гг. Полт.
 91. Стр. 51.

— Отчетъ первой одесской городской бесплатной читальни за 1891 г. Од.
 92. Стр. 9.

— Протоколъ торжественнаго засѣданія Харьковскаго Медицинскаго обще-
 ства: В. А. Франковскій, полулѣтковой юбилей (1840—1890). Харьк. 92. Стр.
 91. Ц. 1 р.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго общества. Т. 82: Дипломати-
 ческія сношенія съ Франціей въ эпоху Наполеона I. П. р. А. Трачевскаго.
 Спб. 92. Стр. 499. Ц. 3 р.

— Сборникъ трудовъ врачей Спб. Маріинской больницы. Д. Б. Вып. 1. Спб.
 92. Стр. 319.

— Сенатскій Архивъ. IV: Журналы и опредѣленія Правит. Сената за іюнь—
 сентябрь 1741 г. Спб. 91. Стр. 715 и 60.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1890 г.
 Новг. 91.

— Труды Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1890 г.
 Арханг. 91. Стр. 108 съ прилож.

— Шестой санитарный сѣздъ земскихъ врачей Спб. губерніи. Вып. 1.
 Положеніе земско-медицинскаго дѣла въ 1888—89 и 1890 гг. Спб. 91. Стр. 133.

— Энциклопедическій Словарь. Т. V, А (Вальтеръ-Венути). Изд. Брок-
 гаузъ и Ефронъ, подъ редакціею К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.
 Спб. 92. Стр. 469—938.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Religion, par G. de Molinari, correspondant de l'Institut, rédacteur en chef du „Journal des économistes“. Paris, 1892. Стр. 260. Ц. 3 фр. 50 сант.

Новое сочиненіе неутомимаго экономиста-философа, Гюстава де-Молинали, находится въ тѣсной связи съ прежними его работами, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость социальной реформы въ духѣ общихъ принциповъ политической экономіи. Въ книгѣ „La morale économique“ онъ проводилъ ту теорію, что свободная конкуренція частныхъ лицъ и обществъ должна быть распространена и на функціи государственной власти, что государство и управленіе составляютъ въ сущности „предпріятія“, къ которымъ полезно было бы примѣнить экономическія, промышленныя начала, и что, напр., обезпеченіе безопасности въ обществѣ могло бы быть предметомъ дѣятельности особыхъ крупныхъ компаній, соперничество которыхъ понижало бы плату за ихъ услуги, подобно существующей практикѣ въ дѣлѣ страхованія. Вѣра въ спасительную силу конкуренціи и свободы не покидаетъ Молинали, несмотря на всѣ разочарованія и испытанія современной промышленной жизни. Авторъ вполне признаетъ великое воспитательное значеніе религіи и ея безусловную необходимость для французскаго народа; но онъ предлагаетъ и въ этой области руководствоваться прежде всего идеями свободы и равноправности. Католическая церковь, по его мнѣнію, должна сама желать отдѣлиться отъ государства въ интересахъ своего нравственного обаянія и авторитета. „Странное дѣло! — говоритъ онъ: — консервативные классы, убѣжденные въ вѣчности религіи и въ необходимомъ цивилизующемъ вліаніи ея, соглашаются повидимому съ противниками и врагами церкви въ томъ, что существованіе ея зависитъ отъ союза съ государствомъ, что она подверглась бы опасности погибнуть или утратить свое значеніе, въ случаѣ разрыва съ свѣтскою властью, при обязанности содержать себя своими собственными средствами. Эти же классы съ явнымъ недовѣріемъ относятся къ допущенію конкуренціи въ дѣлѣ религіи; они продолжаютъ сѣять на привилегіи и особенно на участіе въ бюджетѣ, какъ необходимыя условія поддержанія и процвѣтанія религіозныхъ вѣченій“.

Авторъ дѣлаетъ бѣглый культурно-историческій обзоръ рели

на разных ступенях развитія народовъ и затѣмъ приходитъ къ выводу, что въ настоящее время церковь имѣетъ предъ собою нравственныя и общественныя задачи первостепенной важности. Новѣйшіе успѣхи положительныхъ наукъ, по его словамъ, нисколько не ослабляютъ религіознаго чувства, а напротивъ, возвышаютъ его, даютъ ему болѣе широкую и разумную основу. Религія призвана бороться съ двойнымъ зломъ—несостоятельностью самоуправленія личности и слабостью управленія общественнаго, такъ какъ причины нынѣшняго соціальнаго кризиса имѣютъ прежде всего моральный характеръ. За-одно съ религіею должна дѣйствовать политическая экономія: первая должна будить совѣсть и вооружать душевныя силы для борьбы, а вторая—просвѣщать сознание, указывать цѣли и способы дѣйствій, разъяснять вредъ несправедливыхъ учреждений и обычаевъ, эгоистическихъ страстей и увлеченій. Для личностей, не способныхъ нести на себѣ отвѣтственность свободы, можетъ быть организована добровольная опека (*tutelle libre*), прикованная къ ихъ умственному и нравственному развитію. Относительно общественныхъ и политическихъ дѣлъ политическая экономія должна подводить итоги милитаризма, протекціонизма и системы неограниченнаго государственнаго вмѣшательства (*étatisme*), предлагать реформы для приспособленія политическаго строя къ потребностямъ и состоянію общества и готовить умы къ цѣлесообразному осуществленію этихъ реформъ.

Вслѣдствіе своей официальной связи съ государствомъ, церковь во Франціи, по мнѣнію Молинару, лишена возможности дѣйствовать свободно для распространенія своего нравственнаго вліянія и не имѣетъ даже достаточныхъ мотивовъ для энергическаго исполненія своей миссіи. Такъ какъ патеры получаютъ вознагражденіе отъ государства и составляютъ какъ бы особый разрядъ чиновниковъ, то они не особенно заботятся объ интересахъ религіи. Имѣя обезпеченный минимумъ матеріальныхъ средствъ, духовенство не дѣлаетъ особенныхъ усилій для увеличенія числа вѣрующихъ и для побужденія индифферентныхъ къ правильному соблюденію религіозныхъ обрядовъ; оттого множество людей, религіозныхъ въ душѣ, фактически отпадаетъ отъ церкви и перестаетъ подчиняться ея авторитету. Въ Парижѣ изъ всего числа католиковъ не болѣе ста тысячъ человекъ празднуютъ пасху; на сто браковъ — 25 совершается безъ всякаго участія духовенства, на сто родившихся дѣтей—24 остается безъ крещенія, на сто погребеній—20 чисто гражданскихъ похоронъ. Если бы соблюденіе обрядовъ было признано обязательнымъ, оно выродилось бы въ безплодный формализмъ, ибо нѣтъ самостоятельной, свободной религіозной жизни, нѣтъ живого соперничества равноправ-

ныхъ церковныхъ организацій, нѣтъ стимуловъ для дѣятельной пропаганды. „Недостатки этого режима, превратившаго религію въ отрасль администраціи, сдѣлались очевидными для всѣхъ и вызвали все болѣе возрастающее движеніе въ пользу отдѣленія церкви отъ государства. Естественнымъ послѣдствіемъ этого отдѣленія было бы право духовенства устроиться свободно въ видѣ одной или нѣсколькихъ ассоціацій, управлять своими дѣлами по своему усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства государства, приобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества и распоряжаться ими безъ всякихъ ограниченій, взимать извѣстные сборы и назначать плату за свои услуги по соглашенію. Но сторонники отдѣленія церкви отъ государства отказываются допустить эти послѣдствія; они боятся злоупотребленій стараго церковнаго строя, захвата земель, возрожденія клерикальной касты, могущей подчинить гражданское общество своему вліянію, и т. д.; но эти злоупотребленія и опасности, бывшія вполнѣ реальными при союзѣ церкви съ государствомъ и при строгихъ карательныхъ гарантіяхъ церковныхъ привилегій, не могли бы имѣть мѣста при системѣ конкуренціи“ (стр. 171—2). Молинали упускаетъ изъ виду, что съ такою могущественною и прочно организованною духовною силою, какъ римская церковь, совершенно немислима была бы свободная частная конкуренція, и никакая новая религіозная ассоціація не могла бы разсчитывать на приобрѣтеніе того нравственнаго авторитета, который былъ бы необходимъ для успѣшной попытки соперничества съ католическимъ духовенствомъ. Послѣднее опирается на вѣковыя историческія традиціи, которыхъ не поколеблетъ промышленный принципъ соперничества, и самый этотъ принципъ, которому придаетъ такое большое значеніе Молинали, остался бы на практикѣ безсильнымъ, мертвымъ словомъ, какъ это и предвидѣть либеральные противники отдѣленія церкви отъ государства во Франціи.

II.

Agnosticisme. Essai sur quelques théories pessimistes de la connaissance, par E. de Roberty. Paris, 1892. Стр. 164. Ц. 2 фр. 50 сант.

Нашъ соотечественникъ, Евг. В. де-Роберти, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ противниковъ пессимизма въ наукѣ и философіи. Онъ смѣло возражаетъ противъ Канта, Огюста Конта, Спенсера за то, что они признаютъ ограниченность человѣческаго ума и закрываютъ для научныхъ изслѣдованій великую область „не познаваемого“. Въ противоположность большинству ученыхъ мыслителей, г. де-Роберти ждетъ отъ науки постепеннаго разрѣшенія пр.

блемъ, которыя теперь считаются недоступными нашему пониманію. Нѣтъ непознаваемаго, а есть только неизвѣстное, „всегда относительное и чисто человѣческое“; границы его все болѣе отодвигаются успѣхами положительныхъ наукъ, и философы совершенно напрасно „смѣшиваютъ реальность неизвѣстнаго съ утвержденіемъ непознаваемости“. Между прочимъ, авторъ приводитъ выдержку изъ письма Тарда, гдѣ этотъ остроумный социологъ указываетъ на пользу напоминаній о неизвѣстномъ, причемъ утилизируется самое наше незнаніе. Теорія непознаваемости или агностицизмъ, по словамъ г. де-Роберти, „возрождаетъ самую безумную антиномію, какая когда-либо позорила логику,—предполагаемое непримиримое противорѣчіе между результатами науки и потребностями человѣческаго сознанія. Наука изображается какъ высокомѣрная и индифферентная, какъ нейтральная и безнравственная; она упорно остается будто бы нѣмой относительно вопроса о назначеніи человѣка и обнаруживаетъ свое полное безсиліе въ разрѣшеніи задачъ, которыя однако въ высокой степени озабочиваютъ людей. Но о какомъ родѣ знанія говорятъ намъ наконецъ?—спрашиваетъ авторъ:—И какая нужна рутинность ума, чтобы не понимать нелѣпости этой постановки вопроса? Столь же основательно было бы требовать, напр., отъ математики, чтобы она изучала химическія явленія, и затѣмъ клеймить ее, какъ науку индифферентную, нейтральную и анти-химическую по преимуществу. Химія въ свою очередь была бы анти-біологическою, и такъ далѣе. И тѣмъ не менѣе, высокомѣрное безразличіе этихъ наукъ нисколько не мѣшаетъ имъ давать твердую почву для построеній, едва начатыхъ теперь и обозначаемыхъ именами психологій, права, экономіи, этики и др.“ (стр. 161—3). Неразрѣшимыя проблемы бытія, смущающія философовъ, сводятся лишь къ вопросамъ человѣческой психологій. Сознаніе представляется какъ бы естественною стенографіею космоса. Но какъ обыкновенная стенографія состоитъ изъ ряда сокращенныхъ движеній, замѣнившихъ движенія болѣе продолжительныя или сложныя, такъ же точно и стенографія космическая составляетъ настоящую алгебру міра, изображаемаго ея символами. Въ обоихъ случаяхъ замѣна однихъ движеній другими становится возможною только вслѣдствіе тождественной природы вещей представляемыхъ и знаковъ представляющихъ“ (стр. 147).

Аргументація автора отличается на этотъ разъ гораздо большею рѣзкостью тона, чѣмъ въ прежней книжкѣ о „непознаваемомъ“ („L'Inconnissable“). Онъ находитъ „наивными“ и устарѣлыми многія идеи и разсужденія Канта, называетъ его доктрину о категоріяхъ или формахъ мысли, „быть можетъ, однимъ изъ самыхъ жалкихъ изобрѣтеній философіи“ (стр. 38—9), говоритъ объ отупѣніи мысли

подъ вліяніемъ „лицемѣрнаго агностицизма“ и „псевдо-мистицизма“ (стр. 158—9) и т. п. Разсужденія г. де-Роберти вообще весьма остроумны и свидѣтельствуютъ о замѣчательной способности его облекать въ легкую литературную форму самыя трудныя и темныя вопросы философіи. Но намъ кажется, что мыслители, противъ которыхъ онъ полемизируетъ, не дѣлали вовсе приписываемаго имъ грубаго смѣшенія двухъ различныхъ понятій — неизвѣстнаго и непознаваемаго; они строго отличали оба понятія и не ставили никакихъ предѣловъ изученію того міра явленій, который доступенъ изслѣдованіямъ науки. Можно, однако, знать законы явленій и видѣть невозможность добраться до ихъ причинъ, до выясненія того, почему явленія происходятъ именно такъ, а не иначе; въ этомъ смыслѣ расширяющійся кругъ „извѣстнаго“ нисколько не затрогиваетъ и не уменьшаетъ области „непознаваемаго“, ибо все извѣстное, изученное человѣкомъ, остается загадочнымъ и непонятнымъ съ точки зрѣнія источниковъ и причинъ происходящаго. Человѣкъ не довольствуется внѣшнимъ знаніемъ порядка, существующаго въ природѣ, а только такое ограниченное знаніе дается положительными науками. Эта сторона вопроса оставлена почтеннымъ авторомъ безъ вниманія, и теорія непознаваемости едва-ли поколеблена его доводами. Тѣмъ не менѣе книга г. де-Роберти содержитъ въ себѣ много поучительнаго и можетъ быть прочитана съ интересомъ, несмотря на отвлеченность предмета.

III.

Kaiser Wilhelm II und seine Leute. Berlin, 1892. Стр. 247.

Въ этой книгѣ неизвѣстнаго автора, вышедшей теперь третьимъ изданіемъ, „въ переработанномъ и дополненномъ видѣ“, собраны политико-біографическіе очерки главныхъ правительственныхъ дѣятелей современной Германіи, составленные преимущественно по газетнымъ свѣденіямъ и статьямъ и отчасти также по парламентскимъ отчетамъ. Многія статьи и характеристики, напечатанныя въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ (въ томъ числѣ и въ нашей „St.-Petersburger Zeitung“), приводятся въ текстѣ цѣликомъ, болѣею частью даже безъ комментаріевъ, такъ что все изложеніе получаетъ характеръ весьма несложной компіляціи. Какъ простой сборникъ свѣдѣній — мнѣніи о прусскихъ правителяхъ, книга могла бы имѣть нѣкоторую цѣнность, при болѣе систематической обработкѣ матеріала. Сочиненіе распадается на отдѣльныя главы — объ императорѣ, генералѣ Капри фонѣ-Беттихерѣ, Геррфуртѣ, Микелѣ, графѣ Зедлицѣ, фонѣ-Берлепѣ и Тиленѣ (министръ путей сообщенія), о высшихъ военныхъ и д

ховныхъ лицахъ, о придворномъ штатѣ и дипломатіи. Въ книгѣ высказывается между прочимъ мнѣніе, что со времени отставки князя Бисмарка ухудшились будто бы отношенія Германіи съ Россією и Франціею и ослабѣли шансы мира въ Европѣ; подобный взглядъ, прямо противорѣчащій всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, настойчиво поддерживается въ нѣмецкой печати многочисленными поклонниками и приверженцами бывшаго канцлера.—Л. С.

изъ общественной хроники.

1 апрѣля 1892 г.

Признаки нужды въ главной области неурожая.—„Крикунъ“ на сельскихъ сходахъ.—Новыя обложки реакціонной прессы.—Тверское губернское земство и „интересы мѣстнаго населенія“.—Саратовскій инцидентъ и различныя его толкованія.—Новый перлъ добровольческаго усердія.—М. И. Семевскій †.

Новыхъ вѣстей о положеніи нуждающихся губерній въ печати продолжаетъ появляться немного. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населенію, несмотря на помощь официальную и частную, приходится переживать тяжелыя минуты. Въ числѣ этихъ мѣстностей есть и такія, которыя не входятъ въ составъ полосы, наиболѣе пострадавшей отъ неурожая. Харьковская губернія, напримѣръ, не принадлежитъ къ числу семнадцати, составляющихъ предметъ особыхъ попеченій правительства и общества—а между тѣмъ и тамъ, съ приближеніемъ весны, нужда принимаетъ, кое-гдѣ, острый характеръ. Вотъ что намъ случилось недавно прочесть въ частномъ письмѣ (отъ 9-го марта) изъ сѣверо-восточнаго угла волчанскаго уѣзда: „Больныхъ, тяжело больныхъ и безпомощно—много! Столовыя, закрывшіяся на мѣсяцъ по причинѣ выдачи земствомъ хлѣбной ссуды, не функционируютъ, а ссуда такъ ограничена, что большія семьи уже теперь, десять дней спустя послѣ раздачи, сидятъ голодныя; топлива тоже нѣтъ и достать по распутицѣ негдѣ, такъ какъ въ окружающихъ экономіяхъ все потреблено. Деньгами въ счетъ возможныхъ и даже невозможныхъ отработковъ все забрано впередъ до осени. Часть населенія въ теченіе марта прокормится земскою ссудою, такъ что полученные деньги какъ нельзя больше встать здѣсь въ данный моментъ для поддержки тѣхъ семей, которыя обдѣлены. Часть денегъ слѣдуетъ потратить прямо на больныхъ—не медикаментами, а покупкою

чая, сахара, крупы, являющихся теперь, въ посту, единственнымъ спасеніемъ для гибнущихъ не столько отъ недуга, какъ отъ упадка силъ и дурной обстановки“.

Возможность всѣхъ такихъ явленій въ мѣстности сравнительно благополучной говорить какъ нельзя яснѣе въ пользу продолженія и расширенія усилій, предѣльную черту которыхъ, во времени и пространствѣ, теперь трудно даже предвидѣть.

Въ газетахъ появился недавно новый циркуляръ черниговскаго губернатора, направленный противъ „крикуновъ“ на сельскихъ сходахъ. По словамъ циркуляра, авторитетъ, забранный „крикунами“, устранялъ и устраняетъ отъ активнаго участія въ сходѣ, а иногда и отъ посѣщенія его, „тѣхъ богобоязненныхъ крестьянъ, которые, какъ лучшіе хозяева, почтенные дѣлами, трудолюбіемъ, честностью и трезвостью, были бы наиболѣе полезны для схода своимъ разумнымъ голосомъ“. Почтенные хозяева, — читаемъ мы дальше, — „не могли препираться съ крикунами ихъ же оружіемъ, такъ какъ крикуны — обыкновенно люди порочные, давно потерявшіе совѣсть, побывавшіе въ тюрьмахъ или набравшіеся недобраго ума-разума на отхожихъ промыслахъ... Крикуны хорошо извѣстны тѣмъ, кто знаетъ деревню. Они всегда стремятся замутить сходъ и овладѣть, благодаря нахальству, его вниманіемъ. Достоинно замѣчанія, что крикуны очень часто не имѣютъ даже права голоса на сходѣ и участвуютъ въ немъ лишь благодаря недостаточной провѣркѣ ихъ правъ, а между тѣмъ имъ не разъ удавалось, въ вопросахъ, напримѣръ, о столь вредныхъ передѣлахъ земли, достигать того, что на ихъ долю тоже доставался участокъ земли, на который они не имѣли подчасъ даже и права“. Циркуляръ приглашаетъ земскихъ начальниковъ „избавить сходы отъ крикуновъ. Сдѣлать это нетрудно. Во-первыхъ, необходимо упорядочить провѣрку правъ лицъ, участвующихъ на сходѣ. Во-вторыхъ, необходимо помнить, что для борьбы съ вредными элементами схода законъ даетъ ему могущественное орудіе въ пун. 2 ст. 51 общаго положенія о крестьянахъ, т.-е. даетъ сельскому сходу право устранять отъ участія въ немъ своихъ членовъ на срокъ до трехъ лѣтъ. Въ-третьихъ, и это самое важное, земскимъ начальникамъ необходимо вложить всю свою любовь къ крестьянину-землепашцу, которая такъ присуща каждому дворянину-землевладельцу, употребить все свое вліяніе на простой народъ, всю свою энергію, и тогда, при такомъ живомъ отношеніи къ дѣлу, при сознаніи его полезности, при любви къ нему, земскій начальникъ достигнетъ того, что въ самихъ крестьянахъ найдетъ дѣятельнѣйшихъ сотrud

никовъ по окончательному упорядоченію сельской общины. А если крикуны исчезнутъ со сходовъ, то, вмѣсто ихъ наглыхъ криковъ, поднимутся достойные голоса лучшихъ людей деревни, которые будутъ тоже главенствовать на сходѣ, но разумностью и полезностью своего мнѣнія, а не наглостью и дерзостью громкаго крика“.

Въ этомъ циркулярѣ есть, намъ кажется, нѣкоторое, не лишенное опасности, смѣшеніе предписанія—съ наставленіемъ, власти—съ влияніемъ, служебныхъ полномочій—съ нравственнымъ авторитетомъ. Земскіе начальники безспорно могутъ и должны наблюдать за законностью состава сельскихъ сходовъ; губернаторъ безспорно можетъ напоминать имъ о необходимости такого наблюденія. Онъ можетъ разъяснять имъ порядокъ, въ которомъ происходитъ временное устраненіе крестьянина отъ участія въ сходѣ; онъ можетъ потребовать, чтобы они передали это разъясненіе сельскимъ сходамъ. Все это входитъ въ сферу дѣйствій административнаго надзора надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, все это—вполнѣ подходящий предметъ для дѣловой переписки между начальникомъ и подчиненными. Другое дѣло—„любовь къ крестьянину-землепашцу“ и все изъ нея проистекающее. Какъ и всякое вообще чувство, она не можетъ ни возникнуть, ни проявиться *par ordre*. У кого ея нѣтъ, въ томъ ея не возбудитъ самый строгій, самый настойчивый приказъ; у кого она есть, въ томъ она выразится сама собою, въ направленіи, наиболѣе соотвѣтствующемъ всему душевному его строю. Допустимъ, на минуту, что „любовь къ крестьянину-землепашцу присуща каждому дворянину-землевладѣльцу“; это еще не значитъ, что во имя ея можетъ быть предписываемъ опредѣленный образъ дѣйствій. Одинъ изъ любящихъ, исходя изъ поговорки: „кто больно любить, больно бьетъ“, охотно внушитъ сходу величайшую строгость по отношенію къ „крикливымъ“ его членамъ; другой, иначе понимая любовь, иначе пойметъ и то, чего она въ данномъ случаѣ отъ него требуетъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, любовь къ землепашцу далеко не всегда свойственна землевладѣльцу, хотя бы и происходящему изъ стариннаго дворянскаго рода. Интересы того и другого слишкомъ часто противоположны или, по крайней мѣрѣ, кажутся противоположными; въ прошедшемъ у того и другого слишкомъ много воспоминаній, въ настоящемъ—слишкомъ много столкновеній, не располагающихъ къ душевной привязанности. Здѣсь, какъ и въ другихъ общественныхъ сферахъ, взаимное довѣріе, взаимная любовь составляютъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило; иначе деревня была бы какимъ-то земнымъ раемъ, который оставалось бы только тщательно оберегать отъ соприкосновенія съ грѣшнымъ міромъ... Въ воздѣйствіи своемъ на крестьянъ *име* земскіе начальники могутъ *иногда* руководствоваться искреннею любовью къ крестьянамъ, но лишь на-

столько, насколько это воздѣйствіе свободное, вращающееся внѣ области рапортовъ и циркуляровъ. Вліяніе, оказываемое вслѣдствіе занумерованной бумаги, вліяніе, въ которомъ предстоитъ дать отчетъ также за номеромъ и на официальномъ бланкѣ, не имѣетъ ничего общаго съ сферой сердечныхъ влеченій. Если сельскіе сходы черниговской губерніи начнутъ широко примѣнять право временнаго устраненія своихъ сочленовъ, то это едва-ли будетъ признакомъ увеличивающагося любовнаго общенія между земскими начальниками и народомъ. Указаніе на *право*, принадлежащее сходу, будетъ понято, по всей вѣроятности, какъ указаніе на его *обязанность*; разговоръ о „крикунахъ“, въ особенности если послѣдніе будутъ при этомъ названы поименно, заранѣе предрѣшитъ судьбу намѣченныхъ членовъ схода. А между тѣмъ понятіе о „крикунѣ“ чрезвычайно эластично и произвольно. Подъ него одинаково легко подвести и заправскаго „нахала“, преслѣдующаго свои личныя, своекорыстныя цѣли, и радѣтеля мірскихъ интересовъ, не умѣющаго молчать и уступать силѣ. „Крикуны“ послѣдняго рода легко наживаютъ себѣ враговъ между вліятельными людьми въ крестьянской средѣ—и даже повыше. Однимъ они мѣшаютъ втихомолку устроить разныя дѣлишки; другихъ они возмущаютъ откровенностью и настойчивостью, съ извѣстной точки зрѣнія принимающими характеръ непочтительности и дерзости. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что именно такіе „крикуны“ падутъ первыми жертвами мѣропріятій, направленныхъ противъ „безпокойныхъ“ членовъ схода. Тишина, съ ихъ паденіемъ, можетъ быть и водворится на сходѣ, но это будетъ, сплошь и рядомъ, тишина „омута“, о которомъ говорится въ пословицѣ... До крайности опасна, вообще говоря, проскрипція цѣлой категоріи людей, отмѣчаемой признакомъ неяснымъ и неточнымъ. Мы понимаемъ, что можетъ быть рѣчь о недопущеніи на сходъ людей, осужденныхъ водостнымъ судомъ (конечно, только за проступки опозоривающаго свойства); лишеніе или ограниченіе права приурочивается здѣсь къ условію совершенно опредѣленному, констатированіе котораго не представляетъ серьезныхъ затрудненій. Никакого мѣрила для „крика“, наоборотъ, установлено быть не можетъ—и уже это одно требуетъ исключенія его изъ числа средствъ къ упорядоченію собраній сельскаго схода. Безпристрастные наблюдатели деревенской жизни давно уже обратили вниманіе на тотъ фактъ, что ни одна крестьянская сходка не обходится безъ „галдѣнья“, отнюдь не мѣшающаго, однако, взаимному пониманію и правильному, въ большинствѣ случаевъ, рѣшенію. Избытокъ „крика“ отпадетъ самъ собою, когда усилятся просвѣтительное вліяніе школы искусственная регламентація можетъ быть здѣсь только бесполезной или опасной. Къ какимъ результатамъ могли бы привести администра-

тивныя мѣры противъ „крикуновъ“—объ этомъ всего лучше свидѣтельствуешь то мѣсто циркуляра, гдѣ упоминается о „столь вредныхъ передѣлахъ земель“. „Крикунамъ“ ставится въ вину содѣйствіе передѣламъ; отсюда только одинъ шагъ до перестановки вопроса и до признанія „крикуновъ“, т.-е. опаснымъ, подлежащимъ устраненію членомъ схода, всякаго громко и энергично высказывающагося за передѣлъ. Между тѣмъ передѣлъ земли—безспорное право крестьянъ-общинниковъ; ограничить его примѣненіе можетъ только законодатель. Мнѣнію черниговскаго губернатора о вредѣ передѣловъ—мнѣнію субъективному—можетъ быть противопоставлено множество другихъ, прямо противоположныхъ. Расходиться во *взглядахъ* съ губернаторомъ никому, даже крестьянину, не воспрещено — и удаленіе „крикуна“, позволившаго себѣ требовать передѣла, было бы, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ карою за „несогласный образъ мыслей“.

Въ собираемую нами коллекцію истинъ, которыми иногда проговариваются реакціонныя газеты,—и въ особенности та изъ нихъ, которая играетъ между ними роль не то шута, не то *enfant terrible*,—необходимо внести недавнія разсужденія „Гражданина“ о губернаторѣ. „Хорошій губернаторъ“—читаемъ мы въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго (№ 51)—„это рѣдкое явленіе, не правда ли? но зато я почти не знаю человѣка, который бы, въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстной *position sociale*, не хотѣлъ быть губернаторомъ. Человѣкъ не идетъ въ зубные врачи только потому, что ему 40 лѣтъ съ чѣмъ-то, что онъ уже перевидалъ виды и пожилъ—и потому, что пришла фантазія возиться съ зубами; онъ знаетъ, что одного желанія быть дантистомъ недостаточно, а надо быть *подготовленнымъ* къ этому пріятному занятію, надо быть знакомымъ съ зубами. Къ сожалѣнію, чести, которую дѣлаютъ зубамъ, признавая, что нужно для возни съ ними быть съ ними знакомымъ, многіе не удостоиваютъ губернію Россійской Имперіи съ 2 милліонами людскихъ душъ, и, право, не перечесть тѣхъ, которые шли, идутъ и готовы идти въ губернаторы или отъ нечего дѣлать, или потому, что разстроили свои дѣлишки, или чтобы готовиться въ министры, понятія не имѣя о губернаторскомъ дѣлѣ,—не перечесть, говорю я: такъ ихъ много. Покойный графъ Толстой, признавая важность губернаторской должности, попробовалъ ввести весьма, по моему, практическій и остроумный способъ процѣживанія губернаторскихъ кандидатовъ: онъ сталъ давать предпочтеніе передъ другими уѣзднымъ предводителямъ дворянства, прослужившимъ болѣе трехлѣтія въ уѣздѣ, опредѣляя ихъ на короткій срокъ вице-губернаторами, а потомъ губернаторами. Этотъ способъ дѣйстви-

тельно самый лучший. Между тремя слишкомъ стами предводителей — есть просторъ для выбора одного хорошаго губернатора, тогда какъ прежній способъ — занесенія въ списокъ губернаторскихъ кандидатовъ цѣлаго синодика именъ, по запискамъ отъ княгини Мими и отъ графини Лили, — оказывался часто весьма неудачнымъ, ибо награждалъ губернію губернаторомъ, который компрометтировалъ собою власть, имъ представляемую. Можетъ быть очень наивно то, что я сейчасъ скажу, но все же это серьезно: по моему, слишкомъ много такихъ губернаторовъ, которые, убѣдивъ себя и другихъ, что они плохи, какъ губернаторы, не уходятъ, а все-таки сидятъ, и этимъ вдвойнѣ вредятъ, во-первыхъ, дѣлу, которое у нихъ идетъ плохо, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что мѣшаютъ сдать должность хорошему губернатору. А почему они не уходятъ? Потому что надо черезъ сидѣнье на губернаторскомъ мѣстѣ добиться въ будущемъ чего-нибудь спокойнаго и выгоднаго“.

Интересно сопоставить съ этой тирадой, въ которой болѣе чѣмъ спорною кажется намъ только похвала „способу“ гр. Д. А. Толстого, другую статью той же газеты, написанную нѣсколько раньше, по поводу декабрьскихъ выборовъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. „По моему искреннему убѣжденію“ — говорилось тогда въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго — „главный порокъ земскаго положенія (прежняго) было избирательное начало. Можно было все сохранить, но уничтожить избирательное право — и тогда земство могло бы оказаться только полезнымъ учрежденіемъ“. Высказавшись, дальше, за правительственное назначеніе предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ (изъ числа „мѣстныхъ людей, заслуживающихъ довѣрія“), „Гражданинъ“ продолжаетъ: „у земства, какъ доказалъ это двадцатипятилѣтній печальный опытъ, можетъ всегда партійный интересъ избирательнаго торжества брать верхъ надъ интересами земской пользы; у губернатора, при назначеніи членовъ управъ, никакого *не можетъ* (курсивъ въ подлинникѣ) быть иного интереса, какъ значать себѣ въ помощь, и населенію на пользу, честныхъ и способныхъ къ дѣлу людей — отъ этого выигрываетъ порядокъ, и выигрываетъ уѣздъ или губернія... Партійныхъ интересовъ у губернатора не можетъ быть по той простой уже причинѣ, что всякій партійный выборъ только могъ бы служить губернатору во вредъ или въ препятствіе его правительственнымъ задачамъ, и, во всякомъ случаѣ, немедленно обнаруженный, ставилъ бы губернатора къ отвѣту предъ высшимъ правительствомъ“. И это пишетъ та самая газета, которой принадлежитъ приведенный нами выше отзывъ о губернаторахъ!.. *Назначеніе*, само по себѣ — столь же недостаточная гарантія противъ ошибокъ и увлеченій, какъ и *выборъ*. При первой системѣ случай-

ность играет роль отнюдь не меньшую, чѣмъ при второй. Результатъ выборовъ зависить, въ значительной степени, отъ избирательныхъ порядковъ, отъ способа организаціи избирательнаго права; и тамъ, и тутъ всегда возможны улучшенія, влекущія за собою подъемъ уровня избирателей и избираемыхъ. Результатъ назначенія зависить исключительно отъ назначающаго, и притомъ не только отъ основныхъ, постоянныхъ его свойствъ, но и отъ минутныхъ его настроеній. Допуская, что далеко не всѣ губернаторы стоятъ на высотѣ своего положенія, что многіе изъ нихъ получаютъ эту должность безъ надлежащей подготовки и удерживаютъ ее за собою безъ всякаго къ ней призванія, „Гражданинъ“ не имѣетъ, очевидно, никакого основанія вѣрить въ непогрѣшимость назначеній, прямо или косвенно исходящихъ отъ губернатора. Вѣдь даже кн. Мещерскій не станетъ утверждать, что для высокопоставленныхъ администраторовъ существуетъ какая-то специальная *grâce d'état*, въ которую они облакаются вмѣстѣ съ мундиромъ и которая, пока они дѣйствуютъ *ex officio*, просвѣщаетъ ихъ умъ и укрѣпляетъ ихъ волю... Абсолютнаго превосходства надъ выборомъ назначеніе не имѣетъ, точно также какъ и выборъ—надъ назначеніемъ; къ одной области болѣе примѣнимо одно изъ этихъ началъ, къ другой—другое. *Земство* безъ избирательнаго права—это просто абсурдъ, это огонь безъ теплоты или вода безъ влажности. Можно, конечно, взять всю совокупность дѣлъ, теперь подвѣдомственныхъ земству, и передать ее въ вѣденіе чиновниковъ—но это будетъ уже не *земство*, а отрасль администраціи, подобная той, которую мы видимъ и теперь въ не-земскихъ губерніяхъ, или той, которая существовала повсемѣстно до введенія земскаго положенія 1864 г. Если законодатель счелъ нужнымъ призвать мѣстныхъ дѣателей къ завѣдыванію мѣстнымъ хозяйствомъ, то отсюда прямо вытекаетъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, выборный характеръ этихъ дѣателей. Говоримъ: *у насъ въ Россіи*, потому что при нашихъ условіяхъ должностное лицо, назначенное администраціей, не можетъ не быть чиновникомъ. Для института въ родѣ англійскихъ мировыхъ судей у насъ—это теперь признано всѣми—рѣшительно нѣтъ мѣста.

Каковы бы ни были, впрочемъ, достоинства и недостатки той или другой системы, несомнѣнно одно: система, однажды установленная, должна быть примѣняема *лоично*, т.-е. во всей ея полнотѣ, безъ отступленія отъ ея коренныхъ основаній. Хорошо ли это, дурно ли—но земское положеніе 1890 г. построено на избирательномъ началѣ, и внесеніе въ земскую практику начала противоположнаго не можетъ обойтись безъ неудобствъ и пертурбацій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть хотя бы на организацію

губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Призывая въ его составъ, рядомъ съ представителями администраціи, двухъ представителей земства (предсѣдателя губернской земской управы и еще одного члена, по выбору губернскаго земскаго собранія), законодатель очевидно слѣдовалъ правилу: *audiat et altera pars*; онъ очевидно хотѣлъ уравнивать различные элементы, обеспечивъ за каждымъ изъ нихъ возможность проводить свои взгляды и отстаивать свои интересы. Отсюда ясно, что представитель земства не долженъ быть избранникомъ и ставленникомъ администраціи; иначе участіе его въ губернскомъ присутствіи теряетъ всякую *raison d'être*. Назначенный предсѣдатель губернской управы не можетъ, еслибы даже и захотѣлъ, играть роль, свойственную избранному предсѣдателю. Чѣмъ больше зависимость земства отъ администраціи, тѣмъ важнѣе для него дѣйствительное пользованіе правами, за нимъ сохраненными. Едва-ли, поэтому, можно сомнѣваться въ томъ, что положеніе вещей, наступившее теперь въ тверской губерніи, идетъ въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ земскихъ учреждений. Вотъ что пишетъ по этому поводу тверской корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 5761): „Избранные бывшіи въ декабрѣ 1891 г. тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ предсѣдатели губернской земской управы г. Родичевъ и въ члены той же управы г. Костылевъ не были утверждены въ избранныхъ должностяхъ, вслѣдствіе чего на 22-ое февраля было созвано чрезвычайное губернское земское собраніе. Предложеніе одного изъ гласныхъ благодарить прежде избранныхъ, но не утвержденныхъ, не было допущено до разсмотрѣнія. Въ вечернемъ засѣданіи отказались допустить себя до баллотировки всѣ предложенныя лица; затѣмъ были сдѣланы неоднократные перерывы собранія для совѣщанія о личности кандидата, но всѣ усилія ни къ чему не привели, такъ какъ многіе не рѣшались подвергать себя двойному риску быть или забаллотированнымъ, или неутвержденнымъ. Тогда, въ видѣ антракта, стали избирать въ другія должности: члена управы и членовъ отъ земства въ присутствіе по земскимъ дѣламъ и въ лѣсоохранительный комитетъ. Послѣ выбора гг. Зміева и Салтыкова и новыхъ перерывовъ собранія, предсѣдатель собранія сталъ предлагать произвести выборъ въ предсѣдатели губернской управы по списку всѣхъ гласныхъ собранія; мѣра эта тоже потерпѣла фіаско, такъ какъ никто не согласился баллотироваться при поименной прѣкличкѣ. Сдѣлали послѣднюю попытку—уговорили гласнаго о корчевского уѣзда, И. Н. Мамонтова, подвергнуть себя баллотировкѣ, но и онъ не получилъ абсолютнаго большинства; тогда было предложено баллотировать отсутствующихъ и, послѣ забаллотировки Н. Н. Лшакова, собраніе рѣшило—по безуспѣшности выборовъ предсѣдате

губернской земской управы—новыхъ избраній не производить. Теперь къ нашей губерніи долженъ быть въ первый разъ, кажется, примѣненъ новый законъ, что на должность предсѣдателя губернской земской управы поступить лицо, назначенное г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Положеніе этого лица будетъ, во всякомъ случаѣ, не изъ легкихъ“. Прибавимъ къ этому, что не утвержденъ членомъ управы, какъ мы слышали, и г. Зміевъ, такъ что по назначенію должны быть замѣщены должности предсѣдателя и одного члена тверской губернской управы. Предсѣдателемъ управы назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Штурмеръ, во время февральскаго собранія принадлежавшій къ числу тѣхъ гласныхъ, которые отказались отъ баллотировки на эту должность.

Новымъ земскимъ положеніемъ значительно расширено принадлежащее администраціи право протеста противъ постановленій земскихъ собраній. Прежде поводомъ къ опротестованію могла служить только незаконность постановленія; теперь протестъ возможенъ и тогда, когда въ постановленіи усматривается что-либо не соотвѣтствующее общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающее интересы мѣстнаго населенія. Другими словами, губернаторъ призванъ судить не только о формальной правильности, но и о *цѣлесообразности* земскихъ рѣшеній. Намъ не случалось еще встрѣчать въ печати указаній на то, какъ пользуется администрація своимъ новымъ правомъ—а между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ, безспорно, очень важное значеніе. Судя по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, немало протестовъ, мотивированныхъ „явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія“, было заявлено тверскимъ губернаторомъ послѣ очередной (декабрьской) сессіи губернскаго земскаго собранія. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно заслуживающіе вниманія. Земское собраніе, выслушавъ заявленіе губернскаго гласнаго Родичева о полезной земской дѣятельности умершихъ въ минувшемъ году гласныхъ губернскаго земства отъ вышневолоцкаго уѣзда—О. П. Медвѣдева и отъ новоторжскаго—Т. Н. Повало-Швейковскаго, и предложеніе почтить ихъ память добрымъ дѣломъ, постановило: устроить на счетъ губернскаго земства, въ память Медвѣдева и Повало-Швейковскаго, двѣ школы, одну въ вышневолоцкомъ, а другую въ новоторжскомъ уѣздѣ, и ассигновать на это 6.000 рублей. Это постановленіе признано несоотвѣтствующимъ пользамъ и нуждамъ мѣстнаго населенія, такъ какъ устройство двухъ школъ, при существующемъ обложеніи плательщиковъ земскими сборами, и безъ того обременительными, повлечетъ за собою новый налогъ на нихъ и, слѣдовательно, можетъ вызвать лишь нареканія на земство и на правительство, допустившее означенное увеличеніе смѣты, не вызывае-

моею необходимостью; къ тому же губернское земство, ассигновавъ сумму на устройство школъ, содержаніе ихъ, повидимому, оставляетъ на обязанности уѣздныхъ земствъ, между тѣмъ какъ ни со стороны вышневолоцкаго, ни со стороны новоторжскаго земства никакого ходатайства по этому предмету къ губернскому земству не заявлялось. Чтобы составить себѣ правильное понятіе о возникшемъ, такимъ образомъ, спорномъ вопросѣ, необходимо имѣть въ виду, что ассигнованіе суммъ на устройство школьныхъ зданій не составляетъ чего-либо новаго въ дѣятельности тверскаго губернскаго земства. Когда исполнилось, напримѣръ, двадцать-пять лѣтъ со времени воцаренія императора Александра II, тверское земство рѣшило ознаменовать это событіе предоставленіемъ каждому уѣзду по 3.000 руб. на школьныя зданія. Подобно другимъ губернскимъ земствамъ, тверское считало и считаетъ себя обязаннымъ помогать уѣзднымъ именно въ томъ, что для послѣднихъ, по недостатку средствъ, особенно трудно — въ устройствѣ такихъ школьныхъ помѣщеній, которыя, соответствуя всѣмъ основнымъ требованіямъ педагогіи и гігіены, могли бы служить образцомъ для крестьянскихъ обществъ и частныхъ лицъ, стремящихся къ той же цѣли. Содержаніе устроенныхъ такимъ образомъ школъ обыкновенно упадаетъ на уѣздныя земства; но въ данномъ случаѣ земство вышневолоцкое и новоторжское опредѣлили, еще до губернскаго собранія, содержать школы въ память Медвѣдева и Повало-Швейковскаго — слѣдовательно, никакого новаго бремени постановленіе губернскаго земства на нихъ не возложило. Единовременный расходъ въ 6.000 рублей составитъ $\frac{1}{10}$ коп. съ десятины, т.-е. такую цифру, которая, конечно, не вызоветъ ни ропота; ни нареканій и отнюдь не можетъ считаться „явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія“. Даже въ протестѣ говорится только о *несоотвѣтствіи* постановленія пользамъ и нуждамъ мѣстнаго населенія; между тѣмъ поводомъ къ протесту несоотвѣтствіе пользамъ и нуждамъ можетъ служить, по закону, только тогда, когда это — пользы и нужды *общегосударственныя*.

Другой протестъ направленъ противъ постановленія губернскаго собранія объ открытіи изъ земскихъ капиталовъ кредита въ 5.000 рублей тверскому отдѣлу императорскаго московскаго общества сельскаго ховаяйства. Мотивированъ онъ тѣмъ, что земству не предоставлено право отпускать суммы въ учрежденія ему неподвѣдомыя и г- подлежащія его контролю. Эта мотивировка указываетъ, какъ будто бы, на то, что поводомъ къ протесту служить формальная неправо- вильность, незаконность постановленія; на самомъ дѣлѣ, однако, онъ внесенъ въ губернское присутствіе на основаніи той статьи земскаго положенія (91), которая относится къ постановленіямъ, несогласнымъ

съ общегосударственными нуждами или мѣстными интересами. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ земство не погрѣшило ни противъ закона, ни противъ цѣлесообразности. Кредитъ открытъ изъ ссуднаго капитала, образованнаго тверскимъ губернскимъ земствомъ, въ 1871 г., съ цѣлю выдачи ссудъ для развитія мѣстнаго хозяйства, и составляющаго теперь около 80 тыс. рубл. Въ 1883 г. рѣшено было выдавать ссуды, между прочимъ, для выписки улучшенныхъ сѣмянъ, искусственныхъ туковъ и земледѣльческихъ машинъ и орудій. Съ этою же цѣлю учрежденъ былъ при тверскомъ отдѣлѣ московскаго сельско-хозяйственнаго общества сельско-хозяйственный складъ, на усиленіе котораго отдѣлъ еще въ 1890 г. просилъ кредита у губернскаго земства. Кредитъ былъ открытъ, въ размѣрѣ до 5.000 руб., но отдѣлъ воспользовался имъ только въ суммѣ 1.400 руб., которые и были возвращены имъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Изъ отчета склада видно, что онъ продавалъ, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственныя орудія, сѣмена, гипсъ, фосфориты и т. п.; однихъ плуговъ продано имъ болѣе 500 штукъ, и покупателями являлись преимущественно крестьяне, какъ тверскаго уѣзда, такъ и другихъ, гдѣ открыты отдѣленія склада. Введеніе въ дѣйствіе новаго земскаго положенія очевидно не могло помѣшать вторичному открытію кредита. Пун. XI ст. 2 уполномочиваетъ земство помогать, зависящими отъ него способами, развитію мѣстнаго земледѣлія, торговли и промышленности, а пун. 10 ст. 62 предоставляетъ губернскому земскому собранію разрѣшать кратковременныя заимствованія изъ капиталовъ земства, имѣющихъ опредѣленное назначеніе. Если земство въ правѣ выдать ссуду, изъ специально-ссуднаго капитала, частному лицу или сельскому обществу, то гдѣ же основаніе сомнѣваться въ правильности кредита, открытаго одному изъ самыхъ старинныхъ и солидныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ? Въ составъ совѣта тверскаго отдѣла приглашено, притомъ, нѣсколько губернскихъ гласныхъ, отъ которыхъ и будетъ зависеть надзоръ за правильнымъ употребленіемъ и своевременнымъ возвращеніемъ земской ссуды. „Интересы мѣстнаго населенія“ и „общегосударственныя пользы“ одинаково требуютъ, въ настоящее время, улучшенія народнаго хозяйства и распространенія знаній въ средѣ народа. Къ послѣднему земство стремится съ самаго своего основанія; о первомъ заботится, съ нѣкоторыхъ поръ, все больше и больше. Неужели этому движенію суждено замедлиться или остановиться, въ виду препятствій, противопоставляемыхъ ему на почвѣ новаго земскаго положенія?

Говоря, въ январьской хроникѣ, объ очередной сессіи саратовскаго губернскаго земскаго собранія, мы имѣли случай отмѣтить нѣкоторыя черты, которыя едва-ли были бы возможны при дѣйствіи прежняго закона. Еще богаче такими чертами чрезвычайная сессія

саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія, происходившая въ концѣ февраля и началѣ марта. Во время этой сессіи слышались такіа рѣчи, которыя еще недавно были бы совершенно немыслимы. Въ собраніи возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли обжаловать сенату опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которымъ уваженъ протестъ губернатора на одно изъ постановленій очередной сессіи. „Я предлагаю“—сказалъ по этому поводу гласный Шомпулевъ—„вопросъ объ обжалованіи оставить въ покоѣ. Намъ незачѣмъ идти противъ начальства. Теперь земство, по новому закону, есть учрежденіе казенное, подчиненное губернатору. Идти противъ прямого начальства—неудобно и неловко“. Прямого возраженія эти удивительныя слова не вызвали; но такъ какъ нѣкоторые гласные продолжали настаивать на принесеніи жалобы, то г. Шомпулевъ счелъ нужнымъ повторить свое заявленіе въ еще болѣе откровенной формѣ. „Вы забываете, господа,—воскликнулъ онъ,—что наше собраніе работаетъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Мы теперь чиновники, обязаны подчиняться начальству. Что же вы хотите достичь вашей жалобой? чтобы намъ наклеили носъ?“ Большинство собранія не утрастилось этой перспективы и высказалось за принесеніе жалобы. Слова г. Шомпулева остаются, тѣмъ не менѣе, весьма характеристичными, какъ простое и искреннее выраженіе взгляда, у котораго мало явныхъ, но много тайныхъ сторонниковъ. Появляться наружу онъ будетъ рѣдко, но незримо витать ему суждено, повидимому, во многихъ земскихъ собраніяхъ новаго состава... Извѣстно, что сознаніе подчиненности часто влечетъ за собою стремленіе въ свою очередь имѣть подчиненныхъ и держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, возстановляя, хоть этимъ путемъ, равновѣсіе между безвластіемъ и властью. Едва-ли случайна, поэтому, исторія съ земскими врачами, разыгравшаяся на томъ же саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Прежде въ саратовскомъ уѣздѣ существовалъ санитарный совѣтъ, въ которомъ засѣдали, съ правомъ голоса, земскіе врачи. Новое уѣздное собраніе, еще осенью, повело кампанію противъ санитарнаго совѣта, а новый предсѣдатель управы (г. Кропотовъ) присоединилъ къ этому кампанію противъ земскихъ врачей, задѣвая, мимоходомъ, и товарищей своихъ, членовъ управы. Въ одномъ изъ селъ саратовскаго уѣзда открывается вакансія фельдшерицы-акушерки. Г. Кропотовъ назначаетъ на ея мѣсто отставнаго младшаго военнаго фельдшера, въ неспособности котораго не только къ занятію самостоятельнаго фельдшерскаго пункта, но и вообще къ земской службѣ, очень скоро убѣждаетъ земскій врачъ Амстердамскій ¹⁾. Предсѣдатель управы настаиваетъ

¹⁾ Какъ ничтожны свѣденія военныхъ фельдшеровъ, особенно въ сравненіи свѣденіями фельдшерицъ-акушеровъ, и въ какой степени послѣднія, вообще говоря, превосходятъ первыхъ въ нравственномъ отношеніи—это слишкомъ хорошо извѣст

однако, на своемъ прежнемъ распоряженіи и приводитъ его въ исполненіе, хотя противъ него возражаютъ, вмѣстѣ съ врачомъ, оба члена управы. Тогда всѣ одиннадцать врачей саратовскаго уѣзднаго земства подаютъ заявленія объ оставленіи ими земской службѣ; выходятъ въ отставку и оба члена управы, а бывшіе члены санитарнаго совѣта доводятъ до свѣденія собранія, что вполне одобряютъ образъ дѣйствій врачей, которымъ „никакого другого исхода не оставалось въ виду надменнаго, вызывающаго обращенія съ ними г. Кропотова и явнаго его вмѣшательства въ сферу чисто лечебную“ (онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы вмѣсто однихъ лекарствъ врачи употребляли другія, болѣе дешевыя). Въ собраніи дѣлается попытка свалить вину съ больной головы на здоровую, обвинивъ врачей въ бѣгствѣ съ поля битвы, въ самый разгаръ эпидеміи; оказывается, однако, что врачи заявили съ самаго начала о готовности остаться на своихъ мѣстахъ впредь до замѣны ихъ другими. Въ концѣ концовъ подаетъ въ отставку и г. Кропотковъ, но, по просьбѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, соглашается остаться до слѣдующей сессіи, „если хватитъ терпѣнія“. Торжествуетъ, такимъ образомъ, принципъ: „праву моему не препятствуй“, и за врачами признается роль безгласныхъ исполнителей начальственныхъ распоряженій. Саратовскій уѣздъ, по устройству врачебной части, занималъ, при дѣйствіи прежняго земскаго положенія, одно изъ первыхъ мѣстъ; теперь онъ рискуетъ спуститься до одного изъ послѣднихъ.

По истинѣ удивителенъ выводъ, сдѣланный изъ всей этой исторіи „Московскими Вѣдомостями“. Онѣ предполагаютъ, почему-то, что образъ дѣйствій г. Кропотова ничѣмъ не отличается отъ обычной манеры земскихъ дѣятелей, прежнихъ и настоящихъ, и что въ средѣ земства давно уже выработался взглядъ на земскихъ врачей, какъ на простыхъ *наемниковъ*, обязанныхъ служить земцамъ, а не народу. Противъ этого предположенія говоритъ вся исторія земской медицины. Блестящее и быстрое ея развитіе, ея широкая популярность, тѣсная, живая связь, соединяющая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, земскихъ врачей съ представителями земства (припомнимъ хотя бы сочувственную телеграмму, еще на дняхъ посланную московскимъ съѣздомъ земскихъ врачей предсѣдателю московской губернской земской управы, Д. А. Наумову)—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что меньше всего организація земской медицины оставляла мѣста для чиновничьяго формализма. Тяжелая и скудно оплачиваемая, земская служба привлекала къ себѣ врачей именно тѣмъ, что давала имъ возможность работать на пользу народа. Бывали, конечно, и прежде столкновенія, вызывавшіяся властолюбіемъ земскихъ дѣятелей или ошибочнымъ пониманіемъ независимости со стороны земскихъ врачей -- но это не измѣняло общаго хода событій. Все больше и больше

входилъ въ жизнь нормальный типъ земско-медицинскаго строя — уѣздный врачебный или санитарный совѣтъ, составленный изъ членовъ управы, нѣсколькихъ гласныхъ и самихъ врачей. Губернскія земскія собранія (напр. петербургское, тверское) рекомендовали повсемѣстное устройство такихъ совѣтовъ и учреждали, съ своей стороны, губернскіе санитарные совѣты или коммиссіи, одинаково обезпечивавшіе интересы врачей и интересы земства, т.-е. народа. Вънцомъ земско-медицинской организаціи служили сѣзды земскихъ врачей, плодотворные именно вслѣдствіе готовности земскихъ собраній слѣдовать, по мѣрѣ средствъ и силъ, указаніямъ и совѣтамъ спеціалистовъ врачебнаго дѣла. И вотъ, въ замѣнъ этихъ порядковъ, создавшихъ новую отрасль попеченія о народномъ благѣ, „Московскія Вѣдомости“ предлагаютъ... „зависимость земскихъ врачей отъ органовъ правительственной власти“! Насколько она вытекаетъ изъ требованій врачебной іерархіи, эта зависимость существуетъ у насъ и въ настоящее время. Идти дальше и поставить земскихъ врачей на одинъ уровень съ уѣздными—значило бы сдѣлать громадный шагъ назадъ, къ до-реформеннымъ порядкамъ. Прежде, чѣмъ налагать руку на земскую медицину, слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, вспомнить, что она послужила образцомъ для устройства правительственной медицины въ губерніяхъ не-земскихъ.

Чтобы понять вполне „умыселъ“ московской газеты, нужно прочесть до конца передовую статью, посвященную саратовскому инциденту. „Извѣстно,—такое заключеніе статьи,—что одною изъ главнѣйшихъ задачъ земскаго режима было подготовленіе почвы для введенія парламентарной системы въ цѣлой Россіи. Очень многіе смотрѣли, и понинѣ смотрятъ, на земства именно какъ на школу для этой цѣли. Предполагалось, что земскія учрежденія заставятъ правительство померкнуть. Послѣ многихъ лѣтъ, въ итогѣ оказался рядъ растратъ, хищеній и скандаловъ, съ постоянными и нескончаемыми обращеніями къ правительственной помощи. И послѣ этого еще находятся люди, рекомендующіе земскую систему въ широкомъ масштабѣ, то-есть въ видѣ конституціи! Но мы думаемъ, что ошибка, во сто разъ увеличенная, дѣла не улучшить, а будетъ просто ошибкой же, но во сто разъ большею“. Намъ кажется, что эта аргументація по меньшей мѣрѣ неосторожна. Для тенденціозныхъ нападеній на земство меньше всего можетъ служить почвой земская медицина. Ея итогомъ, за двадцать пять лѣтъ, является не рядъ „хищеній“ „скандаловъ“, даже не обращеніе къ правительственной помощи, небывалая прежде сѣтъ сельскихъ больницъ и пріемныхъ покоевъ воспитавшая небывалое прежде народное довѣріе къ врачамъ и пр. вильной врачебной помощи.

Усердіе „добровольцевъ“, вездѣ разыскивающихъ и вездѣ находящихъ признаки неблагонамѣренности, не знаетъ, въ послѣднее время, ни мѣры, ни предѣловъ. Цѣпляясь за отдѣльныя выраженія, даже относящіяся къ далекому прошлому, даже появляющіяся въ самыхъ благонадежныхъ изданіяхъ, оно возлагаетъ на автора отвѣтственность не только за то, что онъ сказалъ, но и за то, что кому-нибудь вздумается вывести изъ сказаннаго. Обличителемъ являются, на этотъ разъ, „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“¹⁾, предметомъ обличенія — статья профессора Брикнера въ „Русскомъ Обзорѣніи“. Говоря о русскомъ туристѣ конца XVII или начала XVIII в. (князь Б. И. Куракинѣ), г. Брикнеръ выразился такъ: съ особеннымъ любопытствомъ князь осматривалъ въ Польшѣ монастыри, между прочимъ бернардинскій, близъ Витебска, и базилианскій, близъ Полоцка. Трудно допустить, чтобы эти слова могли дать поводъ къ какой-нибудь придирукѣ; но для „добровольцевъ“ не только нѣтъ ничего труднаго — для нихъ нѣтъ и ничего невозможнаго. По мнѣнію „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, профессоръ Брикнеръ *долженъ былъ* называть край, посѣщенный кн. Куракинымъ, Бѣлоруссіей, *а никакъ не Польшей*. „Ошибка, — читаемъ мы дальше, — повидимому маловажная. Но найдутся читатели журнала, которые не замѣтятъ ошибки и додумаются до того, что Витебскъ, Полоцкъ, виленская губернія — все это Польша, что поляки, мечтающіе о Польшѣ отъ моря до моря, правы; что III-й томъ „Живописной Россіи“ изданъ безукоризненно; что графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ явился въ Вильну въ концѣ мѣсяца и былъ только палачомъ, а не умиротелемъ бунта (взглядъ „Вѣстника Европы“), и что, слѣдовательно, не стоитъ жертвовать на его памятникъ въ Вильнѣ. Тогда промахъ автора статьи будетъ уже не простою ошибкой неточности выраженія, не словомъ только, но и дѣломъ, вреднымъ для западной Россіи. Да не будетъ“. Каковъ размахъ, каковъ полетъ мысли! Къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ можетъ привести маленькая ошибка!.. Жаль только, что ошибки-то вовсе нѣтъ. Вѣдь дѣло идетъ объ эпохѣ Петра В.; — при Петрѣ Великомъ Витебскъ и Полоцкъ безспорно входили въ составъ тогдашняго польскаго королевства. Ничто не обязывало г. Брикнера опредѣлять мѣстонахожденіе ихъ этнографическимъ признакомъ, а не политическимъ, тѣмъ болѣе, что вовсе не въ вопросѣ о принадлежности ихъ тому или другому племени заключался центръ тяжести разсказа. Представимъ себѣ, что нѣмецкій авторъ, говоря о пребываніи Тете въ Страсбургѣ, выразится такъ: „когда

¹⁾ Эта газета имѣетъ, конечно, очень мало читателей — но созданный ею обличительный перлъ успѣли подхватить и повѣдать болѣе многочисленной публикѣ „Московскія Вѣдомости“.

Гёте жилъ во Франціи¹⁾. Мы вполне убѣждены, что ему не поставить этого въ вину ни одинъ германскій шовинистъ, даже изъ самыхъ завзятыхъ; никто не подумаетъ, что изъ вышеприведенной фразы простодушный нѣмецкій читатель выведетъ заключеніе о *правѣ* Франціи на обладаніе Страсбургомъ. Отрицать, что Страсбургъ въ свое время принадлежалъ Франціи, а Витебскъ и Полоцкъ въ прежнее время—Польшѣ, нельзя; къ чему же замалчивать или обходить этотъ фактъ, извѣстный даже и „не учившимся въ семинаріи“? Щепетильность нашихъ ультра-обрусителей, усматривающихъ опасность даже въ невинномъ, безразличномъ словѣ, свидѣлствуетъ, какъ намъ кажется, только о томъ, что они страдаютъ недостаткомъ вѣры въ правоту собственного дѣла.

Въ одномъ изъ некрологовъ М. И. Семевского¹⁾, скончавшагося, случайно въ Кронштадтѣ, 9 марта, приведены слѣдующія слова, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: „Послѣ моей смерти всѣ будутъ говорить обо мнѣ какъ объ издателѣ *Русской Старины*, а про гласнаго Семевского навѣрное никто не вспомнитъ²⁾. Нельзя сказать, однако, чтобы опасенія покойнаго сколько-нибудь оправдались: общественной его дѣятельности справедливость была отдана, послѣ его смерти, въ такой же мѣрѣ, какъ и литературной. Усердный членъ городской комиссіи по народному образованію, другъ учащихся и учащихся, онъ былъ почтенъ такими же похвалами, какъ и редакторъ основаннаго имъ журнала, много способствовавшаго правильному освѣщенію нашей прошлой, а иногда и близкой къ намъ общественной и государственной жизни. Заслуги перваго рода, правда, забываются сравнительно быстрѣе; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ внутренней цѣнности. Покойный М. И. Семевскій готовъ былъ отдать значительную часть своего времени общественному дѣлу, ничего не ожидая и не требуя для себя лично, и это одно даетъ ему право на память въ исторіи столичнаго самоуправленія. Литературное его наслѣдство окажется въ хорошихъ рукахъ, если изданіе „Русской Старины“ перейдетъ, какъ о томъ сообщали газеты, къ его брату, Василию Ивановичу Семевскому.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

¹⁾ См. фельетонъ „Буква“ въ № 80 „Русскихъ Вѣдомостей“.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1892.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
Василій Теркинъ.—Романъ.—Часть вторая: I-XX.—П. Д. БОВОРЫКИНА.	5
Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи.—1877-й годъ—1-16	92
Противъ убавденія.—Разсказъ.—А. В. ЖИРКЕВИЧА	130
Мои воспоминанія.—II-IV.—Окончаніе.—Ө. И. БУСЛАЕВА	160
Стихотворенія.—I. Лѣтняя ночь.—II. Только тамъ, гдѣ море мелко.—III. Изъ восточныхъ притчъ.—IV. Вънокъ изъ лилій.—V. Жизнь.—VI. Зарница.—В. М. ГЕССЕНА.	192
На Асонтъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—V-VIII.—А. Ө. БРАНДТА	195
Виолетта Меріанъ.—Романъ, соч. Ог. Филона.—IX-XIV.—Окончаніе.—А. Ө.	238
Изъ зимнихъ псалмъ.—Стих. В. БУЛГАКОВА	299
П. В. Анненковъ.—„П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1885—1885 гг.“. Слб. 1892 г.—А. Н. ПЫПИНА	801
Стихотворенія.—I. Памяти ребенка.—II. Я помню дни.—В. ЛАДЫЖЕНСКАГО.	344
Лже-протекционизмъ и его результаты.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО.	348
Стихотворенія.—I. Новая вариация на старую тему.—Н. Погода.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	365
Хроника.—По вопросу о призрѣніи вѣднхъ въ С.-Петербургъ.—О. ПОЛЕТАЕВОИ	370
Внутреннее Овозрѣніе.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ январѣ 1892 г. Вопросъ объ обязательныхъ общественныхъ запашкахъ и вообще объ обязательномъ крестьянскомъ трудѣ.—Послѣдняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Экономическія нужды петербургской губерніи.—Организація земскаго экономическаго дѣла въ московской губерніи.—Отвѣтъ „Новостямъ“.—Перемяна въ личномъ составѣ высшаго управленія мин. путей сообщенія	380
Замѣтка.—„Возвратные“ переводы на русскій языкъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Р.	402
Иностранное Овозрѣніе.—Перемяна министерства во Франціи.—Вопросы внѣшней политики и внутреннія французскія дѣла. — Политическія партіи и релігиозный вопросъ.—Возможныя послѣдствія кризиса.—Пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, по поводу военныхъ злоупотребленій.—Застольная рѣчь имп. Вильгельма II.	405
Литературное Овозрѣніе.—Памятники древней русской письменности смутнаго времени, т. XIII.—„Историческое Обзорѣніе“, т. III.—Черная вѣра, Д. Банзарова, п. р. Г. Н. Потанина. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шейрока, т. I. — Историческія чтенія М. Масперо. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 5.—А. В.—Толковный тарифъ, Д. Менделѣева, вып. 2 и 3.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	416
Новости иностранной литературы.—I. Le pessimisme, par L. Jouvin.—II. L'avenir de l'Europe, par C. E. Vigoureux.—Л. С.	335
Изъ Овещественной Хроники.—Миновала ли крайняя нужда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ? — Организація помощи въ одной изъ волостей николаевского уѣзда. — Различныя виды помощи и ихъ сравнительное значеніе. — „Гражданинъ“ въ новой для него роли. — Земскіе выборы по новому закону.—Тридцать-первая годовщина 19-го февраля.—Ө. Л. Барыковъ †. — Окончаніе дѣла по хлѣбной операціи въ городской Думѣ	440
Извѣщенія.—I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—II. Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества	457
Библіографическій Листокъ.—По Египту и Палестинѣ, Е. Ө. Картавцова.—Педагогическія сочиненія В. Я. Стоюнина.—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншјева.—В. Сербія, Г. И. Бобрикова.—Адресная Книга г. С.-Петербурга на 1892 годъ.	

Апрѣль. — Книга четвертая.

	стр.
Антигона. — Трагедія Софокла. Перев. Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО	457
На Авоны. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — IX. — А. О. БРАНДТА.	511
Василій Теркинъ. — Романъ. — Часть вторая: XXI-XI. — П. Д. БОБОРЫШИНА.	534
Русская Ривьера. — Крымскіе очерки и замѣтки. — А. П. ПЕТРУШЕВСКАГО.	620
Катерина — вольная. — Очеркъ. — П. А. СЛѢПЦОВА	650
Религія индусовъ въ эпоху Ведаъ. — I-VII. — ДМ. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.	662
Гогя-пэвекъ, грузинская легенда о томъ, какъ явились въ міръ иволга, соловей и уодъ. — Перев. съ грузин. О. Т.	697
Виноградникъ Навуока. — Романъ. — I-VIII. — Съ англ. А. Э.	702
Лже-протекционизмъ и его результаты. — II. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	742
Стихотворенія. — I. Въ деревнѣ. — II. Серенада. — III. На мотивъ Микель-Анджело. — В. Л. ВЕЛИЧКО	758
Теорія овцеславянскаго языка. — Ант. Будиловича, „Общеславянскій языкъ“. — I. — А. Н. ПЫПИНА	762
На ругвѣжъ двухъ годовъ. — Стих. В. БУЛГАКОВА.	805
Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи. — 1877-й годъ. — 17-20	807
Хроника. — По вопросу о конверсіяхъ государственныхъ займовъ. — А. А. ИСАЕВА	824
Внутреннее Овозрѣніе. — Программа вопросовъ, относящихся къ заповѣдности дворянскихъ имѣній. — Указъ 1714 г. о единонаслѣдіи, какъ основаніе дворянскихъ ходатайствъ по этому предмету. — Вопросы объ условіяхъ учрежденія заповѣдныхъ имѣній. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1 марта.	839
Иностранное Овозрѣніе. — Особенности новѣйшаго рабочаго движенія въ Германіи. — Паденіе школьнаго закона и министерскій кризисъ. — Новые министры и старый „курсъ“. — Стачка углекоповъ въ Англіи. — Болгарскія и сербскія дѣла. — Новый органъ нашего славянофильства „Славянское Овозрѣніе“. — Идеи гг. Будиловича и В. И. Ламанскаго	858
Литературное Овозрѣніе. — М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, перев. Н. И. Карѣева. — Вл. Штейнъ, Графъ Джакомо Леопарди. — С. М. Середонинъ, Сочиненія Дж. Флетчера. — А. В. — Г. Е. Аванасьевъ, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в. — Л. С. — Новые книги и брошюры	874
Новости иностранной литературы. — I. Religion, par G. de Molinari. — II. Agnosticisme, par E. de Roberty. — III. Kaiser Wilhelm II und seine Leute. — Л. С.	894
Изъ Овощественной Хроники. — Признаки нужды въ главной области неурожая. — „Крикуны“ на сельскихъ сходахъ. — Новые обмолвки реакціонной прессы. — Тверское губернское земство и „интересы мѣстнаго населенія“. — Саратовскій инцидентъ и различныя его толкованія. — Новый перлъ добровольческаго усердія. — М. И. Семеновскій ф.	899
Библиографическій Листокъ. — Гр. А. К. Толстой, Князь Серебряный, роскоши, изданіе. — Имп. Марія Θεοδοροβνα, т. I, К. С. Шумигогорскаго. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза, п. р. К. К. Арсеньева и О. О. Петрушевскаго, т. V, а. — А. Г. Лякида, Въ океанѣ звѣздъ. — А. В. Яворовскій, Сказки пугала. — Л. Бертенсона, Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Гр. А. К. Толстой. — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Съ предисловіемъ кн. Д. Н. Церетева. М. 92. Стр. 392. Ц. 15 р. и 40 р. Роскошное изданіе В. Г. Готье.

Въ будущемъ году исполнится тридцатилѣтіе со времени перваго появленія въ печати исторической повѣсти гр. Алексѣя Толстого изъ временъ Іоанна Грознаго. Она не только выдержала съ успѣхомъ пробу времени но, можно сказать, и ничего не утратила въ своей популярности: и теперь эта повѣсть читается такъ же охотно и много, какъ читалась 30 лѣтъ тому назадъ. Въ предисловіи кн. Д. Н. Церетева весьма правильно очерченъ характеръ повѣсти, вытекавшій изъ личнаго характера ея автора: гр. А. К. Толстой «горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея будущность, но онъ видѣлъ и темныя ея стороны, которыя для него объяснялись въ значительной мѣрѣ мрачною эпохою монгольскаго ига. Съ о. вободженіемъ отъ этого ига не могли сразу изгладиться тѣ черты, которыя оно запечатлѣло на государственномъ строѣ и на народномъ характерѣ. Не только такіе люди, какъ Іоаннъ, но и болѣе нормальные, не могли не смѣшивать иногда полноты власти, необходимой для охраны, укрѣпленія и процвѣтанія государства, съ жестокостію, грубымъ произволомъ и насиліемъ. Что же оставалось дѣлать тому, кто не могъ проникнуться идеями своего вѣка и усвоить себѣ его нравы? Онъ могъ только или бѣжать къ врагамъ отечества, какъ Курбскій, или умирать за него, какъ Серебряный». Авторъ избралъ своимъ героемъ послѣдній типъ. Высокая дѣла изданія вполне объясняется его роскошнымъ витѣшнымъ видомъ и превосходно выполненными 12 гравюрами художн. К. В. Лебедева, съ портретомъ автора.

Императрица Марія Ѳеодоровна (1759 — 1828), ея біографія. Т. I. К. С. Шумигорскаго. Спб. 92. Стр. 440. Ц. 5 руб.

Настоящій томъ открываетъ собою обширный трудъ, рассчитанный на четыре тома, и содержитъ разсказъ о жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны до восшествія на престолъ имп. Павла I. Въ этомъ томѣ біографъ поставилъ себѣ цѣлью выяснитъ тѣ условія, при которыхъ создавалась ея нравственная личность и опредѣлялся характеръ всей ея будущей благотворительной дѣятельности, плоды которой поддерживаютъ и до сихъ поръ имя «императрицы Маріи» въ памяти потомства. Послѣдующіе три тома будутъ посвящены именно изложенію этой дѣятельности, въ связи съ исторіей учрежденій «вѣдомства императрицы Маріи», и культурному состоянію современнаго ей русскаго общества, на рубежѣ двухъ столѣтій. Благодаря тому, что авторъ не ограничился печатными матеріалами, но и изучилъ массу рукописныхъ первоисточниковъ, его трудъ приобретаетъ значение и для отечественной исторіи, въ виду того, что Марія Ѳеодоровна долгое время не только оставалась центромъ семейной жизни трехъ императоровъ, но и могла оказывать вліяніе на ходъ политическихъ событій въ такую эпоху, какою были послѣдніе годы XVIII столѣтія и первое двадцатилѣтіе нашего вѣка.

Энциклопедическій Словарь. — Изданіе Брокгауза и Ефрона, подъ редакціею К. К. Арсенева и заслуж. проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Т. V, а. Спб. 92. Стр. 469—938 (Вальтеръ фонъ-дёръ-Фогельвейде—Венути).

Дальнѣйшіе выпуски продолжаютъ сохранять главный характеръ изданія, а именно, даютъ совершенно самостоятельныя статьи по всѣмъ предметамъ, касающимся отечественнаго, и въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество для насъ, сравнительно съ нѣмецкимъ изданіемъ Энциклопедическаго Словаря той же фирмы Брокгауза. Укажемъ въ этомъ выпускѣ на весьма обстоятельную статью профессора Д. Н. Анучина подъ словомъ: «Великоруссы». Въ иностранномъ отдѣлѣ также многое дополнено, сравнительно съ нѣмецкимъ изданіемъ; такъ, «Великобританія» занимаетъ цѣлыхъ четыре листа весьма убористой печати.

А. Г. Лякидъ. Въ океанѣ звѣзды. Астрономическая Одиссея. Спб., 92. Стр. 271.

Въ видѣ разсказа о приключеніяхъ и наблюденіяхъ челоѣка, путешествующаго по разнымъ планетамъ на особомъ летательномъ снарядѣ, авторъ излагаетъ мимоходомъ нѣкоторыя полезныя астрономическія свѣдѣнія, подобно тому, какъ это дѣлается въ романахъ Жюль Верна. Но въ книгѣ г. Лякида фантастическій элементъ занимаетъ слишкомъ много мѣста и не выделяется изъ остальнаго содержанія съ достаточною ясностію, такъ что иные изъ юныхъ читателей могутъ легко принять собственныя выдумки автора за дѣйствительныя научныя разсужденія. Подробныя описанія растительности и мѣстныхъ особенностей планетъ, разсказы о жителяхъ, о крылатыхъ пѣвцахъ-вампиряхъ и т. п., придаютъ книгѣ большую занимательность и интересъ, но измѣняютъ отчасти характеръ всего сочиненія. Описаніе «счастливой» жизни обитателей Марса, заимствованное изъ известнаго романа Беллами, могло бы быть съ пользою выпущено. Книга украшена иллюстраціями и издана издѣчно.

А. В. Яворовскій. Сказки попугая (перевѣлка съ персидскаго). Съ рисунками. Спб., 91. Стр. 115. Ц. 1 р. 50 к.

Сказки, переведенныя или перевѣданныя съ персидскаго г. Яворовскимъ при содѣйствіи специалистовъ, имѣютъ отчасти неудобный характеръ: «восточная фантазія—по словамъ самого переводчика—часто переходитъ границы дозволеннаго въ смыслѣ западнаго (?) приличія»; часто поэтому нужно было многое «ставить въ рамки» и совсѣмъ перечеркивать «карандашемъ стыдливости». Для дѣтскаго чтенія книжка негодна, о чемъ слѣдовало бы предупредить въ оглавленіи, указавъ, что книжка предназначена для взрослыхъ,—между тѣмъ по заглавію она какъ будто принадлежитъ къ дѣтской литературѣ.

Л. Бертенсонъ. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. Спб. 92. Стр. 56.

Личныя наблюденія автора, какъ можно было ожидать, привели къ достойнымъ сожалѣнія выводамъ; но было бы еще болѣе жалъ, если бы сдѣланныя имъ полезныя указанія прошли безсѣдно—дѣло идетъ о жизни многихъ тысячъ людей!

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по днямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1892 года.

Близкимъ магазинамъ, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Рикера, на Н. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго и (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°. Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. И. Карбасникова на Моховой, домъ Боха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскіи линіи. *Иногородные и иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журн. Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ замѣчать въ себѣ: имя, отчество, фамию съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ почтоваго учрежденію, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія, сѣмю мѣстожительствъ подписчика. — 2) *Переменная адресъ* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переезжающіе въ иногородныя, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Возмездіе* за неисправности доставки доставляется исключительно въ Редакцію журнала, подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почт. Департамента, не позже чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вслѣдствіе* на подку журнала вносятся Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приносятъ съ подпиской суммъ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

1911